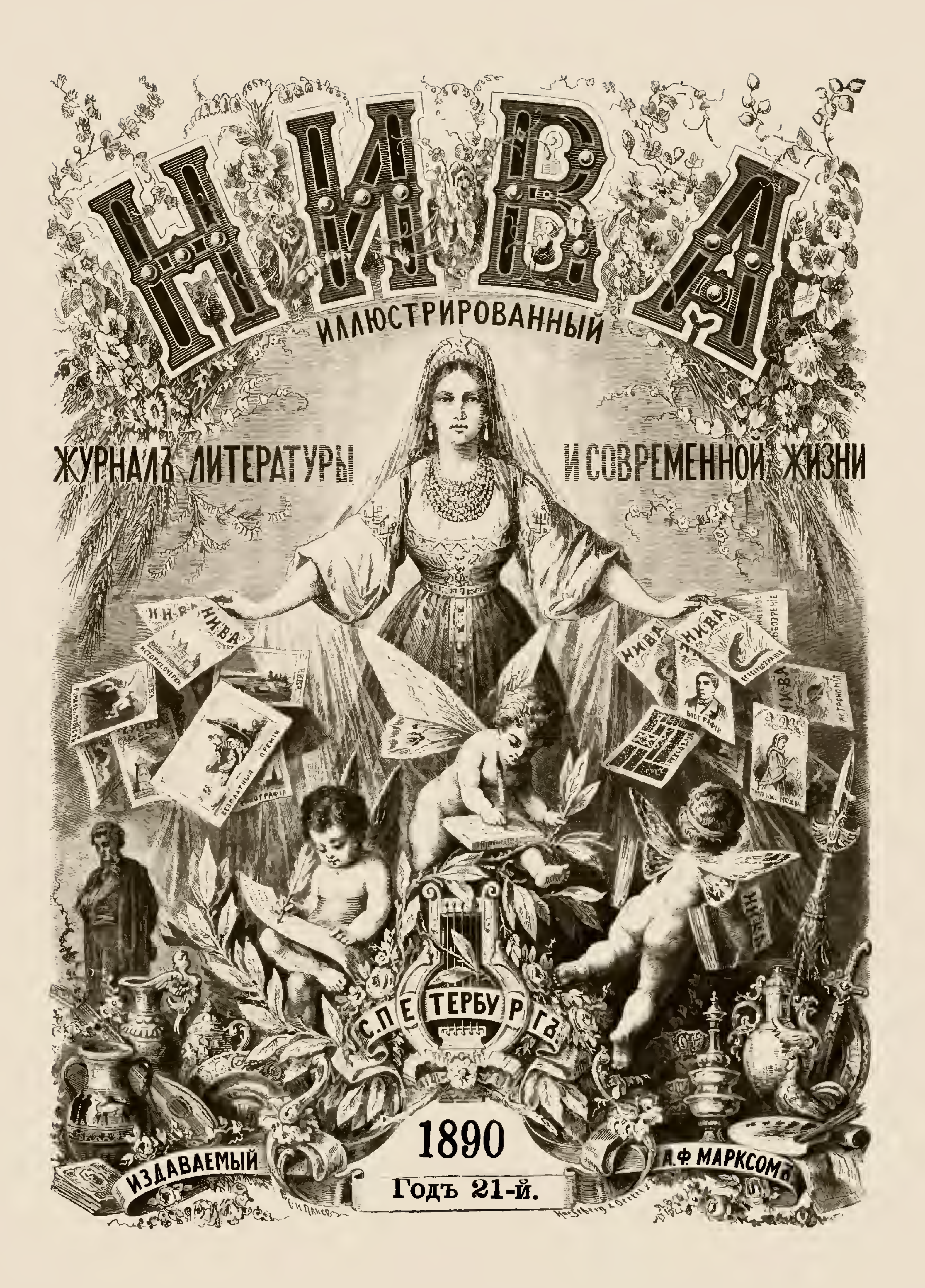

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С.ПЕТЕРБУРГЪ
1890
ИЗДАВАЕМЫЙ
А.Ф. МАРКСОМЪ
Годъ 21-й.

XXI г. № 18 — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 5 мая 1890 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1890 г., съ 32 рис. и отд. листъ съ 26 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 17 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Выставка Импер. Академіи Художествъ. Запорожскій сторожевой пунктъ.
Съ карт. **С. И. Васильковскаго** (исключит. право воспроизв. пріобрѣт **„Нивой“**). грав Шюблеръ.

Кладъ.

Романъ **І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)**. Часть I.

(Продолженіе).

XV.

Въ мертвомъ домѣ поселился Николай Семенычъ Язембскій. Правда, что жизнь, которой нельзя было подозрѣвать до того времени въ мертвомъ домѣ, не очень выиграла отъ этого, но все же по вечерамъ въ одномъ изъ оконъ верхняго этажа зажигался огонь, и городовой, дремля у своей будки, отъ времени до времени замѣчалъ, что какія-то тѣни движутся въ домѣ, отражаясь на бѣлой занавѣскѣ.

Каждое утро, ровно въ одиннадцать часовъ, у воротъ мертваго дома останавливался шарабанъ доктора Олесницкаго, спеціалиста по нервнымъ болѣзнямъ. Криво улыбаясь, докторъ входилъ въ домъ, гдѣ его встрѣчалъ старый камердинеръ.

— Что нашъ князь? спрашивалъ докторъ, стягивая съ правой руки лайковую перчатку и дѣлая подбородкомъ винтообразное движеніе, потому что тугой воротничекъ крахмальной сорочки душилъ его, какъ желѣзная гайка.

— Да что-же! Въ прежнемъ положеніи. Спалъ два часа, проснулся съ крикомъ и плакалъ. Какъ всегда. Молоко отказывается пить. Водилъ гулять, но только черезъ полчаса наскучило: „Авдѣй“, говоритъ, „пощади мои ноги“.

— Отлично, отлично, произносилъ докторъ.—Не надо его утомлять. Узнаетъ онъ тебя сразу?

— Нѣтъ. Что я Авдѣй—это онъ твердо помнитъ. Однако, лакеемъ меня не признаетъ, а притворяется, будто мнѣ вѣритъ, что я лакей. Сегодня на ухо мнѣ: „я вѣдь знаю, кто ты, но ужъ Богъ съ тобой—мнѣ лишь бы спокойствіе, а я, видитъ Богъ, ни въ чемъ не виноватъ“.

Когда докторъ входилъ въ комнату больнаго, онъ заставалъ его лежащимъ въ длинномъ креслѣ, съ глазами неподвижно устремленными въ неопредѣленное пространство и фосфорически блестящими. Блескъ глазъ усиливался тѣмъ, что лицо Николая Семеныча было необыкновенно блѣдное, совсѣмъ потухшее, безъ признака жизни. Еще недавно худой, какъ скелетъ, Николай Семенычъ теперь значительно пополнѣлъ и, въ особенности, обрюзгли длинные пальцы его рукъ. Уши тоже сдѣлались мясистыми и цѣлый слой жира залегъ у него подъ кожей лба.

— Здравствуйте, дорогой князь.

— Пожалуйста безъ предисловій, говорилъ Николай Семенычъ, или же:—пожалуйста, не мучьте меня. Приступайте къ вашей обязанности. Мое участіе во всемъ этомъ дѣлѣ чисто пассивное. Я не чувствую себя вмѣняемымъ. Я много думалъ съ тѣхъ поръ, какъ сижу въ одиночномъ заключеніи—моя исповѣдь готова. Начинайте допросъ по пунктамъ.

— Ахъ, князь, оставимъ наши вѣчныя недоразумѣнія всторонѣ! съ искусственно веселымъ смѣхомъ начиналъ психіатръ,—лучше послушайте, что̀ я вамъ разскажу... Вы не изволите знать Лихолобова князя Лиру? А онъ очень заинтересованъ вами... Я увѣренъ, что ему было бы пріятно ваше посѣщеніе. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, вамъ не выѣзжать?

Князь Язембскій притворялся, что онъ не считаетъ доктора слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ.

— Князь Лира хорошо живетъ?

— Великолѣпно. Въ родствѣ съ Албанскимъ владѣтельнымъ княземъ!

— Вѣрю. Кажется, онъ носитъ мундиръ жандармскаго полковника?

— Что вы! Онъ частный человѣкъ.

— Такой же, какъ и вы... да? съ улыбкой спрашивалъ больной.

— Совершенно такой же, съ тою только разницею, что у него милліоны.

— Когда-нибудь, когда-нибудь. Больше всего я боюсь пытокъ... нравственныхъ, прибавлялъ Николай Семенычъ, спохватясь.

— Вы опять за свое! Да поймите же, что вы не совершали никакого преступленія! Вы живете въ собственномъ домѣ! У васъ есть жена и сынъ, которые скоро пріѣдутъ.

— Гм! сынъ, вы говорите? Можетъ-быть вы полагаете, что я скоро умру? Да, я непремѣнно увижусь съ нимъ, господинъ Олесницкій, я вѣрю въ загробную жизнь.

„Нѣтъ легче практики, какъ наша, но, прошу покорно, вѣчно возиться съ такими ослами!“ думалъ психіатръ, между тѣмъ какъ его кривая улыбка становилась въ высшей степени любезною и онъ подвигалъ стулъ къ креслу князя, развязно садился, доставалъ сигару и закуривалъ.

— Знаете, однако, зачѣмъ, собственно, я пріѣхалъ къ вамъ? начиналъ онъ.

Князь чуть вздрагивалъ, но дѣлалъ видъ, что самая тяжелая новость, которую онъ услышитъ отъ своего мучителя, нисколько его не взволнуетъ, потому что онъ давно приготовился ко всему.

— Вы принадлежите къ тѣмъ людямъ, продолжалъ Олесницкій,—которые, подъ вліяніемъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, легко умственно заболѣваютъ. Вы не сумасшедшій—не пугайтесь этого слова—но вы, такъ сказать, душевно больны. Былъ періодъ въ вашей болѣзни, когда я этого не рѣшился бы вамъ сказать. А вотъ теперь твержу каждый день. Побольше воли, князь! Призовите на помощь волю! Шевельните мозгами, пристальнѣе посмотрите вокругъ! Вы сами разсмѣетесь надъ своими воображаемыми страхами.

— Мнѣ нечего воображать, возражалъ больной,—и я рѣшительно не понимаю, что̀ вамъ отъ меня угодно. О какомъ преступленіи вы изволили упомянуть? Клянусь вамъ, Юрій умеръ естественною смертью!

Разговоръ Николая Семеныча съ психіатромъ на этомъ мѣстѣ обрывался; князь плакалъ, съ нимъ дѣлалась истерика, и Олесницкій уѣзжалъ изъ мертваго дома съ убѣжденіемъ въ неизлѣчимости своего паціента, потому что меланхолическія формы умопомѣшательства самыя трудныя—и „самыя доходныя“, мысленно заключалъ докторъ.

Нѣсколько разъ Олесницкій почти насильно усаживалъ больнаго въ экипажъ, но долженъ былъ возвращаться съ нимъ съ половины прогулки: князь всю дорогу кричалъ и покушался выброситься на мостовую.

Страхъ, питаемый Николаемъ Семенычемъ къ доктору, превратился мало-по-малу въ ненависть, и безпомощный, заячій ужасъ охватывалъ его, когда Олесницкій бралъ его за пульсъ.

Сравнительно хорошо чувствовалъ себя князь только оставаясь въ совершенномъ одиночествѣ. Мысли его складывались, повидимому, въ нѣчто стройное и цѣльное. Онъ зналъ, что его ждетъ тяжелое наказаніе за участіе въ сокрытіи слѣдовъ рожденія на свѣтъ князя Юрія Язембскаго и что съ этимъ находится въ связи какой-то огромный политическій заговоръ, во главѣ котораго онъ былъ поставленъ во время сна. Конечно, это невѣроятно, а между тѣмъ, это случилось дѣйствительно; его напоили маковымъ настоемъ и усыпили. Кто?—соціалисты. Съ него взяли страшную клятву, а когда онъ хотѣлъ нарушить ее, явился двойникъ и приказалъ ему выскочить изъ вагона. Двойникъ вышелъ изъ собственной души Николая Семеныча и, разумѣется, это тоже невѣроятно; но вѣдь много есть на свѣтѣ,

другъ Горацio, чего не снилось мудрецамъ. Двойникъ имѣлъ видъ тождественный съ Николаемъ Семенычемъ: столь-же былъ худъ, но не печаленъ, а наглъ и зло смѣялся, стиснувъ зубы; кромѣ того, красный шарфъ былъ обмотанъ вокругъ его стана—можетъ быть знакъ его власти. Теперь, когда Николай Семенычъ попалъ въ руки правосудiя и отъ него разными хитросплетенными способами вывѣдываютъ истину и держатъ его въ тюрьмѣ, онъ ждетъ только извѣстiя о смерти двойника, завладѣвшаго его правами на Наталью Михайловну и на имѣнiя Язембскихъ, и тогда во всемъ признается. На это онъ неоднократно намекалъ Олесницкому. Сказать же прямо Олесницкому, что существуетъ такой двойникъ—значитъ дать ему поводъ заподозрить его во лжи. Во всякомъ случаѣ, существованiе двойника черезчуръ исключительное явленiе,—тѣмъ болѣе такого двойника, какъ тотъ, который пребываетъ въ настоящее время въ Парижѣ съ Натальей Михайловной и маленькимъ Юрiемъ и въ душу котораго перелилась вся воля Николая Семеныча. Поэтому, когда Олесницкiй начинаетъ приставать къ нему со своими iезуитскими разспросами, Николай Семенычъ уклончиво откладываетъ признанiе во всемъ до своей собственной смерти, разумѣя подъ самимъ собою парижскаго двойника. Въ ожиданiи же формальнаго допроса, онъ измыслилъ въ безконечные часы своего досуга правдоподобную, но совершенно невѣрную исторiю — будто существуетъ общество съ какими-то геральдическими задачами, которое ведетъ свою пропаганду въ воспитательныхъ домахъ. Впослѣдствiи, именно послѣ смерти двойника, Николай Семенычъ намѣренъ былъ измѣнить свое показанiе, такъ какъ былъ убѣжденъ, что всякое преступленiе должно быть въ концѣ-концовъ наказано и должна восторжествовать высшая справедливость. Онъ ждалъ смерти двойника и часто спрашивалъ Авдѣя: „скажи, пожалуйста, не кажется ли тебѣ, что я скоро умру?“ Но почему онъ былъ увѣренъ, что двойникъ умретъ и при томъ скоро, этого онъ не могъ бы себѣ объяснить, если бы далъ себѣ трудъ найти разумную причину необходимости скорой смерти двойника. Онъ только предчувствовалъ эту смерть какимъ-то инстинктомъ сердца. Иногда ему даже казалось, когда именно, въ какой день и въ какой часъ умретъ двойникъ и дастъ свободу его скованной волѣ. Поэтому ему представлялось напрасною жестокостью ежедневное iезуитское посѣщенiе его господиномъ Олесницкимъ. Зачѣмъ вся эта таинственность, зачѣмъ обманъ, зачѣмъ притворство? Еще какихъ-нибудь три недѣли—и правосудiю все станетъ ясно. Онъ самъ такъ жаждетъ торжества справедливости!

По ночамъ страшные сны тревожили Николая Семеныча. Едва онъ забывался—ему чудилось, что его тѣло теряетъ свою тяжесть, становится прозрачнымъ и легкимъ, сливается съ воздушною стихiей и носится безцѣльно по всѣмъ комнатамъ пустыннаго дома. Малѣйшаго дуновенiя гдѣ-нибудь изъ щели окна достаточно, чтобы измѣнить направленiе этого страннаго, нѣмаго полета. Сталкиваясь съ сумрачными тѣнями, которыя зыблились въ углахъ молчаливыхъ залъ, Николай Семенычъ замиралъ отъ неизъяснимаго ужаса: тѣни словно жили таинственною, мимолетною жизнью и съ горестнымъ упрекомъ смотрѣли на пришельца своими темными, не мигающими, бездонными глазами. Душа Николая Семеныча томилась и молила о пощадѣ. Тѣни надвигались на нее, и ихъ холодное вѣянiе гнало ее дальше. Трепеща и закипая слезами, которыхъ она не могла выплакать, парила блѣдная душа до самаго разсвѣта—только тогда мало-по-малу возвращалось къ Николаю Семенычу чувство тѣлесности. Онъ сквозь сонъ испытывалъ холодъ въ ногахъ, просыпался, дрожа, и, сидя на одинокой постели, погружался въ свои безконечныя, мучительныя и страшныя мысли.

Однажды докторъ Олесницкiй засталъ своего пацiента бодрымъ и физически почти здоровымъ. Николай Семенычъ ходилъ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки за спину и съ торжествомъ, презрительно проницательнымъ взглядомъ окинулъ психiатра.

— Сегодня ровно въ три часа пополудни прошу васъ пожаловать ко мнѣ, господинъ докторъ, если вамъ угодно, чтобы я такъ васъ называлъ. Погода чудесная, ясный октябрьскiй день, и мнѣ доставитъ удовольствiе проѣхаться съ вами къ князю Лихолобову-Лира, если вамъ угодно, чтобы я его такъ называлъ. Навѣрно я не знаю, но навѣрно чувствую, что какъ разъ въ три часа пополудни случится давно ожидаемое мною счастливое событiе. Не правда-ли, неблагородно злорадствовать смерти ближняго—и какого ближняго, если-бы вы знали? А?

Князь лукаво улыбнулся.

Психiатръ поспѣшилъ разсмѣяться своимъ заученнымъ любезнымъ смѣхомъ, который, какъ ему казалось, всегда производилъ чарующее дѣйствiе на его душевно-больныхъ пацiентовъ.

— Ошибаетесь, дорогой князь, всѣ ваши близкiе въ добромъ здоровьѣ, и я получилъ письмо отъ Натальи Михайловны, въ которомъ она пишетъ, что не сегодня-завтра выѣзжаетъ изъ Парижа. Впрочемъ, чья же смерть могла бы быть источникомъ вашего хорошаго расположенiя духа?

— Смерть такого человѣка, который совсѣмъ не жилъ бы, если бы не существовало меня, и который угнетаетъ меня и мою волю съ тѣхъ поръ, какъ сталъ жить, отчеканивая слова и весело произнесъ Николай Семенычъ, остановился противъ Олесницкаго и посмотрѣлъ на его черезчуръ модный пестрый жилетъ.

— Загадочно, въ высшей степени загадочно! сказалъ психiатръ и, въ свою очередь, остановился и объективнымъ окомъ врача глядѣлъ на пацiента.

— Для васъ загадочно, все равно, какъ была бы загадочна психологiя жителя Марса, а для меня это еще проще, чѣмъ вамъ надѣть этотъ жилетъ, произнесъ больной князь и засмѣялся.

— На Марсѣ нѣтъ никакихъ жителей, снисходительно началъ психiатръ,—я совѣтывалъ бы вамъ поменьше думать о жителяхъ Марса.

— Нѣтъ, почтеннѣйшiй докторъ, если вамъ угодно, чтобы я васъ такъ называлъ, возразилъ Николай Семенычъ,—на Марсѣ жители есть, и астрономы открыли на поверхности этой планеты присутствiе остроумной системы каналовъ.

Психiатръ, ничего не слыхавшiй о системѣ каналовъ на Марсѣ, подозрительно взглянулъ на пацiента и подумалъ: „пошла писать губернiя“.

— Если есть каналы, продолжалъ Николай Семенычъ, — то значитъ, кто-нибудь ихъ провелъ, почтеннѣйшiй; сваливать все на игру природы, по меньшей мѣрѣ, странно. Если бы тамъ открыли посредствомъ какихъ-нибудь необыкновенныхъ телескоповъ мраморныя статуи, неужели вы и ихъ назвали-бы игрой природы? У васъ средневѣковая точка зрѣнiя на научные факты! волнуясь, добавилъ онъ.

— Мы живемъ не въ среднiе вѣка, кротко пояснилъ врачъ.—Теперь, князь, девятнадцатый вѣкъ.

Николай Семенычъ пожалъ плечами и умолкъ: онъ пришелъ къ убѣжденiю, что Олесницкiй глупъ.

— Гдѣ вы покупаете такiе жилеты? вдругъ спросилъ онъ.

— Если хотите, я пришлю вамъ моего портнаго, предложилъ Олесницкiй.—Кстати, мы можемъ заѣхать съ вами къ нему въ магазинъ.

— Развѣ это по дорогѣ къ вашему князю? освѣдомился Николай Семенычъ, сдѣлавъ ударенiе на словѣ „вашему“.

— Да, по дорогѣ—пожалуй.

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „У корчмы“ (с. Черкасская-Лозовая, Харьковской губ.).

Съ картины **С. Васильковскаго** (исключительное право воспроизведенія пріобрѣтено **„Нивой“**), грав. Рашевскій.

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Передъ обѣдомъ“.

Съ карт. **Н. Загорскаго** (право воспроизведенія пріобрѣтено „**Нивой**“), грав. Шюблеръ

Язембскій вздохнулъ и сказалъ:

— Все равно. Везите меня, куда хотите. Я буду васъ ждать... Смотрите же ровно въ три часа! А теперь прошу оставить меня. Вы раздражаете меня. Простите меня за откровенность. Прямо скажу, что вы мнѣ ненавистны. Еще разъ извините меня. Мнѣ надо приготовиться къ кризису.

Онъ упалъ на диванъ, протянулъ ноги и, заложивъ руки подъ голову, бросилъ на доктора измученный, злой взглядъ.

Психіатръ удалился.

Дождавшись той минуты, когда шумъ шаговъ Олесницкаго замолкъ, и чуткимъ слухомъ уловивъ эластическій стукъ отъѣзжающаго докторскаго экипажа, князь потеръ руки и долгое время съ любопытствомъ смотрѣлъ на нихъ. Онъ точно не узнавалъ ихъ. На ногтѣ мизинца онъ замѣтилъ бѣлое пятнышко. „Подарокъ", подумалъ онъ и улыбнулся. Взглянувъ на часы, онъ высчиталъ, сколько остается до срока назначеннаго имъ Олесницкому. Еще три часа и пять минутъ. Солнце весело играло на полу, и звонкое чириканье воробьевъ доносилось изъ сада сквозь стекла зимнихъ рамъ. „Кто-то сказалъ, какой-то отчаянный пессимистъ, что жизнь уже есть преступленіе", сталъ размышлять Николай Семенычъ. „Да, съ этой точки зрѣнія я преступенъ. Люди живутъ, и за это ихъ рано или поздно казнятъ. Обстоятельства наказываютъ ихъ болѣзнями, несчастіями, уродствомъ или ставятъ въ ложное положеніе. Люди сами какъ бы сознаютъ, что жить значитъ быть злодѣемъ, и они ревниво слѣдятъ другъ за другомъ. Какъ только ихъ ближній начнетъ жить, они караютъ его. Что я сдѣлалъ? — жилъ. Подобно всѣмъ, я хотѣлъ грѣться на солнцѣ. Они сначала усыпили мою волю, обратили въ рабство, приставили ко мнѣ вѣчнымъ стражемъ Наталью Михайловну, раздвоили меня и, такъ какъ они всѣ лгали, я тоже сталъ лжецомъ. Я хочу только справедливости — хочу солнечныхъ лучей".

Онъ приподнялся и подошелъ къ окну. Садъ, который онъ зналъ въ дѣтствѣ, теперь казался ему чѣмъ-то чуждымъ. Однако, онъ не прочь былъ пройтись по его дорожкамъ, усыпаннымъ желтыми листьями. И только мысль, что онъ не имѣетъ права никуда выходить одинъ, потому что онъ арестантъ, удержала его отъ того, чтобы привести въ исполненіе это желаніе.

Впрочемъ, жажда свободы проснулась въ его душѣ подъ вліяніемъ ожиданія смерти двойника. Развѣ эта смерть не возвратитъ ему волю? Развѣ онъ сегодня-же не разскажетъ жандармскому полковнику всей правды? Развѣ его не признаютъ невмѣняемымъ? Теперь его не надо ни пытать, ни ловить лукавыми фразами. Близка вожделѣнная минута!

Онъ опять взглянулъ на часы. Оставалось два часа съ небольшимъ. И, чтобы скоротать время, онъ осторожно пріотворилъ дверь, которая вела въ сосѣднія пустыя комнаты. Полтора мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ подъ надзоромъ Олесницкаго,—съ которымъ Наталья Михайловна встрѣтилась въ Парижѣ и который рекомендованъ былъ ей самимъ знаменитымъ Шарко, какъ будущее русское свѣтило психіатрической науки,— Николай Семенычъ былъ привезенъ въ Святогорскъ и заключенъ въ мертвомъ домѣ. Все это время онъ упрямо не выходилъ изъ своей комнаты, считая ее тюремною камерой. Когда Авдѣй предлагалъ ему пройтись по дому и осмотрѣть его хозяйскимъ глазомъ, Николай Семенычъ подозрѣвалъ, что его испытываютъ, чтобы вывѣдать отъ него то, чего онъ не могъ сказать безъ разрѣшенія двойника — и онъ отказывался. Но жгучее любопытство охватило его, когда онъ увидѣлъ анфиладу богато-убранныхъ комнатъ съ люстрами, одѣтыми въ бѣлые чахлы. Чѣмъ-то знакомымъ повѣяло на Николая Семеныча отъ этой ветшающей обстановки. Онъ приложилъ руку ко лбу и тщетно старался что-то вспомнить. Холодокъ пробѣжалъ у него по спинѣ. Онъ вспомнилъ: здѣсь каждую ночь блуждала его душа въ странномъ мірѣ сумрачныхъ тѣней. И онъ беззвучно засмѣялся, подумавъ о томъ, какими глазами посмотрѣли бы на него скептики, если бы онъ заговорилъ съ ними не только о двойникѣ, но о такомъ простомъ явленіи, какъ ночныя скитанія его души.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ. Новые и, въ то же время, знакомые предметы привлекали его вниманіе. Не за этотъ-ли стулъ однажды зацѣпилась его туманная оболочка и не эта-ли колонна заставила ее повернуть къ тому углу и трепетать тамъ, какъ трепещетъ большая крылатая ночная бабочка, вырываясь изъ плѣна на свободу? Онъ прошелъ большой двусвѣтный залъ, нѣсколько гостиныхъ и очутился въ просторной продолговатой комнатѣ съ изразцовою печью.

Но едва онъ отворилъ дверь, чтобы идти дальше, какъ на порогѣ встрѣтился лицомъ къ лицу съ самимъ собой. Николай Семенычъ, котораго увидѣлъ Николай Семенычъ, былъ попрежнему худъ, глаза его были прищурены, голова высокомѣрно поднята, и злая улыбка дергала его губы.

— Неужели вы не собираетесь умирать? спросилъ Николай Семенычъ у двойника, между тѣмъ какъ сердце его заныло отъ невыразимаго горя. Вопросъ былъ предложенъ такимъ шепотомъ, что никто другой его не услышалъ бы. Но двойникъ услышалъ и произнесъ:

— Я умру, какъ вамъ извѣстно, въ три часа. Но не угодно-ли взглянуть на часы: мнѣ остается наслаждаться тѣмъ, что люди называютъ жизнью, еще полтора часа. Черезъ полтора часа вы, Николай Семенычъ, будете свободны, продолжалъ двойникъ, взявъ больнаго подъ руку и увлекая его назадъ въ продолговатую комнату съ изразцовою печью.—Давайте ходить и потолкуемъ кой-о-чемъ.

Николай Семенычъ безпрекословно повиновался приглашенію двойника. Онъ сталъ ходить съ нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ и старался идти съ нимъ въ ногу.

— Понятно, что вы съ нетерпѣніемъ ожидаете моей смерти, началъ двойникъ съ злымъ смѣхомъ.—Помните, когда-то студентомъ вы страстно защищали теорію свободной воли?

— Помню.

— А помните, какъ вы высказывались противъ соціализма и на другой же день внесли въ кассу „Добраго дѣла" послѣднюю тысячу?

— Помню.

— А помните, что произвело такой переворотъ въ вашихъ воззрѣніяхъ? Бѣлокурую Женичку помните?

Николай Семенычъ кивнулъ головой.

— Гдѣ же ваша свобода воли? спросилъ двойникъ, приближая свое лицо совсѣмъ близко къ лицу Николая Семеныча.

— Еще помните, какъ вы любили свою жену, и какъ Наталья Михайловна однимъ прикосновеніемъ руки, ничтожной улыбкой плѣнила васъ—и вы стали желать смерти жены? продолжалъ двойникъ, дрожа отъ злобнаго удовольствія. — Помните, какъ вы сомнѣвались насчетъ несчастнаго ребеночка, которому Наталья Михайловна случайно дала жизнь? И помните, какъ вы мало-по-малу согласились, что это вашъ собственный сынъ?

— Замолчите, печально сказалъ Николай Семенычъ.

— Нѣтъ, я не намѣренъ молчать. До послѣдней минуты я не отстану отъ васъ. Я—прочная фикція!

Николай Семенычъ съ тревогой посмотрѣлъ на двойника. Онъ хотѣлъ возразить, что фикція, какъ бы она ни была прочна, не можетъ такъ крѣпко, до боли держать его за руку; но знакомое безволіе овладѣло его

душой. Онъ чувствовалъ, что умственныя силы его слабѣютъ и что онъ не въ состояніи связно сказать двухъ словъ. У прочной фикціи были желѣзные мускулы и то, что она говорила, было тяжело, но интересно слушать. Двойникъ продолжалъ:

— Вы рѣшились, однако, бороться со мной. Я вамъ запретилъ разоблачать тайну, которая составляетъ собственность не только мою, но и Натальи Михайловны, и маленькаго Юрія, и Валерьяна. Вы воображаете, что, какъ только я умру, вамъ удастся сдѣлать доносъ и выдать всѣхъ, но вы напрасно думаете, что вамъ удастся что-нибудь сдѣлать. Вы ровно ничего не сдѣлаете. Понимаете, почему не сдѣлаете?

Николай Семенычъ хотѣлъ въ ужасѣ отстраниться отъ двойника, но тотъ обнялъ его за талію и почти придавилъ его къ себѣ.

— Вы потому этого не сдѣлаете, что у васъ нѣтъ свободы воли ни до, ни послѣ смерти. Со мной бороться трудно, со мной бороться нельзя.

— Неужели я всю жизнь долженъ лгать? спросилъ Николай Семенычъ, выходя на минуту изъ оцѣпенѣнія, въ которое онъ впадалъ.

— Ложь совсѣмъ не страшна, если она ограждаетъ чьи-либо интересы, сказалъ двойникъ авторитетнымъ тономъ.—Но, впрочемъ, боритесь, будьте правдивы, попробуйте! вскричалъ двойникъ и захохоталъ. Его хохотъ множествомъ отголосковъ прокатился по пустыннымъ комнатамъ мертваго дома, и Николай Семенычъ поникъ головой.

— Мнѣ душно, проговорилъ онъ.

— Мы можемъ уйти отсюда, безпечно предложилъ двойникъ и вывелъ его изъ продолговатой комнаты съ изразцовою печью. Ни на секунду не покидая Николая Семеныча, двойникъ вошелъ съ нимъ въ его спальню и вмѣстѣ съ нимъ легъ на диванъ.

— Вы собираетесь куда-то ѣхать? спросилъ двойникъ, указавъ на фракъ и свѣжее бѣлье, приготовленное Авдѣемъ.

— Нѣтъ, я никуда не собираюсь, солгалъ Николай Семенычъ.

Двойникъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него.

— Знаете, который теперь часъ? спросилъ онъ. — Безъ пяти минутъ три. Пора умирать.

Лучъ радости блеснулъ въ глазахъ Николая Семеныча.

— Кажется, еще полчаса, возразилъ онъ и опять солгалъ, потому что ему хотѣлось сказать что-нибудь пріятное и любезное умирающему двойнику.

— Нѣтъ, пять минутъ. Четыре. Три. Вамъ не страшно?

Николай Семенычъ задрожалъ: двойникъ привсталъ и устремилъ въ его глаза свой холодный, какъ сталь, безпощадный и злобный взглядъ.

— А вѣдь ваша-то сила воли вся во мнѣ! прохрипѣлъ онъ.—Мнѣ двѣ минуты осталось жить, но въ эти двѣ минуты я могу сдѣлать съ вами что угодно.

Николай Семенычъ въ отвѣтъ закрылъ глаза. Когда же онъ съ усиліемъ раскрылъ ихъ, взоръ двойника уже угасалъ. Николай Семенычъ заметался на диванѣ. Страшная мысль, что двойникъ лишилъ его воли жить, мелькнула въ его умѣ. Онъ хотѣлъ звать на помощь, хотѣлъ вскочить и бѣжать. Но роковой двойникъ былъ сильнѣе его. Ноги и руки отнялись у Николая Семеныча, губы не повиновались ему. Солнце, въ лучахъ котораго онъ хотѣлъ согрѣваться, навѣки померкло для него. Но высшая справедливость, которой онъ добивался, померкла ли съ солнечными лучами?

Когда Олесницкій въ назначенный срокъ подъѣхалъ къ мертвому дому, его встрѣтилъ Авдѣй и съ испугомъ проговорилъ:

— Кажется, его сіятельство изволилъ черезчуръ крѣпко уснуть.

— Что же, пускай спитъ! Сонъ для него полезенъ.

— Я приготовилъ имъ фракъ и бѣлье, а они ходили по дому. Въ первый разъ. Но потомъ они прилегли—и съ тѣхъ поръ я не могу привести ихъ въ чувство, говорилъ Авдѣй, провожая доктора въ комнату Николая Семеныча и стараясь идти бокомъ, хотя коридоръ былъ широкъ для двоихъ.

Докторъ, на ходу, задавалъ вопросы съ тѣмъ неопредѣленнымъ медицинскимъ мычаніемъ и обрываніемъ словъ, которое начинается у врачей, когда ихъ застигнетъ что-нибудь врасплохъ, и свое невѣжество или безсиліе они стараются прикрыть таинственнымъ глубокомысліемъ.

Николай Семенычъ лежалъ навзничь, и лицо его было покрыто трупною блѣдностью. Почти сладостная улыбка застыла на его безцвѣтныхъ губахъ.

Психіатръ послѣдній разъ взялъ его за пульсъ, приложилъ ухо къ сердцу и сказалъ:

— Нѣтъ, Авдѣй Ивановичъ, онъ не спитъ, а умеръ. Дай-ка мнѣ клочокъ бумаги и сейчасъ же отправь мою телеграмму Натальѣ Михайловнѣ.

Старикъ торопливо подалъ бюваръ съ почтовой бумагой Олесницкому, наклонился къ усопшему барину и припалъ къ его рукѣ.

XVI.

Гнилую осень смѣнила сырая и теплая зима. Парфеновка утопала въ лужахъ грязи, которыя постоянно поддерживались тающимъ снѣгомъ. Горы Щитовка и Черепная низвергали на Парфеновку то цѣлые потоки воды, то струили мелкіе безчисленные ручейки. Можно было опасаться, что къ веснѣ будутъ оползни. Флорентій Адріановичъ, выходя утромъ со своей трубочкой изъ дому и совершая обычную получасовую прогулку по огороду, съ тревогой поглядывалъ на трещину, зіявшую въ откосѣ Щитовки. Того гляди, сползетъ глыба земли вѣсомъ въ нѣсколько тысячъ пудовъ и раздавитъ его гнѣздо, которое онъ унаслѣдовалъ еще отъ дѣда.

„Пора, пора перебираться на новую квартиру“, размышлялъ старикъ.

Но и Черепная гора, возвышавшаяся на другой сторонѣ парфеновскаго оврага, не представляла особенно выгодныхъ условій для прочнаго жилища: съ нея ползли могилы, валились кресты, и кости ея квартирантовъ бѣлѣлись тамъ и сямъ, докатываясь до кирпичнаго завода купца Вѣнова.

Скучное, во всѣхъ отношеніяхъ скучное время года, стояло надъ Парфеновкой. Печникъ Михайлычъ со всею семьей перебрался въ хату ко вдовой солдаткѣ Пахомовнѣ и зимовалъ у нея, проклиная враговъ, противъ которыхъ онъ не могъ собрать никакихъ уликъ. И онъ, и Дмитріевна были увѣрены, что поджогъ сдѣланъ Крутикомъ и Петрикомъ. Въ этомъ была увѣрена вся Парфеновка. Сорванцовъ боялись, добрые люди покачивали головой, глядя, какъ молодые друзья кутятъ въ „Золотой Рыбкѣ“. Въ послѣднее время они совсѣмъ распустились. Въ древности, гдѣ-нибудь подъ небомъ Аттики, они, можетъ быть, стяжали бы славу тирановъ. Но подъ небомъ Парфеновки ихъ называли разбойниками, жуликами и тому подобными именами.

Аронъ Шминдрикъ уже вступилъ во владѣніе домикомъ Карнѣя Крутика. Но онъ еще какъ бы совѣстился совсѣмъ изгнать хозяина изъ его обиталища. Поэтому онъ дозволилъ Крутику, пока что, жить въ домикѣ и положилъ за это небольшую мѣсячную плату. Крутикъ все больше и больше запутывался. Долгое время Петрикъ былъ его прихлебателемъ и подражателемъ; теперь роли перемѣнились: Крутикъ сталъ адъютантомъ Петрика. Онъ выпрашивалъ у него денегъ, носилъ его костюмы, повторялъ его поговорки, исполнялъ всѣ его порученія. Чѣмъ больше ухаживалъ онъ за своимъ патрономъ, тѣмъ тотъ высокомѣрнѣе съ нимъ обращался.

— Какъ жидъ тебя выгонитъ, гдѣ ты будешь жить, Карнѣй?

Крутикъ хватался за голову и произносилъ:

— Несчастный я человѣкъ.

— Ничего, не унывай, Карнѣй. Я твой другъ и всегда готовъ тебѣ помочь. Скажи мнѣ только: благородный я или нѣтъ?

— Ты благородный.

— Даромъ что я мѣщанинъ, но я благороднѣе тебя. Помнишь, когда живъ былъ мой папаша и по своему деспотизму, бывало, изобьетъ меня до кровопоснаго изліянія, а я прибѣгу къ тебѣ, гдѣ ты клалъ меня спать? Я у тебя на полу спалъ, какъ собака. А гдѣ я тебя кладу? На диванѣ, а? На мягкомъ и съ пружинами, а?

— Да что старое вспоминать, Петрикъ! Все же мы были друзьями.

— То-то же! Уголъ и кусокъ хлѣба я тебѣ дамъ— объ этомъ не безпокойся. Мы вмѣстѣ съ тобой страдали. Это много значитъ, Карнѣй. Ступай къ Шминдрику и принеси бутылочку романеи.

Наступилъ день, когда Шминдрикъ, окинувъ пытливымъ взглядомъ всю фигуру Крутика и оцѣнивъ ее, увидѣлъ, что больше изъ него ничего не выжмешь.

— Господинъ Крутикъ, началъ онъ,—вотъ вамъ стаканъ вина—пейте его, ради Бога, безъ денегъ. Я ужь на счетъ вамъ не буду писать, потому что все равно вы не заплатите. А я попрошу васъ объ одномъ одолженіи: найдите себѣ другую квартиру. Да, я держалъ бы васъ до весны, что дѣлать—у меня доброе сердце. Но никакъ не могу—для того, что ко мнѣ пріѣзжаетъ моя дочь съ зятемъ. Объясните мнѣ, гдѣ я ихъ дѣну? У меня есть собственность: я долженъ ею когда-нибудь пользоваться!

Петрикъ вступился за друга, но еврей твердо стоялъ на своемъ. Петрикъ и Крутикъ вышли изъ „Золотой Рыбки“ и остановились напротивъ домика, что-то соображая. Но на воротахъ домика красовался раззолоченный металлическій ярлыкъ страховаго общества.

„Ароиъ хитеръ“, рѣшили они, и Карнѣю пришлось покориться тяжелымъ обстоятельствамъ. Онъ перевезъ свой скарбъ къ Петрику.

До весны жили друзья подъ одной кровлей. По временамъ ихъ таскали въ полицію за то, что они буйствовали въ пьяномъ видѣ и обижали парфеновцевъ. Петрикъ скоро сталъ тяготиться Крутикомъ. Все чаще и чаще онъ придирался къ нему подъ разными предлогами: то Крутикъ поздно встаетъ, то выбираетъ за обѣдомъ черезчуръ лакомые куски, то свиститъ въ комнатѣ, то громко сопитъ, то не оказываетъ уваженія хозяину дома, перебивая его въ разговорахъ.

— Послушай, Карнѣй, началъ онъ однажды утромъ,—ты у меня ужъ въ печенкахъ сидишь. Ты мнѣ ненавистенъ. Этакъ я и съ роднымъ братомъ не могъ бы ужиться. Отчего не пріютить пріятеля на мѣсяцъ, на два, на полгода, наконецъ? Но вѣдь ты у меня собираешься застрять на всю жизнь! А, между тѣмъ, я хозяинъ, я—не кто-нибудь: у меня кирпичный заводъ. Мнѣ пора за умъ взяться. Освободи ты меня! Найди ты себѣ какое-нибудь мѣсто!

— Петрикъ, куда-жь я пойду?

— Къ чорту! закричалъ Петрикъ.

Затѣмъ онъ нѣсколько дней не говорилъ съ другомъ. Уже давно Крутикъ замѣчалъ, что Петрикъ пересталъ быть съ нимъ искреннимъ, и что-то все таитъ— все куда-то ходитъ и все одинъ.

„Ахъ, мое горькое положеніе! До чего довело меня благородство!“ вздыхалъ Крутикъ и, по обыкновенію, хваталъ себя за голову.

Подъ благородствомъ онъ разумѣлъ безпечность нрава и наклонность къ бахвальству и скандаламъ. Онъ съ грустью видѣлъ, что Петрикъ становился все менѣе и менѣе благороднымъ. Петрику начинала надоѣдать разгульная жизнь. Въ немъ просыпался мелкій, стяжательный мѣщанинъ, и ему жаль было каждаго куска, который шелъ на прокормленіе его друга. Онъ поговаривалъ о томъ, что недурно-бы было жениться и взять въ домъ красивую хозяйку съ приданымъ, по крайней-мѣрѣ, рублей въ пятьсотъ.

Отчужденіе Петрика отъ Крутика выразилось прежде всего въ томъ, что онъ сталъ свататься за одну зажиточную казачку, ничего не сказавъ ему объ этомъ. Чѣмъ успѣшнѣе подвигалось сватовство, тѣмъ ненавистнѣе казался Карнѣй Петрику. Безполезность его пребыванія въ домѣ Петрика была очевидна. Посторонніе люди стали замѣчать великодушному Петрику, что онъ дѣлаетъ глупость, что этакаго толстомордаго балбеса прокормить чего-нибудь стоитъ, что у Петрика нѣтъ запасныхъ тысячъ, что много найдется дармоѣдовъ и т. п. Петрикъ вздыхалъ, какъ жертва своего золотаго сердца, распространялся о святости дружбы и о задачахъ молодежи, а тѣмъ временемъ безповоротно рѣшалъ въ душѣ участь Карнѣя и обдумывалъ, какими-бы средствами извести, въ самомъ дѣлѣ, друга.

Постепенно дошло до того, что Петрикъ самъ пилъ водку, а другъ только смотрѣлъ, да облизывался; что Петрикъ при гостяхъ обращался съ Карнѣемъ хуже, чѣмъ со слугой; что у Карнѣя развалились сапоги, а Петрикъ равнодушно глядѣлъ на убожество Карнѣя и даже надъ нимъ подтрунивалъ; что Петрикъ пріобрѣлъ привычку вслухъ разговаривать съ самимъ собой и, при этомъ, ругать Карнѣя, а Карнѣй долженъ былъ дѣлать видъ, что ничего не слышитъ.

Когда Крутикъ узналъ, наконецъ, что Петрикъ женится и уже купилъ на толкучкѣ подержанный фракъ, онъ съ дрожью въ голосѣ и съ горечью сказалъ:

— Петрикъ, неужели-жь ты для того женишься, чтобъ меня доѣхать? Ты не другъ, а... хуже того! Одолжи мнѣ десять рублей — по крайней мѣрѣ, я пойду, куда глаза глядятъ.

Это было весной — кирпичный заводъ уже началъ дѣйствовать. Петрикъ взглянулъ въ окно на дымъ и произнесъ:

— Не все, братъ, коту масляница. Хочешь получить десять рублей—заработай! Кстати, у тебя сапогъ нѣтъ— чудесно босыми ногами глину мѣсить.

— Подло, Петрикъ.

— Басню о муравьѣ и стрекозѣ не забылъ?

— Подло, Петрикъ, повторилъ Карнѣй.

— Помѣси глину—въ трудѣ нѣтъ ничего зазорнаго. Объ этомъ вся молодежь говоритъ. А нѣтъ—скатертью дорога.

— Прощай, проговорилъ Карнѣй и вышелъ.

Но черезъ полчаса онъ возвратился и изъявилъ согласіе поступить въ работники къ другу.

— Я пошутилъ, сказалъ смягченный Петрикъ.—На тебѣ деньги и убирайся на всѣ четыре стороны.

Но куда было идти Крутику? Разумѣется, онъ пошелъ въ „Золотую Рыбку“. Однимъ бездомнымъ негодяемъ стало больше въ культурномъ, великолѣпномъ городѣ Святогорскѣ.

(Продолженіе будетъ)

Моничка.

Повѣсть **Н. Морскаго (Н. К. Лебедева)**. (Посмертное произведеніе).

(Продолженіе).

X.

Мы дѣйствительно насилу дотащились, такъ какъ хотя дождь, снѣгъ и туманъ прекратились, тучи разсѣялись и свѣтила луна, но подъ ногами было что-то невыносимое. Снѣгъ, который оставался еще на нѣкоторыхъ улицахъ, теперь совершенно смыло, но за то мѣстами образовались громадныя

Неаполитанка. Съ карт. Зихеля. грав. Брендамуръ.

лужи воды, почти озера, мѣстами—непролазная грязь. Съ общаго совѣта было рѣшено, какъ мы пріѣдемъ, отослать возокъ домой, чтобы на смѣну для обратнаго возвращенія намъ прислали двое дрожекъ. Лошади, то и дѣло вытягиваемыя кучерскимъ кнутомъ, тащились по вязкой грязи какими-то судорожными потугами. Квартира Рогожиной и Брискорнъ отстояла отъ насъ на какіе-нибудь полчаса самой не спѣшной ходьбы, а мы ѣхали не менѣе часа. На время мы даже, кажется, позабыли о вечерѣ и всѣ ушли въ нашъ переѣздъ. Любовь Петровна почти плакала, вся проникнувшись сожалѣніемъ къ лошадямъ; храбрый на полѣ сраженія капитанъ дрожалъ отъ непрестаннаго ожиданія какого-нибудь несчастія, излома или паденія возка, испуганно выглядывалъ въ окно при безпрестанныхъ остановкахъ, озабоченно освѣдомляясь у кучера:

— Что случилось?

На что тотъ довольно сурово и категорически ясно отвѣчалъ:

— Не везутъ.

И постоявъ, снова вытягивалъ лошадей кнутомъ: „Ну!.. окаянныя!" хотя эти окаянныя не были ни въ чемъ виноваты. Лошади напрягали послѣднія силы и тащили, надрываясь, возокъ до слѣдующей, весьма скорой остановки. Любовь Петровна снова начинала скорбѣть о несчастныхъ животныхъ, а капитанъ—съ минуты на минуту ожидать какого-нибудь несчастія.

Но, вмѣсто несчастія, мы наконецъ пріѣхали. Двѣнадцать оконъ одноэтажнаго деревяннаго дома, занимаемаго Рогожиною и Брискорнъ, блеснули на насъ своимъ яркимъ освѣщеніемъ. Съѣздъ былъ большой, такъ какъ вся Покровская площадь, гдѣ помѣщалась квартира обѣихъ генеральшъ-сестрицъ, была заставлена каретами и различнаго рода экипажами, а въ окнахъ чрезъ опущенныя гардины видна была двигавшаяся по комнатамъ толпа. Не доѣзжая какой-нибудь сажени до освѣщеннаго двумя фонарями подъѣзда, наши лошади остановились еще разъ. Думая, что мы пріѣхали, капитанъ торопливо поднялся со своего сидѣнья и, отворивъ дверь, хотѣлъ было выскочить, но лошади въ это самое время дернули возокъ, не давъ такимъ образомъ капитану испачкаться съ головы до ногъ въ грязи. Онъ такъ ужь и доѣхалъ стоя.

Мы были у цѣли.

Страхи и волненія нашего переѣзда по грязи въ возкѣ отошли теперь какъ-то моментально въ вѣчность; нѣчто новое, что явственно отпечатлѣлось даже на нашихъ лицахъ, заступило ихъ мѣсто. Какъ ни былъ я взволнованъ, готовясь вступить въ этотъ блестящій за занавѣсями оконъ *свѣтъ*, я отлично видѣлъ, что лицо Любовь Петровны поблѣднѣло, глаза какъ-то расширились и что капитанъ, еще тутъ, на подъѣздѣ, гдѣ насъ никто не видѣлъ, уже умалился, согнулся и присмирѣлъ. У меня мелькнула въ это время мысль, что вообще всѣ мы глядимъ какими-то пришибленными и, точно идя на что-то страшное, смотримъ испуганно.

Но вотъ передъ нами отворились входныя двери—и мы очутились въ довольно просторной передней, въ которой стояло нѣсколько вѣшалокъ, толпились лакеи, и прямо передъ входомъ у освѣщеннаго двумя матовыми шариками трюмо оправляла прическу одѣтая въ розовое платье дама, мужъ или братъ которой разговаривалъ въ сторонѣ съ Моничкой. Лампы свѣтили ярко; розовое платье дамы казалось необыкновенно пышно въ комнатѣ пахло духами, Моничка блестѣлъ какой-то особенною чистотой и приглаженностью—и вообще вся эта атмосфера дохнула на насъ чѣмъ-то не только нарядныиъ и праздничнымъ, но какъ бы даже освѣжающимъ и ободряющимъ. Завидѣвъ насъ, Моничка неторопливо приблизился къ намъ.

— Вотъ и вы; очень радъ.

Любовь Петровна, не глядя, подала Моничкѣ руку, торопливо сбрасывая свою ротонду лакею; я поздоровался съ Рогожинымъ; но удивилъ капитанъ: тутъ только оказалось, что, бывая у Рогожиной и Брискорнъ, капитанъ никогда не видалъ Моничку и теперь встрѣтилъ его впервые. Понятно, что безъ всякихъ представленій съ нашей стороны и капитанъ, и Моничка отлично поняли съ кѣмъ имѣютъ дѣло и превосходно могли бы поздороваться другъ съ другомъ, но капитанъ счелъ за необходимое назвать себя. Вытянувшись въ струнку—онъ не то что съ почтительнымъ, но съ какимъ-то благоговѣющимъ видомъ, выражая своей физіономіей именно нѣчто большее, нежели простое почтеніе, представился Моничкѣ:

— Капитанъ Образцовъ.

Онъ не протянулъ руки, вѣроятно ожидая, что Моничка сдѣлаетъ это самъ; но послѣдній не рѣшился на это, сообразивъ, конечно, что капитанъ по старшинству долженъ подать руку первымъ. Такимъ образомъ оба раскланялись другъ съ другомъ самымъ церемоннымъ образомъ, при чемъ поклонъ капитана, низкій и почтительный, не выражалъ какого-либо униженія, но былъ исполненъ, если такъ можно выразиться, самаго восторженнаго преклоненія передъ этимъ нѣжнымъ, изящнымъ и красивымъ юношей. Капитанъ во все пребываніе наше у Рогожиныхъ не сводилъ съ Монички своего восторженнаго взгляда и смотрѣлъ на него какъ-то влюбленно. Если ему приходилось съ кѣмъ-нибудь говорить и въ это время попадался на глаза Моничка—капитанъ забывалъ разговаривающаго съ нимъ, слѣдилъ исполненнымъ восторга взглядомъ за Моничкой, уступалъ ему стулъ, разъ даже поднялъ уроненный Моничкой платокъ, словомъ ухаживалъ за молодымъ человѣкомъ, какъ за женщиной, дѣлая это отнюдь не приниженно, но съ оттѣнкомъ рыцарскаго почтенія къ дамѣ сердца. Это, понятно, было замѣчено Моничкой и чрезвычайно его, повидимому, смущало.

Мы съ Моничкой пропустили капитана съ Любовь Петровной въ залъ впередъ, а сами, переговариваясь, пошли за ними позади. По залу шелъ смутный говоръ; въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, стоя, сидя и расхаживая, тѣснились приглашенные. Бальные туалеты дамъ, фраки и мундиры мужчинъ перемѣшивались въ самой невообразимой пестротѣ. Помню, что довольно просторная зала, оклеенная бѣлыми обоями, съ красными шерстяными драпри на дверяхъ и окнахъ—чрезвычайно была загромождена небольшою сценой, отдѣленною отъ остальнаго пространства синимъ коленкоровымъ занавѣсомъ съ наклееннымъ посрединѣ его изъ золотой бумаги солнцемъ. У этой занавѣси, нѣсколько въ сторонѣ — былъ поставленъ рояль, затѣмъ образовался небольшой проходъ, за которымъ уже слѣдовали разставленные съ тѣсными промежутками стулья для зрителей. Вообще—убранство у Рогожиной и Брискорнъ показалось мнѣ не слишкомъ роскошнымъ; нарядиѣе и роскошнѣе была толпа, съ трудомъ пролѣзавшая чрезъ этотъ заставленный стульями и сценой залъ въ гостиную, гдѣ принимали хозяйки дома.

Направляемые Моничкой, туда-же шли и мы. Намъ пришлось проходить мимо занавѣса, у котораго вертѣлся красивый, черноволосый адъютантъ съ аксельбантами. Онъ видимо старался заглянуть хоть однимъ глазкомъ въ небольшую щелочку, образующуюся между занавѣсью и прилегающею стѣной; но чья-то рука закрывала со сцены передъ любопытнымъ это отверстіе. Изъ-за занавѣса слышался серебристый смѣхъ. Адъютантъ молилъ:

— На минуту!..

— Ни за что!

— Но, увѣряю васъ, никто не увидитъ.

— Никто?..

На мгновеніе эти осторожные переговоры смолкли и вдругъ, какъ разъ въ то время, когда капитанъ съ дочерью уже прошли, а мы съ Моничкой только что поравнялись съ адъютантомъ, занавѣсъ тихо-тихо отодвинулась отъ стѣны и въ образовавшемся пространствѣ появилось прехорошенькое личико съ цѣлымъ хохломъ бѣлокуро-пепельныхъ волосъ надо лбомъ, отчего послѣдній казался очень низкимъ,—появилось дѣтское миніатюрное личико съ очень мелкими и какъ-бы сближенными чертами, очень красивое, но напоминающее что-то кукольное, игрушечное. Это личико съ черными глазками со страхомъ осмотрѣло залъ и успокоившись, что всякій занятъ своимъ дѣломъ и не смотритъ на занавѣсъ, улыбнулось красивому адъютанту и, спросивъ: „довольны?"—торопливо скрылось за занавѣсью. На мой вопросительный взглядъ, Моничка отвѣтилъ:

— Кузина.

Тѣмъ временемъ адъютантъ снова прильнулъ къ занавѣсу и шепталъ Моничкиной кузинѣ:

— Видѣли, какая красавица пріѣхала?

— Кто такая? спросила недовольнымъ голосомъ Лизавета Эдуардовна.

— Дочь капитана Образцова.

— Нашли!.. видѣла: цыганка какая-то!

Далѣе я не разслышалъ что говорила Лизавета Эдуардовна съ адъютантомъ, такъ какъ въ это время мы входили въ гостиную, биткомъ набитую гостями, между которыми, подобно каучуковымъ мячикамъ, прыгали, поминутно сталкиваясь другъ съ другомъ и затѣмъ снова разлетаясь въ разныя стороны, обѣ генеральши-сестры, Рогожина и Брискорнъ. Это были дамы чрезвычайно похожія другъ на друга; обѣ очень невысокія, обѣ кругленькія блондинки Рогожина чуть-чуть потемнѣе—обѣ съ крошечными пуговицеобразными носиками на сравнительно широкихъ лицахъ, напоминающихъ своей округленностью и плоскостью чайныя блюдечки. Одѣты генеральши были въ неизмѣнныя черныя шелковыя платья, кружевныя мантильи и наколки изъ черныхъ лентъ. Не только лица, не только наряды,—быстрыя движенія, быстрая рѣчь, самыя даже слова и обороты—были до такой степени похожи у сестеръ, что вполнѣ оправдывали данное имъ въ нашемъ городѣ шуточное прозвище—Добчинскій и Бобчинскій. Завидѣвъ капитана и Любовь Петровну, находившіяся на разныхъ концахъ гостиной сестры поспѣшили навстрѣчу къ намъ и снова точно столкнулись около капитана, единогласно привѣтствуя его:

— Капитанъ!

Почтительно изогнувшись, онъ цѣловалъ у Рогожиной и Брискорнъ ручки, слѣдуя старинной модѣ...

— Ваше превосходительство!..

Рогожина ласково смотрѣла на него:

— Я рада, капитанъ, видѣть васъ у себя.

Брискорнъ съ другой стороны капитана повторила то же самое по смыслу, но нѣсколько иное по словамъ:

— Вы доставили намъ большое удовольствіе, капитанъ, пріѣхавъ.

— Старинный пріятель! вставила Рогожина, пожимая правую руку капитана.

— О, да! подтвердила послѣднія слова сестры Брискорнъ, пожимая лѣвую руку капитана.

Онъ низко раскланивался:

— Благодарю, ваши превосходительства, за сдѣланную мнѣ вашимъ приглашеніемъ высокую честь. Позвольте...

Онъ отодвинулся и выставилъ такимъ образомъ остававшуюся за его спиной дочь, желая представить ее. Генеральши впились въ молодую дѣвушку, которой не видѣли до сихъ поръ, своими быстрыми и пронизывающими глазками и затѣмъ какъ-то моментально снявъ съ тона, которымъ такъ радушно привѣтствовали капитана, довольно холодно спросили:

— Ваша дочь?

— Единственная, нагнулся капитанъ,—честь имѣю представить вашему благосклонному вниманію.

Тогда Рогожина протянула руку Любовь Петровнѣ:

— Charmée, M-elle.

Брискорнъ повторила то же самое:

— Charmée.

Можетъ быть, и даже весьма вѣроятно, Любовь Петровна замѣтила какую-то холодность, натянутость и какъ бы даже недоброжелательство, промелькнувшія на лицахъ обѣихъ сестеръ, только она отступила въ отношеніи ихъ отъ обычной формы своего нѣсколько вкрадчиваго и некстати экспансивнаго привѣтствія. Любовь Петровна превосходила сестеръ-генеральшъ на цѣлую голову, и когда она протягивала имъ руку, то смотрѣла на нихъ какъ-то сверху и руку болѣе *подала* имъ, нежели протянула, сдѣлавъ это въ молчаніи. Тогда Рогожина и Брискорнъ, завидѣвъ меня, тоже неизвѣстнаго имъ человѣка, какъ-то вдругъ устремились къ намъ съ Моничкой, оставивъ капитана съ дочерью посреди гостиной совершенно одинокими и не знающими, что дѣлать между незнакомыми людьми.

Моничка назвалъ меня.

— Друзья моего сына—мои друзья, любезно подала мнѣ руку Рогожина.

Брискорнъ отозвалась за сестрой эхомъ:

— И мои.

И наклонившись къ Моничкѣ, шепнула нисколько не стѣсняясь моимъ присутствіемъ:

— Cher Monia, и ты находишь, что она красива!

— Она первобытна, внушила Рогожина сыну.

— Не умѣетъ себя держать, замѣтила Брискорнъ.

— И положительно дурна, заключила Рогожина.

Я понялъ, что все это говорилось по адресу почему-то непонравившейся хозяйкамъ дома Любовь Петровны. Послѣдняя все еще продолжала стоять одиноко въ обществѣ отца, то и дѣло сторонившагося передъ проходившими гостями. Моничка выслушалъ мать и тетку въ молчаніи, но какъ только онѣ оставили его, разбѣжавшись по разнымъ угламъ гостиной, онъ съ краской на лицѣ, вѣроятно вызванной неожиданною рѣшимостью идти наперекоръ матери и теткѣ, направился къ Образцовымъ и, подойдя, предложилъ имъ:

— Сейчасъ начнутъ,—Моничка говорилъ о спектаклѣ,—не угодно-ли вамъ занять мѣста?

И подалъ Любовь Петровнѣ руку. Капитанъ взглядомъ восторженной благодарности смотрѣлъ на молодаго человѣка; Любовь Петровна тихо наклонила голову. Моничка продолжалъ:

— Пока не заняты мѣста—мы найдемъ поудобнѣе и поближе къ сценѣ.

Любовь Петровна какъ бы даже испугалась этого послѣдняго предложенія.

— О, нѣтъ... для чего же ближе... Сядемъ гдѣ-нибудь въ уголку...

Въ это время подошелъ и я.

— И вы съ нами?

— Конечно.

Капитанъ съ удовольствіемъ потиралъ руки:

— И прекрасно—всѣ значитъ вмѣстѣ... свои...

Моничка отважно повелъ Любовь Петровну черезъ толпу, направляясь въ залъ; мы съ капитаномъ шли позади.

— А вы? тихо спросила Любовь Петровна своего кавалера,—вы не останетесь съ нами?.. вы вѣдь тоже играете?

— Въ первой пьесѣ, громко отвѣтилъ онъ, проходя мимо тетки,—я не играю и вы, вѣроятно, позволите мнѣ посидѣть съ вами...

Стройный, высокій и красивый мальчикъ ловко велъ свою даму, пылая нѣжными щеками, поднявъ голову... Я видѣлъ, какъ всѣ смотрѣли на Любовь Петровну, которая, идя съ Моничкой подъ-руку, какъ бы еще выиграла въ своей красотѣ, освѣтилась новымъ свѣтомъ и даже выросла. Но чѣмъ величественнѣе и недоступнѣе казалась дочь, тѣмъ слѣдовавшій за нею отецъ становился приниженнѣе и просительнѣе. Передъ всѣмъ этимъ обществомъ онъ какъ бы согнулся въ смиренной просьбѣ пощадить его единственное сокровище, его жизнь, его милую дочь... О, за что, за что эти генеральши, этотъ блестящій свѣтъ, эти красивыя дамы—всѣ какъ-то усиленно холодно смотрятъ на Любочку?.. Чѣмъ провинилась она передъ ними, что сдѣлала?.. Не красота же вооружила всѣхъ противъ нея?.. Когда мы усѣлись на свои мѣста, когда зазвенѣлъ колокольчикъ, когда вся публика высыпала въ залъ, случилось такъ, что, за исключеніемъ Любовь Петровны, усѣвшейся между мною и капитаномъ, дамъ въ нашей сторонѣ не оказалось ни одной... Все мужчины—черные фраки и мундиры—лишь одно свѣтлое платье Любочки...

XI.

Какъ я ни строго относился къ Любовь Петровнѣ, какъ часто—пользуясь правами близкаго знакомства—я ни позволялъ себѣ придираться и къ ея порывистымъ движеніямъ, и къ нѣкоторой манерности, допускаемой ею при встрѣчахъ съ малознакомыми людьми, и къ невѣрности тона, которымъ она нерѣдко говорила самыя обыкновенныя вещи,—я долженъ сказать и засвидѣтельствовать, положа руку на сердце, что Любовь Петровна держала себя на вечерѣ у Рогожиныхъ безукоризненно мило. Ее можно было упрекнуть развѣ только за одно, хотя это не бросалось въ глаза, а именно за то, что она слишкомъ влюбленными глазами смотрѣла на Моничку. Она, повидимому, какъ-то сразу отдала ему всецѣло и свое чувство, и волю, какъ-то сразу полюбила его до такой степени, что готова была сдѣлаться его рабой, хорошенько не узнавъ кому, достойному ея чувства или нѣтъ,—отдастъ она свое сердце. Любовь Петровна до описываемаго дня не знала Монички, какихъ-нибудь разговоровъ о немъ не слыхивала, да если-бы и слышала, такъ они не нарисовали-бы ей Моничку тѣми особенными красками, за которыя-бы можно было его полюбить. Тутъ конечно все сдѣлала живость впечатлѣнія, собственная фантазія Любовь Петровны, ею самой нарисованный нравственный, душевный обликъ Монички. Какъ понимала, какъ представляла себѣ Любовь Петровна этотъ послѣдній—постороннему человѣку конечно можно было судить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Какими именно штрихами, какими красками разрисовала Любовь Петровна душевную физіономію Монички—въ подробностяхъ невозможно было понять; но этотъ влюбленный взглядъ, исполненный преданности, самоотверженности, какого-то даже благоговѣнія, ясно говорилъ, что Любовь Петровна не поскупилась на одѣяніе Монички всѣмъ что есть прекраснаго, возвышеннаго и благороднаго, передъ чѣмъ она и повергалась во прахъ. Если всякая страсть слѣпа и не разсуждаетъ, то страсть Любовь Петровны въ этомъ конечно не выдѣлялась изъ другихъ, ей подобныхъ.

Моничка помѣстился около меня; но ему не дали долго посидѣть съ нами: мамаша и тетенька искали его глазами и, найдя, позвали къ себѣ. Онъ думалъ было отдѣлаться, спросивъ ихъ издали, что имъ угодно отъ него, но на это получилъ отъ матери, помѣстившейся въ первомъ ряду, значитъ довольно далеко отъ насъ,—совершенно справедливое, съ оттѣнкомъ нѣкоторой строгости, замѣчаніе:

— Ахъ, Monia, не могу же я кричать?!. поди сюда.

А отъ Брискорнъ нѣжно укоризненный взглядъ и кивокъ головы.

Дѣлать нечего—Моничка долженъ былъ оставить насъ, при чемъ онъ почему-то вспыхнулъ и, встрѣтивъ исполненный сожалѣнія взглядъ Любовь Петровны, виновато опустилъ передъ ней свои глаза. Нравилась или нѣтъ ему Любовь Петровна—я не знаю, и между нами объ этомъ не было сказано ни слова; но Моничка несомнѣнно видѣлъ и понималъ влюбленный взглядъ дочери, благоговѣніе отца, и какъ-бы считалъ своимъ долгомъ платить за нихъ какимъ-то трогательнымъ вниманіемъ со своей стороны. Эти краснорѣчивые взгляды какъ-бы обязывали его, если не на взаимность чувства, то на нѣкоторую снисходительность и даже благодарность.

Конечно онъ не вернулся къ намъ. Мать и тетенька усадили его около себя, рядомъ съ какою-то молодою, очень недурненькою особой, завязшей съ нимъ оживленную бесѣду на французскомъ языкѣ. Замѣчу при этомъ, что Любовь Петровна, чего по пылкости ея характера было бы возможно ожидать, оказалась совершенно не ревнива. За все время нашего пребыванія у Рогожиной она нисколько не досадовала и не завидовала, если Моничка разговаривалъ съ кѣмъ нибудь изъ красивыхъ женщинъ. Напротивъ, она не переставала любоваться имъ, а женщинъ—хвалила и даже не всегда заслуженно, хотя совершенно искренно. Повидимому ни ревности, ни зависти въ ней не было и слѣда.

Какъ разъ, когда ушелъ отъ насъ Моничка—у приставленнаго къ занавѣсу рояля появился какой-то молодой человѣкъ съ очень жидкими свѣтлыми волосами, худой и длинный, въ золотомъ пенснэ. Его встрѣтили аплодисментами и, раскланявшись, онъ усѣлся за рояль и заигралъ интродукцію къ Моцартовскому „Донъ-Жуану". Я бы собственно этого не зналъ, но при первыхъ звукахъ интродукціи—Любовь Петровна схватила меня за руку и шепнула мнѣ съ обычною своею пылкостью:

— Ахъ, это изъ „Донъ-Жуана" Моцарта!

Подвѣнечный нарядъ. Съ карт. І. Гизелы, грав. Гейеръ

Любовь Петровна не играла, но музыку обожала—и если не вполнѣ понимала ее, то во всякомъ случаѣ любила фантазировать, иллюстрируя музыкальный текстъ тѣми или другими измышленіями своего воображенія, насколько вѣрными — не берусь судить, но какъ будто бы отвѣчавшими тѣмъ или другимъ музыкальнымъ пассажамъ и фразамъ. „Донъ-Жуана", какъ сказала мнѣ Любовь Петровна, она къ тому-же слышала гдѣ-то въ Одессѣ или Кіевѣ, что конечно помогало ея объясненіямъ. Впрочемъ она шла дальше. Она не ограничивалась въ этой интродукціи словами ожидающаго Донъ-Жуана — Лепорелло „Nott'e giorno faticar"... но на этой фразѣ рисовала мельчайшую по подробностямъ картину. Она шептала мнѣ:

— Вотъ перекликаются сторожа: знаете, какъ у Пушкина— „и сторожа кричатъ протяжно: ясно! ясно!" Вѣдь и тутъ ночь... Замѣтьте, что покоя дѣйствительно нѣтъ... Правда: ночь, блещутъ звѣзды, „лимономъ и лавромъ пахнетъ", но слышите, какъ звучатъ гитары... вотъ ихъ такъ много, что точно весь этотъ городъ звучитъ какими-то кузнечиками... Теперь они громко играютъ, потому что ихъ много... Но вотъ влюбленные расходятся... замѣтьте: пока около дома—идутъ осторожно, но вотъ повернули за уголъ—и слышите, какъ стучатъ по мостовой...

— Да это вы сочиняете, шепнулъ я.

Она отвѣтила мнѣ съ убѣжденностью:

— Нисколько... Слышите, часть влюбленныхъ разошлась по домамъ—и гитаръ стало меньше: ужь играютъ тише, ужь не такъ стрекочутъ... Вотъ и еще уходятъ влюбленные: у дома осторожно, со страхомъ, а чуть за уголъ—вонъ какъ пошли!

— А это что̀ означаетъ?

— Это,—Любовь Петровна говорила тономъ педагога,—это... а что за сценой-то дѣлается: вѣдь надо же разсказать и о томъ композитору... Вѣдь этотъ Донъ-Жуанъ забрался къ дочери командора... Вотъ слышите ея мольбы, стоны, просьбы... слышите плачетъ,—а вотъ сейчасъ будетъ пауза... Все смолкло: тишина. Вотъ встревожился домъ, видите какое безпокойство въ музыкѣ, все громче и сильнѣе... Вотъ всѣ выбѣгаютъ на сцену и Донъ-Жуанъ убиваетъ командора... Эта все слабѣющая мелодія—смерть командора... Ахъ, какъ это хорошо!

Любовь Петровна увлеченно зааплодировала вмѣстѣ съ другими и крикнула „bis", что̀ впрочемъ осталось безъ послѣдствій, но была замѣчена нѣкоторыми дамами, обернувшимися съ холоднымъ удивленіемъ на молодую дѣвушку. Исполнитель еще раскланивался, когда занавѣсъ поднялся и новый залпъ рукоплесканій встрѣтилъ появившуюся на крошечной сценѣ Лизавету Эдуардовну.

Лизавета Эдуардовна играла не впервые и пріѣхала изъ Петербурга въ N—скъ съ извѣстностью будто-бы опытной актрисы на *сильныя* драматическія роли. Лизавета Эдуардовна, какъ разсказывали, играла въ пансіонѣ и особенный успѣхъ имѣла въ драматическихъ отрывкахъ изъ классическихъ французскихъ писателей, Корнеля, Расина, Вольтера, — въ роляхъ разныхъ Хименъ и Заиръ. Въ одномъ изъ подобныхъ отрывковъ, а именно въ сценѣ Федры съ ея наперстницей Энононой—Лизавета Эдуардовна рѣшилась показаться передъ N—скимъ обществомъ въ описываемый вечеръ и при своемъ появленіи была встрѣчена безконечными аплодисментами. Дочь Миноса и Пазифаи вышла на сцену одѣтая въ бѣлую тунику съ распущенными по плечамъ волосами,—вышла блѣдная, съ блуждающими глазами, какъ-то устало волоча свой шлейфъ. Какъ ни мало я понималъ въ драматическомъ искусствѣ, какъ ни былъ мой вкусъ невзыскателенъ въ этомъ отношеніи,—я, прежде чѣмъ начала свой первый монологъ Лизавета Эдуардовна, сразу понялъ, что передъ всѣми нами явилось на сценѣ нѣчто невозможное, что-то до такой степени не соотвѣтствующее и по природѣ, и по возрасту, и по фигурѣ—изображаемому лицу, — что очевиднымъ образомъ могло только, помимо желанія и воли, обратить драму въ забавнѣйшій водевиль. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могло быть невозможнѣе и нелѣпѣе того, какъ поручить роль мучимой преступною страстью Федры, женщины, въ груди которой бушуетъ цѣлый волканъ, которая плачетъ огненными слезами, — что̀ могло быть глупѣе, какъ дать такую роль миніатюрной, восемнадцати-лѣтней дѣвочкѣ, очень миленькой, очень изящной,—подъ свободными складками греческой одежды, держащейся какъ бы зашнурованною въ корсетъ! Петербургская пансіонерка не забывалась ни на минуту подъ покровами Федры. Правда, Лизавета Эдуардовна вышла на сцену, стараясь изобразить женщину снѣдаемую какимъ-то недугомъ, но какъ только она заговорила по окончаніи встрѣтившихъ ее рукоплесканій, какъ только она произнесла два первыхъ стиха, я думаю вся зала поняла, что артистка не привлечетъ къ своимъ страданіямъ сочувствія публики, не вызоветъ слезу, а, напротивъ, оставитъ своею игрою самое пріятное и легкое впечатлѣніе. Французское произношеніе Лизаветы Эдуардовны было безукоризненно, но прекрасные стихи Расина она читала чисто по институтски, нараспѣвъ, подчеркивая рифмы, спѣша, точно торопясь отвѣтить заданное. Такъ именно она прочла свои выходныя слова:

N'allons point plus avant, demeurons, chère Oenone.
Je ne me soutiens plus; ma force m'abandonne:
Mes yeux sont éblouis du jour que je revois,
Et mes genoux tremblants se dérobent sous moi.
Hélas!

Это „hélas!" у нея совсѣмъ пропало, такъ какъ она проглотила его. Она такъ торопилась, что даже задыхалась, и если не цѣлыя слова, то окончанія словъ то и дѣло исчезали у нея. Быть-можетъ довольно сильно стянутая корсетомъ—грудь Лизаветы Эдуардовны какъ-то прерывисто дышала, точно эта Федра передъ тѣмъ, какъ ей появиться на сценѣ, упражнялась игрою въ горѣлки. Пользуясь остановкою племянницы и репликой внушительнаго вида и довольно почтеннаго возраста Эноны, роль которой очень отчетливо была прочтена классною дамой мѣстной женской гимназіи M-elle Перре, изъ перваго ряда послышался кроткій голосъ Рогожиной:

— Pas si vite, Lise, pas si vite! (Не такъ скоро, Лиза!)

И болѣе строгій тонъ M-me Брискорнъ:

— Lise! pas si vite!

Lise нѣкоторое время дѣйствительно было послѣдовала внушеніямъ матери и тетки, стала читать медленнѣе, но потомъ сбилась на прежній тонъ и зачитала снова торопясь, проглатывая слова и окончанія. При такомъ чтеніи понятно не могло быть и въ поминѣ о выраженіи стихами какихъ-нибудь внутреннихъ страданій Федры; но дѣло не ограничилось только этимъ. Лизавета Эдуардовна, казалось, чѣмъ дальше шла, тѣмъ болѣе и болѣе ускоряла свой шагъ. Это окончилось довольно комично. Дойдя до того мѣста, гдѣ Энона спрашиваетъ Федру: „Вы любите?", на что̀ послѣдняя отвѣчаетъ утвердительно, Лизавета Эдуардовна забылась до того, что, можно сказать, залпомъ выпалила подъ-рядъ, не переводя духа, и свои реплики, и реплики Эноны, которая тщетно шевелила губами, стараясь какъ-нибудь и гдѣ-нибудь прервать твердо зазубренный юною артисткой діалогъ. Видя, что это совершенно невозможно, m-elle Перре посмотрѣла на публику съ высоты приподнятой сцены съ какимъ-то видомъ оскорбленнаго достоинства, при чемъ слегка даже пожала плечами. Изъ перваго ряда послышался нѣжно-укорительный возгласъ M-me Рогожиной:

— Lise!..

А Lise, безъ передышки отмахавъ: „Tu connais ce fils de l'Amazone, ce prince si longtemps par moi-même opprimé... — Hippolyte? grands dieux!.. — C'est toi qui l'as nommé!..." наконецъ остановилась, одумалась, поняла что̀ сдѣлала, покраснѣла до корней волосъ, и когда Энона хотѣла поправить дѣло и заговорила, какъ ни въ чемъ не бывало—Лизавета Эдуардовна рѣшительно почувствовала себя не въ силахъ довести сцену до конца и торопливо шепнула своей наперсницѣ:

— Je me sens mal... Au rideau! au rideau!.. (Мнѣ дурно... Занавѣсъ! Занавѣсъ!)

Занавѣсъ, конечно, опустили; но прежде нежели этому сдѣлаться, произошло замедленіе, вѣроятно отъ несовершенства какихъ-нибудь механическихъ приспособленій. Нѣкоторое время озадаченная такимъ окончаніемъ дѣйствія публика видѣла еще артистокъ, видѣла спокойную и горделивую Энону, видѣла ушедшую въ глубокое *современное* кресло Федру, подносившую къ своему лицу для чего-то платокъ. Аплодисменты еще не раздались, въ залѣ царствовала тишина, какъ вдругъ среди нея раздался совершенно неожиданный взрывъ смѣха, обратившій на себя вниманіе не только всей публики, но и самихъ исполнительницъ. Всѣ оглянулись въ нашу сторону. Любящая таки посмѣяться, но долго сдерживавшаяся Любовь Петровна не стерпѣла и разразилась самымъ веселымъ и заразительнымъ смѣхомъ, что̀ послужило какъ бы импульсомъ, какъ бы сигналомъ и для всей остальной публики, или большей части ея, перестать сдерживаться и огласить залъ смѣхомъ. Публика придала такой видъ своему хохоту, что будто бы она смѣялась надъ тѣмъ, что занавѣсъ не слушается. Всѣ смотрѣли на Любочку. Къ хохоту присоединился стукъ для чего-то отодвигаемыхъ стульевъ, многіе вставали съ своихъ мѣстъ, другіе аплодировали, на сценѣ Лизавета Эдуардовна разливалась слезами: капитанъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, испуганными глазами вертѣлся на своемъ стулѣ съ какимъ-то растеряннымъ видомъ. Рогожина и Брискорнъ, съ вытянутыми и какъ бы озабоченными лицами, съ двухъ сторонъ подскочили къ Любочкѣ...

— Ah, mon Dieu, Mademoiselle se trouve mal (ей дурно), лепетала одна,—вотъ несчастіе!.. Quel contretemps!

— Ничего, ничего, такъ маленькая истерика... Она сейчасъ оправится, хлопотала другая, подхватывая Любочку подъ-руку.

— Пройдемте, ma chère demoiselle, въ уборную, приглашала Рогожина,—un petit verre d'eau et rien de plus.

И прежде чѣмъ озадаченная Любочка успѣла опомниться, обѣ генеральши увлекли ее въ гостиную и дальше.

Смѣхъ совершенно прекратился. Въ залѣ наступило молчаніе.

Не успѣли мы съ капитаномъ порядкомъ изумиться и обмѣняться двумя-тремя словами по поводу этого ловкаго маневра, — къ нему подошелъ лакей и почтительно наклонившись, проговорилъ вполголоса: „ихъ превосходительства просятъ васъ выйти къ нимъ на минуточку..."

Я невольно послѣдовалъ за капитаномъ и вдругъ, къ вящему

своему изумленію, увидѣлъ, что лакей ведетъ насъ въ сторону противоположную гостиной, а именно къ выходу въ переднюю. Капитанъ, замѣтивъ это, вдругъ поднялъ свою опущенную голову, въ черной гривѣ которой серебрился ужъ далеко не одинъ сѣдой волосъ. Его фигура сдѣлалась какъ-то представительнѣе и выше. плечи поднялись, лобъ уходилъ вверхъ, черты блѣднаго лица стали суровѣе, рѣсницы нѣсколько опустились и изъ-подъ нихъ черной дымки блестѣли такіе же страшные. какъ и у Любовь Петровны, глаза. Въ передней генеральши уже кутали Любочку въ ея ротонду. Обѣ эти дамы, какъ какія-нибудь кошечки, заластились къ приблизившемуся къ нимъ капитану. Онѣ схватили его руки, испуганно глядѣли на него и встревоженно спрашивали:

— Она въ самомъ дѣлѣ больна?..

— Я, какъ вы пріѣхали, замѣтила, что ей нездоровится.

И, видя что капитанъ хочетъ что-то сказать, обѣ разомъ замахали на него руками и закричали съ предупредительной деликатностью:

— Нѣтъ, нѣтъ... безъ всякихъ извиненій... Мы не удерживаемъ васъ... Что за церемоніи между старинными знакомыми?.. Везите, везите ее домой... Мы, впрочемъ, убѣждены, что нездоровье самое легкое и скоро пройдетъ...

— Записочку, капитанъ. напишите записочку завтра-же о состояніи ея здоровья...

Капитанъ вдругъ выдернулъ свои руки изъ ручекъ генеральшъ и, отдавъ короткій поклонъ, круто повернулся отъ хозяекъ дома, совершенно спокойно подошелъ къ дочери, мимоходомъ какъ-то холодно взглянувъ на меня, точно я въ чемъ былъ виноватъ передъ нимъ,—подалъ Любовь Петровнѣ руку и повелъ ее къ выходу. Любовь Петровна—замѣтилъ я—сначала какъ-то робко и виновато посмотрѣла на отца, вѣроятно прося у него молчаливымъ взглядомъ прощенія, что такъ или иначе была причиною всего этого, но выраженіе своего взгляда измѣнила на такое же спокойное, съ какимъ смотрѣлъ ея отецъ. И оба они, холодные и неуязвимые, скрылись за дверями передней.

Я же, хорошенько не отдавая себѣ отчета въ томъ что дѣлаю и для чего такъ поступаю, пробираясь бочкомъ и не попрощавшись съ хозяйками, набросивъ пальто, выбѣжалъ на подъѣздъ и натолкнулся на Образцовыхъ. Они обернулись на шумъ отворяемой двери, вѣроятно ожидая встрѣтить какое-нибудь враждебное имъ лицо. но просвѣтлѣли, увидѣвъ меня. Любовь Петровна взглянула на меня съ какою-то благодарностью и растроганнымъ голосомъ спросила:

— И вы съ нами?.. Почему же вы не остались?

Капитанъ крѣпко сжалъ мою руку и какъ-то отрывисто поблагодарилъ:

— Не забуду-съ.

Затѣмъ онъ отвернулся въ сторону и нѣсколько мгновеній не смотрѣлъ на насъ, повидимому не желая показывать намъ выраженія своего лица. Изъ зала. въ затворенныя окна несся бравурный вальсъ. Я прервалъ молчаніе:

— По какимъ образомъ мы вернемся домой?

Это, дѣйствительно, не легко было сдѣлать. Мы, какъ я уже говорилъ, отослали свой возокъ домой и не предполагая пробыть на вечерѣ такъ недолго, велѣли пріѣхать за собою гораздо позднѣе. Конечно, нашихъ экипажей еще не было. У подъѣзда стояло нѣсколько собственныхъ каретъ; извозчиковъ по позднему времени не оказалось. да нашъ городъ вообще не могъ похвастаться ихъ изобиліемъ даже днемъ. Въ душевномъ разстройствѣ вопросъ о возвращеніи не приходилъ въ голову ни мнѣ. ни Образцовымъ, пока, очутившись на подъѣздѣ. мы не сообразили своего критическаго положенія. Что было дѣлать?.. Мы всѣ стояли нѣкоторое время въ молчаніи. не зная что и придумать. Любовь Петровна разрѣшила наше затрудненіе.

— Не возвращаться же. сказала она,—надо идти впередъ.

И съ этими словами, подобравъ свое воздушное платье, первая рѣшительно сошла съ подъѣзда. Я невольно вскрикнулъ:

— Боже мой, но на васъ бѣлые шелковые башмаки!.. Вы, мало того, что выпачкаете ихъ—вы промочите ноги...

— Ничего, отвѣтила она, храбро пускаясь въ путь,—башмаки я брошу, а что промочу ноги не бѣда. Я простуды не боюсь...

(Продолженіе будетъ).

Наше обоняніе.

Готфрида Пфейфера.

Ухо имѣетъ свое искусство: музыку; глазъ—свое: изящество формы и гармонію красокъ—скульптуру и живопись. Поэтому слухъ и зрѣніе могутъ быть названы чувствами благородными, въ противоположность обонянію, а тѣмъ болѣе вкусу—этимъ плебеямъ среди чувствъ. Къ послѣднимъ часто относятся съ пренебреженіемъ, считая ихъ частью низшей, животной природы человѣка и потому не заслуживающими уваженія.

Но если это еще позволительно до извѣстной степени въ отношеніи къ чувству вкуса, то уже ничѣмъ не оправдывается въ отношеніи обонянія: оно значительно превосходитъ вкусъ и вовсе не заслуживаетъ, чтобы ему приписывали исключительно матеріальное значеніе. Оно, напротивъ, сильнѣе всѣхъ другихъ чувствъ возбуждаетъ въ насъ сочетанія идей, оживляетъ воспоминанія и такимъ образомъ создаетъ внутренній міръ, сродный по ощущеніямъ съ тѣмъ, что вызываетъ въ насъ музыка. Значитъ обоняніе, по своимъ такъ-называемымъ „идеальнымъ“ свойствамъ, заслуживаетъ, чтобы его ставили на ряду съ двумя наиболѣе благородными чувствами. Мало того, можно смѣло утверждать, что тонкость обонянія у человѣка въ прямой связи съ его умственными способностями.

Обоняніе, какъ и всѣ другія чувства, воспринимаетъ впечатлѣнія черезъ нервную систему. Важность обонятельныхъ нервовъ уже тѣмъ опредѣляется, что они занимаютъ первое мѣсто въ ряду двѣнадцати паръ нервовъ, выступающихъ на плоскомъ основаніи мозга, отъ которыхъ первые къ тому-же отличаются своеобразною формой. Свойства обонянія до сихъ поръ были мало извѣстны ученымъ. Предполагали только, что всѣ пахучія вещества испускаютъ газы, которые производятъ на наши обонятельные нервы таинственное очарованіе. В. Рамзей, въ Бристолѣ, рядомъ опытовъ пришелъ къ весьма интересному заключенію. что ощущеніе запаха вызывается тончайшими, неуловимыми для глаза колебаніями пахучаго газа, подобно тому, какъ звукъ вызывается колебаніями воздушныхъ волнъ. а свѣтъ—колебаніями эфира. съ тою только разницею, что колебанія запаха совершаются несравненно быстрѣе. Они сообщаются носу посредствомъ похожихъ на волоски оконечностей веретенообразныхъ клѣточекъ, состоящихъ въ связи съ обонятельными нервами.

Какъ между звуками есть основные, къ которымъ примыкаютъ остальные и съ ними сливаются въ аккорды, или гармонію, такъ и между запахами есть такіе, которые состоятъ изъ цѣлаго ряда гармоническихъ запаховъ или пахучихъ аккордовъ: изъ нихъ-то вышеупомянутый изслѣдователь и выводитъ различныя свойства запаховъ. Весьма важно то обстоятельство, что обонятельное воспріятіе получается не путемъ непосредственнаго прикосновенія, а посредствомъ втягиванія воздуха носомъ (вдыханіе), изъ чего слѣдуетъ, что хорошее обоняніе находится въ связи съ хорошимъ дыханіемъ. Кто не желаетъ слышать какого-нибудь запаха, тому стоитъ только по возможности задержать дыханіе, закрывъ отверстіе носа. Но бываютъ запахи до того ѣдкіе, что они невольно захватываютъ дыханіе.

Изъ этого очевидно важное соотношеніе, существующее между нашимъ обонятельнымъ и дыхательнымъ органомъ. Мы должны быть столько же разборчивы насчетъ вдыхаемаго нами воздуха, сколько и при выборѣ пищи и питья. Все нездоровое и противное, попадающее въ желудокъ, обыкновенно возвращается назадъ; но все вредное, проникающее въ легкія, немедленно переходитъ въ кровь и въ самомъ корнѣ подтачиваетъ здоровье. Далѣе: пища и питье принимаются нами не постоянно, а въ извѣстные сроки, и въ крайнемъ случаѣ мы даже можемъ довольно долго безъ нихъ обходиться; въ воздухѣ же мы нуждаемся съ первой до послѣдней минуты и готовы, чтобъ не задохнуться, принимать въ легкіе даже вредную дыхательную пищу.

Въ этомъ отношеніи человѣкъ можетъ многому поучиться у животнаго. Посмотрите на собаку, когда она утромъ лежитъ въ нишѣ открытаго окна и дышетъ свѣжимъ воздухомъ. Грудь ея мѣрно колышется, ноздри раздуваются: она видимо наслаждается. Съ другой стороны—самое вѣрное средство удалить собаку отъ какого-нибудь мѣста, это насыпать тамъ дурно пахнущаго вещества.

Всѣми давно признана важная роль обонянія въ расположеніи духа человѣка. Ничто не возбуждаетъ такъ сильно памяти, какъ разные запахи. Отсюда, вѣроятно, религіозный обычай у всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ сопровождать свои жертвоприношенія сожиганіемъ благовонныхъ веществъ. Запахъ. ими распространяемый, очевидно имѣетъ цѣлью вызывать воспоминаніе о давно-прошедшихъ благодѣяніяхъ. Куреніе ѳиміамомъ было въ большомъ ходу и у грековъ, и у римлянъ, и у древнихъ египтянъ, и у евреевъ.

Вотъ что говоритъ одинъ англійскій писатель о вліяніи обонянія на расположеніе духа. „Благоуханія—это талисманы. которые вызываютъ обратно счастливыя представленія прошлаго, порождаютъ пріятное сочетаніе идей и оживляютъ надежды. Они—ключъ отъ золотыхъ воротъ, ведущихъ въ царство мечтаній, успокоительныхъ мыслей и представленій“.

Всякій легко можетъ убѣдиться, что безъ запаха нѣтъ и вкуса: для этого стоитъ только зажать носъ. Съ помощью этого простаго средства легко проглатывается самое отвратительное лекарство. У кого тонкій вкусъ, у того непремѣнно и тонкое обоняніе. Послѣднимъ обладаютъ всѣ умные люди. на подобіе греческихъ боговъ, которые въ благоуханіи находили высшее наслажденіе. Въ индійской поэмѣ „Магабарата“. Магавидіа. на поискахъ Амру, идетъ по вѣтру. который

до нея доноситъ его дыханіе. Кардиналъ Альберони обладалъ столь тонкимъ обоняніемъ, что, потерявъ подъ старость зрѣніе, могъ по запаху отличать старую женщину отъ молодой. Не менѣе тонкимъ обоняніемъ отличался и Руссо, который „могъ бы написать ботанику запаховъ, еслибъ въ языкѣ было столько же выраженій, сколько въ природѣ запаховъ“. Кантъ не терпѣлъ въ своей аудиторіи бѣдныхъ студентовъ: ему было невыносимо дыханіе людей, которые дурно питаются. Тѣхъ, кто ѣстъ много чернаго хлѣба, онъ называлъ „простымъ людомъ“. У Наполеона было до того тонкое обоняніе, что онъ все время переѣзда на островъ Св. Елены, хворалъ отъ запаха каната и смолы на кораблѣ. Позже, въ изгнаніи, онъ, изъ отвращенія къ запаху свѣжей масляной краски, отказывался перебраться въ новый, хорошо-устроенный домъ, предпочитая оставаться въ старомъ, лишенномъ удобствъ помѣщеніи. Король Испанскій, Филиппъ II, холодный, деспотическій характеръ котораго достаточно извѣстенъ въ исторіи, былъ крайне нечувствителенъ ко всякимъ запахамъ.

Но вообще человѣкъ отъ природы одаренъ тонкимъ обоняніемъ. Объ этомъ, между прочимъ, свидѣтельствуютъ удивительные разсказы путешественниковъ о дикихъ туземцахъ, которые по запаху отличаютъ настоящій металлъ отъ поддѣльнаго. Извѣстное садовое растеніе гортензія, обязано своимъ именемъ француженкѣ Гортензіи, которая, переодѣтая мужчиной, совершила морское путешествіе: никто изъ спутниковъ ея не заподозрилъ въ ней женщины; но лишь только она вышла на берегъ одного изъ острововъ Тихаго океана, туземные жители немедленно, по запаху, опредѣлили ея полъ. Индѣецъ, съ помощью обонянія, выслѣживаетъ врага.

Для человѣка съ тонкимъ обоняніемъ каждое жилое помѣщеніе имѣетъ свой спеціальный запахъ, обусловливаемый множествомъ разныхъ, и рѣзко бросающихся въ глаза, и почти незамѣтныхъ обстоятельствъ. Тутъ большую роль играютъ богатство и бѣдность. Часто приходится слышать замѣчаніе: „здѣсь пахнетъ нищетой“. Подъ этимъ подразумѣваются вредныя испаренія, запахъ дыма, гнили, плѣсени и т. д. Но и жилища богатыхъ, или такъ-называемыхъ „порядочныхъ людей“, въ свою очередь, тоже всѣ имѣютъ свои собственные запахи, которые зависятъ отъ нравовъ, образа жизни, степени чистоты, присутствія или отсутствія дѣтей и еще отъ многаго множества разныхъ обстоятельствъ.

Старые дома, особенно нижніе и подвальные этажи въ нихъ, часто отдаютъ вѣкомъ, другимъ назадъ. Старинные замки тоже обладаютъ своимъ спеціальнымъ запахомъ. Ихъ старомодно меблированные залы и будуары и донынѣ еще пропитаны запахомъ рококо. Проходя мимо церкви въ чужомъ городѣ, даже слѣпецъ можетъ по запаху опредѣлить, какому вѣроисповѣданію она отведена: католическому или евангелическому. Своимъ особеннымъ, имъ однимъ свойственнымъ запахомъ отличаются большія библіотеки, старые гербаріи, книжные магазины, только что оттиснутые нумера газетъ и журналовъ: запахъ этотъ пріятно щекочетъ носъ всѣхъ любителей книжнаго дѣла.

Если-бы кто-нибудь изъ умершихъ сто лѣтъ тому назадъ—теперь вернулся къ жизни, онъ навѣрное нашелъ бы, что наша современная атмосфера—за исключеніемъ развѣ только лѣсныхъ и гористыхъ мѣстностей—совсѣмъ иная, чѣмъ была въ его время. Перемѣну эту надо въ значительной мѣрѣ приписать каменному углю, который въ наши дни находитъ себѣ столь обширное примѣненіе и въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, и въ домашнемъ обиходѣ. Пильныя мельницы, плавильни, кузницы—все это имѣетъ свою собственную, спеціальную атмосферу, которая часто наводитъ на пріятныя мысли, вызываетъ воспоминанія о родинѣ, о той или другой мѣстности. Съ какимъ удовольствіемъ вы, во время путешествія, выходите изъ экипажа и заглядываете въ лежащую у васъ на пути мельницу, гдѣ запасаетесь запахомъ свѣжей муки. Полною грудью, съ наслажденіемъ вдыхаете вы смолистый запахъ дерева, доносящійся до васъ съ пильнаго завода, или запахъ сажи съ сосѣдней кузницы или плавильной печи. Все это вызываетъ въ васъ какое-нибудь представленіе, оживляетъ какое-нибудь воспоминаніе.

Путешествія и прогулки, или, говоря иначе, близкое общеніе съ природой, представляютъ особенно обширное поле для наблюденій надъ массой разнородныхъ запаховъ. Вы входите въ глубокую долину, между высокими горами, поросшими хвоей: васъ вдругъ обдастъ свѣжестью и чувствомъ неразрывной связи съ первобытною природой. Такое же ощущеніе испытываете вы на берегу океана, когда полной грудью дышете морскимъ воздухомъ. А въ лѣсу, какую обильную пищу находитъ для себя обоняніе! Въ сырыхъ и тѣнистыхъ уголкахъ васъ встрѣчаетъ сочное благоуханіе широколиственныхъ травъ; въ другихъ мѣстахъ—болѣе скромный ароматъ мховъ; дальше едва уловимый запахъ грибовъ или бальзамическое дыханіе цѣлаго общества цвѣтовъ и можжевельныхъ ягодъ.

Извѣстно, что негритянская раса, даже по смѣшеніи съ европейскою, сохраняетъ свой специфическій запахъ. Здѣсь, должно быть, играетъ роль пигментъ (красящее вещество кожи), какъ и у рыжеволосыхъ, которые, по свидѣтельству людей съ очень тонкимъ обоняніемъ, издаютъ запахъ, слегка похожій на чесночный. Потребитель вина слышенъ за нѣсколько шаговъ по кислому запаху, а потребитель водки—по запаху перегара. Ремесленникъ, даже въ праздничномъ платьѣ, носитъ съ собой запахъ своего ремесла. Отъ кожевника несетъ дубломъ, отъ сапожника—кожей, отъ аптекаря—лекарственнымъ снадобьемъ. Многіе по запаху узнаютъ больныхъ лихорадкою, а доктора нерѣдко, еще до изслѣдованія паціента, уже по запаху опредѣляютъ его болѣзнь. Извѣстно также, что разные запахи не одинаково воспринимаются разными цивилизованными націями. Особенно разборчивы въ этомъ отношеніи итальянцы: они, напримѣръ, терпѣть не могутъ духовъ, которые въ такомъ почетѣ у ихъ сосѣдей.

Недавно, два американскіе физіолога, Никольсъ и Балей, пришли къ неожиданнымъ открытіямъ въ области обонянія. Эти двое ученыхъ производили слѣдующіе опыты. Они наполняли склянки растворами пахучихъ веществъ (гвоздичнымъ масломъ, экстрактомъ чесноку, растворомъ синильной кислоты и т. д.) различной крѣпости, и предлагали нюхать разнымъ лицамъ. При этомъ обнаружилась удивительная разница въ степени обонянія у разныхъ индивидуумовъ. Трое, напримѣръ, слышали запахъ синильной кислоты въ растворѣ 1 грамма ея въ 2,000 килограммахъ воды. Другіе за-то не слышали его въ растворѣ, во сто разъ крѣпчайшемъ. Но самый интересный результатъ ихъ опытовъ заключается въ опредѣленіи разныхъ степеней обонянія у мужчинъ и женщинъ. Опыту были подвергнуты 44 мужчины и 39 женщинъ. Оказывается, что у мужчинъ обоняніе гораздо тоньше, чѣмъ у женщинъ. Ни одна изъ подвергнутыхъ опыту женщинъ не ощущала присутствія синильной кислоты уже въ растворѣ одной части въ 20,000 частей воды по вѣсу. Большинство же мужчинъ еще признавало ее въ растворѣ 1:100,000. Запахъ лимона мужчины узнавали въ растворѣ 1:250,000, женщины лишь въ растворѣ вдвое крѣпчайшемъ. Такіе же почти результаты дали опыты съ чеснокомъ и другими тому подобными веществами. Это вполнѣ противорѣчитъ ходячему мнѣнію, будто женщины вообще чувствительнѣе къ запахамъ, чѣмъ мужчины. Мнѣніе это, должно быть, основано на томъ, что женщины любятъ духи больше, чѣмъ мужчины. На самомъ же дѣлѣ пристрастіе ихъ къ духамъ объясняется именно тѣмъ, что нервы у нихъ, меньше чѣмъ у мужчинъ, чувствительны къ запахамъ, и онѣ потому лучше переносятъ духи.

Но вообще кругъ дѣятельности обонянія у человѣка несравненно ограниченнѣе, чѣмъ у животныхъ. Возьмемъ для примѣра собаку. Ея обонянію доступенъ запахъ тамъ, гдѣ мы его и не подозрѣваемъ. Не даромъ радуется она сборамъ своего хозяина на прогулку: сколько впечатлѣній и разнородныхъ ощущеній ожидаетъ ее на открытомъ воздухѣ! Ни одинъ ботаникъ не предается такъ страстно, какъ она, изслѣдованію почвы подъ ногами. Иногда какой-нибудь запахъ надолго удерживаетъ ее на одномъ мѣстѣ. Къ ней присоединяются и другія, встрѣчныя собаки, и всѣ онѣ туда же устремляютъ носъ и обнюхиваютъ землю съ глубокомысліемъ ученаго, рѣшающаго трудную задачу. Тамъ, гдѣ собакѣ измѣняетъ зрѣніе, его вполнѣ замѣняетъ ей обоняніе. Собака слышитъ запахъ не только присущій ея хозяину, но и всѣмъ домочадцамъ его: одежда ихъ пропитана для нея своимъ специфическимъ запахомъ. Мало того, она по запаху же узнаетъ лицъ связанныхъ кровнымъ родствомъ съ ея хозяиномъ.

Особенно важнымъ подспорьемъ служитъ обоняніе для тѣхъ животныхъ, которыя живутъ на свободѣ и сами добываютъ себѣ пищу—и преимущественно для тѣхъ, которымъ природа, для своихъ цѣлей, предназначила питаться падалью. У насѣкомыхъ тоже въ высшей степени развито обоняніе. Съ какой быстротой лѣтомъ слетаются осы къ открытому окну или на балконъ, когда вы начинаете тамъ ѣсть плоды или что-нибудь сладкое. Какъ тщательно избѣгаютъ пчелы приближаться къ чесноку и, напротивъ, какъ назойливо увиваются вокругъ раздушеннаго франта, когда встрѣтятъ его на пути. Все это развѣ не доказываетъ тонкости обонянія у пчелъ? А наши комнатныя мухи, во множествѣ слетающіяся на скатерть, послѣ нашего обѣда, чтобы покормиться тамъ крошками? Онѣ при томъ очевидно руководятся не глазами, которые у нихъ очень велики, а обоняніемъ: какъ безошибочно тычутъ онѣ хоботкомъ именно туда, гдѣ есть чѣмъ покормиться. Ихъ кровожадные родственники, большіе охотники до падали—оводы, тоже, какъ извѣстно, издалека прилетаютъ на запахъ ея.

Мы могли бы привести еще много примѣровъ тонкаго чутья у насѣкомыхъ, но полагаемъ и этого достаточно, чтобы убѣдить нашихъ читателей. Не мало предстоитъ также еще и новыхъ открытій въ этомъ родѣ.

Все вышесказанное только еще больше доказываетъ несправедливость презрѣнія, часто оказываемаго чувствамъ вкуса и обонянія. Не даромъ же утонченные французы соединяютъ въ одномъ словѣ sentir дѣйствія и обонянія, и вкуса, и чувствительности. Да и всѣ современныя цивилизованныя націи, желая доказать красоту или пріятность какого-либо предмета, на всѣхъ языкахъ повторяютъ одно и то же слово: *gusto, goût, Geschmack, вкусъ* и, такимъ образомъ, какъ бы сопоставляютъ духовное впечатлѣніе отъ красоты съ матеріальными ощущеніями языка и нёба. (N.)

Къ рисункамъ.

„Запорожскій сторожевой пунктъ“ и „У корчмы“. Картины Васильковскаго. (Рис. на стр. 465 и 468).

Даровитый пейзажистъ Сергѣй Ивановичъ Васильковскій въ своихъ произведеніяхъ воспроизводитъ чаще всего жизнь запорожцевъ, какъ напримѣръ въ прилагаемой картинѣ „Запорожскій сторожевой пунктъ“, или виды своей родины: Харьковской губерніи и сосѣднихъ съ нею мѣстностей. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ его вторая изъ печатаемыхъ въ нынѣшнемъ нумерѣ картинъ „У корчмы въ Харьковской губерніи“. Послѣдняя не требуетъ поясненій; что касается первой, то мы уже не разъ описывали казачьи сторожевые пикеты, заимствованные теперешними казаками у запорожцевъ. Принципъ одинъ и тотъ же: тревогу подинмаетъ пукъ соломы или пакли, зажженный на вышкѣ и видный въ степи на далекомъ разстояніи. Картина г. Васильковскаго изображаетъ запорожцевъ, расположившихся со своими конями на такомъ сторожевомъ пунктѣ.

Воспитанникъ нашей Академіи Художествъ, г. Васильковскій сразу обратилъ на себя вниманіе своею талантливостью и послѣ 9-лѣтняго пребыванія въ Академіи, въ 1885 году, за программу по пейзажной живописи былъ удостоенъ первой золотой медали и назначенъ пенсіонеромъ академіи заграницу на четыре года. Тамъ онъ работалъ преимущественно въ Парижѣ, откуда было прислано на наши выставки не мало интересныхъ работъ, главнымъ образомъ видовъ различныхъ мѣстностей Франціи и Испаніи, изъ которыхъ картина „Окрестности Желоса“ была пріобрѣтена Государыней Императрицей. Гравюру съ этой прелестной картины читатели *Нивы* найдутъ въ № 24 за прошлый годъ.

„Передъ обѣдомъ“. Картина Н. Загорскаго.

(Рис. на стр. 469).

Какъ жизненно и правдиво передана эта не лишенная юмора сценка передъ обѣдомъ! Послѣ долгаго ожиданія, небольшое общество сразу оживилось, какъ только хлѣбосольная хозяйка пригласила честную компанію закусить. Скуки какъ не бывало. Лица у всѣхъ веселы и, предвкушая обильное угощеніе, непрекрасный полъ не торопясь пропускаетъ рюмочку-другую для возбужденія аппетита.

Авторъ этой мастерской картинки изъ нашей повседневной жизни—извѣстный жанристъ Николай Петровичъ Загорскій, картины и рисунки котораго появляются на судъ публики уже болѣе 15 лѣтъ.

„Неаполитанка“. Картина Зихеля. (Рис. на стр. 473).

Красота итальянокъ легендарно славится. Особенною прелестью и миловидностью отличаются бѣлокурыя венеціанки и смуглыя женщины Неаполя. Граціозныя, съ темными глазами обитательницы города каналовъ нашли въ извѣстномъ живописцѣ Евгеніи фонъ-Блаасъ талантливаго изобразителя ихъ красоты. Другой, не менѣе славный художникъ Н. Зихель, хорошо знакомый по цѣлому ряду красавицъ, имъ воспроизведенныхъ въ своихъ картинахъ, на этотъ разъ изобразилъ миловидную молодую неаполитанку съ прелестными задумчивыми глазами.

„Подвѣнечный нарядъ“. Картина Гизелы.

(Рис. на стр. 476 и 477).

Весьма живая сценка, часто наблюдаемая въ небогатыхъ семейныхъ домахъ. Старшую дочь одѣваютъ къ вѣнцу; младшія съ любопытствомъ оглядываютъ невиданный костюмъ, надъ которымъ хлопочутъ горничныя; гувернантка подаетъ свои совѣты; пожилая прислуга тѣснится у дверей, перешептываясь о судьбѣ любимой „барышни“.

Сама невѣста какъ бы овѣяна грезами юнаго, ничѣмъ еще не тронутаго счастья; въ сладкой задумчивости, медлительно-лѣнивымъ движеніемъ оправляетъ она подвѣнечный нарядъ, желая предстать избраннику сердца во всемъ обаяніи красоты и граціи.

Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій.

(Портр. на этой стр.).

Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій. Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Его Императорское Высочество Князь Николай Максимиліановичъ Романовскій, Герцогъ Лейхтенбергскій, сынъ герцога Максимиліана (Евгенія-Іосифа-Наполеона) Лейхтенбергскаго, находившагося въ бракѣ съ Великой Княгиней Маріей Николаевной, Августѣйшею сестрой въ Бозѣ почившаго Императора Александра Николаевича, родился 23 іюля 1843 г. въ Сергіевкѣ, въ загородномъ дворцѣ Великой Княгини Маріи Николаевны.

Благодаря заботамъ Августѣйшей своей матери, Герцогъ получилъ весьма солидное домашнее воспитаніе, такъ что онъ, по достиженіи зрѣлаго возраста, вскорѣ завоевалъ себѣ мѣсто въ ряду людей науки, признаваемыхъ уже не диллетантами, но настоящими учеными.

Въ офицеры произведенъ 20 октября 1852 г., 1 октября 1856 г. зачисленъ лейбъ-гвардіи въ 4-й стрѣлковый Императорской Фамиліи баталіонъ, 30 августа 1865 г. получилъ чинъ генералъ-маіора съ назначеніемъ въ свиту Его Императорскаго Величества, а 1 января 1878 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ Его Величества. Назначенный во время войны 1877 г. въ составъ дѣйствующей арміи, Князь Николай Максимиліановичъ участвовалъ въ геройскомъ переходѣ нашихъ войскъ черезъ Балканы въ качествѣ начальника кавалеріи передового отряда. За взятіе Казанлыка онъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, а за славный бой подъ Эски-Загрою — золотою саблею за храбрость. Его Высочество состоитъ по гвардейской пѣхотѣ; онъ шефъ 27-го драгунскаго Кіевскаго имени своего полка.

7 (19) мая 1865 года онъ принялъ на себя званіе президента Императорскаго С.-Петербургскаго Минералогическаго Общества, въ которомъ состоитъ и по сіе время. Въ теченіе 25-ти лѣтъ Его Императорское Высочество постоянно заботился о благосостояніи и процвѣтаніи Общества, и самъ принималъ дѣятельное участіе въ его ученыхъ трудахъ. Признательное Общество, желая увѣковѣчить память о томъ времени, въ теченіе котораго имѣло счастіе состоять подъ его предсѣдательствомъ, ходатайствовало объ учрежденіи золотой медали имени Его Высочества (Николае-Максимиліановской), для награжденія оною ежегодно, въ видѣ почетной преміи, авторовъ лучшихъ сочиненій по минералогіи, геологіи и палеонтологіи, на что́ и послѣдовало милостивое Его Величества Государя Императора соизволеніе.

Лѣтомъ 1865 года, Герцогъ, желая ознакомиться съ каменноугольными мѣсторожденіями центральной Европейской Россіи, совершилъ путешествіе, въ сообществѣ академиковъ *Зи-*

нина и *Кокшарова*. въ Тульскую губернію, въ имѣніе графа *Бобринскаго* (Богородицкаго уѣзда), гдѣ съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ всѣ геогностическіе разрѣзы и каменноугольный рудникъ графа. Въ 1866 г.. по Высочайшему повелѣнію, Герцогъ объѣхалъ весь Уралъ въ сопровожденіи воспитателя своего, генерала *К. Г. Ребиндера*, и академиковъ *Зинина* и *Кокшарова* и, по возвращеніи въ Петербургъ, представилъ подробный отчетъ Его Величеству Государю Императору. Имъ осмотрѣно было съ особеннымъ вниманіемъ все касающееся горнаго дѣла, минералогіи и геогнозіи. Во время этого путешествія онъ собралъ обширную и превосходную коллекцію уральскихъ минераловъ, которая послужила впослѣдствіи драгоцѣннымъ матеріаломъ для минералогическихъ работъ. На Уралѣ Герцогъ оставилъ по себѣ добрую память, по своему любезному характеру, любознательности и обходительности.

Изъ наиболѣе выдающихся сочиненій герцога можно назвать слѣдующія:

1) Топазъ необыкновенной величины. (*Сборникъ* Имп. СПБ. Мин. общ. по случаю 50-ти-лѣтняго юбилея, 1867, стр. 657).

2) Замѣчательные самородки золота. (*Сборникъ* Имп. СПБ. Мин. общ. и т. д., стр. 662).

3) Результаты анализовъ лейхтенбергита. (*Записки* Имп. СПБ. Мин. общ., часть I, стр. 347).

4) О кочубеитѣ, кеммереритѣ и пеннинѣ. (*Записки* Имп. СПБ. Мин. общ., часть III, стр. 289).

5) Изслѣдованіе химическаго состава и оптическихъ свойствъ кочубеита. (*Записки* Имп. СПБ. Минер. общ., ч. IV, стр. 333).

6) О результатѣ разложенія магнитнаго колчедана изъ Валлиса. (*Записки* Имп. СПБ. Мин. общ., часть IV, стр. 338).

7) О двухъ новыхъ формахъ, открытыхъ въ кристаллахъ русскаго брукита. (*Записки* Имп. СПБ. Минер. общ., часть VII, стр. 82).

8) Кристаллографическія изслѣдованія брукита изъ Атлянской розсыпи на Уралѣ. (*Записки* Имп. СПБ. Минер. общ., часть VII, стр. 368).

По случаю юбилея. Минер. Общество поднесло Его Высочеству адресъ, въ которомъ исчисляетъ многочисленные труды и пожертвованія Герцога на пользу Общества. какъ напр. принесенную въ даръ Обществу коллекцію образцовъ каменнаго угля, собранныхъ во время путешествія въ Тульскую губ., исходатайствованіе передъ самымъ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ Общества, ежегоднаго, въ теченіе пяти лѣтъ, отпуска трехъ тысячъ рублей изъ суммъ Государственнаго Казначейства на производство геогностическихъ изслѣдованій нашего дорогаго отечества, и др. многоцѣнные дары. Адресъ заключается слѣдующими строками:

„Двадцатипятилѣтняя дѣятельность Вашего Императорскаго Высочества въ званіи Президента Общества сохранится навсегда для потомства въ исторіи нашего Общества и, смѣемъ думать, составитъ одну изъ лучшихъ свѣтлыхъ ея страницъ. Намъ, современникамъ Вашимъ, только остается въ настоящій день выполнить нашу нравственную обязанность, принести Вашему Императорскому Высочеству глубочайшую, безпредѣльную благодарность за Ваше теплое участіе въ судьбѣ Общества, за Ваше постоянно благосклонное расположеніе къ его дѣятельности и полную готовность содѣйствовать его преуспѣянію. Намъ остается затѣмъ пожелать, чтобы та существенная связь, во имя науки и отечественнаго просвѣщенія, которая установилась между Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ и Минералогическимъ Обществомъ еще до принятія Вами званія Президента,—со дня принятія званія почетнаго члена,—сохранилась еще на долгіе и долгіе годы. Мы увѣрены, что въ этой связи кроется залогъ дальнѣйшаго преуспѣянія всѣмъ намъ дорогаго отечества и поэтому еще разъ почтительнѣйше просимъ сохранить къ Обществу Ваше всегдашнее благосклонное расположеніе. Да послужитъ оно побужденіемъ для каждаго изъ насъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощреніемъ къ дальнѣйшимъ посильнымъ трудамъ на пользу науки и точнѣйшаго ознакомленія съ минеральными богатствами нашего обширнаго отечества".

Состязаніе лошадей въ скачкѣ черезъ препятствія (concours hippique).
(Рис. на стр. 484).

По примѣру Парижа, гдѣ въ громадномъ помѣщеніи Дворца Промышленности устраиваются ежегодно большія и блестящія concours hippiques, въ Петербургѣ второй годъ устраиваются въ Михайловскомъ манежѣ состязанія лошадей въ скачкѣ черезъ препятствія. Большой успѣхъ прошлогоднихъ скачекъ вызвалъ въ текущемъ году устройство ихъ даже дважды, въ концѣ зимы и весною. Устраивались онѣ Обществомъ Поощренія Полевыхъ Достоинствъ Охотничьихъ Собакъ и Лошадей, и надо отдать справедливость главнымъ организаторамъ скачекъ, испытанія прошли съ выдающимся успѣхомъ и громаднымъ интересомъ, въ присутствіи Высочайшихъ Особъ и самой изысканной публики столицы. Послѣднія скачки происходили въ теченіе 3 дней, 15, 18 и 21 апрѣля. и состояли изъ нѣсколькихъ разрядовъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ приходилось преодолѣть до 14 различныхъ препятствій въ родѣ живыхъ изгородей, деревянныхъ барьеровъ, каменныхъ стѣнокъ и т. п. Нашъ рисунокъ изображаетъ одно изъ такихъ состязаній въ манежѣ, переполненномъ зрителями.

Труппа лилипутовъ.
(Портр. на стр. 485).

Эти десять самыхъ крошечныхъ артистовъ въ свѣтѣ стали въ такой мѣрѣ любимцами русской публики обѣихъ столицъ, что мы считаемъ не лишнимъ познакомить ее съ нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями о миніатюрныхъ представителяхъ сценическаго искусства. Утѣшительно видѣть, что и въ такомъ крохотномъ тѣлѣ живетъ бодрый человѣческій духъ, отнюдь не чувствующій себя несчастнымъ вслѣдствіе несовершенства своей тѣлесной формы. Въ самомъ дѣлѣ, кто разъ видѣлъ лилипутовъ въ ихъ частной жизни, тотъ не могъ не поддаться очарованію этихъ веселыхъ маленькихъ людей, которые совершенно счастливы по своему и очень любятъ свое призваніе, хотя хорошо знаютъ, что большинство публики стекается не любоваться ихъ искусствомъ, а просто поглазѣть на ихъ ростъ. Ростъ этотъ, какъ извѣстно, поразительно малъ—отъ 1¼ аршина (Францъ Эбертъ) до аршина и 10 вершковъ (г-жа Минхенъ Беккеръ).

Вотъ свѣдѣнія о полномъ составѣ труппы:

Г-жа **Зельма Гёрнеръ**, субретка труппы, родилась въ маленькомъ мѣстечкѣ на русско-силезской границѣ, въ бѣдной семьѣ (отецъ былъ нѣмецъ, мать—полька), рано осиротѣла и вмѣстѣ съ единственною (старшею) сестрой добывала скудный заработокъ плетеніемъ кружевъ. пока не примкнула къ труппѣ лилипутовъ, въ которой нынѣ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, не смотря на свой крошечный ростъ. Эта игра природы тѣмъ замѣчательнѣе, что старшая ея сестра. живущая теперь въ Берлинѣ, отличается ненормально большимъ ростомъ и выше многихъ мужчинъ.

Г-жа **Ида Маар**ъ, выдающаяся въ средѣ лилипутовъ преимущественно какъ пѣвица и владѣющая хорошо обработаннымъ сопрано. также отчасти польскаго происхожденія; она родилась въ Бромбергѣ (великое герцогство Познань), гдѣ отецъ ея былъ бѣднымъ портнымъ. Въ дѣтствѣ прибывъ въ Берлинъ, она получила хорошее школьное образованіе и впослѣдствіи развила свое литературное дарованіе: нынѣ много ея стихотвореній и др. произведеній напечатано въ различныхъ нѣмецкихъ листкахъ.

Г-жа **Минхенъ Беккеръ**. веселая ingénue труппы, родилась на Рейнѣ, въ городѣ Обергауфенъ. Отецъ ея былъ архитекторомъ, и она получила хорошее воспитаніе. а любовь къ искусству привела ее на сцену.

Г-жа **Берта Егеръ** родилась въ рыбачьей семьѣ на Балтійскомъ прибрежьѣ, близъ Кенигсберга. Замѣчательны прилежаніе и энергія, съ которыми она пополнила необходимыя школьныя свѣдѣнія и усвоила себѣ извѣстный лоскъ.

Въ противоположность ей, г-жа **Тони Мейстеръ** принадлежитъ къ весьма зажиточной баварской семьѣ. Дядя ея—извѣстный депутатъ Мюнхенскаго сейма. Она съ дѣтства была прекрасно воспитана, владѣетъ довольно значительнымъ личнымъ имуществомъ, и хотя вполнѣ независима отъ семьи, но лишь цѣной упорной борьбы добилась возможности послѣдовать своему призванію и примкнуть къ лилипутамъ.

Обзоръ мужскаго персонала мы начнемъ съ **Франца Эберта**, самаго крошечнаго лилипута, которaго одно появленіе на сценѣ вызываетъ взрывы неудержимаго смѣха. Онъ родился въ Фюрстенвальде, близъ Берлина. Отецъ его—сельскій хозяинъ, старшій братъ служитъ сержантомъ прусской гвардіи; кромѣ того, есть еще младшіе. Семья его бѣдна, и такъ какъ старшему брату служба не дозволяетъ о ней заботиться, маленькій Францъ Эбертъ, какъ добрый сынъ и братъ, принялъ въ ней участіе, купилъ ей на родинѣ домъ и сверхъ того оказываетъ щедрую поддержку. Братьямъ своимъ (всѣ они нормальнаго роста) онъ даетъ воспитаніе и всячески о нихъ заботится.

Старшій въ труппѣ, **Іоганнъ Вольфъ**, также домовладѣлецъ. Онъ родомъ моравъ, и единственный изъ лилипутовъ, до поступленія въ труппу, добывалъ себѣ хлѣбъ „искусствомъ". странствуя и распѣвая вмѣстѣ съ братомъ, Игнатіемъ, до тѣхъ поръ, пока возникновеніе „общества лилипутовъ" позволило ему пристроиться посолиднѣе.

Максъ Вальтеръ родомъ изъ Гамбурга, гдѣ онъ былъ подмастерьемъ у портнаго, до того времени, какъ поступилъ въ труппу.

Германъ Рингъ обладаетъ замѣчательнымъ музыкальнымъ дарованіемъ, онъ какъ бы прирожденный капельмейстеръ и владѣетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ инструментовъ отъ флейты до органа. Онъ, подобно г-жѣ Егеръ. дитя Сѣвера и дѣтскія игры его прошли на берегу Балтійскаго моря.

Младшій изъ всѣхъ лилипутовъ, **Адольфъ Цинкъ**, родился въ Моравіи, въ бѣдной семьѣ поденщиковъ. Воспитаніе и образованіе было дано ему дирекціей труппы.

Какъ извѣстно. труппа исполняетъ большею частью спеціально для нея написанныя пьесы, какъ напр. *Ученикъ Волшебника*, въ которой лилипуты являются автоматами въ мастерской механика, *Свадьба Карловъ* и т. п. Въ роляхъ послѣдней пьесы и сняты прилагаемые портреты.

Политическое обозрѣніе.

„Майскій праздникъ рабочихъ“. какъ уже у насъ сообщалось, прошелъ спокойнѣе, чѣмъ ожидали. Принятыя мѣры предосторожности, а въ особенности благоразуміе большинства трудящихся, разочаровали всѣхъ подстрекателей. При этомъ наблюдалось, что чѣмъ сѣвернѣе страны, тѣмъ спокойнѣе былъ майскій праздникъ. работы на фабрикахъ и заводахъ почти повсюду продолжались и сборища рабочихъ происходили въ порядкѣ; только на Югѣ, гдѣ кровь горячѣе и населеніе менѣе трудолюбиво, замѣчалось болѣе забастовокъ и нѣсколько вспышекъ безпорядковъ.

Въ Стокгольмѣ и въ большей части городовъ Швеціи демонстрація въ пользу нормальнаго восьмичасоваго дня произошла въ полномъ порядкѣ.

Въ Амстердамѣ день 1 мая новаго стиля прошелъ въ полномъ спокойствіи, хотя и состоялись двѣ сходки.

Въ Лондонѣ было также довольно спокойно.

Берлинъ 19 апрѣля (1 мая) былъ спокоенъ и день прошелъ безъ нарушенія порядка. Многочисленныя сборища праздновавшихъ рабочихъ безъ труда разгонялись одиночными полицейскими, въ предмѣстьяхъ тоже никакихъ безпорядковъ не было. На многихъ большихъ фабрикахъ, напримѣръ на фабрикѣ швейныхъ машинъ Фристера и Россмана рабочіе трудились въ полномъ сборѣ. Въ другихъ большихъ городахъ Германіи также работали 1 мая. Только въ Данцигѣ рабочіе на укрѣпленіяхъ. уступая подстрекательствамъ какихъ-то молодыхъ людей. покинули работы. Коноводы были тотчасъ арестованы.

Изъ Швейцаріи сообщаютъ, что тамъ почти вездѣ работали и порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ.

Въ Вѣнѣ рабочіе соблюдали отличный порядокъ и причинъ къ вмѣшательству полиціи и войскъ не было.

Парижъ 19 апрѣля (1 мая) представлялъ обычную картину праздничныхъ дней. Магазины пусты. много лавокъ заперто. Делегація, состоящая изъ депутатовъ Бодена, Тивріе и Ферруля, муниципальныхъ совѣтниковъ Гэда и Вальяна и шести депутатовъ отъ рабочихъ, явилась въ 2 ч. пополудни въ палату депутатовъ. Флокэ принялъ лишь трехъ депутатовъ. Пріемъ продолжался четверть часа. Въ 4 часа произошелъ инцидентъ. Многочисленная группа манифестантовъ, собравшись на площади Согласія, двинулась къ улицѣ du Cirque, намѣреваясь. повидимому, идти къ Елисейскому дворцу. Полиція заградила дорогу, но манифестанты оказали сопротивленіе. Пришлось обнажить сабли. Прискакавшій изъ министерства внутреннихъ дѣлъ эскадронъ муниципальной стражи атаковалъ манифестантовъ. причемъ многіе изъ нихъ были ранены. Произведено много арестовъ. Въ числѣ арестованныхъ послѣ полудня мало французовъ, большая часть арестованныхъ — бельгійцы. швейцарцы, итальянцы и нѣмцы. Въ 10 ч. вечера произошелъ еще инцидентъ. На площади Республики полиція стала осаживать любопытныхъ. При этомъ произошла свалка и произведено нѣсколько арестовъ. Кто-то выстрѣлилъ изъ револьвера въ полицію, но никто не былъ раненъ. Телеграммы изъ промышленныхъ центровъ Франціи сообщили, что забастовки имѣли довольно общій характеръ, но что безпорядковъ нигдѣ не было. Только изъ Труа и Марсели получены извѣстія о бывшихъ тамъ нѣсколькихъ случаяхъ уличныхъ безпорядковъ; вообще же серьезныхъ происшествій не было.

Никакихъ серьезныхъ случаевъ не было также въ Бельгіи, Испаніи и Португаліи.

Въ Италіи рабочіе почти вездѣ работали, магазины были открыты. Единственнымъ инцидентомъ является бомба, брошенная въ Ливорно у входа одного дома и легко ранившая одного купца. Въ Миланѣ спокойно разогнали 300 стачниковъ, пытавшихся помѣшать другимъ идти на работы. Въ Туринѣ разогнали два раза группу, пытавшуюся убѣдить рабочихъ одной бумагопрядильни присоединиться къ стачникамъ. Въ Римѣ, въ теченіе дня, арестовано было всего 46 человѣкъ; изъ нихъ 19 привлечены къ суду, а 27 частью отпущены на свободу, частью высланы на родину. По извѣстіямъ изъ другихъ мѣстъ Италіи, 1 мая прошло спокойно, за исключеніемъ легкихъ случаевъ нарушенія порядка въ весьма немногихъ мѣстностяхъ. Многія рабочія ассоціаціи изъ провинцій прислали въ Римъ по телеграфу протестъ противъ проектируемыхъ манифестацій съ выраженіями преданности существующимъ учрежденіямъ и довѣрія къ правительству.

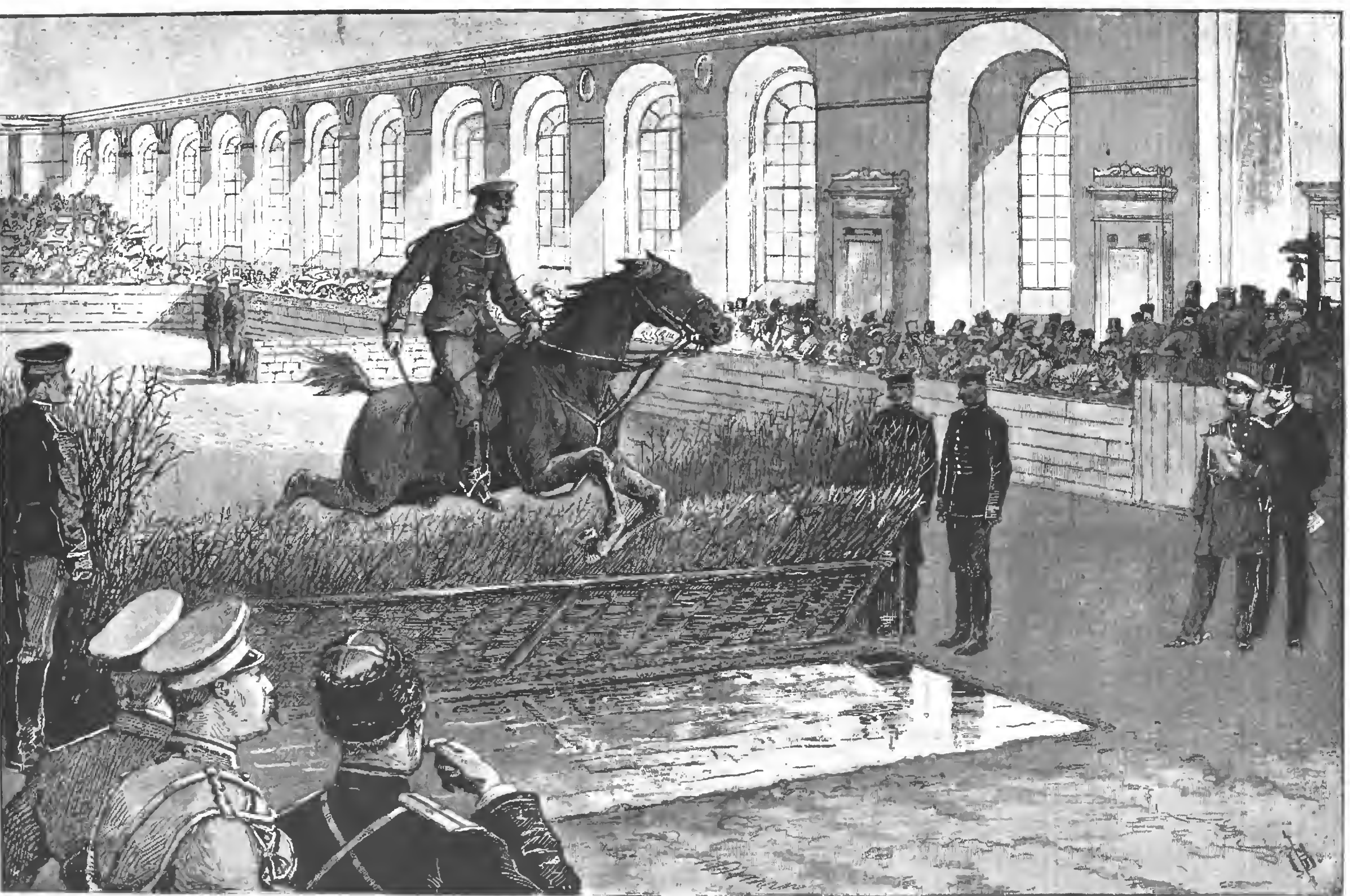
Буланжизмъ доживаетъ послѣдніе дни во Франціи. При перебаллотировкѣ въ муниципальный совѣтъ въ Парижѣ избраны окончательно 52 республиканца разныхъ оттѣнковъ, 6 консерваторовъ и 1 буланжистъ. Предъ такими результатами должны разлетѣться всѣ мечты и надежды поклонниковъ и сторонниковъ генерала Буланже. По газетнымъ сообщеніямъ, послѣдствіемъ парижскихъ городскихъ выборовъ явится распаденіе буланжистскаго центральнаго комитета. Генералъ Буланже, покинутый своими сторонниками, намѣренъ, какъ слышно, издать манифестъ. въ которомъ заявитъ, что отказывается отъ политической дѣятельности.

Въ Берлинѣ, 24 апрѣля, состоялось открытіе императоромъ рейхстага при торжественной обстановкѣ въ Бѣлой залѣ Королевскаго зáмка. Императора окружали прусскіе принцы и члены царствующихъ въ Германіи домовъ. Императрица и принцессы находились въ ложѣ. Дипломатическая ложа была переполнена. Императоръ открылъ рейхстагъ тронною рѣчью, въ которой сказалъ, что долговременное поддержаніе мира служитъ постоянною цѣлью его стремленій. Онъ имѣетъ возможность выразить убѣжденіе. что удалось укрѣпить довѣріе всѣхъ иностранныхъ правительствъ къ благонадежности этой политики. Вмѣстѣ съ императоромъ и его союзниками народъ признаетъ своею задачею охранять миръ, культивируя заключенные для оборонительныхъ цѣлей союзы и поддерживая существующія съ другими державами дружественныя отношенія. Всякое перемѣщеніе условій могущества угрожаетъ равновѣсію и политикѣ мира. Затѣмъ въ тронной рѣчи возвѣщается о внесеніи въ рейхстагъ военнаго законопроекта. Относительно увеличенія численности арміи по штатамъ мирнаго времени тронная рѣчь содержитъ слѣдующее мѣсто: „Съ тѣхъ поръ, какъ были положены основанія нашей военной организаціи, военныя учрежденія нашихъ сосѣдей стали развиваться въ непредвидѣнныхъ размѣрахъ. То, что дѣлалось у насъ, оказывалось недостаточнымъ для уравновѣшиванія перемѣнившагося не въ нашу пользу положенія. Въ виду этого, пришлось усилить численность арміи по штатамъ мирнаго времени и увеличить части войскъ, особенно артиллерію“. Далѣе въ тронной рѣчи о законопроектѣ объ охранѣ рабочихъ говорится: „Я возлагаю особыя надежды на дальнѣйшее развитіе законодательства, касающагося охраны рабочихъ. Прошлогоднія стачки возбудили вопросъ, принимаетъ-ли въ надлежащее соображеніе законодательство нужды рабочаго люда въ предѣлахъ государственнаго порядка. Дѣло идетъ прежде всего о воскресномъ отдыхѣ и о сокращеніи работы женщинъ и дѣтей. Союзныя правительства убѣждены въ томъ, что внесенныя въ послѣдній рейхстагъ предложенія въ общихъ чертахъ могутъ безъ вреда для другихъ интересовъ получить законную силу. Далѣе нуждаются въ улучшеніяхъ законодательныя мѣры къ охранѣ рабочихъ отъ опасностей для жизни, здоровья и нравственности, равно какъ существующіе рабочіе уставы. Сверхъ того, будутъ внесены предложенія относительно увеличенія родительскаго авторитета въ виду увеличивающейся разнузданности малолѣтнихъ рабочихъ, а также предложенія касающіяся лучшаго устройства ремесленныхъ третейскихъ судовъ. Благодаря упорядоченію послѣднихъ, представится возможнымъ примѣнять ихъ при спорахъ между работодателями и рабочими“.

Смѣсь.

Музыкальная критика. Въ 1800 году театръ во Франціи былъ объявленъ національною собственностью, содержимою республикой. Входная плата отмѣнена и двери открыты для всякаго безвозмездно. Во время перваго представленія зала была, конечно, набита биткомъ. Опера, которою открылось представленіе, была въ полномъ ходу и публика съ напряженнымъ вниманіемъ слушала пѣніе и музыку. Но вотъ появились хоры и голоса ихъ слились съ голосами солистовъ. Не успѣла однако начаться совмѣстная партія

Ребусъ. Задача № 27.



Состязаніе въ скачкѣ лошадей черезъ препятствія въ Михайловскомъ манежѣ въ СПБ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы") Бролинга, грав. въ мастерской „Нивы".

хора съ пѣвцами, какъ какая-то торговка поднялась съ мѣста и пронзительнымъ голосомъ закричала на всю залу: „Это безсовѣстно, это обманъ! Что мы не платимъ денегъ, такъ они хотятъ поскорѣе кончить и поютъ всѣ разомъ!“ (с.).

Сѣмена американскаго клевера въ послѣднее время стали во множествѣ поступать на европейскіе рынки. Въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ сельско-хозяйственныхъ изданіяхъ, по этому поводу напечатаны предостереженія противъ покупки сѣмянъ клевера, такъ какъ вмѣстѣ съ ними заносятся и сѣмена сорныхъ американскихъ травъ. Эти травы, пока еще неизвѣстныя у насъ, оказываются очень вредными. Для русскихъ хозяйствъ пріобрѣтеніе американскихъ сѣмянъ, по замѣчанію журнала *Земледѣліе*, тѣмъ болѣе излишне, что вполнѣ доброкачественный клеверъ можно доставать у насъ-же въ Россіи, напримѣръ, изъ сѣмянныхъ хозяйствъ Подольской и нѣкоторыхъ другихъ губерній. (в.)

Берта Егеръ	Іоганъ	Минхенъ	Ида	Зельма	Максъ	Тони	Герм. Рингъ	Адольфъ
19 лѣтъ.	Вольфъ	Беккеръ	Маарь	Гёрнеръ	Вальтеръ	Мейстеръ	26 лѣтъ. 1 арш.	Цинкъ
1 арш. 7¼ верш.	43 лѣтъ.	22 лѣтъ.	22 лѣтъ.	24 лѣтъ.	24 лѣтъ.	25 лѣтъ.	7½ верш.	17 лѣтъ.
	1½ арш.	1 арш. 10½ верш.	1½ арш.	1½ арш.	1 арш. 9 верш.	1 арш. 8½ верш.	Францъ Эбертъ 24 лѣтъ. 1¼ арш.	1 арш. 5⅝ верш.

Труппа лилипутовъ. Сцена изъ оперетки: „Свадьба Карловъ“. Съ фотогр. Г. В. Трунова, грав. въ мастерской „Нивы“.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (17) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ

Лечебное заведеніе Д-ра Бремера. Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ,

учрежденное въ 1854 году. R. № 4457 12—6

Главный докторъ Ф. Вольфъ.

Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искуственно проложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ находятся роскошныя виллы. Цѣны умѣренныя. Проспекты высылаетъ безплатно

Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.

При заведеніи находится русскій врачъ.

Подробности методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungenschwindsucht von Dr. H. Brehmer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

ВСѢХЪ НОВОСТЕЙ ПО ФОТОГРАФІИ.

Фотографическіе аппараты начиная съ 15 р.

Ручные аппараты для моментальныхъ съемокъ, начиная съ **12** рублей. № 4376

Собственная столярная и механическая мастерская.

Новѣйшій полный прейсъ-курантъ съ рецептами изданія 1890 года высылается при полученіи 35 коп. почтовыми марками.

Издательство **ФОТОГРАФИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА** (третій годъ).

Годовая подписка **4 рубля** съ перес.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ **БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко** С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., № 25—1.

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE BOTOT

(ВОДА БОТО) Pt. № 4314 14—7

чиститъ зубы и освѣжаетъ ротъ.

Слѣдуетъ непремѣнно **требовать** настоящую **„ВОДУ БОТО"**.

Главный складъ: **17, Rue de la Paix, PARIS.**
Прежній адресъ: **229, Rue Saint-Honoré.**
Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также **Туалетный Уксусъ Бото** высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.

Представитель для всей Россіи: **Н. Л. Натанъ**, Игнатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ЭЛИКСИРЪ,

ПОРОШОКЪ И ПОМАДА

ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА,

разрѣшены на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащія въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. Косметикъ Одалискъ. Цѣна 2 р., пер. 50 к. Мамонтовое благовонное мыло, обильно пѣнящееся. Цѣна 60 коп., пересылка не менѣе ½ дюж. Оріенталнческая влажная пудра. Цѣна 2 р., пересылка 50 коп. Тополинъ — помада для волосъ. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 коп. № 4350

Бальзамъ Колорадо, растительный продуктъ для волосъ. Цѣна 4 рубля, перес. 1 руб.

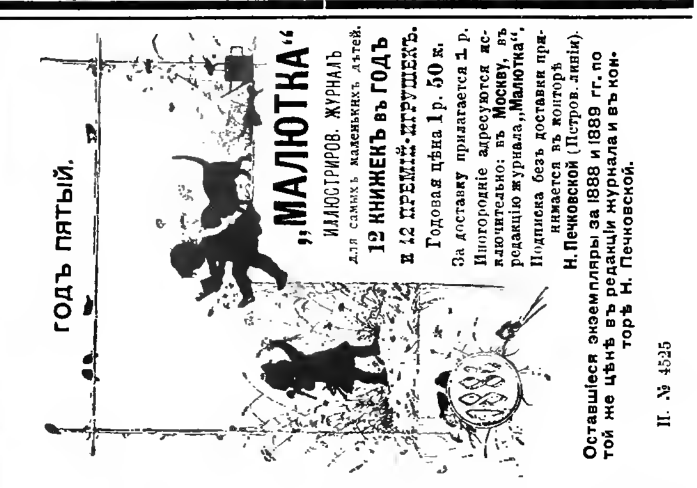
Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Рузанова и СПБ. Химической Лабораторіи. Буиса—въ Москвѣ, на Кузнецкомъ; въ Харьковѣ, Русск. Общ.; въ Вильнѣ у Гружевскаго. Для иногородн. въ магаз. Добржанскаго, въ Варшавѣ.

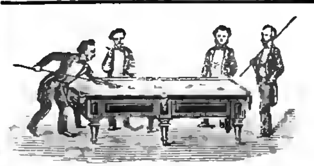
ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., **бензоево мыло** 35 коп. и 50 коп. кусокъ, **опо помада** (лучше кольдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россія 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—5





БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—9

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

CIGARETTES ESPIC contre

ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Dépôt général : STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg
Vente en gros : J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ІОДИСТО-РАЗСОЛЬНЫЯ ВОДЫ BAD-HALL ВЪ ВЕРХНЕЙ АВСТРІИ.

Самое сильное содержаніе іодистаго разсола въ Европѣ. Леченіе при золотухѣ, а также при тѣхъ общихъ болѣзняхъ, гдѣ іодъ бываетъ важнымъ факторомъ леченія Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ. Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября. М. № 4522 4—1

Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ **Дирекція водъ въ BAD-HALL.**

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris. Ц. № 3767 (58)

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе „о натуральной горькой водѣ источника Франца Іосифа“.

Дозвол. ценз., СПБ., 2 мая 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. — г. XXI

№ 19 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6–10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 12 мая 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Р. Т. фонъ-Мевесъ.

Генералъ-маіоръ Ричардъ Траяновичъ фонъ-Мевесъ, состоящій нынѣ, въ день столѣтняго юбилея л.-гв. Павловскаго полка, его командиромъ, бо́льшую часть своей жизни провелъ на службѣ въ этомъ полку, почему и получилъ право называть его своимъ роднымъ полкомъ.

Произведенный въ 1858 году изъ третьяго спеціальнаго класса Константиновскаго кадетскаго корпуса въ прапорщики л.-гв. Павловскаго полка, Ричардъ Траяновичъ постепенно занималъ должности: батальоннаго адъютанта, командира 5-й роты, роты Его Величества и, наконецъ, командира, сначала 3-го, а потомъ 1-го батальона. Вмѣстѣ съ полкомъ Р. Т. фонъ-Мевесъ сдѣлалъ двѣ кампаніи: 1863 г. и 1877—78 гг. Въ первой кампаніи за дѣло съ польскими мятежниками у мызы Гедройцы, гдѣ Ричардъ Траяновичъ былъ раненъ, онъ награжденъ орденомъ *Св. Станислава* 3-й степени съ мечами и бантомъ.

Столѣтній юбилей лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Командиръ полка, генералъ-маіоръ Ричардъ Траяновичъ фонъ-Мевесъ. Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

19 декабря 1875 г., когда полкъ праздновалъ 50 лѣтъ шефства нынѣ въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II, Ричардъ Траяновичъ, какъ бывшій командиръ Государевой роты, назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ походъ 1877 г. флигель-адъютантъ фонъ-Мевесъ выступилъ командиромъ 3-го батальона, съ которымъ участвовалъ 12 октября въ дѣлѣ подъ Горнымъ-Дубнякомъ. Едва онъ вступилъ въ сферу огня, гдѣ, успокаивая батальонъ, обратился къ солдатамъ съ своимъ любимымъ ободрительнымъ словомъ: „шапки поправь! усы закрути! и смотри — всѣмъ быть молодцами!“, какъ тотчасъ-же былъ раненъ въ кисть лѣвой руки и контуженъ въ голову и грудь. Рана была настолько серьезна, что Ричардъ Траяновичъ долженъ былъ на время оставить полкъ; но отъѣздъ его продолжался не долго, и въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ мы уже видимъ полковника фонъ-Мевеса съ не вполнѣ вылѣченною, перевя-

занною въ гипсѣ рукой, передъ первымъ батальономъ, бывшій командиръ котораго, флигель-адъютантъ полковникъ Руновъ, палъ славной смертью въ дѣлѣ подъ Горнимъ-Дубнякомъ.

Въ концѣ кампаніи, во время стоянки подъ С.-Стефано, полковникъ фонъ-Мевесъ былъ назначенъ командиромъ л.-гв. 2-го стрѣлковаго батальона.

За время командованія стрѣлками Ричардъ Траяновичъ не утрачивалъ связи съ полкомъ, а потому, будучи назначенъ 15 мая 1884 г. командующимъ л.-гв. Павловскимъ полкомъ, онъ хорошо зналъ не только всѣхъ офицеровъ полка, но и старыхъ нижнихъ чиновъ, съ которыми раньше служилъ.

По поводу назначенія полковника фонъ-Мевеса командующимъ л.-гв. Павловскимъ полкомъ, бывшій командиръ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ, отдалъ слѣдующій приказъ по корпусу: „Доблестная боевая служба полковника фонъ-Мевеса, а также вполнѣ основательное и полезное командованіе л.-гв. 2-мъ стрѣлковымъ батальономъ, даютъ мнѣ право выразить увѣренность, что и въ предстоящемъ командованіи роднымъ ему полкомъ онъ выкажетъ добросовѣстное отношеніе къ службѣ и ту же заботливость о нуждахъ подчиненныхъ, которая проявлялась въ теченіе всей его службы, лично мнѣ извѣстной“.

Послѣднія награды: генералъ-маіорскій чинъ и орденъ *Св. Станислава* I степени были получены Ричардъ Траяновичемъ во время командованія л.-гв. Павловскимъ полкомъ.

Энергичная и весьма многосторонняя дѣятельность генералъ-маіора фонъ-Мевеса по управленію полкомъ еще не окончена и потому не можетъ подлежать полной оцѣнкѣ. Она только отчасти очерчена составителями исторіи л.-гв. Павловскаго полка, которые знакомятъ насъ съ принятыми въ полку раціональными мѣрами, какъ для улучшенія хозяйственной и учебной системы, такъ и для умственнаго, нравственнаго и религіознаго развитія нижнихъ чиновъ.

Кладъ.

Романъ **I. I. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)**. Часть I.

(Продолженіе).

XVII.

Купецъ Вѣновъ, принимая въ соображеніе печные таланты Михайлыча, далъ ему маленькій кредитъ и отпустилъ въ долгъ лѣсу на постройку избы. Михайлычъ ободрился. Весеннее солнышко весело сіяло надъ Парфеновкой. Былъ веселъ и Михайлычъ. Все ужь было готово—онъ ждалъ только половодья, когда поднимется Днѣпръ и хлынетъ въ парфеновскій оврагъ, когда растаютъ снѣга на горахъ Черепной и Щитовкѣ и тоже прольются на Парфеновку, мутными и губительными волнами. Отъ этого измѣнится географическая карта Парфеновки: гдѣ былъ пригорокъ—станетъ равгина, обнажится грунтъ, разорятся и пойдутъ по міру домовладѣльцы, которые победнѣе и на которыхъ стихія направитъ свои удары, и за безцѣнокъ можно будетъ пріобрѣсть нѣсколько лишнихъ бревенъ изъ размытыхъ построекъ, а не то, просто поймать и присвоить плывущую мимо добычу — дверь, часть крыши, скамейку или столъ, на основаніи особаго парфеновскаго морскаго права.

Днѣпръ уже вскрылся, но онъ еще далеко не вышелъ изъ береговъ. Онъ только почернѣлъ, вздулся, и по немъ неслись огромныя льдины, разбиваясь съ грохотомъ и стономъ о гранитные ледорѣзы Цѣпнаго моста.

Въ половинѣ апрѣля купецъ Вѣновъ съ семействомъ переѣхалъ на время въ городъ. Его примѣру послѣдовали болѣе осторожные, состоятельные парфеновцы. Остальные съ любопытствомъ и страхомъ ожидали наступленія геологическаго переворота, обычнымъ порядкомъ ежегодно совершающагося на Парфеновкѣ. Кто уцѣлѣетъ? Кого пощадитъ вода? А, можетъ, кто-нибудь утонетъ? На все воля Божья!

О томъ, что̀ будетъ и чего не будетъ, по мнѣнію Михайлыча, лучше всего могъ знать иконописецъ Ивановъ. На второй день Свѣтлаго праздника онъ зашелъ къ Флорентію Адріановичу и, со свойственною ему осторожностью, завелъ рѣчь о концѣ міра, чтобы путемъ постепенныхъ переходовъ дойти до наводненія и, кстати, до вопроса о томъ, какъ лучше имъ воспользоваться. Когда, наконецъ, иконописецъ заговорилъ о наводненіи, Михайлычъ спросилъ:

— Преимущественно, отчего оно происходитъ?

— Отъ того, что нѣдра земли разверзаются, сказалъ Ивановъ.

— Я думаю, также вслѣдствіе нашей бѣдности, замѣтилъ Михайлычъ.

— Наши отцы богаче были, возразилъ иконописецъ,— а все-же много терпѣли отъ Днѣпра. Помню, у твоего дѣдушки серебряные кубки водились, а бабушка въ парчевой корсеткѣ ходила.

Михайлычъ вздохнулъ.

— Напротивъ того, парфеновская бѣдность отъ наводненія зависитъ, продолжалъ старикъ, посасывая трубку.

Михайлычъ опять вздохнулъ.

— Есть средство разбогатѣть, началъ онъ.—Что̀ полтораста рублей! Плевыя деньги! Полторы тысячи дадутъ и еще дадутъ—только, ради Бога, братецъ, молчи! А между прочимъ, должно быть много пловучаго лѣса.

— Самому терять нечего, такъ на чужое заришься? укоризненно замѣтилъ иконописецъ.

— Всякое свое бывало когда-нибудь чужимъ, сказалъ Михайлычъ.—Дѣдушкины кубки теперь, небось, чужіе? А вотъ не я буду, если не сорву полторы тысячи! вскричалъ онъ съ увѣренностью, быть-можетъ, разгоряченный праздничнымъ угощеніемъ.

— Дай тебѣ Богъ! Авось Вѣновъ на полкѣ забылъ— такъ поплывутъ!

— Нѣтъ, Флорентій Адріановичъ, не Вѣновъ забылъ, а они въ своемъ мѣстѣ находятся.

— Сорока на хвостѣ принесла благую вѣсточку?

— И не столько сорока, сколько обыкновенная черная птица, сказалъ Михайлычъ съ загадочной усмѣшкой.—Галка, таинственно пояснилъ онъ.—Былъ я на Страстной недѣлѣ у Андрея Карповича, у Маврикина, у судебнаго слѣдователя. Ну, я вамъ скажу, Флорентій Адріановичъ, великолѣпная душа! „Дай мнѣ, говоритъ, слово, Михайлычъ, будь благороднымъ печникомъ, держи, говоритъ, все это въ секретѣ, даже отцу родному не открывай“. Вотъ какъ предъ истиннымъ Богомъ! „Что̀ вы, отвѣчаю, помилуйте; буду нѣмъ, какъ земля“.— „Дѣлать тебѣ теперь, говоритъ, нечего, потому что погорѣлъ, а работы плохія и безполезныя, шляйся ты, говоритъ, Михайлычъ, по улицамъ, дожидайся у воротъ — авось признаешь носатаго барина“. Флорентій Адріановичъ, сказано—сдѣлано. Сообщилъ я обо всемъ Дмитріевнѣ и не пожалѣлъ ногъ. Что-жь вы думаете, Флорентій Адріановичъ, я его видѣлъ.

Михайлычъ, поблѣднѣвъ отъ волненія и опасаясь, что разсказъ его можетъ показаться неправдоподобнымъ, перекрестился.

— Съ фальшивымъ носомъ такъ и ходитъ? спросилъ иконописецъ, надѣвая очки и шевеля своими тараканьими усами.

— Теперь мнѣ сомнительно, Флорентій Адріановичъ, чтобы это былъ поддѣльный носъ. Полагаю, что величина прирожденная.

— Дальше что?

— А дальше пока ничего. Что̀ намъ наводненіе дастъ! Дмитріевна совѣтуетъ предъявить требованіе, а предъ Карпомъ Андреевичемъ ограничиться молчаливымъ отсутствіемъ... Такъ вотъ, Флорентій Адріановичъ, гдѣ полторы тысячи лежатъ! съ торжествомъ заключилъ Михайлычъ и слегка ударилъ кулакомъ по столу.

Ивановъ, взглянувъ на Михайлыча, подумалъ: „дубина стоеросовая“ и сказалъ вслухъ:

— Не видать тебѣ денегъ, какъ своихъ ушей! Тебя-же на цугундеръ потянутъ.

— Позвольте, отчего-же на цугундеръ?

— А отъ того, что языкъ на три аршина вытягиваешь! сердито промолвилъ старикъ.

Разговоръ продолжался-бы еще, если-бы въ это время въ комнату не вбѣжала Маня. На ней уже была ряса послушницы. Не смотря на пребываніе въ монастырѣ, она не поблѣднѣла, у ней даже прибавилось румянцу. По желанію матери, она пришла на праздники домой. Вбѣжавъ въ комнату, Маня съ испугомъ начала:

— Дѣдушка, дѣдушка, идите-ка сюда! Скорѣй, дѣдушка! Михайлычъ, идите и вы! Да идите-же, Боже мой! со слезами вскричала она.

Флорентій Адріановичъ глянулъ инстинктивно въ окно и, насколько могъ, стремительно выскочилъ изъ дому. Маня вспрыгнула на скамейку, сняла образъ и послѣдовала за дѣдомъ. Послышался крикъ ужаса, который издала Ѳекла. Она только что очнулась отъ послѣобѣденнаго сна. Михайлычъ разыскалъ свою шапку и, выйдя въ сѣни, произнесъ съ блѣдной улыбкой:

— Вотъ и дождались. Съ половодьемъ васъ!

Съ шумомъ, но совсѣмъ не яростнымъ, а скорѣе ласковымъ, похожимъ на какой-то льстивый говорокъ или убаюкивающій лепетъ, поднималась вода, заволакивая огородъ. По всей Парфеновкѣ поднялся стонъ и завопили мужскіе и женскіе голоса. На погостѣ ударили въ набатъ.

Солнце склонялось къ вечеру и ужъ зашло за Черепную гору. Парфеновскія улицы и закоулки быстро обратились въ каналы, которые становились все глубже. Черезъ какихъ нибудь пять минутъ по нимъ засновали лодки и плоты, а еще спустя нѣкоторое время поплыла домашняя утварь.

Не успѣлъ Флорентій Адріановичъ сообразить, что̀ дѣлать, какъ вода достигла уже до порога его жилища. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ она не поднималась никогда дальше этой черты. Домикъ иконописца стоялъ на нѣкоторомъ возвышеніи, прислонясь къ Щитовкѣ, и это спасало его отъ наводненія. Но теперь, судя по всему, надо было ожидать бѣды. Старикъ растерялся. Вой Ѳеклы невольно вселялъ въ него страхъ и даже ужасъ. Маня, поблѣднѣвъ, стояла возлѣ него съ образомъ и громко читала молитву. Михайлычъ поодаль дѣлалъ странныя тѣлодвиженія, которыя замѣнили ему на время способность разсуждать и думать: онъ пожималъ плечами и переминался съ ноги на ногу.

Вода поднялась въ уровень съ порогомъ, осторожно плеснула на полъ сѣней, словно пробуя свою силу, и затѣмъ ринулась впередъ. Михайлычъ первый по лѣстницѣ вскарабкался на чердакъ. Всѣ бросились за нимъ. не разсуждая. Избавясь отъ опасности, по крайней мѣрѣ, на время, они стали креститься и къ нимъ возвратилось нѣкоторое спокойствіе.

— Послѣднія времена приходятъ, Ѳекла! тяжело дыша, началъ старикъ.

— Гдѣ лодка-то? вскричала Ѳекла.

— Гдѣ? Въ сараѣ!

— Какъ-же вамъ, папаша, не совѣстно, что вы объ лодкѣ забыли, а теперь какъ-же ее достать?

Старикъ не зналъ, какъ достать лодку; онъ только гнѣвно посмотрѣлъ на дочь.

— Вы нисколько, папаша, не заботитесь! Вы сами умирать собираетесь и вамъ все равно, что̀ будетъ съ нами! со слезами напустилась дочь на отца.

Флорентій Адріановичъ зашагалъ по чердаку и закричалъ, грозя пальцемъ:

— Не смѣй возставать на сѣдины старца! Мало наказывалъ тебя Богъ?

— Воды еще не много, замѣтилъ Михайлычъ, выглянувъ въ слуховое окно. — Я думаю такъ, Флорентій Адріановичъ, что не больше, какъ по поясъ человѣческаго роста.

И онъ взглянулъ на старика, какъ-бы въ надеждѣ, что Флорентій Адріановичъ не испугается такой маленькой воды, спустится съ лѣстницы и достанетъ изъ сарая лодку.

— А вы что-же, Михайлычъ, не поможете? проговорила Маня.

Но Михайлычъ опять просунулъ голову въ слуховое окно — и его обычная вѣжливость измѣнила ему: онъ оставилъ слова дѣвушки безъ отвѣта.

Маня промедлила минуту въ раздумьѣ, перекрестилась и подошла къ дверямъ чердака. У ней явилась рѣшимость самой добраться до сарая. Но деревянная приставная лѣстница была ужь опрокинута водой и ее отнесло къ противоположному углу сѣней.

Вода все поднималась.

Михайлычъ изъ слуховаго окна вопилъ:

— Братцы мои, какъ-же я выберусь! Дмитріевна! Дѣтки мои любезныя!

Быстро смеркалось. Вечеръ казался темнымъ, благодаря густымъ тѣнямъ оврага. Несчастье, постигшее Парфеновку, производило странное впечатлѣніе: въ воздухѣ не проносилась ни одна струйка, въ темнѣвшихъ небесахъ погасали пурпурныя облачка, мирно отражаясь въ широкой водной поверхности, въ которой уже тамъ и сямъ опрокинулись огни лодокъ со спасавшимися парфеновцами и задрожали длинными золотистыми нитями.

Ѳекла нѣсколько разъ начинала ссориться съ отцомъ и, вдругъ, словно на нее нападалъ какой-то припадокъ благоразумія, вслухъ принималась обсуждать свое положеніе. Она высовывалась изъ слуховаго окна и звала на помощь. Но люди были заняты сами собой — они слышали крики и проѣзжали мимо на лодкахъ. Уставала кричать Ѳекла—кричалъ Михайлычъ, Флорентій Адріановичъ, кричала Маня. Помощи ни откуда не приходило.

Становилось холодно. Среди водворившейся тишины повсюду слышался плескъ воды, журчанье струекъ, лепетъ засыпающей влаги. Но скоро къ этимъ звукамъ присоединился какой-то тяжелый шорохъ: гора, подъ покровительствомъ которой много лѣтъ стоялъ домикъ Иванова, словно двигалась.

Флорентій Адріановичъ съ новой тревогой выглянулъ въ слуховое окно и увидѣлъ на фонѣ синяго неба силуэты двухъ старыхъ деревъ, росшихъ на самой вершинѣ Щитовки и теперь принявшихъ наклонное положеніе.

Небольшія глыбы земли скатывались сверху и расплескивали воду.

— А что, дѣти, приходитъ намъ конецъ, сказалъ старикъ и, подумавъ о дочери, продолжалъ: — за чьи грѣхи — не знаю, но приходитъ. Впрочемъ, всѣ мы грѣшны. Михайлычъ, посмотри, братъ, на Щитовку: ползетъ, анаѳема!

Ѳекла въ темнотѣ обняла дочь, дрожа всѣмъ тѣломъ. Михайлычъ вылѣзъ изъ окна, вскарабкался на крышу, сѣлъ на трубу и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Смерть была на носу, но ему такъ хотѣлось жить, что онъ не вѣрилъ въ смерть. Въ его сердцѣ, какъ-то безъ словъ, складывалась горячая молитва о спасеніи. И онъ былъ увѣренъ, что если попросить у Бога, то все сдѣлается такъ, какъ просишь. Онъ ни о чемъ не думалъ— ни о себѣ, ни о самой Щитовкѣ. Только молитвенно разгоралось его сердце. И въ то время, какъ его вѣра дошла до какого-то восторга и онъ сталъ плакать, случилось то, что̀ могло-бы все погубить, но что̀ вдругъ всѣхъ спасло. Часть Щитовки, угрожавшая паденіемъ еще осенью, оторвалась и съ тяжкимъ грохотомъ съ высоты десяти саженей упала на огородъ Иванова.

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Идиллія“.

Съ карт. **И. С. Галкина** (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**“), грав. Шюблеръ.

Выставка Имп. Академіи Художествъ. „Ненаглядный“. Съ карт. **Пелевина** (право гравир. пріобрѣт. „**Нивой**“), грав. Шлипперъ.

Вода чуть не захлестнула чердакъ. Раздался страшный трескъ—былъ раздавленъ сарай. Но домикъ уцѣлѣлъ.

Михайлычъ осмотрѣлся, слезы полились у него изъ глазъ, и онъ сталъ кричать, какъ сумасшедшій:

— Акуратно! Мимо! Покорно благодаримъ!

Онъ побѣжалъ по крышѣ и въ радостномъ безуміи припалъ къ слуховому окну.

— Не безпокойтесь, Флорентій Адріановичъ, съ обваломъ васъ!

Онъ ужь хотѣлъ влѣзать въ окно, какъ, повернувшись лицомъ къ водѣ, замѣтилъ, что въ бортъ крыши бьется какой-то продолговатый и широкій предметъ.

— Какова исторія! произнесъ Михайлычъ и протянулъ руку.

Предметъ отплылъ, но его снова прибила къ крышѣ неугомонившаяся волна. Михайлычъ изловчился, схватилъ его за кольцо и закричалъ:

— Лодка, лодка!

Часть II.

I.

Валерьянъ Оскольцевъ получилъ довѣренность на управленіе всѣми имѣніями Язембскихъ отъ опекунши малолѣтняго Юрія, княгини Натальи Михайловны. Но, прежде чѣмъ добиться этой довѣренности, онъ долженъ былъ выдержать ожесточенную борьбу со своею властолюбивою сестрой. Много разъ пришлось ему побесѣдовать съ нею наединѣ и, наконецъ, онъ убѣдилъ ее, что въ его рукахъ судьба Юрія: захочетъ онъ—и Юрій останется княземъ, а не захочетъ—его обратятъ въ податное состояніе. Чѣмъ упорнѣе отказывала Наталья Михайловна Валерьяну въ тѣхъ выгодахъ, которыя онъ могъ извлекать изъ колоссальныхъ богатствъ ея сына, тѣмъ безстыднѣе или, какъ онъ выражался, „откровеннѣе“ становились его переговоры съ Натальей Михайловной: Она ненавидѣла брата—и братъ повидимому платилъ ей тою-же монетой.

— Я не зарѣжу курицу, которая несетъ золотыя яица, сказалъ Валерьянъ въ рѣшительный вечеръ, послѣ котораго ему была выдана довѣренность,—кое-что падаетъ и бѣдному Лазарю со стола богатаго. Но—кое-что, т. е. очень и очень мало. Курица скупа. Кромѣ того, она воображаетъ, что отъ нея зависитъ меня самого зарѣзать. Однако-же, Натали, это противоестественно. Поваръ я, а не ты. Я заварилъ кашу и желаю расхлебывать ее вмѣстѣ съ тобой. У меня есть право, которое ничѣмъ не хуже твоего: оно зиждется, Натали, на темной и одному мнѣ извѣстной тайнѣ. До поры до времени я терпѣлъ, и хотя я страдалъ отъ твоихъ шпилекъ, но... съ одной стороны, живъ былъ Николай Семенычъ, съ другой — угнетали долги. Теперь нѣтъ Николая Семеныча и, слава Богу, нѣтъ долговъ. Я подхожу къ курицѣ и говорю: „золота, побольше золота! Трепещи, курица; я ровно ничего не потеряю, если у меня будетъ отнята надежда что-нибудь выиграть. Ты-же, о курица, мгновенно можешь потерять все—смотри, какъ остеръ мой ножъ!“

Наталья Михайловна пробовала было, какъ прежде, отнестись къ рѣчамъ Валерьяна холодно и равнодушно. Но въ его глазахъ свѣтилась такая рѣшимость и было столько жажды поставить на своемъ, что, взвѣсивъ свое положеніе, Наталья Михайловна уступила Валерьяну.

Мертвый домъ, еще недавно такой унылый и заброшенный, наполнился блескомъ и шумомъ веселыхъ пирушекъ, которыя задавалъ Валерьянъ, познакомясь съ мѣстною золотою молодежью. Въ числѣ его пріятелей были адвокаты, актеры, хлыщи безъ опредѣленныхъ занятій, маменькины сынки. Мѣстная опереточная дива скоро сдѣлалась царицей этихъ пирушекъ, и по городу распространились баснословные слухи о громадныхъ суммахъ, которыя бросалъ Валерьянъ. Къ Валерьяну обращались за болѣе или менѣе крупными займами его московскіе друзья. Онъ сорилъ деньгами, и ему нравилось раболѣпство, съ которымъ всѣ поголовно преклонялись передъ нимъ. Идеалъ, котораго онъ не могъ достичь въ годы своей юности и погоня за которымъ стоила ему многихъ горькихъ минутъ униженія передъ знатными счастливцами и темными ростовщиками, былъ теперь осуществленъ. Старое горе забыто, новыя радости и наслажденія были исчерпаны до дна. Валерьянъ усвоилъ разочарованный тонъ: онъ больше чѣмъ когда-нибудь говорилъ обо всемъ насмѣшливо и пренебрежительно; а побѣда, одержанная имъ надъ сестрой, давала ему надежду на беззаботное существованіе и бросаніе денегъ пригоршнями до гробовой доски. Валерьянъ гордился кличкой „прожигателя жизни“ и велъ себя такъ, какъ будто смерть, въ самомъ дѣлѣ, стояла у него за плечами и торопила его поскорѣе осушить чашу удовольствій.

Слѣдуя модѣ, онъ сгибалъ колѣни, воротникъ коротенькаго пальто его былъ поднятъ, трость воткнута въ карманъ, ноги обмотаны полосатымъ или тигровымъ плэдомъ; лакей „вынималъ“ его изъ экипажа, какъ куклу. За всѣмъ тѣмъ, Валерьянъ былъ здоровъ и иногда ему самому надоѣдало притворяться умирающимъ.

Наталья Михайловна проводила зиму въ Италіи, но ея практическая душа рвалась въ Святогорскъ. Можно было справедливо опасаться, что Валерьянъ злоупотребитъ довѣріемъ Натальи Михайловны. Впрочемъ, годъ и даже два самой безпутной расточительной жизни Валерьяна не могли бы особенно дурно отразиться на дѣлахъ Язембскихъ; такъ велико было ихъ состояніе. По важнымъ причинамъ, Наталья Михайловна избѣгала возвращенія въ Россію вмѣстѣ съ маленькимъ Юріемъ. Но мало-по-малу она стала склоняться къ мысли, что пребываніе въ Святогорскѣ не повредитъ интересамъ Юрія. Для него опасна только Москва. Получая изъ Святогорска письма о томъ, какъ разорительно хозяйничаетъ Валерьянъ, она чуть не плакала отъ безсильной злости на него. Она грозила ему, что вынуждена будетъ пріѣхать въ Россію и уничтожить довѣренность. Онъ читалъ ея угрозы и посмѣивался. О своемъ скоромъ пріѣздѣ она множество разъ извѣщала Олесницкаго и все такъ же напрасно. Относительно уничтоженія довѣренности было очевидно, что это только пустая угроза. „Что-жъ, пусть пріѣзжаетъ“, думалъ Валерьянъ съ улыбкой, которая долго не сходила съ его губъ.

Проходила зима—Натальи Михайловны все не было. Валерьянъ хвалилъ ея осторожность, которую въ письмахъ къ ней называлъ деликатностью.

Хотя Святогорскъ большой городъ, по всѣ лица тамъ извѣстны наперечетъ. Всѣ знаютъ другъ друга. Валерьянъ-же самымъ образомъ жизни пріобрѣлъ себѣ въ Святогорскѣ значительную популярность. Ѣхалъ-ли онъ въ четырехмѣстномъ ландо съ опереточною дивой, или сидѣлъ впереди кучера въ англійскомъ шарабанѣ, участвовалъ-ли онъ въ кавалькадѣ, которая проносилась по главной улицѣ; пріѣзжалъ-ли вечеромъ въ богатый ресторанъ, игралъ-ли въ карты въ клубѣ, или появлялся на полчаса въ оперѣ — на него указывали пальцами и говорили: „Вотъ Валерьянъ Оскольцевъ, братъ княгини Язембской, счастливецъ, которому море по колѣно“.

Его встрѣча съ Михайлычемъ не произвела на него, повидимому, ни малѣйшаго впечатлѣнія. Однажды послѣ ночной попойки Валерьянъ поздно всталъ и вышелъ изъ дому, чтобы пройтись по пустынной улицѣ. Къ завтраку онъ ждалъ гостей. Онъ дошелъ до Авдѣевскаго спуска и, когда повернулъ назадъ, глазамъ его предсталъ, словно изъ земли выросъ, средняго роста мѣщанинъ въ синемъ кафтанѣ и въ картузѣ. Мѣщанинъ обладалъ вѣжливыми манерами, которыя не оста-

вили его даже тогда, когда онъ какъ бы оцѣпенѣлъ отъ радостнаго изумленія, или, вѣрнѣе, отъ радостнаго испуга. Приподнявъ локоть, мѣщанинъ хотѣлъ снять картузъ, но сдѣлалъ только соотвѣтствующее движеніе кистью руки—помѣшало оцѣпенѣніе.

Валерьянъ невольно посмотрѣлъ на мѣщанина и—узналъ его.

Михайлычъ это понялъ и улыбнулся. Но Валерьянъ сдѣлалъ равнодушные глаза и прошелъ мимо. Михайлычъ долго смотрѣлъ ему вслѣдъ, наконецъ, бросился къ городовому и разспросилъ его, кто такой этотъ баринъ съ длиннымъ носомъ. Потомъ политично освѣдомился, какъ, по его мнѣнію, — можно-ли натуральный носъ замѣнять въ экстренныхъ случаяхъ фальшивымъ, и не противно-ли это закону; не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, Михайлычъ въ волненіи удалился и въ тотъ же день разсказалъ о своей встрѣчѣ слѣдователю.

(Продолженіе будетъ).

Моничка.

Повѣсть **Н. Морскаго (Н. К. Лебедева)**. (Посмертное произведеніе).

(Продолженіе).

XII.

Можно себѣ представить въ какомъ несчастномъ видѣ добрались мы до дому. Правда, сверху теперь не шло ни снѣгу, ни дождя, небо совершенно прояснило и путь нашъ превосходно освѣщался луной; но за-то, что̀ было подъ ногами!.. Мы то и дѣло вязли въ грязи, шлепали по лужамъ, пробирались по какимъ-то тоненькимъ дощечкамъ, цѣплялись за заборы и дома, чтобы не уйти по колѣна въ грязь,—словомъ, ужаснѣе этого нашего странствованія трудно себѣ что-нибудь представить. За-то, какъ мы были счастливы, добравшись наконецъ до нашего дому! Такъ какъ мы вернулись, можно сказать, не безъ непріятностей, то было рѣшено скрыть объ этомъ до утра отъ матушки, иначе разсказъ о всѣхъ нашихъ приключеніяхъ могъ подѣйствовать на нервы и лишить болѣзненную матушку сна... Прислуга не должна была докладывать о нашемъ раннемъ возвращеніи матушкѣ, а мнѣ предстояло — посидѣть часъ или два у Образцовыхъ и ужъ только затѣмъ вернуться къ себѣ. Мы насилу достучались: прислуга, не ожидая ранняго нашего возвращенія, спала, и не знаю ужъ какимъ образомъ услышала нашъ стукъ; намъ отперла горничная или кухарка Образцовыхъ, встрѣтившая насъ безъ огня, который былъ погашенъ во всемъ домѣ. Мы толкались въ темной передней, пробираясь ощупью по стѣнамъ; встрѣтившая насъ горничная убѣжала за огнемъ, но что-то долго не возвращалась. Сбросивъ верхнее платье въ передней, мы вошли въ комнату Любовь Петровны, выходившую окномъ въ садъ и освѣщенную луной, благодаря которой было совершенно свѣтло и мы могли видѣть другъ друга. Луна плыла по засѣянному легкими бѣлыми облаками небу высоко и свободно, освѣщая комнату Любовь Петровны цѣлымъ снопомъ голубовато-серебристыхъ лучей, оставлявшихъ въ какомъ-то сумеречномъ полусвѣтѣ все, что̀ находилось не на пути ихъ. Благодаря этому освѣщенію, мы могли разсмотрѣть въ какомъ видѣ добрались до дому. Оказалось, что мы съ капитаномъ перепачкались и забрызгались грязью до колѣнъ; Любовь Петровна донесла свое платье до дому совершенно въ безукоризненномъ видѣ, но, конечно, промочила ноги и испачкала башмаки до невозможности. Въ ожиданіи огня, пользуясь луннымъ освѣщеніемъ, мы еще разсматривали другъ друга, когда неожиданный, легкій ударъ чѣмъ-то мягкимъ по стекламъ окна изъ сада заставилъ насъ вздрогнуть отъ внезапности и испуганно посмотрѣть на окно. Въ этихъ голубоватыхъ отъ луннаго освѣщенія стеклахъ мы не видѣли ничего, но легкій ударъ о стекла повторился и въ нихъ посыпалось что-то довольно мягкое и мелкое. Я не столько увидѣлъ, сколько понялъ, что кто-то бросаетъ изъ сада въ окно подснѣжниками, и удивленно прошепталъ:

— Это—подснѣжники...

Я именно прошепталъ эти слова, взглянувъ на облитую голубоватымъ свѣтомъ луны фигуру Любовь Петровны. Слышала она или нѣтъ меня, но я вдругъ замѣтилъ какой-то восторгъ на ея лицѣ,—замѣтилъ, что ея глаза блеснули счастьемъ; она открыла ротъ, чтобы что-то сказать, но не произнесла ни слова, точно у нея не хватило голоса, — точно легкія ея не въ силахъ были вдохнуть въ себя воздухъ. Я видѣлъ, какъ она заломила руки, точно находясь въ экстазѣ,—и вдругъ порывистымъ шагомъ, наклонивъ внизъ голову, бросилась къ окну, которое, какъ я говорилъ, у нея было выставлено, распахнула его и протянувъ руки впередъ, прошептала:

— Неужели это вы?..

За окномъ мнѣ блеснули серебряные лавры синей гимназической фуражки. Мы всѣ бросились къ окну, за которымъ—держа протянутыя руки Любовь Петровны,—въ одномъ мундирѣ, какъ и мы выпачканный въ грязи, стоялъ Моничка. Холодный воздухъ проникалъ въ комнату; лунный свѣтъ освѣщалъ нашу на мгновеніе какъ бы лишившуюся дара слова группу. Моничка въ молчаніи держалъ руки Любовь Петровны; она повторила, все еще какъ бы не вѣря своимъ глазамъ:

— Неужели это вы?..

Тогда Моничка, до сихъ поръ недвижимый, вдругъ пошевелился, поднесъ ея дрожащія руки къ губамъ и поцѣловалъ ихъ, произнеся только одно слово:

— Простите...

Онъ не могъ говорить, слезы душили его. Любовь Петровна почти вскрикнула въ отвѣтъ на просьбу Монички о прощеніи:

— За что?..

Онъ собралъ силы и сказалъ, сказалъ какъ-то совершенно по-дѣтски:

— За то, что васъ такъ обидѣли...

— Дѣти... господа, поправился капитанъ, бросаясь къ дочери и Моничкѣ,—что̀ вы дѣлаете?.. Вы простудитесь... одѣты такъ легко... холодно, ноги промочены... Дѣти!..—Онъ задохнулся совершенно.—Ахъ, Господи, какъ я счастливъ!..

Онъ вырвалъ руки дочери отъ Монички, оттащилъ ее отъ окна; потомъ, высунувшись, внесъ Моничку въ комнату и захлопнулъ раму. Толкая меня и Моничку изъ комнаты дочери—онъ торопливо распоряжался:

— Ко мнѣ, господа, въ кабинетъ... Переодѣньтесь, натрите ноги... надѣньте что-нибудь... Любовь Петровна! Господи! вѣдь такъ чего добраго можно и простудиться...

Онъ вытолкнулъ насъ въ коридоръ, который какъ разъ въ это мгновеніе освѣтился свѣтомъ керосиновой лампочки, внесенной изъ кухни горничною.

— Переодѣваться, скорѣй переодѣваться! торопливо направлялъ онъ насъ за плечи къ дверямъ своего кабинета.

Вдругъ мы почувствовали, какъ державшія насъ обоихъ руки капитана дрогнули и онъ разомъ остановилъ насъ съ какимъ-то ужасомъ на поблѣднѣвшемъ лицѣ:

— Что̀ такое?.. слышите?

Мы не слыхали ничего. Онъ шепталъ:

— Это—карета.

Тогда мы прислушались: дѣйствительно, къ подъѣзду занимаемаго Образцовыми домика подъѣзжало что-то грузное. До насъ донеслось: „стой!“ кучера, кто-то спрыгнулъ съ козелъ на площадку крыльца и застучалъ въ дверь. Почти обнявъ насъ за плечи, точно прикрывая, капитанъ тревожнымъ шепотомъ отдавалъ приказанія горничной:

— Потуши огонь, потуши!

Лампа погасла и мы снова очутились въ темнотѣ. Капитанъ продолжалъ шептать удивленной его поведеніемъ горничной:

— Не отпирай подъѣзда... спроси въ запертую дверь, кто молъ и чего надо. Скажи, что никого нѣтъ... рѣшительно никого. Тсс!

Горничная побѣжала на подъѣздъ и до насъ донесся ея разговоръ въ запертую дверь со стучавшимъ:

— Кто такой?

— Человѣкъ генеральши Рогожиной.

— Чего вамъ?

— Не у васъ-ли нашъ молодой баринъ?

— Какой баринъ?

— Маниилъ Сергѣевичъ.

— Никого нѣту... всѣ уѣхамши...

— Гдѣ же онъ?

— Вотъ я знаю!.. мнѣ почемъ знать, гдѣ вашъ баринъ? Сказываю, что никого дома нѣту... Видите темнота какая... Отъѣзжай съ Богомъ.

Наступило молчаніе, потомъ окрикъ кучера на лошадей и, увязая въ грязи колесами, карета двинулась съ мѣста и проѣхала мимо оконъ. Капитанъ выпустилъ насъ изъ рукъ и забывъ недавнюю осторожность, кричалъ возвращающейся горничной:

— Огня!.. зажечь всѣ лампы!.. Самоваръ, ужинъ, вина!..

XIII.

Необходимо замѣтить, что хотя я и принималъ самое дѣятельное участіе въ происходившемъ, не отставалъ отъ другихъ, тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что во всемъ этомъ было что-то дѣтское, если еще и простительное намъ троимъ, то есть мнѣ, Моничкѣ и Любовь Петровнѣ, то во всякомъ случаѣ неизвинительное въ капитанѣ. А между тѣмъ капитанъ едва-ли не явился въ этотъ вечеръ болѣе ребенкомъ, чѣмъ всѣ мы остальные. Уже въ этомъ вѣроятно безсознательномъ движеніи прикрытія меня съ Моничкой, какъ бы для защиты, хотя на насъ никто и не нападалъ, никто не могъ насъ видѣть въ темномъ коридорѣ и *отнять* у капитана,—уже въ этомъ движеніи сказалось нѣчто ребяческое; когда-же экипажъ отъѣхалъ, капитанъ, не разсуждая что открытіе Монички въ его домѣ отдалилось всего можетъ-быть на какіе-

нибудь полчаса или часъ, можно-сказать возликовалъ, какъ ребенокъ, живущій нѣсколькими минутами отсрочки висящаго надъ нимъ наказанія. Онъ точно опьянѣлъ и обсуѣмѣлъ отъ радости и счастія, живя настоящею минутой, не задумываясь о будущемъ. Онъ втолкнулъ насъ въ свой кабинетъ, чтобы мы могли переодѣться, выворотилъ изъ комодовъ все свое бѣлье, но отыскивать вещи предоставилъ намъ самимъ, убѣжавъ изъ комнаты. Онъ помогалъ горничной освѣщать домъ, раздувалъ самоваръ, зажегъ ручной фонарь и въ сопровожденіи кухарки сходилъ на погребъ, гдѣ хранились у него вино и закуски. Вернувшись, онъ поговорилъ о чемъ-то въ запертую дверь съ дочерью, потомъ забѣжалъ къ намъ и увидѣвъ, что мы находились въ одномъ бѣльѣ, хотѣлъ было изъ скромности, чтобы не сконфузить насъ, удалиться, ограничившись словами: „одѣвайтесь, одѣвайтесь, господа! не буду мѣшать вамъ“, но мы сами остановили его:

— Дайте, капитанъ, сказалъ я,—надѣть что-нибудь?..

— Наше платье все въ грязи, указалъ Моничка на разбросанныя по стульямъ принадлежности нашего туалета.

Капитанъ испуганно ударилъ себя рукою по лбу: какъ, дескать, ему ранѣе не пришло это въ голову! и озабоченно бросился шарить для насъ что-нибудь въ гардеробѣ. Конечно оказалось, что есть платье только военное, что привело капитана въ нѣкоторое смущеніе, отъ котораго мы, впрочемъ, его избавили.

— Все равно, крикнулъ я,— давайте что найдется...

— Это даже интересно, вскричалъ Моничка, — появиться военными.

— О, да-съ, восторженно согласился съ нимъ капитанъ, и, быть можетъ въ глубинѣ души разумѣя одного Моничку, чтобы не обидѣть прицѣпилъ къ нему и меня, прибавивъ:— къ вамъ, господа, это даже очень пойдетъ.

И вотъ мы—военные: сапоги звенятъ шпорами, мундиры абхазскаго полка, погоны,—все какъ слѣдуетъ, если не считать незначительныхъ погрѣшностей, происходящихъ отъ того, что платье шито не для насъ, а потому тутъ выходитъ длинновато, тамъ морщитъ, здѣсь горбится. Такое невольное переодѣванье, надо сказать, очень увлекло насъ и мы долго стояли передъ зеркаломъ, оставшись снова вдвоемъ, разсматривая свои изображенія и принимая различныя осанистыя позы. Моничка довольно серьезно и не безъ досады замѣтилъ:

— Чортъ возьми! жаль, что усовъ-то у насъ нѣтъ!

На что я, невольно впадая въ его тонъ, отвѣтилъ:

— Да... чего это они не растутъ!

Понятно, что когда, наконецъ, мы вышли, звеня шпорами, въ освѣщенный залъ, капитанъ пришелъ въ восторгъ отъ нашего переодѣванья.

— Превосходно-съ! восхищался онъ, смотря то на одного, то на другаго и при этомъ неизвѣстно за что благодарственно пожимая намъ руки. — Странное дѣло, господа, прибавилъ онъ, все еще не выпуская нашихъ рукъ, — кажется, одинъ маскарадъ все это ваше переодѣванье, а между тѣмъ, какъ-то проще стало, какъ-то непринужденнѣе себя чувствую съ вами, когда вижу васъ въ мундирахъ полка, въ которомъ имѣю честь служить. Точно въ товарищескомъ кружкѣ... да-съ! Что-жь, господа?—онъ указывалъ намъ на покрытый и уставленный различными кушаньями и закусками съ обиліемъ бутылокъ столъ, — что-жь золотое время терять?.. не приступить-ли къ водочкамъ? Оно, знаете, послѣ ночной нашей прогулки, даже необходимо. Пожалуйте.

Онъ наливалъ намъ водку, которой мы никогда до сихъ поръ не пили, а потому при предложеніи капитана смущенно переглянулись другъ съ другомъ. Капитанъ объяснилъ нашу нерѣшительность нѣсколько иначе:

— Безъ хозяйки не хотите приступить, господа?—и не дожидаясь подтвержденія своихъ словъ съ нашей стороны, вдругъ бросился изъ зала и крикнулъ дочери: — Любовь Петровна, вы готовы?

Она отвѣтила:

— Сейчасъ!

— Сдѣлайте одолженіе, мы ждемъ васъ.

Любовь Петровна дѣйствительно не заставила насъ долго ждать себя и выбѣжала въ залъ, совершенно переодѣтая. Бальное платье свое она замѣнила тѣмъ самымъ утреннимъ лиловымъ платьицемъ, въ которомъ увидѣлъ ее впервые Моничка. Она приколола къ корсету букетъ подснѣжниковъ, который сохранялся у нея въ комнатѣ въ водѣ, и собранныя на головѣ черныя косы распустила по спинѣ такъ, что онѣ спускались у нея ниже пояса. Любовь Петровна была необыкновенно оживлена и, кажется, позабыла всѣ испытанныя ею въ этотъ вечеръ непріятности. Она изумилась, увидя насъ военными, и всхлопнувъ руками, подбѣжала и разсматривала насъ, безцеремонно ворочая.

— Это премило и, право, идетъ къ вамъ... Повернитесь... раскланяйтесь... ну, вы, господа, кланяетесь-то по-граждански. Военный не такъ... онъ пристукнетъ шпорами и при неподвижности корпуса, почтительно склонитъ голову. Папаша!

— Да, мой другъ.

— Покажи имъ, какъ кланяются по-военному... Впрочемъ, ты старъ, утратилъ развязность и ловкость.

Мы все еще стояли, не приступая къ ужину, и Любовь Петровна спохватилась, что задерживаетъ насъ.

— Что-жь вы, господа, меня ждете? обернулась она къ заставленному обиліемъ кушаній столу и всхлопнула руками:— о Боже! по этимъ можно напитать цѣлую толпу! Садитесь, господа: тутъ папаша, тутъ вы, тутъ вы...

Она сѣла во главѣ большаго стола и казалась необыкновенно одушевленною.

— Ѣсть? вскричала она,—рѣзать, рвать и глотать... да развѣ я могу ѣсть? нѣтъ: ты мнѣ, папаша, налей немного вина въ стаканъ и разбавь его доверху водой... такъ. А вы, господа, кушайте, пейте, мнѣ же веселиться предоставьте... Папаша, отчего ты не принесъ гитару, принеси.

— Дайте, Любовь Петровна, поѣсть. Успѣемъ: времени хватитъ.

Она какъ-то вдругъ задумчиво и строго посмотрѣла поверхъ подносимаго ко рту стакана на отца и, медленно растягивая произносимыя ею слова, спросила:

— Ты думаешь?

Набѣжавшее на ея лицо облачко раздумья унеслось: она, казалось, тоже, какъ и отецъ, жила минутой, не могла думать о завтрашнемъ днѣ. Ея задумавшіеся было на мгновеніе глаза снова блеснули самымъ задорнымъ весельемъ, и по адресу отца она бросила:

— А ты все-таки потомъ принеси гитару.

— Вы поете? спросилъ Моничка.

— О мы поемъ такія пѣсни, какихъ никто не поетъ, отвѣтила она шутливо.—Мы все поемъ: цѣлыя поэмы, цѣлыя трагедіи поемъ... Мы читать не умѣемъ... Нѣтъ, вы не смѣйтесь.

— Я не смѣюсь, но не совсѣмъ васъ понимаю.

— Очень просто, я вамъ объясню. Мы до такой степени любимъ напѣвъ, что если кто-нибудь изъ насъ начнетъ, положимъ, читать совершенно неподходящее къ пѣнію стихотворное произведеніе, на третьемъ—на четвертомъ стихѣ—онъ станетъ ужь читать нараспѣвъ и чѣмъ дальше, тѣмъ больше и больше. Такъ незамѣтно отъ чтенія и перейдемъ къ чтенію нараспѣвъ, а потомъ и къ пѣнію. Тутъ ужь берется гитара и къ пѣнію присоединяется переборъ струнъ.

— Это оригинально.

— И, знаете, благодаря этому, мы запоминаемъ цѣлыя поэмы. Иногда мы поемъ вдвоемъ.

— Оба вмѣстѣ?

— Нѣтъ: діалогъ. Папаша поетъ мужскую партію, я—женскую.

— А напѣвъ? откуда вы берете его?

— Готовый, чужая мелодія если подходитъ къ словамъ... Сами не сочиняемъ, да и поемъ-то мы, конечно, самоучкой. Папаша!

— Что прикажете?

— Помнишь ты нашу мечту?..

— Пустяки, душа моя.

— Почему-же пустяки? Я скажу имъ...

— Пожалуйста! вскричали мы съ Моничкой, таки утоливъ свой голодъ, немного разрумяненные отъ наливаемаго намъ капитаномъ вина.

— Видите: разсказывала о нашемъ пѣніи—такъ вспомнила. Когда папаша кончитъ служить—мы уѣдемъ на Югъ. О, вы не знаете тѣхъ странъ: тамъ лучше, чѣмъ у васъ. Тамъ—рай, тамъ вѣчно тепло, тамъ виноградъ, горы, солнце, голубое небо и море. Мы не хотимъ жить на одномъ мѣстѣ, мы все будемъ переѣзжать изъ страны въ страну, постоянно переѣзжать...

— Для чего же это? спросилъ я.

— Какъ для чего? удивилась Любовь Петровна, — очень просто: это разнообразіе, эта смѣна впечатлѣній—жизнь. Теперь мы живемъ точно прикованные и отъ нечего дѣлать создаемъ себѣ привычки, отъ которыхъ одна тягость. А тогда...

— Что-же тогда? снова спросилъ я, не вполнѣ согласный съ преимуществами подобнаго образа жизни.

— Тогда мы вольныя птицы: не понравится въ одномъ мѣстѣ—летимъ въ другое... въ третье... въ четвертое...

— Но это значитъ, вставилъ я,—жить только для себя, для своего собственнаго развлеченія. Вы же любите дѣлать добро, сострадаете и плачете съ несчастными. Чтобы облегчать и помогать, надо знать людей, а перелетая изъ мѣста въ мѣсто—вы будете лишены возможности узнавать дѣйствительную нужду.

Любовь Петровна не согласилась со мной, но не нашлась какимъ образомъ разбить мое возраженіе. Въ нашъ разговоръ вмѣшался капитанъ:

— Это не вполнѣ вѣрно, вставилъ онъ, — поясню примѣромъ. Когда пріѣзжаешь въ какой-нибудь городъ, намѣреваясь поселиться въ немъ, то видя въ перспективѣ продолжительное пребываніе, со дня на день откладываешь посмотрѣть то или это изъ достопримѣчательнаго, что въ городѣ находится. Я въ Петербургѣ прожилъ пять лѣтъ и Эрмитажа не видалъ: все думалъ, успѣю, все собирался, да такъ и уѣхалъ, не видавъ. А пріѣдешь на время въ какой-нибудь Парижъ или Лондонъ, ну и бѣгаешь, высунувъ языкъ, и въ недѣлю, въ двѣ увидишь столько, сколько не увидишь въ пять лѣтъ осѣдлаго пребыванія на одномъ мѣстѣ. Такъ и нужда-съ: всюду и во всякое время, какъ бы это послѣднее коротко ни было, усмотрѣть нужду возможно-съ. Что-же, Любовь Петровна, прикажете принести гитару или раздумали?

(Окончаніе въ слѣд. №).

Весна. Съ карт. Бернара, грав. Бонгъ.

Къ 100-лѣтнему юбилею лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

15 мая 1890 года.

15 мая л.-гв. Павловскій полкъ празднуетъ столѣтіе своего существованія. Пользуясь этимъ случаемъ, мы даемъ здѣсь краткую характеристику вѣковой жизни и службы этого полка, богатой какъ славными дѣяніями на полѣ брани, такъ и интересными эпизодами чисто-мирнаго характера.

Названіе „*Павловскій*“ полкъ носитъ съ 23 ноября 1796 г., когда состоялось повелѣніе императора Павла I: изъ двухъ батальоновъ и двухъ ротъ Московскаго Гренадерскаго полка составить новый полкъ, получившій имя Государя—его основателя; но старшинство полка повелѣно считать со времени основанія Московскаго Гренадерскаго полка, т. е. съ 15 мая 1790 г.

Суровую мирно-учебную школу прошелъ полкъ въ первые годы своего существованія, подъ личнымъ наблюденіемъ императора Павла I и его грознаго сподвижника Аракчеева. Это время было временемъ косъ, напудренныхъ париковъ, неудобнаго снаряженія и бьющей въ глаза, маркой одежды. Сущность военной педагогики того времени заключалась въ установленіи дисциплинарной безличности солдата въ ущербъ его индивидуальному развитію, и понятіе о военной дисциплинѣ вполнѣ основывалось на извѣстномъ изреченіи Фридриха Великаго: „солдатъ долженъ бояться палки своего капрала больше чѣмъ непріятельской пули“.

Но не долго полку пришлось заниматься исключительно мирными экзерциціями. Конецъ XVIII и начало XIX столѣтій ознаменовались цѣлымъ рядомъ войнъ, грозившихъ погибелью многимъ государствамъ Европы. Одна могучая Русь, сильная своимъ единствомъ, преданностью престолу и истинною доблестью сыновъ своихъ, не только отстояла себя, но и спасла отъ погибели своихъ сосѣдей. Это былъ апогей русской славы, русскаго величія.

Въ этихъ знаменитыхъ войнахъ Павловскій полкъ заслужилъ свои главныя награды: гренадерскія шапки, Георгіевскія знамена, причисленіе къ составу старой гвардіи; а добытая полкомъ славная боевая репутація занимаетъ видное мѣсто на страницахъ не только русскихъ, но и иностранныхъ военно-историческихъ монографій.

Боевая служба Павловскаго полка началась съ участія въ экспедиціи, имѣвшей цѣлью изгнаніе французовъ изъ Голландіи; затѣмъ полкъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1806, 1807, 1812, 1813 и 1814 гг. Такимъ образомъ Павловцамъ пришлось дѣлать первые шаги на пути къ своей боевой карьерѣ въ борьбѣ противъ побѣдителей міра, предводимыхъ лучшими генералами того времени и величайшимъ полководцемъ всѣхъ временъ—Наполеономъ I-мъ.

Дѣла Павловскаго полка въ 1806—1807 годахъ неразрывно связаны съ именемъ графа Остермана-Толстаго, бывшаго начальникомъ дивизіи, а также съ именемъ генерала Мазовскаго—шефа полка. Графъ Остерманъ былъ замѣчателенъ неимовѣрнымъ хладнокровіемъ и рѣдкой непоколебимостью въ защитѣ ввѣреннаго ему пункта; въ минуты величайшихъ опасностей онъ обнаруживалъ высокое, ничѣмъ не возмутимое спокойствіе духа; въ такія минуты, когда казалось, что все уже погибало, что непріятель раздавитъ насъ своей численностью, для Остермана существовалъ только одинъ способъ дѣйствій: онъ лихо выходилъ передъ ряды своихъ любимыхъ Павловцевъ и, спокойно обнаживъ шпагу, неустрашимо велъ ихъ въ штыки съ полнымъ пренебреженіемъ къ численности непріятеля. Такъ было у деревни Черновой, гдѣ семь русскихъ батальоновъ въ теченіе цѣлой ночи выдерживали натискъ сорока тысячъ французовъ, предводимыхъ самимъ Наполеономъ; такъ же было въ бою подъ Пултускомъ и въ кровавомъ побоищѣ при Прейсишъ-Эйлау. Вообще въ атакахъ подъ начальствомъ генераловъ Остермана и Мазовскаго Павловцы не знали неудачъ: „они ходили въ штыки часто и всегда удачно, пишетъ участникъ боя подъ Прейсишъ-Эйлау,—послѣ атакъ, во время которыхъ наблюдалась удивительная неустрашимость, Павловцы устраивались вновь подъ страшнымъ огнемъ въ замѣчательномъ, почти немыслимомъ въ бою порядкѣ“.

То-же находимъ и въ донесеніи Бенигсена, изъ котораго можно заключить, что непріятель уже узналъ Павловцевъ, и даже одинъ ихъ видъ нагонялъ на него паническій страхъ. Во время одной изъ атакъ французовъ, направленной на Павловскій полкъ, ихъ колонна обратилась назадъ только отъ одного стройнаго вида Павловцевъ, которые, выражаясь словами донесенія генерала Бенигсена, „съ отмѣнною храбростью на полѣ сраженія ободряли геройственнымъ видомъ другъ друга, черезъ что только равнодушнымъ фронтомъ поразили сильно стремившуюся на нихъ непріятельскую колонну“.

20 и 24 мая того же 1807 г., Павловскій полкъ участвовалъ въ бояхъ при Гейльсбергѣ и при Линденау, а 2 іюня — въ кровопролитномъ сраженіи подъ Фридландомъ. Въ бою при Линденау неустрашимый Остерманъ-Толстой во время одной изъ атакъ чуть было не попался въ плѣнъ; увлекшись боемъ, онъ слишкомъ рискованно выѣхалъ впередъ, былъ раненъ и окруженъ врагами, которые уже намѣревались увлечь его; но Павловцы не выдали своего храбраго начальника: съ генераломъ Мазовскимъ во главѣ они съ ожесточеніемъ бросились на французовъ и отбили у нихъ своего героя-предводителя. Раненый Остерманъ, какъ бы въ награду за эту услугу, тотчасъ-же указалъ Мазовскому на непріятельскую батарею, сильно опустошавшую наши ряды, и приказалъ Павловцамъ взять ее. Безъ выстрѣла двинулся Мазовской со своимъ полкомъ, и черезъ нѣсколько минутъ тамъ, гдѣ громыхали французскія орудія, взвилось знамя Павловскаго полка.

Князь П. И. Багратіонъ.

2 іюня, въ день неудачнаго для русской арміи Фридландскаго сраженія, Павловскій полкъ состоялъ въ числѣ войскъ, находившихся подъ начальствомъ знаменитаго князя Багратіона. Войска эти были расположены между рѣкой Алле и ея притокомъ, въ очень узкомъ пространствѣ, стѣснявшемъ свободу дѣйствій. Не смотря на неудобство расположенія, превосходство силъ непріятеля и отчаянную храб-

Благословеніе и перевязка раненыхъ.

ростъ французскихъ баталіоновъ, предводимыхъ самимъ Наполеономъ, — не смотря на губительный огонь французской артиллеріи, осыпавшей наши линіи картечью почти въ упоръ, войска князя Багратіона удержались цѣлый день на занятой ими позиціи, и преданіе о ихъ замѣчательномъ мужествѣ принадлежитъ къ числу самыхъ дорогихъ и славныхъ воспоминаній въ лѣтописяхъ нашей несравненной арміи.

Генералъ Мазовской покрылъ себя въ этотъ день неувядаемой славой русскаго героя, послужившей предметомъ трогательныхъ легендъ и пѣсенъ, исполненныхъ военной поэзіи. Онъ въ этотъ день умиралъ, и умирая на чужбинѣ, вдали отъ родины, постепенно разстрѣливаемый непріятельскими пулями и картечью, не думалъ ни о чемъ кромѣ своего роднаго полка, которымъ командовалъ до послѣдняго издыханія. Весь израненый, со всѣми признаками угасанія жизни, Мазовской горячо ободрялъ Павловцевъ, напоминалъ имъ о долгѣ христіанина и воина, вѣрноподданнаго, о примѣрномъ поведеніи полка во всю кампанію и о необходимости поддержать славное имя, которое Павловцы заслужили своей кровью... Между тѣмъ картечь рвала наши ряды, а новыя и новыя французскія колонны ломили впередъ съ восторженными криками... Тронутые до слезъ Павловцы подхватили на руки своего умиравшаго начальника и, по его требованію, вынесли его передъ полкъ. Собравъ послѣднія силы, Мазовской закричалъ: „Друзья мои! непріятель усиливается! Умремъ или побѣдимъ!“ Несомый впереди полка, онъ въ послѣдній разъ повелъ Павловцевъ въ атаку; но тутъ картечная пуля поразила его на смерть. Послѣднія слова этого удивительнаго, легендарнаго героя были: „друзья, не робѣйте!“ Сказавъ ихъ, Мазовской склонилъ голову и умеръ на рукахъ рыдавшихъ, горячо любившихъ его солдатъ.

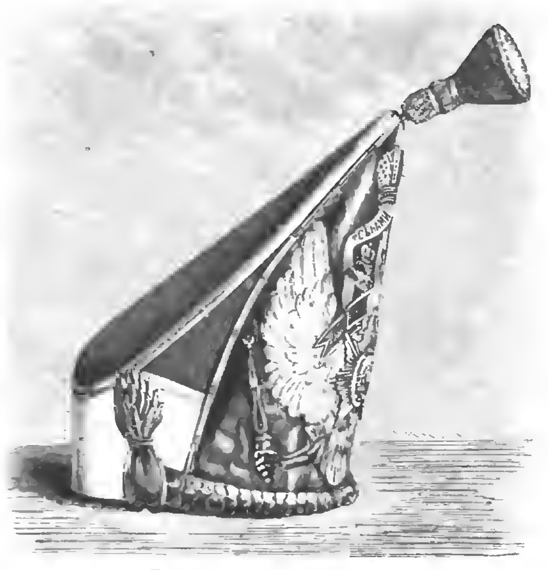
При чтеніи этихъ глубоко трогательныхъ строкъ невольно приходятъ на память слова поэта:

„Какой свѣтильникъ доблести угасъ!
Какое сердце биться перестало!“

Не стало Мазовскаго, но духъ его, также какъ и духъ всѣхъ истинныхъ героевъ, продолжаетъ жить въ полку; онъ сказался во всѣхъ послѣдующихъ сраженіяхъ, не исключая и новѣйшаго дѣла подъ Горнымъ-Дубнякомъ, гдѣ Павловцы не только не уронили, но даже подняли славу своихъ предковъ. Объ этомъ будемъ говорить ниже.

И такъ съ фанатическимъ упорствомъ отстаивали Павловцы предмѣстье зажженнаго непріятельскими снарядами городка Фридланда. Объ этой стойкости русскихъ войскъ можно прочесть восторженные отзывы даже во французскомъ описаніи извѣстнаго историка Тьера.

Выдающаяся служба полка въ кампанію 1806 и 1807 гг. обратила на него особое вниманіе императора Александра I и снискала ему такую награду, какой не имѣетъ ни одинъ полкъ, а именно — простреленныя непріятельскими пулями гренадерскія шапки, которыя повелѣно навѣки оставить



Павловская гренадерка.

въ томъ видѣ, въ какомъ полкъ сошелъ съ мѣста сраженія. Такимъ образомъ 532 простреленныя пулями и картечью гренадерки, съ отчеканенными на нихъ фамиліями отличившихся предковъ, носятся современными Павловцами, при чемъ на новыхъ гренадеркахъ дѣлаются пробоины, одинаковыя по числу и размѣру съ полученными въ сраженіяхъ. Наиболѣе поврежденная гренадерка, испещренная пулями и картечью, носится нынѣ фельдфебелемъ Государевой роты.

Въ 1808 году состоялся слѣдующій Высочайшій указъ, данный Военной коллегіи и съ большимъ трудомъ разысканный въ архивѣ бывшимъ историкомъ л.-гв. Павловскаго полка нынѣ полковникомъ генеральнаго штаба, Вороновымъ:

„Отличное мужество, храбрость и неустрашимость, съ каковыми подвизался, при неоднократныхъ сраженіяхъ въ теченіе минувшей противу Французовъ войны Павловскій Гренадерскій полкъ, пріобрѣли ему неоспоримое право на Мою „совершенную признательность и уваженіе къ рѣдкимъ его „подвигамъ. Всякій шагъ, имъ въ сраженіи сдѣланный, служилъ къ прославленію его, и всѣ чиновники оказали вообще „и въ полной мѣрѣ долгъ свой, а достойный ихъ начальникъ „обагрилъ кровію своею ратное поле. Мнѣ лестно и усладительно изъяснить здѣсь, что полкъ сей таковыми дѣяніями „украсилъ славу знаменитѣйшаго Основателя своего, котораго „Имя ему присвоено. Желая предать сіе потомству и вознаградить заслуги по достоянію, повелѣваю, чтобъ въ почесть „онаго полка, нынѣ состоящія въ немъ шапки оставить въ „немъ, въ томъ видѣ, въ какомъ сошелъ онъ съ мѣста сраженія хотя-бъ нѣкоторыя изъ нихъ были повреждены; да пребудутъ они всегдашнимъ памятникомъ отмѣнной его храбрости и Монаршаго къ нему благоволенія“.

Указъ этотъ нынѣ хранится въ полковой церкви Павловскаго полка, въ особой витринѣ, рядомъ съ другими военными святынями.

Киверъ.

Въ 1814 году Павловскій полкъ чуть было не лишился своихъ славныхъ гренадерокъ, и только благодаря особому вниманію къ полку императора Александра Павловича и находчивости рядоваго Тропина, этотъ головной уборъ сохраненъ и до сего времени. Еще съ 1813 года гренадерскія шапки обращали на себя вниманіе многихъ лицъ изъ союзныхъ войскъ; всѣ сомнѣвались въ удобствѣ этихъ шапокъ, а нѣкоторые изъ иностранныхъ монарховъ даже заявили объ этомъ императору Александру I-му.

Въ бытность въ Парижѣ, государь рѣшилъ, въ видѣ опыта, замѣнить гренадерки киверами; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ спросить у самихъ Павловцевъ: будутъ ли они довольны такой перемѣной. Выбравъ день, когда караулы въ Елисейскомъ дворцѣ занималъ Павловскій полкъ, императоръ, выходя изъ дворца съ королемъ Прусскимъ, остановился передъ стоящимъ на часахъ рядовымъ Тропинымъ, уже одѣтымъ въ киверъ, и изволилъ спросить его: „Я приказалъ замѣнить ваши шапки киверами,—нравится ли вамъ такая перемѣна?“—*„Никакъ нѣтъ, Ваше Императорское Величество,“ смѣло отвѣтилъ Тропинъ:—„въ гренадерскихъ шапкахъ непріятель насъ знаетъ и боится, а къ новой формѣ придется его пріучать“.*

Такой молодецкій отвѣтъ рядоваго Тропина чрезвычайно понравился императору. Государь тотчасъ же приказалъ навѣки оставить полку гренадерскія шапки, произвелъ Тропина въ унтеръ-офицеры, пожаловалъ ему сто рублей и предоставилъ право *первому здороваться съ Его Величествомъ при всякой встрѣчѣ.* Такой награды не удостоивался ни одинъ солдатъ русской арміи.

Унтеръ-офицеръ Тропинъ впослѣдствіи имѣлъ счастье быть лично извѣстнымъ въ Бозѣ почившему императору Александру Николаевичу, и государь съ удовольствіемъ вспоминалъ о немъ при разговорѣ съ Павловскими офицерами.

Къ сожалѣнію, краткость этого очерка не позволяетъ намъ описать многихъ событій, служившихъ къ дальнѣйшему прославленію Павловскаго полка въ 1812—13 и 14 годахъ. Мы остановимся только на главнѣйшихъ событіяхъ и преимущественно на Отечественной войнѣ. Въ эту войну 1-й и 3-й баталіоны полка были назначены въ дѣйствующую армію, а второй баталіонъ попалъ въ составъ отдѣльно дѣйствовавшаго корпуса графа Витгенштейна, прикрывавшаго доступъ къ Петербургу (тогда полки были трехбаталіоннаго состава).

Въ главной арміи полкъ участвовалъ въ сраженіяхъ: Лубинскомъ, Бородинскомъ, Тарутинскомъ, а также подъ Мало-Ярославцемъ и подъ Краснымъ.

Въ Бородинскомъ сраженіи Павловскій полкъ, вмѣстѣ со своей дивизіей, защищалъ высоты позади извѣстной деревни Утицы. Всѣ усилія корпуса Понятовскаго, чтобы овладѣть этими высотами, были тщетны; нѣсколько разъ, въ страшныхъ рукопашныхъ схваткахъ, эта позиція переходила изъ рукъ въ руки, но въ концѣ сраженія все-таки осталась за нами. Дорогою цѣной купили наши войска эту побѣду: самъ командиръ корпуса, извѣстный генералъ Тучковъ 1, заплатилъ за нее жизнью; пуля поразила его въ грудь въ то время, когда онъ лично велъ въ атаку Павловскій полкъ. Чистая штыковая работа Павловцевъ дала себя знать и въ этомъ сраженіи.

Въ это же время 2-й Павловскій баталіонъ съ честью дрался въ дѣлахъ подъ Якубовой, Полоцкомъ и Клястицами. Въ бою подъ Полоцкомъ, совершенно отрѣзанные непріятелемъ отъ своихъ, Павловцы не только пробили себѣ дорогу штыками, но и привели еще съ собою сто человѣкъ плѣнныхъ. Въ особенности же отличился 2-й баталіонъ Павловцевъ въ бою подъ Клястицами. Разбитые Витгенштейномъ французы отступали за рѣку Нищу и, желая прекратить настойчивое

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Командиръ полка, генералъ Мазовской, тяжело раненый, воодушевляетъ полкъ въ сраженіи подъ Фридландомъ, 2 іюня 1807 года.

Рис. професс. **Шарлеманя** (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ **„Нивѣ“**), грав. Рашевскій.

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Императоръ Александръ I и король Прусскій въ Парижѣ въ 1814 г. Рядовой Тропинъ своимъ отвѣтомъ сохраняетъ полку гренадерки.

Ориг. рис. професс. **Шарлеманя** (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ"); грав. Б. Пуцъ.

преслѣдованіе русскихъ, зажгли единственный на рѣкѣ мостъ, а на противуположномъ берегу выставили батарею и разсыпали стрѣлковъ; но Павловцевъ не могли остановить никакія преграды: грозно наклонивъ штыки, они, съ капитаномъ Крыловымъ во главѣ, бросились на горѣвшій мостъ, а за ними послѣдовали стрѣлки дравшагося по сосѣдству Сѣвскаго полка. На минуту баталіонъ скрылся въ дыму и пламени горящаго моста; но вотъ на другой сторонѣ рѣки показались грозныя для французовъ гренадерскія шапки и раздалось Павловское „ура!“ Опрокинутый непріятель бѣжалъ безъ оглядки, оставивъ въ нашихъ рукахъ всю свою батарею. Впослѣдствіи императоръ Николай Павловичъ, украшая свой Зимній дворецъ изображеніями подвиговъ русскихъ войскъ, повелѣлъ изобразить и этотъ истинно классическій подвигъ Павловцевъ. За Отечественную войну полкъ получилъ Георгіевскія знамена и причисленъ къ составу лейбъ-гвардіи.

Минуя рядъ слѣдующихъ событій и даже польскія и турецкія войны, описаніе которыхъ заняло бы много мѣста, перейдемъ прямо къ войнѣ 1877—78 гг. Въ эту войну л.-гв. Павловскій полкъ опять былъ призванъ исполнить свой долгъ передъ Царемъ и Отечествомъ на полѣ брани. Перейдя Дунай 2 октября, полкъ сразу вступилъ въ районъ военныхъ дѣйствій, и уже 12 октября участвовалъ въ кровопролитномъ бою подъ Горнимъ-Дубнякомъ. Не вдаваясь въ описаніе боя, отмѣтимъ только нѣкоторые эпизоды его, касающіеся исключительно Павловскаго полка...

Вотъ группа изъ командующаго полкомъ флигель-адъютанта полковника Шмита и знаменныхъ унтеръ-офицеровъ степенно и торжественно двигается со знаменемъ 4-го баталіона подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля по направленію къ Малому турецкому редуту. Знаменщикъ, Василій Митрофановъ, смертельно раненъ пулею; но, несмотря на это, до послѣднихъ минутъ жизни не разстается со ввѣренною ему военною святынею; на всѣ просьбы знаменныхъ унтеръ-офицеровъ передать знамя комунибудь изъ нихъ, онъ сердито отвѣчаетъ: *„я живъ еще!“* Только чувствуя приближеніе смерти, передаетъ Митрофановъ знамя унтеръ-офицеру Теремкову. Этого тоже ранили, но онъ собралъ послѣднія силы и только тогда согласился пойти на перевязочный пунктъ, когда, въ концѣ боя, знамя было водружено на валу турецкаго укрѣпленія имъ и полковникомъ Шмитомъ.

Полковникъ Руновъ.

На другомъ пунктѣ поля сраженія Павловскій герой, флигель-адъютантъ полковникъ Руновъ, воскрешая духъ Мазовскаго, ведетъ въ атаку 1-й и 2-й баталіоны. Жестокій огонь съ разстоянія 300 шаговъ встрѣчаетъ атакующихъ, которые выходятъ на совершенно открытую площадку передъ редутомъ. Передовая группа офицеровъ и солдатъ проскальзываетъ подъ ужаснымъ свинцовымъ градомъ и останавливается перевести духъ у соломы, сложенной турками шагахъ въ шестидесяти отъ редута. Это закрытіе оказалось обманчивымъ: турецкія пули пронизывали его и выбивали одного за другимъ этихъ храбрецовъ, имѣвшихъ дерзость залечь въ такомъ близкомъ разстояніи отъ дула современнаго нарѣзнаго оружія. Это были истинные, безспорные храбрецы, именами которыхъ украшена „Исторія л.-гв. Павловскаго полка“. Здѣсь, кромѣ полковника Рунова, были слѣдующіе офицеры: Ширманъ, Яблонскій, Гинглядтъ 1, Айкановъ, Иващенко, Лемапъ, Полонскій и Березовскій (нынѣ извѣстный издатель военныхъ книгъ). Изъ девяти названныхъ офицеровъ остался невредимъ только одинъ; остальные же или перебиты, или переранены. Въ довершеніе ужаса, въ эту же кучку офицеровъ и солдатъ попала граната и, разорвавшись, смертельно ранила флигель-адъютанта полковника Рунова и командира Государевой роты капитана Ширмана.

Изуродованный Руновъ (ему перебило весь лѣвый бокъ до шеи) былъ отнесенъ на перевязочный пунктъ; но никакія чудеса врачебнаго искусства не спасли его жизнь... И вотъ Руновъ уже сознаетъ это, чувствуетъ близкій конецъ; но своею желѣзною волею онъ старается заглушить страданія и безпрестанно спрашиваетъ окружающихъ: „какъ идетъ дѣло? гдѣ наши? взятъ ли турецкій редутъ?“ Казалось, что въ немъ не порывается послѣдняя нить жизни только вслѣдствіе страстнаго желанія услышать вѣсть о побѣдѣ. Вечеромъ ему говорятъ, что редутъ взятъ, и ему хочется видѣть свой баталіонъ, своихъ молодцовъ-побѣдителей. Съ этой мыслью Руновъ мучится до утра. Наконецъ, настало утро, и онъ со слезами проситъ, чтобы его снесли въ редутъ. Никакія убѣжденія докторовъ не могутъ переспорить его желанія,—раненый упрямо повторяетъ одни и тѣ же слова: „несите меня къ моимъ молодцамъ, хочу умереть среди моего баталіона“...

Уступая желанію умирающаго, его несутъ въ редутъ; но смерть пересиливаетъ могучую натуру Рунова, и онъ умираетъ на пути къ редуту. Носильщики осѣнились крестомъ и продолжали шествіе съ тѣломъ героя, которое, какъ святыню, передали солдатамъ. Застывшее лицо Рунова казалось спокойнымъ, довольнымъ; на устахъ играла улыбка... Это было лицо русскаго героя-патріота, вполнѣ удовлетвореннаго своими дѣяніями.

Солдаты набожно крестились и шептали молитву; офицеры плакали и, наклонясь надъ Руновымъ, цѣловали его холодный лобъ...

Эти минуты были полны грустной, но тѣмъ не менѣе глубокой военной поэзіи, о которой истинно-военные люди мечтаютъ въ мирное время.

Черезъ мѣсяцъ послѣ боя подъ Горнимъ-Дубнякомъ, мы уже видимъ Павловцевъ, въ составѣ отряда генералъ-адъютанта Гурко, на угрюмыхъ Балканскихъ высотахъ. То, что перенесли наши войска, полуодѣтыя, полуобутыя, а иногда и полуголодныя, стоя цѣлый мѣсяцъ на Балканахъ, сначала въ невылазной грязи, а затѣмъ среди бурь, мятелей и 20° мороза,—достаточно свѣжо въ памяти и извѣстно всей читающей публикѣ. Съ полной покорностью судьбѣ боролся нашъ простой военный труженикъ съ суровой природой, втаскивалъ въ заоблачныя выси тяжелыя орудія, прокладывалъ дороги въ дикихъ горныхъ трущобахъ, даже не сознавая, что его гигантская работа есть подвигъ, которымъ по справедливости можетъ гордиться русская нація.

Къ сожалѣнію, размѣръ статьи не позволяетъ намъ разсказать объ участіи л.-гв. Павловскаго полка въ трехдневномъ бою подъ Филиппополемъ и объ его знаменитомъ переходѣ въ бродъ черезъ рѣку Марицу, по которой въ это время шелъ густой ледъ, рѣзавшій бока не только солдатамъ, но и офицерамъ, которые не успѣли обзавестись лошадьми. Все это переносилось съ удивительнымъ мужествомъ и считалось не подвигомъ, а простымъ исполненіемъ долга.

Тамбуръ-мажоръ.

Переходя къ жизни и службѣ полка въ мирное время, мы должны остановиться на счастливыхъ и глубокотрогательныхъ минутахъ, которыя пережили Павловцы въ общеніи со своимъ Августѣйшимъ шефомъ—нынѣ въ Бозѣ почивающимъ императоромъ Александромъ II. Назначеніе малолѣтняго цесаревича Александра Николаевича шефомъ л.-гв. Павловскаго полка послѣдовало 19 декабря 1825 года. Въ этотъ священный для полка день Павловцы занимали караулъ въ Зимнемъ дворцѣ. Императоръ Николай I позвалъ въ свой кабинетъ малолѣтняго наслѣдника престола и, въ присутствіи уже извѣстнаго намъ графа Остермана-Толстаго, объявилъ цесаревичу о назначеніи его шефомъ л. гв. Павловскаго полка. Вслѣдъ за этимъ Его Величество приказалъ графу Остерману сопровождать Его Высочество ко внутреннему караулу и поздравить его съ новымъ шефомъ.

Вѣсть объ этой высокой милости императора быстро распространилась въ полку. Всѣ были охвачены восторгомъ, желаніемъ поскорѣе видѣть своего шефа на представленіи, которое состоялось на другой день. Съ самаго дня назначенія до своей мученической кончины императоръ Александръ II искренно любилъ и баловалъ своихъ Павловцевъ, выражая свои чувства при всякомъ удобномъ случаѣ, при всякой встрѣчѣ съ полкомъ. Эти чувства государя къ полку были замѣчательны по своей теплотѣ, которая навсегда, навѣки запечатлѣвалась въ сердцѣ каждаго Павловца, имѣвшаго счастье слышать ласковый голосъ государя, видѣть особую, свойственную ему одному, улыбку, а иногда и слезы на его грустно-вдумчивыхъ глазахъ, которыя каждый разъ появлялись, когда государь вспоминалъ прежнюю службу полка и связанную съ ней свою молодость. Павловцы твердо знали, что государь часто вспоминалъ полкъ среди своихъ обширныхъ заботъ, а иногда даже и скучалъ по немъ, когда долго его не видѣлъ; но за то и они были преданы ему беззавѣтно, любили его такъ, какъ только можно любить въ этой жизни государя и человѣка.

Мы помнимъ одинъ случай, повидимому не выдѣляющійся, но который особенно запечатлѣлся въ нашей памяти. Это было незадолго передъ войной 1877 года. Государь надолго уѣзжалъ за границу и, вернувшись, дѣлалъ объѣздъ лагеря. Офицеры стояли у лѣваго фланга палатокъ и ждали его приближенія. Вотъ ужь онъ выдѣляется между массой всадниковъ, особою, свойственной ему одному, осанкой, по которой мы его всегда узнавали... У всѣхъ забилось сердце чувствомъ встрѣчи съ обожаемымъ царемъ и горячо любимымъ человѣкомъ... Остановится-ли? Будетъ-ли говорить?... Государь осадилъ лошадь.

„Очень радъ васъ видѣть, господа", сказалъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ и, отъѣзжая, нѣсколько разъ кивнулъ головой. Эти нѣсколько словъ были сказаны съ такимъ чувствомъ, которое не поддается описанію. Эта простая сцена почему-то особенно глубоко запечатлѣлась въ нашемъ сердцѣ и болѣзненно сжимала его въ тѣ минуты, когда мы оплакивали кончину императора Александра II.

Но вернемся къ постепенному ходу событій. Черезъ семь дней послѣ назначенія малолѣтняго цесаревича шефомъ Павловскаго полка императоръ Николай Павловичъ осчастливилъ полкъ своимъ посѣщеніемъ вмѣстѣ съ Его Высочествомъ, причемъ нижнимъ чинамъ, въ память назначенія новаго шефа, были розданы денежныя награды.

Посвященіе въ строевую службу малолѣтняго цесаревича послѣдовало 8 іюня 1826 года, въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ. Во время ученія л.-гв. Павловскому полку императоръ Николай I подъѣхалъ къ построенному въ каре 2-му баталіону и приказалъ Его Высочеству стать въ ряды. У цесаревича не оказалось знака, присвоеннаго тогда офицерамъ, находящимся въ строю. Командиръ 5-й роты, капитанъ Верещагинъ, снялъ свой знакъ и имѣлъ счастье надѣть его на мундиръ цесаревича. Во все время маневра, за которымъ слѣдилъ государь, семилѣтній шефъ шелъ съ баталіономъ; но онъ не въ состояніи былъ безъ посторонней помощи перепрыгивать черезъ встрѣчавшіяся на пути канавы и переходить топкія мѣста; солдаты зорко слѣдили за этимъ и всякій разъ, безъ приказанія офицеровъ, подхватывали его на руки.

Въ 1827 году послѣдовало въ л.-гв. Павловскомъ полку открытіе школы солдатскихъ дѣтей, устроенной иждивеніемъ цесаревича. Съ тѣхъ поръ школа была неоднократно осчастливлена знаками вниманія и заботливости своего Августѣйшаго покровителя. Часто съ генераломъ Мердеромъ и въ сопровожденіи своихъ совоспитанниковъ, Паткуля и Віельгорскаго, одѣтый въ форму Павловскаго полка, Его Высочество пріѣзжалъ въ школу и присутствовалъ на обѣдѣ и занятіяхъ воспитанниковъ. Состоящій при школѣ унтеръ-офицеръ, Евгеній Лукашевъ, былъ назначенъ обучать фронту цесаревича и состоящихъ при немъ въ качествѣ совоспитанниковъ молодыхъ людей. Однажды, когда казаки, по старинному обычаю, привезли съ Дона своему Августѣйшему атаману рыбу и икру, Его Высочество прислалъ въ школу огромнаго осетра, которымъ воспитанники лакомились по праздникамъ чуть-ли не весь великій постъ.

6 января 1829 года третій баталіонъ Павловцевъ участвовалъ въ Крещенскомъ парадѣ (1-й и 2-й баталіоны были въ это время въ походѣ въ Турцію). Когда адъютантъ 3-го баталіона, прапорщикъ Марковъ, относилъ во дворецъ знамя, его встрѣтилъ съ Петровской залѣ императоръ Николай Павловичъ, шедшій съ одѣтымъ въ Павловскій подпоручичій мундиръ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ. Поздоровавшись со знаменщикомъ, Государь сказалъ: *„Подпоручикъ Романовъ! примите знамя и отнесите его на мѣсто"*. Марковъ тотчасъ-же уступилъ свое мѣсто цесаревичу, который надѣлъ каску, взялъ подъ козырекъ и понесъ знамя къ тому мѣсту, гдѣ оно всегда хранится во дворцѣ.

12 декабря 1844 года ознаменовалось новымъ радостнымъ событіемъ для Павловцевъ. По Гагаринской набережной шелъ караулъ отъ л.-гв. Павловскаго полка подъ начальствомъ прапорщика Гершельмана *) и имѣлъ счастье повстрѣчаться съ цесаревичемъ. Его Высочество остановилъ караулъ, подозвалъ Гершельмана и радостно объявилъ Ему: *„Сегодня Богъ далъ мнѣ сына, и государь повелѣлъ зачислить Его къ вамъ въ полкъ. Когда придешь въ казармы, передай полковому командиру объ этой новой милости Его Величества для объявленія въ полку"*.

19 декабря 1850 года полкъ праздновалъ 25-лѣтіе шефства цесаревича Александра Николаевича. Въ ознаменованіе этого дня, съ Высочайшаго соизволенія, состоящіе и прежде служившіе въ полку офицеры собрали капиталъ, проценты съ котораго назначались для выдачи пособій бѣднѣйшимъ нижнимъ чинамъ. Кромѣ наградъ и знаковъ вниманія, которыми были осыпаны по поводу юбилея Павловцы, они удостоились слѣдующихъ словъ, выраженныхъ въ письмѣ Августѣйшаго шефа на имя командира полка: *„Лучшихъ доказательствъ признательности полка, который я съ дѣтства привыкъ считать роднымъ, я не ожидалъ и ожидать не могъ. Для меня тѣмъ болѣе пріятно принять эти знаки признательности гг. офицеровъ, что они служатъ мнѣ яснымъ доказательствомъ увѣренности въ постоянныхъ моихъ чувствахъ душевной любви и уваженія къ полку, которыя я привыкъ питать съ моего дѣтства и которыя навсегда буду хранить свято въ душѣ моей"*.

1 августа 1851 года л.-гв. Павловскій полкъ участвовалъ въ церемоніи открытія памятника императору Павлу I въ Гатчинѣ. Стоявшій у памятника на часахъ, рядовой шефской роты Андреевъ, передъ пріѣздомъ государя, былъ смѣненъ нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ. Малолѣтній Великій Князь, въ мундирѣ рядоваго л.-гв. Павловскаго полка, изволилъ стоять на часахъ во все время парада.

Минуя слѣдующія событія, изложеніе которыхъ не соотвѣтствуетъ размѣру статьи, мы прямо перейдемъ къ счастливѣйшему для полка дню, а именно къ 50-лѣтнему юбилею шефства нынѣ въ Бозѣ почивающаго императора Александра II. День 19 декабря 1875 года ознаменовался для полка особыми, исключительными милостями, которыхъ полкъ даже не ожидалъ. Мы разумѣемъ не награды, пожалованныя государемъ въ этотъ день, а тѣ теплыя, незабвенныя слова, которыя государь произнесъ передъ полкомъ и которыя прямо вылились изъ его великаго любовью сердца.

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ.

Унто.-фиц. л.-гв. Павловскаго полка.

Утромъ въ Зимній дворецъ собрались всѣ состоящіе въ полку и многіе изъ прежде служившихъ офицеровъ для представленія шефу и поднесенія ему картины, изображающей выдающіеся эпизоды изъ жизни полка, связанной съ жизнью государя. Въ 10 часовъ утра императоръ Александръ II, ведя за руку своего внука, нынѣ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, одѣтаго въ парадную форму прапорщика Павловскаго полка, вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ. За государемъ слѣдовали всѣ особы Императорской фамиліи, собравшіяся на это торжество. Государь былъ веселъ, доволенъ и на лицѣ его замѣтна была хорошо знакомая полку улыбка. Милостиво поздоровавшись съ офицерами, Его Величество выразилъ имъ свое удовольствіе, что ему удается провести этотъ день вмѣстѣ съ ними. Государь сказалъ, что онъ живо помнитъ, какъ 50 лѣтъ тому назадъ, въ такомъ возрастѣ, какъ его присутствующій внукъ, онъ получилъ лестное назначеніе быть шефомъ л.-гв. Павловскаго полка, и не сомнѣвается, что этотъ славный полкъ, вездѣ вѣрно, честно и храбро служившій ему, его Августѣйшему отцу и дядѣ, такъ-же будетъ продолжать служить ему, его сыну и внуку. Милостиво принявъ картину и „Исторію полка", написанную къ этому дню офицерами, Бутовскимъ и Вороновымъ, государь выразилъ благодарность полку и составителямъ „Исторіи".

Въ часъ дня состоялся въ Михайловскомъ манежѣ Высочайшій смотръ полку. Государь выѣхалъ на середину манежа и обратился къ Павловцамъ съ слѣдующими словами: *„Пятидесятилѣтній шефъ привѣтствуетъ васъ и благодарить за честную и всегда вѣрную службу. Я горжусь тѣмъ, что 50 лѣтъ состою въ рядахъ этого славнаго и храбраго полка. Я отдаю честь вашей доблести (при этомъ, обнаживъ саблю, государь отсалютовалъ полку). Я вполнѣ увѣренъ, что вы всегда будете достойны вашихъ Георгіевскихъ знаменъ, заслуженныхъ вашими славными предшественниками. 50 лѣтъ я былъ свидѣтелемъ безукоризненной службы полка и вполнѣ увѣренъ, что какъ отцу моему, какъ мнѣ служили, также сыну моему и внуку вы будете служить съ той-же преданностью, вѣрностью и любовью"*.

Государь былъ очень растроганъ, и у всѣхъ присутствующихъ видны были на глазахъ слезы. Тишина продолжалась нѣсколько секундъ,—и вдругъ отъ громоваго „ура!" задрожали стѣны манежа.

Послѣ парада офицеры были приглашены къ Высочайшему столу; а 20 декабря государь посѣтилъ казармы, былъ въ офицерскомъ собраніи, обошелъ помѣщенія нижнихъ чиновъ и удостоилъ принять завтракъ отъ общества офицеровъ. Во время завтрака государь поднялъ бокалъ и произнесъ: **„Пью за здоровье моихъ товарищей Павловцевъ!"**

Восторгамъ этого дня не было конца. Проводивъ государя, офицеры долго не покидали собранія и всѣ, очарованные впечатлѣніями послѣднихъ двухъ дней, передавали другъ другу мельчайшія подробности пребыванія государя въ полку.

Вскорѣ послѣ празднованія 50-лѣтняго юбилея полкъ удостоился получить въ подарокъ отъ государя двѣ картины, принадлежавшія императору Николаю Павловичу. Одна изъ нихъ (прилагаемая въ этомъ № *Нивы*) представляетъ бытовую сцену, относящуюся къ пятидесятымъ годамъ: павловскій солдатъ-цырульникъ брѣетъ своихъ товарищей на бивакѣ; а другая—разводъ при императорѣ Николаѣ I. Нынѣ обѣ эти картины, какъ драгоцѣнное воспоминаніе, хранятся на видномъ мѣстѣ въ офицерскомъ собраніи Павловскаго полка.

30 іюня слѣдующаго года полкъ снова былъ отличенъ, удостоившись принять въ свои ряды семилѣтняго внука своего шефа, нынѣ Наслѣдника Цесаревича, Николая Александровича. Это было въ Красномъ Селѣ на корпусномъ маневрѣ. Когда въ заключеніе маневра полкъ двинулся въ штыки, государь поставилъ передъ своей ротой Великаго Князя, который съ обнаженной саблей повелъ роту въ атаку. Когда рота остановилась, государь подошелъ къ ней и, обращаясь къ командиру 1-го взвода, поручику Филипьеву, сказалъ: „Я хочу поставить Великаго Князя во фронтъ; уступи ему свое мѣсто". Ставъ затѣмъ на правый флангъ, государь приказалъ взять „на краулъ" и отдалъ честь находившейся въ палаткѣ Цесаревнѣ.

За завтракомъ, къ которому были приглашены офицеры, государь нѣсколько разъ вспоминалъ, какъ онъ самъ въ первый разъ былъ поставленъ въ строй въ Павловскомъ полку;

а затѣмъ, какъ бы предчувствуя войну 1877 года, государь замѣтилъ: *„Я надѣюсь, что мой сынъ и внукъ будутъ васъ любить, какъ и я; а что я васъ люблю искренно, всѣмъ сердцемъ—я всегда старался доказать это. Я всегда цѣнилъ ваши заслуги и въ особенности теперь, когда служба стала вдвое труднѣе. Буду стараться всѣми силами беречь васъ; надѣюсь, дѣло не дойдетъ до крови: ваша кровь слишкомъ мнѣ дорога; но я увѣренъ, что если ее нужно будетъ пролить, то вы исполните вашъ долгъ такъ-же ревностно и достойно, какъ я привыкъ видѣть до сихъ поръ“.*

8 февраля 1881 года Павловцы въ послѣдній разъ представлялись своему Шефу на разводѣ съ церемоніей. 1 марта не стало Великаго Царя и человѣка, и трауръ, въ который облекся л.-гв. Павловскій полкъ, былъ дѣйствительнымъ трауромъ, полнымъ сердечной горечи и слезъ.

Нынѣшняя непарадная форма полка.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о нынѣшнемъ состояніи л.-гв. Павловскаго полка. Съ 1814 года полкъ занимаетъ огромныя историческія казармы, хорошо извѣстныя всему Петербургу. Казармы построены въ концѣ прошлаго столѣтія и имѣли другое назначеніе: въ нихъ помѣщался казенный ломбардъ; а въ нынѣшнемъ старомъ офицерскомъ флигелѣ была главная рецептурная аптека, давшая названіе идущему отъ Милліонной улицы переулку. Главный корпусъ казармъ, представленный на рисункѣ, выходитъ однимъ фасадомъ на Царицынъ лугъ (Марсово поле), а другимъ на роскошную Милліонную улицу, которую можно назвать „улицей дворцовъ“. Противъ главнаго подъѣзда казармъ стоитъ богатѣйшій мраморный дворецъ — зимняя резиденція Вел. Кн. Константина Николаевича. Внутреннее устройство казармъ подвергалось постояннымъ улучшеніямъ, а въ настоящее время казармы стали удобными и просторными, вслѣдствіе обращенія темныхъ и затхлыхъ подвальныхъ этажей въ удобныя и даже комфортабельныя кухни, гдѣ 1600 человѣкъ, безъ толкотни и безпорядка, успѣваютъ кормиться въ теченіе 18 минутъ. Кухни снабжены отлично устроенными печами и всѣми новѣйшими приспособленіями для варки пищи. Полы кухонь гладкіе, асфальтовые; а столы и всѣ принадлежности для обѣда производятъ впечатлѣніе комфорта и опрятности. Полкъ учится въ холодную пору въ казармахъ, а осенью и весной на Царицыномъ лугу, гдѣ имѣетъ свой собственный участокъ. Касаясь обученія и воспитанія, мы должны замѣтить, что военная педагогика, въ примѣненіи ея разумныхъ выводовъ на практикѣ, сдѣлала въ послѣднее время огромные успѣхи: всѣ понемногу убѣждаются, что успѣхъ въ занятіяхъ зависитъ не отъ одной только муштровки, но и отъ охоты солдата заниматься военнымъ дѣломъ; а потому лучшіе начальники заботятся въ настоящее время о томъ, чтобы солдатъ былъ доволенъ положеніемъ, питалъ-бы довѣріе къ руководителю и интересовался-бы не только содержаніемъ дѣла, но и служебными успѣхами своей части.

Въ этомъ отношеніи Павловскій полкъ всегда стоялъ на высотѣ своей задачи. Въ послѣднее время въ учебной системѣ полка были сдѣланы многія улучшенія, имѣющія спеціальный и потому не для всѣхъ понятный интересъ. Между прочимъ мы можемъ указать на выработанный въ полку наглядный методъ подготовки учителей изъ нижнихъ чиновъ, приставляемыхъ къ новобранцамъ. Спеціальныя занятія съ этими людьми, ведущіяся въ октябрѣ и ноябрѣ, стали отличаться большимъ оживленіемъ, когда отъ учителей потребовали не только теоретическаго курса, но и настоящаго ихъ ремесла, заключающагося въ наглядной передачѣ новобранцу всѣхъ правилъ посредствомъ показа, соединеннаго съ простымъ, толковымъ разсказомъ и съ искусной поправкой. Порядокъ этихъ занятій, заключающійся въ томъ, что одинъ учитель (по очереди) изображаетъ новобранца, со всѣми его неловкостями, а другой примѣрно практикуется исправлять эти неловкости, былъ очень скоро усвоенъ въ ротахъ, и въ результатѣ получились учителя, умѣющіе мастерски преподавать новобранцу всѣ пріемы и правила службы.

Придавая огромную важность нравственному развитію учителей, ротные командиры намѣчали ихъ съ перваго года службы и оставляли особымъ воспитательнымъ вліяніемъ, которое заканчивалось выработкой ласковыхъ манеръ и вообще хорошаго тона обращенія съ новобранцами; а для приданія осмысленности дѣлу съ учителями велись особыя бесѣды о цѣли и значеніи каждаго занятія и вообще объ основаніяхъ учебнаго дѣла. Хорошая выучка новобранцевъ и уменьшеніе процента ихъ болѣзненности явились результатомъ этихъ заботъ. Проектъ этихъ занятій, равно какъ и другія учебно-воспитательныя предположенія, былъ составленъ, по приказанію командира полка, извѣстнымъ въ военно-педагогической литературѣ капитаномъ Н. Бутовскимъ — младшимъ братомъ нынѣ уже умершаго В. Бутовскаго, — составителя I-й части исторіи л.-гв. Павловскаго полка.

Для развлеченія людей въ свободное отъ службы время въ полку ведутся систематическія чтенія, которыя, по своему полезному и интересному содержанію, стали на степень дѣйствительно воспитательнаго элемента. Такимъ образомъ, вмѣсто скучнаго казарменнаго вечера или безцѣльнаго шатанія внѣ казармъ, гдѣ сторожитъ солдата всякій соблазнъ, онъ получаетъ пріятное и полезное развлеченіе у себя дома.

Какъ на особыя заботы о нравственномъ развитіи солдатъ слѣдуетъ указать на привлеченіе полковаго священника къ систематическому исполненію важнѣйшихъ его обязанностей по отношенію къ существеннымъ нуждамъ военно-православной паствы. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ, формальныхъ и непонятныхъ для простолюдина проповѣдей, солдатъ получаетъ отъ своего священника живое слово, живое духовное вліяніе, способное поддержать и укрѣпить тѣ добрыя нравственныя начала, которыя почти каждый простолюдинъ приноситъ на службу изъ своей набожной семьи. По обычаю, заведенному въ л.-гв. Павловскомъ полку, солдатъ посѣщается священникомъ вездѣ: въ ротѣ, въ госпиталѣ, въ карцерѣ и т. д. и вездѣ получаетъ должное духовное наставленіе. Особенное-же вниманіе обращено на нравственныя нужды оторванныхъ отъ семьи и скучающихъ по родинѣ новобранцевъ, которые черезъ вліяніе церкви получаютъ бодрость духа и охоту къ занятіямъ.

Къ сожалѣнію, размѣръ статьи не позволяетъ намъ привести всѣ мѣры, принятыя въ л.-гв. Павловскомъ полку для умственнаго, нравственнаго и религіознаго развитія нижнихъ чиновъ. Всѣ эти мѣры, равно какъ и учебные пріемы, выработанные современной военной педагогикой, читатель можетъ найти въ извѣстной книгѣ капитана л.-гв. Павловскаго полка Бутовскаго: „О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата“, интересной для всѣхъ лицъ, поступающихъ въ военную службу.

Вотъ краткія черты столѣтней жизни и службы л.-гв. Павловскаго полка, взятыя изъ его исторіи, составленной гг. Бутовскимъ, Вороновымъ, Вальбергомъ и Карсновымъ. „Исторія полка“ представляетъ роскошное изданіе, иллюстрированное множествомъ рисунковъ и виньетокъ, исполненныхъ извѣстнымъ баталистомъ, проф. Шарлеманемъ и другими художниками; но, къ сожалѣнію, книга эта, по своей цѣнѣ (25 р.), не для всѣхъ доступна. Заканчивая вѣковую исторію жизни и службы л.-гв. Павловскаго полка, гг. составители имѣютъ право съ гордостью сказать, что за всѣ эти многіе годы въ ней нѣтъ ни одного чернаго пятна. „Кости нашихъ гренадеръ, говорится въ „Исторіи“,—покоющіяся на поляхъ всей Европы, доказываютъ, что не даромъ достались намъ наши славныя *гренадерки, Георгіевскія знамена* и *права старой гвардіи*. Съ девизомъ, начертаннымъ на нашихъ, поврежденныхъ непріятельскими пулями гренадеркахъ: **„Съ нами Богъ“**, наши предки не знали страха передъ врагомъ. Будемъ-же твердо увѣрены, что и молодые Павловцы не посрамятъ своихъ дѣдовъ и отцовъ, и когда Царь снова призоветъ ихъ къ боевому испытанію, съумѣютъ по старо-павловски лечь костьми за Царя и Отечество“.

Съ торжествомъ, имѣющимъ состояться 15 мая, мы познакомимъ читателей въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ *Нивы*.

Гренадеръ 1790-го года.

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Парадъ 3 февраля 1890 г. на Дворцовой площади въ СПБ.

Съ фот. грав. Шюблеръ.

Къ рисункамъ.

„Идиллія“. Карт. И. С. Галкина.

(Рис. на стр. 492).

Заходящее солнце залило золотыми лучами широкую ниву, на которой только вдали примѣтны двѣ вѣтряныя мельницы, ярко освѣщенныя вечернею зарей. По узкой межѣ, среди чуть колыхающихся колосьевъ, близко другъ къ другу идутъ домой паробокъ и дивчина, возвращаясь съ полевыхъ работъ, идутъ не торопясь, подъ обаяніемъ чуднаго лѣтняго вечера и только изрѣдка перебрасываясь словечкомъ, какъ-бы боясь нарушить чарующую тишину окрестныхъ полей.

„Ненаглядный“. Карт. Пелевина. (Рис. на стр. 493).

Такъ ужь повелось на свѣтѣ, что самые младшіе члены семьи всегда становятся ея любимцами. Всѣ отъ мала до велика: и мать, и бабушка, и обѣ сестренки наперерывъ ласкаютъ и забавляютъ общаго баловня; даже кошка-Машка—и та старается привлечь вниманіе товарища подчасъ и тягостныхъ ей игръ... Все это передано въ картинѣ Пелевина со свойственною ему граціей и теплотой.

„Весной“. Картина Бернара. (Рис. на стр. 497).

Все зелено въ лѣсу. Веселыхъ птичекъ хоръ
Щебечетъ межъ листвы блестящей и смолистой,
Но издали еще, сквозь чащу, видитъ взоръ
Залитый солнцемъ стволъ березы серебристой.
Иду я по травѣ: тропинка заросла.
Кругомъ блестятъ цвѣты весенней красотою.
Пригоршней полною я рву ихъ безъ числа
И на душѣ легко въ лѣсной глуши весною.

Политическое обозрѣніе.

Тронная рѣчь императора Германскаго Вильгельма II, какъ за-границей, такъ и внутри страны, произвела въ общемъ благопріятное впечатлѣніе. Указываютъ только на умолчаніе въ тронной рѣчи объ отставкѣ князя Бисмарка, но это опущеніе нѣкоторыя газеты объясняютъ тѣмъ, что удаленіе желѣзнаго канцлера отъ дѣлъ настолько замѣчательно, что говоритъ само за себя. Изъ отдѣльныхъ частей, болѣе всего обсужденіямъ подвергается новый законопроектъ объ увеличеніи арміи. Это обсужденіе очень не понравилось юному государю, о чемъ онъ и высказался, по словамъ берлинскихъ газетъ, при пріемѣ президента и вицепрезидентовъ рейхстага. Если этотъ законопроектъ уже теперь вызываетъ строгое обсужденіе, то можно думать, онъ не пройдетъ въ рейхстагѣ безъ серьезной оппозиціи. Это раздражаетъ императора, который и безъ того сдѣлалъ въ законопроектѣ нѣкоторыя уступки министрамъ, тогда какъ Каприви и Вальдерзе требовали еще большаго увеличенія арміи.

Начались обсужденія военнаго законопроекта въ рейхстагѣ 2 мая. 90-лѣтній графъ Мольтке сказалъ въ своей рѣчи, что не смотря на всѣ дѣлаемыя за-границею миролюбивыя увѣренія, Германіи безусловно необходимо позаботиться о собственной безопасности. „Чѣмъ лучше боевая сила—сказалъ фельдмаршалъ — и чѣмъ она болѣе приспособлена къ войнѣ, тѣмъ болѣе будутъ другія державы склонны къ миру“. Рихтеръ высказался за установленіе двухлѣтняго срока военной службы. Виндтгорстъ предложилъ учредить 28-членную коммисію, которой было бы поручено обсудить вопросъ о ежегодномъ установленіи численности мирнаго состава арміи. Военный министръ Верди-дю-Вернуа заявилъ, что союзныя правительства готовятъ законопроектъ объ организаціи арміи и что въ настоящее время никакихъ уступокъ относительно срока службы сдѣлано быть не можетъ. Продолженіе преній отложено.

Отсутствіе въ европейскомъ концертѣ не-великихъ державъ, а иногда и недопущеніе ихъ къ участію въ немъ, неоднократно уже вызывало протесты и нареканія. Къ числу ихъ должно быть отнесено предложеніе Маркоарту о международномъ третейскомъ судѣ, сдѣланное имъ испанскому сенату 28 апрѣля. Указывая на послѣднія внѣ-парламентскія конференціи въ Берлинѣ, ораторъ выразилъ мнѣніе, что конференціи эти — прелюдіи къ великому вселенскому парламенту. Маркоарту протестовалъ противъ европейскаго конгресса, на которомъ являются хозяевами шесть великихъ державъ, а десять второстепенныхъ, т. е. пятьдесятъ милліоновъ европейцевъ, никакихъ представителей не имѣютъ. Когда, недавно, былъ возбужденъ вопросъ о допущеніи Испаніи на конгрессъ, Италія, Франція, Австрія и Германія отнеслись къ этому благопріятно, но со стороны Англіи предложеніе было встрѣчено холодно. Ораторъ предлагалъ лигу мира между Испаніею и второстепенными государствами и требовалъ мира на пять лѣтъ, чтобы сократить численность арміи, облегчить тягости бюджета, имѣть возможность разрѣшить соціальный вопросъ и установить международный кодексъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что онъ также желаетъ третейскаго суда, но сожалѣетъ, что иногда державы, согласившіяся подчиниться третейскому суду, не исполняютъ его рѣшеній. Испанія нѣсколько разъ соглашалась на третейскій судъ и сдѣлаетъ все возможное, чтобы поступать такъ и впредь, но необходимо, чтобы и другія государства поступали точно такъ же. Въ заключеніе министръ просилъ сенатъ принять въ соображеніе важность сдѣланнаго Маркоарту предложенія.

Объ отношеніяхъ Италіи къ Абиссиніи теперь можно себѣ составить точное понятіе. 25 апрѣля былъ розданъ въ палатѣ депутатовъ новый сборникъ документовъ по африканскимъ дѣламъ. Сборникъ содержитъ текстъ дополнительной конвенціи къ итальянско-эѳіопскому договору. Король Гумбертъ признаетъ императоромъ эѳіопскимъ Менелика, который съ своей стороны признаетъ державныя права короля на итальянскія владѣнія у Краснаго моря, причемъ условлено, что исправленіе границъ должно состояться впослѣдствіи на основаніи нынѣшняго владѣнія de facto. Для обезпеченія процентовъ и погашенія займа въ четыре милліона, заключеннаго въ національномъ банкѣ подъ гарантіею Италіи, Менеликъ уступаетъ итальянскому правительству доходы съ таможенъ въ Харрарѣ. Въ настоящее время Менеликъ получитъ половину суммы, остальную же половину можетъ потребовать черезъ годъ. Но въ приложенномъ къ дѣлу докладѣ Криспи сказано что Менеликъ, вѣроятно, отъ этого воздержится. Сама конвенція подверглась измѣненію, а именно въ ст. 12-ой итальянско-эѳіопскаго договора постановлено, что эѳіопы, совершившіе какое-нибудь преступленіе на итальянской территоріи, подлежатъ во всѣхъ случаяхъ суду и расправѣ итальянскихъ властей.

О торговыхъ отношеніяхъ Австро-Венгріи къ своимъ сосѣдямъ на Югѣ и Юго-Востокѣ, мы находимъ интересную корреспонденцію въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* изъ Буда-Пешта. Въ руководящихъ сферахъ мадьярской столицы много говорится о возобновленіи торговыхъ переговоровъ съ Румыніею въ виду прекращенія таможенной войны, не заставившей Румынію, какъ ожидалъ вѣнскій кабинетъ, подчиниться требованіямъ Австро-Венгріи, а также о предположеніи заключить торговый и таможенный договоръ съ Болгаріею, помимо Турціи, на подобіе той конвенціи, которая существовала между Австро-Венгріею и Румыніею, до провозглашенія независимости послѣдней. Понятно желаніе Австріи выгодно сбывать свои мануфактурные продукты въ страны Балканскаго полуострова, но таковое облегченіе встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе мадьяръ, которые не безъ основанія опасаются конкуренціи, могущей пагубно отозваться на сельскомъ хозяйствѣ Венгріи. Въ запискѣ, поданной по сему предмету министромъ земледѣлія и торговли, венгерское общество сельскаго хозяйства настаиваетъ на необходимости отдалить заключеніе торговыхъ договоровъ съ Румыніею и другими восточными странами до тѣхъ поръ, пока не будутъ заключены съ западными державами договоры, въ силу коихъ будетъ облегченъ ввозъ въ нихъ сырыхъ продуктовъ Венгріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мадьярская аграрная партія стремится къ торговому сближенію съ Германіею, которое должно повести къ обоюдному предоставленію льготъ по главнымъ отраслямъ производства и огражденію ихъ посредствомъ запретительныхъ пошлинъ отъ конкуренціи другихъ державъ; но таковая торговая политика едва ли выгодна для Цислейтаніи, которая, какъ страна болѣе мануфактурная чѣмъ земледѣльческая, не можетъ желать искусственнаго поднятія цѣнъ на сельскія произведенія, а тѣмъ болѣе чрезмѣрнаго удешевленія предметовъ промышленности вслѣдствіе льготъ, которыя пришлось бы дать Германіи. Относительно странъ Балканскаго полуострова многіе утверждаютъ, что между обѣими монархіями установилось соглашеніе, въ силу коего Сербія предоставляется австрійскимъ торговымъ интересамъ, а Румынія—мадьярскимъ. Что же касается Болгаріи, то есть поводъ полагать, что ради политическихъ соображеній и по внушенію какъ графа Кальноки, такъ и венгерскихъ министровъ, мадьяры пожертвуютъ интересами аграрной партіи въ пользу экономическаго порабощенія Княжества и упроченія политическаго вліянія Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. Впрочемъ, виды мадьярской аграрной партіи, вѣроятно, должны будутъ уступить общимъ государственнымъ соображеніямъ. Но, не будучи рѣшающимъ факторомъ, они тѣмъ не менѣе указываютъ направленіе, съ которымъ, несомнѣнно, придется считаться, когда настанетъ время пересмотра нынѣ дѣйствующихъ торговыхъ соглашеній.

Библіографія.

О способахъ обученія и воспитанія современнаго солдата (практическія замѣтки командира роты). Соч. Ник. Бутовскаго. Второе изданіе. СПБ. 1890. Складъ у В. А. Березовскаго. СПБ., Колокольная, 14. Ц. 1 р.

Прежняя служба и настоящая. Соч. Н. Бутовскаго. СПБ. 1890. Складъ у В. А. Березовскаго. Цѣна 50 коп.

Всеобщая воинская повинность и новѣйшія усовершенствованія военной техники, повысивъ уровень требованій отъ современнаго солдата, вызвали цѣлую литературу по военной педагогикѣ, въ которой первое мѣсто безспорно принадлежитъ трудамъ М. И. Драгомирова, представляющимъ стройную систему воспитанія и обученія солдата съ точки зрѣнія новыхъ условій жизни арміи и подготовки къ ней. Нынѣ, въ рядахъ нашей арміи, являются молодые дѣятели, взявшіе на себя дальнѣйшую разработку господствующей системы обученія и выясненіе всѣхъ подробностей воспитанія солдата. Такова именно задача вышеназванной книги, заключающаяся, по словамъ автора, преимущественно въ томъ, чтобы указать руководящія начала, при которыхъ образованіе и воспитаніе солдата, подчиненное общей идеѣ, теряетъ характеръ безпорядочныхъ попытокъ и получаетъ опредѣленное направленіе.

Содержаніе книги: воспитательныя задачи командира роты; нѣсколько соображеній по поводу винной солдатской порціи; о казарменной нравственности и о внутреннемъ порядкѣ въ войскахъ; по поводу статьи: „Командованіе отдѣльною частью“; школа грамотности и преподаваніе уставовъ въ войскахъ; зимнія занятія въ казармахъ и въ манежѣ.

Книга г. Бутовскаго представляетъ превосходный матеріалъ для бесѣдъ въ войсковыхъ частяхъ и настольное руководство для строевыхъ офицеровъ.

Другая брошюра г. Бутовскаго „Прежняя служба и настоящая“ представляетъ намъ автора со стороны художественнаго творчества. Повѣсть *Жена ротнаго командира*, какъ называлъ себя герой этого разсказа, старый фельдфебель Егорычъ, знакомитъ насъ съ отжившимъ типомъ служиваго изъ крѣпостныхъ, беззавѣтно преданнаго своему командиру, съ суровою строгостью но и съ любовью относящагося къ своей ротѣ и посвящающаго всю жизнь на то, чтобы показать свой товаръ лицомъ на смотру предъ высшимъ начальствомъ, причемъ не прочь и слукавить и подвадуть его. Это одно изъ лучшихъ изображеній недавняго военнаго быта, достойное стать на ряду съ выдающимися произведеніями въ этомъ родѣ.

Вѣстникъ садоводства, плодоводства и огородничества. Май. 1890. СПБ.

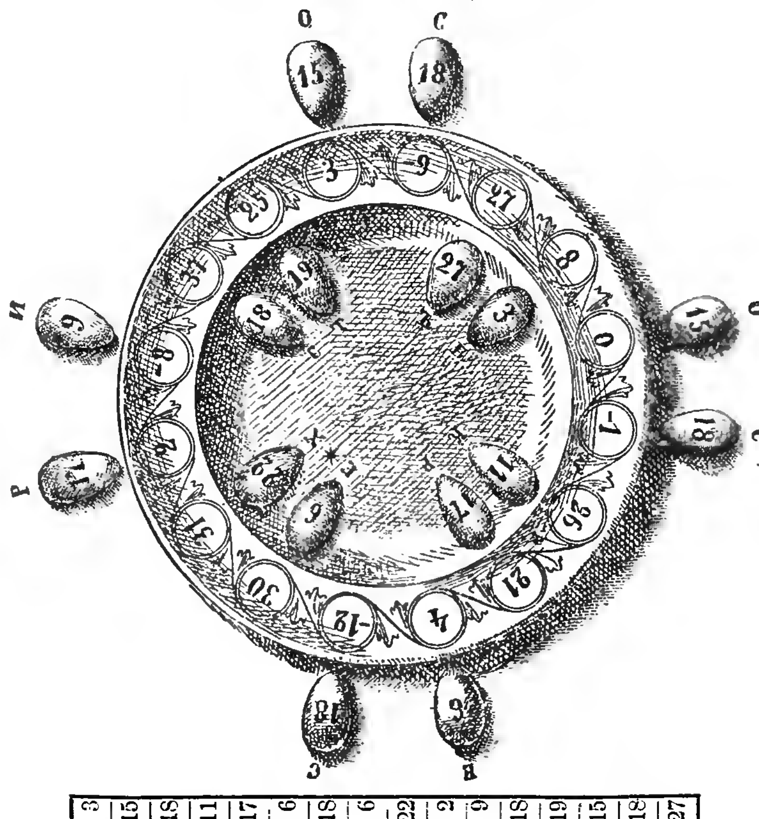
Содержаніе этой книжки, украшенной двумя превосходными хромолитографіями, слѣдующее:

Iris atropurpurea Baker. Косатикъ пурпурный (съ хромолитографіею). Э. Л. Регеля.—Сѣверный житель на южномъ берегу Крыма. Продолженіе. В. К. Афанасовича.—Къ комнатной культурѣ Ficus elastica. В. Н. Кутузова. — Сады и парки въ Берлинѣ и его окрестностяхъ. П. В. Шмеллинга.—Echinocereus Engelm. Ежевый свѣчевидный кактусъ. Съ 2-мя рисунками. Э. Л. Регеля. — Розаны съ 1860 по 1890 годы. П. Е. Волкенштейна.—Культура ананасовъ. О. М. Х—ча.—Oncidium crispum Lodd. Онцидіумъ волнистое (съ хромолитографіею). Э. Л. Регеля.—Опытная станція въ Гейзенгеймѣ. Е. Ф. Рогге.—Клубневыя бегоніи. Съ рисункомъ. В. Н. Кутузова.—Хроника и мелкія извѣстія: Грибокъ ловящій червяковъ. — Разведеніе гіацинтовыхъ луковицъ въ Голландіи. — Горшечная культура гіацинтовъ въ Англіи.—Sooly Qua.—Пересадка взрослаго дерева лѣтомъ. — Зимняя или комнатная прививка плодовыхъ деревьевъ.—Посѣвъ американскаго ясеня.—Средство отъ долгоносика.—Новый подвой для штамбовыхъ розъ.—Культура Victoria regia на открытомъ воздухѣ.—Сохраненіе и распространеніе растительныхъ видовъ.—Китайская приправа къ супу.—Гусеница бѣлянки капустной — ядовита. — Керосинъ противъ насѣкомыхъ.—Уничтоженіе лишаевъ на фруктовыхъ деревьяхъ и кустарникахъ. — Мыло изъ сарапчи. — Американская или ежевиковидная малина. В. К. — Библіографическія замѣтки. П. В—нъ и В. К.

При этой книжкѣ прилагается: Протоколъ засѣданія Имп. Россійскаго Общества Садоводства, за № 397.

Отдѣльное приложеніе: Каталогъ цвѣточнымъ луковицамъ братьевъ Ванъ-Вельзенъ, торгующіе садовники въ Гарлемѣ (Голландія).

Рѣшеніе пасхальной задачи № 22 (помѣщенной въ № 13).



8 — 3	0 + 15	— 1 + 18	26 — 11	21 — 17	4 + 6	— 12 + 18	30 — 6	31 — 22	17 + 2	— 8 + 9	37 — 18	25 — 19	— 3 + 15	— 9 + 18	27 — 27
Д	О	Р	О	Г	І	Е	Ч	И	Т	А	Т	Е	Л	И	!

Христосъ воскресе, дорогіе читатели!

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Гельсингфорсъ**—М. К. Герихъ, Л. К. Чернявскаго, **Зарайскъ** - Е. Скоробогатой, **Кіевъ**—Н. Л. Шкоттъ, Л. Е. Шилохвастова, **Калуга**—С. П. Соколова, **Кизылъ-Арватъ**—П. Берцова, **Лебедянь**—В. П. Чуралина, **Минскъ**—П. Я. Козлова, **Соколка**—А. Пригоровскаго, **Саратовъ**—В. А. Аблова.

Шарада. Задача № 28.

Шарады нашей первый слогъ
Не что иное какъ предлогъ.
Съ любовью смотрятъ мужъ съ женой
Какъ съ куклой, на коврѣ, порой,
Рѣзвится третій и второй.
Но если цѣлаго кто выпьетъ черезъ край,
Въ порывахъ радости иль горя,
Тому въ лачужкѣ будетъ рай
И станетъ по колѣно море.

Рѣшеніе ребуса № 14 (помѣщеннаго въ № 14).

„Говори съ другимъ поменьше, а съ собою побольше“.

Смѣсь.

Изъ воспоминаній о генералѣ Радецкомъ. Не такъ давно умершій генералъ Ѳ. Ѳ. Радецкій пользовался необыкновенною любовью солдатъ, которые называли его „отцомъ-генераломъ“. Одинъ бывшій добровольцъ, помѣстившій воспоминанія о балканскомъ героѣ въ одной изъ южныхъ газетъ, разсказываетъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ чрезвычайно рельефно обрисовывается доброта, мужество и прочія высоконравственныя качества Радецкаго. Такъ, напримѣръ, въ дѣлѣ на горѣ Св. Николая, лично участвуя въ отраженіи съ необычайнымъ упорствомъ нападавшаго непріятеля, ободряя солдатъ своимъ магическимъ словомъ и рискуя своей собственной жизнью, генералъ Радецкій не оставлялъ безъ теплаго участія и раненыхъ, умиравшихъ въ этотъ день съ геройской отвагой. Повторяя свое: „братцы, дружно, наша возьметъ!“ и видя, какъ по сторонамъ падаютъ десятки убитыхъ и раненыхъ солдатъ, генералъ съ истинно отцовскимъ участіемъ наклонялся къ несчастнымъ подъ градомъ пуль и картечи, собственными руками перевязывалъ раны, помогая изнемогавшимъ санитарамъ, и выслушивалъ предсмертныя исповѣди павшихъ героевъ... Какой-то солдатикъ, умирая чуть-ли не на рукахъ своего начальника и благословляя „отца-генерала“ за доброту и участіе, просилъ снять у него съ груди завѣтный мѣшечекъ, въ которомъ хранился завѣтный образокъ съ „писулькой“, и передать по указанному адресу. Генералъ исполнилъ просьбу умиравшаго, и мѣшечекъ по окончаніи сраженія былъ отосланъ по назначенію со щедрымъ приложеніемъ... И подобныхъ случаевъ, по разсказамъ знавшихъ „отца-генерала“, было много. (в.)

Изъ анекдотовъ о В. И. Назимовѣ. Бывшій попечитель

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Общій видъ казармъ Павловскаго полка въ СПБ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Лагерный цирульникъ пятидесятыхъ годовъ.
Съ карт. Геббенса, подаренной полку императоромъ Александромъ II, грав. Шюблеръ.

Московскаго учебнаго округа и впослѣдствіи виленскій генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ былъ человѣкъ весьма симпатичный, дѣятель благородный: онъ защищалъ сочиненія Гоголя отъ цензурныхъ сокращеній, положилъ начало освобожденію крестьянъ Сѣверо-Западнаго края и выказалъ рыцарскую честность на всѣхъ поприщахъ своей службы. Но у этого дѣятеля крупной величины были большія странности, о которыхъ разсказывается въ одномъ изъ нашихъ историческихъ изданій. При посѣщеніи одной библіотеки своего вѣдомства, Назимовъ замѣтилъ въ шкапахъ между книгъ пустыя мѣста.

— Отчего это у васъ мѣста не заставлены книгами? спросилъ онъ у библіотекаря.

— Книги взяты для чтенія, ваше пр—ство.

— Что за безпорядокъ! выдавайте впередъ книги по порядку: возьметъ книгу одинъ, другому давайте слѣдующую и т. д., тогда у васъ пустота будетъ только въ одномъ мѣстѣ, замѣтилъ Назимовъ. (к.)

Окаменѣніе трупа, совершившееся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вызвало недавно оживленные толки въ сѣверо-американской печати. Одинъ бывшій фермеръ, живущій въ Виннепегѣ, въ Канадѣ, лишился 16 лѣтъ тому назадъ жены. Она была похоронена на небольшомъ деревенскомъ кладбищѣ. Но такъ какъ родственникамъ далеко было ѣздить на кладбище изъ Виннепега, то рѣшено было перевезти остатки умершей на городское кладбище. Когда открыли могилу, гробъ оказался совершенно окаменѣлымъ и только съ большими усиліями удалось поднять его; онъ вѣсилъ до 8 центнеровъ. Съ величайшими затрудненіями снята была крышка, и трупъ умершей оказался на первый взглядъ вполнѣ сохранившимся. При ближайшемъ разсмотрѣніи однако убѣдились, что онъ почти совершенно окаменѣлъ. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, что чрезъ кладбище протекалъ соляной источникъ и окаменѣніе произошло благодаря осадку составныхъ минеральныхъ частицъ. (с.)

Столѣтній юбилей л.-гв. Павловскаго полка. Видъ кухни и столовой на 1600 чел. въ казармахъ Павловскаго полка. Съ фот. грав. Рашевскій.

Въ Египтѣ, по словамъ Фоссовой газеты, найденъ покрытый іероглифами камень, надписи на коемъ имѣютъ значеніе для исторіи пребыванія въ Египтѣ Іосифа. А именно, послѣ перечисленія титуловъ неизвѣстнаго доселѣ фараона, разсказывается, что въ четырнадцатый годъ его царствованія нѣкій Шити-хе пытался религіозными процессіями и другими средствами „предотвратить дальнѣйшія бѣдствія во время семилѣтняго отсутствія разливовъ Нила“. Извѣстіе это совпадаетъ съ библейскимъ сказаніемъ о семи неурожайныхъ годахъ, о которыхъ предсказалъ Фараону призванный имъ Іосифъ. Въ другой, найденной уже раньше, въ одной изъ гробницъ, надписи, относящейся къ періоду за 1800 или 1700 лѣтъ до Р. Х., упоминается о „многихъ голодныхъ годахъ“, постигшихъ Египетъ. (с.)

Море — какъ рабочая сила. И море должно принять въ настоящее время участіе во всеобщей работѣ. Важное открытіе относительно примѣненія силы прибоя морскихъ волнъ сдѣлано недавно Бондомъ. Опыты производились въ Ocean-Grove въ Нью-Іоркѣ. Изобрѣтатель построилъ съ берега въ море длинную плотину и на концѣ ея устроилъ шлюзъ, ворота коего опускаются въ воду при отливѣ на 2 фута, а при приливѣ на 7. Со внутренней стороны шлюзныхъ воротъ находится стальной шестъ, соединенный съ помпой водянаго насоса. Когда ворота прибоемъ волны отворяются къ берегу насосъ каждый разъ доставляетъ значительное количество воды въ резервуаръ, находящійся на берегу, на высотѣ 60 футовъ надъ землею. При отбоѣ волнъ ворота затворяются и цилиндръ насоса, при посредствѣ всасывающей трубки, наполняется водою, которая когда ворота снова отворятся къ берегу, гонится въ резервуаръ. Все работаетъ теперь по фабричному! (с.).

Производство дугъ. Въ числѣ деревянныхъ издѣлій, которыми издавна славятся губерніи Курская и Орловская, расписныя, крашеныя дуги занимаютъ видное мѣсто. Курскія дуги издавна наполняли всѣ украинскіе южные рынки, но доставлялись даже въ Москву, Тверь и Нижній-Новгородъ, гдѣ успѣшно конкурировали съ костромскими и ярославскими издѣліями, которыя славятся. Промыселъ производства дугъ—о которомъ говорится въ *Курскомъ Листкѣ* — распространенъ въ особенности въ южныхъ уѣздахъ Курской губерніи — Новооскольскомъ, Корочанскомъ и Бѣлгородскомъ. Къ началу восьмидесятыхъ годовъ область сбыта дужныхъ издѣлій представляла весьма значительную площадь, заключающуюся между Москвою на сѣверѣ и Полтавою на югѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дужники слободы Крутаго-Лога и деревни Кривцовой стали отправлять свои издѣлія даже въ Сибирь. Но когда курскіе кустари доставили свои издѣлія въ Москву и вступили здѣсь въ конкуренцію съ ярославцами и новгородцами, то тотчасъ же сознали необходимость улучшить рисунки на своихъ дугахъ, которые они и довели до возможнаго совершенства. Безъ всякихъ образцовъ и готовыхъ моделей кустари скоро научились расписывать свои издѣлія такъ искусно, что въ Москвѣ курскія дуги стали предпочитать ярославскимъ и новгородскимъ. Когда же потомъ вывозъ дугъ въ Москву сталъ сокращаться и онѣ пошли за Уралъ, рисунки на дугахъ ухудшились, и вмѣсто художественнаго рисунка явилась грубая раскраска, нерѣдко рѣжущая глазъ своею пестротою. Главнымъ матеріаломъ для производства дугъ служатъ ракитовыя плахи, покупаемыя у окрестныхъ крестьянъ и помѣщиковъ. Въ виду широкаго развитія дужнаго производства на югѣ и юго-востокѣ Курской губерніи, во многихъ мѣстахъ Новооскольскаго, Корочанскаго и Тимскаго уѣздовъ и въ пограничныхъ селеніяхъ Воронежской и Харьковской губерній жители стали разводить особый родъ ракиты для продажи дужникамъ, и это теперь составляетъ особый видъ промысла, довольно выгоднаго, ибо ракита эта, разводимая отростками, растетъ быстро и ухода не требуетъ. Работа дугъ производится круглый годъ въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Въ недѣлю одинъ человѣкъ можетъ приготовить и расписать въ среднемъ около семи дугъ, а въ теченіе всего рабочаго времени онъ можетъ сработать около 175 дугъ, такъ какъ посвящаетъ производству около 150 дней въ теченіе года, не считая 15—20 дней, которые онъ употребляетъ на покупку и доставку матеріала для дугъ. Дуги продаются въ Москвѣ по 3—4 р. за штуку, въ Сибири—отъ 5 до 10 р. Цѣна же ихъ на ближайшихъ ярмаркахъ отъ $1^{1}/_{2}$ до $2^{1}/_{2}$ р. На этихъ ярмаркахъ дуги сбываются самими производителями прямо и непосредственно потребителямъ, частью же скупаются мѣстными барышниками и отправляются до Москвы или въ Зауралье. (в.)

5% съ выигр. заемъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка 1889 г. 1-й тиражъ 1-го мая 1890 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.	№ сер.	№ лист.	Сумма.
3	6	500	2187	19	500	3987	37	500	5932	10	500	7293	27	500	9584	8	500	11483	47	500	14333	28	500
14	11	500	2200	32	500	4069	32	1000	5977	3	500	7305	17	1000	9607	20	500	11519	5	500	14402	2	500
23	19	500	2201	41	500	4193	20	5000	6004	6	500	7426	44	8000	9671	8	500	11572	38	500	14437	47	500
47	25	8000	2350	3	500	4193	48	500	6040	28	500	7477	7	500	9672	37	500	11604	14	500	14601	30	500
118	45	500	2400	5	500	4249	5	500	6066	26	500	7495	28	10000	9676	11	500	11702	40	500	14610	45	500
159	5	500	2462	34	500	4314	38	1000	6072	9	500	7568	39	5000	9737	3	500	11746	29	10000	14744	24	1000
178	44	500	2636	44	500	4361	39	500	6137	49	5000	7629	29	500	9773	48	500	11832	25	500	14760	23	500
184	22	500	2811	37	500	4375	37	500	6179	6	1000	7678	38	500	9798	25	500	11871	48	500	14854	23	500
270	34	500	3014	18	500	4396	5	1000	6187	15	500	7708	12	500	9835	32	500	11924	33	500	14880	15	500
327	27	1000	3023	41	500	4399	42	500	6274	18	500	7721	18	25000	9845	39	75000	11933	10	500	14946	41	500
647	14	500	3036	24	500	4467	14	500	6282	5	500	7903	46	500	9874	46	500	11963	42	500	14955	46	500
726	23	500	3076	23	500	4510	49	1000	6282	24	500	7951	35	500	9888	37	500	11969	35	500	15002	37	500
726	36	500	3132	24	500	4657	10	1000	6307	17.	200000	7959	42	500	9913	48	500	12081	38	500	15022	16	500
761	12	500	3172	38	500	4732	49	500	6327	2	500	7964	20	500	9976	8	1000	12111	33	500	15039	28	500
770	34	500	3185	3	500	4750	14	8000	6402	44	500	8219	15	500	9987	42	500	12136	11	500	15180	42	500
806	43	500	3209	16	500	4793	25	500	6408	38	500	8290	13	500	10055	41	1000	12248	17	500	15337	25	500
868	38	1000	3225	44	500	4795	30	10000	6450	27	500	8414	37	500	10337	16	500	12891	33	500	15366	14	500
944	48	8000	3254	15	500	4805	17	500	6510	42	500	8434	37	500	10353	11	500	12448	40	500	15405	29	500
964	25	500	3307	30	500	4891	10	500	6614	35	500	8449	40	500	10427	4	500	12543	41	500	15417	37	500
1059	29	500	3453	37	500	4891	29	500	6634	19	500	8465	8	500	10436	27	5000	12670	18	500	15566	2	500
1064	10	500	3478	24	500	4948	5	500	6674	6	500	8587	18	500	10765	50	5000	12812	1	500	15587	46	500
1096	27	500	3633	37	500	4993	47	500	6714	26	500	8588	11	500	10876	8	5000	12920	9	500	15621	28	500
1148	11	500	3654	5	500	5095	8	500	6720	22	500	8616	1	500	10926	23	500	12947	9	500	15646	47	500
1205	13	1000	3661	16	500	5162	20	500	6762	20	500	8678	20	40000	10964	49	5000	13106	17	500	15654	25	500
1248	9	500	3686	12	500	5333	46	500	6763	7	500	8715	25	500	11011	30	500	13141	26	500	15660	17	500
1298	49	500	3703	24	5000	5384	4	500	6788	25	500	8729	48	500	11022	8	500	13192	5	500	15662	43	500
1365	36	500	8708	48	8000	5388	1	500	6897	1	500	8756	32	500	11077	29	1000	13273	10	1000	15679	12	500
1528	41	500	3729	45	500	5481	40	500	6909	20	1000	8767	13	500	11092	8	500	13436	37	1000	15701	43	500
1592	35	500	3756	35	500	5507	36	500	6911	40	500	8951	21	500	11097	49	500	13450	46	500	15734	9	500
1704	41	500	3764	48	500	5556	8	500	6917	36	500	9037	4	500	11124	42	500	13589	18	500	15751	38	500
1793	2	500	3787	15	500	5600	26	500	6968	30	500	9053	19	500	11245	22	1000	13637	6	500	15807	25	500
1832	4	500	3818	46	500	5664	3	500	7199	13	500	9106	47	500	11307	40	500	13689	49	500	15809	44	500
1910	18	500	3820	20	500	5754	37	500	7215	35	1000	9166	27	500	11359	45	500	13712	32	500	15828	16	500
1940	5	500	3823	33	500	5834	40	500	7223	7	500	9181	45	500	11370	12	500	13830	42	500	15860	1	500
2034	6	500	3832	10	500	5852	6	500	7232	20	500	9297	30	500	11383	5	500	13857	19	500	15926	27	500
2067	7	500	3832	35	500	5860	33	500	7261	47	500	9320	13	500	11401	45	500	13912	28	500	15927	11	500
2070	34	500	8898	47	500	5879	22	500	7279	7	500	9472	31	500	11457	16	500	14171	27	500	15931	30	500
2121	46	500	3979	27	500	5893	29	1000	7292	40	500												

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Уплата выигрышей будетъ производиться исключительно въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го Августа 1890 года.

Тиражъ погашенія означенныхъ листовъ будетъ производиться съ 1-мая 1896 года

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ИМѢНІЕ ВЪ 442 ДЕС.,

Изюмскаго уѣзда, Харьк. губ., превосходно устроенное, продается. Тамъ же продается или сдается въ аренду паровая мукомольная мельница. Подробности узнать по адресу: **г. Изюмъ, Харьк. губ., Г. И. Житнову.**

КУМЫСЪ. Гор. УФА,

въ дачѣ Барсова, д. Глумилино, 15 к. бутылка; квартира отъ 20 руб. сезонъ; столъ (3 блюда мясныхъ) и прислуга 21 р. мѣсяцъ. Адресъ: **г. Уфа, Я. П. Барсову.** Сезонъ съ 20 мая по 15 августа. № 4539

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

вновь полученныхъ англійскихъ велосипедовъ. 4—4

Г. ЖЕМЛИЧКА,

Москва, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., домъ Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКАЯ

грязе-лечебница „Товарищества“ врачей въ Крыму, въ г. Керчи. **Сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября.** Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за одну семиков. марку. **Адр. въ г. Керчь,** Таврич. губ. доктору **Филимовичу.** Ц. № 4440 12—8

превосходнѣйшаго качества, удостоенный высшихъ наградъ. Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы.

Главное депо у **Александра Тиссъ** и К°. Пушкинская, № 4. Ц. № 4507 2—2

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Ц. 4122 13-13

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, озноблелій, мозолей и всякихъ накожныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ

Лечебное заведеніе Д-ра Бремера. Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ,

учрежденное въ 1854 году. К. № 4457 12—7

Главный докторъ Ф. Вольфъ.

Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ находятся роскошныя виллы. Цѣны умѣренныя. Проспекты высылаютъ безплатно

Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.

При заведеніи находится русскій врачъ.

Подробности методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungenschwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.

По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ **Purgativ** имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и вѣрное дѣйствіе, малая доза.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

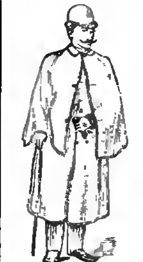
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 4541 10—1

НЕПРОМОКАЕМЫЯ ПАЛЬТО и ПЛАЩИ



резиновыя, шелковыя, а также изъ **англійскихъ шерстяныхъ матерій** новѣйшихъ рисунковъ, изящнаго покроя, которыя изготовляются въ собственной мастерской.

!ДАМСКІЯ ШЕЛКОВЫЯ ПАЛЬТО!

замѣчательныя своею легкостью и изяществомъ.

Мужское пальто шерстян.	отъ 20 р.	до 55 р.
„ плащъ „	„ 25 „	„ 50 „
Дамское пальто обыкнов.	„ 20 „	„ 35 „
„ шелковое	„ — „	„ 45 „
Резиновыя пальто	„ 8 „	„ 25 „

Образчики матеріи и рисунокъ фасоновъ высылаются по востребованію.

ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ПИХЛАУ и БРАНТЪ

въ Москвѣ: П. № 4508 3—3

1) **Петровка,** домъ Соколова, 2) **Ильинка,** близъ Биржи.

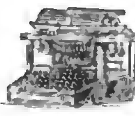
ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе перв. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

МОЙНАКСКОЕ

ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ

№ 4443 ЗАВЕДЕНІЕ

въ городѣ Евпаторіи

открывается съ 20 мая по 20 августа.

За подробностями просятъ обращаться въ гор. Евпаторію, Таврической губ., Гг. доктору С. П. Цеценевскому или доктору С. Н. Ходжашу.

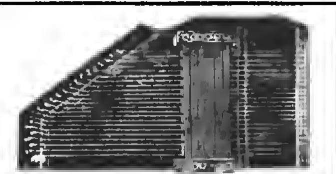
КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА ВЪ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго **окрашиванія** волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 8—3

Цѣна за флаконъ **3 руб.** съ пересылкой. Главный складъ для Россіи у **В. Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:

съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.

„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (27) Ц. № 8864

Торговцамъ дѣлается скидка.

ЭЛИКСИРЪ,

ПОРОШОКЪ И ПОМАДА

ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Въ зубоврачебн. кабинетахъ Ивана Ив. ХРУЩОВА,

Невскій, 43, на углу Троицкой, ежедневно производятся всѣ зубныя операціи, леченіе пломбированіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ.

Тутъ же въ конторѣ продаются всѣ матеріалы, требуемые для зубоврачебной практики № 4505 5—2

CIGARETTES ESPIC contre

ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Dépôt général : STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg

Vente en gros : J ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (18) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г. | № 20 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XXI | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 19 мая 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Солистъ“. Съ карт. И. С. Галкина (исключ. право воспроизв. въ гравюрѣ и т. п. принад. „Нивѣ“), грав. Флюгель.

Стихотвореніе

А. Фета.

Только что спрячется солнце,
Неба затепливъ красу,
Тихо къ тебѣ подъ оконце
Пѣсню свою понесу.

* * *

Чистой и вольной душою,
Ясной и свѣжей какъ ночь,
Смѣйся надъ пѣснью больною!
Прочь отгоняй ее, прочь!

* * *

Какъ бы за легкимъ вниманьемъ
Въ вольное сердце дотоль
Вслѣдъ за его состраданьемъ
Та-же не вкралася боль.

Кладъ.

Романъ **I. I. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)**. Часть II.

(Продолженіе).

II.

Парфеновка нѣсколько дней была залита водой. Городскіе пароходы въ ночь наводненія вошли въ оврагъ, и многіе парфеновцы были спасены; но не обошлось безъ несчастныхъ случаевъ съ людьми. Едва Михайлычъ съ семействомъ иконописца сѣлъ въ лодку, какъ вода стала подниматься и покрыла домикъ до самой трубы. Дмитріевна и дѣти Михайлыча пристали на плоту ко второму этажу дома Вѣнова и оттуда были взяты на пароходъ.

Въ Святогорскѣ образовался комитетъ для поданія денежной помощи пострадавшимъ парфеновцамъ. Михайлычъ ежедневно являлся въ комитетъ и надоѣдалъ. Ему выдали вспомоществованіе къ большой зависти его согражданъ, изъ которыхъ половина, дѣйствительно разоренная водой, не получила ничего. Въ концѣ мая Михайлычъ сталъ строиться и, какъ бобръ, воздвигъ домикъ на высокихъ сваяхъ. У него нашлась работа не только своя, но и чужая. Всей Парфеновкѣ онъ ставилъ новыя или поправлялъ старыя печи. Дѣла его измѣнились къ лучшему, и осенью онъ уже считался зажиточнымъ человѣкомъ.

Но съ нѣкоторыхъ поръ его можно было назвать даже богатымъ человѣкомъ. Всѣ видѣли, какъ трудился Михайлычъ, и всѣ понимали, что онъ имѣлъ право купить себѣ новый картузъ и даже серебряную шейную цѣпочку съ часами. Но когда новый картузъ оказался бархатнымъ и цѣпочка не серебряная, вызолоченная, а настоящая золотая,—это всѣмъ показалось страннымъ. Кому это везутъ изъ города вѣнскіе стулья и посудный шкафъ съ затѣйливою рѣзьбой? А печныхъ дѣлъ мастеру, Михайлычу. Кому доставили изъ англійскаго склада чугунныхъ и мѣдныхъ издѣлій нѣсколько дюжинъ фигурныхъ заслонокъ, патентованныхъ вьюшекъ и каминныхъ принадлежностей? А кому-же, какъ не Михайлычу. Чья это жена была въ прошлое воскресенье въ церкви, разодѣтая, какъ чиновница — въ синемъ драповомъ бурнусѣ со стеклярусомъ и въ шелковой косынкѣ „шанзантъ“? Да это жена печника Михайлыча. Позвольте, какого Михайлыча — того самаго, что годъ тому назадъ погорѣлъ? Того самаго. Не онъ-ли еще весной жилъ, можно сказать, на хлѣбахъ изъ милости у вдовой солдатки Пахомовны?—Онъ. Странно!

Качали головами парфеновцы, не могли понять, откуда у Михайлыча деньги, подозрѣвали недоброе, завидовали Михайлычу, и даже иконописецъ Ивановъ пересталъ къ нему благоволить, принималъ его сухо и сурово, а оставаясь съ нимъ наединѣ, пророчилъ ему гибельный конецъ. Но Михайлычъ махалъ рукой и говорилъ:

— Флорентій Адріановичъ, изъ трубы ни разу не шелъ дымъ, а потому динамита опасаться нечего. Вообще же, въ концѣ я сомнѣваюсь, и всякій на моемъ мѣстѣ былъ бы положительнымъ дуракомъ, если бы не завелъ хорошей печной мастерской и не открылъ въ городѣ, по мѣрѣ силъ, своего магазина.

— Ты ужь на городъ заглядываешься?

— Заглядываюсь, Флорентій Адріановичъ. У насъ на Парфеновкѣ дичь и большое воображеніе. Даже Арону Шминдрику я какъ бѣльмо на глазу. А между тѣмъ, какое дѣло ему, Флорентій Адріановичъ?

Михайлычъ самъ способствовалъ тому, что парфеновское „воображеніе“ принимало все болѣе и болѣе опасные для него размѣры. Онъ напускалъ на себя таинственность, хитрилъ, многозначительно подмигивалъ однимъ глазомъ, разсуждая съ сосѣдями о томъ что тò-ли еще будетъ, на что-то намекалъ, на какой-то вѣчный и непрерывный источникъ денегъ, открытый имъ, будто-бы, во время соннаго недоумѣнія. Кстати, Парфеновка вспомнила прошлогоднюю карету и, не обративъ на нее тогда должнаго вниманія, постаралась теперь объяснить связью съ ея появленіемъ возрастающее благосостояніе Михайлыча.

Общественное мнѣніе на Парфеновкѣ было ужъ сильно вооружено противъ Михайлыча, когда, на его бѣду, въ городѣ случилось происшествіе, поднявшее на ноги всю полицію: изъ деревни пріѣхалъ помѣщикъ Красновъ, остановился въ гостиницѣ „Европа“, продалъ хлѣбъ купцамъ, получилъ сполна деньги и на другой день былъ найденъ въ своемъ нумерѣ задушеннымъ, а денегъ при немъ не оказалось. Гостиница „Европа“ находилась на краю города, ближе къ предмѣстьямъ, и была довольно подозрительна. Она служила притономъ игрокамъ и дурнымъ женщинамъ. Слѣды преступленія были тщательно скрыты, и около двухъ или трехъ недѣль полиція не знала, куда ей броситься. Поневолѣ ей пришлось держаться политики выжиданія. Какой-то мѣщанинъ вечеромъ пьянствовалъ въ „Золотой Рыбкѣ“ и забылъ, уходя, портсигаръ на столѣ, кожаный съ серебряной буквой К. Въ тотъ-же вечеръ заходилъ въ „Золотую Рыбку“ Михайлычъ. Аронъ Шминдрикъ зналъ, что портсигаръ не Михайлыча; но притворился, что не знаетъ, и представилъ находку полицейскому надзирателю, сопоставивъ букву К. съ фамиліей покойнаго Краснова.

— Теперь намъ будетъ, во всякомъ случаѣ, извѣстно, ваше благородіе, какой чортъ няньчитъ дѣтей Михайлычу, благоразумно сказалъ еврей.

III.

— Опять, печникъ, попался! Но я самъ плохо вѣрю въ твой грабительскій талантъ. Однако, откуда-же у тебя деньги? спросилъ Маврикинъ, прямо глядя въ лицо Михайлычу серьезно и строго, хотя можно было догадаться, что ему хочется улыбнуться, такъ какъ онъ считалъ обвиняемаго забавнымъ малымъ.

— Деньги, ваше высокоблагородіе, мои собственныя, отвѣчалъ Михайлычъ, потупляясь.—Зачѣмъ я буду скрываться отъ васъ? Печныя деньги, ваше высокородіе.

— Вотъ всѣ показываютъ, что ты самое большое могъ заработать пятьсотъ-шестьсотъ рублей. А между тѣмъ, ты построился и у тебя нашли около двухъ тысячъ?..

— Если я предъ кѣмъ виноватъ, то единственно передъ вами. Нарушилъ ваше приказаніе и, встрѣтивъ кого надо было, утаилъ истинный смыслъ. Но теперь съ раскаяніемъ приношу повинную и прошу меня отъ суда освободить по той причинѣ, что я нашелъ свое счастье.

— Такъ вотъ и разскажи, какъ ты нашелъ счастье, а я напишу постановленіе и ты возвратишься домой цѣлъ и невредимъ. Ну!

— Если вы изволите припомнить, я неоднократно приходилъ къ вамъ съ сомнѣніемъ, ваше высокородіе. Откуда несъ, вслѣдствіе чего и гдѣ именно? Съ вашей стороны произошло распоряженіе: не жалѣть купленныхъ сапогъ и надѣяться на благополучную встрѣчу. Дмитріевна сколько разъ корила меня нашею низкостью да что молока нѣтъ для ребятъ, но сапоги я сносилъ. Не взирая на пожаръ, у меня были новые съ подборами—очень завидные мѣщанскіе сапоги. Такъ я ихъ сносилъ, ваше высокородіе.

Михайлычъ остановился и глядѣлъ на слѣдователя, а слѣдователь смотрѣлъ на него. Быть-можетъ Михайлычъ подумалъ, что слишкомъ много болтаетъ. И подобно тому, какъ въ откровенныхъ бесѣдахъ своихъ

съ иконописцемъ Ивановымъ, онъ хитрилъ, оставляя старика въ заблужденіи, будто и впрямь въ печкѣ заложенъ динамитъ, между тѣмъ какъ самъ онъ подозрѣвалъ тамъ нѣчто совсѣмъ другое; такъ и теперь онъ не прочь былъ свести свое признаніе къ загадочному разговору о прекрасныхъ мѣщанскихъ сапогахъ и о благополучной встрѣчѣ. Но слѣдователь не сводилъ съ него глазъ. „Кажется, пустая вещь глаза, а отъ нихъ въ потъ бросаетъ и теряешь весь свой благоразумный умъ“, сказалъ себѣ Михайлычъ, вздохнулъ, высморкался, посмотрѣлъ въ углы комнаты, даже на потолокъ, еще разъ вздохнулъ и — „ничего не подѣлаешь“—продолжалъ:

— Однимъ словомъ, ваше высокородіе, правый сапогъ ужь сталъ каши просить—какъ предъ истиннымъ Богомъ. Сталъ я его отъ души жалѣть—размышляю о немъ, но, однако, хожу. Хожу, ваше высокородіе!

— И нашелъ двѣ тысячи?

— Больше! обрадовавшись, вскричалъ Михайлычъ.— Мы сначала съ Дмитріевной порѣшили на полуторахъ тысячахъ. „Пускай будетъ у насъ, Дмитріевна, полторы тысячи, на нашъ вѣкъ хватитъ“. Прошли Свѣтлые праздники, прошло наводненіе. Я опять Дмитріевнѣ возобновляю: „Что, Дмитріевна, хорошо было бы имѣть полторы тысячи?“ Она смѣется, не вѣритъ, извѣстно, какъ женщина. Произноситъ даже, что дурень думкою богатъ. Главное, задѣла меня за живое. Сейчасъ я потребовалъ перо и чернила — попробовать, какая въ немъ сила. Написалъ письмо по явному подозрѣнію туда, куда надо было, и тому, кому полагается,—„такъ и такъ, не будучи удовлетворенъ печнымъ вознагражденіемъ, осмѣливаюсь прибѣгнуть ко взаимной помощи“. Написавъ, понесъ въ почтовый ящикъ, опустилъ—чувствую, рука дрожитъ. Хорошо, если изъ этого выйдетъ хорошее или даже ничего не выйдетъ. А ежели вдругъ: „А кто здѣсь печникъ Михайлычъ? Ты зачѣмъ, голубчикъ, безпокоишь угрозами, не будучи достаточно образованъ?“ Для успокоенія взволнованныхъ чувствъ, провелъ я полчаса въ „Золотой Рыбкѣ“, зашелъ къ Флорентію Адріановичу, выслушалъ, кто въ какой чинъ къ праздникамъ произведенъ и кто какую звѣзду получилъ и, какъ ничтожный земноводный червь, нѣкоторое время разсуждалъ о высокихъ лицахъ. Я свои мысли высказывалъ, Флорентій Адріановичъ—свои; отецъ Паисій, случившійся тутъ, молча внималъ, по своей духовной скромности. Былъ уже довольно поздній часъ. Я пожелалъ спокойной ночи хозяевамъ и отцу Паисію и, такъ какъ послѣ наводненія земля еще — простите на этомъ словѣ—не обсушилась, то ступалъ я по мосткамъ и, въ концѣ концовъ, очутился въ своей квартирѣ. Смотрю—на Дмитріевнѣ лица нѣтъ. Подаетъ мнѣ этакій продолжительный конвертъ и требуетъ его распечатать. Конвертъ я вскрылъ, хочу читать—жена на рукѣ виснетъ. Хотя я грамотенъ, но по писанному разбираю съ затрудненіемъ. Жена же вовсе не грамотна, а единственно изъ своего бабьяго любопытства. Отъ этого, ваше высокородіе, у насъ ссора тогда произошла: я ей немножко глазъ поправилъ.

Михайлычъ улыбнулся. Слѣдователь продолжалъ смотрѣть на него въ упоръ, и Михайлычъ почувствовалъ, что надо сократить разсказъ о томъ, какъ онъ поправилъ глазъ женѣ.

— Такимъ образомъ, вижу я письменныя слова, но вникнуть въ содержаніе—нѣтъ необходимыхъ понятій. А тутъ жена.. „Дмитріевна, отвяжись отъ меня!“ И наконецъ, наугадъ объявляю, что намъ прислано согласіе, однако же, безъ вложенія затребованныхъ капиталовъ. Вполнѣ ясно разобралъ я только адресъ. Всю ночь мирился съ женой и примачивалъ ей глазъ, а утромъ, чуть свѣтъ, пошелъ. Пошелъ и пошелъ, иду часъ, иду другой, а длинноносый баринъ, между тѣмъ, на лошади скачетъ. Презентабельная лошадь, ваше высокородіе! Сейчасъ пакетъ со вложеніемъ — швырь, сейчасъ нагайкой—фьють, замѣчательно обругалъ меня—и былъ таковъ. Понравилось мнѣ это, ваше высокородіе... ахъ, до чего понравилось!—вѣрите, ума едва не рѣшился. Дмитріевнѣ тоже очень понравилось. Какъ деньги показалъ—съ мѣста цѣловаться стала—и цѣлый часъ цѣловались. Стала она меня пилить, то есть это спустя мѣсяцъ: „Напиши новое письмо, да напиши, а въ разсужденіи нагайки назначь самъ мѣсто — пущай принесутъ и положатъ“. Долго я отговаривался, доказывалъ насчетъ совѣсти, да гдѣ же у женскаго пола совѣсть, ваше высокородіе, — у нихъ совѣсти быть не можетъ, а то онѣ съ мужчинами сравнялись бы. Вѣрно ли я говорю? Къ тому же, самого стало меня смущать: если полторы тысячи, то отчего же не двѣ, и отчего же не три? Написалъ я второе письмо. Черезъ недѣлю—отвѣта нѣтъ. Я—судебную угрозу. Жду. Отвѣтъ—пятьсотъ рублей. Наша взяла! Что же, ваше высокородіе, прямо скажу вамъ: если у тебя золотой рудникъ, отчего не пользоваться? Совѣсть—совѣстью! Но Дмитріевна обнаружила, что деньги намъ нужнѣе. Черезъ сколько времени — я опять въ почтовый ящикъ... Тамъ опять и опять... Не жалѣлъ пятикопѣечныхъ марокъ! Казнѣ польза, но и мнѣ польза. Торговлю завелъ, сталъ примѣрнымъ человѣкомъ, пріобрѣлъ золотой брелокъ съ компасомъ, — такъ что мнѣ теперь извѣстны всѣ четыре страны свѣта... Такъ вотъ какъ, ваше высокородіе, нашелъ я свое счастье. Если бы не носъ — ничего не было бы. Носа не отрѣжешь, ваше высокородіе, спрятать его нельзя—высунется. А высунулся — мы себя не обидимъ, прости насъ, любезный другъ!

Михайлычъ замолчалъ, и слѣдователь, погладивъ бородку, сказалъ:

— Все это хорошо, печникъ, и складно разсказано, но не сохранилось ли у тебя „письменныхъ словъ“? Кстати, у меня есть „необходимыя понятія“... и мнѣ было бы любопытно... А?

— Митькѣ горячихъ бы надо задать, ваше высокородіе, отвѣчалъ Михайлычъ.—Онъ змѣя изъ письма-то склеилъ. Сохранился только конвертъ, но и тотъ разыскать невозможно.

— А фамилію носатаго барина ты не скажешь?

— Увольте, ваше высокородіе!

— Да вѣдь онъ въ мертвомъ домѣ живетъ?

— Никогда я этого вамъ не говорилъ, ваше высокородіе.

— Чудакъ человѣкъ! Я убѣжденъ, что его зовутъ Оскольцевъ.

Михайлычъ пожалъ плечами.

— Мы люди темные, мы дураки, ваше высокородіе. Преимущественно печнымъ мастерствомъ занимаемся. Откуда намъ знать? Меня Михайлычемъ зовутъ, по уличному—Макагонъ. Есть у меня сынъ Митька, дочь Ѳенька, жена Ефросинья Дмитріевна. Всякъ сверчокъ—знай свой шестокъ, ваше высокородіе.

— Ну, да ладно, печникъ. Довольно съ тебя. Подписывайся, лиса. Нѣтъ, братъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь. Мы справку наведемъ, откуда носъ, и что такое, и гдѣ именно? Затѣмъ, чтобы тебя же выгородить и обѣлить. Неужели тебѣ будетъ пріятно гнить въ острогѣ?

Вмѣсто отвѣта, Михайлычъ бросился въ ноги Андрею Карповичу и сталъ слезно молить о пощадѣ.

— Если ты правду разсказалъ—ты спасенъ. Налгалъ—погибъ. Уходи.

Михайлычъ поднялся и сталъ клясться, что все сказанное имъ сущая правда. Слѣдователь махалъ ему рукой. Онъ велѣлъ сторожамъ увести его и началъ допрашивать Дмитріевну.

— Какія деньги, ваше высокородіе?! закричала она со слезами.—Да мы денегъ никогда ни отъ кого не по-

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Окрестности Харькова. Куряжъ.“

Съ карт **С. И. Васильковскаго** (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**“), грав. Рашевскій.

Двѣ паціентки. Картина Зондерланда. грав Пене

лучали! Никакихъ писемъ я отродясь не видѣла. Если что Михайлычъ наговорилъ, г. судья, такъ это онъ по глупости. Онъ всѣмъ извѣстенъ за дурака. Онъ самъ это знаетъ и не противорѣчитъ. Я, говоритъ, дуракъ. Деньги мои были собственныя, береженыя, доставшись отъ покойной матери, а къ ней онѣ перешли отъ покойной бабушки, а къ бабушкѣ отъ ейнаго свекра. Вотъ какія это деньги, г. судья! Я честная женщина, мнѣ всѣ вѣрятъ, лгать я не стану. Я понимаю, съ кѣмъ я говорю. Пожалуйста, запишите, что отъ свекра, а свекру отъ бабушки, а бабушкѣ отъ прабабушки — отъ самой давней, давней старины. Если что не такъ сказала, за то не взыскивайте, а судите по справедливости. Мнѣ безъ мужа въ хозяйствѣ никакъ нельзя. Богъ съ вами и съ вашими судами, подавайте мнѣ мужа!

Не добившись отъ Дмитріевны никакого толка, Маврикинъ отпустилъ ее и, посовѣтовавшись вечеромъ съ товарищемъ прокурора, вызвалъ на другой день, въ качествѣ свидѣтеля, Валерьяна Оскольцева.

IV.

Когда Валерьянъ сѣлъ на предложеный ему стулъ, Маврикинъ величественно посмотрѣлъ на него и офиціально спросилъ:

— Свидѣтель Оскольцевъ, справедливо ли, что вы, начиная съ весны этого года, неоднократно присылали мѣщанину Михайлычу, онъ же Макагонъ, болѣе или менѣе крупныя суммы, а именно: полторы тысячи, пятьсотъ рублей, еще пятьсотъ, триста, двѣсти и наконецъ пятьдесятъ рублей?

Валерьянъ юмористически взглянулъ на слѣдователя, котораго, по его мнѣнію, онъ могъ бы раздавить однимъ пожатіемъ руки — стоило только съѣздить кое къ кому изъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ былъ хорошъ, и нажаловаться на Маврикина.

— Вамъ для чего это надо? небрежно спросилъ онъ.

Маврикинъ счелъ для своей власти вопросъ Валерьяна обиднымъ. Онъ закинулъ голову.

— Попрошу васъ, свидѣтель, не уклоняться отъ отвѣтовъ и не отдѣлываться косвенными вопросами. А чтобы вы не чувствовали себя неловко, нахожу нужнымъ предупредить, что вы можете ничего не сообщать о причинахъ, заставлявшихъ васъ платить Михайлычу сотни и даже тысячи рублей.

— Какія же причины? началъ, слегка смутясь, Валерьянъ. — Причины, смѣшно сказать... просто, любопытство, пойдутъ ли ему впрокъ эти деньги или нѣтъ?— Валерьянъ сталъ смѣяться. — Онъ обратился ко мнѣ, продолжалъ онъ:—съ просьбою помочь послѣ наводненія, дать ему молока или что-то въ этомъ родѣ — ужь не помню, что̀ онъ писалъ въ своемъ письмѣ... Кажется, оно было запечатано хлѣбнымъ мякишемъ. Я часто дѣлаю глупости — я отмѣнилъ вечеръ, который предполагалъ дать по случаю моего рожденія, а можетъ быть и по другому случаю — для васъ, слѣдователь, это не важно, надѣюсь. Ну, и послалъ полторы тысячи — да, это вѣрно. А потомъ еще посылалъ—совершенно справедливо. Что-жь, эти деньги принесли ему вредъ, да? Если да — очень жаль. Больше никто не получитъ отъ меня ни копѣйки. Быть благотворителемъ и, въ концѣ концовъ, попасть въ этакое милое мѣстечко, какъ вашъ кабинетъ! А?

Онъ всталъ въ нетерпѣніи и взялъ шляпу.

— Не торопитесь, свидѣтель, сказалъ Маврикинъ.— Показаніе ваше существенно важно, а потому я попрошу васъ записать его.

— Нѣтъ, ужь пишите сами—что́ хотите! вскричалъ Оскольцевъ.

— Какъ вамъ угодно! отвѣчалъ слѣдователь и сталъ писать.

Тогда Валерьянъ, подумавъ, приблизился къ столу, взялъ перо и изъявилъ желаніе собственноручно записать свои слова. Онъ сѣлъ и тщательно записалъ, потому что, какъ подумалъ Маврикинъ, ему вдругъ показалось все это чрезвычайно серьезнымъ и могущимъ имѣть неожиданно важныя послѣдствія. Пробѣжавъ его показаніе, Маврикинъ усмѣхнулся въ бороду и промолвилъ:

— Напрасно такъ много трудились. Я ужъ васъ предупреждалъ, что о причинахъ вы могли даже не упоминать. А вы все о причинахъ, да о причинахъ, о причинахъ, да о причинахъ. Впрочемъ, вы столько посвятили мѣста анализу добрыхъ сторонъ вашего сердца, что дѣлаете вполнѣ понятною наглость, съ какою необразованный печникъ Михайлычъ все время докучалъ вашему карману. Плутъ былъ убѣжденъ, что отказа не будетъ. До пріятнаго свиданія!

V.

Михайлычъ вернулся въ лоно семьи и парфеновской гражданственности. Дмитріевна радовалась, но Михайлычъ былъ угрюмъ. Онъ сидѣлъ у стола весь вечеръ, опирая голову на обѣ руки и ерошилъ свои курчавые волосы.

— А знаешь что, Дмитріевна, началъ онъ сердитымъ голосомъ, — мы съ тобой спокойнѣе жили, пока не стали шмыгать по Парфеновкѣ кареты съ длинноносыми господами. Мы тревоги очень много испытали черезъ эти кареты. Деньги какъ слѣдуетъ—жаловаться нельзя, но дѣло, все-таки, нечистое, что̀ ни говори! Какъ бы онъ меня не укокошилъ!

— Кто онъ? Богъ съ тобой, Михайлычъ.

— Онъ меня теперь чудесно укокошитъ! Ему что-же? Зашилъ въ рогожу, канатикомъ обвязалъ, печать приложилъ для товарной видимости и съ наложеннымъ платежомъ алонъ ма-ширъ въ Америку на салотопельный заводъ. Американцы, душа моя, народъ практическій — они изъ бумаги желѣзо дѣлаютъ. Глазомъ не мигнешь, какъ тебя всего облупятъ; изъ кожи перчатокъ накроятъ, а изъ жира намокаютъ свѣчей...

— Какой тамъ у тебя жиръ, Михайлычъ! съ улыбкой возразила Дмитріевна.

Михайлычъ гнѣвно ударилъ кулакомъ по столу.

— Ахъ, ты, короткая! Да что-жъ ты думаешь ему, въ самомъ дѣлѣ, интересъ въ моемъ жирѣ?

— Не пойму я тебя, Михайлычъ.

— Ему языкъ мой подавай! Молчаніе подозрительныхъ словъ!

— Ну, ты слѣдователю разсказалъ?

— Разсказалъ... Разсказать—я разсказалъ, да не все, Дмитріевна. На меня нападаютъ, что я болтунъ, а вотъ и ты всего отъ меня не слыхала. Динамитъ! кладъ! Ахъ, скажите, такъ я и повѣрилъ! Я, Дмитріевна, дурака строю, а воображеніе имѣю при себѣ.

— Что-жь ты воображаешь, Михайлычъ?

— Гдѣ нашъ Митька?

— На что̀ онъ тебѣ? Спитъ.

— Возьми, примѣрно, Митьку, строго началъ Михайлычъ,—положи его въ кулекъ, сейчасъ задѣлай въ парусину, именуемую брезентъ, осмоли, и выйдетъ презентъ! озираясь по сторонамъ, произнесъ Михайлычъ, блѣдный, какъ полотно.

— Да перекрестись, Михайлычъ. Ну, что̀ загадываешь! Не хорошо противъ ночи. Откуда у тебя мысли такія тяжелыя?

— Съ кѣмъ я спутался! въ отчаяніи закричалъ Михайлычъ. — Съ кѣмъ! повторилъ онъ. — Погибай душа христіанская! Дмитріевна!

Онъ укоризненно посмотрѣлъ на жену.

— Ты виновата! объявилъ онъ съ тоской. — Откуда и кому извѣстно стало? Купи себѣ, Михайлычъ, бархатный картузъ, мнѣ санзановое платье, вѣнскую движимость, часы, перечницу, чорта въ ступѣ! Порода

Евинская! Соблюдали бы мы скромность языка, не трубили бы кумушкамъ о томъ, что вотъ, молъ, замѣчательный сонъ Михайлычъ увидѣлъ: съ неба капиталъ свалился—и было бы все у насъ честно, благородно и, главное, судоговоренія не было бы. Ты какъ полагаешь, если слѣдователь глазами въ тебя вопьется, легко ты можешь молчать? Онъ на тебя смотритъ—самъ вотъ этакій, съ ноготокъ, а между тѣмъ, ѣстъ. Какъ я всего не выбрехалъ—удивляюсь! Чуть про ручку не бухнулъ...

— Михайлычъ, родной, про какую ручку?

— Съ пальчиками.

— Ахъ, Михайлычъ, съ какими пальчиками?

— Дмитріевна, раззвонишь!

— Ты лучше за собой наблюдай, Михайлычъ! Я санзановое платье набрала, а никому не сказала. Я даже все отъ самой себя таю—я боюсь, Михайлычъ—и какъ что услышу, со страху забуду.

Михайлычъ обнялъ жену, притянулъ ее къ себѣ и тихо началъ, размахивая рукой:

— Дмитріевна, я изразцы-то вставлялъ,—пощупалъ. Такъ, знаешь, глину замазываю и кладу, а тѣмъ временемъ рукой лапъ-лапъ. Показалось мнѣ такъ, что пальчики. Ахъ, шутъ тебя побери! Ну, не я буду, а что и для чего — узнаю. И узналъ. Разныя примѣты были: резеда, галки, никто въ домѣ не живетъ, опять же носъ. Однимъ словомъ, все какъ по писанному. Но мальчикъ или дѣвочка—темно—даже мнѣ самому темно! Барская затѣя!

— Михайлычъ, ты на меня страхъ нагналъ. Я вся дрожу.

— Это я тебѣ, дурѣ, разсказываю; но развѣ моя вина, что ручка? Ни, Боже мой! Не безпокойся. Гражданскаго злоупотребленія въ Сибирь не будетъ. А большое для меня затрудненіе объ окончательномъ доказательствѣ: круть-верть, въ черепочкѣ смерть—это другое дѣло!

Помолчавъ, Михайлычъ началъ благоразумно:

— Донести прямо, что ручка—отчего раньше не доносилъ? Скрыть и требовать, попрежнему, взаимной помощи — обвинительное соображеніе насчетъ укрывательства преступной печки съ корыстною цѣлью. Кромѣ того—салотопельный заводъ. Какъ тутъ быть—вотъ гдѣ загвоздка!

— То-то, промолвила Дмитріевна, — дура, дура, а какъ заварилъ кашу, да надѣлалъ глупостей, такъ, дура, дай совѣтъ. Дура, разсуди! А ты-бы пошелъ къ умнымъ людямъ. Небось къ Флорентію Адріановичу не ходишь больше. Стыдно глаза показать! Ахъ, Михайлычъ, что-же я тебѣ скажу, мой родной? Еслибъ случилась со мной такая бѣда, я бы вотъ какъ поступила. Явилась бы къ Андрею Карповичу, упала бы ему въ ноги и во всемъ сердечно призналась бы. Все же денегъ назадъ не отберутъ. А его, этого носатаго, тирана этого, душегуба, вывела бы на свѣжую воду! А что тебѣ достанется? Ничего! Ты печникъ, свое дѣло исполняешь. Ты хоть на Парфеновкѣ живешь, а не токмо что души человѣческой не загубилъ, а цыпленка не зарѣзалъ. Женѣ приверженъ и денегъ при себѣ не держишь—все мнѣ, да мнѣ. Я всегда скажу, и всѣмъ скажу, на площади скажу, крикомъ закричу, что ты мужъ какихъ мало, золотой мужъ, кучерявый мой, пригожій Михайлычъ!

Михайлычъ растаялъ отъ жениной ласки, и совѣтъ ея показался ему достойнымъ вниманія. Онъ зашагалъ по комнатѣ, поскрипывая поломъ, и сказалъ:

— Подождать денекъ, другой, да и быть по твоему. А, Дмитріевна, по твоему? Такъ ли я говорю? Покажико мнѣ, однако, санжановое платье.

VI.

Въ нижнемъ этажѣ мертваго дома поселился Валерьянъ, а верхній заняла княгиня Наталья Михайловна, вернувшаяся съ Юріемъ изъ-за границы въ половинѣ ноября. Обстановка дома Натальѣ Михайловнѣ не понравилась—все было черезчуръ солидно и старомодно. Начались перемѣны—старую мебель выносили и складывали въ сараяхъ, новую привозили столяры изъ своихъ магазиновъ. Такъ продолжалось до Рождественскихъ праздниковъ.

Валерьянъ былъ застигнутъ врасплохъ пріѣздомъ Натальи Михайловны. Она даже не предупредила его о томъ, что ѣдетъ. Поспѣшила же она вернуться въ Россію, не смотря на настоятельную необходимость еще пожить за-границей нѣкоторое время,—оттого, что ею было получено извѣстіе о предстоящей сдачѣ Валерьяномъ Святогорскаго гостинаго двора новымъ арендаторамъ со значительною скидкой, лишь бы арендную плату они внесли впередъ. Конечно, это было верхомъ неблагоразумія со стороны Валерьяна, который самъ же первый толковалъ о золотой курицѣ и теперь ее рѣжетъ. Валерьянъ встрѣтилъ сестру съ неудовольствіемъ. Ему Наталья Михайловна ровно ничего не сказала, что могло его огорчить, не стала осуждать его расточительнаго управленія и не намекнула, что ей извѣстно о намѣреніи его сдать гостиный дворъ въ предпріимчивыя, но не надежныя руки евреевъ. Она улыбалась брату, и только маленькая, чуть замѣтная судорога, по временамъ, приподнимала уголъ ея губъ и лишала очарованія ея родственную улыбку.

На другой день княгиня пригласила Валерьяна и предложила ему уѣхать куда-нибудь изъ города, напримѣръ, въ Москву, и отдохнуть отъ дѣлъ. Она предложила ему также пользоваться четвертою частью доходовъ съ имѣній Юрія.

Довѣренность, такимъ образомъ, уничтожалась. Выслушавъ сестру, онъ мысленно послалъ ее къ чорту, возсталъ противъ ея желанія самой управлять дѣлами, увѣрялъ, что это не женское дѣло, и рѣшилъ напугать ее. Онъ намекнулъ ей, что его присутствіе въ Святогорскѣ необходимо, что уже существуетъ подозрѣніе въ подлинности маленькаго Юрія, и только мѣры, принятыя имъ, не позволяютъ этому подозрѣнію смѣлѣе поднять голову.

Наталья Михайловна задумалась и, взглянувъ на брата и на его отчетъ, который онъ иронически представилъ ей, сказала себѣ, что онъ, конечно, лжетъ. Однако, ложь Валерьяна—та-же угроза. Чѣмъ же удовлетворить этого ненасытнаго и пустаго человѣка? Если ему позволить разорить Юрія, онъ это охотно сдѣлаетъ. Но какой же смыслъ въ разореніи Юрія?

Лучше всего не придавать значенія намекамъ Валерьяна. Такъ и поступила Наталья Михайловна. Валерьянъ послѣ нѣкотораго времени осторожно освѣдомился у сестры, сколько она можетъ дать ему единовременно, прося ее не скупиться; или же не оставитъ-ли она все по-старому?

Въ отвѣтъ, Наталья Михайловна указала Валерьяну на чашку кофею, который сама налила изъ фарфороваго кофейника; но Валерьянъ не принялъ кофея изъ рукъ сестры, холодно посмотрѣлъ ей въ глаза и покачалъ головой. Наталью Михайловну взорвало это; она произнесла, поблѣднѣвъ:

— Мнѣ не приходило въ голову отравить тебя. Но это — мысль. Садись и выслушай меня. По-старому я не могу оставить. Контракты съ купцами я заключу сама. Хорошо, единовременную сумму ты получишь, но кто-же поручится мнѣ, что ты снова не станешь меня терзать?

— Натали, я уѣду куда-нибудь — мнѣ надо будетъ удрать. Я предчувствую, что наша невинная шуточка добромъ не кончится.

Онъ сухо засмѣялся и пощелкалъ пальцами.

Наталья Михайловна все была убѣждена, что это ложь.

— Да я тебѣ серьезно говорю,—догадываясь о томъ, что она думаетъ, продолжалъ Валерьянъ.—Надо рѣшить дилемму: или я—и тогда ужъ я на себя беру, что все будетъ благополучно, и наша тайна, если обнаружится, то развѣ черезъ много лѣтъ и вреда не принесетъ; или ты—и тогда я умываю руки и предоставляю тебѣ вѣдаться съ нею, какъ хочешь. Но вмѣстѣ намъ нельзя... Ты меня ненавидишь, а я тебя почти ненавижу. Я съ тобой откровененъ, и свое право бороться съ тобой, какъ видишь, готовъ продать за чечевичную похлебку.

— Странно, Валерьянъ, сказала Наталья Михайловна,—что ты разбиваешь наши интересы. Они должны быть общими. Неужели кто-нибудь третій замѣшанъ въ эту тайну?

— Представь, что тайна, строго говоря, даже не твоя, а моя! вскричалъ Валерьянъ.—Не только ты, но и Николай Семенычъ не зналъ ее во всемъ объемѣ. Она умретъ вмѣстѣ со мной, если ты не помѣшаешь. А помѣшать ты можешь и даже страстно хочешь. Но ужъ такова твоя судьба!

Онъ взглянулъ на сестру, опять встрѣтилъ ея презрительный, недовѣрчивый взглядъ, пожалъ плечами и замолчалъ, играя своею тростью.

Между братомъ и сестрой было рѣшено выдѣлить изъ капиталовъ Юрія значительную сумму и отдать ее въ распоряженіе Валерьяна, пополнивъ ее потомъ доходами ко дню совершеннолѣтія мальчика. Въ январѣ Валерьянъ долженъ былъ совсѣмъ устраниться отъ управленія. А пока онъ жилъ въ Святогорскѣ и велъ свою прежнюю пышную жизнь.

VII.

Докторъ Олесницкій пользовался нѣкоторымъ расположеніемъ Натальи Михайловны и часто бывалъ у нея, сдѣлавшись ея домашнимъ врачомъ. Благодаря его постояннымъ разсказамъ о томъ, что дѣлается въ городѣ, Наталья Михайловна мало-по-малу стала интересоваться сосѣдями. Она сдѣлала визиты генералъ-губернаторшѣ и княгинѣ Лихолобовой-Лира. Тѣ заплатили ей визитъ. Генералъ-губернаторша втянула ее въ общественную благотворительность. Наталья Михайловна стала бывать въ мѣстномъ дамскомъ кружкѣ и на первыхъ-же порахъ ее избрали вице-предсѣдательницей Губернскія аристократки пріѣзжали къ генералъ-губернаторшѣ съ работой — кто вышивалъ въ пяльцахъ, кто бисеромъ, кто вязалъ. Всѣ эти изящныя работы — кошельки, бархатныя подушечки, дѣтскія курточки и прочее — предназначались для аллегри. Такъ какъ Наталья Михайловна не могла ничего приготовить для лотереи, за недостаткомъ времени, то на второй четвергъ она явилась съ предложеніемъ пополнить кассу аллегри и ассигновала на этотъ предметъ тысячу рублей. Такимъ образомъ она невольно сдѣлалась распорядительницей благотворительнаго вечера—ей уступили эту пріятную обязанность въ виду такого крупнаго пожертвованія. Вечеръ состоялся на третій день Рождества въ Дворянскомъ собраніи. Тамъ она познакомилась съ очень многими святогорскими тузами и затѣмъ должна была въ слѣдующіе дни принимать ихъ у себя. Къ Натальѣ Михайловнѣ пріѣзжали съ визитами. Всѣ спѣшили ближе посмотрѣть на Наталью Михайловну, тѣмъ болѣе, что судьба мертваго дома давно всѣхъ занимала и служила темой для городскихъ толковъ, въ особенности, съ прошлаго года—съ того времени, какъ его владѣлецъ трагически окончилъ въ немъ свою жизнь. Нѣкоторая печать таинственности лежала на этомъ домѣ. Не всѣмъ, но нѣкоторымъ Натальи Михайловна показывала Юрія—и удивлялись, что онъ такой хорошенькій, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ некрасивый мальчикъ. Также хвалили его бойкость и острый умъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ глуповатъ. Наталья Михайловна безъ труда вошла въ святогорское общество. Насколько оно, отдавая должную справедливость расточительному блеску Валерьяна, чуждалось его, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, настолько радушно отнеслось оно къ Натальѣ Михайловнѣ. Ей это было очень пріятно. Въ числѣ визитовъ, принятыхъ и отказанныхъ, обратилъ на себя вниманіе Натальи Михайловны незначительный визитъ, который сдѣлалъ ей нѣкто Павелъ Павловичъ Чардашовъ. Мать Натальи Михайловны была урожденная Чардашова. Княгиня велѣла принять гостя и, когда тотъ вошелъ, она увидѣла красиваго молодаго человѣка съ правильными чертами лица, съ хорошими манерами и изысканно-одѣтаго. Ей понравился этотъ молодой человѣкъ и она спросила, не изъ Москвы-ли онъ? Да, онъ московскій дворянинъ: у него тамъ есть имѣніе. Родственникомъ Чардашовымъ, изъ которыхъ происходила Наталья Михайловна, онъ не былъ; но онъ, не мигнувъ, солгалъ, что онъ родственникъ. Онъ воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, которое окончилъ лѣтъ пять тому назадъ, и теперь служитъ въ Святогорскѣ товарищемъ прокурора.

— У васъ скучная служба? спросила Натальи Михайловна.

— Нельзя сказать. Мнѣ еще не надоѣла. Каждый преступникъ—цѣлая повѣсть, иногда комическая, часто трагическая. Окружной судъ можно уподобить библіотекѣ романовъ

— Вы чувствуете, значитъ, призваніе къ прокуратурѣ?

— Если хотите.

— Вы не женаты?

— Нѣтъ, не женатъ.

— Когда женитесь, васъ захватятъ другіе интересы.

— Женитьба не такъ серьозна, какъ думаютъ, возразилъ Чардашовъ.—По крайней мѣрѣ, для мужчины.

— По этой фразѣ можно уже заключить, какъ вы молоды, сказала со смѣхомъ Наталья Михайловна.

— Чѣмъ дальше, тѣмъ больше сглаживается разница между старостью и молодостью, сказалъ товарищъ прокурора. — Мнѣнія мои сложились разъ навсегда. Вы долго намѣрены провести у насъ въ Святогорскѣ? спросилъ онъ, какъ-бы для того, чтобы перемѣнить разговоръ.

— По всей вѣроятности, я буду проводить здѣсь зимы.

— Съ Валерьяномъ Михайлычемъ? осторожно, вскользь произнесъ гость.

— Одна. Валерьянъ — плохой помощникъ. Я хозяйничаю по-женски, но все-таки хозяйничаю. Онъ собирается куда-то...

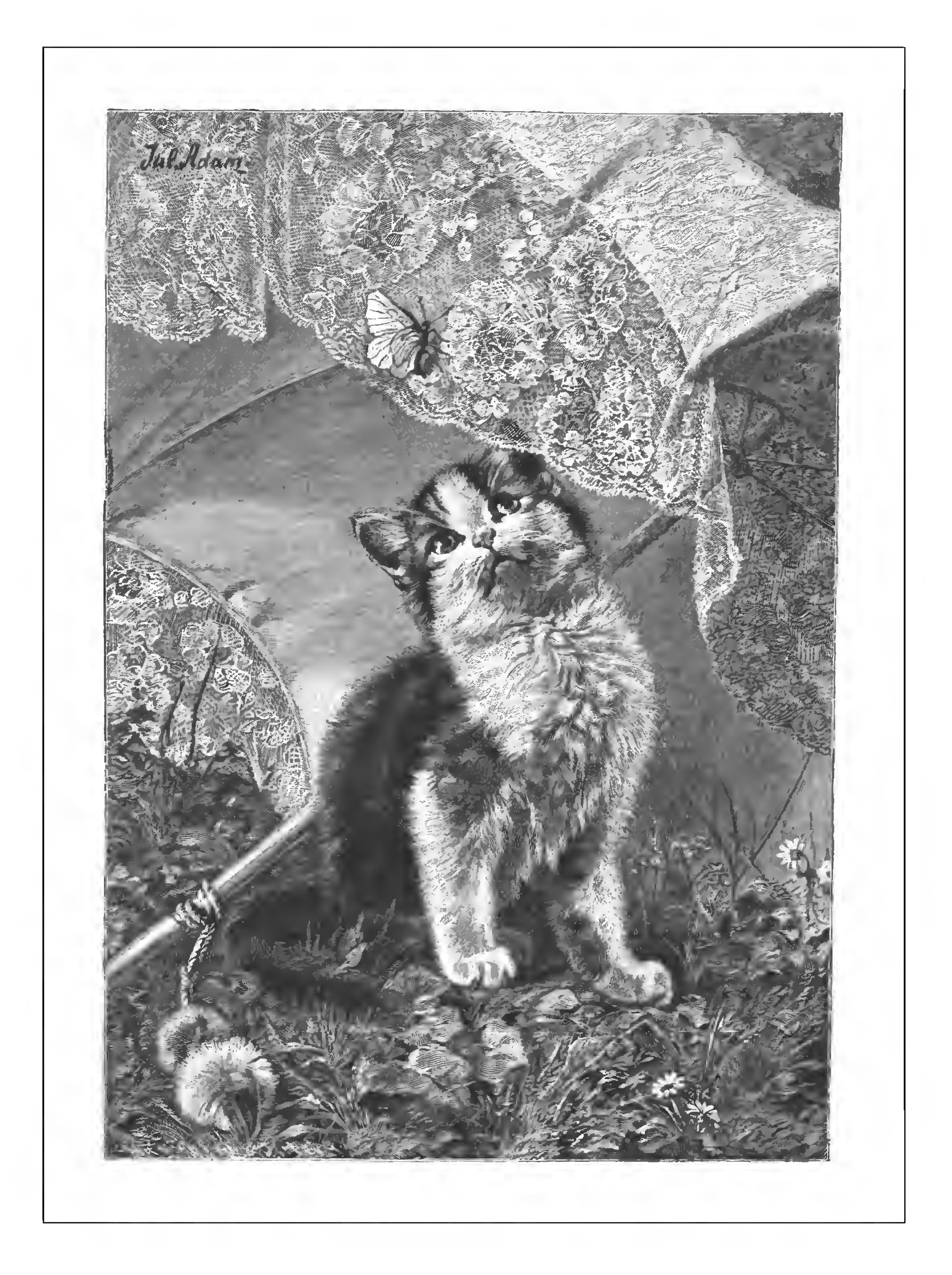
— Впрочемъ, я слыхалъ, у васъ прелестный мальчикъ. И вы всегда можете быть окружены обществомъ. Нельзя не пожалѣть, что столько времени — кажется годъ слишкомъ — Святогорскъ былъ лишенъ... святогорскій горизонтъ былъ сумраченъ... и на немъ не всходило солнце, которое теперь всѣхъ согрѣваетъ!

Онъ улыбнулся и показалъ свои бѣлые ровные зубы, которые казались еще бѣлѣе, благодаря краснымъ губамъ и чернымъ шелковистымъ усикамъ. Потомъ ему хотѣлось сказать, что онъ понимаетъ—Натальѣ Михайловнѣ тяжело было пріѣзжать туда, гдѣ сосредоточились такія тяжелыя фамильныя воспоминанія. Но онъ сообразилъ, что это было-бы безтактно и, можетъ быть, преждевременно. Вызвавъ своей улыбкой улыбку княгини, онъ только проговорилъ:

— Мы, святогорцы, ревнивый народъ и не достаточно хорошо цѣнимъ настоящее. Благодаря вамъ, мы всѣ замѣтно оживились. Какъ блестяще удался вашъ благотворительный вечеръ!

Онъ сталъ льстить княгинѣ и вдругъ, опять вскользь спросилъ:

— За эти полтора года пребыванія за границей вашъ



Котенокъ съ бабочкой. Карт. Ю. Адама, грав. Кезебергъ.

2

сынъ, княгиня, конечно, совсѣмъ сталъ иностранцемъ и забылъ впечатлѣнія дѣтства—не правда-ли? Я сужу по себѣ. Я ужь былъ большимъ мальчикомъ, когда меня увезли въ Парижъ. Два года прошло—я почти не говорилъ по-русски.

— Нѣтъ, онъ кое-что помнитъ... Спрашиваетъ объ отцѣ, прибавила Наталья Михайловна задумчиво и грустно.

Чардашовъ выслушалъ княгиню съ серьознымъ видомъ и слегка наклонилъ голову въ знакъ сочувствія.

Когда онъ ушелъ, получивъ приглашеніе бывать, княгиня, уступая женскому любопытству, взглянула въ окно и увидѣла хорошенькій экипажъ, очевидно собственный Чардашова, со щегольскою упряжью на породистой лошади.

„Онъ приличенъ, этотъ мой новый... кузенъ“, подумала она и мечтательно улыбнулась.

(Оконч. въ слѣд. №).

Моничка.

Повѣсть **Н. Морскаго (Н. К. Лебедева)**. (Посмертное произведеніе).

(Окончаніе).

XIV.

Случается такъ, что знаешь-знаешь людей, долго былъ знакомъ съ ними, много разъ видѣлъ ихъ,—и все какъ-то въ полномъ освѣщеніи, при которомъ бы можно было усмотрѣть надлежащимъ образомъ истинную окраску, не удается нарисовать себѣ ихъ нравственный обликъ. Нѣчто подобное случилось со мною по отношенію отца и дочери Образцовыхъ. Я уже говорилъ, что Любовь Петровну нельзя было узнать съ перваго разу, но полнаго о ней и такъ-сказать всесторонняго понятія я положительно не имѣлъ до описываемаго дня. Въ этотъ день какъ-то все подошло одно къ другому, все сложилось такъ, чтобы заставить и Любовь Петровну, и ея отца болѣе высказаться; всѣ обстоятельства сложились такъ, что вызвали и въ Любовь Петровнѣ, и въ капитанѣ особую откровенность, непринужденность передъ нами. Въ самомъ дѣлѣ и я, и Моничка доказали своими дѣйствіями, что мы оба беремъ сторону Образцовыхъ: мы оба оставили вмѣстѣ съ ними домъ, въ которомъ оскорбили Любовь Петровну; оба передались на сторону Образцовыхъ, показавъ такимъ своимъ поступкомъ—нѣкоторую близость, расположеніе, даже привязанность къ нимъ. Объ этомъ сказано было мало, но Образцовы, понятно, оцѣнили нашъ поступокъ по достоинству и какъ-то разомъ стали съ нами въ совершенно семейныя отношенія. Именно—сразу; точно мы прожили вмѣстѣ цѣлые годы, точно мы составляли одну семью, членамъ которой нечего стѣсняться другъ передъ другомъ, нечего таиться, нечего церемониться.

Капитанъ принесъ гитару и, настроивъ ее, заигралъ, прелюдируя пѣнію какимъ-то обрывистымъ переборомъ струнъ, послѣ чего отецъ и дочь запѣли. То былъ довольно однообразный речитативъ, аккомпанируемый плохимъ переборомъ струнъ. Голоса пѣли въ унисонъ и даже не столько пѣли, сколько произносили стихи нараспѣвъ подъ музыку, съ рѣдкимъ и самымъ незначительнымъ измѣненіемъ мелодіи. Трудно было судить по этому началу насколько велики голоса исполнителей; очевидно было одно, что капитанъ обладалъ довольно ровнымъ теноромъ, а Любовь Петровна высокимъ сопрано, нѣкоторыя ноты котораго показались мнѣ у нея довольно рѣзкими, не смотря даже на то, что голосу не давалось большой силы. Было это довольно странно; отецъ и дочь очевидно *сочинили* свое пѣніе; они исполняли передъ нами отрывокъ изъ „Цыганъ“ Пушкина, при чемъ мелодія речитатива была ими откуда-то заимствована и напоминала что-то знакомое. Пѣли они сидя, при чемъ во все время довольно продолжительнаго исполненія—сидѣли повернувшись лицами одинъ къ другому и смотря другъ другу въ глаза. Вдругъ этотъ однообразный речитативъ порвался; капитанъ вскочилъ съ мѣста, какъ-то передернулъ плечами, тряхнулъ своею гривой и ударилъ какимъ-то рѣжущимъ ударомъ по струнамъ, блеснувъ при этомъ исподлобья на Любовь Петровну огненнымъ взглядомъ. Вскочила и Любовь Петровна со своего мѣста и попрежнему обернувшись лицомъ къ отцу, при рѣзкомъ ударѣ его по струнамъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ какъ-то взвизгнула извѣстный романсъ Земфиры:

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня!..

То были страшные звуки, отвѣчающіе страшнымъ словамъ; то была дикая мелодія, при исполненіи которой Любовь Петровна, я увѣренъ, забылась до такой степени, что чувствовала и переживала то, что пѣла. Я впослѣдствіи не разъ слыхалъ этотъ романсъ, но тотъ который пѣла Любовь Петровна былъ совершенно иной не только по исполненію, но и по композиціи. Это было что-то невѣроятно дикое, злое, дѣйствительно способное довести до убійства, но во всякомъ случаѣ очень оригинальное, какъ и вся эта полуимпровизація. Отецъ и дочь не только пѣли, не только играли, но судя по ихъ блѣднымъ лицамъ, по мучительнымъ выраженіямъ и неподдѣльнымъ звукамъ страданія, извлекаемымъ ими изъ груди — переживали исполняемое, проникались имъ до мозга костей. Не знаю чѣмъ бы кончилось подобное исполненіе, если-бы сидящій со мною рядомъ Моничка, все время, какъ и я, смотрѣвшій на капитана и Любовь Петровну—не прошепталъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ:

— Какъ это страшно!

Онъ сказалъ тихо, но его услышали; капитанъ пересталъ ударять по струнамъ, Любовь Петровна оборвалась на полутактѣ... Оба со смущенными лицами, какъ бы виноватые, стояли передъ нами нѣкоторое время въ молчаніи—и теперь что-то дѣтское, что-то робкое и просящее написано было на ихъ лицахъ. Капитанъ заговорилъ первый, все еще не оставляя гитары:

— Простите великодушно...

— Помилуйте, смутился въ свою очередь Моничка, не ожидавшій конечно, что его слова произведутъ такое дѣйствіе, — это я виноватъ... Вы, обратился онъ къ Любовь Петровнѣ, — исполнили романсъ превосходно и оригинально, какъ артистка, но...

Любовь Петровна, выслушивая этотъ приговоръ, низко опустила голову, какъ виноватая. Моничка окончилъ начатое:

— Но и въ жизни и на сценѣ — я люблю только то, что кротко и нѣжно...

Тогда, попрежнему не смотря на Моничку, Любовь Петровна вдругъ выхватила изъ рукъ отца гитару, пробѣжала по струнамъ и, какъ бы винясь передъ Моничкой, запѣла со слезами въ голосѣ тихую и нѣжную пѣснь Миньоны:

Ты знаешь-ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ,
Гдѣ въ темныхъ листахъ померанецъ какъ золото рдѣетъ...

Она пѣла это задумчиво, медленно, точно что-то припоминая, и только оканчивая первую строфу, подняла опущенную голову и посмотрѣла на стоявшаго передъ нею Моничку молящими глазами, полными слезъ:

Ты знаешь-ли край тотъ? туда бы съ тобой,
Туда бы ушла я, мой другъ дорогой!

Что-то необыкновенно искреннее, нѣжное и горячее находило на эту дѣвушку какъ-то моментально, смѣняя въ ней дикое и злое. Если вся ея подвижная и порывистая природа слагалась изъ крайностей, дѣйствій подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, то въ эти крайности, въ эти поступки и дѣйствія она уходила всецѣло, уходила вдругъ, не зная постепенности перехода и середины. Но это пѣвіе самоучкой, эта страсть влагаемая въ исполненіе, самая манера пѣть, равно какъ и высказанный Любовь Петровной взглядъ на идеалъ ея скитальческой жизни, наконецъ смуглый типъ отца и дочери, ихъ нѣсколько безпорядочный образъ жизни, ихъ любовь къ яркому и разнымъ золотымъ вещамъ,—все это вмѣстѣ взятое напоминало собою что-то цыганское, что-то такое, въ чемъ подъ оболочкой нѣкоторой культурности — таилось нѣчто дикое, нѣчто какъ бы только полусдержанное образованіемъ, то и дѣло вырывающееся съ неудержимой силой наружу. Быть-можетъ все это смутно давно уже сознавалось мною, но въ описываемый вечеръ только достигло наибольшей отчетливости и ясности.

Любовь Петровна вдругъ бросила гитару:

— Нѣтъ,—недовольно вскричала она,—я чувствую, что лучше не пѣть...

XV.

Въ Любовь Петровнѣ необычайно быстро чередовались необыкновенное оживленіе и какой-то странный упадокъ духа, повергавшій ее въ сосредоточенное и мрачное молчаніе. Такъ случилось и теперь. Любовь Петровна не упала духомъ послѣ ея такъ-сказать изгнанія съ Рогожинскаго вечера; напротивъ, бодро и энергично перенесла наше довольно бѣдственное возвращеніе домой. Неожиданный приходъ Монички поднялъ ея нервы до чрезвычайной степени, и когда она, переодѣвшись, вышла къ намъ, она дышала радостью и трепетала отъ счастія; но затѣмъ совершился переворотъ, который объяснялся тѣмъ, что Любовь Петровна *взяла не тѣ ноты.* Она хотѣла быть съ нами откровенною, хотѣла показаться намъ именно въ томъ самомъ свѣтѣ, при которомъ можно было видѣть ея настоящій обликъ: она хотѣла показать намъ себя такою, какой была на самомъ дѣлѣ—и дѣйствительно сдѣлала это; но сдѣлавъ, увидѣла, что до нѣкоторой степени ошиблась. Тѣ ноты, которыя она брала, были конечно своеобразны, до из-

вѣстной степени поэтичны и колоритны; но онѣ были слишкомъ чужды намъ, отзывались чѣмъ-то до такой степени противоположнымъ общепринятому, что сочувствовать имъ, раздѣлять ихъ, пріобщиться къ нимъ — мы конечно не могли. Мы были люди различныхъ темпераментовъ, различныхъ религій такъ-сказать. Каждый изъ насъ вѣрилъ въ діаметрально противоположныя истины, въ *свои* — и не понималъ какихъ-нибудь иныхъ, высказываемыхъ другою стороной. Мы такъ-сказать молились разнымъ богамъ — и Любовь Петровна, хотя съ нашей стороны не было сказано нислова насчетъ этого, сразу увидѣла и поняла, что ея боги и наши различны и что мы не только не вѣримъ въ настоящемъ въ то, чему она поклонялась, но не признаемъ этого и въ будущемъ. Мы отозвались возраженіемъ и молчаніемъ на оживленно, съ очевидною надеждой на сочувствіе, открытый намъ Любовь Петровной идеалъ ея скитальческой жизни,—ея страстное и полудикое пѣніе точно испугало насъ. Все это Любовь Петровна увидѣла и поняла—и все это было такъ-сказать острымъ ножемъ врѣзавшимся и жестоко поранившимъ ея бѣдное великодушное сердце.

Вотъ почему я сказалъ, что она взяла не тѣ ноты: бѣдная дѣвушка конечно не расчитывала на то, что, открываясь намъ, она этимъ не только не приблизитъ себя къ намъ, а еще напротивъ отдалится отъ насъ, показавъ во-очію и обнаруживъ рознь существующую между ею и нами,—рознь темпераментовъ, понятій и идеаловъ. Когда она почувствовала это, когда истина открылась ей,—она упала духомъ до такой степени, что даже наружно не могла скрыть этого, какъ-то на нашихъ глазахъ завяла подобно цвѣтку съ надломленнымъ стеблемъ. Она казалось истощила весь запасъ тѣхъ силъ, которыми, не скажу, хотѣла прельстить насъ—прельщать и нравиться она не умѣла—но которыми она думала сблизиться съ нами, ей симпатичными. Бездна открылась передъ ея умственнымъ взглядомъ, страшная пропасть раздѣлявшая насъ. Она сидѣла молчаливая и мрачная, почти со слезами на глазахъ, сидѣла погруженная въ горькую мысль объ одиночествѣ своего существованія съ отцомъ, — существованія, которое она думала расширить, пріобщивъ къ нему если не обоихъ насъ, то хоть одного. Ея разгоряченную голову какъ бы облили холодною водой. Весь этотъ день, съ того времени, какъ она встрѣтилась съ Моничкой, она жила въ розово-радужныхъ мечтахъ — и притомъ какихъ мечтахъ!.. Эта пылкая и увлекающаяся голова никогда не знала середины, никогда въ своемъ увлеченіи не разсуждала, не основывалась на какихъ-либо соображеніяхъ и дѣлала выводы самаго невозможнаго, самаго неосновательнаго рода. Другой дѣвушкѣ мужчина *нравился*, — Любовь Петровна сразу *любила* того, кто ей нравился; другая дѣвушка, полюбивъ, рѣшила бы что любима взаимно только послѣ признанія въ такой взаимности со стороны любимаго,—такихъ признаній для Любовь Петровны было не нужно: они замѣнялись для нея ласковымъ словомъ, ободряющимъ взглядомъ, снисходительной улыбкой. Тогда она вѣрила, что любима взаимно, и ужъ послѣ этого окончательно переставала разсуждать.

Тѣмъ острѣе и жгучѣе были ея разочарованія: они окончательно разслабляли ее, уничтожали и убивали; но тѣмъ не менѣе они проясняли ея взглядъ и рисовали ей положеніе вещей въ болѣе или менѣе настоящемъ свѣтѣ. Ея мысли читались на лицѣ; она рѣшительно была не въ силахъ скрыть ихъ. Ея глаза выдавали всѣ переживаемыя ею душевныя настроенія. Я видѣлъ, какъ при совершенно неожиданномъ съ ея стороны открытіи, что нравящійся ей юноша вовсе не въ такой степени очарованъ ею, чтобы восхищаться тѣмъ, что она скажетъ и сдѣлаетъ, она поблѣднѣла точно кто-нибудь ударилъ ее по сердцу, опустила глаза, на которыхъ появились слезы, поникла головой и сидѣла нѣкоторое время, какъ бы погруженною въ размышленія и соображенія относительно овладѣвшаго ею душевнаго настроенія. Она какъ бы вслушивалась и вглядывалась въ постигшее ее разочарованіе, какъ бы обсуждала и взвѣшивала его. Потомъ она подняла глаза, какъ-то пристально и долго всматривалась ими въ Моничку—сперва какъ бы съ нѣкоторою серьезностью, какою-то холодною разсудительностью, а потомъ со спокойствіемъ и какъ бы даже равнодушіемъ. Точно она разсматривала, изучала сидящаго передъ нею и точно изучая, разсуждая и анализируя, она узнавала, *видѣла впервые* того, кто ей нравился и кого она въ поспѣшности своего живаго ума поспѣшила надѣлить свойствами, созданными ея собственнымъ воображеніемъ. Она вдругъ нервно засмѣялась, закрыла лицо руками и просидѣла такимъ образомъ передъ нами нѣсколько мгновеній. Потомъ она отняла руки отъ лица, сжалась точно ей стало холодно,—и какъ-то одиноко, какъ-то чуждо взглянула на насъ, какъ бы говоря этимъ молчаливымъ, но краснорѣчивымъ взглядомъ о невозможности найти себѣ среди насъ единомышленное существо. Она ошиблась, забыла того, кто самъ былъ ея повтореніемъ, какъ она была повтореніемъ его. Капитанъ увялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увяла, ошиблась и сознала свою ошибку его дочь. Точно между ея душой и его были протянуты какія-то нити, существовали какія-то невидимыя и тайныя связи, передающія ему все, что чувствовала она. Онъ какъ бы повторялъ то, что переживала она, блѣднѣлъ вмѣстѣ съ нею, плакалъ, когда на ея прекрасныхъ глазахъ показывались слезы. И когда она наконецъ вздрогнула отъ охватившаго ее холода одиночества—онъ постигъ это, вдругъ придвинулся къ ней и, взявъ ее за руку, пожалъ ее, какъ бы напоминая ей этимъ пожатіемъ, что она забыла о немъ, постоянномъ до конца своихъ дней и неизмѣнномъ спутникѣ. Она слабо улыбнулась ему и отвѣтила на это пожатіе взглядомъ самой признательной благодарности.

Въ комнатѣ царствовало молчаніе. Капитанъ и Любовь Петровна сидѣли рука объ руку другъ съ другомъ, погруженные въ свои думы. Мы съ Моничкой молчали, не зная какъ выйти изъ состоянія ощущаемой нами неловкости, въ которой мы не были виноваты. Безъ всякаго обмѣна словъ, мы всѣ понимали одинъ другаго. Убранный капитаномъ столъ находился въ безпорядкѣ; налитое въ стаканы вино осталось нетронутымъ; самоваръ погасалъ и пѣлъ жалобную пѣсенку...

XVI.

Не знаю чѣмъ бы окончилось это общее неловкое молчаніе, при которомъ мы чувствовали, что стѣсняемъ хозяевъ, но не умѣли какъ мальчики какъ-нибудь мало-мальски прилично встать и удалиться,—не столько даже не умѣли, сколько не рѣшались сдѣлать этого,—не знаю чѣмъ бы это окончилось, если бы въ это самое время снова не раздалось подъ окнами понуканіе лошадей, звукъ движущихся по грязи колесъ, а затѣмъ стукъ въ дверь Образцовскаго подъѣзда. Мы конечно поняли, что опять прислали за Моничкой, который при этомъ даже всталъ, какъ бы намѣреваясь немедленно начать прощаться,—тогда какъ капитанъ и Любовь Петровна остались попрежнему погруженными въ свои думы, точно не видя и не слыша, что происходитъ вокругъ. Мы слышали, какъ прислужница, пробѣжала по коридору, какъ переговаривалась она съ кѣмъ-то, хотя на этотъ разъ словъ не могли разслышать, и какъ, не отперевъ дверей, она бѣжала съ докладомъ къ намъ. Дѣйствительно, она вскорѣ появилась въ дверяхъ, прошептавъ съ какимъ-то испуганнымъ видомъ:

— Сама генеральша пріѣхала...

Моничка при этомъ извѣстіи не поблѣднѣлъ, какъ можно было ожидать, но остался совершенно спокоенъ. Вѣсть о пріѣздѣ Рогожиной не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на Любовь Петровну,—но капитанъ замѣтно встревожился. Онъ испугался конечно не за себя, но за дочь. Тревожнымъ взглядомъ онъ какъ бы спрашивалъ ее, какъ поступить; но она, казалось, не замѣчала этого взгляда и оставалась молчаливой, не отвѣтивъ на него ни словомъ. Тогда онъ дернулъ Любовь Петровну за рукавъ:

— Любовь Петровна!

Она точно проснулась, какъ-то широко и изумленно взглянула на меня съ Моничкой, а затѣмъ перевела свой взглядъ на отца:

— Что такое?

— Генеральша пріѣхала.

Она не понимала, о чемъ онъ говоритъ:

— Какая генеральша?

— Ихъ маменька, указалъ капитанъ въ сторону Монички.

— Ну, что же?

— Принять или нѣтъ?

Любовь Петровна положительно думала о чемъ-то другомъ и разсѣянно, но съ рѣшительностью отвѣтила на вопросъ отца:

— Конечно.

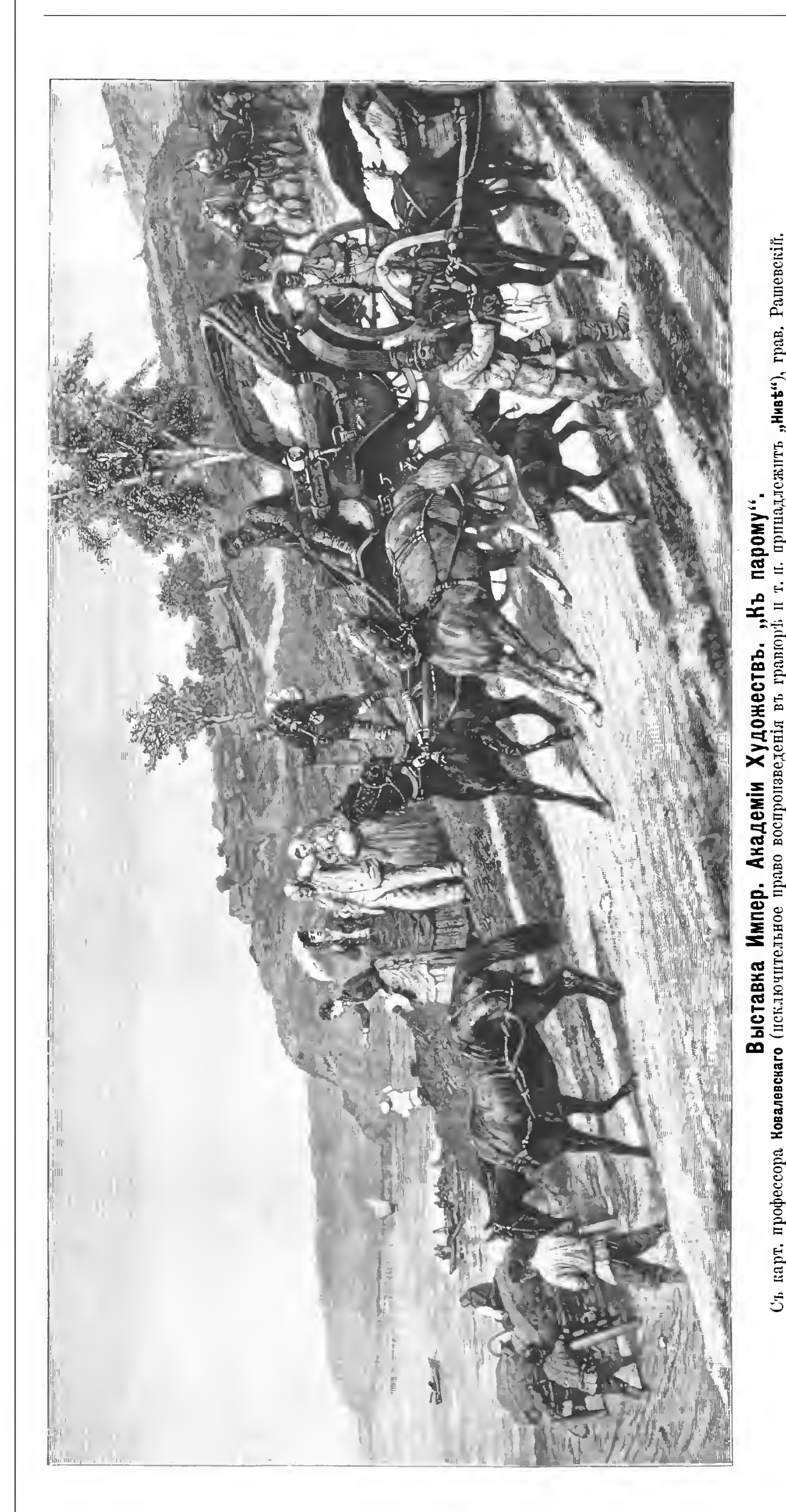
Тогда капитанъ всталъ, не отходя отъ дочери, точно приготовившись ее защищать отъ какого-то нападенія, и приказалъ горничной:

— Проси.

Я тоже поднялся съ моего мѣста и отошелъ въ сторону. Такимъ образомъ ко входу Рогожиной на первомъ планѣ остались: сидящая у стола, погруженная въ какія-то безконечныя думы, Любовь Петровна; рядомъ съ ней — капитанъ, какъ бы приготовившійся защищать ее; а нѣсколько въ сторонѣ — совершенно спокойный Моничка. Всѣ мы, конечно, встрѣтили Рогожину въ молчаніи.

Она вошла въ этотъ нѣмой залъ какъ-то стремительно, вошла не снявъ наброшенной на ея плечи ротонды и покрывавшей голову шерстяной красной косынки. Повидимому, она была такъ раздражена, что не обратила ни малѣйшаго вниманія на довольно странную обстановку, среди которой нашла всѣхъ насъ: на наши военные костюмы, на этотъ уставленный яствами столъ и налитое въ стаканахъ вино. На сына она даже не посмотрѣла, а прямо и смѣло направилась къ капитану, вѣроятно нисколько не обращая вниманія на его возбужденно-оборонительный видъ и на окаменѣвшую фигуру Любовь Петровны. Рогожина дрожала отъ овладѣвшаго ею гнѣва, была блѣдна, и голосъ ея, когда она заговорила, прерывался, точно у нея не доставало воздуха въ легкихъ. Она подошла къ самому носу капитана.

— Благодарю... начала она и, задохнувшись, остановилась,—очень благодарю... Не ожидала... не ожидала, капитанъ, чтобы вы, такой немолодой человѣкъ...



Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Къ парому“.
Съ карт. профессора **Ковалевскаго** (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**“), грав. Рашевскій.

Она не кончила, такъ какъ на этомъ самомъ мѣстѣ слова пресѣклись въ ея горлѣ; ея взглядъ встрѣтился съ горѣвшимъ какъ-то мрачно взглядомъ сына, а рука ощутила тихое пожатіе его руки. Генеральша хотѣла выдернуть свою руку.

— Оставь! прошептала она, отвертываясь отъ Моничкп, точно будучи не въ силахъ выносить долѣе его взгляда.

Но онъ не выпускалъ ея руки и шепталъ ей:

— Вы оставьте... Всмотритесь и поймите...

Всмотрѣться, дѣйствительно, было во что.

Любовь Петровна попрежнему сидѣла у стола и хотя, повидимому, не обращала ни малѣйшаго вниманія на происходившее вокругъ нея, но капитану казалось, что она страдаетъ отъ всего этого. Не обращая вниманія ни на кого изъ присутствовавшихъ, онъ бросился на колѣни передъ дочерью, схватилъ ея руки и цѣловалъ ихъ, плача какъ ребенокъ:

— Ничего, ничего-съ... Это пройдетъ, Любовь Петровна, вѣрьте...

Онъ повернулъ ея лицо къ себѣ, но она все еще не подымала опущенныхъ вѣкъ и не смотрѣла на него. Онъ нѣжно прижалъ ея щеку къ своей и близко-близко заглядывалъ ей въ глаза. Вдругъ изъ-подъ ея опущенныхъ вѣкъ покатились слезы; тогда онъ ободрилъ ее съ благоразуміемъ ребенка:

— Ничего-съ; это — ничего, рѣшительно ничего... И роза не безъ шиповъ-съ, и голубь можетъ больно клюнуть. Не все быть свѣтлымъ днямъ—въ жизни случаются и сѣрые, пасмурные деньки... Это пройдетъ, Любовь Петровна, пройдетъ-съ. Посмотрите, что за свѣтлое и ясное утро наступитъ!.. Да-съ...

Онъ не договаривалъ, больше намѣчалъ то, чѣмъ хотѣлъ успокоить ея печаль, но она понимала его. Какъ бы забывъ о томъ, что оба они находятся въ присутствіи постороннихъ, капитанъ съ дочерью сидѣли, смотря другъ на друга и плача. Онъ плакалъ о ней, объ ея, какъ казалось, разбившемся увлеченіи, а она—отъ нанесенной ей этимъ быстро вспыхнувшимъ чувствомъ раны. Какъ и въ радости, оба преувеличивали свое горе, не вѣрили въ возвратъ, не вѣрили въ возможность, хотя въ далекомъ будущемъ, осуществленія тѣхъ свѣтлыхъ дней въ садахъ Аранжуэца, о которыхъ они уже возмечтали съ быстротою своего южнаго темперамента, не имѣя для этого достаточно данныхъ.

Но сады Аранжуэца были не за горами. Генеральша, остановленная сыномъ, какъ бы прозрѣвала. Она какъ бы начала уразумѣвать, что происходитъ передъ ея глазами. Она поняла, что имѣетъ дѣло не съ какими-нибудь наглыми авантюристами, завлекающими въ свои хитросплетенныя сѣти ея драгоцѣннаго, юнаго и неопытнаго сына: начала понимать, что все дѣло тутъ просто, непритворно,

Выставка Импер. Академіи Художествъ. „Днѣпровскія заводья“.

Съ карт. Н. А. Сергѣева (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Форбергеръ.

слишкомъ открыто. Ея гнѣвъ прошелъ, она смущенно посмотрѣла на сына, потомъ на меня и растерянно улыбнулась обоимъ намъ.

— Боже мой, только что замѣтила она наши военные костюмы,—что̀ это за маскарадъ?

И не дождавшись нашего отвѣта, занятая чѣмъ-то инымъ, отвернулась отъ насъ, какъ-то бокомъ посмотрѣла на капитана и Любочку, а затѣмъ вдругъ стремительно подошла къ нимъ:

— Прощайте, капитанъ, сказала она,—мнѣ пора, вѣдь тамъ у меня гости. Неправда ли, вы не сердитесь на меня?

Капитанъ опомнился и всталъ.

— Насъ простите, ваше превосходительство.

— Его, генеральша кивнула въ сторону сына,—я оставляю: ему здѣсь интереснѣе.

При этихъ словахъ капитанъ посмотрѣлъ на дочь, какъ бы желая въ ея глазахъ прочесть, хочетъ ли она, чтобы Моничка остался у нихъ или нѣтъ. Глаза Любовь Петровны были опущены—и капитанъ, не прочтя въ нихъ никакого отвѣта, сказалъ какъ-то нерѣшительно:

— Мы ихъ не удерживаемъ.

Но тутъ вставилъ свое слово самъ Моничка:

— Я останусь, если вы и Любовь Петровна мнѣ позволите, сказалъ онъ.

Капитанъ опять метнулся-было за справкою къ глазамъ дочери, но они попрежнему оставались закрыты... Только вспыхнувшій на блѣдныхъ щекахъ молодой дѣвушки румянецъ при неожиданномъ рѣшеніи Монички далъ присутствующимъ знать, что Любочка довольна. „Прекрасные дни въ Аранжуэцѣ“ снова мелькнули пылкому воображенію дѣвушки, и теперь они казались ей болѣе осуществимыми въ будущемъ, нежели прежде.

И Моничка остался.

КОНЕЦЪ.

Что дѣлаютъ матери, когда дѣти больны.

Разсказъ **Марка Твэна.** (Переводъ съ англійскаго).

(Разсказанъ автору м-ромъ Макъ-Вилліамсомъ, веселымъ джентльменомъ изъ Нью-Іорка, съ которымъ авторъ познакомился въ дорогѣ).

Ну, такъ чтобы возвратиться къ тому съ чего я началъ... Позвольте, съ чего я началъ... Да! я разсказывалъ вамъ какъ эта ужасная неизлѣчимая болѣзнь—крупъ—свирѣпствовала у насъ въ городѣ и какъ всѣ матери чуть съ ума не сошли отъ страха... Такъ вотъ однажды въ это время я обратилъ вниманіе м-съ Макъ-Вилліамсъ на нашу маленькую дочку, Иелли, которая сидѣла у жены на колѣняхъ и грызла какую-ту деревянную палочку.

— Дорогая моя, сказалъ я,—на твоемъ мѣстѣ я никогда не дозволилъ бы ребенку грызть дерево.

— Милый мой, что-же тутъ дурнаго? отвѣчала мнѣ жена, приготовляясь, однако, въ то же время взять изъ рукъ дѣвочки палку. Я давно замѣтилъ, что женщины не могутъ не возразить даже на самое справедливое замѣчаніе; я хочу сказать: *замужнія* женщины.

Я продолжалъ:

— Сокровище мое, замѣть себѣ, что сосновое дерево есть одинъ изъ продуктовъ заключающихъ въ себѣ наименьшее количество питательныхъ веществъ, потребныхъ для ребенка.

Рука жены, поднятая было съ тѣмъ, чтобы отнять палочку, остановилась на минуту въ воздухѣ и опять упала на колѣни.

Жена надулась и сказала сердито:

— Вы воображаете, что знаете все на свѣтѣ. Между тѣмъ всѣ доктора говорятъ, что терпентинъ, который заключается въ сосновомъ деревѣ, очень полезенъ при страданіяхъ почекъ и спиннаго мозга.

— А, если такъ... прости, моя дорогая, я значитъ не такъ тебя понялъ. Я не зналъ, что ребенокъ страдаетъ разстройствомъ почекъ и спиннаго мозга и что докторъ велѣлъ...

— Кто сказалъ, что у ребенка болѣзнь почекъ и спиннаго мозга?

— Милая моя, ты только-что намекнула на это.

— Какіе пустяки! ничего подобнаго я не говорила!

— Дорогая моя, не дальше какъ двѣ минуты назадъ ты сказала.

— Боже, какъ ты надоѣлъ со своими придирками! Могу-ли я помнить все что̀ я сказала. По моему, нѣтъ ничего дурнаго въ томъ, что ребенокъ сосетъ сосновое дерево, и ты самъ отлично это знаешь. Такъ пусть дѣвочка и грызетъ, если хочетъ.

— Не сердись, мой ангелъ, опять сказалъ я.— Я вполнѣ признаю убѣдительность твоихъ доводовъ и преклоняюсь передъ ними. Поэтому, если хочешь, я велю приготовить еще нѣсколько штукъ сосновыхъ палочекъ. Пусть не думаютъ, что я изъ-за каприза притѣсняю моихъ дѣтей.

— Ахъ, Боже мой, уходите вы къ себѣ въ кабинетъ и оставьте меня въ покоѣ. Вы истощаете мое терпѣніе вашими безконечными разсужденіями. Вашихъ наставленій и поученій я вовсе не желаю слушать, потому что не хуже васъ умѣю воспитывать дѣтей.

— Очень хорошо, моя милая, я сейчасъ уйду, но все-же позволь мнѣ замѣтить, что въ твоихъ замѣчаніяхъ недостаетъ логики и что...

Я не успѣлъ кончить, потому что жена порывисто встала и унесла ребенка.

Вечеромъ за обѣдомъ она встрѣтила меня съ разстроеннымъ лицомъ, блѣднымъ какъ полотно.

— О, Мортимеръ, еще одинъ случай... Маленькій Джорджи Гордонъ заболѣлъ.

— Крупъ?

— Крупъ несомнѣнно.

— Есть-ли какая-нибудь надежда?

— Ни малѣйшей. О, Боже мой, что̀ если и до насъ дойдетъ очередь!

Послѣ обѣда няня принесла маленькую Нелли въ столовую пожелать спокойной ночи родителямъ и прочитать обычную молитву на колѣняхъ у матери. Въ серединѣ молитвы дѣвочка слегка кашлянула. Жена откинулась на спинку кресла и поблѣднѣла какъ смерть. Но въ слѣдующую минуту она вскочила. Она начала суетиться и раздавать поспѣшныя приказанія прислугѣ съ тою торопливостью и растерянностью, которая характеризуетъ смертельный ужасъ.

Она велѣла перенести кроватку ребенка изъ дѣтской въ нашу спальню, а сама отправилась наблюдать за исполненіемъ своихъ приказаній. Она позвала меня, и я конечно послѣдовалъ за нею. Скоро все было устроено. Кровать няни была поставлена въ уборной жены, находившейся рядомъ со спальней. Но теперь м-съ Макъ-Вилліамсъ сообразила, что мы слишкомъ далеко отъ „бэби“ и если, не дай Богъ, съ нимъ что-нибудь случится...

Жена отъ страха не могла докончить начатой фразы.

Вслѣдствіе этого мы опять водворили няню и дѣвочку въ дѣтскую, а свою спальню устроили въ комнатѣ рядомъ.

Новое страшное сомнѣніе возникло въ душѣ м-съ Макъ-Вилліамсъ. „А вдругъ бэби заразится отъ Нелли?“ Эта мысль поразила ужасомъ ея сердце. Опять велѣно было вынести кроватку изъ дѣтской и помѣстить ее въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, причемъ жена лично принимала участіе въ хлопотахъ и чуть не сломала люльку, такъ какъ, по ея мнѣнію, дѣло все еще двигалось недостаточно быстро.

Мы отправились внизъ. Но тамъ не было мѣста для кровати няни, а м-съ Макъ-Вилліамсъ полагала, что помощь опытной няньки необходима при ухаживаніи за больнымъ ребенкомъ. Поэтому мы опять со всѣмъ скарбомъ возвратились въ нашу прежнюю спальню съ такимъ чувствомъ, съ какимъ побитыя бурей птицы возвращаются опять въ свое родное гнѣздо.

М-съ Макъ-Вилліамсъ отправилась въ дѣтскую посмотрѣть что̀ тамъ дѣлается. Она возвратилась оттуда съ новымъ страхомъ.

— Что̀ это значитъ, что бэби спитъ такъ крѣпко?

— Милочка моя, вѣдь бэби всегда спитъ крѣпко.

— Я знаю-знаю; но только у него теперь какой-то странный сонъ. Онъ дышетъ такъ... такъ... *ровно.* О, это ужасно!

— Но, дорогая моя, вѣдь онъ всегда дышетъ ровно.

— Ахъ, нѣтъ; ты ничего не понимаешь. Онъ дышетъ такъ тихо, что совсѣмъ не слышно, и потомъ онъ такъ спокоенъ. Его няня слишкомъ молода и неопытна. Пусть Мэри останется съ ней, чтобъ дать намъ знать если что̀ случится.

— Прекрасно, но кто-же будетъ ухаживать за Нелли?

— Мы оба будемъ ухаживать за ней. Въ такую ужасную минуту, я не хочу, чтобы кто-нибудь другой помогалъ мнѣ.

Я отвѣчалъ ей, что я съ удовольствіемъ буду ухаживать за нашей маленькой больной, хотя, разумѣется, я бы не прочь былъ отдохнуть послѣ цѣлаго дня трудовъ. Несмотря на мой скромный протестъ, старая Мэри опять была переведена въ дѣтскую и заняла тамъ свое прежнее мѣсто.

Нелли нѣсколько разъ кашляла во снѣ.

— О, Боже мой, что это докторъ такъ долго не ѣдетъ! восклицала моя жена каждую минуту.—Мортимеръ, здѣсь слишкомъ жарко, положительно здѣсь слишкомъ жарко и душно. Закрой душникъ поскорѣе.

Я закрылъ душникъ, взглянувъ въ то же время на термометръ, который показывалъ 70° по Фаренгейту, что, по моему мнѣнію, было не слишкомъ высокой температурой для комнаты больнаго дитяти.

Кучеръ, возвратясь изъ города, принесъ извѣстіе, что нашъ докторъ боленъ и лежитъ въ постели. М-съ Макъ-Вилліамсъ посмотрѣла на меня растеряннымъ взглядомъ и сказала упавшимъ голосомъ:

— Это не къ добру. Это—судьба. Замѣть, что раньше онъ никогда не былъ боленъ. Никогда. Это послано намъ въ на-

казаніе. Мортимеръ. Я чувствую, что ребенокъ нашъ не поправится. О, Боже мой! Боже мой!

Желая ее утѣшить, я сказалъ, правда не подумавши, что, если-бы даже умерла Нелли, мы не будемъ одиноки, потому что у насъ останется бэби.

— О, Мортимеръ, сказала мнѣ жена съ упрекомъ,—не испытывай Бога, смирись! Пожалѣй твоихъ дѣтей!

Она начала плакать, но внезапно остановилась.

— Докторъ долженъ былъ прислать лекарства!

— Онъ и прислалъ ихъ, отвѣчалъ я. — Вотъ они, я только ждалъ твоихъ распоряженій.

— Ахъ, Боже мой, что-же ты медлишь! Развѣ ты не понимаешь, что тутъ дорога каждая минута! Впрочемъ, какая польза посылать лекарства, если докторъ знаетъ, что болѣзнь неизлѣчима!

Я замѣтилъ, что пока есть жизнь, до тѣхъ поръ есть и надежда.

— Надежда! усмѣхнулась моя жена съ горечью. — Мортимеръ, ты разсуждаешь точно дитя. Если-бъ можно было замѣтить раньше... Сколько мнѣ помнится, лекарство, кажется, нужно давать черезъ часъ по чайной ложкѣ. Черезъ часъ! Какъ будто у насъ впереди цѣлая вѣчность! Скорѣе, скорѣе, Мортимеръ, налей лекарство въ столовую ложку и поскорѣе.

— Дорогая моя, мнѣ кажется, что столовой ложки слишкомъ...

— Ради Бога, не раздражай меня!.. Ну, приди сюда, моя дорогая дѣвочка, приди мое сокровище, выпей вотъ это, если любишь маму; тогда горлышко перестанетъ болѣть и моя дѣвочка поправится. А теперь усни, моя дѣточка, положи сюда головку и засни, мое сокровище... Ахъ, я чувствую, что она не доживетъ до утра. Мортимеръ, пожалуйста, давай по столовой ложкѣ каждые полчаса. Я слышала... да, я слышала, что въ этихъ случаяхъ очень помогаетъ белладонна... а также аконитъ. Поди, достань ихъ въ антечкѣ, Мортимеръ. Или нѣтъ... погоди... я достану сама, потому что ты все перепутаешь.

Наконецъ мы улеглись въ постель, причемъ кроватку ребенка моя жена поставила рядомъ съ собой. Вся эта суета меня странно утомила—и не прошло двухъ минутъ, какъ я уже почти заснулъ. М-съ Макъ-Вилліамсъ меня разбудила.

— Милый мой, ты не открылъ душника?

— Нѣтъ.

— Я такъ и думала. Открой пожалуйста, потому что комната совсѣмъ настыла.

Я открылъ душникъ и опять заснулъ. Черезъ нѣсколько минутъ я опять былъ разбуженъ.

— Голубчикъ, будь такъ добръ, переставь кроватку на твою сторону. Тамъ она будетъ ближе къ душнику.

Я началъ переставлять кроватку, но запутался въ коврѣ и разбудилъ дѣвочку. Я задремалъ опять, пока моя жена успокаивала маленькую страдалицу. Но посреди этого пріятнаго дремотнаго состоянія до меня, точно издалека, донеслись слова жены:

— Мортимеръ, хорошо бы растереть ребенка гусинымъ жиромъ; позвони, пожалуйста, кого-нибудь изъ прислуги.

Я въ потемкахъ всталъ, наступилъ на кошку, которая протестовала рѣзкимъ визгомъ. Со злости я хотѣлъ еще разъ толкнуть ее ногой, но попалъ не въ нее, а въ стулъ, который съ грохотомъ упалъ на полъ.

— Мортимеръ, послышался голосъ жены, — зачѣмъ ты зажигаешь лампу, развѣ ты опять хочешь разбудить Нелли?

— Я ушибся, и хочу посмотрѣть, что̀ такое сдѣлалось съ моей ногой.

— Да, посмотри также, что̀ сдѣлалось со стуломъ. Я увѣрена, что спинка отлетѣла прочь. Что̀ такое съ бѣдной кошечкой, ты ее пришибъ чуть не до смерти.

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія узнавать, что̀ такое съ бѣдной кошечкой! Если-бъ Мэри была здѣсь, то ничего подобнаго не случилось-бы, мнѣ не пришлось-бы исполнять ея обязанностей.

— Ахъ, Мортимеръ, какъ тебѣ не стыдно говорить такія вещи. Неужели тебѣ трудно исполнить тѣ пустяки, о которыхъ я тебя прошу, особенно теперь, въ такое ужасное время, когда нашъ ребенокъ...

— Хорошо, хорошо, я сдѣлаю все что̀ будетъ нужно. Но, право, какъ-то неловко будить весь домъ колокольчикомъ. Вѣдь вся прислуга давно спитъ. Я лучше самъ схожу за гусинымъ жиромъ. Гдѣ онъ стоитъ?

— На каминѣ въ дѣтской. Ты только разбуди Мэри и она...

Я принесъ гусиный жиръ и снова улегся спать. Черезъ нѣсколько минутъ я опять услышалъ голосъ жены:

— Мортимеръ, прости милый, что я тебя безпокою, но мнѣ кажется, что комната слишкомъ холодна для того, чтобы можно было раздѣть ребенка. Не можешь-ли ты затопить печку? Дрова уже положены, нужно только черкнуть спичкой.

Я растопилъ печку и сѣлъ на стулъ съ отчаяніемъ въ душѣ, окончательно теряя надежду заснуть хотя на одинъ часъ.

И когда подошелъ къ кровати, чтобы лечь, жена остановила меня еще разъ.

— Погоди минутку, дай Нелли лекарства.

Я далъ лекарство. Жена воспользовалась пробужденіемъ дѣвочки, чтобы вымазать ее съ ногъ до головы гусинымъ жиромъ. Я скоро уснулъ, но былъ разбуженъ еще разъ:

— Мортимеръ, чувствуешь, какой сквозной вѣтеръ? Вотъ съ этой стороны. Нѣтъ ничего хуже для этой болѣзни, какъ сквозной вѣтеръ. Ради Бога, передвинь кроватку поближе къ огню.

Я передвинулъ, но опять запутался въ коврѣ и съ досады швырнулъ его въ печку. М-съ Макъ-Вилліамсъ спрыгнула съ кровати и успѣла его спасти, причемъ мы обмѣнялись довольно крупными рѣзкостями. Я опять заснулъ на нѣсколько минутъ, но потомъ опять проснулся, потому что жена велѣла мнѣ приготовить припарку изъ льнянаго сѣмени. Припарку положили на грудь ребенку и стали ожидать ея цѣлительнаго дѣйствія.

Дрова сгораютъ скоро. Я вставалъ каждыя 20 минутъ и подкладывалъ новыхъ, а м-съ Макъ-Вилліамсъ пользовалась случаемъ для того, чтобы заставить меня давать лекарство какъ можно чаще. Отъ времени до времени я перемѣнялъ припарки, прикладывалъ горчичники и разные пластыри на всѣ незанятыя мѣста на тѣлѣ ребенка. Къ утру всѣ дрова сгорѣли — и жена хотѣла меня послать въ погребъ за новыми. Я не соглашался.

— Дорогая моя, вѣдь это совсѣмъ не шуточное дѣло пойти въ погребъ за дровами. Ко тому-же, мнѣ кажется, что ребенку достаточно тепло, особенно подъ тремя одѣялами. Если хочешь, мы можемъ положить еще одинъ слой припарокъ и...

Я не могъ продолжать, потому что меня перебили. Я принужденъ былъ пойти въ погребъ за дровами. Совершивъ нѣсколько разъ это путешествіе, я наконецъ упалъ на кровать въ полномъ изнеможеніи. Было уже позднее утро, когда я почувствовалъ, что кто-то дернулъ меня за плечо, и я моментально очнулся. Жена смотрѣла на меня отчаянными, широко-раскрытыми глазами и не могла выговорить ни слова отъ волненія. Когда она нѣсколько пришла въ себя, она воскликнула:

— Все кончено! все кончено! ребенокъ умираетъ. Боже мой! что̀ мы будемъ дѣлать!

— Какъ ты меня испугала! Я не знаю что̀ мы будемъ дѣлать. Можетъ быть нужно еще дать лекарства, положить горчичникъ, или...

— О, идіотъ! Нельзя терять ни секунды! Поѣзжай за докторомъ! Поѣзжай самъ! Скажи ему, что онъ долженъ придти живой, или мертвый.

Я стащилъ съ постели этого бѣднаго, больнаго человѣка и привезъ съ собой. Онъ посмотрѣлъ на ребенка и сказалъ, что ребенокъ и не думаетъ умирать. Онъ сказалъ, что кашель его происходитъ вслѣдствіе раздраженія горловыхъ стѣнокъ постороннимъ тѣломъ. Онъ прибавилъ, что все что онъ можетъ сдѣлать это—усилить кашель, чтобы постороннее тѣло отдѣлилось скорѣе. Дѣйствительно, онъ далъ какого-то лекарства, которое вызвало сильный пароксизмъ кашля и—выбросило изъ горла ребенка небольшой кусочекъ дерева.

— Какъ видите, у дѣвочки вовсе не крупъ. Вѣроятно она сосала или грызла какую-нибудь щепку или что-нибудь подобное и небольшой кусочекъ дерева попалъ ей въ горло. Конечно, не нужно было давать ей въ руки такіе предметы.

— Я не согласенъ съ вами, докторъ, сказалъ я.—Смолистыя вещества, которыя заключаются въ сосновомъ деревѣ, очень полезны при нѣкоторыхъ дѣтскихъ болѣзняхъ. Жена подтвердитъ вамъ это.

Но она ничего не сказала. Она презрительно отвернулась и вышла изъ комнаты, и съ этихъ поръ въ нашей жизни явился эпизодъ, котораго мы не любимъ касаться. Несмотря на это, дни наши текутъ мирно и счастливо.

Римскіе солдаты.

Историческій очеркъ. (Переводъ).

Строгую военную дисциплину и солдатскую выправку принято считать за новѣйшее изобрѣтеніе. Это невѣрно. Гдѣ когда-либо существовало благоустроенное государство — въ Азіи, или въ Европѣ—тамъ непремѣнно было и хорошо обученное, строго дисциплинированное войско. Какъ теперь, такъ и прежде — и въ македонскихъ фалангахъ Александра Великаго, и въ побѣдоносныхъ легіонахъ Цезаря — унтеръ-офицеръ школилъ солдатъ, ибо въ основѣ всякой дисциплины лежитъ ученье. Необычайный успѣхъ римскихъ армій, въ теченіе тысячелѣтія ознаменовавшихъ себя побѣдами почти во всѣхъ извѣстныхъ тогда частяхъ свѣта, зависѣлъ столько-же отъ строгой дисциплины, сколько и отъ опытности военачальниковъ и отъ храбрости солдатъ.

Древніе авторы, свидѣтельствуя объ успѣхахъ римскаго оружія, постоянно указываютъ на военную дисциплину, какъ на вѣрнѣйшій залогъ прочнаго существованія государствъ. Этимъ объясняется, почему среди всѣхъ политическихъ превратностей Рима, военная дисциплина всегда одинаково поддержи-

валась: и въ республиканскихъ войскахъ, гдѣ солдатами были свободные граждане, по окончаніи войны расходившіеся по домамъ, и въ призывныхъ войскахъ, гдѣ, со временъ Августа, вошло въ обычай держать солдатъ подъ оружіемъ чуть не до глубокой старости.

Римская дисциплина, однако, существенно розпилась отъ современной. Римскимъ солдатомъ пользовались не для одной только войны, но и для общественныхъ работъ. Грандіозные пути сообщенія, во всѣхъ направленіяхъ пересѣкавшіе государство, а кое-гдѣ еще и нынѣ уцѣлѣвшіе, были дѣломъ рукъ римскихъ легіоновъ, которые такъ же ловко владѣли заступомъ и киркой, какъ мечомъ и копьемъ. Въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ, рядомъ съ казармами воздвигались также бани, театры, храмы, судилища. Солдаты сами обжигали необходимый для своихъ построекъ кирпичъ и всегда отмѣчали его особымъ клеймомъ. Послѣднее часто встрѣчается на остаткахъ древнихъ построекъ и свидѣтельствуетъ о мирныхъ занятіяхъ римскихъ легіоновъ въ промежутки между войнами. Кромѣ того, римскіе гарнизоны заслужили благодарность не только своихъ современниковъ, но и дальнѣйшаго потомства, культурными работами въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Такъ напримѣръ, они расчищали устья Нила, осушали берега Платтенскаго озера, разводили виноградники во Франціи, на Рейнѣ, въ Венгріи. Самое слово *exercitus*—по-латыни войско (отъ *exercere*—упражняться) прямо указываетъ на неутомимую дѣятельность, на которую были обречены римскіе легіоны, все съ цѣлью поддержанія въ нихъ дисциплины.

Первое слово этой дисциплины заключалось въ слѣпомъ повиновеніи солдатъ. Военачальникъ имѣлъ неограниченную власть надъ жизнью и смертью своихъ подчиненныхъ. Это основное начало дисциплины оставалось неизмѣннымъ во все время существованія Рима, не такъ какъ въ Аѳинахъ, гдѣ оно признавалось въ теоріи, но гдѣ на самомъ дѣлѣ военачальникъ, за слишкомъ большую строгость не любимый солдатами, по истеченіи срока своей службы подвергался народному суду и взысканію. У Сципіона однажды спросили: какъ отважился онъ съ такимъ небольшимъ войскомъ предпринять походъ на Карѳагенъ? Это было въ Сициліи. Армія у него на глазахъ совершала военныя эволюціи. Онъ указалъ на солдатъ и отвѣчалъ: „между ними нѣтъ ни одного, который, по моему первому слову, не бросился бы внизъ съ высочайшей башни въ мірѣ“

Преступленія противъ дисциплины строго карались даже въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствія, повидимому, оправдывали преступника. Такъ напримѣръ, диктаторъ Постумій Тубертусъ и консулъ Титъ Манлій судили и казнили собственныхъ сыновей за то, что тѣ самовольно вступили въ бой, изъ котораго однако вышли побѣдителями. Папирій Курсоръ приговорилъ къ смертной казни Квинта Фабія, который не послушался своего начальника и сразился съ самнитянами, хотя и побѣдилъ ихъ. Фабія спасло только заступничество народа и сената.

Недаромъ юристъ Павелъ замѣчаетъ, что военная дисциплина у римлянъ родилась прежде ихъ любви къ дѣтямъ. Наказаніе обыкновенно соразмѣрялось съ рангомъ и съ лѣтами виноватаго. Рекрутъ, или молодой солдатъ, вообще подвергались менѣе строгому взысканію, чѣмъ старый воинъ, или ветеранъ, въ которомъ предполагалось болѣе сильное сознаніе отвѣтственности. Преступленіе, совершенное въ нетрезвомъ видѣ, признавалось заслуживающимъ снисхожденія: смертная казнь, въ такихъ случаяхъ, нерѣдко замѣнялась тѣлеснымъ наказаніемъ.

Военное званіе считалось почетнымъ—и потому солдатъ избѣгали подвергать наказаніямъ, которыя были преимущественно присвоены невольникамъ и слыли позорными. Такъ, ихъ не распинали, не вѣшали, не заставляли работать въ рудникахъ, не обрекали на борьбу съ дикими звѣрьми. Не подвергали ихъ также и предварительнымъ пыткамъ. Преимущества эти однако не распространялись на дезертировъ и на разжалованныхъ солдатъ, а иногда, случалось, что болѣе жестокій военачальникъ и просто нарушалъ ихъ.

До насъ не дошелъ ни одинъ сборникъ римскихъ военныхъ законовъ о наказаніяхъ, но они несомнѣнно существовали. У латинскихъ и греческихъ авторовъ разсѣяно много отдѣльныхъ чертъ, по которымъ легко составить полную картину дисциплины среди римскихъ войскъ. Самое легкое наказаніе было такъ-называемое *castigatio*: подъ этимъ подразумѣвался всякій болѣе или менѣе серьезный выговоръ, которымъ наказывались небольшіе проступки, въ родѣ легкихъ упущеній по службѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести и уменьшеніе обычной порціи пищи, или замѣну ея худшею, напримѣръ пшеничнаго хлѣба ячменнымъ. Затѣмъ слѣдовали: марширование съ двойною, противъ обычной, ношею на плечахъ, лишняя и часто безцѣльная работа, въ родѣ рытья канавъ и немедленнаго засыпанія ихъ. Далѣе шли: арестъ, вычеты изъ жалованья, выселеніе одного солдата, а иногда и цѣлыхъ отрядовъ за черту лагеря.

Однажды сенатъ приговорилъ даже всю армію провести зиму въ палаткахъ, за чертою обычнаго мѣста стоянки, въ наказаніе за то, что она дала себя побѣдить Эпирскому царю Пирру. Къ болѣе строгимъ наказаніямъ относилось перемѣщеніе изъ старшаго отряда въ младшій, или въ такой, гдѣ служба была труднѣе, напримѣръ изъ кавалеріи въ пѣхоту. Иногда разжалованнаго солдата удаляли въ обозъ или помѣщали среди плѣнныхъ.

Наиболѣе тяжкимъ наказаніемъ считалось исключеніе изъ арміи. Во времена республики это такъ дѣлалось. Военачальникъ вызывалъ передъ фронтъ подлежащаго исключенію и и объявлялъ ему: „Ты мнѣ больше не нуженъ“. Солдатъ слагалъ оружіе, военные атрибуты и знаки отличія, даже снималъ обувь. Послѣ того онъ на всю жизнь считался обезчещеннымъ. Онъ не могъ исправлять никакой общественной должности, не имѣлъ права жить въ Римѣ, да и на родинѣ не находилъ себѣ пріюта. Позоръ, сопряженный съ положеніемъ исключеннаго изъ арміи солдата, былъ такъ великъ, что его не легко переносили даже христіане, которые подвергались ему изъ-за вѣры. Бывали случаи, когда они опять возвращались къ язычеству, лишь бы снова получить доступъ въ армію.

Въ большомъ ходу были также и тѣлесныя наказанія. Имъ подвергались не только солдаты, но и офицеры. Такъ, напримѣръ, Аврелій Котта разжаловалъ въ солдаты и приговорилъ къ розгамъ своего родственника, трибуна Аврелія Пекуніолу, который самовольно далъ и проигралъ сраженіе. Самая легкая форма тѣлеснаго наказанія заключалась въ ударахъ лозой, изъ рукъ центуріона; это не влекло за собой безчестія. Розги и палки считались уже болѣе позорными: послѣдними, въ мирное время, на основаніи lex Porcia, наказывали только рабовъ. Полибій подробно описываетъ этотъ способъ наказанія. Трибунъ дотрогивался до преступника жезломъ. По этому знаку, на несчастнаго бросались остальные солдаты, кто съ палками и съ дубьемъ, кто съ каменьями, и такъ отработывали его, что онъ, большею частію, тутъ же испускалъ духъ. Такъ наказывалось: дезертирство, упущенія по службѣ на караулѣ, уходъ съ поста, кража, лжесвидѣтельство и тому подобные болѣе серьезные проступки.

Лишеніе гражданской свободы считалось однимъ изъ самыхъ тяжкихъ наказаній. Въ 138 году до Р. Х., одинъ офицеръ изъ римской арміи, расположенной подъ Нуманціей, тайно отлучился съ поста. Его приговорили къ розгамъ, а потомъ, за одинъ сестерцій, около восьми копѣекъ (законная форма фиктивной продажи), продали прокуратору римской республики: онъ, такимъ образомъ, хотя и не дѣлался ни чьимъ невольникомъ въ частности, однако лишался всѣхъ правъ свободнаго гражданина. Императоръ Валентиніанъ однажды осудилъ на такую продажу цѣлую когорту батавовъ, которые были разбиты германцами. Его едва смягчило заступничество за нихъ всей арміи, и онъ, лишь съ трудомъ, сдался на обѣщаніе когорты, при первомъ же случаѣ, загладить свою вину.

Смертной казнью римляне карали самыя тяжкія преступленія, или неоднократные рецидивы въ случаяхъ не столь тяжкихъ. Чаще всего прибѣгали къ обезглавленію преступника—топоромъ, во времена республики, мечомъ—при императорахъ. Казнь производилась за чертой лагеря, передъ *porta decumana*. Тамъ вырывали яму, закономъ опредѣленной длины и глубины. Въ нее ставили преступника. Раздавался трубный звукъ. Особо назначенные для того солдаты (speculatores), или гладіаторы, изъ числа рабовъ военачальника, приводили въ исполненіе приговоръ, въ присутствіи трибуновъ и центуріоновъ. Казненнаго тутъ же хоронили. Смертью карались: трусость, преждевременное отступленіе передъ врагомъ, измѣна, шпіонство, грубое неповиновеніе начальству, возмущеніе.

Въ случаяхъ, когда виновнымъ являлся цѣлый отрядъ и было невозможно казнить всѣхъ преступниковъ поголовно, обыкновенно прибѣгали къ казни по жребію. Всю армію располагали кругомъ, въ средину котораго вводили преступниковъ. Трибунъ произносилъ обвинительную рѣчь, затѣмъ приступали къ вынутію жребія по отдѣламъ. Изъ десяти человѣкъ одинъ, на котораго падалъ жребій, тутъ же, немедленно, предавался смерти. Первый примѣръ такой казни по жребію относится къ 471 году до Р. Х., ко времени консула Аппія Клавдія. Съ тѣхъ поръ онъ неоднократно повторялся, но не часто однако. Тацитъ, разсказывая, какъ Апроній приговорилъ къ смерти десятую часть цѣлой когорты, потерпѣвшей пораженіе въ Африкѣ, сильно настаиваетъ на томъ, что случай этотъ былъ рѣдкій въ его время.

Иногда военачальникъ, желая смягчить наказаніе, обрекалъ на смерть, вмѣсто десятой, двадцатую и даже только сотую часть отряда, а иногда, наоборотъ, безпощадно казнилъ всѣхъ, до одного, солдатъ. Эта участь постигла между прочимъ четырехтысячный легіонъ, посланный противъ Пирра, защищать Регіумъ; вмѣсто того, легіонъ самъ овладѣлъ этимъ городомъ, избилъ въ немъ жителей и провозгласилъ свою независимость. Десять лѣтъ спустя, когда Пирръ покинулъ Италію, остатки возмутившагося легіона были взяты въ плѣнъ и отведены въ Римъ. Тамъ ежедневно казнили по пятидесяти человѣкъ изъ нихъ и продолжали такъ, пока не истребили всѣхъ. Позже, былъ осужденъ на казнь по жребію ѳивскій легіонъ, который отказался участвовать въ избіеніи христіанъ. Спа-

Лудовикъ XIV отличаетъ Мольера предо всѣмъ дворомъ. Рис. Мерте, грав. Кренеръ.

чала предали казни десятую часть его, но онъ продолжалъ упорствовать въ своемъ отказѣ. Въ немъ вторично казнили каждаго десятаго, но и это не помогло. Тогда императоръ Максиміанъ приказалъ обезглавить въ немъ всѣхъ воиновъ до одного.

Строже всѣхъ наказывались перебѣжчики въ непріятельскій лагерь. Заключая мирные договоры съ иноземцами, римляне всегда включали въ нихъ пунктъ, по которому требовали выдачи своихъ перебѣжчиковъ. Къ нимъ не знали пощады, и сколько бы ихъ ни было, ихъ всѣхъ предавали мучительной смерти. Однажды въ Самніумѣ 370 перебѣжчиковъ достались въ руки Фабію Максиму. Онъ отправилъ ихъ въ Римъ. Тамъ ихъ сначала жестоко били, затѣмъ сбросили съ Тарпейской скалы. Марцеллъ взялъ въ плѣнъ въ Сициліи до двухъ тысячъ перебѣжчиковъ: ихъ тоже сначала сѣкли розгами, потомъ всѣмъ отрубили головы. Та же участь постигла перебѣжчиковъ изъ римскихъ союзныхъ войскъ, которые были выданы обратно Сципіону кароагенянами, послѣ битвы при Замѣ. Но и между этими еще, всѣхъ строже казнились римскіе граждане: они были распяты на крестахъ. Не менѣе жестоко поступилъ съ перебѣжчиками — на этотъ разъ изъ иноземцевъ—Павелъ Эмилій, послѣ побѣды своей надъ македонскимъ царемъ Персеемъ. Онъ велѣлъ всѣхъ ихъ бросить подъ ноги слонамъ, которые и растоптали ихъ.

Помимо того, между римскими военачальниками попадались и такіе, которые за малѣйшій проступокъ безчеловѣчно карали своихъ подчиненныхъ. Императоръ Макринъ, казня смертью солдатъ, связывалъ каждаго изъ нихъ съ мертвымъ тѣломъ и затѣмъ предоставлялъ ему медленно умирать. Авреліанъ, еще будучи только трибуномъ, привязывалъ преступниковъ за ноги къ вершинамъ двухъ, силою наклоненныхъ деревъ; вершины потомъ внезапно отпускались и разрывали несчастныхъ на части.

Хотя военныя наказанія у римлянъ вообще регулировались закономъ и обычаемъ, личная власть военачальниковъ однако была такова, что наиболѣе жестокіе изъ нихъ могли безнаказанно, самымъ варварскимъ образомъ, обращаться съ подчиненными.

Строго порицая излишества римскихъ военачальниковъ, нельзя однако не признать, что только крайне строгая дисциплина могла создать храброе, непобѣдимое римское войско. Благодаря ей, римляне покорили весь міръ и продолжали надъ нимъ владычествовать еще долго послѣ того, какъ сами стали претерпѣвать разныя превратности и уже начали внутренно разлагаться.

Къ рисункамъ.

„Солистъ". Картина Галкина.

(Рис. на стр. 513).

Подъ навѣсомъ хаты паренекъ играетъ-заливается на самодѣльной дудкѣ-сопѣлкѣ. Сосредоточенный, задумчивый взглядъ ясно говоритъ, что онъ чутко вслушивается въ звуки мелодіи. Она у него отчетливо звенитъ въ памяти, но неумѣлые пальцы, а можетъ быть и неудачный инструментъ не даютъ ей излиться, какъ хотѣлось-бы молодому солисту.

Окрестности Харькова. „Куряжъ". Картина Васильковскаго. (Рис. на стр. 516).

Куряжскій Преображенскій монастырь, въ 8 верстахъ отъ Харькова, основанъ въ XVII вѣкѣ архимандритомъ Іоилемъ, настоятелемъ обители Святогорской, въ 1788 закрытъ и назначенъ для покоя монашествующихъ изо всѣхъ закрытыхъ монастырей Бѣлогородской епархіи, но въ 1793 возстановленъ, а въ 1836 возведенъ во 2-й классъ и управляется архимандритами. Живописныя окрестности его и дали сюжетъ прилагаемой картины Васильковскаго.

„Двѣ паціентки". Картина Зондерланда.

(Рис. на стр. 517).

Нѣмецкій бытовой живописецъ Фрицъ Зондерландъ извѣстенъ на своей родинѣ цѣлымъ рядомъ привлекательныхъ, большею частью веселыхъ картинъ, преимущественно изъ простонародной жизни въ Вестфаліи и на Шварцвальдѣ. Въ своей картинѣ „Двѣ паціентки" онъ измѣнилъ излюбленнымъ народнымъ сюжетамъ, но со свойственнымъ ему юморомъ и прелестью изобразилъ одновременное лѣченіе молодымъ докторомъ двухъ больныхъ, можно думать, различною болѣзнью.

„Котенокъ съ бабочкой". Картина Ю. Адама.

(Рис. на стр. 521).

Картинка Юлія Адама не нуждается въ описаніи. Содержаніе ея самое незатѣйливое, все дѣло въ мастерствѣ рисунка, мягкости и законченности исполненія, о которыхъ читатель можетъ судить по напечатанной гравюрѣ Кезеберга.

„Къ парому". Карт. проф. Ковалевскаго.

(Рис. на стр. 524).

Павелъ Осиповичъ Ковалевскій, картины котораго не разъ уже воспроизводились на страницахъ *Нивы*, профессоръ собственно баталической живописи, но пишетъ и бытовой жанръ преимущественно съ фигурами лошадей. Таковы его: „Двѣ кавалькады", „Тройка въ грязи" и др. Къ послѣднему роду относится и помѣщаемая картина его „Къ парому", изображающая спускъ нѣсколькихъ дорожныхъ экипажей и телѣгъ съ нагорнаго берега къ рѣкѣ, черезъ которую ихъ переправятъ довольно первобытнымъ способомъ ручной тяги на паромѣ.

„Днѣпровскія заводья". Карт. Н. А. Сергѣева.

(Рис. на стр. 525).

Днѣпръ своимъ теченіемъ, какъ извѣстно, образуетъ множество заливовъ и рукавовъ, служащихъ преимущественно для рыболовства. Н. А. Сергѣевъ изображаетъ намъ одну изъ такихъ заводей подъ хуторкомъ, въ то время какъ чабанъ (пастухъ) пригналъ отару овецъ на водопой. Громадное облако пыли, поднятое овцами, скрываетъ часть холмистаго пейзажа.

Лудовикъ XIV отличаетъ Мольера. (Рис. на стр. 529).

Помѣстивъ въ № 43 нашего журнала за прошлый годъ одну изъ сценъ безсмертной комедіи Мольера „Тартюфъ", въ картинѣ нашего извѣстнаго художника, Ю. О. Бонча-Томашевскаго, мы сообщили краткое жизнеописаніе знаменитаго писателя, а также указали на то вліяніе, какое его произведенія имѣли на современниковъ. Бичуя безпощадно пороки окружавшихъ поэта лицъ, были-ли то знатные или простолюдины, богачи или пенмущіе, осмѣивая въ нихъ все достойное осмѣянія, Мольеръ, понятно, нажилъ себѣ много недруговъ, которые всячески старались отомстить ненавистному имъ сатирику, почувствительнѣе отплатить за всѣ насмѣшки, очернить и обезславить его въ глазахъ почитателей. Въ числѣ ихъ былъ, какъ извѣстно, и Лудовикъ XIV, всегда покровительствовавшій Мольеру. Чѣмъ сильнѣе были нападки, чѣмъ больше было стараній и козней, тѣмъ замѣтнѣе и больше были милости къ нему просвѣщеннаго и мудраго монарха. Такъ однажды, во время самыхъ сильныхъ преслѣдованій со стороны осмѣянныхъ имъ придворныхъ, Мольеръ былъ приглашенъ въ Версаль къ обѣденному столу государя. Тамъ ему было предложено Лудовикомъ занять мѣсто напротивъ, и въ присутствіи всего двора король-„солнце", весело болтая съ остроумнымъ драматургомъ, даже угощалъ его собственноручно, какъ это можно видѣть на нашемъ рисункѣ.

Памятникъ императору Фридриху. (Рис. на стр. 532).

Извѣстный скульпторъ Рейнгольдъ Бегасъ недавно окончилъ модель памятника императору Германскому Фридриху, которая можетъ быть сравниваема развѣ съ двойнымъ саркофагомъ Рауха въ Шарлоттенбургскомъ мавзолеѣ. Державный страдалецъ покоится на античномъ, украшенномъ барельефами ложѣ, слегка прикрытый плащемъ главнокомандующаго; руки его скрещены на груди надъ рукоятью меча, обвитой лавровымъ вѣнкомъ. Продольные бока саркофага украшены рельефными античными фигурами: веселой хариты, слѣва отъ нея—воинственной Паллады-Аѳины, справа — богини искусства; на другой сторонѣ (невидимой на нашемъ рисункѣ): олицетвореніе правосудія и классически изящная группа переправы въ Аидъ. Лицо усопшаго монарха отличается величавымъ спокойствіемъ.

Это великолѣпное произведеніе искусства будетъ украшать склепъ покойнаго императора въ церкви Мира, въ Потсдамѣ, въ которой, ко времени постановки памятника, будетъ пристроена архитекторомъ Ю. Рамдорфомъ особая часовня-усыпальница императора Фридриха. Изображенная на нашемъ рисункѣ модель будетъ выполнена для памятника изъ каррарскаго мрамора.

А. Д. Александрова-Кочетова. (Портр. на стр. 533).

Нѣкогда знаменитая артистка, а теперь выдающійся своими серьезными достоинствами профессоръ пѣнія, г-жа Кочетова (Соколова до замужества) — уроженка Петербурга, выросла и воспитывалась въ Берлинѣ, куда переселилась ея семья. Музыкальное образованіе она получила у лучшихъ преподавателей того времени, а первымъ ея учителемъ пѣнія былъ славный Тешнеръ. Обладая прекраснымъ голосомъ, счастливою внѣшностью и крупными способностями, А. Д. Соколова тогда еще и не помышляла о сценѣ, но лишившись на двадцатомъ году отца, она увидѣла свою семью въ крайне бѣдственномъ положеніи и должна была вернуться съ нею въ Петербургъ. Здѣсь ее встрѣтилъ старый знакомый ея семьи А. Г. Рубинштейнъ, бывшій придворнымъ піанистомъ Великой Княгини Елены Павловны. Онъ доставилъ молодой пѣвицѣ случай спѣть предъ своей высокой покровительницей, и артистка при этомъ

такъ понравилась, что Великая Княгиня тотчасъ же пригласила ее къ себѣ въ качествѣ придворной пѣвицы. Ея Высочество приняла въ ней большое участіе, и А. Д. Соколова стала совершенствоваться подъ руководствомъ итальянскаго маэстро Феличе Ронкони; но еще болѣе ея музыкальному и вокальному развитію способствовало постоянное участіе въ придворныхъ концертахъ съ лучшими артистками и артистами добраго стараго времени: Кальцоларп, де-Бассини, Бозіо, Лаблашемъ и др. Временно она оставила свою вокально-артистическую дѣятельность, выйдя замужъ за г. Кочетова, но продолжала работать надъ собою дома. Овдовѣвъ черезъ семь лѣтъ, она осталась съ двумя дѣтьми на рукахъ, не имѣя ничего кромѣ пенсіи. Какъ ея семья, такъ и общество того времени косо смотрѣли на артистическую карьеру—и ей пришлось первые два года ограничивать свою дѣятельность участіемъ преимущественно въ концертахъ только-что основавшагося Русскаго Музыкальнаго Общества. Уѣхавъ въ 1865 году за-границу, она получила приглашеніе пѣть въ знаменитомъ лейпцигскомъ Gewandhaus. Ея исполненіе ораторіи „Илія“ Мендельсона-Бартольди подняло на ноги всѣхъ тогдашнихъ музыкальныхъ критиковъ. Воспользовавшись этимъ, она стала знакомить Германію съ русскою музыкою, исполняя едва ли не въ первый разъ за-границей отрывки изъ оперъ Глинки. Успѣхъ ея былъ настолько великъ, что ее пригласили еще на нѣсколько концертовъ тамъ же. Вслѣдъ затѣмъ посыпались ангажементы со всѣхъ концовъ Германіи, но свою концертную дѣятельность она должна была за-границей прекратить, такъ какъ ей сдѣланы были лестныя предложенія въ Москву на Императорскую сцену. Это давало ей возможность воспитывать дѣтей въ Россіи, и она тотчасъ же согласилась, принявъ для сцены фамилію Александровой. Выступила она на московской сценѣ въ партіи „Антониды“ 1 декабря 1865 года. Назвать ея первое появленіе только успѣхомъ нельзя. Это былъ полный тріумфъ, событіе въ музыкальномъ мірѣ. Музыкальные критики въ одинъ голосъ хвалили ее; выдающіеся писатели того времени, какъ кн. Одоевскій и гр. Сологубъ, писали о ней восторженныя статьи, отдавая справедливость ея прекрасному, сильному, ровному soprano, прекрасной методѣ и талантливости. Гр. Сологубъ сравнивалъ ее и находилъ въ ней сходство съ знаменитою Зонтагъ. Русская опера, бывшая въ загонѣ, стала тогда подыматься, и въ теченіе 12 лѣтъ г-жа Кочетова-Александрова была ея украшеніемъ. Она исполняла партіи въ „Жизни за Царя“ (Антонида), въ „Русалкѣ“ (Наташа), въ „Русланѣ и Людмилѣ“ (Людмила), въ „Фаустѣ“ (Маргарита), въ „Мазепѣ“ бар. Шеля (Марія), „Мартѣ“, „Индрѣ“, „Дѣтяхъ Степей“ (Марія), „Волшебномъ Стрѣлкѣ“ (Агата), „Карнатской Розѣ“, „Нормѣ“, „Лучіи“, „Лукреціи Борджіа“, „Трубадурѣ“, „Донъ-Жуанѣ“ (донна Анна и донна Эльвира), „Гугенотахъ“ (королева), „Аскольдовой могилѣ“, „Громобоѣ“ и мн. др. Лучшими партіями ея репертуара были: Антонида, Маргарита („Фаустъ“) и Норма. Ей приходилось гастролировать и за-границей, между прочимъ въ Прагѣ, гдѣ неожиданно австрійское правительство запретило „Жизнь за Царя“ и „Русалку“ на русскомъ языкѣ, г-жѣ Кочетовой пришлось разучить въ нѣсколько дней и исполнять партіи Антониды и Наташи по-чешски. Съ основаніемъ Московской консерваторіи г-жа Кочетова была приглашена туда въ качествѣ профессора и преподавала тамъ тринадцать лѣтъ. Оставивъ консерваторію, она отдалась исключительно частной педагогической дѣятельности и въ ея лицѣ наше вокальное образованіе имѣетъ крупную, выдающуюся силу. Она дала не мало артистовъ какъ русскимъ Императорскимъ сценамъ, такъ провинціальнымъ и заграничнымъ. Припомнимъ ея дочь З. Р. Кочетову, Кадмину, Пускову, Свѣтловскую; Хохлова, Корякина, Абрамова, пѣвшихъ или и теперь поющихъ на нашей казенной сценѣ. Г-жа Кочетова, Абрамовъ и Свѣтловская составили и за-границей хорошее артистическое имя. Въ провинціи подвизались г-жа Байкова, Фрейлихъ-Соколова, Бѣляева и др. Изъ числа оканчивающихъ у нея свое музыкально-вокальное образованіе назовемъ многообѣщающихъ г-жъ Шеръ и Одляницкую; гг. Гончарова и Салтыкова. О достоинствахъ методы г-жи Александровой-Кочетовой говорилось и писалось такъ много, имя ея настолько извѣстно и популярно, что излишне прибавлять еще что-нибудь къ сказанному нами. Въ концѣ нынѣшняго года исполнится двадцатипятилѣтіе ея артистической дѣятельности въ Москвѣ. Г-жа Александрова-Кочетова еще полна силъ и энергіи и работаетъ на своемъ поприщѣ съ истинно молодымъ рвеніемъ. Можно надѣяться, что она долго и много послужитъ еще русскому искусству съ такою же честью, съ какою служила ему до сихъ поръ.

Н. И. Арди. (Портр. на стр. 533).

Русская драматическая сцена въ Петербургѣ, столь небогатая выдающимися талантами, понесла еще одну потерю въ лицѣ, скончавшагося 10 апрѣля текущаго года, артиста императорскихъ театровъ Н. И. Арди, въ послѣднее время, за болѣзнію, довольно рѣдко появлявшагося на театральныхъ подмосткахъ. Николай Ивановичъ Арди родился въ 1834 году и поступилъ на сцену еще юношей, когда ему еще не было полныхъ двадцати двухъ лѣтъ, по неудержимой страсти къ театру. Прослуживъ лѣтъ шестнадцать на лучшихъ провинціальныхъ сценахъ, Харьковской, Одесской, Казанской, гдѣ онъ игралъ комическія роли, преимущественно въ водевиляхъ, и стяжалъ себѣ довольно громкую извѣстность, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ для дебюта на императорской сценѣ. Въ то время оперетка была еще въ фаворѣ, и Арди, имѣя хорошій голосъ, дебютировалъ въ „Птичкахъ пѣвчихъ“, избравъ роль Пикилло, 22 ноября 1871 года. Его голосъ, мягкій, бархатистый tenorino, его бойкость, развязность, умѣнье держаться на сценѣ—сразу расположили къ нему публику, и дебютантъ имѣлъ большой успѣхъ. Всѣ тогдашніе рецензенты говорили единогласно объ артистѣ, какъ объ опереточномъ пѣвцѣ, находили, что регистръ его голоса довольно обширенъ, высокія ноты отличаются замѣчательною пріятностью, берутся легко и что фразировка у него превосходная. Но объ игрѣ его упоминали вскользь. Однако, когда Арди бросилъ оперетку и перешелъ на бытовыя роли, главнымъ образомъ репертуара Островскаго, всѣ признали его комическій талантъ, и артистъ скоро сдѣлался любимцемъ публики, актеромъ положительно незамѣнимымъ въ нѣкоторыхъ роляхъ: разбитныхъ военныхъ писарей, подкутившихъ купчиковъ, пьяненькихъ мужичковъ и проч. Въ піесахъ „Налетѣлъ съ ковшомъ на брагу“, „Въ камерѣ мироваго судьи“, „Паутина“ (Ягодкинъ), „Горькая судьбина“ и друг. онъ положительно былъ неподражаемъ. Прекрасно исполнялъ онъ и роли Аркадія Счастливцева въ комедіи „Лѣсъ“ и Разлюляева въ „Бѣдность не порокъ“. Широкая удаль, заразительная веселость, внѣшнія свойства комизма—были отличительными чертами его таланта. Къ недостаткамъ его слѣдуетъ отнести излишній шаржъ, къ которому онъ прибѣгалъ въ нѣкоторыхъ роляхъ, напримѣръ, въ роли Никашки въ „Горькой судьбинѣ“, гдѣ онъ былъ такъ натураленъ въ 1 дѣйствіи. Н. И. Арди особенно любила публика изъ купечества, иногда посѣщавшая Александринскій театръ единственно затѣмъ, чтобы посмотрѣть на своего любимца. Н. И. Арди имѣлъ немалый успѣхъ также и въ качествѣ пѣвца русскихъ пѣсенъ, въ тѣ дни, когда концерты съ исполненіемъ куплетовъ были въ большой модѣ. Въ декабрѣ 1880 года Арди скромно праздновалъ свой двадцатипятилѣтній юбилей служенія искусству, которому служилъ неутомимо, переигравъ до 120 характерныхъ ролей.

П. Б.

Политическое обозрѣніе.

Спокойная и миролюбивая политика Россіи не даетъ покоя на Западѣ, и отъ времени до времени непремѣнно появляются въ заграничныхъ газетахъ сенсаціонныя извѣстія о происходящихъ будто-бы перемѣнахъ въ ней. Къ числу такихъ легендарныхъ слуховъ надо отнести сообщеніе вѣнскаго корреспондента лондонской *Times*, которому будто-бы извѣстно, что панславистской мечтѣ о франко-русскомъ союзѣ теперь наступилъ конецъ. Вслѣдъ за этою баснею *Figaro*, про который только что извѣстили нѣмецкія газеты, что онъ самый любимый Германскимъ императоромъ французскій журналъ, напечаталъ сообщеніе своего гамбургскаго сотрудника, старающагося перещеголять своего вѣнско-британскаго собрата. То, что́ послѣдній высказываетъ лишь въ предсказательной формѣ, корреспондентъ *Figaro* выдаетъ уже за совершившійся фактъ, при чемъ, какъ на источникъ, ссылается на лицъ поддерживающихъ сношенія съ Фридрихсруэ, и говоритъ, будто бы Россія отнынѣ будетъ оказывать политикѣ тройственнаго союза нравственную поддержку и воздержится отъ всякаго союза, могущаго служить противовѣсомъ этой политикѣ. Несмотря на всю вздорность этихъ сообщеній, они не прошли не замѣченными печатью, и *Journal des Débats* въ цѣлой статьѣ, перепечатанной нашимъ *Journal de St.-Pétersbourg*, опровергаетъ мнимыя разоблаченія вѣнскаго корреспондента *Times* о новомъ направленіи русской политики. „Вѣнскій корреспондентъ *Times*, пишетъ между прочимъ *Journal des Débats*, выпалилъ большую новость, извѣстивъ „„на основаніи самыхъ благонадежныхъ свѣдѣній““, что „„Царь готовится совершить полную перемѣну фронта въ иностранной политикѣ, которой Россія слѣдовала съ 1875 года и которая была направлена къ союзу съ Франціей““. Однимъ изъ признаковъ, которые помогли корреспонденту *Times* совершить это великое открытіе, оказалось умалчиваніе о болгарскомъ вопросѣ въ тронной рѣчи императора Вильгельма. До сихъ поръ—говоритъ этотъ прозорливый публицистъ—князь Бисмаркъ имѣлъ обыкновеніе изображать Болгарію какъ предметъ не представляющій никакого интереса для Германіи. Въ нынѣшнемъ году императоръ вовсе не говоритъ о Болгаріи и такое молчаніе означаетъ, будто бы, что Германія придаетъ величайшее значеніе всему тому, что творится въ Софіи. „„Какъ бы тамъ ни было—говоритъ въ заключеніе авторъ посланной въ *Times* телеграммы—панславистской мечтѣ о франко-русскомъ союзѣ наступилъ теперь конецъ““. Для того, однако, чтобы его сенсаціозное извѣстіе имѣло видъ

извѣстія серьезнаго, и для того, чтобы „перемѣна фронта", о которой онъ говоритъ, была „полною", необходимо, чтобы было выполнено одно предварительное условіе, а именно, надо было доказать, что съ 1875 г. „русская политика стремилась къ союзу съ Франціей". Еслибъ это „стремленіе" дѣйствительно существовало, то достиженіе цѣли не потребовало бы пятнадцати лѣтъ времени. Дѣло, однако, въ томъ, что между Парижемъ и Петербургомъ о дипломатическихъ соглашеніяхъ никогда не было и рѣчи и что Россія всегда сохраняла за собою полную свободу дѣйствій. Прежде чѣмъ предполагать, что она собирается отказаться отъ такого образа дѣйствій, должно обождать заявленій болѣе авторитетныхъ и не такихъ ребяческихъ доказательствъ, какъ доказательства, приводимыя вѣнскимъ корреспондентомъ *Times*".

Германскій рейхстагъ продолжаетъ обсуждать законопроектъ

Гробница императора Фридриха. Съ модели проф. Рейнгольда Бегаса.

объ усиленіи мирнаго состава арміи. Въ одномъ изъ засѣданій Либкнехтъ высказалъ сѣтованіе по поводу тяжести налоговъ, вызываемыхъ милитаризмомъ, и упрекнулъ Германію въ угодливости передъ Россіею. Противъ этого возсталъ Генель, заявивъ, что Франція постоянно стремилась оттѣснить Германію въ отношеніяхъ къ Россіи. Генель и Кардорфъ представили возраженія противъ нападокъ Либкнехта на политику князя Бисмарка, доказывая, что именно самъ Либкнехтъ хочетъ побудить къ войнѣ съ Россіей. Имперскій канцлеръ Каприви сказалъ, что во внѣшней политикѣ не произошло со времени удаленія князя Бисмарка никакихъ измѣненій и что она опирается на собственную силу Германіи и на ея союзы, съ которыми народъ все болѣе сживается. Внося военный законопроектъ—пояснилъ имперскій канцлеръ—правительство имѣло въ виду не близость войны, а трудность ея предотвращенія. „Кровопусканіе", saigner à blanc,—сказалъ Каприви—въ случаѣ войны не остановилось-бы также и передъ соціалъ-демократами. Далѣе канцлеръ отвергъ предложеніе, будто Германія когда нибудь ощущала потребность въ удлиненіи своего балтійскаго побережья, какъ это требовалось недавно въ одной брошюрѣ, гдѣ высказывалось желаніе, чтобы германизующая дѣятельность распространилась далеко вглубь славянства и чтобы восточно-германское побережье было удлинено. Пренія завершились передачею законопроекта въ 28-членную коммисію.

Этимъ не ограничились заявленія генерала Каприви о тройственномъ союзѣ и когда предсѣдатель военной коммисіи рейхстага передалъ имперскому канцлеру выраженное нѣсколькими членами коммисіи желаніе получить свѣдѣнія о политическомъ положеніи, то имперскій канцлеръ отвѣтилъ письменно, что, къ сожалѣнію, онъ не можетъ дать подробныхъ свѣдѣній; что-же касается спеціально тройственнаго союза, то онъ можетъ только повторить всѣмъ извѣстный фактъ, что союзъ этотъ существуетъ попрежнему и что въ взаимныхъ отношеніяхъ союзниковъ никакихъ перемѣнъ не произошло.

Пресловутый процессъ Паницы наконецъ близокъ къ окончанію. 28 марта слѣдственная коммисія по дѣлу Паницы окончила возложенное на нее порученіе. На допросѣ подсудимые заявили, что они ничего не могутъ прибавить къ сдѣланнымъ ими раньше показаніямъ. Докладъ коммисіи затѣмъ былъ врученъ военному министру, который препроводилъ его къ государственному прокурору. 21 апрѣля полковникъ Петровъ, начальникъ главнаго штаба, былъ назначенъ предсѣдателемъ, а маіоръ Драндаревскій, бригадный командиръ въ Рущукѣ—вице-предсѣдателемъ военнаго суда по дѣлу Паницы. Членами суда назначены маіоры: Маршовъ, Петровъ, Топчевъ и Андреевъ; членами-замѣстителями: маіоры Волковъ и Голянскій. Обвинять будетъ поручикъ Марковъ. Составъ суда, въ которомъ засѣдаютъ лица явно не расположенныя къ Паницѣ, заранѣе позволяетъ догадываться объ исходѣ процесса. Когда стало извѣстно содержаніе обвинительнаго акта, то французская печать единогласно признала его ворохомъ грубой лжи, оглашенной съ цѣлью нанести оскорбленіе русскому чувству. Самый процессъ начался 8 мая. По свѣдѣніямъ изъ Софіи, при открытіи засѣданія суда, защитники Паницы потребовали, чтобы судъ былъ признанъ некомпетентнымъ. Прокуроръ оспаривалъ это требованіе, которое и было отвергнуто, послѣ чего судебное разбирательство продолжалось. Подсудимый Колобковъ потребовалъ отвода предсѣдателя и двухъ членовъ суда, но судъ заявилъ, что подобныхъ жалобъ онъ не допускаетъ. Тогда одинъ изъ адвокатовъ Колобкова, ссылаясь на нѣкоторыя выраженія, употребленныя въ обвинительномъ актѣ, заявилъ, что Колобкова должно считать принадлежащимъ къ личному составу русской миссіи въ Бухарестѣ, а потому онъ долженъ пользоваться предоставляемымъ капитуляціями правомъ экстерриторіальности. Колобковъ присоединился къ заявленіямъ своего защитника и просилъ судъ и делегата германскаго консульства принять эти заявленія къ свѣдѣнію. Прокуроръ Марковъ назвалъ эти требованія нелѣпыми, причемъ заявилъ, что всѣмъ извѣстно, что Колобковъ — виноторговецъ, имѣющій жительство въ Рущукѣ, и что

онъ никогда не былъ акредитованъ въ качествѣ консула, вице-консула или чего-либо подобнаго. Въ виду этого, прокуроръ предложилъ суду оставить такую просьбу безъ послѣдствій. Судъ согласился съ мнѣніемъ прокурора, послѣ чего было приступлено къ чтенію обвинительнаго акта.

Послѣ чтенія обвинительнаго акта началось судебное разбирательство, продолжавшееся съ 3-хъ часовъ пополудни до полуночи. Паница показалъ, что намѣревался произвести государственный переворотъ, но отрицалъ всякіе переговоры для этой цѣли съ иностранными державами. О посягательствѣ на жизнь принца никогда не было и рѣчи; были, напротивъ, приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы избѣгнуть кровопролитія. Паница неоднократно обмѣнивался взглядами съ полковникомъ Кисовымъ и они рѣшили произвести государственный переворотъ. Паница признался, что онъ производилъ среди офицеровъ постоянную агитацію и что уже все было готово. Кисовъ долженъ былъ быть назначенъ главнокомандующимъ, Паница—комендантомъ Софіи. Далѣе Паница заявилъ, что всегда трудился на пользу отечества. На обращенный къ нему вопросъ относительно его сообщниковъ, Паница рѣшительно отказался отвѣчать. Онъ, повидимому, желаетъ принять на себя полную отвѣтственность за все и старается оправдать прочихъ подсудимыхъ. Какъ совершить переворотъ существовало нѣсколько плановъ. Тотчасъ по совершеніи переворота предполагалось сформировать коалиціонное министерство и предложить Россіи назначить кандидата на болгарскій престолъ. Еслибъ Россія отказалась указать на серьезнаго кандидата, въ такомъ случаѣ временное правительство должно было приступить къ свободнымъ выборамъ и созвать собраніе, которое, безъ сомнѣнія, избрало бы принца Баттенберга. Паница присовокупилъ, что генералъ Домонтовичъ, съ которымъ онъ лично знакомъ, долженъ былъ прибыть въ Софію въ качествѣ дипломатическаго агента, но съ цѣлью возстановленія дружественныхъ отношеній между обоими государствами, а не какъ временный правитель. Онъ, Паница, никогда не допустилъ бы, чтобы Россія стала управлять болгарскими дѣлами.

Александра Доримедонтовна Кочетова (Александрова).
Съ фот. Асикритова, грав. Шюблеръ.

Н. И. Ардн († 10 апр. 1890).
Съ фотогр. Шапиро, грав. Шюблеръ.

Библіографія.

Казань въ ея прошломъ и настоящемъ. Очерки по исторіи, достопримѣчательностямъ и современному положенію города, съ приложеніемъ краткихъ адресныхъ свѣдѣній. Съ 8 видами города Казани. Составилъ М. Пинегинъ. СПБ. Изданіе А. А. Дубровина. Цѣна 2 р.

Нельзя не порадоваться все болѣе и болѣе частому, съ легкой руки П. Н. Батюшкова, появленію у насъ монографій посвященныхъ различнымъ областямъ и даже городамъ нашего обширнаго и въ огромной долѣ все еще мало извѣстнаго намъ отечества. Къ числу такихъ отрадныхъ литературныхъ явленій принадлежитъ и вышеназванная книга. Замѣчательно дешевый сравнительно съ роскошью изданія, объемистый томъ въ 600 слишкомъ страницъ, заключаетъ въ себѣ полную исторію города Казани, начиная со временъ Булгарскаго государства, легенды объ основаніи Казани, возобновленіе ея въ 1445 году и начало Казанскаго царства, борьбу его съ Московскимъ государствомъ, осаду и взятіе Казани Грознымъ, полное описаніе кремля, посада и края въ XVI в., распространеніе христіанства въ XVI и XVII вв., просвѣтительную дѣятельность русскихъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ, основаніе гимназій, посѣщеніе города Екатериною II, разгромъ Пугачевымъ, учрежденіе духовной академіи и университета и характеристику казанскаго общества сороковыхъ годовъ. Этотъ историческій отдѣлъ обнимаетъ 23 главы и 336 страницъ. Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе достопримѣчательностей Казани, сопровождаемое прекрасно исполненными иллюстраціями, и обзоръ современнаго положенія Казани, заключающій въ себѣ 7 главъ, два приложенія къ нимъ и адресъ-календарь города.

Смѣсь.

Саутъ-Кенсингтонскій профессоръ Бойзъ, посредствомъ крайне чувствительнаго инструмента, измѣрилъ тепло получаемое землей отъ луны. Оно равняется тому, какое получилось-бы отъ горящей свѣчи на разстояніи 21 фута. Хотя поверхность луны въ теченіе 14 дней нагрѣвается солнцемъ съ безоблачнаго неба, но также быстро теряетъ полученную теплоту и остается сравнительно холодною. (е).

Подводная желѣзная дорога. По словамъ иностранныхъ газетъ, въ послѣднее время на испанскомъ берегу, недалеко отъ Бильбао, дѣйствуетъ подводная желѣзная дорога. Прибой здѣсь такъ силенъ и дно такъ мелководно, что суда не могутъ подходить грузить

руду изъ тамошнихъ рудниковъ, которую между прочимъ въ большихъ количествахъ употребляетъ Круппъ на своихъ заводахъ. Поэтому, до мѣста остановки судовъ, въ море проложены рельсы. По этимъ рельсамъ, которые, какъ кажется, держатся только своею собственною тяжестью, движется вагонъ съ высокимъ помостомъ, служащимъ подставкой для другаго вагона-ящика, вмѣщающаго 2,000 центнеровъ руды, которая нагружается при помощи жолоба съ высоты береговыхъ скалъ. Затѣмъ вагонъ отцѣпляется и медленно катится по рельсамъ къ якорной стоянкѣ судовъ, гдѣ ящикъ разгружается. Весьма остроумно приспособленіе для обратнаго движенія вагона: къ нижнему вагону прикрѣпленъ проволочный канатъ, который соединяется, проходя чрезъ блокъ, съ тремя вагонами, движущимися по наклонному пути вырубленному въ скалѣ. Когда же ящикъ наполненъ рудой, то помостъ имѣетъ такую тяжесть, что втаскиваетъ эти вагоны въ гору. Они служатъ въ то-же время для замедленія хода помоста; иначе онъ могъ бы перейти за конецъ рельсовъ. Помостъ даже при бурной погодѣ дѣлаетъ до 50 рейсовъ въ сутки, и такимъ образомъ нагружаетъ до 100,000 центнеровъ руды. (с.)

Въ ряду другихъ анекдотовъ о Бисмаркѣ разсказываютъ въ настоящее время о томъ, какимъ образомъ д-ръ Швенингеръ сдѣлался его домашнимъ врачемъ. Старѣющій канцлеръ сильно страдалъ подагрой и нервными болями, которыя усиливались еще отъ того, что онъ много работалъ, хорошо ѣлъ и пилъ и сильно курилъ. Ни одинъ врачъ не могъ помочь ему, пока не явился баварецъ, д-ръ Швенингеръ, который нашелъ больнаго въ весьма плохомъ, почти безнадежномъ состояніи. Онъ сталъ разспрашивать громко стонавшаго паціента о его образѣ жизни. Бисмарку это очень не понравилось и онъ отказался отвѣчать. „Въ такомъ случаѣ, возразилъ докторъ, — вамъ лучше всего позвать ветеринара; онъ не разспрашиваетъ своихъ паціентовъ.“ Бисмаркъ въ первую минуту былъ пораженъ такимъ грубымъ отвѣтомъ; но потомъ расхохотался, не смотря на боли, и грубый баварецъ остался до сихъ поръ его домашнимъ врачемъ. (с.)

Въ числѣ пѣвцовъ королевской италіанской оперы въ Лондонѣ, въ нынѣшнемъ сезонѣ, открывающемся 19 (7) мая, выступятъ русскіе пѣвцы, гг. Виноградовъ и Абрамовъ.

Алгебраическая задача № 29.

Н. В. П.

Найти десять буквъ на томъ условіи, что если ихъ замѣнить числами соотвѣтственно мѣстамъ ихъ въ русской азбукѣ, то можно замѣтить между такими числами слѣдующія соотношенія:

1) Упятеренное первое число равно разности квадратовъ чиселъ четвертаго и третьяго.

2) Отношеніе девятаго числа къ разности втораго и шестаго равно значенію дроби $\frac{36a - 4a^3}{4a^3 - 108}$ при $a = 3$.

3) Разность квадратовъ чиселъ восьмаго и пятаго равна 128, а отношеніе суммы этихъ чиселъ къ ихъ разности равно 8.

4) Сумма чиселъ седьмаго и девятаго равна первому.

5) Квадратный корень изъ суммы втораго и послѣдняго равенъ произведенію $\left(\frac{1}{6}\sqrt{30} - \frac{1}{3}\sqrt{3} + \frac{1}{2}\sqrt{2}\right)\left(2\sqrt{5} + \sqrt{8} - \sqrt{12}.\right)$

6) Разность чиселъ седьмаго и десятаго равна x уравненія

$$\sqrt{4^{8x^2 + 7x - 0,8}} = \sqrt[5]{2}.$$

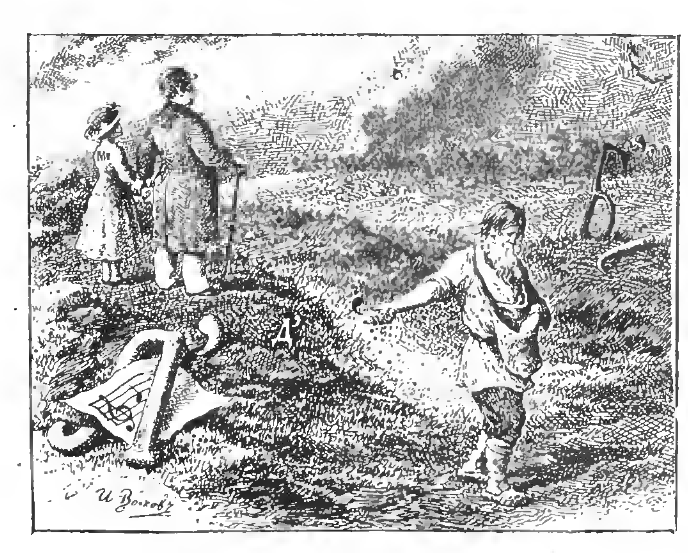
7) Первое число относится къ послѣднему, какъ пятое къ разности четвертаго и седьмаго.

8) Удвоенная разность чиселъ шестаго и девятаго равна восьмому.

9) Третье число равно тому, сколько можно составить разныхъ чиселъ изъ цифръ x уравненія $\sqrt{x + 350} - \sqrt{x - 853} = 3$, подразумѣвая при этомъ, что всѣ числа должны быть одинаковаго числа знаковъ съ x.

Изъ найденныхъ такимъ образомъ буквъ требуется составить фамилію одного изъ композиторовъ.

Ребусъ. Задача № 30.



Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногороднихъ подписчиковъ,** при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ЮЛІЯ ФЛОРАНА
основанъ въ 1849 году.
16, Большая Морская, 16,
С.-Петербургъ. Pt. № 4511.

Спеціальность мужскаго и дамскаго бѣлья и принадлежностей туалета.
ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ
для невѣстъ и новорожденныхъ.

ОТДѢЛЪ ЧУЛОЧНАГО ИЗДѢЛІЯ.

Чулки бумажн. суровые	отъ	8 —	за дюж.
Чулки бум суров. полос.	„	— 75	за пару.
Чулки бум. цвѣтн. полос.	„	— 75	„
Чулки бумажные одноцвѣтные	„	— 45	за пару
Чулки бум. одноцвѣтные	„	— 70	„
Чулки фильдекос. суров.	„	11 —	за дюж
Чулки фильдекос. одноцв.	„	— 85	за пару
Чулки фильдек. одноцв. extra	„	1 10	„
Чулки полушелковые	„	2 50	„
Чулки шелковые одноцвѣтные	„	4 —	за пару.
Носки бумажные суровые	„	2 —	за дюж
Носки бум. сур. полосат.	„	6 —	„
Носки бум. цвѣтн. полос.	„	6 75	„
Носки бум. одноцвѣтные	„	5 —	„
Носки фильдекос. суров.	„	7 —	„
Носки фильдекосовые суровые полосатые	„	8 —	„
Носки фильдекос. цвѣтные полосатые	„	8 50	„
Носки фильдек. одноцв.	„	9 —	„
Носки шелковые одноцвѣтные и фантези.			

ФРАНЦУЗСКІЯ отъ 100 р. и дор
АМЕРИКАНСКІЯ отъ 180 р. и дор.
РЕК: ВЪ БОЛЬ: ВЫБОРѢ ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬН:-ИНСТРУМЕНТ:
І.Ф.МЮЛЛЕРЪ
МОСКВА, *Петровка д: Волкова.*
Иллюстрир. Прейсъ-Курантъ
ВСѢМЪ ИНСТРУМЕНТАМЪ БЕЗПЛАТНО.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!
Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченымъ замочкомъ, проткаиные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. **Кушаки прозрачные очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.**
Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи
у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,
СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

С.ПЕТЕРБ. ВѢНА ПЕШТЪ. БЕРЛИНЪ

„ЕКСИККАТОРЪ“
1000 СВИДѢТЕЛЬСТВЪ
ПРЕДОХРАНЯЕТЪ ДЕРЕВО ОТЪ ГРИБКА
ВЫВОДИТЪ СЫРОСТЬ И ПР.
БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. ИЩУ АГЕНТОВЪ
АДР. ИНЖ. Г. РИТТЕРЪ ВАРШАВА

Съ разрѣшенія СПБ. Врачебнаго Управленія. № 4527 10—3
СВОБОДИНЪ
Средство для уничтоженія
МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.
Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.
Цѣна за флаконъ 35 коп.
Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ
А. ГЕБГАРДТЪ,
С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (19) № 4287
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

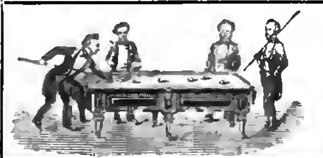
ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ
Лечебное заведеніе Д-ра Бремера. Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ,
учрежденное въ 1854 году. R. № 4457 12—8
Главный докторъ Ф. Вольфъ.
Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ находятся роскошныя виллы. Цѣны умѣренныя. Проспекты высылаетъ безплатно
Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.
При заведеніи находится русскій врачъ.
Подробности методы леченія см. 11 изд. „Die Therapie der chronischen Lungenschwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.

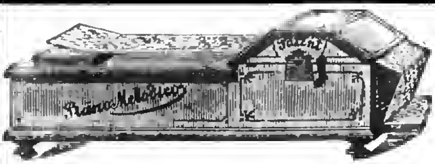
По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:
Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе, МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.
Ц. 4541 10—2

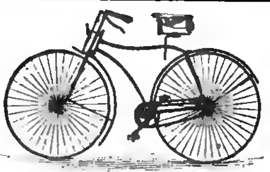
ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ,** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. *В. Аурихъ*
Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., **бензоево мыло** 35 коп. и 50 коп. кусокъ, **ово помада** (лучше кольдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—6


БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—10
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

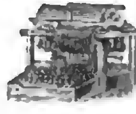

ПІАНО-МЕЛОДИКО.
Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.
Цѣна безъ нотъ **90** руб. Ноты по **80** к. за метръ (1½ арш.).
Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, В. Морская, **№ 34 и 40. —Москва,** Кузнецкій м., домъ Захарьина.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ“). 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.
Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.
имѣетъ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.
ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ
ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.
НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =
Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

* ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО *
ИНОГОРОДНИМЪ
ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННАГО ОБУЧЕНІЯ. въ 10 УРОКОВЪ
ВПОЛНѢ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.
ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ
ИСПРАВЛ. НА КРАСИВОЕ БѢГЛОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО
ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ
БУХГАЛТЕРІИ
Москва, Покровка, домъ Бутиковой.
А. С. Шиманскій.
* НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ. *

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи.
Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (19) № 4278

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва Кузнецкій мостъ. | **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

АМЕРИКАНСКАЯ ФАБРИКА
„ВАЛЬТГАМЪ“
единств. агентъ для Москвы
Э. ЛУКАЧИНИ. № 4555
Магазинъ золот. и брилліантовыхъ вещей, Пассажъ Солодовникова, 83.

САДОВАЯ 16.

Дозвол. цензур., СПБ., 16 мая 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. — г. XXI

№ 21 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 26 мая 1890 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выставка въ Императ. Академіи Художествъ. „Въ сѣнокосъ“.
Карт. И. С. Галкина, грав. Шлиперъ.

Стихотворные афоризмы.

I.
СЕРДЦЕ-РУДНИКЪ.

Сердце-рудникъ, гдѣ таятся
Часто великія силы:
То благородныхъ металловъ
Неоцѣнимыя жилы,

* * *

То хоть желѣза иль мѣди
Многополезная груда;
Дѣло въ умѣніи только,
Чтобы извлечь ихъ оттуда.

* * *

Но у инаго напрасно
Сердце до дна ты изроешь:
Кромѣ песку да каменьевъ,
Въ немъ ничего не откроешь.

II.
ПО ПУТИ.

По пути да кстати всё-то мы не прочь
Разъ побаловаться — ближнему помочь;
Но гдѣ плодъ запретный — тамъ безъ проволо́чки
Мы готовы прыгать через рвы и кочки.

В. Авенаріусъ.

Кладъ.

Романъ І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Часть II.

(Окончаніе).

VIII.

И вотъ сталъ ѣздить въ мертвый домъ товарищъ прокурора Чардашовъ. Онъ обѣдалъ у Натальи Михайловны; онъ появлялся въ ея ложѣ въ оперѣ, и своею солидностью, а можетъ-быть и другими качествами, внушилъ къ себѣ въ скоромъ времени такое довѣріе, что съ нимъ совѣтовались о дѣлахъ почти интимнаго характера.

Наталья Михайловна перемѣнила гувернантку и сказала объ этомъ Павлу Павловичу; онъ одобрилъ ея выборъ. Она попросила его найти учителя гимнастики для Юрія. Благодаря его любезной помощи, была дешево куплена на аукціонѣ у графа Менчуцкаго четверка сѣрыхъ. Кромѣ того, онъ оказывалъ разныя маленькія услуги: отъ него Наталья Михайловна узнавала—стóитъ или не стóитъ ѣхать въ концертъ и т. п.; онъ привозилъ ей букеты.

Святогорскъ обратилъ вниманіе на частыя встрѣчи Чардашова съ интересною вдовой, и многіе пожимали плечами, спѣша дѣлать отсюда выводы, которые, пожалуй, удивили-бы Наталью Михайловну и Павла Павловича. Чардашова не любили въ обществѣ. Хотя къ нему нельзя было придраться и онъ велъ себя со внѣшней стороны безукоризненно честно, но въ немъ какъ-бы чувствовался недостатокъ врожденнаго благородства. Какъ товарищъ прокурора, онъ былъ сухъ и жестокъ. Его называли іезуитомъ, и никто, кому онъ подавалъ руку, горячо не пожималъ ее. Отъ него вѣяло холодомъ и себялюбіемъ; у него не было друзей, и онъ самъ не искалъ ихъ.

Валерьянъ, узнавъ, что Чардашовъ бываетъ у его сестры, задумался. У него мелькнула мысль, что странныя показанія печника Михайлыча извѣстны уже товарищу прокурора и что этотъ Чардашовъ хочетъ воспользоваться ими, чтобы, подобно самому Валерьяну, ловить рыбу въ мутной водѣ.

Валерьянъ судилъ о другихъ по себѣ.

Онъ увидѣлъ въ Павлѣ Павловичѣ опаснаго соперника. Его вліянію онъ приписывалъ паденіе своихъ фондовъ у сестры, которая со дня на день отсрочивала выдачу обѣщанной крупной суммы. На самомъ-же дѣлѣ, онъ ошибался: Наталья Михайловна вела себя осторожно и рѣшительно никого не посвящала въ свои отношенія къ брату. Она угадала, что подъ назойливой наглостью Валерьяна скрывается слабость, и тянула время, чтобы убѣдиться въ этомъ.

— Послушай, Натали, началъ онъ однажды, добившись съ нею свиданія,—я считалъ тебя гораздо умнѣе. Понимаешь-ли ты, чтó такое терпѣніе? У меня бываютъ минуты, когда я философствую, и вотъ я тебѣ скажу, какъ мнѣ удалось опредѣлить, чтò такое терпѣніе. Терпѣніе, Натали, это резиновая нитка, которую можно растягивать довольно долго; но, въ концѣ концовъ, она разорвется и пребольно ударитъ по рукамъ. Береги свои руки, сестрица.

— Я хотѣла-бы знать, есть-ли у тебя хоть немножко совѣсти, кромѣ резиновой нитки? спросила Наталья Михайловна съ тѣмъ холоднымъ и сдержанно-злымъ выраженіемъ глазъ, которое внушало Валерьяну еще въ дѣтствѣ вражду къ сестрѣ.

— Совѣсть — отвлеченная вещь и не намъ съ тобой о ней говорить, сказалъ онъ. — Ты дала мнѣ возможность нѣсколько мѣсяцевъ пожить, какъ мнѣ хотѣлось, и теперь „сокращаешь“ меня. Каждый день мнѣ даютъ понять, что я больше не хозяинъ. Пожалуйста, хозяйничай, но не забывай, что мнѣ стóитъ дунуть—и все твое хозяйство разлетится какъ карточный домикъ.

Для большей убѣдительности онъ дунулъ на свои пальцы и, заложивъ руки въ карманы, взволнованно продолжалъ:

— Никакіе прокуроры, ни блондины цвѣта молока, ни брюнеты черные какъ сажа, не спасутъ тебя, если терпѣніе мое лопнетъ. Скажи мнѣ опредѣленно: когда и сколько?

— Никогда и нисколько, произнесла Наталья Михайловна съ блѣдной улыбкой, желая испытать, какое впечатлѣніе произведутъ на братца эти короткія слова.

Онъ круто повернулся на каблукахъ. Ему хотѣлось бы быть грознымъ и страшнымъ.

— Это твое послѣднее слово?

Наталья Михайловна подумала о резинкѣ: „порвется или не порвется? Ничего—не порвется!“ и отвѣтила:

— Да, это мое послѣднее слово.

— Ну, а мое слово впереди! сказалъ Оскольцевъ, сѣлъ рядомъ съ сестрой и, прежде чѣмъ она успѣла отстраниться, крѣпко схватилъ ее за обѣ руки.

— Недѣли не пройдетъ, какъ твой Юрій перестанетъ быть княземъ и будетъ нищимъ! вскричалъ онъ.

— Да, ты можешь это сдѣлать, преодолѣвая себя и стараясь быть спокойною, произнесла Наталья Михайловна. — Но дальше чтò? Тебѣ нѣтъ дѣла до другихъ; но чтò будетъ съ тобой? Подумай — ты теперь обезпеченъ. Я не даю тебѣ безумныхъ денегъ, но вѣдь ты живешь, какъ большой баринъ: у тебя лошади, слуги, ты занимаешь цѣлый этажъ, а тогда гдѣ ты очутишься самъ? Маркеромъ въ какой-нибудь гостиницѣ! Ты воленъ поступить, какъ тебѣ прикажетъ твоя глупая злость. Вѣдь ты и убить меня можешь. Но надо же быть настолько эгоистомъ, чтобы не забывать о завтрашнемъ днѣ. Неужели ты не эгоистъ?

Она разсмѣялась и высвободила руки, потому что въ это время пальцы Валерьяна ослабли.

— Ты сильнѣе меня, сказалъ онъ послѣ паузы, впадая въ примирительный тонъ. — Ты разсуждаешь благоразумно, Натали, но, все-таки, не упускай изъ виду, что я мстителенъ, а месть — страсть, которою трудно владѣть.

— Я не знала, что месть—страсть, возразила Наталья Михайловна.—Во всякомъ случаѣ, мнѣ не за чтò мстить. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время деньги ты получишь и уѣдешь. Я женщина, а потому самолюбива. Я добилась своего: ты призналъ мою силу. Прощай, Валерьянъ.

Истекъ январь и наступала Масляница. Бальный сезонъ въ Святогорскѣ былъ въ разгарѣ. Наталья Михайловна должна была сдѣлать вечеръ у себя. Она хотѣла, чтобы вечеръ обошелся недорого. Но ей пришлось сдѣлать уступку Валерьяну, который настоялъ на томъ, чтобы вечеръ былъ блистательный и чтобы его, по справедливости, можно было назвать баломъ. Валерьяну не трудно было побѣдить Наталью Михайловну, потому что она была все же молодая женщина и, быть можетъ, потребность блеснуть могла быть у ней вызвана еще такими соображеніями, о которыхъ Валерьянъ изъ деликатности не имѣлъ права догадываться.

IX.

О балѣ въ мертвомъ домѣ начали говорить въ Святогорскѣ за двѣ недѣли, и даже въ мѣстномъ листкѣ въ фельетонѣ появилось о немъ извѣстіе. Валерьянъ былъ какъ рыба въ водѣ. Онъ хлопоталъ, ѣздилъ, убралъ залу растеніями. Натальѣ Михайловнѣ онъ далъ слово, что не выйдетъ изъ смѣты и вышелъ два раза. Наконецъ, все было готово, и приглаше-

нія разосланы. Балъ былъ назначенъ въ воскресенье на Масляницѣ.

Это былъ обыкновенный провинціальный аристократическій балъ съ неизбѣжнымъ околоточнымъ у подъѣзда, убраннаго полосатымъ тикомъ, съ освѣщеніемъ „a giorno“, съ оркестромъ на хорахъ, съ суетливыми официантами во фракахъ и нитяныхъ перчаткахъ, съ декольтированными дамами, съ польскимъ, съ вальсами, съ кадрилями и мазуркой и, наконецъ, съ ужиномъ, а также съ неизбѣжными сплетнями подъ шумокъ, со скоротечными романами подъ темпъ вальса и съ какимъ-нибудь маленькимъ инцидентомъ въ родѣ легкаго злоупотребленія буфетомъ и слишкомъ усерднаго ангажированія одной и той-же дамы. Царицей бала, по праву, должна была быть хозяйка; какъ-бы въ ожиданіи торжества, она надѣла на свои густые черные волосы маленькую брилліантовую діадему. Но съ самаго-же начала вечера Наталью Михайловну затмила святогорская красавица Шиллеръ. Эта Шиллеръ была дочерью вице-губернатора; уже нѣсколько лѣтъ, какъ она блистала на святогорскомъ горизонтѣ звѣздою первой величины; и не только ея красота, но и привычка властвовать на балахъ, облегчила ей теперь, какъ и всегда, побѣду. Наталья Михайловна, которая, подобно всякой современной хозяйкѣ, пригласила гостей для собственнаго удовольствія, была непріятно смущена первенствомъ Шиллеръ, въ особенности, когда она замѣтила, что Павелъ Павловичъ Чардашовъ оказываетъ вниманіе этой дѣвушкѣ. Чардашовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ серьезныхъ молодыхъ людей, которые спроста ничего не дѣлаютъ. Натальѣ Михайловнѣ удалось, наконецъ, отвлечь Павла Павловича.

— Княгиня, вы хотите мнѣ что-то сказать? спросилъ онъ, идя подъ руку съ нею.

— Хочу сказать и не хочу, произнесла съ ревнивой улыбкой Наталья Михайловна.

— Такъ говорите. А не то я попрошу позволенія сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Да? Я охотно васъ выслушаю.

— Никто намъ не помѣшаетъ?

— Мнѣ кажется, можно разсчитывать на деликатность моихъ гостей. Впрочемъ, пройдемте дальше.

Она привела его рядомъ комнатъ въ продолговатую гостиную, тускло освѣщенную китайскимъ фонаремъ, сѣла сама и указала на кресло Чардашову.

— Ну, я слушаю... Что-же?.. Или вы до сихъ поръ не можете стряхнуть съ себя чаръ Mademoiselle Шиллеръ?

Чардашовъ озабоченно выслушалъ замѣчаніе Натальи Михайловны и вдругъ спросилъ:

— Не это-ли окно выходитъ въ садъ?

— Да, оно выходитъ. Но что̀ за вопросъ?

— Для меня, и еще болѣе для васъ, онъ имѣетъ значеніе. Не находите-ли вы, что эта угловая печь нѣсколько безобразитъ гостиную?

— Нахожу и, должно быть, я ее велю сломать. Только зимой неудобны капитальныя передѣлки... Но, Боже, какіе все вопросы!

— А съ другой стороны, невозмутимо продолжалъ Чардашовъ,—жаль трогать эту печь.

— Почему?

— Она хорошей нѣмецкой работы, какъ выразился бы печникъ. Другаго аргумента въ ея защиту у меня нѣтъ.

Наталья Михайловна пожала плечами.

— Все-таки я ровно ничего не понимаю.

Чардашовъ взялъ руку Натальи Михайловны и сказалъ:

— Я кое въ чемъ передъ вами виноватъ. Но не судите меня строго. Очевидно, вы ровно ничего не знаете. Или... знаете, да не все. Тѣмъ лучше для васъ и тѣмъ хуже для другихъ. Что-же касается Mademoiselle Шиллеръ, то вы напрасно хотѣли уколоть меня. Я вчера сдѣлалъ ей предложеніе, и она моя невѣста.

Послѣдняя новость заставила Наталью Михайловну забыть странный разговоръ Чардашова о печкѣ нѣмецкой работы. Молодая женщина можетъ-быть не вышла бы замужъ за Чардашова, если-бы онъ попросилъ ея руки. Но теперь ей было досадно и даже почти больно. Чтобы какъ-нибудь отомстить ему, она, вставая и выходя съ нимъ изъ гостиной, спросила съ улыбкой, повидимому, непринужденною:

— Выборъ прекрасный... Но она не красится, эта ваша Миллеръ или Шиллеръ?

— Нѣтъ. У ней совершенно натуральный цвѣтъ лица. Цвѣтъ молодости и здоровья. Въ тридцать лѣтъ трудно имѣть такой цвѣтъ лица, а ей всего двадцать два. Для ея лѣтъ, по крайней мѣрѣ, натурально.

Такимъ образомъ балъ Натальи Михайловны не принесъ ей ничего, кромѣ расходовъ и огорченій. Онъ поздно кончился. Со странною тревогой на душѣ заснула Наталья Михайловна. Ей снились тяжелые сны и два раза она просыпалась въ слезахъ.

На другой день часовъ въ двѣнадцать ее пробудилъ стукъ въ дверь. Вошла ея камеристка, опрятная, круглолицая швейцарка Луиза. Наталья Михайловна хотѣла ей сдѣлать выговоръ, зачѣмъ она входитъ и что̀ ей надо, но лицо швейцарки было такъ испуганно и блѣдно, что Наталья Михайловна привстала на постели и, изъ торопливыхъ объясненій ея, поняла, что въ домѣ полиція. Она одѣлась. Подозрѣніе, что Валерьянъ измѣнилъ ей и выдалъ ея тайну, мучительно овладѣло ею. Тысячи мелкихъ и ненужныхъ подробностей замелькали въ ея памяти и, дрожа какъ въ лихорадкѣ, она велѣла ввести частнаго пристава.

Приставъ, низко кланяясь, извинился, что потревожилъ ее, и сослался на долгъ службы.

— Есть подозрѣніе, ваше сіятельство, говорилъ онъ,— что въ домѣ, который вы изволите занимать, совершено загадочное преступленіе. Будьте спокойны, лично васъ это обстоятельство ни въ какомъ случаѣ касаться не можетъ. Однако, я долженъ произвести актъ дознанія и сдѣлать, съ вашего разрѣшенія, обыскъ.

— Вы не ошибаетесь, что преступленіе меня не касается и благодарю васъ за любезность, произнесла Наталья Михайловна, дѣлая надъ собой усиліе и стараясь быть равнодушною.—Почему же, однако, я ничего не знала раньше объ обыскѣ? Почему меня не предупредили? Все это ужь похоже на дерзость.

Приставъ поклонился и развелъ руками.

— Мое дѣло только повиноваться. Мнѣ предписано, и вы видите предъ собою слѣпое орудіе судебной власти.

Довольный своей отточенною фразой, приставъ не то плутовски, не то подобострастно посмотрѣлъ на княгиню.

— Что̀ же вамъ нужно лично отъ меня? спросила она.

— Я ужь имѣлъ счастіе вамъ заявить, что лично мнѣ ничего отъ васъ не надо. Я, такъ сказать, только слѣпое орудіе, повторилъ онъ и на мгновеніе выразительно закрылъ глаза.—Значитъ, я могу приступить?

— Я ничего не могу вамъ позволить и запретить. Повидимому, вы хозяинъ дома.

Приставъ еще разъ поклонился.

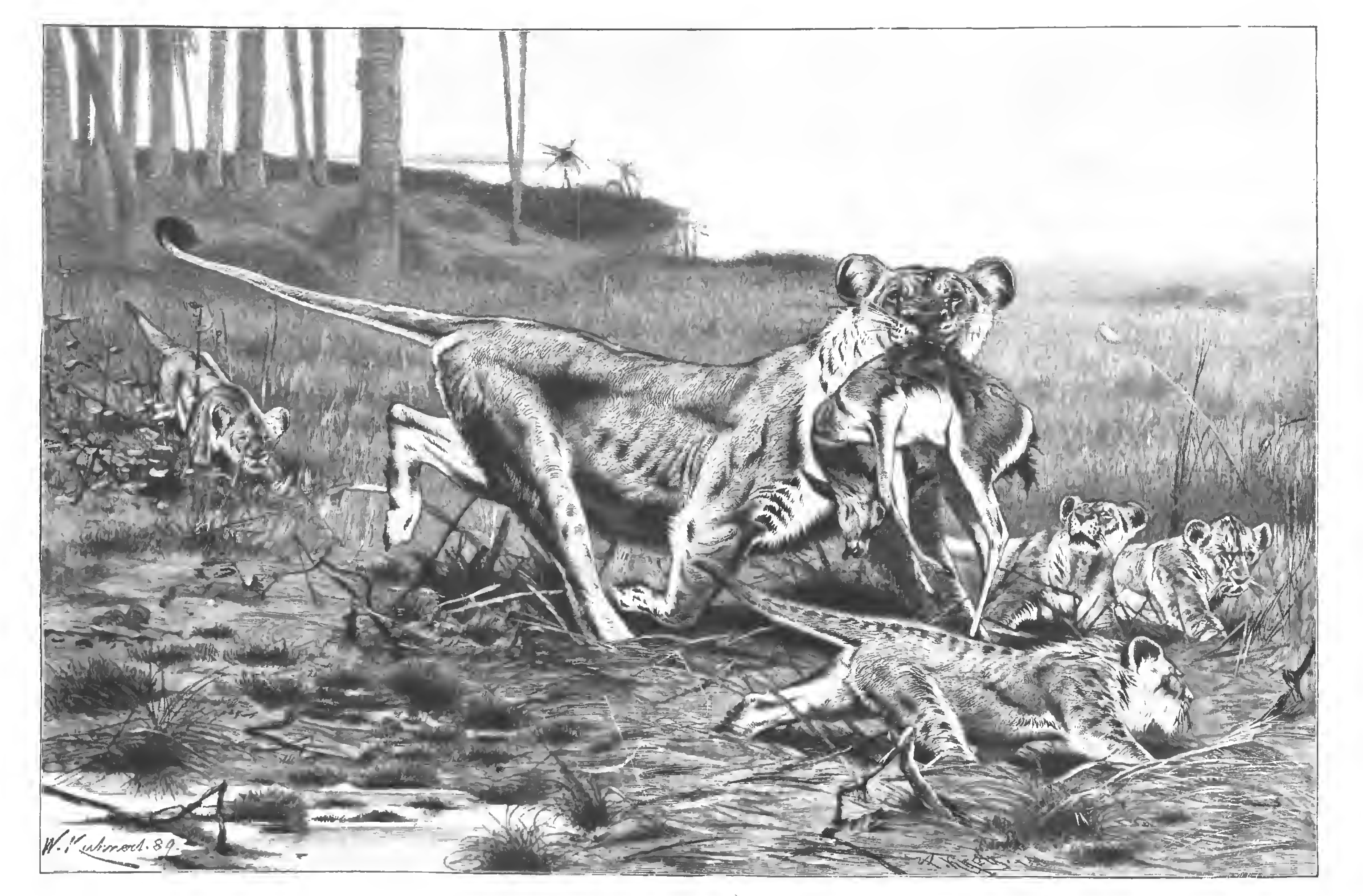
— Благодарю васъ, ваше сіятельство. Еще разъ прошу простить меня. Впрочемъ, я обезпокою васъ одной незначительною просьбой. Не соблаговолите-ли вы послѣдовать за мной?

— Куда?

— Въ одну изъ ближайшихъ комнатъ. Разумѣется, вы въ правѣ отказаться отъ присутствованія при обыскѣ, но въ качествѣ владѣлицы дома, можетъ-быть, вамъ было бы не безынтересно узнать, что̀ такое откроетъ обыскъ.

— Послушайте, вскричала Наталья Михайловна, пе-

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Ай, какъ мило!"
Съ карт. русскаго художника **Фрейвиртъ-Люцова**, грав. М. Рашевскій.



Львица съ добычей. Рис. Кунертъ, грав. Кребсъ.

ремѣняя тонъ, — кого-же касается подозрѣваемое вами преступленіе и въ чемъ оно?

— Если мы не ошибаемся, оно въ печкѣ, ласково произнесъ приставъ.—А подозрѣвать, я никого не подозрѣваю. Правда, есть подозрѣніе, но оно мнѣ не принадлежитъ. Не угодно-ли вамъ идти впередъ? остановясь у дверей, съ изысканной вѣжливостью промолвилъ приставъ.

Холодный страхъ, который испытывала Наталья Михайловна, былъ такъ силенъ, что она забыла спросить, въ какую комнату ей идти. Она шла машинально, и какъ разъ пришла въ ту гостиную, гдѣ вчера сидѣла съ товарищемъ прокурора. Вошла она черезъ маленькую дверцу, пробитую въ стѣнѣ со стороны коридора. Она сама удивилась, что очутилась здѣсь и, когда приставъ сказалъ: „вотъ именно эту печку мы подозрѣваемъ“, Наталья Михайловна отшатнулась отъ печки съ непонятнымъ ужасомъ. Ей вспомнился вчерашній косвенный допросъ Чардашова, и ей показалось, что все погибло. Какъ погибло и почему — она не знала. Но то, что Чардашовъ все время ѣздилъ къ ней съ опредѣленною, затаенной цѣлью, стало ей ясно.

— Сію минуту долженъ пріѣхать слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ, объявилъ частный приставъ, взглянувъ на часы и потирая руки.—А понятые дожидаются... Понятые—народъ терпѣливый, занималъ онъ Наталью Михайловну.

На самомъ дѣлѣ, слѣдователь пріѣхалъ въ мертвый домъ вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ. Это былъ Андрей Карповичъ. Онъ арестовалъ Валерьяна и, снявъ съ него на мѣстѣ допросъ, шелъ съ Михайлычемъ и другими людьми черезъ анфиладу комнатъ, бесѣдуя съ печникомъ и юмористически разспрашивая его, какой приблизительно былъ величины носъ у того барина, который пріѣзжалъ на Парфеновку около двухъ лѣтъ тому назадъ.

— Носъ былъ акуратный. Съ тѣхъ поръ не выросъ — все такимъ же остался. Куда же ему больше расти, ваше высокородіе!

— Справедливое замѣчаніе. Значитъ, не фальшивый. Очень хорошо. Смотри въ оба. Не эта?

— Изразецъ другой—голубой съ золотой жилкой по краямъ.

— Не эта?

Михайлычъ махалъ рукой.

Но, какъ только они вошли въ продолговатую комнату, Михайлычъ закричалъ:

— Она самая! Вотъ она, голубушка! Еще изразецъ я криво влѣпилъ, такъ онъ и остался! Ахъ, скажите на милость. До чего, значитъ, та самая!

Слѣдователь кивнулъ головой княгинѣ, и, спросивъ у частнаго пристава, извѣстна-ли ей цѣль его визита, приказалъ печнику ломать печь. Понятые сбѣгали за лѣсенкой. Михайлычъ узналъ и лѣсенку. „Она! милая! Точно она!“ Застучалъ молотокъ, посыпался цементъ. Быстро образовалось отверстіе въ печкѣ, и Михайлычъ, блѣдный и торжествующій, вынулъ свертокъ.

— Только мальчикъ или дѣвочка—неизвѣстно, произнесъ онъ, подавая на руки понятому, который стоялъ ближе къ нему, замаранный глиной тючекъ.

Княгиня вскрикнула и упала въ обморокъ.

X.

Валерьянъ находился подъ арестомъ (домашнимъ) не болѣе часа.

— Скажите, спросилъ его слѣдователь, — какая же цѣль была везти изъ Москвы, какъ вы изволили показать, куклу въ осмоленной парусинѣ и при такой необыкновенной, можно сказать, таинственной обстановкѣ—съ завязываніемъ печнику глазъ и прочее—и потомъ замуровать ее въ печку? Судебная власть, естественно, могла быть введена въ заблужденіе. Да и все-таки, скажу вамъ по совѣсти, уже не какъ слѣдователь, а какъ человѣкъ, съ улыбкой прибавилъ Андрей Карповичъ, — во всемъ этомъ чувствуется что-то загадочное, что-то остается на днѣ этой исторіи серьезное и, такъ сказать, глубокое, если не преступное? А?

— Ничего не остается, сказалъ Валерьянъ. — Водолазы попали въ смѣшное положеніе—безспорно. Я вамъ не завидую. А цѣль была слѣдующая. Впрочемъ, это была даже не цѣль, а безуміе покойнаго Николая Семеныча. Покойный-то князь былъ сумасшедшій. Вѣдь это вамъ извѣстно. Вообразилъ онъ, что имъ убитъ ребенокъ. Когда онъ признался мнѣ въ этомъ, я сейчасъ-же увидѣлъ, что онъ *того*, хоть этого никто и не подозрѣвалъ. Исторію убійства онъ передалъ мнѣ съ ужасающими подробностями. На самомъ дѣлѣ, какъ я узналъ, ребенокъ, будто-бы убитый Николаемъ Семенычемъ, умеръ отъ дифтерита. Это былъ крестьянскій мальчишка четырехъ или пяти лѣтъ, и уже двѣ недѣли какъ былъ погребенъ. Николай Семенычъ опасался, что выроютъ трупъ и вскрытіе обнаружитъ преступленіе. Однимъ словомъ—безумецъ. У насъ съ нимъ были нѣкоторые домашніе счеты. И, чтобъ избавить его отъ глупаго страха, я предложилъ ему обдѣлать дѣло. То есть, конечно, это была шутка, но въ безумномъ воображеніи она приняла совершенно серьезный характеръ. Я получилъ отъ князя маленькую сумму, какая мнѣ была нужна, и снарядился съ нимъ въ дорогу. Предварительно мною была заказана эта кукла. Я завернулъ и завязалъ ее въ осмоленный брезентъ... Ну, да остальное вы знаете! Надѣюсь, мое объясненіе совершенно удовлетворяетъ васъ, какъ слѣдователя и какъ человѣка, насмѣшливо заключилъ Валерьянъ.

Андрей Карпычъ пожалъ плечами и сказалъ, что да—удовлетворяетъ.

— А какъ же Михайлычъ васъ такъ долго могъ эксплуатировать? щелкнувъ пальцами, съ простодушной улыбкой спросилъ слѣдователь, насторожившись, однако, слухъ, чтобъ не проронить ни одного словечка изъ отвѣта Валерьяна.

Но отвѣтъ Валерьяна былъ простъ; онъ сказалъ:

— Ахъ, мы съ вами объ этомъ ужъ бесѣдовали! Ужъ у меня такой характеръ: люблю посмотрѣть, до чего дойдетъ наглость дурака. Все равно, какъ люблю послушать, до чего договорится недалекій человѣкъ, воображая себя умницей и психологомъ.

У слѣдователя сверкнули глаза, а Валерьянъ продолжалъ:

— Что мнѣ не было надобности бояться господина Михайлыча—вы могли убѣдиться изъ печальнаго опыта: въ печкѣ была спрятана кукла и ничего болѣе. Да и согласитесь сами—вотъ вы умный человѣкъ (я не говорю—слѣдователь—съ вашего разрѣшенія я раздѣляю оба эти понятія), согласитесь сами, съ какой стати мы съ Николаемъ Семенычемъ стали бы убивать какого-то ребенка, затѣмъ рискуя на каждомъ шагу попасться, ѣхать шестьсотъ верстъ по желѣзной дорогѣ съ трупомъ, хотя и маленькимъ, но все же въ нѣкоторомъ отношеніи безпокойнымъ... Мой органъ обонянія, смутившій Михайлыча, какъ вы можете легко догадаться, довольно чувствителенъ. Но и вообще носы сдѣланы чтобы обонять. Далѣе — благополучно привезя трупъ изъ Москвы, мы не бросаемъ его въ Днѣпръ съ пудовою гирью, не зарываемъ его въ землю на три аршина, не сжигаемъ въ печкѣ, а сберегаемъ впрокъ. Все это нелогично и смѣшно, и могло казаться логичнымъ и солиднымъ только несчастному Николаю Семенычу.

— Мм... мм! Да, да! пробормоталъ Андрей Карпычъ, вставая.—Очень радъ, что такъ случилось, но жаль, что княгиня не была предупреждена вами. Мм... да...

Валерьянъ засмѣялся.

— Можно оставить безъ разъясненій этотъ пунктъ? весело спросилъ онъ.

— Какъ вамъ угодно, произнесъ слѣдователь.—Я, впрочемъ, знаю ваше объясненіе. Вы такъ нѣжно любите сестру, что не желали напоминать ей о несчастіи ея мужа. Очень радъ. Не говорю вамъ до свиданія, но прощайте... Очень радъ.

Оправясь отъ обморока, княгиня попросила къ себѣ брата. Она пристально посмотрѣла на Валерьяна и, натирая свои виски одеколономъ, проговорила:

— Зачѣмъ вы продѣлали съ Николаемъ Семенычемъ этотъ водевиль?

— Ужь конечно не потому что послѣ трагедіи—для толпы обыкновенно дается какой-нибудь фарсъ и что не слѣдуетъ чернь огорчать мрачными картинами. А если тебѣ еще не все ясно—выслушай то, чего я не могъ разсказать слѣдователю. Тѣло настоящаго Юрія, умершаго отъ... Отъ чего, я хорошенько не знаю...

— Богъ его знаетъ—мнѣ было его смертельно жаль! шепотомъ прервала рѣчь брата Наталья Михайловна.— Тѣмъ болѣе, что смерть его и эта поѣздка съ его тѣломъ въ одномъ купе подѣйствовала губительно на Николая Семеновича. Но я сама не знаю, отъ чего умеръ Юрій... Онъ хирѣлъ, хирѣлъ и...

— И когда онъ умеръ, подхватилъ Валерьянъ,—ты вообразила, что онъ умеръ кстати. Ну, такъ вотъ дальше —не перебивай меня. Миша—онъ же теперь Юрій de jure — былъ похороненъ какъ Миша, и остался жить какъ Юрій. Николай Семенычъ чуть не испортилъ всего—и надо было придумать что-нибудь. Онъ способенъ былъ самъ донести на себя—страхъ отнялъ у него разумъ. Я далъ ему слово, что устрою все благополучно—и развѣ я не сдержалъ слова? Съ тѣхъ поръ какъ мы замуровали эту куклу, онъ уже не пытался предупредить слѣдствіе и впередъ сознаться въ какомъ-то небываломъ преступленіи, въ которомъ его будто бы заставили участвовать. Онъ повѣрилъ, что тѣло Юрія никогда не будетъ найдено и успокоился по крайней мѣрѣ до послѣднихъ дней своихъ.

Валерьянъ сѣлъ и, заложивъ ногу за ногу, послѣ паузы сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, я недурной актеръ и, если хочешь, машинистъ. На тебя дурно подѣйствовалъ мишурный громъ. Не забывай, что еще есть небесный громъ. Какъ бы то ни было — дѣло Юрія все-таки ложь передъ Богомъ и людьми, которую надо искупить быть-можетъ цѣлою жизнью. Не удивляйся, что это тебѣ говоритъ такой шалопай, какъ я... Я это мучительно чувствую—въ связи со всѣми моими заблужденіями. На всякій случай, я тебѣ совѣтовалъ бы послѣ сегодняшняго скандала уѣхать изъ Святогорска. Намекъ на какого-то исчезнувшаго ребенка, что ни говори, все-таки сдѣланъ. Ниточка найдена—смотри доберутся до клубочка. Я бы на твоемъ мѣстѣ держалъ Юрія за границей, по крайней мѣрѣ, до четырнадцати лѣтъ.

— А каковъ Чардашовъ! воскликнулъ онъ за завтракомъ.—Мнѣ сдается, онъ серьезно ухаживалъ за тобой. Кстати, онъ совсѣмъ намъ не кузенъ, даже не десятая вода на киселѣ. Я узналъ объ этомъ вчера— я получилъ письмо отъ дяди Егора, у котораго справлялся о Чардашовѣ. Мнѣ не даромъ не давалъ спать Чардашовъ.

Наталья Михайловна опустила глаза и перестала ѣсть. Румянецъ пятнами выступилъ на ея лицѣ, губы поблѣднѣли. Но, выпивъ полстакана вина, она оправилась.

— Пожалуйста, Валерьянъ, не напоминай мнѣ о г. Чардашовѣ. Душа у него гораздо чернѣе, чѣмъ... (*у тебя*, хотѣла она сказать и не сказала). Да, отвѣтила она на слова брата, сказанныя ей передъ завтракомъ:— я, понятно, должна буду уѣхать. Но довѣренность я тебѣ выдамъ съ нѣкоторыми ограниченіями. Вѣдь ты-же не станешь требовать невозможнаго. Не правда-ли, Валерьянъ? Вѣдь все-же мы братъ и сестра!

Съ ея рѣсницъ скатились двѣ слезы.

— Натали, ты обо мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, Богъ знаетъ, какого мнѣнія! вскричалъ Валерьянъ. — Но теперь, когда ты впервые заговорила какъ сестра—и я тебѣ скажу чистую правду. Я просто длилъ эту игру между нами, пока ты ей поддавалась: съ одной стороны, меня забавляло бѣсить тебя, а съ другой стороны—я зналъ, что серіозной бреши въ твоемъ состояніи даже и мнѣ не сдѣлать. Возьми себѣ другаго управляющаго, который жилъ бы въ имѣніи и дѣйствительно дѣлалъ бы что-нибудь. А мнѣ, Натали, все это надоѣло. Я уѣду съ тобой, буду заботиться о тебѣ и объ Юріи, постараюсь удержать его отъ тѣхъ ошибокъ юности, которыя сдѣлали меня самого ни на что болѣе не годнымъ, и авось ты убѣдишься, что чортъ все-таки не такъ черенъ, какъ ты его себѣ малевала.

Взволнованный, онъ подошелъ къ сестрѣ, и они впервые послѣ многихъ лѣтъ обнялись отъ всего сердца.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мертвый домъ снова опустѣлъ — и надолго. Весной сорныя травы заполонили дворъ и стали густо разрастаться въ цвѣтникахъ и у подъѣзда. Галки чернымъ роемъ кружатся надъ его крышей и ласточки лѣпятъ гнѣзда въ капителяхъ его колоннъ. Авдѣй Ивановичъ, попрежнему, одиноко прохаживается по каменной тропинкѣ утромъ и вечеромъ, какъ живое воспоминаніе прошлой странной и тяжелой жизни, свидѣтелемъ которой былъ онъ въ этомъ красивомъ, старомодномъ домѣ, хранящемъ гробовое молчаніе.

О Натальѣ Михайловнѣ поговорили въ Святогорскѣ и забыли. Чардашовъ дождался своей свадьбы и переселся въ другой городъ. Его мѣсто занялъ Андрей Карповичъ Маврикинъ.

На Парфеновкѣ все идетъ по-старому. Наводненія были, но гораздо слабѣе предъидущихъ. Печникъ Михайлычъ богатѣетъ, и съ нѣкоторыхъ поръ у него явилась привычка приставлять палецъ ко лбу и застывать въ такой позѣ. Его можно встрѣтить даже на улицѣ съ пальцемъ, приставленнымъ ко лбу. Онъ идетъ и думаетъ крѣпкую думу. Но о чемъ—это неизвѣстно даже Дмитріевнѣ.

Иконописецъ Ивановъ переселился, наконецъ, на новую квартиру. Надъ его могилой возвышается дубовый крестъ, раззолоченный и расписанный изображеніями Святыхъ. Этотъ крестъ Флорентій Адріановичъ собственноручно отдѣлалъ для себя и ревниво берегъ его отъ сырости и отъ мухъ, облекая на лѣто въ кисейный чахолъ. Маня перестала быть послушницей и удостоилась ангельскаго чина. Ѳекла, оставшись одна, понемножку запиваетъ, и ее часто видятъ въ „Золотой Рыбкѣ“.

Въ еврейскій погромъ, Шминдрика порядкомъ потрепали. Но скоро онъ оправился и отдалъ своихъ дочерей въ гимназію, а сынъ его поступилъ даже въ университетъ. Можетъ-быть изъ этого молодаго Шминдрика со временемъ выйдетъ какая-нибудь знаменитость.

Когда били евреевъ, Петрикъ забылъ свою напускную солидность; въ немъ забродила старая закваска—и онъ неожиданно очутился во главѣ маленькаго отряда босяковъ и латригъ. Въ числѣ этихъ оборванцевъ, всѣмъ скопомъ захваченныхъ полиціей, оказался и старый другъ Петрика—Карнѣй Крутикъ. Очутившись опять въ тюрьмѣ, они на этотъ разъ не разлучились. Не разлучаются они и до сихъ поръ, влача свою жизнь гдѣ-то далеко-далеко, въ глухой деревушкѣ, затерявшейся въ тайгахъ Восточной Сибири...

КОНЕЦЪ.

Осужденъ.

Разсказъ **Христіана Бенкарда**. (Переводъ).

Начало шестидесятыхъ годовъ было тяжелымъ временемъ для жителей Сѣверной Америки. Послѣ долгаго мира вспыхнула кровопролитная междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ Мексикѣ началась борьба за господство между туземными республиканцами и партіей императора Максимиліана, котораго поддерживали французы; въ довершеніе несчастія, къ бѣдствіямъ войны присоединился голодъ и моровое повѣтріе. Особенно страдали восточные мексиканскіе берега. Борьба между императорской и республиканской партіей велась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Когда же, наконецъ, войска Наполеона высадились у береговъ и можно было ожидать того или другого окончанія бѣдствій — въ приморскихъ городахъ началась жестокая желтая лихорадка. Особенно опустошительна она была въ Вера-Круцѣ, цвѣтущемъ торговомъ городѣ на берегу Мексиканскаго залива. Многострадальный Вера-Круцъ оправдывалъ свое названіе: какъ для туземцевъ, такъ и для иностранцевъ борьба съ жестокою болѣзнью была „настоящимъ крестомъ“.

Я тоже попалъ въ число несчастныхъ, постигнутыхъ желтой лихорадкой. Такъ какъ нашъ капитанъ не хотѣлъ держать меня на кораблѣ, то меня помѣстили въ одинъ изъ лазаретовъ, наскоро сколоченныхъ изъ досокъ, въ стѣнахъ котораго я и пережилъ ужаснѣйшіе дни моей жизни. Изображеніе моихъ тогдашнихъ страданій не входитъ въ мои планы; поэтому я только замѣчу, что моя крѣпкая организація побѣдила страшную болѣзнь и я, въ относительно короткое время, былъ уже выпущенъ изъ лазарета, какъ выздоровѣвшій.

Въ ту минуту, когда я съ радостнымъ чувствомъ уходилъ изъ душнаго, зловоннаго барака, у самаго выхода мнѣ попался навстрѣчу какой-то высокій, корпастый человѣкъ, который на туземномъ нарѣчіи отрекомендовался мнѣ какъ „похоронныхъ дѣлъ мастеръ“ и потребовалъ у меня денегъ.

— Такъ какъ вы не умерли, замѣтилъ онъ сухо,—то вы обязаны вознаградить меня за сдѣланные мною расходы по вашему погребенію; я не желаю терпѣть убытковъ.

Наивное требованіе этого человѣка показалось мнѣ забавнымъ, и я готовъ былъ разсмѣяться, если-бъ могъ. Когда я всмотрѣлся въ непріятное лицо моего собесѣдника, холодная дрожь пробѣжала по моему тѣлу, такъ какъ я узналъ въ немъ тотъ длинный черный призракъ, который постоянно мелькалъ передъ моими глазами во время моей болѣзни. Онъ переходилъ отъ одной койки къ другой, точно освѣдомляясь, нѣтъ-ли какого-нибудь „дѣла“. Разъ я замѣтилъ, какъ при выносѣ одного покойника, онъ снялъ съ него все, что было на немъ цѣннаго, и очень можетъ быть, что мой кошелекъ и часы, исчезнувшіе въ первые дни моего пребыванія въ больницѣ, тоже были жертвой этого гробокопателя.

— Какія деньги, сеньоръ? я васъ не понимаю, спросилъ я удивленно.—Прошу васъ не задерживать меня, такъ какъ мнѣ некогда.

Однако для того, чтобы прекратить непріятный разговоръ, я обѣщалъ прислать ему долларъ, а самъ поспѣшилъ къ гавани. Тамъ я узналъ, что мой корабль уже отплылъ, поэтому я воротился обратно и отправился въ нѣмецкое консульство, гдѣ надѣялся получить указанія относительно того, что я долженъ предпринять. Четверть часа спустя, я уже былъ у консула, который поздравилъ меня съ выздоровленіемъ и пригласилъ сѣсть. Онъ передалъ мнѣ поклонъ отъ капитана моего корабля и денежный пакетъ, заключавшій въ себѣ мое жалованье за десять мѣсяцевъ. Затѣмъ онъ разспросилъ меня о моихъ планахъ на будущее и вообще былъ такъ предупредителенъ и любезенъ, что тронулъ меня до глубины души. Я, разумѣется, разсказалъ ему о моей болѣзни, не забывъ упомянуть о могильщикѣ и объ его странномъ требованіи.

Консулъ вскочилъ и сердито топнулъ ногой, возмущенный наглостью этого мексиканца.

— Вы не можете себѣ представить, сказалъ онъ,—до какого безстыдства доходитъ жадность этого человѣка. Этотъ могильщикъ, Квиросъ, считается однимъ изъ самыхъ богатыхъ людей въ городѣ и, не смотря на это, все еще не доволенъ. Несчастная страна, гдѣ дается полный просторъ дѣйствіямъ такихъ мошенниковъ, гдѣ возможны такія печальныя явленія!

Я смотрѣлъ удивленно. „Какъ? могильщикъ можетъ быть богатымъ человѣкомъ?“

— Да, да! Онъ богатый человѣкъ, потому что имѣетъ выгодное занятіе, тѣмъ болѣе выгодное, чѣмъ бѣдственнѣе переживаемая нами эпоха. Во время политическихъ замѣшательствъ, когда у насъ все пошло вверхъ дномъ, этотъ самый Квиросъ взялъ у нашего губернатора подрядъ на право хоронить всѣхъ городскихъ покойниковъ, и эта профессія сдѣлалась источникомъ его богатства. Благодаря своему желѣзному здоровью и своему невѣроятному нахальству, онъ каждый день обходитъ всѣ городскіе госпитали и лазареты и требуетъ за погребеніе умершихъ столько, сколько ему вздумается. Въ случаѣ какихъ-нибудь несогласій, онъ грозитъ оставить трупъ непохороненнымъ.

— Но почему же тогда не обратятся къ кому-нибудь другому? Навѣрно въ городѣ найдутся люди, которые за умѣренную плату согласятся взять на себя эту печальную обязанность.

— Въ томъ-то и бѣда, что этого нельзя сдѣлать, отвѣчалъ консулъ, качая головой. -Сеньоръ Квиросъ не такой человѣкъ, чтобы позволить вырвать у себя кусокъ изо-рта. Ключъ отъ городскаго кладбища въ его рукахъ и онъ обезпеченъ отъ чьей-бы то ни было конкуренціи, потому что религіозные мексиканцы считали бы большимъ грѣхомъ хоронить правовѣрныхъ католиковъ на неосвященномъ мѣстѣ. Если-бъ еще подвиги его ограничивались только этимъ, я бы не дѣлалъ ему никакихъ упрековъ, продолжалъ консулъ, — но дѣло въ томъ, что о немъ разсказываютъ еще болѣе ужасныя вещи. Насколько вѣрны слухи о томъ, что онъ грабитъ ввѣренные ему трупы, я судить не могу, но я знаю навѣрное, что этотъ Квиросъ безжалостный ростовщикъ и кровопійца. Такъ, напримѣръ, мнѣ извѣстно, что одного изъ здѣшнихъ землевладѣльцевъ-эмигрантовъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ великолѣпное имѣніе, онъ довелъ почти до нищенства—и теперь, если несчастный не согласится пожертвовать ему своею хорошенькою дочкой, которая давно нравится могильщику, то навѣрно худо кончитъ.

Послѣднія слова консула въ высокой степени заинтересовали меня. Находящійся въ нуждѣ соотечественникъ, прелестная дѣвушка, обреченная на жертву гнусному могильщику—все это произвело цѣлую бурю въ душѣ двадцатидвухлѣтняго юноши, какимъ я былъ тогда. Я уже мечталъ выступить въ роли рыцаря и спасителя несчастныхъ; съ помощью только что полученнаго жалованья, я намѣревался заплатить долги моего соотечественника: что же касается хорошенькой дочки, то я помогъ бы ей отыскать болѣе достойнаго человѣка, чѣмъ этотъ отвратительный Квиросъ. Я съ юношеской живостью началъ разспрашивать объ имени и адресѣ этого нѣмецкаго эмигранта и вышелъ послѣ того, какъ консулъ отрекомендовалъ мнѣ одну гостинницу съ прочною репутаціей, гдѣ я и могъ остановиться до отъѣзда.

На другой день, стоя передъ домомъ эмигранта въ улицѣ Ла-Пуэбла, я нѣсколько холоднѣе обдумалъ мое намѣреніе. То, что вчера я узналъ отъ консула, касалось интимнѣйшихъ подробностей жизни совершенно постороннихъ мнѣ людей, которые имѣли полное право показать мнѣ дверь, еслибъ я вздумалъ претендовать на ихъ довѣріе. Какой бы мнѣ подыскать предлогъ для перваго моего посѣщенія?

Случай помогъ мнѣ. Передъ домомъ стояла женщина пожилыхъ лѣтъ, платье и лицо которой обличали ея нѣмецкое происхожденіе. Я подошелъ къ ней и спросилъ по-нѣмецки, какъ пройти въ улицу Ла-Пуэбла. Она испуганно вздрогнула, потомъ улыбнулась и сказала, что я иду вѣрной дорогой, но что на видъ я слишкомъ слабъ, чтобы пройти далеко пѣшкомъ. Мало-по-малу мы разговорились и, наконецъ, я увидѣлъ, что изъ дому вышелъ какой-то пожилой человѣкъ, повидимому заинтересованный тѣмъ, съ кѣмъ говоритъ его жена.

Фридриху Цербсту было около пятидесяти лѣтъ, но, вѣроятно вслѣдствіе нездороваго климата, горя и заботъ, онъ казался старше по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять. Въ своемъ обращеніи онъ былъ робокъ и сдержанъ; видно было, что печальныя обстоятельства жизни пріучили его недовѣрчиво и осторожно относиться къ чужимъ людямъ. Мнѣ показалось, что онъ былъ недоволенъ тѣмъ, что жена его вступила со мной въ разговоръ, а можетъ-быть онъ заподозрилъ, что мнѣ извѣстно печальное положеніе его денежныхъ и семейныхъ дѣлъ. Только послѣ того, какъ я разсказалъ ему исторію моей болѣзни и, наконецъ, заговорилъ о далекой милой родинѣ, онъ нѣсколько смягчился и даже пригласилъ меня войти въ домъ, такъ какъ невыносимая жара могла повредить мнѣ. Я, конечно, не заставилъ повторить этого приглашенія и, минуту спустя, сидѣлъ на диванѣ въ небольшой, на нѣмецкій ладъ убранной, комнаткѣ. Хозяинъ сѣлъ противъ меня, между тѣмъ какъ хозяйка вышла для того, чтобы приготовить мнѣ стаканъ лимонада.

— Мы сами пьемъ воду, сказала она,—потому что здоровы, но выздоравливающему необходимо предложить чего-нибудь лучшаго.

Я не зналъ что отвѣчать. Мнѣ не хотѣлось причинять этимъ людямъ никакихъ тратъ, даже самыхъ незначительныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ трудно было отказаться отъ пріятнаго, прохладительнаго напитка. Дѣйствительно, этотъ лимонадъ показался мнѣ настоящимъ нектаромъ, что и не удивительно, если представить себѣ какія прекрасныя ручки поднесли его. Дочь хозяевъ, прелестная какъ весенній день, вошла въ комнату привѣтливо улыбаясь и затѣмъ стала за кресломъ отца, глядя на меня вопросительнымъ и въ то же время боязливымъ взглядомъ. Она еще ребенкомъ выѣхала изъ Германіи, но что она любила свою родину, видно было по ея глазамъ, которые горѣли огнемъ во время моихъ раз-

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „На рѣчкѣ“.
Картина **Х. П. Платонова** (исключит. право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ **„Нивѣ“**), грав. Шюблеръ.

сказовъ. Когда же она своимъ серебристымъ голоскомъ спросила меня о чемъ-то, я совершенно забылъ о цѣли моего прихода и только при прощаньѣ выразилъ надежду на скорое свиданье. Размышляя про себя, я отправился въ мою гостиницу.

Еще не доходя до моей улицы, я увидѣлъ могильщика, выходившаго изъ какого-то дома, гдѣ былъ умершій, что можно было замѣтить по черному кресту, нарисованному на двери. Я ускорилъ шаги для того, чтобы поскорѣе миновать этого мрачнаго господина, но онъ меня тотчасъ же узналъ и выжидательно посмотрѣлъ на меня; нѣтъ сомнѣнія, что онъ вспомнилъ о долларѣ, который я былъ ему „долженъ“. Чтобы покончить съ этимъ удивительнымъ долгомъ, я опустилъ руку въ карманъ и протянулъ ему монету, которую онъ принялъ безъ малѣйшаго смущенія.

„Какъ глупы люди!“ думалъ я идя дальше, „неужели они считаютъ возможнымъ, чтобы этотъ человѣкъ сталъ обладателемъ этой милой молодой дѣвушки? мнѣ же этотъ бракъ кажется положительно немыслимымъ и невозможнымъ. Что между ними общаго? Она—олицетвореніе жизни и радости, онъ же—безсердечный, безчувственный ростовщикъ, извлекающій выгоду изъ человѣческаго горя и несчастія“.

Съ оптимизмомъ выздоравливающаго, я склоненъ былъ истолковывать явленія въ хорошую сторону, поэтому судьба Цербста перестала меня особенно озабочивать. Я каждый день посѣщалъ эту милую семью, гдѣ меня всегда принимали какъ родного. Къ вечеру, когда спадала жара, я отправлялся на прогулку по направленію улицы Ла-Пуэбла, затѣмъ сворачивалъ по тропинкѣ, пролегающей через плантацію сахарнаго тростника и ведущей прямо къ дому Цербстовъ. Тамъ я проводилъ пріятный вечеръ, хотя родители были большей частью грустны и молчаливы, но тѣмъ веселѣе и оживленнѣе была бѣлокурая Эмма.

— Приходите опять скорѣе, говорила мнѣ молодая дѣвушка на прощанье. — Мы всѣ такъ рады видѣть соотечественника.

Это звучало такъ пріятно, что я уже началъ льстить себя самыми радужными надеждами на будущее, когда вдругъ у нихъ въ домѣ появился другой нашъ соотечественникъ, котораго, какъ я съ грустью убѣдился, Эмма встрѣчала еще радостнѣе чѣмъ меня. Гансъ Рейтеръ былъ дальній родственникъ г-жи Цербстъ, четыре года тому назадъ пріѣхавшій въ Америку. Въ окрестностяхъ города у него было небольшое имѣніе, которымъ онъ управлялъ съ большимъ толкомъ и знаніемъ дѣла. Правда, что это имѣніе не было совершенно свободно отъ долговъ, но Гансъ былъ честный, энергичный человѣкъ, и можно было съ увѣренностью сказать, что черезъ нѣсколько лѣтъ онъ расплатится со всѣми своими кредиторами и составитъ себѣ хорошенькое состояніе. Въ настоящее время онъ только что возвратился изъ небольшаго путешествія по дѣламъ имѣнія и теперь разсказывалъ семьѣ Цербстовъ о выгодныхъ результатахъ этой поѣздки. Ко мнѣ онъ относился очень дружески и довѣрчиво, и бесѣдуя со мной объ американскихъ туземцахъ и объ европейскихъ эмигрантахъ, высказалъ столько здравыхъ сужденій, что я сталъ смотрѣть на него съ большимъ уваженіемъ, не смотря на его молодость.

Я началъ часто бывать у него на фермѣ и въ одно изъ этихъ посѣщеній, за стаканомъ вина, мы заключили торжественный дружескій союзъ, который Гансъ ознаменовалъ тѣмъ, что признался мнѣ въ своей любви къ Эммѣ Цербстъ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ уже два года любитъ очаровательную дѣвушку, но лишь нѣсколько дней тому назадъ узналъ, что и она платитъ ему взаимностью. Родители еще ничего объ этомъ не знаютъ и самъ онъ намѣренъ еще много-много работать, прежде чѣмъ осмѣлится просить ихъ согласія на бракъ съ Эммой.

— Но все-таки, развѣ я не счастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ? спросилъ онъ съ сіяющими радостью глазами. — Какъ счастливы будутъ мои родители, когда получатъ извѣстіе о моей свадьбѣ! Мы, разумѣется, не останемся на всю жизнь въ Мексикѣ; любовь къ милой родинѣ никогда не потухнетъ въ нашихъ сердцахъ и какъ только положеніе мое будетъ обезпечено — прощай Америка!

Я утвердительно кивалъ головой и горячо пожималъ руку моего друга, искренно желая ему счастья. Несмотря на это, я не могъ радоваться какъ-бы желалъ, потому что не могъ забыть словъ консула и печали родителей молодой дѣвушки. Неужели Рейтеръ ничего не зналъ о положеніи ихъ дѣлъ? Я чувствовалъ себя обязаннымъ сообщить ему ходящіе слухи и въ то же время у меня не хватало духу сбросить счастливца съ его седьмаго неба.

Вечеромъ онъ проводилъ меня въ городъ. Проходя мимо кладбища, мы увидѣли Квироса, который рылъ новую могилу. Я замѣтилъ какъ-бы невольно:

— Ужасное призваніе, ужасное ремесло! Какъ не надоѣстъ ему „работать“, когда онъ такъ колоссально богатъ!

Мой путникъ пожалъ плечами и запѣлъ вполголоса:

Копаетъ и роетъ пока онъ живетъ,
И роя могилы, онъ смерть въ нихъ найдетъ.

Съ этого дня я началъ лишь изрѣдка навѣщать моихъ друзей. Мнѣ было грустно смотрѣть на лица жениха и невѣсты, которые съ каждымъ днемъ становились все озабоченнѣе и печальнѣе; кромѣ того, я боялся моимъ присутствіемъ мѣшать влюбленнымъ, а главное—вниманіе мое было отвлечено политическими событіями, которыя захватывающимъ образомъ дѣйствовали на всѣхъ, и старыхъ, и молодыхъ. Съ тѣхъ поръ какъ французскія войска отплыли обратно въ Европу, республиканцы начали одерживать верхъ надъ монархистами. Несчастный императоръ Максимиліанъ, съ немногими своими приверженцами. геройски отстаивалъ свою свободу, но его мужество не спасло его. Принужденный уступить силѣ, онъ погибъ вмѣстѣ со своими друзьями. Политическая трагедія окончилась.

У меня земля горѣла подъ ногами. Мнѣ невыносимо было оставаться дольше въ странѣ, гдѣ понапрасну пролилось столько благородной крови, и такъ какъ я уже достаточно оправился здоровьемъ, для того чтобы возвратиться къ своимъ обязанностямъ, то и рѣшилъ уѣхать изъ Вера-Круца на первомъ попавшемся кораблѣ. Такого. однако, не находилось, и я чувствовалъ себя вынужденнымъ отправиться въ Новый Орлеанъ и тамъ выжидать болѣе удобнаго случая для того, чтобы переправиться въ Европу. Сегодняшній день я рѣшилъ посвятить прощальнымъ визитамъ, побывать у консула и у моихъ новыхъ друзей, а завтра утромъ выѣхать изъ Вера-Круца.

За обѣдомъ въ гостиницѣ кто-то изъ присутствующихъ сообщилъ городскую новость, которая такъ меня испугала, что я вскочилъ и выронилъ ложку.

— Послушайте, сеньоръ, вы вѣроятно ослышались, воскликнулъ я внѣ себя, — то, что вы говорите, немыслимо и невозможно!

— Повѣрьте, что я не ошибаюсь и говорю сущую правду: Квиросъ, могильщикъ, послѣ-завтра вступаетъ въ бракъ съ Эммой Цербстъ, красивѣйшею дѣвушкой во всемъ Вера-Круцѣ. Отецъ невѣсты въ отчаяніи, но онъ обязанъ пожертвовать своей дочерью, такъ какъ не имѣетъ средствъ заплатить долга.

— А Эмма? можетъ-ли она отдать руку этому негодяю, если ея сердце — зачѣмъ далѣе хранить тайну?—если ея сердце принадлежитъ другому?

— Нѣмцы замѣчательный народъ, возразилъ мнѣ смѣясь испанецъ.—Наша женщина навѣрно убила-бы немилаго человѣка, если-бъ у нея не было другихъ средствъ избавиться отъ него, и убѣжала-бы съ тѣмъ, къ кому лежитъ ея сердце. Но бѣлокурая нѣмка поступаетъ иначе: она покорно подчиняется судьбѣ, а ея возлюбленный молча уступаетъ мѣсто своему сопернику. Странные обычаи!

Пока онъ говорилъ, я схватилъ шляпу и выбѣжалъ вонъ для того чтобы узнать правду изъ самаго ея источника. Мнѣ не приходило въ голову, что я не имѣю права вмѣшиваться въ частныя дѣла Цербстовъ, мнѣ только хотѣлось предотвратить грозящее несчастье, послѣдствій котораго нельзя было даже предвидѣть. Но я скоро убѣдился, что чудовищный слухъ былъ вполнѣ вѣренъ и что поправить дѣло было уже нельзя. Эмма, съ ея блѣднымъ лицомъ и красными заплаканными глазами, подтвердила мнѣ справедливость того, что я слышалъ: ея отцу угрожало тюремное заключеніе, если онъ не заплатитъ огромной суммы должной ростовщику, или же не отдастъ ему своей дочери въ жены. Такъ какъ денегъ достать было негдѣ, то она вынуждена пожертвовать собой, чтобы спасти семью отъ позора и разоренія.

— Не ходите къ родителямъ, просила она меня, умоляюще складывая руки, — они совсѣмъ обезумѣли отъ горя и малѣйшій упрекъ, или грубый вопросъ, могутъ совсѣмъ убить ихъ. Если вы хотите сдѣлать доброе дѣло, ступайте къ Гансу Рейтеру, утѣшьте его, чтобы онъ съ отчаянія не наложилъ на себя руки. Я знаю, что онъ васъ очень любитъ и уважаетъ, и вы, конечно, съумѣете удержать его отъ какой-нибудь крайности. Пожалуйста, пойдите къ нему поскорѣе!

Испанецъ былъ правъ, удивляясь странности нѣмецкихъ обычаевъ. Эмма, несчастная жертва жестокихъ семейныхъ обстоятельствъ, ни единымъ словомъ не пожаловалась на свою судьбу и думала только о другихъ. Когда я спросилъ, кто-же будетъ *ее* утѣшать, она улыбнулась грустной улыбкой:

— Я знаю, что Богъ меня не оставитъ; почемъ знать, можетъ быть случится чудо.

Въ эту минуту, когда она стояла передо мной точно святая мученица, прижавъ къ сердцу руки и поднявъ къ небу свой невинный взглядъ, я готовъ былъ упасть передъ ней на колѣни и цѣловать край ея платья — никогда и ничто не производило на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ эта кроткая покорность, эта дѣтская вѣра. Ея слова такъ на меня подѣйствовали, что я самъ началъ вѣрить въ возможность спасенія и, уходя изъ дому, самъ готовъ былъ умолять небо о чудѣ.

Проходя по улицѣ, я встрѣтилъ консула, которому разсказалъ о случившемся. На мой вопросъ, нельзя-ли собрать нужную сумму путемъ подписки между богатыми европейцами— онъ печально покачалъ головой. Трудно достать сорокъ тысячъ долларовъ въ такія тяжелыя времена; кромѣ того, раз-

умѣется, никому не пріятно платить чудовищные проценты, тогда какъ самый долгъ вѣроятно не превышаетъ двухъ тысячъ долларовъ.

— Но въ такомъ случаѣ вы, какъ намѣстникъ германскаго правительства, можете начать искъ противъ ростовщика?

— Нѣтъ, сударь, мы живемъ на мексиканской почвѣ и по мексиканскимъ законамъ, а если основываться на нихъ, то требованія Квироса вполнѣ справедливы. У него въ рукахъ находятся долговыя обязательства, подписанныя рукой самого Цербста, и по нимъ Квиросъ имѣетъ полное право требовать уплаты. Еслибъ нашъ несчастный соотечественникъ въ свое время обратился ко мнѣ за совѣтомъ, дѣло, конечно, не пошло-бы такъ далеко; въ настоящую-же минуту оно рѣшительно непоправимо.

Такую-же точно покорность судьбѣ показалъ Гансъ Рейтеръ. Онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ передъ открытымъ окномъ, опустивъ голову на руки, устремивъ неподвижный взглядъ по тому направленію, гдѣ жила его возлюбленная, которая черезъ день должна была сдѣлаться женой другаго, женой гнуснаго, отвратительнаго негодяя. Онъ ничего не отвѣтилъ на мой поклонъ и на привѣтствіе и только тогда, когда я передалъ ему просьбу Эммы, горькая улыбка пробѣжала по его губамъ. Какъ ни былъ онъ поглощенъ своимъ горемъ, онъ все-таки замѣтилъ, что я снялъ съ гвоздя револьверъ, висѣвшій надъ его кроватью, и спряталъ его въ карманъ.

— Избавьте себя отъ лишняго труда, произнесъ онъ беззвучнымъ голосомъ. — Я считаю самоубійство трусостью, на которую я не способенъ.

Я радостно протянулъ ему руки:

— Вотъ что хорошо, то хорошо! Поднимите голову и ободритесь. Можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ произойдетъ чудо.

Онъ не взялъ моей протянутой руки и грустно сказалъ мнѣ:

— Времена чудесъ прошли, и я привыкъ считаться съ фактами. Для меня, напримѣръ, рѣшенный фактъ, что я сегодня, или завтра продаю мое имущество первому попавшемуся покупателю и тотчасъ-же уѣзжаю отсюда.

Мнѣ стоило большаго труда отклонить его отъ этого неразумнаго намѣренія. Вчужѣ жаль было отдавать за ничтожную цѣну цвѣтущія плантаціи, лелѣянныя имъ въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Наконецъ мнѣ удалось уговорить его подождать хотя до послѣ-завтра, и я, нѣсколько успокоенный, возвратился въ городъ.

Прошли день и ночь. На слѣдующій день, вѣроятно, вслѣдствіе пережитыхъ волненій, я почувствовалъ себя такъ дурно, что принужденъ былъ обратиться къ доктору. Онъ предписалъ мнѣ абсолютный покой, въ противномъ-же случаѣ пригрозилъ рецидивомъ; а извѣстно, что желтая лихорадка при рецидивѣ почти всегда имѣетъ смертельный исходъ. Дѣлать было нечего, я на цѣлый день засѣлъ дома.

Около обѣденнаго часа Квиросъ въ тѣни кладбищенской стѣны вырылъ послѣднюю могилу. Сегодня онъ пристроитъ еще одного мертвеца, и этимъ закончитъ свою общественную дѣятельность. Завтра онъ уже будетъ супругомъ молодой жены, и поселится съ нею въ улицѣ Ла-Пуэбла, въ красивомъ домѣ, принадлежавшемъ когда-то Фридриху Цербсту. Квиросъ благодарилъ судьбу, которая помогла ему въ короткое время настолько увеличить свое состояніе, что теперь, начиная съ медоваго мѣсяца, онъ можетъ спокойно отдыхать, наслаждаясь плодами трудовъ своихъ. Эмма, разумѣется, далеко не съ такимъ восхищеніемъ смотрѣла на свое будущее; она даже не имѣла силъ скрыть своего отвращенія къ жениху, на что, впрочемъ, тотъ обращалъ мало вниманія, полагая, что все это должно пройти съ теченіемъ времени.

Похоронная процессія подошла къ вырытой могилѣ и остановилась. Когда опускали гробъ, одна изъ веревокъ оборвалась, крышка отскочила—и покойникъ, одѣтый по мексиканскому обычаю въ черный праздничный сюртукъ и бѣлый галстукъ, выпалъ изъ гроба. Это произвело большой переполохъ среди присутствующихъ, но Квиросъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спустился въ могилу, все привелъ въ порядокъ и затѣмъ опять сталъ сзади священника. Когда прочитана была послѣдняя молитва, онъ зарылъ могилу, получилъ плату и отправился домой.

Въ полночь онъ опять отворилъ желѣзныя ворота кладбища и направился среди могилъ къ тому мѣсту, гдѣ былъ зарытъ послѣдній покойникъ. Онъ остановился и прислушался; ему казалось, что блестѣвшіе въ лунномъ свѣтѣ кресты качались и шевелились, а на одной изъ могильныхъ плитъ, скорчившись, сидѣлъ какой-то призракъ. Въ первый разъ онъ почувствовалъ нѣкоторый страхъ, хотя ему часто случалось бывать ночью на кладбищѣ.

— Пустяки! прошепталъ онъ, — привидѣній нѣтъ, а между тѣмъ мнѣ необходимо еще разъ посмотрѣть на моего послѣдняго кліента. У него сюртукъ такого тонкаго сукна, что мнѣ какъ разъ годился-бы для свадьбы. А мертвецу, конечно, все равно лежать-ли въ сюртукѣ, или въ одной рубашкѣ.

Для того, чтобы не проходить мимо могилы, осѣненной темнымъ кипарисомъ, онъ сдѣлалъ большой крюкъ. Подъ этимъ кипарисомъ онъ нѣсколько недѣль тому назадъ похоронилъ молодую женщину, съ которой потомъ снялъ брилліантовое ожерелье. Такъ какъ замочекъ былъ запертъ слишкомъ крѣпко, то онъ долженъ былъ разсѣчь его ножемъ. Что если теперь эта дама встанетъ изъ могилы и потребуетъ обратно свою собственность!

Наконецъ онъ подошелъ къ могилѣ, которую искалъ. Онъ снялъ вѣнки, лежавшіе на свѣжей насыпи, и началъ рыть рыхлую землю. Работа шла быстро, и онъ скоро почувствовалъ подъ лопатой крышку гроба, который нужно было поднять и открыть. Благодаря его исполинской силѣ, ему это удалось; онъ дѣйствительно могъ помѣряться съ двумя противниками, а упражненіе сдѣлало его еще сильнѣе.

Покойникъ лежалъ въ гробу съ полу-открытыми глазами и съ руками сложенными на груди. Для того, чтобы снять сюртукъ, Квиросъ долженъ былъ приподнять мертвеца и приставить его къ стѣнѣ. Прижимая его грудью, онъ розънялъ его руки и началъ развязывать галстукъ, чтобы разстегнуть застегнутый подъ подбородкомъ сюртукъ.

Тогда произошло нѣчто ужасное: руки покойника сомкнулись и стиснули точно желѣзными скобками тѣло дерзкаго вора. Онъ пытался вырваться изъ этихъ ужасныхъ объятій, схватывалъ своего противника за горло, умолялъ его о пощадѣ, но—все напрасно. Тогда имъ овладѣлъ еще никогда не испытанный ужасъ, холодный потъ выступилъ на лбу, и онъ внѣ себя началъ звать на помощь—громко, отчаянно, точно сумасшедшій. Когда прибѣжали его помощники и сосѣди для того, чтобы освободить его—онъ дѣйствительно уже сошелъ съ-ума. Послѣ того какъ его перенесли въ домъ, всѣ разбѣжались въ ужасѣ, никто не хотѣлъ остаться около несчастнаго. Его старшій помощникъ пошелъ за докторомъ, но прежде чѣмъ тотъ успѣлъ придти — домъ сумасшедшаго горѣлъ со всѣхъ четырехъ угловъ.

Уличный шумъ разбудилъ меня отъ безпокойнаго забытья, я быстро всталъ съ кровати и одѣлся; какой-то инстинктъ говорилъ мнѣ, что дѣло идетъ не о случайномъ несчастіи, а о чемъ-то выходившемъ изъ ряда. Восклицанія толпы, спѣшившей на пожаръ, подтвердили мои подозрѣнія. „Кладбище горитъ!“ раздавалось повсюду. „Дьяволъ поджегъ могильщика!“ „Квиросъ умеръ!“ Дѣйствительно, всѣ спѣшили по направленію къ кладбищу, куда и я пошелъ; но меня отбросилъ человѣческій потокъ, такъ что я принужденъ былъ воротиться въ городъ. Когда я подошелъ къ городскимъ воротамъ, я увидѣлъ изъ-подъ кровли одиноко стоявшаго домика вырывающіеся языки пламени. Кругомъ стояла толпа народа, но никто не рѣшался тушить пожара и всѣ съ ужасомъ смотрѣли на трещавшее пламя. „Этотъ огонь нельзя потушить, говорили присутствующіе,—это адскій огонь, зажженный самимъ дьяволомъ“.

— А что Квиросъ—успѣлъ спастись? спросилъ я моего сосѣда.

„Онъ сгорѣлъ“, отвѣчалъ мнѣ тотъ; а стоявшій съ нимъ рядомъ человѣкъ утверждалъ, что духи кладбища зарыли его живаго въ землю. Что именно случилось на самомъ дѣлѣ—я рѣшительно не могъ узнать, не смотря на все желаніе; я только чувствовалъ, что судъ Божій произнесъ свой приговоръ надъ нечестивымъ грѣшникомъ. Когда же обрушилась кровля и безчисленныя огненныя искры цѣлымъ снопомъ поднялись къ темному небу, я вспомнилъ слова дѣвушки, которая должна была сегодня вѣнчаться съ ненавистнымъ ей человѣкомъ. „Случаются чудеса“, сказала мнѣ Эмма; можетъ быть въ самомъ дѣлѣ случилось чудо.

Пока я объ этомъ думалъ, и слѣва и справа около меня слышались разговоры о новыхъ чудесахъ. „Мертвые возстали!“ раздавалось вокругъ меня, вся толпа устремилась къ кладбищу и боязливо остановилась передъ воротами. Только немногіе смѣльчаки рѣшились войти въ ограду. Я послѣдовалъ за ними и подошелъ къ группѣ, которая стояла у разрытой могилы. Тамъ ораторствовалъ какой-то человѣкъ, называвшій себя очевидцемъ происшедшаго на кладбищѣ случая. По его мнѣнію, погребенный былъ только мнимо-умершій и когда Квиросъ хотѣлъ его ограбить, то онъ очнулся. Теперь же онъ на самомъ дѣлѣ умеръ, такъ какъ лежитъ вотъ уже два часа въ одномъ положеніи и не двигается.

Я посмотрѣлъ по указанному направленію и увидалъ лежавшій возлѣ открытаго гроба трупъ и склонившуюся надъ нимъ фигуру доктора, у котораго я сегодня былъ на консультаціи. Узнавъ меня, докторъ всталъ и объяснилъ мнѣ въ чемъ дѣло.

— Все произошло вполнѣ естественно. Покойникъ,—я утверждаю, что онъ дѣйствительно умеръ, такъ какъ передъ погребеніемъ я открылъ ему артеріи — покойникъ, говорю я, былъ похороненъ слишкомъ скоро послѣ смерти, что часто дѣлается во время эпидемій. Квиросъ вырылъ его опять, чтобы его ограбить. Между тѣмъ извѣстно, что мускулы человѣка и послѣ смерти сохраняютъ еще нѣкоторое время свою гибкость; когда-же наступаетъ, такъ-называемое, „трупное окоченѣніе“, тогда поднятыя руки опять судорожно принимаютъ прежнее положеніе — что именно и произошло въ данномъ случаѣ. Изъ того въ какомъ состояніи было найдено платье умершаго, видно что грабитель хотѣлъ снять съ него сюртукъ, для чего и развелъ сложенныя крестомъ руки — онѣ тотчасъ же

Сборщикъ на церковь. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") профес. **Дмитріева-Оренбургскаго**, грав. Шюблеръ.

Праздникъ въ Помпеяхъ. Карт **Діаны Кумансъ**, съ фот. А. Брауна и К°, грав. Крёнеръ

опять сомкнулись и сжали Квироса какъ въ тискахъ. Отъ ужаса онъ потерялъ разсудокъ и поджегъ свой домъ, въ пламени котораго погибъ самъ.

Холодная дрожь пробѣжала по моему тѣлу при мысли объ ужасной кончинѣ человѣка, который сегодня долженъ былъ вступить въ бракъ съ красивѣйшею дѣвушкой въ городѣ. По объясненію врача, все произошло дѣйствительно вполнѣ естественно; мнѣ же все-таки казалось, что тутъ дѣйствовалъ высшій судъ, который покаралъ закоренѣлаго грѣшника и помѣшалъ ему воспользоваться плодами своихъ безсовѣстныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я вспомнилъ о несчастныхъ, со страхомъ ожидавшихъ этого дня, который долженъ былъ навѣкъ разрушить ихъ счастье. Семья Цербстовъ, конечно, знала уже о случившемся; но моему другу Гансу Рейтеру, имѣніе котораго находилось на разстояніи по крайней мѣрѣ одной мили отъ города, вѣроятно, ничего еще не было извѣстно о смерти его ужаснаго соперника; къ нему я и поспѣшилъ съ радостнымъ извѣстіемъ.

Въ то время, когда на кладбищѣ закапывали трупъ, вырытый Квиросомъ, я отправился обратно въ городъ, гдѣ я съ большимъ трудомъ разыскалъ экипажъ, долженствовавшій отвезти меня въ имѣніе Рейтера. Близилось утро, и зарево пожара сливалось съ блескомъ зари на востокѣ. Когда же я остановился передъ домомъ Рейтера, солнце уже взошло надъ моремъ, сіявшимъ неподвижно, точно зеркало изъ расплавленнаго металла. Вокругъ меня въ свѣжемъ утреннемъ вѣтеркѣ тихо шептали вершины пальмъ, мечевидные листья сахарнаго тростника блестѣли, омытые росой, а вѣтви хлопчатника наклонялись, точно привѣтствуя меня отъ имени человѣка который ихъ взрастилъ и взлелѣялъ. Я, какъ буря, ворвался къ нему въ комнату, гдѣ онъ встрѣтилъ меня со своимъ потухшимъ взглядомъ и осунувшимся лицомъ.

— Благодарю васъ, что вы посѣтили меня такъ рано, сказалъ онъ.—Вы очень добры, вы хотите облегчить несчастному его горькую участь. Не смотря на это, я все-таки прошу васъ оставить меня одного. Помните слова нашего роднаго поэта:

Есть горе — оно утѣшенья не проситъ,
Есть боли — лишь время ихъ лѣчитъ одно.

Съ этими словами онъ опять сѣлъ за столъ и закрылъ лицо обѣими руками.

Я положилъ ему на плечо руку, стараясь ободрить его, и разсказалъ ему о томъ, что произошло ночью. Сперва онъ слушалъ меня, недовѣрчиво качая головой, точно я разсказывалъ ему сказку. Когда же я далъ ему клятву въ томъ, что я говорю правду, и мой кучеръ подтвердилъ истину моихъ словъ — Рейтеръ бросился въ мои объятія и зарыдалъ какъ ребенокъ. Онъ, раньше не вѣрившій въ правосудіе Божіе на землѣ, теперь сдѣлался вѣрующимъ человѣкомъ. Чудо, на которое надѣялась его возлюбленная, дѣйствительно совершилось.

Десять минутъ спустя мы съ нимъ сидѣли въ экипажѣ, который несся какъ стрѣла по направленію къ городу. Такъ какъ я боялся, что новое волненіе вредно подѣйствуетъ на мое здоровье, то я вышелъ изъ экипажа, не доѣзжая до дома Цербста. Раньше я долженъ былъ дать обѣщаніе моему другу не уѣзжать такъ скоро изъ Вера-Круца и подождать по крайней мѣрѣ слѣдующаго парохода, идущаго въ Новый Орлеанъ.

На слѣдующій день состоялась помолвка влюбленныхъ, отпразднованная въ самомъ тѣсномъ семейномъ кругу; изъ постороннихъ гостей былъ я одинъ. Какъ дѣти, такъ и родители боялись высказывать слишкомъ громкую радость, но ихъ сіяющіе глаза достаточно краснорѣчиво благодарили Провидѣніе за то счастье, которое они считали навѣкъ потеряннымъ. Была еще одна причина радости ихъ: всѣ долговыя обязательства, подписанныя Цербстомъ, сгорѣли вмѣстѣ съ домомъ могильщика, а такъ какъ у него не было наслѣдниковъ, то этимъ самымъ уничтожались его долги; всѣ недвижимыя имѣнія самоубійцы были обращены въ государственную собственность. Только дача въ улицѣ Ла-Пуэбла, принадлежавшая Цербстамъ и взятая за долги Квиросомъ, не долго находилась во владѣніи государства: когда я, шесть лѣтъ спустя, опять посѣтилъ Вера-Круцъ, я узналъ, что Рейтеръ ее выкупилъ. Тамъ я нашелъ его въ кругу его семьи, число членовъ которой увеличивалось двумя прелестными малютками. „Если счастье намъ не измѣнитъ, говорилъ онъ мнѣ,—то мы скоро возвратимся въ наше отечество; теперь всѣ мы только и мечтаемъ объ этомъ!"

Я слышалъ, что недавно мечта эта осуществилась.

Метеоритъ 6 іюня 1889 г.,

упавшій въ с. Мигеи, близь Ольвіополя, Елисаветградскаго уѣзда, Херсонской губ.

(См. рисунки на стр. 556).

Въ статьѣ моей объ оханскомъ метеоритѣ (*Нива* 1889, №№ 3, 7 и 12) я не коснулся, по недостатку мѣста, вопроса о происхожденіи метеоритовъ, а высказалъ, что предметъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только при большемъ накопленіи метеоритовъ различнаго строенія и большемъ числѣ точныхъ наблюденій надъ явленіями, сопровождающими паденіе ихъ; при этомъ я просилъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ метеориты или узнающихъ о паденіи таковыхъ, доставлять мнѣ свѣдѣнія, а если возможно—и самые камни для изслѣдованія. Особенно благопріятное стеченіе обстоятельствъ даетъ возможность приступить къ этому вопросу теперь.

Въ прошломъ году, іюня 6, около 8½ час. вечера, херсонскій губернаторъ, тайный совѣтникъ А. С. Эрдели, сидя на балконѣ своего дома и занимаясь со старшимъ при немъ чиновникомъ особыхъ порученій Ѳ. Г. Моисеевымъ, замѣтилъ и наблюдалъ полетъ метеорита, о чемъ и было напечатано въ *Губ. Вѣд.* на слѣдующій же день.

Получивъ затѣмъ 1 іюля отъ уѣзднаго исправника камень, выпавшій въ Мигеи, А. С. Эрдели, вспомнивъ о моей просьбѣ, благосклонно прислалъ ко мнѣ доставленный ему камень съ приложеніемъ подробностей своего личнаго наблюденія надъ полетомъ; впослѣдствіи Ѳ. Г. Моисеевъ доставилъ мнѣ свѣдѣнія, собранныя имъ, по порученію А. С. Эрдели, въ Мигеи отъ очевидцевъ самаго паденія, и рисунки болида, какимъ онъ представлялся во время самаго полета.

Какъ самый камень, такъ и явленія, сопровождавшія паденіе его, настолько характерны и отличны отъ обыкновенныхъ крупинчатыхъ (хондритовыхъ) метеоритовъ, къ которымъ между прочимъ принадлежитъ и оханскій камень, что возбуждаютъ особенное вниманіе и, представляя много научно-новаго, невольно заставляютъ коснуться вопроса о мѣстѣ образованія метеоритовъ во вселенной. Но, по порядку.

„Вечеромъ 6 іюня 1889 г., послѣ большаго дождя, пишетъ наблюдатель явленія тайный совѣтникъ А. С. Эрдели, я занимался, вмѣстѣ съ моимъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій Ѳ. Г. Моисеевымъ, на балконѣ 2-го этажа моей квартиры въ Херсонѣ; случайно взглянувъ на ту часть неба, которая, совершенно очистившись отъ разорвавшейся тучи, находилась прямо противъ меня, на сѣверо-западѣ, на значительномъ разстояніи отъ горизонта, затянутаго нижней половиной этой тучи, я замѣтилъ, что изъ-за верхней половины (рис. 1, В) на чистое, совершенно синее пространство неба, вылетѣлъ яркій, свѣтящійся *красноватый* шаръ, освѣтившій мгновенно все это пространство, не смотря на достаточный еще дневной свѣтъ, и почти на половинѣ пути между двумя тучами, какъ бы *вспыхнувъ* въ родѣ *ракеты*, разсыпался; въ этомъ мѣстѣ метеоръ сильно свѣтился и какъ бы лопнулъ, а затѣмъ продолжалъ летѣть и скрылся за нижнею частью тучи (рис. 1, Н.). Явленіе произошло чрезвычайно быстро; но путь метеора оставилъ падолго слѣдъ, обозначившійся тонкою полосой серебристо-матоваго цвѣта, простиравшейся отъ верхней тучи до нижней, а почти на срединѣ этой полосы, гдѣ какъ бы лопнулъ метеоръ, образовалось такого же цвѣта, почти круглой формы, пятно, значительно выходившее за предѣлы полосы въ одну и другую стороны". (По моей просьбѣ, другой свидѣтель явленія, Ѳ. Г. Моисеевъ, прислалъ мнѣ рисунокъ явленія, который и воспроизведенъ здѣсь, фиг. 1). „По исчезновеніи метеора, продолжаетъ почтенный наблюдатель, я посмотрѣлъ на часы, идущіе весьма вѣрно по херсонскому меридіану: было 8 час. 22 мин. Послѣ пролета метеора я *болѣе получаса* наблюдалъ въ бинокль полосу и пятно. Наблюденіе прекратилось только съ наступленіемъ полныхъ сумерокъ. И полоса, и пятно оставались нѣсколько минутъ совершенно неподвижны, сохраняя первоначальную форму, какъ бы нарисованныя. Считая ихъ дымомъ или парами, я приписывалъ ихъ неподвижность абсолютной тишинѣ въ воздухѣ. Затѣмъ полоса стала медленно измѣнять форму, причемъ пятно растягивалось въ горизонтальномъ направленіи и слегка *опускалось*, вслѣдствіе чего нижняя часть полосы постепенно принимала дугообразное *книзу* положеніе и при этомъ стали рѣзко обозначаться въ этой части *зигзаги*, начиная *отъ пятна до тучи*, тогда какъ верхняя часть полосы отъ верхней тучи до пятна, напротивъ, вытягивалась въ струнку и изъ нѣсколько кривой обращалась въ прямую, какъ натягиваемая веревка".

Всѣ эти подробности въ высшей степени интересны и важны для метеоритики. Эти свѣдѣнія, въ связи съ собранными мною впослѣдствіи отъ г. Моисеева, отъ пристава г. Ольвіополя г. Петрова и отъ мѣстнаго священника села Мигеи, — которымъ приношу здѣсь душевную признательность, — представляютъ полную картину паденія этого метеорита. Изъ угловъ высоты краевъ верхняго облака, мѣста вспышки, и верхняго края нижняго облака, опредѣленныхъ графически г. Моисеевымъ, вычисляются слѣдующія данныя: метеоръ появился въ раскаленномъ состояніи на высотѣ 100 верстъ надъ горизонтомъ; на разстояніи 60 верстъ надъ горизонтомъ онъ вспыхнулъ—и горящимъ, съ отдѣленіемъ газовъ и дыма, образовавшихъ кругомъ его облачко, скрылся отъ глазъ херсонскихъ наблюдателей на высотѣ 30 верстъ надъ горизонтомъ;

онъ опустился на землю на сѣверо-западъ отъ Херсона въ прямомъ разстояніи 180 верстъ, на баштанъ близъ Мигеи, сопутствуемый съ самаго паденія тѣмъ же облачкомъ. Знать, какого рода было это облачко, чрезвычайно важно, и это опредѣляется главнѣйше слѣдующимъ наблюденіемъ: на другой день, 7 іюня, мѣщанинъ Черновъ, хозяинъ баштана, гдѣ растутъ подсолнечники, замѣтилъ около 10 подсолнечниковъ, высотою въ $3/4$ арш., *листья* которыхъ какъ бы *закопчены* и, вспомнивъ вчерашнюю грозу и паденіе горящаго предмета, сталъ осматриваться вокругъ и скоро нашелъ обгорѣлый камень, почти обуглившійся, неправильной формы. Очевидно, облачко состояло изъ продуктовъ горѣнія метеорита, черныхъ, въ видѣ сажи, чѣмъ покрыта была также и вся поверхность самаго камня, которая была первоначально маркою. Понятно, что первоначально, когда метеоритъ появился и былъ только раскаленъ, отъ него отдѣлялись лишь мелкія части и въ маломъ количествѣ; далѣе, когда метеоритъ болѣе нагрѣлся и вспыхнулъ, отъ него стали отдѣляться части болѣе крупныя и въ большемъ количествѣ—этимъ и объясняется различіе въ цвѣтѣ, ширинѣ и формѣ слѣда полета, наблюдаемаго А. С. Эрдели. Упоминаемые зигзаги нижней части пути произошли отъ того, что болѣе крупныя частицы этого дыма опускались на землю быстрѣе болѣе мелкихъ — и тѣ, и другія дали гдѣ-либо осадокъ такъ-называемой метеоритной пыли.

Свидѣтелями паденія въ Мигеи были Черновъ и 4 крестьянина, возвращавшіеся домой съ полывки баштана, насаженнаго по откосу балки; половина площади его находится на днѣ балки, которая на 7 арш. ниже остальной площади баштана. Въ моментъ паденія камня на верхнюю часть балки, четверо шли по дну ея и слышали лишь шумъ отъ полета и трескъ, на подобіе выстрѣла изъ пушки, происшедшій при паденіи метеорита; одна же изъ работницъ, Евдокія Костенкова, шла другой дорогой, вверху по откосу горы, въ 160 саженяхъ на востокъ отъ мѣста паденія камня, и видѣла на противуположной сторонѣ балки, на горѣ, спускавшійся на землю болидъ, самое паденіе его и слышала шумъ полета и раздавшійся страшный трескъ при паденіи камня на землю; она замѣтила также чрезвычайно сильный вихрь, сопровождавшій полетъ, отъ котораго прилегли къ землѣ подсолнечники на баштанѣ и сильно нагнуло деревья, растущія въ балкѣ. За часъ съ четвертью до паденія прошелъ небольшой дождь, а при паденіи въ воздухѣ было совершенно тихо и немного душно. Евдокія Костенкова говоритъ, что замѣтила падающій метеоритъ почти надъ самой землей, на высотѣ 10—12 саженъ отъ земли; метеоритъ летѣлъ почти совершенно отвѣсно, такъ что нельзя было замѣтить, откуда онъ появился; падалъ онъ со скоростью обыкновеннаго камня, падающаго съ высоты. Падая, метеоритъ представлялся чернымъ, круглымъ вертящимся шаромъ, по размѣру равнымъ большому арбузу; вокругъ его виднѣлся паръ или дымъ размѣромъ въ большое колесо, такъ что вертящійся камень представлялся центромъ большаго свѣтлаго круга пара или дыма. Вертящійся метеоритъ, опускаясь на землю, производилъ сильный шумъ, какъ бы отъ свиста и шипѣнія, но никакого слѣда послѣ себя не оставлялъ: отдѣльно не видно было ни дыма, ни пара (конечно не замѣченнаго только по условіямъ освѣщенія). При паденіи же на землю послѣдовалъ трескъ, подобный выстрѣлу изъ нѣсколькихъ пушекъ, причемъ земля сильно дрогнула. Когда работавшіе на баштанѣ черезъ $1/4$ часа подошли къ своему шалашу, отстоящему на 20 саж. отъ мѣста паденія камня, то слышали сильный запахъ горѣвшей сѣры. Врылся камень въ землю до $1/2$ своей величины (вершка на 3); падая, подхватилъ подъ себя три подсолнечныхъ стебля и они, по словамъ пристава, вѣроятно, воспрепятствовали ему глубоко войти въ землю, такъ какъ земля въ этомъ мѣстѣ была очень мягка и, послѣ дождя, сыровата. Метеоритъ со всѣхъ сторонъ имѣлъ одинаково оплавленную поверхность и упалъ цѣльный. Яма имѣла ту самую форму, какъ та часть метеорита, которая была углублена въ нее,—раскиданной, взрытой земли по сторонамъ не было, что указываетъ почти на вертикальное паденіе камня.

Кромѣ помянутой крестьянки Костенковой, никто изъ жителей Мигеи, отстоящей на 200 саж. отъ мѣста паденія, не видѣлъ самаго полета, но многіе слышали свистъ или шипѣніе полета, а затѣмъ гулъ, на подобіе выстрѣла, при паденіи. Найденный камень цѣльный вѣсилъ первоначально 25 фунтовъ; нашедшіе его крестьяне отбили себѣ на память около 8 фунтовъ, такъ что губернатору было доставлено около 17 фунтовъ, которые онъ и препроводилъ ко мнѣ для изслѣдованія. Собравъ впослѣдствіи отъ жителей нѣсколько отбитыхъ кусковъ, я могъ возстановить почти вполнѣ первоначальную форму, въ какой камень и представленъ на фиг. 2 и 3. При отколачиваніи крестьянами угловъ, камень треснулъ почти пополамъ, какъ означено пунктиромъ на фиг. 2; пунктиромъ же обозначены и мѣста, откуда отбиты были приставленные, для возстановленія формы, куски.

Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя доставлены очевидцами явленія; они тѣмъ болѣе цѣнны, что весьма многія изъ этихъ явленій до того тождественны съ явленіями паденія подобныхъ же метеоритовъ въ другихъ мѣстахъ, что даже въ описаніяхъ употреблены тѣ же сравненія, даже форма этого метеорита 3-хъ-гранная въ нижнемъ (II, фиг. 2) или переднемъ и многогранная у противуположнаго конца имѣетъ много сходства съ формою другихъ метеоритовъ этой группы. Эта общность нашего метеорита съ другими подобнаго рода показываетъ, что какъ форма, такъ и явленія, сопутствующія паденію ихъ, не такъ случайны, какъ предполагается вообще, а обусловливаются строеніемъ самаго камня.

Весь метеоритъ въ изломѣ представляетъ черную, матовую, землистую маркую массу, похожую на комъ чернозема. Такихъ метеоритовъ вообще извѣстно только 5, выпавшихъ на глазахъ наблюдателей въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Изученіемъ ихъ занимались величайшіе ученые и спеціалисты какъ Берцеліусъ, Тенаръ, Фаредэ, Велеръ, Гайдингеръ, Хериесъ, Клецъ, Вебскій, Пизани, Добрэ, Мэнье и въ послѣднее время, въ 1888 г., у Раммельсберга въ Берлинѣ Фридгеймъ. Результаты ихъ работъ выражаются въ двухъ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) всѣ эти *угольные* метеориты состоятъ изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и большинство каменныхъ метеоритовъ, но какъ расположены эти элементы въ этой группѣ — сказать невозможно, потому что они представляютъ массу вполнѣ разложившуюся (durch und durch zersetzt), частію и подъ вліяніемъ атмосферическаго воздуха. Только Добрэ въ метеоритѣ Оргейля нашелъ мелкіе осколки кварца и кристаллы магнитнаго колчедана. Кромѣ того, 2) въ составъ ихъ входятъ *углеводороды*, въ родѣ земныхъ озокерита, шерерита и т. п. минераловъ. Такъ какъ для образованія послѣднихъ на землѣ признается необходимымъ участіе органическихъ тѣлъ, то и самыя тѣла считаются минералами органическаго происхожденія и называются органическими соединеніями. Ближайшее изученіе этихъ, такъ-называемыхъ, органическихъ соединеній въ метеоритахъ не было произведено ближе даже Фридгеймомъ, не смотря на всѣ новѣйшіе успѣхи химіи; между тѣмъ вопросъ, какимъ образомъ въ метеоритахъ, неоспоримо образовавшихся при весьма высокой температурѣ и безъ всякаго участія органическихъ тѣлъ, могли уцѣлѣть столь горючіе, легкоплавкіе и улетучивающіеся минералы, какъ озокеритъ и др. углеводороды, одинаково интересенъ какъ для метеоритиковъ, такъ и для минералоговъ, химиковъ и астрофизиковъ. Благодаря просвѣщенному содѣйствію А. С. Эрдели, приславшаго мнѣ настоящій метеоритъ, представляющій матеріалъ въ изобиліи,—многое въ строеніи метеоритовъ этой группы, равно и въ образованіи ихъ будетъ возможно разъяснить, а иное поставить, кажется, на прямой путь къ объясненію происхожденія метеоритовъ вообще.

1. Кора вся однородно-черная, морщинистая или складчатая, матовая и только мѣстами блестящая или какъ бы истыканная булавками, очевидно несетъ слѣды кипѣнія, какое я указалъ въ корѣ оханскаго метеорита, но весьма тонка и легко отдѣляется отъ массы камня; зерна металлическаго желѣза въ ней едва видимы въ увеличительное стекло. Внутренняя масса метеорита (магма), землистая, черная, маркая, легко разсыпающаяся, заключаетъ въ себѣ:

а) шарики или хондры, совершенно черные; иногда между ними встрѣчаются многогранные, напоминающіе формы кристалловъ (фиг. 4). Я признаю ихъ за метаморфоз. кристаллы желѣза, и въ этомъ мнѣніи меня подкрѣпляетъ между прочимъ расположеніе металлическаго желѣза, которое я замѣтилъ только въ хондрахъ, расположеннаго въ нихъ зернами: или по окружности, какъ на фиг. 5, или въ срединѣ хондры, которая иногда содержитъ пустоту съ явными слѣдами плавленія и кипѣнія на стѣнкахъ. Каждое зерно металлическаго никкелеваго желѣза окружено черною массою, состоящею изъ угля, окиси и закиси желѣза, а иногда и кристалликовъ пирита, въ видѣ кубовъ.

б) Другія хондры или зерна темносѣраго цвѣта, весьма многочисленныя, придающія излому метеорита такой видъ, какъ будто на него была брызнута кистью жидкая бѣлая краска, состоятъ изъ мелкихъ отдѣльныхъ кристалликовъ, расположенныхъ иногда лучеобразно отъ центра, какъ показываетъ фиг. 6, и имѣющихъ форму фиг. 8 и 9. Эти бѣлые полупрозрачные, сильно блестящіе кристаллики съ явственною спайностью, подъ микроскопомъ рѣзко отличаются радужными цвѣтами среди черной массы метеорита отъ микр. кристалловъ оливина; мѣстами они представляютъ вѣерообразныя скопленія призмъ въ 1—$1\frac{1}{2}$ миллиметра, какъ на фиг. 7.

в) Чаще же всего сѣрый цвѣтъ зеренъ зависитъ отъ прозрачнаго, стекловатаго съ слабымъ зеленовато-желтымъ оттѣнкомъ минерала, явственно кристаллическаго, смѣшаннаго съ черною основною массою метеорита. Зерна эти, микроскопически мелкія, разсѣянныя по всей массѣ метеорита, подъ микроскопомъ сильно поляризуютъ и явно представляютъ однородное вещество съ тѣми кристаллическими, черепичатыми скопленіями 6-стороннихъ табличекъ, которыя такъ характеризуютъ земной минералъ извѣстный подъ именемъ тридимита. Нахожденіе этого минерала въ метеоритѣ совершенно неожиданно и ново.

Въ нашемъ метеоритѣ тридимитъ имѣетъ форму, какъ изображено на фиг. 10, рѣже на фиг. 11 (представляющей собственно кристаллъ оливина въ поляризованномъ свѣтѣ съ весьма рѣзкими оттѣнками цвѣтовъ), но чаще всего во всей массѣ метео-

рита попадаются микроскопическіе его осколки, безъ правильныхъ очертаній. Это-то послѣднее обстоятельство и побудило г. Добрэ признать ихъ за осколки кварца въ подобномъ же угольномъ метеоритѣ Orgeil'я. Различная форма кремневой кислоты Мигеи указываетъ на различныя условія при образованіи всего метеорита (кремневая кислота составляетъ почти ⅓ всей массы метеорита (31,153%) по анализу г. Френкеля въ лабораторіи д-ра Целя). Этотъ тридимитъ или асманитъ, кромѣ отдѣльныхъ разсѣянныхъ въ массѣ осколковъ и отдѣльныхъ кристалловъ и кристаллическихъ сростковъ, очень часто составляетъ вмѣстѣ съ магмою метеорита хондры, въ которыхъ расположенъ нерѣдко по радіусамъ подобно какъ на фиг. 6. Очевидно здѣсь кремневая кислота вытѣснила и замѣстила химически измѣненныя части металлическаго желѣза, оставшіяся мѣстами между табличками тридимита.

г) Общій цвѣтъ метеорита черный, обращающійся при прокаливаніи на воздухѣ въ бурый, происходитъ не столько отъ содержанія угля (приблизительно около 4%), сколько главнѣйше отъ окиси (8,269%) и закиси (13,110%) желѣза, которое тоже находится и въ связи съ сѣрою (9,034%) и въ видѣ никкелеваго желѣза (никкеля 1,115%). Различныя соединенія желѣза и кремневая кислота, какъ видно, суть двѣ господствующія составныя части. Кремневая кислота въ каждой хондрѣ вытѣсняла и замѣщала измѣненное, быть-можетъ сгорѣвшее желѣзо. Кромѣ того окиси кальція 2,439%, окиси магнія 9,034%, сѣры 5,632%.

2. Среди черной массы метеорита встрѣчается мѣстами мягкое, желтоватое вещество въ видѣ иголокъ въ 1—½ mm., жилковатаго строенія, принимающее впечатлѣніе даже булавки. Оно легко растворяется въ спирту и въ эѳирѣ (вытяжка 0,230%), нерастворимо въ водѣ и соляной кислотѣ; положенное на стеклышко легко плавится и улетучивается, издавая своеобразный спиртуозный запахъ, весьма примѣтный впрочемъ и тогда, когда метеоритъ остается нѣкоторое время въ закрытомъ сосудѣ при обыкновенной комнатной температурѣ; это же вещество попадается въ видѣ красновато-бурыхъ чешуйчатыхъ, въ ½ булавочной головки скопленій, которыя при прокаливаніи на стеклѣ совершенно обугливаются, выдѣляя на стеклѣ маслянистое вещество; наконецъ, оно же покрываетъ хондры содержащія тридимитъ, смѣшанный съ черною желѣзною массою; послѣ того какъ эта послѣдняя растворилась въ соляной кислотѣ, тридимитъ разсыпается, оливинъ растворяется— остается сѣть органическаго вещества, представляющаго какъ бы ячеистое строеніе органическихъ тканей.

Эѳирная вытяжка указываетъ, что по вѣсу этого вещества находится въ данномъ метеоритѣ 0,230%, и вещество представляется желтоватою вязкою массою, среди которой мѣстами образуются кристаллики въ видѣ скаленоэдровъ. Это и есть такъ-называемое органическое вещество. Оно и придаетъ особенный интересъ метеориту, и количественный анализъ его остается у всѣхъ 5 метеоритовъ этой группы не опредѣленнымъ. Имъ весьма дѣятельно занятъ г. Френкель. Окончательные результаты его и другихъ работъ будутъ напечатаны своевременно. Въ данномъ случаѣ не такъ важно указаніе бóльшаго или меньшаго содержанія того или другаго изъ элементовъ углеводорода Мигеи, сколько его сложеніе и строеніе, представляющія особый интересъ вслѣдствіе замѣченнаго мною микроскопически ячеистаго и волокнистаго расположенія частицъ, весьма сходнаго со сложеніемъ органическихъ тканей земныхъ тѣлъ. Этотъ мигейскій углеводородъ я позволяю себѣ назвать *Эрделитомъ*, въ память лица, которое, при сложныхъ административныхъ заботахъ, не упускаетъ изъ виду и удовлетвореніе просьбъ ученыхъ и интересы науки. Ближайшимъ изученіемъ Эрделита занято, по моей просьбѣ, нѣсколько спеціалистовъ русскихъ и иностранныхъ. Если дѣйствительно это органическое заоблачное вещество окажется вмѣстѣ съ тѣмъ и организованнымъ, то это рѣшитъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ біологіи. Кромѣ ячеистаго и волокнистаго строенія Эрделитъ представляется и въ видѣ аморфныхъ пластинокъ, комочковъ, иголъ и т. п., бѣлаго, очевидно окрашеннаго желѣзомъ въ буроватый, гіацинтовый и проч. цвѣта, выполняющаго иногда пустоты въ магмѣ.

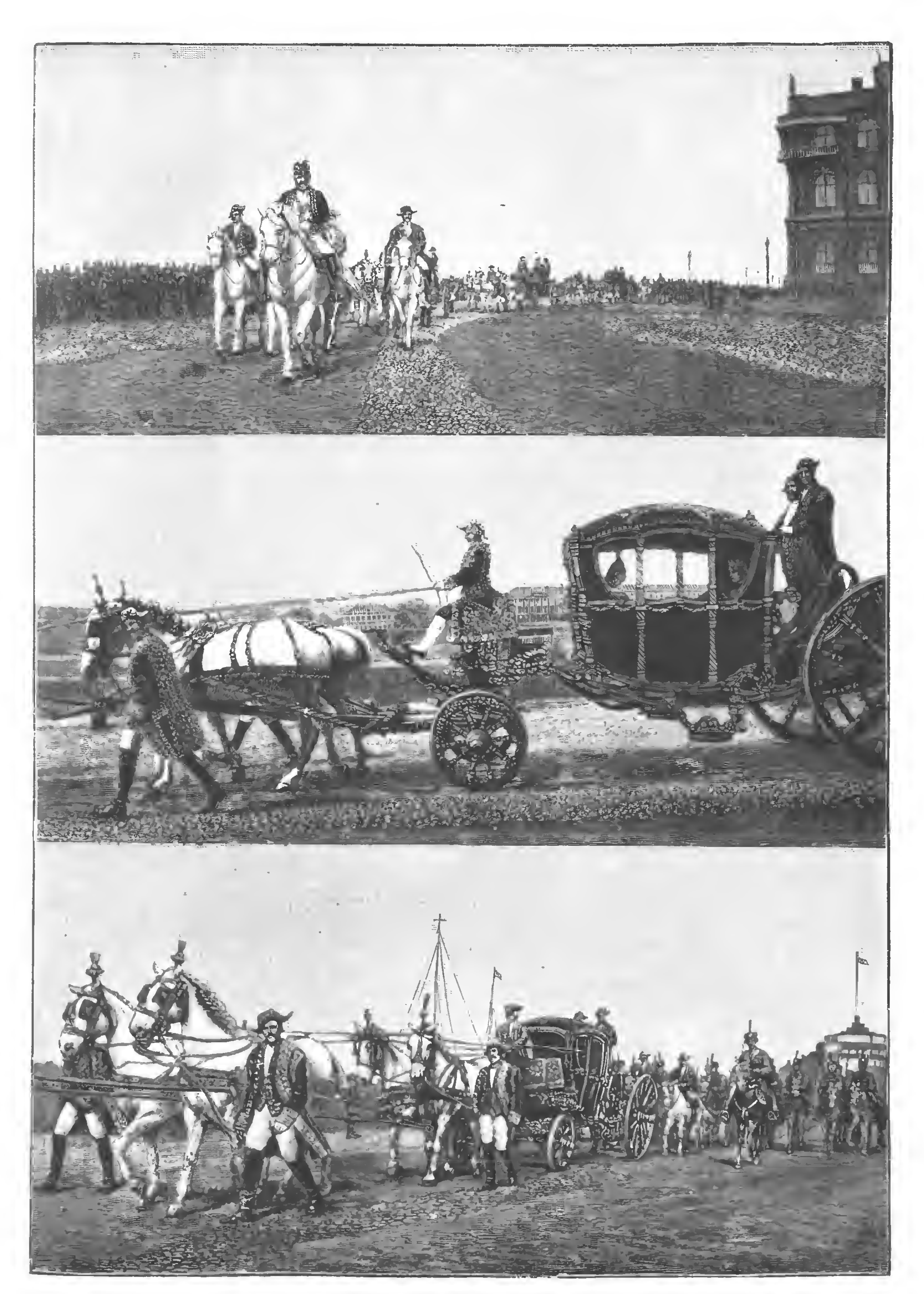
Все сказанное до сихъ поръ о метеоритѣ Мигеи ставитъ два вопроса, рѣшеніе которыхъ наводитъ на условія образованія метеорита и на мѣсто, гдѣ во вселенной могли бы образоваться подобныя тѣла.

Во-первыхъ происхожденіе всѣхъ подобныхъ земныхъ углеводородовъ, каковы горное масло, горный или каменный воскъ озокеритъ, шереритъ и т. п., объясняется процессами при необходимомъ участіи органическихъ тѣлъ. Такое объясненіе происхожденія углеводородовъ въ метеоритахъ неприложимо и приводитъ къ заключенію, что объясненіе происхожденія нефти, горнаго масла и т. п., предложенное проф. Менделѣевымъ (дѣйствіемъ водорода при высокой температурѣ на желѣзо содержащее уголь), не только вполнѣ приложимо здѣсь, но и подтверждаетъ возможность образованія углеводородовъ безъ участія органическихъ тѣлъ. Присутствіе желѣза, болѣе 30% въ этомъ метеоритѣ, и особенно условіе нахожденія его мелкими кусками въ самыхъ хондрахъ, такъ сказать въ видѣ остатковъ, дѣлаютъ это предположеніе вѣроятнымъ; участіе высокой температуры и дѣйствія газовъ подтверждается здѣсь извѣстными условіями при образованіи земныхъ тридимитовъ; углеродъ обыкновенно сопутствуетъ самородному желѣзу; наконецъ, въ космической средѣ образованія этого метеорита, какъ извѣстно, находится необходимый дѣятель— водородъ. Мѣсто образованія метеорита еще точнѣе опредѣляется если принять въ соображеніе слѣдующее обстоятельство: метеорическій углеводородъ, весьма легко плавкій и улетучивающійся, находится здѣсь въ твердомъ состояніи, слѣдовательно онъ могъ сгуститься и принять настоящій видъ Эрделита только при низкой температурѣ, въ тѣлѣ уже охлаждающемся; съ другой стороны, почти равномѣрное его распространеніе, какъ внутри хондровъ состоящихъ изъ осколковъ тридимита, такъ и рядомъ съ тридимитомъ сохранившимъ кристаллическую форму, не смотря на всю ломкость его, показываетъ что онъ въ данномъ метеоритѣ образовался не въ одинъ пріемъ, а образованіе его повторялось многократно, т. е. метеоритъ неоднократно переходилъ изъ температуры высокой въ болѣе низкую, причемъ частицы составляющія его подвергались взаимнымъ толчкамъ (осколки тридимита), тренію (круглыя хондры), онѣ метаморфозировали кристаллы желѣза (псевдокристаллы подобные фиг. 3) и т. п. Такого рода движеніе, сталкиваніе частицъ, попеременное нагрѣваніе и охлажденіе тѣлъ суть явленія совершающіяся въ кометахъ, какъ ядрахъ, такъ и ихъ хвостахъ. Все это даетъ новый поводъ принять, что мѣстомъ образованія метеоритовъ являются кометы, или точнѣе, что метеориты, какъ это предполагали Хладни, отецъ метеоритики, еще въ 1817 году, баронъ Рейхенбахъ въ 1858 году, и какъ это силится доказать Райтъ (1857) и Лакіеръ въ послѣднее время, суть частицы кометъ или ихъ хвостовъ, которые въ извѣстныхъ условіяхъ достигаютъ земли.

Показанное мною выше строеніе метеорита Мигеи есть сильная поддержка, если и не рѣшающая окончательно дѣйствительности образованія, то во всякомъ случаѣ представляющая новый доводъ возможности формированія метеоритовъ въ тѣхъ астрофизическихъ условіяхъ въ какихъ находятся кометы. Если строеніе метеоритовъ и условія ихъ паденія, вмѣстѣ съ наблюденіями астрофизиковъ дѣлали предположенія о кометномъ происхожденіи ихъ возможнымъ, то съ изслѣдованіемъ Мигейскаго камня вся совокупность признаковъ ставитъ это предположеніе въ рядъ гипотезъ вѣроятныхъ, почти достовѣрныхъ. Съ нетерпѣніемъ ожидаемое окончаніе химическаго анализа этого метеорита можетъ ближе указать весь ходъ образованія этого и подобныхъ ему метеоритовъ. Во всякомъ случаѣ открытые мною сильно блестящіе, не исчирканные кристаллы пирита, неразрушенные кристаллы весьма ломкаго тридимита, сложеніе эрделита, гипса и друг., въ этомъ метеоритѣ, равно и кристалловъ желѣза неокругленныхъ, съ прямолинейными ребрами, также чистаго, свѣжаго сѣрнаго колчедана въ метеоритѣ оханскомъ—ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что каменные метеориты образовались не вдругъ, а каждый изъ нихъ, составляя брекчію осколковъ и шариковъ (хондровъ) существовавшихъ до него, и сцѣпленныхъ вмѣстѣ, претерпѣвалъ новыя измѣненія, въ которыхъ и образовались кристаллы; среди этого формованія метеоритовъ, они вырываются изъ своей сферы и падаютъ на землю, представляя не осколки нѣкогда сформировавшейся и разрушенной планеты, а только различныя стадіи формованія частей кометы, какое наблюдается и въ туманныхъ пятнахъ, имѣющихъ, по мнѣнію астрофизиковъ, еще въ будущемъ образовать планеты, Луны и т. п. Метеоритъ Мигеи не можетъ быть разсматриваемъ какъ тѣло совершенно разложившееся (durch und durch zezsetzt—Friedheim), а напротивъ тѣло формирующееся рядомъ послѣдовательныхъ химическихъ процессовъ подъ вліяніемъ неоднократно измѣняющихся и повторяющихся астрофизическихъ условій. Опредѣлить какую стадію формованія метеоритовъ онъ занимаетъ, близкую ли къ родоначальной, имѣющей перейти въ силикатовые метеориты, или конечную, имѣющую разсыпаться и слиться съ другими, или осѣсть на другія небесныя тѣла въ видѣ метеорной пыли—вопросъ будущаго.

Такіе выводы вносить въ науку изученіе метеорита доставленнаго мнѣ херсонскимъ губернаторомъ А. С. Эрдели; заявляя ему мою глубочайшую признательность отъ имени науки — я позволю себѣ повторить, что надлежащее, не шаблонное изученіе всякаго метеорита приближаетъ науку къ рѣшенію главнѣйшихъ ея задачъ, и потому обращаюсь съ просьбою ко всѣмъ читателямъ: доставлять мнѣ свѣдѣнія о метеоритахъ какъ вновь найденныхъ или выпавшихъ, такъ и о извѣстныхъ имъ паденіяхъ и находкахъ камней или желѣза въ прежнее время. Самые метеориты и метеорное желѣзо, по изслѣдованіи ихъ, будутъ возвращаемы всякій разъ, если собственникъ этихъ тѣлъ не будетъ согласенъ уступить ихъ мнѣ совсѣмъ, за извѣстное вознагражденіе, для моей коллекціи.—Если камни или желѣзо сомнительны, то есть если не было наблюдаемо ихъ паденіе, или они такъ велики, что пересылка ихъ по почтѣ составляетъ затрудненіе, покорнѣйше прошу выслать предварительно небольшіе отпиленные или отколотые отъ цѣлаго куски по адресу: С.-Петербургъ, Васильевскій Остр., 13 лин., д. № 2.

Юл. Симашко.



Общій видъ процессіи изъ Зимняго Дворца.
Карета Великой Княжны.
Процессія у Сената.

Крещеніе Великой Княжны Маріи Павловны. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

„Сѣнокосъ“. Карт. И. С. Галкина. (Рис. на стр. 537).

Въ жаркую, страдную пору сѣнокоса особенно сильно развивается жажда, и каждый глотокъ свѣжей воды обновляетъ надающія силы; между тѣмъ до рѣчки не близко, до двора еще дальше—и вотъ за водой командируются подростки, а въ безводныхъ мѣстахъ посылаются и прямо изъ деревни съ глиняными кувшинами живительной влаги. Картина И. С. Галкина изображаетъ одного изъ такихъ гонцовъ, дѣвочку, спѣшащую на помощь жаждущимъ косарямъ.

„Ай, какъ мило!“ Карт. Фрейвиртъ-Люцова.

(Рис. на стр. 540).

Въ роскошной мастерской вошедшаго въ моду и разбогатѣвшаго живописца, обставленной со всѣми затѣями прихотливаго комфорта, въ отсутствіи художника старый лакей, зашедшій сюда обмести пыль, съ видомъ знатока любуется послѣднимъ произведеніемъ своего барина—какою-то нимфой или купальщицей, которыми теперь запруженъ художественный рынокъ и которыя свидѣтельствуютъ о глубокомъ упадкѣ вкуса.

Львица съ добычей. (Рис. на стр. 541).

Мастерски переданная сцена радостнаго возбужденія львиной семьи, которой посчастливилось раздобыться свѣжинкой на завтракъ—только-что пойманною газелью (сайгой). Особенно хорошъ самецъ-львенокъ на первомъ планѣ, котораго стальные мускулы, начатки гривы и энергическія размахи лапъ на ходу обличаютъ уже будущаго царя пустыни.

„На рѣчкѣ“. Карт. Х. П. Платонова. (Рис. на стр. 545).

Х. П. Платоновъ принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ русскимъ художникамъ, которые изображаютъ народный бытъ не обезображивая его тенденціозною и совершенно фальшивою грубостью и утрировкой. Крохотный мальчуганъ увязался за сестрою на рѣчку и въ горделивомъ сознаніи своей полезности, держитъ ей валекъ, пока та, подшучивая надъ нимъ, полощетъ бѣлье въ тихой заводи.

„Сборщикъ на церковь“. Карт. проф. Дмитріева-Оренбургскаго. (Рис. на стр. 548).

На этомъ рисункѣ изображена сцена часто повторяющаяся въ деревенской жизни. Сборщикъ на церковь, одинъ изъ тѣхъ, которые по собственной волѣ, собирая съ православныхъ мѣдные гроши на постройку давно желанной церкви въ ихъ волости или селѣ, ходятъ изъ деревни въ деревню, съ образомъ и кружкой-копилкой на груди, съ церковною пеленой, съ корзиной для дареныхъ яицъ (которыя они продаютъ) въ одной рукѣ, и посохомъ въ другой, остановился у окна и принимаетъ грошикъ отъ высунувшейся изъ окна бабенки, въ то время какъ дѣвочка кладетъ ему яичко въ корзинку, а другая, съ младенцемъ на плечѣ, прикладывается къ образу.

Вотъ что разсказываетъ авторъ этого рисунка про одного сборщика: Зазвалъ онъ лѣтомъ, въ деревнѣ, сборщика къ себѣ, чтобы нарисовать съ него, обѣщая дать ему за это денегъ. Старикъ согласился, пошелъ, но когда художникъ началъ съ него рисовать, то онъ недовѣрчиво сталъ всматриваться въ художника и его быстро двигающіяся руки.

— Что это ты дѣлаешь? спросилъ онъ.

— Рисую...

— Нѣтъ, ты не рисуешь, ты пишешь. Ты вѣрно думаешь, что я безпаспортный; такъ это ты должно становому хочешь представить. Такъ чего ты! у меня паспортъ съ собой. Хошь покажу?..

— Успокойся; не надо мнѣ твоего паспорта; развѣ ты не знаешь, что значитъ рисовать?..

Окончивъ свой рисунокъ, художникъ далъ старику нѣсколько монетъ и показалъ ему рисунокъ. Старикъ спрятавъ тщательно деньги, посмотрѣлъ рисунокъ и, помотавъ укоризненно головой, сказалъ съ горечью въ голосѣ: „Эхъ! эхъ! эхъ! вижу я, дѣлать-то тебѣ нечего!“

А вотъ что разсказалъ И. С. Тургеневъ автору этого рисунка, когда художникъ передалъ ему вышеприведенный разсказъ:—Однажды я былъ въ деревнѣ, съ пріятелемъ, который немного рисовалъ; и я тоже притащилъ ему съ улицы типичнаго сборщика на церковь. Когда онъ нарисовалъ съ него, то я взялъ этотъ рисунокъ и показалъ старику:

— Похожъ-ли ты? спросилъ я его.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня.

— А я почемъ знаю, похожъ я или нѣтъ! Развѣ я себя видалъ?..

Я выразилъ удивленіе. Старикъ началъ горячиться.

— А ты развѣ себя видалъ? вскричалъ онъ.—Вотъ ты можешь сказать, похожъ я или нѣтъ: ты меня видишь и рисунокъ видишь; вотъ кабы съ тебя онъ нарисовалъ, я-бы сказалъ, похожъ ты или нѣтъ. Я тебя вижу и рисунокъ вижу. А себя-то кто-же видалъ?..

Старикъ не имѣлъ никакого понятія о зеркалѣ.

— А въ рѣкѣ, тихой водѣ, спросилъ я его,—когда пилъ или мылся, неужели никогда въ жизни ты не взглянулъ, каковъ ты изъ себя?

Старикъ махнулъ рукой:

— Эво, чего захотѣлъ! отвѣтилъ онъ.

На праздникѣ въ Помпеяхъ. (Рис. на стр. 549).

Домовитость и уединенность древнегреческой женщины, которыя такъ поэтически были символизованы Фидіемъ въ видѣ черепахи, въ римской исторіи были неизвѣстны даже въ древнѣйшія ея времена. Самый образъ жизни римлянки былъ свободнѣе, ея вліяніе не только на семейную жизнь, но и на общественныя дѣла было значительнѣе, что объясняется по римскому преданію частію услугами государству со стороны женщинъ, частію мудростью законодателей. Съ теченіемъ времени жизнь римлянокъ стала еще болѣе нестѣсненною и появленіе римлянокъ внѣ дома — дѣломъ обычнымъ. Ихъ можно было видѣть повсюду: въ циркѣ, на форумѣ, у храмовъ, въ театрѣ. „Какъ толпа муравьевъ, какъ рой пчелъ стремятся онѣ въ богатыхъ нарядахъ на общественныя игры“, говоритъ Овидій. И не только женщины, но и молодыя дѣвушки принимали участіе во всякихъ проявленіяхъ общественной жизни. Въ своей картинѣ Діана Кумансъ живо передала встрѣчу торжественной процессіи двумя молодыми помпеянками. Цвѣтами и радостными кликами привѣтствуютъ онѣ идущихъ по улицѣ, не стѣсняясь пытливыми взглядами любопытныхъ.

Крещеніе Великой Княжны Маріи Павловны.

(Рис. на стр. 553).

Правительственный Вѣстникъ сообщаетъ слѣдующее о крещеніи Великой Княжны Маріи Павловны, состоявшемся въ воскресенье, 6 мая. Еще наканунѣ вечеромъ прибыли въ Петербургъ по Варшавской желѣзной дорогѣ изъ Гатчины Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества: Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ и Великая Княжна Ксенія Александровна. На другой день въ 10 часовъ утра начали собираться въ Зимній дворецъ по повѣсткамъ отъ Высочайшаго двора особы, для присутствія при крещеніи новорожденной Великой Княжны. Пріѣздъ длился около получаса, и въ 10 ч. 30 м. утра всѣ находившіеся во дворцѣ расположились въ заранѣе предназначенныхъ для нихъ залахъ. Кавалеры были въ полной парадной формѣ, дамы въ русскихъ платьяхъ. Въ 10 час. 30 мин. изъ дворца Великаго Князя Павла Александровича направилась торжественная процессія въ Зимній дворецъ. Впереди ѣхалъ конюшенный офицеръ, далѣе четыре конюха верхомъ, затѣмъ управляющій дворцомъ Великаго Князя Павла Александровича А. А. Философовъ въ открытомъ золоченомъ экипажѣ; въ слѣдующей золоченой каретѣ ѣхали генералъ-адъютанты графъ Л. Л. Гейденъ и А. И. Веригинъ; наконецъ слѣдовала золотая карета цугомъ въ шесть лошадей, въ ней ѣхала новорожденная Великая Княжна Марія Павловна на рукахъ у статсъ-дамы княгини Барятинской. Съ двухъ сторонъ кареты ѣхали конюшенный офицеръ и офицеръ л.-гв. гусарскаго Его Величества полка, а позади — взводъ гусаръ и четыре конюха. Около 11 часовъ кортежъ прибылъ въ Зимній дворецъ къ Салтыковскому подъѣзду. По всему пути стояли толпы народа. Погода была превосходная, и городъ, украшенный флагами по случаю дня рожденія Наслѣдника Цесаревича, имѣлъ особенно торжественный видъ. Въ одиннадцать часовъ церемоніймейстеры ввели въ церковь членовъ Государственнаго Совѣта, министровъ и дипломатическій корпусъ. И сейчасъ же затѣмъ начался Высочайшій выходъ изъ внутреннихъ покоевъ въ соборъ дворца.

При входѣ въ соборъ Ихъ Величества и Ихъ Императорскія Высочества были встрѣчены со крестомъ и святою водою митрополитомъ Исидоромъ, членами св. Синода и придворнымъ духовенствомъ. Великій Князь Павелъ Александровичъ вышелъ изъ церкви, и послѣ того духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеръ І. Л. Янышевъ приступилъ къ таинству Св. Крещенія. Воспріемниками при Св. Крещеніи были Ея Величество Государыня Императрица, король Эллиновъ, королева Датская, герцогъ Спартанскій, Великая Княгиня и герцогиня Эдинбургская Марія Александровна, Великіе Князья: Сергѣй Александровичъ и Константинъ Николаевичъ и Королевна Марія Греческая. Когда таинство было совершено, хоръ придворныхъ пѣвчихъ запѣлъ „Тебѣ Бога хвалимъ“ и съ Петропавловской крѣпости послѣдовалъ салютъ въ 51 выстрѣлъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ столицы. Великій Князь Павелъ Александровичъ вошелъ въ это время въ церковь и благодарилъ Ихъ Величества. Затѣмъ началась Божественная литургія, которую совершалъ Высокопреосвященный Исидоръ, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій. Во время литургіи королева Эллиновъ поднесла свою Августѣйшую внучку къ причащенію Божественныхъ Тайнъ. Когда же хоръ пѣвчихъ запѣлъ „Да

исполнятся уста наша", канцлеръ россійскихъ орденовъ графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ поднесъ Ея Величеству на золотомъ блюдѣ орденъ Св. Екатерины, который Государыня Императрица возложила на новорожденную Княжну. По окончаніи литургіи, духовенство приносило поздравленіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Великому Князю Павлу Александровичу.

Въ началѣ втораго часа шествіе направилось обратно изъ церкви во внутренніе покои дворца, и начался разъѣздъ всѣхъ присутствовавшихъ лицъ. Между тѣмъ, по набережной Невы, отъ Зимняго дворца до дворца Павла Александровича, на Дворцовой площади и у Адмиралтейства стояли сплошныя массы народа. Его Императорское Величество сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ Цесаревичемъ и, когда Государь со Своимъ сыномъ отъѣхали отъ дворца, раздалось восторженное „ура", сопровождавшее Царя и Цесаревича до самаго дворца Великаго Князя Павла Александровича. Такіе же неумолкаемые перекаты „ура" провожали Императрицу, которая ѣхала въ каретѣ съ королевою Эллиновъ. Ихъ Императорскія Величества, всѣ Великіе Князья и Великія Княгини прослѣдовали во дворецъ Великаго Князя Павла Александровича, гдѣ состоялся семейный завтракъ.

А. С. Костанда. (Портр. на стр. 557).

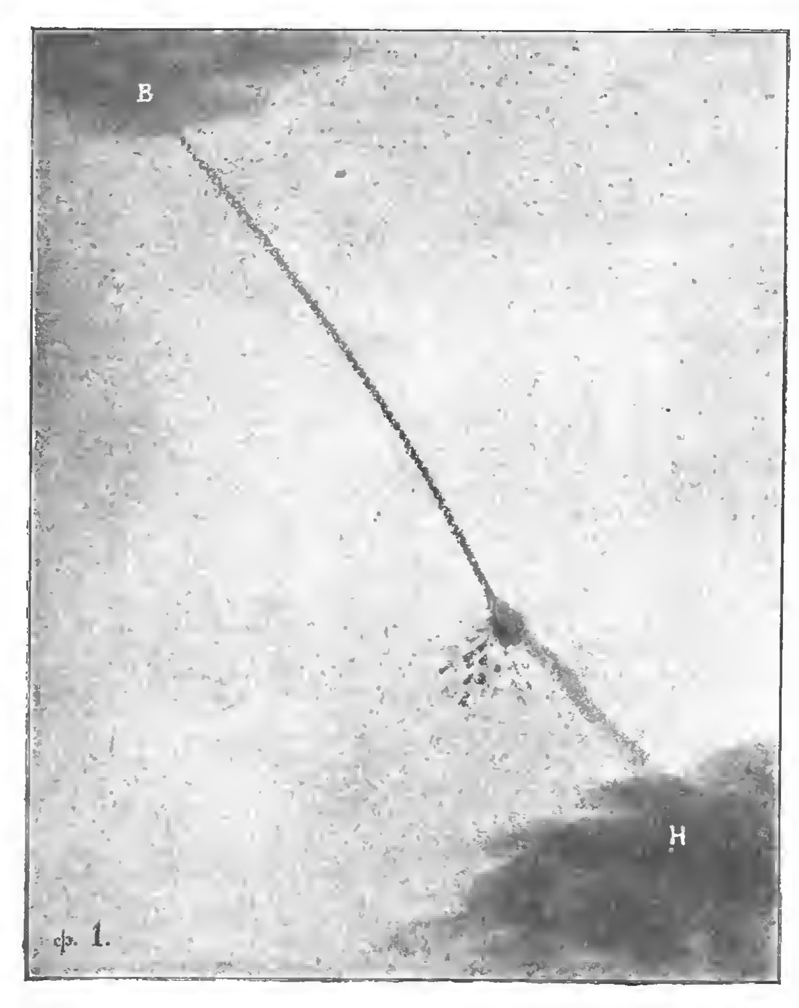
21 апрѣля текущаго года въ Москвѣ происходило большое торжество. Русское войско чествовало одного изъ своихъ блестящихъ представителей, генералъ-адъютанта, генерала-отъ-артиллеріи, Апостола Спиридоновича Костанду, командующаго войсками Московскаго военнаго округа, по случаю исполнившагося въ этотъ день пятидесятилѣтія его службы въ офицерскихъ чинахъ. По своимъ выдающимся способностямъ боеваго офицера и прекраснаго военнаго администратора, по своей личной храбрости, генералъ Костанда занимаетъ видное мѣсто среди нашихъ военныхъ дѣятелей.

Генералъ-адъютантъ Апостолъ Спиридоновичъ Костанда происходитъ изъ старой греческой дворянской фамиліи и родился 12 декабря 1817 г. Послѣ первоначальнаго домашняго воспитанія онъ поступилъ въ Ришельевскій лицей и, по окончаніи въ немъ курса въ 1836 году, опредѣлился нижнимъ чиномъ въ легкую № 1 батарею лейбъ-гвардіи конной артиллеріи. Прослуживъ здѣсь четыре года фейерверкеромъ, онъ получилъ первый чинъ прапорщика 21 апрѣля 1840 года и съ этого времени сталъ быстро идти по службѣ, получая множество Высочайшихъ благоволеній въ сравнительно короткое время за смотры, ученія, маневры и парады. Въ войну 1853—1856 года онъ, въ чинѣ полковника, находился въ дѣйствующей арміи, командуя въ теченіе всего 1853 г. кавалеріею аванноста Мало-Валахскаго отряда и исправляя должность начальника штаба въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Бельгардта. 17 мая 1854 года, въ день штурма передоваго укрѣпленія Силистріи, Костанда получилъ рану на вылетъ въ правую ногу выше колѣна и весьма опасную контузію осколкомъ гранаты въ лѣвое колѣно. За свои боевые подвиги онъ былъ награжденъ золотою саблею „за храбрость", но принужденъ былъ для излѣченія отъ раны покинуть дѣйствующую армію. Черезъ четыре года онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и вскорѣ послѣ того получилъ назначеніе въ привислинскія губерніи на должность дивизіоннаго командира. Мирная дѣятельность доблестнаго генерала продолжалась однако недолго. Въ 1863 г. вспыхнулъ польскій мятежъ, и А. С. Костанда снова явился въ рядахъ дѣйствующихъ войскъ, исполняя съ необыкновенною рачительностью весьма серьезныя и отвѣтственныя порученія, на него возлагавшіяся. За дѣятельное участіе въ усмиреніи „повстанцевъ" въ Люблинской губерніи, онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени съ мечами и казеннымъ имѣніемъ въ Царствѣ Польскомъ, а въ слѣдующемъ году получилъ чинъ генералъ-лейтенанта. Въ 1869 году его назначили начальникомъ 2-й гренадерской дивизіи, которою онъ командовалъ года три, пока не получилъ, въ іюлѣ 1872 года, назначенія на должность начальника артиллеріи Варшавскаго военнаго округа. Занимая эту должность и имѣя уже въ это время ордена Св. Владиміра 2-й степени и Бѣлаго Орла, А. С. Костанда былъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта, въ 1874 г., а черезъ четыре года произведенъ въ генералы-отъ-артиллеріи. Начальникомъ артиллеріи Петербургскаго военнаго округа онъ былъ сдѣланъ въ 1879 году, а въ слѣдующемъ, 1880 году, назначенъ на мѣсто генералъ-адъютанта Гурко, помощникомъ Его Высочества главнокомандующаго войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Этотъ постъ онъ занималъ до 30 августа 1888 года, когда получилъ назначеніе на теперешнюю должность, вмѣсто недавно умершаго генералъ-адъютанта Бреверна-де-ла-Гарди. Въ настоящее время А. С. Костанда состоитъ по гвардейской конной артиллеріи и числится во 2-й Его Императорскаго Высочества генералъ-фельдцейхмейстера батареѣ гвардейской конно-артиллерійской бригады. Онъ имѣетъ едва-ли не всѣ высшіе россійскіе ордена и много иностранныхъ. Къ юбилею онъ получилъ орденъ Владиміра 1-й степени при самомъ милостивомъ Высочайшемъ рескриптѣ. Вся Царская Фамилія удостоила юбиляра присылкою своихъ поздравительныхъ телеграммъ, исполненныхъ самыхъ лестныхъ выраженій, а императоръ Германскій пожаловалъ его брилліантовыми знаками ордена Краснаго Орла большаго Креста. **П. Б.**

В. Б. Антоновичъ. (Портр. на стр. 557).

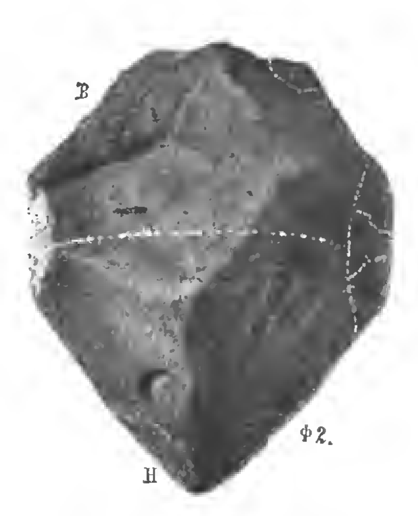
Въ исходѣ февраля текущаго года былъ скромно отпразднованъ въ Кіевѣ юбилей двадцатипятилѣтняго служенія наукѣ Владиміра Бонифатіевича Антоновича, профессора университета Св. Владиміра по каѳедрѣ русской исторіи, извѣстнаго археолога, обогатившаго науку своими архивными изысканіями, раскопками и цѣлымъ рядомъ монографій, относящихся къ исторіи, географіи и этнографіи Юго-Западнаго края. Докторъ русской исторіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Б. Антоновичъ происходитъ изъ польской шляхты и родился въ 1834 году, въ Кіевской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ онъ во второй одесской гимназіи, откуда, по окончаніи курса въ 1850 году, поступилъ на медицинскій факультетъ въ университетъ Св. Владиміра. Пройдя пятилѣтній курсъ этого факультета, онъ перешелъ въ 1855 году на историко-филологическій факультетъ и окончилъ этотъ вторичный курсъ въ 1860 году со степенью кандидата. Первые три мѣсяца по окончаніи курса онъ отправлялъ обязанности кандидата-педагога при первой кіевской гимназіи по латинскому языку, въ теченіе 1863 — 1865 годовъ преподавалъ всеобщую исторію въ кіевскомъ Владимірскомъ кадетскомъ корпусѣ. Къ началу шестидесятыхъ годовъ относится важное событіе, происшедшее въ жизни молодаго ученаго. Онъ въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ поляковъ, связанныхъ со своей средой лишь случайностью происхожденія, перешелъ въ православіе, за что поляки со свойственнымъ имъ ярымъ фанатизмомъ и нетерпимостью обвинили его въ измѣнѣ и печатно назвали „перевертнемъ". Антоновичъ, однако, не оскорбился и напечаталъ свою чистосердечную исповѣдь, въ которой подробно объяснилъ причины, побудившія его совершенно разорвать съ польскою средою. Порвавъ окончательно и безповоротно со шляхетскими традиціями, онъ всѣ силы свои и способности посвятилъ на служеніе русской народности, на изученіе южной и западной Россіи въ историческомъ, археологическомъ, географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ. Поступивъ въ 1863 году на службу въ канцелярію кіевскаго генералъ-губернатора, онъ былъ откомандированъ для занятій во Временную Коммисію для разбора древнихъ актовъ и тогда же назначенъ на весьма видное мѣсто главнаго редактора этой коммисіи, которое и занималъ вплоть до 1880 года. Защитивъ въ 1870 году диссертацію „Послѣднія времена казачества на правой сторонѣ Днѣпра", онъ былъ удостоенъ степени магистра русской исторіи и опредѣленъ штатнымъ доцентомъ по каѳедрѣ того же предмета въ Кіевскомъ университетѣ. Въ слѣдующемъ году, затѣмъ въ 1875 и 1877 годахъ онъ получалъ командировки для присутствія въ качествѣ депутата на 2-мъ и 4-мъ археологическихъ съѣздахъ въ Петербургѣ и Казани, для занятій въ архивахъ московскомъ и петербургскомъ и въ Императорской публичной библіотекѣ, а въ 1880 г. съ ученою цѣлью командированъ за-границу, гдѣ въ то же время присутствовалъ на археологическомъ съѣздѣ въ Лисабонѣ. Ученую степень доктора русской исторіи онъ получилъ за диссертацію „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго", которую защитилъ въ 1878 году, и тогда же избранъ ординарнымъ профессоромъ по прежней каѳедрѣ. Спустя два года, онъ былъ избранъ деканомъ историко-филологическаго факультета и занималъ эту должность до 1883 г. Свою учено-литературную дѣятельность профессоръ Антоновичъ началъ „Изслѣдованіемъ о казачествѣ", послѣ чего напечаталъ множество работъ въ разныхъ ученыхъ изданіяхъ. Кромѣ того онъ редижировалъ и издалъ множество цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Трудясь едва ли не исключительно въ провинціи и печатая свои работы въ мѣстныхъ изданіяхъ, профессоръ Антоновичъ не пользуется широкою извѣстностью, а между тѣмъ многія изъ работъ его представляютъ немалую цѣнность и встрѣчены большимъ сочувствіемъ за-границей. Таковы изслѣдованія, вошедшія въ I томъ „Монографій" профессора Антоновича, изданный въ 1885 г.: „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго", „Города въ юго-западной Россіи", „Паны Ходыки", „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XV ст.", „Очеркъ отношеній Польскаго государства къ православію и православной церкви", „Лѣтопись Сатинскаго монастыря". Его исторія Литовско-Русскаго государства чужда прикрасъ и искаженій, заключаетъ лишь строго-научные факты и представляетъ весьма колоритную и рельефную картину постепеннаго образованія Литовско-Русскаго государства. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ высоко ставитъ изслѣдованія проф. Антоновича, графъ Уваровъ приписываетъ ему открытіе и изслѣдованіе особаго типа пещеръ — жилищъ первобытнаго человѣка переходной эпохи. За свое образцовое изданіе „Историческія пѣсни малорусскаго народа" В. Б. Антоновичъ получилъ отъ Императорской Академіи Наукъ Уваровскую премію и встрѣтилъ самые лестные отзывы въ русской и заграничной печати. Профессоръ Антоновичъ состоитъ дѣйствительнымъ членомъ Московск. Археологическаго Общества и мн. др. Удивительное трудолюбіе, добросовѣстность и безпристрастіе составляютъ его отличительныя качества какъ ученаго. **П. Быковъ.**

Мигейскій метеоритъ.



Полетъ Мигейскаго метеорита.

Фиг. 1. Бѣлый дымчатый слѣдъ видимаго въ Херсони полета черезъ двѣ минуты послѣ исчезновенія огненнаго тѣла за нижнею тучею Н.
По рис. очевидцевъ Ѳ. Моисеева и художника Винкерта.

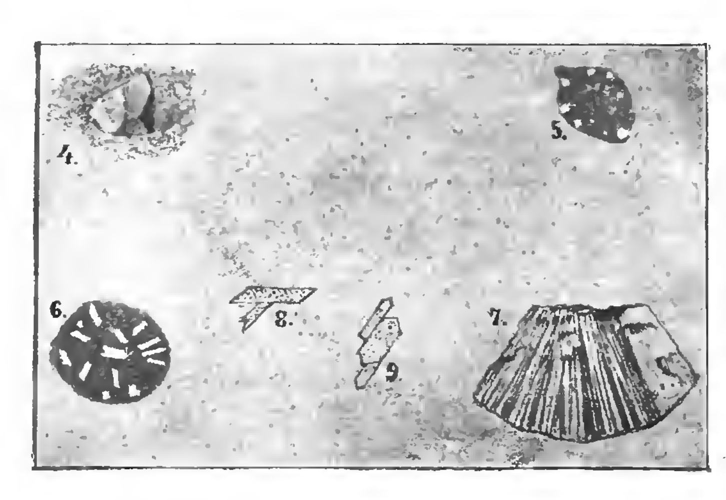


Общая форма метеорита въ 1/4 наст. велич.

Фиг. 2. По направленію полета Н—нижній, В—верхній концы.

Общая форма метеорита въ 1/4 наст. велич.

Фиг. 3. Нижній конецъ обращенъ къ зрителю почти прямымъ его угломъ Н.



Строеніе метеорита Мигеи.

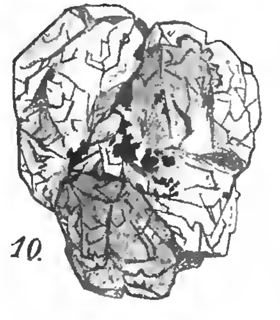
Фиг. 4. Ложный крист. по желѣзу (полиэдрич. хондра) наст. вел.

Фиг. 5. Хондра въ разрѣзѣ увел. въ 15 разъ съ зерн. желѣза по окружности.

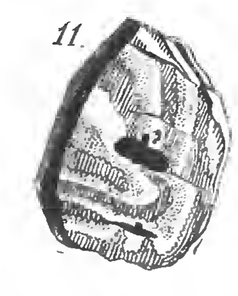
Фиг. 6. Хондра въ разрѣзѣ увел. въ 20 разъ, съ крист. магнезита распол. лучеобразно.

Фиг. 7 Вѣерообразное скопленіе призмъ того же вещества.

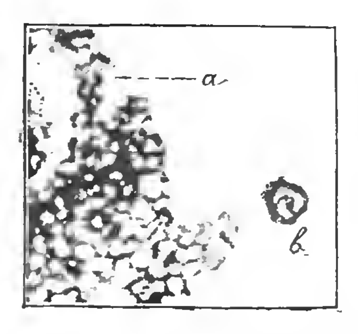
Фиг. 8 и 9. Отдѣльные кристаллы его же увел. въ 60 разъ.



Фиг. 10. Тридимитъ свободно сидѣвшій въ магмѣ. Увел. 90 разъ.



Фиг. 11. Кристаллъ оливина въ поляризован. свѣтѣ. Увел. 60 разъ.



Фиг. 12. Эрделитъ: *a*—сѣть, *b*—Оливинъ изъ *a*. Увел. 120 разъ.

Фиг. 13. Эрделитъ: *a*—темныя волокна, *b*—прозрачн. растворимая въ эфирѣ сѣть. Увел. 120 разъ.

Политическое обозрѣніе.

Процессъ Паницы еще не кончился, но уже и теперь, по ходу его, можно ясно видѣть, куда направлена вся эта затѣя. Привлеченіе къ отвѣтственности русскаго подданнаго трактирщика Колобкова, переписка съ нимъ главнаго виновника заговора, выдуманный пріѣздъ русскаго генерала и вообще слишкомъ частое упоминаніе о Россіи, безошибочно говорятъ, что болгарскимъ узурпаторамъ жилось какъ-то не по себѣ съ тѣхъ поръ, какъ Россія перестала обращать вниманіе на Княжество, стоившее и испортившее не мало русской крови, и махнула рукой на всѣ болгарскія безобразія. Вдругъ подвертывается подъ руку Паница съ заговоромъ, открытіе котораго, по словамъ Стамбулова, какъ сообщаетъ о томъ корреспондентъ лондонскаго *Standard*'а, является величайшимъ счастіемъ для государства, потому что убіеніе принца Фердинанда было бы равносильно смертному приговору надъ Болгаріей. И вотъ начинается долгая работа преданія суду и затѣмъ судъ надъ заговорщиками, который якобы покажетъ Европѣ, что Россія совсѣмъ не равнодушно относится къ Болгаріи, а напротивъ, всячески интригуетъ противъ установившагося благосостоянія въ княжествѣ!

Начатое 3 мая судоговореніе тотчасъ пришлось отложить на 5 дней, такъ какъ объемистый обвинительный актъ, болѣе чѣмъ 90 страницъ, былъ врученъ подсудимымъ и ихъ защитникамъ лишь за два дня до начала процесса. Затѣмъ, послѣ перерыва, какъ мы уже сообщали, былъ прочтенъ обвинительный актъ и допрошены обвиняемые. 10 мая подсудимый Колобковъ заявилъ, что онъ виновнымъ себя не признаетъ и что о заговорѣ ему ничего не извѣстно, обвинительный же актъ считаетъ за фантастичный документъ. Послѣ того военный судъ приступилъ къ допросу свидѣтелей. Милевъ, слуга Паницы, сдѣлалъ подавляющія показанія. Подпоручикъ Ризовъ утверждаетъ, что Милевъ получилъ отъ одного высокопоставленнаго лица двадцать наполеондоровъ для дачи такихъ показаній. Колобковъ подтверждаетъ заявленіе Ризова. Прокуроръ протестуетъ и требуетъ занесенія этихъ заявленій въ протоколъ для возбужденія противъ Ризова и Колобкова обвиненія въ клеветѣ на свидѣтеля.

При допросѣ подполковника Кисова, тотъ на задаваемые вопросы Паницы отвѣчаетъ съ трудомъ и получается впечатлѣніе, что онъ причастенъ къ дѣлу. При допросѣ прочихъ подсудимыхъ, подпоручикъ Ризовъ не призналъ себя виновнымъ. Прежде чѣмъ приступить къ показаніямъ, онъ жаловался на жестокое съ нимъ обращеніе со стороны слѣдственной коммиссіи, которая, желая побудить его къ признаніямъ, не давала ему спать три ночи подъ-рядъ и оставляла безъ пищи. Капитанъ Татевъ, отставные капитаны Марковъ и Назаровъ, капитанъ Чавдаровъ и поручикъ Стаменовъ виновными себя не признали. Они слыхали о заговорѣ, но, зная легкомысленный характеръ Паницы, не придавали его рѣчамъ серьезнаго значенія. Капитаны Моловъ и Кисимовъ также отрицали фактъ сообщничества съ Паницею. Арнаудовъ не призналъ себя виновнымъ, заявилъ, что подвергался жестокому обращенію со стороны слѣдственной коммиссіи, приказавшей не отпускать ему въ теченіе 36 часовъ ни хлѣба, ни воды, съ цѣлью вынудить у него признаніе. Показаніе это врядъ ли справедливо, прибавляетъ депеша изъ Софіи, такъ какъ судъ неоднократно уличалъ Арнаудова во лжи. Послѣ допроса свидѣтелей, въ виду того, что четвергъ и пятница — праздничные дни, дальнѣйшее судебное разбирательство отложено до субботы. Остальныя показанія свидѣтелей большаго интереса не представляютъ, за исключеніемъ показаній Іорданова, конторщика Арнаудова. Іордановъ показалъ, что одно высокопоставленное лицо призвало его къ себѣ до слѣдствія и совѣтовало ему отвѣчать утвердительно на всѣ вопросы слѣдственной коммиссіи. Далѣе въ субботу разсматривались документы, отобранные отъ подсудимыхъ. Въ нихъ идетъ рѣчь о поставкѣ револьверовъ и берданокъ, о критическомъ положеніи Болгаріи и о македонскомъ вопросѣ. Когда Георгіевъ былъ схваченъ турецкими властями и приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на семь лѣтъ, Паница обращался къ Стамбулову съ просьбою помочь освобожденію арестованнаго, но Стамбуловъ призналъ это опаснымъ и посовѣтовалъ Паницѣ обратиться къ Колобкову и ходатайствовать о вмѣшательствѣ русскаго консула въ Салоникахъ. Поэтому Паница заявляетъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ дѣйствовалъ съ согласія болгарскаго правительства и нисколько неповиненъ. Затѣмъ онъ прибавилъ: „Я признаю себя виновнымъ въ томъ, что имѣлъ намѣреніе низвергнуть нынѣшній порядокъ вещей въ Болгаріи, и за это заслуживаю наказанія; но въ другомъ я не замѣшанъ“. Между прочимъ, онъ

Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-артиллеріи, Апостолъ Спиридоновичъ Костанда (по поводу 50-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ). Съ фот. Трунова, грав. Шюблеръ.

Владиміръ Бонифатіевичъ Антоновичъ (по поводу 25-лѣтія ученой дѣятельности). Съ фот. Высоцкаго въ Кіевѣ, грав. Шюблеръ.

заявилъ въ судѣ, что онъ никогда и не думалъ служить орудіемъ Россіи. Въ произнесенной затѣмъ обвинительной рѣчи прокуроръ, по словамъ депеши изъ Парижа, требуетъ, чтобы Паница, Колобковъ, подпоручикъ Ризовъ и Арнаудовъ были приговорены къ тюремному заключенію безъ срока, а прочіе подсудимые къ заключенію въ тюрьмѣ или крѣпости на пятнадцать лѣтъ. По другой депешѣ изъ Лондона, прокуроръ далъ заключеніе въ пользу преданія Паницы, Арнаудова и поручика Ризова смертной казни и присужденія остальныхъ подсудимыхъ къ тюремному заключенію на сроки отъ 5 до 10 лѣтъ. Гдѣ правда — покажутъ дальнѣйшія извѣстія.

Смѣсь.

О пользованіи облаками для передачи телеграммъ въ иностранныхъ газетахъ пишутъ слѣдующее: Англійскими судами „Orion“ и „Espoir“ сдѣланъ былъ интересный опытъ переговоровъ въ открытомъ морѣ. „Espoir“ только что отплылъ изъ Сингапура въ Гонгконгъ, а „Orion“ оставался въ Сингапурской гавани. Когда первый отошелъ на 60 англійскихъ миль, „Orion“ послалъ ему телеграмму, бросая на облака электрическій свѣтъ въ видѣ длинныхъ и короткихъ бликовъ, отражавшихся облаками и ясно видимыхъ съ „Espoir'а“. Если даже успѣхъ такой передачи находится въ зависимости отъ погоды, то во всякомъ случаѣ возможность переговариваться ночью, безъ помощи проволоки, на разстояніи 60 миль, достойна замѣчанія. Снабдивъ маяки аппаратами, которые могли бы бросать блики въ желаемомъ направленіи, возможно было бы, въ облачныя ночи, сдѣлать маяки видимыми на большія разстоянія морскимъ судамъ. Достаточно соединить короткіе и долгіе блики въ азбуку Морза, чтобы дѣлать важныя сообщенія судамъ, предупреждать о бурѣ и т. п. (с.)

Рѣшеніе шашечной задачи № 26 (помѣщенной въ № 16).

	Бѣлыя.	Черныя.
1)	f 2 — g 3	f 4 — h 2
2)	c 1 — b 2	h 6 — e 1
3)	g 1 — f 2	f 8 — h 6
4)	d 8 — g 5	h 6 — f 4
5)	b 4 — c 5	d 6 — b 4 (вар. *a*)
6)	a 5 — g 3	h 2 — f 4
7)	f 2 — e 3	f 4 — d 2
8)	h 4 — e 1	
	вар. *a*.	
5)		d 4 — b 6
6)	a 5 — g 3	h 2 — f 4

и т. д.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Н. В. Панкова, А. А. Поспѣева, К. П. Панафидина, **Москва**—П. П. Смирнова, А. Ф. Михайлова, **Бердянскъ**—Н. О. Бурбухати, **Елисаветградъ**—Д. Лагунова, **Кіевъ**—Г. Рутенбергъ, **Коломна**—С. Андреева, **Кузнецкъ**—Д. Кочетова, **Калуга** — С. П. Соколова, **Молога** — М. Н. Неустроева, **Одесса**— Н. Бекетова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 25 (помѣщенной въ № 16).

	Бѣлые.	Черные.
1)	К e 6 — c 5	П d 6 — e 5
2)	Л g 4 — g 3	П e 5 — d 4
3)	Л g 3 — c 3+	П d 4 — e 3
4)	П b 2 — b 3×	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—А. Синилв, А. А. Поспѣева, **Бѣлостокъ** — Ю. Аугманъ, **Дисна** — М. Г. Гильдина, **Житоміръ** — Р. Либерманъ, **Кіевъ**—Г. Рутенбергъ, **Калуга**—С. П. Соколова, **Саблино** — Давыдова, **Щучинъ**—В. Бирштейнъ, **Ярославль** — Д. К. Крылова.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г.,** озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

Дозвол. ценз., СПБ., 23 мая 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. № 22 — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. руиод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 2 іюня 1890 г. — Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1890 г., съ 28 рисунками и отд. листъ съ 32 чертежами выкроекъ въ натур. величину и 26 рис. выпильныхъ работъ.

В. И. Немировичъ-Данченко.

Около четверти вѣка назадъ въ Петербургъ прибылъ изъ далекой провинціи юноша, почти мальчикъ, для приготовленія въ университетъ. Безъ средствъ. безъ поддержки, онъ оказался предоставленнымъ самому себѣ. Безвыходное положеніе заставило его дѣятельно сотрудничать въ разныхъ маленькихъ изданіяхъ. Писалъ онъ и стихи, и повѣсти, и публицистическія, и критическія статьи, и фельетоны, изумляя и тогда своей плодовитостью. Среди такой журнальной работы, пылкій, увлекающійся, юноша-южанинъ можетъ-быть такъ-бы и затерялся, погибъ въ сутолокѣ, въ водоворотѣ столичной жизни, еслибы судьба не забросила его на далекій Сѣверъ. Здѣсь суровая дѣйствительность отрезвила его, грандіозныя картины своеобразной природы, жизнь кочевыхъ, полудикихъ племенъ заинтересовали пытливый умъ молодаго человѣка; онъ

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко. Съ фотогр. **Карелина**, грав. **Шюблеръ.**

объѣхалъ Мурманскій берегъ, Лофоденскіе острова, Норвегію, побывалъ въ Соловкахъ, пѣшкомъ прошелъ черезъ всю Лапландію, дѣятельно изучая нравы, промыслы жителей, наблюдая явленія природы. И вотъ въ результатѣ явилось нѣсколько блестящихъ описаній Сѣвера, рядъ колоритныхъ, бойкихъ, живыхъ картинъ, написанныхъ увлекательно, запечатлѣнныхъ настоящимъ беллетристическимъ талантомъ. Авторомъ оказался Вас. И. Немировичъ-Данченко, тотъ самый молодой человѣкъ, который еще не задолго передъ тѣмъ былъ безвѣстенъ и тратилъ свой талантъ на мелочи. Публика сразу оцѣнила теперь молодое, выходящее изъ ряду дарованіе, и имя Немировича-Данченко, пріобрѣтая съ каждымъ годомъ все большую и большую извѣстность, сдѣлалось чрезвычайно популярнымъ именемъ, однимъ изъ самыхъ любимыхъ публикою. Съ удивительною быстротою выпускалъ молодой авторъ одну за другой свои книги: „Соловки“, „У океана“, „Страна хо-

лода", „Лапландія и Лапландцы", „На просторѣ", „Подневольные странники", и большинство изъ нихъ имѣли огромный успѣхъ у читателей, выдержали по нѣскольку изданій. Ободренный успѣхомъ, влекомый жаждою новыхъ впечатлѣній, новыхъ ощущеній и приключеній, онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, не долго сидѣлъ на мѣстѣ и предпринялъ цѣлый рядъ поѣздокъ сперва по Россіи и затѣмъ по Европѣ, объѣхалъ Кавказъ, Уралъ, побывалъ на Волгѣ, путешествовалъ по Балканскому полуострову, Италіи, Франціи, Голландіи, Германіи, Швейцаріи, Испаніи, Греціи и проч., жилъ и за предѣлами Европы, былъ въ Марокко, Алжирѣ, Тунисѣ, Малой Азіи, Персіи. Странствуя, онъ не переставалъ писать, наполняя и ежемѣсячные журналы, и иллюстрированныя изданія, и газеты своими путевыми, этнографическими очерками, романами, повѣстями, разсказами и стихотвореніями, которые прочитывались всегда съ большимъ интересомъ. Цѣлыя страницы понадобились-бы для того, чтобы сдѣлать одно бѣглое перечисленіе всего напечатаннаго этимъ неимовѣрно плодовитымъ и неутомимымъ романистомъ и этнографомъ; однихъ отдѣльныхъ изданій своихъ сочиненій В. И. Немировичъ-Данченко выпустилъ болѣе сорока, не считая мелкихъ вещей. Разумѣется, не всѣ его произведенія одинаково удачны, но всѣ безспорно интересны и обнаруживаютъ блестящее дарованіе. Его этнографическія произведенія изобилуютъ множествомъ полезныхъ, чрезвычайно любопытныхъ свѣдѣній и хотя онъ не претендуетъ на серьезно-научное значеніе своихъ путевыхъ очерковъ, но даетъ всегда много интересныхъ фактовъ, которые умѣетъ освѣтить должнымъ образомъ, много наблюденій, заставляющихъ задуматься. Манера его такова: онъ быстро, иногда даже слишкомъ широкими мазками, смѣлою, сочною кистью нарисуетъ фонъ, главное содержаніе картины, того или другаго края или отдѣльной мѣстности, изобразитъ нѣсколько наиболѣе характерныхъ деталей, мастерски набросаетъ нѣсколько сценъ, портретовъ, мимоходомъ разскажетъ исторію страны, обрисуетъ ея настоящее положеніе—и очеркъ готовъ. В. И. Немировичъ-Данченко большой мастеръ разсказывать, передавать извѣстныя впечатлѣнія; онъ обладаетъ большимъ даромъ наблюдательности, изяществомъ манеры письма, умѣньемъ опоэтизировать даже прозу жизни; много у него красокъ, еще больше чувства и фантазіи.

Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко происходитъ изъ старо-дворянскаго малороссійскаго рода, представители котораго, будучи запорожцами и служа въ Стародубскомъ полку, постоянно участвовали въ войнахъ съ поляками, татарами, турками. Теперь ему сорокъ второй годъ. Онъ родился подъ самый день Рождества Христова, ночью 24 декабря 1848 года, на Кавказѣ, гдѣ его отецъ, Иванъ Васильевичъ, женатый на туземкѣ, служилъ на боевыхъ позиціяхъ, участвуя въ горной войнѣ. Онъ развивалъ въ сынѣ физическую силу, бралъ его съ собою въ горныя экспедиціи, но занимался и его умственнымъ воспитаніемъ. Съ восьми лѣтъ Немировичъ-Данченко пристрастился къ чтенію и съ жадностью поглощалъ все, что было въ богатой библіотекѣ его отца. Въ 1857 году, когда Немировичу-Данченко исполнилось 9 лѣтъ, его отвезли въ Москву въ Александровскій кадетскій корпусъ, гдѣ онъ пробылъ 7 лѣтъ и гдѣ уже обнаружилъ склонность къ литературѣ, сочиняя стихотворенія, изъ которыхъ одно попало въ печать, когда автору еще не было 12 лѣтъ. Въ 1863 г. Немировичъ-Данченко переѣхалъ въ Петербургъ пятнадцати-лѣтнимъ юношей, отсюда ѣздилъ въ Москву и отсюда предпринималъ свои странствованія по бѣлу свѣту. Когда вспыхнула война съ турками за освобожденіе славянъ, Немировичъ-Данченко отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ качествѣ корреспондента и годъ слишкомъ, съ марта 1877 года по апрѣль 1878 годъ, пробылъ на Балканскомъ полуостровѣ, раздѣляя съ солдатами всѣ трудности похода, проводя время въ траншеяхъ, въ передовыхъ отрядахъ, подъ огнемъ, презирая опасности. Вмѣстѣ со Скобелевымъ онъ совершилъ походы отъ Плевны до Адріанополя и въ награду за храбрость получилъ изъ рукъ Великаго Князя Главнокомандующаго солдатскій георгіевскій крестъ. Плодомъ его пребыванія въ дѣйствующей арміи явилась его книга „Годъ войны", сочиненіе во многихъ отношеніяхъ весьма цѣнное, выдержавшее три изданія, большая біографія Скобелева и три романа „Гроза", „Плевна и Шипка" и „Впередъ", читавшіеся нарасхватъ. Кромѣ того, имъ написаны извѣстные читателямъ „*Нивы*" романы „Кулисы", „Патмосъ", „Подъ звонъ колоколовъ" а также „Семья богатырей", „Исповѣдь женщины", „Болотные огни", „Въ ежовыхъ рукавицахъ", „Цари Биржи" и друг. Многія произведенія В. И. Немировича-Данченко переведены почти на всѣ европейскіе языки и вызвали множество самыхъ лестныхъ отзывовъ въ иностранной печати, гдѣ талантъ этого блестящаго писателя оцѣненъ высоко и во всякомъ случаѣ вызвалъ несравненно болѣе серьезные и обстоятельные отзывы, чѣмъ на родинѣ писателя, честно ей служащаго и принесшаго ей несомнѣнную пользу.

Петръ Быковъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Василій Герасимовичъ Сластеновъ, котораго знакомые называли просто Васькой, проснулся сегодня въ особенно скверномъ состояніи духа. Еще бы!.. Вчера не удалось добыть ни копѣйки, а хозяйка, дѣвица Мина Карловна Бантъ, рѣшительно объявила наканунѣ, что дольше она его держать не будетъ. „У меня дармоѣдовъ-то полонъ коридоръ—сдѣлайте одолженіе. За какія-такія добродѣтели стану я еще васъ кормить и поить на свой счетъ. Вамъ бы, кажется, стыдно. Молодой человѣкъ—работать бы да работать, а не на диванѣ лежать!"

Онъ попробовалъ опять закрыть глаза и заснуть, но въ меблированныхъ комнатахъ начиналась обычная жизнь.

Рядомъ, вынѣвая гаммы и точно ввозя бочку воды въ гору, надсаживался Варданъ Карапетовичъ Кимишкіанъ, готовившійся въ „Мазини"; напротивъ, черезъ коридоръ, жестокосердно терзала и безъ того разстроенное фортепьяно отставная пѣвица изъ ченекъ, Элеонора Убоина, учившая Кимишкіана; а издали,—точно всего этого было мало, гремѣлъ несуразный басъ капитана Стратона Буреломова, разносившаго кухарку за опоздавшій самоваръ... „Ему-то хорошо орать", разсуждалъ Сластеновъ. „Для него Мина Карловна жилы вытянетъ... Нѣтъ, а ты въ моемъ положеніи покричи!.. И холодно же, чортъ возьми!.."

Въ видѣ перваго предостереженія неисправнымъ жильцамъ дѣвица Бантъ приказывала кухаркѣ топить ихъ комнаты черезъ два дня въ третій. Бѣдному Сластенову уже вторую недѣлю приходилось испытывать на себѣ прелести этого спартанскаго режима. Затѣмъ—изъ печей совсѣмъ вынимались вьюшки—и должникъ вымораживался какъ таракань. Если и послѣ сего онъ оказывался нераскаяннымъ—вещи его выносились въ коридоръ, а комната сдавалась другому, болѣе достойному. Ни Сластеновъ, ни прочіе жильцы никогда не винили за это хозяйку. Мина Карловна сама билась изо-всѣхъ силъ. Она когда-то готовилась въ „Савины", проходя жестикуляцію по Свѣденцову, выразительное чтеніе по Самарину. Тѣмъ не менѣе, два эти свѣтила ей не помогли. Вмѣсто „Савиной" она сдѣлалась акушеркой—но познакомившись съ неукротимымъ капитаномъ Стратономъ Буреломовымъ, открыла „меблированныя комнаты". Въ новой своей дѣятельности она оказалась дамой дипломатическихъ способностей, столь убѣдительною для домохозяевъ, что тѣ по цѣлымъ годамъ ждали отъ нея денегъ за квартиру. Въ этомъ отношеніи мимика и жестикуляція Свѣденцова и выразительное чтеніе Самарина очень помогли ей. Въ тяжелыя минуты жизни она била Буреломова, трагически произносила: „ахъ, моя жизнь—романъ!"—и падала въ обморокъ. Черезъ полчаса все обходилось благополучно, и въ качествѣ послѣдней тучки разсѣянной бури являлось приказаніе: вынуть вьюшки у такого-то или не топить печку у другаго изъ неисправныхъ жильцовъ. Сластеновъ до сихъ поръ все это видѣлъ на другихъ. Наконецъ и для него насталъ день, когда онъ самъ на себѣ испыталъ систему ея предостереженій. „Хорошо еще, если кончится этимъ!" думалъ онъ. „А то какъ выброситъ на улицу".

Василій Герасимовичъ повернулся къ окну, но и тамъ было не лучше...

Весь окутавшійся въ туманъ, какой-то простуженный, прокисшій Петербургскій день смотрѣлъ на него оттуда угрюмо и безнадежно. По стекламъ ползли точно капли холоднаго пота... Сквозь нихъ едва-едва мерещилась стѣна противоположнаго фасада, мокрая, вся въ пятнахъ, будто въ синякахъ и подтекахъ. Сластеновъ даже зажмурился. Открывъ глаза опять, онъ увидѣлъ себя въ зеркалѣ напротивъ. Безцвѣтное лицо, безцвѣтные глаза! Ничего опредѣленнаго, выдающагося. Все точно сплылось на немъ. Бываютъ такіе неудачные портреты, на которыхъ ничего не разберешь. Только бѣлокурый хохолокъ торчалъ на лбу. Ни одинъ изъ его товарищей не могъ одолѣть соблазна—дернуть этотъ хохолокъ, и Сластеновъ до такой степени привыкъ уже къ этой безцеремонности, что только отмахивался головой и недовольно произносилъ: „Ну—оставь!“ Впалая грудь, низкія, выдавшіяся впередъ плечи, тонкая шея, руки въ веснушкахъ и влажныя—нисколько не дѣлали его красивѣе, и дамы изъ меблированныхъ комнатъ, такія же впрочемъ худосочныя, какъ и онъ, не обращали на своего сосѣда никакого вниманія.

„Да, скверно... очень скверно!“ все еще лежа, проговорилъ Сластеновъ, вспомнивъ, что и платье у него заложено и сапоги ѣсть просятъ. Даже и выйти сегодня не въ чемъ. Прогони его Мина Карловна, куда онъ дѣнется? Ему стало при этомъ такъ тяжело на душѣ, что онъ закутался въ одѣяло съ головою, рѣшивъ ни за что̀ не отпирать дверь, если дѣвица Бантъ постучится къ нему. „Чортъ бы ее побралъ!.. Не изъ воздуха же мнѣ деньги сдѣлать! И то голодать придется—обѣда-то она сегодня не отпуститъ. И ожидать нечего. Хорошо еще если у Паплаксина можно будетъ перехватить гривенникъ. Хоть колбасой горло заткнешь! А какъ у него нѣтъ? И чего оретъ этотъ подлецъ Кимишкіанъ, точно его рѣжутъ: до-ре-ми-фа-соль-фа-ми-ре... до-ре-ми-фа-соль-фа-ми-ре... Псы и тѣ не такъ воютъ... Значитъ и у него денегъ нѣтъ. А то бы занять хорошо было!.. Нѣтъ, были бы у него деньги, онъ бы не оралъ такъ съ утра!.. Примѣта-то вѣдь вѣрная. Я его знаю!“

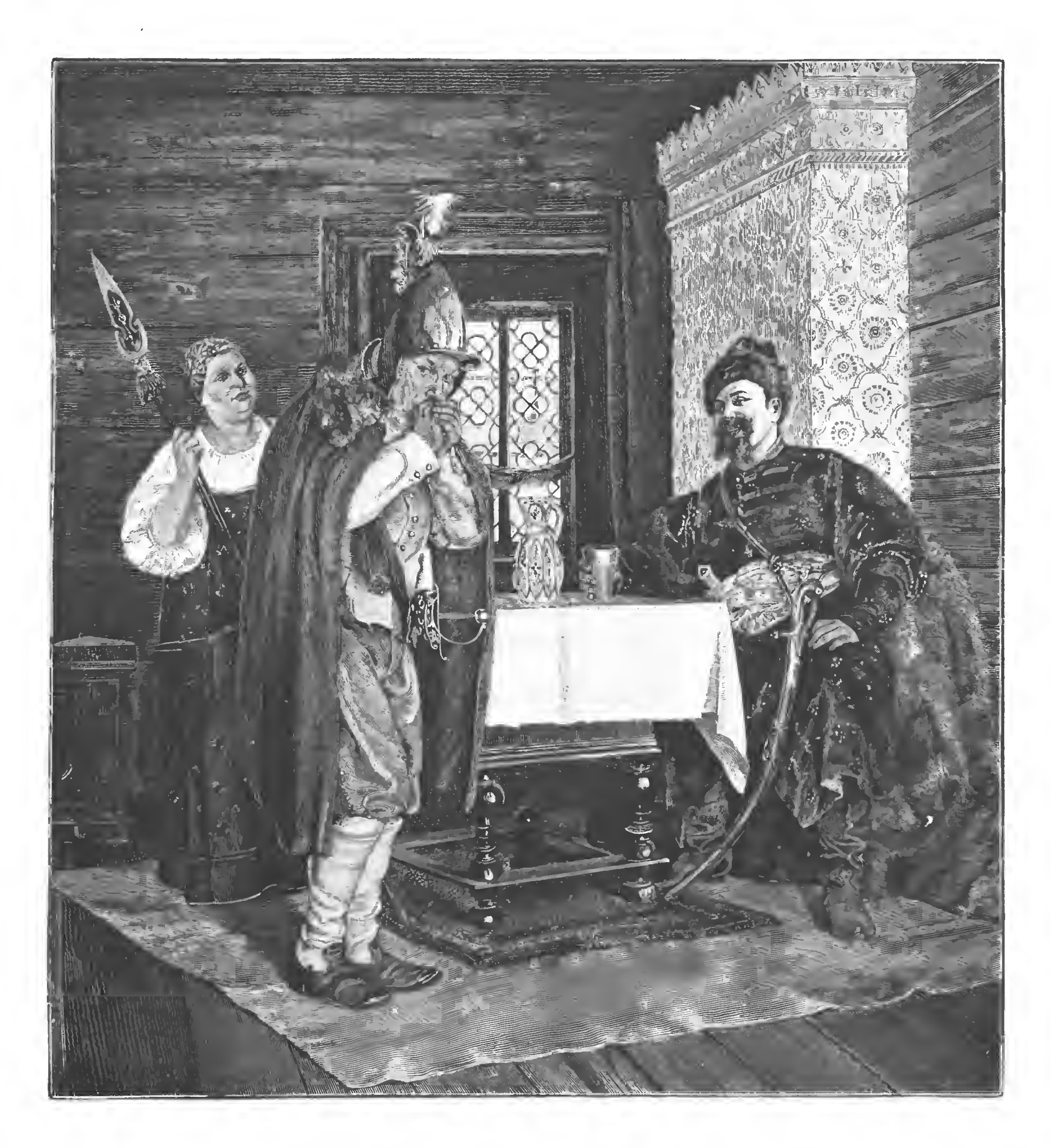
Дѣло въ томъ, что готовившійся у Элеоноры Убоиной въ „Мазини“, необыкновенно тупой но упорный, армянинъ Кимишкіанъ былъ настолько же лѣнивъ, насколько жаденъ. Его аппетитъ, какъ и его горло, оказывались одинаково неимовѣрны. Варданъ Карапетовичъ никогда не ѣлъ до-сыта. При деньгахъ онъ лежалъ на диванѣ и смотрѣлъ въ потолокъ сладкими глазами. Безъ денегъ—онъ попадалъ въ руки къ пѣвицѣ изъ чешекъ, открывшей въ немъ необычайный теноръ и задумавшей сдѣлать себѣ рекламу, создавъ изъ него втораго Мазини. Заставить его въ такихъ случаяхъ работать можно было, показавъ ему въ перспективѣ бифштексъ. Онъ только дѣловымъ тономъ освѣдомлялся: „съ картофелемъ?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ, начиналъ орать какъ бѣшеный, повторяя гаммы и сольфеджіи до того, что его и безъ того красный носъ наливался весь кровью, а толстыя чувственныя губы—изображали жерло трубы іерихонской. Онъ жилъ такимъ образомъ, вырабатывая за бифштексъ верхнія ноты и доводя до отчаянія своихъ сосѣдей... „Да, у Кимишкіана тоже вѣроятно нѣтъ денегъ!“ соображалъ Сластеновъ, прислушиваясь къ его оранью.—„Что же я дѣлать буду!..“

И ему стало невыразимо жалко самого себя. Такъ жалко, что онъ готовъ былъ заплакать въ это тусклое, нерадостное утро.

Какая въ самомъ дѣлѣ проклятая жизнь! Съ тѣхъ поръ какъ онъ себя помнилъ, ему приходилось биться изъ-за куска хлѣба, околачиваться собственными боками обо всѣ углы суровой дѣйствительности. Она никогда не баловала его до сихъ поръ. Ни улыбки, ни просвѣту. Въ какомъ-то однообразномъ сѣромъ туманѣ, онъ и самъ сталъ сѣрымъ, безцвѣтнымъ. Не смотря на двадцать два года, глаза его не загорались яркимъ пламенемъ, румянецъ не проступалъ на его блѣдныхъ щекахъ. Онъ такъ и жилъ безъ увлеченій и порывовъ, кислою, затхлою жизнью петербургскаго грамотнаго пролетарія, не видящаго ничего внѣ своихъ меблированныхъ комнатъ, воспитывая мстительные образы въ болѣзненно настроенномъ воображеніи и въ то же время зная, что у него не хватитъ ни силы, ни воли перенести когда-нибудь эти образы въ жизнь...

Въ самомъ дѣлѣ, для него никогда не было „лучшихъ“ временъ.

Отецъ его, богатый московскій фабрикантъ, разорился ко дню его рожденія. Василій Герасимовичъ впервые увидѣлъ бѣлый свѣтъ въ тотъ самый день, какъ въ громадной залѣ его почтеннаго родителя происходилъ аукціонъ. Во избѣжаніе непріятныхъ встрѣчъ, „сраму“, какъ говорятъ въ Москвѣ, семья его должна была перебраться въ Петербургъ. Маленькой пенсіи, высылавшейся родными, не хватало на ея содержаніе. Васька, въ этой семьѣ безалаберной, непривыкшей къ нуждѣ, росъ какъ растетъ трава въ полѣ. Польетъ дождикомъ—она оправится; ударитъ солнцемъ въ засуху—мочалится, желтѣетъ, сохнетъ—вѣтеръ ее клонитъ, тяжелыя копыта къ землѣ прибиваютъ. Заботиться о немъ было рѣшительно некому. Отецъ его все продолжалъ считать крупными цифрами. Онъ не могъ взяться за маленькое дѣло, а занимался „прожектами“ отъ милліона и выше. Сидя въ нетопленомъ кабинетѣ и кутаясь въ облысѣвшую и съѣденную молью шубу, онъ мечталъ о томъ, какъ бы хорошо было взять на себя отъ Морскаго министерства постройку броненосцевъ—милліоновъ этакъ на двадцать... Или купить всю Пушкинскую улицу и разбить ея дома на маленькія квартиры. А то открыть въ окрестностяхъ Петербурга какіе-нибудь чудотворные минеральные источники отъ всѣхъ болѣзней сразу и нажить на нихъ милліонъ, а на этотъ милліонъ устроить общество страхованія отъ неурожаевъ, перепродать его американцамъ, а самому забрать въ руки китовыя ловли въ Сѣверномъ океанѣ, варить тресковый жиръ на Мурманѣ, да пожалуй ужъ заодно зацапать и бакинскіе нефтяные промысла. И онъ съ блаженнымъ лицомъ бралъ въ руки карандашъ и считалъ: сколько всѣ эти предпріятія могутъ принести ему. Единицы съ безчисленными нулями какъ солдаты вытягивались передъ нимъ ровными шеренгами, онъ ихъ сдвигалъ и раздвигалъ, слагалъ, вычиталъ, множилъ и дѣлилъ, и сладко вздыхалъ подводя итоги, напоминавшіе скорѣе цифры астрономическихъ таблицъ. Приходилъ онъ въ себя, точно просыпаясь, когда на порогѣ появлялся какъ призракъ Банко, мохнатый и шершавый дворникъ, съ требованіемъ пятнадцати рублей за квартиру. „Вотъ погоди еще... Завтра беру подрядъ на поставку сѣна во всѣ гвардейскіе полки.“ Онъ говорилъ это съ такой увѣренностію, что самъ немедленно убѣждался въ дѣйствительности своихъ иллюзій. „На кавалерію и на пѣхоту... Всѣ болота подъ Петербургомъ сниму. Проведу каналы—высушу... Тамъ, братъ, такое сѣно у меня будетъ—ты еще и не видалъ такого. Всю Европу завалю имъ. Мало развѣ у насъ болотъ-то?.. Подъ ногами милліоны лежатъ, а намъ вишь нагнуться да поднять ихъ трудно. Дураки этакіе!“ Ополоумѣвшій дворникъ уходилъ, а Сластеновъ-отецъ уже расчитывалъ, гдѣ ему нанять квартиру—въ Сергіевской или на Дворцовой набережной... Въ Сергіевской тихо и спокойно... за-то на Дворцовой—аристократы и la haute finance! Мысленно онъ выбиралъ коляски у Верпье въ Парижѣ, заказывалъ обивку ихъ, заводилъ лошадей, объѣзжалъ для этого заводы Орлова, Стаховича, браковалъ безчисленныхъ жеребцовъ, выбиралъ кучера погорластѣе и помордастѣе, отбивалъ у



Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Съ мороза“.

Карт. **К. П. Степанова** (исключительное право воспроизведенія принадлежитъ **„Нивѣ“**), грав. Флюгель.

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Наболѣвшее сердце“.
Картина **И. П. Загорскаго** (право воспроизведенія пріобрѣтено **„Нивой“**), грав. Б. Пуцъ.

яхтъ-клуба повара, и глотая какую-то безцвѣтную жижицу (вчерашній, разбавленный сегодня, картофельный супъ), давалъ отвлеченному повару про себя наставленія: „Ты, братецъ, сдѣлай мнѣ тортю. Толкнись на биржу: туда, сказываютъ, вчера Колчину черепахъ привезли. А не найдешь—такъ стерляжью уху съ налимьими печонками... Только смотри чтобы у меня не уха, а янтарь былъ, слышишь?.. А потомъ разыщи мнѣ хорошее „козье-сѣдло“, да не такое что въ ресторанахъ даютъ. Само должно во рту таять...“ Онъ приходилъ въ себя только тогда, когда на него набрасывалась жена, требовавшая полтинника на починку Васькиной обуви. „Срамъ—ребенку въ школу нельзя показаться... Аспидной доски не на что купить“.—„Полтинникъ?.. Какой полтинникъ?“ спускался съ облаковъ фабрикантъ.—„Какъ какой?“ кричала жена, „обыкновенно, какіе полтинники бываютъ? Ты это видишь?“ и прямо къ его носу подставляла протертыя подошвы и разинутые носки сыновьихъ саноженокъ. Впрочемъ и она сама оказывалась безсильною въ борьбѣ съ жизнью. Въ свое время ея семья тоже разорилась и Сластеновъ-отецъ женился на ней, на безприданницѣ, за „красоту“, какъ говорили въ Москвѣ. Она выросла на всемъ готовомъ, замужемъ заботилась только объ одномъ: какъ бы ей скорѣе войти въ тѣло и изумить своихъ подругъ необыкновенными шляпками отъ Минангуа, спеціально заказывашей ихъ въ Парижѣ для Якиманки, Ордынки и Таганки. Разореніе она встрѣтила разинувъ ротъ и ничего не понимая. Такъ онъ у нея и оставался разинутымъ до сихъ поръ. „Съ чего бы это: сколько было, а теперь нѣтъ?“ читалось въ ея глазахъ наивное удивленіе. „Ахъ Ты, Господи Милостивый!..“ Заполучивъ отъ родныхъ на праздники нѣсколько рублишекъ, она забывала и Васькины разорванные сапоженки и необходимость обѣда на завтра, а шла въ гостиный дворъ и покупала себѣ шляпку съ птицей, а потомъ въ Милютиныхъ лавкахъ забирала бѣлевской пастилы, вишневаго варенья, винныхъ ягодъ, абрикосовскую соломку, мармеладъ, клюкву въ сахарѣ и вяземскихъ пряниковъ. Цѣлый вечеръ, сидя за самоваромъ, она разсказывала сосѣдкѣ, обыкновенно отставной чиновницѣ, какой у нихъ въ Москвѣ былъ невѣроятный жеребецъ и какъ онъ держалъ на бѣгу хвостъ пистолетомъ, прозывали его „Тигрой“ и бывало по Кузнецкому онъ такъ снѣгъ раскидывалъ, что, къ утѣшенію ея купеческаго сердца, всѣ прохожіе вслѣдъ ей ругательски ругались. За „Тигрой“ слѣдовали платья: малиновыя съ золотомъ и желтыя съ серебромъ. Гостья, съ благоговѣніемъ погружаясь въ эту описательную часть, млѣла, ахала, подымала обѣ ладони кверху, точно защищаясь ими отъ какого-то нестерпимаго блеска, и замирала въ священномъ ужасѣ, когда дѣло доходило до фабрики съ тремя „тыщами“ народу и четырьмя настоящими, живыми агличанами изъ иностранныхъ земель, „которые по нашему только свистать да ругаться умѣли“. Васька, сидя за тѣмъ же столомъ и набивая себѣ животъ союзною пастилою, сонно моргалъ глазами и, пропуская мамины разсказы мимо ушей, заботился только объ одномъ: будутъ ли его завтра драть за невыученные сегодня уроки? Все что́ для его родителей было дѣйствительностью, хотя бы въ прошломъ — богатство, почетъ, счастье, блескъ, беззаботная жизнь, жеребцы съ пистолетами вмѣсто хвостовъ, шляпы съ такими птицами, какихъ и на свѣтѣ нѣтъ—ему казалось сказкой далекой и несбыточной, особенно послѣ одного случая.

Разсказъ своей матери о пистолетѣ вмѣсто хвоста онъ принялъ было буквально—и сдуру сообщилъ въ школѣ о жеребцѣ именемъ „Тигра“, стрѣлявшемъ въ прохожихъ хвостомъ. Товарищи, возмущенные столь невѣроятнымъ чудомъ, отдули его на обѣ корки,—и Васька, усвоивъ себѣ немедленно трезвое направленіе, навсегда разстался съ иллюзіями. Часто, когда расфантазировавшійся отецъ говорилъ ему: „а тебѣ, Васька, я куплю маленькую золотой масти лошадку“, сынъ вдругъ совершенно некстати замѣчалъ: „нѣтъ, а то еще горбунки такіе есть, которые, знаешь, подъ облаками. Только, я думаю, страшно это: коверъ-самолетъ лучше—на немъ сидишь и ничего не видишь если зажмуришься. Ты ужь мнѣ вмѣсто лошади коверъ-самолетъ который...“ И, оперши подбородкомъ на ладони, дитя пристально смотрѣло въ огонь нагорѣвшей свѣчи, разсуждая мысленно: „Какъ это глупо, что въ жизни нѣтъ ни горбунковъ, ни жаръ-птицъ, ни тигровъ съ пистолетами, ни Иванушекъ-дурачковъ, которые оказываются хитрѣе всѣхъ умниковъ“. Мамины тигры и папины повара со стерляжьей ухой—относились въ его мнѣніи къ тому-же разряду явленій, къ которому принадлежали и сказочные царевичи съ подоблачными и заоблачными горбунками. Гимназію Васька прошелъ съ грѣхомъ пополамъ. Время было тогда не строгое—и онъ попалъ въ университетъ. Но тутъ нежданно-негаданно, не осушивъ ингерманландскихъ болотъ, не скупивъ Пушкинской улицы и не основавъ общества страхованія отъ неурожаевъ, умеръ его отецъ... Бѣднягѣ не удалось даже поставить сѣно на гвардейскіе полки — какъ его самого уложили въ бѣдный сосновый гробъ, а на Василія Герасимовича надѣли трауръ... А вскорѣ и мать, которой не стало чѣмъ жить, уѣхала въ Москву къ роднымъ. Черезъ годъ онъ получилъ извѣщеніе о ея смерти. Сластеновъ остался на произволъ судьбы—одинъ среди чуждаго ему Петербурга. Онъ написалъ было въ Москву, къ роднымъ, которыхъ зналъ только по имени, но отвѣта не получилъ. Университетъ пришлось оставить. Началась настоящая борьба съ голодомъ и жестокосердыми хозяйками меблированныхъ комнатъ; какая-то безотрадная полоса вѣчныхъ будней съ уроками на Пескахъ (десять рублей въ мѣсяцъ), перепиской бумагъ (двугривенный за листъ), праздниками въ видѣ нежданно-негаданно заработанной лишней пятерки... Ему часто случалось слышать обращенный къ нему вопросъ: „Вы не родственникъ-ли московскихъ Сластеновыхъ? милліонеровъ?..“—„А чортъ ихъ знаетъ“, обыкновенно отвѣчалъ онъ, мало заботясь объ этомъ. „Я писалъ къ нимъ когда-то, только ни шиша не получилъ! У отца тамъ былъ кто-то!.. а впрочемъ можетъ-быть и не было... Не разберешь!..“ На этомъ онъ и успокоивался. У Мины Карловны Бантъ онъ уже жилъ полтора года — но еще никогда ему не приходилось такъ туго какъ сегодня. Недѣлю назадъ онъ лишился урока въ Коломнѣ; адвокатъ, дававшій ему переписывать бумаги, уѣхалъ въ провинцію,—оставалась одна надежда на Сергѣя Ѳедоровича Нешумова. Тотъ жилъ въ этихъ-же нумерахъ, писалъ фельетоны въ „Газетку для всѣхъ“ и получалъ за нихъ по полторы копѣйки за строчку, да и то не всегда. Нешумовъ мечталъ о своей газетѣ съ цѣлію перевернуть общество. А пока тоже жилъ впроголодь, дома ходилъ въ невѣдомо откуда доставшейся ему женской кацавейкѣ и, обѣщая Сластенова пристроить секретаремъ въ „Газетку для всѣхъ“, дергалъ его за хохолъ и говорилъ: „Эхъ ты... шишъ ты этакой!“

„Однако—этакъ и бока пролежишь!“ сообразилъ наконецъ Сластеновъ.

Онъ всталъ—босикомъ подошелъ къ двери и прислушался... Ничего угрожающаго пока не оказывалось. Кимишкіанъ въ чаяніи бифштекса вырабатывалъ верхнія ноты, пѣвица изъ чешекъ неистово терзала фортепіано... Буреломовъ успокоился. Мины Карловны не было слышно... Сластеновъ надѣлъ сапоги. Набросилъ на себя легкій лѣтній гавелокъ (*крылатку*—на мѣстномъ арго)—замѣнявшій ему пока все остальное платье,—тѣмъ болѣе удобный, что изъ-подъ него ничего видно не было. Съ сильно бьющимся сердцемъ пріотворилъ дверь, высунулъ голову, пуганымъ зайчикомъ повер-

нулъ ее вправо и влѣво... Дѣвица Бантъ очевидно отсутствовала... Прождавъ еще двѣ-три секунды, Сластеновъ призракомъ, затая дыханіе, мелькнулъ по коридору черезъ двѣ двери въ третью—и только очутившись у Наплаксина, пришелъ въ себя...

— Фу ты... чортъ возьми!.. Я думалъ что ужъ и не доберусь къ тебѣ!

Едва отдышался онъ, садясь въ кресло къ столу.

Тимоѳей Арсеньевичъ Наплаксинъ былъ тутъ-же. Онъ, точно исполняя разъ навсегда заведенный церемоніалъ, дернулъ Сластенова за хохолъ, причемъ тотъ только мотнулъ головой. Наплаксинъ спросилъ его, удивленный его растеряннымъ выраженіемъ лица и необычайнымъ даже и для Сластенова костюмомъ.

— Ну, чего ты?.. точно дроздъ въ кустахъ... Ты видалъ какъ дрозды падаютъ въ кусты?.. а?.. Что съ тобой?

— Прячусь. Самъ кажется видишь—чего еще тутъ. Поневолѣ приходится.

— Отъ Мины Карловны?

— Да... Эти дни она такъ ко мнѣ пристала—страсть... Точно я ей изъ ничего денегъ могу добыть.

— Не топитъ? догадывался тотъ. Очевидно все это было въ порядкѣ вещей и ничьего удивленія не возбуждало.—А вьюшекъ еще не вынимала?

— Сегодня вѣрно выметъ. У нея все постепенно...

— Дѣло, братъ, плохо!.. сочувственно уставился на него Наплаксинъ, при чемъ его рука опять потянулась къ хохолку Василія Герасимовича, но на полдорогѣ онъ остановился.—Жрать хочешь?

— Хочу... встрепенулся Василій Герасимовичъ и даже носомъ повелъ по-собачьи.—Вчера я, братъ, только чай пилъ съ бубликами...

— Жаль у тебя тенора нѣтъ... Пооралъ-бы какъ Кимишкіанъ и получилъ-бы бифштексъ. У меня сейчасъ самоваръ будетъ. Выпьемъ чаю, и тоже съ бубликами... У меня, братъ, тоже кромѣ бубликовъ—ау!..

И Наплаксинъ въ ожиданіи этого пира Валтасарова погрузился въ размышленіе.

II.

Тимоѳей Арсеньевичъ Наплаксинъ, большой другъ Сластенова, готовился въ философы. Онъ впрочемъ самою природою былъ рожденъ для этой почтенной профессіи. Высокій, худой, жилистый брюнетъ, онъ ходилъ всегда понурясь, точно отъискивая на землѣ у себя подъ ногами чего-то, что впрочемъ еще ни разу не давалось ему въ руки. Вѣроятно поэтому глаза его всегда сохраняли мечтательно недоумѣвающее выраженіе. Видимое дѣло—они уходили своимъ неопредѣленнымъ взглядомъ куда-то, помимо всего его окружающаго. Наплаксинъ былъ мистикъ, интересовался переселеніемъ душъ, отрицалъ свободу воли, но за то признавалъ жителей на планетѣ Марсъ и описывалъ ихъ такъ, точно самъ только что пріѣхалъ съ прямымъ поѣздомъ оттуда и еще не успѣлъ переодѣться. Изъ университета онъ вышелъ вмѣстѣ съ Сластеновымъ и существовалъ уроками. Говорить не умѣлъ, но спорилъ превосходно, и всѣ свои досуги употреблялъ на придумываніе новыхъ системъ для счастія всего человѣчества. Дешевле онъ не соглашался. Жилъ онъ въ одной комнатѣ съ Флегонтомъ Бурлаковымъ—все соціальное положеніе котораго опредѣлялось его визитною карточкой, гдѣ онъ самъ себя рекомендовалъ кратко и выразительно: „поэтъ-крестьянинъ“. Онъ вмѣстѣ съ Нешумовымъ печатался въ *Газеткѣ для всѣхъ*, неизмѣнно начиная всѣ свои стихи съ „Ой-ты-гой еси“ или съ „Ужъ какъ встану я — да косить пойду“. Самъ онъ твердо вѣровалъ въ свой геній. Всѣхъ остальныхъ поэтовъ считалъ пигмеями, критиковъ—невѣждами. „Мнѣ-бы только пишшу настояшшую, а то бы я имъ показалъ!“ и при этомъ онъ стучалъ кулакомъ въ столъ и ворочалъ бѣлками выпученныхъ глазъ.

— Гдѣ Флегонтъ? спросилъ у Наплаксина Сластеновъ, немного погодя и замѣтивъ что поэта нѣтъ и за ширмой, гдѣ стояла кровать.

— Въ лавку побѣжалъ. Тамъ у него пріятель есть приказчикъ. Вмѣстѣ стихи пишутъ. Собираются даже сообща книгу издать „поэты-самоучки“. Только и жду его: придетъ—сейчасъ будемъ чай пить. Можетъ быть онъ ветчины въ долгъ добудетъ. Я-то не надѣюсь. Вчера ужъ бралъ ее.—а можетъ быть. Все зависитъ отъ случая и отъ удачи.

— А твои дѣла какъ? осторожно освѣдомился Сластеновъ.

— До пятнадцатаго плохо... А тамъ съ уроковъ.

— Хорошо быть богатымъ!

— Это еще съ чего тебѣ въ голову пришло?

— Такъ знаешь. Сейчасъ-бы въ Малый Ярославецъ и селянку въ кострюлѣ... изъ разной рыбы... Потомъ пива...

— А потомъ, горячо вступился Наплаксинъ,—философскій журналъ издавать...

— Послѣ селянки? уставился на него Сластеновъ.

— Дуракъ ты—вотъ что... И до—и послѣ... Свѣтъ перевернуть можно... Общими силами мы-бы такую формулу всемірнаго счастья придумали — только держись. Ну, слава Богу. Кимишкіанъ пересталъ орать — теперь вѣрно его бифштексомъ кормятъ!.. Что-же ты-то дѣлать будешь теперь?

— Нешумовъ обѣщалъ работишку, да и Ольга Андреевна старается.

— Кремлева—молодецъ. Теперь Бурлаковымъ занялась—возится съ нимъ по цѣлымъ днямъ. „Вы, говоритъ, поэтъ-крестьянинъ и посему надо въ васъ воспитать чувство „независимости“. А сама съ флюсомъ развязаться не можетъ.

— Ну, а Бурлаковъ что?

— Хлопаетъ глазами, иной разъ выпалитъ: „Ой-ты-гой еси“... Или задумается и разрѣшится вдругъ: „меня-бы подкормить... Я бы тогда...“ А что тогда—неизвѣстно. Нѣтъ, знаешь, чѣмъ я больше думаю—вижу что необходима общая передѣлка человѣчества... Не все-же намъ быть жертвами. И то ужъ отъ этой эксплуатаціи—хоть живой въ гробъ ложись.

Наплаксинъ всталъ и прошелся по комнатѣ. Онъ только теперь замѣтилъ, что Сластеновъ сидитъ у него въ крылаткѣ.

— Ты это что-же... Яко нагъ?.. А сюртукъ гдѣ у тебя—и прочее?

— Третьяго дня заложили съ Нешумовымъ и проѣли. Въ греческой кухмистерской!

— Ну, а свой не могъ Нешумовъ въ мойку пустить. (На мѣстномъ арго „закладъ“ назывался „мойкой“).

— Свой... Ему въ редакцію надо ходить. Безъ сюртука—какой-же изъ него фельетонистъ будетъ.

— То-то, посмотрю я на тебя, дуракъ ты, Васька. Ну выгонитъ тебя хозяйка—въ чемъ ты выйдешь нанимать себѣ квартиру? Въ этакомъ видѣ тебя первый городовой остановитъ—за безобразіе въ публичномъ мѣстѣ.

— У тебя возьму, нисколько не задумываясь отвѣчалъ тотъ.—Понадобится—возьму, извѣстное дѣло.

— У меня! Положимъ... А я какъ-же буду? Мнѣ вѣдь тоже надо.

— А ты? Ты тоже у кого нибудь... А развѣ ты думаешь, что она меня выгонитъ? тревожно спросилъ Сластеновъ.

— Кто ее знаетъ. Ей самой не сладко... Тоже вѣдь вертится. За годъ домовладѣльцу не платила. Положимъ она дипломатъ, а все-таки...

И они оба погрузились въ печальныя размышленія, но въ это время въ коридорѣ послышались грузные шаги, кто-то толкнулся въ дверь, повозился около и наконецъ вошелъ.

— А. Бурлаковъ... Съ побѣдой?.. Батюшки — тюричковъ-то... тюричковъ! Откуда все это? Зарѣзалъ кого нибудь на большой дорогѣ?

— Приказчикъ — все... Съ радости, знаешь... Стихи его „Газетка“ напечатала сегодня, ну онъ и раскошелился: колбасы отпустилъ, сахару... Сыру... Хлѣба вотъ... Дня на два тутъ провизіи... Я сейчасъ Ольгу Андреевну позову чай пить!.. сунулся было онъ къ дверямъ, но Паплаксинъ его тотчасъ-же остановилъ.

— Куда ты, нельзя. Не видишь развѣ, Сластеновъ въ неполномъ костюмѣ. Хорошее зрѣлище для дѣвицы.

— Это ничего, соображалъ поэтъ-крестьянинъ.—Собственно говоря, сверху-то онъ совсѣмъ какъ слѣдуетъ. А снизу мы его одѣяломъ обернемъ... Кремлева не взыщетъ. Она человѣкъ настоящій. Понимаетъ. Это не то что пѣвица наша. Та вонъ Кимишкіану приказала миндальнымъ мыломъ рожу мыть... А онъ, армяшка-то несуразный, понюхалъ—и въ ротъ. Лучше же, говоритъ, я такую вкусную штуку съѣмъ. Едва отчихался потомъ.

Самоваръ уже шумѣлъ на столѣ, и всевозможная снѣдь, добытая поэтомъ-крестьяниномъ, аппетитно была разставлена вокругъ, когда въ комнату вошла Кремлева. Она фыркнула на Сластенова. „Что вы это въ одѣяло спрятались? Озябли что-ли?..“—„Не то... А у меня костюмъ не въ порядкѣ...“—„Стану я смотрѣть на него!..“ И усѣлась за стаканы и чайникъ... Ольга Андреевна носила на себѣ отпечатокъ общій этимъ меблированнымъ комнатамъ. Бѣлобрысая, гладко зачесанная, съ выпуклымъ лбомъ—она поражала своей блѣдностью. Кремлева питалась большею частью бубликами, ухитряясь изъ своего скуднаго заработка помогать семьѣ, коротавшей свой вѣкъ гдѣ-то въ захолустьѣ. Она была сиротой. Отецъ ея — деревенскій священникъ, давно умеръ. Мать существовала ея помощью.

— Ай да мы! обрадовалась она, глядя на столъ.— Ай да мы... Съ чего вы это такъ кутите?..

— А ужь это Флегонтъ добылъ, его дѣло... Мы-то здѣсь не причемъ.

— Подумаешь, банкиры, какіе! ласково смѣялась она.—А у меня для васъ, Василій Герасимовичъ, рѣшительно ничего нѣтъ. Вчера и третьяго дня, повѣрите-ли, съ ногъ сбилась, все хлопотала—и нигдѣ. На Выборгской сторонѣ у одного чиновника оказывалось занятіе: дѣтей въ гимназію приготовлять; я было къ нему, а у него уже двое сидятъ медиковъ-студентовъ, договариваются на перебой кто меньше возьметъ.

— Я ужь такой несчастный человѣкъ! мрачно ронялъ Сластеновъ, набивая ротъ колбасой.

— А вы больше еще голову опускайте! Чѣмъ-же вы несчастнѣе другаго... Ну, чѣмъ?..

— Погодите... дайте прожевать... Тѣмъ что меня право слѣдовало-бы на живодерню отправить. Ну, куда я гожусь въ сравненіи со всѣми вами?

— Просто вы дрянь! вспыхнула Ольга Андреевна и вся покраснѣла, да такъ что даже взлызины у ея висковъ порозовѣли.—Просто вы дрянь. Скажите пожалуйста: ему, видите-ли, на свѣтѣ дѣлать нечего. А я вамъ другое скажу: характеришко у васъ кисельный. Надо, чтобы вамъ кто-нибудь другой на шею сѣлъ, да ноги свѣсилъ, да погонять началъ, а сами вы дѣйствительно только на живодерню... Изволите видѣть—въ двадцать два года онъ уже во все извѣрился. Только и свѣту въ окнѣ что въ Питерѣ здѣсь, у нашей Бантши. Народу учителей не хватаетъ,—въ учители не удастся, идите въ волостные писаря.

— Въ волостные писаря? обидѣлся Сластеновъ.— Учился-учился, да въ волостные писаря.

— Скажите, какой профессоръ въ самомъ дѣлѣ! Свѣтило науки—со втораго курса выскочилъ. А вамъ-бы все на легкихъ хлѣбахъ, господинъ? Жаль что вашъ отецъ-то свои милліоны проморгалъ. Кстати-бы они вамъ—легли-бы вы на диванъ, сигару въ зубы, и о счастьѣ человѣчества съ сытой жизни давай разсуждать. Великолѣнное дѣло. Эхъ, была-бы моя воля!—И Ольга Андреевна разозлилась совсѣмъ. — Знаете, какъ у насъ въ поповскихъ семьяхъ: взяла-бы я васъ за вихры или за хохолокъ вашъ...

— Оставь! отмахнулся Сластеновъ отъ Паплаксина, рука котораго уже безсознательно протягивалась къ его вихру. — Оставь... что это!

— Да взяла-бы я васъ и отрепала, да еще головой въ стѣну. Авось очнулись-бы вы...

Неизвѣстно къ чему бы пришла невоздержная на языкъ и всегда увлекавшаяся Ольга Андреевна, еслибы въ эту минуту не отворилась дверь въ комнату къ Паплаксину—и въ ней, какъ нѣкій призракъ, страшный и неотразимый, не показалась Мина Карловна.

— Всѣ здѣсь... въ сборѣ... Ѣдятъ, пьютъ... Хорошаго аппетита... досадливо начала она.—Я бьюсь-бьюсь... отдыха съ вами не знаю... Василій Герасимовичъ, я къ вамъ... не зайдете-ли къ себѣ, чтобы поговорить со мною о дѣлѣ...

Но Сластеновъ, весь блѣдный, только моргалъ глядя на нее съ ужасомъ, какъ воробей на удава.

— Василій Герасимовичъ, что вы глухой что-ли... Или на мнѣ узоры какіе-нибудь нарисованы, что вы такъ смотрите, а? Пойдемте, пойдемте.

— Я не могу-съ, Мина Карловна, обрѣлъ онъ наконецъ даръ слова.

— Почему это?

— Я не вполнѣ костюмированъ-съ... Видите-ли въ одѣялѣ... краснѣлъ и путался онъ, совѣстясь хозяйку и не зная куда ему дѣваться.

— Доигрались значитъ... Вамъ же хуже... Деньги приготовили?

— Деньги-съ?

— Да, деньги... Тридцать рублей уже за вами. Позвольте пожалуйста ихъ. Я должна завтра отнести хозяину. Онъ тоже съ меня деретъ.

— Я отдамъ-съ, Мина Карловна... Я-съ ей Богу отдамъ. Я какъ только получу и отдамъ-съ. Сейчасъ-же—не задержу ни на минуту.

— Откуда-же вы получите? Поручите ужь мнѣ получить. Вотъ сейчасъ схожу... Нѣтъ, не стѣсняйтесь. Укажите мнѣ только адресъ, и я сейчасъ-же. Сію-же минуту... Ну-съ?

Но Сластеновъ только больше и больше куталъ свои ноги въ одѣяло, точно онѣ у него озябли, и сосредоточенно молчалъ.

— Взять-то вамъ очевидно неоткуда... Ахъ вы!.. Господи! вспомнила она дикцію Самарина.—Господи, да доколѣ-же мнѣ мучиться съ вами!.. Что я за преступница такая чтобы эту каторгу выносить!—и она заломила руки по Свѣденцову.—Нѣтъ, этому не бывать больше... Я, Василій Герасимовичъ, уже приказала у васъ вьюшки вынуть изъ печи... А къ завтрему не будетъ денегъ— вы такъ и знайте, я за городовымъ пошлю... Что-же дѣлать... я и такъ слишкомъ много страдала. Стыдно вамъ, Василій Герасимовичъ!

Но къ незнавшему куда дѣваться Сластенову помощь пришла оттуда, откуда онъ уже никакъ не ожидалъ ея.

— Что вы къ нему пристаете? вспыхнула вдругъ, только что сама разносившая его, Ольга Андреевна.— Что вы къ нему пристаете? Развѣ не видите что бѣдный мальчикъ (увы — Кремлева была только на годъ моложе его)... развѣ не видите что онъ и самъ измучился не меньше вашего? Велика важность ваши тридцать рублей! Скажите пожалуйста. Сейчасъ городоваго—очень вы напугали! Да мы тоже съѣдемъ всѣ отъ васъ и возитесь тогда со своимъ Буреломовымъ. Пожалуйста, не краснѣйте, Сластеновъ! Мало-ли у кого денегъ нѣтъ—это еще не позоръ въ самомъ дѣлѣ, чтобы сейчасъ-же голову опускать. Это только такіе дураки какъ вы стыдятся!

— Что-же, Ольга Андреевна, вы за него заплатите что-ли?

Надулась. Съ карт. Бугро, грав. Бодъ.

— И заплатимъ. Всѣ соберемся и заплатимъ... Эка удивила!.. Велики деньги!

Но Мина Карловна уже не слушала. Она хлопнула дверью, и скоро ея раздраженный голосъ послышался въ коридорѣ.

— И печей не топила, и вьюшки вынула! горестно воскликнулъ Сластеновъ, пріійдя наконецъ въ себя послѣ выслушаннаго имъ разноса.

— Такъ вамъ и слѣдуетъ! опять накинулась на него неугомонная Кремлева. — Мужчина! скажите пожалуйста... Эхъ вы!..

И дойдя до апогея своего негодованія, она оттолкнула стаканъ, такъ что стекло зазвенѣло, а сама вышла изъ комнаты.

— Что-жь, братъ, теперь? обратился къ нему поэтъ-крестьянинъ.—Эхъ ты горе мое горюшко! Эхъ ты горе мое лютое — змѣй-тоска по сердцу ползаетъ... Дай-ка карандашъ—записать... Три строчки. Мало-мало—сорокъ пять копѣекъ придется. Змѣй-тоска по сердцу ползаетъ, отравляетъ мою думушку... Вотъ мы какъ!.. и всѣ шестьдесятъ. Эхъ, вздохнулъ онъ опять, — мнѣ бы кормы настоящіе, а тогда я бы имъ показалъ... какая она есть поэзія-то!.. Я бы имъ—во!

И онъ вытянулъ передъ собою громадный кулакъ.

Сластеновъ, вернувшись къ себѣ, убѣдился, что слова Мины Карловны не были пустою угрозой. Холодъ у него стоялъ собачій, но Василій Герасимовичъ обнаружилъ на первыхъ порахъ стоическую твердость въ постигшемъ его бѣдствіи. Онъ закрылъ наскоро дверцу и улегся въ кровать подъ одѣяло. Ему хотѣлось остаться одному, одуматься, придти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію что̀ дѣлать и какъ выйти изъ этого ужаснаго положенія. Потомъ онъ могъ бы отогрѣться у сосѣда. Онъ слишкомъ хорошо зналъ свою хозяйку. Онъ не сомнѣвался въ томъ что завтра у воротъ явится билетикъ объ отдачѣ его комнаты въ наемъ. Будь еще у него платье — онъ бы не особенно сокрушался. Между его знакомыми были типы въ родѣ Петра Смарагдовича Морданъ-Македонскаго, котораго здѣсь называли вѣчнымъ странникомъ, всемірнымъ путешественникомъ, Агасоеромъ и тому подобными титулами. Всѣ они объяснялись тѣмъ, что неунывающій Морданъ умѣлъ столь слезно улещать хозяекъ словесами, что тѣ пускали его безъ задатковъ. Онъ жилъ такимъ образомъ мѣсяцъ, два, и спокойно, когда его наконецъ выгоняли, говорилъ: „Что-же мнѣ — я уйду если вамъ не угодно... Я силой не имѣю права!“ и перебирался къ новой жертвѣ своего краснорѣчія. Македонскій ухитрился такимъ образомъ существовать безъ гроша въ карманѣ, нося платье съ чужихъ плечъ, беззаботно кушая чужіе обѣды и съ столь благороднымъ видомъ живя въ чужихъ комнатахъ, что всѣ давно уже помирились съ этимъ, нисколько не считая Агасоера дурнымъ человѣкомъ. Агасоеръ былъ даже душою общества. Онъ неистово плясалъ на танцовальныхъ вечерахъ у купцовъ, чиновниковъ и участковыхъ приставовъ, уходя отъ нихъ весь мокрый и счастливый, довольный собою и другими. Онъ былъ высокъ, сутуловатъ. Красивые глаза и ворохъ волосъ на головѣ его нравились перезрѣлымъ невѣстамъ. Его сокрушалъ только носъ, совершенно несуразный, торчавшій какою-то пробкой. Онъ и самъ выражался насчетъ этого украшенія весьма рѣшительно и рѣзко: „Если-бы не этотъ подлецъ — я бы давно женился и былъ бы уже секретаремъ консисторіи...“ Почему-то мысли Сластенова обратились именно къ этому субъекту и не успѣли еще онѣ перенестись на другія не менѣе назидательныя личности, какъ по пословицѣ — „помяни чорта, онъ и рога покажетъ“, Морданъ явился къ нему въ комнату—своею собственною персоной.

— Однако! Это она тебя вымораживаетъ? конфиденціально освѣдомился Македонскій, кивая головою къ ту сторону гдѣ была комната хозяйки.

— Да... Ты не при деньгахъ?

— Я?.. изумился гость. Онъ могъ бы ожидать любаго вопроса, только не этого. Его не такъ бы поразило если бы Сластеновъ спросилъ: „ты лазилъ уже на Петропавловскій шпицъ или нѣтъ?..“—Я? при деньгахъ?.. и онъ подозрительно взглянулъ на Василія Герасимовича. Потомъ вспомнилъ и вдругъ улыбнулся:—Дѣйствительно, у меня на прошлой недѣлѣ рубль былъ... Какъ же!.. Вотъ въ этомъ самомъ карманѣ. А что тебѣ?

— Такъ, хотѣлъ у тебя занять...

— У меня? еще больше изумился Петръ Смарагдовичъ и, подойдя въ упоръ къ Василію Герасимовичу, сталъ пристально всматриваться въ него.

— Что ты таращишься?

— Да... знаешь... У меня есть тутъ знакомый докторъ. Очень хорошій. Мы вмѣстѣ съ нимъ недавно у одного экзекутора на балу отплясывали... Это его пальто даже! съ гордостью отвернулъ онъ полу и показалъ шелковую подкладку.—Хочешь, я его привезу къ тебѣ? Онъ тебя посмотритъ... А кстати, я къ тебѣ по дѣлу... Ты вѣдь не прописанъ здѣсь? Нѣтъ? я такъ и зналъ.

— У меня видишь документы на старой квартирѣ остались... Да и тамъ я жилъ по какому-то мѣщанскому свидѣтельству о прививкѣ оспы. — Ну вотъ... А сегодня въ газетахъ появилось о тебѣ извѣстіе. — Какое еще?—Вѣдь у тебя, братику, есть должишки.— Это у меня есть, какъ же!—Ну такъ вотъ присяжный повѣренный Приходзько по самонужнѣйшему дѣлу проситъ всѣхъ кому извѣстенъ твой адресъ—сообщить въ его контору... Только ты не волнуйся, пожалуйста.— Да что̀ же мнѣ волноваться? Хуже чѣмъ теперь не будетъ. — Въ долговое отдѣленіе посадятъ — отлично. Тепло и притомъ, знаешь, недурно кормятъ. — А ты сидѣлъ?—Какъ же. Три раза. У меня тамъ всѣ знакомые... Пріятели даже... Купецъ одинъ былъ, отлично на губахъ польку-трамблянъ игралъ, а мы плясали.— Только какъ же мнѣ это устроить? Не въ чемъ поѣхать... — Ну, вотъ какая еще глупость. Кредиторы тебя снабдятъ. Не въ рубахѣ же по улицамъ повезутъ. Такихъ и законовъ нѣтъ.

Когда Македонскій ушелъ къ Кимишкіану, Сластеновъ не безъ удовольствія сталъ думать о долговомъ отдѣленіи. Въ самомъ дѣлѣ, есть же такое мѣсто наконецъ, гдѣ онъ еще можетъ найти себѣ пріютъ. Не всѣ же двери закрыты для него на этомъ большомъ и негостепріимномъ свѣтѣ. Именно—негостепріимномъ. По крайней мѣрѣ для него, для Сластенова, у судьбы до сихъ поръ, кромѣ холода и голода, еще ничего не оказывалось въ распоряженіи. Два или три раза ему случалось ѣсть до-сыта, „даже въ Маломъ-Ярославцѣ“, съ гордостью вспоминалъ онъ. Но вслѣдъ затѣмъ опять тянулись дни, мѣсяцы и годы, когда онъ былъ одинокъ, нищъ и довольствовался какимъ-то собачьимъ существованіемъ. Въ немъ все было такъ подавлено и унижено, что въ душѣ не оставалось мѣста даже зависти къ болѣе счастливымъ и богатымъ людямъ.... „Хорошо бы“, смутно рождалось у него въ головѣ при видѣ ихъ,—„хорошо бы, если бы такой вотъ хватъ потерялъ деньги, а я ихъ нашелъ“, но и въ этомъ отношеніи его фантазія не возвышалась далѣе ста рублей... „Я бы съ этими ста рублями...“ И онъ начиналъ строить планы одинъ чудовищнѣе другаго. Сто рублей растягивались необыкновенно — чуть не на цѣлыя версты. Онъ съ ними дѣлалъ чудеса, и къ чести его, Сластенова, надо сказать, что въ этихъ фантастическихъ лукулловскихъ пирахъ вмѣстѣ съ нимъ всегда принимали воображаемое участіе тусклые и безцвѣтные товарищи его тусклаго и сѣренькаго существованія... Возможность находки „ста рублей“ его такъ электризовала, что онъ вскакивалъ и въ необычайномъ волне-

нiи ходилъ изъ угла въ уголъ... Онъ такъ же вѣрилъ въ нихъ, какъ его покойный отецъ вѣрилъ въ свои миллiонные проекты. Только цифры умалились, а сущность у того и другаго оставалась одною и тою же... Въ этомъ отношенiи у нихъ оказывалось родственное сходство.

III.

Ночь эта прошла очень тяжело для бѣднаго Сластенова. Онъ напрасно кутался въ свое жидкое одѣяло. Холодъ пронизывалъ его насквозь. Василiй Герасимовичъ забывался временами и дремалъ безпокойно. Сны ему въ эти недолгiе промежутки снились отвратительные. То онъ видѣлъ себя замерзающимъ на улицѣ, то летѣлъ въ какую-то бездну, среди самаго ужаснаго холода, то ему чудилось, что онъ глубоко-глубоко погружается въ волны студенаго моря, странно сохраняя сознанiе и чувствуя, какъ жизнь мало-по-малу замираетъ въ его тѣлѣ. Просыпаясь, онъ хотѣлъ-было уйти къ Паплаксину, но тотъ помѣщался вмѣстѣ съ Бурлаковымъ. Нешумовъ работалъ по ночамъ—и Сластеновъ могъ только помѣшать ему. Наконецъ, ужь подъ самое утро онъ додумался. Всталъ и весь дрожа отъ стужи отворилъ настежь двери въ теплый коридоръ. Потомъ онъ завернулся въ крылатку и такимъ образомъ полуодѣтый спрятался подъ одѣяло. Спустя часъ, его комната нѣсколько сравнялась температурой съ коридоромъ, и онъ заснулъ какъ убитый, заснулъ безъ сновъ, уже не думая о завтрашнемъ днѣ. Какъ всѣ несчастные люди, онъ зналъ, что въ эту ночь его никто ужь больше не потревожитъ, и хотѣлъ забыться, отогнать отъ себя самую мысль о возможности этого завтра... Онъ не слышалъ, какъ Агафья затворила утромъ его дверь и проснулся въ полдень, проснулся потому, что къ нему въ комнату кто-то стучалъ, хотя она не была заперта на задвижку. Точно желая продлить блаженство этого покоя, онъ, не отвѣчая, въ полглаза сталъ смотрѣть на двери. Онѣ полуотворились, въ нихъ просунулась чья-то тщательно расчесанная голова съ проборомъ по серединѣ. Неизвѣстный, сквозь золотое пенснэ, оглядѣлъ комнату и спавшаго, какъ ему казалось, и потомъ опять притворилъ двери и постучался въ нихъ. Сластеновъ, попрежнему не отвѣчая, соображалъ, кто бы это могъ быть. Скоро до его слуха донеслось изъ коридора: „да это дѣйствительно господинъ Сластеновъ здѣсь живетъ у васъ?" — „Господинъ!.. Хорошъ господинъ!" послышался раздраженный отвѣтъ Мины Карловны.— „Живетъ онъ именно, только вечеромъ ужь его не будетъ"...—„А что?"—„Какъ же-съ, помилуйте, три мѣсяца за квартиру не платитъ. Чѣмъ только дышетъ—не знаю"...—„Г. Сластеновъ за квартиру не платитъ?.. Этого не можетъ быть!" изумлялся посѣтитель.

„Ишь ты... Тебѣ въ диковину это!" думалъ про себя самъ объектъ подслушаннаго разговора.—„Нѣтъ заплати-ка ты, коли у тебя въ карманѣ торричеллiева пустота. Заплати! Подать развѣ голосъ?.. Ну, нѣтъ... пока хозяйка въ коридорѣ—не отзовусь"... И Василiй Герасимовичъ по самые глаза закрылся одѣяломъ. Посѣтителю очевидно надоѣло стучаться. Онъ вошелъ въ комнату и остановился у дверей, почтительнѣйше раскашлялся и какъ-то угодливо и искательно вытянулъ голову впередъ. Сластеновъ немного сдвинулъ одѣяло и съ изумленiемъ увидѣлъ черный застегнутый на-глухо сюртукъ, портфель подъ рукою въ коричневой перчаткѣ и какой-то серебряный знакъ въ петличкѣ. Онъ открылъ глаза совсѣмъ.

— Не съ почтеннѣйшимъ ли Василiемъ Герасимовичемъ Сластеновымъ я имѣю честь и удовольствiе говорить? Я такъ давно добивался этого высокаго счастья!..

И гость кланялся все ниже и ниже, подходя къ кровати.

„Что онъ съ ума сошелъ что ли?" думалъ молодой человѣкъ, глядя уже на него во всѣ глаза.

— Я Сластеновъ, точно... Только вы вотъ что... Если не хотите простудиться, надѣньте шубу.

— Вы, вѣроятно, уважаемый Василiй Герасимовичъ, предпочитаете спать въ холодныхъ комнатахъ? У меня былъ клiентъ, онъ всегда зимой, въ лютые морозы, для кислороду оставлялъ форточку въ спальнѣ открытою.

— Должно-быть дуракъ былъ! угрюмо отвѣтилъ Сластеновъ, самъ про себя думая, смѣется надъ нимъ этотъ господинъ или нѣтъ. Что это за поклоны, что это за „уважаемый", „почтеннѣйшiй"... „Честь и счастье" тоже. Хороша честь!.. Или такъ... подходцы съ его стороны какiе? И онъ еще разъ повторилъ:—должно-быть дуракъ вашъ клiентъ былъ.

— Нѣтъ-съ, не дуракъ... Но вѣдь и у васъ такiе же вкусы... запнулся тотъ.

— Вовсе нѣтъ. Меня эта Бантша вымораживаетъ.

— Чего-съ?..

— Бантша. Хозяйка. Деньги я ей долженъ.

— Скажите, пожалуйста! посочувствовалъ тотъ.— Какая неделикатная особа!

— Ей нельзя очень деликатничать-то, счелъ себя обязаннымъ по чувству справедливости оправдать ее Василiй Герасимовичъ.—Самой жрать надо... А вы вотъ что, по какому случаю это ко мнѣ пожаловали?.. все еще лежа разспрашивалъ онъ.

— Я? Позвольте рекомендоваться: московскiй присяжный повѣренный Приходзько.

„А — понялъ Сластеновъ — тотъ самый значитъ, про котораго вчера Морданъ-Македонскiй живописалъ".

— Въ долговое значитъ? спокойно спросилъ Василiй Герасимовичъ.

— Чего-съ?..

— Меня-то... На цугундеръ что-ли? Только уговоръ лучше денегъ: мнѣ не въ чемъ ѣхать. Я безъ платья... А долговое такъ долговое. Я не прочь. Мнѣ все равно. Кормить вѣдь будутъ?.. Берите, ваше счастье.

— Позвольте, глубокоуважаемый мой, вы, кажется, меня принимаете не за то лицо. О какомъ долговомъ вы толкуете?

— Извѣстно о какомъ. Вѣдь это вы меня, точно бѣглаго пуделя, черезъ газеты разыскивали?

— Помилуйте...

— Ну, чего вы еще прикидываетесь? Тащите... Вотъ я—пожалуйте—получить.

— Да у меня на васъ никакихъ взысканiй нѣтъ... Совсѣмъ напротивъ даже. Позвольте спросить: вы вѣдь помните дядюшку своего, Арсенiя Николаевича?

— Чортъ бы его побралъ совсѣмъ! Лѣтъ пять назадъ я ему писалъ—точно.

— Какъ чортъ... Позвольте: извѣстно ли вамъ, что они, царствiе имъ небесное, померли два мѣсяца назадъ?

— Ну, что-жь... Туда и дорога!..

Съ тѣхъ поръ какъ Василiй Герасимовичъ узналъ, что его въ долговое не влекутъ, ему стало страшно за сегодняшнiй день и онъ весь даже потемнѣлъ отъ внезапно охватившей его безнадежности...

— Мнѣ-то что. Умеръ и Богъ съ нимъ. Я тутъ не при чемъ.

— Напротивъ. Вы-то при собственномъ интересѣ и оказываетесь. Извѣстно ли вамъ, что у вашего дядюшки было около четырехъ миллiоновъ, кромѣ домовъ и фабрикъ. А всего считая—поди восемь будетъ.

— Ну? довольно равнодушно переспросилъ Сластеновъ. — Что восемь, что сто миллiоновъ — мнѣ-то все равно кажется.

— И померли они, не оставивъ духовнаго завѣщанiя. На извозчикѣ почью (лошадь-то свою домой отправили, пожалѣли) изъ клуба возвращались, тутъ ихъ и стукнуло... Ударъ-съ! Хоронили столь торжественно,

Веселая поѣздка. Карт. **А. Вѣрушъ-Ковальскаго**, грав. Брендамуръ.

что даже въ *Городскомъ Листкѣ* на три столбца описано. Въ Новодѣвичьемъ могилка ихъ... То-есть даже и не могилка, а цѣлый аппартаментъ. Такой склепище! Хоть кому дай Богъ полежать такъ-то. Полы бутовые... Стѣны—переяславскаго мрамора... Потолки...

— Позвольте, разозлился Сластеновъ, — да мнѣ-то что? Какая мнѣ корысть отъ этихъ бутовыхъ половъ?

— Какъ какая?.. Да вѣдь вы — единственный наслѣдникъ.

— Чего-съ!?

И Василій Герасимовичъ моментально всталъ и ноги спустилъ съ своей кровати, уже не замѣчая на сей разъ изумительной неполноты своего костюма.

— Имѣю честь поздравить,—и Станиславъ Сигизмундовичъ еще разъ согнулся на подобіе знака вопросительнаго.—Имѣю честь поздравить... съ наслѣдствомъ... Я все время былъ повѣреннымъ дядюшки вашего, надѣюсь, что и вы теперь не откажете мнѣ въ томъ же довѣріи...

— Позвольте, позвольте... „Что это такое?“ размышлялъ и недоумѣвалъ Сластеновъ. — „Смѣется онъ надо мною что ли?“—Погодите... Дайте мнѣ опомниться. Это я... я наслѣдникъ?

— Да... Вы...

Василій Герасимовичъ почувствовалъ, что кровь ударила ему въ голову. Онъ сѣлъ на кровать и ноги подъ себя поджалъ калачикомъ. Ему смутно вспомнилось, гдѣ-то онъ читалъ, что-ли, какъ адвокаты часто, чтобы уловить добрыхъ людей съ какою-нибудь скверною цѣлью, прикидываются, притворяются, мистифирують.

— А вы... вы не врете?

— Помилуйте, Василій Герасимовичъ... Да за кого же вы меня это принимаете?..

И онъ весь подался впередъ, точно желая доказать этимъ свою готовность устремиться немедленно куда ему прикажетъ Сластеновъ.

— Не врете?.. А докажите! пришла Василію Герасимовичу блистательная мысль.

— Чѣмъ это?

— Чѣмъ?.. А вотъ чѣмъ: дайте мнѣ сейчасъ... Василій Герасимовичъ хотѣлъ сказать сто рублей, но вдругъ самъ испугался этой суммы. — Дайте-ка мнѣ сейчасъ... Ну, хоть двадцать пять... Четвертную.

— Помилуйте, да какія тутъ четвертныя. Вотъ-съ, пожалуйте, сколько вамъ угодно...

И Станиславъ Сигизмундовичъ вытащилъ изъ боковаго кармана толстый бумажникъ, набитый радужными, развернулъ его и поднесъ къ Сластенову.

Словно въ какомъ-то туманѣ Сластеновъ вынулъ сторублевку, другую, третью... До головы дотронулся, въ окно взглянулъ: не спитъ-ли, не снится-ли ему?...

— Пожалуйста, берите еще, еще... Для ровнаго счета—тысячу...

— Позвольте... Дайте въ себя придти... Это мнѣ тысячу...

— Да... хоть двѣ... три... сколько угодно.

— За что же это?

— Вѣдь ваше. Когда введемъ васъ въ права наслѣдства—вы вернете... пожалуйста... А вотъ вамъ карточка: если понадобится еще вамъ сумма—поѣзжайте къ нему отъ моего имени, онъ ужъ будетъ предупрежденъ...

Василій Герасимовичъ прочелъ: „Исаакъ Яковлевичъ Плюсъ“. Далѣе слѣдовали адреса конторъ Московской и Петербургской.

— Это что же за Плюсъ?

— Дисконтеръ. Только честный. Съ васъ онъ и одного процента въ мѣсяцъ не возьметъ. Изъ одной чести имѣть дѣло съ вами... А мнѣ позвольте нанять сейчасъ вамъ помѣщеніе въ отелѣ получше и немедля прислать къ вамъ—изъ магазина пока готоваго платья, а потомъ вы ужъ закажете себѣ... Шуба есть у васъ?

— Пальто есть. Только оно заложено... Выкупите пожалуйста, въ пяти рубляхъ. У меня квитанція здѣсь.

— Плюньте на него. Я вамъ шубу сейчасъ пришлю соболью... Вамъ теперь не къ лицу въ пальто пятирублевомъ ходить... Черезъ два часа я къ вамъ навѣдаюсь.

И отвѣсивъ еще болѣе почтительный поклонъ, Приходзько обѣими руками схватилъ руку, которую ему протянулъ Сластеновъ, прижалъ ее къ своему сердцу и со внезапно яко-бы отъ умиленія увлаженнымъ взоромъ кинулся въ двери...

Сластеновымъ овладѣло какое-то неистовство...

Не зная самъ что̀ дѣлаетъ, онъ раскидалъ сторублевки по полу и давай на нихъ босикомъ плясать и валяться; потомъ заоралъ такимъ дикимъ голосомъ, что толстоносый теноръ Кимишкіанъ кинулся къ нему со всѣхъ ногъ, но, увидѣвъ столь невиданное зрѣлище, попятился въ ужасѣ и наткнулся на стремившуюся къ Василію Герасимовичу Бантшу...

— Что̀ случилось?.. спрашивала она.

— Сластоновъ съума сошелъ...

— Отчего? Какъ съума сошелъ?..

— Ни знаю... Сылышите какъ киричитъ... Толки можетъ быть это я тоже съума сошелъ, потово что на полу у него... миного денегъ видѣлъ...

— Мина Карловна... Получайте... Вотъ вамъ! выскочилъ въ коридоръ Сластеновъ въ чемъ былъ...

— Васька, что̀ съ тобой?..

И Нешумовъ поймалъ его за хохолокъ. Но Василій Герасимовичъ не обратилъ даже вниманія на это.

— Кричи *ура*, вотъ что̀! Я, братъ, наслѣдство получилъ... четыре милліона—а можетъ быть и восемь.

— Врешь?

— Смотри самъ.

И онъ показалъ ему черезъ открытую дверь раскиданныя по полу сторублевки.

— Наплаксинъ! Теперь, братъ, шабашъ... Мы сегодня всѣ въ Малый Ярославецъ. Солянку изъ разной рыбы. Я угощаю! И пива... хочешь баварскаго, хочешь калинкинскаго... Мнѣ, братъ, теперь ничего не жаль!.. У насъ на все хватитъ. Кимишкіанъ, армяшка—тебѣ пять бифштексовъ безъ всякихъ верхнихъ нотъ. Понимаешь ты меня, душа моя?

— Послушай, опомнился раньше всѣхъ Нешумовъ.— Если ты да теперь не будешь издавать газеты, я тебя первой свиньей назову.

— Какая газета... Газета—это улица, мерзость! И то ужъ вы со своими газетами развратили общество, вмѣшался Наплаксинъ.—Нѣтъ, Васька, мы съ тобой теперь большой философскій журналъ... подъ заглавіемъ „Мысль и Знаніе“. А?.. какъ тебѣ это нравится?

И вмѣстѣ съ бифштексомъ и солянкой—Васька обѣщалъ и газету, и журналъ, потомъ въ угарѣ вернулся къ себѣ и засталъ въ комнатѣ Агафью съ цѣлымъ ворохомъ дровъ. Она усердно топила у него печь—да такъ, точно собиралась цѣлый домъ сжечь, начиная отъ этого пункта. Бантша сама внесла къ нему поднось съ чаемъ и только проходя мимо проговорила: „Василій Герасимовичъ—цвѣточный ляпъ-синь по четыре съ полтиной фунтъ покупала сама... Сыръ швейцарскій здѣсь... Хотите яичницу я вамъ приготовлю... Самыя свѣжія яйца есть... Охтянка сказывала: изъ-подъ куръ сегодня утромъ своими руками вынимала“. Наконецъ точно вихрь налетѣлъ капитанъ Стратонъ Буреломовъ, облапилъ Сластенова какъ лучшаго своего друга и прижалъ къ сердцу...

— Другъ, свинья ты этакая... Поздравляю... Поцѣлуй меня... Ну теперь будь спокоенъ. Мы тебя не оставимъ. Мы тебя не дадимъ въ обиду всякому проходимцу. Я всегда въ тебя дурака вѣрилъ. Всегда тебя какъ отца любилъ. Да! Другіе на тебя нападали—а я... Да и теперь всякому готовъ за тебя морду побить... Кому угодно? обернулся онъ къ публикѣ сжимая кулаки.—

Ну-ко, кому желательно?.. Поцѣлуй меня еще разъ— бутузъ ты этакій, да не таращи глазъ, чего ты!—И капитанъ еще разъ стремительно обнялъ Сластенова и поцѣловалъ его.—Ты знаешь что. Сдѣлай меня своимъ управляющимъ—и будь спокоенъ. Я, братъ, какъ песъ у твоего дома сторожить буду. Чуть кто—сейчасъ его вотъ въ это мѣсто безъ разговору... Ты вѣдь, мордашка, будемъ говорить правду — кисляй, гдѣ тебѣ самому со всѣмъ управиться. Тебя сейчасъ обворуютъ, а на меня можешь положиться. Вотъ бери Мину Карловну въ экономки, а меня въ мажордомы.

(Продолженіе будетъ).

Умъ птицъ.

Естественно-историческій очеркъ **Карла Кассау.**

Какъ въ наукѣ, такъ и въ общежитіи, давно уже укоренилось убѣжденіе, что образъ дѣйствій у животныхъ не всегда можетъ быть объясненъ однимъ безсознательнымъ инстинктомъ, а, напротивъ, служитъ признакомъ разумной дѣятельности, которая у млекопитающихъ проявляется иногда въ такой разительной формѣ, что заставляетъ предполагать извѣстную дозу логическаго мышленія.

Тотъ, кто держитъ собаку, кошку или лошадь, или кому приходилось наблюдать за этими животными, не станетъ сомнѣваться въ истинѣ вышесказаннаго. Гораздо труднѣе опредѣлить, насколько выходитъ за предѣлы простаго инстинкта умственная жизнь птицъ, во многихъ отношеніяхъ значительно уступающихъ млекопитающимъ. Но всякій, кто дастъ себѣ трудъ вникнуть ближе въ этотъ вопросъ, къ удивленію своему убѣдится, что даже мельчайшія пташки проявляютъ явные признаки сознательной дѣятельности.

Чтобы допустить существованіе умственной жизни у птицъ, достаточно сравнить пѣніе соловьевъ съ воробьинымъ чириканьемъ. Неужели первый отличается отъ втораго однимъ только строеніемъ глотки?

Нѣтъ. Птица подобно намъ испытываетъ радость и горе, страдаетъ и наслаждается; ей присуще тонкое чувство дружбы и расположенія къ существамъ желающимъ ей добра, и нерасположенія къ враждебнымъ ей особямъ; другими словами, она любитъ и ненавидитъ. Ей знакомо чувство благодарности, она привязывается къ людямъ, которые за ней ходятъ, и мститъ по мѣрѣ силъ тѣмъ, кто причиняетъ ей зло.

Съ другой стороны, птица обладаетъ памятью, способностью распознавать и разсуждать, сообразительностью и понятливостью, короче—разумомъ. Въ подтвержденіе этихъ словъ, мы можемъ привести многочисленные примѣры и доказательства.

Какую удивительную материнскую любовь выказываетъ, напримѣръ, курица, когда защищаетъ своихъ цыплятъ отъ хищническаго нападенія кошки или, какъ случилось недавно во время пожара крестьянскаго двора близь Люнебурга, не покидаетъ своего гнѣзда, не смотря на угрожающую опасность. А та самка аиста, въ Бодентейхѣ, которая сочла за лучшее сгорѣть на гнѣздѣ, чѣмъ покинуть свой выводокъ? Даже пользующаяся между людьми репутаціею дурной матери, ворона оказывается на дѣлѣ очень любящею и заботливою. Когда въ Девонширѣ, въ Англіи, срубили недавно старый дубъ, въ вѣтвяхъ оказалось воронье гнѣздо съ воронятами. Самка не покинула его ни при ударахъ топора, ни даже тогда, когда дерево упало. Ее придавило вѣтвями и она погибла жертвою материнской любви.

Наша пугливая знакомка — славка-травникъ, представляетъ не менѣе трогательный примѣръ геройскаго материнскаго самоотверженія. На стрѣльбищѣ въ Амбергѣ, эта птичка свила гнѣздо въ стѣнкѣ, гдѣ ставятся мишени. Когда, вскорѣ послѣ того, началась учебная стрѣльба и стѣнка дрожала отъ ударовъ пуль, славка не покинула гнѣзда и мужественно довела до конца дѣло высиживанія.

Не менѣе трогательна родительская привязанность ласточекъ. Англійскій корабль „Мазуфферъ", долгое время стоявшій на якорѣ въ Бомбейской гавани, получилъ предписаніе перевезти какихъ-то высокихъ особъ въ персидскій портъ Буширъ. Между тѣмъ ласточки успѣли свить на суднѣ гнѣздо и вывели птенцовъ. Отецъ и мать пришли въ немалое смятеніе, когда корабль снялся съ якоря и вышелъ въ открытое море. Тѣмъ не менѣе, онѣ сопровождали судно, на которомъ команда нарочно посыпала кормъ, въ Буширъ и обратно въ Бомбей, гдѣ уже безпрепятственно продолжали воспитаніе своихъ птенцовъ. Замѣчательный примѣръ!

Не менѣе любви къ дѣтямъ выражаетъ и воробей, этотъ плебей птичьяго царства, который, несмотря на все свое хищническое отношеніе къ гороху, вишнямъ и винограду, въ сущности весьма полезенъ, такъ какъ безъ него насѣкомыя уничтожили бы плоды эти въ самомъ зародышѣ. Воробей же составляетъ въ лѣсахъ, поляхъ и огородахъ весьма дѣятельную полицейскую власть. Одно любящее природу духовное лицо помѣстило полу-оперившихся воробушковъ въ клѣтку и повѣсило на окно, гдѣ удобно было наблюдать, какъ отнесутся къ этому родители. Въ первую минуту, видя что берутъ ихъ гнѣздышко, они подняли страшный крикъ, но потомъ безмолвно послѣдовали за пасторомъ и тотчасъ принялись кормить птенцовъ червяками. Когда воробушки оперились, пасторъ посадилъ одного изъ нихъ на крышку клѣтки. Радость родителей не имѣла границъ; трогательно было смотрѣть на тѣ усилія, съ которыми они старались убѣдить маленькаго перелетѣть на ближайшее дерево; наконецъ, всѣ трое вспорхнули съ мѣста. Та-же исторія повторилась со вторымъ и третьимъ птенцомъ. Самаго же послѣдняго, который казался слишкомъ слабъ, чтобы предпринять смѣлый полетъ, они прямо столкнули съ клѣтки и потомъ заботливо проводили до дерева, гдѣ съ радостнымъ чириканьемъ собралась, наконецъ, вся семья. При этомъ случаѣ пасторъ наблюдалъ градацію тоновъ въ однообразномъ повидимому крикѣ воробьевъ и задался вопросомъ: „Не составляетъ-ли это чириканье особаго, для нихъ понятнаго, языка?"

Пишущему эти строки представился поразительный случай убѣдиться, что птицы имѣютъ нѣчто въ родѣ разговорнаго языка. Мы велѣли однажды выпустить на свободу зеленую ящерицу, которую одинъ изъ учениковъ принесъ съ собою въ классъ. Мальчикъ прямо выпустилъ ее на школьный дворъ. Это было въ полдень. Свѣтъ и тѣнь рѣзко разграничивались одинъ отъ другаго и пресмыкающееся торопилось уйти изъ тѣни въ область освѣщенную солнцемъ. Невдалекѣ отъ ящерицы мирно расположились на отдыхъ куры со своимъ пѣтухомъ во главѣ. Какъ только послѣдній замѣтилъ бѣгущую по освѣщенной землѣ ящерицу, онъ быстро вскочилъ съ мѣста и опрометью кинулся къ ней. Никогда не забуду я выраженія удивленія, съ которымъ пѣтухъ хлопалъ крыльями, издавая своеобразные вопросительные звуки. Куры несомнѣнно поняли его; онѣ всѣ повскакали съ мѣстъ и окружили ящерицу, шипѣвшую отъ ужаса. Составился совѣтъ. Пѣтухъ снова произнесъ нѣсколько своеобразныхъ звуковъ и началъ оживленное кудахтанье. Глава семьи нанесъ первый ударъ клювомъ; за нимъ послѣдовали всѣ куры; ящерица окончила существованіе и была препровождена въ ихъ желудокъ. Долго еще куриный міръ не могъ успокоиться отъ радостнаго возбужденія по поводу одержанной побѣды, выражая свое волненіе оживленнымъ кудахтаньемъ.

Мнѣ пришлось слышать такой-же тревожный крикъ пѣтуха, когда одинъ изъ членовъ моей семьи, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ заколовшій курицу, снова вошелъ въ курятникъ за новой жертвой. Вслѣдъ за пѣтухомъ всѣ куры подняли крики ужаса. Такимъ образомъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что птицы объясняются другъ съ другомъ посредствомъ понятныхъ имъ звуковъ.

Умный пѣтухъ тотчасъ узналъ убійцу одной изъ своихъ женъ. Здѣсь мы наталкиваемся на новую умственную способность птицъ — память; присутствіе этой способности мы можемъ подтвердить вѣскими доказательствами. Нѣкто, владѣвшій сѣрымъ попугаемъ, принужденъ былъ продать его по недостатку средствъ къ жизни. Черезъ двадцать четыре года, при улучшившихся матеріальныхъ обстоятельствахъ, онъ вернулся въ Вѣну и зашелъ къ цирюльнику. Оказалось, что попугай, послѣ многихъ смѣнъ хозяевъ, перешелъ къ этому цирюльнику. Птица тотчасъ узнала своего бывшаго владѣльца; она пришла въ неописанную радость и такъ странно вела себя, что привлекла общее вниманіе посѣтителей. Цирюльникъ отворилъ клѣтку, попугай тотчасъ перелетѣлъ на плечо своего прежняго хозяина и сталъ такъ ласкаться къ нему, что всѣ присутствующіе были тронуты. Когда посѣтитель ушелъ, попугай долго не могъ утѣшиться.

Что птицы умѣютъ до нѣкоторой степени считать—доказываетъ сорока, принадлежащая, какъ извѣстно, къ самымъ хитрымъ представителямъ птичьяго міра. Однажды сорока свила гнѣздо на вершинѣ высокой ольхи, на берегу пруда. Чтобы кормить птенцовъ, она таскала изъ воды маленькихъ утятъ. Охотникъ, желая подстеречь хищницу, спрятался въ камышевомъ шалашѣ, но сорока не вылѣзала изъ гнѣзда до тѣхъ поръ, пока онъ не ушелъ. Это заинтриговало одного натуралиста, который, съ цѣлью наблюденій, велѣлъ спрятаться въ шалашѣ двумъ охотникамъ и затѣмъ уйти одному изъ нихъ. Сорока не ошиблась въ счетѣ и вылетѣла изъ гнѣзда только тогда, когда ушелъ и *второй* егерь. То же самое было съ тремя егерями. Но на счетѣ *четыре* сорока сбилась; она вылетѣла, когда вышелъ третій егерь, и была убита четвертымъ.

Нѣкоторое понятіе о времени дня проявляютъ домашніе лебеди, которые пунктуально выходятъ на берегъ въ часъ корма. То же самое сообщаетъ мнѣ одинъ сельскій учитель относительно куръ своего сосѣда. Онѣ приходятъ на школьный дворъ тотчасъ послѣ рекреаціоннаго времени, когда ученики уйдутъ и на дворѣ останутся крошки хлѣба. Послѣ обѣда,

когда нѣтъ рекреаціи, куры никогда не появляются, точно также какъ и въ каникулярное время.

Но мы намѣрены пойти еще дальше; мы признаемъ за птицами способность разсуждать и чувствовать красоту, что нѣкоторыя изъ нихъ доказываютъ при постройкѣ гнѣздъ. Вспомнимъ зяблика, который умѣетъ придать своему гнѣздышку цвѣтъ древесной коры, вспомнимъ гнѣздо славки-портнаго и гнѣздо бесѣдковой птицы на Зондскихъ островахъ — произведеніе искусства, постройка котораго безспорно требуетъ соображенія.

Какъ сильно дѣйствуетъ на птичій глазъ блескъ и окраска предметовъ—мы видимъ на индѣйскомъ пѣтухѣ, сорокѣ и воронѣ, а также на вышеупомянутыхъ бесѣдковыхъ птицахъ, которыя таскаютъ блестящіе предметы въ свои художественно-построенныя гнѣзда. Тотъ, кому случалось видѣть, какъ вьютъ гнѣзда ткачики, навѣрное не станетъ отказывать имъ въ умѣ. Слѣдуетъ упомянуть и о кукушкѣ, которая, кладя яйца, всегда выбираетъ гнѣзда птицъ, отличающихся особой любовью къ птенцамъ, т. е. пѣвчихъ. Точно также поступаетъ и американская кукушка. Чтобы очистить больше мѣста для своего довольно крупнаго птенца, она преспокойно выбрасываетъ изъ гнѣзда остальныя яйца.

Не менѣе яркимъ примѣромъ птичьей сообразительности можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ сосѣдствѣ съ однимъ имѣніемъ домашняя кошка производила страшныя опустошенія въ сорочьихъ гнѣздахъ, унося изъ нихъ дѣтенышей. Однажды владѣлецъ имѣнія замѣтилъ сильное возбужденіе среди сорокъ, собиравшихся цѣлыми стаями, съ крикомъ кружившихъ по воздуху. Но вотъ появилась кошка. Ожесточившіяся сороки массами кинулись на нее, схватили и подняли на воздухъ. Кошка неистово мяукала, но птицы уносили ее все выше и выше и наконецъ бросили внизъ. Хищница потому только осталась въ живыхъ, что упала въ прудъ и вода умѣрила силу удара. Она поплелась еле-живая домой и съ тѣхъ поръ не трогала больше сорочьихъ гнѣздъ. Случай этотъ заслуживаетъ вѣры, такъ какъ сообщенъ вполнѣ уважаемымъ, правдолюбивымъ лицомъ.

Любопытный примѣръ сообразительности приводитъ одинъ любитель птицъ о скворцѣ, которому однажды поставили воду для питья въ бутылкѣ съ длиннымъ горлышкомъ. Скворецъ никакъ не могъ достать воды, но онъ сейчасъ-же нашелся. Онъ сталъ таскать въ бутылку песокъ и камешки, пока вода не поднялась настолько, что онъ могъ утолить свою жажду.

Кромѣ памяти и соображенія, птицы обладаютъ весьма развитою способностью распознаванія, безъ которой не могло-бы существовать сужденій и выводовъ, необходимыхъ для соображеній. Примѣръ этому мы видимъ на тѣхъ-же всѣми презираемыхъ воробьяхъ. Одинъ любитель птицъ, пасторъ, пріучилъ воробьевъ прилетать къ открытому окну и даже влетать въ комнату, гдѣ онъ посыпалъ имъ крошки хлѣба. Чтобы испытать птицъ, пасторъ одѣлъ однажды въ свое платье племянника и посадилъ его на свое обычное мѣсто. Но птицы, уже подлетѣвъ къ окну, приходили въ волненіе; въ комнату влетать не рѣшались и тотчасъ-же улетали прочь. Слѣдовательно, воробьи твердо знали своего покровителя. Пока у письменнаго стола сидѣлъ племянникъ, они не являлись, но какъ только пасторъ занималъ свое мѣсто, они не заставляли себя ждать, послѣ того какъ какой-нибудь бойкій воробушекъ осматривалъ мѣстность и созывалъ чириканьемъ своихъ товарищей.

Дошалился. Карт. Луизы Максъ-Эйлеръ, грав. Кнезингъ.

Не менѣе удивителенъ разсказъ одного тюрингенскаго помѣщика, который посѣялъ у себя въ огородѣ горохъ. Къ величайшему негодованію ключницы, рыцари хищничества и большихъ дорогъ — воробьи, не замедлили напасть на молодые всходы. Ключница часто приходила въ огородъ гонять разбойниковъ, которые однако съ насмѣшливымъ чириканьемъ каждый разъ возвращались на прежнее мѣсто, какъ только скрывался изъ виду ея бѣлый передникъ. Тогда ключница придумала прекрасное средство. Она приказала одѣть соломенное чучело въ свое старое платье и поставить въ огородѣ. И чепчикъ, и бѣлый передникъ были налицо. И что-же? Послѣ этого воробьи конечно перестали летать въ горохъ. Какъ-бы не такъ! Они безъ всякой церемоніи продолжали лакомиться любимымъ блюдомъ, хорошо понимая, что чучело и врагъ ихъ—ключница, совсѣмъ не одно и то-же лицо.

Каждый деревенскій житель можетъ подтвердить, что воронъ умѣетъ отличить охотника отъ всякаго другаго человѣка; онъ спокойно подпускаетъ къ себѣ каждаго и уже издали летитъ отъ охотника.

Можно-ли, въ виду этихъ явленій, сомнѣваться въ способности распознаванія у птицъ? Но этого мало. Не меньшаго вниманія достойна ихъ удивительная понятливость.

Вспомнимъ о появляющихся на всѣхъ ярмаркахъ ученыхъ канарейкахъ, искусство которыхъ нерѣдко поражаетъ зрителя. Вспомнимъ, какъ многія птицы легко выучиваются говорить. Говорящіе скворцы, вороны, вороны и попугаи не рѣдкость, но тѣмъ не менѣе насъ поражаетъ разсказъ о попугаѣ, принадлежавшемъ намѣстнику Нидерландовъ, принцу Морицу Нассаускому. Изъ сотенъ словъ и фразъ, которыя попугай этотъ произносилъ, онъ всегда умѣлъ выбрать самую подходящую къ своею находчивостью нерѣдко превосходилъ людей. Каждый, кто слушалъ эту птицу, нѣмѣлъ отъ удивленія. Что это не анекдотъ, а исторически - вѣрный фактъ, удостовѣрено многочисленными свидѣтельствами.

Впрочемъ, мы можемъ привести примѣръ и изъ собствен-

Собственноручный портретъ Рембрандта въ галереѣ Питти (Флоренція). Грав. Леонъ Флёре.

ныхъ наблюденій. Въ нашемъ городкѣ, у одного булочника, былъ въ лавкѣ зеленый попугай. Онъ не замедлилъ заучить фразу: „Здравствуйте! позвольте булку!“ и произносилъ ее каждый разъ, когда кто-нибудь приходилъ за хлѣбомъ, но не повторялъ никогда, если былъ одинъ. Инстинктъ-ли это или сознаніе?

Во времена Моцарта, въ Вѣнѣ былъ одинъ попугай, за котораго предлагали невѣроятныя деньги. Онъ зналъ тысячи фразъ и высказывалъ чрезвычайный умъ. Такіе примѣры далеко не рѣдки.

Одинъ скворецъ, принадлежавшій трубачу, въ такой точности перенялъ звукъ трубы, что однажды поразилъ полкового командира, совершенно явственно воспроизведя сигналъ къ выступленію. Другой, принадлежавшій многочисленной семьѣ, научился передразнивать дѣтскій крикъ до такой полной иллюзіи, что позднѣйшій хозяинъ готовъ былъ думать, что скворецъ воруетъ и прячетъ дѣтей.

Нельзя не упомянуть также объ ученыхъ домашнихъ голубяхъ, которыхъ въ Константинополѣ, въ богатыхъ домахъ, держатъ тысячами. По знаку надзирателя, они дѣлятся на отряды, бѣлые и пестрые, дѣлаютъ повороты направо и налѣво, наступаютъ и отступаютъ, и совершаютъ по комнатѣ всевозможныя эволюціи.

Большую сообразительность проявляетъ и ягнятникъ, который загоняетъ сернъ, коровъ и козъ на высокія скалы и пытается сбросить ихъ, равно какъ и людей, ударами крыльевъ въ пропасть, гдѣ жертва разбивается до смерти. Уже древніе римляне знали такой пріемъ умной птицы и называли ее поэтому „Ossifraga“, т. е. „костоломомъ“.

Птицы вездѣ легко привыкаютъ къ человѣку. Въ парижскомъ Домѣ Инвалидовъ, воробушекъ нашелъ въ зимнее время пріютъ у инвалида Жака Гиспара, который сильно привязался къ птичкѣ—кормилъ ее и такъ приручилъ къ себѣ, что она позволила повязать себѣ на шейку красную ленточку съ бубенчикомъ. Съ наступленіемъ лѣта гостья исчезла на короткое время, но потомъ вернулась снова и, вмѣсто потерянной ленточки, дала повязать себѣ другую. Она уже не покидала своего покровителя и не пережила его, когда тотъ вскорѣ умеръ.

Дѣйствительно, достойно замѣчанія, какъ быстро всѣ породы птицъ привыкаютъ къ человѣку, какъ-бы ни были онѣ дики и пугливы по природѣ. Канарейка садится на плечо и руку своего хозяина, голубь беретъ кормъ у него изъ рукъ, попугай садится ему на плечо и вездѣ сопровождаетъ его. Пернатые друзья человѣка даже тогда привыкаютъ къ нему, когда встрѣчаютъ несоотвѣтственную своей природѣ обстановку. Такъ, напр., въ Венеціи голубь, спасаясь отъ хищной птицы, влетѣлъ однажды въ комнату композитора. Музыкантъ игралъ на фортепіано, но птица быстро превозмогла свой страхъ и сѣла на рояль, который сдѣлался съ тѣхъ поръ ея постояннымъ мѣстопребываніемъ. Голубь выражалъ удовольствіе при гармоническихъ звукахъ, фальшивые-же приводили его въ сильное волненіе. Точно также влетѣла однажды ласточка въ комнату, гдѣ семья играла на фортепіано. Птичкѣ также понравилась музыка; черезъ нѣсколько времени она вернулась со своей самкой и обѣ принялись вить подъ крышей гнѣздо. Ласточки впослѣдствіи часто влетали въ комнату, въ особенности когда кто-нибудь игралъ на фортепіано.

Мы уже упоминали, что птицѣ не чужды порывы ненависти и мести. Въ подтвержденіе этого приводятъ много случаевъ, начиная отъ ласточекъ и воронъ, которыя цѣлыми стаями преслѣдуютъ днемъ сову, до тѣхъ пѣтуховъ, которые за право господства и изъ ревности дерутся между собою на смерть.

Ручной аистъ, жившій на дворѣ у одного крестьянина, имѣлъ привычку нападать на пролетающихъ мимо своихъ дикихъ собратьевъ. Однажды, пострадавшій возмутился; онъ сталъ преслѣдовать обидчика, вмѣстѣ съ другими товарищами, и они общими силами забили его на смерть.

На птичьемъ дворѣ, пѣтухъ долго, безъ всякой причины, преслѣдовалъ гуся. Наконецъ послѣдній собрался съ духомъ, схватилъ обидчика за шею, потащилъ къ пруду и такъ долго держалъ его подъ водой, что тотъ испустилъ духъ.

Можно-ли, послѣ всего вышеприведеннаго, сомнѣваться въ томъ, что птицы имѣютъ разумъ? Мы думаемъ, что всякій, кто убѣдился въ этомъ, постарается окружить ихъ заботами и попеченіями, не станетъ умышленно преслѣдовать и мучить ихъ и распространитъ свое сердечное отношеніе не только на тѣхъ, большею частью симпатичныхъ, представителей птичьяго царства, о которыхъ мы здѣсь упоминали, но и на все живущее. (с).

Къ рисункамъ.

„Съ мороза“. Картина Степанова. (Рис. на стр. 564).

Какъ извѣстно, въ самый разгаръ Смутнаго времени, при царѣ Василіи Шуйскомъ и Тушинскомъ самозванцѣ, въ концѣ февраля 1609 года, стольникъ Головинъ и дьякъ Сыдавный Зиновьевъ заключили съ повѣренными Шведскаго короля Карла IX договоръ, по которому король обязался отпустить на помощь Шуйскому 2000 конницы и 3000 пѣхоты наемнаго войска, да сверхъ этихъ наемниковъ обязался отправить еще неопредѣленное число войска въ знакъ дружбы къ царю. За эту помощь Шуйскій отказался за себя и дѣтей своихъ и наслѣдниковъ, отъ правъ на Ливонію. Шведы послали въ Россію, кромѣ 5000 наемниковъ, еще около 10,000 всякаго разноплеменнаго сброда, подъ начальствомъ Якова Делагарди, получившаго хорошее военное воспитаніе. Съ помощью ихъ сѣверъ Россіи былъ вскорѣ очищенъ Скопинымъ отъ бродячей вольницы, и шведскимъ воинамъ, на первыхъ порахъ по крайней мѣрѣ, не разъ приходилось водить хлѣбъ-соль съ признательными русскими ратниками. Картина Степанова изображаетъ одну изъ такихъ сценъ. Русскій боярскій сынъ отогрѣваетъ перезябшаго на морозѣ шведа добрымъ кубкомъ фряжскаго вина, поглядывая съ добродушной усмѣшкой, какъ „нѣмчинъ“ дуетъ себѣ въ руки закоченѣвшія отъ холоду.

„Наболѣвшее сердце“. Карт. И. П. Загорскаго. (Рис. на стр. 565).

Насколько разнообразно дарованіе И. П. Загорскаго, можно судить по картинамъ его, бывшимъ на Академической выставкѣ текущаго года и гравюры съ которыхъ читатели найдутъ на страницахъ 469 и 565 нашего журнала. Сценка „Передъ обѣдомъ“ написана имъ съ большимъ юморомъ, а картина „Наболѣвшее сердце“ полна трогательнаго драматизма. Молодая женщина въ порывѣ безъисходнаго горя припала къ плечу старушки-матери. Лица ея не видно, но вся фигура такъ и говоритъ о тяжелыхъ минутахъ ею переживаемыхъ. Такъ и кажется, что подъ бѣлою тканью платья нервно вздрагиваетъ молодое тѣло отъ рыданій, понемногу стихающихъ при словахъ утѣшенія.

„Надулась“. Карт. Бугро. (Рис. на стр. 569).

Въ нынѣшнемъ году французскіе художники открыли сразу двѣ большія выставки. Одну хорошо извѣстную, подъ названіемъ „Салона“, и другую на Марсовомъ полѣ. Во главѣ устроителей второй изъ упомянутыхъ выставокъ находится знаменитый Мейсонье съ Шаваномъ, Дюбюфомъ и другими артистами, которые отдѣлились отъ „Салона“, недовольные нѣкоторыми постановленіями его жюри, гдѣ видное положеніе заслуженно занимаетъ много лѣтъ Бугро. Чтобы дать понятіе о мастерской кисти и замѣчательномъ талантѣ этого художника, мы помѣщаемъ на стр. 569 гравюру съ картины его „Надулась“, незначительной по содержанію, но носящей на себѣ всю прелесть манеры французскаго мастера.

„Веселая поѣздка“. Карт. А. Вѣрушъ-Ковальскаго. (Рис. на стр. 572 и 573).

Вѣковой гнетъ шляхетскаго произвола не сломилъ врожденныхъ свойствъ крестьянина привислинскихъ губерній. Какъ всѣ славяне, крестьянинъ-полякъ отличается широкимъ гостепріимствомъ, кротостью, уживчивостью и мало склоненъ къ дурнымъ страстямъ. Онъ признателенъ, и подчасъ достаточно ласковаго слова, крошечки снисхожденія, чтобы пріобрѣсти права на его преданность. Съ освобожденіемъ крестьянъ эти добрыя свойства, развиваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, конечно, еще болѣе упрочатся. Женщины особенно выдаются своимъ веселымъ нравомъ и кокетливостью. Вѣрушъ-Ковальскій изобразилъ намъ по всей вѣроятности влюбленную парочку молодыхъ крестьянъ. Паренекъ взялся подвезти къ хутору свою зазнобушку, встрѣтившуюся ему на дорогѣ. Дѣвушка—на это указываетъ непокрытая голова съ прической въ двѣ косы—расшалилась, разогнала лошадей, запряженныхъ по мѣстному обычаю въ дышло, а сама наигрываетъ кнутомъ по вожжамъ, какъ на скрипкѣ, то напѣвая, то закатываясь звонкимъ смѣхомъ, къ полному удовольствію своего жениха, который не наглядится на шалунью.

„Дошалился“. Карт. Луизы Максъ-Эрлеръ. (Рис. на стр. 576).

Проказы Амура издревле вдохновляли поэтовъ и художниковъ. Какъ извѣстно изъ классиковъ, шаловливому сыну богини красоты нерѣдко доставалось отъ самой Афродиты, когда ему случалось не щадить и ее своими стрѣлами. Талантливая художница выбрала сюжетомъ своей картины именно одинъ изъ этихъ моментовъ, когда проказникъ дошалился до заслуженнаго наказанія и, горько плача, прикрываетъ ручонкой слѣды его.

Собственноручный портретъ Рембрандта. (Рис. на стр. 577).

Вѣнцомъ твореній великаго голландскаго живописца, какъ извѣстно, былъ портретъ, которому онъ постоянно придавалъ особенное, весьма эффектное освѣщеніе, мягкими переходами отъ сильнаго свѣта къ глубокимъ тѣнямъ, донынѣ сохранив-

шее названіе Рембрандтовскаго. Въ портретѣ этотъ мастеръ и теперь остался недосягаемымъ, а до него никто не умѣлъ придавать человѣческому лицу такой жизненной индивидуальности. Мастерскія произведенія этого рода находятся въ СПБ. Эрмитажѣ, Берлинскомъ музеѣ, въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Лондонѣ, Касселѣ и у многихъ частныхъ лицъ. Особенно любилъ Рембрандтъ писать самого себя; два изъ такихъ собственноручныхъ портретовъ находятся въ Берлинѣ, нѣсколько въ Лондонѣ и одинъ въ галлереѣ Питти во Флоренціи. Послѣдній и прилагается здѣсь въ превосходной гравюрѣ Леона Флёрс.

Прибытіе наслѣднаго принца Италіанскаго въ СПБ.

(Рис. на стр. 580).

Правительственный Вѣстникъ сообщаетъ слѣдующія подробности о прибытіи принца въ Петербургъ, послѣдовавшемъ въ пятницу, 18 мая:

На станціи Любань принцъ былъ встрѣченъ с.-петербургскимъ губернаторомъ, графомъ Толемъ. На вокзалѣ Николаевской желѣзной дороги былъ выставленъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки. Къ $2^1/_2$ часамъ дня, на станцію, разукрашенную итальянскими флагами, прибыли Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и всѣ находившіеся въ СПБ. Великіе Князья. Съ правой стороны почетнаго караула собрались: помощникъ Главнокомандующаго, генералъ-отъ-инфантеріи Ребиндеръ, командиръ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Мансей, начальники дивизій и другія высокопоставленныя лица. Всѣ имѣющіе итальянскіе ордена и ленты были въ нихъ.

Въ 2 часа 45 минутъ подошелъ къ платформѣ Императорскій поѣздъ, на которомъ по соединительной вѣтви прибыли изъ Гатчины Ихъ Императорскія Величества. Государыня Императрица съ Великою Княжною Ксеніею Александровною отбыли со станціи въ Зимній дворецъ. Государь Императоръ, поздоровавшись съ начальствующими лицами, прошелъ по фронту почетнаго караула. Государь Императоръ былъ въ общегенеральской формѣ, Андреевской лентѣ и цѣпи итальянскаго ордена Благовѣщенія.

Въ 3 часа подошелъ Императорскій поѣздъ.

Принцъ Неаполитанскій вышелъ изъ вагона и былъ припривѣтствованъ Государемъ Императоромъ и Великими Князьями. Принцъ былъ въ формѣ подполковника итальянской пѣхоты.

Его королевское высочество съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ пошелъ по фронту караула, принялъ ординарцевъ и затѣмъ въ коляскѣ поѣхалъ вмѣстѣ съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ въ Зимній дворецъ. На пути народъ громкимъ „ура" привѣтствовалъ Высочайшихъ Особъ.

Вся столица украсилась русскими и итальянскими флагами. Окна, подъѣзды и балконы многихъ домовъ на Невскомъ проспектѣ и Морскихъ улицахъ были красиво драпированы цвѣтными матеріями.

Государыня Императрица съ Великими Князьями приняла принца въ Зимнемъ дворцѣ.

Наслѣдный принцъ Неаполитанскій остановился во второй запасной половинѣ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ останавливался и Японскій принцъ.

Въ 7 час. вечера, Неаполитанскій принцъ былъ съ визитомъ въ Собственномъ Его Величества Аничковомъ дворцѣ, а въ 8 час. вечера состоялся въ томъ же дворцѣ семейный обѣдъ.

19 мая, въ Высочайшемъ присутствіи и въ присутствіи принца происходили: спускъ съ эллинга новаго адмиралтейства броненосной лодки „Грозящій", закладка на верфи общества франко-русскихъ заводовъ корабля „Наваринъ" и на верфи Балтійскаго судостроительнаго завода—закладка броненоснаго крейсера „Рюрикъ" и спускъ Императорской яхты „Полярная Звѣзда". Въ тотъ же день, во дворцѣ Великаго Князя Павла Александровича былъ обѣдъ въ честь принца. Въ воскресенье 20 мая, происходилъ въ Высочайшемъ присутствіи и въ присутствіи принца церковный парадъ л.-гв. Измайловскому полку. Въ тотъ же день, въ $6^1/_2$ часовъ пополудни, въ Зимнемъ дворцѣ состоялся обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ Высочайшія Особы, министры съ супругами, итальянскій посолъ и др. лица. Ея Величество Государыня Императрица шла къ столу подъ руку съ его королевскимъ высочествомъ принцемъ Неаполитанскимъ. 21 мая, принцъ посѣтилъ Петергофъ: а 22 мая, утромъ, осматривалъ Гостиный дворъ и былъ въ нѣкоторыхъ магазинахъ, затѣмъ въ $5^1/_2$ час. дня уѣхалъ на Императорскомъ паровомъ катерѣ „Петергофъ" осматривать петербургскіе острова. Въ среду, 23 мая, принцъ былъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ, а 24 мая принцъ отбылъ осматривать водопадъ Иматру въ Финляндіи.

Спускъ на воду Императорской яхты „Полярная Звѣзда". (Рис. на стр. 580).

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* находимъ слѣдующія подробности этого морскаго торжества:

Нева въ этотъ день представляла величественную и оживленную картину. Начиная отъ Николаевскаго моста до взморья, вытянулась линія морскихъ судовъ, пришедшихъ изъ Кронштадта участвовать въ торжествѣ.

Около двѣнадцати часовъ, Ихъ Величества на катерѣ „Петергофъ", съ флагъ-капитаномъ Его Величества, свиты контръ-адмираломъ Басаргинымъ на рулѣ, направились къ верфи Балтійскаго завода, гдѣ была закладка крейсера „Рюрикъ" и спускъ на воду Императорской яхты „Полярная Звѣзда". Здѣсь, въ эллингѣ, стоялъ почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа со знаменемъ и хоромъ музыки.

Закладка была совершена церемоніальнымъ порядкомъ, послѣ чего, Ихъ Величества поднялись на Императорскую яхту „Полярная Звѣзда", которую подробно осматривали. Ихъ Величества были встрѣчены командиромъ, капитаномъ 1-го ранга, княземъ Шаховскимъ (пожалованнымъ въ этотъ день флигель-адъютантомъ). Судовой караулъ при хорѣ музыки морскаго училища отдалъ честь. По осмотрѣ яхты Ихъ Величества вышли на эллингъ, гдѣ на концѣ его была поставлена красивая Царская бесѣдка въ видѣ терема. Въ ней находилась модель и чертежи яхты. Безъ двухъ минутъ въ часъ, яхта, съ парящимъ двуглавымъ орломъ на носу, тронулась и плавно скатилась въ воду. Громъ салюта, звуки гимна и долгое многотысячное „ура" командъ, рабочихъ и зрителей привѣтствовали ея спускъ. Ихъ Величества затѣмъ отбыли на катерѣ во дворецъ Великаго Князя Алексѣя Александровича. По пути, на судахъ, люди становились по реямъ и кричали „ура". Во дворцѣ Генералъ-Адмирала состоялся завтракъ, къ которому были приглашены высшіе чины морскаго вѣдомства и командиры судовъ.

Кронштадтскій Вѣстникъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о постройкѣ и размѣрахъ „Полярной Звѣзды". Постройка начата 20 августа 1887 года, на верфи Балтійскаго завода, причемъ на кузовъ корабля со штевенемъ, рулемъ и проч. пошло 62,600 пудовъ стали. Длина судна по ватеръ-линіи 315 фут. 6 дюйм., наибольшая ширина 46 фут., вмѣстимость 3,640 тоннъ. Паровая машина, въ 6,000 лошадиныхъ силъ, построена также на Балтійскомъ заводѣ. Строитель яхты инженеръ Титовъ.

Встрѣча сотника Д. Н. Пѣшкова въ СПБ.

(Рисунки на стр. 581).

Дмитрій Николаевичъ Пѣшковъ, портретъ котораго, вмѣстѣ съ изображеніемъ его „Сѣраго", мы помѣстили въ № 15 *Нивы*, прибылъ въ СПБ. 19 мая. Въ этотъ день навстрѣчу ему, на Московское шоссе за Тріумфальныя ворота, выѣхали офицеры гвардейской казачьей бригады къ такъ-называемой Средней Рогаткѣ. Въ началѣ двѣнадцатаго часа дня показался Пѣшковъ на своемъ конѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и казаковъ, выѣзжавшихъ къ нему навстрѣчу въ разныя мѣста до Новгорода включительно. Послѣ первыхъ привѣтствій, офицеры пригласили его остановиться въ помѣщеніи Казачьихъ казармъ и завтракать съ ними въ помѣщеніи Лейбъ-Казачьяго полка. У казармъ кавалькаду встрѣтилъ маршемъ хоръ трубачей лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка, а на дворѣ казармъ другой хоръ, при громкихъ крикахъ *ура!*

Затѣмъ въ офицерскомъ собраніи Лейбъ-Казачьяго полка состоялся завтракъ, меню котораго было украшено рисунками Н. Н. Каразина; за столомъ Пѣшковъ сидѣлъ возлѣ командира Атаманскаго полка М. М. Грекова. Завтракъ прошелъ оживленно среди обращенныхъ къ виновнику торжества тостовъ и рѣчей, между коими особенно выдавалась рѣчь „стараго кавалериста-азіата" Н. Н. Каразина. Пѣшковъ предложилъ тостъ за Донскихъ казаковъ, какъ за родоначальниковъ Сибирскаго казачества, затѣмъ ораторъ переходилъ изъ одиныхъ объятій въ другія, его качали на рукахъ, и конецъ общему восторгу положила лишь необходимость спѣшить на обѣдъ въ офицерскую кавалерійскую школу.

Политическое обозрѣніе.

Въ настоящее время по Россіи путешествуетъ наслѣдникъ Итальянскаго престола, Викторъ-Эммануилъ, принцъ Неаполитанскій. На всемъ протяженіи нашего обширнаго отечества, отъ Закаспійской области до столицы имперіи, высокій гость былъ предметомъ самыхъ радушныхъ встрѣчъ и пріемовъ. Гостепріимство, какимъ издавна славятся Русскіе, не осталось незамѣченнымъ въ Италіи и на него восторженно указываетъ итальянская печать. *Opinione, Popolo Romano* и провинціальныя газеты высказываютъ величайшее удовольствіе по поводу пріема, оказаннаго въ Петербургѣ наслѣдному принцу. *Riforma* говоритъ: „Гостепріимство, оказанное въ Россіи принцу Неаполитанскому, считаютъ здѣсь какъ бы обращеннымъ ко всей Италіи, гдѣ этимъ глубоко тронуты и гдѣ все болѣе желаютъ поддерживать сердечныя отношенія съ Россіей". Послѣднее желаніе начинаетъ проявляться и въ политикѣ, если вѣрить главѣ итальянскаго министерства Криспи, заявившему недавно

Прибытіе наслѣднаго принца Италіанскаго въ СПБ. Отъѣздъ Государя Императора съ принцемъ отъ Николаевскаго вокзала въ Зимній Дворецъ. Съ фот. генер. Насвѣтевича.

Спускъ на воду Императорской яхты „Полярная Звѣзда“. Съ фот. инженеръ-полковника Козлова.

Встрѣча сотника Д. Н. Пѣшкова у Средней Рогатки подъ Петербургомъ. Съ фот. генер. Насвѣтевича.

Прибытіе сотника Пѣшкова къ казармамъ лейбъ-гвардіи Атаманскаго полка въ СПБ. Съ фот. генер. Насвѣтевича.

въ палатѣ, что никогда отношенія Италіи, отъ Петербурга до Парижа, не отличались такимъ сердечнымъ характеромъ, какъ въ настоящее время. Заявленіе это, правда, нѣсколько отличается отъ того, что высказывалъ г. Криспи неоднократно въ недалекомъ прошломъ, но оно, можно думать, пришлось болѣе по вкусу итальянцамъ, чѣмъ прежнія его откровенія о внѣшней политики Италіи; по крайней мѣрѣ, защита Криспи „своей политики“ на этотъ разъ была встрѣчена горячими рукоплесканіями, и палата, по именному голосованію, вотировала, большинствомъ 329 голосовъ противъ 61, формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, выражающую довѣріе къ кабинету.

Въ Шабцѣ, куда король Сербскій отправился въ сопровожденіи своего отца, Ристича, Групча и Таушановича, бывшій король Миланъ на обѣдѣ произнесъ рѣчь, въ которой распространился о заслугахъ династіи Обреновичей. Между прочимъ, онъ высказалъ, будто бы во время своего царствованія, онъ, Миланъ, стремился ввести Сербію въ семью цивилизованныхъ государствъ (!) и велъ страну по пути прогресса.

Процессъ Паницы окончился 18 мая послѣ шестичасоваго совѣщанія, и военный судъ постановилъ приговоръ. Паница приговоренъ къ смертной казни чрезъ разстрѣляніе за то—какъ сказано въ приговорѣ—что онъ составилъ заговоръ противъ жизни принца Кобургскаго и министровъ и, при иноземной помощи, замыслилъ ниспровергнуть существующій въ Болгаріи порядокъ вещей. Военный судъ, какъ телеграфируютъ изъ Вѣны въ *Daily News*, ходатайствуетъ однако передъ принцемъ о замѣнѣ исполненія смертнаго приговора надъ Паницею заключеніемъ его въ тюрьму на пятнадцать лѣтъ. Изъ прочихъ подсудимыхъ приговорены къ тюремному заключенію: Колобковъ на 9 лѣтъ, поручикъ Ризовъ и Арнаудовъ—на 6 лѣтъ, офицеры Татевъ, Чавдаровъ и торговцы Моловъ и Киссиновъ—на 3 года, Стефановъ—на 5 мѣсяцевъ, съ зачтеніемъ въ этотъ срокъ $2^1/_2$ мѣсяцевъ пребыванія его подъ стражею во время слѣдствія. Абланскій, Пажаровъ, Стаменовъ, журналистъ Ризовъ, Матеевъ и Пантелей Киссиновъ признаны невиновными. За исключеніемъ Матеева, всѣ оправданные по дѣлу Паницы подсудимые, а именно журналистъ Ризовъ, Абланскій, Стаменовъ, Нажаровъ и Пантелей Киссиновъ, высланы въ ночь на 22 мая изъ Болгаріи и отправлены подъ конвоемъ до сербской границы.

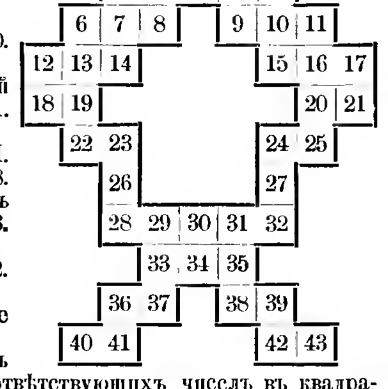
Такова развязка всего заговора. По приговору ясно можно судить о серьезности всего дѣла.

Во Франціи, президентъ Карно подписалъ декретъ о помилованіи (!) герцога Орлеанскаго, который будетъ высланъ заграницу. Герцогъ Орлеанскій прибылъ 23 мая утромъ въ Базель и вечеромъ выѣхалъ оттуда въ Англію. Въ отвѣтъ на помилованіе герцога Орлеанскаго соціалистскіе депутаты внесутъ предложеніе объ общей амнистіи.

Задача буквъ (Ходъ короля) № 31.

Н. С. Даржана.

Найти слѣдующія 9 словъ:
1) Первосвященникъ іудейскій 33. 37. 1. 26.
2) Городъ въ Италіи 40. 14. 27. 38. 30. 34.
3) Древнѣйшій греческій историкъ 43. 16. 29. 3. 11. 39. 12.
4) Произведеніе А. Н. Островскаго 8. 35. 5. 25. 28.
5) Юго-восточн. кантонъ Швейцаріи 15. 41. 6. 42. 19. 13.
6) Число 24. 31. 23.
7) Часть сутокъ 9. 32. 7. 2.
8) Овощь 10. 18. 4. 21.
9) Земледѣльческое орудіе 22. 17. 20. 36.



Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ соотвѣтствующихъ чиселъ въ квадратахъ, но такъ, чтобы можно было прочесть *посредствомъ хода короля* отрывокъ изъ произведенія извѣстнаго русскаго баснописца.

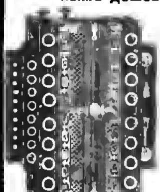
Шарада. Задача № 32.

Слогъ первый мой — предлогъ иль нота,
Обдумайте вы это не спѣша,
Коль разгадать шараду вамъ охота
И время вамъ не стоитъ ни гроша.
Найти второй охотниковъ не мало;
Его въ лѣсахъ искали встарь бывало,
Въ нашъ вѣкъ же ловкій казначей
Находитъ сплошь въ казенной кассѣ.
Затѣмъ спѣшу безъ дальнихъ я рѣчей
Подъѣхать къ цѣлому на взмыленномъ Пегасѣ:
Его директору съ почтительной улыбкой,
Склонясь при томъ спиною гибкой,
Въ урочный часъ, въ надеждѣ одобренья,
Подноситъ чопорный начальникъ отдѣленья.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

АСПАЗИНЪ
МИНЬО
Безвредныя растительныя бѣлила
для цвѣта лица
ПУДРА АСПАЗИНЪ
для цвѣта лица
Требовать подпись
МИНЬО
Единственный изобрѣтатель-фабрикантъ
ED. PINAUD, парфюмеръ
PARIS
BOULEVARD DE STRASBOURG, 37
EXPOSITION-PARIS 1889
GRAND PRIX

ЛУЧШІЯ ВЪ МІРѢ
ГАРМОНІИ
фабрики І. Ф. КАЛЬБЕ, по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ.



Одиорядныя: въ 4½, 5½, 6, 7, 7½, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
Двухрядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28 и 30 р. и вѣнскія въ 10 и 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и вѣнскія въ 30, 50 и 75 р.
Самоучители Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармоніи можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя.
Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ **безплатно.**
Продажа оптомъ и въ розницу.
ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

НОВОСТЬ!
ПИШУЩАЯ МАШИНА
„Victor“ (pat. Aug. 89).
Съ 2-мя алфавитами и цифрами въ орѣхов. футл. 50 руб.
Машина „Victor“, по своему несложному устройству, даетъ возможность каждому сразу легко работать, безъ особаго изученія. Магазинъ **„Д. В. Поляновъ съ С-ми“,** Невскій, 30, СПБ. № 4575

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Спеціалистъ хронометровъ.
СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** №4501 20—4

ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ.
ТИМОЛОВЫЙ ЗУБНОЙ ПОРОШОКЪ.

ОСВѢЖАЮТЪ РОТЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ
КОНТОРА и СКЛАДЫ въ С.-Петербургѣ. Александринская площадь, № 7.
Продаются въ лучшихъ магаз. Имперіи.
Во избѣжаніе подражаній просимъ обратить вниманіе на вышеизображенную фабричную марку, утвержденную правительствомъ.
Подробные прейсъ-куранты высылаются безплатно. Ц. № 4463 7—2

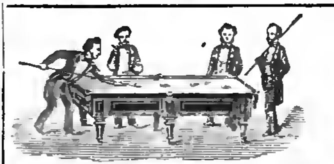
ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.
EAU DE BOTOT
(ВОДА БОТО) Pt. № 4314 14—8
чиститъ зубы и освѣжаетъ ротъ.
Слѣдуетъ непремѣнно требовать настоящую „ВОДУ БОТО“.
Главный складъ: **17, Rue de la Paix, PARIS.**
Прежній адресъ: **229, Rue Saint-Honoré.**
Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.
Требов. также Туалетный Уисусъ Бото высш. качества въ отношеніи тонкости запаха.
Представитель для всей Россіи: **Н. Л. Натанъ,** Игнатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ
Лечебное заведеніе Д-ра Бремера, Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ,
учрежденное въ 1854 году. К. № 4457 12—10
Главный докторъ Ф. Вольфъ.
Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ находятся роскошныя виллы. Цѣны умѣренныя. Проспекты высылаетъ безплатно
Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.
При заведеніи находится русскій врачъ.
Подробности методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungenschwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.

Только что вышло и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.:
ІИСУСЪ
(сынъ Навина).
Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.**
Переводъ съ нѣмецкаго. **(Право перевода пріобрѣтено отъ автора).**
Изящно изданный томъ in 8° (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленевой бумагѣ, красивымъ убористымъ шрифтомъ, **съ 58-ю гравюрами** въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника А. Земцова. СПБ. 1890 г. **Ц. 2 руб.,** съ перес. **2 р. 20 к.**
Требованія просятъ адресовать **въ СПБ.,** въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

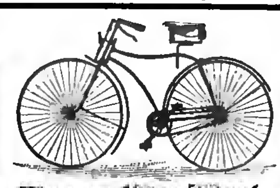
употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ,** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.
Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., **березовое мыло** 35 коп. и 50 коп. кусокъ, **опо помады** (лучше кольдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—7



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близь Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—11
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (21) № 4287
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.
Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.
имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.
ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ.
ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.



Цѣны отъ 100 до 500 руб.

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

КРАСИВО ПИСАТЬ
выучивается всякій **заочно** (посредствомъ переписки) въ 15 уроковъ
у **ПРОФЕССОРА КАЛЛИГРАФІИ**
А. КОССОДО.
Методъ премированъ на Парижской всемірной выставкѣ 1889 г. и удостоенъ **золотой медали.** № 4574
За 2 семикопѣечныя марки высылаются пробное письмо и условія. Адресъ: **Профессору каллиграфіи Адольфу Коссодо въ Одессѣ,** Екатерининская, 8.

Ц. № 4573 4—1
РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ
СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:
Подснѣжникъ, Гельдлакъ, Жасминъ, Геліотропъ, Ландышъ, Опопонаксъ, Резеда, Рейнская роза, Рейнская фіалка, Рейнскіе цвѣты и Ясмининъ.
Превосходные, продолжительные и дешевые духи для платковъ.
Цѣна флакона, содержащаго ¼ фунта
1 р. 25 коп.
Можно получать во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы.
Главное депо у **Алекс. Тиссъ и К°,** Пушкинская, № 4.

XXI г. | г. XXI

№ 23 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 9 іюня 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Видъ Бенареса съ рѣки Ганга. Съ фот. грав. Кезебергъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

IV.

Василій Герасимовичъ не могъ понять одного обстоятельства: съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ богатъ, всѣ задались цѣлію спасать его отъ чего-то, что ему самому было еще темно. Въ самомъ дѣлѣ, не только Станиславъ Сигизмундовичъ Приходзько, но и старый пріятель Наплаксинъ, Нешумовъ, дергавшіе его еще за чубъ по прежней привычкѣ, часто задумывались и говорили: „знаешь, Васька, тебя спасти нужно. Не безпокойся, мы будемъ около и не дадимъ друга въ обиду. Непремѣнно спасемъ!“ На что ужъ дуракъ, тупоумный теноръ Кимишкіанъ—и тотъ, съѣвъ два-три бифштекса, смотрѣлъ на него сладкими глазами, складывая свои толстыя губы сердечкомъ, и благодарно произносилъ: „знаишъ, Василій Герасимчъ, тебѣ спасти надо. Ни бойся... Мы тебѣ выручимъ!“ И дѣйствительно, на первыхъ же порахъ приходилось ему спасаться отъ капитана Буреломова и дѣвицы Мины Карловны Бантъ, которые, ворвавшись къ нему, вздумали было деспотически распоряжаться его личностью, яко-бы спасая въ свою очередь его интересы. Отъ этихъ спасителей Сластенова избавилъ Приходзько. Одинъ только Морданъ-Македонскій — остался вѣренъ самому себѣ, и какъ-то явившись къ нему въ Европейскую гостиницу, куда въ дорогой нумеръ переѣхалъ Василій Герасимовичъ,—потребовалъ у него кратко и выразительно: „давай, братъ, рубаху и двугривенный на извозца“.—„Что такое?“ недоумѣвая спросилъ его Сластеновъ. — „Давай рубаху, чудакъ человѣкъ, крахмаленную! У тебя теперь много, а мнѣ сегодня у купца танцовать надо. Слышишь?“—„Возьми денегъ и купи!“—„Наплевать мнѣ на твои деньги! Ты мнѣ давай скорѣй“. И заполучивъ рубаху, Морданъ исчезъ. На другой день, когда въ гостиной у Сластенова сидѣлъ Приходзько съ какими-то двумя джентльменами, необыкновенно сладко и привѣтливо смотрѣвшими въ глаза Василію Герасимовичу, къ нему ворвался неукротимый Морданъ, торжественно швырнулъ на круглый столъ смятую и смокшую рубаху и, гордо указывая на нее, произнесъ: „ишь какъ мы пляшемъ, свернулась вся! А теперь прощавай пока. Надо съ квартиры переѣзжать, хозяйка, дрянь этакая, денегъ потребовала!..“

Каждый день отовсюду злополучный счастливецъ Сластеновъ получалъ сотни писемъ, которыя за него читалъ Приходзько. Вчера еще никому неизвѣстный, Василій Герасимовичъ сегодня оказался въ центрѣ самыхъ бурныхъ вожделѣній и искреннихъ симпатій. Какія-то необыкновенныя вдовы, отъявленныя сироты, несчастныя жертвы, постигнутые ударами судьбы благородные страдальцы, разорившіеся „герои своей чести“—вдругъ возъимѣли къ нему самое безграничное довѣріе и подробно знакомили его со своимъ положеніемъ. Они посылали ему цѣлыя исповѣди, изъ коихъ видно было какія прекрасныя сердца бьются въ ихъ измученныхъ грудяхъ. Онъ сразу сдѣлался отцомъ сотенъ брошенныхъ дѣтей, единственною надеждою неутѣшныхъ вдовъ, избавителемъ погибающихъ „въ океанѣ житейскаго моря“ борцовъ, какъ краснорѣчиво выражался одинъ изъ таковыхъ—таможенный чиновникъ. Оказывалось, что ему ничего не стоитъ устроить счастье множества дѣвицъ, нуждавшихся только въ приданомъ, чтобы благословлять его имя вкупѣ и въ любви со своими женихами, тоже возлагавшими на него свое лестное довѣріе. Какія-то мохомъ поросшія старухи вылѣзали чуть не съ кладбищъ и тоже невѣрною рукою писали ему длинныя и краснорѣчивыя просьбы: пріютить ихъ немощь и тѣмъ заслужить у Господа Бога. Онъ самъ нуждался въ свое время—но его воображеніе никогда не доходило до такихъ цифръ, которыми столь легко распоряжались всѣ эти корреспонденты. Онъ мечталъ бывало о ста рубляхъ; эти спокойно выписывали тысячи, считая его обязаннымъ дѣлиться съ ними своимъ, такъ неожиданно, съ неба упавшимъ счастьемъ. Но всего краснорѣчивѣе оказывались дамы-благотворительницы. Онѣ его преслѣдовали всюду, врывались къ нему въ домъ, застигали его на извозчикѣ, въ театрѣ, ресторанѣ, и всегда онъ изумлялся ихъ предусмотрительности. Не успѣетъ еще онъ глазами похлопать, какъ изъ ридикюля патронессы уже показывался бѣлый уголъ подписнаго листа, или пачка билетовъ, или затѣйливо разукрашенный дипломъ на званіе почетнаго члена. „Гоните вонъ этихъ патронныхъ барынь!“ цинично отзывался Приходзько, довольно равнодушно относившійся вообще къ лихимъ немощамъ и нуждамъ.—„Какъ можно?“ приходилъ въ ужасъ Сластеновъ. „Онѣ вѣдь за бѣдныхъ!..“—„Ахъ ужъ эти мнѣ дамы скуси-патронъ!“ жаловался Станиславъ Сигизмундовичъ и настоялъ на своемъ, чтобы всѣ суммы и пожертвованія шли черезъ его руки... Одна только дѣвица Ольга Андреевна Кремлева не показывалась къ нему, да „поэтъ-крестьянинъ“ Флегонтъ Бурлаковъ, хотя бы теперь Василій Герасимовичъ и могъ подкормить послѣдняго, доставивъ возможность тому показать во всей силѣ его удивительной геній. Кремлеву онъ, впрочемъ, встрѣтилъ разъ на Невскомъ. Та отшатнулась отъ него. „Что-же это вы, Ольга Андреевна? Точно я прокаженный!..“ Она нехотя подала ему руку: „Вы теперь не нашего поля ягода“, отвѣтила она: „Вы теперь въ лагерѣ ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови!“ И выпаливъ въ него этою тирадою изъ Некрасова, она побѣжала своею торопливою побѣжкою дальше, спѣша на грошевый урокъ.

Трудно сказать, кто больше надоѣлъ Сластенову: спасители или корреспонденты. Но и тѣхъ и другихъ онъ все-таки предпочиталъ цѣлой массѣ необыкновенно приличныхъ людей — являвшихся къ нему съ утра. Всѣ они были въ безукоризненныхъ черныхъ на-глухо застегнутыхъ редингот̃ахъ, у всѣхъ въ петличкѣ значились бутоньерки, а у нѣкоторыхъ изъ-подъ отворота бѣлѣлъ даже уголокъ звѣзды; у всѣхъ на лицахъ было написано самое неодолимое благородство, всѣ они говорили плавно, увѣренно и убѣдительно, всѣ вскользь упоминали съ милою фамильярностью громкія фамиліи—и всѣмъ имъ нужно было отъ двухсотъ тысячъ до милліона, чтобы облагодѣтельствовать человѣчество. Одинъ проектировалъ воздушный корабль съ пневматическимъ рулемъ, другой—подводную лодку съ электрическимъ указателемъ, третій—осушеніе Пинскихъ болотъ, четвертый, напротивъ—орошеніе степи Гоби или Шамо, пятый хотѣлъ рыть золото на Кавказѣ, увѣряя, что оно находится въ разстояніи одного аршина отъ поверхности земли, шестой — добывать искусственное гуано подъ Петербургомъ и обогатить имъ земледѣльцевъ обиженной Богомъ Олонецкой губерніи, седьмой придумалъ пароходъ въ родѣ велосипеда, идущій безъ пара, осьмой предлагалъ велосипедъ въ видѣ парохода движущійся паромъ, девятому нуженъ былъ только милліонъ, чтобы расчистить рѣку Ждановку и сдѣлать ее доступною океанскимъ судамъ, десятый додумался до фонографа съ зеркаломъ передающимъ образы, какъ пластинка голоса, наконецъ кто-то изобрѣлъ такую пушку съ гранатами начиненными убійственнымъ газомъ, которая должна была разомъ положить конецъ войнѣ и водворить на всей землѣ миръ и благоволеніе... Являлись къ Сластенову хозяева никому невѣдомыхъ жур-

наловъ и никѣмъ не читаемыхъ газетъ, авторы сочиненій десятки лѣтъ покоившихся въ папкахъ и ожидавшихъ только издателей, чтобы облагодѣтельствовать человѣчество; всклоченные поэты и прилизанныя поэтессы, цѣлыми часами въ засосъ, скандируя и жмурясь читавшіе ему свои поэмы и стихи; наконецъ, прибѣжалъ какой-то составитель новыхъ таблицъ логариѳмовъ и довелъ Сластенова до того, что тотъ началъ съ аппетитомъ поглядывать на крюкъ, красовавшійся посреди потолка. Можетъ-быть на этомъ и покончилась бы эпопея жизни Василія Герасимовича и нашего романа не было—если бы во-время не пріѣхалъ Приходзько. Этотъ замѣтилъ отчаяніе на лицѣ своего патрона и столь внимательно сталъ выслушивать новую систему логариѳмовъ, что лохматый математикъ все свое краснорѣчіе обратилъ къ нему. Приходзько всталъ—и тотъ всталъ, Приходзько вышелъ въ другую комнату—и тотъ за нимъ тоже, Приходзько изъ передней на лѣстницу—математикъ за нимъ... Тутъ Приходзько, обнаруживая несвойственную ему ловкость и юркость, вскочилъ обратно въ переднюю и заперъ дверь, оставивъ остолбенѣвшаго математика — на лѣстницѣ... Отдано было приказаніе никого не пускать — но предпріимчивыхъ изобрѣтателей искавшихъ „только милліона“ не легко было остановить. Они съ такимъ беззаботнымъ видомъ спрашивали: „дома Василій Герасимовичъ?“ что ихъ принимали за его ближайшихъ друзей, или совсѣмъ ничего не спрашивая они шли къ нему...

Все-таки Василій Герасимовичъ старался не особенно обижать этихъ предпріимчивыхъ искателей милліоновъ. Ему почему-то всякій разъ, когда онъ ихъ слушалъ, вспоминался его отецъ со своими столь же широкими и наивными прожектами. Онъ даже, закрывая глаза, представлялъ себѣ длинную и худую фигуру разорившагося старика Сластенова, который, нуждаясь въ полтинникѣ, мечталъ о покупкѣ всей Пушкинской улицы или о дренажѣ ингерманландскихъ болотъ. Самъ Сластеновъ очень мало измѣнился въ эти нѣсколько недѣль. Онъ не сознавался себѣ, но все-таки чувствовалъ, что новое положеніе и колоссальное богатство внесли какую-то странную скуку, какой-то диссонансъ въ его существованіе. Теперь ему все уже очень легко доставалось, точно по щучьему велѣнью. Стоило захотѣть, чтобы получить. Онъ вспоминалъ, съ какимъ восторгомъ когда-то у Мины Карловны Бантъ накидывался на колбасу съ чеснокомъ или на ветчину по восемнадцати копѣекъ за фунтъ. Когда-то! Именно — когда-то! Теперь ему ужь начинало казаться, что это было ужасно давно. Онъ, требуя лучшее изъ ресторана Европейской гостиницы, ужь не ощущалъ той жадности, того экстаза, съ какими въ свое время накидывался на тюрички, доставлявшіеся Бурлаковымъ отъ поэта-приказчика. Не было голода—не было и наслажденія. Сластеновъ никогда бы не признался Станиславу Сигизмундовичу Приходзько, но любилъ и теперь незамѣтно выскользнуть изъ отеля, нанять извозчика на другой улицѣ и заѣхать въ какой-нибудь захолустный уголокъ Петербурга. Тамъ онъ, возбужденный и радостный, какъ прежде, входилъ въ первую попавшуюся пивную, садился какъ равноправный членъ интелигентнаго пролетаріата за столъ, носившій на себѣ слѣды безчисленныхъ бутылокъ пива, требовалъ себѣ Калинкинскаго или Баваріи, вступалъ въ бесѣду съ незнакомыми людьми, угощалъ ихъ, — и затѣмъ, вполнѣ утѣшенный и удовлетворенный, возвращался въ свой двадцатипятирублевый нумеръ Европейской гостиницы. Приходзько, уѣзжая по его же дѣламъ въ Москву, оставлялъ за себя Исаака Яковлевича Плюса, и этотъ, въ отсутствіе повѣреннаго, сторожилъ Сластенова, какъ зеницу ока. Плюсъ понюхалъ университетскаго образованія и потому говорилъ: „мы, просвѣщенные люди“, любилъ ужасно чужіе обѣды, даже самъ распоряжался на нихъ, обнаруживая необычайную тонкость въ распознаваніи винъ и такой аристократическій вкусъ въ выборѣ блюдъ, до котораго Василій Герасимовичъ не могъ и думать дойти. Плюсъ, до введенія въ права наслѣдства, снабжалъ Василія Герасимовича деньгами, устраивалъ его дѣла и съумѣлъ сдѣлаться до такой степени необходимымъ ему, что какъ-то разъ вернувшійся изъ Москвы Приходзько съ ужасомъ замѣтилъ, что Исаакъ Яковлевичъ можетъ вытѣснить его изъ сердца и памяти Сластенова. Какъ при каждомъ маленькомъ дворѣ, начались вокругъ свѣжеиспеченнаго богача интриги, таившіяся подъ сладкими словами и любезными улыбками. Оба, и Плюсъ и Приходзько, кипѣли бѣшенствомъ въ сердцѣ, но, встрѣчаясь, крѣпко жали руки другъ другу, нѣжно смотрѣли одинъ другому въ глаза и даже цѣловались. Приходзько старался незамѣтно внушить Сластенову мысль, что Плюсъ большой мошенникъ; въ свою очередь Плюсъ неоднократно намекалъ, что Станиславъ Сигизмундовичъ весьма ограбитъ впослѣдствіи Василія Герасимовича. Война тянулась между ними цѣлую недѣлю, упорная, безпощадная, когда наконецъ они оба убѣдились, что ни Плюсу Приходзько, ни Приходзько Плюса не побѣдить. Тогда они сошлись en bons camarades за бутылкой шампанскаго и полюбовно подѣлили между собою Сластенова. „Положимъ, вы Плюсъ, а я Минусъ, острилъ Приходзько,—плюсъ на минусъ даетъ минусъ, но это въ математикѣ. Давайте сдѣлаемъ такъ, чтобы въ дѣйствительности у насъ плюсъ на минусъ далъ плюсъ“. Договоръ былъ заключенъ на мѣстѣ и весьма точный. Плюсъ отмежевалъ себѣ область, куда не долженъ былъ вторгаться Приходзько, Приходзько въ свою очередь опредѣлилъ границы, за которыя не смѣлъ бы переступать Плюсъ. Такимъ образомъ они мысленно начертали въ своемъ умѣ географическую карту Сластеновской области, провели по ней раздѣльную черту и, поставивъ пограничные знаки, разошлись, чтобы отнынѣ никогда уже не ссориться, но преслѣдовать свои интересы сообща... Вокругъ Василія Герасимовича водворились миръ и тишина...

Къ этому времени какъ разъ подошла необходимость для Сластенова ѣхать въ Москву. Тамъ все уже было кончено, его ввели во владѣніе.

Провожать его явились всѣ друзья по меблированнымъ комнатамъ Мины Карловны.

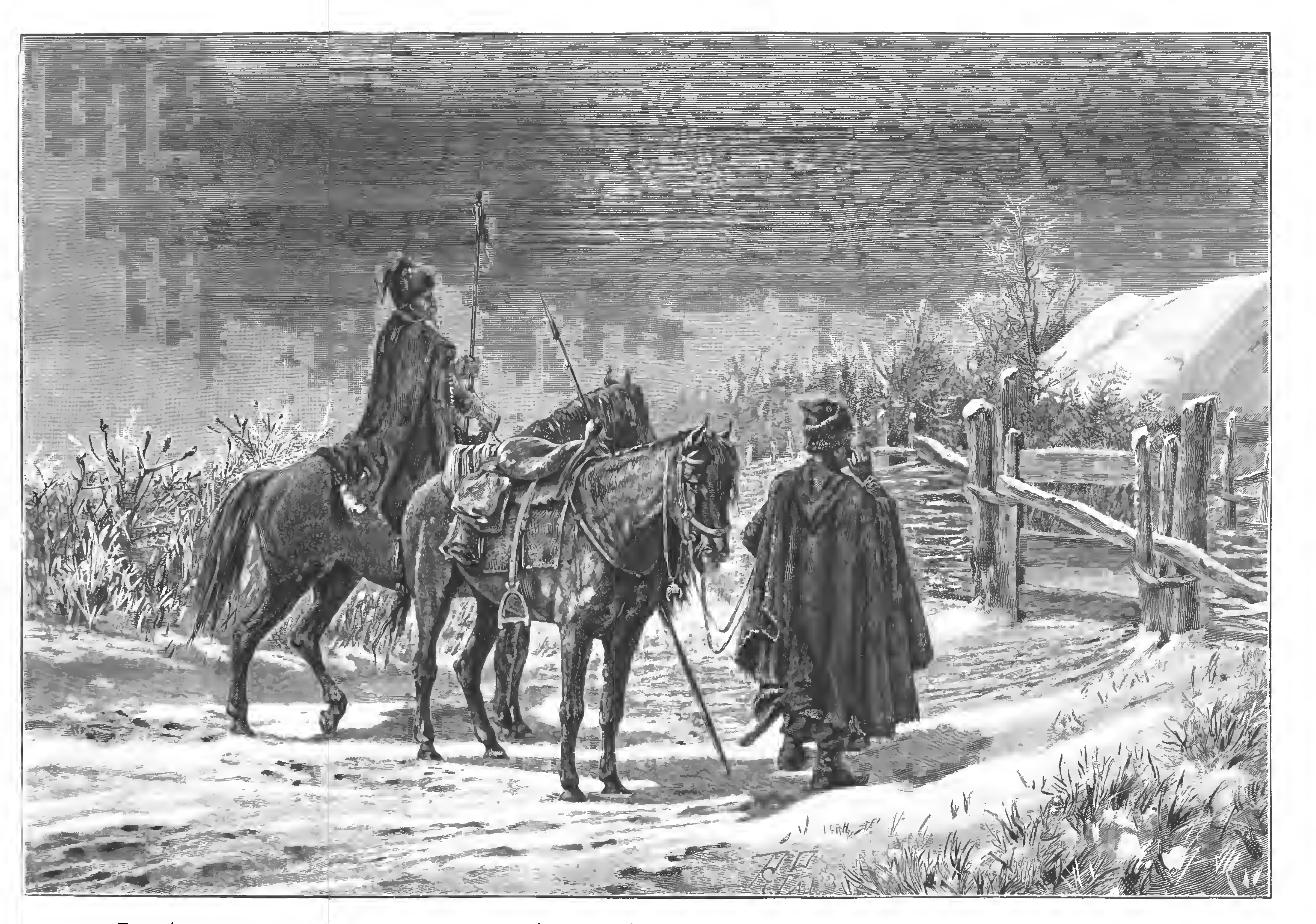
Наплаксинъ, глядя куда-то въ пространство, напомнилъ ему о философскомъ журналѣ. Нешумовъ, захвативъ его за пуговицу, долго излагалъ програму будущей газеты. И Плюсъ, и Приходзько поддерживали того и другаго. Богатому человѣку нужны капризы, а эти обойдутся во всякомъ случаѣ дешевле другихъ. При этомъ Плюсъ имѣлъ въ виду съѣздить заграницу на Сластеновскій счетъ, чтобы организовать ему типографію, а Приходзько впередъ облизывался, соображая о заказахъ бумаги и устройствѣ редакціи... Варданъ Карапетовичъ Кимишкіанъ, вспоминая всѣ съѣденные имъ безъ высокихъ нотъ бифштексы у Сластенова, плакалъ искренними слезами; даже Морданъ-Македонскій, неунывающій Агасѳеръ, и тотъ опустилъ голову, соображая, что теперь, увы! уже не у кого будетъ ему занимать крахмаленныя рубахи. На проводы совершенно неожиданно явилась даже Кремлева.

— Хоть вы теперь и подлецъ стали, а все-таки я пришла пожать вамъ руку.

— Почему же подлецъ? изумился и обидѣлся Сластеновъ.

— Ну, извѣстно—милліонеръ! Смотрите же, не очень грабьте несчастныхъ. Устроили бы вы на фабрикѣ кооперацію, знаете какъ въ книжкахъ... Право, вы и безъ того будете сыты. Показали бы примѣръ! Впрочемъ, гдѣ вамъ.

Гхаты (прибрежныя зданія въ Бенаресѣ). Съ фот. грав. Кезебергъ.



Пугу (условный крикъ запорожцевъ, отворявшій гостепріимныя двери). Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. Флюгель.

Наконецъ, не успѣли еще при этомъ обезпокоиться Плюсъ и Приходзько, какъ вдали показался и поэтъ-крестьянинъ и, косолапо всунувъ въ руки Сластенову бумагу какую-то, исчезъ не прощаясь и только отмахиваясь рукой на его зовъ. Сластеновъ прочелъ—оказались стихи: „Охъ ты гой еси, молодой богачъ, не забудь въ своемъ золотомъ дворцѣ—нужду лютую, неизбытную и т. д.“ Сопровождаемый всѣми ими, Василій Герасимовичъ двинулся къ вагону, гдѣ ему приготовили купэ. Ему самому стало больно и грустно. Для него съ этой минуты начиналась новая жизнь, впереди его ждали новые люди... И вдругъ Сластенову жалко, ужасно жалко стало и своей убогой каморки у Мины Карловны Бантъ, и той нужды, которую онъ терпѣлъ тамъ, и всѣхъ этихъ безкорыстныхъ и хорошихъ людей, отходившихъ отъ него все больше и больше назадъ, по мѣрѣ того какъ поѣздъ все дальше и дальше несся впередъ.

Въ купэ Сластеновъ помѣстился одинъ.

И Плюсъ, и Приходзько заняли такой же рядомъ. Они уже не разставались, держа молодаго богача подъ двойнымъ контролемъ. Попеременно и тотъ и другой выходили въ коридоръ и дежурили у дверей Василія Герасимовича. Дѣло въ томъ, что Станиславъ Сигизмундовичъ въ послѣднюю минуту, когда поѣздъ уже готовъ былъ по третьему звонку двинуться, замѣтилъ своими рысьими глазками вдали знакомую ему фигуру московскаго chevalier d'industrie, обладавшаго такимъ верхнимъ чутьемъ, которому и Плюсъ могъ бы позавидовать. Это былъ Готлибъ Готлибовичъ Курцъ-фонъ-Галопъ, обозначавшій на карточкахъ свое имя нѣсколько иначе, а именно Боголюбъ Боголюбовичъ Коротковъ-Быстровъ. Онъ выдавалъ себя за обрусѣвшаго нѣмца, хотя ни съ нѣмцами, ни съ Германіей не имѣлъ ничего общаго. Папаша его до сихъ поръ былъ часовщикомъ въ Бердичевѣ. Самъ онъ—убѣдясь, что, принадлежа къ чресламъ Израиля, настоящей карьеры не сдѣлаетъ, принялъ лютеранство и—изъ жида Гершки Курцгалопа вдругъ преобразился въ Готлиба Курцъ-фонъ-Галопа. Когда въ нашемъ обществѣ началось національное движеніе и на первый планъ выступили русскіе интересы и все русское, онъ немедля изъ Готлиба перекрестилъ себя въ Боголюба и изъ Курцъ-фонъ-Галопа сдѣлался Коротковымъ-Быстровымъ. Какъ ему удалось это обдѣлать, осталось навсегда его секретомъ. Курцъ-фонъ-Галопъ мечталъ о соединеніи морей Каспійскаго и Чернаго каналомъ и уже не одного богатаго разиню ноймалъ на это миѳическое предпріятіе. Выраженіе лица онъ имѣлъ благородное и даже какъ будто нѣсколько негодующее. Голову держалъ гордо и одинъ високъ зачесывалъ болѣе другаго. Тутъ у него былъ шрамъ отъ подсвѣчника. Его неоднократно во времена оны били за шуллерство. Онъ выдавалъ это за сабельный ударъ, полученный подъ Плевною; причемъ москвичи обыкновенно говорили: „эта Плевна у него въ Купеческомъ клубѣ была“. Боголюбъ Боголюбовичъ самъ себя опредѣлялъ мѣткою фразой: „нѣтъ такого мѣста, куда бы нельзя было влѣзть“, и дѣйствительно, несмотря на свою репутацію, влѣзалъ во всѣ мѣста съ видомъ такой милой безцеремонности и благоволенія къ человѣчеству, что это послѣднее только разѣвало ротъ и не находило даже возможности закричать „караулъ!“

Оказалось, что опасенія Плюса и Приходзько были не безосновательны.

Не доѣзжая до Любани, Боголюбъ Боголюбовичъ какъ бы невзначай наткнулся на Станислава Сигизмундовича и совершенно неожиданно обнялъ и расцѣловалъ его съ такимъ порывомъ искренней радости, что Приходзько растерялся и почему-то спросилъ его о погодѣ, хотя и самъ отлично зналъ, что идетъ снѣгъ и дуетъ сѣверный вѣтеръ.

— Представьте меня вашему достойнѣйшему другу! повелъ Курцъ глазами на Плюса, и не ожидая отрекомендовался Исааку Яковлевичу, причемъ такъ долго жалъ ему руку и такъ благородно смотрѣлъ ему въ глаза, что тотъ свободною рукой немедленно застегнулъ всѣ свои карманы.—„Вы одни ѣдете?“ какъ бы невзначай спросилъ его Боголюбъ Боголюбовичъ.—„Да, то-есть нѣтъ...“—„Ахъ, это вы съ вашимъ Сластеновымъ возитесь... Ну я, господа, не завидую вамъ“, беззаботно проговорилъ Курцъ: „Совсѣмъ не завидую. А, впрочемъ, желаю успѣха—въ Москвѣ увидимся, а теперь я пойду...“

И дѣйствительно ушелъ.

— Знаете, вывелъ изъ всего этого Плюсъ.—что̀ я вамъ скажу?

— Ну? озабоченно сдвинулъ брови Приходзько.

— Этотъ Курцъ большую пакость задумалъ—и намъ надо быть на-сторожѣ.

V.

Корнѣй Корнѣевичъ Ечкинъ и Прохоръ Богдановичъ Чуксинъ—съ малолѣтства выросли въ большомъ Сластеновскомъ домѣ. Сначала они были мальчиками на побѣгушкахъ, потомъ ихъ посадили въ складъ, изъ склада перевели въ амбаръ, гдѣ они изъ Корнюшки и Прошки—обратились ужь въ приказчиковъ и получили право на Корнѣевича и Богдановича. Покойникъ Арсеній Николаевичъ Сластеновъ въ концѣ-концовъ поставилъ ихъ во главѣ всѣхъ своихъ дѣлъ; но такъ какъ довѣряться одному лицу было не въ его правилахъ, то онъ раздѣлилъ власть между ними обоими, чѣмъ вызвалъ непримиримую вражду ихъ другъ къ другу. Такимъ образомъ Арсеній Николаевичъ былъ спокоенъ: если Корнѣй пробовалъ сплутовать что-нибудь по амбарной части—Прохоръ выдавалъ его съ головой; если-же Прохоръ запускалъ руки въ фабричное дѣло—являлся Корнѣй и уличалъ его на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе они были до такой степени похожи другъ на друга, что ихъ можно было отличить развѣ когда они находились вмѣстѣ. Въ отсутствіи они сливались въ одно лицо. Они стриглись одинаково въ скобку, разбирали волосы посрединѣ, носили бородку клиномъ, и какъ у того, такъ и другаго она была рѣденькая. Оба такъ и пронизывали своими острыми черными „коломенскими“ глазами, были въ одинаковой степени юрки, быстры, искательны, вороваты. И Корнѣй и Прохоръ вполнѣ подходили къ опредѣлившемуся рѣзкими чертами типу Елецкихъ „мартышекъ“, которыми такъ дорожатъ хлѣбные оптовщики. Оба были малы ростомъ, жидки, но выносливы и двужильны. И надо прибавить, что оба были въ смертельномъ страхѣ въ настоящую минуту. Они не знали что̀ такое представляетъ собою Василій Герасимовичъ и станетъ-ли по его приказу Станиславъ Сигизмундовичъ раскапывать старыя дѣлишки или покрость прошлое великодушнымъ забвеніемъ. За часъ до пріѣзда петербургскаго поѣзда они уже дежурили на платформѣ, безпокойно глядя вдаль и переругиваясь между собою. „Иродово отродье!“ обозвалъ Прохора Корнѣй чуть не столкнувшись съ нимъ въ дверяхъ вокзала. „Доргомиловская ворыга!“ не остался въ долгу Прохоръ, и они разошлись въ стороны.—„Вотъ погоди тебѣ за свинцовскій миткаль шкуру-то расчешутъ“, не унимался Корнѣй при слѣдующей встрѣчѣ.—„Да и тебя за кубовую краску не по ворсу погладятъ...“ — „Рожа!“ отвѣтилъ ему взбѣшенный Корнѣй.—„Червоточина!“ окинулъ его презрительнымъ взглядомъ Прохоръ. Можетъ-быть они благополучно передрались-бы на дебаркадерѣ и вмѣсто встрѣчи хозяина попали въ участокъ, если-бы на ихъ общее счастье не замѣтили вдали—толстаго, громаднаго и потнаго сѣдаго купца съ расчесанной на обѣ стороны бородой...

— Савва Кузмичъ!.. Господи! завопили оба, кидаясь

къ нему съ фуражками наотлетъ и выраженіемъ безпредѣльнаго умиленія на лицахъ.

— А, братья-разбойники!..

— Племянничка встрѣчать?

— Нѣтъ... дѣло было. Мнѣ не пригоже первому къ нему навязываться... Пускай онъ ко мнѣ сначала.

— Мы скажемъ.

— То-то... напомните. Молодо-зелено. Самъ-то не очухается. Во все его на первыхъ порахъ надо носомъ ткнуть.

Савва Кузмичъ Сластеновъ приходился двоюроднымъ дядей Василію Герасимовичу. Милліонеръ самъ, кулакъ и выжига восемьдесятъ четвертой пробы, онъ между своими слылъ первѣйшимъ умницей. Племянника, а главнымъ образомъ состояніе его онъ рѣшилъ взять подъ свое покровительство — разумѣется на словахъ. Про себя онъ задумалъ иначе. „Дураку да милліоны — неужто-жъ, Господи!“ думалъ онъ, соображая какъ половчѣе подойти къ молодому человѣку. „Нѣтъ, зачѣмъ-же-съ. Лучше-жъ имъ, милліонамъ — идти куда имъ слѣдуетъ“. Савва Кузмичъ былъ не пугливъ и любилъ хватать быка за рога. Узнавъ что Приходзько съ Плюсомъ откомандировались въ распоряженіе его племянника, онъ рѣшилъ про себя: „пущай ихъ пососутъ, по малости... Въ свое время мы ихъ накроемъ на добрыхъ дѣлахъ... Никто какъ Богъ. Не многимъ они тутъ попользуются“.

На желѣзную дорогу онъ явился повидать Ечкина съ Чуксинымъ.

— Вы вотъ что̀, ребята: довольно вамъ другъ дружкѣ горло грыть; вы бы помнили: рука руку моетъ—и обѣ чисты.

Но Ечкинъ и Чуксинъ съ такою злостью взглянули одинъ на другаго, что Сластеновъ только усмѣхнулся.

— Нѣтъ, вижу я, въ васъ жадности хоть отбавляй... Будете такъ-то—Приходзько съ Плюсомъ живо васъ выгонятъ. Это ужь сдѣлайте такое одолженіе. Плюсъ васъ вотъ какъ съѣстъ — единымъ глотомъ. И не моргнетъ. А вы вотъ что, братцы: наше дѣло православное и подобаетъ намъ другъ дружки крѣпче держаться. Я васъ ни Плюсу, ни Стаськѣ этому въ обиду не дамъ. Кто мнѣ подражаетъ—за того и я горой. Это ужь такъ. У меня на это норовъ легкій. А только, братцы, помните—чуть что̀ замѣтите, гдѣ Стаська либо Исаакъ станутъ не по чину хватать—сейчасъ вы мнѣ извѣстіе. Только у меня глядите—ни-ни! чтобы тѣ и духа вашего не прочухали. Дураками прикиньтесь. А я васъ не забуду. Слава те Господи, тоже крестъ на шеѣ ношу. И заступу передъ племянникомъ у меня найдете... Ты, Чукса—пришли ко мнѣ сегодня прошлогодній отчетъ. А ты, Корнюшка — фабричныя вѣдомости. На всякій случай надо ознакомиться съ дѣломъ... А теперь прощайте. Да смотрите у меня!

Чуксинъ и Ечкинъ проводили его до воротъ вокзала и немедля вернулись назадъ—и была пора.

Тяжело дыша бѣлымъ паромъ, хрипя и пыхтя, локомотивъ уже показался вдали, передъ станціей, медленно таща за собою длинный рядъ черныхъ вагоновъ. Еще издали приказчики разсмотрѣли Приходзько, который показывалъ бѣлобрысенькому молодому человѣку выходъ на платформу. Они бросились къ послѣднему, одновременно схватили его за руки, приложились къ нимъ и, всхлипнувъ даже, проговорили:

— Василію Герасимовичу!.. Ждали, ждали... Ажно сердце изныло.

— Приказчики ваши: Чуксинъ и Ечкинъ, усмѣхнулся Приходзько.

Тѣ подхватили и его, помогли выйти изъ вагона, потомъ бросились въ купэ и, отстранивъ артельщиковъ, собственноручно вытащили ручной багажъ Сластенова, Приходзько и Плюса.

— Лошади есть? спросилъ ихъ второй.

— Мы, ваше здоровье, знали что простыхъ саней мало будетъ... Тройку взяли. Живо домчитъ васъ.

— Молодцы! похвалилъ ихъ Плюсъ.

— А Савва Кузмичъ не заглядывалъ еще? подозрительно посмотрѣлъ на нихъ Приходзько.

Но Чуксинъ и Ечкинъ удивились столь искренно, что опасенія Станислава Сигизмундовича тотчасъ-же разсѣялись.

— Давно мы ихъ не видали, не сморгнувъ отвѣтилъ Ечкинъ.

— Савва Кузмичъ — первые не пріѣдутъ. Все-таки хоша двоюродные они—а дядюшки.

— А!.. ну, какъ выспались?

И передъ Сластеновымъ выросла благородная фигура Курца.

— Станиславъ Сигизмундовичъ, пожалуйста представьте меня—избраннику судьбы.

Но Боголюбъ Боголюбовичъ, очевидно боясь чтобы Приходзько не отвелъ отъ него „избранника судьбы“ въ сторону, неожиданно закончилъ:

— Впрочемъ, распоряжайтесь... А я самъ отрекомендуюсь: Боголюбъ Боголюбовичъ Коротковъ-Быстровъ. Намъ съ вами въ Москвѣ придется встрѣчаться часто. Радъ буду служить своей опытностью. У меня полгорода знакомыхъ. Впрочемъ,—и онъ поклонился въ сторону Приходзько, — вы находитесь въ такихъ прекрасныхъ рукахъ. Станиславъ Сигизмундовичъ—наше московское свѣтило... И притомъ едва-ли вамъ понадобится моя опытность, потому что она ничто въ сравненіи съ финансовымъ геніемъ Исаака Яковлевича.

И взявъ Василія Герасимовича подъ руку, Курцъ фонъ-Галопъ повелъ его къ выходу изъ вокзала.

— Знаете, пускай Приходзько съ Плюсомъ ѣдутъ въ вашемъ экипажѣ. Всѣмъ вамъ, да еще съ вещами, будетъ тѣсно. Я вамъ предложу свою пару. Мнѣ все равно торопиться некуда и я васъ довезу живо къ вашему дому.

И Приходзько съ Плюсомъ не успѣли еще опомниться, какъ Боголюбъ Боголюбовичъ, любезно раскланявшись съ ними, усадилъ растерявшагося Сластенова въ свои сани—и былъ таковъ.

— Ловко! не выдержалъ Чуксинъ.

— Чего лучше—живымъ манеромъ! засмѣялся Ечкинъ.— А наши-то, наши...

Плюсъ поблѣднѣлъ отъ злости; Приходзько, напротивъ, весь красный—усѣлся въ сани.

— Вотъ подлецъ!.. а? горячился онъ.

— Д-да-съ!..

— Нѣтъ, каковъ мерзавецъ! Вѣдь понялъ что этого дурака—надо взять подъ руку и какъ быка на веревочкѣ на убой вести куда угодно.

Сластеновская тройка быстро догнала лошадей Курцъ-фонъ-Галопа, который, обернувшись, послалъ Приходзько и Плюсу воздушный поцѣлуй.

— Еще смѣется, негодяй! прошепталъ про себя первый.

Большой домъ Арсенія Николаевича стоялъ за Рогожскою частью. Его окружали каменные флигеля, а на улицу выходила желѣзная рѣшетка, за которой виднѣлись окутанные соломой на зиму деревья.

— Это все ваше, все! сантиментально объяснялъ Боголюбъ Боголюбовичъ Сластенову.—Теперь вы—могущественны. Вы—одна изъ нашихъ главныхъ силъ. Захотите, дадите жизнь тысячамъ людей, не захотите—поселите между ними нужду и смерть. О богатство, богатство! ты не только счастье, ты тяжелый крестъ въ одно и то же время для благородныхъ душъ, понимающихъ, что ты налагаешь на нихъ великія обязанности! Наши крезы, къ сожалѣнію, не хотятъ знать этого. Разумѣется, не Приходзько съ Плюсомъ (и онъ ласково обернулся въ ихъ сторону) могутъ вамъ разъяснять это. Они — бѣдные люди, всѣ ихъ помыслы напра-

влены къ наживѣ. Они въ васъ видятъ только удобный случай обезпечить свою будущность — и ничего больше. Вы для нихъ единица со столькими нулями, сколько удастся имъ вытянуть изъ васъ... разумѣется, честнымъ путемъ. Я ничего другаго за ними не знаю. Но они мелки, они не идутъ дальше своего шкурнаго интереса, нѣтъ. Вы меня понимаете? Они должны вамъ служить, но не составлять вашего общества. Люди ума и мысли, люди великодушныхъ порывовъ и смѣлыхъ начинаній,—вотъ, Василій Герасимовичъ, вашъ кружокъ. Слыхали-ли вы, напримѣръ, о грандіозномъ проектѣ соединенія Чернаго моря съ Каспійскимъ?

— Нѣтъ.

— Это поэзія инженернаго искусства, это высоко-патріотическое дѣло. Кто ему послужитъ, тотъ напишетъ неизгладимо свое имя на самомъ земномъ глобусѣ! Но объ этомъ послѣ — разумѣется не при этихъ добрыхъ людяхъ я буду говорить о такихъ вещахъ... Они все равно не поймутъ ихъ. Вы позволите мнѣ выпить стаканъ воды у васъ?

— Пожалуйста... Насъ, я надѣюсь, сейчасъ накормятъ завтракомъ и дадутъ чаю.

— Станиславъ Сигизмундовичъ, я бы радъ предоставить Василія Герасимовича сейчасъ вашей исключительной заботливости, но онъ былъ такъ добръ, что пригласилъ меня завтракать... Надѣюсь, что мое общество не будетъ противно ни вамъ, ни Исааку Яковлевичу?

— Разумѣется, нѣтъ! съ кислою миной отвѣтилъ Приходзько.

— Ну тогда я принимаю.

Старый швейцаръ съ четырьмя Георгіями на груди, въ новенькой ливреѣ, бросился было къ рукѣ Сластенова, но тотъ догадался отдернуть ее.

— О, онъ служилъ вѣрой и правдой вашему дядѣ!.. счелъ себя обязаннымъ отрекомендовать старика Курцъ, и забывъ о присутствіи Приходзько или намѣренно игнорируя его, онъ сталъ называть ему по имени высыпавшихъ на лѣстницу и ждавшихъ молодаго хозяина лакеевъ.

— Что-жь вы-то молчите? прошепталъ Плюсъ, обращаясь къ Приходзько.

Тотъ только пожалъ плечами, точно отвѣчалъ: „что-жь тутъ подѣлаешь!..“

Арсеній Николаевичъ Сластеновъ жилъ не по-купечески. Племянникъ его почувствовалъ даже священный ужасъ, остановившись передъ громадною мраморною лѣстницей, по которой шла вверхъ текинская дорожка, а по сторонамъ широко и пышно раскидывались коронки великолѣпно выращенныхъ Ѳоминымъ латаній. Между ними цѣломудренно и изящно рисовались чудные силуэты статуй, выписанныхъ покойникомъ изъ Италіи. Широкіе лучи солнца сквозь зеркальныя громадныя окна ложились на эти мраморы, на яркую зелень, на картины хорошихъ мастеровъ, на ихъ золоченыя рамы. Только въ сводахъ вверху — еще густились потемки, въ которыхъ едва-едва намѣчивались лѣпныя украшенія и позолота...

Взойдя на первое колѣно лѣстницы, Василій Герасимовичъ увидѣлъ себя повтореннымъ нѣсколько разъ. Передъ нимъ и по сторонамъ вмѣсто стѣнъ оказывались зеркала.

Онъ остановился на мгновеніе.

— Вы устали? подскочилъ къ нему Станиславъ Сигизмундовичъ.

— Нѣтъ... такъ.—Сластеновъ видимо волновался.— Я думаю, неужели все это мое... Все, все...

— Ваше, ваше... Родственники хотѣли было оспорить, но я, вы понимаете, не позволилъ имъ этого...

— Странно, Сигизмундъ Станиславовичъ... очень странно... Я, знаете, вѣдь не привыкъ. Голову кружитъ... Я до сихъ поръ жилъ въ одной комнаткѣ у этой Бантыш... Я даже и въ гостяхъ не бывалъ въ такихъ домахъ какъ этотъ. Боюсь... Думаю, а какъ вдругъ все это сонъ и я проснусь—опять въ нетопленой комнатѣ съ вынутыми вьюшками, съ перспективою голодныхъ дней впереди... Право... вдругъ это все сонъ, а?..

— Судьба всегда посылаетъ достойнымъ, нашелся и тутъ Боголюбъ Боголюбовичъ.

— Да, только намъ, пока вы обойдетесь и привыкнете, придется строго охранять ваши интересы отъ всевозможныхъ искателей приключеній!.. Въ этомъ наша святая обязанность, ядовито замѣтилъ Приходзько, бросая краснорѣчивый взглядъ на Курца.

— Развѣ, имущество почтеннаго нашего хозяина находится подъ опекой? наивно спросилъ Курцъ.

Адвокатъ прикусилъ языкъ и звѣремъ посмотрѣлъ на него...

Залы были велики и пышны. Домъ строился еще при Александрѣ I, когда не жалѣли простора. Бѣлыя мраморныя колонны поддерживали лѣпные потолки. Мебель, старинная и дорогая, смотрѣла строго на пришельца, словно удивляясь его смѣлости—съ этимъ бѣлесоватымъ ничего не выражающимъ лицомъ, съ этимъ робкимъ взглядомъ, съ этимъ хохолкомъ, за который еще вчера его драли товарищи—входить сюда, гдѣ недавно слышался властный голосъ настоящаго хозяина и раздавались его тяжелые шаги... Со стѣнъ сурово смотрѣли на Василія Герасимовича портреты какихъ-то необыкновенно - солидныхъ, выдержанныхъ купцовъ. Отовсюду вѣяло милліонами, установившимся и прочнымъ богатствомъ. Казалось, весь міръ кругомъ можетъ колебаться и рушиться, а этотъ домъ съ его хозяевами устоитъ. Катаклизмы должны были идти мимо, не задѣвая его массивныхъ стѣнъ и не нарушая безмолвія этихъ залъ, гостиныхъ, кабинетовъ... Въ столовой, отдѣланной въ русскомъ стилѣ дубовою рѣзьбою, былъ уже накрытъ столъ—и глаза Василія Герасимовича разбѣжались когда онъ вскользь замѣтилъ тяжелыя серебряныя стопы, золоченые кубки, дорогой фарфоръ, бронзу, тысячи ненужныхъ бездѣлушекъ на стѣнахъ. Ему стало еще болѣе не по себѣ.

— Жутко! проговорилъ онъ, ни къ кому не обращаясь.

Метръ д'отель Кузьма Степановичъ Козаковъ — необыкновенно внушительный и неповоротливый мужчина—могъ-бы поспорить благородствомъ лица съ Боголюбъ Боголюбовичемъ. Онъ низко поклонился издали молодому хозяину. Курцъ немедленно поторопился отрекомендовать его, предупредивъ и въ этомъ Станислава Сигизмундовича.

— Славный, славный старикъ. Честь дома!..

„Подать ему руку или не надо?“ мучился мысленно Василій Герасимовичъ. „Нѣтъ, лучше не подавать“.

— Вашему дядюшкѣ служилъ вѣрой и правдой, продолжалъ Курцъ и потомъ, наклонясь къ Сластенову, прибавилъ: — Москвичи наши Кузьму Степановича за его великолѣпіе прозвали Косьмою Медичисомъ.

Козаковъ поклонился еще разъ и привычною рукой отодвинулъ стулъ для хозяина. Впрочемъ, въ самомъ этомъ движеніи „честь дома“ и „преданный слуга“ не могъ не выразить нѣкотораго пренебреженія. Онъ всегда нѣсколько презиралъ хозяевъ. Но съ покойникомъ еще мирило его многое. А молодаго Сластенова онъ оцѣнилъ сразу... „Такъ-себѣ хамокъ изъ недоносковъ“, рѣшилъ онъ про себя, щупая по привычкѣ свой благородный носъ и поглаживая дипломатическія баки... Василій Герасимовичъ ужасно терялся передъ нимъ и не безъ ужаса думалъ, что тотъ стоитъ позади, за его спиною. Ему даже пришло въ голову ни съ того, ни съ сего предложить ему садиться—такъ импонировала представительность Кузьмы Степановича. Хорошо что воздержался...

Завтракъ былъ превосходный. Подали великолѣпную стерлядь на громадномъ серебряномъ блюдѣ, причемъ лакеи двигались неслышно, а Кузьма Степа-

Рачникъ-промышленникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Котляревскаго, грав. Бухеръ.

новичъ управлялъ ими только помавая бровями; потомъ какую-то необыкновенную спаржу, которую Василій Герасимовичъ разглядывалъ недовѣрчиво, не зная съ какого конца ее ѣсть, и принялся только тогда, когда замѣтилъ какъ съ нею управляются его гости; наконецъ, на столѣ изъ-подъ серебряныхъ крышекъ показались чудесно зажаренные перепела—лапками кверху, въ ознаменованіе своей невинности. На вино Сластеновъ накинулся съ жадностью. Онъ никогда не пивалъ такого... „А все-таки баварское пиво лучше“. И ему вдругъ ужасно захотѣлось его.

— У васъ нѣтъ пива?..

— Покойникъ Арсеній Николаевичъ не держалъ... Эль есть, портеръ.

— Ну давайте элю и портеру... Да подайте шампанскаго! вдругъ осмѣлился Сластеновъ.

Плюсъ и Приходзько переглянулись съ насмѣшливой улыбкой...

— Только послаще!

Тутъ уже и Курцъ не выдержалъ и засмѣялся въ салфетку.

(Продолженіе будетъ).

Лампо и Кармела.

Разсказъ **Энрико Кастельнуово.** (Переводъ).

Было около двухъ часовъ ночи. Деревушка Изолетта спала глубокимъ сномъ. Лишь время отъ времени тишина нарушалась рѣзкимъ крикомъ пѣтуха, выражавшимъ нетерпѣливое ожиданіе разсвѣта, жалобу на судьбу и привѣтъ другимъ заключеннымъ собратьямъ. На этотъ крикъ отвѣчалъ издали другой, и затѣмъ снова все стихало.

Въ одномъ изъ домовъ деревушки, хорошенькая восьмилѣтняя дѣвочка, осторожно прислушиваясь, крѣпко-ли спятъ всѣ домашніе,—встала потихоньку съ постели, накинула свое платьице, взяла въ руки, чтобы не шумѣть, свои деревянные башмаки, и сошла внизъ, въ кухню. При свѣтѣ мѣсяца, проникавшемъ въ окно, Кармела—такъ звали дѣвочку—влѣзла на стулъ, сняла висѣвшій на стѣнѣ ключъ и осторожно спустилась еще нѣсколько ступеней, которыя вели въ небольшой чуланъ. Навстрѣчу ей послышался оттуда радостный, нетерпѣливый лай, который, однако, грозилъ подвергнуть сильной опасности успѣхъ ея смѣлаго предпріятія.

— Тише, Лампо, тише! прошептала дѣвочка, отыскивая въ темнотѣ замочную скважину.

Лампо умѣрилъ свой радостный лай, но возбужденіе его было черезчуръ сильно, чтобы онъ могъ заставить себя замолчать совсѣмъ. Онъ сразу понялъ, что ему хотятъ возвратить свободу и радость его была тѣмъ сильнѣе, что освободительницей являлась его маленькая хозяйка, т. е. существо, которое онъ любилъ больше всѣхъ.

Наконецъ дѣвочкѣ удалось нащупать отверстіе замка и отворить дверь. Лампо бросился къ ней, радостно прыгая ей лапами на грудь и касаясь своимъ холоднымъ, мокрымъ носомъ ея лица и рукъ.

— Тише, Лампо, тише! повторила Кармела, гладя его гибкую спину и стараясь успокоить его.

Сопровождаемая собакой, дѣвочка снова поднялась по лѣстницѣ въ кухню, достала изъ шкафа большой кусокъ *поленты* и сунула его въ карманъ; потомъ вышла въ коридоръ и попробовала отворить маленькую дверь, ведшую въ садъ. Но задвижка запиралась слишкомъ туго, и Кармелѣ пришлось отказаться отъ своей попытки. Однако она не потеряла присутствія духа, и видя, что дверь не поддается ея усиліямъ, потихоньку отворила окно. Лампо тотчасъ понялъ въ чемъ дѣло и однимъ прыжкомъ очутился на подоконникѣ. Кармела взлѣзла туда же при помощи стула. Взобравшись на окно, она смѣрила глазами пространство отдѣлявшее его отъ земли, и убѣдившись, что въ немъ не болѣе полутора метра, соскочила на мягкую, сырую землю. Не будучи въ состояніи сохранить равновѣсіе, она упала на руки, но тѣмъ не менѣе тотчасъ встала, безо всякаго для себя вреда. Собака, едва коснувшись лапами земли, была уже впереди нея.

— Тише, Лампо! въ сотый разъ проговорила дѣвочка, видя что собака не можетъ подавить свою безмѣрную радость отъ чувства возвращенной свободы.

Надѣвъ свои деревянные башмаки и отряхнувъ прилипшую къ рукамъ грязь, Кармела подошла къ изгороди, окружавшей садъ, пролѣзла сквозь отверстіе, продѣланное нѣсколько дней тому назадъ уличными мальчишками, приходившими воровать землянику, и очутилась на улицѣ; затѣмъ оправила платьице и осмотрѣлась вокругъ. За ней стоялъ тихій, погруженный въ глубокій сонъ домъ, какъ бы призывавшій ее вернуться обратно; за ней оставались отецъ, бабушка и маленькая сестренка, которые черезъ нѣсколько часовъ будутъ вездѣ искать ее; а впереди—пустынное поле, за нимъ темный лѣсъ и крутая гора, которые ей предстоитъ перейти, чтобы достичь предположенной цѣли.

Слезы выступили на глазахъ дѣвочки. Она почувствовала непреодолимое желаніе вернуться въ свою комнатку, къ тѣмъ, которые такъ любятъ ее, но сдержанный визгъ Лампо положилъ конецъ ея колебаніямъ: она должна во что бы то ни стало спасти своего друга, своего защитника.

Какіе, однако, злые отецъ и бабушка! Они рѣшили *убить* Лампо—Лампо, который два дня тому назадъ спасъ ее отъ укушенія бродячею собакой!.. Кармела не повѣрила бы такой жестокости, еслибъ сама, собственными ушами, не слышала ихъ заговора. Подозрѣніе уже явилось у нея сейчасъ послѣ обѣда, когда къ ея отцу, синьору Амброджіо Марени, синдику прихода Изолетты, явился какой-то гадкій господинъ, который выдавалъ себя за посланнаго отъ приходскаго совѣта Св. Августина. Отецъ принялъ озабоченный видъ и заперъ Лампо. „О, Боже мой, за что?“ спросила она; но отецъ давалъ неясные, уклончивые отвѣты. Бабушка, къ которой она потомъ обратилась, старалась успокоить ее словами и ласками; сказала, что Лампо будетъ завтра-же выпущенъ на свободу, и осушила ея слезы поцѣлуями. Но Кармела не такая дѣвочка, чтобы дать обмануть себя. Она, правда, сдѣлала видъ, что вѣритъ даннымъ объясненіямъ, и пошла въ огородъ и, на дворъ кормить цыплятъ, но потомъ потихоньку вернулась назадъ и стала подслушивать у дверей, гдѣ разговаривалъ отецъ съ бабушкой. Подслушивать у дверей—дурно, говорилъ и священникъ, и учительница, и Кармела сама въ этомъ не сомнѣвалась,—но какъ-же быть, когда дѣло такое серьезное? Кармела была увѣрена, что отецъ и бабушка говорятъ о Лампо и предположеніе ея дѣйствительно подтвердилось.

— Бѣдное животное! со вздохомъ сказала бабушка.—Какъ мнѣ жаль его!

— Да развѣ мнѣ не жаль? проговорилъ отецъ, — но что-же дѣлать? Спасти его нѣтъ возможности.

— Къ несчастію, да... Постарайся, по крайней мѣрѣ, чтобы онъ не мучился.

— Объ этомъ нечего и думать... У меня вѣрный взглядъ и твердая рука... Онъ не успѣетъ даже и замѣтить...

— Когда же ты думаешь?

— Завтра утромъ, когда Кармела будетъ въ школѣ. Бѣдная дѣвочка, какъ это огорчитъ ее!

— Надо будетъ... ты долженъ будешь сказать ей... Ну, однимъ словомъ, какой нибудь предлогъ... что онъ околѣлъ самъ... что онъ уже сегодня былъ боленъ...

— Она не повѣритъ. Ее не такъ легко обмануть...

— Во всякомъ случаѣ, разъ дѣло будетъ сдѣлано, она успокоится и привыкнетъ къ другой собакѣ.

— Не легко будетъ найти другую такую.

Дальше Кармела не слушала; но и этого было достаточно, чтобы заставить ее содрогнуться. Надежды, что отецъ измѣнитъ свое намѣреніе, не оставалось никакой. Ужь если онъ заберетъ что-нибудь въ голову, такъ никто на свѣтѣ не можетъ разубѣдить его. Что-же касается бабушки, то ее не стóитъ и просить; она во всемъ сообразуется съ желаніемъ сына и не имѣетъ никакого голоса въ домѣ. Тѣмъ не менѣе, Кармела не допускала и мысли предоставить Лампо его участи, а такъ какъ всѣ просьбы не привели бы ни къ чему, то она составила свой собственный планъ. Она убѣжитъ ночью вмѣстѣ съ Лампо въ деревню Ривьеру, къ тетѣ Норинѣ, сестрѣ ея дорогой мамы. Тетя Норина знаетъ Лампо, любитъ его и, когда въ послѣдній разъ была въ Изолеттѣ, хотѣла даже взять его къ себѣ. Къ племянницѣ она также питаетъ расположеніе; возможно-ли послѣ этого, чтобы она не согласилась на ея просьбу? Трудность заключалась лишь въ томъ, какъ попасть въ Ривьеру. Кармела никогда тамъ не была, но за-то разъ, вмѣстѣ съ отцомъ и съ вѣрнымъ Лампо, провожала тетку довольно далеко по лѣсу и тетя сказала тогда:

— За этой горой будетъ долина; за ней — другая гора, повыше, а за ней—Ривьера. Когда ты будешь немного постарше, ты прійдешь погостить ко мнѣ на недѣлю.

— А сколько времени нужно, чтобы дойти до Ривьеры? спросила дѣвочка.

— Мнѣ нужно пять часовъ, отвѣчала тетка, — но тебѣ, съ твоими маленькими ножонками, понадобится гораздо больше.

Съ такими неполными свѣдѣніями и такою слабою надеждой на успѣхъ, отправилась Кармела въ путь. Дорога? Дорога ужь какъ-нибудь найдется. Трудности пути? Она съумѣетъ преодолѣть ихъ. Надо только дойти до вечера, а теперь еще не наступила утренняя заря и дни такіе длинные!

Устранивъ мысленно всѣ затрудненія, Кармела пошла по тропинкѣ между двухъ полей ржи. Лампо, къ которому вернулись снова всѣ его силы, благодаря неожиданно возвращен-

ной свободѣ, то бѣжалъ рядомъ съ нею, причемъ въ порывѣ радости нерѣдко попадалъ ей подъ ноги, то стремился впередъ, то неожиданно кидался вправо или влѣво, какъ бы преслѣдуя кого-нибудь, и только шелестъ колосьевъ изобличалъ его присутствіе; потомъ не менѣе внезапно онъ появлялся совсѣмъ съ другой стороны и бросался, ласкаясь, къ своей госпожѣ, какъ бы благодаря ее за возвращенную ему свободу. По временамъ, вблизи какой-либо избушки или сарая, слышался лай сторожевой собаки; гдѣ-то вдали мычала корова и раздавался рѣзкій, кичливый голосъ пѣтуха. Дѣвочка ускоряла шагъ, стараясь уйти отъ близости человѣческаго жилья. Миновавъ поле, она вышла на лугъ, потомъ пошла мимо кладбищенской ограды; здѣсь она перекрестилась и подумала о своей матери. За кладбищемъ начался крутой спускъ къ ручью.

Ручей представлялъ узкій потокъ, и она могла-бы безо всякой опасности перейти его; но, чтобы не сбиться съ дороги, она предпочла идти ивовымъ и ольховымъ кустарникомъ до моста. За мостомъ дорога поднималась на пригорокъ, по которому она когда-то шла съ теткой Норпиной. Мѣсяцъ, сіявшій на безоблачномъ небѣ, обливалъ серебристымъ свѣтомъ отдѣльные камешки, разбросанные на днѣ и по берегу ручья; извивавшіяся между камнями тонкія струйки воды блестѣли какъ сталь, освѣщенныя луннымъ свѣтомъ; ясными, рѣзкими линіями вырисовывались вдали очертанія горъ, и тѣнь отъ стройной фигурки Кармелы отчетливо ложилась на землю. По ту сторону моста окружающая картина приняла другой характеръ. Вначалѣ рѣдкая, растительность стала гуще; столѣтнія ели высоко поднимали къ небу свои стройныя вершины; сквозь ихъ густыя вѣтви едва проникалъ свѣтъ мѣсяца. Надъ головами бѣглецовъ проносился торжественный, таинственный шопотъ лѣса. Изрѣдка раздавалось одинокое щебетанье полусонной птицы. Кармелѣ становилось страшно; но присутствіе Ламно ободряло ее.

Что же касается послѣдняго, то онъ еще не имѣлъ времени подумать объ избранной его госпожей дорогѣ. Послѣ почти десятичасового заключенія, Ламно былъ снова на свободѣ, снова находился на свѣжемъ воздухѣ,—ни о чемъ другомъ онъ не могъ пока думать. Какъ только въ лѣсу становилось свѣтлѣе, Ламно поднималъ морду къ своей госпожѣ и глядѣлъ ей въ глаза такъ нѣжно и съ такой благодарностью, какъ будто хотѣлъ вознаградить ее за тѣ опасности, которымъ она подвергала себя ради него.

Между тѣмъ мѣсяцъ уже скрылся за горами, въ воздухѣ посвѣжѣло. Птицы покинули гнѣзда и, перелетая съ вѣтки на вѣтку, поднимались къ вершинамъ деревъ, чтобы тамъ встрѣтить утреннюю зарю, которая золотила уже края горизонта. Сначала раздавались лишь отдѣльные, не громкіе голоса—робкіе, призывные крики; потомъ со всѣхъ сторонъ на призывъ послышался откликъ, и вскорѣ вся верхняя часть лѣса ожила, наполнившись радостнымъ щебетаньемъ и хлопаньемъ крыльевъ. Внизу-же стало еще темнѣе, чѣмъ прежде.

У Кармелы явилось страстное желаніе выйти поскорѣе изъ лѣса. Эти высокія, густыя ели закрывали небо и наполняли ея сердце необъяснимою тоской. Она спѣшила подняться по крутой тропинкѣ, въ надеждѣ выйти на просторъ и вздохнуть свободнѣе.

Наконецъ горячее желаніе дѣвочки исполнилось. Съ трудомъ миновала она послѣднюю лѣсную часть тропинки и вышла на гору, съ которой, къ удивленію, увидѣла внизу, у своихъ ногъ, верхушки елей. Сильно утомленная Кармела опустилась на мягкую, росистую траву. Туманъ еще покрывалъ долины, только верхушки горъ ясно вырисовывались на сѣромъ фонѣ неба. Свѣжій утренній воздухъ возбуждалъ аппетитъ. Кармела достала изъ кармана взятый съ собою ломоть поленты, откусила кусокъ и дала другой Ламно, который ничего не ѣлъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ и который былъ повидимому весьма доволенъ подачкой. Но тутъ дѣвочкѣ пришло въ голову, что у нея нѣтъ другого запаса пищи, и потому она спрятала остальное въ карманъ. Между тѣмъ картины утренней зари смѣняли одна другую предъ глазами отдыхавшей дѣвочки.

Кармела не разъ уже вставала до разсвѣта, но въ узкой долинѣ Изолетты утренняя заря была совсѣмъ не такъ величественна, какъ здѣсь на высотѣ, съ которой глазъ могъ окинуть такое огромное пространство. Однообразный, сѣрый цвѣтъ неба постепенно принялъ другую окраску; тамъ, гдѣ до сихъ поръ было только темно, обрисовались сотни легкихъ, розовыхъ облачковъ, а на дальнемъ востокѣ появилась ярко-оранжевая полоса. Туманъ, лежавшій доселѣ внизу, въ долинахъ, сталъ подниматься, раздѣляясь то здѣсь, то тамъ, какъ завѣса, которая, открываясь, обнаруживаетъ тысячи неожиданныхъ красотъ. Постепенно вынырнули изъ тумана темныя купы деревьевъ, зеленый коверъ луговъ и разбросанныя по склону горы хижины. Вниманіе Кармелы привлекла прежде всего группа домовъ, которые словно лѣпились вокругъ высокой колокольни и казались издали не больше тѣхъ раскрашенныхъ игрушечныхъ домиковъ, которые дарятъ дѣтямъ. Что, если это Ривьера? Но иллюзія продолжалась не долго. Кармела вскорѣ убѣдилась, что стройная башня, привлекшая ея вниманіе, была не что иное, какъ колокольня въ Изолеттѣ. Сердце ея болѣзненно сжалось. Навѣрно отецъ, бабушка и сестра уже проснулись и зовутъ ее: „Кармела! Кармела!“

Пока дѣвочка предавалась этимъ мыслямъ, ее внезапно охватилъ яркій снопъ лучей. Солнце появилось межъ двухъ горъ, и вмѣстѣ съ нимъ въ сердце Кармелы вернулась надежда и вѣра въ благополучный исходъ предпріятія. Кармела осталась еще нѣсколько минутъ на этомъ же мѣстѣ, чтобы расправить свои усталые члены, полюбоваться освѣщенными вершинами Чернаго Камня (группа горъ, получившая свое названіе отъ цвѣта скалъ), полюбоваться на голубые колокольчики, которые подымали изъ травы свои, орошенныя росой, головки, и насладиться радостнымъ щебетаньемъ птицъ. Отдохнувъ, она рѣшила продолжать путь, повторяя про себя слова тетки Норпины: „за этой горой будетъ долина, за долиной—другая гора повыше, а за ней—Ривьера“.

Кармела находилась уже на первой горѣ — значитъ ясно, что теперь ей слѣдуетъ спуститься внизъ. А потомъ? Объ этомъ *потомъ* возникли нѣкоторыя сомнѣнія въ сердцѣ ребенка: по ту сторону долины открывалось нѣсколько тропинокъ и трудно было рѣшить, которая изъ нихъ настоящая.

Однако Кармела не хотѣла долго останавливаться на этой мысли и стала отыскивать болѣе удобное мѣсто для спуска. Сначала гора шла отлого, но потомъ встрѣтились не малыя затрудненія. Склонъ горы представлялъ голый, твердый камень; почва была неровная и при каждомъ шагѣ, дѣлаемомъ Кармелой, камни скатывались изъ-подъ ея ногъ и сама она сползала вмѣстѣ съ подвижнымъ слоемъ песку. По временамъ дѣвочка должна была хвататься за низкій тернистый кустарникъ, который въ кровь исцарапалъ ей руки. Она остановилась въ раздумьи. Неужели это дѣйствительно та дорога, по которой ходитъ тетя Норпина? Ламно, въ глазахъ котораго уже не разъ выражалось удивленіе надъ предпринятымъ его хозяйкой удивительнымъ путешествіемъ, также остановился; выпрямившись во весь ростъ и насторживъ уши, онъ принялся зорко осматривать позицію; потомъ, не долго думая, но часто оборачиваясь на свою маленькую госпожу, пустился въ рекогносцировку, бросаясь направо и налѣво, пока не отыскалъ болѣе удобнаго пути. Тогда онъ вернулся къ Кармелѣ и не оставлялъ ее въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока она не послѣдовала за нимъ. Они спустились уже по менѣе крутому склону къ чистому, прозрачному ручейку, который журча пробивался среди травы и камней.

Ламно, котораго мучила жажда, быстро подбѣжалъ къ водѣ и принялся съ жадностью пить.

Кармела также нагнулась къ ручью и, захвативъ горстью сколько могла воды, промочила свое пересохшее горло. Однако ручей не позволялъ продолжать путь въ прежнемъ направленіи; не оставалось ничего иного, какъ перейти его въ бродъ. Кармела, не теряя ни минуты, сняла свои деревянные башмаки, приподняла платьице и перешла на другой берегъ, хотя вода доходила ей выше колѣнъ. Ламно однимъ прыжкомъ очутился впереди, готовый придти на помощь своей хозяйкѣ, если это окажется необходимымъ. Кармела снова сѣла отдохнуть на покрытый мхомъ пригорокъ; лѣсная тѣнь, журчаніе ручья и сильное утомленіе нагнали на нее дремоту. Она чувствовала, что головка ея склоняется на плечо и, чтобы не заснуть, вскочила на ноги. Дорога снова представляла немалыя трудности. Дѣвочка шла уже наудачу по еловому и сосновому лѣсу, издававшему на солнцѣ сильный смолистый запахъ. Гдѣ же она теперь? Приближается-ли къ цѣли путешествія или, напротивъ, удаляется отъ нея? Мысль, что она можетъ заблудиться въ лѣсу, постепенно овладѣвала дѣвочкой и нагоняла на нее страхъ. Если-бъ была хоть какая-нибудь избушка, гдѣ бы можно было постучаться, или если-бъ встрѣтилось какое-нибудь сострадательное существо, которое указало бы дорогу. Срубленные и сложенные рядами стволы деревьевъ свидѣтельствовали о недавнемъ присутствіи человѣка. Мѣстами виднѣлись еще остатки хижинъ, въ которыхъ проводили ночи дровосѣки въ теченіе долгихъ рабочихъ недѣль. Почернѣлые стволы указывали мѣсто, гдѣ недавно жгли уголь. Но лѣсныя работы были окончены уже четыре недѣли тому назадъ и начнутся вновь не ранѣе какъ черезъ нѣсколько дней. Дѣвочка продолжала путь, наступая ногами на упавшія еловыя шишки и безчисленное множество попадавшихся на пути грибовъ. Не слышно было ничего, кромѣ жужжанія насѣкомыхъ и тихаго шопота качаемыхъ вѣтромъ деревьевъ. Черезъ нѣсколько времени лѣсъ сталъ рѣдѣть, и Кармела очутилась у подошвы холма, который своею мягкою зеленью и отлогимъ склономъ невольно манилъ къ себѣ. Взойдя на его вершину, дѣвочка увидѣла передъ собою обширное луговое пространство, которое незамѣтно съуживалось и оканчивалось у подошвы отвѣсныхъ скалъ, казавшихся издали гранитною стѣной. Ни тропинки, ни жилья, ни малѣйшаго признака, по которому бѣдная дѣвочка могла бы узнать гдѣ она находится. Но она такъ устала, что не была въ состояніи уяснить себѣ всѣхъ невыгодъ своего печальнаго положенія. Она бросилась на траву и на этотъ разъ дѣйствительно заснула. Возлѣ нея помѣстился Ламно; по временамъ и его одолѣвалъ сонъ, но большею частію онъ лежалъ съ открытыми глазами, помахивая

Русско-турецкая война 1877—1878. Встрѣча В. К. Владиміромъ Александровичемъ тѣла покойнаго Герцога Лейхтенбергскаго.

Съ карт. **П. Ковалевскаго** (исключит. право воспроизв. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. „**Нивѣ**“), грав. Шюблеръ.

На вакаціи. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Томашевича**, автотипія фото-хемиграфической мастерской „Нивы".

хвостомъ и насторожнвъ уши, какъ подобаетъ умной собакѣ, отъ которой не ускользнетъ никакой шумъ, никакое движеніе.

И дѣйствительно, Ламио не замедлилъ разбудить свою маленькую хозяйку. Встрепенувшись и протеревъ глаза, Кармела увидѣла шагахъ въ пятидесяти отъ себя бѣлую корову, которая смотрѣла на нее своими умными, задумчивыми глазами. За нею появились три-четыре другія, а потомъ изъ-за пригорка, сначала ею незамѣченнаго, вышло цѣлое стадо.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Наша сѣверная окраина.

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ обществахъ и частью въ періодической печати поднимался вопросъ объ устройствѣ военнаго порта на Ледовитомъ океанѣ въ незамерзающей бухтѣ у Рыбачьяго полуострова. Неразрывно съ этимъ вопросомъ связанъ и вопросъ объ устройствѣ воднаго пути, который-бы связалъ Бѣлое море, а слѣдовательно и Ледовитый океанъ съ Балтійскимъ моремъ, такъ-называемымъ Бѣломорско-Онежскимъ воднымъ путемъ. Оба вопроса тѣсно связаны между собой. Если намъ нуженъ всегда открытый океаническій военный портъ, всегда готовый грозить непріятелю крейсеровою войной, то ни наши южные порты, запертые Дарданеллами и Гибралтаромъ, ни порты Балтики, запертые почти полгода морозами и въ остальное время года стѣсненные проливами Нѣмецкаго моря, не могутъ служить для этой цѣли. Незамерзающій портъ у Рыбачьяго полуострова, омываемый теплыми струями Гольфстрема, есть единственное мѣсто для военнаго порта, который могъ-бы дать активную роль нашему военному флоту при возможной въ будущемъ войнѣ съ одной изъ морскихъ европейскихъ державъ.

Но военный портъ на Рыбачьемъ полуостровѣ не можетъ существовать безъ связи съ Петербургомъ и остальною Россіей— и Бѣломорско-Онежскій водный путь былъ-бы однимъ изъ звеньевъ, соединяющимъ военный портъ со столицей черезъ Бѣлое море, систему рѣкъ, озеръ и каналовъ до Онежскаго озера, рѣкою Свирь, Ладожскимъ озеромъ и рѣкою Невою. Оба вопроса, какъ вопросъ объ устройствѣ порта у Рыбачьяго полуострова, такъ и вопросъ объ устройствѣ Бѣломорско-Онежскаго воднаго пути возникли давно и имѣютъ уже свою спеціальную исторію и литературу. Идея сооруженія Бѣломорско-Онежскаго воднаго пути принадлежитъ Петру I, и въ то время какъ проектъ порта на Ледовитомъ океанѣ существуетъ пока лишь въ видѣ предположеній основанныхъ на приблизительныхъ рекогносцировкахъ, Бѣломорско-Онежскій водный путь изслѣдованъ и изученъ въ разные періоды времени, какъ по иниціативѣ правительства, такъ и частными лицами и предпринимательскими компаніями, желавшими извлекать выгоды изъ эксплуатаціи этого пути, и наконецъ въ 1888 году въ Министерствѣ Путей Сообщенія на основаніи точныхъ и подробныхъ изысканій инженеровъ работавшихъ на этой системѣ съ 1886 года, составленъ проектъ Бѣломорско-Онежскаго воднаго пути съ морскимъ портомъ при выходѣ въ Сороцкую губу Бѣлаго моря, стоимостью около 11 милліоновъ рублей.

Путь этотъ проектированъ отъ Онежскаго озера у г. Повѣнца на сѣверъ по р. Повѣнчанкѣ около 25 в., цѣлому ряду озеръ Долгихъ, Узкихъ, Машко и др. около 20 в., по озеру и рѣкѣ Телекинской около 40 верстъ, по озеру Выгъ 40 верстъ и по рѣкѣ Выгъ 80 верстъ до Бѣлаго моря. Водораздѣлъ вышиною около 6 саженей на протяженіи 6 верстъ лежитъ между озерами Машко и Телекинскимъ. Судя по стоимости сооруженія системы (около 8 милліоновъ рублей безъ порта), работы на ней не представляютъ особенныхъ трудностей, а экономическое значеніе этого пути для заброшеннаго нашего сѣвернаго поморья будетъ громадно. Необозримая площадь лѣсовъ, рыбные и звѣриные промыслы поморовъ, минеральныя богатства края, теперь недоступныя вслѣдствіе полнаго отсутствія какихъ либо путей сообщенія, — все это можетъ вернуться къ жизни въ заснувшемъ краѣ, который когда-то богатѣлъ самъ и отливалъ часть своихъ богатствъ внутрь Россіи. То было время бездорожья во всей Россіи и нашъ Сѣверъ былъ въ равныхъ условіяхъ со всею страной, а его естественныя богатства давали ему еще нѣкоторыя преимущества; но съ усовершенствованіемъ внутреннихъ водныхъ системъ, онѣ и главнымъ образомъ масса желѣзныхъ путей внутри Россіи оттянули отъ окраины капиталы, предпринимателей, трудъ, энергію и людей; все ушло туда, гдѣ быстро оборачивается рубль, гдѣ скоро можно двигаться, гдѣ большой спросъ на капиталъ, трудъ и энергію. Для историка и бытописателя наше сѣверное поморье полно и теперь интереса: все тамъ до наивности просто, все носитъ отпечатокъ стародавнихъ порядковъ и обычаевъ, тамъ поются еще былины, живутъ еще дѣды-сказатели и женщины рядятся въ парчу и жемчугъ, и дремлетъ нравственно поморскій людъ, закутанный мглой раскола стараго толка, какъ дремлютъ вѣковые лѣса, закутанные во мхи и холодные туманы. Но этотъ красивый колоритъ давняго прошлаго, заволакивающій картину нашего сѣвернаго поморья, при мало-мальски близкомъ знакомствѣ съ нимъ, поражаетъ страшной экономическою неурядицею края, рядомъ такихъ экономическихъ несообразностей, передъ которыми можно только развести руками. Періодическія голодовки рядомъ съ возможными и частыми заработками на человѣка до нѣсколькихъ сотъ рублей въ день на промыслахъ. Поголовное мѣстами пьянство и пронойство рядомъ съ самымъ строгимъ правиламъ акциза и повсемѣстнымъ корчемствомъ, бьютъ въ глаза на каждомъ шагу. Чудные, даромъ отпускаемые, лѣса и несуразная примитивная манера строить суда — это главное хозяйство поморовъ. Богатый Соловецкій монастырь, чуть не со стотысячнымъ годовымъ доходомъ, и рядомъ полуразрушенныя церкви и часовни всего поморья съ бѣдствующими и буквально голодающими священниками, съ паствой въ 20 или 30 человѣкъ въ тысячныхъ селахъ и посадахъ. Комфортъ и роскошь конторъ и управленій иностранныхъ лѣсопромышленныхъ компаній, свившихъ себѣ гнѣзда у взморья по устьямъ рѣкъ впадающихъ въ Ледовитый океанъ и Бѣлое море, и чуть не нищенство чиновниковъ, посылающихъ дѣтей учиться грамотѣ за тысячи верстъ въ Архангельскъ и Петербургъ. Отважные и отчаянные моряки-поморы, чуть не съ пеленокъ качающіеся въ капризномъ морѣ у себя дома въ богатыхъ добычею водахъ, часто приходятъ съ промысловъ съ пустыми шняками и шхунами, потому что норвежцы, голландцы, англичане, нѣмцы, шведы—испанцевъ кажется нѣтъ—раньше забираются на промысла изъ своихъ незамерзающихъ портовъ и хозяйничаютъ у нашихъ береговъ какъ дома, вылавливая лучшую добычу и въ конецъ распугивая и звѣря, и рыбу...

Глухіе разбросанные городки, какъ центры администраціи, Кола, Кемь, Сумскій посадъ, Онега, Мезень и самый Архангельскъ—для большинства являются чуть не ссылкой, а служба и работа въ нихъ—каторгой. Во время весенней и осенней распутицы иногда по три мѣсяца въ нихъ не получается ни газетъ, ни писемъ, ни предписаній, ни приказаній — но и это является не въ силу необходимости, а въ силу мѣстныхъ порядковъ и обычаевъ, по которымъ почта ждетъ или „крѣпкаго льда“ или „чистой воды“, чтобы двинуться или на тройкѣ, или въ форменномъ почтовомъ карбасѣ; во время этой почтовой распутицы по морю вдоль береговъ шныряютъ легкіе карбасы поморовъ, берегомъ по подтаявшимъ болотамъ бредутъ олени и „бѣгаютъ“ ходоки, переносящіе кое-какую частную корреспонденцію.

При огромной площади уѣздовъ и скромномъ бюджетѣ на администрацію, акцизнымъ чиновникамъ и податнымъ инспекторамъ (часто даже эти должности соединяются въ одномъ лицѣ), приходится дѣлать въ годъ до 15,000 верстъ и въ саняхъ на лошадяхъ, и въ оленьей кережкѣ, и на карбасахъ по морю и рѣкамъ, и много пѣшкомъ,—все это въ глуши и съ огромными лишеніями. Станы, напримѣръ, Кольскаго и Кемскаго уѣздовъ по своей площади равняются цѣлымъ западно-европейскимъ государствамъ, а сфера дѣятельности, въ виду ограниченности разнаго административнаго надзора, не всегда уложится въ министерскую компетенцію и полномочія. Завѣдующій станомъ — рѣшитель многочисленныхъ религіозныхъ вопросовъ и распрей, судья и исполнитель на сушѣ и морѣ, дипломатическій агентъ въ сношеніяхъ съ иностранными мореходами, гроза и милость для кочевниковъ-лопарей и обязательно всесторонній статистикъ!..

Жизнь въ краѣ непомѣрно дорога, сравнительно съ жизнью въ центральной Россіи. Куль ржаной муки въ 9 пудовъ, который на Рыбинской биржѣ и даже въ Вознесеньи стоитъ 3 р. 50 к. и 4 руб.—въ поморскихъ селахъ и городахъ продается отъ 10 до 12 руб. Мануфактурный, бакалейный и галантерейный товаръ—сплошь бракъ петербургскаго и московскаго рынка—сбывается втридорога.

Стоитъ ли уже говорить о томъ, что большинство лицъ, на обязанность которыхъ возлагается та или другая функція государственной и общественной дѣятельности въ краѣ, составляютъ или неудачники, или безнадежные... Уѣхать изъ Петербурга или Москвы служить въ Одессу, на Кавказъ, даже въ Туркестанъ, Самаркандъ и Батумъ стало до такой степени понятіемъ простымъ, нормальнымъ, ничѣмъ не пугающимъ, что слово „далеко“ потеряло уже свое прямое значеніе—и въ то же время понятіемъ „далеко“ обнимаются рѣшительно въ равной степени такіе пункты, какъ Сахалинъ, Кола, Кемь, Якутскъ, Повѣнецъ, Мезень...

Очевидно, что здѣсь понятіе „далеко“ рисуетъ не разстояніе, а главнымъ образомъ недоступность и изолированность и полную безпріютность такихъ уголковъ нашего Сѣвера, какъ Кемь, Повѣнецъ, Мезень и друг. Даже природа нашего Сѣвернаго края рисуется въ воображеніи каждаго въ десять разъ мрачнѣе, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ.

Мало кому извѣстно, что даже на Соловецкихъ островахъ у монаховъ огороды не только кормятъ и даютъ запасы на 1,000 человѣкъ, но ихъ капуста, свекла и картофель продаются въ поморье... Сѣверные норвежскіе города Варде, Вадсэ, Гамерфестъ, находясь въ гораздо худшихъ условіяхъ, являются центрами интелигентной жизни, съ газетами, клубами, учены-

ми обществами, телеграфами и электрическимъ освѣщеніемъ.

Возможность сообщенія, путь съ опредѣленнымъ направленіемъ, гарантирующій какую нибудь срочность и безопасность—великое дѣло въ вопросахъ культуры населенія и правильной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ. Ничего этого нѣтъ у нашего Сѣвера. Путь паломниковъ къ Соловецкимъ святынямъ—подвижническій. Мытарства на немъ и преодолѣваемыя трудности составляютъ неотъемлемую часть того обѣта, который ведетъ богомольцевъ къ Соловецкому монастырю, и для тысячъ народа, которые несутъ свои молитвы и гроши на далекій Сѣверъ, этотъ путь—только тернистый путь; но для интересовъ культуры, для промышленности и торговли—это не путь.

Медленно, еле замѣтно намѣчаются и ползутъ новые пути къ нашему Сѣверу: съ одной стороны тянутся туда финляндскія желѣзныя дороги, съ другой—проложенъ земствомъ почтовый трактъ отъ Повѣнца на Сумскій посадъ и намѣченъ Бѣломорско-Онежскій водный путь. Когда-нибудь оживится и сѣверное поморье, и жизнь, и служба тамъ не будутъ, какъ теперь, наказаніемъ и ссылкой въ отдаленныя мѣста.

Типичнымъ образцомъ такихъ заброшенныхъ медвѣжьихъ угловъ почти въ самомъ началѣ намѣченнаго Бѣломорско-Онежскаго пути можетъ служить село Надвоицкое. Оно лежитъ въ глуши нашего Сѣвернаго края, на границѣ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губерніи и Кемскаго уѣзда Архангельской губерніи. Основалось оно давно новгородскими выселенцами Калинкиными у выхода большой рѣки Сѣверный Выгъ, изъ озера Выгъ, на правомъ высокомъ берегу, у самыхъ Надвоицкихъ водопадовъ.

Рѣка Сѣверный Выгъ, выйдя изъ озера тихимъ плесомъ за селомъ, надаетъ тремя водопадами (по мѣстному надунами), высотою до 3 саженей, и ниже разливаетъ свои воды въ озеро Воицкое, а потомъ опять шумитъ и реветъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ въ Шаванскихъ порогахъ, потомъ опять озеро, опять пороги и такъ до самаго Бѣлаго моря, въ которое вливается эта рѣка нѣсколькими каскадами у поморскаго села Сороки.

Огромная площадь озера Выгъ (до 40 в. длины и 10 в. ширины) съ массою вѣчно зеленыхъ лѣсистыхъ острововъ (до 300), вѣковые дремучіе лѣса прижавшіеся къ самому берегу рѣки, вѣчный немолчный вой и ревъ падуновъ дѣлаютъ окрестности села Надвоицкаго очень живописными. Рѣзкіе контрасты цвѣтущихъ луговъ и зрѣющихъ нивъ и тутъ-же за рѣкой безпросвѣтная лѣсная глушь вѣковыхъ сосенъ и елей; угрюмые мшистые отроги каменныхъ хребтовъ и кудрявыя рощи и куртины ольхи и березняка; зеркальная поверхность озера и бѣлая пѣна водопадовъ—все это сосредоточено на небольшомъ пространствѣ вокругъ села—дѣлаетъ этотъ уголокъ и живописнымъ, и разнообразнымъ. Охота на лѣсную и болотную дичь, обильная рыбная ловля (харіусъ, сигъ, семга и др.), навѣрно заманили-бы къ себѣ много любителей спорта и природы, но дальность разстоянія и главное трудность сообщенія даютъ возможность очень немногимъ заглянуть туда и, побывавъ тамъ, навсегда сохранить воспоминаніе о живописныхъ картинахъ глухаго села.

Когда-то село Надвоицкое было бойкимъ мѣстомъ, какъ лежавшее на пути рыбнаго и пушнаго торга сѣвернаго поморья съ центромъ Россіи—здѣсь-же встрѣчались и провожались соловецкіе богомольцы.

Но промыслa затихли, торгъ упалъ, извозъ сталъ мало выгоднымъ промысломъ, поморье все заснуло, а съ нимъ опустились и обѣднѣли всѣ сѣверные села и поселки, жизнь ушла къ желѣзнымъ дорогамъ и широкимъ удобнымъ рѣкамъ, куда потянулись и люди, и деньги.

Поднялось было одинъ разъ село Надвоицкое и вся округа, когда въ 1745 году у самаго села на полуостровѣ между рѣкою Выгъ и губою озера, залившагося далеко въ глубь, сзади деревни была найдена кварцовая жила, проходящая въ тальковомъ сланцѣ, содержащая въ себѣ *самородное золото*, мѣдный колчеданъ и стекловатую мѣдную руду.

Толщина слоя мѣстами доходила до сажени, длина по простиранію горныхъ работъ на 32 сажени, въ глубину-же она была разработана, говорятъ, на 60 саж.

Надо замѣтить, что этою разработкой кварцовая жила далеко не вся вынута, потому что какъ въ глубину, такъ и въ ширину, по простиранію ея въ забояхъ, вездѣ продолжается еще жильный кварцъ.

Первыя работы на Воицкомъ мѣсторожденіи были начаты въ 1742 году, и вначалѣ добывались изъ него однѣ мѣдныя руды. Только въ 1745 году, какъ было упомянуто выше, замѣчено было самородное золото и тогда началось извлеченіе этого металла. Въ 1770 году всѣ работы въ рудникѣ были прекращены по дороговизнѣ средствъ для извлеченія металловъ; главное-же препятствіе къ дальнѣйшей разработкѣ руды составлялъ сильный притокъ воды и испорченный воздухъ въ шахтахъ. Въ 1793 году работы возобновились; была поставлена паровая машина для откачиванія воды, но уже въ слѣдующемъ 1794 году работы были оставлены въ третій и послѣдній разъ. На этотъ разъ собственно въ рудникѣ горныхъ работъ почти и не производили, и вѣроятно вся работа остановилась вслѣдствіе недостатка средствъ. Во время третьей попытки разрабатывать Воицкій рудникъ, пробы кварца, который былъ отбрасываемъ прежними рудокопами какъ безрудный, дали по протолочкѣ и промывкѣ 7½ золотниковъ золота на 150 пудовъ руды, т. е. 5 золотниковъ на 100 пудовъ, между тѣмъ какъ добыча золота даже при половинномъ его содержаніи, т. е. 2½ золотникахъ на 100 пудовъ руды считается не безвыгодною.

Развѣдки золота на сѣверѣ въ 1827 году опять дали признаки его въ толстыхъ кварцовыхъ жилахъ, проходящихъ въ діоритѣ. въ обнаженіяхъ берега рѣки Выгъ по близости оставленнаго Воицкаго рудника, но съ тѣхъ поръ вопросъ о Воицкомъ золотѣ затихъ совсѣмъ.

Въ этотъ-же промежутокъ времени были пробы добычи серебра изъ рудъ серебряной горы въ 3 верстахъ отъ села Надвоицкаго и добывалась слюда, но исторія этихъ попытокъ и ихъ результаты оставили по себѣ только слабое воспоминаніе въ дѣдовскихъ разсказахъ Надвоичанъ.

Можетъ быть и опять когда нибудь примутся за Воицкіе рудники и примутся навѣрное когда будетъ осуществленъ проектъ Бѣломорско-Онежскаго воднаго соединенія, на пути котораго лежитъ село Надвоицкое. **Н. В.**

Литературныя бесѣды.

М. Ю. Лермонтовъ.

Рядомъ съ именемъ Пушкина стоитъ въ русской литературѣ имя Михаила Юрьевича Лермонтова. Убитый на дуэли на 27 году жизни (въ 1841 г.), въ пору расцвѣта богатыхъ душевныхъ силъ своихъ, Лермонтовъ настолько интересовалъ ближайшее къ нему поколѣніе, пользовался въ немъ такимъ вліяніемъ, что, по свидѣтельству Бѣлинскаго, тогда возникалъ вопросъ, не выше ли онъ Пушкина. И до самаго послѣдняго времени удержалась мысль, что содержаніе Лермонтовской поэзіи, ея „точка зрѣнія“ на явленія жизни природы и человѣка,— выше Пушкинской. Былъ, однако, высказанъ Аполлономъ Григорьевымъ и совершенно иной взглядъ. Признавая въ дарованіи Лермонтова „великую возможность“, по его выраженію, т. е. допуская, что Лермонтовъ при тѣхъ душевныхъ силахъ, которыя онъ обнаружилъ, *могъ бы* создать величайшія произведенія, если бы не погибъ такъ рано; признавая, далѣе, что Лермонтовъ, какъ лирическій поэтъ, владѣлъ, въ особенности въ послѣднихъ стихотвореніяхъ, „мѣднымъ литымъ стихомъ“, и что лучше его не писалъ по-русски никто послѣ Пушкина,—Григорьевъ, смотря съ исторической точки зрѣнія на *дѣло* Лермонтова, взвѣшивая то *слово*, которое онъ завѣщалъ міру, находилъ, что „слово это далеко не такъ вѣско, какимъ оно казалось за нѣсколько лѣтъ назадъ“...

Мы видимъ, что и въ прежнихъ критическихъ взглядахъ на Лермонтова главную роль играетъ сравненіе его съ Пушкинымъ, хотя всякія сравненія двухъ одинаково великихъ писателей считаются вообще (и справедливо) безплодными. И это обстоятельство не случайно. Лермонтовъ можетъ быть понятъ, значеніе его можетъ быть оцѣнено только по отношенію къ Пушкину, но сравненію съ величайшимъ русскимъ поэтомъ. Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ и по своему дарованію, и по своей всей поэтической дѣятельности представляетъ, такъ сказать, продолженіе Пушкина; обоихъ поэтовъ связываетъ очевидная общность идей, одни и тѣ же образы и мысли занимаютъ ихъ, одни и тѣ же стремленія дѣлаютъ ихъ родственными другъ другу по духу, и только каждый изъ нихъ вноситъ въ свои созерцанія жизни особыя своеобразныя свойства и черты. Лермонтовъ не открывалъ новыхъ міровъ для искусства; говоря проще, онъ не указалъ, какъ Гоголь и и какъ, даже, напр., Островскій, новыхъ сторонъ русской жизни или русской мысли; онъ вращается все въ томъ же кругу образовъ и мыслей, которые мы находимъ у Пушкина. И потому-то о немъ невозможно говорить, не говоря въ то же время о Пушкинѣ: онъ написалъ „Героя нашего времени“, но этотъ „герой“ — Пушкинскій Онѣгинъ, разсматриваемый съ другой точки зрѣнія; онъ въ прекрасномъ стихотвореніи выразилъ идею Пророка, но эта идея, только иначе, съ геніальною силой выражена Пушкинымъ, и т. д., и т. д. Даже, повидимому, оригинальнѣйшія произведенія Лермонтова, какъ „Демонъ“ и „Мцыри“, — и тѣ имѣютъ свои первообразы и источники у Пушкина. Этимъ вполнѣ опредѣляется значеніе Лермонтова въ *исторіи* русской поэзіи; въ этой исторіи не могло быть Лермонтовскаго періода, какъ были періоды Пушкинскій и Гоголевскій. И въ этомъ смыслѣ сравненіе Лермонтова съ Пушкинымъ невозможно. Пушкинъ создавалъ свои произведенія вполнѣ самостоятельно, изъ сырого матеріала, возможное назначеніе и употребленіе котораго онъ угадалъ; онъ былъ начинателемъ и великимъ исполнителемъ русской литературы; Лермонтовъ же былъ работникомъ на готовомъ полѣ, работ-

никомъ съ великими силами, обнаружившимъ высокую самобытность и потому двинувшимъ впередъ дѣло Пушкина, но все же только продолжателемъ начатаго уже дѣла.

Обыкновенному читателю, даже вообще всякому „читателю", однако, по правдѣ сказать, не слишкомъ много дѣла до собственно исторической стороны литературнаго произведенія. Онъ, читатель, судитъ по своему непосредственному впечатлѣнію, по тому, что дало ему произведеніе пережить и перечувствовать. И вотъ, съ этой-то точки зрѣнія поэзія Лермонтова, дѣйствительно, соперничаетъ до извѣстной степени съ поэзіей Пушкина. Во всей русской литературѣ нѣтъ, не было, а быть можетъ и не будетъ поэта, который съ такою поражающею силою дѣйствовалъ бы на читателя, какъ Лермонтовъ. Его „желѣзный", по его же собственному выраженію, стихъ вонзается въ душу читателя, возбуждая въ ней сложную игру чувствъ и мыслей съ такою силою, которой противостоять невозможно. Говоря словами самого поэта (въ стихотвореніи „Сосѣдъ"), когда читаешь его стихотворенія,—

„Въ груди... все оживаетъ вновь,
„И мысли далеко несутся.
„И полонъ умъ желаній и страстей,
„И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
„Какъ звуки, другъ за другомъ льются"...

придаетъ его поэзіи характеръ и силы, и нѣкоторой односторонности. Въ Лермонтовѣ жило чувство постоянной неудовлетворенности, развитое въ немъ къ тому же поэзіею Байрона: міръ казался ему полнымъ огромныхъ противорѣчій разуму и нравственной справедливости, и потому возбуждалъ въ немъ безграничное чувство печали. И во всѣхъ явленіяхъ жизни, на которыя онъ обращалъ свое поэтическое вниманіе, онъ искалъ и находилъ печальныя черты, оправдывающія его чувство. Не всегда источникъ этой печали лежалъ въ явленіяхъ жизни, скорѣе онъ исходилъ изъ души автора.

И вотъ, вращаясь среди идей, мыслей и образовъ, тѣхъ самыхъ, которыми жилъ Пушкинъ, Лермонтовъ передѣлывалъ ихъ по своему душевному строю, ихъ отрицательныя черты дѣлалъ предметомъ своего вдохновенія. Пушкинъ видѣлъ въ поэтѣ человѣка, которому Творецъ, одарившій его чуткимъ слухомъ и вѣщими очами, тѣмъ самымъ предписалъ „возстать и, обходя моря и земли, глаголомъ жечь сердца людей". У Лермонтова—это человѣкъ, который именно за то, что онъ „исполнился волею Бога", изгнанъ людьми, угрюмъ, и худъ, и блѣденъ, нагъ и бѣденъ, презираемъ всѣми, и про котораго „старцы дѣтямъ говорятъ":

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
„Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами:

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Село Покровское, Екатеринославской губ".
Съ карт. **С. П. Васильковскаго** (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ **„Нивѣ"**), грав. Шюблеръ.

„Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
„Что Богъ гласитъ его устами!"...

Читатель, подъ вліяніемъ этой силы, не спрашиваетъ себя, какое чувство вызываетъ въ немъ авторъ, опредѣлимо ли, справедливо ли оно (а такой вопросъ, какъ увидимъ, нерѣдко умѣстенъ),—онъ просто не въ силахъ не покориться ему: разборъ, разсужденіе, анализъ приходятъ только позже. Намъ приходилось, въ статьяхъ о Пушкинѣ, объяснять, что великій поэтъ въ этомъ отношеніи представляетъ нѣчто иное; не смотря на его исключительно, какъ извѣстно, страстную натуру, въ его стихотвореніяхъ разлито всегда такое ясное, можно сказать — прозрачное, простое, повидимому всѣмъ доступное чувство. У Лермонтова, напротивъ, за рѣдкими исключеніями, чувство носитъ печать какой-то необыкновенной силы и въ то же время обыкновенно неопредѣленности, загадочности. Читателю все кажется, что какъ ни сильно выражено чувство Лермонтовымъ,—онъ все-таки и половины не высказалъ того, что было у него въ душѣ; чувство и мысль поэта кажутся читателю необъятными, безграничными, и въ этомъ, нужно сказать, заключается своего рода очарованіе.

Чтобы понять источникъ этихъ свойствъ Лермонтовской поэзіи, необходимо обратиться къ ея содержанію. И здѣсь мы снова должны обратиться къ исторической сторонѣ дѣла и къ сравненію нашего поэта съ Пушкинымъ. Пушкинъ отзывался своею истинно поэтическою душою на разнообразнѣйшія явленія жизни природы и человѣка. По самой сущности своей „гармонической" натуры, натуры стройно созданной, онъ отвѣчалъ поэтическимъ безпристрастіемъ, подобнымъ безпристрастію природы. И потому у него нѣтъ исключительно любимыхъ явленій и исключительно не-любимыхъ, для его поэтическаго описанія и разсмотрѣнія годилось все, что такъ или иначе волновало его нравственное и эстетическое, поэтическое чувство. Лермонтовъ, напротивъ, поэтъ, носящій на себѣ тяжелую печать первенствующей въ немъ, все одной, постоянной думы, одного первенствующаго чувства, которое

Нѣтъ сомнѣнія, что если Лермонтовъ и правъ въ этомъ стихотвореніи, то только отчасти, и его личная слава, его вліяніе не служатъ ли опроверженіемъ его печальнаго взгляда? Пушкинъ, бравшій другую сторону дѣла, умалчивавшій о томъ, что на трудномъ пути предстоитъ пророку, и только звавшій къ живой и великой дѣятельности, несомнѣнно цѣлостнѣе и справедливѣе Лермонтова.

„Пророкъ"—характернѣйшее произведеніе, выдающее смыслъ воззрѣній Лермонтова. И если сказать при этомъ, что оно написано въ послѣдніе дни жизни поэта, то это нѣсколько раскрываетъ и то будущее, которое было бы въ дѣятельности поэта, если бы онъ остался жить. Но если личное настроеніе, „субъективное" отношеніе къ явленіямъ жизни сказывается такъ ярко въ этомъ стихотвореніи, то въ другихъ оно еще очевиднѣе. Помните-ли, напр., „Послѣднее новоселье"? Фактъ несомнѣнно для поэта отрадный, перевезеніе праха Наполеона I во Францію съ острова Св. Елены, вызываетъ строки страстнаго негодованія поэта противъ тѣхъ, кто не былъ виноватъ въ надсміи Наполеона. „Ты жалкій и пустой народъ!"—хочется поэту сказать французамъ за то, въ чемъ этотъ народъ исторически виноватъ не былъ.

Это же самое стихотвореніе привлекаетъ вниманіе на другое свойство поэзіи Лермонтова по отношенію къ ея содержанію. Отрицая дѣйствительность, нужно имѣть идеалы. Но среди идеаловъ Лермонтова мы встрѣчаемъ, какъ у Гейне, преклоненіе передъ Наполеономъ, права на которое во всякомъ случаѣ спорны. Что влекло поэта въ этомъ направленіи? Поэзія Лермонтова даетъ на это отвѣтъ довольно ясный. Все будничное, безспорно отличающееся отсутствіемъ всякаго величія, все шаблонное, надоѣдливое,—все это отталкиваетъ поэта. Но отсюда логически вытекаетъ возможность,

если не необходимость, возвеличеній необыкновеннаго, изъ ряду выходящаго, безъ достаточной оцѣнки нравственныхъ свойствъ этого необыкновеннаго. И у Лермонтова эта черта сказывается ярко. Не одинъ Наполеонъ является предметомъ вдохновенія и поклоненія, а напр., и Хаджи-Абрекъ, какъ олицетвореніе страстной мести. Въ его лирическихъ стихотвореніяхъ есть, однако, черты, показывающія, что мятежный духъ поэта находилъ и примиреніе въ чувствѣ религіозномъ, съ одной стороны, а съ другой—въ чувствѣ любви къ отчизнѣ. Этими чувствами запечатлѣны такіе перлы поэзіи его, какъ „Я, матерь Божія...“ „Когда волнуется желтѣющая нива...“ „Бородино“, „Пѣсня про царя Ивана Васильевича“ и пр. Въ

„Русскіе террористы“ въ Парижѣ. Арестованіе Рейнштейна и его жены. По рис. М. Т.

Лермонтовъ является въ русской литературѣ представителемъ отрицанія еще не уяснившаго себѣ предметовъ, противъ которыхъ оно направлено. Въ его лирическихъ стихотвореніяхъ... них, быть можетъ, мы и должны видѣть залогъ предстоявшаго, но къ несчастію для русской литературы прерваннаго развитія поэта.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Бенаресъ. (Рис. на стр. 585 и 588).

На лѣвомъ берегу Ганга, по желѣзной дорогѣ, ведущей изъ Калькутты въ Дели, въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ нея отдѣляется вѣтвь на сѣверъ въ Файзабадъ, лежитъ Бенаресъ, одинъ изъ замѣчательныхъ и значительныхъ городовъ Индіи. Съ незапамятныхъ временъ въ немъ сосредоточилась браминская ученость. Оттого Бенаресъ почитается самымъ священнымъ городомъ у индусовъ и въ него отовсюду стекаются благочестивые поклонники Брамы. Около 8,000 домовъ населены только браминами, и обитатели ихъ живутъ доброхотными даяніями и милостыней паломниковъ. Много знатныхъ и богатыхъ индусовъ изъ различныхъ странъ содержатъ въ Бенаресѣ собственныя пагоды и платятъ подати жрецамъ и нищимъ; у многихъ индусскихъ князей, живущихъ вдали отъ Бенареса, построены въ городѣ дворцы, гдѣ они останавли-

ваются на время праздниковъ и могутъ, на склонѣ лѣтъ, сложивъ съ себя государственныя заботы, провести послѣднiе дни своей земной жизни. Умереть въ священномъ городѣ и затѣмъ быть брошеннымъ въ святыя воды Ганга—почитается у брамина величайшимъ счастiемъ и вѣрнымъ средствомъ найти вѣчное успокоенiе на лонѣ божества. Сотни тысячъ паломниковъ стекаются въ Бенаресъ въ извѣстное время. Лѣстницы или уступы, такъ-называемые „Гаты“ (изображенные на стр. 588), ведущiе съ высокаго берега къ водѣ, даже въ самое жаркое время дня, бываютъ покрыты толпами мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые совершаютъ молитвы и омовенiе или наполняютъ сосуды священною водою Ганга. Эту воду, въ круглыхъ сосудахъ, разносятъ и разсылаютъ по всему Индостану. Въ городѣ насчитываютъ до 1,454 индусскихъ храмовъ и 272 мечети. Величественный и чудесный видъ представляетъ городъ, если смотрѣть на него со стороны рѣки, ширина которой достигаетъ въ половодье 360 сажень. Посреди множества зданiй невольно приковываетъ взоръ Дазамедъ-Гатъ, гдѣ непремѣнно побываетъ каждый индусъ, чтобы поклониться Брамѣ; далѣе высится надъ окружающими зданiями мечеть Аурензеба со своимъ стройнымъ минаретомъ, высотою болѣе 16 саж. Но среди дворцовъ и храмовъ, ютятся бѣдныя лачуги и незатѣйливыя лавки торгашей. Въ настоящее время Бенаресъ насчитываетъ до 200 тысячъ жителей, изъ которыхъ три четверти индусовъ.

„Пугу!“ (Рис. на стр. 589).

Запорожье, какъ извѣстно, представляло собою патрiархальную общину. Здѣсь всѣ были братьями по вѣрѣ, языку, нравамъ, занятiямъ, обязанностямъ и обычаямъ. Обычаи же запорожцевъ отличались своеобразiемъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ. Когда запорожцу нужно было дать знать о себѣ такъ, чтобы непосвященные не примѣтили этого, напр. когда онъ подъѣзжалъ къ знакомой корчмѣ и не рисковалъ прямо войти въ нее, чтобы не наткнуться на проѣзжихъ поляковъ, или дать вѣсть о своемъ прибытiи на выручку товарищу томившемуся въ плѣну, или вообще просить гостепрiимства въ ночное время у воротъ прiятельскаго дома, — онъ прибѣгалъ къ особому условленному способу, подражая крикамъ филина, которые чрезвычайно похожи на протяжно произнесенное слово: „пу-гу!“ Этотъ условленный сигналъ, далеко и четко слышимый въ тишинѣ ночи, тотчасъ отворялъ ему гостепрiимныя двери.

Рачникъ-промышленникъ. (Рис. на стр. 593).

Ловля раковъ производится различными способами и снарядами. Самый простой состоитъ въ томъ, что люди, знакомые съ мѣстностью, просто входятъ въ воду и достаютъ раковъ руками изъ береговыхъ норокъ, или изъ-подъ камней и корягъ, гдѣ они прячутся. Чаще же всего ловятъ раковъ посредствомъ такъ-называемыхъ *круговъ*. „Кругомъ“ называется саковидная сѣть, придѣланная къ желѣзному или деревянному обручу, который посредствомъ трехъ бичевокъ привѣшивается къ концу длинной палки. Посрединѣ сѣти помѣщается, въ видѣ приманки, кусокъ мяса или рыбы, и она опускается на дно (съ грузиломъ, если обручъ деревянный). Обыкновенно опускаютъ нѣсколько круговъ въ нѣкоторомъ разстоянiи другъ отъ друга, и затѣмъ поочередно поднимаютъ ихъ изъ воды черезъ небольшiе промежутки времени, и вытряхиваютъ въ лодку попавшихся раковъ. Лодки употребляются для этого большею частью крошечныя, такъ-называемыя душегубки.

Встрѣча В. К. Владимiромъ Александровичемъ тѣла покойнаго Герцога Лейхтенбергскаго.

(Рис. на стр. 596).

12 октября 1877 г., во время рекогносцировки одного изъ передовыхъ отрядовъ армiи Государя Императора, въ то время Наслѣдника Цесаревича, къ югу отъ Рущука, по направленiю къ Кадыкiою, былъ пораженъ вражьею пулею Герцогъ Лейхтенбергскiй, Сергiй Максимилiановичъ. Пуля попала въ околышъ фуражки, возлѣ кокарды и пробила черепъ. Молодой, 27-лѣтнiй герой палъ на полѣ битвы, въ полномъ блескѣ почестей, которыя были достойною наградою его мужества и неустрашимости, во все время нахожденiя Его Высочества на мѣстѣ военныхъ дѣйствiй въ памятную всѣмъ русскимъ послѣднюю турецкую войну. Смерть постигла Князя Сергiя Максимилiановича на глазахъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимiра Александровича, который поспѣшно направился къ пораженному, но нашелъ его уже бездыханнымъ. Эта трогательная сцена и послужила содержанiемъ прекрасной картины П. Ковалевскаго, гравюру съ которой читатели найдутъ на стр. 596.

На вакацiи. (Рис. на стр. 597).

Два гимназистика, вооружась отцовскимъ ружьемъ и не умѣя еще стрѣлять въ летъ, съ терпѣнiемъ достойнымъ лучшаго дѣла, выманиваютъ перепела изо-ржи, подражая крику перепелки. Одинъ изъ нихъ держитъ видимо скучающую собаку, которая могла бы только помѣшать горе-охотникамъ, вспугнувъ птицу.

„Село Покровское“. Картина Васильковскаго.

(Рис. на стр. 600).

Селъ Покровскихъ нѣсколько въ Екатеринославской губернiи. Самое замѣчательное изъ нихъ расположено на мѣстѣ послѣдняго коша Запорожскаго (Сѣчи), существовавшаго съ 1734 по 1775 г., когда Сѣчь была уничтожена генераломъ Текели, по волѣ императрицы Екатерины II. Талантливый пейзажистъ С. И. Васильковскiй въ своей картинѣ прекрасно передалъ характеръ южно-русскаго села.

Арестованiе русскихъ террористовъ въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 601).

Въ *Политическомъ Обозрѣнiи* читатели прочтутъ, что во Францiи захвачена шайка террористовъ производившихъ въ окрестностяхъ Парижа опыты съ разрывными снарядами и хранившихъ у себя заряженныя бомбы различныхъ форматовъ и видовъ: Ашкинази, Бердичевскiй, Дембскiй, Кашинцевъ (онъ же Ананьевъ), Лавренiусъ, Мендельсонъ, Накатичъ (онъ же Накашидзе), Орловъ (онъ же Вольгринъ), Рейнштейнъ съ женою, Степановъ, Тепловъ (онъ же Львовъ) и двѣ женщины: Өедорова и Бромбергъ. Этимъ положенъ конецъ приготовленiямъ къ какому-то варварскому покушенiю, то-есть оно предупреждено во-время. Взято съ поличнымъ четырнадцать человѣкъ; всего же въ Парижѣ, говорятъ, двадцать шесть террористовъ, большею частiею, какъ и арестованные,—евреевъ: въ общемъ количествѣ двадцати шести, говорятъ, лишь четверо русскихъ. Что касается главы ихъ, извѣстнаго Лаврова, то у него ограничились обыскомъ, причемъ снарядовъ не нашли, ибо Лавровъ лишь подстрекаетъ, а у себя опасныхъ вещей не держитъ. Впрочемъ, забрали всѣ бумаги, гдѣ, какъ полагаютъ, заключается много именно заговорныхъ нитей, доходящихъ до самаго клубка и доводящихъ до него слѣдователя. Судебный слѣдователь Атталенъ энергически допрашиваетъ одного изъ главныхъ динамитчиковъ, Бориса Рейнштейна, имѣющаго отъ роду 23 года и родившагося въ Могилевѣ. Его жена, также арестованная, рожденная Мойлова (Mojilowa), 24 лѣтъ. Оба они вмѣстѣ изготовляли динамитъ, имѣя нѣчто въ родѣ настоящей динамитной фабрики. Такъ, динамитъ, коимъ были начинены бомбы найденныя у Сусанны Бромбергъ, былъ сфабрикованъ супругами Рейнштейнъ.

Когда цюрихскiе террористы, послѣ тамошней прошлогодней бомбической исторiи и высылки оттуда, перебрались въ Парижъ, они примкнули къ убiйцамъ, группирующимся вокругъ Лаврова, и стали, подъ руководствомъ Дембскаго, практиковать дальнѣйшее усовершенствованiе разрывныхъ снарядовъ. Это, повидимому, удалось: самая большая бомбочка теперь—меньше дѣтскаго кулака, а есть и въ половину куринаго яйца, причемъ эта послѣдняя—на ихъ опытахъ въ Рэнси—дѣлала серьозную дыру въ столѣтнемъ деревѣ, глубокую, насквозь, и съ разрывомъ ствола вокругъ.

Вотъ списокъ снарядовъ найденныхъ у Рейнштейна и отобранныхъ полицейскимъ коммиссаромъ Клеманомъ:

Пакетъ опилокъ порфиризованнаго желѣза, пакетъ такого же цинка и сѣрнистаго натра, съ ярлыкомъ одной цюрихской аптеки; пачка марганцовокислаго кали, затѣмъ пачки: цiанистаго кали, солей ртути, много запаловъ, капсюлей; двѣ цилиндрическiя бомбы, мѣдныя, начиненныя и опущенныя въ воду. Затѣмъ найденъ цѣлый складъ всевозможныхъ матерiаловъ служащихъ для фабрикацiи взрывныхъ веществъ и всѣ лабораторныя принадлежности.

Парижскiй корреспондентъ *Times* сообщаетъ, что годъ тому назадъ онъ имѣлъ свиданiе съ Дембскимъ, когда тотъ находился въ госпиталѣ послѣ извѣстнаго взрыва бомбы, убившаго Бринштейна. Дембскiй—сильный мужчина лѣтъ 32, хорошо говорящiй по-французски и по-нѣмецки. Онъ былъ не въ состоянiи двинуться и тѣмъ не менѣе заявлялъ что не думаетъ отступаться отъ дѣла терроризма. Разрывъ бомбы у его ногъ ничего де не значитъ, и какъ только онъ оправится, онъ снова примется за старое. Онъ отрицалъ существованiе заговора, но заявилъ, что о террористахъ еще услышатъ.

Въ самый день смерти Бринштейна, въ Цюрихъ явился Мендельсонъ, находился въ квартирѣ убитаго Бринштейна и немедленно послѣ похоронъ послѣдняго исчезъ, а одновременно съ этимъ исчезли 30 бомбъ. Ихъ сдѣлано было въ Цюрихѣ больше 40, а найдено всего лишь 13. Полицiя убѣждена что Мендельсонъ увезъ ихъ съ собой въ Парижъ.

Рейнштейнъ также извѣстенъ въ Швейцарiи. Онъ былъ путешествующимъ агентомъ партiи террористовъ. Рисунокъ нашъ изображаетъ арестованiе Рейнштейна съ его женою въ Парижѣ.

Николае-Максимилiановская медаль.

(Рис. на стр. 604).

Прилагаемъ изображенiе медали, имени Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимилiановича Романовскаго, Герцога Лейхтенбергскаго, учрежденной ко дню двадцатипятилѣтняго юбилея дѣятельности Его Высочества въ званiи президента Минералогическаго общества, для награжденiя ею ежегодно, въ видѣ почетной премiи, авторовъ лучшихъ сочиненiй по минералогiи, геологiи и палеонтологiи.

Первый экземпляръ ея и былъ поднесенъ Его Высочеству въ торжественный день юбилея, какъ дань его заслугамъ по минералогіи вообще и Минералогическому обществу въ частности. Работа медали принадлежитъ извѣстному и талантливому медальеру, г. Грилихсу младшему.

Генералъ-лейтенантъ А. М. Смѣкаловъ.

(Портр. на стр. 604).

Скончавшійся 2 февраля начальникъ Терской области и наказной атаманъ Терскаго казачьяго войска, генералъ-лейтенантъ Алексѣй Михайловичъ Смѣкаловъ происходилъ изъ извѣстнаго дворянскаго рода Вологодской губерніи. Родился онъ 10 марта 1838 г. и слѣдовательно умеръ еще не имѣя 52 лѣтъ отъ роду, въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и способностей. 18-ти лѣтъ покойный окончилъ курсъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и лѣтомъ 1856 года вступилъ въ военную службу прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, по окончаніи курса Николаевской академіи генеральнаго штаба въ декабрѣ 1860 года былъ причисленъ къ генеральному штабу и назначенъ состоять при главномъ штабѣ Кавказской арміи. По производствѣ въ подпоручики, Смѣкаловъ, въ сентябрѣ 1861 года, прибылъ въ Тифлисъ. Такимъ образомъ, съ первыхъ шаговъ въ своей практической жизни Смѣкаловъ попалъ въ самый центръ кипучей дѣятельности — на Кавказъ, гдѣ въ это время, близкое еще къ послѣднимъ моментамъ борьбы съ горцами, шла усиленная работа по замиренію ихъ и развитію въ нихъ началъ гражданственности. Въ ноябрѣ 1863 г. онъ получилъ новое назначеніе — дѣлопроизводителемъ канцеляріи по управленію кавказскими горцами. Къ этому-же времени относится и первое участіе покойнаго въ бою: осенью 1864 г. онъ находился въ составѣ Даховскаго отряда и участвовалъ въ дѣлахъ съ горцами.

Въ 1865 году Смѣкаловъ уже исправлялъ должность правителя канцеляріи, а въ 1867 г. былъ произведенъ въ подполковники и утвержденъ въ должности правителя канцеляріи начальника Терской области.

Къ концу шестидесятыхъ годовъ относится дѣятельное участіе покойнаго въ составленіи и приведеніи въ дѣйствіе Положенія объ освобожденіи зависимыхъ сословій, существовавшихъ въ горскихъ племенахъ Кавказа. Съ 1 января 1871 г. Смѣкаловъ оставляетъ канцелярію и назначается вице-губернаторомъ въ Терской области, съ зачисленіемъ по армейской пѣхотѣ.

30 августа 1876 г. Смѣкаловъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ помощникомъ начальника Терской области и съ зачисленіемъ по генеральному штабу. Здѣсь мирная дѣятельность по административному управленію краемъ была прервана разыгравшимся, во время войны съ Турціей, возстаніемъ нѣкоторыхъ горскихъ народностей въ Терской и Дагестанской областяхъ. Состоя съ августа 1877 по августъ-же 1878 г. начальникомъ отдѣльныхъ отрядовъ, покойный Смѣкаловъ выказалъ много мужества и распорядительности, онъ награжденъ былъ орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени, а вообще за дѣла съ мятежниками — орденомъ Св. Станислава 1-й степени. Высочайшимъ приказомъ 4 апрѣля 1881 г. Смѣкаловъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Батумской области, съ оставленіемъ въ генеральномъ штабѣ. Въ іюнѣ 1883 г. состоялось преобразованіе военно-народнаго управленія Кавказскимъ краемъ, по которому Батумская область была присоединена къ Кутаисскому военному губернаторству, вслѣдствіе чего Смѣкаловъ былъ назначенъ кутаисскимъ военнымъ губернаторомъ. Въ 1886 г. онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а 11 февраля 1887 г., послѣ шестилѣтняго отсутствія изъ Терской области, возвращенъ въ нее начальникомъ области и наказнымъ атаманомъ Терскаго казачьяго войска. Въ 1888 г. состоялось новое положеніе о преобразованіи управленія ею, тогда-же была введена воинская повинность среди туземнаго населенія края. Смѣкаловъ принималъ горячее и непосредственное участіе въ организаціи этого новаго дѣла, за что ему было объявлено Монаршее благоволеніе. Въ 1889 г. онъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла. Все время управленія краемъ прошло въ непрерывныхъ хлопотахъ и занятіяхъ: Смѣкаловъ трудился и работалъ такъ, какъ только можетъ работать человѣкъ его выдававшихся способностей. До того самаго момента, пока тяжкій недугъ не уложилъ его въ постель, онъ не оставлялъ занятій и интересовался дѣлами, какъ только чувствовалъ хоть малѣйшее облегченіе.

По кончинѣ его, вдова покойнаго, Екатерина Михайловна Смѣкалова, удостоилась полученія отъ Государыни Императрицы телеграммы слѣдующаго содержанія:

„Петербургъ. 4 февраля, 12 час. 21 мин. пополуночи.

„Генеральшѣ Смѣкаловой.

„Не могу высказать вамъ всей Моей скорби по поводу столь жестоко поразившаго васъ великаго несчастія; примите выраженіе полнѣйшаго Моего сочувствія и живаго участія, которое Государь и Я принимаемъ въ вашемъ горѣ.

„*МАРІЯ*".

Георгій Бранковичъ, сербскій Карловацкій патріархъ.

(Портр. на стр. 605).

Избраніе темешварскаго епископа Георгія Бранковича Сербскимъ патріархомъ автономной венгерской православной церкви, состоявшееся 7 (19) апрѣля, не составляетъ особо знаменательнаго событія въ славянскомъ мірѣ, такъ какъ онъ остался попрежнему „мадьярономъ", членомъ правительственной партіи и лицомъ угоднымъ венгерскому правительству; но, съ другой стороны, въ противуположность предшественнику своему, печальной памяти Анджеличу, новый патріархъ по крайней мѣрѣ пользуется сочувствіемъ венгерскихъ сербовъ, которые довольны уже и тѣмъ, что онъ выбранъ ихъ церковно-народнымъ соборомъ въ Карловицахъ, а не навязанъ имъ, какъ его предшественникъ, правительствомъ.

Георгій Бранковичъ родился 1 (13) марта 1830 г., въ деревнѣ Кульпинѣ, Бачскаго комитата, въ семьѣ мѣстнаго священника. Послѣ школы въ Сентѣ онъ послѣдовательно учился въ гимназіяхъ Вербасской, Байской и Надьи-Керешской, гдѣ и окончилъ курсъ къ 1848 году. Венгерская революція помѣшала ему продолжать образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и вынужденный поступить на службу нотаріусомъ, онъ лишь въ 1852 году вступилъ въ число воспитанниковъ только-что учрежденной Карловицкой духовной академіи. Окончивъ курсъ въ 1855 году, онъ женился, служилъ въ епископской консисторіи въ Новомъ-Садѣ и былъ рукоположенъ во діакона, а черезъ годъ во пресвитера, вторымъ священникомъ въ Сентѣ, гдѣ настоятелемъ былъ его отецъ. Назначенный черезъ 9 лѣтъ настоятелемъ прихода въ Сомборѣ и черезъ три года директоромъ тамошней учительской семинаріи, Бранковичъ, овдовѣвшій еще въ 1866 году, былъ въ 1881 году избранъ карловацкимъ синодомъ во епископа Темешварскаго, по принятіи монашества въ Ковильскомъ монастырѣ.

Батарея Имшенецкаго для комнатнаго электрическаго освѣщенія.

(Рис. на стр. 605).

8 марта, въ Техническомъ Обществѣ, штабсъ-капитанъ Имшенецкій демонстрировалъ батарею своего изобрѣтенія, предназначаемую имъ для комнатнаго электрическаго освѣщенія.

Въ большихъ городахъ, гдѣ устроено уличное электрическое освѣщеніе, частныя лица, живущія на этихъ-же улицахъ, могутъ освѣщать электричествомъ и свои помѣщенія, для чего къ проводникамъ, проложеннымъ вдоль улицъ, обыкновенно подъ землей, припаиваются болѣе тонкія проволоки, по которымъ токъ идетъ въ частныя квартиры, магазины и т. д. Слѣдовательно всякій, живущій не на этихъ улицахъ, если желаетъ устроить у себя электрическое освѣщеніе, не можетъ пользоваться токомъ отъ центральной станціи, а долженъ завести свою собственную, въ составъ которой войдутъ двигатель и динамо-машина. Въ такихъ-же точно условіяхъ находятся всѣ живущіе въ тѣхъ городахъ, гдѣ совсѣмъ нѣтъ уличнаго электрическаго освѣщенія, и живущіе въ помѣстьяхъ, гдѣ въ электрическомъ освѣщеніи чувствуется особенно настоятельная нужда, напр. въ ригахъ, при сушкѣ хлѣба и т. п. Но завести электрическую станцію совсѣмъ не такъ легко, и главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка у насъ въ Россіи людей умѣющихъ обращаться съ механизмами. Все это заставляло электротехниковъ работать надъ улучшеніемъ гальваническихъ батарей, обращеніе съ которыми гораздо проще, чѣмъ съ динамо-машинами и двигателями; дѣйствительно, батарея является источникомъ тока, который можно помѣстить всюду; она не требуетъ ни газопровода, ни предварительнаго разведенія паровъ, дѣйствіе ся не зависитъ отъ массы случайностей; порча какой-нибудь одной или даже нѣсколькихъ частей не прекращаетъ освѣщенія, она не производитъ шуму, свѣтъ отъ нея не мигаетъ. Техники, работавшіе надъ батареями, старались, во-первыхъ, придумать для нихъ такую конструкцію, чтобы насколько возможно упростить манипуляціи заряжанія и разряжанія батареи; во-вторыхъ, отыскать такую комбинацію жидкостей и электродовъ, чтобы батарея при продолжительномъ дѣйствіи давала токъ сильный и постоянный, и въ-третьихъ, они изыскивали средства сдѣлать токъ отъ батареи дешевымъ. Кромѣ этихъ главныхъ задачъ были и другія, которыхъ нельзя было упускать изъ виду, а именно: жидкости батареи не должны выдѣлять вредныхъ или непріятныхъ газовъ, объемъ батарей долженъ быть по возможности не великъ, цѣна не высока и т. п.

Многимъ удавалось добиваться рѣшенія нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ задачъ, но практически примѣнимо можетъ быть только то изобрѣтеніе, которое удовлетворяетъ всѣмъ вышеозначеннымъ требованіямъ *въ совокупности*.

Повидимому только теперь, т. е. черезъ 90 лѣтъ послѣ изобрѣтенія перваго гальваническаго элемента, русскому электротехнику А. М. Имшенецкому удалось разрѣшить этотъ вопросъ. Батарея, изобрѣтенная имъ и демонстрированная въ Техническомъ Обществѣ, представлена на нашемъ рисункѣ.

Она состоитъ изъ 24 элементовъ, имѣющихъ видъ ящиковъ и установленныхъ на трехъ полкахъ; надъ ними имѣются два резервуара съ жидкостями, служащими для наполненія бата-

реи. Не вдаваясь въ описаніе подробностей устройства отдѣльныхъ элементовъ, скажемъ только. что для наполненія батареи надо при помощи каучуковыхъ шариковъ, видныхъ на рисункѣ, наполнить жидкостями сифоны, помѣщенные сбоку резервуаровъ, и открыть въ нихъ краны; жидкости при этомъ потекутъ сразу во всѣ восемь элементовъ, поставленные на верхней полкѣ, наполнятъ ихъ, затѣмъ остальныя жидкости, продолжающія поступать въ верхній рядъ элементовъ, черезъ особыя трубочки стекаютъ во второй рядъ, наполняютъ его, потомъ текутъ въ третій и т. д., во сколько-бы рядовъ ни стояли элементы; изъ послѣдняго ряда излишне налитыя жидкости вытекаютъ въ сосуды, помѣщенные подъ батареей. Для

Николае-Максимиліановская медаль, работы медальера Грилихса младшаго.

выливанія жидкостей изъ батареи надо открыть по два крана въ каждомъ элементѣ.

Изъ этого краткаго описанія читатели могутъ видѣть, что обращеніе съ батареей г. Имшенецкаго дѣйствительно весьма несложно. Что касается постоянства и силы тока, то въ первомъ, т. е. въ постоянствѣ тока, присутствовавшіе 8 марта на сообщеніи могли лично убѣдиться, такъ какъ батарея изъ 24 элементовъ давала цѣлый вечеръ свѣтъ, силою въ 236 свѣчей, при чемъ къ концу вечера лампы горѣли такъ же ярко, какъ и въ началѣ. Лампы были разной силы свѣта, отъ 6 до 20 свѣчей, и горѣли всѣ одновременно.

По заявленію докладчика, его элементъ можетъ стоить въ продажѣ около 10 р., слѣдовательно батарея на 50 лампъ изъ 92 элементовъ, около 1000 р.; предположивъ, что шкапы для батареи, баки, распредѣлители, коммутаторы и проч. будутъ стоить половину этой суммы, т. е. что цѣна такой батареи дойдетъ до 1500 р., окажется, что она будетъ много дешевле батареи Бунзена, даже безъ всякихъ принадлежностей, считая элементы Бунзена этой величины по 5 р., а всю батарею—3375 р.

Если сравнить стоимость батареи г. Имшенецкаго со стоимостью двигателя и динамо-машины, то опять-таки преимущество будетъ на сторонѣ батареи. Дѣйствительно: 50 лампъ по 16 св. требуютъ 5 лош. силъ; такой газовый двигатель стоитъ въ Петербургѣ 2350 р., а динамо-машина на 50 лампъ 800 р., слѣдовательно всего 3150 р.; при меньшихъ установкахъ разница будетъ еще значительнѣе. Мы приводимъ всѣ эти разсчеты, чтобы ознакомить читателей съ значеніемъ новаго русскаго изобрѣтенія.

Всего труднѣе давалось изобрѣтателямъ удешевленіе тока. Батареи, въ которыхъ вопросъ этотъ былъ рѣшенъ наилучшимъ образомъ, все-таки не могли быть примѣнены къ электрическому освѣщенію, потому что токъ, который онѣ давали, стоилъ въ 5 разъ дороже, чѣмъ отъ динамо-машинъ; г. Имшенецкій доказывалъ, что токъ отъ его батареи будетъ не дороже тока динамо-машинъ. Мы не будемъ приводить всѣхъ его доказательствъ, вслѣдствіе ихъ спеціальности; укажемъ только, что, по его заявленію, 16-ти-свѣчная лампа въ часъ будетъ стоить отъ 2 до 3 коп., при условіи осажденія изъ отработавшей жидкости окиси хрома известью, а этой послѣдней—сѣрною кислотой.

Мы слышали, что для эксплуатаціи этого изобрѣтенія сформировалась компанія, которая уже приступила къ устройству завода, какъ для фабрикаціи элементовъ, такъ и для переработки жидкостей, слѣдовательно въ скоромъ времени эти батареи появятся въ продажѣ (ихъ уже изготовляютъ въ СПБ., по Мѣщанской улицѣ, № 20).

Генералъ-лейтенантъ А. М. Смѣкаловъ. † 2 февр. 1890 г.
Съ фот. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Политическое обозрѣніе.

На-дняхъ открылись засѣданія австро-венгерскихъ делегацій. По обычаю императоръ, принимая ихъ, произнесъ рѣчи. Къ рѣчамъ, которыми открываются парламентскія сессіи и другія собранія представителей, Европа всегда чутко прислушивается, стараясь узнать изъ нихъ о положеніи дѣлъ какъ внутри страны, такъ и во внѣшней политикѣ.

Произнесенная тронная рѣчь императора Франца-Іосифа отличается миролюбіемъ. Въ ней онъ заявилъ, между прочимъ: „Съ искреннимъ удовольствіемъ принимаю ваши увѣренія въ вѣрноподданническихъ чувствахъ и благодарю васъ. Въ общемъ политическомъ положеніи и въ условіяхъ близко касающихся насъ балканскихъ земель никакихъ существенныхъ перемѣнъ съ прошлаго года не произошло. Дружественныя отношенія, существующія между нами и всѣми державами, усугубляютъ во мнѣ надежду на то, что мы и впредь будемъ пользоваться благами мира. Непрестанное развитіе нашихъ вооруженныхъ силъ должно по необходимости происходить въ возможно большей гармоніи съ важнымъ положеніемъ, которое Австро-Венгрія должна занимать рядомъ со своими союзниками и въ Европѣ. При установленіи общихъ кредитовъ на армію и флотъ мое правительство, добросовѣстно руководствуясь финансовыми условіями государства, должно было

ограничиться необходимымъ, хотя и представится неизбѣжнымъ, рядомъ съ дальнѣйшими мѣрами военной предосторожности, не упускать изъ виду требованій, предъявляемыхъ результатами, достигнутыми въ области стрѣльбы и фортификаціи.

Во время пріема при дворѣ императоръ бесѣдовалъ съ многими делегатами о нѣмецко-чешскомъ соглашеніи, причемъ сказалъ Ригеру, что соглашеніе должно состояться.

Австрійскія газеты, говоря о тронной рѣчи, выставляютъ на видъ сухой тонъ ея. Важнѣйшимъ мѣстомъ рѣчи *Fremdenblatt* считаетъ то, которое относится къ вооруженіямъ, причемъ замѣчаетъ, что если Австро-Венгрія желаетъ быть попрежнему равноправнымъ и желаннымъ союзникомъ, то она должна неустанно стремиться къ улучшенію своихъ вооруженныхъ силъ. Застой въ этомъ отношеніи немыслимъ, потому что вслѣдъ за бездымнымъ порохомъ послѣдуютъ навѣрно дальнѣйшія изобрѣтенія. *Neue Freie Presse* полагаетъ, что осенью парламенту придется согласиться на увеличеніе численности арміи по штатамъ мирнаго времени.

Какъ-бы дополненіемъ тронной рѣчи Австрійскаго императора надо признать сообщеніе, сдѣланное графомъ Кальноки въ бюджетной коммисіи австрійской делегаціи. Между прочимъ глава министерства изложилъ слѣдующее: въ теченіе года внѣшняя политика не подверглась существенному измѣненію. Отношенія Австро-Венгріи къ союзнымъ державамъ почти никогда не были такъ прочны и ясны какъ теперь; благодаря вліянію внушительной личности Германскаго императора, даже отставка князя Бисмарка не могла ничего измѣнить въ этихъ отношеніяхъ. Отношенія монархіи къ Болгаріи тоже не измѣнились съ прошлаго года и если Болгарія прекратитъ производство политическихъ опытовъ, то упроченіе ея сдѣлаетъ успѣхи. Съ Сербіей существуютъ дружественныя отношенія, которымъ, правда, отчасти мѣшаютъ усиленіе радикальнаго теченія и особенно поведеніе разнузданной (!) сербской печати. При этомъ графъ Кальноки замѣтилъ, что онъ уже давно совѣтовалъ королю Милану установить болѣе дружественныя отношенія къ Россіи. Министръ рѣшительно опровергаетъ предположеніе, будто дружественныя отношенія между Сербіей и Россіей должны повлечь за собою ухудшеніе отношеній между Австріей и Сербіей. Враждебныя отношенія скупщины и сербской печати къ Австріи не нарушатъ мира. Что касается Румыніи, то и съ нею держатся дружественныя отношенія, но только продолжается экономическій застой.

Вновь выбранный Сербскій патріархъ Георгій Бранковичъ.
Съ рисунк. Поповича, грав. Шюблеръ.

Бывшій Сербскій король, однако, несмотря на добрые совѣты графа Кальноки, не можетъ быть миролюбивымъ и спокойнымъ. Какъ только онъ возвратился въ Сербію, такъ тотчасъ же началъ мутить партіи, забывая о трудномъ положеніи своей родины. Открыто высказывая свое неодобреніе настоящему строю страны и заявляя, что нынѣшнее правительство просто губитъ Сербію, онъ дѣлаетъ формальные выговоры министрамъ, какъ это случилось съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, который не можетъ-де удержать сербскую печать отъ нападокъ на экс-короля. Эти выходки Милана, конечно, не прошли незамѣченными и регенты дали ему понять, что подобныхъ уроковъ правительство отъ него получать не намѣрено и что, въ случаѣ надобности, оно съумѣетъ прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ. Въ Бѣлградѣ ожидаютъ крупнаго скандала.

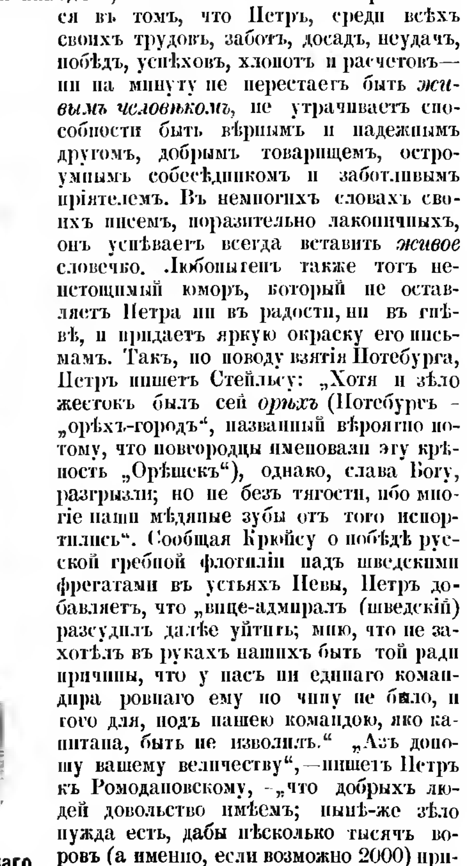
Батарея Имшенецкаго для комнатнаго электрическаго освѣщенія.

На-дняхъ въ Парижѣ произведены обыски и аресты среди „русскихъ нигилистовъ“, въ числѣ которыхъ фигурируютъ преимущественно личности съ фамиліями Бромбергъ, Ашкинази, Рейнштейнъ и т. п. Оставляя подробности до окончанія слѣдствія, которое поручено слѣдователю Аталену, нельзя не упомянуть о замѣткѣ *Journal de St. Pétersbourg* по этому поводу:

„Французскія газеты сообщаютъ подробности и высказываютъ свои мнѣнія о произведенныхъ въ Парижѣ арестахъ нигилистовъ. За единственнымъ исключеніемъ, всѣ эти газеты единогласно признаютъ, что ихъ правительство не могло допускать, чтобы гостепріимствомъ коимъ эмигранты пользуются въ чужой странѣ, злоупотребляли для преступныхъ предпріятій, замышляемыхъ во вредъ дружественной имперіи и дружественному народу, при чемъ одобряютъ энергію, которую проявили въ настоящемъ случаѣ министръ внутреннихъ дѣлъ и его агенты. Мы можемъ только поздравить себя съ такимъ здоровымъ и разсудительнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія во Франціи.“

Смѣсь.

Юморъ Петра Великаго. Въ *Историческомъ Вѣстникѣ* помѣщена маленькая статейка П. Н. Полеваго „Живыя слова Петра Великаго“, по поводу появившагося недавно 2-го тома „Писемъ и бумагъ Петра Великаго“. Характеризуя его изумительную геніальность, г. Полевой находитъ, что она болѣе всего проявляется въ томъ, что Петръ, среди всѣхъ своихъ трудовъ, заботъ, досадъ, неудачъ, побѣдъ, успѣховъ, хлопотъ и расчетовъ— ни на минуту не перестаетъ быть *живымъ человѣкомъ*, не утрачиваетъ способности быть вѣрнымъ и надежнымъ другомъ, добрымъ товарищемъ, остроумнымъ собесѣдникомъ и заботливымъ пріятелемъ. Въ немногихъ словахъ своихъ писемъ, поразительно лаконичныхъ, онъ успѣваетъ всегда вставить *живое* словечко. Любопытенъ также тотъ неистощимый юморъ, который не оставляетъ Петра ни въ радости, ни въ гнѣвѣ, и придаетъ яркую окраску его письмамъ. Такъ, по поводу взятія Потебурга, Петръ пишетъ Стейльсу: „Хотя и зѣло жестокъ былъ сей *орѣхъ* (Потебургъ - „орѣхъ-городъ“, названный вѣроятно потому, что новгородцы именовали эту крѣпость „Орѣшекъ“), однако, слава Богу, разгрызли; но не безъ тягости, ибо многіе наши мѣдяные зубы отъ того испортились“. Сообщая Крюйсу о побѣдѣ русской гребной флотиліи надъ шведскими фрегатами въ устьяхъ Невы, Петръ добавляетъ, что „вице-адмиралъ (шведскій) разсудилъ далѣе уйтить; мню, что не захотѣлъ въ рукахъ нашихъ быть той ради причины, что у насъ ни единаго командира ровнаго ему по чину не было, и того для, подъ нашею командою, яко капитана, быть не изволилъ.“ „Азъ доношу вашему величеству“,—пишетъ Петръ къ Ромодановскому,—„что добрыхъ людей довольство имѣемъ; нынѣ-же зѣло нужда есть, дабы нѣсколько тысячъ воровъ (а именно, если возможно 2000) приготовить къ будущему году“. Эти воры нужны были для работы въ крѣпостяхъ и т. д. Прося Меншикова „вложенное письмо послать до его милости воеводы,“ Петръ добавляетъ: *„а храбрость его по бѣгу видна*; или же, въ письмѣ къ Шереметьеву, замѣчаетъ съ



досадою: „*Назимова вѣсти писать на водѣ*“. „Извольте не номедля“ — пишетъ онъ Стрѣшеву — „еще солдатъ тысячи три или больше прислать, *понеже при сей школѣ много учениковъ умираетъ*; того для не добро голову чесать когда зубы выломаны изъ гребня“. Или, напримѣръ, извѣщая Ѳ. М. Апраксина о взятіи Ніеншанца, послѣ подробной и серьезной реляціи, Петръ шутливо добавляетъ въ припискѣ: „Я чаю, что сія вѣдомость вамъ пріятна будетъ; *не извольте насъ забыть у Ивашки*“, т. е. „не изволите насъ забыть, какъ будете пить“, по поводу радостной вѣсти. „Ивашка“, или *Ивашка Хмельницкій*, на языкѣ петровскихъ писемъ означаетъ вообще всякое *пированье*. (б.)

Изъ жизни Костомарова въ эпоху его студенчества, г. Неслуховскій разсказываетъ, въ своихъ Воспоминаніяхъ, слѣдующій случай, характеризующій университетскіе порядки и нѣкоторыхъ профессоровъ въ тогдашнее время. Философію въ Харьковскомъ университетѣ читалъ тогда нѣкій Протопоповъ, мало понимавшій свой предметъ и превращавшій лекціи въ туманную болтовню. Между слушателями его стало поселяться сомнѣніе въ томъ, сознаетъ-ли ясно самъ профессоръ то, что читаетъ, и вотъ Костомаровъ взялся выяснить это дѣло. Задуманное имъ являлось дѣломъ весьма рискованнымъ,—пожалуй, можно было изъ-за этого разстаться съ университетомъ навсегда. Но Костомаровъ не любилъ хвастаться попусту и терпѣть не могъ хвастуновъ. Основательно подготовившись по запискамъ къ экзамену изъ психологіи, онъ вставилъ въ одинъ, самый туманный, вопросъ множество философскихъ фразъ и терминовъ своего собственнаго измышленія, связалъ ихъ въ безконечный періодъ и вызубрилъ все на славу, что составляло для него пустяки при его необыкновенной памяти. На экзаменѣ онъ началъ отвѣчать сперва по запискамъ, потомъ ловко свернулъ на составленный имъ самимъ отвѣтъ и быстро понесъ галиматью. Деканъ факультета Кронебергъ слушалъ внимательно, но на лицѣ его было написано сомнѣніе, а губы складывались въ саркастическую улыбку. Протопоповъ же слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и только молча моргалъ, по обыкновенію, глазами. Когда Костомаровъ кончилъ, онъ замѣтилъ: „видно, что вы читали нѣмецкихъ философовъ въ подлинникѣ и изучали ихъ“. И поставилъ Костомарову полный баллъ пять. (б.)

Однимъ изъ удивительнѣйшихъ явленій въ жизни вулкановъ, повидимому совершенно несовмѣстимыхъ съ ихъ строеніемъ, должно по справедливости считаться присутствіе водяныхъ потоковъ и потоковъ ила, въ которыхъ попадаются рыбы, иногда даже живыя. Явленіе это наблюдалось до сихъ поръ лишь въ цѣпи Андовъ, въ вулканахъ Южной Америки, которые вообще представляютъ весьма много необычайнаго. Только немногіе изъ этихъ вулкановъ выбрасываютъ лаву, и именно наименѣе высокіе, какъ напр.: Іорулло, въ Мексикѣ, базальтовый конусъ, возникшій лишь въ 1759 году. Гватемальскіе вулканы выбрасываютъ въ большомъ количествѣ нашатырь, Панойскіе—сѣрную кислоту и газообразный сѣрнистый водородъ; Квитскіе—пемзу, базальтъ и порфировый шлакъ, а также воду и глину или илъ, который удобряетъ почву на десять часовъ пути въ окружности. Лаву вулканы эти никогда не выбрасывали, потому что они по меньшей мѣрѣ въ пять разъ выше Везувія.

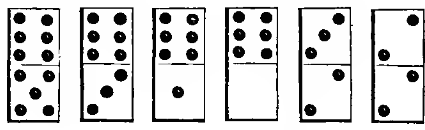
Въ особенности Квитскіе вулканы представляютъ отъ времени до времени зрѣлище изверженія рыбы. Вулканы Котопахи, Тунгурагура и Сангаи извергаютъ одинъ разъ въ двадцать, тридцать лѣтъ, но зато они выбрасываютъ невѣроятное количество ила, а съ нимъ такую массу рыбы, что она своимъ гніеніемъ на далекое разстояніе заражаетъ воздухъ и производитъ гнилыя лихорадки. Котопахи выбрасываетъ рыбу высоко, надъ моремъ; она почти не помята, повидимому не слишкомъ пострадала отъ жары и нерѣдко проявляетъ признаки жизни; вода остается холодна. Въ 1791 г., Имбурабу буквально засыпалъ городъ Ибарру рыбой. Въ 1698 г. въ вулканѣ Карауанраца провалился кратеръ, выбросивъ предварительно тысячи рыбъ, смѣшанныхъ съ глинистымъ иломъ. Рыба не всегда появляется изъ самаго кратера, на вершинѣ вулкана, но иногда и изъ трещинъ и отверстій на бокахъ. По всей вѣроятности населенныя этою рыбою подземныя озера и пещеры находятся въ соединеніи съ вулканами, ибо вода, во всѣхъ наблюдавшихся случаяхъ, была не морская, а прѣсная. (с.)

Задача игры въ домино № 33.

Н. В. П.

Партія вчетверомъ безъ прикупа. Каждый беретъ по 6 камней; 4 остаются въ талонѣ.

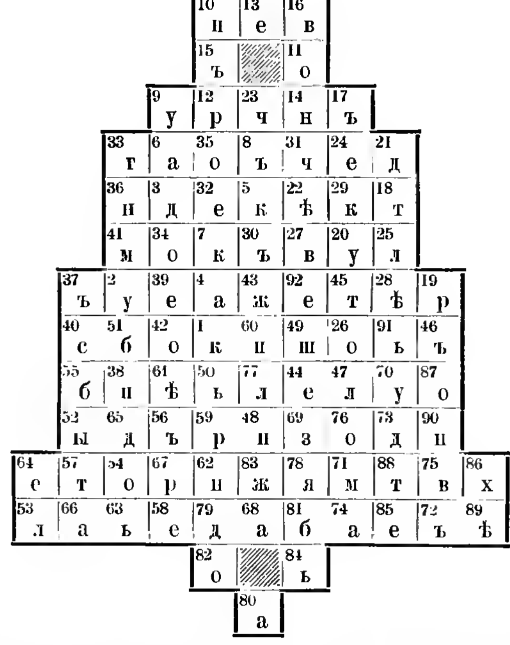
А, имѣя камни:



начинаетъ партію и оканчиваетъ ее съ [domino]; другіе партнеры В, С и D пасуютъ попеременно: В на первомъ ходѣ, С на второмъ, D на третьемъ; потомъ опять В на четвертомъ и такъ до конца партіи.

Какъ расположились камни и какой ходъ игры, если у В осталось 6 очковъ, у С—15, а у D—11?

Рѣшеніе задачи буквъ № 24 (помѣщенной въ № 16).



1) Дождь, 2) Печень, 3) Оводъ, 4) Яхонтъ, 5) Оболъ, 6) Жбанъ, 7) Самоѣды, 8) Рѣдька, 9) Енотъ, 10) Мечъ, 11) Тетеревъ, 12) Ливеръ, 13) Уголь, 14) Кукуруза, 15) Пѣшка, 16) Бѣлена.

Куда какъ упоренъ въ трудѣ человѣкъ!
„Чего онъ не сможетъ, лишь было-бъ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!“

И. С. Аксаковъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг. СПБ.—Н. В. Панкова и Б. Коровнно—В. К. Терскаго.

Рѣшеніе ребуса № 27 (помѣщеннаго въ № 18).

„Кабы знать, гдѣ упасть, такъ соломки-бъ подослалъ.“

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Дозвол. цензур., СПБ., 6 іюня 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. № 24 — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 16 іюня 1890 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Всѣ струсили. Съ картины Фрешля, грав. Кретъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

VI.

Мѣсяца полтора прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сластеновъ помѣстился въ своихъ палатахъ — а все еще онъ не могъ освоиться съ ними и съ новыми условіями жизни, окружавшей его. Какъ-то совѣстно было ему признаться, но онъ трепеталъ даже величественныхъ лакеевъ, прислуживавшихъ ему, чувствовалъ суевѣрный страхъ передъ молчаливымъ Косьмою Медичисомъ, подозрѣвая, что тотъ глубоко презираетъ его въ глубинѣ души, а голоса своего кучера, Ефрема, не могъ слышать не вздрагивая. Этотъ впрочемъ и не считалъ нужнымъ скрывать своего пренебреженія къ Василію Герасимовичу—и часто, глядя ему въ слѣдъ, произносилъ сквозь зубы: „эка ворона, прости Господи!.. Не на такомъ-бы тебѣ жеребцѣ ѣздить. Для тебя, отрепыша, и извозчика за глаза довольно... Куда еще?“ грубо спрашивалъ онъ, полуоборачиваясь къ Сластенову, и тотъ невольно понижалъ голосъ отвѣчая ему названіемъ улицы или дома. „Тоже купцы!“ едва сдерживалъ Ефремъ свое негодованіе... У Саввы Кузьмича Василій Герасимовичъ бывалъ уже нѣсколько разъ, но тотъ пока присматривался къ двоюродному племяннику и не мѣшалъ ему „показывать себя“. За то Чуксинъ и Ечкинъ бывали чуть не ежедневно у старика, сообщая ему подробнѣйшія свѣдѣнія о молодомъ богачѣ.

— Ну что, все въ кипяткѣ сидитъ? гладилъ себѣ бороду Савва Кузьмичъ, чуть замѣтно улыбаясь.

— Да-съ. Кругомъ Станиславъ Сигизмундовичъ и Исаакъ Яковлевичъ такъ и торпыхаются.

— А онъ? улыбался Сластеновъ еще откровеннѣе, уже не скрывая своего презрѣнія къ племяннику.

— А они все больше конфузятся да глазами моргаютъ. Потому у нихъ стыда этого—до отвалу даже!

— По чековымъ книжкамъ—ничего еще имъ не выпало? дѣловымъ тономъ спросилъ старикъ.

— Никакъ нѣтъ-съ. Книжки не требовали. Книжка у меня-съ, успокоилъ его Ечкинъ.

— Значитъ пока по домашности сосутъ. Ну это пущай—не страшно. А только чуть что—вы ко мнѣ.

Но вскорѣ извѣстія оказались болѣе тревожными, настолько тревожными, что Савва Кузьмичъ призадумался.

— Этотъ самый Боголюбъ Боголюбовичъ у нихъ вчера сидѣлъ долго. И все они вмѣстѣ карту смотрѣли...

— Какую еще?

— А не знаю; про Черное да про Каспицкое моря разговаривали. Это я слышалъ—точно.

— Ага, понимаю! Галопишко-то значитъ пасть разинулъ?

— Вотъ именно-съ, а потомъ вечеромъ призывалъ меня Василій Герасимовичъ и таково серьезно спрашивалъ, сколько у насъ всего наличнаго капиталу есть. Мы ему сейчасъ составили лепортичку и баланецъ показали.

— Такъ, насторожился Савва Кузьмичъ.—Это послѣ Курца этого?

— Именно-съ. Потому Приходзько въ Петербургѣ по дѣламъ, Исаакъ Яковлевичъ заболѣли, ну такъ Боголюбъ Боголюбовичъ этимъ и пользуются — сиднемъ сидятъ у насъ. И завтракаютъ, и обѣдаютъ... А сегодня даже ночевали. Извѣстное дѣло, Василій Герасимовичъ теперь безъ присмотру, ну значитъ всякому лестно, чтобы попользоваться то-есть. Кто себѣ врагъ!

Савва Кузьмичъ кивнулъ имъ—и Ечкинъ съ Чуксинымъ исчезли.

„Этому дѣлу надо конецъ положить!“ задумался старикъ. „Галопишко по-малости глотать не станетъ. Какъ-бы его приструнить?.. Батюшки, да что-жъ меня отуманило! Первѣе всего надо къ дѣдушкѣ свозить его, а тамъ посмотримъ... По пути-то побалакаемъ съ нимъ, съ несмышленочкомъ нашимъ. Ахъ ты, Господи-Господи!.. экому дураку да милліоны достались!.. И все онъ стыдится, все онъ стыдится...“

Онъ поѣхалъ къ Василію Герасимовичу и засталъ его одного.

— А я къ тебѣ, племянникъ, по важному дѣлу.

— Приказывайте...

— Приказывать нечего, ты самъ на дыбахъ стоишь. Своя воля у тебя, а напомнить тебѣ надо. Чтожь ты старцу-дѣдушкѣ-то почтенія не окажешь? Онъ у всего нашего Сластеновскаго рода въ уваженіи. Какъ какая перемѣна судьбы—сейчасъ всѣ къ нему, къ прозорливцу. Твой дядя-то—Арсеній Николаевичъ—ничего безъ его совѣта не дѣлалъ. Да и всѣ мы, и женимся, и богатѣемъ, и дѣла дѣлаемъ—все по его благословенію, такая ужь у насъ вѣра въ него!

— Какой дѣдушка?

— Не родной... не твой—а мой отецъ. Ваша-то линія давнымъ-давно въ купцы произошла, а мы позже. Дѣдушка крестьяниномъ въ монастырь попалъ—тамъ и остался. Въ свое время считался свѣтильникомъ и даже великіе князья къ нему ѣздили, не забывали старика... Ну, а теперь онъ схиму пріялъ... А все-же не хорошо съ твоей стороны. Я думалъ, ты самъ опамятуешься, анъ видно надо напомнить тебѣ...

— Я не зналъ, сконфузился Василій Герасимовичъ.— Мнѣ никто не говорилъ объ этомъ.

— Ужь, разумѣется, не плутъ этотъ Галопишко разскажетъ... Это не по его части. Вотъ сорвать съ тебя...

— Какой плутъ? Вы про Боголюба Боголюбовича это? изумился Сластеновъ.

— Именно. Одна у насъ цаца такая! во всѣхъ клубахъ—у него Плевны. За передержку его шандалами-то какъ по портрету били... Такой плутъ! Много, ой много блохъ у него—давно-бы его вычесать слѣдовало. Кабы начальство настоящее — быть-бы ему на веревочкѣ. По немъ тюрьма вотъ какъ плачетъ.

— Помилуйте!.. Какъ-же мнѣ ни Приходзько, ни Плюсъ о немъ ничего не говорили?

— У нихъ, душа моя, свой антирецъ... Они другъ другу не помѣха. Стакнулись, сговорились. Чего-же еще. Ну, да объ этомъ потомъ. Въ твоемъ положеніи, душа моя, отъ этого не убѣжишь никакъ... Нашего брата—надо ограбить; тогда мы поймемъ, а словъ мы слушать не станемъ. Одно только, чтобы ужь не очень-то много сымали съ насъ, объ этомъ заботиться слѣдуетъ. Слышишь ты меня?.. Ты вотъ, какъ: если набѣжалъ на тебя новый человѣкъ — такъ и знай, что онъ тебя умыслилъ ограбить. Слушай его, смотри ему въ глаза, а самъ про себя соображай: сколько онъ съ меня снять хочетъ. У кого милліоны, съ тѣмъ попросту никто не знакомится. Всякому обезпечить себя надо. Такъ и Галопишко. Есть у него проектецъ одинъ. Каспицкое съ Чернымъ моря соединить вздумалъ.

— А что-жъ, идея недурная. Да и тѣмъ кто приметъ участіе въ этомъ — честь и слава будетъ.

— Ой-ли?.. А я такъ думаю, на скамью подсудимыхъ онъ съ этой идеей попадетъ безпремѣнно... Ужь Ломакинъ такъ только пощадилъ его, потому Галопишко у него въ ногахъ валялся на моихъ глазахъ. Ну, а теперь онъ видно опять принялся блудить... Такъ когда-же къ дѣдушкѣ?

— Мнѣ все равно—когда вы хотите... Я всегда готовъ.

— И отлично... Что-жъ, въ этомъ разѣ значитъ и откладывать нечего, а надо сейчасъ приготовляться.

Завтра, благословясь, и поѣдемъ. Только вотъ что̀ — уговоръ лучше денегъ. Въ святое мѣсто ѣдемъ — ты ужъ при этой Галочкѣ помолчи. Хоть и крещеный — а все жидъ. И Плюсу, кровопивцу своему, ни слова. Молчокъ, знаешь. Пусть ихъ мозгами-то поворочаютъ, куда ты подѣвался. Завтра ко мнѣ — позавтракаемъ, а отъ меня на машину... Оно и чудесно, по крайности отдышемся — весна теперь въ нашихъ мѣстахъ... Духъ-отъ легкій, слава тебѣ Господи! Ты еще не видѣлъ чудесовъ нашихъ. Такое время стоитъ теперь — рая не надо.

И дѣйствительно, когда они на другой день выѣхали, Сластенову показалось, что онъ уже въ раю.

Умирала зима постылая. Въ черно-лѣсьѣ, по темнымъ оврагамъ, лежалъ еще рыхлымъ пластомъ большой ноздреватый снѣгъ. Лежалъ посинѣвъ, надъ весенними потоками, просочившимися подъ нимъ, но и его смывали и уносили прочь дождевыя воды. На солнопекѣ первая, нѣжная зелень легкимъ налетомъ чуть опушила вѣтви; гдѣ еще лежала холодная тѣнь, гдѣ зима пряталась отъ тепла и свѣта — и тамъ закраснѣлись и вспухли почки, готовыя раскрыться. Съ юга радостно дышали пробудившіяся поля и неслись на сѣверъ крикливыя стаи ранней птицы. Казалось, выси небесныя звенятъ по утрамъ. Слушая ихъ „здравствуй“, стрекотомъ и гомономъ отзывались воскресшія мочевины болотъ и лѣсныя поляны, и робко-робко, точно налаживаясь, сталъ было, неувѣренный и стыдливый, заводить свою пѣсню соловей. Въ полдень солнце парило. Земля, въ поту своей творческой работы, исходила вечерними туманами. Все ждало послѣдняго всемогущаго слова: „да будетъ!“, и вдругъ оно грянуло и прокатилось надъ разомъ нахлынувшими тучами, сказалось въ блескѣ молній и съ трепетомъ благоговѣнія было принято внимавшей ему природой... Земля причастилась небу — и къ утру уже нельзя было узнать ея. Пышно развернулись запоздалыя почки; зелеными, сквозными, нѣжными облаками окутались весело деревья; громко и смѣло запѣлъ свою вдохновенную пѣсню соловей, радостно вспѣнились и зажурчали потоки и грудью, надувшись по вѣтру, двинулись паруса судовъ на широкихъ полноводныхъ рѣкахъ.

Свѣтлый май щедро тратилъ свои воскрешающія ласки...

Зимы точно не бывало. Не вѣрилось, что еще недавно все кругомъ замирало подъ ея побѣднымъ гнетомъ. „Свобода, свобода!“ гремѣло въ тучахъ. „Свобода!“ отозвались имъ волны, унося кое-гдѣ послѣднія льдины, словно ржавыя звенья разбитыхъ цѣпей. „Свобода!“ всею грудью дышали поля... А птицы — тѣ, никогда не зная рабства, о ней же кричали и пѣли со своихъ лазурныхъ высотъ облитой солнцемъ понизи... Попробовала было вернуться зима, точно опомнилась: дай-ко попытаю. Ночью съ полюса темною силою надвинулась зловѣщая марь. Свернулась листва осины и дрогнувъ поникнули липы. Неугомонный сѣверный вѣтеръ по старой привычкѣ затянулъ свою вьюжную пѣсню. Закрутились въ охолодѣвшемъ воздухѣ снѣжинки. Да не во время! Къ самому разсвѣту было — выглянуло золотымъ краешкомъ солнце и палъ этотъ вѣтеръ о-земь, чтобы ужь и не подыматься больше.

VII.

Съ каждымъ днемъ ярче и нарядно̀е май свѣтозарный. Рядитъ кусты въ нѣжныя краски весеннихъ цвѣтовъ, выходитъ ему навстрѣчу все живое, и самъ древній, дряхлый схимникъ Антонинъ сидитъ и любуется у окна своей кельи.

Чудится ему, что вновь осуществилось евангельское чудо: невидимо пришелъ Христосъ и воскресилъ Лазаря, семь мѣсяцевъ вкушавшаго сонъ подъ гробовымъ покровомъ зимы.

— Пришелъ милостивый! шепчутъ безкровныя губы и радостно въ безчисленныхъ морщинахъ, изъ-подъ сѣдыхъ бровей загораются старческія очи. — Пришелъ... Не даромъ ждала его земля крещеная!

А небо все синѣе, поля зеленѣе, листва на деревьяхъ гуще и цвѣты ароматнѣе.

„Ишь, что кадила раскрылись и ароматомъ курятся!“ думаетъ старецъ, и мерещится ему въ благоуханіяхъ этихъ безмолвная молитва земли благодарной. Къ небесамъ возносится она, безмятежная и чистая.

А какъ заведетъ соловей свою пѣсню, старецъ не затворяетъ окна.

Слушаетъ ее и понимаетъ, и думаетъ, обо многомъ думаетъ. Луна серпомъ золотымъ прорѣжется за сквозною липою, въ обители гулко истово ударитъ колоколъ и торжественно въ сумракѣ и прохладѣ поплывутъ его звуки — а соловей все пуще разливается и сыплетъ въ тихую душу старца-схимника тысячи мыслей и чувствъ. Внимаетъ этой пѣснѣ задумчивая ночь, кутаясь въ свои непроглядныя тѣни. Медленно изъ глубокихъ понизей подымаются бѣлые призраки и, неподвижнымъ туманомъ между деревьями, заслушиваются тоже; и листъ не шелохнется, чтобы не нарушить молитвеннаго безмолвія природы.

Идутъ-ли запоздалые богомольцы, эта пѣсня точно приковываетъ ихъ къ землѣ. Не замѣтивъ темнаго окна одинокой Антониновой кельи, долго стоятъ; и чувствуетъ старецъ въ эти минуты: на зло годамъ, одною жизнью живетъ онъ со всѣмъ, что̀ кругомъ него бьется безчисленными пульсами. Изъ-за тысячи верстъ раскрываются безвѣстныя могилы — и дорогіе, милые люди сходятся оттуда вокругъ его кельи, смотрятъ на него, улыбаются ему... Замолкнетъ соловей — очнется Антонинъ, а по старческому, исхудалому лицу его текутъ обильныя слезы. Живая душа трепещется подъ черною схимой и воскресаетъ никогда не угасавшая любовь къ тѣмъ вонъ людямъ, что ждутъ въ ночномъ сумракѣ и туманѣ, не заведетъ-ли опять одинокій пѣвецъ свою вдохновенную пѣсню.

— Хорошо поетъ! доносится въ его келью.

— Да! Сказано: всякое дыханіе да хвалитъ Господа.

И опять смолкаетъ толпа крестьянъ-богомольцевъ.

— Не спишь? спрашиваетъ старецъ Антонинъ своего келейника, замѣчая вдали его силуэтъ, прислонившійся къ темному стволу старой липы.

— Простите... Искушеніе... Соловей вотъ... отдѣляется тотъ отъ нея и подходитъ.

— Ну, что-жь, слушай... слушай. Божья птичка-то... усладительная. Коли настояще понимать, много мудрости въ ней сокрыто.

— Сказываютъ, курскій... болтаютъ вдали богомольцы между собою.

— Курскій и есть.

— Курскіе завсегда лучше!

Антонинъ прислушивается.

— У насъ такъ не могутъ, наши соловьи то-ись... опять доносится откуда-то въ ночномъ туманѣ — не поймешь откуда.

— Нашъ соловей хлипкій. Онъ тебѣ колѣно сдѣлаетъ — и шабашъ. Въ немъ силы настоящей нѣтъ. А здѣсь...

— Здѣсь!.. Здѣсь мѣсто моленое... Онъ братъ тоже это понимаетъ. Сколько старцевъ его слушаютъ — долженъ онъ свое усердіе показать?.. Ты какъ думаешь? Около обители ему благодать. Первымъ дѣломъ, за гнѣздо онъ спокоенъ, потому нашихъ деревенскихъ озорныхъ мальцовъ нѣтъ. Тихо. Ну, онъ и старается. Что-жь, пойдемъ чаю попить?

И голоса замираютъ вдали, и чутко прислушивается къ нимъ старецъ Антонинъ. Дороги они и милы ему въ эту ночь, какъ дорогъ и милъ весь это міръ.

Выставка Имп. Акад. Худ. Владимірское разоренье 7 февр. 1237 г. Епископъ Митрофанъ и княгиня Юрьева съ семьею, множествомъ бояръ и народа гибнутъ въ церкви Св. Богородицы

Карт. проф. **Н. А. Кошелева** (право воспроизв. въ грав. и т. п. принадлежитъ исключ. „**Нивѣ**“), грав. Шюблеръ.

И каждая мелочь кажется ему многозначущею и осмысленною въ уединеніи его кельи.

„Сапоги носятъ!“ думаетъ онъ, вспоминая проходившихъ мимо него паломниковъ. „Чай пьютъ, слава Тебѣ Господи... Слава Тебѣ... Въ наши-то времена сапоговъ не было, про чай и не слыхивали. Сказываютъ, и при сапогахъ обѣднялъ народъ. Хозяйства не стало, семья въ развалъ идетъ, парни балуются. А только временное это... Богъ дастъ при новомъ-то хорошемъ и старое доброе вернется. Только бы Господа не забывали, а Онъ о нихъ всегда вспомнитъ. И мятутся людіе, и недоволенъ человѣкъ, а кабы они назадъ оглянулись!.. Поняли бы сколь тяжелъ былъ нашъ жребій... Нѣтъ, братъ, вздохнулъ онъ, обращаясь къ невѣдомому и воображаемому собесѣднику, — ты это напрасно. Міръ тоже на мѣстѣ не стоитъ—а все движется по путямъ, указаннымъ ему Господомъ. Ты такъ думаешь, скорбно тебѣ, и ропщешь, и въ смятеніи духа укоризненно сердце свое озлобляешь; а того, дурашка, и не зришь, сколь жутко до тебя отцы твои жили. Не единымъ хлѣбомъ сытъ человѣкъ! Отъ Бога сверху виднѣе. Ему все какъ на ладони: онъ понимаетъ и не даетъ міру слишкомъ ужь назадъ-то воротить. Покараетъ за грѣхи, а потомъ смилуется!.. А то, сейчасъ, постигнетъ тебя бѣда временная—и чудится она тебѣ со слѣпу съ гору... И никнетъ человѣкъ, и вѣры не имѣетъ... А зорче посмотри: гора-то велика, а одолѣть ее можно—и перенеси свое бремя, и еще отраднѣе станетъ тебѣ... Ибо бремя Мое легко есть!..“

Онъ сталъ было на молитву, воззрился на темный ликъ простой иконы, точно вздрагивавшей въ тускломъ блескѣ лампады, но никакъ не могъ сосредоточить мыслей, спутанныхъ соловьиною пѣсней.

„Погодить надо. Пускай уляжется...“ подумалъ онъ и опять сѣлъ къ окну.

Бѣлые призраки тумана стояли еще между деревьями. Мѣсяцъ давно поднялся надъ липами, струившими свой медовый ароматъ. Тѣни безмолвствовавшей ночи недвижно лежали у самой кельи.

И вспомнилась схимнику другая ночь, такая же тихая, сладкая, чарующая.

Сколько ужь лѣтъ тому назадъ? Пожалуй шестьдесятъ будетъ? Всѣ годы у Бога равны, а все-таки не мало ихъ прошло съ той поры, какъ онъ неувѣренно, робко стоялъ у бѣлыхъ стѣнъ обители и ждалъ утра. „Въ сапогахъ народъ ходитъ... чай пьетъ“, опять пронеслось въ его головѣ, „слава Тебѣ, Господи, смиловался надъ человѣками. Мы сапоги-то на другихъ видали! Нѣтъ, я тогда босой былъ... Лапти-то за плечами точно сокровище какое несъ... Вотъ они соловья слушаютъ — премудрость эту понимать могутъ, а и въ ту ночь тоже соловей пѣлъ, только я его не могъ вмѣстить въ сердцѣ своемъ, потому что оно у меня само въ груди точно птица въ клѣткѣ трепыхалось. Не до соловья было! Не понимали мы этого... А утромъ-то, какъ врата обители растворили, точно звѣрь травленый, бокомъ вошелъ я, да простому иноку въ ноги палъ, и замеръ... Потому у насъ одно пристанище было—монастырь. Коли не приметъ онъ тебя, загнаннаго, скуднаго и истерзаннаго, быть тебѣ всю жизнь рабомъ человѣческимъ, а прикроетъ тебя черною рясой—и превознесенъ ты и воскресъ рабомъ Божіимъ. Да имъ легко теперь! Иди куда хочешь. Голодно, да вольно... Развратился народъ — семью забылъ. Что-жь, всякое зло временно. Не зло, а попущеніе Божеское. Обратитъ Онъ на нихъ око Свое — и узнаютъ Его люди и вернутся на пути добрые!

„Хорошо на добраго инока попалъ, самъ изъ крѣпостныхъ—иго-то мое понятно ему было. Кабы на духовнаго наткнулся, выгналъ бы онъ опять на старое положеніе... И спрашивалъ мало...

„— Ты, говоритъ, какихъ помѣщиковъ?

„— Свиристѣловыхъ.

„— Знаю... Жестоковыйные люди. Ни въ чемъ не провинился?

„— Нѣтъ.

„— Ну, никто какъ Богъ. Работать можешь? Здоровъ ты?

„Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, да и утѣшилъ:

„— Богу, братъ, тоже крѣпостные нужны, чтобы на храмъ да на обитель его труждались. Ступай пока къ богомольцамъ, а я отцу-игумену поговорю, можетъ онъ благословитъ укрыть тебя!

„И благословилъ! Царствіе ему небесное!..

„Лѣсъ тогда корчевали подъ нивы—всякая рука на счету. И работалъ же я... Господи! День-деньской кипишь, а все не умаешься. Вернешься въ обитель — и опять по хозяйству братскому стараешься... Ужь очень сердце преисполнено было: какъ цвѣтъ весенній теплу да солнцу раскрывалось.

„Братолюбивые жили иноки!

„Монастырецъ еще бѣднялся. Только и держались тѣмъ, что сами наработаемъ. Купцы городскіе свои кубышки тоже хоронили сокровенно. Не такія времена, чтобы сокровища свои оказывать“.

И отецъ Антонинъ усмѣхнулся.

„Красный околышъ-то вовсюду прозрѣвалъ; только ты хвостъ распустилъ, глядь, а онъ ужь и закрученъ въ кулакѣ у него. И судіе неправедное, зломысленное, похотливое, тоже алкало и жаждало...

„Ноньче-то благодать... Молиться надо. Нѣтъ, теперь они бы нашего стараго-то попробовали. Память у людей коротка стала, забыли какъ плакались тогда. Спаси Господи!.. Нѣтъ, у насъ-то какъ старшаго брата посадили въ тюрьму, да безъ опросу всякаго шесть годовъ держали, а меня, чтобъ не заступался, хотѣли въ солдаты... А семья была большая, самъ я вдовый былъ—а все одному на нихъ-то работать приводилось... Сынъ былъ... росъ... Хорошо, обители Господни стояли... въ нихъ однѣхъ прибѣжище...

„Теперь сынъ-то, вонъ, сотнями тысячъ ворочаетъ, народъ кормитъ... И обитель наша имъ живетъ, спасибо ему, изукрасилъ ее всячески!

„Да, вотъ ноньче какъ... Чай, сапоги... Богъ и хлѣба дастъ, погоди, не ропщи только—и хозяйство поправитъ... Обойдется! И баловству, и распрѣ семейной, и всуешатанію конецъ будетъ... Придетъ сильный да мощный пастырь и соберетъ во-едино стадо свое разбѣжавшееся. И всякой овцѣ мѣсто ея укажетъ... И будетъ тогда миръ и благоволеніе!..“

И простершись предъ тускло озаренною иконой, жарко, радостно, умиленно молился старецъ Антонинъ за землю Христову, за тѣхъ, кто ей послужилъ, за то, чтобы дѣло рукъ ихъ было прочно, крѣпко и незыблемо.

А отдохнувшій соловей опять проснулся и прокатился въ торжественномъ молчаніи майской ночи своею вдохновенною пѣснею, отвѣтною, радостною. Точно говорила она старческому сердцу: не бойся за достояніе братьевъ твоихъ, несокрушимо выдержитъ оно всѣ удары лихіе и ярче и пышнѣе расцвѣтетъ еще, окрѣпнувъ въ борьбѣ. Вѣрь только и жди, и надѣйся. Глубоко пускаетъ свои корни добро, широко развѣтвляются они—и не злой рукѣ вырвать ихъ изъ души, отверстой истинному слову Божьему. Все пройдетъ, все измѣнится, только правда будетъ стоять на радость и счастье человѣчества.

Въ эту самую, чудную, весеннюю ночь Василій Герасимовичъ и Савва Кузьмичъ Сластеновы, оставивъ за собой станцію желѣзной дороги, въ монастырскомъ тарантасѣ подъѣзжали къ обители, гдѣ спасался въ схимѣ и молчаніи одинокой кельи отецъ Антонинъ. Выросшій въ скучномъ и блѣдномъ Петербургѣ, Василій Герасимовичъ зналъ природу лишь изъ книжекъ—и теперь ему казалось, что онъ видитъ чудный поэтическій сонъ. Слов-

но въ дремѣ мелькали мимо осіянныя голубоватымъ мерцаніемъ рощи, будто курившіяся серебристымъ паромъ тихія поля, озера, точно брошенные щиты, ярко сверкавшіе подъ луною... Савва Кузьмичъ спалъ спокойно. Онъ пригляделся ко всей этой красѣ. Молодой Сластеновъ глазамъ не вѣрилъ, что это раскидывается передъ нимъ дивная явь.

— Какъ хорошо!.. Какъ хорошо!.. повторялъ онъ.

Соловьи рокотали въ лѣскахъ, ключи журчали у дороги, словно догоняя нашихъ путниковъ. Сидѣвшій на облучкѣ монахъ про себя мурлыкалъ „Свѣте тихій", и его пѣснь удивительно была подъ-стать этому дѣйствительно тихому свѣту умиротворенной природы.

Но когда тарантасъ взобрался на пологій холмъ и пріостановился на минуту—надо было что-то поправить—Сластеновъ разбудилъ дядю.

— Савва Кузьмичъ... посмотрите .. Что̀ за красота!

Внизу, въ морѣ курившейся свѣтлымъ паромъ зелени, вставалъ весь бѣлый, точно изъ серебра кованный монастырь... Тонкія колокольни его казались совсѣмъ воздушными, золотые кресты сверкали подъ лучами мѣсяца. Онъ былъ красивъ, какъ корабль въ парусахъ посреди океана... Издали свѣтилась глыба мѣловаго утеса и широкою лукою вокругъ всего этого рая извивалась тихая, покорная рѣка въ бѣлыхъ известковыхъ берегахъ своихъ.

— Тамъ, за монастыремъ, келья дѣдушки... замѣтилъ Сластенову Савва.

— Да, я понимаю... Тутъ можно спасаться...

Странное дѣло, за дорогу старикъ началъ привязываться къ своему племяннику. Тотъ ему все больше и больше нравился.

„Дуракъ-дуракъ, думалъ онъ,—а сердце у него есть, душевный парень, благожелательный... Нѣтъ, надо его выручить отъ всей этой осиной братіи... Не дамъ въ обиду свою кровь... Все-же вѣдь нашей Сластеновской породы..." И съ одной изъ станцій онъ послалъ куда-то телеграмму.

— Пора бы тебѣ и жениться!.. замѣтилъ онъ какъ будто вскользь ему.

— Мнѣ! удивился Сластеновъ. — Ну, кто за меня пойдетъ?

— Почему это?

— Потому что, дядя, я и человѣкъ-то не настоящій.

— Какъ не настоящій?..

— А такъ... Вы паровыхъ цыплятъ видали когда? И шея у нихъ тонкая, и ноги слабы, и приплоду отъ нихъ никакого не бываетъ... Вотъ и я такой же паровой цыпленокъ.

— А пожалуй и правда. Впрочемъ, поживемъ, увидимъ... И не такіе на нашихъ, купеческихъ хлѣбахъ выправлялись...

Савва Кузьмичъ, при свѣтѣ мѣсяца, въ виду этого чуднаго монастыря, всмотрѣлся въ племянника.

„Въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ паровой цыпленокъ... Ну, да никто, какъ Богъ!."

(Продолженіе будетъ).

Лампо и Кармела.

Разсказъ **Энрико Кастельнуово**. (Переводъ).

(Окончаніе).

Коровы приближались солидными, мѣрнымъ шагомъ, позванивая въ тактъ колокольчиками, медленно поворачивая головы направо и налѣво, и привѣтствуя обильное пастбище тяжелымъ мычаніемъ. Всѣмъ этимъ стадомъ, насчитывавшимъ до тридцати головъ, управлялъ пастухъ-мальчикъ, лѣтъ 12-ти, при помощи собаки, простой овчарки, которая, безпрестанно бросаясь по сторонамъ, старательно пригоняла каждую отдѣлившуюся отъ стада корову.

Замѣтивъ Лампо, овчарка бросилась къ нему съ оскаленными зубами. Но Лампо былъ не изъ числа тѣхъ собакъ, которыя малодушно сдаются непріятелю. Вставъ въ позицію, сверкая глазами, расширивъ ноздри и поднявъ хвостъ, онъ сдерживалъ въ почтительномъ отдаленіи враждебно-настроеннаго собрата. Противники стояли на разстояніи двадцати шаговъ, наблюдая другъ за другомъ и готовые вступить въ битву.

Кармела вскочила на ноги, дрожа всѣмъ тѣломъ; она хотѣла убѣжать, но страхъ приковалъ ее къ мѣсту. Между тѣмъ, подошелъ пастухъ, привлеченный лаемъ собакъ; увидѣвъ дѣвочку, онъ позвалъ:

— Неро! Неро! и собака повиновалась, хотя не совсѣмъ охотно.

Лампо, видя, что противникъ покинулъ позицію, принялъ также менѣе враждебный видъ. Когда такимъ образомъ между воюющими сторонами было заключено перемиріе, мальчикъ приблизился къ Кармелѣ, которая все еще не могла придти въ себя, и спросилъ ее куда и откуда она идетъ.

Кармела отвѣчала едва внятнымъ голосомъ, что идетъ изъ Изолетты по направленію къ Ривьерѣ, куда хотѣла бы придти какъ можно скорѣе.

— Ривьера? повторилъ пастухъ припоминая, — отсюда не пройдешь въ Ривьеру.

— А откуда же? спросила дѣвочка, краснѣя и блѣднѣя.

Пастухъ осмотрѣлся вокругъ, какъ бы желая оріентироваться, и продолжалъ:

— Тебѣ надо спуститься съ горы тамъ, гдѣ ты поднялась. Вѣдь ты оттуда идешь? спросилъ онъ указывая пальцемъ направленіе.

— Да?

— Ты увидишь тамъ еловый лѣсъ.

— Я по немъ и шла.

— Хорошо; такъ ты пойдешь по немъ обратно, а когда выйдешь изъ лѣсу, повернешь налѣво, лицомъ къ солнцу, и пойдешь по берегу ручья.

— Гдѣ такая прозрачная вода?

— Да. Вода такая прозрачная, что можно видѣть на днѣ самые мелкіе камешки.

— Это правда; ихъ можно даже пересчитать.

— Ты пойдешь по берегу съ полчаса до маленькаго водопада; онъ такъ покрытъ пѣной, что его называютъ „молочнымъ". Возлѣ водопада ты увидишь каменистую тропинку, которая извиваясь идетъ въ гору. По этой дорогѣ ходятъ всѣ изъ Ривьеры за лѣсомъ. Но только, продолжалъ мальчикъ послѣ минутнаго молчанія, осматривая дѣвочку съ головы до ногъ,—до Ривьеры понадобится...

— Сколько времени?

— По крайней мѣрѣ три часа.

— А ты оттуда? спросила дѣвочка, просіявъ.

— Я!.. Нѣтъ... Я изъ Фрезаны, совсѣмъ съ другой стороны.

Лучъ радости, блеснувшій было въ глазахъ Кармелы, снова потухъ; она молча опустила головку.

— А развѣ ты такъ торопишься въ Ривьеру? снова спросилъ мальчикъ.

— Да!.. Я иду къ тетѣ Поринѣ, возразила Кармела, вполнѣ увѣренная что даетъ совершенно удовлетворительный отвѣтъ.

— Гм! пробормоталъ тотъ, — и совсѣмъ одна? Отчего-же никто не пошелъ проводить тебя?

Кармела молчала.

— Развѣ у тебя никого нѣтъ, ни отца, ни матери?

— Моя мама умерла.

— А отецъ женился во второй разъ и мачиха тебя знать не хочетъ... знаю я это, со мною такъ же было.

— О, нѣтъ! воскликнула Кармела, гордо подымая головку,—отецъ не женился больше... Онъ такой добрый.

Лампо, успѣвшій было приблизиться, ласкаясь къ новому пріятелю своей госпожи, тотчасъ отошелъ отъ него, какъ только замѣтилъ перемѣну въ ея тонѣ. Онъ сталъ возлѣ Кармелы, какъ бы намѣреваясь защищать ее въ случаѣ надобности.

— Надо прежде подумать о самомъ необходимомъ, продолжалъ добрый малый. — Ты вѣрно голодна?

— У меня есть еще запасъ, возразила дѣвочка, вытаскивая изъ кармана спрятанный кусокъ поленты.

— Оставь это... лучше посмотримъ что намъ дастъ Бiза.

Съ этими словами мальчикъ приблизился къ рыжей коровѣ, которая паслась въ сторонѣ отъ другихъ, сталъ возлѣ нея на колѣна и подоилъ нѣсколько молока въ деревянную чашку, которую носилъ въ карманѣ куртки. Потомъ съ торжествующимъ видомъ возвратился къ Кармелѣ.

— Биза сегодня добрая, сказалъ онъ,—посмотри, это будетъ получше твоей поленты. Погоди, вотъ мы что̀ сдѣлаемъ...

Съ этими словами онъ вынулъ изъ другаго кармана большой кусокъ хлѣба, разломалъ его на куски и покрошилъ въ молоко.

— Посмотри, какая славная похлебка. На, возьми!

Кармела не заставила два раза просить себя. Когда чашка была почти опорожнена, она замѣтила Лампо, который смотрѣлъ на нее влажными глазами, просительно махая хвостомъ.

— Бѣдная собачка! воскликнула дѣвочка. Ты тоже голодна.

Она поставила чашку на землю и отдала остатки Лампо.

Но тутъ ей пришла въ голову другая мысль. Она подняла глаза на привѣтливаго мальчика и проговорила:

— А ты-то какъ же?

— Я, отвѣчалъ онъ улыбаясь, — мой чередъ придетъ послѣ, когда твоя собака поѣстъ.

Кармела съ раскаяніемъ взглянула на Лампо.

— Не безпокойся, продолжалъ добрый малый, — Бизе дастъ мнѣ столько молока, сколько мнѣ понадобится... а потомъ останется еще другая; вонъ та, которая пасется тамъ внизу, съ большими рогами.

— Это коровы твоего отца?

Мальчикъ засмѣялся.

— Хорошо, кабы такъ... Нѣтъ, онѣ принадлежатъ одному важному барину, который живетъ тамъ, въ городѣ. Онъ только разъ въ годъ пріѣзжаетъ въ наши мѣста. У него столько земли и столько коровъ... эти-то еще что! Въ прошломъ году я его видѣлъ. Я какъ разъ загонялъ коровъ въ хлѣвъ... онъ меня погладилъ по головѣ и подарилъ портретъ Кавура. Мачиха увидѣла; противъ ласки она ничего не имѣла, но Кавура отняла. Положимъ, мнѣ все равно: куда мнѣ его?

Послѣ такого философскаго разсужденія, мальчикъ поднялъ глаза къ небу и проговорилъ:

— А вонъ и тучка нашла, посмотри-ка.

— Неужели пойдетъ дождь? воскликнула Кармела испуганно.

— Не думаю, отвѣчалъ пастухъ, прикрывая глаза рукой и слѣдя за направленіемъ облаковъ; — по крайней мѣрѣ до вечера.

— Мнѣ надо торопиться, проговорила Кармела, и рѣшительно двинулась въ путь.

— Э, да вѣдь ты хромаешь!

Дѣвочка сняла деревянный башмакъ и не безъ тревоги осмотрѣла ногу.

— Развѣ ты не видишь, что у тебя вся нога стерта? Какъ же ты пойдешь дальше?

Кармела ничего не отвѣчала.

— Тебѣ сколько лѣтъ?

— Восемь лѣтъ.

— И уже такая упрямая!

— Мнѣ надо къ тетѣ Норинѣ.

— Такъ погоди минуту.

Пастухъ отошелъ за пригорокъ, который скрылъ его отъ глазъ Кармелы, и чрезъ минуту вернулся оттуда въ наглухо застегнутой курткѣ, держа рубашку въ рукахъ.

— Что это ты сдѣлалъ?

— Видишь, снялъ рубашку.

— Зачѣмъ?

— А вотъ увидишь.

Съ этими словами онъ досталъ карманный ножикъ и отрѣзалъ отъ рубашки нѣсколько полосъ холста.

— Теперь садись на траву.

— Какъ? Опять?

— Разумѣется.

Пастухъ тщательно обмоталъ холстомъ хорошенькія, маленькія ножки дѣвочки и, когда кончилъ, проговорилъ съ торжествующимъ видомъ:

— Ну-ка, попробуй, взойдетъ-ли башмакъ.

— Конечно взойдетъ, отвѣчала Кармела, примѣряя башмакъ.

Мальчикъ отъ удовольствія захлопалъ въ ладоши.

— Ну, пройдись немного!

Кармела сдѣлала нѣсколько шаговъ и воскликнула въ восторгѣ:

— Какъ хорошо теперь!

— Не правда-ли?

— Да! Спасибо тебѣ... Но вѣдь ты испортилъ свою рубашку.

— О, это ничего!

— А если тебя дома спросятъ, куда дѣвались куски рубашки?

— Я скажу, что потерялись.

Дѣвочка засмѣялась.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ мальчикъ.

— Кармела.

— Хорошенькое имя.

— А тебя?

— Меня?.. Витторіо. А твою собаку?

— Лампо.

— Посмотри-ка, они уже подружились.

— Но намъ пора разстаться... Прощай, Витторіо!

— Прощай, Кармела... Нѣтъ, погоди!

— Чего тебѣ еще?

— Я чуть не забылъ... Возьми вотъ эту палку... Ты можешь на нее опираться.

— Какъ бабушка?..

— А у тебя есть бабушка?

— Разумѣется!

— И они пустили тебя одну?

Кармела опять покраснѣла, но не сказала ни слова.

— Ну, довольно, продолжалъ мальчикъ, не желая быть нескромнымъ, — тебѣ пора идти, чтобы не опоздать... Еще разъ прощай!

— Прощай, спасибо!

— Неро!

— Лампо!

И маленькіе собесѣдники разошлись въ разныя стороны. Витторіо направился къ своему стаду; Кармела пошла по направленію къ ручью. Войдя на вершину холма, она обернулась еще разъ и махнула рукой въ знакъ привѣтствія.

Сначала она чувствовала себя совсѣмъ бодрою и сильною; она весело напѣвала и повторяла про себя указанія маленькаго пастуха; дѣвочкѣ казалось, что опасность заблудиться миновала, и она говорила, обращаясь къ собакѣ:

— Не бойся, Лампо, мы скоро придемъ.

Но когда она снова очутилась въ лѣсу, куда едва доносилось мычаніе коровъ, только-что видѣнныхъ ею, пѣсня замерла на ея устахъ и радостное настроеніе исчезло.

Дѣвочка была въ пути уже три четверти часа и должна была, по разсчету, находиться вблизи ручья, когда, случайно поднявъ голову, она почувствовала, что какая-то капля упала ей на лобъ. Можетъ-быть это капля росы, которую не успѣло высушить солнце?

Но за первой каплей послѣдовала другая, потомъ третья и въ то же время послышались глухіе, безпрерывные раскаты грома, сливавшіеся съ шумомъ вѣтра, который съ силою раскачивалъ деревья. Кармела напряженно глядѣла вверхъ, отыскивая открытое мѣстечко, откуда можно было бы видѣть небо. Все пространство, видимое глазомъ, было покрыто тучами — густыми, темными тучами, нагроможденными одна на другую. Вскорѣ, частыми, крупными каплями, полилъ дождь. Бѣдная дѣвочка почувствовала, что силы окончательно оставляютъ ее; ей захотѣлось увидѣть солнце, стадо коровъ и мальчика-пастуха, который такъ хорошо отнесся къ ней. Она невольно стала звать:

— Витторіо! Витторіо!

Но голосъ ея затерялся въ плесканьи дождевыхъ капель, въ воѣ вѣтра и шумѣ деревьевъ. Ей стало совсѣмъ страшно; она закрыла глаза руками, прислонилась спиною къ дереву и заплакала горькими слезами. Бѣдное, маленькое созданье! Одна, въ лѣсу, со своими слезами!

Впрочемъ, нѣтъ, не одна. Съ нею былъ Лампо. Онъ свернулся клубкомъ у ея ногъ, но безпрестанно вскакивалъ на заднія лапы, ласкаясь къ своей хозяйкѣ, заглядывая ей въ глаза и ласково взвизгивая, чтобы привлечь ея вниманіе.

Между тѣмъ дождь становился все сильнѣе; по стволу дерева, къ которому прислонилась Кармела, вода текла потоками, насквозь промачивая одежду дѣвочки. При каждомъ порывѣ вѣтра съ дерева падали крупныя капли, образовавшія у ногъ ея цѣлыя лужи.

Лампо, безпокойство котораго все усиливалось, ежеминутно отходилъ отъ своей госпожи, бросаясь во всѣ стороны, чтобы отыскать какое-нибудь убѣжище. Слишкомъ далеко онъ однако не рѣшался отойти и потому безпрестанно возвращался и опять свертывался клубкомъ у ногъ Кармелы.

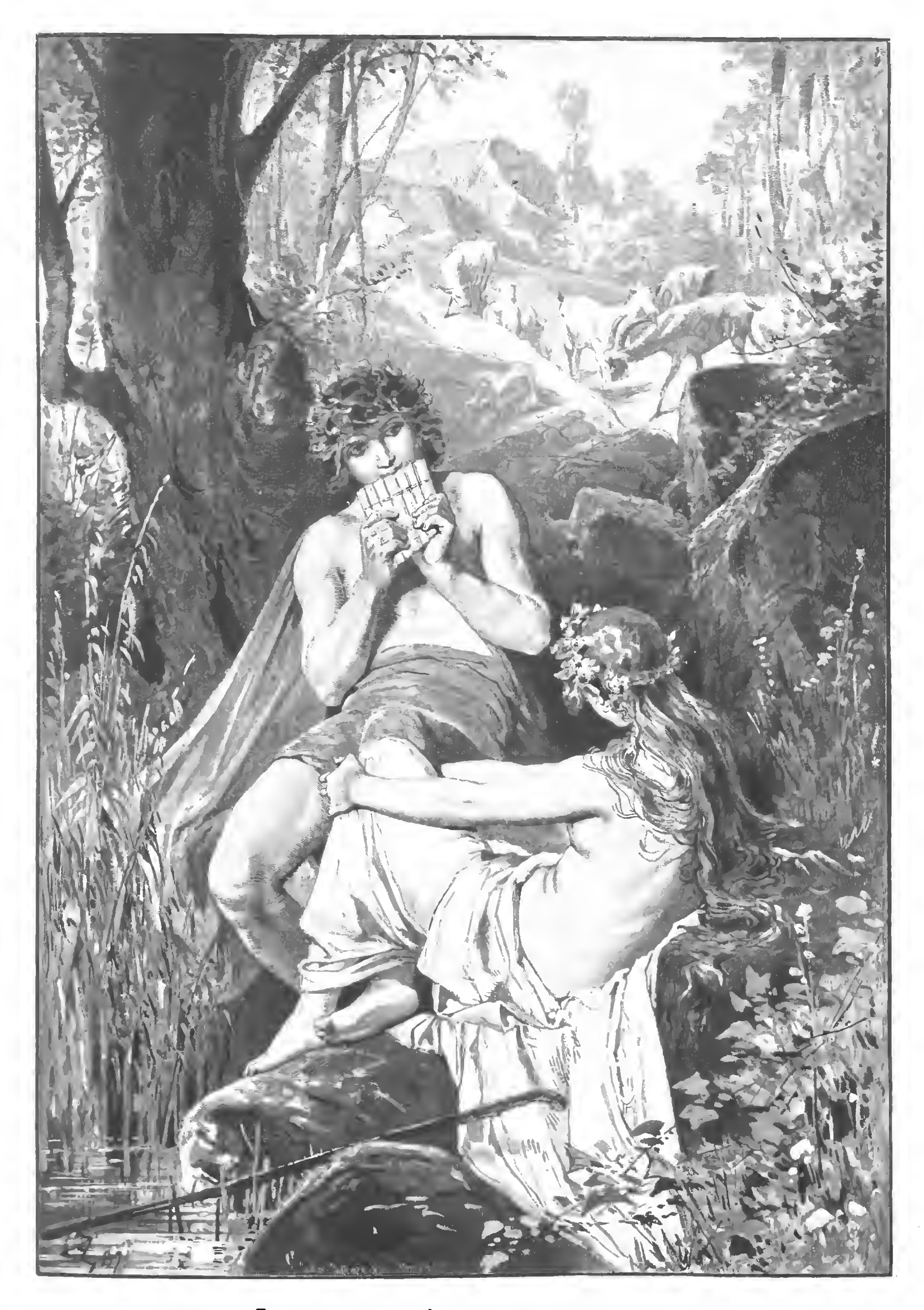
Наконецъ, мракъ нѣсколько разсѣялся и дождь сталъ ослабѣвать. Капли стали мельче и рѣже, потоки на стволѣ дерева почти прекратились, сквозь листву показалась голубая полоса неба и въ этой полосѣ украдкой выглянуло солнце.

Птицы радостно защебетали; мягкій, легкій вѣтерокъ пронесся по лѣсу, донося запахъ травы и цвѣтовъ.

Природа какъ бы обновилась и стала попрежнему весела, прекрасна и спокойна.

Ничто не мѣшало теперь продолжать путь, но Кармела потеряла все свое присутствіе духа и едва имѣла силы выбраться изъ лѣсу на открытый пригорокъ, чтобы осушить на солнцѣ свою одежду. У ногъ ея уже виднѣлся ручей, который долженъ былъ служить ей путеводной нитью. Но у нея не было больше охоты спуститься къ ручейку. Предпріятіе, казавшееся въ прошлую ночь такимъ легкимъ, представлялось ей теперь совершенно невыполнимымъ; наступила реакція, всегда слѣдующая у дѣтей за сильнымъ нравственнымъ напряженіемъ, и дѣвочка, не въ силахъ больше сдерживать слезы, громкимъ голосомъ стала звать отца и бабушку. Но напрасно. На цѣлую милю въ окружности не было живой души; никто не слышалъ ни ея жалобъ, ни воя собаки, которая изо всѣхъ силъ вторила своей госпожѣ. Собственно говоря, Лампо не затруднился бы найти выходъ изъ затруднительнаго положенія; онъ уже давно составилъ свой собственный планъ и еслибъ только дѣвочка обратила на него вниманіе, ей не пришлось бы теперь плакать одной въ лѣсу. Но Кармела до сихъ поръ слѣдовала только внушеніямъ своей собственной фантазіи; теперь же ее нельзя было заставить сдѣлать ни шагу, какъ ни приглашалъ ее Лампо своими влажными глазами идти за нимъ.

Кармела потеряла всякое представленіе о времени. Могло быть два, три, четыре часа пополудни — она не знала. Она сознавала только, что прошло уже много часовъ съ тѣхъ поръ, какъ она ушла изъ дому. Дѣвочка видѣла, что солнце быстро уходитъ изъ узкой лощины, въ которой она находилась, и



Пастушеская идиллія. Рис. Циккъ, грав. Кренеръ.

съ ужасомъ думала о возможности быть застигнутой здѣсь ночью.

Шорохъ, послышавшійся изъ куста вблизи, заставилъ ее встрепенуться. Она взглянула по направленію раздавшагося шума и увидѣла что-то черное, блестящее и скользкое, ползущее изъ-подъ куста. Можетъ-быть это была совершенно безвредная змѣя, одна изъ тѣхъ, которыхъ Кармела видѣла у себя въ саду, но въ эту минуту и въ томъ настроеніи, въ которомъ она находилась, видъ змѣи нагналъ на нее неописуемый ужасъ и отвращеніе. Кармела громко вскрикнула и пустилась бѣжать безъ оглядки, сама не зная куда. Между тѣмъ это было ея спасеніемъ.

Ламио, который до сихъ поръ послушно шелъ по слѣдамъ своей госпожи, теперь незамѣтнымъ образомъ сдѣлался ея руководителемъ. Онъ съ лаемъ бросился впередъ; Кармела бѣжала за нимъ, не сознавая, что онъ ведетъ ее не случайно, а съ опредѣленною цѣлью. Нѣкоторое время собака бѣжала по берегу ручья. Увидя нѣсколько большихъ камней, торчащихъ изъ воды, Ламио перепрыгнулъ по нимъ на другой берегъ и тамъ остановился, ожидая свою госпожу. Кармела не заставила себя долго ждать; она все еще воображала, что ее преслѣдуетъ отвратительное пресмыкающееся.

За ручьемъ приходилось снова подниматься въ гору; но дорога была гораздо легче, чѣмъ та, по которой они шли раньше, и Ламио, увѣренность котораго, казалось, росла съ каждымъ шагомъ, поминутно оборачивался къ Кармелѣ, какъ бы желая сказать: „вотъ видишь, я знаю дорогу лучше тебя!“

Кармела изнемогала отъ усталости. По временамъ она останавливалась, частью отъ утомленія, частью изъ боязни заблудиться еще больше.

Но тутъ Ламио бралъ въ зубы подолъ ея платья и смотрѣлъ на нее такъ смѣло и увѣренно, что она невольно начинала надѣяться на смышленость собаки, которая приведетъ ее, по всей вѣроятности, въ какое-нибудь безопасное мѣсто, въ гостепріимную хижину, гдѣ она найдетъ сухое платье и человѣка, который укажетъ ей дальнѣйшій путь. Между тѣмъ они вышли изъ чащи лѣса и поднялись на вершину горы; Кармела не могла рѣшить, та ли это самая гора, по которой они шли раньше, тѣмъ болѣе, что вправо отъ себя, къ западу, она узнала темныя, острыя вершины Чернаго Камня, которыя виднѣлись отсюда ближе и явственнѣе, чѣмъ изъ Изолетты.

Солнце, медленно склонявшееся къ горизонту, касалось уже одного изъ высшихъ гребней горной цѣпи и лучи его падали настолько горизонтально, что Кармела принуждена была прикрывать глаза рукой.

Дѣвочку невольно пугала мысль, что солнце скоро исчезнетъ за одною изъ этихъ горъ и ей придется, при полусвѣтѣ сумерокъ, оканчивать свое путешествіе, успѣхъ котораго зависѣлъ единственно отъ понятливости собаки, когда-то, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, приведенной этимъ путемъ въ Изолетту. Въ одномъ мѣстѣ Ламио внезапно бросился вправо и большими прыжками помчался внизъ съ крутого спуска, проложеннаго, вѣроятно, когда-то водопадомъ. Кармела остановилась въ нерѣшимости, но, ободренная радостнымъ лаемъ Ламио, отважилась спуститься по опасной тропѣ, придерживаясь руками и ногами, чтобы не скатиться внизъ. Вскорѣ она очутилась на покрытомъ травою пологомъ скатѣ; за скатомъ шла широкая долина, которую трудно было окинуть всю глазами.

Ламио побѣжалъ впередъ; взобравшись на небольшой песчаный пригорокъ и смотря оттуда то внизъ въ долину, то оборачиваясь къ Кармелѣ, которая съ трудомъ поспѣвала за нимъ, онъ началъ проявлять признаки безграничной радости. Добравшись наконецъ до него, Кармела съ глубокимъ умиленіемъ поняла причину сильной радости своей собаки. Долина, которую она увидѣла съ этого возвышенія все еще освѣщенную солнцемъ, была долина Изолетты! Вонъ знакомая колокольня; вонъ домики, которые тѣснятся къ ней, какъ солдаты къ знамени; вонъ и каменный мостъ черезъ рѣчку, составляющій гордость прихода, хотя отсюда, съ этой высоты, онъ кажется немногимъ больше соломенки, перекинутой черезъ серебряную нитку. Смѣшиваясь съ тихимъ шумомъ лѣса, звучалъ издали колокольный звонъ, призывавшій къ Ave Maria. О, еслибъ Кармела могла, какъ она дѣлаетъ каждый вечеръ, пойти теперь съ бабушкой въ церковь и тамъ широко раскрытыми глазами слѣдить за церковнымъ сторожемъ Джакомо, въ то время какъ онъ зажигаетъ предъ алтаремъ свѣчи! Еслибъ она могла перелетѣть отсюда къ своимъ дорогимъ роднымъ и домашнимъ и успокоить своимъ присутствіемъ ихъ озабоченныя лица.

Страстный порывъ и стремленіе вернуться въ родительскій домъ, къ бабушкѣ, къ отцу, къ маленькой сестренкѣ, заставили Кармелу забыть о цѣли ея ночнаго бѣгства, забыть, что она хотѣла увести Ламио отъ тѣхъ, кто замышлялъ противъ него дурное. Она хотѣла спасти собаку, а собака спасла ее; она хотѣла привести Ламио въ безопасное мѣсто, а онъ не допустилъ ее умереть въ лѣсу голодной смертью и привелъ обратно въ родную деревушку, гдѣ его самого ожидала смерть...

Впередъ, впередъ! Съ торжествующимъ лаемъ велъ Ламио свою хозяйку по малопроходимой тропинкѣ и, не понимая, почему она съ такимъ трудомъ слѣдуетъ за нимъ, волновался и смотрѣлъ на нее съ ласковымъ упрекомъ. Дважды колокольня и домики Изолетты исчезали изъ вида, скрываясь за группами деревьевъ и пригорками, и каждый разъ Кармела чувствовала, что силы оставляютъ ее: но когда снова появлялась дорогая сердцу картина и очертанія домовъ становились все ближе и опредѣленнѣе, она съ новыми силами шла дальше. Впередъ, впередъ! Между тѣмъ лай собаки, подхваченный горнымъ эхо, разносился по окрестности и былъ уже услышанъ тѣми, кто спѣшилъ на помощь бѣглянкѣ.

Но вотъ послышался продолжительный, рѣзкій свистъ. Ламио остановился на минуту, насторожилъ уши и ощетинилъ шерсть, дрожа всѣмъ тѣломъ; потомъ бросился, какъ пущенная изъ лука стрѣла, черезъ лугъ, черезъ темныя группы елей, черезъ плетни и рвы и водяные потоки.

Измученный, истерзанный терновникомъ, онъ сдѣлалъ въ нѣсколько секундъ болѣе ста метровъ и задыхаясь, обливаясь потомъ и съ пѣной у рта, бросился къ ногамъ своего господина, который вмѣстѣ съ другими обитателями деревушки обходилъ горы, разыскивая пропавшую дѣвочку. Со всклоченными волосами и смертельно блѣднымъ лицомъ, отецъ Кармелы безумными глазами смотрѣлъ на Ламио, не зная еще, можетъ ли онъ надѣяться или долженъ готовиться къ самому жестокому удару, который можетъ поразить родительское сердце.

— Кармела, Кармела! воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ, глядя вопросительно на Ламио. Но собака, глубоко огорченная тѣмъ, что не можетъ яснѣе выразиться, и уже раскаиваясь, что покинула свою госпожу, съ визгомъ бросилась назадъ по только-что пройденному пути. Остальные съ трудомъ слѣдовали за ней; у нихъ не было, какъ у нея, крыльевъ на ногахъ, и подъемъ былъ гораздо труднѣе спуска.

Долина снова огласилась лаемъ Ламио и криками:

— Кармела! Кармела!

Наконецъ, вдали послышался жалобный голосокъ:

— Папа, папа! Я здѣсь!

Еще одно послѣднее усиліе, еще нѣсколько минутъ — и синьоръ Амброджіо стоялъ возлѣ своего ребенка. Кармела, ноги которой отказывались служить, сидѣла на землѣ со сложенными на колѣняхъ руками и опустивъ головку на грудь, какъ поблекшій на стеблѣ цвѣтокъ. Она съ трудомъ могла открыть глаза, и всѣ предметы сливались передъ ея помутившимся взоромъ. Увидѣвъ отца и Ламио, она попробовала встать, но не была въ состояніи и упала безъ чувствъ.

Синьоръ Амброджіо громкимъ голосомъ позвалъ своихъ отставшихъ спутниковъ, а самъ поднялъ дѣвочку на руки. Она еще не приходила въ себя, но сердце ея билось и тѣло не потеряло теплоты.

Между тѣмъ какъ синдикъ Изолетты спѣшилъ домой со своею дорогою ношей, Ламио шелъ возлѣ него, ежеминутно взглядывая, не поднялась ли лежавшая на плечѣ головка и нетерпѣливо ожидая, когда стиснутыя губы откроются и знакомый, дорогой голосъ произнесетъ его имя.

— Бѣдная собака! проговорилъ синьоръ Амброджіо, съ невыразимымъ сожалѣніемъ глядя на Ламио.

* * *

Когда Кармелу уложили въ постель, она на минуту открыла глаза, но сейчасъ же снова закрыла ихъ.

Докторъ, щупавшій ей пульсъ, засмѣялся:

— Она не въ обморокѣ, а просто спитъ; прощайте, до завтра!

Докторъ Балтассари, очень ученый, рыжеватый, довольно плотный господинъ, любитель дичи и вина, былъ оракуломъ всего околотка—и слова его, словно волшебствомъ, успокоили испуганныя сердца синьора Амброджіо и его матери.

Ламио, стоявшій тутъ же, въ ногахъ, однимъ прыжкомъ очутился на постели.

Съ грустью и сожалѣніемъ синьоръ Амброджіо счелъ нужнымъ прогнать собаку съ кровати.

— Неужели нѣтъ никакого средства? спросилъ онъ, обращаясь къ доктору.

— Еслибъ его можно было спасти, добавила бабушка.

— Къ сожалѣнію, средства нѣтъ, возразилъ докторъ Балтассари.—Ламио укушенъ бѣшеною собакой и для него самого будетъ лучше, если вы покончите съ нимъ, прежде чѣмъ появятся признаки болѣзни.

— И прежде чѣмъ проснется Кармела, печально добавилъ синьоръ Амброджіо.

— Это было бы самое лучшее.

Не говоря ни слова, синьоръ Амброджіо вышелъ въ сосѣднюю комнату, снялъ со стѣны ружье и закричалъ повелительнымъ голосомъ:

— Ламио!

— Куда ты идешь? спросила его мать.

— Тише. Не уходи пока отъ Кармелы. Ламио!

Собака вышла неохотно изъ-подъ кровати и приблизилась къ своему господину.

Послѣдній сдѣлалъ ей знакъ слѣдовать за нимъ, стараясь по возможности не смотрѣть на бѣдное животное.

Собака и хозяинъ ея вышли въ садъ точно такъ же, какъ

въ прошлую ночь Кармела. Было уже поздно, мѣсяцъ свѣтилъ на небѣ и лучи его отражались на стволѣ ружья, надѣтаго черезъ плечо синьора Амброджіо.

Ламло находился въ волненіи и безпокойствѣ. Неужели въ такой поздній часъ надо идти на охоту? Неужели надо еще разъ продѣлать все это длинное, тяжелое путешествіе? А онъ такъ усталъ и такъ голоденъ!

Синьоръ Амброджіо поднялъ упавшее съ дерева зеленое яблоко и бросилъ его впередъ. Собака, вѣрная своей привычкѣ носить поноску, бросилась за яблокомъ, а синьоръ Амброджіо, поспѣшно снявъ съ плеча ружье, прицѣлился и спустилъ курокъ.

Ламло вздохнулъ, повернулся раза два на одномъ мѣстѣ и упалъ недвижимый.

Двѣ крупныя слезы катились по загорѣлымъ щекамъ синдика, когда онъ снова вошелъ въ домъ, поставилъ ружье въ уголъ и приблизился къ кроваткѣ своей мирно спавшей дочери.

— Что-то скажетъ завтра Кармела?

Ночью ребенокъ произносилъ сквозь сонъ безсвязныя слова:

- Тетя Норина... оставь у себя Ламло... Они хотятъ его убить... Нѣтъ... нѣтъ...

А Ламло лежалъ уже окоченѣлый за садовою оградой. (с.)

Кровавая страница лѣтописи.

(Рис. на стр. 612 и 613).

I.

„Быть бѣдамъ!“

6745 годъ наступилъ при самыхъ страшныхъ и тягостныхъ предвѣстіяхъ и знаменьяхъ. Стоустая молва, проносясь изъ конца въ конецъ по всему простору Русской земли, заглядывая во всѣ уголки и закоулки ея—въ города и посады, въ богатыя торговыя села и въ скромныя, уединенныя обители, - твердила всюду одно и то же:

„Быть бѣдамъ! Пришелъ отъ востока народъ лютый, немилостивый! Прійдетъ онъ и на нашу землю Русскую!“

Никто не зналъ: *откуда* прійдетъ, *кто* прійдетъ? О какомъ „лютомъ, немилостивомъ народѣ“ твердила молва? Съ полгода тому назадъ, правда, дошли во Владиміръ слухи изъ земли Волжскихъ Болгаръ, что приходили на ихъ землю какія-то полчища „народа незнаемаго“, которыя разгромили Болгаръ, пожгли сёла ихъ, попалили и Великій городъ ихъ, и другіе города, и увели съ собою въ степи множество народа. Но объ этомъ во Владимірѣ никто и не тревожился.

— Мало-ли кто тамъ за Болгарами живетъ да съ Болгарами воюетъ! говорили одни, стараясь ободрить робкихъ и утѣшить себя.—Не всѣ же отъ Болгаръ да и на Русь идутъ!

— А и то сказать, братцы! Эту кàру Богъ подѣломъ наслалъ на Болгаръ. Давно-ли они у себя въ Великомъ городѣ блаженнаго Авраамія замучили? Вѣдь какъ его мучили, какъ истязали -все хотѣли, чтобы онъ отвергся отъ Христа и вѣры христіанской; а онъ твердъ пребылъ, не покорился имъ! Ихъ и тогда ужь наказалъ Богъ: отъ пожара въ тотъ же годъ половина ихъ Великаго города выгорѣла; а теперь и еще злую погибель на нихъ наслалъ—въ конецъ истребилъ ихъ! Ну, и ништо имъ!

— Хорошо такъ-то о чужой бѣдѣ разговаривать; а какъ къ намъ на дворъ прійдетъ, небось не то запоешь!

— Да почему-же къ намъ? Вѣдь вотъ сказываютъ изъ Болгаръ выходцы, что они въ степи съ полономъ ушли?

— Такъ что-же, что въ степи? Ну, ушли; а попущеньемъ Божьимъ изъ степей на насъ выйти могутъ, не хуже чѣмъ на Болгаръ. Мы развѣ не грѣшны тоже, не въ беззаконіяхъ развѣ живемъ, не въ распряхъ, не въ тьмѣ кромѣшной, не въ крови братней?..

- Да, грѣшны-то грѣшны, да все-же не какъ Болгары! Вѣдь они -поганые: Бохмиду своему кланяются, ѣдятъ всякую скверну, живутъ въ нечистомъ обычаѣ. А у насъ все по Божьему строится... Авось и минетъ насъ бѣда, авось будетъ къ намъ Богъ милосердъ!

Но страшныя знаменья говорили иное: предвѣщали грозное, страшное, неслыханное. То солнце поднималось на небѣ—красное, багровое, и на три стороны бросало отъ себя длинные, кровавые столбы свѣта; то вдругъ луна померкала среди зимней морозной ночи и чернымъ пятномъ стояла на звѣздномъ небѣ; то земля колебалась подъ ногами людей, потрясая храмы и зданія. Отъ такого „трясенія“ земнаго въ Переяславлѣ церковь св. Михаила разсѣлась на-двое, отъ крыши и до полу; въ Юрьевѣ—тогда-же—иконы закачались въ соборѣ, на стѣнахъ, и колокола на звонницѣ загудѣли сами; а въ Рождественскомъ монастырѣ, во Владимірѣ -иноки только что стали читать молитву предъ вкушеніемъ пищи въ трапезѣ, какъ вдругъ ея стѣны и своды затряслись, дрогнули—посыпался сверху кирпичъ и щебень и завалилъ весь столъ и всѣ яства толстымъ слоемъ мусора.

— Охъ, не къ добру, дѣти мои! Не къ добру это знаменье! промолвилъ, крестясь, сѣдой игуменъ, обращая блѣдное лицо свое къ братіи, столпившейся, какъ робкое стадо, кругомъ своего отца духовнаго.—Не къ добру—быть бѣдамъ!

— Быть бѣдамъ! растерянно повторяли вслѣдъ за игуменомъ на смерть перепуганные иноки.

И точно. Сбылись предсказанія. Черными тучами пришли бѣды на Русскую землю: пришли изъ заволжскихъ степей несмѣтныя полчища „невѣдомыхъ, незнаемыхъ языковъ“ и обрушились всею силою на Рязанское княжество... Тогда князья Рязанскіе прислали къ князю Владимірскому Юрію Всеволодовичу пословъ съ мольбами о помощи.

— Идутъ на насъ враги незнаемые, невиданные и неслыханные—приказывали сказать Юрію князья Рязанскіе.—Поспѣшай со своей дружиною и съ земскою ратью къ намъ на помощь! Сплотимся—дружно станемъ противъ врага! Авось, пока мы будемъ съ нимъ биться, и другіе князья подоспѣютъ къ намъ на выручку.

Князь Юрій растерялся, медлилъ отвѣтомъ, долго совѣщался съ дружиною; а посланный къ нему рязанскій бояринъ все торопилъ и клялся, что если не дождется отвѣта къ закату солнца, то поставитъ ногу въ стремя.

Долго думалъ князь Юрій, надумалъ отвѣтъ князьямъ рязанскимъ, и послалъ за ихъ посломъ:

— Своимъ князьямъ, а моей братіи, правь, бояринъ, и отъ меня, и отъ всѣхъ сыновей моихъ поклонъ. А на просьбу ихъ отвѣтъ даю такой: не гоже мнѣ, князю Великому, съ моей великокняжеской дружиной спѣшить на помощь къ братіи моей, къ молодшимъ князьямъ, противъ врага незнаемаго. Онъ только еще близится къ предѣламъ Рязанской земли—и за рубежъ еще не переступилъ, а я ужь брошу все: и столъ великокняжескій, и домъ свой, и дружину, и семью, и всѣхъ людей моихъ, чтобы спасать сосѣднихъ князей! А если къ намъ придутъ враги—кто-же здѣсь-то постоитъ за княжество мое? Кто же церкви Божіи и города, и села прикроетъ грудью, когда всѣ мы тамъ у васъ поляжемъ за Рязань и за князей рязанскихъ?..

— Князь Юрій Всеволодовичъ! воскликнулъ пылкій рязанецъ, сверкнувъ очами,—не томи ты меня на рѣчахъ увѣтливыхъ, скажи ты прямо: придешь ты намъ на помощь, или—нѣтъ?

— А вотъ, подумаю, да поразмыслю, да...

— Гдѣ-жь тутъ думать, князь! вскричалъ рязанецъ.—Вѣдь они идутъ туча-тучей! Зарево стоитъ надъ станомъ ихъ отъ тысячи огней, разложенныхъ между ихъ шатрами; стономъ стонетъ земля на десятки верстъ отъ топота ихъ безчисленныхъ коней! Тьмы тёмъ этой нечисти идутъ на насъ и скоро сметутъ насъ съ лица земли—а ты размыслить хочешь!..

— Не горячись, бояринъ! Вѣдь я не юноша... Отъ словъ твоихъ не вскочу въ сѣдло! Авось, Богъ дастъ, васъ и минѣтъ гроза... А если не минётъ, тогда и я готовъ, пожалуй...

— Тогда? Тогда ужь будетъ поздно, князь Юрій Всеволодовичъ. Поздно—и ты самъ спокаешься еще не разъ въ своихъ долгихъ сборахъ. Будемъ мы биться съ врагомъ до послѣдняго, и сложимъ наши головы! Но помни, что за нами настанетъ твой чередъ!.. Прощай, князь Юрій Всеволодовичъ!

И онъ быстро вышелъ изъ княжихъ хоромъ, мигомъ вскочилъ въ сѣдло и съѣхалъ съ княжаго двора, окруженный своими отроками.

— Батюшка! воскликнулъ юный князь Владиміръ Юрьевичъ, любимецъ князя Юрія.—Батюшка! Подай имъ помочь! Самъ останься здѣсь; а насъ троихъ, князей братьевъ, пошли въ Рязань съ дружиною твоею и съ владимірскою ратью.

Юрій молчалъ, нахмурившись и понуривъ голову.

— Батюшка, не гнѣвайся ты на меня. Мнѣ не смолчать и не стерпѣть: сердце изъ груди рвется! Пошли имъ помочь—насъ всѣхъ пошли. Вѣдь рознью-то и погибаетъ Русская земля! Потому-то и идутъ на насъ лютые вороги, какъ тучи изъ степей, что мы имъ дружнаго отпора не даемъ...

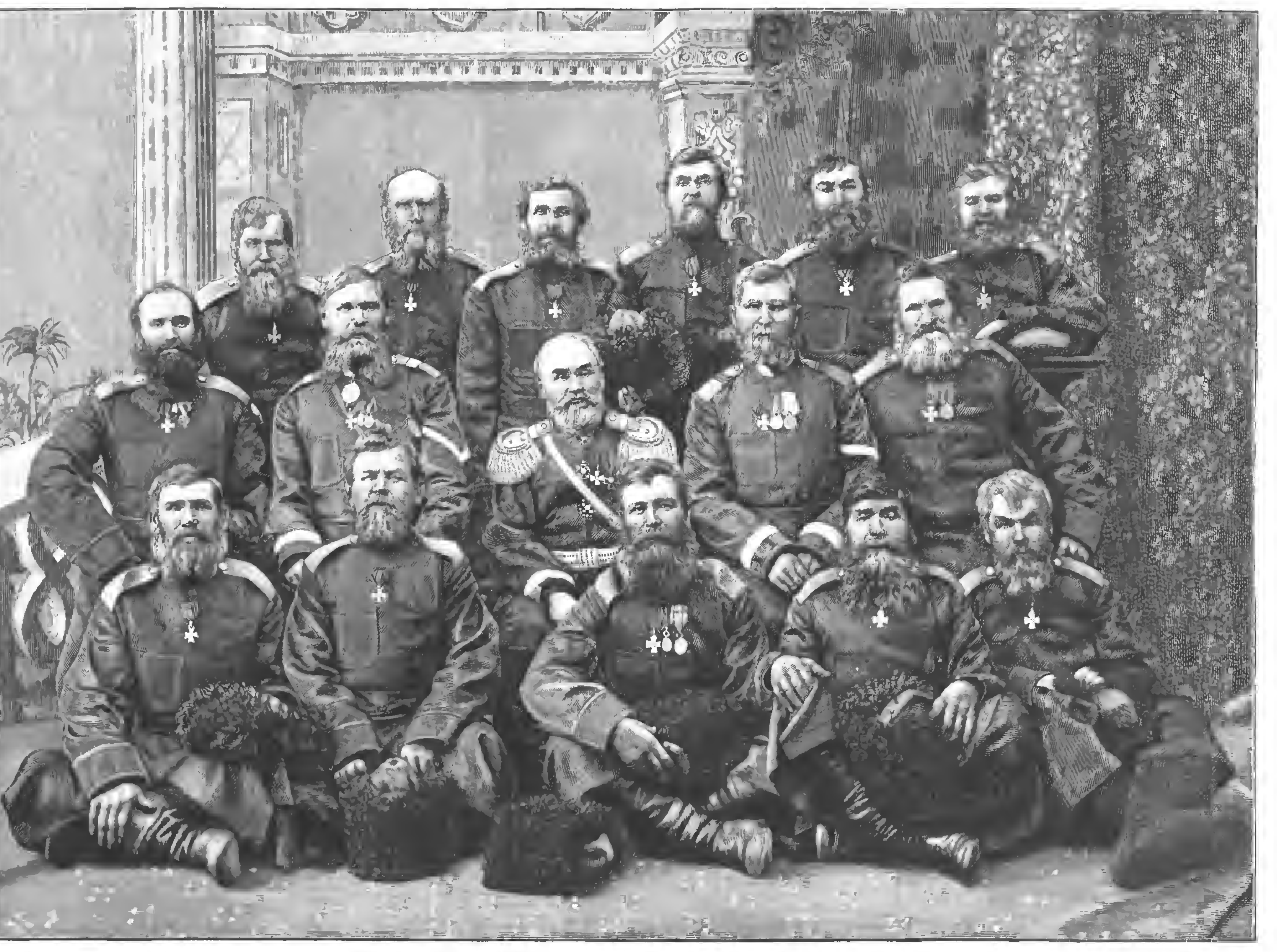
— Молчи, Владиміръ! Не тебѣ судить князей... Молодъ ты еще! сердито проговорилъ князь Юрій.

— Не могу молчать, когда въ сосѣднемъ княжествѣ быть-можетъ и кровь ужь льется, и люди русскіе—такіе же какъ мы -гибнутъ отъ меча поганыхъ! Вѣдь все равно: они погибнутъ—и мы не уцѣлѣемъ, и насъ не пощадитъ карающая десница Божья!

— Замолчишь-ли ты! громко крикнулъ Юрій, вскакивая съ мѣста. -Не до рязанцевъ намъ теперь -о себѣ самихъ должны мы промышлять! Бояре! Завтра же сбираться всей дружинѣ... Послать гонцовъ во всѣ концы, сзывать всѣхъ ратниковъ, всѣхъ, кто можетъ шеломъ на головѣ сносить и мечъ въ рукахъ сдержать! Станемъ на рубежѣ своемъ и будемъ ждать покамѣстъ къ намъ ворогъ пожалуетъ... А о Рязани -ни слова больше!

И князь Юрій, грузно ступая и гнѣвно озираясь по сторонамъ, вышелъ изъ палаты.

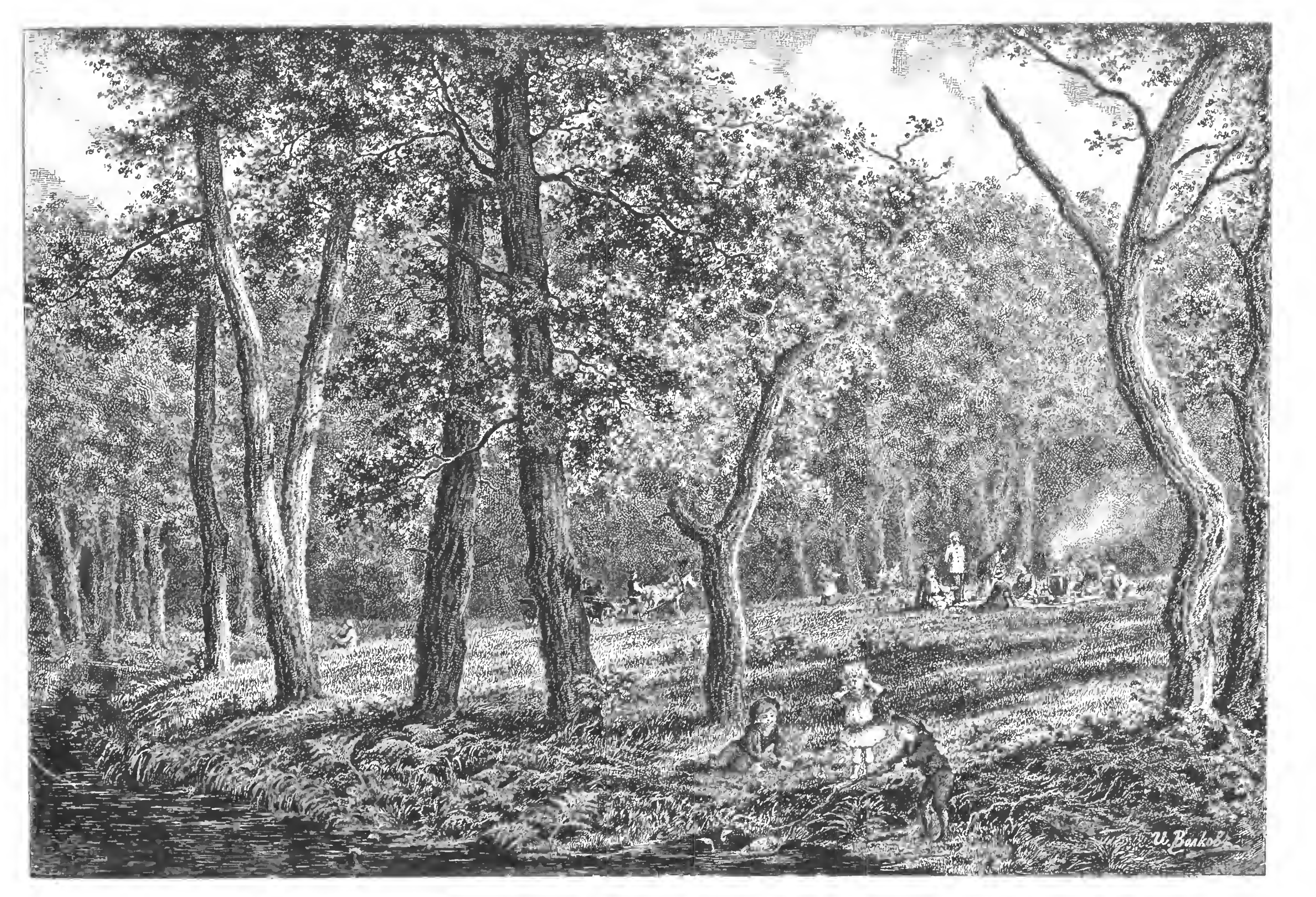
Тогда князь Владиміръ не вытерпѣлъ, и обращаясь къ



Остатки Уральской сотни есаула В. Р. Сѣрова къ 25-лѣтію боя подъ Иканомъ 4, 5 и 6 декабря 1864 г.

Савинъ Горинъ, Александръ Портновъ, Евстафій Синицынъ, Михаилъ Прикащиковъ, Венедиктъ Панькинъ, Харитонъ Сластинъ.
Ѳедоръ Парфеновъ, Акимъ Черновъ, ген.-майоръ Василій Родіоновичъ Сѣровъ, Иванъ Агаѳоновъ, Панкратъ Скоробогатовъ
Артемій Кочемасовъ, Никита Портновъ, Филиппъ Шарковъ, Ѳедоръ Кирилинъ, Василій Герасимовъ.

Съ фотогр. Вершкова. грав. Шюблеръ.



Пикникъ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") И. Волкова, автотипія мастерской „Нивы".

братьямъ, Всеволоду и Мстиславу, сказалъ съ волненіемъ и горечью упрека:

— Что-же вы молчите? Зачѣмъ не скажете отцу всей правды? Вѣдь у сосѣда изба горитъ, а мы ему воды дать не хотимъ, свою избу оберегаючи... Ужели-же и вы такъ же слѣпы, какъ и онъ?

И братья-князья, и всѣ бояре ничего не отвѣчали князю Владиміру. Но онъ прочелъ на всѣхъ лицахъ печаль и уныніе.

— Рознь! Всюду рознь проклятая! воскликнулъ князь Владиміръ.—Да! при этой розни—чуетъ мое сердце—быть бѣдамъ, бѣдамъ великимъ, неминучимъ!

II.

Вѣстникъ гибели.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ князь Юрій выставилъ двѣ рати на рубежѣ своего княжества: одну подъ Коломною, подъ начальствомъ старшаго своего сына Всеволода и стараго воеводы Еремѣя Глѣбовича; другую подъ Москвою, подъ начальствомъ младшаго сына, княжича Владиміра и опытнаго, стараго воина, боярина Филиппа Нянька. Отецъ хотѣлъ было удержать свое любимое дѣтище дома, но княжичъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Онъ не поддался ни уговорамъ отца, ни слезамъ матери, ни мольбамъ молодой жены, и настоялъ на своемъ: уѣхалъ съ войскомъ въ Москву. Одинъ только братъ, княжичъ Мстиславъ, средній сынъ Юрія, остался во Владимірѣ съ отцомъ и матерью, съ молодою женою и молодыми невѣстками.

Святки пришли и прошли, при княжомъ дворѣ, скучныя, тихія, безъ обычнаго шумнаго веселья, безъ вечеринокъ, безъ переряживаній, безъ гаданій... Никто и думать не смѣлъ о весельѣ: всѣ только ждали, съ замираніемъ сердца ждали вѣстей изъ-подъ Москвы и Коломны... А вѣсти не приходили. Пятый день уже шелъ съ тѣхъ поръ, какъ княжичи прислали отроковъ своихъ къ отцу и матери со спросомъ о здравіи ихъ и съ привѣтомъ къ женамъ,—и съ тѣхъ поръ вѣстямъ словно запала дороженька.

Еще прошло два-три томительныхъ дня. Всѣ въ княжихъ палатахъ пріуныли, особенно на половинѣ княгининой. Окруженная своими молодыми снохами, дочерьми и внуками, княгиня сидѣла въ своей палатѣ, хмурая и грустная, и то и дѣло переходила отъ одной снохи къ другой съ утѣшеніемъ или ободреніемъ, хоть у самой невыносимо тяжело и смутно было на сердцѣ.

— Да полно вамъ, голубки! Ну, чего вы разливаетесь? Чего вы бѣду-то на себя накликаете слезами?.. Вѣдь еще милостивъ Богъ, еще...

— Ахъ, матушка! Милостивъ Богъ, да видно не для насъ, грѣшныхъ! воскликнула младшая сноха княгини, жена княжича Владиміра.—Не видать мнѣ болѣе моего голубчика сизокрылаго... не слыхать мнѣ болѣе его голоса ангельскаго...

— Перестань, Марья! Не гнѣви Бога! Слыханное-ли дѣло, по живомъ причитать, какъ по покойникѣ!?.. перебила сноху старая княгиня.

— Причитать не гоже, а и на сердцѣ-то тоска смертная! кротко замѣтила другая сноха, жена Всеволода.—Какъ-же съ сердцемъ-то совладать, матушка, родная,—научи!

И обѣ молодыя женщины залились слезами, громко рыдая.

Тутъ дверь отворилась настежь и въ палату къ княгинѣ вошелъ князь Юрій, который за послѣднія недѣли такъ исхудалъ, такъ постарѣлъ и измѣнился въ лицѣ, что былъ неузнаваемъ. Понуривъ голову и ни на кого не обращая взора, онъ опустился на стулецъ около княгини и грустно покачалъ головою. Обѣ молодыя снохи его удержали рыданія и плакали тихонько, укрывая лица руками.

— Плачете?.. Рано плакать! Подождите вѣстей, голубки! Посмотримъ, каковы вѣсти будутъ, съ горечью и укоризной сказалъ князь Юрій.

Онъ пришелъ къ женѣ, чтобы укрыться отъ тоски, которая его снѣдала—и здѣсь нашелъ слезы и сокрушенія.

— Аль ты еще гонца къ княжичамъ отправилъ? спросила князя Юрія жена, чтобы отвлечь его мысли и вниманіе въ сторону.

— Не утерпѣлъ! Отправилъ! съ какимъ-то отчаяньемъ произнесъ князь Юрій, и опять повѣсилъ голову.

— И что же это за притча? Почему же первый-то гонецъ досель не бывалъ обратно? опять спросила князя его супруга.

— Почему!.. Почему? Голову снять съ него мало, съ бѣсова сына! Вѣдь какъ ужь я ему наказывалъ... какъ грозилъ...

Князь вдругъ остановился на полусловѣ и сталъ тревожно прислушиваться. Въ сѣняхъ и на теремныхъ переходахъ слышны были спѣшные шаги... Всѣ княгини переполошились.

— Сюда бѣжитъ кто-то! воскликнула княгиня Марья, быстро вскакивая.—Ужь не гонецъ ли вернулся?

И она бросилась къ дверямъ, въ которыхъ почти столкнулась лицомъ къ лицу съ княжичемъ Мстиславомъ.

— Батюшка! спѣшно и тревожно заговорилъ княжичъ Мстиславъ.—Стража на Золотыхъ воротахъ...

— Ну! Что такое? Говори! не своимъ голосомъ крикнулъ князь Юрій.

— Вдали, на взгорьѣ, завидѣли... какихъ-то ратныхъ... скачутъ сюда, смущенно проговорилъ княжичъ.

— Ратныхъ? Какіе ратные? Почудилось имъ, что ли? Всѣхъ на ноги подиять! Трубить въ рога... Какіе ратные?

Княжичъ стоялъ въ недоумѣніи, не зная, говорить-ли дальше.

— Сынокъ! Ну, что ты стражи слушаешь? Самъ бы пошелъ, взглянулъ, кротко замѣтила мать Мстиславу.

— Да я и то глядѣлъ, да и глазамъ не вѣрю... съ какимъ-то отчаяніемъ воскликнулъ княжичъ.

Князь Юрій вскочилъ съ мѣста, княгини бросились къ княжичу, всѣ взоры устремились на него съ ужасомъ, въ трепетномъ ожиданіи.

— Въ тѣхъ ратныхъ... по конямъ... всѣ мы признали дружину брата Всеволода.

— Что-жь ты молчишь! Что-жь ты!.. закричалъ князь Юрій.

— Да мало ихъ ужь очень, батюшка! И скачутъ... скачуть, словно отъ погони... во всю-то прыть...

Князь Юрій схватился руками за голову и медленно опустился на стулъ.

Вопли и рыданія раздались въ княгининой палатѣ и заглушили шумъ, который сталъ ясно долетать въ хоромы съ надворья и все ближе-ближе раздавался, все явственнѣе обращался въ смутный гулъ и говоръ толпы, которая бѣжала отъ Золотыхъ воротъ къ княжому двору, вслѣдъ за княжичемъ Всеволодомъ и двумя десятками всадниковъ, молча скакавшихъ около него...

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ княжичъ Всеволодъ уже входилъ въ палату княгини-матери. Онъ былъ еще въ шеломѣ и въ доспѣхѣ, только шубу отроки сняли съ него въ дверяхъ сѣней. Но доспѣхъ его былъ весь измятъ, изрубленъ, кольчужная рубашка порвана... Пятна запекшейся крови были видны на лицѣ его, вкось пересѣченномъ широкимъ рубцомъ сабельнаго удара... Онъ едва держался на ногахъ отъ утомленія и потери крови. Высокій бояринъ, шедшій сзади князя, поддерживалъ его подъ правое плечо.

— Сынъ! Всеволодъ! воскликнулъ, вставая ему навстрѣчу, князь Юрій.

— Голубчикъ! Супругъ желанный! вскрикнула жена, бросаясь навстрѣчу Всеволоду.—Ты раненъ! Садись скорѣе, дай сниму шеломъ!

— Постой! едва слышно прошепталъ князь Юрій, отстраняя заботливую сноху, и положилъ руку на плечо сына.—Говори скорѣе...

— Всѣ полегли костьми! мрачно проговорилъ княжичъ.—Десятка съ два моей дружины уцѣлѣло...

— А мой Владиміръ?! вскрикнула княгиня Марья, бросаясь къ Всеволоду.

— Живъ... должно-быть... но я не знаю—гдѣ?.. Не могу... и слова молвить... рѣчь путается... Въ глазахъ темно... Вотъ онъ разскажетъ! съ трудомъ проговорилъ княжичъ, опускаясь на лавку и указывая на своего спутника-боярина.

И въ то время, какъ мать, жена и сестры, окруживъ княжича, стали снимать съ него доспѣхъ и перевязывать его раны, князь Юрій услышалъ отъ боярина роковую вѣсть...

— Всѣ полегли, никто не дрогнулъ передъ врагомъ, разсказывалъ бояринъ.—Но не подъ силу было биться съ ними. Окружили, осилили—вдесятеромъ пошли на каждаго; воеводу Еремѣя Глѣбовича въ первыхъ рядахъ убили... Какъ мы пробились, какъ спаслись—сами того не вѣдаемъ...

— А сынъ Владиміръ? трепетно допрашивала мать.

— Мы только видѣли, какъ онъ съ дружиной былъ отрѣзанъ, какъ отбивался и отступалъ къ Москвѣ, но и ему отъ нихъ не избѣжать... Ужь ихъ отряды всюду рыщутъ, разсыпались какъ прузи голодные...

Страшный, раздирающій вопль раздался за спиною князя Юрія и вынудилъ его обернуться. Княгиня Марья лежала на полу и билась въ страшныхъ судорогахъ. Старая княгиня и двѣ-три сѣнныхъ дѣвушки суетились около несчастной, которая не выдержала грозной вѣсти о любимомъ мужѣ.

Князь Юрій, молча, почти безсознательно, провелъ рукой по лбу, самъ не отдавая себѣ отчета въ томъ, что около него происходитъ.

— Князь Юрій Всеволодовичъ! рѣшился сказать ему бояринъ.—Теперь не время сокрушаться! Готовься къ кровавой брáни... Враги сюда нагрянутъ отъ Москвы, сбирай дружину! Всѣхъ сбирай и городъ вели крѣпить... Не то...

Князь Юрій вдругъ, словно очнувшись отъ тягостнаго сна, взглянулъ въ очи боярину, выпрямился, поднялъ голову и поспѣшно вышелъ изъ княгининой палаты къ боярамъ и дружинѣ, нетерпѣливо ожидавшимъ его въ сѣняхъ.

III.

Княжичъ Владиміръ.

Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ князь Юрій, вмѣстѣ съ племянниками своими, ростовскими князьями, уѣхалъ спѣшно за Волгу, собрать всю земскую силу и стать противъ татаръ. Во Владимірѣ оставилъ онъ двоихъ княжичей-сыновей, Всеволода и Мстислава, и при нихъ свою дружину съ храбрымъ и

надежнымъ старымъ воеводой, Петромъ Ослядюковичемъ. Всѣ горожане володимірскіе вооружились и поклялись князю, что не отстанутъ отъ дружины и до послѣдней капли крови постоятъ за княжескую семью, за городъ свой родимый, „красный и милый имъ", и за церкви Божіи, сіявшія благолѣпіемъ несказаннымъ. И едва только уѣхалъ князь Юрій, огненнымъ потокомъ, повсюду, кругомъ Владиміра, разлились полчища поганыхъ, все предавая мечу и пламени. Со стѣнъ и башенъ Владиміра было видно то здѣсь, то тамъ зарево пожаровъ, но ни откуда вѣсть не доходила въ стольный городъ: тамъ, гдѣ проходили полчища татаръ, не оставалось живой души, некому было и вѣсть подать... И вотъ, обширный стольный городъ, обратившійся на время въ военскій станъ, стихъ и присмирѣлъ, словно замеръ за своими высокими зубчатыми стѣнами, замеръ въ ожиданіи неминуемой, надвигающейся Божьей грозы. Оживленіе было замѣтно только въ храмахъ, гдѣ день и ночь теплились лампады передъ иконами и всѣ женщины и дѣти молились со слезами объ избавленіи отъ врага или каялись въ грѣхахъ; да на стѣнахъ и башняхъ и воротахъ городскихъ день и ночь, не смыкая глазъ, ходила дозоромъ стража, позвякивая на ходу доспѣхами и оружіемъ и зорко вперяя взоры въ туманную даль.

Ожиданія эти длились такъ долго, были такъ тягостны, что сердцу невмоготу ужъ было выносить ихъ... „Пусть бы ужъ шла бѣда, чѣмъ такъ томить-то, такъ изводить"—вотъ что можно было прочесть на всѣхъ лицахъ, во всѣхъ очахъ.

Наконецъ, во вторникъ, рано утромъ, за недѣлю до Масляной, прибѣжала стража къ княжичамъ, на княжой дворъ, съ страшною вѣстью:

— Идутъ татары! Идутъ!

Мигомъ изрядились княжичи и бѣгомъ пустились къ Золотымъ воротамъ. По улицамъ вездѣ уже бѣжалъ народъ: кто на стѣны, въ доспѣхахъ, кто въ церковь... Стонъ стоялъ надъ городомъ... Вотъ ударилъ набатный колоколъ на соборной колокольнѣ; вотъ звонъ набата подхватили и другія церкви, а рѣзкій звонъ била, перемѣшиваясь со звукомъ роговъ и трубъ, сталъ призывать всѣхъ горожанъ къ оружію.

Мѣшаясь съ бѣгущею и трепетною толпою владимірцевъ, княжичи добѣжали до Золотыхъ воротъ, взбѣжали вверхъ по лѣстницѣ, подъ круглую арку наката и протискались впередъ, черезъ толпу ратниковъ, окружавшихъ стараго воеводу Петра Ослядюковича.

— Вотъ *они!* сказалъ воевода князьямъ и указалъ имъ вдаль.

Княжичи увидѣли вдали какія-то большія, темныя и сѣрыя пятна, которыя быстро опускались съ дальнихъ высотъ и исчезали за ближайшимъ лѣсомъ, рѣзко выдѣляясь на бѣломъ полѣ снѣга.

Княжичи переглянулись съ воеводой и онъ, понявъ выраженіе ихъ взора, сказалъ:

— У насъ-то все готово для встрѣчи незваныхъ гостей, и мы сами умереть за васъ и за свой городъ рады... Да что въ томъ толку: сѣкира ужъ лежитъ у древа...

Княжичи опять взглянули вдаль, и сердце у нихъ похолодѣло: темныя пятна, не прерываясь, все покрывали дальнія высоты и все сползали съ нихъ къ лѣсу, быстро надвигаясь на Владиміръ.

Не прошло и часа, какъ явственно послышались въ лѣсу дикіе крики и возгласы, топотъ безчисленныхъ коней, звяканье оружія и конской сбруи, и тысячи наѣздниковъ, на борзыхъ коняхъ, высыпали изъ лѣсу на подгородную поляну, потрясая легкими копьями, мелькая пестрыми значками, сверкая на солнцѣ обнаженнымъ оружіемъ.

— Гайда! Гайда! слышалось въ ихъ пестрой, разноголосой и разномастной толпѣ, которая разсыпалась кругомъ города, захватывая все видимое глазамъ пространство новыми и новыми безчисленными толпами конныхъ, вооруженныхъ людей, въ широкихъ верблюжьихъ армякахъ, въ косматыхъ шапкахъ, въ высокихъ бѣлыхъ колпакахъ, обшитыхъ мѣхомъ.

— Господи! Да сколько же ихъ идетъ на насъ? Есть ли гдѣ конецъ ихъ полчищу? воскликнулъ князь Мстиславъ, съ ужасомъ вглядываясь въ толпы вражескаго воинства, которое, словно мутныя волны моря, заливало и заливало всѣ окрестности Владиміра, все прибывая и надвигаясь изъ-за лѣса...

— Имъ конца не видно! грустно промолвилъ воевода Петръ Ослядюковичъ.—Взгляни-ка вдаль...

И точно. Вдали, съ высотъ, все такъ же сползали какія-то темныя пятна, одно грознѣе и темнѣе другаго...

— Вонъ, вонъ, смотрите! крикнули княжичамъ ратники,— подъѣзжаютъ къ воротамъ! Руками машутъ! Словно говорить хотятъ.

Кучка всадниковъ, на высокихъ, сухопарыхъ степныхъ аргамакахъ, подъѣхала къ воротамъ на перестрѣлъ изъ лука, махая руками и что-то выкрикивая по своему.

Всѣ на накатѣ смолкли, прислушиваясь, и ясно разслышали, какъ одинъ изъ всадниковъ закричалъ довольно чисто порусски:

— Здѣсь ли князь великій Юрій? Во градѣ ли?

— Не отвѣчать имъ, окаяннымъ! крикнулъ княжичъ Всеволодъ. — По стрѣлѣ пустить имъ, чтобы глотку имъ заткнуть, собакамъ!

Разомъ запѣли тетивы у двадцати луковъ, и двадцать стрѣлъ со свистомъ понеслись въ татаръ, которые тотчасъ же отвѣчали стрѣлами на этотъ вызовъ; но тотчасъ послѣ того, тотъ же конный, который спрашивалъ о князѣ, замахалъ владимірцамъ шапкою и выѣхалъ впередъ изъ кучки всадниковъ, ведя подъ уздцы саврасаго коня, на которомъ, безъ сѣдла, былъ посаженъ какой-то человѣкъ, связанный по рукамъ и ногамъ,— очевидно, русскій полонянникъ.

— Не стрѣляйте! кричалъ татаринъ. — Я поближе къ вамъ подъѣду...

И онъ, подъѣхавъ, сдернулъ башлыкъ съ плѣнника...

— Узнаете ли вашего княжича Владиміра? крикнулъ насмѣшливо татаринъ.

Вопль негодованія и ужаса вырвался изъ груди княжичей-братьевъ.

— Господи! Братъ нашъ Владиміръ! Въ плѣну у этой погани!.. Да какъ измученъ, какъ истомленъ! Живой мертвецъ... Да краше въ гробъ кладутъ!..

И оба княжича, и многіе изъ дружины залились слезами...

— Братцы! воскликнулъ вдругъ Мстиславъ.—Пойдемте—выручимъ Владиміра или помремъ за Св. Богородицу передъ Золотыми воротами! Пойдемъ...

— Готовы, княжичъ Мстиславъ! воскликнуло разомъ нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ! не дозволю! громко крикнулъ старый воевода.—Не княжичей здѣсь воля — а моя! Мнѣ городъ поручилъ князь Юрій! Или вы всѣ не видите, что только имъ того и нужно, чтобъ выманить васъ за ворота... Васъ сотни, а ихъ тьмы! Воротами ворвутся въ городъ—и потопятъ его въ крови! Дайте-жъ прежде намъ ихъ кровью напиться!

Никто не смѣлъ перечить воеводѣ; всѣ смолкли и понурили головы.

— Сдавайтесь на милость ханскую! громко крикнулъ имъ татаринъ.—А не то—всѣхъ перебьемъ; а женъ себѣ возьмемъ...

Ропотъ негодованія послышался въ дружинѣ. Воевода Петръ выступилъ впередъ и громко крикнулъ татарину:

— Скажи собакѣ-хану своему, что мы готовы умереть, а вамъ живыми ни мы, ни жены, ни дѣти наши—не сдадимся!

IV.

Приступъ.

Ровно недѣлю длилась осада. Владимірскіе горожане бились какъ львы. Всѣ знали, что смерти не избѣжать—и потому не думали о ней... Жены, вмѣстѣ съ мужьями, бились на стѣнахъ, то осыпая татаръ стрѣлами, то обливая ихъ со стѣнъ, во время приступовъ, кипящимъ варомъ, то сдвигая имъ на головы камни, бревна, зубцы стѣны... Но у враговъ были тьмы воиновъ, а владимірцовъ было-ли пять тысячъ? И день, и ночь не сходя со стѣны, и день и ночь помышляя только о томъ, какъ отразить врага—всѣ горожане были такъ истомлены, что многіе едва держались на ногахъ отъ ранъ и истощенья силъ. А ханъ татарскій высылалъ изъ стана все новые, все свѣжіе отряды; и уже близокъ былъ тотъ день, когда татары войдутъ въ городъ—и некому будетъ отразить ихъ...

Въ субботу, передъ Масляной, они поставили противъ городскихъ воротъ тяжелые стѣнобитные тараны, и стали ими разбивать толстые створы воротъ. Грозный стукъ и трескъ пробиваемой твердыни разносился по всему городу: всѣ знали и чувствовали, что смерть и гибель стучатся въ ворота Владимірскія, и что отъ нихъ—нѣтъ спасенья.

Рано утромъ, 7 февраля, въ воскресенье передъ Масляной, старая княгиня въ послѣдній разъ собрала кругомъ себя своихъ дочерей, невѣстокъ и внучатъ, и вмѣстѣ съ ними, какъ и во все время осады, направилась въ соборъ, къ ранней обѣднѣ.

Въ городѣ все еще было тихо. Враги не нападали—защитники дремали на стѣнахъ, въ ожиданіи новыхъ битвъ и нападеній. Въ соборѣ было пусто и холодно. Нѣсколько стариковъ, старухъ и дѣтей стояли въ полумракѣ на колѣняхъ. Духовенство въ свѣтлыхъ ризахъ и епископъ Митрофанъ встрѣтили княжескую семью у амвона.

— Горе, горе намъ! промолвилъ, епископъ благословивъ княгиню и сопровождавшихъ ее женщинъ. — Наводитъ на насъ Богъ сѣтованье, по глаголу пророческому: *„преложу праздники ваша въ сѣтованье и пѣсни ваша въ рыданіе"*. Отецъ Меѳодій! Прикажи, чтобъ начинали...

Но начать обѣдни не удалось. У Спаса, близъ Золотыхъ воротъ, вдругъ загудѣлъ набатъ, и въ то же время изъ-за Лыбеди, около Ирпиненскихъ воротъ послышались крики и дикіе вопли. Весь городъ разомъ поднялся на ноги... Изъ всѣхъ воротъ повысыпали люди; всѣ бѣжали и кричали—одни къ стѣнамъ, другіе со стѣнъ.

Перепуганный и блѣдный служка вбѣжалъ въ притворъ собора и, бросившись къ епископу Митрофану, воскликнулъ:

— Спасайся, господине, татары въ городъ вошли! По примету взлѣзли на стѣну у Золотыхъ воротъ! И отъ Лыбеди— сломали Оринины и Мѣдныя ворота, — и отъ Клязьмы ворвались Волжскими воротами! Спасайся!

А крики, вопли и стукъ оружія — все ближе, ближе... Всѣ люди, воины, женщины, дѣти—все бѣжало въ ужасѣ къ собору, думая хоть тамъ найти себѣ послѣднее убѣжище...

— Княгиня! успѣлъ только проговорить епископъ Митрофанъ. — Бери съ собою свою семью и внучатъ!.. Скорѣй, за мною, — въ коморахъ, подъ главами, есть тайникъ, никѣмъ незнаемый... Туда, скорѣе, пока есть время!

И онъ, крѣпко схвативъ княгиню за руку—указалъ ей, ея снохамъ и внучатамъ на сѣверныя двери иконостаса...

Едва они успѣли скрыться въ алтарѣ, какъ первые бѣглецы, обезумѣвшіе отъ страха, уже врывались въ соборъ; за ними бѣжала густая толпа; люди кричали, падали, давили другъ друга.

— Двери запирайте, двери! Заваливайте ихъ! Здѣсь умремъ,— вопила разноголосая, растерявшаяся толпа беззащитныхъ людей, надъ которыми уже носился ангелъ смерти.

- Гайда!.. Гайда! раздавался вблизи звѣриный ревъ татаръ, уже рѣзавшихся съ владимірцами въ ближайшихъ къ собору улицахъ и домахъ, гдѣ кровь лилась рѣкою подъ безпощаднымъ мечемъ разсвирѣпѣвшихъ убійцъ. Вотъ толпы ихъ высыпали на площадку передъ соборомъ и съ дикими, радостными криками отвсюду устремились къ притвору его, на беззащитную толпу, столпившуюся въ тѣсныхъ стѣнахъ...

V

Въ тайникѣ собора.

Въ тѣсномъ, темномъ и душномъ тайникѣ, подъ кровлею собора, укрылась несчастная княгиня, супруга великаго князя Юрія, со своими снохами и внучатами. Свѣтъ и воздухъ едва проникали въ глубь тайника, сквозь малое щелеобразное оконце въ боковой стѣнѣ. Чуть слышно долеталъ сюда, подъ главы собора, шумъ бранной сѣчи, вопли убиваемыхъ татарами владимірцевъ и отчаянные крики послѣднихъ гражданъ, гибнущихъ въ предсмертной борьбѣ съ врагомъ, въ стѣнахъ собора. Наконецъ и этотъ шумъ, и эти крики, и эти вопли не стали слышны болѣе... Враги одолѣли —и, напитавшись кровью, устремились на грабежъ. Слышно было, какъ ихъ толпы, жужжа и гудя на своемъ незнаемомъ языкѣ, прибывали къ собору, вступали въ него... Ломали, крушили что-то и спѣшили отхлынуть прочь, смѣняемыя новыми бурливыми толпами...

Княгини и всѣ женщины, ни живы ни мертвы, стояли на колѣнахъ, и молились, прижимая къ груди своей курчавыя головки младенцевъ.

— Господи! Призри на малыхъ сихъ, и ради ихъ пощади насъ грѣшныхъ, беззаконія исполненныхъ! молился епископъ Митрофанъ, воздѣвая руки.

Вдругъ какой-то громкій, радостный, дикій вопль донесся до слуха несчастныхъ, укрывшихся въ тайникѣ. Враги чему-то радовались—ликовали.

„Вѣрно открыли путь въ тайникъ!" подумала княгиня Марья, прижимая груднаго младенца къ груди своей и не смѣя произнести мысль свою вслухъ.

А крики внизу все громче, все радостнѣе... Вотъ и хохотъ слышится, адскій хохотъ толпы дикарей, насытившейся кровью.

Что это? Гарью пахнетъ! тревожно воскликнула старая княгиня.

Струйка синеватаго дыма, какъ бы въ отвѣтъ ей, ворвалась въ тайникъ и повисла подъ его каменнымъ сводомъ.

Соборъ горитъ!.. Горимъ! зашептали женщины. Дѣти подняли жалобный плачъ, надрывающій сердце.

— Пришелъ часъ воли Божіей! смиренно и твердо сказалъ епископъ Митрофанъ. —Теперь не время отчаяваться и сокрушаться, дѣти мои! Умремъ въ страхѣ Божіемъ!

Памятникъ воинамъ павшимъ подъ Иканомъ въ 1864 году.
Грав. Рашевскій.

И вынувъ ковчежецъ съ запасными Св. Дарами, онъ сталъ поочередно пріобщать всѣхъ княгинь, княженъ и дѣтей, которыя покорно подходили къ святителю, принимали Св. Дары изъ рукъ его и кланялись ему въ землю.

А между тѣмъ дымъ уже сталъ проникать въ тайникъ не только въ оконце, но и въ щели пола, и въ скважины низенькой потайной двери. Татары натаскали лѣсу внутрь собора и зажгли въ немъ громадный костеръ.

— Мама! Душно! шепчетъ прижимаясь къ матери маленькая княжна, дочь княжича Всеволода.

— Уйдемъ отсюда! кричитъ сынокъ князя Всеволода,—бабушка, уйдемъ скорѣе! Мнѣ страшно здѣсь!

— Душно... душно... задыхаюсь! Ахъ, Господи, какъ душно! шепчетъ чуть слышно княгиня Марья, опускаясь въ изнеможеніи на полъ, и выпуская изъ рукъ младенца, который въ испугѣ цѣпляется за грудь матери своими безсильными розовыми рученками и съ жалобнымъ стономъ падаетъ на руки старой княгини.

— Господи Боже! восклицаетъ вдругъ епископъ Митрофанъ, высоко поднимая руки въ послѣднемъ молитвенномъ восторгѣ—Ты, Свѣтодавче, сѣдяй на херувимѣхъ! Ты, воздвигнувый Лазаря изъ мертвыхъ!.. Простри руку свою невидимо и пріими въ мирѣ души рабъ твоихъ!

Тутъ затуманило ему очи,—какіе-то круги пошли ходить передъ нимъ, въ возрастающей тьмѣ дымнаго облака—дыханье захватило какимъ-то горькимъ, удушливымъ смрадомъ, и онъ, постепенно теряя сознаніе, тихо склонился долу, среди невинныхъ жертвъ злой судьбы, постигнувшей Русь.

Немного спустя, въ тайникѣ, густо наполнившемся дымомъ, не стало слышно болѣе ни рыданій, ни стоновъ, ни дѣтскаго безпомощнаго плача—всѣ успокоились и затихли...

Господь сжалился надъ своими рабами и „пріялъ въ мирѣ души ихъ."

П. Полевой.

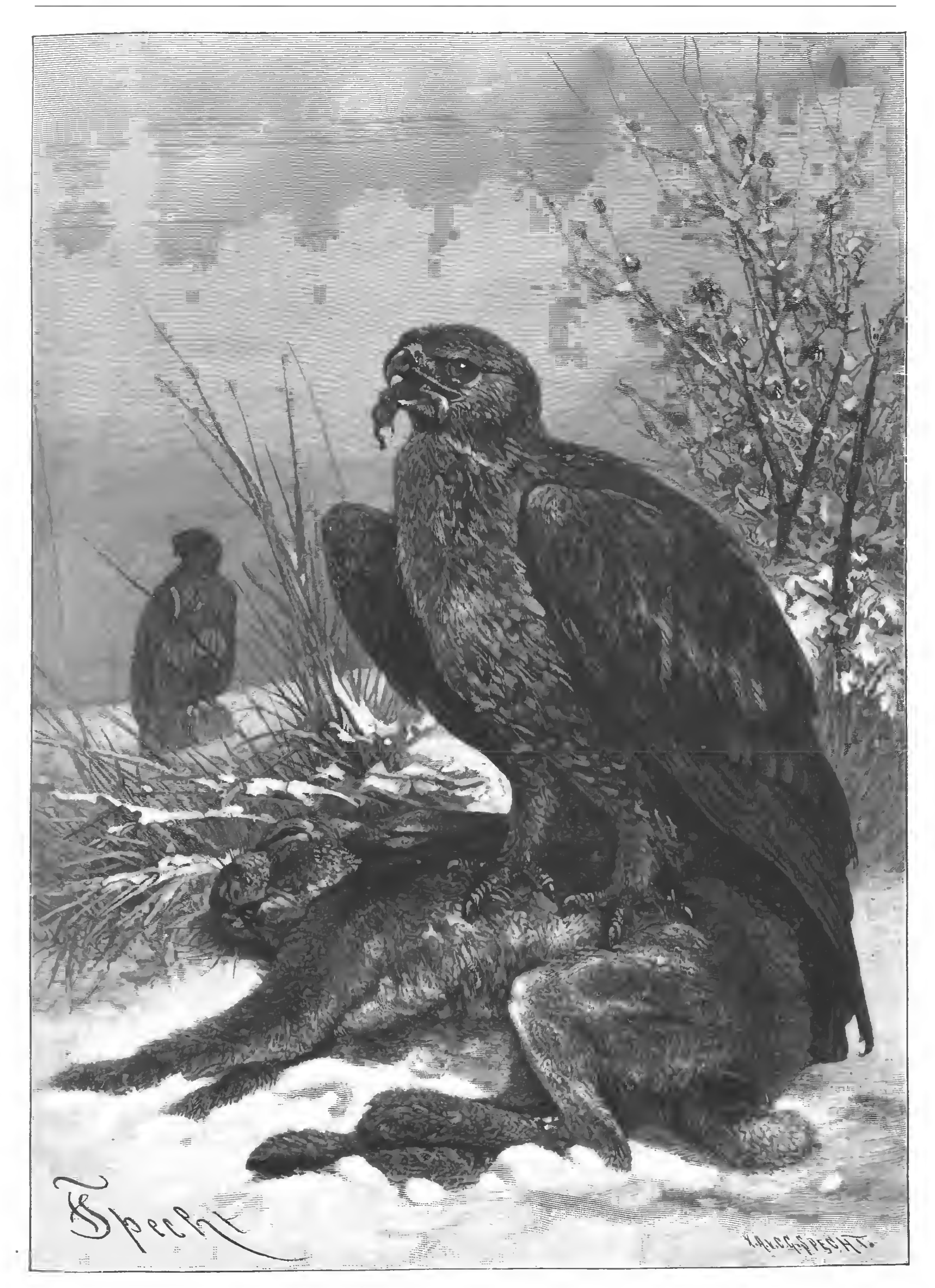
Къ рисункамъ.

„Всѣ струсили". Картина Фрешля. (Рис. на стр. 609).

Эта прелестная картинка составляетъ pendant къ помѣщенному нами въ № 34 *Нивы* за 1887 годъ произведенію того-же автора. Крошечный мальчуганъ завладѣлъ кроленкомъ, который занялся было кочнемъ капусты. Встревоженная кролиха боится за судьбу дѣтеныша и не разбирая дороги тянется посмотрѣть что съ нимъ дѣлаютъ. Мальчуганъ, испуганный въ свою очередь ея порывистымъ движеніемъ, метнулся въ сторону и распугалъ остальныхъ кролятъ. Всѣ очевидно струсили.

Пастушеская идиллія. (Рис. на стр. 617).

Вотъ тростникъ сухой и звонкій.
Добрый Панъ! перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи!



Канюкъ бѣлый (Archibuteo lagopus). Рис. Шпехтъ, грав. Шпехтъ.

Подѣлись со мной искусствомъ
Трели въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать.
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златаго
Рощи, горы усыпить,
И изъ волнъ ручья лѣснаго
Въ гротъ наяду приманить.

А. Майковъ.

Двадцать пятая годовщина Иканскаго боя.

(Рис. на стр. 620 и 624).

4, 5 и 6 декабря 1889 года исполнилось 25 лѣтъ со времени геройской битвы уральскихъ казаковъ съ коканцами подъ Иканомъ. Дѣло это, славное само по себѣ, оказало такое вліяніе на наши дальнѣйшія завоеванія въ Средней Азіи, что будетъ не лишнимъ изложить вкратцѣ обстоятельства, предшествовавшія ему и сопровождавшія его.

Въ 1864 г. нашими войсками въ Средней Азіи, подъ начальствомъ генерала Черняева, были послѣдовательно взяты города Туркестанъ и Чимкентъ. Съ занятіемъ этихъ городовъ смыкались Оренбургская и Сибирская степныя линіи, что признавалось безусловно необходимымъ, такъ какъ въ промежутокъ отъ форта Перовскаго до г. Вѣрнаго, до 1,000 верстъ длиною, часто вторгались шайки барантачей-коканцевъ и киргизъ, грабившихъ и безпокоившихъ населеніе. Предполагалось, что съ занятіемъ этихъ пунктовъ, край будетъ умиротворенъ и не потребуетъ дальнѣйшаго движенія нашихъ войскъ въ глубь Средней Азіи. Вышло, однако, иначе.

Занятіе Туркестана, имѣвшаго у народовъ Средней Азіи большое значеніе по своимъ святынямъ, было для нихъ тяжелой утратой.

Стали ходить слухи, что правитель Коканскаго ханства Мулла-Алимкулъ, собравъ значительныя силы, вышелъ изъ Ташкента на югъ своего ханства, что въ окрестностяхъ Туркестана бродятъ шайки коканцевъ, мѣшающія сношеніямъ города съ остальными войсками, и т. п.

Чтобы провѣрить эти слухи, комендантъ Туркестана послалъ 4 декабря 1864 года уральскую сотню есаула Сѣрова по направленію къ д. Иканъ (верстахъ въ 20 отъ Туркестана), предписавъ ему, въ случаѣ встрѣчи, разогнать эти шайки. Выступивъ въ тотъ же день послѣ полудня и выславъ впередъ разъѣзды, сотня встрѣтила нѣсколько почтарей-киргизъ, разставленныхъ по дорогамъ для доставленія почты между Туркестаномъ и Чимкентомъ, побывавшихъ уже у коканцевъ и сообщившихъ, что за Иканомъ есть непріятель. Сѣровъ донесъ объ этомъ коменданту, но получилъ подтвержденіе идти впередъ. Около 4 часовъ сотня подходила къ Икану, гдѣ и замѣтила огни. По развѣдкѣ оказалось, что то были главныя силы (10—20 тыс.) Алимкула, которыя, замѣтивъ приближеніе казаковъ, двинулись отъ Икана частью прямо на сотню, частью въ обходъ ея. Сѣровъ, замѣтивъ, въ свою очередь, движеніе коканцевъ, отвелъ сотню нѣсколько назадъ, на болѣе удобное для защиты мѣсто; быстро спѣшившись и сбатовавъ коней, развьючилъ верблюдовъ и сдѣлалъ изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ завалы, за которыми и залегли казаки. Въ такомъ положеніи сотня въ теченіе 2-хъ сутокъ отражала частыя и ожесточенныя нападенія коканцевъ, мѣткимъ и дружнымъ огнемъ изъ ружей и картечью изъ единорога (къ сожалѣнію, обломавшагося въ первую же ночь) отвѣчая на ихъ предложенія сдаться. Видя безуспѣшность своихъ атакъ и неся громадныя потери, коканцы еще 5 декабря рѣшились „идти подкатомъ", для чего стали заготовлять мантелеты и щиты изъ камыша и хвороста, прилаживая послѣдніе къ арбамъ [1]), которыя и начали съ утра 6 декабря подкатывать къ сотнѣ.

Между тѣмъ, еще вечеромъ 5 декабря, Сѣровъ вызвалъ охотниковъ доставить въ Туркестанъ донесеніе о положеніи сотни. Вызвались 2 казака и киргизъ-почтарь. Послѣ первой неудачной попытки пройти черезъ коканцевъ, они, взявъ другое направленіе, около 9 ч. вечера доставили въ Туркестанъ извѣстіе о бѣдственномъ положеніи сотни.

Въ Туркестанѣ уже къ вечеру 4 декабря догадались, что сотнѣ можетъ быть плохо. Послали вернуть ихъ—не догнали. Утромъ, 5 декабря, послали на выручку отрядъ изъ 152 человѣкъ пѣхоты и 8 казаковъ съ 2 легкими орудіями, съ предписаніемъ, въ случаѣ встрѣчи съ значительными силами, вернуться въ Туркестанъ. Такъ и случилось: отрядъ, встрѣтивъ массы коканцевъ, вернулся, не дойдя до сотни версты 3—4, въ виду того, что отдѣльныя партіи коканцевъ потянулись по дорогѣ въ Туркестанъ и такимъ образомъ могли отрѣзать отрядъ отъ города.

Въ ожиданіи выручки и чтобы выиграть время, Сѣровъ утромъ 6 декабря вступилъ въ переговоры, которые, конечно, ни къ чему, кромѣ двухчасоваго перерыва боя и отдыха, не привели. Положеніе сотни было крайне трудно: двое сутокъ безъ сна, безъ пищи и отдыха, горсть казаковъ (всего 114 человѣкъ), понесшая потери, отбивалась отъ дикихъ полчищъ; лошади и верблюды были перебиты; патроновъ было уже мало...

[1]) Двухколесная телѣга.

Къ утру 6 декабря коканцы, занявшіе дальніе сады вокругъ Туркестана, отошли отъ него, и комендантъ послалъ вторично на выручку отрядъ въ 207 человѣкъ пѣхоты и 10 казаковъ съ 2 орудіями.

Наконецъ, 6 декабря, не видя и уже не ожидая себѣ поддержки, измученные казаки рѣшились или пробиться сквозь непріятеля, или пасть въ открытомъ бою. Заклепавъ орудіе, переломавъ лишнія ружья, казаки съ криками „ура!" выскочили изъ-за своихъ заваловъ и ринулись впередъ. Коканцы, изумленные ихъ малочисленностью, съ неистовой яростью набрасывались на казаковъ, отступавшихъ между двухъ стѣнъ полчищъ Алимкула,—и каждый разъ безъ всякаго успѣха! Но... стоило упасть казаку, какъ на него налетала толпа коканскихъ всадниковъ, стараясь прежде всего отрѣзать ему голову, а затѣмъ и поживиться другою около него добычей, чтобы похвалиться послѣ своею удалью и получить быть-можетъ награду. Не всякому доставались даромъ эти трофеи: рядомъ съ казакомъ валился и джигитъ, сраженный мѣткой пулей отступавшихъ казаковъ... Измученные, еле двигавшіеся, казаки мѣтко отстрѣливались отъ врага и держали его въ почтительномъ разстояніи. Уже темнѣло, когда изъ-за пригорка послышалась ружейная пальба шедшихъ на выручку.

Коканцы отхлынули. Оба отряда соединились. Чувства, охватившія всѣхъ, не поддаются описанію... Теперь, черезъ 25 лѣтъ, участники боя не могутъ безъ дрожи въ голосѣ и слезъ на глазахъ разсказывать о встрѣчѣ съ пѣхотой... Израненые, доведенные до крайняго напряженія силъ физическихъ и душевныхъ, казаки не въ состояніи были идти далѣе—ихъ посадили на телѣги и повезли прямо въ лазаретъ, изъ котораго не всѣмъ удалось выйти...

По повѣркѣ оказалось: изъ 2-хъ офицеровъ — 1 убитъ (сотникъ Пав. Абрамичевъ), другой—командиръ сотни—раненъ и контуженъ; изъ 5 урядниковъ—4 убито, 1 раненъ; изъ 98 казаковъ—50 убито, 36 ранено; 4 артиллериста—ранены; фельдшеръ, фурштатъ и 1 вожакъ изъ киргизъ — убиты. По свѣдѣніямъ, полученнымъ впослѣдствіи, у коканцевъ было 20 тыс. войска, изъ котораго выбыло убитыми до 90 начальниковъ и болѣе 2 т. человѣкъ пѣхоты и кавалеріи.

Такъ окончился трехдневный бой подъ Иканомъ!

10 декабря изъ Туркестана былъ высланъ отрядъ для уборки тѣлъ—всѣ они оказались страшно изуродованными, безъ головъ, раздѣтыми до-нага; тѣло сотника Абрамичева было узнано только по носку на ногѣ и обрывку лампаса отъ шароваръ... Собравъ тѣла убитыхъ героевъ, вырыли одну общую, братскую, могилу и, положивъ ихъ въ нее, прикрыли холстомъ.

Впослѣдствіи тѣла ихъ были перенесены на кладбище города Туркестана, а въ 1884 г. на мѣстѣ битвы поставленъ памятникъ, рисунокъ котораго помѣщенъ на стр. 624. Памятникъ окруженъ въ видѣ ограды 8 орудіями, связанными цѣпями, а вокругъ этой ограды разбитъ огородъ и садикъ изъ карагачей, тополей и др. деревьевъ; вырыто 2 колодца, устроено 2 водоема и построена изба для сторожа. Кромѣ того, въ церкви города Туркестана помѣщена чугунная плита съ именами казаковъ павшихъ подъ Иканомъ; а по распоряженію преосвященнаго Неофита, епископа Туркестанскаго, ежегодно 6 декабря совершается торжественная панихида по убитымъ.

Государь Императоръ щедро наградилъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ участниковъ боя: есаулъ Сѣровъ получилъ чинъ войсковаго старшины и орденъ Св. Георгія 4 ст., урядникъ Александръ Желѣзновъ произведенъ въ хорунжіе, казаку Павлу Мизинову возвращенъ чинъ сотника и всѣмъ казакамъ пожалованы знаки отличія Военнаго Ордена. Кромѣ того, впослѣдствіи урядники Черновъ и Борисовъ получили: первый серебряную медаль „за храбрость" для ношенія на шеѣ на Георгіевской лентѣ, а второй—серебряный темлякъ; казакъ Агаѳоновъ произведенъ въ урядники, и всѣ трое переведены въ Лейбъ-Гвардіи Уральскій казачій дивизіонъ (нынѣ эскадронъ).

Значеніе этого подвига Уральской сотни, какъ сказано въ началѣ, было велико въ свое время. Алимкулъ, собравъ всѣ силы въ Ташкентѣ, хотѣлъ нечаянно напасть на Туркестанъ, и кто знаетъ, что было бы съ городомъ. Гарнизонъ былъ незначителенъ, укрѣпленія еще не исправлены, населеніе недавно завоеванной мѣстности ненадежно. Горсть отважныхъ храбрецовъ отвлекла Алимкула, обнаружила его силы и позиціи и произвела своей беззавѣтной храбростью удручающее впечатлѣніе на его войска: гдѣ же устоять противъ войскъ Бѣлаго Царя, у нихъ-ли отнять крѣпость, если горсть его воиновъ въ открытой степи такъ долго отбивалась и не далась въ руки цѣлымъ полчищамъ?!

Двадцать пять лѣтъ прошло со времени этого боя, а память о немъ сохранилась среди казаковъ не только въ разсказахъ, но и въ пѣсняхъ.

5 и 6 декабря 1889 года были посвящены чествованію убитыхъ и живыхъ „Иканцевъ", какъ прозвали участниковъ этого боя. Въ первый день была отслужена торжественная панихида по убитымъ, послѣ которой въ залѣ театра войскамъ и воспитанникамъ учебныхъ заведеній города Уральска было прочитано описаніе дѣла подъ Иканомъ, а на другой день, совпадающій съ днемъ тезоименитства Августѣйшаго

Атамана казачьихъ войскъ Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, былъ парадъ съ отданіемъ воинской чести Иканскимъ героямъ, со славнымъ ихъ командиромъ генералъ-маіоромъ В. Р. Сѣровымъ во главѣ, которые выстроились впереди фронта войскъ лицомъ къ нимъ. Послѣ парада, какъ Иканцамъ, такъ и другимъ Георгіевскимъ кавалерамъ былъ данъ обѣдъ въ залѣ Войсковаго собранія, а вечеромъ въ городскомъ театрѣ былъ для нихъ же, для войскъ и учебныхъ заведеній спектакль.

Къ двадцатипятилѣтію Иканскаго боя Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу угодно было назначить награды оставшимся въ живыхъ участникамъ боя, а именно: генералъ-маіору Сѣрову—подарокъ отъ Его Высочества, отставному есаулу Мизинову—единовременно 300 руб. и всѣмъ казакамъ также единовременно по 50 руб. каждому.

На слѣдующій день, 7 декабря, наличные Иканцы были сняты группой, которая и прилагается на стр. 620. **И. Х.**

„Пикникъ". Рис. И. Волкова. (Рис. на стр. 621).

Тонкій рисунокъ перомъ И. Волкова, автографически воспроизведенный въ мастерской „Нивы", живо напоминаетъ старинныя гравюры на мѣди, съ кудрявыми деревьями, изъ-за которыхъ какъ дымки виднѣются бѣлыя облака. Въ прохладной тѣни, подъ широкими кустами, уютно расположилось небольшое общество вокругъ дымящагося самовара.

Сарычъ канюкъ (Archibuteo lagopus).

(Рис. на стр. 625).

Оба полушарія и почти всѣ пояса земнаго шара населены большими или средней величины, нѣсколько неуклюжими хищными птицами, которыя во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ орла, но отличаются отъ него неблагородствомъ нрава. Это — сарычи. Живутъ они на горахъ и въ равнинахъ, предпочитая небольшіе лѣса. Въ періодъ брачной жизни одна пара поселяется на извѣстномъ мѣстѣ, служащемъ для нея и райономъ охоты, который оканчивается пограничною чертой владѣній другой пары. Всѣ виды летаютъ медленно, но продолжительно, подолгу парятъ, болѣе на манеръ орловъ, нежели коршуновъ; завидя же добычу, они трепещутся надъ ней какъ мелкіе сокола. Они любятъ выжидать добычу, для чего садятся на высокое дерево или кучку земли и оттуда зорко смотрятъ на землю. Мелкія позвоночныя, насѣкомыя, улитки, червяки, личинки, даже растительныя вещества составляютъ пищу сарыча. Всѣ виды этой птичьей семьи полезны, такъ какъ они истребляютъ громадныя количества полевыхъ мышей, змѣй, гадовъ и т. п. Всѣ же наши полезныя птицы, здоровыя и способныя двигаться, безопасны отъ сарычей.

Изображенный на нашемъ рисункѣ канюкъ или бѣлый сарычъ живетъ въ сѣверныхъ странахъ; въ полярныхъ онъ считается главнымъ врагомъ полевки-пеструшки (лемминга), у насъ же уничтожаетъ мышей и всякую падаль.

Международная тюремная выставка въ СПБ.

(Рис. на стр. 628 и 629).

По иниціативѣ начальника Главнаго тюремнаго управленія, М. Н. Галкина-Враскаго, и благодаря его неутомимой дѣятельности, въ Петербургѣ 4 іюня открылась первая у насъ тюремная выставка, и притомъ въ размѣрахъ доселѣ невиданныхъ даже въ Западной Европѣ. Въ выставкѣ, кромѣ Россіи, принимаютъ участіе слѣдующія государства: Австро-Венгрія, Аргентинская республика, Бельгія, Германія, Греція, Данія, Испанія, Италія, Нидерланды, Норвегія, Португалія, Сербія, Соединенные Штаты Сѣверной Америки, Турція, Франція, Швейцарія, Швеція и Японія. Витрины отдѣльныхъ государствъ для болѣе легкаго распознаванія ихъ украшены національными флагами. Выставка представляетъ полную картину тюремнаго быта въ Европѣ: модели тюремъ различныхъ пенитенціарныхъ системъ со всею обстановкой, фотографическіе снимки и сочиненія по всѣмъ отраслямъ тюремнаго вѣдомства, всевозможныя работы, производства и издѣлія арестантовъ, предметы ихъ довольствія, приспособленія для транспортированія и проч., и проч. Она помѣщается въ зданіи Михайловскаго манежа, вдоль котораго идутъ отдѣлы: посрединѣ—тюрьмы общаго заключенія, справа — тюрьмы одиночнаго заключенія, слѣва—тюрьмы малолѣтнихъ преступниковъ; поперекъ манежа эти отдѣлы подраздѣлены по государствамъ. Первое мѣсто отъ входа занято по алфавиту Германіей (Allemagne), а заканчивается выставка, въ глубинѣ противоположнаго конца манежа, Русскимъ отдѣломъ съ громадной декораціей и моделью сибирскаго рудника на заднемъ планѣ.

Общій видъ выставки грандіозенъ, живописенъ и нарядёнъ. Только внимательно присматриваясь, озадаченный зритель видитъ отсутствіе обычныхъ на выставкахъ роскошныхъ павильоновъ съ дорогими драпировками и цѣнной обстановкой. Дѣло въ томъ, что по мысли просвѣщеннаго устроителя выставки, М. Н. Галкина-Враскаго, не только выставленные предметы (за исключеніемъ нѣкоторыхъ моделей, коллекцій, образцовъ одеждъ и т. п. предметовъ тюремнаго быта) ограничиваются издѣліями арестантовъ, но и самая обстановка ихъ устроена изъ матеріаловъ добываемыхъ и вырабатываемыхъ исключительно въ тюрьмахъ или ссыльными. Размѣщеніемъ всей этой массы самыхъ разнообразныхъ предметовъ завѣдывалъ главный коммиссаръ выставки, Д. Ѳ. Коморскій, которому пришлось преодолѣть почти невѣроятныя затрудненія, такъ какъ на этотъ разъ запоздали доставкой экспонатовъ не русскія области, а европейскія государства, къ тому-же присылавшія ихъ часто въ безпорядкѣ или безъ каталоговъ, чуть не наканунѣ открытія выставки.

Начнемъ обзоръ выставки съ Русскаго отдѣла. Модель одного изъ Нерчинскихъ рудниковъ въ глубинѣ манежа (рис. на стр. 628) воспроизведена въ натуральную величину. Это точная копія Алгачинскаго рудника, за которою во всю стѣну помѣщена картина, изображающая въ перспективѣ его окрестности, что дѣлаетъ иллюзію полною. Вы видите передъ собою горный ландшафтъ, съ настоящими деревьями, прорѣзанный горными ручьями, коихъ воды съ шумомъ бѣгутъ у васъ подъ ногами по склонамъ, на которые вы поднимаетесь по тропинкамъ. Въ перспективѣ—Михайло-Никольское поселеніе для ссыльно-каторжныхъ, отличившихся особо хорошимъ поведеніемъ. Глубокая шахта ведетъ внутрь этой модели, гдѣ изумленный зритель въ различныхъ коридорахъ и переходахъ видитъ во-очію все устройство рудника, рабочихъ-арестантовъ (манекены), приспособленія для ихъ безопасности, и проч.

Передъ этою декораціей размѣщены: изображенная на особомъ рисункѣ (стр. 629) мельница-топчакъ, приводимая въ движеніе арестантами, которые ходятъ по наклонному кругу, перебирая ногами (топчась) на одномъ мѣстѣ; модели приспособленій для промывки золота и проч.; окрашенная серебряною краской пирамида, наглядно представляющая количество серебра (31,428 пудовъ) добытаго въ Нерчинскомъ округѣ съ 1703 г. по 1889, и значительно меньшая золотая пирамида, представляющая 940 пудовъ золота, добытаго съ 1843 по 1889 г.; модели барокъ, на коихъ ссыльно-каторжные доставляются по рѣкамъ Сибири, и парохода Добровольнаго флота „Нижній-Новгородъ" съ приспособленіями для перевоза ссыльно-каторжныхъ на Сахалинъ.

Справа отъ Нерчинской группы Русскаго отдѣла расположена у боковой стѣны Сахалинская, въ которой выставлены коллекціи д-ра Супруненка, результатъ его десятилѣтнихъ трудовъ: тутъ и чучела всевозможныхъ птицъ и морскихъ звѣрей, и шкурки пушнаго звѣря, и коллекціи насѣкомыхъ, и образцы трепанговъ, морской капусты и т. д.

Слѣва помѣщается Финляндская группа съ ея чрезвычайно практично устроенными тюремными зданіями и работами преступниковъ.

Отдѣлъ собственно Европейской Россіи раздѣленъ на 12 классовъ: 1) ткацкія издѣлія, 2) плетеныя издѣлія, сѣти, веревки и т. п., 3) плетеніе изъ соломы, баста, древесной коры, травы и т. д., 4) столярныя, токарныя и т. п. издѣлія, 5) кузнечное, слесарное и машинное дѣло, 6) женскія рукодѣлія и картонажи, 7) платье и обувь, 8) тюремныя зданія (между прочимъ модель плавучей тюрьмы въ Севастополѣ), 9) работы на вольномъ воздухѣ, 10) кожевенное производство, 11) разныя разности, не вошедшія въ помянутыя группы, и 12) все относящееся къ тюремному быту и довольствію арестантовъ. Здѣсь имѣютъ своихъ представителей всѣ государственныя тюрьмы, особенно богаты экспонаты Москвы (выдаются издѣлія Рукавишниковскаго пріюта), Ревеля, Литовскаго замка въ Петербургѣ и др.

Что касается иностранныхъ отдѣловъ, то первое мѣсто отъ входа, какъ сказано, занимаетъ Германія, представляющая группы Пруссіи, Бадена, Баваріи, Виртемберга и Гамбурга. Каждая изъ этихъ странъ имѣетъ особую выставку, но всѣ онѣ довольно схожи. Здѣсь особенно привлекаютъ вниманіе художественно исполненные искусственные цвѣты.

Въ углу за германскою прячется крошечная англійская выставка (Angleterre), къ тому же не офиціальная.

За Германіей слѣдуетъ *Австро-Венгрія*, отличающаяся преимущественно рѣзьбой по дереву и рукодѣліями.

За нею—*Бельгія* съ ея грандіозною выставкой, изъ которой видно, что въ Бельгіи тюремный трудъ примѣняется преимущественно къ государственнымъ нуждамъ. Изъ вырабатываемыхъ арестантами полотняныхъ, хлопчато-бумажныхъ и шерстяныхъ тканей изготовляется бѣлье и платье, какъ для самихъ преступниковъ, такъ и для арміи. Въ Бельгіи преобладаетъ система одиночнаго заключенія, только въ Гентской тюрьмѣ есть общее помѣщеніе для арестантовъ. Особенно замѣчательны здѣсь помѣщенія для малолѣтнихъ преступниковъ.

Данія выставила издѣлія отличающіяся крайнею простотою и приноровленныя къ потребностямъ бѣднѣйшихъ классовъ, но чрезвычайно прочныя и превосходно сработанныя.

Изъ *Испаніи* до сихъ поръ еще ничего не получено и маленькій отдѣлъ ея пустъ.

За нимъ слѣдуетъ въ высшей степени поучительный отдѣлъ *Франціи*. Здѣсь наглядно изображена полная исторія развитія пенитенціарной системы и тюремныхъ учрежденій во Франціи, начиная съ эпохи среднихъ вѣковъ и до послѣдняго времени. Система одиночнаго заключенія смягчена здѣсь

Международная тюремная выставка въ СПБ. Модель Алгачинскаго рудника серебро-свинцоваго въ Нерчинской группѣ Русскаго отдѣла.

тѣмъ что практикуется только ночью, днемъ же арестанты работаютъ вмѣстѣ; интересны тюрьмы для малолѣтнихъ преступниковъ, исправительныя тюрьмы и военныя колоніи.

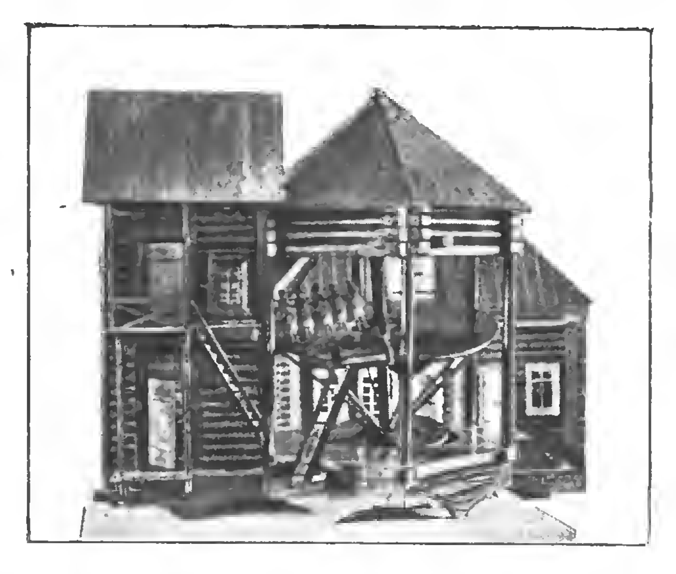
Въ *Италіи* преобладаютъ принудительныя работы подъ открытымъ небомъ, земледѣльческія колоніи также играютъ видную роль, но и тюремныя работы отличаются нерѣдко художественнымъ исполненіемъ.

Японія (Japan) выставила превосходныя издѣлія изъ дерева, инкрустаціи и великолѣпные ковры; *Греція* — одежду, плетеныя издѣлія и музыкальные инструменты; *Швеція* и *Норвегія* — преимущественно деревянныя издѣлія, *Швейцарія* — ручныя работы.

Мы еще вернемся къ подробностямъ выставки.

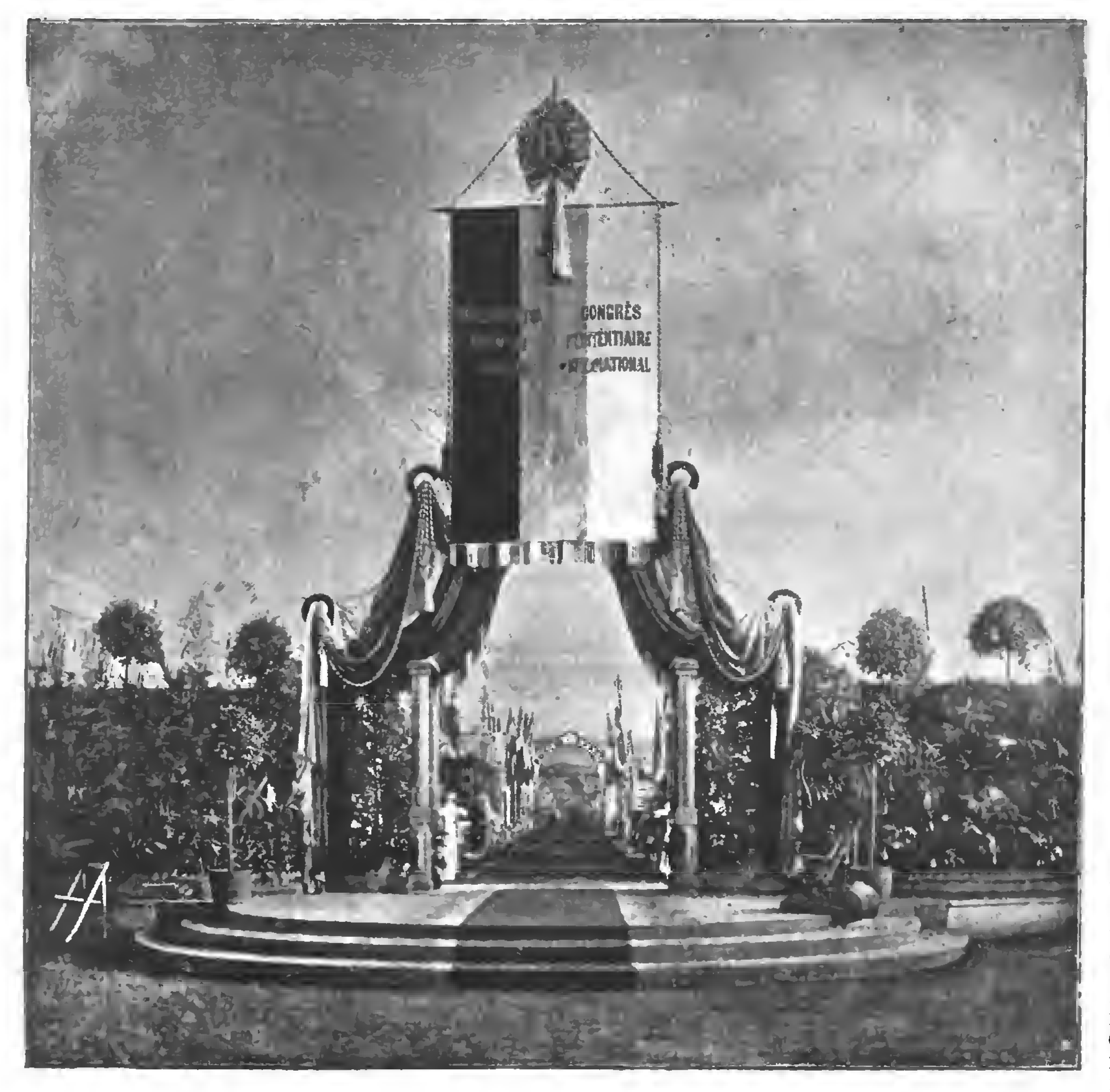
Политическое обозрѣніе.

Продолжительное путешествіе наслѣдника Итальянскаго престола окончилось. 3 іюня, вечеромъ, принцъ Неаполитанскій возвратился въ Римъ и былъ встрѣченъ на вокзалѣ королемъ, придворными чинами и властями. *Don-Chisciotte*, одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Италіи, обсуждаетъ путешествіе принца Виктора-Эммануила и замѣчаетъ, что дорога въ Берлинъ болѣе не ведетъ уже черезъ Вѣну, гдѣ забываютъ обычай отдавать визиты. Союзница Италіи — Германія, а вовсе де не Австро-Венгрія. При этомъ газета указываетъ, что посылка итальянскаго флота въ Тулонъ и посѣщеніе принцемъ Неаполитанскимъ Русскаго двора означаютъ начало новой политики, которой желаютъ слѣдовать въ высшихъ сферахъ, не справляясь, пріятна-ли она или нѣтъ министру иностранныхъ дѣлъ. Тѣмъ-же направленіемъ отличаются не мало статей въ другихъ итальянскихъ газетахъ. Останавливаясь на этомъ явленіи, *Mémorial Diplomatique* въ статьѣ носящей заголовокъ „Un rapprochement en vue", говоритъ: оставаясь исключительно союзницею Германіи, Италія стала-бы опаснымъ для европейскаго мира элементомъ; если-же она сдѣлается другомъ Россіи, то на ея долю выпадетъ роль фактора равновѣсія и свободы. Поѣздка королевскаго принца въ Россію свидѣтельствуетъ, что это сознается итальянскимъ правительствомъ. Послѣднее подтверждается и газетою *Italie*, въ которой говорится, что какъ въ Италіи, такъ и въ Россіи видятъ въ пріемѣ Государемъ Императоромъ принца Неаполитанскаго доказательство отличныхъ отношеній, существующихъ между обоими Царствующими домами, и исчезновеніе возникшихъ между Римомъ и Петербургомъ недоразумѣній, послѣдній слѣдъ которыхъ разсѣется въ ближайшемъ будущемъ, такъ какъ вся Италія свидѣтельствуетъ свое уваженіе Монарху, чью высоко мудрую политику можно резюмировать словами: „умѣренность въ силѣ".



Международная тюремная выставка въ СПБ. Модель мельницы-топчака въ Нерчинской группѣ Русскаго отдѣла.

Подобными словами опредѣлить политику Австріи едва-ли возможно. 1 іюня въ вечернемъ засѣданіи бюджетной коммисіи австрійской делегаціи военный министръ Бауеръ заявилъ: „У насъ имѣются ненормальные штаты мирнаго времени, что потребуетъ увеличенія ихъ, а это, въ свою очередь, потребуетъ ста милліоновъ расходовъ. Долго такое положеніе продолжаться не можетъ. Либо должна произойти военная катастрофа, либо наступитъ какое-нибудь другое оздоровленіе мирнаго положенія". Эти заявленія произвели впечатлѣніе, и делегаты возразили, что возможна третья случайность, а именно — финансовая катастрофа. Тяжко обремененному государству будетъ не по силамъ перенести такія увеличенія расходовъ; вотъ почему военному министру слѣдовало-бы разсмотрѣть вопросъ о томъ, нѣтъ-ли возможности сократить срокъ службы въ мирное время.



Международная тюремная выставка въ СПБ. Главный входъ на выставку въ Михайловскомъ манежѣ.

Слова военнаго министра и сообщенія газетъ о предстоящихъ будто бы значительныхъ требованіяхъ на военныя издержки взволновали умы. Всюду спрашиваютъ, когда же наступитъ конецъ этимъ требованіямъ. Венгерскія газеты особенно взволнованы. *Pesti Naplo* говоритъ, что заявленія военнаго министра находятся въ прямомъ противорѣчіи съ заявленіями Кальноки. Миръ нельзя считать обезпеченнымъ, присовокупляетъ газета, такъ какъ тотъ, кто предъявляетъ подобныя требованія на военные расходы, долженъ считать войну близкою. Вслѣдъ за газетами и военная коммисія венгерской делегаціи настойчиво выразила свои опасенія по поводу увеличенія личнаго состава войскъ въ мирное время. Военный министръ сказалъ, что, какъ военный, онъ не можетъ не желать увеличенія численности войскъ, но, какъ министръ, онъ долженъ принять въ соображеніе финансовое положеніе страны. Делегація потому только постановила не возставать нынѣ рѣшительно противъ увеличенія войскъ, что предположеніе объ увеличеніи еще не приняло осязательной формы.

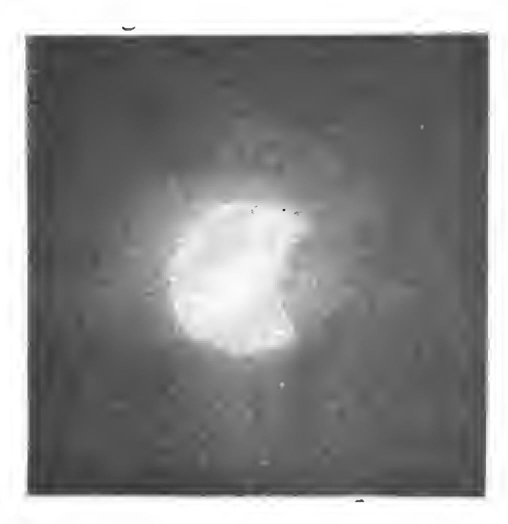
Колоніальная политика Германіи, при быстромъ ростѣ ея африканскихъ владѣній, неизбѣжно столкнулась съ интересами англичанъ. Для упорядоченія взаимныхъ отношеній обѣ державы вели переговоры и, наконецъ, пришли къ соглашенію. Нынѣ *Имперскій Указатель* сообщаетъ, что между Германіей и Англіей заключенъ договоръ, по которому Англіи предоставляется протекторатъ надъ Виту и надъ Землею Сомаліевъ, а также надъ Занзибарскимъ султанатомъ, за исключеніемъ арендованной германскою Восточно-Африканскою компаніей береговой полосы. Англія уступаетъ Германіи Гельголандъ, если на то послѣдуетъ согласіе парламента. Относительно введенія въ Гельголандѣ германской воинской повинности и германскаго таможеннаго законодательства установленъ срокъ, въ теченіе котораго жителямъ острова предоставляется право выбора между германскимъ и англійскимъ подданствомъ. Это англо-германское соглашеніе привѣтствуется всею западною печатью съ удовольствіемъ, особенно уступка Гельголанда. Только органы колоніальныхъ круговъ высказываютъ отчасти сдержанность, отчасти разочарованіе, причемъ выражаютъ надежду, что уступки въ Африкѣ доставятъ Германіи соотвѣтственныя выгоды въ европейской политикѣ.

По дѣлу Паницы изъ Софіи телеграфируютъ: „29 мая всѣ трое осужденныхъ подали кассаціонную жалобу. Со своей стороны, военный прокуроръ Марковъ, недовольный приговоромъ относительно Паницы и Колобкова, подалъ въ верховный военный судъ протестъ противъ этихъ приговоровъ. Верховный военный судъ приступитъ къ пересмотру дѣла на будущей недѣлѣ. Послѣдствіемъ этого преслѣдовутаго процесса, какъ сообщаютъ изъ Софіи *Агентству Гаваса*, является увольненіе главнаго врача арміи Миркова и зачисленіе въ запасъ двухъ маіоровъ, трехъ капитановъ и семи подпоручиковъ. Всѣ они были косвенно замѣшаны въ дѣлѣ Паницы. Вскорѣ послѣ того министры иностранныхъ дѣлъ Странскій и финансовъ—Салабашевъ подали въ отставку, которая и принята. Стамбуловъ приметъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, а министръ народнаго просвѣщенія Живковъ будетъ завѣдывать также министерствомъ финансовъ. *Агентству Рейтера* телеграфируютъ изъ Софіи, что причиною отставки Странскаго и Салабашева были личныя разногласія.

Смѣсь.

Соперникъ Пѣшкову отыскался въ Саратовѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ. Это ссыльный крестьянинъ Вольскаго уѣзда, села Воскресенска, Николай Анкудинъ, семидесятилѣтній старикъ, недавно прибывшій въ Саратовъ. Во время крѣпостнаго права онъ былъ заподозрѣнъ въ небольшой кражѣ у своего барина и въ 50-хъ годахъ высланъ въ Восточную Сибирь административнымъ порядкомъ. Проживъ въ Охотскѣ тридцать восемь лѣтъ, Анкудинъ рѣшилъ возвратиться на родину, „чтобы сложить кости около своихъ родичей". Занимаясь въ Охотскѣ выдѣлкою шкурокъ, онъ успѣлъ скопить кой-какія деньжонки, съ которыми и порѣшилъ отправиться пѣшкомъ въ Саратовскую губернію. *Двадцать два мѣсяца* шелъ Анкудинъ, проходя чрезъ огромныя тайги около Якутска и встрѣчаясь, но его словамъ, неоднократно съ медвѣдями и однажды едва не сдѣлавшись ихъ жертвою, если-бы не буряты, спасшіе его отъ вѣрной смерти. Николай Анкудинъ на видъ совершенно крѣпкій и бодрый старикъ. На родинѣ, въ селѣ Воскресенскѣ, у него много внуковъ и внучатъ. (в.)

Снимокъ солнечнаго затменія 5/17 **іюня 1890 года.** Частное солнечное затменіе побудило членовъ V-го Отдѣла Императорскаго Русскаго Техническаго общества, полковника Н. А. Козлова и Р. К. Томсона, сдѣлать нѣсколько снимковъ по той же самой системѣ, по которой предполагалось фотографировать въ 1887 году полное солнечное затменіе въ раіонѣ Тверь—Завидово, но не удалось вслѣдствіе сильнаго тумана и дождя.



Представляемъ интересующимся увеличенное изображеніе солнца, частью заслоненнаго луною.

Затменіе, начавшееся въ 12-мъ часу, представляло прилагаемый видъ, въ 12 час. 29 м. 20 сек.

Снимокъ получился на русской бромисто-желатинной пластинкѣ „Россія" объективомъ Дерожа № 4, время экспозиціи 1/45 с.; діафрагма, діаметра въ 0,7 м/м, провѣрена заранѣе нѣсколькими снимками.

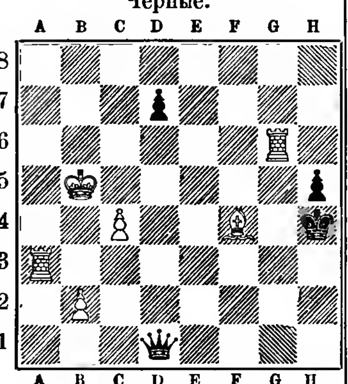
Передъ моментальнымъ затворомъ былъ устроенъ картонный щитъ съ отверстіемъ въ одинъ квадратный сантиметръ, надъ которымъ помѣщался свѣтофильтръ изъ желтаго шлифованнаго стекла

Шарада. Задача № 34.

Для молодыхъ, хорошенькихъ дѣвицъ
Мой первый слогъ и милъ и дорогъ.
Второй, въ игрѣ богатыхъ лицъ,
Являетъ намъ кредитокъ ворохъ.
На цѣломъ же, въ душистый вечеръ мая,
Въ зубахъ съ сигарою, въ рукахъ съ стаканомъ чая
Отрадно отдохнуть отъ треволненій службы
При лепетѣ любви и изліяньяхъ дружбы.

Шахматная задача № 35.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 36.

Н. В. П.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА" проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за **„НИВУ" 1890 г.**, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

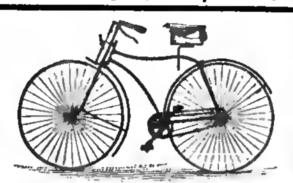
Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ

ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ



Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Только что вышло и поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ СПБ.:

ІИСУСЪ

(сынъ Навина).

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА.**

Переводъ съ нѣмецкаго. **(Право перевода пріобрѣтено отъ автора).**

Изящно изданный томъ in 8° (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленевой бумагѣ, красивымъ убористымъ шрифтомъ, **съ 58-ю гравюрами** въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника **А. Земцова.** СПБ. 1890 г. **Ц. 2 руб.,** съ перес. **2 р. 20 к.**

Требованія просятъ адресовать **въ СПБ.,** въ контору журнала **„Нива“** (Невскій, 6).

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и многихъ правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва, Кузнецкій мостъ. | С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Dépôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg

Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Магазинъ англійскихъ рыболовныхъ принадлежностей

П. Ф. КАРАТАЕВА,

С.-Петербургъ, Милютинъ рядъ, № 18,

удостоенъ медали на первой Россійской рыбопромышленной выставкѣ въ 1889 г. въ С.Петербургѣ, высылаетъ новый иллюстрированн. прейсъ-курантъ за 7 к. марку.

Товарищество С.Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, для свѣдѣнія почтеннѣйшей публики, объявляетъ нижеприведенные похвальные отзывы о доброкачественности и прочности своего производства.

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Дано сіе Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, въ томъ, что оно поставляло по условію съ училищемъ съ 1886 года по сей 1890 годъ включительно, обувь для юнкеровъ, которая всегда, при самомъ строгомъ осмотрѣ и пріемѣ этой обуви, была доставляема прочнаго и лучшаго качества сапожнаго товара, въ чемъ удостовѣряю подписомъ и приложеніемъ казенной печати.

Подписалъ: Завѣдывающій хозяйственною частью Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, Подполковникъ *фонъ-Штейнъ.*

(М. П.)

7 мая 1890 года. С.-Петербургъ.

№ 60.

УДОСТОВѢРЕНІЕ

Дано сіе Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви въ томъ, что оно поставляло съ 1887 года по сей 1890 годъ обувь для кадетъ, которая всегда, при самомъ строгомъ осмотрѣ и пріемѣ этой обуви, была доставляема прочнаго и лучшаго качества сапожнаго товара, въ чемъ удостовѣряю подписью и приложеніемъ казенной печати.

Г. Фридрихсгамъ, Мая 1890 г. Подписалъ командиръ роты Финляндскаго Кадетскаго Корпуса, Полковникъ *Шеревскій.* № 152.

(М. П.)

№ 4594

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. №4501 20—5

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченымъ замочкомъ, протканные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушаки прозрачные **очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.**

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи

у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,

СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

Съ разрѣшенія СПБ. Врачебнаго Управленія. № 4527 10—7

СВОБОДИНЪ

Средство для уничтоженія

МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.

Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.

Цѣна за флаконъ 35 коп.

Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРДТЪ,

С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

НОВОСТЬ!!

НОВѢЙШІЙ и ЛУЧШІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ ПІАНО-МЕЛОДИКО

20×10×6½ вершк.

Цѣна 90 рублей

Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (одинъ) метръ (1 метръ=1½ аршин.).

= Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ =

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (18) № 4386

ФИСГАРМОНІИ

превосходнаго тона, солидной конструкціи, прекрасной отдѣлки.

АМЕРИКАНСКІЯ въ 110, 150, 175, 200, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 рублей.

ФРАНЦУЗСКІЯ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р.

Школа для фисгармоніи 3 руб.

Играть на фисгармоніи можно легко выучиться.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи — безплатно.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо музыкальныхъ инструментовъ и нотъ. № 4591

С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (23) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

САДОВАЯ 16.

XXI г. № 25 — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 іюня 1890 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Нарушенный покой. Съ карт. А. Сартера.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. (Продолженіе).

VIII.

Василій Герасимовичъ еще спалъ, когда гулко и торжественно заговорили монастырскіе колокола.

Онъ приподнялся на постели и только теперь замѣтилъ, что солнце стояло уже высоко. Въ окна широко и радостно лился его свѣтъ, захватывая въ свою золотистую дымку и клеенчатый диванъ, и простой некрашеннаго дерева столъ, покрытый бѣлою салфеткою, и суровыя потрескавшіяся иконы въ углу. Солнце и на бѣлой стѣнѣ играло огнистыми бликами...

— Однако... Поздно уже должно-быть! вслухъ проговорилъ Сластеновъ.

Дверь въ другую комнату, гдѣ помѣстился его дядя, была отворена.

— Да, не рано... Я тебя не будилъ. Твое дѣло молодое. Думаю, пускай спитъ, отозвался тотъ.

— А вы давно встали?

— Я ужъ раннюю обѣдню отстоялъ, сподобилъ Господь — помолился! Подымайся-ко и ты. Скоро и къ поздней обѣднѣ... А еще чаю надо напиться. Колокола-то какъ поютъ. Красота здѣсь!

Монастырскимъ колоколамъ отозвались издали скитскіе; благоговѣйный говоръ мѣдныхъ языковъ покрывалъ всю окрестность, тонулъ въ лѣсныхъ дебряхъ, прокатывался истовою молвою отъ холмовъ къ холмамъ. Отраженный мѣловыми берегами рѣки, возвращался, казалось, назадъ, чтобы и эти маленькія комнаты монастырской гостиницы наполнить своимъ гуломъ и трепетомъ. Василій Герасимовичъ живо вскочилъ съ постели и умылся, потомъ онъ отворилъ окно и засмотрѣлся въ ярко облитую солнечнымъ свѣтомъ стѣну съ раздвоенными зубцами наверху, надъ которою свѣтлыми облаками весело и ласково вились голуби...

— Спаси Господи! послышался въ комнатѣ рядомъ голосъ келейника, приставленнаго служить пріѣзжимъ.

— Самоваръ?.. Кстати!.. Мы его только и ждали.

— Что-жь, вкусите по немощи...

— Вы давно здѣсь? спросилъ его Савва Кузьмичъ.

— Нѣтъ. Семой мѣсяцъ.

— То-то вы меня не признали. Я у васъ часто гощу...

— Простите, Христа ради... Изъ какихъ вы будете?

— Купцы... Сластеновы. Дѣдушка у насъ здѣсь спасается.

— Господи, ужли-жь не знать!.. Какъ же, какъ же... Сластеновы—первые благодѣтели. Вами только обитель и дышетъ. И схимонахъ отецъ Антонинъ — свѣтильникъ нашъ, какъ же, какъ же... Первый за ны молитвенникъ... Обитель имъ какъ украшена! Поди-т-ко поищи въ другихъ такого подвижника и постника: сдѣлайте ваше одолженіе — не найдете... Сегодня у поздней обѣдни будетъ.

И келейникъ завозился, желая угодить чѣмъ-либо „жертвователю“, имя котораго было извѣстно всему монастырю.

— Вотъ племянника привезъ. У насъ въ роду такъ: всякую перемѣну судьбы Антонинъ благословляетъ. Оттого и родъ нашъ держится. Въ мірѣ мірское твори, а Бога своего не забывай.

— Зачѣмъ же Бога забывать, помилуйте. Не зналъ я, надо бы игумена упредить, какіе иностасные господа къ намъ пожаловали. Все бы онъ рыбки какой къ обѣду распорядился...

— Не надо... не надо.

— Какъ не надо?..

И спустя минуту, келейникъ стремглавъ бѣжалъ уже въ монастырь.

Странныя и незнакомыя ощущенія охватывали молодаго Сластенова. Тотъ же солнечный свѣтъ заглянулъ и въ затхлыя потемки его души. Чѣмъ-то идиллически прекраснымъ, какимъ-то озареннымъ спокойствіемъ и безмятежнымъ миромъ вѣяло на него отъ этихъ ветхихъ облупившихся башенъ и стѣнъ монастыря, отъ голубей, то и дѣло срывавшихся съ нихъ въ небесную лазурь, глубокую, благоговѣйную и чистую, отъ виднѣвшихся за стѣною стройныхъ бѣлыхъ колоколенъ, золоченыхъ и голубыхъ куполовъ... Какъ все это было не похоже на блѣдный и тусклый міръ, въ которомъ онъ жилъ до сихъ поръ!.. Въ его душѣ еще не было молитвы, рождалось только ея предощущеніе, жажда чего-то безконечнаго, высшаго, какое-то умиленіе безмолвнаго созерцанія, желаніе унестись мыслью въ безграничное небо и утонуть въ немъ, распуститься всѣми своими ощущеніями въ этой таинственной тишинѣ, гдѣ молчали люди и только громко переговаривались колокола...

Монастырская церковь была полна народа, когда они вошли.

Какой-то іеромонахъ встрѣтилъ ихъ у входа и облобызался съ Саввой Кузьмичемъ, а Василія Герасимовича потрепалъ по плечу, причемъ его взглядъ изъ-подъ сѣдыхъ бровей не терялъ своей строгости. Молодому Сластенову казалось, что онъ проникаетъ ему въ душу и видитъ тамъ все сокровенное... Онъ даже потупился... Инокъ провелъ ихъ впередъ, раздвигая богомольцевъ, стоявшихъ стѣною. — „Сюда, сюда пожалуйте!“ — „Мы и здѣсь, отче, постоимъ“, отговаривался Савва Кузьмичъ. — „Нѣтъ, прошу васъ къ клиросу, тутъ у насъ для благодѣтелей особливое мѣстечко уготовано“... Онъ поставилъ ихъ, а самъ, поклонясь имъ, отошелъ налѣво.

— Видѣлъ ты этого монаха? наклонился Савва Кузьмичъ къ племяннику.

— Да... Замѣчательный... Какъ на иконахъ пишутъ. Высохъ весь, а только глаза горятъ...

— Внутренній огонь... Онъ, братъ, все земное испепеляетъ у нихъ. А у этого особенно. Въ мірѣ, давно, онъ ростовщикомъ былъ злющимъ, а потомъ отъ одного пустаго случая вдругъ совѣсть ощутилъ, покаялся; сначала въ деревню ушелъ, къ землѣ, а потомъ ему этого мало показалось—онъ въ обитель... Теперь ужь пятнадцатый годъ здѣсь спасается. Умный старецъ... Я тебѣ говорю о немъ по особенному дѣлу. Сегодня, не то завтра, бывшая семья его пріѣдетъ. Познакомимся. Дочка у него, Прасковья... Жена-то у него давно померла, ну она при теткѣ. Я такой дѣвицы какъ Паша и не видалъ, да и ты тожь. У васъ въ гниломъ Питерѣ такихъ не бываетъ.

Но Василій Герасимовичъ уже не слышалъ дядю.

Его точно вихремъ подхватывало и смятеннаго, растеряннаго уносило куда-то, куда—онъ и самъ не понималъ. Сквозь сизый дымъ кадилъ онъ точно во снѣ видѣлъ, какъ горятъ и трепещутъ огоньки восковыхъ свѣчей передъ иконами; какъ въ розовыхъ и голубыхъ лампадахъ ровно теплится пламя, играя порою на окладахъ, на серебрѣ и золотѣ ризъ, на граняхъ драгоцѣнныхъ камней... Надъ кроткимъ ликомъ Богоматери, склонившейся къ Пресвѣтлому Младенцу, сіяетъ алмазный вѣнчикъ. Точно яркія звѣздочки свѣтятся изумрудныя и рубиновыя вставки... Вонъ крупный топазъ золотою искрою горитъ въ клубящихся волнахъ ѳиміама. И самый дымъ кадильный медлительно возносится въ высоту; на минуту пронизываетъ его солнечный блескъ, проникающій сквозь высокія и узкія окна купола... Но

пройдя черезъ него, дымъ утопаетъ въ священномъ сумракѣ расписаннаго свода. Въ этомъ дыму порою проступаютъ и снова пропадаютъ лики, изображенные на стѣнахъ, будто изъ какой-то безконечной дали они являются на молитвенный зовъ сотенъ богомольцевъ, склоняющихъ передъ ними свои колѣна. Что-то смутное, таинственное охватывало Василія Герасимовича. Все равнодушіе, воспитанное меблированными комнатами и нумернымъ скептицизмомъ, отступало назадъ, уходило въ потемки его прошлаго, передъ надвигавшеюся на него отъ иконостаса истиною бытія. Ему бы хотѣлось молиться, какъ молились окружавшіе его, но онъ не зналъ словъ ихъ молитвъ, а душа, только-что пробужденная, еще не находила своихъ. Онъ, пораженный, стоялъ въ преддверіи вѣры, безсознательно чувствовалъ впереди ея величавый храмъ, но не смѣлъ войти, полный какого-то священнаго ужаса, смятенія... Когда, наконецъ, точно солнце надъ моремъ тумана, засіяла въ клубахъ ладона золотая чаша, когда кругомъ все склонилось и словно исчезло—съ землей слилось и поникло, и только слова, полныя кротости и благодати, неслись въ эту тишину изъ сіяющихъ царскихъ дверей алтаря, — Василій Герасимовичъ почувствовалъ слезы на глазахъ. Что-то, въ его груди родившееся, подступало къ самому горлу, жгло ему лицо... Онъ едва удерживался, чтобы не зарыдать... Савва Кузьмичъ замѣтилъ состояніе племянника и душой порадовался. „Проняло!“ подумалъ онъ, истово осѣняя себя крестомъ... Сластеновъ тогда лишь пришелъ въ себя, когда кругомъ всѣ зашевелились, послышался тихій, словно крадущійся говоръ, шарканіе и шорохъ ногъ и словно призраки потянулись вслѣдъ за богомольцами къ выходу черные торжественные силуэты монаховъ, столпившись у дверей въ одно темное марево.

— Батюшка! склонился низко-низко Савва Кузьмичъ, цѣлуя чьи-то руки, благословившія его.

Василій Герасимовичъ только сейчасъ замѣтилъ маленькаго старичка въ мантіи схимонаха, кротко и любовно смотрѣвшаго на его дядю своими подслѣповатыми слезящимися глазами... Изъ-подъ капюшона съ черепами и на-крестъ сложенными костями добрѣе и благостнѣе казалось это крохотное, сморщенное лицо.

— Спаси Боже... Спаси Боже... Спаси Боже... Еще разъ сподобился увидѣть тебя. Не чаялъ. Думалъ, ты ужь не сберешься.

Молодой Сластеновъ немного отошелъ въ сторону... Но Савва Кузьмичъ тотчасъ же обернулся къ нему и подозвалъ.

— Вотъ, батюшка... племянникъ. Привезъ поклониться святой обители и помолиться съ тобой.

Василію Герасимовичу почудилось, что маленькій схимникъ выросъ, благословляя его. По крайней мѣрѣ въ это мгновеніе онъ самому себѣ казался такимъ крошечнымъ, слабымъ, ничтожнымъ... Наклонясь поцѣловать сухую и морщинистую руку, онъ слышалъ, какъ Савва Кузьмичъ объяснялъ: „Арсенія Николаевича племянникъ родной. Въ Питерѣ жилъ... Все наслѣдство ему перешло... Благослови на доброе дѣло, чтобы не прошло прахомъ...“

— Милости просимъ въ мою келью! Сначала къ игумену зайдете, поди?

— Да... Келейникъ сейчасъ подходилъ, звалъ, чтобы послѣ обѣдни.

— Ну, вотъ... Сходите къ нему, а потомъ ко мнѣ. Изъ учёныхъ?.. уставился, улыбаясь, схимникъ на Василія Герасимовича.

— Да, въ университетѣ былъ... Не кончилъ только. Отецъ его померъ въ Питерѣ, въ бѣдности, онъ и вышелъ.

— Вотъ-вотъ, одобрилъ тотъ. — Богопознанію пріобщился значитъ, и еще веселѣй взглянулъ на молодаго человѣка. — Нѣтъ, душа, въ наше-то время... насъ скорбь учила познавать Его! Я пришелъ сюда лапотникомъ... Грамоту-то на пятый годъ передъ постриженіемъ узналъ... Наша наука трудная, охъ, трудная была!.. Вамъ-то куда легче... И такъ все будетъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ тяготы менѣе.

И еще разъ благословивъ ихъ, схимникъ пошелъ къ себѣ.

Василій Герасимовичъ у игумена встрѣтился съ тѣмъ же іеромонахомъ, который ждалъ ихъ въ церкви. Онъ и повелъ дядю съ племянникомъ къ настоятелю.

— Что, отецъ Варавва, скоро ждешь своихъ?

— Сегодня должно—къ вечеру поспѣютъ.

— Зашелъ бы ко мнѣ побесѣдовать. Дѣло у меня къ тебѣ будетъ не малое.

Игуменъ больше молчалъ, бровями указывая служкамъ подавать чай и угощеніе. Молчали и іеромонахи, бывшіе у него. Очевидно, гости даже особеннаго любопытства не возбуждали въ нихъ. Многіе сидѣли потупясь и вздыхали, другіе смотрѣли на Сластеновыхъ какъ смотрѣли бы на стѣну, безъ всякаго интереса. Монастырь былъ обрядовой, высшій декорумъ соблюдался въ немъ свято и нерушимо. Лица патріарховъ и митрополитовъ, изображенныя на портретахъ, украшавшихъ темныя стѣны пріемной, были болѣе выразительны, чѣмъ эти. Въ открытыя окна виднѣлись вѣтки, только-что опушенныя зеленью, нѣжно-золотистою еще, мягко перешептывавшейся подъ легкими порывами лѣниво просыпавшагося вѣтра. Василій Герасимовичъ невольно заглядѣлся на нихъ, слѣдя за мелкою пташкой, качавшеюся и кричавшею что-то, такъ что ея сѣренькое горлышко то надувалось, то опять опадало. Онъ вскользь слушалъ какой-то разсказъ Саввы Кузьмича, спокойный и оффиціальный, какъ сухо и оффиціально было все кругомъ.

— Ну, и скучно же здѣсь! облегченно проговорилъ молодой Сластеновъ, выходя на лѣстницу.

— Поневолѣ скучно будетъ... Отстоялъ бы ты заутреню, да двѣ обѣдни какъ они, да еще молебновъ десятокъ, другой отслужилъ.

Большая аллея вела къ воротамъ. За ними мерещилась свѣжая лѣсная чаща. Тутъ солнце горѣло изумруднымъ блескомъ и гомонъ птичій звучалъ во всю. Кое-гдѣ, вдали, въ золотистыхъ просвѣтахъ между старыми деревьями виднѣлись темные силуэты монаховъ, вышедшихъ подышать прохладой. По сторонамъ темнѣли овраги; по нимъ еще бѣжали мутныя весеннія воды, обмывая выступающіе наружу корни и замшившіеся камни. Небо, голубое и безоблачное, улыбалось сквозь зеленые переплеты вершинъ, въ которыхъ черными шапками темнѣли прошлогоднія гнѣзда большихъ птицъ.

— Отсюда вчера соловьи пѣли... вскользь замѣтилъ Савва Кузьмичъ.

— Хорошо тутъ!

— Чего лучше... Скоро и келійка моего старика будетъ... Просто и свято живетъ батюшка.

Келья отца Антонина состояла изъ сруба, отъ старости покрывшагося мохомъ. Онъ самъ сидѣлъ на скамейкѣ у дверей, любуясь солнечными бликами, чуть дрожавшими въ зелени яркой весенней травы. Около былъ колодезь съ воротомъ, который въ эту минуту вертѣлъ сухощавый и остроглазый келейникъ. Воротъ скрипѣлъ, подымая ведро съ водою.

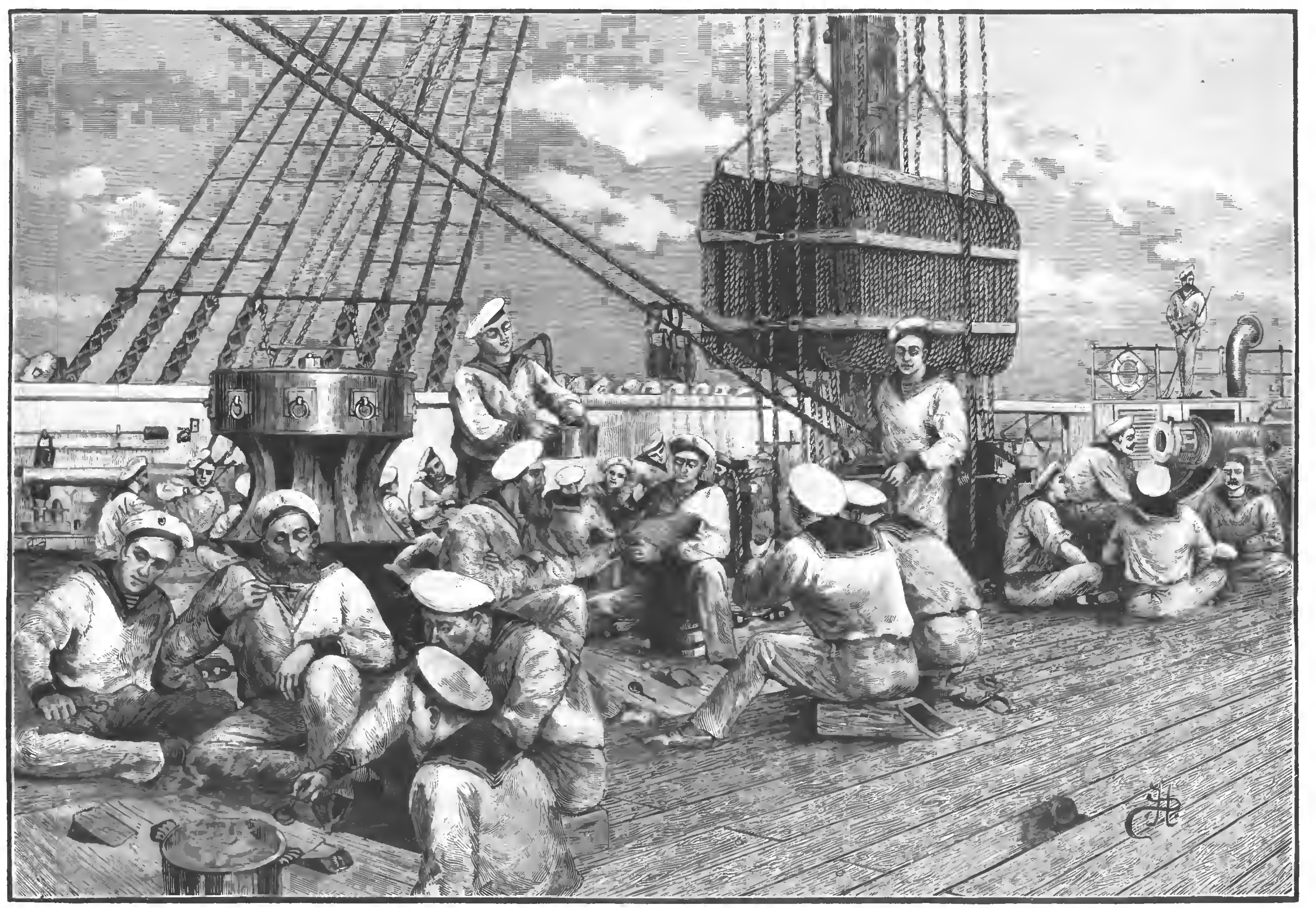
— Попьемъ, попьемъ нашего чаю!.. смѣялся схимникъ, глядя порою на служку.

— Студеный чай-отъ!..

— Чего лучше. Самимъ Господомъ посреди матери земли уготованъ...

— Соловьи-то вчера какъ пѣли, отче!

— Да. Теплу радуются. А вонъ и мои... Сынъ съ родственникомъ... Превознесъ ихъ Богъ, ну и они не ожесточились. Надо сказать правду, не мало помогаютъ намъ, сирымъ, убогимъ...



Судовая жизнь русскихъ моряковъ. Обѣдъ матросовъ на военномъ суднѣ. Съ наброска Нѣмова, грав. Флюгель.

Скучно! Ориг. рис. (собств. „Нивы") **А. Писемскаго**, грав. Флюгель.

Савва Кузьмичъ еще издали снялъ шапку.

— Благодать у васъ, батюшка, здѣсь.

— Мѣсто тихое. Сидишь днемъ, точно въ церкви, никто твоей молитвѣ не помѣшаетъ. Развѣ какая птица шелохнется, да бѣлка въ листвѣ зашуршитъ. Почью, вотъ, соловей, ну, тотъ дѣйствительно воспѣваетъ хвалу Создавшему. Что-жъ, и ты, обернулся онъ къ Василію Герасимовичу,—и ты, по старому Сластеновскому обычаю, поклониться пріѣхалъ? Хвалю за это, хвалю. Нынче это въ рѣдкость, чтобы молодое-то къ обители стремилось. Не тѣмъ душа ихъ полна. Господа-то передъ самой могилою обрѣтаютъ... Ну, да это временное, краткое... Это пройдетъ... Все пройдетъ, и земля, и небо, только Божья правда останется. Кто съ нею—тотъ въ животъ вѣчный, а безъ нея—гибель и тьма! Женатъ? воззрился онъ на Сластенова-младшаго.

— Нѣтъ...

— Вотъ подумываемъ... дѣло мірское...

— Да, да. Не добро быти единому въ мірѣ. Не то у одинокаго въ головѣ. Ничего лучше нѣтъ доброй семьи. Что-жъ, самъ приглядѣлъ кого?

— Я съ дороги Чижовымъ депешу далъ, улыбаясь открылъ свой секретъ Савва Кузьмичъ. — Пускай пріѣдетъ съ Прасковьей. Посмотрятъ другъ на друга—либо понравятся, либо нѣтъ. Кстати и старика повидаютъ... Поди сегодня къ вечеру въ обители будутъ.

— А крѣпокъ еще отецъ Варавва, крѣпокъ!.. Сухо дерево!

— И деньги у нихъ есть.

Схимникъ укоризненно взглянулъ на Савву Кузьмича.

— Кажется ужъ Господь и то превозвысилъ васъ, какъ Іова, и желать-то больше вамъ, окромѣ спокою, нечего. Всего у васъ довольно, а у него милліоны, кивнулъ онъ на Василія Герасимовича,—а вы вотъ еще о пущемъ преумноженіи сокровищъ земныхъ помышляете... Ахъ, міръ, міръ—на грѣхѣ стоитъ, грѣхомъ движется... Все о стяжаніи думаете, а душу отщетить не боитесь. Ты, умница, о томъ помысли—и богачъ умретъ, и нищій умретъ, и обоимъ въ землѣ одинаковое мѣсто будетъ, что мнѣ неимущему, что тебѣ милліонщику. Больше не займешь вѣдь, что отъ головы до пятъ. А какъ на Страшномъ судѣ-то предстанешь предъ Христомъ Богомъ, деньгами своими ничего тамъ не подѣлаешь. Какія сокровища Ему ни укажи—все это тлѣнъ и смерть одна. Онъ у тебя о душѣ спроситъ, а душу-то земныя сокровища сколь тяготятъ?.. а?

— Мы тоже народъ кормимъ, отозвался Савва Кузьмичъ.—Фабрики у насъ... заводы.... Куда бы все это безъ насъ?

— Кормите?.. И лошадь свою рабочую тоже, чтобы она на тебя труждалась... Знаемъ мы это... Ну, придется она, Паша-то, ему по душѣ—пущай, а чтобы деньги къ деньгамъ—брось и думать объ этомъ. Не будетъ счастья тамъ, гдѣ расчетъ одинъ. Съ расчетомъ земнымъ не далеко уйдешь—на полдорогѣ застрянешь. Ни впередъ, ни назадъ.

— Тоже и безъ расчету трудно... Особенно по нашему торговому дѣлу.

Схимникъ усмѣхнулся и потупился. Потомъ опять поднялъ голову и покачалъ ею, глядя на Савву.

— Экъ васъ земная прелесть-то въ голову ударила! Смерть придетъ, да станетъ надъ постелью твоей, что-жъ ты ее мильономъ купишь? А ты о душѣ, о душѣ-то... Ишь у тебя борода сѣдая,—это ему еще рано опамятоваться, кивнулъ онъ на Василія Герасимовича,—передъ нимъ еще много—время терпитъ; а ты-то вѣдь на склонѣ ужъ... Шестой десятокъ тебѣ идетъ—подумалъ бы, право. Житницами да казною не спасешься. Это все земной хлѣбъ, а ты о небесномъ бы побольше... Вонъ, пойдемъ за мной... Охъ, тяжело вставать-то.

Онъ ихъ повелъ къ себѣ, едва переступая, но всетаки отказываясь отъ чужой помощи.

Во второй комнатѣ его кельи не было постели. Стоялъ аналой передъ иконой Спасителя, безъ окладовъ... а въ углу мерещился въ потемкахъ бѣлый сосновый гробъ. Въ гробу была брошена въ изголовьи маленькая облежавшаяся подушка, и въ ногахъ оказывался сбитымъ простой крестьянскій полушубокъ.

— Видалъ ты это?.. Вотъ и все мое жительство. Нѣтъ у меня ничего, ни мильоновъ, ни домовъ твоихъ,—а вотъ и тебѣ гробъ-то не больше этого понадобится! Помѣряй-ко, по росту-ли тебѣ.

Отецъ Антонинъ спалъ въ гробу, какъ и его предмѣстникъ, умершій въ этой же самой кельѣ.

— Ляжешь такъ-то, сложишь на груди руки и думаешь: „Господи, не вмѣни мнѣ въ вину прелести земныя!" Такъ и тебѣ бы пора, чадо мое! Это молодому хорошо возноситься, въ немъ крѣпость тѣлесная велика, міръ ему Бога заститъ... А ужъ тебѣ-то, Савва!.. Подумай... О душѣ подумай... Скоро и ты вѣдь сюда склонишься.

И отецъ Антонинъ пророчески постучалъ посохомъ въ сосновые бока своего гроба.

— Душу живую спаси отъ смерти, а тѣла не спасешь!.. Ну, а теперь пойдемъ опять на красу богоданную посмотрѣть въ лѣсъ... Антоній! крикнулъ онъ келейнику.—Подалъ бы ты намъ чаю нашего, лѣснаго. Прости, другъ, больше этого нечѣмъ тебя угостить... Сами ничего не имѣемъ... За-то — она водица прямо отъ Бога... Въ мірѣ ничего лучшаго нѣтъ. И чиста, и прозрачна... любовался онъ водою.—И чиста, и прозрачна. Безъ мути. Пусть и у тебя душа такая будетъ, тогда и ты спокойно станешь часу своего ждать!

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Отецъ Варавва ждалъ своихъ. Онъ нѣсколько разъ выходилъ въ ворота монастыря и смотрѣлъ на дорогу—не покажется-ли вдалекѣ облачко пыли, но тамъ было тихо,—только два-три пѣшехода медленно двигались къ обители... Старикъ сѣлъ на камнѣ у воротъ и забылся... Передъ нимъ воскресло далекое-далекое теперь время, такое далекое, что онъ даже не могъ себѣ представить ясно — онъ-ли это былъ, или другой кто-то, невѣдомо какъ слившійся съ нимъ.

— Охъ, сколько грѣха было! сколько грѣха! Спасибо ей, вспомнилъ онъ точно въявь тогда еще чужаго ему ребенка. — Господь-то себя черезъ младенцевъ оказываетъ! И черезъ нее оказалъ, да.—Онъ уже не уходилъ къ себѣ, а долго сидѣлъ, задумавшись; картина за картиною проходили передъ его духовными очами и, уходя въ полузабытыя были, онъ сокрушенно повторялъ:—Неужели это былъ я?.. Да—я... соглашался онъ потомъ.—Весь въ сквернѣ — весь въ прелести суетной.

Звали его въ мірѣ Петромъ, по фамиліи Чижовымъ [1]. Точно вчера представляется ему этотъ вечеръ, когда онъ только что подсчиталъ итоги и запираться уже собрался, даже ключъ взялъ,—какъ на порогѣ у него показалась женщина съ ребенкомъ на рукахъ.

— Поздно, сударыня, девять часовъ! покосился онъ на нее изъ-за стойки. Какъ онъ помнитъ эту первую встрѣчу съ нею!

— Да вѣдь отперто еще! неувѣренно остановилась она передъ нимъ, вздрагивая и пожимаясь, точно ей было холодно.

— Мало-ли что!.. Сейчасъ запираемъ... Вамъ чего собственно? грубо переспрашивалъ онъ, не глядя на нее.

— Заложить вотъ... да за старое проценты внести, а то пропадутъ вещи.

— До послѣдняго дня держите, еще недовольнѣе ворчалъ онъ,—не могли раньше... Кажется, сами знаете.

[1]) Выдержки изъ исторіи отца Вараввы читались авторомъ публично и были напечатаны въ отрывкахъ.

— Дѣлать-то нечего. Все надѣялась до сегодняшняго вечера, что деньги мнѣ самой отдадутъ... Ходила, кланялась... А пришлось замѣсто того опять въ закладъ тащить къ вамъ! Развѣ я по своей волѣ? Горе такое мое...

И вдругъ, совершенно неожиданно для Чижова, она опустилась на скамью и заплакала. Тотъ даже и глазъ на нее не вскинулъ. Привыкъ тогда онъ къ этимъ сценамъ — онѣ его смущали мало. Барабаня пальцами по стѣнѣ, онъ ждалъ чѣмъ это все кончится, а самъ расчитывалъ, что сегодняшній день принесъ ему шестьдесятъ два рубля чистыхъ, да невыкупленныхъ вещей у него осталось на четыреста. На этомъ тоже набѣжитъ барыша половина. Счастливый денекъ да удачливый! Кабы все такъ—чудесно можно-бы повести дѣла. Правда, рядомъ конкуренты отбиваютъ у него практику—гласныя кассы ссудъ пооткрывали, но онъ, Чижовъ, даетъ больше и бѣдный людъ къ нему ходитъ охотнѣе. Опять-же и ждетъ онъ выкупа заложенныхъ вещей дольше чѣмъ они. Слава Богу, торговать еще можно! Вотъ коли-бы баринъ изъ Мочаловскаго дома не выкупилъ брошки да браслета, что̀ заложилъ полтора мѣсяца назадъ, тогда Петру Саввичу на приходъ пожалуй-бы и двѣ тысячи записать пришлось, если не больше. Уйдя въ эти мысли, онъ забылъ о плачущей женщинѣ съ ребенкомъ, такъ что ему даже непріятно было когда она заговорила съ нимъ, вытирая глаза концомъ шерстянаго платка.

— Покойному мужу долженъ *онъ* былъ. Все ладился отдать—только на это я и надѣялась.

— Такъ-съ!..

„Дура-баба“, думалъ онъ про себя, „дома навыться не могла — сюда пришла“.

— Бралъ деньги-то — на образа крестился. А теперь: „ступай, говоритъ, никакихъ твоихъ полутораста рублей я не знаю“. А прежде-то въ ноги кланялся!.. А теперь — пошла вонъ, коли у тебя бумаги на меня нѣтъ.

— Это вѣрно, одобрилъ Чижовъ, — ежели безъ документу!

— Какой еще документъ, коли онъ на Іоанна Крестителя зарокъ далъ: „коли де не заплачу, такъ разрази меня ангелъ мой Іоаннъ!“ и въ землю кланялся, повторяла она, съ недоумѣніемъ глядя на ростовщика.

— Съ иконой, матушка, въ судъ-то не пойдешь. Да поди съ него и взыскать нельзя?

— Какъ нельзя? вспыхнула женщина. — Помилуйте, за комнату съ мебелью платитъ онъ тридцать рублей. Платье на немъ сѣрое съ клѣткой, а въ шкапу, видѣла я сама, еще двѣ пары висятъ: одна посвѣтлѣй, а другая-то потемнѣй будетъ, съ полосками. Какъ нельзя—ежели онъ при мѣстѣ! Опять-же у него на стѣнѣ гитара виситъ... Чижа въ клѣткѣ держитъ...

— За собственную глупость значитъ и страдаете. Ну что тамъ у васъ? Некогда мнѣ ваши дѣла разбирать-то.

Женщина еще разъ вытерла глаза головнымъ платкомъ, причемъ онъ сбился у нея на сторону и прядь волосъ упала на лобъ, потомъ она вздохнула и подошла къ стойкѣ:

— Видно пропадать значитъ! Такъ съ него и не получу ничего?

— Должно быть что такъ. Кто себѣ врагъ, помилуйте, чтобъ безъ документу отдавать!.. Кажите что̀ у васъ есть? сурово оборвалъ Петръ Саввичъ, — мнѣ съ вашими глупостями не до утра стоять здѣсь.

Женщина была лѣтъ двадцати восьми, худая, видимо истощенная. Мелкія черты лица заострились и только глаза на немъ были еще красивы. Она безпомощно смотрѣла ими на Чижова, вовсе не желая его разжалобить. Репутація Петра Саввича въ этомъ отношеніи была извѣстна—и какъ ни глупа оказывалась его кліентка, но и ей такая несообразность не могла придти въ голову. Такъ плакалось—слезы сами текли, не спрашиваясь у нея... Она опустила руку въ карманъ и этимъ движеніемъ разбудила ребенка. Тотъ зашевелился, раскрылъ на свѣчу удивленные глазки, поморгалъ-поморгалъ ими и уставился на огонекъ неподвижно. Петръ Саввичъ и на него посмотрѣлъ неодобрительно: еще-бы — самимъ ѣсть нечего, а они еще дѣтей заводятъ.

— Я ему говорю, продолжала свое глупая баба, видимо нуждавшаяся въ томъ чтобы высказаться,—я ему говорю: „побойтесь вы Бога—у меня ребенокъ“. А онъ: „у меня у самого дѣтей-то можетъ сколько...“ а потомъ меня-же повернулъ этакъ за плечи, и въ двери еще ногой толкаетъ. Я ему: „Бога вспомните!“ А онъ: „Богъ-то, говоритъ, за васъ дураковъ и вступаться не захочетъ!..“ И силкомъ выгналъ.

Чижовъ и самъ-бы съ удовольствіемъ продѣлалъ эту операцію—такъ ему надоѣла посѣтительница.

— Сейча̀съ, сейчасъ, замѣтила она произведенное ею впечатлѣніе, — что ужь. Вотъ тутъ все, что̀ у меня осталось.

И она подала Петру Саввичу маленькій бумажный свертокъ.

— Заложить желаете, или продать?

— Нѣтъ, заложить... авось онъ опамятуется — отдастъ. Я и выкуплю.

Чижовъ усмѣхнулся, отдѣлилъ золотое обручальное кольцо и смятый золотой крестикъ отъ серебряной ложки и серебрянаго-же браслета съ надписью: „носи на счастье и помни!“, свѣсилъ то и другое, потомъ принесъ камень, царской водки, потеръ золото о первый и капнулъ, пробуя „настоящее-ли...“ Онъ уже хотѣлъ аккуратно завернуть кольцо и крестикъ, да ребенокъ, передъ глазами котораго весело блеснуло золото, потянулся къ нему и мягкой влажной рученкой схватился совершенно неожиданно за палецъ Петра Саввича.

— Что вы младенцовъ-то таскаете зря? хотѣлъ было разсердиться онъ, да взглянулъ на ребенка...

И личико-то все въ кулачокъ, а на немъ горятъ, любопытно уставясь на него, черные наивные глазки, такіе наивные, что невольно вызываютъ улыбку даже на сухія, въ нитку сведенныя губы. Брови не намѣтились и глаза эти еще смѣшнѣе отъ этого. На головѣ, надъ выпуклымъ лобикомъ — русые волосенки, жидкіе, рѣдкіе. Странно Петру Саввичу... онъ никогда не всматривался въ дѣтское личико.

— Что онъ смотритъ такъ-то?

А самъ держитъ свой палецъ на вѣсу, чтобы не отнять его у дѣтской, по своему плотно охватившей его рученки. И не знаетъ, обругать бабу или нѣтъ... Самъ еще не опредѣлилъ толкомъ своихъ ощущеній.

— Глупа еще... Пашутка, оставь дяденьку... Оставь!

— Дѣвочка?

— Да... шестой мѣсяцъ пошелъ.

— Что это она губами-то?

А Пашутка сдѣлала губки трубочкой и тянется ими куда-то, сводя ихъ въ одну точку... Тянулась, тянулась, потомъ вдругъ разомъ раскрыла ихъ и засмѣялась, да такъ, что Петръ Саввичъ самъ заинтересовался.

— Ишь... существо тоже... Какія бываютъ еще! Одна у васъ?

— Одна. Я и замужемъ-то полтора года была.

— Такъ. Сколько-же вы желаете?

— Вычтите вотъ проценты по этой квитанціи, да еще три рубля мнѣ пожалуйте...

— Не могу-съ! больше по привычкѣ отрѣзалъ Петръ Саввичъ. — Никакъ не могу-съ...

Да посмотрѣлъ еще разъ на маленькую ручку, крѣпко державшую его палецъ. Ишь точно ниточками перевязана она у нея на всѣхъ суставчикахъ и ноготки какіе смѣшные.

—Не могу-съ, уже не такъ рѣшительно заговорилъ

Чижовъ и разомъ опомнился. Что̀ это съ нимъ? и отнялъ руку у ребенка.

— Полтора рубля—извольте.

— Будьте столь добры, совсѣмъ упавшимъ голосомъ взмолилась женщина,—мнѣ просто хоть помирать! Войдите въ мое положеніе.

— Не могу-съ я въ положенія входить: этакъ и самому съ су́мой придется.

И онъ уже равнодушно смотрѣлъ, какъ Пашутка опять стала вытягивать губы трубочкой и моргать на свѣчку.

— Что-жъ мы теперь? отчаянно воскликнула женщина.—Я полтора должна хозяйкѣ отдать, въ углахъ здѣсь въ Кувалдышевомъ домѣ живу.

— Вотъ и отдадите!

— А ѣсть... пить...

— Извольте-съ — два.

И, не ожидая съ ея стороны согласія, Чижовъ швырнулъ вещи въ ящикъ и принялся писать квитанцію.

— Хоть два пятьдесятъ.

Но онъ даже не отвѣтилъ ей. Вынулъ изъ стараго засаленнаго кожанаго бумажника двѣ рублевки, на свѣтъ ихъ поглядѣлъ, и отдалъ женщинѣ.

— Благодарите Бога, что еще процентовъ не вычитаю. Рядомъ бы вычли... А самъ соображалъ: „вещи вѣрныхъ восемь стоятъ, процентовъ съ нея за старое полтора. Дѣло выгодное все-таки.“

— Хоть для ребеночка...

— Я на чужихъ дѣтей еще не нажилъ капиталовъ... Идите, идите, мадамъ, запираться мнѣ пора...

Еще разъ въ его глазахъ мелькнуло крошечное, круглое личико ребенка съ носомъ въ видѣ пуговицы — и черезъ минуту Петръ Саввичъ уже запиралъ свои двери тяжелымъ засовомъ.

„Тоже, голь-шмоль, дѣтей плодятъ“, думалъ онъ въ ту ночь, ворочаясь въ постели.

Квартира его была тамъ же гдѣ и лавочка, такъ что дверь изъ спальни вела въ нее прямо. Давно уже Чижовъ поселился здѣсь; на первыхъ порахъ собаку держалъ—боялся, да потомъ сообразилъ, что пса кормить денегъ сто̀итъ, и продалъ ее. Началъ онъ свое дѣло съ нѣсколькими сотнями рублей и самъ занималъ деньги на оборотъ у разныхъ вдовъ да отставныхъ чиновниковъ. Платилъ имъ по два, по три процента въ мѣсяцъ—а самъ бралъ по десяти. На этомъ и разжился. Времена были чудесныя, не то что теперь; конкурентовъ не оказывалось вовсе. Черезъ три года онъ уже гонялъ отъ себя прочь тѣхъ, кто къ нему приносилъ деньги на оборотъ: „своихъ“ было достаточно. А тамъ подвернулись кутившіе юнкера — дралъ съ нихъ Петръ Саввичъ столько, сколько хотѣлъ. Давалъ рубль—бралъ вексель на десять; половину заплатитъ— и то ему выгодно. Шло дѣло такъ до тѣхъ поръ пока не угораздило его ссудить чуть не треть своего состоянія молодому князьку. Князекъ даже доставилъ ему на векселѣ бланкъ своего дяди, человѣка котораго вся Москва знала отлично. Петръ Саввичъ хорошо понималъ, что подпись эта поддѣльна,—но вѣдь не пошлютъ-же родные въ Сибирь легкомысленнаго юношу,— откупятъ его. И оправдайся ожиданія Чижова, онъ-бы въ сотняхъ тысячахъ былъ тогда же — да князекъ, не рѣшившись сознаться въ своемъ проступкѣ, обманулъ Чижова и пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Петръ Саввичъ помнитъ, какъ онъ прибѣжалъ къ нему на квартиру. Въ ней была уже полиція. Въ спальнѣ, на мягкомъ коврѣ, раскинувши руки лежалъ его должникъ. Только у виска сочилась крохотная ранка и открытые глаза удивленно смотрѣли въ потолокъ, откуда прямо надъ нимъ висѣлъ синій фонарь. Помнитъ Петръ Саввичъ какую-то пожилую даму, плакавшую въ креслѣ около трупа, высокаго старика съ сѣдою длинною бородою, низко падавшею на грудь. Это и былъ дядя.

„Кто-же мнѣ заплатитъ теперь?“

— А это ты—Чижовъ? обратился къ нему старикъ.— Ты убійца его?

Помнитъ онъ истерическія проклятья матери, помнитъ онъ какъ полиціймейстеръ выгналъ его вонъ изъ квартиры, и какъ потомъ, когда онъ сунулся было съ векселемъ въ судъ — чуть его самого не послали бобровъ ловить. Едва-едва освободили, и отъ своихъ денегъ отступился.

— Грѣховъ, грѣховъ-то! прошепталъ монахъ про себя.—Грѣховъ, грѣховъ!.. Не замолить ихъ! Неужли-жъ все это я сдѣлалъ?

И страшно стало Вараввѣ, и еще ниже опустилъ онъ свою сѣдую голову.

Съ векселемъ на томъ и покончилъ, за то олютѣлъ на бѣдноту, кишмя кишѣвшую кругомъ.

„А!.. вы по закону хотите?.. хорошо, я буду по закону“, злорадно думалъ онъ, отказывая какой-нибудь бабенкѣ выдать ея залогъ на другой день, какъ ему истекъ срокъ. „Иди, жалуйся“, кричалъ онъ ей, „росписку-то запродажную выдала... Что̀ взяла?“ Такъ и высыхалъ у себя за стойкой Петръ Саввичъ, какъ старый тараканъ въ щели, самъ не зная подъ конецъ на что̀ ему деньги. Чѣмъ онъ самъ жилъ въ то время, едва-ли Чижовъ могъ отвѣтить. Раза два въ день изъ ближайшаго трактира къ нему бѣгалъ мальчишка съ чаемъ, бралъ онъ у лавочника черезъ улицу колбасы съ хлѣбомъ—и этимъ былъ сытъ. Одѣвался онъ въ оставшееся у него невыкупленнымъ и за ветхостью непроданнымъ платье. Выходилъ рѣдко. Случалось, зарождались въ немъ „разныя мысли“, какъ онъ называлъ ихъ: онъ не безъ удовольствія думалъ о томъ, что деньги у него есть, что сто̀итъ ему только захотѣть — и онъ будетъ въ состояніи дозволить себѣ „качества“. Но онъ тутъ-же высчитывалъ, во что̀ это ему обойдется, — откладывалъ, выписывалъ въ расходъ и съ еще большимъ удовольствіемъ опять клалъ эти деньги обратно и снова помѣчалъ ихъ на приходъ подъ рубрику: „отъ собственнаго воздержанія“. Разъ какъ-то одинъ изъ должниковъ повелъ его въ театръ, но Петръ Саввичъ проспалъ тамъ и, на упреки перваго, весьма обстоятельно покрутилъ головою и отвѣтилъ: „не настоящее это!“

— Какъ не настоящее? спросилъ пріятель.

— Такъ, чего она таперича пузырится-то? кивнулъ онъ на артистку.—Развѣ взаправду такъ онѣ плачутъ? Хочешь послушать какъ баба плачетъ,—посиди у меня за стойкой день, услышишь... У меня братъ позанятнѣе: разные народы шляются, и не я имъ, а они мнѣ еще платятъ деньги-то... А это не настоящее. Это они такъ нарочно...

И дѣйствительно, на всѣ людскія страданія и невзгоды Петръ Саввичъ изъ-за своей стойки смотрѣлъ не безъ удовольствія. Онъ жилъ этими бѣдняками, онъ собиралъ съ несчастія обильную жатву и богатѣлъ за счетъ нищеты и голода.

— Есть-ли крестъ на тебѣ, живодеръ ты, окаянный! орали ему доведенные до неистовства голяки.

— На тебѣ нѣтъ, резонно отвѣчалъ Чижовъ,—потому вотъ онъ тутъ, крестъ отъ-твой!

Такъ имя „живодера“ за нимъ и осталось навсегда. Онъ и не обижался, ему было все равно. Онъ зналъ самъ и голодъ, и безпріютную скитальческую жизнь. Когда еще двороваго его выбросили на произволъ судьбы и онъ пѣшкомъ пошелъ въ Питеръ, никто ему не помогъ, никто не накормилъ и не напоилъ его. Ну, а вошелъ онъ въ силу—состраданіе къ кому-бы то ни было казалось ему самому страннымъ и несообразнымъ.

— Помоги, братъ! молили его.

— Ступай, ступай. Нашелъ гдѣ братьевъ... Иди, иди, не проклажайся, выгонялъ онъ бѣднягу.

— Ну смотри,—грозилъ ему тотъ,—Богъ тебя покараетъ!

Искушеніе Іисуса Христа. Съ карт. Арп. Шеффера, грав. Кнезингъ.

— Не за что ему меня карать-то — я его завсегда помню.

Такъ Петръ Саввичъ и пребывалъ въ полномъ сознаніи своей правоты передъ Богомъ и людьми.

Сбывъ собаку, онъ окончательно остался одинъ — и цѣлые вечера проводилъ, сортируя и встряхивая заложенное ему платье, перетирая золото и серебро, разсматривая драгоцѣнные камни и любуясь ими. Для него они не были мертвыми. Каждая вещь говорила о чемъ-то своемъ, особомъ. Такъ любитель просиживаетъ цѣлые вечера въ библіотекѣ, и каждая книга на ея полкахъ, является ему интереснымъ и живымъ собесѣдникомъ, и ни разу Чижову не приходила въ голову мысль: зачѣмъ онъ собираетъ все это, для чего онъ собственно живетъ на свѣтѣ и что будетъ потомъ. Онъ постарѣлъ ужь—на ростовщичествѣ—и думалъ, что иной жизни для него нѣтъ, да и быть не можетъ...

(Продолженіе будетъ).

Борьба двухъ началъ.

Гермины Виллингеръ. (Переводъ).

Щебеньщикъ Францъ-Ксаверъ сидѣлъ на проселочной дорогѣ въ Санктъ-Блазіенъ, углубившись въ свое дѣло. Но такъ какъ на глазахъ его въ короткое время уже второй крестьянинъ направлялся въ Шлухзеэ, онъ поднялся и громко крикнулъ прохожему: „Эй, человѣкъ Божій, что тамъ у васъ нынче?"

— Да вотъ хочу взять съ торговъ сироту на воспитаніе, отвѣтилъ тотъ,—маленькій запасецъ чистогану всегда на пользу *).

— Богачи вѣдь оба, проворчалъ Францъ-Ксаверъ про себя,— у каждаго полонъ хлѣвъ скотины, а поди-жь ты, какъ только гдѣ денежками запахнетъ—они тутъ какъ тутъ. Оно и мнѣ бы не мѣшало.

Послѣ такого разсужденія старикъ сталъ задумчивъ, медленнѣе дробилъ камень и, наконецъ, поднялся на ноги, выразительно задавъ небу вопросъ: „а почему бы нѣтъ?" напялилъ верхнее платье, нахлобучилъ запошенную войлочную шляпу на самыя уши и тоже направился въ Шлухзеэ.

Вскорѣ послѣ другихъ и онъ вошелъ къ бургомистру, между тѣмъ какъ сирота, котораго предстояло взять на воспитаніе тому, кто возьметъ дешевле всѣхъ, дожидался на дворѣ, сидя верхомъ на жолобѣ колодца и погоняя своего коня во всю глотку, нисколько не озабоченный тѣмъ, что тамъ готовитъ ему судьба.

Прошло добрыхъ четверть часа, и бургомистръ позвалъ его въ комнаты.

— Ну, Гансъ, проговорилъ онъ, взявъ шестилѣтняго мальчугана за руку, — вотъ тебѣ дѣдушка, будь уменъ, слушайся его.

Двое крестьянъ, ворча и ругаясь, пошли къ дверямъ, а Францъ-Ксаверъ послалъ имъ вдогонку:

— Это точно, мы не изъ первыхъ на селѣ, однако и самъ императоръ не назоветъ насъ нищими, потому мы хоть сегодня готовы на тотъ свѣтъ и можемъ сами заплатить за похороны.

Затѣмъ старикъ поплелся домой съ мальчуганомъ, который высоко взмахивалъ и вертѣлъ въ воздухѣ узелкомъ со всѣми своими пожитками.

Немного погодя мальчикъ спросилъ:

— А у тебя тоже и бабушка есть дома-то?

— Нѣтъ, отвѣтилъ старикъ.

— Ура! крикнулъ Гансъ,—а вотъ Игнатиха бывало цѣлый день мнѣ трёпки задаетъ, потомъ отдали меня лодочнику, такъ его жена чуть меня голодомъ не заморила. Ура! крикнулъ онъ еще разъ черезъ осѣненное елями озеро, — ура, коли ты безъ бабушки!

Щебеньщикъ толкнулъ мальчугана локтемъ.

— Слышь-ко, у насъ такъ не орутъ—славное это воспитаніе было бы—понялъ?

— Какъ не понять, отвѣчалъ мальчикъ, — вѣдь годика черезъ два я въ школу пойду, а пѣть ужь и теперь умѣю.

И онъ звонко затянулъ веселую простонародную пѣсенку.

Затѣмъ съ такою же легкостью послѣдовала другая; скоро они миновали озеро и свернули въ долину; тропинка въ густой заросли привела ихъ къ покосившейся хижинѣ старика. Онъ тотчасъ приступилъ къ обязанностямъ домохозяйки, принесъ блюдо простокваши и небольшой хлѣбецъ. Молча, положивъ локти на столъ, принялись они за дѣло; когда простокваша стала подходить къ концу, старикъ совсѣмъ предоставилъ ее своему питомцу, причемъ этотъ впервые вглядѣлся въ него попристальнѣе и даже съ видомъ искренняго восхищенія.

Францъ-Ксаверъ подошелъ къ ветхому шкапу, отворилъ его и подозвалъ мальчугана.

— Въ жизни, видишь-ли, началъ онъ,—первое дѣло во всемъ порядокъ; вотъ тутъ, въ этомъ ящикѣ, нашъ съ тобою порядокъ—притомъ въ двухъ отдѣленіяхъ: во-первыхъ, деньги на похороны, сюда я и кладу полученныя отъ бургомистра двѣ марки, потому что порядочный человѣкъ не позволитъ себя зарыть словно какого мотыгу, а загодя подумаетъ о приличномъ погребеніи; во-вторыхъ, деньги на веселье, только веселье—разъ навсегда послѣднее дѣло, и потому тутъ нѣтъ ни гроша—это замѣть себѣ.

Гансъ поглядѣлъ въ ящикъ и смѣрялъ оба хранилища испытующимъ взоромъ; потомъ съ видомъ глубочайшаго убѣжденія заявилъ:

— А я бы все на веселье!

Но тутъ же и получилъ первую затрещину.

— Такъ думаютъ ни на что негодные люди, наставительно поучалъ его дѣдушка,—и это надо изъ тебя выколотить, ужь такая наша треклятая обязанность воспитателей.

Съ этими словами онъ стащилъ со своей кровати что было помягче и получше и постлалъ своему питомцу постель на лежанкѣ. Ночью, какъ только Гансъ ворочался во снѣ, лысый черепъ старика съ торчавшими тамъ и сямъ сѣдыми клочками волосъ приподнимался съ подушки, а лицо принимало крайне озабоченный видъ.

Рано утромъ, едва солнце заглянуло въ долину, оба, столь несходные между собою товарища, сидѣли уже другъ противъ друга на кучѣ камней. Гансъ производилъ впечатлѣніе громаднаго гриба, такъ какъ на немъ была непомѣрно большущая соломенная шляпа, подъ которой почти совсѣмъ пропадало его крошечное тѣльце съ вытянутыми впередъ ножонками. Онъ съ дѣтскою радостью дробилъ камни и ему было-бы истиннымъ удовольствіемъ колотить ихъ зря подъ свою пѣсенку, но дѣдушка училъ иначе: „такъ лупятъ лишь непутёвые, а не тѣ что гордятся своею работой; моя куча должна быть на диво, чтобы всякій сказалъ: „„вотъ это видно что Францъ-Ксаверъ наколотилъ"".

Но такъ какъ молотъ Ганса все сбивался на быстрый тактъ его пѣсенъ, то дѣдушка прохрипѣлъ ему старинную церковную пѣснь, благодаря чему они нѣкоторое время били довольно дружно ударъ за ударомъ. Мало-по-малу однако у старика не хватило голосу, и протяжный напѣвъ мальчугана быстро перешелъ въ плясовую, что вскорѣ опять перевернуло весь порядокъ вверхъ дномъ. Тогда старикъ отложилъ свой молотъ и до тѣхъ поръ таскалъ плутишку за ухо, пока тотъ не попалъ въ настоящій тактъ. Такимъ образомъ прошло утро и полдень; къ вечеру, на дорогѣ отъ озера показался бургомистръ, и Гансъ, завидѣвъ его, съ быстротою молніи скатился со своей кучи, сорвалъ съ головы шляпу и, размахивая ею, выразилъ свое радостное настроеніе ликующимъ: „Богъ въ помочь!"

Ласковый бургомистръ остановился.

— Ну, какъ твои дѣла, мальчуга?

— Отлично! крикнулъ Гансъ, такъ что его слышно было-бы за озеромъ.

Дѣдушка скомандовалъ ему: „пой!" Мальчикъ старался изо всѣхъ силъ и замолкъ лишь тогда какъ бургомистръ съ одобреніемъ вручилъ ему блестящій новенькій пфеннигъ.

— Ура! крикнулъ карапузъ, прыгнулъ на кучу камней и замахалъ широкополою шляпой: — теперь есть у меня и на веселье!

Но щебеньщикъ озабоченно поймалъ его за ноги, растянулъ его у себя на колѣняхъ и порядкомъ нашлепалъ его. Затѣмъ вытеръ себѣ вспотѣвшій лобъ и спряталъ пфеннигъ въ карманъ, приговаривая: „Какъ я тебя училъ? На что нужны деньги во-первыхъ?"

— На треклятыя похороны, всхлипнулъ Гансъ.

Вскорѣ веселый паренекъ понялъ, что голосишко его дѣло не пустячное, такъ какъ рѣдко кто проходилъ мимо не обративъ вниманія на пѣвца или не кивнувъ ему привѣтливо головой. Вслѣдствіе этого, Гансъ каждый разъ, какъ только завидитъ кого-нибудь на дорогѣ, скатывался со своей кучи, срывалъ шляпу и затягивалъ пѣсню. А такъ какъ въ эту лѣтнюю пору на озерѣ и Санктъ-Блазіенѣ бывало много пріѣзжихъ, мальчику перепало не мало свѣтленькихъ монетокъ; но какъ настоятельно ни внушалъ онъ старику: „вотъ еще деньги, дѣдушка, вѣдь это ужь на веселье?" все безповоротно шло въ кассу на похороны.

А тѣмъ временемъ какъ сумма эта росла, Францъ-Ксаверъ съ каждымъ днемъ становился самодовольнѣе, насмѣшливѣе и даже задорнѣе по отношенію къ ближнимъ: сознаніе, что онъ уже не нуждается въ даровомъ погребеніи, портило его характеръ и онъ сталъ чваниться предъ Богомъ и людьми.

— Что-жь, сколько угодно! оскаливался онъ на небо, когда напримѣръ ливень хлесталъ ему въ спину, — намъ все едино: можемъ хоть сейчасъ на тотъ свѣтъ... готовы... готовы...

*) Во многихъ мѣстахъ южной Германіи сиротъ берутъ на воспитаніе какъ бы съ аукціона, причемъ сирота достается тому, кто беретъ съ общины дешевле прочихъ за его содержаніе.

Въ церкви онъ засыпалъ и храпѣлъ съ наслажденіемъ, ибо теперь, когда онъ могъ заплатить господину пастору, этотъ послѣдній казался ему личностью маловажною, которой можно причинить сколько угодно непріятностей за ту кучу деньжищъ, что придется отсыпать ему.

Какъ-то вечеркомъ, отворивъ извѣстный ящикъ съ двумя отдѣленіями, старикъ сдѣлалъ открытіе, на минуту лишившее его даже языка; въ пустой до сихъ поръ кассѣ на-веселье — теперь лежало около половины той суммы, что хранилась въ кассѣ на-похороны, а эта послѣдняя ровно настолько-же истаяла.

Гансъ стоялъ противъ старика со сложенными руками и весь красный отъ напряженія, напѣвая обычную молитву, которой сегодня по какому-то смутному побужденію посвящалъ всю силу своихъ здоровыхъ легкихъ.

— Постой-ка! крикнулъ старикъ, поймавъ его за хохолъ,— а кто это сдѣлалъ — вотъ это? — и онъ грубо ткнулъ Ганса носомъ въ ящикъ,— никто на свѣтѣ не слыхивалъ отъ меня про два отдѣленія—кому-же кромѣ тебя могла придти сатанинская мысль опростать похоронную кассу на веселье?

— Можетъ-быть Боженька, пролепеталъ Гансъ, — можетъ Онъ подумалъ...

— Вотъ Онъ что̀ подумалъ, перебилъ дѣдушка,—выбить изъ тебя надо треклятое веселье...

Что касается добряка Франца, то и ему наконецъ пришлось узнать, что онъ тоже разсчиталъ безъ хозяина. Ужь не разъ уговаривали его починить свою старую, развалившуюся печь; но онъ оставался глухъ ко всѣмъ увѣщаніямъ. Однажды вечеромъ яркое пламя вспыхнуло на чердакѣ, и хотя пожаръ тотчасъ потушили, но щебеньщику ничего уже не оставалось какъ позвать въ домъ рабочихъ. По окончаніи работы имъ пришлось отдать всю похоронную кассу, и съ этого дня старикъ сидѣлъ на своей кучѣ словно живое воплощеніе горя, смиренно и уныло кланяясь каждому прохожему, а пастору чуть не до земли. Вѣдь умри онъ теперь, ему нечѣмъ заплатить за свои похороны—и каждый на селѣ имѣлъ-бы право презирать его. Тутъ онъ умалился предъ Господомъ, пропала у него всякая охота бесѣдовать съ Нимъ свысока и онъ ежечасно молился: „Господи, Господи, долго еще буду я недостоинъ вѣчнаго блаженства...“

Хотя солнце грѣло еще долину самыми жаркими лучами, старикъ обматывалъ себѣ шею шерстянымъ шарфомъ боясь простуды, и до того потѣлъ въ теченіе знойнаго дня, что волосы на затылкѣ его приняли даже зеленоватый оттѣнокъ.

А Гансъ пользовался его упадкомъ духа для того, чтобы совсѣмъ ужь по своему дробить камни въ тактъ своей пѣснѣ— и только сердце радовалось послушать его.

Разъ какъ-то изъ кареты вышла знатная дама, и ей захотѣлось милостиво подозвать къ себѣ мальчика.

— Докторъ, сказала она своему спутнику,—пусть онъ проведетъ насъ немножко по лѣсу; это освѣжаетъ.

На дамѣ былъ длинный красный плащъ, въ которомъ она путалась съ такимъ трудомъ, что вотъ-вотъ того и гляди совсѣмъ свалится съ ногъ. Докторъ справа, компаньонка слѣва, несли пледы, шали, зонтики и оба страшно зѣвали, отворачиваясь каждый въ свою сторону лѣса.

Гансъ-же въ своей шляпищѣ храбро и безпечно шелъ впередъ и велъ всю компанію по узенькой тропинкѣ, обставленной до того часто разросшимися елями, что онѣ казались древесными трупами, закутанными сѣрымъ саваномъ вѣтвей. Подъ самою густою сѣнью ихъ оказалась скамейка, и дама со вздохомъ опустилась на предложенное ей мѣстечко, причемъ ее тотчасъ прикрыли дюжиною пледовъ, закутали, спеленали чуть не до задушенія, а затѣмъ послѣдовалъ совѣтъ: „теперь дышите глубже, графиня!“

Она и старалась всѣми силами, сомкнувъ вѣки, но тотчасъ въ испугѣ широко открыла глаза, такъ какъ Гансъ, не дожидаясь приглашенія, подъ самымъ ея носомъ грянулъ одну изъ своихъ пѣсенъ.

Докторъ хотѣлъ было прогнать мальчика, но графиня махнула ему крохотною, словно дѣтскою ручонкой: „Оставьте, оставьте его“, и Гансъ пѣсня за пѣсней выложилъ весь свой запасъ, засунувъ руки въ карманы и не сводя съ графини лучистаго взгляда.

Покончивъ репертуаръ, онъ спросилъ, не начать-ли опять сначала.

— Нѣтъ, сказала графиня,—лучше разскажи мнѣ, кто твои родители.

— Да у меня никого нѣтъ, отвѣтилъ Гансъ,—дѣдушка взялъ меня съ торговъ.

Докторъ объяснилъ графинѣ значеніе этого слова, при чемъ та облегчила себя вздохомъ состраданія.

— Чтожь, ты любишь старика? обратилась она къ мальчику.

Но Гансъ еще не слыхивалъ слова *любить*, а потому глуповато потупился и наконецъ застѣнчиво потрясъ головой.

— Ахъ, бѣдное дитя! воскликнула графиня.—Докторъ, нельзя-ли пристроить его куда нибудь въ другой домъ, гдѣ-бы его окружили любовью?

— Чего? крикнулъ Гансъ,—ну, этакъ, слышь-ко, придется повозиться со мной, я отъ дѣдушки-то не пойду ни за что̀ на свѣтѣ.

— Вотъ какъ, стало-быть тебѣ хорошо у него?

— Разумѣется, хорошо...

— Онъ значитъ никогда тебя не бьетъ?

— Только за веселье, а то никогда.

Графиня полюбопытствовала, какъ это понять, и Гансъ далъ полное объясненіе:

— Потому что у дѣдушки двойной порядокъ: во-первыхъ, деньги на похороны, во-вторыхъ — на веселье. Однако все идетъ на похороны — на веселье ни гроша, а мнѣ хотѣлось бы копить на веселье, вотъ за это и бьетъ.

— Что-жь такое веселье?

Этого Гансъ не зналъ.

— Такъ почему же тебѣ хочется копить на веселье?

— Да все же лучше чѣмъ на похороны.

Тутъ всѣ трое сильно скучавшихъ слушателей вдругъ какъ бы повеселѣли, а графиня заявила: „дадимъ ему что-нибудь на веселье, докторъ — нѣтъ-ли у васъ двадцати марокъ?“

Гансъ вытаращилъ глаза. Когда же онъ почувствовалъ въ рукѣ всю эту кучу денегъ, у него даже духъ занялся отъ радости при такомъ безмѣрномъ счастіи. Онъ хотѣлъ было пролепетать свое „подай вамъ Господи!“ какъ вдругъ на него нашло раздумье.

— Господи Боже мой! проговорилъ онъ,—а вдругъ дѣдушка все это на похороны...

— Ну, этому можно пособить, успокоила его графиня, — неправда-ли, докторъ?

Тотъ вырвалъ страничку изъ своей записной книжки. „Я дамъ ему записку“.

Мальчуганъ вздохнулъ съ облегченіемъ, получилъ записку и кинулся бѣжать со всѣхъ ногъ. Они смотрѣли ему вслѣдъ, графиня въ лорнетку, какъ онъ, громко ликуя и высоко поднявъ руки, несся по лѣсной тропинкѣ.

Дѣдушка справлялъ канунъ праздника и печально сидѣлъ на порогѣ хижины, когда Гансъ бурей налетѣлъ на него съ вѣстью: „Эна сколько денегъ, дѣдушка— цѣлая пригоршня!“

Сгорбленный станъ старика разомъ выпрямился, и дѣдушка вошелъ съ мальчуганомъ въ комнату; тамъ Гансъ бросилъ деньги на столъ, а Францъ-Ксаверъ пересчиталъ ихъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, потомъ подошелъ къ шкапу и досталъ ящикъ съ двумя отдѣленіями.

— Нѣтъ, постой-ка, сказалъ Гансъ, показывая ему записку,— тутъ написано—это все на веселье.

Дѣдушка схватилъ записку и прочелъ, сначала не вѣря глазамъ, потомъ съ увѣренностью: „на веселье“; колѣна его задрожали, а лицо выразило такое горькое разочарованіе, что *ура*! съ которымъ Гансъ хотѣлъ было собрать свои марки, застряло у него въ горлѣ и ему стало какъ-то смутно на душѣ. Онъ сгребъ деньги въ одну кучку, сгребъ въ другую, и подвинувъ половину старику проговорилъ:

— На вотъ и тебѣ, развеселись и ты, дѣдушка.

Тотъ не заставилъ просить себя дважды и торопливо схватилъ свою долю. Онъ подмигивалъ, смѣялся, глаза его блестѣли влагой, медленно и задумчиво опустилъ онъ счетомъ свои десять марокъ въ кассу на похороны; потомъ сорвалъ съ шеи обмотанный шерстяной шарфъ на полъ и далъ ему еще пинка ногой, оскалясь на закопченый потолокъ:

— Что-жь, теперь когда угодно... намъ все едино... можемъ хоть сейчасъ на тотъ свѣтъ... готовы... готовы...

Помощь утопающимъ и мнимо-умершимъ.

К. Фалькенгорста.

Что̀ дѣлаетъ человѣкъ неумѣющій плавать, когда упадетъ въ воду? Онъ обыкновенно теряется, подымаетъ руки вверхъ и дѣлаетъ совершенно безсознательныя, нецѣлесообразныя движенія. Чрезъ это становится чрезвычайно трудно, опасно и почти невозможно спасти его; онъ большею частью судорожно хватается за своего спасителя и мѣшаетъ ему, какъ самому держаться на водѣ, такъ и вытащить утопающаго. Если человѣкъ умѣетъ плавать, онъ можетъ сохранить необходимое спокойствіе и хладнокровіе; но неумѣющій, зная, что онъ не можетъ спастись самъ и что долженъ потонуть, если не явится немедленная помощь, естественно теряетъ присутствіе духа и приходитъ въ отчаяніе.

Слѣдовало-бы поэтому внушить всѣмъ неумѣющимъ плавать, что, дѣйствуя правильно и разумно, они могутъ сами удержаться на водѣ до прибытія помощи. Въ собственныхъ своихъ интересахъ, пусть они хорошенько вникнутъ въ смыслъ приложенныхъ здѣсь трехъ рисунковъ. Рис. 1 изображаетъ то положеніе, котораго *не* слѣдуетъ принимать, при которомъ легче всего утонуть и которое, къ сожалѣнію, чаще всего принимаетъ утопающій, взывая о помощи и потому подымая изъ воды руки.

Часть водопада Поръ-порогъ въ Олонецкой губ. Съ фот Вишнякова, грав. Рашевскій.

Стадо черепахъ на походѣ. Рис. Ріу, грав. Молле.

Второе положеніе (рис. 2) болѣе благопріятно. Здѣсь голова нѣсколько выступаетъ изъ воды и наклонена назадъ, благодаря чему носъ и ротъ остаются свободными для дыханія. Поэтому главное условіе, которое долженъ соблюдать неумѣющій плавать, заключается въ томъ, чтобы не поднимать рукъ надъ водой. Объясняется это тѣмъ, что тѣло человѣка нѣсколько легче вытѣсняемаго имъ и равнаго ему по объему количества воды. Если руки подняты кверху, количество вытѣсняемой воды уменьшается, а голова неизбѣжно опускается глубже.

Второе положеніе имѣетъ однако одно неудобство: оно слишкомъ утомительно, потому что приходится сильно наклонять голову назадъ, для того, чтобы ротъ находился надъ поверхностью воды. Поэтому слѣдуетъ предпочитать третье положеніе (рис. 3). Здѣсь руки вытянуты назадъ, надъ головой, тѣло принимаетъ горизонтальное положеніе, а лицо и ротъ остаются надъ водой.

Почему положеніе рукъ можетъ измѣнить положеніе всего тѣла въ водѣ, видно изъ нашихъ рисунковъ. Бѣлое пятно изображаетъ воздухъ, который находится въ легкихъ и внутренностяхъ человѣка и обусловливаетъ для него возможность держаться на водѣ. Когда руки вытянуты назадъ, вѣсъ верхней и нижней половины тѣла уравновѣшивается и тѣло балансируетъ по сторонамъ большаго пузыря воздуха, стремящагося кверху. Если же держать руки внизъ, что называется по швамъ, то нижняя половина тѣла становится тяжелѣе, ноги опускаются глубже и все тѣло получаетъ болѣе отвѣсное положеніе.

Рисунки въ то же время показываютъ, что намъ тѣмъ легче держаться на водѣ, чѣмъ обширнѣе пузырь воздуха, и потому утопающій долженъ стараться вобрать въ легкія какъ можно больше воздуха, посредствомъ медленныхъ, глубокихъ вдыханій и короткихъ выдыханій.

Такимъ образомъ, утопающему являются три основныхъ правила самопомощи:

1) Не поднимать рукъ изъ воды.

2) Лежать на спинѣ, держа ротъ надъ водой.

3) Медленно вдыхать воздухъ и коротко выдыхать.

Этимъ простымъ способомъ, въ нѣсколькихъ, извѣстныхъ намъ, случаяхъ, спасались не только женщины, но даже дѣти. Искусство лежать на спинѣ должно, по нашему мнѣнію, составлять основаніе всякаго обученія плаванію, такъ какъ оно есть естественное средство спасенія. Мы особенно настаиваемъ на томъ, что при нѣкоторой глубинѣ воды, *каждый, безъ всякихъ усилій, можетъ пріучиться держаться на водѣ, лежа на спинѣ.*

И такъ, каждый неумѣющій плавать долженъ спасаться самъ или, по крайней мѣрѣ, лежать на водѣ до прибытія помощи.

Но какимъ-же образомъ спасти утопающаго, при несоблюденіи имъ этихъ условій?

Неумѣющій плавать долженъ протянуть тонущему весло, веревку или другой какой-либо предметъ. Если-же ничего не случится подъ руками, пусть онъ, не теряя головы, *сниметъ сюртукъ* и взявъ его за конецъ рукава, броситъ другой рукавъ или полу утопающему, чтобы прежде всего установить съ нимъ сообщеніе. Мы знаемъ не мало такихъ случаевъ спасенія. Не надо забывать при этомъ, что утопающій всегда еще разъ появляется надъ водой, прежде чѣмъ захлебнется, и тутъ-то, по пословицѣ, готовъ схватиться за каждую соломенку.

Теперь мы подходимъ къ важному вопросу, какимъ образомъ долженъ поступать *умѣющій плавать* при спасаніи погибающаго. Вопросъ этотъ важенъ потому, что при неумѣніи взяться за дѣло, спасающій подвергаетъ опасности собственную жизнь.

Профессоръ Эсмертъ перепечатываетъ въ своемъ „Руководствѣ“ (Leitfaden) правила для спасанія утопающихъ, составленныя начальникомъ морской службы вольнаго города Гамбурга, Тетенсомъ. Правила эти, заслуживающія широчайшаго распространенія, гласятъ такъ:

1) Приближаясь къ утопающему, слѣдуетъ закричать ему громкимъ голосомъ, что онъ спасенъ.

2) Прежде, чѣмъ броситься въ воду, надо раздѣться совершенно и по возможности быстро. Платье приходится, конечно, срывать съ себя.

3) Не слѣдуетъ хватать утопающаго, пока онъ самъ работаетъ въ водѣ; надо переждать нѣсколько секундъ, пока онъ успокоится. Было-бы безуміемъ хватать человѣка, пока онъ борется съ волнами; это значило-бы подвергать собственную жизнь величайшей опасности.

4) Когда утопающій успокоится, слѣдуетъ, приблизившись къ нему, схватить его за волосы, быстро повернуть на спину и дать сильный толчокъ, чтобы онъ поднялся на поверхность воды. Затѣмъ, самому повернуться на спину и плыть къ берегу, положивъ голову утопленника себѣ на животъ, разумѣется лицомъ кверху, и держать его обѣими руками за волосы. Этимъ способомъ можно быстрѣе и вѣрнѣе, чѣмъ всякимъ другимъ, достигнуть берега, а опытный пловецъ въ состояніи сдержать на водѣ даже двухъ человѣкъ. Главная выгода здѣсь заключается въ томъ, что какъ собственная голова, такъ и голова утопленника, остаются надъ водой. Къ тому же, такимъ образомъ можно долго продержаться на водѣ, что особенно важно, если приходится ждать лодку или другой помощи.

5) Случаи, что утопающій судорожно вцѣпляется въ спасителя и увлекаетъ его за собою, весьма рѣдки. По мѣрѣ того какъ гибнущій ослабѣваетъ и теряетъ сознаніе, рука его также становится слабѣе, пока совсѣмъ не выпуститъ опору. Поэтому, всѣ опасенія такого рода могутъ быть названы совершенно напрасными.

6) Если утопленникъ погрузился на дно, то при спокойной водѣ, можно съ точностью опредѣлить мѣсто, гдѣ лежитъ тѣло, по пузырямъ, поднимающимся на поверхность воды. При этомъ надо, разумѣется, принимать въ соображеніе теченіе, которое не даетъ пузырямъ подниматься вполнѣ вертикально. Очень часто, руководствуясь пузырями, можно успѣть вытащить тѣло изъ воды, пока еще есть возможность возвратить его къ жизни.

7) Нырнувъ за тѣломъ, его слѣдуетъ схватить за волосы, но только одной рукой, чтобы при помощи другой руки и ногъ выбраться на поверхность воды.

8) Въ морѣ, во время отлива, было-бы большой ошибкой плыть къ берегу. Лучше лечь на спину, все равно одному-ли или волоча за собою утопленника, и держаться на водѣ до прибытія помощи. Нерѣдко спасающій, плывя къ берегу противъ теченія, истощаетъ свои силы и тонетъ, тогда какъ лодка или другая помощь могла-бы подоспѣть, если-бы онъ старался только удержаться на водѣ.

9) Всѣ вышеприведенныя указанія должны равно соблюдаться, какъ при тихой водѣ, такъ и при бурной погодѣ на морѣ.

Очень часто утонувшихъ вытаскиваютъ изъ воды въ безчувственномъ состояніи, повидимому — мертвыми. Здѣсь надо замѣтить слѣдующее:

Смерть въ водѣ можетъ произойти отъ двухъ причинъ. Утопающій захлебывается, т. е. *задыхается.* Онъ вдыхаетъ въ легкія воду, вмѣсто воздуха, и кромѣ того еще проглатываетъ большое количество воды. Смерть вслѣдствіе задышки наступаетъ не тотчасъ, а послѣ сравнительно долгой борьбы съ волнами. Утопленникъ въ такомъ случаѣ имѣетъ всѣ признаки задохшагося: синевато-красное вспухшее лицо, синевато-красныя губы, налитые кровью глаза. Если открыть утопленнику ротъ, въ немъ окажется пѣнисто-водянистая жидкость. Желудокъ, воздухоносные каналы и легкія содержатъ также большое количество воды.

Но не всегда утопленники отличаются этими признаками. Иногда лицо *блѣдно*, вяло, во рту очень мало, а иногда и вовсе нѣтъ пѣнистой жидкости. Эти признаки показываютъ, что смерть наступила, не вслѣдствіе задышки, а вслѣдствіе *обморока* или паралича сердца. Въ этомъ случаѣ, дыхательныя движенія прекратились моментально, гортанное отверстіе, т. е. входъ въ дыхательные каналы, судорожно сжалось и въ легкія успѣло проникнуть лишь самое незначительное количество воды.

Такіе признаки *благопріятны;* въ этомъ случаѣ больше шансовъ вернуть утопленника къ жизни, чѣмъ въ первомъ.

Приходится часто слышать вопросъ: какъ скоро наступаетъ смерть въ водѣ? Сколько времени долженъ человѣкъ пробыть подъ водою, чтобы умереть? Десять минутъ, четверть часа, или болѣе? На это мы отвѣтимъ: Опредѣлить время нельзя. Бывали случаи, что послѣ пребыванія подъ водою въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, жизнь еще не угасала, и послѣ столь же долгихъ стараній, удавалось привести утопленника въ чувство. Отсюда вытекаетъ правило:

Каждый утопленникъ долженъ считаться мнимо-умершимъ.

Какимъ же образомъ можно вернуть этого мнимо-умершаго къ жизни?

Лучше всего это съумѣетъ сдѣлать врачъ; а потому, первая обязанность спасающаго—*не теряя времени, послать за врачемъ.* Въ то же время надо постараться добыть сухую одежду и теплыхъ одѣялъ.

Но и до прибытія врачебной помощи не слѣдуетъ складывать руки, а напротивъ тотчасъ приступить къ попыткамъ привести утопленника въ чувство, причемъ первою задачей является возстановленіе дыханія. Правила для этого слѣдующія:

1) Утопленника не слѣдуетъ поднимать за ноги, головою внизъ, а прежде всего положить его, на свернутыя одѣяла, платья или къ себѣ на колѣна, на животъ, подложивъ одну руку подъ голову, причемъ голова и грудь должны находиться ниже остальнаго тѣла. Затѣмъ необходимо надавливать утопленнику спину для того, чтобы ускорить истеченіе воды изъ легкихъ и желудка.

2) Чтобы дать свободный доступъ воздуху въ дыхательные каналы, слѣдуетъ открыть утопленнику ротъ, очистить его, также какъ и носъ, отъ набившагося туда ила и т. п. платкомъ, вытянуть языкъ и оставить его въ такомъ положеніи (лучше всего привязавъ его къ подбородку эластичной повязкой, платкомъ, бинтомъ и т. п.) или выдвинувъ впередъ челюсть.

3) Слѣдуетъ снять съ него мокрую одежду и, прежде всего,

наиболѣе тѣсную, съ шеи и груди, какъ наприм. галстухъ, запонки на сорочкѣ и подтяжки.

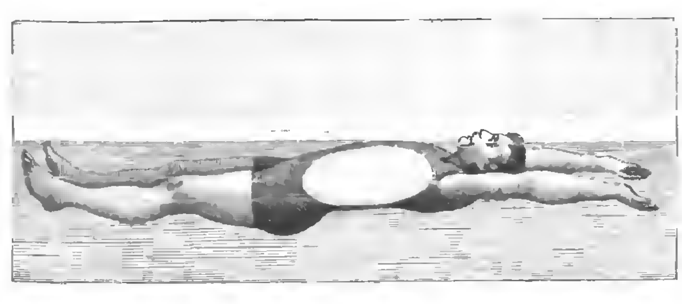
4) Чтобы вызвать *самостоятельныя* дыхательныя движенія, полезно, не теряя времени, раздражать ноздри нюхательнымъ табакомъ или солями, щекотать горло перышкомъ, крѣпко растирать грудь и лицо, вспрыскивая попеременно то холодной, то теплой водой, и съ силою хлопать по груди мокрымъ полотенцемъ.

Фиг. 1.

5) Но не слѣдуетъ долго останавливаться на этихъ попыткахъ. Если сейчасъ-же не появятся дыхательныя движенія, надо перейти къ *искусственному дыханію*.

Какъ при естественномъ дыханіи, дѣйствіемъ мускуловъ, грудная клѣтка то растягивается, то сжимается, для того, чтобы воздухъ то проникалъ въ легкія, то выжимался изъ нихъ, такъ при искусственномъ дыханіи то же самое должно быть достигнуто внѣшнимъ воздѣйствіемъ. Это дѣлается различными способами. Профессоръ Эсмархъ рекомендуетъ способъ Сильвестра, такъ какъ онъ можетъ, въ случаѣ надобности, быть выполненъ однимъ лицомъ и не разъ уже давалъ прекрасные результаты. Приложенные здѣсь рисунки могутъ служить ему въ высшей степени нагляднымъ поясненіемъ.

Мнимо-умершаго кладутъ на спину, такъ, чтобы голова и



Фиг. 3.

плечи приходились нѣсколько выше, для чего подкладываютъ свернутую одежду или одѣяла.

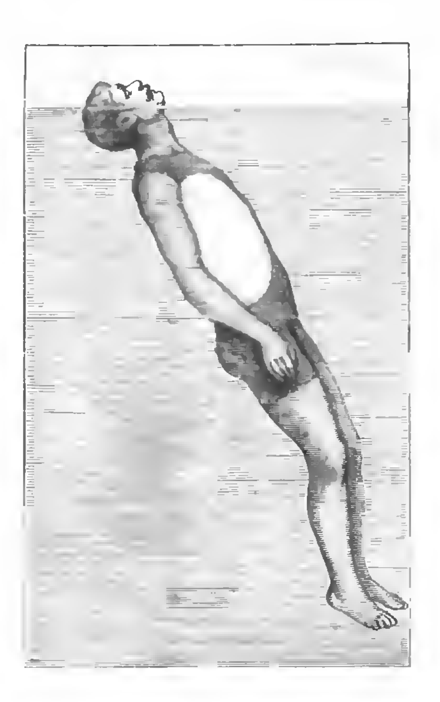
Производящій искусственное дыханіе помѣщается позади лежащаго, беретъ его за обѣ руки повыше локтя, медленно и равномѣрно поднимаетъ ихъ выше головы и въ такомъ положеніи оставляетъ ихъ 2 секунды. Чрезъ это грудная клѣтка

Фиг. 5.

расширяется и воздухъ втягивается въ легкія (см. рис. 4). Затѣмъ руки точно такъ же отводятъ обратно и въ продолженіе 2 секундъ осторожно, но крѣпко прижимаютъ ихъ къ боковымъ стѣнкамъ грудной клѣтки. Благодаря этому, воздухъ снова выдавливается изъ легкихъ (см. рис. 5).

Если приводящихъ въ чувство двое, то они становятся по обѣимъ сторонамъ утопленника, каждый беретъ одну руку и, по командѣ: „разъ, два, три, четыре!“ продѣлываютъ всѣ вышеуказанныя движенія (рис. 6).

Движенія эти повторяются спокойно и осторожно до 15 разъ въ минуту, пока не будетъ замѣчено, что начинаются самостоятельныя дыхательныя движенія. Первое самопроизвольное вдыханіе обыкновенно сопровождается моментальнымъ измѣненіемъ цвѣта лица; блѣдное — краснѣетъ, и наоборотъ.



Фиг. 2.

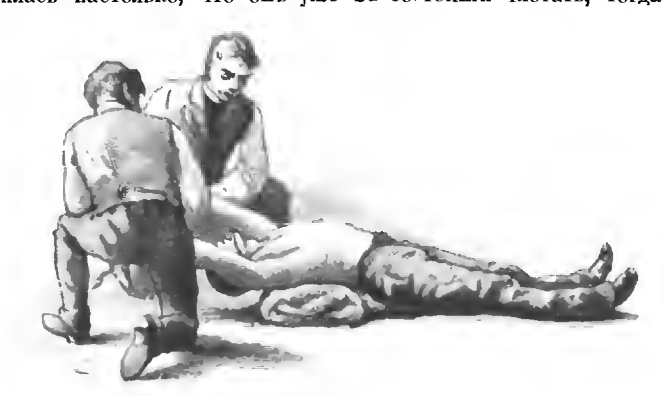
Искусственное дыханіе должно производиться до прибытія врача, а за его отсутствіемъ — въ продолженіе цѣлыхъ часовъ. Лишь по прошествіи многихъ часовъ послѣ прекращенія дыханія и сердцебіенія, можно со спокойной совѣстью прекратить попытку возвращенія къ жизни.

Если старанія спасающихъ увѣнчались успѣхомъ и начались самостоятельныя дыхательныя движенія, искусственное дыханіе должно быть тотчасъ-же прекращено. Тѣло завертываютъ въ теплое платье или одѣяло и растираютъ члены по направленію снизу вверхъ; затѣмъ возвращеннаго къ жизни переносятъ въ теплую постель, покрываютъ его теплыми фланелевыми одѣялами, кладутъ кувшины съ теплою водой или грѣлки на желудочную впадину, подмышки,

Фиг. 4.

между шенкелями и къ подошвамъ ногъ, такъ какъ теперь остается только возбудить теплоту тѣла и дѣятельность сердца.

Пить можно дать больному лишь тогда, когда жизнь возвратилась настолько, что онъ уже въ состояніи глотать; тогда



Фиг. 6.

чайной ложечкой вливаютъ ему понемногу въ ротъ теплую воду, кофе, чай, грогъ или вино.

К. Л. Риккеромъ недавно издана книжка д-ра Эсмарха „Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ“, въ переводѣ д-ра Груздева, съ 90 рисунками, стоющая въ переплетѣ всего 80 коп., съ пересылкой 1 рубль.

Къ рисункамъ.

Нарушенный покой. (Рис. на стр. 633).

Коровы питаютъ какую-то странную антипатію къ собакамъ чистокровныхъ породъ, преимущественно лягавымъ. Стоитъ охотнику пройти мимо стада со своимъ сетеромъ или марковкой, чтобы всѣ коровы уставились на нее безсмысленнымъ взглядомъ, затѣмъ рога понемногу наклоняются, а владѣлицы ихъ начинаютъ подвигаться на собаку, поднимаютъ хвосты и несутся коровьимъ галопомъ, пока не остановитъ ихъ какая-нибудь изгородь, какъ изображено на прилагаемомъ рисункѣ.

Обѣдъ матросовъ на военномъ суднѣ.

(Рис. на стр. 636).

Обѣденная миска на военномъ суднѣ называется „бакомъ"; отсюда группа матросовъ, раздѣляющихъ трапезу у одной миски, сохраняетъ тоже названіе „бака". Распредѣленіе команды по бакамъ происходитъ въ началѣ кампаніи. Въ каждомъ бакѣ число матросовъ состоитъ въ зависимости отъ размѣровъ судна и доходитъ до десяти. На лицевой сторонѣ нашего рисунка видны три бака: два изъ нихъ уже обѣдаютъ, третій же, средній, еще въ ожиданіи своихъ щей; такіе же баки на задней сторонѣ рисунка. Команда расположена у передней мачты — „фокъ-мачты", слѣва виденъ „шпиль", съ помощью котораго вынимается изъ воды якорь. Поодаль, на возвышеніи, стоитъ часовой.

„Скучно!" Ориг. рис. А. Писемскаго. (Рис. на стр. 637).

Діанка появилась на свѣтъ и выросла, почти не сходя съ колѣнъ своей хозяйки, которая тогда ходила еще въ коротенькомъ платьицѣ... Какъ онѣ весело провели слѣдующій годъ, бѣгая взапуски и на перегонки всю весну, лѣто и осень, перекликаясь веселымъ смѣхомъ и не менѣе звонкимъ лаемъ. А теперь, послѣ томительно долгой зимы, какая неожиданная перемѣна!.. Онѣ попрежнему каждый день выходятъ на прогулку въ паркъ, но молодая хозяйка уже не бѣгаетъ, даже ногъ у ней не стало видно, развѣ-развѣ нехотя кинетъ Діанкѣ платокъ и заставитъ принести, а сама сядетъ въ тѣнь дерева, развернетъ на колѣняхъ что-то бѣлое, похожее на этотъ платокъ, и все смотритъ на него, не обращая болѣе вниманія на вѣрную подругу... Какая скука!..

Искушеніе Іисуса Христа. (Рис. на стр. 641).

На горѣ первозданной стояли Оніи,
И надъ Ними кругомъ разлилися
Океаномъ лазурныя выси,
А подъ Ними земля—вся въ туманѣ, въ тѣни.
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей.
А *другой* былъ мрачнѣе эреба:
Изъ глубокихъ зеницъ вылетали огни,
На челѣ его злоба пылала
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И сказалъ сатана Іисусу:
„Смотри!
Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ..."
И десницу простеръ...
. . . .
—„Падши ницъ, поклонись—и отдамъ все сполна
Я Тебѣ..." говоритъ искуситель.
Отвѣщаетъ Небесный Учитель:
—„Отойди, отойди отъ Меня; сатана!" **(Л. Мей).**

Часть водопада Поръ-порогъ. (Рис. на стр. 644).

Рѣки Олонецкой губерніи, благодаря каменистой почвѣ русла, изобилуютъ порогами и водопадами. Знаменитѣйшій изъ послѣднихъ, какъ извѣстно, Кивачъ, воспѣтый Державинымъ въ его стихотвореніи, начинающемся словами: *Алмазна сыплется гора.* Что касается пороговъ, то на одной рѣкѣ Выгъ, напр., ихъ насчитывается четырнадцать. Порогами называются низкіе водопады, слѣдующіе одинъ за другимъ въ видѣ болѣе или менѣе длиннаго ряда. Они повидимому представляютъ остатки прежнихъ, болѣе высокихъ водопадовъ, каменистая поверхность которыхъ, вслѣдствіе продолжительнаго размыванія, приблизилась къ горизонтальной плоскости. Когда вода, постоянно сглаживающая неровности своего русла, мало-помалу срѣжетъ острый уголъ обрывистаго уступа, съ котораго низвергалась рѣка, то водопадъ такъ-сказать растягивается въ длину и образуетъ порогъ, причемъ масса воды съ шумомъ и пѣною разбивается о скрытые или выступающіе камни и скалы. Одну изъ такихъ многочисленныхъ въ Олонецкой губерніи картинъ природы и представляетъ изображенный на нашемъ рисункѣ Поръ-порогъ.

Черепахи на походѣ. (Рис. на стр. 645).

Рисунокъ нашъ представляетъ прибрежную мѣстность Амазонской рѣки или Ориноко, быть-можетъ одинъ изъ острововъ, нѣкогда изслѣдованныхъ и описанныхъ Александромъ Гумбольдтомъ. Мѣстности эти чрезвычайно богаты до сихъ поръ черепахами, несмотря на ужасное и бестолковое истребленіе ихъ. Живя преимущественно въ водѣ, черепахи, во время кладки яицъ, выбираются на сушу. За нѣсколько времени до того, онѣ какъ-бы выслѣживаютъ избранное побережье, длинными рядами сидя на немъ и вытянувъ шеи, чутко озираются во всѣ стороны. Когда, наконецъ, наступитъ надлежащее время, онѣ, собравшись несмѣтными толпами, обыкновенно послѣ заката солнца, выбираются на берегъ и съ большою поспѣшностью, толкая другъ друга и стуча роговыми панцырями, выискиваютъ удобное мѣстечко. Тамъ, вырывъ, какъ можно скорѣе, продолговатую яму аршина полтора въ длину и шириною до 12 вершковъ, онѣ кладутъ туда отъ 80 до 200 яицъ, которыя затѣмъ закапываются. Всю ночь царитъ на пустынномъ островѣ непривычная на немъ работа. Но съ первыми лучами дня животныя пускаются въ обратный путь къ водѣ. Но это многимъ не удается. Ихъ исконный и самый лютый врагъ, человѣкъ, выждавъ ихъ появленіе, истребляетъ черепахъ во множествѣ, на обратномъ ихъ походѣ. Затѣмъ начинается истребленіе положенныхъ ими яицъ. Весь островъ перерывается во всѣхъ направленіяхъ и яйца выкапываются, причемъ много ихъ портится. Яйца черепахъ употребляются въ пищу жареными или ихъ содержимое ѣдятъ съ сахаромъ, но главнымъ образомъ изготовляютъ изъ черепашьихъ яицъ „Mantéiga", черепашье масло, употребляемое для жаренья рыбы и другихъ продуктовъ. Чтобы составить себѣ представленіе о той массѣ яицъ, которая истребляется съ этою цѣлью, достаточно слѣдующихъ цифръ. У Ріо-Мадейры изготовляется ежегодно до 2000 глиняныхъ горшковъ съ мантейгой, на что потребно бываетъ до 4 милліоновъ черепашьихъ яицъ. Если въ землѣ останутся яица и изъ нихъ вылупятся молодыя животныя, то и имъ грозитъ не мало опасностей, преимущественно опять отъ человѣка, такъ какъ свѣжія черепахи или консервы изъ нихъ считаются у многихъ лакомствомъ. При такомъ истребленіи черепахъ не удивительно, что ихъ становится годъ отъ году меньше и уже встрѣчаются мѣста, гдѣ онѣ истреблены окончательно.

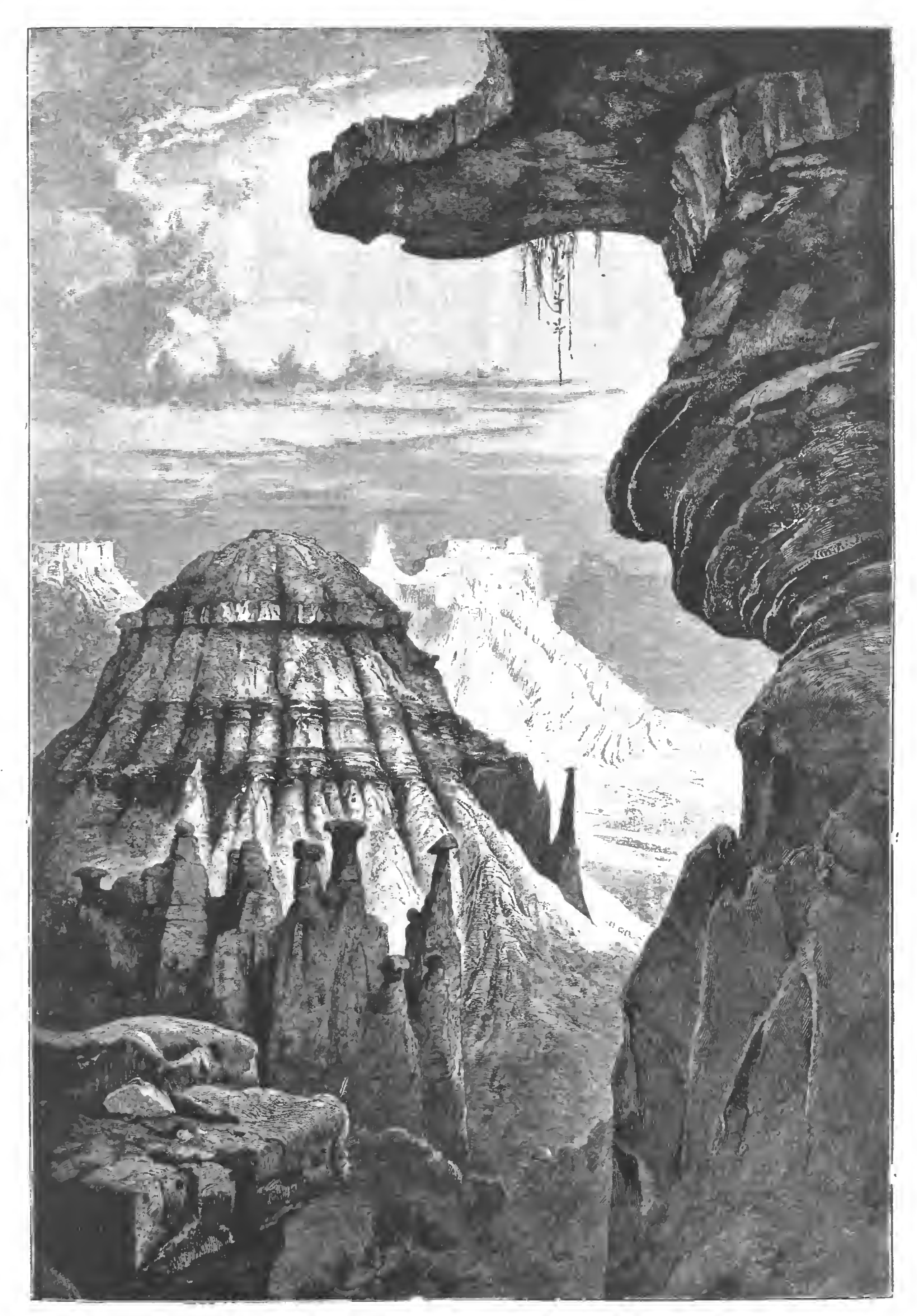
„Негодныя земли" въ Дакотѣ. (Рис. на стр. 649).

Около десяти лѣтъ тому назадъ сѣверозападный конецъ Соединенныхъ Штатовъ считался положительно ужаснымъ, какъ по свойству его обитателей, такъ и по самой природѣ. На картахъ вся эта мѣстность раздѣлялась на 4 территоріи: Дакота, Монтана, Идахо и Вашингтонъ, которыя представляли собою послѣднія убѣжища краснокожихъ охотниковъ, преимущественно изъ племени Сіу. Около милліона квадратныхъ верстъ этой мѣстности были совершенно чужды цивилизаціи европейцевъ. Съ большимъ рискомъ врывались линіи желѣзныхъ дорогъ, піонеровъ цивилизаціи въ Америкѣ, съ разныхъ сторонъ въ пустынную, гористую и степную часть этой области. По этимъ дорогамъ отваживались лишь отчаянные авантюристы. Дакота, самая большая территорія Соединенныхъ Штатовъ, пространствомъ до 400,000 кв. верстъ, имѣла всего 14,000 жителей, т. е. 1 человѣкъ приходился на 30 кв. верстъ.

Такъ все это было до 1870 г. Съ этого года были открыты большія мѣсторожденія серебра у Елены и „Black Hills". Для защиты рудокоповъ и борьбы съ разбойническими индійскими племенами Сіу и др. часто приходилось посылать противъ нихъ войска. Слѣдомъ за ними двигались трапперы (звѣроловы), охотники, скотоводы, купцы и т. д., которые и населили степи по теченію Миссури, причемъ появились города: Бисмаркъ, Фарго, Елена, Боземанъ, Буттъ-Сити и др. Около этихъ городовъ началось земледѣліе и скотоводство. Затѣмъ уже появляется проектъ соединить желѣзною дорогою берега Миссисипи черезъ степи Дакоты и Монтаны, чрезъ Идахо и Вашингтонъ къ Орегону съ берегами Тихаго океана.

Нѣсколько лѣтъ спустя всѣ эти территоріи оказываются уже густо населенными. При такомъ быстромъ развитіи и громадномъ увеличеніи ихъ благосостоянія не мудрено, что справедливыя требованія этихъ мѣстностей о переименованіи ихъ въ штаты, встрѣтили въ конгрессѣ сочувствіе. Благосостояніе и населенность Дакоты, въ 1860 году представлявшей лишь пустыню, дошли до такой степени, что пришлось ее раздѣлить на два штата: сѣверный и южный. Въ 1889 г. Соединенные Штаты обогатились четырьмя новыми штатами: Монтана, Вашингтонъ, сѣверная и южная Дакоты.

Въ обѣихъ Дакотахъ и Монтанѣ преріи представляетъ господствующій элементъ ихъ ландшафта. На 900 футовъ выше уровня Верхняго озера и на 1600 ф. выше уровня океана однообразно простираются эти преріи на западъ отъ Канадскихъ озеръ, постепенно повышаясь къ Скалистымъ горамъ,



Часть такъ-называемыхъ „негодныхъ земель“ (Bad Lands, Mauvaises terres) въ Дакотѣ (С. Амер. Штаты).
Рис. съ натуры Р. Кронау, гр. Іеннхенъ.

и имѣя тотъ же характеръ къ преріи Канзаса и Небраски. Все отличіе отъ послѣднихъ заключается лишь въ меньшей ихъ плодородности. Для туристовъ поѣздка отъ Миссисипи къ Скалистымъ горамъ, представляющимъ западную границу Монтаны, не являлась бы поэтому особенно интересною, если бы между Дакотою и Монтаною не лежали-бы такъ-называемыя „Негодныя земли" (Bad lands, Mauvaises terres), справедливо считающіяся чудомъ природы, если не всего свѣта, то по крайней мѣрѣ Сѣверной Америки. Съ поѣзда желѣзной дороги можно получить объ этой въ высшей степени интересной горной странѣ лишь самое неполное представленіе. При этомъ не видишь ни „бедландовъ", ни лабиринтовъ, въ которыхъ многочисленные изгибы долинъ и ущелій совершенно лишаютъ человѣка возможности оріентироваться; найти здѣсь вѣрный путь такъ же трудно, какъ выиграть 200,000.

Совершенно по прямой линіи прорѣзываетъ эта дорога весь хаосъ башенъ, куполовъ, гигантскихъ грибовъ, храмовъ и т. д., все это въ самыхъ разнообразныхъ, невозможныхъ формахъ и, когда послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды поѣздъ останавливается у западной границы бедландовъ, опять открывается монотонный видъ на прерію.

Чтобы ознакомиться съ особенностью бедландовъ достаточно, сойдя съ поѣзда, сдѣлать дневное путешествіе вдоль рѣки. При этомъ разнообразіе красокъ и формъ окружающей природы настолько разнообразно, что поневолѣ приходится думать, будто находишься въ одной изъ давно прошедшихъ геологическихъ эпохъ образованія земли. Вокругъ на много дней пути простирается гористая мѣстность, по своей особенности не поддающаяся ни описанію, ни воображенію, представляющаяся какимъ-то хаотическимъ собраніемъ скалъ, нагроможденныхъ самымъ невозможнымъ образомъ другъ на друга. Въ промежуткахъ между ними, въ долинахъ и котловинахъ, подымается роскошная растительность, окруженная мертвыми, голыми стѣнами желтаго цвѣта, а изъ этой растительности, какъ колоссальные пни и стволы гигантскихъ деревьевъ, подымаются каменныя массы. Всѣ эти бастіоны, башни, на голову поставленныя пирамиды, грибы, соборы въ готическомъ стилѣ, представляютъ самый невозможный переходъ отъ одного къ другому, составлены-же изъ одного вещества: чистой фарфоровидной глины, которая, благодаря дѣйствію воды съ незапамятныхъ временъ размылась и превратилась въ столь прихотливый лабиринтъ, причемъ дождь въ продолженіе тысячелѣтій усердно помогалъ его образованію.

Но этимъ не исчерпываются чудеса этой волшебной страны. Кромѣ воды здѣсь является дѣйствующимъ лицомъ и другая стихія — огонь, который горитъ тамъ и понынѣ, да вѣроятно будетъ горѣть еще столѣтіями. Подъ прихотливыми формами глины находятся мощныя залежи угля и сѣры, горѣніе которыхъ, начавшееся съ незапамятныхъ временъ, продолжается до сихъ поръ. Эти появляющіяся тамъ и сямъ въ горахъ огоньки красивы и сами по себѣ, но ими-же обусловливается главная особенность этой мѣстности, а именно: разноцвѣтность горной породы въ разныхъ мѣстахъ—въ зависимости отъ степени обжиганія глины, такъ что горы мѣстами состоятъ собственно изъ терракоты. Въ видѣ пятенъ, лентъ, полосъ, зигзаговъ, бордюровъ, рамокъ и кронъ на вершинахъ, выдѣляются эти мѣста, окрашиваясь во всевозможные оттѣнки между темно-коричневымъ, свѣтло-краснымъ до нѣжно-палеваго и фарфоро-бѣлаго включительно. Часто наталкиваешься, какъ-бы вблизи гигантскаго кирпичнаго завода, на цѣлую кучу обожженныхъ кирпичей. Въ другихъ мѣстахъ кирпично-красная гора усѣяна какъ-бы громаднымъ количествомъ разбитой посуды самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Далѣе видишь высокую пирамиду, основаніе которой обыкновеннаго глинистаго цвѣта, тогда какъ вершина, словно кончикъ носа какого-то гигантапьяницы, принимаетъ подозрительный сине-багровый цвѣтъ. Вся эта путаница, хаотическое разнообразіе въ формѣ и цвѣтѣ скалъ находится какъ-бы въ рамкѣ окружающихъ террасъ, которыя, поднимаясь все выше и выше, увеличиваютъ грандіозность картины, и только далеко-далеко взглядъ наконецъ находитъ себѣ отдыхъ отъ изобилія впечатлѣній, останавливаясь на ясной лазури неба.

Международная тюремная выставка въ СПБ. Русскій отдѣлъ. (Рис. на стр. 652).

Прилагаемъ фотографическій снимокъ Русскаго отдѣла выставки, въ перспективѣ отъ декораціи Алгачинскаго рудника къ противуположному входу. На первомъ планѣ, по обѣимъ сторонамъ средняго прохода, отъ рудника, направо и налѣво, расположены на постаментахъ модели различныхъ тюремныхъ зданій, исправительныхъ пріютовъ, а также модели различныхъ машинъ, работы самихъ арестантовъ. На перегородкахъ, отдѣляющихъ классы различныхъ производствъ, развѣшаны карты, планы и фотографическіе снимки, а также и самыя издѣлія. Тутъ-же модели рѣчныхъ судовъ и пароходовъ подъ стекломъ. Всѣ произведенія исправительныхъ тюремъ Россіи сгруппированы въ центрѣ манежа. Распредѣленіе этихъ произведеній по областямъ очень интересно. Казань, напр., производитъ плетеныя маты, Тула—вещи изъ травы, Саратовъ—пеньковыя произведенія, Вологодская и Астраханская губ. — рыболовныя сѣти и веревки, Ярославская, Смоленская и Виленская губ.—дранковыя коробки, Одесская тюрьма—ламповые поплавки и гнутую мебель, и т. д.

М. Н. Галкинъ-Враскій. (Портр. на стр. 653).

Къ числу выдающихся дѣлъ прошлаго царствованія относится и учрежденіе въ 1879 году Главнаго Тюремнаго Управленія. Завѣдывать этимъ важнымъ правительственнымъ учрежденіемъ тогда-же былъ назначенъ М. Н. Галкинъ-Враскій, превосходный знатокъ тюремнаго дѣла, которое онъ изучалъ долго и прилежно, знакомясь съ его положеніемъ въ Россіи, и за-границею. Занявъ этотъ отвѣтственный и высокій, по своему нравственному значенію, постъ, М. Н. Галкинъ-Враскій сталъ быстро и энергично примѣнять къ дѣлу свои познанія и въ десятилѣтній періодъ времени достигъ блестящихъ результатовъ, преслѣдуя строго обширныя и трудныя задачи, намѣченныя правительствомъ и состоящія въ томъ, чтобы тюрьмы представляли такія мѣста, гдѣ заключенный долженъ не только отбывать дѣйствительное наказаніе, но и исправляться, пріучаться къ усидчивому и плодотворному труду, къ строгому порядку и гдѣ заключенные могли-бы своимъ заработкомъ значительно сокращать расходы казны на содержаніе преступниковъ. М. Н. Галкинъ-Враскій улучшилъ и самыя тюрьмы, и положеніе заключенныхъ до неузнаваемости; онъ ввелъ работы и всевозможныя ремесла въ мѣстахъ заключенія, расширяя ихъ все болѣе и болѣе и тѣмъ увеличивая прибыльность этихъ арестантскихъ работъ; онъ водворилъ въ тюрьмахъ строжайшую дисциплину, усилилъ надзоръ за преступниками и обратилъ вниманіе на болѣе цѣлесообразныя мѣры къ ихъ исправленію, на дѣйствительное, а не формальное только исполненіе постановленій и распоряженій по тюремной части. Особенно плодотворную дѣятельность М. Н. Галкинъ-Враскій обнаружилъ въ Петербургѣ, гдѣ, благодаря стараніямъ его, устроена такая образцовая во всѣхъ отношеніяхъ тюрьма, которой можетъ позавидовать и Западная Европа. Текущая тюремная выставка съ ея замѣчательно-поставленнымъ русскимъ отдѣломъ также весьма краснорѣчиво говоритъ о трудахъ и заботахъ по тюремному дѣлу нынѣшняго начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Насколько почтенна и замѣчательна нынѣшняя дѣятельность М. Н. Галкина-Враскаго, настолько же заслуживаетъ глубокаго уваженія и предшествующая дѣятельность въ качествѣ неутомимаго и весьма распорядительнаго администратора, сперва по управленію Эстляндской и Саратовской губерніями, а затѣмъ по работамъ въ совѣщательной санитарной коммиссіи, учрежденной во время астраханской чумной эпидеміи. Саратовская губернія очень многимъ обязана этому талантливому, опытному, превосходному администратору, живымъ памятникомъ дѣятельности котораго являются учрежденныя въ этомъ краѣ и въ городѣ Саратовѣ, его заботами, многія учебныя и благотворительныя учрежденія, при немъ процвѣтавшія. Благодарные саратовцы назвали именемъ М. Н. Галкина-Враскаго нѣкоторыя изъ этихъ заведеній и учредили въ честь его нѣсколько стипендій. Всему Поволжью извѣстна и памятна его дѣятельность относительно огражденія границъ Саратовской губерніи отъ ветлянской чумы, и въ благодарственной телеграммѣ, полученной М. Н. Галкинымъ отъ нижегородскаго купечества и пароходовладѣльцевъ, между прочимъ, говорится, что, благодаря его трудамъ и мѣрамъ, какъ предсѣдателя санитарной коммиссіи, „дѣятельность Волги не была пріостановлена" и его имя „сдѣлалось извѣстно не одному Саратову, а всей Волгѣ". При назначеніи М. Н. Галкина на нынѣшнюю должность, саратовское дворянство почтило его заслуги краю, устроивъ своему бывшему губернатору безпримѣрные, торжественные проводы. М. Н. Галкинъ потрудился и на поприщѣ учено-литературномъ; онъ издалъ двѣ прекрасныя, составленныя имъ книги: „Этнографическіе и историческіе матеріалы по Средней Азіи и Оренбургскому краю" и „Матеріалы къ изученію тюремнаго вопроса" и помѣстилъ рядъ статей въ *Сѣверной Почтѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Днѣ* Аксакова, *Русскомъ Архивѣ*, *Русской Старинѣ*: „Краткое обозрѣніе сношеній Россіи съ Хивою". „Объ отношеніяхъ туркменъ къ Россіи, Хивѣ и Персіи", „Краткая записка объ историческихъ правахъ Россіи на Коканскіе города Туркестанъ и Ташкентъ", „Памяти Джона Говарда" и проч. За статью о туркменахъ онъ получилъ серебряную медаль отъ Географическаго Общества, а за прочіе труды избранъ дѣйствительнымъ членомъ Парижскаго Географическаго Общества. Въ настоящее время ему 56 лѣтъ.

Михаилъ Николаевичъ Галкинъ-Враскій состоитъ въ чинѣ тайнаго совѣтника, онъ потомокъ стариннаго дворянскаго рода и родился въ 1834 году въ Казанской губ. Окончивъ университетскій курсъ въ Казани со степенью кандидата въ 1854 г., онъ началъ службу въ Оренбургскомъ краѣ подъ начальствомъ извѣстнаго графа В. А. Перовскаго, а потомъ служилъ при Катенинѣ и Безакѣ. Въ качествѣ дипломатическаго чиновника министерства Иностранныхъ Дѣлъ, онъ участвовалъ въ миссіи отправленной въ Хиву и Бухару, въ 1858 г., а въ слѣдую-

щемъ состоялъ при экспедиціи, посланной на восточный берегъ Каспійскаго моря, для собиранія свѣдѣній о туркменахъ и для сношенія съ этимъ племенемъ. Когда, послѣ столкновенія съ ними въ Красноводскомъ заливѣ, гдѣ туркмены, отбивъ скотъ и лошадей, помѣшали экспедиціи продолжать изслѣдованія наши русла Аму-Дарьи, рѣшено было наказать виновныхъ, М. Н. Галкинъ принялъ, какъ волонтеръ, участіе въ экспедиціи генерала Лазарева, въ дессантѣ и военныхъ дѣйствіяхъ противъ туркменъ. За свои подвиги онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Анны съ мечами, что было тогда рѣдкой и исключительной наградой для гражданскаго чиновника. Въ 1862 г. онъ уѣхалъ за-границу, и проведя здѣсь года два, изучалъ тюремный вопросъ по собственной охотѣ, а затѣмъ по порученію правительства. По возвращеніи въ Россію, онъ около двухъ лѣтъ (1866—1867) служилъ начальникомъ отдѣленія канцеляріи Комитета Министровъ, а въ 1868 году назначенъ эстляндскимъ губернаторомъ. Затѣмъ черезъ два года онъ былъ переведенъ въ Саратовскую губернію, за свои труды по прекращенію ветлянской эпидеміи награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла и, наконецъ, 23 апрѣля 1879 года призванъ на постъ начальника Главнаго Тюремнаго Управленія. Всѣ знающіе М. Н. Галкина-Враскаго отдаютъ ему должное не только какъ весьма даровитому администратору, но и какъ человѣку въ высокомъ значеніи этого слова.

П. Быковъ.

Ко дню двадцатипятилѣтія Ташкента. 1865—1890.

(Рис. на стр. 653).

Начало завоеванія русскими сѣверной Азіи относится къ XVI столѣтію. Завоеваніе, собственно Сибири, шло очень быстро. Въ теченіе первыхъ семидесяти лѣтъ со времени перехода чрезъ Уральскій хребетъ Ермака и его спутниковъ (1579 г.), казаки достигли береговъ Амура и Анадыри, причемъ приходилось вести упорныя войны съ населеніемъ тѣхъ мѣстностей: нѣкоторыя же народности, напр. самоѣды, часть сибирскихъ татаръ и большинство тунгузскихъ племенъ, были покорены безъ большаго труда и кровопролитія. На Амурѣ было встрѣчено противодѣйствіе со стороны китайцевъ и манчжуровъ, которые въ половинѣ XVII столѣтія образовали одно государство и въ 1689 году вынудили насъ на цѣлыя 170 лѣтъ оставить берега великой рѣки. Въ средпеазіатскихъ степяхъ, напротивъ того, владычество наше водворилось по доброй волѣ самихъ киргизскихъ вождей; но дѣйствительная покорность была достигнута долгими усиліями политики и оружія. Вслѣдствіе безплодности страны, переселенцы не шли сюда массами и охрана завоеваннаго всецѣло ложилась на плечи правительства.

Въ 1732 году наша государственная граница въ Средней Азіи ушла далеко на югъ, благодаря добровольному подданству киргизъ Малой и Средней Орды. Положеніе киргизъ въ то время было самое тяжелое. Сильные враги тѣснили ихъ со всѣхъ сторонъ. Городъ Туркестанъ, гдѣ владѣли киргизскіе ханы, взятъ былъ въ 1723 году джунгарскимъ владѣтелемъ Галданъ-Цереномъ. Постоянно безпокоемые калмыками, башкирами и каракалпаками, киргизы, подъ предводительствомъ Буканъ-бая, разбили калмыковъ и башкировъ и, оттѣснивъ ихъ къ Уралу, заняли сѣверную часть Киргизской степи, пограничную съ Россіей. Здѣсь киргизы были безопасны отъ джунгаровъ, даже при очевидномъ своемъ безсиліи. Въ это-то время киргизскій ханъ Абулъ-Хаиръ, изъ своихъ личныхъ выгодъ, обратился къ Россіи съ просьбою о принятіи въ русское подданство киргизъ Малой Орды. Киргизы съ неудовольствіемъ узнали о поступкѣ своего хана; однако краснорѣчіе и умъ мурзы Тевкелева, посланнаго изъ Петербурга, устроили дѣло, и въ 1732 году киргизы Малой Орды со своимъ ханомъ Абулъ-Хаиромъ и Средней Орды съ ханомъ Шемякою признали власть Россіи.

Степныя границы почти постоянно подвергались нападеніямъ хищниковъ, но такъ какъ это были собственные подданные, то противъ нихъ иногда высылались отряды, но не съ цѣлью новыхъ завоеваній, а съ цѣлью лишь наказанія. Такъ было до 1820-хъ годовъ. Съ этого времени начинаетъ обозначаться стремленіе къ наступательнымъ движеніямъ, къ завоеваніямъ въ сибирской степи. Генералъ-губернаторъ Сперанскій сдѣлалъ представленіе, по которому рѣшено фиктивное подданство мѣстныхъ киргизъ обратить въ дѣйствительное и съ этою цѣлью въ центрахъ проектированныхъ округовъ устроить укрѣпленія. Въ такія укрѣпленія обыкновенно высылались съ линіи гарнизоны казаковъ и даже регулярной пѣхоты. Но такъ какъ, по отдаленности отъ линіи, содержаніе ихъ стоило дорого, то сибирскія власти мало-по-малу рѣшили выселять въ степи казаковъ, которые одновременно могутъ быть и воинами и земледѣльцами. Такимъ образомъ въ степи образовалась новая передовая линія, ставшая цѣлью хищничества номадовъ. Приходилось опять высылать отряды и снова закладывать укрѣпленія. Здѣсь мы усматриваемъ начало системы, приведшей насъ за Балхашъ, къ Или, къ Алатау и, наконецъ, въ Туркестанъ,—системы, выработанной администраціею.

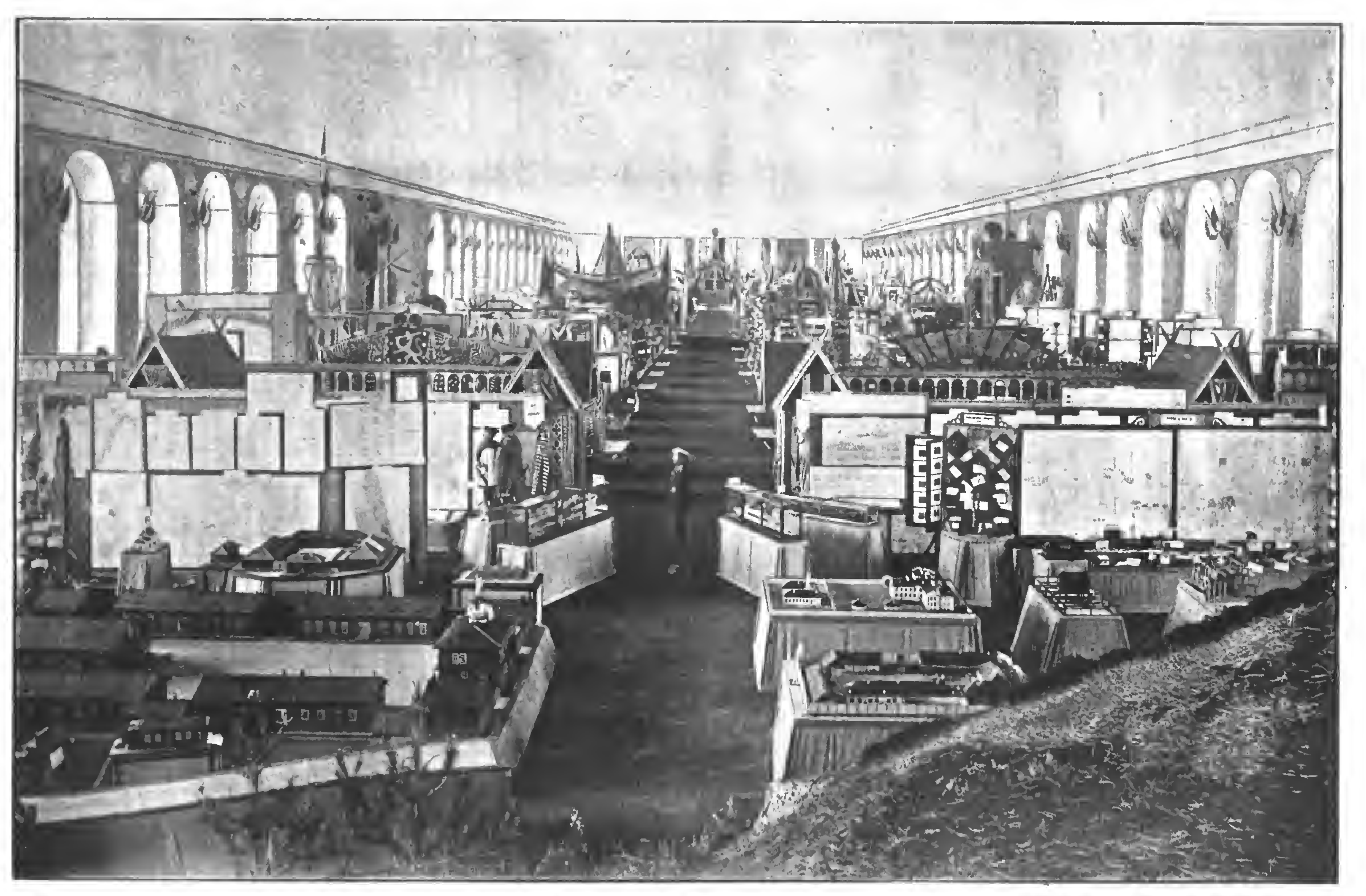
Подобное движеніе впередъ линіями было примѣняемо въ первое время лишь въ западно-сибирской степи. Въ Оренбургской же степи ничего подобнаго долгое время не было, за исключеніемъ небольшой Илецкой линіи, выдвинутой въ 1810 г., спеціально для защиты мѣстныхъ соляныхъ копей. Но въ 1835 году, при оренбургскомъ военномъ губернаторѣ, генералъ-адъютантѣ Перовскомъ, была устроена такъ-называемая Новая линія, т. е. рядъ укрѣпленій между крѣпостями Орскою и Звѣриноголовскою, которая отрѣзала у киргизъ Малой Орды обширныя и наилучшія мѣста для кочевокъ; отрѣзанное пространство заселено казаками. Эта мѣра прикрыла Верхнеуральскую Уйскую линію отъ хищниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно разорила многихъ киргизъ, а еще болѣе выселенныхъ въ степь казаковъ. Мѣра эта развила сильныя волненія въ степи, такъ что для обезпеченія вновь водворенныхъ станицъ генералъ Перовскій началъ быстро строить непрерывный валъ, въ родѣ Китайской Стѣны, долженствовавшій связать крѣпость Орскую съ укрѣпленіями Императорскимъ, Наслѣдника и проч. Кромѣ того, въ 1834 году было основано на Каспійскомъ морѣ, при заливѣ Кайдакъ, укрѣпленіе Ново-Александровское, съ цѣлью, во-первыхъ, быть ближе къ отдаленнымъ кочевьямъ степныхъ хищниковъ, а во-вторыхъ, прикрыть отъ ихъ разбоевъ рыбныя ловли на морѣ.

Но всѣ эти пограничныя военныя мѣры мало достигали цѣли и скоро въ степяхъ образовалось правильное возстаніе подъ предводительствомъ предпріимчиваго удальца Кенисары Касимова, продолжавшееся 1845 и 1846 годы, когда, наконецъ, Кенисара былъ убитъ дикокаменными киргизами; въ то же время генералъ Обручевъ основалъ въ степи укрѣпленія на рѣкѣ Иргизѣ и Тургаѣ (Оренбургское и Уральское). Въ 1847 году, по волѣ императора Николая, явилось укрѣпленіе на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ (укр. Раимъ, впослѣдствіи названное Аральскимъ), а еще предъ этимъ, въ сибирской степи, основанъ Копалъ, за которымъ начинались кочевья Большой Орды. Орда эта въ 1846 году приняла русское подданство, а до того времени была независимою или номинально подвластною то китайцамъ, то кокандцамъ. Такимъ образомъ въ 1847 году наша государственная граница, по крайней мѣрѣ теоретически, перешла за рѣку Или къ хребту Алатау, къ рѣкамъ Чу и Сыръ-Дарьѣ. Надо замѣтить, что вся средняя часть этой границы, по правой сторонѣ р. Чу и р. Сыръ-Дарьи представляетъ безплодную степь, гдѣ нѣтъ возможности ни селить станицъ, ни возводить укрѣпленій, нельзя даже держать никакихъ, хотя-бы легкихъ, подвижныхъ военныхъ отрядовъ. Чтобы образовать здѣсь линію, необходимо было перейти рѣку Чу и стать по крайней мѣрѣ у подошвы Киргизинъ-Алатау, Боролдая и Каратау, занявъ въ то же время рѣку Сыръ-Дарью до Акъ-Мечети [1]) или Джулека. Мало-по-малу это было сдѣлано, сперва занятіемъ рѣки Сыръ-Дарьи до Акъ-Мечети въ 1853 году и водвореніемъ русскихъ поселеній за р. Или (1855 г.), а потомъ взятіемъ Токмака, Пишпека (1860 г.), Ауліэ-ата, Джулека, Азрета, Чимкента (1862—1864 г.). Разгорѣвшаяся по поводу этихъ пріобрѣтеній война съ кокандцами привела насъ къ завоеванію Ташкента, который и былъ взятъ штурмомъ 11 іюня 1865 года, подъ начальствомъ генерала Черняева. Когда Кокандъ сдѣлался послѣ этого не опаснымъ для Россіи, то главнымъ нашимъ врагомъ въ Средней Азіи явилась Бухара, и Бухарскій эмиръ неоднократно предъявлялъ дерзкія требованія сначала генералу Черняеву, а потомъ генералу Романовскому, чтобы русскіе отошли отъ Ташкента. Окрестное населеніе волновалось и готово было поддерживать Бухарскаго эмира. Съ минуты на минуту можно было ожидать общаго народнаго возстанія; поэтому необходимо было дѣйствовать смѣлымъ и рѣшительнымъ образомъ. Битва при Ирджарѣ, 8 мая 1866 г., упрочила наши завоеванія въ Средней Азіи и открыла путь къ новымъ побѣдамъ. Вслѣдъ за Ирджарскимъ разгромомъ былъ взятъ 24 мая Ходжентъ, сильная бухарская крѣпость на Сыръ-Дарьѣ. Въ томъ же году взяты штурмомъ бухарская крѣпость Ура-Тюбе (2 октября) и Джизакъ (18 октября), а въ 1867 г. русскіе отряды стали въ 78 верстахъ отъ Самарканда, въ небольшой крѣпостцѣ Яны-Курганъ. Въ 1868 г., послѣ битвы 1 мая, взяты: знаменитый Самаркандъ, бывшая столица Тамерлана, и сильная бухарская крѣпость Катты-Курганъ. Это нанесло Бухарѣ рѣшительный ударъ.

Оставалось занять Фергану, что и было сдѣлано въ началѣ 70-хъ годовъ.

Вотъ приблизительно тотъ путь, которымъ мы проникли въ Среднюю Азію, въ Туркестанъ. Мы пришли сюда совершенно неожиданно какъ для самихъ себя, такъ и для туземцевъ, конечно. Мы двигались впередъ потому, что обстоятельства заставляли насъ идти впередъ. Понятно, что мы явились совершенно не подготовленными. Если имѣлись кое-какія свѣдѣнія объ этой странѣ, то они и по сіе время, большею частью, лежатъ въ архивахъ. Пришлось изучать край на мѣстѣ.

[1]) Акъ-Мечеть—фортъ Перовскій, нынѣ уѣздный городъ Перовскъ.



Международная тюремная выставка въ СПБ. Русскій отдѣлъ.

Въ промежутокъ 1865 — 1890 гг. въ этомъ направленіи мы сдѣлали не мало. Положимъ, что еще много есть надъ чѣмъ поработать, еще до сихъ поръ край называютъ „непочатымъ“; но теперь мы можемъ производить свои изслѣдованія съ бо̀льшимъ успѣхомъ.

Взглянемъ только на Ташкентъ, чѣмъ онъ сталъ теперь. Прошло двадцать пять лѣтъ со дня завоеванія Ташкента — и городъ сталъ неузнаваемъ. Если бы пришлось кому-нибудь пріѣхать сюда послѣ 25-лѣтняго отсутствія, то онъ не повѣрилъ бы своимъ глазамъ, до того измѣнился наружный видъ города. Вмѣсто прежнихъ мазанокъ, мы имѣемъ каменныя двухъ-этажныя зданія (6 корпусовъ гимназій, магазины и даже нѣкоторыя казармы); вмѣсто азіатскихъ деревьевъ, украшавшихъ сады и улицы города, мы видимъ много европейскихъ; улицы сдѣланы широкія и главныя изъ нихъ вымощены, а остальныя прекрасно шоссированы; давно уже нѣтъ той баснословной грязи, которая дѣлала путешествія по улицамъ невозможными. Каждый годъ даетъ намъ одно или нѣсколько улучшеній. Мы имѣемъ прекрасный гостиный дворъ; роскошный Константиновскій скверъ составляетъ поистинѣ одно изъ лучшихъ украшеній города. Весь городъ тонетъ въ зелени, такъ что путникъ издали видитъ одну сплошную массу зелени, и посрединѣ высоко поднимающійся крестъ Преображенскаго собора свидѣтельствуетъ о томъ, что это большой русскій городъ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, собраннымъ къ 1 марта 1890 г., общая площадь городской территоріи — 176 кв. верстъ, число населенія города 12,880 человѣкъ въ русской части города, безъ войскъ, и 120,585 человѣкъ туземнаго населенія въ азіатской части Ташкента; въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ число учащихся 1,018 человѣкъ обоего пола, а въ азіатскихъ школахъ и медрессе 8,305 человѣкъ; число фабрикъ и заводовъ въ Ташкентѣ 666; вырабатываемыхъ на нихъ издѣлій производится на сумму 2.289,915 руб.,

Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія, М. Н. Галкинъ-Враскій. Съ фотогр. Деньера, грав. Шюблеръ.

Доминъ генерала Черняева въ Ташкентѣ. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

число рабочихъ 1,593 человѣка: годовой оборотъ торговли Ташкента достигаетъ теперь весьма солидной цифры: по привозу до 8 милліоновъ руб. и по вывозу до 7 милліоновъ руб. Промышленность развилась уже сравнительно до высокой степени, результаты чего мы увидимъ на Среднеазіатской сельско-хозяйственной промышленной выставкѣ, которая открывается осенью текущаго года по случаю празднованія 25-ти-лѣтія Ташкента.

Прилагаемый рисунокъ представляетъ домъ генерала М. Г. Черняева. Это былъ первый русскій домъ, построенный тотчасъ по взятіи города Ташкента. Въ настоящее время онъ еще существуетъ, но въ очень плачевномъ состояніи, а въ скоромъ времени вѣроятно будетъ окончательно уничтоженъ, такъ какъ по распланировкѣ города здѣсь рѣшено построить новыя казармы. Вблизи домика находится русская крѣпость, а за крѣпостью уже начинается азіатская часть города. Домикъ Черняева послужилъ какъ бы разграничительною чертою между азіатской и русской частями города; отсюда начали строиться русскія зданія, разбивались улицы и т. п. Это, можно сказать, первая точка нашего укрѣпленія въ Ташкентѣ.

С. Лидскій.

Политическое обозрѣніе.

Англо-германское соглашеніе о разграниченіи колоніальной политики въ Африкѣ обсуждается многократно и многообразно, но недовольныхъ имъ, кажется, болѣе, чѣмъ вначалѣ ожидали. Къ недовольнымъ надо причислить и князя Бисмарка, вдохновляющаго, какъ слышно, *Hamburger Nachrichten*, которыя назвали нынѣшній англо-германскій договоръ—„это гласное и торжественное доказательство дружбы между Германіей и Англіей", по словамъ вѣнской *Fremdenblatt*,—„одною изъ самыхъ роковыхъ ошибокъ, такъ какъ въ Восточной Африкѣ черезчуръ много уступлено англичанамъ, которые провели нѣмцевъ самымъ смѣшнымъ образомъ". Съ другой стороны, въ Англіи, только консервативные органы довольны соглашеніемъ. За-то другія газеты, въ большинствѣ случаевъ, осуждаютъ его. *Daily News* упрекаетъ министерство въ податливости и замѣчаетъ, что оно не было въ силахъ устоять противъ германской энергіи и не защитило надлежащимъ образомъ англійскихъ интересовъ. *Daily Chronicle* называетъ договоръ прямо позорнымъ и унизительнымъ, которымъ уступается пріобрѣтенный дорогою цѣною Гельголандъ. Въ этой уступкѣ та же газета видитъ начало разложенія Британской монархіи, такъ какъ теперь можно ожидать, что Италія и Испанія прибѣгнутъ къ такой же разбойничьей тактикѣ, какъ и Германія, и потребуютъ, первая—Мальту, а послѣдняя—Гибралтаръ.

Въ Германіи, въ свою очередь, указывая на громадныя уступки въ Африкѣ, которыя ничто въ сравненіи съ утратой, вслѣдствіе этихъ уступокъ, нѣмецкаго вліянія на материкѣ чернокожихъ, въ то же время сомнѣваются въ выгодѣ пріобрѣтенія Гельголанда и много толкуютъ о стратегическомъ значеніи острова. Нѣкоторые, во главѣ съ адмираломъ фонъ-Генке, доказываютъ, что Гельголандъ, находящійся въ разстояніи всего 50 верстъ отъ устьевъ Эйдера, Эльбы, Везера и Яде, служитъ ключемъ къ главнымъ торговымъ портамъ Германіи на Нѣмецкомъ морѣ и можетъ имѣть важное оборонительное значеніе на случай войны. Другіе прибавляютъ, что въ рукахъ германцевъ этотъ островъ можетъ пріобрѣсти также значеніе наступательное и служить отличнымъ опорнымъ пунктомъ для смѣлыхъ дѣйствій германскаго флота и мѣстомъ, въ которомъ онъ можетъ всегда найти надежное убѣжище.

Но на ряду съ этими разсужденіями встрѣчается не мало замѣтокъ отрицательнаго свойства. Такъ, въ *Rheinische Courier* другой спеціалистъ морскаго дѣла, адмиралъ фонъ-Вернеръ, возражая адмиралу фонъ-Генке, не признаетъ за Гельголандомъ никакого практическаго значенія. По его мнѣнію, Гельголандъ, пріобрѣтенный цѣною цѣлой имперіи въ Африкѣ, будетъ стоить громадныхъ денегъ и служить источникомъ безконечныхъ заботъ. Сооруженіе хорошаго порта и постройка укрѣпленій поглотятъ массу денегъ и, не смотря на это, непріятельскій флотъ все-таки будетъ въ состояніи пройти между Гельголандомъ и Куксгафеномъ. Господствовать надъ каналомъ между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями островъ не можетъ, а въ самомъ благопріятномъ случаѣ можетъ лишь служить убѣжищемъ для миноносокъ.

Въ Софіи военный касаціонный судъ разсмотрѣлъ жалобы Паницы и товарищей, которые протестовали противъ нарушенія закона и домогались, чтобы дѣло ихъ разбиралось не военнымъ, а обыкновеннымъ судомъ. При этомъ прокуроръ потребовалъ для Паницы смертной казни безъ смягченія наказанія, а для Колобкова — ссылки въ каторжныя работы безъ срока. Но военный касаціонный судъ, какъ телеграфируютъ въ Лондонъ изъ Софіи, утвердилъ всѣ вынесенные по дѣлу Паницы и товарищей приговоры.

Закончивъ одну комедію, болгарскіе лжеправители не могутъ жить покойно и снова напоминаютъ о себѣ, старою погудкой на новый ладъ о признаніи принца Фердинанда законнымъ главою Болгаріи. Для того болгарскіе правители, чрезъ своего агента въ Константинополѣ, Вулковича, обратились къ Портѣ съ нотою, въ которой въ энергичныхъ, но въ то же время почтительныхъ выраженіяхъ излагаютъ трудность положенія, создаваемаго продолжительнымъ образомъ дѣйствій Порты, отказывающейся признать принца Фердинанда. Нота требуетъ законной поддержки сюзеренного двора и оканчивается заявленіемъ, что если Порта отвѣтитъ и на этотъ разъ отрицательно, какъ то она сдѣлала недавно, то Болгарія почтетъ себя свободною отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ сюзерену, возвратитъ себѣ свободу дѣйствій и постарается выйти собственными силами изъ нынѣшняго неопредѣленнаго положенія. По словамъ *Neue Freie Presse*, нота болгарскихъ правителей произвела въ Турціи весьма неблагопріятное впечатлѣніе. И Кіамиль-паша, и нѣкоторые министры были приглашены во дворецъ для совѣщанія объ отвѣтѣ на болгарскую ноту. Никакого рѣшенія по этому поводу еще не принято. Вопросъ будетъ переданъ обычнымъ порядкомъ въ совѣтъ министровъ. Говорятъ въ оффиціальныхъ кругахъ, что турецкое правительство или отвѣтитъ уклончиво, или же обратится съ запросомъ къ великимъ державамъ.

Рѣшеніе ребуса № 30 (помѣщеннаго въ № 20).

„Смѣлымъ Богъ владѣетъ".

Рѣшеніе шарады № 28 (помѣщенной въ № 19).

Во-доч-ка.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: **СПб.**—Б. Кратирова, В. С. Бехъ, **Москва**— Р. Р. Карачана, А. Волкова, П. Зязина, В. А. Пургасова, Десъ, Н. С. Александрова, **Баку** — И. Акинфіева, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Екатеринославъ** — П. Поповикова, **Каменка** — В. Я. Сердюкова, **Кронштадтъ** — О. Тонъ, **Лебедянь** — В. П. Чурилина, **Люблинъ** — В. Кондратьевой, **Ока** — К. Косолапова, **Орелъ** — Л. Бунакова, **Полоцкъ** — С. Верливъ, **Старица** — П. Клушанцова, **Славута** — Е. Шнейдеръ, **Харьковъ** — В. Стратонитскаго, **Ярославль** — П. М. Т., П. Мосягина.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 29 (помѣщ. въ № 20).

1) $5d = d^2 - c^2$;	$a = 21 =$ **У**
2) $j : (b - f) = -{}^2/_3$;	$b = 4 =$ **Г**
3) $h^2 - e^2 = 128$;	$c = 16 =$ **О**
4) $(h + c) : (h - e) = 8$;	$d = 19 =$ **С**
5) $g + j = d$;	$e = 14 =$ **М**
6) $\sqrt{b + k} = 4$;	$f = 19 =$ **С**
7) $g - k = -1$;	$g = 11 =$ **Й**
8) $a : k = e : (d - g)$;	$h = 18 =$ **Р**
9) $2(f - j) = h$;	$j = 10 =$ **І**
10) $c = 16$;	$k = 12 =$ **К**

Мусоргскій.

Примѣчанія къ:

2) Чтобы получить настоящее значеніе дроби $\frac{36a - 4a^3}{4a^3 - 108}$, нужно ее сократить на $a - 3$.

6) Уравненіе $\sqrt{48x^2 + 7x - 0{,}8} = \sqrt[5]{2}$ возводимъ въ квадратъ: $48x^2 + 7x - 0{,}8 = \sqrt[5]{4} = 4^{1/5}$; откуда получаемъ квадратное уравненіе: $8x^2 + 7x - 1 = 0$; беремъ цѣлое рѣшеніе $x = -1$.

9) Назвавъ въ уравненіи $\sqrt{x + 350} - \sqrt{x - 853} = 3$ $\sqrt{x + 350}$ черезъ y, видоизмѣняемъ его такъ: $y - \sqrt{y^2 - 1203} = 3$; откуда находимъ сначала $y = 202$, а затѣмъ $x = 40454$. Въ числѣ 40454 есть только двѣ значущія цифры 4 и 5; ими только могутъ начинаться искомыя пятизначныя числа.

Разсуждая такъ, мы находимъ сначала количество пятизначныхъ чиселъ, начинающихся съ 4 по формулѣ $\frac{1 . 2 . 3 . 4}{1 . 2} = 12$, а чиселъ, начинающихся съ 5 по формулѣ $\frac{1 . 2 . 3 . 4}{1 . 2 . 3} = 4$; а всего 16.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—К. Котохова, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Лебедянь** — В. П. Чурилина, **Сонолка** — В. Сокольскаго, **Ярославль**—Д. А. Богоявленскаго.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

РЕЗИДЕНЦІЯ ЭЙЗЕНАХЪ (240 м.)

Лѣтнее пребываніе и Курортъ у подножія горы Вартбургъ (396 м.).

Окончившіе сезонъ купаній, выздоравливающіе послѣ тяжкихъ болѣзней и всѣ нуждающіеся въ покоѣ и подкрѣпленіи своего здоровья послѣ утомительныхъ занятій могутъ здѣсь найти желаемое убѣжище. Свѣдѣнія сообщаетъ: „**der Vorstand des Fremdenverkehrsverein**“. № 4564

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ

НОВОСТИ ДНЯ

изданія годъ

VIII-й.

Развитіе „Нов. Дня“ всегда шло рука объ руку съ возрастающимъ успѣхомъ газеты. За послѣднее время въ этомъ смыслѣ сдѣлано весьма много. Размѣръ газеты значительно увеличенъ противъ прежняго, причемъ подписная цѣна осталась безъ измѣненія. Въ общемъ, всесторонняя полнота содержанія и богатство беллетристическаго матеріала, помѣщаемаго въ „Новостяхъ Дня“, дѣлаютъ газету одинаково интересной, какъ для столичныхъ, такъ и для провинціальныхъ читателей. Въ настоящее время редакція, кромѣ того, озаботилась приглашеніемъ спеціальныхъ корреспондентовъ въ Петербургѣ и большинствѣ провинціальныхъ городовъ, съ цѣлью дать читателямъ своевременныя и полныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ фактахъ законодательной хроники и общественной жизни. Съ этою же цѣлью редакція, въ дополненіе къ телеграммамъ „Сѣвернаго телеграфн. агентства“, организовала отдѣлъ собственныхъ телеграфныхъ сообщеній.

Въ первомъ полугодіи 1890 г. въ „Нов. Дня“ были помѣщены слѣдующія произведенія: **Первый урокъ**, пов. *Ив. Н. Лодыженскаго*. **На литературныхъ хлѣбахъ**, соч. *Вл. Ив. Немировича-Данченко*. **Отецъ**, бол. ром. *К. В. Назарьевой*. **Русскіе орлы въ Парижѣ и Тушинскій воръ**, двѣ ист. пов. *Д. С. Дмитріева*. **Тайна Кузнецкаго Моста**, романъ *Искры*. **Пуссъ-Пуссъ** (Тайны Эйфелевой башни), пер. съ фр.

Въ теченіе слѣдующаго полугодія будутъ помѣщены: **Въ заколдованномъ кругѣ**, ром. *Е. О. Дубровиной*. **Фейерверкъ**, повѣсть *того-же автора*. **Быльемъ поросло**, повѣсть *П. И. Богатырева*. **Ирина Калугина**, ром. *А. И. Лемана*. **Клятва**, нов. *С. М. Нестерова*. **Во имя искусства**, ром. *В. А. Прохорова*. **Отверженные**, романъ *В. Курскаго*, и мног. друг. Ц. № 4599 2—1

Іюньскіе нумера газеты, въ которыхъ начались печатаніемъ новые романы, будутъ высланы всѣмъ новымъ подписчикамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 мѣс.	6 мѣс.	1 мѣс.
Съ дост. въ Москвѣ.	8 —	5 —	1 —
„ перес. въ города.	9 —	5 50	1 —
„ перес. за границу	13 —	7 90	1 60

Объявленія — 25 к. за строку на первой страницѣ и 12 коп. на послѣдней: стороннія сообщенія въ концѣ текста газеты 50 к. строка.

Къ свѣдѣнію публикующихъ: „**НОВОСТИ ДНЯ**“ печатаются въ большомъ количествѣ экземпляровъ, причемъ кругъ читателей постепенно расширяется. Публикація, которая вообще есть двигатель торговли, вполнѣ достигаетъ, такимъ образомъ, своей цѣли, такъ какъ останавливаетъ на себѣ вниманіе большаго контингента читателей изъ различныхъ общественныхъ слоевъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ГАЗЕТЫ

„НОВОСТИ ДНЯ“:

Москва, Мясницкая, д. Сытовыхъ.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины *II. Петрова* и *В. Клюшникова*. Ц. 1 р.

CIGARETTES ESPIC contre

ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Dépôt général : STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg

Vente en gros : J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

CIGARETTES ESPIC — EXPECTORATEUR PECTORAL

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (24) № 4287

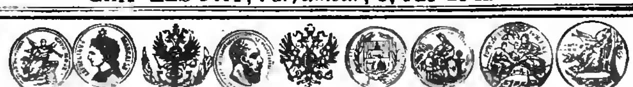
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисововисмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris. Ц. № 3767 (65)



Въ зубоврачебн. кабинетахъ Ивана Ив. ХРУЩОВА,

Невскій, 43, на углу Троицкой, ежедневно производятся всѣ зубныя операціи, леченіе, пломбированіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ.

Тутъ же въ конторѣ продаются всѣ матеріалы, требуемые для зубоврачебной практики. № 4505 5—5

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. R. № 4587

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

САМАЯ ДЕШЕВАЯ ГАЗЕТА ВЪ РОССІИ

„РУССКІЙ ЛИСТОКЪ“

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА.

Выходитъ ЕЖЕДНЕВНО, въ форматѣ БОЛЬШИХЪ газетъ. Подробныя сообщенія о всемъ выдающемся въ современной жизни. Ежедневныя корреспонденціи и телеграммы. Извѣстія о русскихъ и иностранныхъ рынкахъ. Интересные романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и т. д. и т. д. Подписная цѣна: на годъ 5 руб., полгода 3 руб. и 1 мѣсяцъ 60 коп. Адресъ редакціи: Москва, Варсанофіевскій пер., д. Рябушинскаго. № 4597

ГОРЬКАЯ ВОДА САКСЛЕНЕРА ИСТОЧНИКА „ГУНІАДИ-ЯНОСЪ“

По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ **Purgativ** имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе.

МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 4541 10—6

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченымъ замочкомъ, протканные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. **Кушаки прозрачные очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.**

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи

у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,

СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

КЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЯМЪ.

Въ минувшемъ апрѣлѣ мѣсяцѣ Коломенско-Адмиралтейскимъ Отдѣломъ Общества попеченія о бѣдныхъ и больныхъ дѣтяхъ открыта **по Садовой ул., въ д. № 118** дѣтская столовая, наименованная **съ Высочайшаго** соизволенія въ память чудеснаго событія 17-го октября 1888 г. По своимъ скромнымъ средствамъ эта столовая можетъ выдавать ежедневно не болѣе сорока даровыхъ обѣдовъ, и только столичная благотворительность могла-бы развить ея дѣйствія до размѣровъ соотвѣтствующихъ спросу со стороны бѣднаго населенія Коломны. Поэтому, въ виду наступленія лѣта, когда нѣкоторыя другія столовыя пріостанавливаютъ свои дѣйствія, Коломенскій Отдѣлъ находитъ наиболѣе своевременнымъ напомнить великодушнымъ благотворителямъ объ открытой имъ дѣтской столовой и усерднѣйше проситъ о посильныхъ въ пользу ея пожертвованіяхъ, которыя принимаются надзирательницею въ помѣщеніи самой столовой ежедневно отъ 11 час. утра до 3 час. пополудни.

Съ разрѣшенія СПБ. Врачебнаго Управленія. № 4527 10—8

СВОБОДИНЪ

Средство для уничтоженія

МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.

Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.

Цѣна за флаконъ 35 коп.

Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРДТЪ,

С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

Ц. № 4573 4—4

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:

Подснѣжникъ, Гольдлакъ, Жасминъ, Геліотропъ, Ландышъ, Опопонаксъ, Резеда, Рейнская роза, Рейнская фіалка, Рейнскіе цвѣты и Ясминникъ.

Превосходные, продолжительные и дешевые духи для платковъ.

Цѣна флакона, содержащаго ¼ фунта

1 р. 25 коп.

Можно получать во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы.

Главное депо у **Алекс. Тиссь и К°., Пушкинская, № 4.**

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., антекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **І. Голлендеръ,** Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (19) № 4366

ВЫШЛИ НОВЫЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ КАТАЛОГИ—ВЫСЫЛ. БЕЗПЛАТНО.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.

строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Спеціальность: плуги и молотилки.

Они-же состоятъ главными агентами извѣстнаго англійскаго завода **паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона** и **Шутлеворта** въ Англіи и знаменитаго завода **сѣнокосилокъ, жнеекъ „Дези"** и **сноповязалокъ Макъ Кормика** въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли **Тигръ** завода Стодардта, рядовыя сѣялки Сакка и проч. № 4484 26—6

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Мясницкая ул., соб. домъ, бывш. Бр. Бутеноръ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ДЛЯ УМЫВАНІЯ ЛИЦА 5—1

МОЛОКО НИМФЕЯ

флаконъ 1 руб. 25 коп.

МАГАЗИНЪ

А-ЛА-РЕНОМЕ

Невскій пр., № 3.

Торговц. соразмѣрн. уступка.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ МЕХАНИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ ГЕРМАНЪ ГЕССЕ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО.

САДОВАЯ 16.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

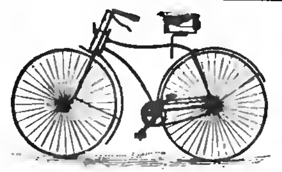
Торговый Домъ

Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ. | **С.-Петербургъ,** Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: (Свифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіалъ и пр.

ДО 500 ВЕЛОСИПЕДОВЪ ПОСТОЯННО НА СКЛАДѢ. ПОЛНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЪ.



Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свифтъ №2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы. 2—1

Цѣна безъ нотъ 90 руб. Ноты по 80 к. за метръ (1½ арш.).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. —Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА 1890 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціею **В. Н. Кутузова**

(СПБ., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива" (СПБ., Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы".

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

„РОССІЯ"

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное въ 1881 г.

Общество заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:

Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, въ дилижансахъ и экипажахъ.

Страхованія отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ; при несчастьяхъ въ домахъ, храмахъ, фабрикахъ и театрахъ; при исполненіи служебныхъ обязанностей; **вообще вездѣ—дома и внѣ дома,** съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ премій или безъ таковаго. Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ на **фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п.** отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Страхованія могутъ быть заключаемы въ Правленіи Общества въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ выдаются также на **станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходныхъ пристаняхъ** и въ главныхъ гостинницахъ въ городахъ Россійской Имперіи.

№ 4586 4—2

PAPIER FAYARD ET BLAYN

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ накожныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральныя гримировки! № 4293 12—5

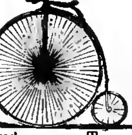
Румяна, бѣлила и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.

Главное депо для Россіи у **В. Авриха,** Колокольная, № 18. **С.-Петербургъ.**

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.



Вышелъ новый иллюстрированный прейсъ-курантъ на 1890 г. извѣстнаго англійскаго завода **Зингеръ и Ко Ковентри.** Представитель для всей Россіи **Генрихъ Жемличка** въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (24) № 4278

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА ВЪ ВѢНѢ

ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго **окрашиванія** волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 8—5

Цѣна за флаконъ **3 руб.** съ пересылкой. Главный складъ для Россіи у **В. Аврихъ** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

Вслѣдствіе новѣйшаго изобрѣтенія фотографировъ. доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать вполнѣ хорошіе портреты, группы и ландшафты.

Цѣна полн. прибора 18, 30, 35, 50 руб. и дороже.

Наборъ принадлежностей отъ 9 рублей.

Просимъ **не смѣшивать** съ рекламир. крайне дешев. аппаратами.

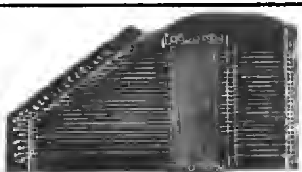
Е. КРАУСЪ и Комп.

Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ.

ДЕПО ДЛЯ РОССІИ:

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Руководство и иллюстр. прейсъ-курантъ высылаются безплатно. № 4598



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ** цѣнамъ:

съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.

„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (30) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва Кузнецкій мостъ. | **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

Дозвол. ценз., СПБ., 20 іюня 1890 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. **А. Ф. Маркса,** Ср. Подьяч., № 1.

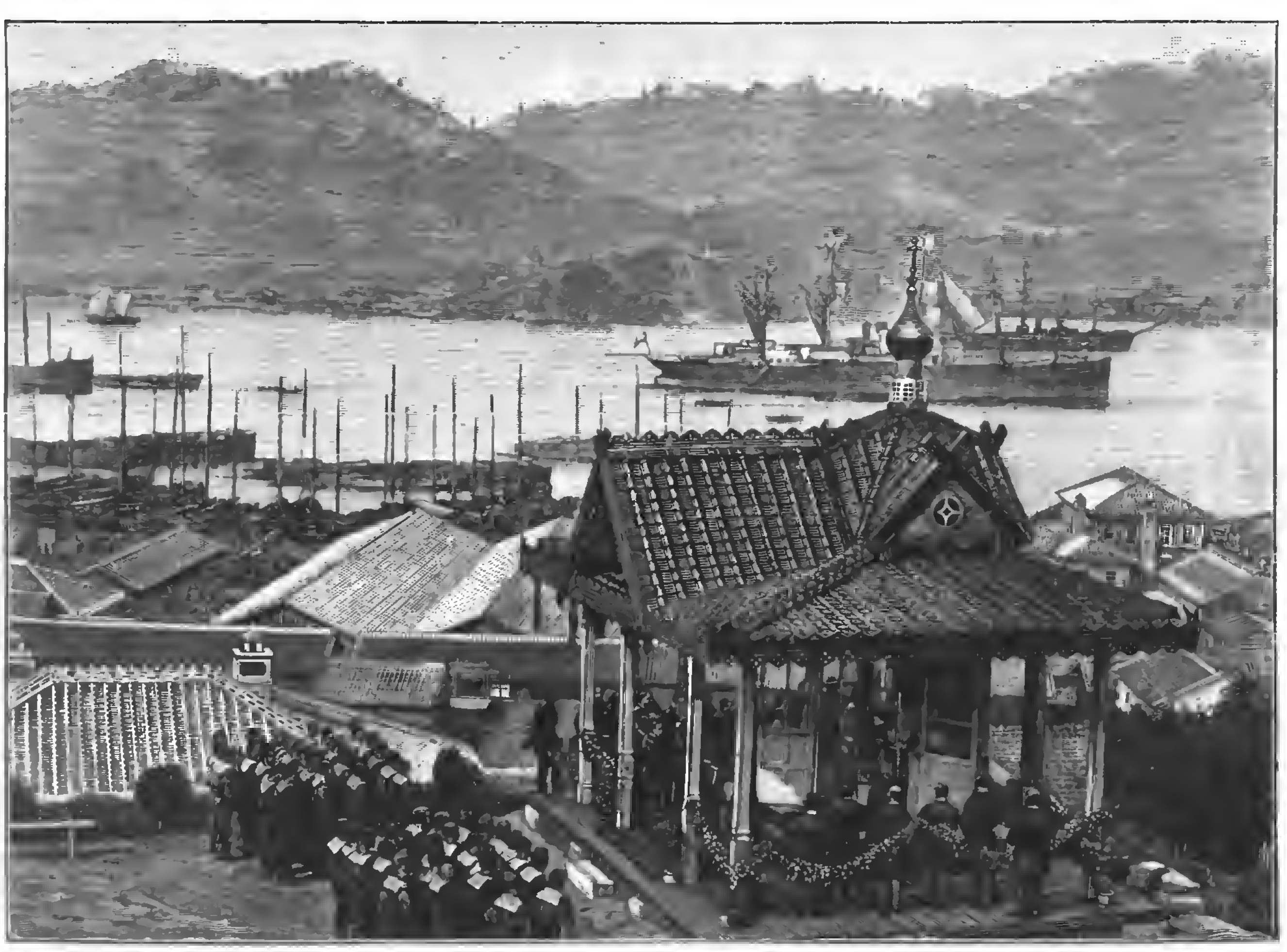
XXI г. — г. XXI
№ 26 — 1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (от 22 до 30 рис.) разн. рис. руход. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 30 іюня 1890 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.



Освященіе русской православной часовни въ Нагасаки (Японія). Съ фот. Апостоли, грав. Рашевскій.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

— Наплодятъ, наплодятъ дѣтей, а потомъ и...

И Петръ Саввичъ еще разъ перевернулся на своей постели.

Что̀ это съ нимъ такое? спалъ онъ всегда хорошо, хотя чутко; малѣйшій шорохъ онъ слышалъ во снѣ—и стоило этому шороху повториться, чтобы Чижовъ уже подымался съ тюфяка, прислушивался и пытливо всматривался въ темноту. Онъ не боялся нападенія ни откуда. Онъ жилъ одинъ, замки и затворы его были надежны, да и револьверъ подъ подушкой находился всегда съ пулями во всѣхъ гнѣздахъ про случай. Чуткость въ немъ была воспитана не трусостью, а самими занятіями его; тѣмъ не менѣе въ ту ночь онъ чувствовалъ себя совсѣмъ странно. Голова горѣла, тюфякъ и подушка точно давили ее. Ему было не по себѣ. Онъ зажигалъ свѣчу, но при огнѣ не могъ заснуть; тушилъ ее и засыпалъ, чтобы тотчасъ же проснуться въ какомъ-то непонятномъ ему смятеніи. Что̀ собственно случилось съ нимъ такое? Сегодня онъ торговалъ отлично. Процентовъ пришлось на его долю много, невыкупленныхъ вещей еще больше. Непріятностей тоже не было, если не считать одного безмѣстнаго лакея, обозвавшаго его „живодеромъ“. Но это его не задѣвало, онъ привыкъ. Кто его не называлъ живодеромъ? Что-жъ, у всякаго есть свое дѣло, своя профессія! Угодно имъ называть это живодерствомъ—пускай... Оно, живодерство, кормитъ и поитъ его, безъ живодерства онъ былъ бы самъ какъ этотъ безмѣстный лакей: ходилъ бы закладывать рваныя, ничего не стоющія жилетки. Нѣтъ, не это!..

Какъ она, Пашутка кажется (такъ бишь ее звали?), схватила его рученкой за палецъ!.. И рученка какая маленькая, влажная, съ крохотными пальчиками и ноготками. И какъ она крѣпко держала его... Уцѣпилась и держитъ! Смѣшная, губы въ трубочку вытянетъ и точно хочетъ ими дотянуться до свѣчи, не дотянется— и давай пузыри пускать!.. а глаза у нея черные, безъ бровей, тоже смѣшные... Поди ничего еще не понимаетъ. Все равно ей: живодера за палецъ схватить или мамку... Пожалуй и у него на рукахъ такъ же спокойно лежала-бы, лишь-бы свѣчка горѣла передъ нею... занятная дѣвчонка-то... И чѣмъ только она, эта жалкая мать, кормитъ ее? Сама чуть не побирается... Дура, безъ документу, на Іоанна Крестителя повѣрила какому-то проходимцу. Кто безъ документа заплатитъ? Да приведись хоть ему, Петру Саввичу Чижову, а и онъ безъ документа никому не дастъ и самъ не заплатитъ. Потому не порядокъ... На все свой порядокъ установленъ. Что-же это будетъ, если на слово? Поймай-ко его, это слово. Сказалъ, а оно ужъ вонъ гдѣ, за хвостъ не схватишь, да назадъ его не выманишь. Грудью должно кормитъ она Пашутку-то? Только какое ужъ у нея и молоко-то можетъ быть! Полтора рубля отдастъ она хозяйкѣ за квартиру—а полтинникъ ей на все содержаніе... Не очень раздобрѣешь съ этого. Положимъ, ея вещи стоили всего восемь рублей. Четыре можно было бы дать ей... Да какъ же ему упускать свой интересъ! Что-же это будетъ такое? Тогда хоть лавку запирай совсѣмъ. Понятное дѣло, онъ ужъ никакъ больше не могъ дать.

Вѣдь вотъ онъ прожилъ и не любилъ никого. Сестру развѣ? Да и ее такъ—своя вѣдь, нельзя не любить. А такъ чтобы совсѣмъ—никого еще. Давно начиналось что-то; помнитъ онъ хорошо это. Дворовымъ онъ былъ. Горничная Маша. Славная дѣвчонка была. И точно тепломъ на него пахнуло въ эту безсонную ночь. Славная. Глазенки яркіе, губки алыя, прыткая... И веселая-же. Смѣется, по всему двору слышно, всѣ старушки сейчасъ бывало ворчать начнутъ: „ишь Машка-то заржала! Чтобъ ее!..“ Подумывалъ Петръ Саввичъ даже о женитьбѣ—хотѣлъ было уже и къ барину идти, а тутъ барчукъ изъ Питера пріѣхалъ — ну, извѣстное дѣло. Сладкій кусъ кому не милъ... Потомъ воля вышла— а еще попозже встрѣтилъ онъ на улицѣ Машу. Пьяную, оборванную... Да, теперь у самого Петра Саввича поди были бы такія-же Пашутки... На глазахъ бы у него выростали и за палецъ-бы его схватывали влажными мягкими дѣтскими рученками и губы въ трубочку тянулись бы къ нему... Теперь бы всѣ эти Пашутки большія были уже; что̀ смѣху, да шуму кругомъ—безпокойство одно. Безъ нихъ тише, удобнѣе... И работать безъ нихъ куда лучше! Еще вышли-ли бы изъ нихъ помощницы?.. Да, такъ-то лучше. Одно только вотъ, если болѣзнь пристукнетъ... Помнитъ онъ, какъ два дня больной лежалъ здѣсь, простудился должно-быть. Слышалъ какъ въ двери стучались, потомъ городовой пришелъ—хотѣлъ было его по одиночеству въ больницу отправить, да взялъ десятку и прочь убрался. Жутко было тогда, какъ жутко! Хорошо, что вечеромъ дворничиха—добрая баба—явилась и просидѣла съ нимъ, и на другой день тоже. А то страшно...

А умирать одному?.. Болѣть, старѣться, умирать?

Такъ же будетъ молчать ночь... Такъ же станутъ грызть половицу неугомонныя мыши... Жутко... И кому все это достанется? Кончитъ онъ свое дѣло—тысячъ триста у него будетъ. Не даромъ живодерствовалъ... Тысячъ триста, да... А золота да серебра заложеннаго и невыкупленнаго? И вѣдь случись что̀—разворуютъ. Да какъ еще! Первый кто войдетъ — и цапнетъ, прямо въ шкапъ руку запуститъ, ограбитъ что̀ попадется и крадучись прочь пойдетъ... А то еще умирающаго придушатъ пожалуй, чтобы не крикнулъ, собравъ свои послѣднія усилія.

А тогда и больному-то ничего.

Пашутки бѣгали бы кругомъ—топъ-топъ—на своихъ маленькихъ ножкахъ, проворныхъ; къ нему-бы подошли, на кровать взобрались, лепетать бы стали. Все-бы не такъ какъ теперь было. И мать у нея, дура-то дурой, а должно-быть хорошая и добрая баба. Глупая, но хорошая. Еще бы! Дурная безъ документу не дала-бы — какъ-же! Гдѣ такихъ найдешь?.. Да и потомъ, ну померъ-бы... Всѣ помремъ, что-жъ, такой ужъ положенъ отъ Бога предѣлъ — его-же не прейдеши; зналъ бы за то кому все нажитое добро досталось. Всякій разъ какъ взглянули на богачество это— вспомнили-бы: „отъ батюшки отъ покойнаго. Дай Богъ ему царствіе небесное“. И помолились-бы—все душѣ легче. А теперь что̀?.. Собакѣ собачья и смерть, другаго и не дожидайся отъ этихъ-то... Или станутъ разсказывать: „Нѣтъ, какой у насъ живодеръ Петръ Чижовъ былъ—такъ ужъ точно!“ Вѣдь вотъ поди-жь ты какихъ голышей Господь Пашутками надѣлилъ, а ему должно-быть такъ живодеромъ и помирать придется...

И только когда сквозь занавѣсъ робкіе, блѣдные лучи тусклаго дня проникли въ комнату, борясь съ желтымъ сіяніемъ нагорѣвшей свѣчи и точно съ удивленіемъ скользя по заваленнымъ разнымъ заложеннымъ хламомъ угламъ, Петру Саввичу удалось забыться и заснуть.

II.

Днемъ Петръ Саввичъ даже не вспомнилъ безсонную ночь. Всѣ ея впечатлѣнія сошли съ него, какъ съ гуся вода. Онъ даже былъ неумолимѣе обыкновеннаго. Давалъ меньше чѣмъ слѣдовало, а на всякія возраженія кричалъ своимъ кліентамъ:

— Ступай рядомъ. Тамъ тебѣ поди больше дадутъ.

Но увы клiенты знали, что около — еще хуже въ этомъ отношенiи, и покорялись своей участи. Вечеромъ (была суббота) Чижовъ заперъ лавочку раньше и пошелъ къ вечернѣ. Онъ никогда не пропускалъ ея. Очень внимательно прослушалъ всю службу, козломъ подтягивалъ пѣвчимъ, лѣниво крестился и часто кланялся въ землю, а по окончанiи пошелъ домой.

— Смотри, смотри, живодеръ идетъ! послышалось ему навстрѣчу.

Онъ и ухомъ не повелъ.

— Петръ Саввичъ, за мои часики, что у васъ въ залогѣ пропали, дозвольте гривенничекъ на выпивку, обратился къ нему какой-то оборванецъ.

— Ступай, ступай! не то, знаешь — вонъ вѣдь городовой стоитъ...

— Треснуть-бы тебѣ, кровопивцу! За часики, братцы мои, восемнадцать дадено, а у него за пять пропали.

Живодеръ тихо и мирно дошелъ до дому, осмотрѣлъ и ощупалъ засовъ, потомъ отперъ громадный замокъ отъ заднихъ дверей, зажегъ свѣчи передъ образами, поставилъ самоваръ и тихо и мирно сталъ пить чай... „Тамъ бы Пашутка сидѣла!“ ни съ того, ни съ сего мелькнуло у него въ головѣ... „Ногами бы поди болтала да языкомъ... Безпокойство!“ И на сухое, сморщенное лицо Петра Саввича словно невзначай налетала улыбка... но не на долго: „Баринъ-то золотыхъ часовъ не выкупилъ, да и мамзель изъ Калашниковскаго дома тоже браслетку бральянтовую проморгала. Слава тебѣ Господи... Отъ часиковъ семьдесять чистаго, да отъ браслетки — три катеньки набѣгутъ. Куда съ барами да мамзелями лучше... Эти не ругаютъ и не ноютъ. Прибѣжитъ: „ужли-жъ я опоздалъ?“—„Точно такъ, господинъ, продана“... Помотаетъ, помотаетъ головой и прочь пойдетъ—смирно, благородно... Дочка была-бы, выросла бы... Какъ-бы я ее одѣлъ—иной купчихѣ не выстоять такъ-то!“

Петръ Саввичъ вышелъ на улицу какъ-то. Клiентовъ не было—онъ и сталъ въ дверяхъ около лавочки. Солнце свѣтило ярко, небо было чисто... Почему-то Чижову вспомнилась тогда деревня:

„Хлѣбъ убираютъ съ полей... Пѣсни поютъ вечеромъ, хороводы водятъ“... Задумался. „И все то съ нуждой лютой бьются. Правда живутъ по-божески, никого не обираютъ... А все нищiе“.

— Эй, эй, матушка! крикнулъ онъ—и самъ не зналъ зачѣмъ... Та же баба съ ребенкомъ, что приходила къ нему закладывать обручальное кольцо; остановилась.— Вы это куда?..

— Наниматься ходила.

— Съ ребенкомъ?

— Да.—И вдругъ она поблѣднѣла даже.—И навязалась-же она мнѣ—прости Господи.

— Кто навязался?

— Пашутка-то... Вотъ ужь Богъ смерти не даетъ!

— Чтò вы, чтò вы... А еще мать!

— Куда-же мнѣ съ нею? На шестое мѣсто хожу: какъ узнаютъ что съ ребенкомъ, „нѣтъ, говорятъ, намъ не надо“... Одно остается—въ деревню ее отдать... Пущай тамъ живетъ, а я за нее платить буду, изъ жалованья...

— Ну, въ деревнѣ она помретъ.

— Что-же мнѣ дѣлать-то?

Петръ Саввичъ развязалъ платокъ, закрывавшiй лицо малютки... Она спала...

— Ишь ты, засмѣялся онъ,—тоже дыханiе!.. Пашутка лежала, раскрывъ ротъ; во снѣ разрумянилась—безбровыя выпуклины смѣшно торчали, еще смѣшнѣе выступалъ круглый носикъ. Должно-быть свѣтъ ударилъ ей въ лицо: открыла глаза, зажмурилась, даже ротъ скривила, плакать собиралась, да вмѣсто того чихнула и разсмѣялась.

— Ишь ты... блоха! одобрилъ ее Петръ Саввичъ.— Подлинно блоха...

— Блоха-то ѣсть не проситъ, сама ѣстъ, а эта...

— Ну, ну! не кричать, нечего! заворчалъ Петръ Саввичъ, потомъ вдругъ ни съ того, ни съ сего спросилъ:

— А ко мнѣ бы вы пошли?

— Какъ къ вамъ?

— Я съ ребеночкомъ возьму... Старъ становлюсь, одному не справиться.

— А сколько жалованья?

— Жалованья я не дамъ. На чтò жалованье? Кормить, поить буду.

— Какъ на чтò жалованье? А одѣваться, обуваться? Мало-ли...

— Ну, на этотъ счетъ изъ заложеннаго хламу всегда выберемъ.

— Нѣтъ, задумчиво проговорила женщина,—нѣтъ, такъ чтобы безъ жалованья невозможно.

— Вѣдь вотъ вы какая, а я съ ребеночкомъ беру... Кто съ нимъ возьметъ? ну? Отъ него безпокойство одно будетъ. Вы то подумайте, что я еще вамъ благодѣтель выхожу... Пищитъ онъ у васъ?

— Отчего не пищать—пищитъ...

— Ну вотъ. Въ деревню за него вамъ надо четыре въ мѣсяцъ отдать, да подарки.

— А жалованья мнѣ дадутъ восемь.

— Ну, гдѣ!..

— Вездѣ дадутъ.

— На восемь, матушка, потребуютъ, чтобы и одежда была приличная, и все прочее.

— Какъ хотите, а безъ жалованья я не могу.

— Ну, рупь я вамъ дамъ... Смотрите, раздумаю.

— Рупь мнѣ мало. Пять!

— Экое вы слово сказали... Пять! Гдѣ это видано?.. Подростетъ и ее вѣдь кормить придется... А вы бы хорошимъ человѣкомъ дорожили.

Но тутъ ребенокъ высвободилъ рученку, растопырилъ пальчики и началъ ловить что-то такое надъ своей пуговкой, замѣнявшей ему покуда носъ. Петръ Саввичъ протянулъ къ ней свой корявый палецъ. Пашутка опять ухватилась за него, точно это было единственнымъ ея спасенiемъ. Схватила и по-своему крѣпко сжала.

— А вамъ сколько лѣтъ? заинтересовался вдругъ Петръ Саввичъ.

— Мнѣ? Двадцать пять.

— Служили гдѣ прежде?

— Мой мужъ домомъ управлялъ — а я у хорошихъ господъ, у генеральши Кривоносовой въ экономкахъ жила.

— Грамотны вы?

— Да.

— И писать умѣете?

— Пишу ежели что по хозяйству.

— Такъ рубль берете?

— Нѣтъ. Это и толковать нечего.

И она было двинулась идти. Но младенецъ не выпускалъ руки Петра Саввича и тотъ поневолѣ остановилъ ее.

— Ну, погодите... погодите. Чего торопиться-то! Такъ въ два слова дѣла кончать нельзя. Отъ своего счастья бѣжите.

— Какое ужь счастье!.. Дай Богъ прокормиться-то.

— Почемъ кто знаетъ... Ну вотъ что, только чтобы это ужь послѣднимъ словомъ было... Дамъ я вамъ три рубля...

И словно испугавшись своей щедрости, Петръ Саввичъ высвободилъ свой палецъ и пошелъ къ себѣ.

Женщина задумалась... Постояла на порогѣ, постояла и шагнула въ лавку.

— Ну-съ? Поторопился я. Много набавилъ и самъ каюсь. Три-то рубля на полу не валяются.

— Чай, сахаръ вашъ?

— Это извѣстно. Кормить буду. Что самъ—то и вы.

— Я согласна.

— Еще-бы да не согласиться! Кому отъ своего счастья бѣжать хочется? Такъ значитъ двадцать пять лѣтъ вамъ?

Русскій офицерскій лазаретъ у часовни въ Нагасаки (Японія) Съ фот. Апостоли, грав Рашевскій

Русская гостиница въ Нагасаки (Японія). Съ фот. Апостоли, грав. Рашевскій.

СПБ. Микроскопическая станція для изслѣдованія трихинъ въ свиномъ мясѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Броллинга. грав. Шюблеръ.

— Да.

— А замужъ вамъ не хочется?

— Кто-же съ ребенкомъ возьметъ?

— Старикъ возьметъ, только отъ старика вы, надо полагать, отворотитесь... „А если“, думалъ онъ, „да подкормить ее—совсѣмъ ничего будетъ. Бѣдность узнала баба — работать станетъ, какъ слѣдуетъ. Эй, не дури Петръ Саввичъ! Эй, не дури!.. Сѣдые волосы нажилъ...“

— Какъ звать-то васъ?

— Марья Петровна! покраснѣла она.

— Такъ какъ-же, Маша, а?

Та молчала, потупясь.

— Ну, вотъ ваша комнатка будетъ, показалъ онъ рядомъ съ кухней. Потомъ ни съ того, ни съ сего потрепалъ ее по плечу и улыбнулся.

— Ишь, круглая! Только что на лицо худа... Ну сегодня—перевозитесь. На извозчика-то денегъ нѣтъ, поди? На вотъ бумажку... Да смотри извозчику денегъ-то много не давай... Отъ Кувалдышева дома сюда-то и пятіалтынный за глаза!.. „Вотъ не было печали, еще разъ улыбнулся онъ. „Ну, да, ладно. Чуть что—вѣдь и прогнать могу“.

Но онъ не прогналъ ее. Марья Петровна оказалась именно такою, какая нужна была „живодеру“. Семь лѣтъ прошли точно семь дней. Она блюла его копѣйку, никогда и никуда не отлучалась, домъ держала въ порядкѣ. Пашутка выросла и стала тоже такою дѣвчонкою, о которой часто думалъ Петръ Саввичъ. Надо прибавить, что Марья Петровна такъ оправилась, пополнѣла и похорошѣла, что года черезъ три послѣ того, какъ она поступила къ нему, ростовщикъ женился на ней, увѣрясь, что ему никогда не придется жалѣть объ этомъ. Да и три рубля въ мѣсяцъ останутся въ карманѣ, разсуждалъ онъ, соображая, что расходовъ на жену не понадобится больше чѣмъ на кухарку. Такимъ образомъ Пашутка росла, уже считая его папкой, и о существованіи нѣкогда другаго папки даже и не подозрѣвала. Она была настоящею хозяйкою въ домѣ: что̀ хотѣла то и дѣлала; къ сумрачному Петру Саввичу взбиралась на постель, теребила его за ощетинившіеся усы (бороды онъ тогда не носилъ), пряталась къ нему въ стойку когда кто нибудь приходилъ „закладываться“, а въ шесть лѣтъ была грозою всѣхъ мальчишекъ на улицѣ. Она вступала съ ними въ бой и не разъ выходила побѣдительницей; для тѣхъ только и оставалось одно утѣшеніе—кричать ей вслѣдъ: „живодерова дочь, живодеркой сама будешь“. Сначала Пашутка не понимала значенія „живодеръ“, но потомъ, играя на улицѣ, часто слышала какъ недовольные „закладывавшіеся“, выходя, ругались: „Подавись ты моими часами, живодеръ проклятый!“ или „Чтобъ тебя разорвало, живодерище!“ или „Съ чортомъ свяжешься... Ужь истинно что живодеръ...“ Пашутка послѣ этого стала задумываться и обижаться.

— Мой папка добрый, огрызалась она отъ мальчишекъ.

— Добрый? Бываютъ развѣ живодеры добрые?

— Добрый, добрый! топала она ногами.

— Ему-бы шкуру драть — вотъ какой онъ добрый!.. Погоди, помретъ, замучаютъ его въ ади, черти-то.

Пашутка плакала, кидалась на обидчиковъ и приходила домой изорванная.

— Что, опять разодралась? спрашивалъ ее, покачивая головою, Петръ Саввичъ.

Она молчала, потупясь и пробираясь поскорѣе къ матери.

— Мама, а мама... Папка вѣдь добрый?

— Добрый... разумѣется, добрый! задумывалась та.

— А почему *они* его живодеромъ кличутъ? торопилась она разрѣшить свое недоумѣніе.

— Такъ, Пашутка. А ты бы не слушала.

— Нѣтъ, ты скажи зачѣмъ?

— Должность у него такая... не находилась та.

— Значитъ *они* правду говорятъ.

— Для тебя онъ доберъ и для меня тоже. Ты и должна уважать и любить его.

— Я и люблю его, раздумчиво говорила дѣвочка, и долго послѣ того пытливо всматривалась въ Чижова, отъискивая въ немъ какіе-бы то ни было признаки живодерства. Сядетъ бывало въ уголъ и смотритъ: не проявится-ли въ чемъ живодерство? Но нѣтъ. Часы проходили за часами, онъ стоялъ, спокойно торговалъ и шкуры ни съ кого не дралъ... „Когда-же онъ шкуры деретъ?“ еще пуще задумывалась она... И наконецъ, обсудивъ дѣло, дѣтскимъ умомъ своимъ рѣшила, что ночью. Ночью когда она спитъ — онъ уходитъ на свой промыселъ и деретъ шкуры... Теперь она уже не обижалась на названіе живодера и весьма резонно отвѣчала, „что это у него должность такая, чтобы, значитъ, шкуры драть“. Семь лѣтъ ей было когда она рѣшила все это узнать обстоятельно. Утромъ—отецъ еще спалъ—Пашутка забралась къ нему на постель, сѣла въ ногахъ и стала терпѣливо ждать... Она пристально всматривалась въ него соннаго, задаваясь вопросомъ, какъ это онъ шкуры деретъ, и больно-ли это, и кричатъ-ли при этомъ. И безотчетный страхъ вкрадывался въ ея душу... Въ эту самую минуту Петръ Саввичъ открылъ глаза.

— Ну, блоха, здравствуй... Поди ко мнѣ...

И онъ протянулъ ей руки, но на этотъ разъ, вмѣсто того чтобы броситься къ нему, она еще ближе прижалась къ спинкѣ кровати.

— Чего ты пыжишься?.. Поди скорѣй... Пашутка!

— Ты ночью, папка, куда ходилъ?

— Я? удивился онъ.—Никуда... Здѣсь былъ.

— Нѣтъ, ты врешь... А я знаю куда.

— Приснилось тебѣ, Пашутка?

— Нѣтъ, не приснилось. Ты, папка, живодеръ вѣдь. Ты вѣдь по ночамъ ходишь шкуры драть-то?

Петръ Саввичъ похолодѣлъ даже. Это слово, къ которому онъ такъ давно уже привыкъ, сказанное пухлыми и румяными губками Пашутки, подняло его разомъ. Онъ не нашелся въ первую минуту и долго смотрѣлъ на нее.

— Что̀ ты сказала, что̀?

Она тоже со страхомъ глядѣла на него въ эту минуту.

— Что̀ ты сказала... а?

— Ну да, всѣ такъ говорятъ. Что у тебя должность такая... Днемъ дома... а ночью ходишь.

— Куда хожу?

— Драть, съ живыхъ людей, которые по улицамъ заблудимши... Послушай, папка... имъ больно вѣдь?.. а?.. Кричатъ они?..

— Марья, Марья!

Марья Петровна, возившаяся въ кухнѣ за самоваромъ и ничего не подозрѣвавшая, вошла.

— Послушай-ко, что̀ дочка твоя говоритъ... Живодеръ вишь я... Ночью шкуры драть хожу.

— Ну да, дѣловымъ тономъ подтвердила Пашутка.— И Васька, и Сенька, и Алешка—всѣ говорятъ. А я тебя, папка, боюсь.

— Чего-жь ты боишься, дура?

— Боюсь...

— Чего?

— А какъ ты меня съ мамкой задерешь тоже?

— Пошла вонъ, дура!.. озлился Петръ Саввичъ и поблѣднѣлъ даже—и такое злое стало у него лицо, что Пашутка кубаремъ скатилась съ кровати и опрометью кинулась въ кухню. Чижовъ всталъ туча-тучей. Точно совѣсть его выросла въ этой дѣвчонкѣ... Живодеръ, всѣ говорятъ... Шкуру съ живыхъ людей деретъ. И она этому повѣрила... Что̀ какъ станетъ подростать съ чувствомъ ненависти и страха къ нему? Или если и будетъ въ глубинѣ своей дѣтской души любить его, но при другихъ станетъ его стыдиться?..

Было воскресенье. Чижовъ пошелъ по обыкновенію въ церковь. Молился истово и степенно. Ставилъ свѣчки, а самъ все не переставалъ думать. Вотъ тебѣ и разсчетъ его, что Пашутка выраститъ помощницей ему; выдастъ ее замужъ и мужъ явится продолжателемъ его дѣла... Живодеръ! И тутъ въ церкви ему почудилось, что въ толпѣ кто-то проговорилъ ему вслѣдъ: „ишь живодеръ-то нашъ: погляди какъ распинается... Кровопивецъ...“ Вернулся домой онъ еще сумрачнѣе. Крикнулъ на Марью. Пашутка забилась куда-то въ уголъ. Шелъ мимо лавки батюшка. Увидѣлъ его въ окно Петръ Саввичъ и вышелъ.

— Здравствуйте, отецъ Никита. Какъ живете-можете?

— Не то чтобы, Петръ Саввичъ... Поясница вотъ... Ну и оскудѣніе одолѣло. Вѣра въ людяхъ умаляется.

— А я хотѣлъ съ вами поговорить.

— О чемъ это?

— Насчетъ моего дѣла.

— Какого?

— А вотъ,—и Петръ Саввичъ взглядомъ показалъ на лавку.—Очень ужъ люди меня не одобряютъ. Кровопивецъ, говорятъ... Какъ это по вашему?.. И даже въ собственномъ семействѣ. Что-же это будетъ если и свои тоже?

— То-есть какъ?

Отецъ Никита былъ дипломатъ и первымъ дѣломъ постарался уклониться.

— Люди злы — сами знаете-съ. Мало-ли что̀ говорятъ... Грѣхи...

— Нѣтъ, а по вашему-то какъ? Потому я для успокоенія моей души. Мятется она у меня. Нешто я ограбилъ кого? Вы все это произошли—вотъ и скажите какъ понимать это... Какъ вы то-есть?

И онъ жадно сталъ прислушиваться.

— Какъ судить, искалъ выхода отецъ Никита.—Сказано: „не осуждай, да не осужденъ будеши. Ею-же мѣрою мѣряете, тою и воздастся вамъ“.

— Это все отлично... А только—вы что̀? Промыселъ мой какъ вамъ? Вы, батюшка, по правдѣ...

Отецъ Никита безпомощно оглянулся.

— То-есть видишь, на сіе два взгляда могутъ быть: свѣтскій, такъ-сказать экономическій, и духовный—евангельскій. По свѣтскому—дѣло выгодное, законами Россійской имперіи не возбраняемое... Отъ полиціи притѣсненія нѣтъ вѣдь?

— Я не о томъ. Ахъ, Боже мой! По совѣсти-то, по Евангелію какъ?

— По Евангелію... Ну, братъ, по Евангелію всѣ мы грѣшны, потому и сказано: „могій вмѣстити да вмѣститъ“... Не всякому дано это, а Богъ по нашей слабости прощаетъ. Понялъ?

— Про ростовщиковъ что̀ сказано? Есть-ли, значитъ, указанія?

— Есть... Вообще обо всѣхъ: „Кая польза человѣку аще весь міръ пріобрящетъ, душу-же свою отщетитъ?“ Ну да ты бодрись...

И широко размахивая рукавами рясы, отецъ Никита пошелъ дальше.

„Душу же свою отщетить... Кая польза...“ Именно „кая польза!“ Если даже дома на тебя какъ на звѣря смотрятъ?.. Кая польза... Разумѣется никакой пользы, окромѣ жадности нашей.

— Кровопивцу и живодеру! проходилъ мимо оборванный мастеровой.—Петру Саввичу! Все попрежнему грабите?

— Проходи, проходи! А то по шеѣ.

— Шея-то у насъ своя, не заложенная, смѣялся тотъ. — А вотъ какъ вы помрете, милостивый сдарь Чижовъ, такъ вамъ сейчасъ осиновый колъ въ спину. Сказываютъ, всѣмъ такимъ по закону слѣдоваетъ.

Петръ Саввичъ оглянулся—не слышитъ-ли Пашутка?.. Слава Богу, ея не было. Домой вернулся, Пашутка все такъ-же пытливо смотритъ на него.

— Поди ко мнѣ...

Но она съ застѣнчивою неловкостью попятилась и спряталась за мать.

— Что ты, дура! озабоченно уговаривала та. — Иди къ папкѣ.

— Не хочу...

— Чего не хочешь?

— Боюсь, отвѣчала дѣвочка.

Въ эту ночь до утра Петръ Саввичъ не смыкалъ глазъ. На другой день онъ изумилъ всѣхъ въ своей лавкѣ. Время выдалось какъ нарочно для него самое лучшее—подъ праздникъ. Вся бѣднота то и дѣло шмыгала къ нему съ разными вещами, но къ общему удивленію Чижовъ всѣмъ отвѣчалъ наотрѣзъ: „Несите къ другимъ“.

— Что такъ?

— Больше не принимаю, довольно, будетъ.

— Петръ Саввичъ, что ты... Побойся Бога!

— То-то что, съ вами возжамшись, пересталъ Его бояться. У меня у самого дитё растетъ.

Въ крайнемъ недоумѣніи кліенты его выходили на улицу.

— Что это съ живодеромъ ноньче?

— Насосался, сытъ! рѣшали они.

Вечеромъ онъ пошелъ въ церковь и наткнулся тамъ на старика-мѣщанина Антоныча, котораго всѣ звали душевнымъ человѣкомъ. Антонычъ не разъ выговаривалъ Чижову: „не ладно де поступаешь. Съ голи послѣднее берешь“. Увидѣвъ его въ углу молящимся, Петръ Саввичъ подошелъ къ нему. Почему-то ему захотѣлось теперь поговорить не съ кѣмъ инымъ, какъ съ этимъ всегдашнимъ своимъ порицателемъ.

— Здравствуйте.

Антонычъ воззрился на него подслѣповатыми глазами.

— Ну, что̀? Все сосешь? А ты о Богѣ подумай-ко...

— Я ужь и то подумалъ.

— Неладно такъ-то, неладно... Грѣхъ неимущихъ обижать.

— Будетъ, полно... Я, Антонычъ, прекращаю!—и потомъ, замѣтивъ удивленіе старика, прибавилъ:—торговлю свою прекращаю.

— Совсѣмъ? недовѣрчиво покосился на него Антонычъ.

— Какъ есть, довольно... Для души теперь хочу. Опять же ребенокъ у меня растетъ. Неладно ему дѣла наши видѣть.

— Это ты вотъ какъ хорошо задумалъ! обрадовался старикъ. — Это ты ладно... И я за тебя помолюсь... Только трудно, охъ, трудно тебѣ будетъ! Все къ старому станетъ, къ неправедной наживѣ тянуть.

Петръ Саввичъ усмѣхнулся: „не потянетъ“.

— Ну, дай Богъ!.. А ты вотъ что... ты разомъ... Знаешь: отвалилось — и нѣтъ его, вотъ какъ!..

— Разомъ-то? Залоги у меня. Съ ними тоже возня... Пока выкупятъ. Что же мнѣ свое терять-то?

— Они-то тебя и удержутъ. Они-то тебя на старое и повлекутъ...

— Не повлекутъ... Въ случаѣ чего...

И онъ остановился.

— Что, въ случаѣ чего?

— Въ случаѣ чего, говорю... Я ужь рѣшилъ что̀ мнѣ дѣлать-то. Ужь и то Пашутка бояться меня стала... Извѣстное дѣло: глупа—слышитъ: „живодеръ“ да „живодеръ“... ну, и она за людьми тоже.

— Богъ-то, братикъ, черезъ младенцевъ оказываетъ Себя. Это бываетъ тоже!

Дома, за чаемъ, Петръ Саввичъ долго молчалъ и думалъ. Наконецъ, когда Пашутка улеглась и заснула, онъ обратился къ Марьѣ:

— Ты въ деревнѣ долго жила?

— Самъ знаешь, до семнадцати годовъ.

— Ну, значитъ, забыла. Вспомнить приведется. Слыхала вѣдь — прекращаю.

— Сказывали!

— Неладно мнѣ это... Дѣло такое суровое... Для Пашутки-то неладно. И то ужь бояться меня стала.

— Глупа еще! потупилась Марья.

— Нѣтъ, не глупа. Она сердцемъ чуетъ гдѣ правда-то. Слава Богу, ей не довелось расти какъ я росъ-то. Я ласки не зналъ. Мнѣ не за что было людей-то любить,—анъ Богъ-то Себя черезъ младенца и показалъ. Антонычъ тоже это понимаетъ вотъ какъ! Пущай же ее въ деревнѣ растетъ. Въ деревнѣ-то люди Бога больше помнятъ. И мы землю купимъ, да Пашутку подымать станемъ... Что-жь, въ самомъ дѣлѣ! Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Таперче еще съ залогами... Какъ ни какъ — мѣсяца два подождать надо...

Но Петръ Саввичъ не дождался. Обстоятельства сложились иначе. На другой день ворвался къ нему мастеровой-сапожникъ, жившій по сосѣдству.

— Правда!? оралъ онъ еще издали.

— Что, правда?

— Дѣло-то ты бросаешь? Мнѣ сказывали сейчасъ. Только не по закону это будетъ, вотъ что!

— Бросаю, пора... Нельзя больше.

— Такъ-то такъ... А часы мои?.. Что-жь имъ пропадать, моимъ часамъ-то?

— Принеси деньги и бери.

— Нѣтъ, другъ любезный. Я тебѣ проценты какъ слѣдуетъ принесу... А ужь часики пущай лежатъ. То ты насъ морилъ, а ужь теперь, Петръ Саввичъ, и мы тебя доймемъ.

— Не доймете.

Онъ ушелъ за загородку. Въ шкапъ полѣзъ.

— На тебѣ твои часы!

— Какъ же это такъ будетъ? оторопѣлъ мастеровой.

— Такъ и будетъ... Ступай вонъ теперь — не до тебя мнѣ.

— А деньги? недоумѣвалъ тотъ.

— Коли совѣсть есть — положишь въ кружку у церкви.

Мастеровой выскочилъ какъ угорѣлый. „Взбѣсился совсѣмъ живодеръ: часики отдалъ, да и денегъ не взялъ“. Какъ прослышала объ этомъ бѣднота окрестная — разомъ ринулась въ лавку къ Петру Саввичу Марья даже перепугалась.

— Ограбятъ они тебя, нищимъ оставятъ!

— Не бось, на нашъ вѣкъ, да и на Пашуткинъ съ устаткомъ хватитъ. А вотъ пошли-ко сюда ты Пашутку.

Дѣвочку онъ посадилъ на прилавокъ. Черезъ ея руки онъ и раздавалъ залоги обратно. Въ недѣлю кончилъ свои дѣла, заказывая всѣмъ: „коли совѣсть есть, деньги-то кладите въ кружку“... Потомъ всей семьей сходилъ въ послѣдній разъ въ церковь, отслужилъ молебенъ и, прощаясь съ отцомъ Никитой, заявилъ ему: „Въ свою сторону ѣду... Пора, будетъ. Надо, чтобы Пашутка добро кругомъ видѣла. Пущай на легкомъ воздухѣ растетъ, а не такъ-то... И то ужь образъ и подобіе Божіе потерялъ я здѣсь“.

— Что же, въ деревнѣ торговлю откроете?

— Нѣтъ. Ну ее, торговлю-то. Землей займусь... Въ нашей сторонѣ сады хорошо подымаются. Садомъ, пчелами... Это дѣло Божье. Нѣтъ, отче, пущай ужь и люди про „живодера“ забудутъ... У меня до сихъ поръ сердце болитъ...

И зажила Пашутка на легкомъ воздухѣ, и стала такъ расцвѣтать, что Петру Саввичу только бы на нее радоваться. Крупно росла дѣвочка и словно яблоко-боровинка румянцемъ наливалась, да опять жадный бѣсъ смутилъ Чижова. Стали кругомъ оскудѣвать помѣщики и землю чуть не задаромъ сбывать начали. Думалъ-думалъ Петръ Саввичъ—сначала одно купилъ имѣніе, потомъ другое. А немного прошло времени—въ такую горячку скупки земель ударился, что опять Бога забылъ. Для души-то, оказывается, и въ деревнѣ сдѣлать ничего не могъ. А къ этому времени жена его Марья Петровна умерла—и онъ съ Пашуткой остался одинъ. Къ счастію, сестра его была жива. Въ свое время, благодаря помощи брата, она тоже вышла въ люди, замужемъ за лавочникомъ деревенскимъ оказалась и тоже овдовѣла, невдолгѣ послѣ смерти Маши. Написала брату объ этомъ. Тотъ ее вызвалъ къ себѣ. Женщина она была умная и добрая—но въ брата пошла, ужь очень на наживу лютовала. За то Пашутку она полюбила. Своихъ дѣтей у нея никогда не было— а материнское чувство не угасло. Она приласкала дѣвочку и почувствовала, что ея сердце прирастаетъ къ ней. Та звала ее „тетей“—и „тетя“ до тѣхъ поръ не успокоилась, пока не убѣдила Пашутку кликать себя „мамой“. Пашутка привязалась къ ней и, переболѣвъ смерть матери настоящей—почувствовала, что въ сущности ничто вокругъ не измѣнилось. Впослѣдствіи она такъ привыкла звать „папкину сестру“ мамой, что ей даже странно было, если бы кто сталъ доказывать ей, что это она дѣлаетъ неправильно. А дѣла шли своимъ чередомъ. Чижовъ все заботился о стяжаніи. Кипѣлъ въ вѣчной лихорадкѣ пріобрѣтенія и мучился тѣмъ что „душу свою губитъ“. „Охъ, отщетилъ я ее!“ говорилъ онъ. „Не спастись мнѣ... Грѣхъ вселился въ меня!..“ На счастье привелъ ему Господь подъ кровлю, тогда еще іеромонаха, старца Сластенова. Бесѣдовали они цѣлый вечеръ о душѣ — и страшно Петру Саввичу стало. Видитъ онъ, что гибнетъ она у него, совсѣмъ, что въ болото, въ мірскіе стяжательные помыслы ушла. „Отче, помоги мнѣ!“ и, повалившись въ ноги иноку, разсказалъ онъ ему, какъ вздумалъ въ деревнѣ отъ жаднаго бѣса спасаться, а онъ, подлецъ, и тутъ его настигъ и опомниться не даетъ. Выслушалъ его старецъ, на молитву сталъ и его съ собой поставилъ. Полночи они молились, потомъ всталъ инокъ и облобызалъ его...

— За что это ты меня, пса смердящаго, цѣлуешь?

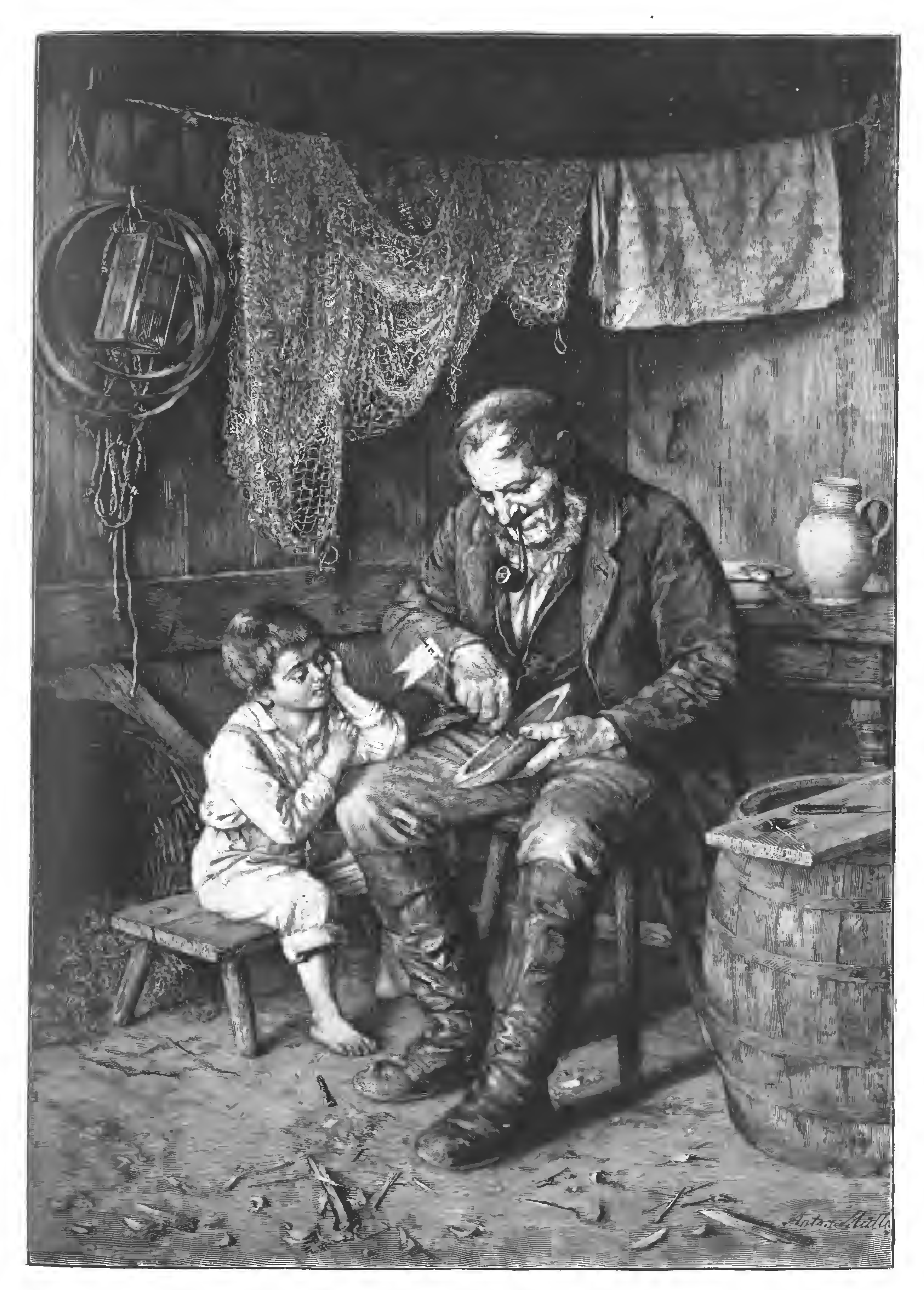
— Потому, братъ ты мой теперь, одна тебѣ дорога— въ монахи. Окромѣ обители тебѣ никуда отъ этой лютой наживы не уйти. Въ мірѣ-то ты все на чужое зариться станешь...

— А Пашутка?

— И безъ тебя выростетъ. Слава Господу, оставишь ты имъ не малые капиталы. Съ такими да не подняться!..

Уѣхалъ инокъ... Началъ думать Чижовъ. Въ монастырь съѣздилъ — понравилась ему обитель. Покой, тишина, житіе безмятежное, ласковое. Вернулся опять въ кипень житейскую, а жадный бѣсъ уже сторожитъ его: то въ одно ухо шепнетъ: „у господъ Андросовыхъ лѣсъ продается“, то въ другое броситъ: „генеральша Перегрызова въ Парижъ собралась, во всѣ заграницы, деньги ей вотъ какъ надобны, а заливные луга у нея, ахъ, хороши“... А тутъ болѣзнь пришла — смертнымъ часомъ его Господь напугалъ. И какъ всталъ Петръ Саввичъ, отвезъ семью въ городъ, домъ ей купилъ, на Пашутку всѣ свои капиталы положилъ.. Опекуншей къ ней сестру свою Анну Саввишну поставилъ... „Поди, въ Россіи такихъ невѣстъ мало будетъ“, смѣялся онъ напослѣдокъ. А самъ—въ обитель и принялъ постриженіе... Первое время его здѣсь казначеемъ выбрали, да онъ вскорѣ отказался. Очень ужь опять бѣсъ наживной одолѣлъ его.

(Продолженіе будетъ).



Досуги стараго рыбака. Съ карт. А. Мюллера.

Старинный вальсъ.

(Изъ разсказовъ стараго маіора).

На дворѣ стояла хмурая осень.

На пустынныхъ улицахъ слабо мерцали фонари, дрожащимъ свѣтомъ отражаясь въ мелкихъ лужицахъ, по всѣмъ направленіямъ перерѣзывавшихъ непригдядную уѣздную мостовую. Сверху, какъ изъ сита сѣялъ мелкій осенній дождь, подъ ногами была липкая грязь; докучливый вѣтеръ съ порывистымъ свистомъ проносился по узкимъ улицамъ, и съ глухимъ стономъ разбивался о крыши и трубы домовъ.

Было холодно, глухо, непривѣтно... и будто въ контрастъ этой мрачной картинѣ, уютный домикъ Т...скаго исправника, на краю города, ярко блестѣлъ издали, выглядывая на темную улицу, изъ-за обнаженныхъ деревьевъ палисадника, цѣлымъ фасадомъ своихъ освѣщенныхъ оконъ.

Тамъ, въ залѣ, собралась молодежь и весело щебетала, тѣснясь передъ пылающимъ каминомъ.

Изъ сосѣдней съ залой гостиной доносились оживленные споры игроковъ, засѣвшихъ за скромный винтъ; въ столовой привѣтно кипѣлъ самоваръ, и слышался звонъ чайной посуды; изъ маленькой стеклянной галереи, сплошь уставленной зеленью и въ шутку прозванной владѣльцемъ ея „зимнимъ садомъ“, доносились звуки рояля... Кто-то бойко и умѣло игралъ старинный и всѣмъ хорошо извѣстный „Juristen-Walzer“.

— Вотъ бы потанцовать хорошо!.. вскакивая съ мѣста и начиная кружиться по залѣ, воскликнула меньшая изъ дочерей исправника, Надя, миніатюрная блондинка, вся кругленькая, розовенькая, прозрачная, какъ саксонская фарфоровая куколка.

— Вотъ вздоръ!.. Чтò за танцы?!. нетерпѣливо пожала плечами старшая сестра ея, Катерина Сергѣевна, красивая но серьезная дѣвушка, казавшаяся почти матерью своей меньшей сестры, которая, дѣйствительно, была моложе ея лѣтъ на десять.

— И въ самомъ дѣлѣ, Надя, какъ это тебѣ не скучно все вертѣться? вмѣшалась въ разговоръ бойкая и красивая брюнетка, съ нѣсколько рѣзкими манерами, дочь мѣстнаго соборнаго протоіерея, незадолго передъ тѣмъ окончившая курсъ „въ губерніи“, въ мѣстной женской гимназіи.

— Такъ чтò же дѣлать-то?.. Вѣдь скучно! проговорила Надя какъ бы въ оправданіе себя, останавливаясь посреди залы, и настолько же граціознымъ, насколько безцеремоннымъ жестомъ закидывая за голову пухленькія ручки.

При видѣ этого жеста, старшая сестра серьезно покачала головой и укоризненно проговорила: „Надя!“

Это новое неодобреніе окончательно вывело изъ себя маленькую шалунью.

— Опять не такъ?.. Господи!.. Да оставите-ли вы меня всѣ въ покоѣ? топнувъ ножкой, крикнула она, и завидѣвъ въ дверяхъ бодраго, но совершенно сѣдаго старика, въ маіорскомъ мундирѣ и съ Георгіемъ въ петлицѣ, бросилась къ нему навстрѣчу.

— Петръ Семеновичъ, защитите! крикнула она.—Всѣ на меня напали! И сестра Катя, и эта противная Грушенька, и всѣ, всѣ!..

— За что-же это онѣ? съ улыбкой освѣдомился старикъ, проводя морщинистою рукой по бѣлокурой головкѣ молодой дѣвушки.

— Да за чтò? Онѣ и сами не знаютъ за чтò!.. за то, что мнѣ танцовать захотѣлось!..

— Ну, это еще бѣда не велика, улыбнулся старикъ.—Тутъ еще не за что бранить мою козочку!..

— Вотъ видишь, злая Катька! поддразнила шалунья, высовывая изъ-за плеча стараго маіора свою смѣющуюся кудряную головку, и составляя такимъ образомъ граціозный контрастъ его красивымъ, какъ снѣгъ бѣлымъ сѣдинамъ. — Вотъ видишь!.. Я была права, а ты нѣтъ!.. За чтò ты бранилась?..

— Я и не думала браниться! съ улыбкой снисхожденія, возразила Катерина Сергѣевна.—Я сказала только, что въ такую бурю и непогоду какъ-то странно пускаться въ плясъ.

— Да вѣдь музыка-то, музыка какая! сложивъ руки и покачивая своей задорной головкой, въ тактъ все громче и громче раздававшемуся вальсу, проговорила Надя.—Вѣдь подъ этотъ вальсъ умереть можно!.. И догадался же противный Шмидка, на грѣхъ мнѣ, заиграть такой убійственный вальсъ!..

Въ эту минуту, какъ бы въ отвѣтъ на восторженный возгласъ молодой дѣвушки, дверь стеклянной галереи растворилась—и аккорды вальса, словно вырвавшись на волю, полились могучіе, страстные, безумные...

Невидимый музыкантъ игралъ съ любовью и знаніемъ своего дѣла. Подъ его умѣлыми пальцами, скромный вальсъ выросталъ въ цѣлую поэму...

Молодежь притихла, и вся обратилась въ слухъ.

Поникнулъ головою и старый маіоръ, но на его лицѣ, при этомъ, отразился не одинъ только восторгъ, вызванный прекрасною музыкой; на немъ глубокими, горькими чертами легла тяжелая грусть, мучительная, безъисходная тоска...

— Петръ Семеновичъ, васъ разстраиваетъ эта музыка... Я попрошу M-r Шмидта сыграть что-нибудь другое, обратилась къ маіору Катерина Сергѣевна, вставая съ мѣста. — Я давно замѣтила, что вы этого вальса не любите...

— Нѣтъ, оставьте Катюша!.. Оставьте!.. Пусть играетъ! движеніемъ руки остановилъ ее старикъ Волховской, старый товарищъ и другъ исправника Хмѣлина, на рукахъ носившій обѣихъ дѣвочекъ со дня ихъ рожденія и усвоившій себѣ право относиться къ нимъ какъ къ своимъ роднымъ дѣтямъ.— Оставьте его!.. онъ такъ славно играетъ!.. Притомъ же онъ старъ какъ я, и ему тоже, быть-можетъ, этотъ старинный вальсъ напоминаетъ его прошлую, безвозвратно миновавшую молодость!..

— Да... но ежели вы не любите этого вальса...

— Напротивъ... Кто вамъ сказалъ!.. Я скорѣе слишкомъ сильно, слишкомъ горячо люблю его!.. Онъ будитъ въ душѣ моей такія горькія, такія страшныя воспоминанія!..

Катерина Сергѣевна молча сѣла, остановивъ на симпатичномъ лицѣ старика взглядъ полный дружбы и участія.

Шаловливая Надя была не такъ скромна.

Она подбѣжала къ старому маіору и, пользуясь своими правами любимицы и балованнаго ребенка, схватилась обѣими ручками за его плечи.

— Какія воспоминанія?.. какія?.. разскажите!.. Голубчикъ, миленькій... разскажите! приставала она. — Вы такъ хорошо разсказываете!..

— Въ самомъ дѣлѣ! робко присоединила свой голосъ благоразумная Катерина Сергѣевна.—Въ самомъ дѣлѣ, Петръ Семеновичъ... Ежели разсказъ этотъ не пробудитъ въ душѣ вашей слишкомъ горькихъ воспоминаній... ежели это не будетъ вамъ слишкомъ трудно, скажите намъ, отчего звуки именно этого вальса... Juristen-Walzer, навѣваютъ на васъ такую грусть?..

— Да!.. Да!.. Разскажите!.. Голубчикъ... Миленькій, разскажите! раздалось со всѣхъ сторонъ, и вся молодежь, шумной и пестрой толпой окруживъ стараго маіора, почти насильно тащила его къ большимъ кресламъ, уютно придвинутымъ къ рѣзной рѣшеткѣ камина.

Въ эту минуту музыка замолкла, и старый музыкантъ Шмидтъ, сѣдой и чопорный нѣмецъ, показался на порогѣ залы.

— Вы, главная причина всего зла!.. Пожалуйте сюда!.. выбѣгая къ нему навстрѣчу и таща его за руку, суетилась Надя, деспотически властвовавшая надъ чопорнымъ нѣмцемъ, какъ умѣла она властвовать надо всѣмъ въ домѣ. — Мнѣ за васъ досталось!.. Вы тамъ такой задорный вальсъ играли, что я не вытерпѣла... танцовать пустилась... а Катя на меня за это напустилась... А теперь вашъ же противный вальсъ Петра Семеновича разстроилъ... горе ему какое-то старое напомнилъ... И мы всѣ хотимъ знать какое именно... А онъ не говоритъ... А на дворѣ дождь идетъ... И больше дѣлать нечего какъ слушать!.. Мы всѣ его просимъ... А онъ, противный, не слушается!.. Ступайте же теперь, просите вы, потому что вы всему злу корень!.. Поняли?.. Да?.. Ну!.. Маршъ!.. Идите и просите!..

Она говорила торопливо, захлебываясь и сильно жестикулируя, точно бойкостью и широкимъ размахомъ жестовъ стараясь пополнить смыслъ и силу своей не достаточно связной рѣчи.

Старый нѣмецъ стоялъ передъ нею сконфуженный и озадаченный этимъ бурнымъ потокомъ безсвязныхъ просьбъ, рѣчей и приказаній.

Онъ видимо недоумѣвалъ, кого и о чемъ слѣдуетъ просить.

— Оставь ты Эрнста Карловича въ покоѣ, егоза! улыбнулся маіоръ, обращаясь къ своей любимицѣ. — Не слушайте ее, Эрнстъ Карловичъ! Не обращайте вниманія на ея болтовню!.. Я и самъ не прочь подѣлиться съ молодежью моими воспоминаніями... Намъ, старикамъ, вѣдь только это и осталось...

— Ну такъ и разсказывайте! нетерпѣливо перебила Надя, топая миніатюрною ножкой, обутою въ щегольскую, столичную туфельку.

Старикъ Хмѣлинъ ничего не жалѣлъ для дѣтей, и рядилъ дочерей своихъ, какъ куколокъ.

— Разсказать-то, почему не разсказать! въ раздумьѣ проговорилъ старый маіоръ, плотно усаживаясь въ большое кресло, вокругъ котораго тѣсно сомкнулось все бывшее въ залѣ общество, не исключая и старика Шмидта, примкнувшаго къ молодежи.—Разсказать можно... да только боюсь я старыя раны разбередить!.. Давно все это прошло... быльемъ давно поросло, а вспоминаю я обо всемъ этомъ... такъ... громко... на людяхъ... еще впервые... Ну, да и то сказать!.. Не въ укоръ вспомяну, не съ хулой и осужденіемъ... а съ неуснувшей любовью и глубокимъ почетомъ... Съ той же любовью и тѣмъ же почетомъ, надѣюсь, и выслушаютъ меня мои молодые друзья! съ легкимъ поклономъ прибавилъ онъ, яснымъ, старческимъ взглядомъ окидывая сгруппировавшуюся вокругъ него молодежь.

— Я начну разсказъ свой издалека,— такъ началъ маіоръ,

затягиваясь папиросой и нервнымъ жестомъ откидывая съ своего блѣднаго, морщинистаго лба набѣжавшую на него прядь волосъ,—я коснусь своего далекаго, почти забытаго уже мною самимъ дѣтства.

Отецъ мой, небогатый помѣщикъ Р...й губерніи, рано вышелъ въ отставку и, схоронивъ мою мать въ очень еще молодыхъ лѣтахъ, болѣе уже не женился, весь отдавшись моему воспитанію и заботамъ своимъ по управленію имѣніемъ.

Я остался послѣ матери пятилѣтнимъ ребенкомъ, и смутно только, словно во снѣ, вспоминаю какъ нагибалась она поздно вечеромъ надъ моею дѣтской кроваткой и крѣпко цѣловала меня блѣдными губами; какъ насмурнымъ осеннимъ утромъ меня, полу-соннаго, на рукахъ принесли въ нашу большую деревенскую залу, и какъ я, поднятый на руки няней, щекою прикоснулся къ тѣмъ же блѣднымъ, совершенно холоднымъ губамъ лежавшей въ гробу матери.

Впослѣдствіи отецъ, сохранившій объ ней самое искреннее, самое горячее воспоминаніе, много говорилъ мнѣ о моей матери, но эти разговоры относятся къ той эпохѣ моего отрочества, когда отецъ, нѣсколько холодный отъ природы, считалъ меня уже достойнымъ серьезной его бесѣды.

Въ дѣтствѣ же онъ разговаривалъ со мной мало, ограничивая заботы свои обо мнѣ тѣмъ, что исполнялъ всѣ разумныя требованія няни моей относительно тратъ на мой скромный дѣтскій туалетъ, и два раза въ годъ, съ какихъ-то ближайшихъ ярмарокъ, привозилъ транспортъ дешевыхъ игрушекъ, которыя тщательно складывались въ кладовую, а ключъ отъ нея хранился у няни.

Игрушки эти выдавались мнѣ постепенно, по мѣрѣ того какъ одинъ комплектъ ихъ ломался и исчезалъ безслѣдно, и лишь изрѣдка не въ очередь, въ видѣ поощренія за успѣхи въ наукахъ или утѣшенія въ болѣзни.

Я росъ одинъ. Сверстниковъ изъ сосѣднихъ „барчатъ“ у меня не было, а съ дѣтьми крестьянъ и дворовыхъ няня мнѣ играть не позволяла, и потому вполнѣ памятна та радость, съ какою я узналъ однажды отъ няни, что въ сосѣднее съ нами богатое село Спасское пріѣхалъ на лѣто помѣщикъ, князь Курагинъ, тоже вдовецъ, съ двоими дѣтьми, сыномъ и дочерью.

Князь былъ стариннымъ знакомымъ, чуть-ли не школьнымъ товарищемъ отца и очень любилъ его, и отецъ, всегда неподатливый на знакомства, въ особенности же съ людьми выше его поставленными, тѣмъ не менѣе первый поѣхалъ къ князю, а въ слѣдующее затѣмъ воскресеніе повезъ съ собою и меня.

Помню страшныя хлопоты и тревогу няни и моего студента-учителя (у меня тогда уже былъ учитель) по поводу этого визита.

Няня съ вечера начала мыть и чистить и меня и мое платье, приглаживать мнѣ волосы и расправлять мои воротнички, такъ усердно накрахмаленные нашею доморощенною прачкой, что у меня на шеѣ отъ нихъ красные рубцы образовались; а студентъ неизвѣстно зачѣмъ принялся съ вечера экзаменовать меня изо-всѣхъ вкратцѣ пройденныхъ мною предметовъ, особенно усердно налегая при этомъ на таблицу умноженія.

Меня готовили какъ рекрута къ инспекторскому смотру.

По мѣрѣ приближенія минуты нашего отъѣзда въ Спасское, я и самъ начиналъ слегка трусить, и только внушительныя слова отца: „Чего дрожишь-то? Вѣдь не пороть тебя везу, а въ гости!“ отчасти успокоили меня.

„И въ самомъ дѣлѣ“, подумалъ я, „вѣдь тамъ, въ Спасскомъ, такія же дѣти, какъ я!.. Чего же мнѣ ихъ бояться?..“ и смѣло и развязно вошелъ за отцомъ въ богатую гостиную князя.

Роскошь обстановки не могла меня озадачить. Въ отсутствіе князя, управляющій его, очень привѣтливый и радушный нѣмецъ, не разъ приглашалъ насъ къ себѣ и показывалъ мнѣ съ няней весь княжескій домъ. Теперь меня поразили только та жизнь и тотъ свѣтъ, которые пріѣздъ князя внесъ въ этотъ молчаливый, слегка даже мрачный домъ.

Князь встрѣтилъ насъ очень радушно и тотчасъ отвелъ меня на балконъ, къ своимъ дѣтямъ, которыя играли тамъ, подъ надзоромъ своихъ воспитателей.

Подлѣ маленькаго князя, рисовавшаго что-то, когда мы вошли на балконъ, сидѣлъ чопорный, точно изъ воску отлитый англичанинъ; за стуломъ маленькой княжны, разбиравшей груду цвѣтовъ, лежавшихъ у нея на колѣняхъ—стояла красивая и нарядная бонна-француженка.

Сами дѣти были хороши какъ амуры, привѣтливы и гостепріимны какъ ихъ отецъ.

Особенно поразила меня маленькая княжна, которая была тремя или четырьмя годами моложе своего брата, почти моего ровесника.

Это была очень миніатюрная и очень худенькая дѣвочка, съ большими темно-синими глазами на смугломъ, точно изъ свѣтло-желтаго мрамора выточенномъ личикѣ. Волосы ея, черные какъ смоль, густыми локонами падали ей на плечи и спускались до самаго пояса; голенькія и совершенно смуглыя ручки были правильно сформированы какъ у взрослой, а крошечныя ножки, обутыя въ шелковые чулочки и вычурные атласные башмачки, казалось такъ и созданы были только для того, чтобы ступать по гладкому паркету, никогда не прикасаясь ни земли, ни даже простаго, неровнаго пола.

Я такихъ дѣтей видалъ только на картинкахъ, да и то въ особенно дорогихъ книгахъ, которыя мнѣ отецъ давалъ смотрѣть только по очень большимъ праздникамъ, и понятно то отчасти смѣшное, наивно-благоговѣйное чувство удивленія, которое охватило мою дѣтскую душу при первомъ взглядѣ на эту плѣнительную, кружевную куколку.

Отецъ, шутливо извинившись передъ княземъ за мою неловкость, подвелъ меня къ дѣтямъ, при чемъ, въ видѣ поощренія, хлопнулъ меня по плечу и назвалъ „вахлакомъ“.

Этотъ эпитетъ, служившій мнѣ дома лаской и поощреніемъ, на этотъ разъ окончательно сконфузилъ меня.

Я стоялъ глупо потупившись и чувствовалъ, какъ слезы подступали мнѣ къ горлу.

Но это продолжалось не долго. Маленькій князь, котораго отецъ назвалъ непонятнымъ мнѣ именемъ Димы, и котораго гувернеръ громко и строго наставилъ на путь гостепріимства возгласомъ: „Voyons, voyons, Monsieur Dimitry!..“ оказался очень милымъ и добрымъ мальчикомъ, и мы такъ быстро сдружились, что часъ спустя я уже бѣгалъ и шумѣлъ на весь садъ такъ же свободно, какъ у себя дома.

Не разстроила этого смѣлаго и веселаго настроенія даже и наивная выходка маленькой Нелли, которая, освѣдомившись черезъ свою бонну о томъ, какъ зовутъ моего отца и желая почетно и церемонно величать меня по имени и отчеству, пресерьезно обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:

— Хотите бѣгать, Вахлакъ Семенычъ?..

Кружевная дѣвочка, воспитанная въ раздушенныхъ гостиныхъ своихъ княжескихъ отелей, не имѣла понятія о нашихъ деревенскихъ шуткахъ и привѣтствіяхъ и наивно приняла слово „вахлакъ“ за мое собственное имя.

Чопорную бонну эта ошибка привела въ несказанный конфузъ; что-же касается князя, то онъ, вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, много смѣялся этому, а въ нашемъ дѣтскомъ мірѣ титулъ „вахлака“ такъ и остался за мною; и въ позднѣйшіе годы, уже будучи замужемъ, Нелли никогда иначе не начинала своихъ писемъ ко мнѣ, какъ: „Мой милый, дорогой вахлакъ!“

Маленькій князекъ оказался прекраснымъ, добрѣйшимъ мальчикомъ, и мы, съ первой минуты знакомства, стали друзьями.

Отецъ часто и охотно отпускалъ меня въ Спасское, а когда князь, задержанный въ имѣніи устройствомъ дѣлъ по опекѣ, порѣшилъ провести всю осень и часть зимы въ Спасскомъ, и съ этой цѣлью выписалъ для Димы, кромѣ его англичанина еще двухъ русскихъ учителей,—я и вовсе перебрался въ гостепріимный княжескій домъ, и сдѣлался настоящимъ членомъ этого, дорогаго мнѣ семейства.

Князь предложилъ отцу чтобы я готовился вмѣстѣ съ Димой, и отецъ съ радостью принялъ это предложеніе.

Эти мѣсяцы, проведенные въ домѣ Курагиныхъ, остались лучшимъ воспоминаніемъ всей моей жизни.

Мы съ Димой много занимались, много учились, и все свободное отъ занятій время проводили въ громадной, роскошно обставленной дѣтской, съ маленькою Нелли, которая, съ наступленіемъ холодныхъ, осеннихъ дней, все недомогала, и здоровье которой причиняло князю серьезное безпокойство.

Маленькая Нелли, по словамъ старой няни, выходившей покойную княгиню, была изумительно похожа на мать, и князь, сохранившій страстное воспоминаніе о женѣ, нѣжно и горячо любилъ свою дѣвочку.

Да нельзя было и не любить этого прелестнаго ребенка.

Вся нѣжная, хрупкая, граціозная, она и душою, и сердцемъ была такъ же нѣжна, какъ физическою своей природой.

Она всѣхъ окружающихъ любила, обо всѣхъ жалѣла, надъ каждымъ чужимъ горемъ плакала, и не было ни въ дворнѣ, ни на деревнѣ ребенка, хоть разъ попавшагося на глаза маленькой княжнѣ, который не явился-бы обладателемъ и теплаго платьица, и теплыхъ чулочекъ, и одной изъ безчисленныхъ куколъ и игрушекъ щедрой малютки.

Около Рождества Нелли серьезно занемогла, и по поводу этой болѣзни, учебныя занятія мои были на время прерваны, такъ какъ маленькая больная не могла обходиться безъ своего „вахлака“ и требовала моего безотлучнаго присутствія.

Отецъ мой, искренно привязавшійся къ семейству князя, охотно подчинился этому капризу маленькой больной, за что Курагинъ былъ ему невыразимо благодаренъ.

Болѣзнь дѣвочки продлилась около мѣсяца, и это время установило и скрѣпило между нами ту дружбу, которая связала насъ на всю остальную нашу жизнь.

Когда здоровье маленькой Нелли поправилось, уроки мои возобновились по старому, а въ началѣ Великаго Поста князь съ дѣтьми уѣхалъ въ Петербургъ, чтобы, опредѣливъ Диму въ Пажескій корпусъ, проѣхать съ Нелли въ Италію, куда упорно посылали ее доктора.

Прощанье наше было горькое, полное слезъ, взаимныхъ обѣщаній не забывать другъ друга и обоюдныхъ надеждъ на скорое, радостное свиданіе.

Князь Василій Шуйскій на Лобномъ мѣстѣ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**“) **А. Земцова**, грав. Рашевскій.

Рачникъ-любитель. Ориг. рис. (собств. „Нивы") А. Котляревскаго, грав. Шюблеръ.

Надеждамъ этимъ не суждено было сбыться.

Князь пробылъ съ дочерью за границей около года, и затѣмъ спѣшно вызванный въ Петербургъ извѣстіемъ о смерти тещи, оставившей громадное наслѣдство его дѣтямъ, долженъ былъ провести около двухъ лѣтъ на югѣ Россіи, послѣ чего вновь уѣхалъ за границу.

Я тѣмъ временемъ успѣлъ подготовиться въ Московскій кадетскій корпусъ, гдѣ и кончилъ уже курсъ, когда, шесть лѣтъ спустя послѣ момента, съ котораго начался мой разсказъ, мнѣ вновь пришлось встрѣтиться съ моими маленькими друзьями. **А. С.**

(Продолженіе будетъ).

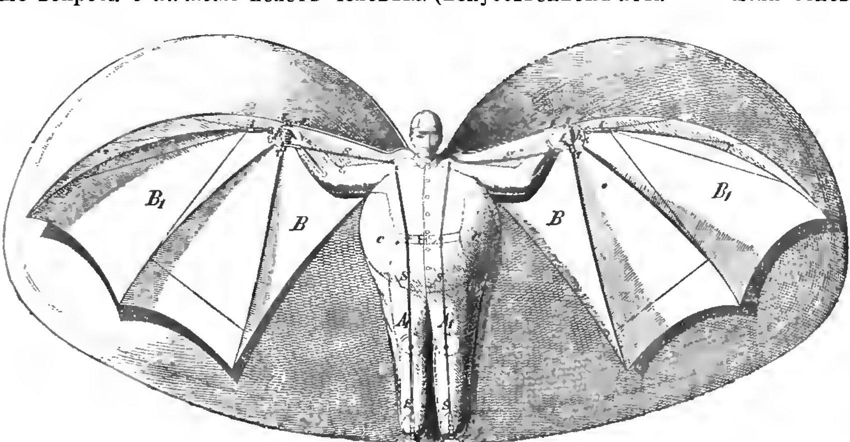
Къ вопросу о воздухоплаваніи и искусственномъ летаніи.

Эрнста фонъ-Вехмара.

Въ виду громаднаго интереса, возбуждаемаго вопросомъ о воздухоплаваніи, не лишнимъ будетъ указать здѣсь на тѣ, хотя и скромные, результаты, которые были достигнуты за послѣднее время въ этой области.

Принимая въ соображеніе чрезвычайныя трудности, встрѣчающіяся на этомъ пути, невольно рождается вопросъ, въ состояніи-ли будетъ когда-либо изобрѣтательность человѣка подчинить себѣ воздушную стихію въ такой мѣрѣ, какъ подчинила водную.

Произвольное управленіе аэростатами нынѣ представляется вполнѣ возможнымъ въ будущемъ, тогда какъ разрѣшеніе вопроса о *личномъ* полетѣ человѣка (искусственномъ летаніи) большинство считаетъ едва-ли вѣроятнымъ. Чтобы составить себѣ болѣе полное понятіе объ этомъ вопросѣ, попробуемъ уяснить себѣ настоящее состояніе воздухоплаванія и то значеніе, которое ему придается въ наше время.



Фиг. 1. Летательный аппаратъ спереди.

Во Франціи были учреждены въ 1886 году особые военно-воздухоплавательные парки, состоящіе въ вѣдѣніи генеральнаго штаба. Также учреждены военно-воздухоплавательныя школы, для образованія спеціальнаго персонала.

Въ Германіи также еще въ 1884 году была сознана важность воздухоплаванія и тогда же открыто особое „отдѣленіе аэростатовъ“, переименованное впослѣдствіи въ „отдѣленіе воздухоплавателей“.

Въ настоящее время многіе выдающіеся ученые, какъ напримѣръ Гельмгольцъ, Лессль и др., обратили вниманіе на эту отрасль, а потому можно надѣяться и на достиженіе болѣе благопріятныхъ практическихъ результатовъ.

Изъ другихъ государствъ Англія и Сѣверная Америка уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ положили начало дѣятельности воздухоплавательныхъ учрежденій; въ Италіи и Россіи также обращено на это должное вниманіе.

Развитіе и усовершенствованіе техники воздухоплаванія есть вопросъ времени. Пока состояніе техники еще не достигло того момента, который предшествовалъ въ мореплаваніи открытію паровыхъ машинъ, и трудно сказать съ увѣренностью, сколько времени потребуется, чтобы примѣнить на практикѣ теоретическіе выводы науки въ области аэронавтики. Можно ожидать, во всякомъ случаѣ, что при высокомъ современномъ состояніи техники достаточно будетъ нѣсколькихъ десятилѣтій для такихъ усовершенствованій, на которыя потребовались въ дѣлѣ мореплаванія цѣлыя тысячелѣтія.

Въ настоящее время искусство воздухоплаванія не можетъ еще служить для всеобщаго пользованія, а примѣняется лишь къ спеціально военнымъ цѣлямъ, но такъ какъ основные принципы его уже установлены, то можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ оно пріобрѣтетъ права гражданства.

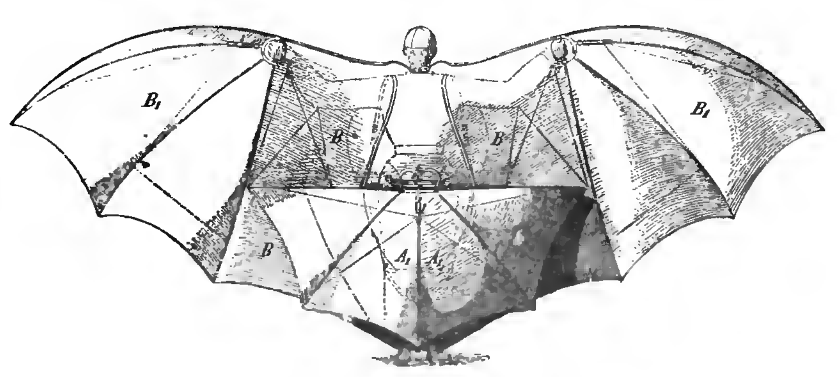
А дѣло личнаго летанія? Въ какомъ положеніи находится оно въ настоящее время? „Что за вопросъ!“ воскликнетъ большинство читателей. „Каждому школьнику извѣстно, что человѣкъ слишкомъ слабъ и слишкомъ тяжеловѣсенъ, чтобы имѣть возможность летать, даже еслибъ у него мгновенно выросли крылья“.

Мы позволимъ себѣ возражать на это. Именно, потому что всякій съ дѣтства привыкъ считать подобную мысль неосуществимою, никому не приходитъ въ голову серьезно заняться этимъ вопросомъ и составить себѣ о немъ свободное, не предвзятое мнѣніе. Основателенъ-ли однако подобный скептицизмъ? Можно-ли считать несомнѣнно доказанною истиной, что человѣкъ слишкомъ тяжелъ и слабъ, чтобы имѣть возможность передвигать вѣсъ своего тѣла въ воздухѣ при помощи механизма, устроеннаго вполнѣ раціонально.

Если основываться только на томъ, что „многими“ уже дѣлались подобные опыты и всегда безуспѣшно, то можно возразить, что опыты эти не имѣли ни научнаго, ни практическаго значенія. Устройство правильно функціонирующаго механизма настолько трудно, что одному лицу не подъ силу довести его до необходимой степени совершенства. Не говоря уже о низкой степени развитія, на которой находилась тогда техника, опыты производились безъ всякой системы, безъ необходимыхъ мѣръ предосторожности, необдуманно и безумно смѣло. Лишенные всякой посторонней поддержки, изобрѣтатели большею частію теряли на этихъ опытахъ все свое состояніе и, получивъ въ награду однѣ насмѣшки и издѣвательства, принуждены бывали отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ по строенію своему тяжелѣе птицы. Но, съ другой стороны, относительно подъемной силы, онъ поставленъ въ условія не менѣе благопріятныя, чѣмъ птица, которая также не могла бы летать безъ помощи особаго, естественнаго, механизма для воздухоплаванія; однимъ же прыжкомъ (безъ помощи крыльевъ) птица отдѣляется отъ земли не многимъ болѣе, чѣмъ человѣкъ. Кромѣ того, наши нижнія оконечности, не смотря на свою относительную тяжесть, обладаютъ значительною двигательною и отталкивательною силою, которая вполнѣ уравновѣситъ эту тяжесть, если только будетъ правильно употреблена при конструкціи летательнаго снаряда.

Механизмъ для передвиженія у человѣка настолько совершененъ, что при ходьбѣ, плаваніи и т. п., мы почти не замѣчаемъ напряженія и усталости; сознаніе напряженія наступаетъ у здороваго, сильнаго человѣка только послѣ нѣсколькихъ миль ходьбы, а потому нѣтъ никакого основанія предполагать, что при полетѣ, съ помощью раціонально устроеннаго механизма, усталость замѣчалась бы черезчуръ скоро.

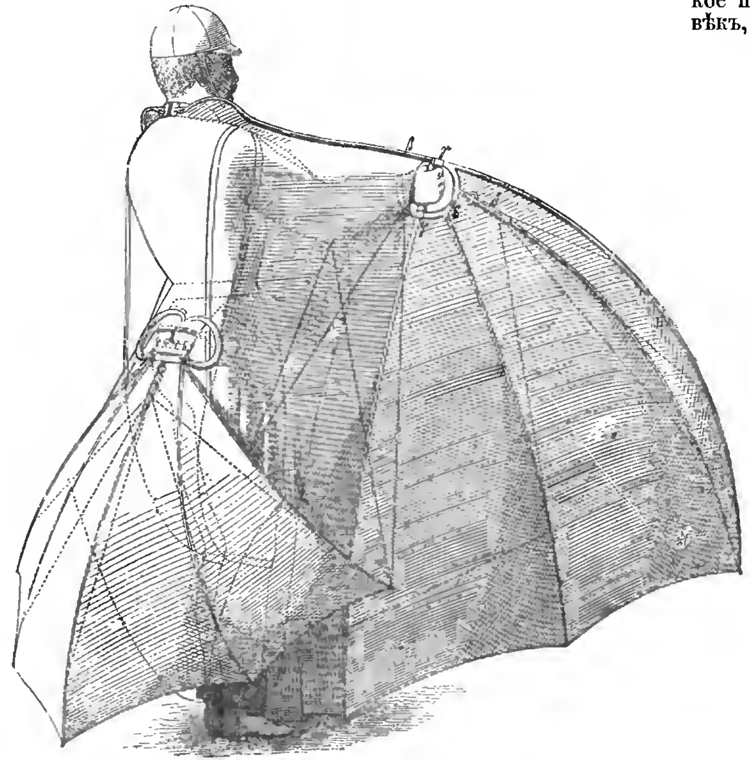


Фиг. 2. Летательный аппаратъ сзади.

Можетъ-быть потому именно, что мы съ такою легкостью, совершенно безсознательно, носимъ вѣсъ нашего тѣла стоя, ходя или плавая, и появилось столь распространенное заблужденіе, что вѣсъ этотъ долженъ быть принимаемъ въ соображеніе лишь при летаніи.

Такъ напримѣръ, стоя, чему мы обязаны тѣмъ, что держимся прямо и не падаемъ—ногамъ-ли и землѣ, на которой стоимъ, или чему-либо другому? Очевидно не однѣмъ ногамъ, а дѣйствующей въ насъ жизненной силѣ. Если сила эта ослабѣваетъ, ноги не въ состояніи больше поддерживать насъ, мы

должны прислониться или лечь, такъ какъ тяжесть нашего тѣла подчиняется закону тяготѣнія. Какъ много надо времени, пока ребенокъ научится ходить, т. е. научится перемѣщать



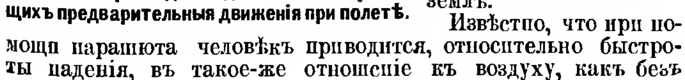
Фиг 3. Летательный аппаратъ сбоку.

центръ тяжести своего тѣла! То же самое относится ко всякому другому движенію: къ плаванію, ѣздѣ верхомъ, гимнастикѣ, танцамъ, катанью на конькахъ, на велосипедахъ и т. д., и можетъ точно такъ же относиться къ летанію, при которомъ, въ пособіе жизненной силѣ, является еще соотвѣтствующій механизмъ.

Птица поддерживается въ равновѣсіи и движется въ воздухѣ лишь благодаря цѣлесообразному устройству своихъ, дѣйствующихъ на подобіе парашюта, крыльевъ, благодаря которымъ она преодолѣваетъ дѣйствующую на нее силу тяготѣнія; точно такъ-же какъ мы преодолѣваемъ ее при ходьбѣ, плаваніи и т. д. Другими словами, птица находится въ томъ отношеніи къ воздуху, какъ рыба къ водѣ, а четвероногія или двуногія животныя къ землѣ.

Фиг. 5. Аппаратъ для подвѣшиванія изучающихъ предварительныя движенія при полетѣ.

Извѣстно, что при по-



мощи парашюта человѣкъ приводится, относительно быстроты паденія, въ такое-же отношеніе къ воздуху, какъ безъ парашютомъ, что равняется быстротѣ паденія при погруженіи прыгающаго въ воду человѣка. Опыты эти производились до сихъ поръ только при вертикальномъ положеніи тѣла, а не при горизонтальномъ, т. е. подобномъ тому, какое принимаетъ тѣло летящей птицы. Но такъ какъ человѣкъ, при горизонтальномъ положеніи тѣла, представляетъ въ

Фиг. 4. Сложенный аппаратъ.

пять или шесть разъ большую поверхность для сопротивленія воздуху, то и размѣры парашюта могутъ быть уменьшены въ той-же степени и быть доведены до относительной величины крыльевъ птицы.

Почему-же, при правильныхъ движеніяхъ, которыя должны конечно изучаться систематически, какъ и движенія при плаваніи, человѣкъ не могъ-бы двигаться въ воздухѣ точно такъ-же какъ птицы, тѣмъ болѣе, что активная сила его организма легко и свободно преодолѣваетъ пассивную?

Конечно, однѣхъ рукъ для этого было-бы недостаточно; но вѣдь не руки составляютъ наши главные двигательные органы, а ноги. Значительная отталкивающая сила послѣднихъ могла-бы, при правильномъ устройствѣ механизма, способствовать передвиженію, точно такъ-же какъ при плаваніи.

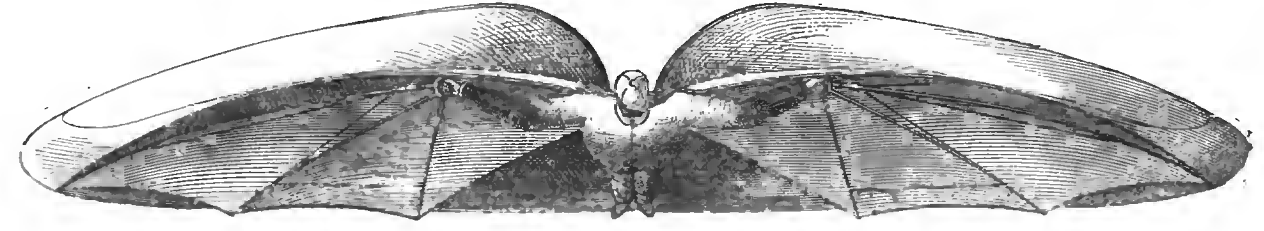
Имѣя въ виду, что опыты искусственнаго летанія, помимо ихъ практическаго значенія, имѣютъ и научный интересъ, мы не остановились передъ нелегкою задачей изготовить снарядъ для личнаго полета человѣка.

Фиг. 6. Аппаратъ для прикрѣпленія начинающихъ.

Что касается до конструкціи, то мы имѣли троякую цѣль:

1) Изобрѣсти снарядъ, замѣняющій собою отсутствующіе у насъ летательные органы.

2) Уменьшить удѣльный вѣсъ человѣка и



Фиг. 7. Летящій человѣкъ спереди.

парашюта — къ водѣ. Опыты, производившіеся съ большой высоты, какъ напр. при опусканіи воздушнаго шара, доказываютъ, что быстрота паденія настолько уменьшается па-

3) Дать необходимыя средства, чтобы сдѣлать предварительныя изученія движеній при летаніи вполнѣ безопасными и могущими быть систематически изучаемыми.

Относительно перваго пункта мы льстимъ себя надеждою, что ввели совершенно новыя основанія, исключающія возможность прежнихъ ошибокъ. Сюда мы относимъ перенесеніе двигательной силы съ однѣхъ частей организма на другія и превращеніе ихъ пассивной силы въ активную.

Разсматривая внимательно приложенные рисунки, мы замѣтимъ, что фиг. 5 и 6 представляютъ аппаратъ для подвѣшиванія начинающихъ, изучающихъ предварительныя движенія при полетѣ. Воздушная подушка, видимая на тѣлѣ летающаго (фиг. 1 С. С.), служитъ для предохраненія тѣла отъ ушибовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для уменьшенія удѣльнаго вѣса человѣка; впрочемъ, для послѣдней цѣли имѣетъ гораздо большее значеніе шаръ-парашютъ, который вмѣстѣ съ парашютомъ для горизонтальнаго положенія тѣла и замѣняющимъ хвостъ „рулемъ или летательнымъ вѣеромъ" (на фиг. 2 А' А') представляетъ могущественное аэродинамическое средство.

Между тѣмъ какъ „летательный плащъ" (фиг. 1 ВВ', фиг. 2 ВВ' и фиг. 7) служитъ замѣною крыльевъ и подобно имъ управляется руками, для упомянутыхъ раньше снарядовъ, т. е. шара-парашюта, парашюта для горизонтальнаго положенія тѣла и руля двигательнымъ средствомъ служатъ ноги.

Рисунки представляютъ: фиг. 1—передній видъ обыкновеннаго летательнаго костюма (плащъ, шаръ-парашютъ и воздушная подушка); фиг. 2—задній видъ и фиг. 3—боковой видъ уже для болѣе опытныхъ летальщиковъ (плащъ, руль и воздушная подушка). Фиг. 4 представляетъ плащъ и руль въ сложенномъ видѣ и наконецъ на фиг. 7 изображенъ летящій человѣкъ.

Что касается до новѣйшихъ усовершенствованій нашего снаряда, то они заключаются въ томъ, что сила ногъ переносится на руки, какъ видно изъ рисунка (фиг. 1), а именно отъ ручекъ крыльевъ проводятся два крѣпкихъ ремня или шнура (S), чрезъ прикрѣпленныя къ плечу, поясу и колѣну кольца, къ ступнямъ ноги, гдѣ они и укрѣплены.

Во время летанія руки двигаютъ крылья взадъ и впередъ, а соединенныя съ ними ноги, сильными толчками, помогаютъ движенію крыльевъ.

Идея этого нововведенія была сообщена намъ анонимнымъ письмомъ.

Само собою разумѣется, нашъ снарядъ, какъ и всѣ новыя изобрѣтенія, нуждается въ дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ и можетъ служить пока лишь для опытовъ. (с).

Къ рисункамъ.

Нагасаки (Японія). (Рис. на стр. 657 и 660).

Суда нашей Тихоокеанской эскадры, проплававъ лѣтомъ у береговъ дальняго Востока, на зимнее время уходятъ къ портамъ Японіи и Китая.

Самымъ удобнымъ и любимымъ портомъ считается спокойная Нагасакская бухта, въ которой обыкновенно суда стоятъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

Приноровясь къ требованіямъ русскихъ, японцы снабжаютъ суда отличною провизіей, пекутъ черный хлѣбъ и сухари; столяры и парусники съ успѣхомъ исполняютъ всѣ работы и починки. Наконецъ, къ услугамъ русскихъ механическій заводъ и сухой докъ, гдѣ могутъ исправляться крупныя повреждения по корпусу и механизмамъ судна.

Въ виду продолжительныхъ стоянокъ въ Нагасаки, по инціативѣ и на средства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Михайловича, плававшаго на корветѣ „Рында", построены въ 1887 году часовня, лазареты для офицеровъ и команды и баня. По одну сторону бухты, рядомъ съ домомъ русскаго консульства, стоитъ красивая деревянная часовня въ русскомъ стилѣ, по рисунку лейтенанта князя Путятина, въ которой приходилось уже не разъ отпѣвать офицеровъ и матросовъ. Рядомъ съ часовней лазаретъ для команды съ достаточнымъ числомъ комнатъ и кроватей, отдѣльною комнатой для аптеки и ванной. Наконецъ, такой же лазаретъ для офицеровъ. Раньше больные оставались на судахъ, или посылались въ японскій госпиталь; теперь же они помѣщаются въ лазаретахъ подъ присмотромъ одного изъ судовыхъ докторовъ, который въ случаѣ надобности остается на лѣто при лазаретахъ, когда наши суда уходятъ во Владивостокъ.

По другую сторону бухты, въ деревнѣ Инаса, рядомъ съ японскимъ кладбищемъ, расположено русское кладбище, на которомъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ накопилось до 50 могилъ, изъ коихъ многія украшены красивыми памятниками. У берега бухты помѣщена баня съ большими помѣщеніями для офицеровъ и команды.

Недалеко отъ бани пріютилась въ живописномъ уголкѣ русская гостинница, которую содержитъ, извѣстная всѣмъ морякамъ, почтенная японка Оматцу-Санъ, знающая отлично русскій языкъ и кухню. Проплававъ нѣсколько лѣтъ за-границей, пріятно попасть въ Нагасаки къ симпатичнымъ японцамъ; а поѣвъ чернаго хлѣба, щей и каши, невольно почувствуешь себя дома.

Многіе японцы понимаютъ русскій языкъ и нѣкоторые изъ нихъ даже очень хорошо говорятъ. Наконецъ, простой разговорный японскій языкъ настолько легокъ, что въ два мѣсяца его можно достаточно изучить, чтобы быть понятымъ способными, какъ и мы русскіе, къ языкамъ японцами.

Микроскопическая станція при городской скотобойнѣ въ С.-Петербургѣ. (Рис. на стр. 661).

Микроскопическая станція при городской скотобойнѣ основана въ 1882 году по мысли ветеринарнаго врача Н. В. Изотова; ранѣе былъ вольный осмотръ въ Никольскомъ рынкѣ и разумѣется крайне неудовлетворительный. Станція помѣщается возлѣ бойни свиней, въ отдѣльномъ каменномъ зданіи. Комната, предназначенная для микроскопическихъ работъ освѣщается окнами съ двухъ сторонъ, вдоль комнаты по обѣимъ сторонамъ расположены столы съ аспидными досками, на которыхъ и производятся изслѣдованія. Число занимающихся достигаетъ въ зимнее время до 40 чел., преимущественно женщинъ; постоянный штатъ состоитъ изъ трехъ ветеринарныхъ врачей, одного помощника и срѣзчиковъ; обязанность послѣднихъ состоитъ въ срѣзаніи кусковъ мяса съ убитыхъ свиней; срѣзанные куски они раскладываютъ на блюда, помѣчаютъ фамилію владѣльца товара и затѣмъ передаютъ врачамъ для подготовки препаратовъ. Нѣкоторые изъ занимающихся микроскопическимъ изслѣдованіемъ получаютъ жалованье 20—25 руб., а остальные работаютъ на задѣльной платѣ по 10 к. съ препарата. Работа на станціи идетъ круглый годъ, но особенно увеличивается въ зимнее время; среднимъ счетомъ въ годъ убиваютъ и осматриваютъ около 40,000 свиней, не считая привозныхъ окороковъ, за осмотръ которыхъ взимается по 20 к. со штуки. Передъ Пасхой, въ виду увеличивающейся работы, открываются въ Петербургѣ еще двѣ временныхъ станціи. Финозныя свиньи тутъ-же при бойняхъ сжигаются, а зараженныя трихинами вытапливаются на жиръ. По образцу Петербургской станціи устроена такая-же въ г. Козловѣ. Въ настоящее время Петербургской станціей завѣдуетъ ветеринарный врачъ Алексѣй Григорьевичъ Сергѣевъ.

„Досуги стараго рыбака". Картина А. Мюллера. (Рис. на стр. 665).

Обычная сценка въ приморскихъ рыбачьихъ селеніяхъ. Взрослая молодежь и главы домовъ, кормильцы семьи, ушли на лодкахъ въ море; женщины заняты своими работами: починкой сѣтей, заготовкой рыбы и т. п. По домамъ остались лишь старый да малый. Сѣдой дѣдушка, травленый морской волкъ, нажившій себѣ пожизненный ревматизмъ, тѣшитъ внучка, тоже будущаго рыбака, сооружая ему на забаву модель морской лодки съ мачтой, парусомъ и со всѣми снастями...

„Василій Шуйскій на лобномъ мѣстѣ". Карт. А. Земцова. (Рис. на стр. 668).

Рисунокъ А. Земцова переноситъ зрителя къ самому тяжкому времени на Руси. Смуты и раздоры заступили мѣсто спокойствія. Смерть царя Бориса Годунова въ 1605 году и приближеніе Лжедмитрія къ Москвѣ довели безначаліе до крайнихъ предѣловъ. Молодой и неопытный царь Ѳеодоръ, при всѣхъ личныхъ достоинствахъ, но окруженный бездѣятельными и нерадивыми боярами, не могъ бороться съ окружающими обстоятельствами. Переходъ войска подъ начальство Басманова, Голицыныхъ и Салтыкова, и вскорѣ затѣмъ купцовъ и ремесленниковъ въ Красномъ Селѣ, довершили бѣдствія, и упорно сопротивлявшаяся Москва должна была сдаться и впустить пословъ самозванца, которые въ сопровожденіи красносельцевъ, достигнувъ Лобнаго мѣста, прочли народу грамоту Лжедмитрія. Народъ взволновался, бояре объявили патріарху о мятежѣ; тотъ заклиналъ ихъ выйти къ народу и образумить его; бояре, повидимому, послушались, вышли на Лобное мѣсто и ничего не сдѣлали. Говорятъ, что народъ просилъ князя Василія Ивановича Шуйскаго объявить правду, точно-ли онъ похоронилъ царевича Дмитрія въ Угличѣ. Шуйскій, который, по словамъ Пушкина въ „Борисѣ Годуновѣ", завѣрялъ Бориса, что „Дмитрій во гробѣ спитъ", теперь отвѣчалъ, что царевичъ спасся отъ убійцъ, а вмѣсто него убитъ и похороненъ поповъ сынъ. Эту сцену и передаетъ бойкій карандашъ Земцова.

„Рачникъ-любитель". Картина А. Котляревскаго. (Рис. на стр. 669).

Это pendant къ помѣщенному въ № 23 *Нивы* рисунку того же автора: „Рачникъ-промышленникъ". Почтенный любитель ловитъ небольшою сѣточкой, представляющею такъ-сказать миніатюру извѣстнаго уже читателямъ *круга*, не столько заботясь о количествѣ добычи, сколько наслаждаясь самымъ процессомъ ловли.

Вождь „Крашеная лошадь“ (Painted horse). „Прыгающій орелъ“ (Jumping eagle). „Смѣлый медвѣдь“ (Brave bear). „Желтый парень“ (Yellow boy). „Пѣгій орелъ“ (Spotted eagle).

Падди Стеръ (каубой). „Подземиый ходокъ“ (Walks under tho ground). Вождь „Парящій“ (Flies above). „Смѣлый сердцемъ“ (Brave heart). „Зерио“ (Corn).

„Дикая Америка“ въ СПБ. на Марсовомъ Полѣ.

Дикая Америка. (Рис. на стр. 673).

Въ Петербургъ на-дняхъ пріѣхала, и съ субботы, 23 іюня, даетъ интересныя представленія труппа краснокожихъ Америки и техасскихъ и мексиканскихъ пастуховъ (Cow-Boys и Vacqueros). Въ обширномъ ипподромѣ, на Царицыномъ лугу, среди холщевыхъ палатокъ (Tepees), гдѣ любопытные посѣтители могутъ наблюдать домашнюю обстановку и образъ жизни американскихъ индійцевъ, послѣдніе изображаютъ ловлю дикихъ лошадей-мустанговъ, нападеніе на почтовый фургонъ, судъ Линча надъ конокрадомъ, лагерь американскихъ охотниковъ и т. п. Среди нихъ находится также извѣстный стрѣлокъ, докторъ Карверъ, который былъ приглашенъ, при постройкѣ Тихо-Океанской желѣзной дороги въ Америкѣ, поохотиться на бизоновъ, сильно мѣшавшихъ проведенію желѣзнодорожнаго пути, и въ три мѣсяца убилъ до 5.000 этихъ животныхъ. Изъ его продѣлокъ особенно замѣчательны выстрѣлы по пяти стеклянпымъ шарамъ, которые онъ одновременно кидаетъ вверхъ и разбиваетъ ихъ всѣ на лету пятью выстрѣлами, одинъ за другимъ.

Индійцы труппы принадлежатъ къ тремъ краснокожимъ племенамъ: Сіу, Шейенновъ и Огаловъ, живущихъ на территоріи Дакота. Между ними находится много вождей съ женами, дѣтьми и всей домашней обстановкой. Въ числѣ нашихъ портретовъ изображены вожди: Painted horse (Крашеная Лошадь), который былъ сильно израненъ въ послѣднюю экспедицію противъ краснокожихъ, и другіе. Жилища ихъ, такъ-называемые „тепи", полотняные шатры, ими самими приготовляемые, наполнены всѣми предметами туземнаго обихода, а также мѣстными издѣліями и рѣдкостями: узорно расшитою обувью, украшенными жемчугомъ дѣтскими платьями, оружіемъ разнаго рода, взятыми съ бою скальпами (волосы и кожа съ человѣческаго черепа), томагавками (топорами), трубками мира и проч. Все это краснокожіе охотно показываютъ и объясняютъ зрителямъ. Программа представленій такъ составлена, чтобы вполнѣ ознакомить зрителей съ бытомъ, промыслами, занятіями и увеселеніями этихъ дикарей.

Каубои (пастухи) представляютъ уже болѣе цивилизованные типы европейскихъ насельниковъ Техаса и Мексики, хотя полудикій образъ ихъ жизни, подвергая ихъ постоянно разнымъ лишеніямъ и опасностямъ, развиваетъ въ нихъ необычайное мужество, удальство, силу, ловкость и проворство, такъ что въ этомъ отношеніи они стоятъ отнюдь не ниже индійцевъ и одни лишь въ состояніи борются съ этими послѣдними. Повседневныя занятія каубоевъ состоятъ въ присмотрѣ за громадными, широко по степямъ (преріямъ) раскинутыми стадами. Ловятъ они какъ скотъ, такъ и своихъ дикихъ, упрямыхъ, необъѣзженныхъ лошадей (мустанговъ) посредствомъ *лассо* (аркана съ петлей).

Представленіе состоитъ изъ 16 №№, въ которые между прочимъ входятъ: скачки краснокожихъ и каубоевъ, объѣзжаніе мустанговъ, ловля дикихъ лошадей, нападеніе индійцевъ на жилище степнаго охотника, состязаніе въ стрѣльбѣ, судъ Линча надъ конокрадомъ, нападеніе дикарей на почту и на пассажирскій поѣздъ, индійскіе танцы, стрѣльба изъ луковъ и борьба съ каубоями, стрѣльба д-ра Карвера и проч.

М. И. Владиславлевъ. (Портр. на стр. 676).

„Пусть люди судятъ меня, какъ кому угодно, но совѣсть моя не упрекнетъ меня ни въ чемъ. Я имѣлъ предъ собою ясно сознанную мною задачу поднять ввѣренное мнѣ высокое учрежденіе на его надлежащую высоту и, по мѣрѣ силъ моихъ, шелъ къ этой цѣли прямымъ путемъ... Отъ всей души благодарю сочувствующихъ и содѣйствующихъ мнѣ и да проститъ Господь тѣхъ, кто не хотѣлъ понять меня". Такъ говоритъ въ своей предсмертной исповѣди Владиславлевъ, ректоръ и ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета по каѳедрѣ философіи, извѣстный своими учеными трудами по логикѣ, психологіи и исторіи философіи. Этими словами покойнаго прекрасно характеризуется и его дѣятельность, какъ ректора, и его высоконравственная личность, какъ полезнаго гражданина, про котораго совершенно справедливо было сказано, что онъ „былъ исповѣдникомъ истины и правды—и философской, и христіанской, и гражданской". Началамъ христіанской правды и истины—этимъ высшимъ нравственнымъ началамъ—Владиславлевъ придавалъ громадное значеніе и оставался всегда неизмѣнно вѣрнымъ съ первыхъ шаговъ своей сознательной жизни. Онъ глубоко и твердо вѣрилъ въ духовность и безсмертіе души человѣческой: „если не хочешь, — говорилъ онъ, — чтобы человѣчество потеряло свое истинно-человѣческое достоинство, такъ не думай и не говори, что душа — не самостоятельное начало въ человѣкѣ и исчезаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ; то же скажу и о бытіи Божіемъ... Я долго мучился надъ этими вопросами и пришелъ къ тому же, что такъ давно и глубоко вѣрно высказано псалмопѣвцемъ: *рѣче безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ*". Вотъ почему въ періодъ броженія умовъ, когда онъ выступилъ на учено-литературное поприще, онъ ни на минуту не увлекся тогдашними ложными философскими ученіями, основанными на грубомъ матеріализмѣ и, устно и печатно, отвергалъ модныя воззрѣнія на Божество и душу человѣческую всѣми силами своего глубоко-философскаго ума: вотъ почему онъ свѣтло смотрѣлъ на жизнь, какъ философъ-христіанинъ, а не какъ послѣдователь Будды или новой пессимистической нѣмецкой школы. Будучи истинно честнымъ человѣкомъ, строго исполняя свои обязанности, онъ твердо помнилъ, какую серьезную нравственную отвѣтственность несетъ онъ передъ Богомъ и собственной совѣстью за своихъ слушателей съ умомъ еще неокрѣпшимъ, и потому, и какъ профессоръ, и какъ ректоръ, онъ умѣлъ стоять твердою ногою на высотѣ своего положенія, оберегая науку отъ всего наноснаго, вреднаго, а храмъ науки—университетъ—отъ всего, что нарушаетъ его честь и внутреннее спокойствіе; Владиславлевъ, съ любовью, горячо относившійся къ университетскимъ нуждамъ, „желалъ видѣть въ университетѣ дѣйствительно широкій и плодоносный разсадникъ здоровыхъ, образованныхъ, молодыхъ силъ, просвѣщенныхъ, *истинно-русскихъ* дѣятелей", гражданъ преданныхъ своему отечеству. Въ его управленіи университетомъ сказались отличительныя черты нравственнаго характера Владиславлева: удивительное самообладаніе и сдержанность, прямота и твердость въ словахъ и въ дѣйствіяхъ, необыкновенная исполнительность, уваженіе къ порядку. Съ непреклонною твердостью исполняя свой долгъ, онъ прибѣгалъ, въ особенныхъ случаяхъ, къ строгимъ мѣрамъ, хотя эти мѣры стоили ему самому очень дорого, доставляли ему не мало душевныхъ мукъ, ибо онъ былъ человѣкъ протягивавшій всегда руку помощи всякому; раскаявшіеся молодые люди, исключенные изъ университета, нерѣдко обращались къ содѣйствію Владиславлева, и благодаря его ходатайству бывали вновь приняты. Учено-литературная дѣятельность Владиславлева наиболѣе ярко выразилась въ нѣсколькихъ обширныхъ сочиненіяхъ: „Логика, обозрѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія", „Современныя направленія въ наукѣ о душѣ", „Философія Плотина, основателя Новоплатоновской школы", „Психологія", а также заключалась въ цѣломъ рядѣ журнальныхъ статей по философскимъ и педагогическимъ вопросамъ, въ которыхъ онъ, главнымъ образомъ, старался проводить въ публикѣ здравыя философскія понятія и возставалъ противъ матеріалистическаго направленія, господствовавшаго въ германской университетской наукѣ, защищалъ классицизмъ. Таковы, напримѣръ, его статьи: „Матеріалистическая психологія", „Вліяніе естественныхъ наукъ на психологію", „Современный матеріализмъ", „Современное положеніе философіи и ея задачи", „О зависимости нѣмецкой философіи отъ англійской", „О положеніи философіи въ нашей системѣ образованія", „Схоластическая логика", „Историческіе очерки логики Аристотеля" и проч. Кромѣ того, русская литература обязана ему хорошимъ переводомъ сочиненія Канта „Критика чистаго разума". Владиславлевъ не создалъ новой философской системы, но замѣчательно добросовѣстно разрабатывалъ высшіе философскіе вопросы и особенно много трудился надъ изученіемъ старыхъ и новыхъ направленій въ наукѣ о душѣ. Смерть Владиславлева — чувствительная потеря для Петербургскаго университета и для общества, тѣмъ болѣе, что онъ умеръ далеко не старымъ человѣкомъ.

Михаилъ Ивановичъ Владиславлевъ, сынъ священника Новгородской губ., родился 9 ноября 1840 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Старорусскомъ духовномъ училищѣ и Новгородской семинаріи, по окончаніи которой, въ 1859 году, опредѣлился въ С.-Петербургскую духовную академію. Не окончивъ въ ней полнаго курса, онъ вышелъ изъ нея въ 1861 г. и причислился къ министерству Народнаго Просвѣщенія, которое командировало его въ слѣдующемъ году за-границу для приготовленія къ профессурѣ. Послѣ трехлѣтнихъ занятій въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ университетахъ философскими науками, онъ получилъ въ 1866 году степень магистра и вслѣдъ затѣмъ назначенъ доцентомъ философіи въ Петербургскомъ университетѣ, а въ 1869 г. утвержденъ экстра-ординарнымъ профессоромъ. Одновременно съ тѣмъ, а именно въ 1867 г., онъ началъ преподаваніе философіи въ Историко-филологическомъ институтѣ, а позднѣе читалъ тотъ же предметъ на Высшихъ женскихъ курсахъ. Съ 1885 г. онъ занялъ должность декана историко-филологическаго факультета, а 28 мая 1887 г.—ректора университета. На всеподданнѣйшей докладной запискѣ министра Народнаго Просвѣщенія о кончинѣ Владиславлева, Государь Императоръ изволилъ написать: „*Очень сожалѣю*". **П. Быковъ.**

Островъ Гельголандъ. (Рис. на стр. 676).

Уступленный на-дняхъ Англіей Германіи островъ Гельголандъ въ Нѣмецкомъ морѣ, занимаетъ около половины квадратной версты съ 2,000 жителей и состоитъ изъ отвѣсно поднимающейся на 30 саженъ надъ уровнемъ моря, скалистой плоской возвышенности (плато) и части плоскаго берега на востокѣ, откуда наверхъ ведетъ лѣстница въ 190 ступеней. Еще восточнѣе этого берега лежитъ песчаный островъ, называемый *дюною* и представляющій превосходное мѣстечко для морскихъ купаній. Этими послѣдними онъ и славится съ 1826 года. Жители, большею частію фризы, живутъ рыболовствомъ, ловлею омаровъ, лоцманствомъ, а главное послугами иностран-

нымъ туристамъ. Языкъ ихъ — фризское нарѣчіе, школьнымъ же и оффиціальнымъ служитъ нѣмецкій. Подземный телеграфъ соединяетъ островъ съ германскимъ берегомъ, а для пассажирскаго сообщенія служитъ множество пароходовъ. До 1712 года Гельголандъ принадлежалъ герцогству Голштейнъ-Готторискому и только въ 1814 году отошелъ къ Англіи.

Международная тюремная выставка въ СПБ.

(Рис. на стр. 677).

Нашъ рисунокъ на стр. 677 изображаетъ одно изъ многочисленныхъ отдѣленій тюремной выставки, въ которомъ сосредоточены преимущественно образцы работъ военно-морской плавучей тюрьмы на бывшемъ корветѣ „Память Меркурія“. Тутъ весла, канаты, боченки, плетенки и множество другихъ издѣлій морскихъ арестантовъ. На первомъ планѣ видна громадная модель этой тюрьмы, изготовленная въ модельной мастерской Морскаго музея, а влѣво надъ ней видна картина художника Блинова. Подъ нею контрольный аппаратъ съ часовымъ механизмомъ. Вдоль стѣны размѣщены разныя произведенія заключенныхъ въ различныхъ тюрьмахъ. Тутъ тросточки и ручки для зонтиковъ Московскаго исправительнаго арестантскаго отдѣленія, гармоніи Устюжской тюрьмы, 11 проволочныхъ фокусовъ тюрьмы Эстляндской губерніи и проволочныя работы Одесскаго тюремнаго замка; далѣе, за дверью, замѣтна на прилавкѣ удачная модель Ревельскаго Вышгородскаго замка, работа арестантовъ Ревельской тюрьмы, и скрипка изъ Смоленской тюрьмы.

Пишущая машина „Бостонъ“.

(Рис. на стр. 677).

Эта машина имѣетъ всѣ тѣ механическія устройства и нужныя качества, которыя необходимы для письменныхъ занятій. Съ нею можно работать во время ѣзды по желѣзной дорогѣ, на качающемся кораблѣ или въ экипажѣ и отчетливость шрифта не теряетъ своей ясности, поэтому эта машина особенно важна для путешественниковъ, которые могутъ съ помощью машины на дорогѣ заниматься своею корреспонденціею, къ чему способствуютъ ея портативность и легкость. Машина вѣситъ только 3 фунта, она имѣетъ въ длину 30 сант., въ ширину 15 сант., въ вышину 7 сант. Отчетливость и красота шрифта очень мало отличаются отъ печатаннаго, и поэтому недоразумѣніе и двусмысленности, которыя часто происходятъ отъ неотчетливыхъ и худыхъ рукописей, не могутъ случаться. Упражненія съ машиною, въ теченіе 15 мин., достаточно, чтобы съ нею познакомиться; она такъ проста въ употребленіи, что каждый ребенокъ можетъ на ней работать. Лица, которыя страдаютъ въ рукѣ судорогою или другими недостатками, могутъ смѣло работать съ помощью этой машины. На ней можно нѣсколько часовъ продолжать работать, не чувствуя усталости. Писанный машиною шрифтъ копируется и такимъ образомъ оттиски можно размножать. Устройство машины такъ прочно, что кажется она ни въ какой поправкѣ не можетъ нуждаться, что однако, при простотѣ механизма, въ случаѣ потребности, вездѣ можно выполнить.

Представители для Россіи: Евгеній Ботманъ и К°, СПБ., Садовая, д. № 18.

Политическое обозрѣніе.

16 іюня окончился послѣдній актъ траги-комедіи „Заговоръ Паницы“. Для главнаго дѣйствующаго лица окончилась она смертію, которая искупила всѣ предшествующія дѣянія убитаго и покрыла вѣчнымъ позоромъ главаря Болгаріи принца Фердинанда и его сподручнаго и руководителя Стамбулова. Личный врагъ Паницы, Стамбуловъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы отдѣлаться отъ опаснаго для себя человѣка, устроилъ такъ, что военный кассаціонный совѣтъ, утвердивъ приговоры суда, не счелъ нужнымъ ходатайствовать о смягченіи наказаній осужденнымъ и замѣнѣ смертной казни главнаго виновника заключеніемъ, и, наконецъ, удалилъ принца Кобургскаго изъ Болгаріи, какъ бы страшась, что боязливый и слабый глава государства воспользуется своимъ правомъ помилованія и даруетъ жизнь ненавистному человѣку. 15 іюня принцъ Фердинандъ уѣхалъ въ Карлсбадъ изъ Софіи, издавъ передъ отъѣздомъ прокламацію о назначеніи Стамбулова регентомъ, а на другой день Паница былъ разстрѣлянъ. Въ девять часовъ утра онъ былъ отправленъ на мѣсто, гдѣ находился лагерь Софійскаго гарнизона. 1-й, 6-й, 13-й и 14-й пѣхотные полки съ артиллеріею образовали каре. Паница твердыми шагами подошелъ къ мѣсту казни и отдалъ честь офицерамъ. По прочтеніи приговора, Паница исповѣдывался и пріобщился Св. Таинъ. Затѣмъ Паница самъ завязалъ себѣ глаза. Передъ командой стрѣлять Паница громко воскликнулъ: „Да здравствуетъ Болгарія!“ Грудь его была прострѣлена 21 пулею. Экзекуціонный взводъ былъ назначенъ отъ 14-го Македонскаго полка. Далѣе сообщаютъ *Агентству Рейтера*, что послѣ казни Паницы командиръ военнаго лагеря обратился къ войскамъ съ рѣчью, въ которой указалъ на опасность, угрожавшую странѣ въ случаѣ успѣха заговора Паницы. Въ заключеніе командиръ сказалъ, что Паница понесъ заслуженное имъ наказаніе и что подобная же участь ожидаетъ всѣхъ измѣнниковъ странѣ. Казнь Паницы повсемѣстно, не исключая Болгаріи, произвела удручающее впечатлѣніе. Французскія газеты сожалѣютъ, что принцъ поддался вліянію Стамбулова, который стремился удовлетворить чувство личной мести. *République Française* замѣчаетъ, что принцъ Фердинандъ и Стамбуловъ жестоко ошибаются, полагая выпутаться этимъ способомъ изъ ложнаго положенія. Кровь Паницы не пойдетъ имъ въ прокъ. Римская газета *Diritto* пишетъ, что съ этой казнью принцъ Фердинандъ Кобургскій утрачиваетъ симпатію либераловъ Европы. *Hamburger Nachrichten* рѣзко осуждаютъ разстрѣляніе Паницы, называя это надѣвательствомъ надъ правосудностью и государственною мудростью, и замѣчаютъ, что казнь Паницы разоблачила характеръ нынѣшнихъ порядковъ въ Болгаріи. Принцъ Фердинандъ оказался маріонеткой Стамбулова и симпатіямъ къ Болгаріи за-границею нанесенъ ударъ.

Journal de St.-Pétersbourg, указывая, что принцъ Кобургскій покинулъ страну до исполненія этой казни, отказавшись отъ примѣненія права, которымъ только онъ одинъ могъ воспользоваться—права помилованія—тѣмъ самымъ засвидѣтельствовалъ, кто управляетъ и царствуетъ въ Болгаріи. Но Стамбуловъ, конечно, не нуждался въ этомъ актѣ жестокости, для разоблаченія характера своего властвованія, которое сводится къ террору.

Въ сосѣдней съ Болгаріею Сербіи другой властитель,—правда, не у дѣлъ,—отъ бездѣлья старается всѣми силами мѣшать естественному теченію этихъ дѣлъ. На-дняхъ, профессора Великой Школы, большинство напредняки, дали банкетъ Милану, подарившему школѣ ботаническій садъ. На пиршество министръ просвѣщенія не былъ приглашенъ, а самый профессорскій банкетъ Милану, какъ меценату, оказался демонстраціею противъ регентства и министерства. Ректоръ Николаевичъ, превознося правленіе Милана, сказалъ, что отреченіе его повергло страну въ анархію, конституція попрана, власть безавторитетна, повсюду беззаконія, насилія, убійства. Миланъ заявилъ, что виною всему настоящій режимъ, гибельный, подобно республиканскому. Демократическое теченіе не дастъ Милану покоя, и нынѣ Ристичъ поддался этому теченію. Онъ, Миланъ, готовъ де защищать престолъ и честь государства и лишь ожидаетъ случая. За безтактный поступокъ Николаевичъ немедленно уволенъ указомъ регентства, а Миланъ поспѣшилъ пригласить къ себѣ на бесѣду корреспондента *Politische Correspondenz* и объяснилъ свою послѣднюю выходку исключительно необходимостью самозащиты противъ нападокъ радикаловъ.

Кромѣ того, профессоръ Миловановичъ разоблачаетъ въ *Одъекъ* антиправительственную демонстрацію профессорскаго банкета, гдѣ отвѣтныя рѣчи и заявленія Милана были допущены ректоромъ. Въ виду полной солидарности регентства и министерства полагаютъ, что отнынѣ Миланъ политическихъ рѣчей произносить болѣе не будетъ.

Небезъизвѣстный законопроектъ объ увеличеніи численности войскъ въ мирное время принятъ германскимъ рейхстагомъ 14 іюня. Большинствомъ 211 голосовъ противъ 128, вотирована была ст. 1-я этого законопроекта, коимъ численность арміи по штатамъ мирнаго времени опредѣлена до 31 марта 1894 года въ 486,983 человѣка. Прочія статьи были утверждены безъ всякихъ преній. Противъ законопроекта подали голоса прогрессисты, соціалисты, нѣкоторые члены центра и одинъ вельфъ.

На другой день послѣ перваго вотированія, императоръ Вильгельмъ приступилъ къ своимъ путешествіямъ и переѣхалъ на броненосецъ „Kaiser“, который въ 8 час. вечера въ сопровожденіи учебной эскадры вышелъ въ море, направляясь къ Копенгагену. 16 іюня онъ прибылъ къ Гельзингеру, откуда, въ сопровожденіи короля и принцевъ, отправился съ экстреннымъ поѣздомъ въ Фреденсборгъ. Прогостивъ тамъ 2 дня, юный монархъ отправился съ германскою эскадрою въ Христіанію, гдѣ и былъ встрѣченъ 68-ю пароходами, наполненными публикою въ праздничныхъ одеждахъ.

Смѣсь.

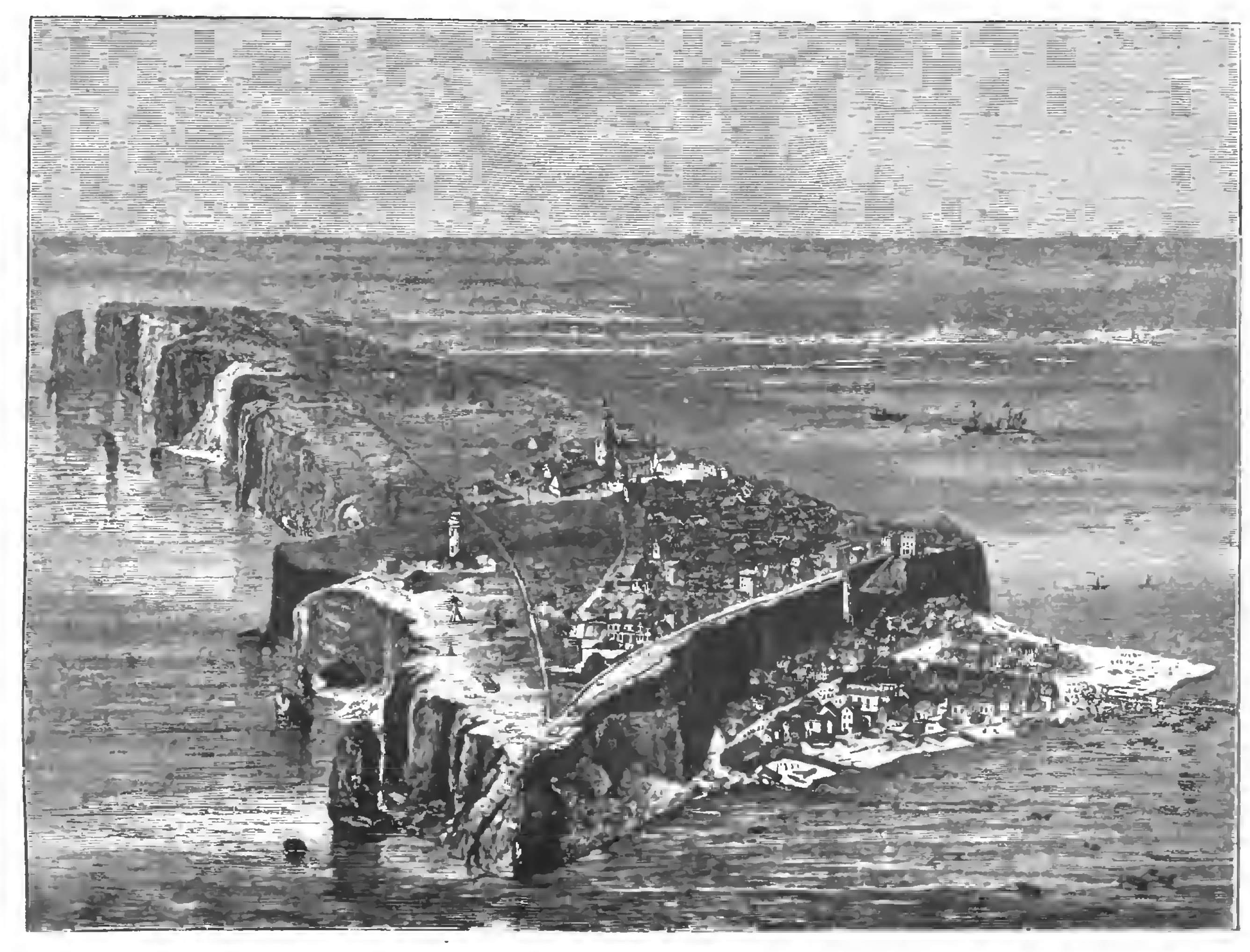
Послѣднюю новость въ журнальныхъ предпріятіяхъ Америки составляютъ фотографическія interview (бесѣды съ знаменитостями). Извѣстно что большая часть американскихъ ежедневныхъ газетъ постоянно печатаютъ кучу очерковъ и портретовъ и ни передъ чѣмъ не останавливаются, когда надо ознакомить падкую на сенсаціонныя новости публику съ личностями знаменитостей дня, каковы напр.

боксеры, игроки въ мячъ, преступники или главные герои бракоразводнаго процесса; но никому еще не приходило въ голову соединить устное interview съ моментальною фотографіей для полнѣйшей передачи въ печати. Неистощимый въ изобрѣтеніяхъ по части новостей въ области газетнаго дѣла и репортерства, нью-іоркскій *World* впервые выступилъ съ обширнымъ предпріятіемъ этого рода, начавъ съ извѣстнаго оратора, Джона Инголса, члена Сената отъ Канзаса. Къ нему явился репортеръ *World'a* съ двумя стенографами и фотографомъ, и передача этой бесѣды въ газетѣ заняла не менѣе четырехъ страницъ, которыя по величинѣ немногимъ уступаютъ англійскому *Times*. Содержаніе бесѣды не важно, оно вертится на вопросахъ, на которые сенаторъ давнымъ-давно уже отвѣтилъ; все дѣло въ необыкновенно удавшихся моментальныхъ снимкахъ, которыхъ въ газетѣ приложено 27. Такъ какъ подъ каждымъ снимкомъ напечатаны слова, которыя сенаторъ произносилъ въ моментъ снятія фотографіи, то читатель получаетъ такое полное понятіе о характерѣ и самой личности бесѣдующаго, какого никогда не можетъ достигнуть простая передача его словъ. Даже убѣдительность рѣчи отчасти передается фотографіей; это чувствуетъ каждый внимательный читатель, когда передъ нимъ на самыхъ выдающихся оборотахъ мысли и блестящихъ ораторскихъ пріемахъ внезапно возникаетъ серьозная, выразительная мина и характерный жестъ говорящаго. Едва ли не лучше перваго interview удалось второе, съ знаменитымъ проповѣдникомъ Толмеджемъ. Съ него, также на четырехъ страницахъ бесѣды, снято было не болѣе, не менѣе какъ 39 снимковъ, которые иллюстрируютъ не только рѣчь, но и физическія особенности ораторскихъ пріемовъ пресловутаго проповѣдника, такъ что онъ какъ живой стоитъ передъ читателями со всѣми своими жестами и мимикой.

М. И. Владиславлевъ († 25 апрѣля 1890).
Съ фот. Пазетти, грав. Шюблеръ.

Подвигъ Сары Бернаръ. Въ послѣднюю свою побывку въ Америкѣ знаменитая актриса зашла въ книжный магазинъ, купила у приказчика нѣсколько книгъ, заплатила и хотѣла уже удалиться, какъ вдругъ, точно одумавшись, взяла записной карандашикъ и стала искать глазами клочка бумаги. Не находя его, она взяла великолѣпно переплетенный экземпляръ роскошнаго изданія романовъ Вальтеръ-Скотта, развернула его, написала что-то на заглавной страницѣ, вырвала листокъ изъ книги, подала его изумленному приказчику и смѣясь вышла изъ магазина. Это былъ даровой пропускъ на ея представленіе, но лучшій экземпляръ въ магазинѣ—погибъ.

Орловскія кружева, которыми, какъ извѣстно, славится Орловская губернія, до сихъ поръ сбывались преимущественно въ ея предѣлахъ. Теперь, по извѣстію мѣстной газеты, они получили извѣстность и за границей. Еще въ прошломъ году за кружева, сработанныя крестьянками Елецкаго уѣзда, полученъ былъ похвальный отзывъ на Парижской выставкѣ. Тонкость, чистота работы и изящество рисунка елецкихъ кружевъ замѣчены были парижанами, и въ текущемъ году изъ Франціи полученъ на нихъ заказъ на нѣсколько

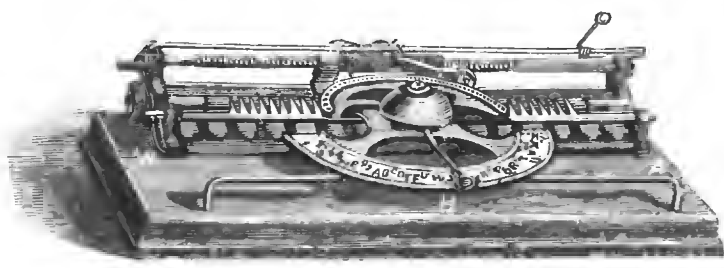


Островъ Гельголандъ.

сотъ франковъ. Требуются широкія, шелковыя кружева цвѣтовъ кремъ и чернаго. Обыкновенно, прежде чѣмъ поступить на рынокъ, кружева проходятъ чрезъ нѣсколько рукъ торговокъ-скупщицъ, которыя, пользуясь тяжелымъ экономическимъ положеніемъ кружевницъ и большимъ съ ихъ стороны предложеніемъ, сбиваютъ цѣну до невозможнаго; а при продажѣ, наоборотъ, — имѣя опредѣленныя мѣста сбыта по всей Россіи (кружева посылаются въ Одессу, Ростовъ, Таганрогъ, Москву и другіе города) и значительный спросъ, скупщицы очень дорожатся. Барышъ въ 12, 15 коп. на аршинъ средняго сорта и 30, 40 к. — высшаго сорта, считается обыкновеннымъ. Нынѣ, благодаря безкорыстному посредничеству образованныхъ женщинъ, кружева въ нѣкоторыхъ селахъ Елецкаго уѣзда поступаютъ на продажу изъ первыхъ рукъ, результатомъ чего является замѣчательная дешевизна, и кружевницы зарабатываютъ гораздо болѣе. (в.)

Международная тюремная выставка въ СПБ. Модель Севастопольской плавучей тюрьмы и проч.

Похоронный обычай въ Гродненской губерніи. Одинъ изъ малорусскихъ этнографовъ, г. Эварницкій, помѣщающій въ разныхъ изданіяхъ отрывки изъ своей записной книжки, разсказываетъ о слѣдующемъ архаическомъ обычаѣ, который практикуется въ настоящее время въ Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, Олтушской волости, въ селѣ Радяжахъ. Онъ состоитъ въ томъ, что послѣ похоронъ умершаго родственники его собираютъ оставшіяся отъ досокъ гроба стружки, берутъ также нѣкоторыя изъ вещей покойника, несутъ все это за село на перекрестокъ, гдѣ двѣ дороги перекрещиваютъ одна другую, устраиваютъ здѣсь костеръ и все это сожигаютъ; это называется -жечь остатки покойника. Этотъ современный обычай напоминаетъ обычай глубокой древности, занесенный на первыя страницы русской лѣтописи: „Аще кто умряше, творяху тризну надъ нимъ, и по семъ творяху кладу велику, и възложахуть и (его) на кладу мертвеца сожьжаху, и по семъ собравше кости вложаху въ судину малу и поставляху *на столпѣ на путехъ*, еже творять вятиче и нынѣ“ (Лаврентьевская лѣтопись, 13). (в.)



Пишущая машина „Бостонъ“.

Производство опіума въ Россіи. Къ числу продуктовъ, производство которыхъ рекомендовалось въ послѣдніе годы, принадлежитъ и опіумъ. Культура той породы мака, изъ которой опіумъ добывается, и самое добываніе этого цѣннаго продукта требуютъ большой затраты времени и труда, но за то такая затрата выкупается значительнымъ доходомъ отъ его производства, который могъ бы служить немаловажнымъ подспорьемъ преимущественно въ небольшихъ хозяйствахъ. Вопросъ однако состоялъ въ томъ, можно-ли производить въ Россіи хорошій опіумъ? Опыты чужихъ странъ, напримѣръ, Франціи и Германіи, показываютъ, что это производство возможно, хотя опіумъ и является продуктомъ южныхъ странъ. На основаніи такихъ опытовъ, одинъ изъ хозяевъ въ Липовецкомъ уѣздѣ Кіевской губерніи, П. М. Рева въ прошломъ году сталъ добывать опіумъ и достигъ прекрасныхъ результатовъ. Изслѣдованіе образчиковъ опіума, добытыхъ г. Ревою, по словамъ журнала *Земледѣліе*, показало, что они нисколько не хуже опіума, добываемаго въ Смирнѣ, Франціи, Италіи и другихъ мѣстностяхъ. Въ означенныхъ пробныхъ образцахъ опредѣлялось содержаніе воды и одной изъ существенныхъ составныхъ частей опіума — морфина. Такимъ образомъ, опытъ г. Ревы, сопровождавшійся нѣкоторыми затрудненіями, далъ удовлетворительные результаты, которые позволяютъ думать, что культура опіума въ Россіи можетъ привиться. (в.)

Новѣйшая физіологія разсматриваетъ лобную часть мозга человѣка и животныхъ какъ вмѣстилище характера и высшихъ умственныхъ способностей. Къ такому предположенію привели прежде всего наблюденія надъ животными Мунка, Гольца, Феррье, Луцапна и др. У собакъ и обезьянъ, при удаленіи передней части мозга, не замѣчалось ни парализованія мускуловъ, ни нарушенія чувствительности (что происходитъ при выпаденіи другихъ частей мозга), но лишь нѣкоторыя измѣненія въ манерѣ держать себя, въ настроеніи и характерѣ. Животныя становились живѣе, безпокойнѣе, нетерпѣливѣе, раздражительнѣе, невыносливѣе и строптивѣе; движенія ихъ пріобрѣтали характеръ безцѣльности, вниманіе къ окружающему и понятливость ослабѣвали. Опыты, сдѣланные надъ животными, подтвердились и наблюденіями надъ людьми, у которыхъ вслѣдствіе болѣзни или несчастнаго случая повреждена была лобная часть мозга, сдавлена-ли, разрушена, размягчена или т. п. Большую извѣстность въ медицинской литературѣ получилъ слѣдующій фактъ, сообщенный американскимъ врачомъ д-ромъ Гарлоу, извѣстный подъ именемъ Crowbar Case. Одному молодому человѣку, забивавшему въ каменную глыбу взрывное вещество, острымъ желѣзнымъ прутомъ, вслѣдствіе внезапнаго взрыва, прутъ этотъ вошелъ чрезъ челюсть въ мозгъ и вышелъ чрезъ лобъ наружу; прутъ былъ найденъ въ нѣкоторомъ разстояніи покрытымъ кровью и мозговымъ веществомъ. Молодой человѣкъ проявилъ впослѣдствіи измѣненія въ характерѣ, тождественныя съ наблюдавшимися у животныхъ: онъ впалъ въ ребячество, сталъ капризенъ, непочтителенъ и умственныя способности его ослабѣли. Впослѣдствіи явленія эти исчезли: пострадавшій выздоровѣлъ, потерявъ только глазъ, и прожилъ еще 13 лѣтъ. Черепъ его хранится въ коллекціи Гарвардскаго университета. Въ новѣйшее время сообщаютъ подобный-же случай изъ цюрихской медицинской клиники. Одинъ мастеровой, возвратившись домой въ пьяномъ видѣ, хотѣлъ вѣроятно закрыть окно и вывалился изъ него. Онъ упалъ съ высоты 100 футовъ и получилъ проломъ съ осколками обѣихъ лобныхъ костей, съ тяжкимъ поврежденіемъ правой передней части мозга и истеченіемъ мозговаго вещества. Пострадавшій, отличавшійся до несчастнаго случая кротостью, миролюбіемъ, благонравіемъ, веселостью и чистоплотностью, сталъ проявлять противоположныя свойства: онъ сдѣлался золъ, буенъ, выказывалъ склонность къ ссорамъ, ругательствамъ и сдѣлался нечистоплотенъ, хотя и не проявлялъ никакихъ болѣзненныхъ явленій. По мнѣнію Феррье, такія измѣненія характера являются у человѣка и животныхъ какъ слѣдствія разрушенія тѣхъ представленій, которыя накопляются воспитаніемъ и жизнью съ себѣ подобными. Какъ при параличѣ сокращающихъ дѣятельность сердца нервныхъ волоконъ получаютъ преобладаніе возбуждающія его дѣятельность волокна, такъ при бездѣйствіи передняго мозга, первобытныя животныя наклонности человѣка получаютъ перевѣсъ надъ привитыми образованіемъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что не весь лобный мозгъ, а преимущественно обѣ внутреннія извилины нижней стороны, должны быть разсматриваемы какъ исходная точка высшихъ умственныхъ способностей. (с.)

Своеобразная дуэль существуетъ въ Гренландіи. Когда какой-либо эскимосъ чувствуетъ себя обиженнымъ, онъ вызываетъ противника на поединокъ; но смертоносное оружіе замѣняется публичнымъ состязаніемъ въ пѣніи. Оскорбленный поетъ при всемъ собраніи комическую пѣсню о своемъ противникѣ и если пропуститъ что-либо достойное насмѣшки, то друзья приходятъ ему на помощь и со своей стороны распѣваютъ упущенное. Вызванный долженъ въ присутствіи всего собранія парировать насмѣшки остроумными и мѣткими отвѣтами. Если по мнѣнію присутствующихъ ему это не удается, то онъ считается побѣжденнымъ и побѣдитель получаетъ право выбрать себѣ любую вещь изъ его имущества. Если-же вызвавшій нападаетъ вяло и неостроумно, онъ, вмѣстѣ со своими товарищами, со срамомъ изгоняется съ поля битвы. (с.).

Ребусъ. Задача № 37.

Задача буквъ № 38.

И. В. П.

		12	20	37		
	18	19	23	3	30	
2	8	32	36	15	35	4
9	11	25	14	27	24	31
22	**6**	28	34	1	13	**26**
	10	17	**21**	**33**	**16**	
		29	7	5		

Требуется найти *семь* словъ: 1) Миѳическое чудовище. 2) Городъ въ Италіи. 3) Домашнія птицы. 4) Игра. 5) Африканское животное. 6) Знакъ гетманской власти. 7) Названіе рѣки и собраніе.

Затѣмъ, по порядку, буквы каждаго найденнаго слова разставить на мѣстахъ чиселъ прилагаемой фигуры, принявъ во вниманіе, что числа, напечатанныя жирнымъ шрифтомъ, обозначаютъ мѣста начальныхъ буквъ каждаго изъ найденныхъ словъ. Наполненную буквами фигуру раздѣлить на *девять* частей и сложить изъ нихъ прямоугольникъ такъ, чтобы внутри его образовалась начальная буква фамиліи извѣстнаго русскаго сатирика, а въ прямоугольникѣ можно было бы прочесть названія трехъ его произведеній.

Логогрифъ. Задача № 39.

Когда погасаетъ свѣтило дневное,
Ложатся вечернія тѣни,
И я нисхожу утолить, послѣ зноя,
Безмѣрную жажду растеній.
Глядится въ меня лучъ луны серебристый,
Играетъ со мной лучъ разсвѣта,
Любуются мною и кисти артиста,
Живу я и въ пѣсняхъ поэта...
Когда же мой звукъ уничтожите первый —
Со мною нерѣдко нѣтъ сладу:
Назойлива, дѣйствуя даже на нервы,
Могу возбудить я досаду.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за **„НИВУ“ 1890 г.**, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

МОСКОВСКОЕ ЧАСТНОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
И. М. ХАЙНОВСКАГО

(Волхонна, противъ храма Спасителя)

Состоитъ изъ шести классовъ основнаго и коммерческаго отдѣленія и VII дополнительнаго класса (общее отдѣленіе), въ который исключительно принимаются лица, имѣющія аттестатъ шести классовъ основнаго отдѣленія Реальныхъ училищъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ младшій приготовительный классъ принимаются дѣти отъ семилѣтняго возраста. П. № 4609

Вышло изъ печати и поступило въ продажу въ конторѣ журнала „**Нива**“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **Ѳ. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ**, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи **1-го** тома вносится **4 р.,** до выхода **2-го** тома **8 р.,** а до выхода **3-го** тома **2 р.,** а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

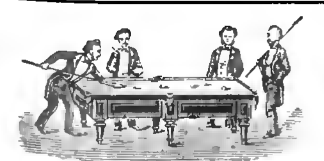
За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

☛ **По выходѣ всего** сочиненія цѣна будетъ **значительно возвышена.** ☚

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „**Нива**“ (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—13

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

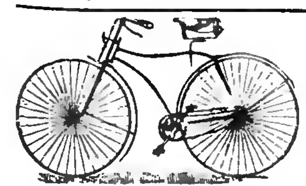
СПБ. ЧАСТНОЕ РЕАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ
П. И. БОГДАНОВА.

Состоящее подъ **Августѣйшимъ покровительствомъ Е. И. В. Государя Великаго Князя Сергѣя Александровича.**

Основ. 1872 г. **Невскій, 79,** противъ Знаменія.

Пріемъ прошеній вновь поступающихъ пансіонеровъ и приходящихъ по **вторникамъ,** четвергамъ и субботамъ отъ 12—3 часовъ. Mt № 4608

Пріемныя испытанія съ 16-го августа. Начало уроковъ 1-го сентября.



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. R. № 4587

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ“.

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. *Шпильгагена.* Съ портретомъ и біографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

СЕКРЕТЪ въ 2 мѣс. безъ зубренія говорить по французски. Руčат авт. въ 12 вып. въ картахъ, вып. 60 к., съ перес. 1 р. Проф. **Теофиль Вольфъ.** Больш. Морская, д. 17, кв. 18. № 4607

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается бѣлою. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи. Ц. № 4477

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейная, № 38.

Съ разрѣшенія СПБ. Врачебнаго Управленія. № 4527 10—9

СВОБОДИНЪ

Средство для уничтоженія

МОЗОЛЕЙ и БОРОДАВОКЪ.

Получать можно во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ маг. Россіи.

Цѣна за флаконъ 35 коп.

Съ пересылкой 2 флакона 1 руб.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ДЛЯ РОССІИ

А. ГЕБГАРДТЪ,

С.-Петербургъ, Казанская, д. № 5.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ,** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. *Вас. Аурихъ*

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., **бензоево мыло** 35 коп. и 50 коп. кусокъ, **опо помада** (лучше кольдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—9

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей. суррогатъ материнскаго молока

Паров. фабр. **БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ** въ СПБ.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ,**

Колокольная, 18 — 19, въ **С.-Петербургѣ.**

Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ: *Вас. Аурихъ*

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.

Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи В. № 4406 9—6

„ПРИВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ ОХОТЫ“

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

(50 №№ въ годъ)

Будетъ выходить въ Саратовѣ съ 1-го сентября 1890 года (годъ считается съ 1-го сентября 1890 года по 1-е сентября 1891 года).

„Приволжскій Вѣстникъ Охоты“, имѣя всѣ обычные отдѣлы охотничьяго органа, обратитъ особенное вниманіе на развитіе литературнаго отдѣла, для доставленія читателямъ легкаго, изящнаго чтенія. Рисунки, изготовляемые спеціально для журнала, будутъ иллюстрировать текстъ. Журналъ отводитъ особый отдѣлъ, посвященный военнымъ охотничьимъ командамъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годъ съ пересылкой и доставкой—6 руб., за ½ года—4 р., за 1 мѣсяцъ — 1 р. Гг. офицеры, подписывающіеся на годъ, пользуются разсрочкой по 50 к. въ мѣсяцъ.

Подписка принимается: въ г. Саратовѣ, въ конторѣ редакціи: уголъ Вольской и Аничковской улицъ. № 4605

Издатель **Телепневъ.** Редакторъ-издатель **Тхоржевскій.**

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur,* **9, rue de la Paix Paris.**

Ц. № 3767 (66)

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (25) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

Дозвол. ценвур., СПБ., 27 іюня 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

XXI г. № 27 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 7 іюля 1890 г. Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮЛЬ 1890 г., съ 29 рисунками и отд. листъ съ 29 чертежами выкроекъ въ натур. величину и 32 рис. рукодѣльныхъ работъ.

На удочку. Съ карт. П. Вагнера, грав. Веберъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

III.

Отецъ Варавва долго сидѣлъ у дороги наединѣ со своими воспоминаніями. Стало уже вечерѣть. Закатъ обливалъ розовымъ свѣтомъ мѣловыя скалы и берегъ. Тишина мало-по-малу охватывала все кругомъ и только монастырскіе колокола порою наполняли ее своимъ молитвеннымъ звономъ. Монахъ хотѣлъ уже подняться и идти къ себѣ: „сегодня должно-быть ужь не будутъ“, думалъ онъ, какъ вдали, подъ лучами уже заходившаго солнца, показалось золотое облако. Очевидно, чей-то экипажъ поднималъ пыль на дорогѣ. Облако это приближалось, теряя свою радужную, веселую окраску... Должно-быть отца Варавву замѣтили еще издали, потому что онъ различилъ бѣлый платокъ, которымъ ему махала оттуда чья-то рука. Онъ пошелъ навстрѣчу и услышалъ: „батюшка!“ произнесенное знакомымъ голоскомъ Пашутки, уже выросшей и выровнявшейся теперь въ красавицу-дѣвушку, съ тяжелыми толстыми косами, яркими карими глазами и такимъ румянцемъ во всю щеку, который лучше этихъ глазъ и алыхъ губъ говорилъ объ ея здоровьи и силѣ.

— Ну, вотъ... ну, вотъ! радовался монахъ. — Благослови Боже въ часъ добрый... Я ужь думалъ завтра пріѣдете. Сегодня и не ждалъ.

— Мы вчера получили телеграмму отъ Сластенова, сказала Анна Савишна, выходя изъ коляски и отряхивая запыленное платье. — Хотѣли-было завтра выѣхать, да развѣ съ Прасковьей сговоришь. Узнала, что въ монастырь, и такъ пристала, такъ пристала. Ѣдемъ сейчасъ, мама, ѣдемъ сейчасъ. Ты что же, дылда этакая, подъ благословеніе не идешь? недовольно напомнила она названной дочери.

Та тотчасъ же исполнила это.

— Не знаешь, зачѣмъ это Сластеновъ звалъ насъ? лукаво спросила Анна Савишна.

— Не видались давно.—И Варавва строго нахмурилъ свои сѣдыя брови.

— Ну, изъ-за этого онъ не позоветъ. Другое что.

— Съ племянникомъ онъ... Милліонщики!

— Слава Богу и у насъ... Дѣла-то идутъ и безъ тебя, жаловаться не могу. Мельница паровая работаетъ на славу, кожевни тоже въ ходу. Одно только — съ рабочими сладу нѣтъ.

Отецъ Варавва нахмурился. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ оставилъ въ монастырѣ казначейскую должность, ему противно было даже упоминаніе о деньгахъ.

— Отличны дѣла-то... Прасковья, ты бы впередъ шла...

Дѣвушка побѣжала по дорогѣ.

— Изъ-за племянника вѣрно—и дѣло-то все. Я давно вѣдь Савву Кузмича знаю, озабоченно соображала Анна Савишна.—Ну а ты не видалъ его, каковъ онъ?

— Это ужь вамъ надо судить, не наше, не монашеское дѣло — разбирать. Такъ онъ показался мнѣ изъ кисляевъ. Ужь очень блѣдный, кровинки въ лицѣ нѣтъ... И ходитъ... точно трость, вѣтромъ колеблемая... По моему, Пашуткѣ онъ не пара, а впрочемъ — никакихъ качествъ за нимъ нѣтъ. Я говорилъ съ Саввой. Смиренъ что теленокъ и пужливъ. Ходитъ—оглядывается. Къ новому своему положенію никакъ пріобыкнуть не можетъ. Точно ему милліоны-то Сластеновскіе по ошибкѣ попали и ждетъ онъ: вотъ придетъ нѣкто и отниметъ ихъ у него...

И Варавва умѣхнулся.

— Смиренъ—это хорошо... Не пьетъ?

— Куда ему пить!.. Какъ гусь—воду, я такъ полагаю. Коли понравится онъ Пашуткѣ — будетъ она его державить. Ишь какая пышная стала!—И Варавва, прищуривъ свои старческіе глаза, съ удовольствіемъ любовался дѣвушкой, смѣло шедшей впереди.—Не похожа на ту, что изъ-за меня тогда пужалась все... Ахъ, грѣхи, грѣхи!.. Ну а она какъ?.. Сердце то у нея—ни къ кому?

— Чего еще, старый, выдумаешь! съ неудовольствіемъ прервала его сестра.—Въ честномъ купеческомъ дому живетъ! Окромя нашихъ дѣвицъ никто у нея не бываетъ. Заладилъ было подъ окномъ одинъ ходить съ кокардой, въ сѣрыхъ штанахъ въ клѣтку, ну я приказала Ефрему попужать его — онъ и спустилъ Волчка... Смѣху что было... Самъ знаешь, Волчокъ-то собачка огромаднѣющая—какъ рявкнула на кокарду-то — тотъ взвился ажъ!.. Такъ отъ клѣтокъ-то ничего и не осталось. Потомъ мировой вызывалъ — да я не пошла, ну ихъ! Оштрафовали... На пятьдесятъ... За то теперь никто не ходитъ. Боятся. По другую сторону улицы идутъ — и то глазами этакъ въ бокъ: нѣтъ-ли гдѣ собачки...

— Ты что-же это бунтуешь? а?.. Вѣдь это по настоящему разбоемъ называется. Живаго человѣка-то — собаками рвать.

— Это-то?.. Нѣтъ, отецъ (съ тѣхъ поръ какъ братъ ея принялъ иночество, она его иначе не называла), нѣтъ, это, отецъ, не разбой. А вотъ разбой: растишь, растишь дѣвочку, а онъ ужь носомъ деньги-то почуялъ и давай оболокать да улещать ее. Вотъ это точно разбой. Другой еще гитару возьметъ. По нашимъ-то мѣстамъ и такіе завелись.

— А если хорошій человѣкъ?.. Какъ его узнаешь—какой онъ! Другой и съ гитарой — а сердце въ немъ доброе.

— Ну нѣтъ. У кого денегъ нѣтъ, кто бѣдный ежели—за тѣмъ смотри! У того, опять, добраго на умѣ и быть не можетъ.

— Анна! строго прервалъ онъ ее.—А сама то ты забыла—какъ я тебя замужъ голую да голодную выдавалъ? Съ деньгами ты была?

— По твоей святости тебѣ этого не понять, а только хорошіе люди коли они безъ денегъ—за дѣвушками-то не ходятъ.

— Ахъ, гибель, гибель ваша мірская!.. Видно при всякихъ деньгахъ—жадные бѣсы приставлены. Съ себя снялъ—а они уже надъ тобою властвуютъ. Не избѣгнешь ихъ. Только въ обители и спасеніе!..

— Пашутка-то, не обращала вниманія на его разсужденія Анна Савишна,—Пашутка-то теперь на кавалеровъ—ноль вниманія. Уже свои грѣхи есть... Завелись! Что дѣлать! у кого ихъ нѣтъ?

— Какіе еще? усмѣхнулся старикъ, слѣдуя неотступно ласковымъ взглядомъ за Пашуткой.

— Первое дѣло: музыканитъ. Страсть! отъ фортопьянъ не оторвешь. Съ утра звонитъ. Лба себѣ не перекреститъ оглашенная—а ужь сейчасъ давай играть. Я ее ужь вчера за косу оттащила. Помолись, говорю, сперва, дурища. Ну, а второе — книга. Эта самая бліотека у насъ завелась, какже, въ городу. Николи не не бывали, а теперь есть. И лежатъ, отецъ, въ бліотекѣ эти книжки. Сама видѣла. Горы книжекъ-то. Ну Пашутка-то на нихъ, какъ голодная кошка на печонку, такъ и накинулась. Обидѣла я ее на-дняхъ-то... Очень обидѣла. Зло меня взяло. Сидитъ съ книжкой и ничего не видитъ, что́ кругомъ. Странница пришла, объ Іерусалимѣ-градѣ разсказываетъ — а она носъ-то уткнула, точно больная индюшка, и читаетъ. Вырвала я эту книгу—и по лбу ее. Два дня со мной не говорила ни слова. Я ужь къ ней такъ и сякъ—молчитъ. Потемнѣла вся... А потомъ—одолжила меня: „что съ вас, го-

ворить, тетенька, ишь—понимай сколь обидѣлась—тетенькой опять назвала, что съ васъ и требовать, сами вы во тьмѣ выросли, и ежели что впередъ, такъ я уйду отъ васъ—вотъ и все...“

— Куда?.. встревожился отецъ Варавва.

— А это ужь ты у нея увспроси... Куда?.. Ну, да не уйдетъ. Некуда ей уйти отъ денегъ отъ нашихъ. Это бѣднымъ ежели, ну тѣмъ уходить хорошо... А богатому не уйти! съ глубокимъ убѣжденіемъ проговорила Анна Савишна.—А вотъ и Савва Кузмичъ... Онъ!.. Побѣлѣлъ... Бороду-то у него точно инеемъ... А съ нимъ-то... это и есть племянникъ?..

— Да, да...

— Точно, что кисляй...

— Анна Савишна, Парасковья Яковлевна!.. Ну, ужь я по-стариковски, прямо въ щечки.

— А то какъ еще?.. смѣялась Анна Савишна. — Пашка, ты чего еще стыдиться вздумала?.. Скажите на милость!

— Племянникъ мой, Василій Герасимовичъ. Нашей Сластеновской породы. Вотъ только еще не подкормился. А подкормится, такой же будетъ. Всѣ мы въ одну масть... шутилъ Савва.

Василій Герасимовичъ смутился. Пашутка смотрѣла на него во всѣ глаза и видимо даже едва удерживалась отъ того, чтобы ей самой не расхохотаться; до такой степени казался ей смѣшнымъ этотъ молодой богачъ, котораго надо было подкармливать, чтобы сдѣлать его достойнымъ фамиліи, которую онъ носилъ. Она шла съ нимъ первое время молча, а потомъ вдругъ спросила:

— Вы въ Москвѣ живете?..

— Да... А до Москвы—въ Петербургѣ...

„Вонъ какой. Изъ *питерскихъ*“, мелькнуло у нея въ головѣ. „Ну, съ нимъ, значитъ, надо быть насторожѣ. Питерскіе, не гляди что хлипкіе—всѣ насмѣшники“.

— Весело у васъ въ Петербургѣ? ужь нѣсколько пониженнымъ тономъ спросила она.

— Кому какъ... Мнѣ не всегда весело было. Я до полученія наслѣдства очень нуждался. Какъ крыса былъ бѣденъ.

— Какъ крыса?.. А развѣ есть крысы богатыя и бѣдныя? прыснула она и вдругъ сдержалась.—А почему же вы бѣдны были?

— Мой отецъ разорился вѣдь и намъ ничего не оставилъ съ матушкой... Такъ что я долженъ былъ университетъ бросить.

— А вы и въ университетѣ были? удивилась Пашутка и повнимательнѣе взглянула на Сластенова.—Въ нашемъ городу купечество есть, и богатое, а чтобы кто въ университетѣ бывалъ — нѣтъ, не слышно. У насъ такъ все въ реальную гимназію. Поучатся до шестаго класса—и за дѣло.—Она помолчала, покраснѣла, хотѣла сказать что-то и сдержалась.—А теперь вы богаты?

— Да! Отъ дяди Арсенія Николаевича... При жизни-то онъ мнѣ ни разу не помогъ. А какъ нужно было!

— Перваго такого вижу! вдругъ вырвалось у нея.—У насъ, знаете, никто не признается, что бѣденъ былъ. У насъ это считается стыдно... Мы сами бѣдныя были прежде... Только маменька никому не сознается объ этомъ.

— Чего-жь тутъ стыдиться? Честная нищета во всякомъ случаѣ выше неправдой нажитаго богатства, выпалилъ онъ вдругъ фразою, прочитанною когда-то въ Нешумовскомъ фельетонѣ.—И ужь если разбирать, такъ большія состоянія (какъ это говорилъ Наплаксинъ?.. припоминалъ онъ), большія состоянія представляютъ собою продуктъ общественной безнравственности.

Пашутка даже вздрогнула. Ей стало страшно. „Тихоней смотритъ“, пронеслось у ней въ головѣ, „а какія слова знаетъ!“ Она даже въ своихъ книгахъ этого не читала. „Вотъ онъ какой... Его и подкармливать-то не надо...“ соображала она.

— Да вѣдь у васъ теперь, мнѣ сказывали, тоже большіе капиталы; какъ же вы это такъ говорите?

— Большіе, точно. Поэтому я и долженъ употребить ихъ на пользу общую. Капиталы это—обязательства. Я только ихъ хранитель и распредѣлитель.

— Не понимаю! откровенно призналась Пашутка.—То-есть, какъ-же вы?—своему капиталу значитъ не хозяинъ?

— Нѣтъ, хозяинъ, но я не имѣю права распоряжаться имъ какъ хочу. Я долженъ расходовать его на добрыя цѣли.

— Ну, на это не много надо. Мы тоже по субботамъ нищихъ по пятаку одѣляемъ... А кому и по гривеннику.

— Вы меня не поняли. Вотъ, напримѣръ, у насъ устраивается такая компанія—мы будемъ издавать честную газету.

— Какъ это честную? Развѣ есть...

— То-есть хорошую газету... Потомъ книжки.

— Будете книжки выпускать — мнѣ пришлите. Я страсть читать люблю. Мама и то бранится.

— Этого мало, вдохновлялся Сластеновъ.—Надо отечеству послужить и въ болѣе широкомъ масштабѣ. Такъ, напримѣръ, соединить Каспійское и Черное моря.

— Чего-съ?..

Пашуткѣ вдругъ стало страшно. Она даже оглянулась, на всякій случай, идутъ-ли за ними.

— Соединить, говорю, моря... Это знаете... это... Кто этому послужитъ, имя того будетъ навѣки вписано на земномъ глобусѣ... „Такъ кажется Боголюбъ Боголюбовичъ выражался?“ задумался онъ.

„Господи...“ взмолилась мысленно Пашутка, „ничего-то я, дура, не понимаю, какъ настоящіе говорятъ“.

— Это зачѣмъ моря?.. отчего же ихъ не оставить? Моря-то вѣдь Богъ создалъ. Что-жь ихъ трогать-то?

— Для облегченія торговли. Грузы съ Каспійскаго моря будутъ идти прямо въ Черное и обратно.

— А!.. значитъ это опять-таки для капиталу-же! успокоилась Пашутка.

— Одно для капиталу, а другое для добраго дѣла.

— У нась въ городу есть купецъ Евстигнѣевъ, такъ онъ открылъ пріютъ для престарѣлыхъ мѣщанъ, ну, ему за это медаль повѣсили. Большую золотую медаль на красной лентѣ. Такъ онъ съ этой медалью и ходитъ. А если, сказываютъ, церковь онъ построитъ, такъ ему крестъ выйдетъ... У насъ тоже жертвуютъ, ежели кто получить что желаетъ. Какъ-же...

— Ну, голуби! крикнулъ имъ Савва Кузмичъ.—Познакомились? Теперь ты, Василій Герасимовичъ, скинь-ко шапку да пониже поклонись. Дамамъ съ дороги отдохнуть, а чай пить мы къ нимъ опять. Если позовете...

— Приходите, смѣялась Анна Савишна. — У меня съ собой куманичное варенье, да айвовое желе есть. Угощу. Еще я изъ городу кренделей привезла. Здѣсь не достанешь!.. Отецъ, ты съ нами? обратилась она къ Вараввѣ.

И они поднялись въ отведенный имъ нумеръ.

— Ну, говорила съ питерскимъ-то?.. Какъ онъ тебѣ?.. не выдержала Анна Савишна.—Понравился?

— Страсть умный какой... Такой умный — я половину не поняла. Про Каспійское море какъ онъ это говорилъ—страшно мнѣ стало даже. Думаю — какая я дура большая выросла... Экой жидкій какой изъ себя, а поди-ко, сколько въ немъ... Про капиталъ онъ тоже хорошо разсуждаетъ...

— Вотъ что, Василій Герасимовичъ, заговорилъ Савва Кузмичъ, когда они остались одни,—надо мнѣ съ тобой теперь побалакать по настоящему. Тебѣ вѣдь двадцать четвертый пошелъ, а? Аль ошибаюсь? Кажись такъ?..

— Нѣтъ, двадцать третій.

Литературный альбомъ. „Князь Серебряный“ гр. А. К. Толстаго. Поединокъ боярина Морозова съ княземъ Вяземскимъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) К. Лебедева. грав. Шюблеръ.

— Ну, вотъ. Пора бы тебя поженить. Чего тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, зря болтаться. Капиталы у тебя есть, домъ въ Москвѣ—всѣмъ домамъ домъ. Чаша полная, одного не хватаетъ—хозяйки. А безъ хозяйки, будемъ говорить правду, все-то у тебя Плюсы съ Галопами растащутъ. Потому, вижу я, ужь очень ты простъ. Только развѣ лѣнивый не сорветъ съ тебя. Ты думаешь: мильонъ большое дѣло; а я тебѣ скажу: ста тысячъ труднѣе лишиться, чѣмъ мильона, потому при мильонѣ-то и счетъ большой, особливый, не то что при тысячахъ, да и жадность людская такъ на мильонъ разинута, что нужно много ума въ головѣ имѣть, иначе и не оглянешься, какъ они тебя и съ мильономъ твоимъ слопаютъ. Понимаешь ты меня?

— Вы это, дядя, къ чему ведете?

— Какъ тебѣ Парасковья Яковлевна—нравится?

— Ничего... Крупна ужь очень. Я такихъ еще и не видывалъ. У насъ, въ Петербургѣ, дѣвицы-то больше въ голову ушли — все попусту мозгами шевелятъ. Этакого румянца по всему городу не найдешь. А руку-то мнѣ пожала—до сихъ поръ болитъ... Мнѣ она нравится.

— Ну вотъ. Настоящая тебѣ невѣста. Человѣкъ вѣрный, не балованный. Денегъ у нея не столько, сколько у тебя, а все же не безприданница.

— Вы ужь и женили насъ! усмѣхнулся Василій Герасимовичъ.—Да она за меня, мозгляка, и не пойдетъ. Что̀ я за находка для нея?

— Ну, тамъ будетъ видно! загадочно проговорилъ Савва Кузмичъ и оставилъ племянника въ покоѣ.

Вечеръ удался удивительный. Мѣсяцъ выглянулъ за тополями и такимъ серебрянымъ свѣтомъ облилъ окрестности, какого до сихъ поръ Сластеновъ еще и не видывалъ. Серебряныя скалы, серебряные берега, серебряныя стѣны монастыря и серебряныя колокольни—уносили въ какое-то волшебное царство. Ничто кругомъ не было похоже на будничную дѣйствительность. Вѣтеръ заснулъ совсѣмъ—и весеннiе ручьи со звонкимъ рокотомъ своимъ, да соловьи, одни наполняли таинственное безмолвіе этого чуднаго края. Колокола обители спали въ потемкахъ. Огни гасли въ кельяхъ иноковъ, откуда-то доносилась тихая-тихая, робкая, словно крадущаяся пѣсня. Должно-быть молодой послушникъ вспомнилъ далекую деревушку, навсегда брошенную, и пѣлъ такъ, чтобы себя только слышать. Звуки, точно слезы, падали на измученную грудь.

— Хорошо поетъ! замѣтилъ Савва Кузмичъ.—Должно быть изъ Курскихъ... Курскіе по деревнямъ поютъ—за сердце хватаетъ.

Но точно испуганный донесшимся до него говоромъ, пѣвецъ замолкъ—и только одинъ соловей теперь, невидимый, гремѣлъ въ заколдованномъ царствѣ весенней ночи.

— А что, Анна Савишна, если мы пойдемъ къ рѣкѣ? предложилъ дядя-Сластеновъ.—И молодежь бы погуляла...

Та его поняла и поднялась.

— Мы-то сядемъ гдѣ-нибудь—а они пущай, ихъ дѣло иное. Нашей немощи нѣтъ у нихъ. Покоя имъ не надо!

— Коли не скучно вамъ будетъ со мной—пойдемте, а? робко предложила Пашутка, все еще терявшаяся при Васильѣ Герасимовичѣ.

— Почему же скучно? изумился тотъ.—Развѣ съ вами можетъ быть скучно?

— Со мной-то?..

Пользуясь тѣмъ, что они вошли въ рощу и тѣни деревьевъ спрятали ее отъ луннаго свѣта, она насмѣшливо улыбнулась.—Со мной-то, дурой! Съ кѣмъ и скучать, какъ не со мной? Вы-то вонъ какой умный... а я что̀!.. Догадались бы руку дать — тутъ споткнешься. И корни-то переплелись внизу, точно змѣи. Идешь—будто тебя руками кто хватаетъ за ногу.

Онъ подалъ ей руку, но не ему пришлось поддерживать ее; напротивъ, не сдѣлавъ еще двухъ шаговъ, онъ растянулся, споткнувшись объ одинъ узловатый корень. Она расхохоталась, но тотчасъ же сдѣлалась серьезна. Понизу бѣжали свѣтлые блики луннаго свѣта, казалось они догоняли молодыхъ людей, заскакивая впередъ, падали на нихъ сверху, по корявымъ старымъ стволамъ скользили внизъ. Василій Герасимовичъ то видѣлъ задумчивое лицо почему-то разомъ притихшей дѣвушки, то оно уходило отъ него въ тѣнь, чтобы тотчасъ же появиться снова. Чѣмъ дальше, тѣмъ соловьи пѣли все громче и задорнѣе... Одинъ зарокоталъ надъ самыми головами ихъ, когда они проходили подъ деревомъ, въ чащѣ котораго онъ сидѣлъ. Пашутка остановилась разомъ и заслушалась.

— Вы соловьевъ любите? тихо спросила она, и сама сейчасъ же отвѣтила:—Соловья нельзя не любить, потому что соловей самъ всѣхъ любитъ. Ишь какъ дѣлаетъ!.. Ну еще, еще голубчикъ, милый! У насъ въ клѣткѣ былъ соловей—жалко мнѣ его было, я его и выпустила. Грѣхъ птицъ-то въ клѣткахъ держать.

— А на волѣ его коршунъ...

— Пусть. Все-таки на волѣ... На волѣ-то помирать легче, чѣмъ въ затворахъ жить, а?.. Василій Герасимовичъ, скажите мнѣ по правдѣ, по истинѣ... смѣшная я вамъ, а?..

— Какъ смѣшная?

— Такъ... Вы вѣдь питерскій, вы про себя думаете поди, вотъ дура-то уѣздная, неотесанная... А? Думаете вѣдь, голубчикъ?.. Скажите мнѣ.

— Да какъ же можно!.. Да я, Прасковья Яковлевна, самъ былъ бы дуракъ... Такихъ какъ вы, до сихъ поръ я и не...

Но ему не удалось отвѣтить. Точно стрѣла вырвалась она у него изъ-подъ руки, бросилась въ чащу и крикнула „лови“! Потомъ донеслось ея „ау!“, и Василій Герасимовичъ смѣясь бросился за нею, наткнулся на какое-то дерево, споткнулся о камень, поднялся, чтобы тотчасъ же въ оврагъ слетѣть, хорошо что было не глубоко. Тутъ меланхолически булькалъ ключъ, точно жаловался на что-то... „Ау!“ слышалось впереди.

— Василій Герасимовичъ, гдѣ вы... ау! ау!..

Онъ словно ополоумѣвшій выбѣжалъ и передъ нимъ была уже рѣка въ мѣловыхъ берегахъ. Тѣни на нихъ отъ деревьевъ ложились длинныя, черныя, рѣзкія... Каждый камень обрисовывался ярко. Пашутка стояла у самой воды, и отъ нея также рѣзко, черно и длинно ложилась тѣнь на бѣлыя отмели. Она точно преобразилась вся. Ни улыбки на лицѣ. Напротивъ, даже поблѣднѣла. Строго смотрѣли ея глаза. Она прислушивалась къ чему-то...

— Василій Герасимовичъ, вы понимаете, что̀ рѣка говоритъ?.. Каждая струйка съ камешками... Ишь, точно прощается... Далеко-далеко уйдетъ она отсюда и слѣда отъ нея не будетъ. Новыя струйки набѣгутъ—и они тоже... Всѣ къ морю синему. Теперь и надъ моремъ мѣсяцъ этотъ... Соловьевъ только нѣтъ нашихъ тамъ и лѣсу нѣтъ... за-то просторъ... свѣжесть... прохлада... И все оно подъ луной блеститъ, теперь, и волнуется... А море куда уходитъ, Василій Герасимовичъ? Все вѣдь идетъ куда-нибудь?.. Безъ остатку... Было—нѣтъ. Куда же море-то?—Она молча задумалась.—Хорошо говоритъ рѣка... хорошо. А берега-то тихіе какіе... пустынные... Вы никогда не плачете, а?.. Мнѣ въ такія ночи... такъ бы и разревѣлась, да стыдно...

Слезы стояли въ ея глазахъ.

И она тихо пошла впередъ. Онъ уже не нарушалъ ея молчанія. Скоро она сѣла у берега на большой известковый камень.

— А это вы хорошо задумали, поясняла она дальше свою мысль.—Стараться къ тому, чтобы всѣмъ жить хорошо было. Это вы очень хорошо, Василій Герасимовичъ.

Мы вѣдь здѣсь, какъ во тьмѣ—ничего не знаемъ, что̀ у людей дѣлается. У насъ все по заведенному, какъ завелось, такъ идетъ и хоть-те что̀... Вотъ теперь мы Божьему міру радуемся... Ночь эта, соловьи... Рѣка вотъ... Слушаемъ ихъ, такъ бы кажется крылья раскинула, кабы были, да за этой водой и улетѣла. А кто бѣдный—понимать это не можетъ. Онъ за день-то натомится, ему бы спать. Вы меня простите, Василій Герасимовичъ, я и говорю-то Богъ знаетъ что̀. Въ головѣ у меня понятно все, а разсказать не умѣю. Вы вонъ давеча про газету... Это что-жь, вы сами ее писать будете?

— Нѣтъ... Я дамъ средства. А редакція у меня и сотрудники найдутся! У меня старые друзья есть.

— И это хорошо. Чтобъ, значитъ, доброе писали и разсказывали, какъ надо жить по-хорошему, по-настоящему. Оттого вы, Василій Герасимовичъ, и худой такой, что все думаете. Кто думаетъ мало—тотъ здоровъ, а кто много... Только это хорошо... У насъ нѣтъ такихъ...

Она поднялась и пошла вдоль рѣки.

— Наше женское дѣло — охъ скучное! вырвалось у нея.

— Почему?

— Какъ же! У васъ вонъ какія мысли, и вы можете дѣлать что̀ хотите... Задумали и сдѣлали... А мы-то... сиди вотъ, да брянчи на фортепьяно, либо книжку читай.

— Отчего же? Это у васъ въ вашемъ маленькомъ городѣ, а въ Петербургѣ и Москвѣ теперь пропасть дѣвушекъ и женщинъ которыя работаютъ. Вотъ пріѣзжайте къ намъ, увидите сами. Пріѣзжайте въ самомъ дѣлѣ.

И голосъ у него дрогнулъ.

— Я бы поѣхала, да какъ?.. Коли бы Савва Кузмичъ женатый былъ—тогда бы къ нему. Погостить.

— Вы богатая дѣвушка и разсуждаете еще. Сѣли да поѣхали.

— Вонъ вы какъ!.. А матушка-то?.. Она мнѣ тетенька собственно, но замѣсто матушки... Такъ я ее и зову... Нешто ей легко будетъ? Зачѣмъ же я съ нею буду не по хорошему!

— Пускай и она.

— Ей нельзя, у нея дѣла есть... большія дѣла у ней. Ей никакъ отлучиться невозможно. Помилуйте, какіе убытки будутъ! Еще пока батюшка въ мірѣ былъ—ну такъ; а теперь на кого она довѣриться-то можетъ. Свой глазъ нуженъ.—И она разомъ перешла въ дѣловой тонъ. Наживная жилка забилась. — У насъ съ одной паровой мельницей—возни-то! Недавно поставили. Опять-же скупка хлѣба въ конторѣ...

— Маленькій убытокъ васъ не разоритъ.

— Нѣтъ—убытки, это зачѣмъ же! Это ужь всегда: какъ пойдетъ убытокъ, такъ его не удержишь... Мы это знаемъ. Зачѣмъ-же... Ловите, Василій Герасимовичъ!

И звонко расхохотавшись, она бросилась впередъ по бѣлому берегу, вся обрисовываясь на немъ своею сильною и красивою фигурой.

Сластеновъ побѣжалъ—она было пріостановилась, но когда молодой человѣкъ хотѣлъ ее поймать, она, вся раскраснѣвшаяся, умкнула въ сторону и онъ попалъ въ воду. У берега было мелко, онъ только промочилъ сапоги.

— Вотъ, недовольно брюжжалъ онъ,—завтра изъ-за васъ у меня будетъ кашель и насморкъ.

— Скажите!.. Отъ этого, да кашель? Сейчасъ все высохнетъ... Чтой-то вы странный какой? Точно и не молодой. Словно дяденька, Савва Кузмичъ. Все бы вамъ о важномъ... Это отъ мыслей. Пріѣхали бы вы къ намъ, въ городъ, посмотрите какъ поздоровѣли бы!

— А вы бы хотѣли, Парасковья Яковлевна, чтобы я пріѣхалъ?

— Отчего-жь. У насъ такихъ нѣтъ. Съ вами хорошо, просто отвѣтила она.

— А можетъ быть я и въ самомъ дѣлѣ пріѣду. Только боюсь.

— Чего это еще?

— Вѣдь вы вонъ какая. Съ вами страшно.

— Со мной-то! Тоже страхи нашли; что вы, что вы, Василій Герасимовичъ! Съ нами, съ дурами-то... Это вы такъ по своему, по столичному. Вотъ съ вами точно что... съ непривычки, не знаешь какъ—и все боишься. Меня-то и привезли сюда не спроста, вырвалось у дѣвушки.

— Какъ не спроста?..

— Такъ... Смотрѣть васъ... А вамъ показать меня!—И она расхохоталась.—Мама-то всю дорогу—причешись, говоритъ, по модному, что̀ ты все въ косахъ ходишь. Въ косахъ ему не понравишься... А мнѣ что̀?.. Я обманывать-то не желаю. Хожу какъ хочу.

— Косы къ вамъ, напротивъ, идутъ.

— Еще-жь бы! такія-то!—И она, схвативъ одну изъ косъ, крѣпко ударила ею по плечамъ Василія Герасимовича.—Потомъ, говоритъ, чтобы я съ вами поменьше балакала—вы осудите. А я такъ думаю, что притворяться грѣхъ. Какая есть, такая и будь. А вамъ дядя, Савва Кузмичъ, ничего не говорилъ... про это самое?

— Говорилъ, улыбнулся Сластеновъ.—„Вотъ увидишь такую красавицу, какихъ ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ и съ огнемъ не сыскать“.

— Ну ужь... урода показали. Поди у васъ въ Питерѣ въ каждомъ окнѣ есть получше?

— Такихъ какъ вы — нигдѣ нѣтъ. Васъ, если бы художники увидѣли, да они съ ума сошли бы. Сейчасъ бы васъ рисовать стали.

— Что вы, что вы! Съ живаго человѣка-то—рисовать?.. Я не такая, обидѣлась она.—А еще что̀ вамъ говорилъ дядя?

— А еще... и Сластеновъ сконфузился.—А еще говорилъ, что онъ очень бы хотѣлъ... чтобы мы... то-есть я... и вы... То-есть знаете... какъ это...

Но она вдругъ опрометью кинулась отъ него прочь, со звонкимъ смѣхомъ перепрыгивая черезъ камни и узенькія полоски воды оставшейся у берега. А ночь молчала, задумчивая и прекрасная, мѣсяцъ застоялся посреди неба, окутывая всю ее своимъ серебристымъ вѣнчальнымъ флеромъ. Въ словно заколдованную тишину уже отошедшіе далеко, вмѣстѣ съ рощами и садами, соловьи кидали свои звонкія поэтическія трели и нѣжно-нѣжно, ластясь къ берегамъ, журчали струи быстро бѣгущей рѣки.

IV.

Утро смотрѣло въ окна небольшой кельи, занятой въ монастырской гостиницѣ Анной Савишной съ Пашуткою. Дѣвушка только что встала съ постели и, жмурясь отъ солнца, любовалась на цѣлое море свѣжей роскошной зелени, разстилавшейся до самой рѣки и перекидывавшейся за рѣку на холмы, ограничивавшіе горизонтъ. Небо было чистое, ясное. Ни одного облачка на немъ; по вершинамъ лѣса часто пробѣгалъ легкій вѣтерокъ и весенняя нѣжная листва струилась какъ вода. Когда окна отворили, вмѣстѣ съ благоуханнымъ дыханіемъ только-что распустившейся чащи, въ комнату ворвалось пѣніе птицъ, стрекотъ кузнечиковъ, отдаленный медлительный звонъ колокола деревенской церкви, совсѣмъ затерявшейся въ этихъ лѣсахъ.

— Хорошо здѣсь, мама... какъ хорошо! У насъ въ городѣ-то куда хуже. А?.. правда, хуже? И садъ у насъ не такой.

— Что ужь объ городѣ-то болтать пустое. Въ городу грѣхъ, а здѣсь...

И она задумалась, очевидно о чемъ-то постороннемъ.

— Я не о томъ. Ты посмотри на лѣсъ этотъ. Кажется—бросишься и утонешь въ немъ. Ты что̀ хмуришься, а?..

— Хмурюсь?.. Нѣтъ... Думаю такъ... Вчера-то устала ты—говорить съ тобою было некогда... Ну, что, какъ у васъ?

— У кого, у насъ? притворилась лукавая дѣвушка непонимающей.

— У васъ... Ну, съ Сластеновымъ съ этимъ? На ладъ что-ли идетъ?..

— Что́ на ладъ?

— Эко какая ты! укоризненно покачала та головою.— Отъ меня и то хоронишься. Вѣдь все равно что мать тебѣ? Нешто позволили бы мы тебѣ гулять по ночамъ съ постороннимъ кавалеромъ ежели бы... Ну, какъ онъ тебѣ? Побольше его разсмотрѣла?

— Умный! задумалась дѣвушка.—И все говоритъ непонятное. Уставится внизъ и говоритъ... А бѣгать не умѣетъ. Я побѣжала... а онъ шабашъ — споткнулся... Теперь поди у него синяки на лбу. А то пожалуй и шишка вскочила.

— Еще бы имъ бѣгать-то—у нихъ въ столицахъ и мѣстовъ такихъ нѣтъ. А вотъ что. любъ онъ тебѣ?

Дѣвушка покраснѣла, отвернулась къ комоду и давай рыться въ немъ. Анна Савишна показала видъ, что не замѣчаетъ ея смущенія.

— Любъ онъ тебѣ, что-ли?.. Потому что ежели любъ, такъ мы на зиму на эту поѣдемъ въ Москву... Такъ и Савва Кузмичъ рѣшилъ. У него въ дому остановимся. И тятенька-то благословилъ на это на самое!.. Ну, чего-жь ты—точно воды въ ротъ набрала?

— Что-жь мнѣ-то?.. По мнѣ пожалуй поѣдемъ въ Москву. Я Москвы-то еще не видывала.

И дѣвушка еще пуще раскраснѣлась.

— Ну, то-то. А еще прятаться вздумала. Лукавка несуразная!

Черезъ нѣсколько минутъ Прасковья Яковлевна оставила тетку одну. Она не усидѣла бы дома въ это свѣжее, ясное весеннее утро. Живо она вбѣжала въ лѣсную чащу и замечталась въ ея тѣни и прохладѣ, слѣдя за золотыми зайчиками солнечныхъ лучей на травѣ и на толстыхъ стволахъ старыхъ деревьевъ. Савва Кузмичъ будто зналъ, что она будетъ здѣсь. Онъ привелъ Василія Герасимовича сюда и попросилъ его обождать, пока самъ сходитъ къ отцу Антонину въ его схимническую пустынь.

— Здравствуйте! окликнула молодаго человѣка дѣвушка.

Тотъ неловко подошелъ къ ней.

— Что у васъ голова?.. не болитъ со вчерашняго?.. Я такъ думала, шишка будетъ у васъ... Экій вы какой, право! недовольно проговорила она.—Чего-жь вы не здоровкаетесь?

Онъ подалъ ей руку.

— А мы на зиму въ Москву.

— Ну!? радостно переспросилъ Василій Герасимовичъ.

— Мама сейчасъ говорила . Савва Кузмичъ ей совѣтуетъ.

— Дядя?..

Сластеновъ немного покраснѣлъ и смутился. Замѣтивъ это, и сама конфузившаяся, дѣвушка оправилась и набралась силы. Ей даже стало жалко милліонера, робѣвшаго передъ ней.

— Видѣться будемъ часто .. Вы у дяди-то бываете поди каждый день?

— Нѣтъ, пока не бывалъ столько, а теперь...

— Что теперь? притворилась она ничего не понимающею.

— Теперь буду... По крайности васъ увидишь... опустилъ онъ голову.

— Вы смотрите... Вы каждый день къ намъ въ Москвѣ ходите.

— Очень вамъ нужно. Со мной скучать станете. Потомъ сами меня прогоните. Скажете — ступай вонъ, надоѣлъ. И чего шляется!..

— Я не такая... Я привязчивая. — И она задумалась.—Я вѣдь тоже сначала въ бѣдности да скудности росла. Тятенька-то не сразу баловалъ, тихо начала она. — Какъ и вы тоже... не знала что̀ лакомый кусокъ значитъ. Коли-бы не тятенька... Онъ насъ съ мамой спасъ. А то бы пропадомъ пропадать намъ привелось. Мало-ли такихъ-то... Только что мнѣ меньше чѣмъ вамъ пришлось маяться. А посмотрите-ка какъ вы оправитесь въ хорошей жизни. И потомъ я смирныхъ люблю, потому я-то вѣдь трусливая тоже.

(Продолженіе будетъ).

Старинный вальсъ.

(Изъ разсказовъ стараго маіора).

(Продолженіе).

Я отпущенъ былъ на вакаціи къ отцу, и въ самый день пріѣзда. узнавъ что князь въ Спасскомъ, верхомъ поскакалъ туда.

Въ первую минуту встрѣчи, мы всѣ другъ друга не узнали.

Князь замѣтно постарѣлъ, изъ красиваго еще и статнаго брюнета сдѣлался совсѣмъ сѣдымъ старикомъ.

Дима былъ удивительно красивъ и строенъ, въ своемъ камеръ-пажескомъ мундирѣ, а въ худенькой, высокенькой барышнѣ. тщательно затянутой въ корсетъ и отвѣсившей мнѣ церемонный реверансъ, я никогда не узналъ-бы миніатюрную Нелли, капризно засыпавшую на моихъ рукахъ, во время своей болѣзни.

Она, впрочемъ, первая стряхнула съ себя овладѣвшую всѣми нами неловкость, и съ крикомъ: „Вахлакъ Семенычъ, это ты?..“ стремительно бросилась ко мнѣ на шею.

Ни снисходительныя замѣчанія улыбавшагося князя, ни строгія восклицанія скандализованной англичанки, жеманно пожимавшей своими сухими плечами и ожесточенно взывавшей: „Schoking, miss Nelly!.. Schoking...“ ничто не могло удержать порыва неподдѣльной радости, овладѣвшаго сначала моимъ маленькимъ другомъ, а затѣмъ и мною самимъ.

Мы обнимались, плакали, и вновь обнимались и цѣловались безъ конца, безъ счета...

Отецъ мой, выѣхавшій изъ дома тотчасъ послѣ меня, и подоспѣвшій къ этой сценѣ, улыбался и съ притворнымъ гнѣвомъ останавливалъ меня, приговаривая

— А ты бы къ ручкѣ!.. Вотъ ужь подлинно Вахлакъ Семеновичъ!

Курагины на этотъ разъ прогостили въ Спасскомъ около мѣсяца, и я ежедневно бывалъ съ ними.

То мы катались кавалькадой верхомъ. то вмѣстѣ ѣздили на сѣнокосъ, то подъ веселый шумъ лѣтняго дождичка весело болтали, важно расхаживая по громадной залѣ или уютно усѣвшись всѣ трое въ рядъ, на длинной отоманкѣ, тянувшейся вдоль всего кабинета князя.

Хорошее это было время! Куда какое хорошее!.. И теперь, на старости лѣтъ, какъ вспомнишь объ немъ, такъ что-то встрепенется, воскреснетъ въ душѣ, и словно весь помолодѣешь!..

Дима станетъ бывало разсказывать свои корпусныя шалости, воспитателей своихъ передразнивать, а тамъ вдругъ размечтается о томъ, какъ онъ въ кавалергарды выйдетъ, какъ на придворныхъ балахъ отличаться станетъ.

Нелли тоже, какъ большая барышня, описывала мнѣ всѣ туалеты въ какихъ она танцовала въ теченіе послѣдняго зимняго „сезона“, про „кавалеровъ“ своихъ мнѣ разсказывала, и въ заключеніе всегда, бывало, скажетъ: „Только всѣ они въ душѣ пустые, и навѣрное не добрые! Ты, Вахлакъ Семеновичъ, добрѣе и лучше всѣхъ.. Кромѣ...“

И за этимъ кромѣ слѣдовала длинная пауза во время которой большіе синенькіе глазки опускались, смуглыя щечки покрывались румянцемъ, а затѣмъ начинался длинный безконечный разговоръ о любимомъ товарищѣ и пріятелѣ Димы, графѣ Перадовскомъ, вмѣстѣ съ Курагинымъ перешедшемъ въ старшій классъ и пожалованномъ въ камеръ-пажи.

— И какой онъ красавецъ. въ этомъ своемъ мундирѣ!.. Ежели-бы ты видѣлъ его, Вахлачёкъ, ты бы самъ въ него непремѣнно влюбился!. заканчивала рѣчь свою воодушевившаяся дѣвочка, складывая на груди свои крохотныя ручки.

— А что?.. Развѣ кто нибудь ужь влюбленъ?.. съ улыбкой спрашивалъ я, въ отвѣтъ на ея слова, за что̀ получалъ легенькій ударъ по лбу или по головѣ, съ шутливымъ, нараспѣвъ сказаннымъ. „Вахлакъ—дуракъ!.“

Да, счастливое это было время, счастливые годы!.. Дважды на вѣку такихъ не переживается...

За этимъ пребываніемъ княжескаго семейства въ Спасскомъ послѣдовалъ опять долгій перерывъ.

Кающаяся Магдалина. Съ карт. **Габріэля Макса**, грав. Т. Капустинъ.

Я успѣлъ окончить курсъ, и выйдя въ офицеры, схоронилъ отца, и пріѣхалъ въ долгосрочный отпускъ, для ввода во владѣніе и устройства дѣлъ.

Отъ управляющаго Спасскимъ узналъ я, что и семью Курагиныхъ посѣтило страшное, никѣмъ непредвидѣнное несчастіе.

Дима, упавъ съ лошади на скачкахъ, убился до смерти на мѣстѣ, и князь, проводившій въ это утро сына здоровымъ и встрѣтившій вечеромъ его окровавленное тѣло, — былъ такъ пораженъ этимъ, что чуть не сошелъ съ ума.

Въ то время когда эта горькая вѣсть дошла до меня, со дня смерти Димы прошелъ уже почти годъ, и спустя короткое время послѣ моего пріѣзда, въ Спасскомъ получено было извѣстіе о скоромъ прибытіи туда князя съ дочерью-невѣстой.

Извѣстіе о свадьбѣ Нелли поразило меня не менѣе вѣсти о кончинѣ Димы, и странно, не радость а какое-то горькое чувство шевельнулось въ моей груди при этомъ извѣстіи.

Отчета въ этомъ чувствѣ я самъ себѣ дать не могъ.

Нелли любилъ я какъ сестру, мысль о возможности какой-нибудь иной привязанности между нами никогда не закрадывалась мнѣ въ душу, да и гдѣ было мнѣ, мелкопомѣстному дворянину, бѣдному армейскому офицеру, мечтать о такой невѣстѣ, какъ княжна Наталья Ѳедоровна Курагина, единственная наслѣдница милліонера!

Подобная безумная мысль никогда не могла запасть въ мою голову, а между тѣмъ сердце билось какъ-то особенно тревожно, и что-то горькое мучительно сжимало мнѣ грудь.

Я рѣшилъ не ѣхать въ Спасское первымъ и ни о чемъ не освѣдомляться, а терпѣливо ждать, пока получу формальное приглашеніе.

Товарища моего, Димы, въ живыхъ уже не было; самому князю, безъ батюшки, я былъ не нуженъ; что же касается Нелли... то кто знаетъ, захочетъ-ли она, блестящая фрейлина Двора, счастливая невѣста навѣрное какъ она-же богатаго и знатнаго жениха, — вспомнить и узнать стараго товарища своего дѣтства, своего прежняго, преданнаго ей „Вахлака“?

Но я ошибался въ моей „кружевной дѣвочкѣ“. Она была все та-же, нѣжная, добрая и любящая, и на другой-же день послѣ пріѣзда князя въ Спасское, верховой, нарочно присланный отъ княжны, вручилъ мнѣ элегантный, атласный конвертикъ съ княжеской короной, а въ немъ визитную карточку княжны, со слѣдующею приписской:

„Вахлакъ Семеновичъ! Я пріѣхала, и очень удивлена и оскорблена тѣмъ, что вы меня не встрѣтили. Я выхожу замужъ, я счастлива, мой женихъ въ Спасскомъ, вмѣстѣ со мною, и оба мы хотимъ видѣть и требуемъ немедленнаго пріѣзда нашего „вахлака“.

И конвертикъ этотъ, и эта карточка, свидѣтели ея радости и счастія... все это цѣло, все свято хранится у меня.

Понятно, что на такое дружеское приглашеніе нельзя было отвѣтить иначе какъ тотчасъ-же отправившись въ Спасское. Такъ я и сдѣлалъ, и не доѣзжая до околицы встрѣченъ былъ группою гуляющихъ, изъ которыхъ быстро выдѣлилась Нелли, почти бѣгомъ устремившаяся ко мнѣ навстрѣчу.

Я соскочилъ съ лошади, и княжна повисла у меня на шеѣ.

— Браво, Нелли! вотъ какъ! звучнымъ баритономъ раздалось подлѣ насъ, и я тутъ впервые обернулся и увидалъ общество, сопровождавшее княжну.

Оно состояло изъ трехъ гвардейцевъ и двухъ молодыхъ дамъ или дѣвушекъ, изъ которыхъ одна, съ перваго взгляда, поразила меня своею наружностью.

Она была замѣчательно высока ростомъ и стройна какъ пальма. Ея талія, гибкая и тонкая, слегка качалась на ходу, какъ пышный цвѣтокъ на своемъ стеблѣ; на ея великолѣпныхъ плечахъ, нескромно сквозившихъ изъ-подъ кружевнаго лифа, гордо высилась миніатюрная, красивая головка, слегка откинутая назадъ, подъ бременемъ густой, волнистой косы; изъ-подъ щегольскаго платья выглядывала стройная, узенькая ножка; до локтя обнаженныя руки были точно изъ мрамора выточены. Но что̀ особенно поражало въ ея наружности, что̀ придавало ей замапчивую, какъ-бы неотразимую прелесть, это ея глаза, большіе зеленые глаза, гордые и холодные, пристальнаго взгляда которыхъ никто навѣрное не могъ бы выдержать на себѣ безнаказанно.

Такимъ, по крайней мѣрѣ, казался взглядъ этотъ мнѣ, и я невольно вздрогнулъ, встрѣтившись съ его холодными, какъ острая сталь, лучами.

Въ отвѣтъ на раздавшееся за нею замѣчаніе, Нелли весело разсмѣялась и, отбѣгая отъ меня, представила мнѣ поочередно все сопровождавшее ее общество.

Въ кавалергардѣ, такимъ звучнымъ, красивымъ баритономъ, остановившемъ княжну, я узналъ жениха ея, элегантнаго красавца, графа Николая Антоновича Нерадовскаго, товарища бѣднаго Димы, предметъ пылкихъ дѣтскихъ разсказовъ маленькой Нелли, на старомъ диванѣ уютнаго кабинета.

Рядомъ съ нимъ были будущіе шафера его, лейбъ-гусаръ Ховринъ и кирасиръ баронъ Эльтенъ.

Дамы были: одна, сосѣдка князя по имѣнію, новая владѣлица громаднаго села „Ополье“, Софья Сергѣевна Дружинина, а другая, зеленоокая красавица, бывшая воспитанница одного изъ петербургскихъ институтовъ, Лариса Андреевна Войтовичъ, что-то среднее между компаньонкой и лектрисой, приглашенная въ домъ князя для того чтобы сопутствовать всюду Нелли, а въ свободныя минуты читать вслухъ газеты самому князю, совершенно устарѣвшему и опустившемуся послѣ смерти сына.

Домой мы вернулись всѣ вмѣстѣ, пѣшкомъ, и на балконѣ нашли князя, распечатывавшаго только что привезенныя съ почты газеты.

Я съ трудомъ узналъ князя Курагина, такъ сильно измѣнили его прожитые годы и пережитое горе.

Ни прежней бодрости, ни прежней красоты и въ поминѣ не было. Это былъ дряхлый старикъ, замѣтно подбодрившійся и молодившійся, чего за княземъ, до того времени, не водилось никогда.

Лариса Андреевна своей ровною, величественною походкой направилась прямо къ нему и принялась помогать ему въ распечатываніи конвертовъ.

Княжна попробовала воспротивиться этому, два раза нетерпѣливо крикнувъ: „Лара!“ но это не привело ни къ чему; молодая дѣвушка невозмутимо продолжала разъ начатое занятіе.

Впрочемъ, не много проницательности нужно было для того чтобы сразу понять, что Лариса Андреевна не создана ни для покорности, ни для послушанія, и что подъ какою бы скромною маской она ни вошла въ домъ, она всегда съумѣетъ занять въ немъ первое мѣсто и подчинить себѣ все окружающее.

Таково, по крайней мѣрѣ, было впечатлѣніе, произведенное молодою дѣвушкой лично на меня.

— Что „Вахлакъ“, заглядѣлись на Лару? Правда, красавица? спросила меня княжна, подмѣтивъ пристальный взглядъ, который я остановилъ на M-elle Войтовичъ.

— Не заглядѣлся, а просто посмотрѣлъ! отвѣтилъ я и перенесъ взглядъ свой съ зеленоокой красавицы на самое Нелли.

Вотъ тутъ было дѣйствительно на что̀ заглядѣться!

Княжна замѣчательно развилась за послѣдніе годы и теперь, вся озаренная любовью и свѣтлой надеждой на грядущее счастье, она была положительно красавица.

Сколько нѣжности, сколько чарующей, женской граціи было въ этой красотѣ! Какъ она далека была отъ той холодной, мраморной, до суевѣрнаго страха охватывающей и леденящей красоты, которая такъ поражала въ Ларисѣ, или въ Ларѣ, какъ называла ее княжна.

И что за странное имя это было—Лара! Какъ оно звучало какимъ-то таинственнымъ, старымъ преданіемъ, чѣмъ-то мрачнымъ, байроническимъ.

— Нѣтъ, а по моему прелестное имя!.. перебила разсказчика болтушка Надя. — Катя, голубушка, зови меня Ларой!.. что хочешь дамъ тебѣ за это, только зови... Хочешь черепаховую гребенку бери... а то красный кушакъ... Хочешь?..

— Отстань! нетерпѣливо возразила ей старшая сестра, среди всеобщаго смѣха, вызваннаго этой внезапной мѣновой торговлей.—Гдѣ-бы слушать, а ты вздоръ разный выдумываешь!.. Ну, какая ты Лара?.. И что въ тебѣ похожаго на легенду или на Байрона?..

Хохотъ раздался еще шумнѣе, еще веселѣе.

Розовенькая Надя окинула всѣхъ недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Не похожа?.. нѣтъ?.. Ну и не надо!.. торопливо заговорила она, кругленькими ручками своими отмахиваясь отъ досаднаго смѣха.—Ну, и отстаньте всѣ!.. Чего вы?..

— Ахъ, Надя, Надя!.. съ улыбкой покачалъ головой разсказчикъ, закуривая папиросу и приготовляясь продолжать свой разсказъ.

— Въ этотъ вечеръ я не долго оставался у Курагиныхъ, такъ началъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—При всемъ радушіи стараго князя и княжны Нелли, я въ Спасскомъ чувствовалъ себя не попрежнему, не у себя дома. Чѣмъ-то новымъ, незнакомымъ, чужимъ повѣяло!..

Прощаясь, князь взялъ съ меня слово пріѣхать непремѣнно на слѣдующій день къ обѣду.

Обѣдать ждали губернатора, а вечеромъ проектировался импровизованный балъ. Даже полковой оркестръ выписанъ былъ изъ города.

Я попробовалъ отказаться, но Нелли и слышать ничего не хотѣла.

— Вздоръ, Вахлакъ Семеновичъ, совершеннѣйшій вздоръ! Вы пріѣдете, непремѣнно пріѣдете!.. Это мой первый балъ съ тѣхъ поръ, какъ я невѣста. И вы никогда еще не видали меня танцующей... Вы не только пріѣдете, но и танцовать будете и со мной... и съ Ларой!.. смѣясь приставала она.

Отъ танцевъ я наотрѣзъ отказался, хотя расшалившаяся Нелли и увѣряла, что съ меня строго не спросится, и что я могу танцовать „по своему“, „по вахлацки“; пріѣхать же въ Спасское я обѣщалъ, и дѣйствительно пріѣхалъ, но только не къ обѣду, пугавшему меня своей оффиціальной скукой, а прямо на балъ, который засталъ уже во всемъ разгарѣ.

Еще издали, подъѣзжая къ Спасскому, я былъ пораженъ красотою вида, представившагося моимъ глазамъ.

Домъ, стоящій на горкѣ, былъ весь залитъ огнями; большая терраса, выходящая въ садъ, а равно и главный парадный

подъѣздъ дома были увѣшаны цѣлыми гирляндами цвѣтныхъ фонариковъ, которые, врѣзываясь въ непроглядную тьму южной ночи, придавали общей картинѣ видъ чего-то волшебнаго, чарующаго.

Я вошелъ въ залу въ разгарѣ вальса, и въ числѣ танцующихъ паръ, пестро и весело мелькавшихъ по залѣ, тотчасъ отмѣтилъ княжну, вальсировавшую съ женихомъ.

Она была вся въ бѣломъ, по случаю едва оканчивавшагося траура, и смуглая головка ея, склоненная къ плечу ея кавалера, дышала такимъ счастіемъ, отраднымъ покоемъ; вся она, свѣтлая, радостная, какъ облакомъ окруженная безчисленными, широко вздымавшимися оборками своего воздушнаго, газоваго платья, -такимъ лучезарнымъ видѣніемъ носилась по залѣ, что мнѣ и заплакать хотѣлось глядя на нее, и молиться за нее хотѣлось, и глубоко, свято, безповоротно вѣрилось въ то, что судьба улыбнется ей, что жизнь ее не обманетъ, что она дастъ ей то счастіе, на которое она имѣла такія права.

Раздумывая такимъ образомъ, я осторожно пробирался по залѣ, лавируя между танцующими парами, когда княжна, увидавшая меня, остановилась и, нѣжно улыбнувшись своему кавалеру, догнала меня.

— Вотъ онъ, противный Вахлакъ Семеновичъ!.. привѣтствовала она меня.—И не стыдно это было не пріѣхать къ обѣду? А еще другомъ называется!.. Ну, какой вы другъ, вы вахлакъ, а не другъ!.. и приподнявшись на носкахъ, она своими душистыми бѣлыми перчатками дотронулась до моего уха.

— Вотъ вамъ наказанье!.. разсмѣялась она, слегка дернувъ меня за ухо.—Вотъ вамъ за то, что мало сочувствуете моему счастью, мало радуетесь моей радости!.. Вѣдь я счастлива!.. А это такое хорошее, такое рѣдкое чувство!.. Не правда-ли?.. Это мой первый балъ невѣстой... Я сегодня въ первый разъ вальсировала съ Никсомъ, сознавая, что онъ „мой“ и навсегда „мой“, что никто, никогда его у меня не возьметъ, не отниметъ, что всю жизнь, весь онъ будетъ „моимъ“. И какой вальсъ играютъ, вслушайтесь только, какой вальсъ!.. Подъ какіе чудные, чарующіе звуки мнѣ пришлось впервые сознать всю глубину моего счастія!..

Крѣпко пожавъ мою руку, она исчезла въ толпѣ, и минуту спустя я вновь видѣлъ ея головку въ легкомъ облакѣ бальнаго наряда, на плечѣ ея счастливаго жениха.

Я вслушался въ звуки вальса, раздававшагося съ хоръ громадной залы. Это былъ знаменитый Juristen-Walzer, въ то время сводившій съ ума всю танцующую Европу.

Тутъ я въ первый разъ въ моей жизни и услыхалъ этотъ дѣйствительно прелестный, но... роковой въ моей жизни вальсъ...

— Вы не танцуете?.. раздался за мною голосъ одного изъ будущихъ шаферовъ, и не дожидаясь моего отвѣта, онъ продолжалъ:—А я опять пойду русалку приглашу!..

— Кого?.. переспросилъ я, думая, что ошибся и не точно разслышалъ слова моего собесѣдника.

— Русалку!.. Лару Войтовичъ!.. Развѣ вы ее не видали?..

Я отвѣтилъ отрицательно.

— Ну, батюшка, такъ ничего же вы не видали, послѣ этого!.. воскликнулъ онъ.—Да вы взгляните только на нее!.. Мечта, поэма, Шехерезада какая-то!.. Видалъ я красавицъ на своемъ вѣку, и много видѣлъ, но ничего подобнаго этому мнѣ и во снѣ не снилось!.. Да вотъ она вальсируетъ... полюбуйтесь!.. И онъ глазами указалъ мнѣ на пару, въ бѣшеномъ вальсѣ кружившуюся передъ нами.

Я хотѣлъ отвѣтить ему, хотѣлъ возразить противъ преувеличенія, противъ неумѣстной восторженности его похвалъ, но, увидавъ Лару, мгновенно остановился и умолкъ какъ заколдованный.

Дѣйствительно, это было нѣчто невозможное... невиданное... небывалое... Это была какая-то захватывающая, какая-то заколдованная красота...

Лара тоже была вся въ бѣломъ, но ея бѣлое платье, гладкое и матовое, плотно охватывало ея, какъ изъ мрамора выточенную, фигуру и прямыми, тяжелыми складками падало вдоль ея дивнаго бюста.

Шея и руки ея были совершенно открыты, и согласно прихотливой модѣ, введенной въ Парижѣ императрицей Евгеніей, проймы ея корсажа, при полномъ отсутствіи рукавовъ, слегка схвачены были только громаднымъ бѣлымъ цвѣткомъ водяной лиліи, извѣстной въ простонародьѣ подъ оригинальнымъ названіемъ „мертваго розана“.

Названіемъ этимъ цвѣтокъ обязанъ тому поэтическому народному повѣрью, будто русалки, поднимаясь со дна рѣкъ и болотъ, стонутъ и плачутъ по ночамъ, сплетая гирлянды изъ этихъ розановъ, и этими гирляндами обвиваютъ и душатъ утопленниковъ, которыхъ имъ удастся заманить въ свои сѣти.

Съ плечъ Лары, отъ этихъ громадныхъ цвѣтковъ, длинной нитью, тамъ и сямъ цѣпляясь въ безпорядкѣ за лифъ, тюникъ и платье молодой дѣвушки, шла гибкая гирлянда „мертвыхъ розановъ“, съ ихъ крупными, словно изъ воска отлитыми лепестками, съ ихъ крупными, темными листьями, съ ихъ гибкимъ какъ змѣя и ползущимъ стеблемъ.

Съ головы фантастической красавицы, такой же ползущій букетъ, прикрѣпленный за ухомъ, спускался вдоль шеи, обвивая и словно давя ее своими цѣпями.

Все это, не убранное и задрапированное какъ на бальномъ нарядѣ, а цѣпкое, скользящее, неуловимое, охватывало ее всю, льнуло къ ней какъ къ своей царицѣ, сковывало ее какъ осужденную преступницу.

И среди этого всего, ея мраморныя, чудныя, и какъ у статуи холодныя плечи, сквозь тонкую кожу которыхъ не сквозило ни капли крови, ея прелестныя, какъ „мертвый розанъ“ гибкія руки, ея холодное, какъ камень правильное лицо, какъ-то странно освѣщенное блескомъ ея глубокихъ, зеленыхъ глазъ. Все это туманило голову, пугало воображеніе.

Повторяю, ничего подобнаго я въ жизни своей не видалъ... Ничто подобное мнѣ никогда не снилось!..

Я стоялъ и смотрѣлъ какъ очарованный... Я хотѣлъ и не могъ оторвать глазъ отъ этого чуднаго, опьяняющаго видѣнія...

— Что, и вы залюбовались?.. послышался сзади меня знакомый мнѣ звучный баритонъ и, оглянувшись, я увидѣлъ за собою жениха Нелли, графа Нерадовскаго. — Не правда-ли, какъ хороша собою Лара?.. спросилъ графъ, вмѣстѣ со мною слѣдя за быстро носившейся по залѣ молодой дѣвушкой. — И какъ она дивно вальсируетъ!.. Вѣдь родятся же, на чужое несчастье, такія всевластныя красавицы!..

— Почему же на несчастье?.. спросилъ я.—Быть можетъ M-lle Войтовичъ суждено составить полное счастіе мужа и семьи?..

— „Русалкѣ“-то этой, скованной и обмотанной горами своихъ „мертвыхъ“ цвѣтовъ?.. Вотъ тоже нашли семьянинку!.. Да развѣ изъ объятій такой женщины человѣкъ живымъ выходитъ?..

И видя, что Лара, холодно поблагодаривъ своего кавалера, опустилась на диванъ, графъ торопливо натянулъ перчатку и направился въ ея сторону.

Еще минута, и они вальсировали вдвоемъ среди утомленной и отдыхавшей залы.

Онъ, своею мощной рукою, крѣпко обвилъ ея станъ, она— гордо откинула свою блѣдную головку, всю охваченную цѣпкими вѣтвями болотныхъ розановъ.

Они одни кружились среди притихнувшей на мгновеніе залы. На нихъ однихъ сосредоточено было всеобщее вниманіе. Для нихъ однихъ играла музыка... для нихъ лились эти чудные, за душу хватающіе звуки.

Я радъ былъ, когда окончился этотъ вальсъ и когда заволновавшаяся и шумно хлынувшая на балконъ толпа упорно ввела нарушенный строй жизни въ ея обычную, будничную колею.

Все это море страстныхъ звуковъ, обаяніе этого вальса, эти заколдованныя цѣпи „мертвыхъ цвѣтовъ“, весь этотъ міръ грёзъ и обаянія, пугалъ меня своею новизной, своимъ чарующимъ волшебствомъ, своимъ отличіемъ отъ всего, что мнѣ приходилось видѣть и испытать въ теченіе всей моей предшествовавшей жизни.

И страшно мнѣ было не за одного себя, нѣтъ. Я смутно чувствовалъ, что еще кому-то здѣсь, подлѣ меня, несчастіемъ и бѣдою грозятъ эти чудные, волшебные звуки... эти роковые, мертвые цвѣты.“

И старикъ вновь отвелъ морщинистою рукой пряди сѣдыхъ волосъ, набѣжавшія на его блѣдный лобъ, и замолкнувъ на минуту, пристальнымъ взглядомъ остановился на потухавшихъ угольяхъ камина, по которымъ, дрожа и вспыхивая, перебѣгалъ синеватый огонекъ.

Присмирѣвшая молодежь, плотно сдвинувшись вокругъ его кресла, вся превратилась въ слухъ.

Казалось, всѣ эти юныя, еще не искусившіяся жизнью души, вмѣстѣ съ героями разсказа, переживаютъ все ихъ былое горе, всѣ былыя страданія.

— Роскошный балъ прошелъ весело, возобновилъ Волховской свой разсказъ,—онъ длился долго, и долго нѣмая, черная, южная ночь оглашалась дивными звуками чуждаго нашимъ полямъ, далекаго, петербургскаго вальса.

А. С.

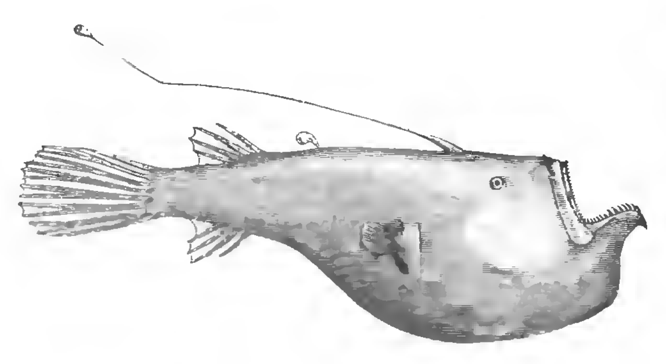
(Продолженіе будетъ).

Свѣтящія рыбы дна морскаго.

Очеркъ **Роберта фонъ-Ленденфельда.** (Переводъ **М. Штауде**).

Животныя, населяющія дно океана, представляютъ много особенностей и громадный интересъ, во-первыхъ, потому что среди нихъ можно встрѣтить представителей древнихъ формъ, которыя прежде были извѣстны лишь по ископаемымъ остаткамъ прежнихъ геологическихъ отложеній;—во-вторыхъ потому, что среди нихъ подмѣчены особенности, соотвѣтствующія исключительнымъ условіямъ жизни.

На поверхности земнаго шара съ теченіемъ времени постоянно происходитъ смѣна однихъ климатическихъ условій другими. Конечно, животнымъ приходится примѣняться къ



Фиг. 1. Ceratias uranoscopus, сбоку (натур. величина).

Фиг. 4. Polyipnus spinosus, сбоку (натур. величина).

Фиг. 5. Polyipnus spinosus, спереди (натур. величина).

этимъ медленно измѣняющимся условіямъ и благодаря этому происходитъ измѣненіе ихъ формъ. Между тѣмъ физическія условія на извѣстной глубинѣ океана все время почти оставались неизмѣнными, вслѣдствіе чего обитатели этой части океана не имѣли причинъ измѣнять свое строеніе. Такимъ образомъ организмы земной поверхности должны были представлять большое разнообразіе, тогда какъ представители жизни на днѣ океана сохранили свое первобытное устройство, пребывая консервативными. Дѣло и оставалось-бы въ такомъ положеніи, если-бы жизненная борьба не заставляла постепенно переселяться изъ болѣе высокихъ слоевъ воды океана новыя формы животныхъ, которыя должны были примѣняться къ новымъ для нихъ условіямъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію особенностей приспособленія этихъ послѣднихъ, необходимо познакомиться съ условіями физическими, которыя отличаютъ дно океана.

Глубина около 8.000 метровъ ($7\frac{1}{2}$ верстъ), соотвѣтствующая самымъ высокимъ вершинамъ высочайшихъ на земномъ шарѣ Гималайскихъ горъ, найдена лишь въ сѣверной части Тихаго океана у береговъ Японіи; за обыкновенную-же глубину всего океана нужно считать 5.000 метровъ (около $4\frac{2}{3}$ верстъ). На этой глубинѣ, нѣсколько большей чѣмъ вы-

Фиг. 2. Ceratias uranoscopus, сверху (натур. величина).

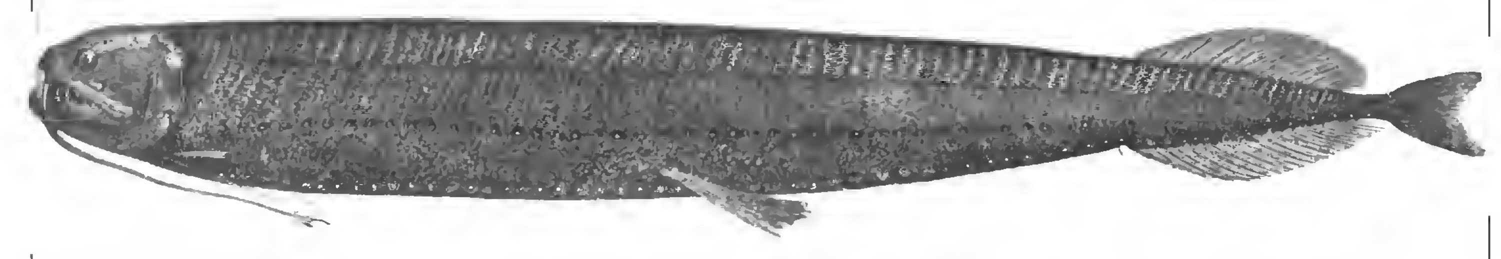
Фиг. 6. Sternoptyx diaphana (натур. величина).

Фиг. 3. Paraliparis bathybius (въ половину натур. величины).

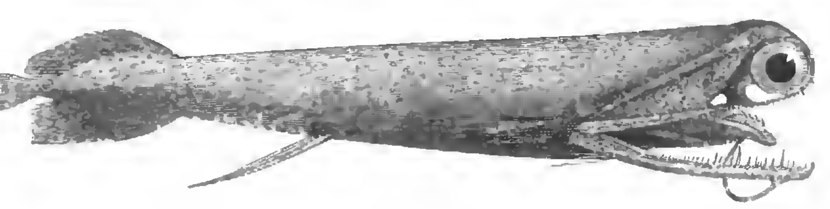
Фиг. 7. Gonostoma elongatum (натур. величина)

Фиг. 8. Bathypterois longicauda (натур. величина).

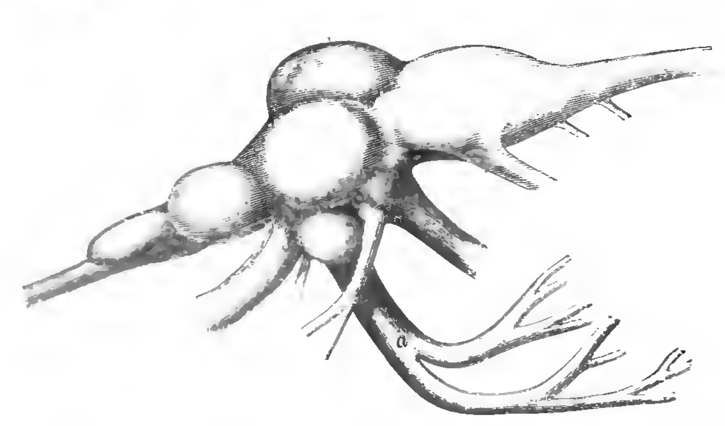
Фиг. 9. Idiacanthus ferox (натур. величина)



Фиг. 10. Opostomias micripnus (немного уменьшенъ).


Фиг. 11. Malacosteus indicus (натур. величина).

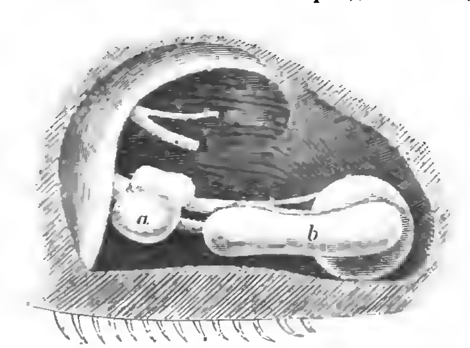
Фиг. 12. Echiostoma barbatum.



Фиг. 13. Головной мозгъ Echiostoma barbatum (увеличенъ вчетверо). *a* — свѣтящій нервъ (вѣтвь trigeminus'a).

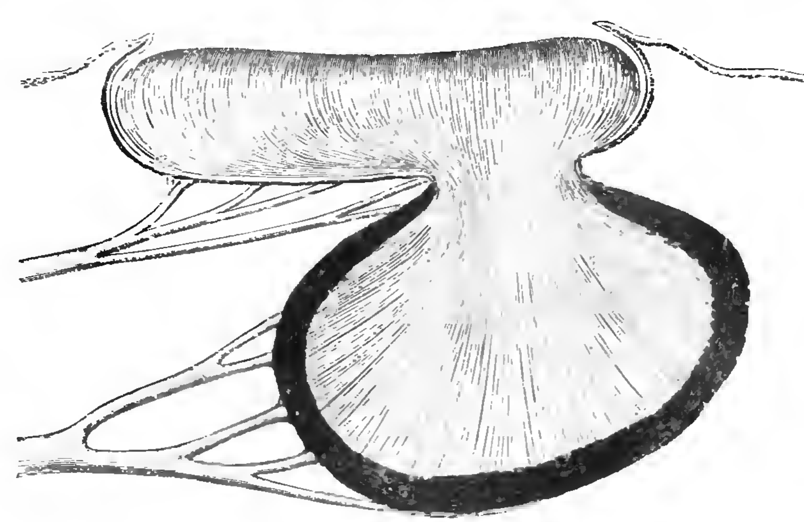
сота Монблана, господствуетъ громадное давленіе — около 500 атмосферъ. Давленіе на поверхность рыбы, длиною съ ведро, въ обыкновенной водѣ доходитъ до 12 пудовъ, тогда какъ на вышеуказанной глубинѣ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, оно приблизительно равно 54,000 пудовъ, т. е. вѣсу средней величины парохода. Впрочемъ, оказывается, что это повидимому ужасное давленіе не влечетъ за собою какихъ-нибудь особенностей въ организаціи и всѣ отправленія происходятъ точно такъ-же, какъ и при давленіи одной атмосферы на поверхности земли. Конечно, воздухъ плавательнаго пузыря рыбъ, живущихъ на этой глубинѣ, благодаря этому давленію, сжатъ чрезвычайно сильно; поэтому если извлечь такую рыбу на поверхность, то постепенно расширяющійся воздухъ пузыря (благодаря уменьшенію давленія) растягиваетъ рыбу и, если не находитъ себѣ другаго выхода, то разрываетъ ее всю. Не смотря на это, онѣ могутъ жить при измѣняющемся (конечно, въ извѣстныхъ предѣлахъ) давленіи среды, какъ на это указываютъ періодическія появленія ихъ въ зависимости отъ временъ года въ различныхъ слояхъ воды. Но при помощи сѣти вытащить рыбу живою со дна океана никогда не удается.

Извѣстно, что температура поверхности воды мѣняется съ временами года и вообще всегда нѣсколько холоднѣе лѣтомъ, а зимою нѣсколько теплѣе температуры окружающаго воздуха. Въ глубинѣ-же господствуетъ изъ года въ годъ одна и та-же постоянная температура — нѣсколько градусовъ выше нуля. Въ виду того, что солнечный свѣтъ не проникаетъ вглубь ниже 150 метровъ, на днѣ океана должна царствовать вѣчная ночь.



Фиг 15. Подглазный свѣтящій органъ Pachystomias microdon. Подглазный органъ высвобожденъ (увеличенъ вчетверо)

Фиг. 14. Подглазный свѣтящій органъ Pachystomias microdon. Голова видна сбоку (натур. велич.). *a* — передній, b — задній свѣтящій органъ.


Фиг. 16. Подглазный свѣтящій органъ Pachystomias microdon. Разрѣзъ задняго органа (b) (увеличенъ въ 25 разъ).

На основаніи химическаго изслѣдованія пробъ воды, взятой на большой глубинѣ, извѣстно, что она богаче углекислотою и бѣднѣе кислородомъ, чѣмъ вода поверхности океана.

Такимъ образомъ, обитатели этой глубины, кромѣ того, что

испытывают давленіе столба воды въ 5,000 метровъ вышиною, находятся еще въ очень неблагопріятныхъ для жизни условіяхъ. Недостатокъ кислорода и низкая температура затрудняютъ отправленія ихъ тѣла; неизмѣнность условій не заставляетъ ихъ измѣняться и двигаться впередъ въ своемъ развитіи; ни лѣта, ни яснаго дня они не знаютъ, такъ какъ зимняя ночь господствуетъ здѣсь постоянно.

И такъ вотъ къ какимъ неблагопріятнымъ условіямъ приходится примѣняться тѣмъ животнымъ, дѣтямъ солнечнаго свѣта и тепла, которыя вслѣдствіе жизненной борьбы должны опуститься въ эту холодную, темную, непривѣтливую глубь. Конечно, въ зависимости отъ громадной разницы въ условіяхъ жизни на поверхности и на днѣ океана, самыя приспособленія совершенно иного характера, чѣмъ это мы видимъ среди обитателей поверхностной части океана. Главнѣйшія изъ особенностей у послѣднихъ извѣстны болѣе или менѣе каждому, тогда какъ касающіяся обитателей дна океана открыты лишь въ самое недавнее время и такъ своеобразны, что поневолѣ привлекаютъ къ себѣ всеобщее вниманіе. Главный-же интересъ теперь сосредоточивается на томъ, какъ они примѣнились къ окружающей ихъ темнотѣ.

Вѣчная ночь дна океана освѣщается слабымъ фосфорическимъ мерцаніемъ, которое производятъ многочисленныя болѣе или менѣе свѣтящіяся животныя этой области. Поэтому здѣсь не совсѣмъ темно, хотя свѣтъ и гораздо слабѣе часто наблюдаемаго явленія, извѣстнаго подъ названіемъ свѣченія моря.

Слѣдствіемъ полнаго отсутствія свѣта бываетъ обыкновенно то, что глаза за ненадобностью мало-по-малу видоизмѣняются и наконецъ совершенно исчезаютъ, какъ это можно видѣть у крота и другихъ животныхъ.

У нѣкоторыхъ изъ обитающихъ на этой глубинѣ рыбъ точно также глаза дѣлаются маленькими и вообще измѣняются въ вышеуказанномъ направленіи, напр. у Ceratias (рис. 1), Bathypterois (рис. 8), Saccopharynx (рис. 24) и др., даже извѣстна одна рыба, у которой глазъ совсѣмъ не найдено. Но, съ другой стороны, открыто большое число рыбъ, у которыхъ глаза хорошо развиты и имѣютъ бо́льшую величину, чѣмъ обыкновенно у рыбъ. Особенно большіе глаза у Paraliparis (рис. 3), Polyipnus (рис. 4), Sternoptyx (рис. 6), Malacosteus (рис. 11) и мн. др. Это на первый взглядъ странное явленіе объясняется очень просто, если обратить вниманіе на то, что какъ рыбы съ зачаточными глазами, такъ и съ громадными, одинаково являются потомками рыбъ имѣющихъ глаза обыкновенной величины.

Рыбы опускаются съ освѣщенной поверхности океана въ холодную и темную его глубину постепенно. По мѣрѣ своего опусканія онѣ наконецъ попадаютъ въ полутьму, гдѣ, конечно, одаренныя лучшимъ зрѣніемъ пользуются большими преимуществами надъ рыбами съ нормальнымъ зрѣніемъ; поэтому первыя путемъ естественнаго подбора и наслѣдственности размножаются въ этой области гораздо успѣшнѣе и вытѣсняютъ своихъ менѣе приспособленныхъ родичей. Далѣе, опускаясь внизъ, эти рыбы съ большими глазами попадаютъ въ совершенную темноту, гдѣ только слабое фосфорическое мерцаніе при очень хорошемъ зрѣніи дозволяетъ различать предметы; поэтому хорошее зрѣніе, выработанное при опусканіи цѣлымъ рядомъ поколѣній, здѣсь сохраняется.

Съ другой стороны, понятно, что эта постепенная выработка большихъ органовъ зрѣнія могла происходить лишь у тѣхъ поверхностныхъ рыбъ, которыя имѣли къ этому уже извѣстную наклонность, находясь въ обыкновенныхъ условіяхъ, т. е. уже обладали хорошимъ зрѣніемъ; при этомъ не надо упускать изъ вида, что самое опусканіе совершалось медленно. Если которое-нибудь изъ этихъ условій отсутствовало, то этимъ исключалась возможность постепеннаго возрастанія остроты зрѣнія, такъ какъ слабый органъ, не будучи въ состояніи видѣть при слабомъ фосфорическомъ мерцаніи на днѣ океана, постепенно отъ неупотребленія измѣнялся, но не исчезъ совсѣмъ (Ipnops).

Не нужно впрочемъ думать, что рыбы представляютъ въ этомъ отношеніи единичное явленіе: трилобиты силлурійской эпохи встрѣчаются съ большими глазами на ряду съ совершенно слѣпыми формами, причемъ способъ ихъ происхожденія подобенъ тому, какъ у рыбъ живущихъ на днѣ океана. Но эти рыбы не только приспособили свое зрѣніе къ слабому свѣту окружающей среды, а еще вмѣстѣ съ тѣмъ начали вырабатывать у себя способность освѣщать ее для своихъ цѣлей.

Многія морскія животныя имѣютъ это свойство, но касательно рыбъ сдѣлалось это извѣстнымъ лишь недавно. Ночью обыкновенно онѣ выплываютъ на поверхность моря, тогда какъ днемъ опускаются на глубину нѣсколькихъ сотъ метровъ. Остальныя рыбы не свѣтятъ.

Объясненіе этого явленія не такъ просто, какъ способа происхожденія слѣпыхъ и большеглазыхъ рыбъ.

Извѣстно, что рыбы имѣютъ по своей боковой линіи тѣла рядъ слизистыхъ канальцевъ, т. е. сосудовъ, наполненныхъ слизью, въ стѣнкѣ которыхъ находятся особенные органы чувствъ. Вѣроятно благодаря послѣднимъ рыба получаетъ воспріятіе такихъ колебаній морской воды, которыя вслѣдствіе малой длины своихъ волнъ не доступны слуху. Вотъ эти-то слизистые канальцы (вѣрнѣе, нѣкоторая ихъ часть) и измѣнились у многихъ рыбъ, живущихъ на большой глубинѣ, въ свѣтящіе аппараты. Конечно, на ряду съ этимъ измѣненіемъ ихъ идетъ рука объ руку также измѣненіе другихъ частей и даже самаго мозга, какъ это мы далѣе увидимъ.

Впрочемъ, прежде чѣмъ къ этому перейти, нужно отвѣтить на одинъ вопросъ, который вѣроятно готовъ возникнуть у каждаго читателя: какъ случилось, что эти слизеотдѣлительные канальцы начали измѣняться въ свѣтящіе аппараты.

Дѣло въ томъ, что извѣстны нѣкоторыя лягушки, которыя выдѣляютъ свѣтящуюся слизь; поэтому легко можетъ быть, что слизь вообще рыбъ и земноводныхъ отличается этимъ свойствомъ, но только въ такой слабой степени, что оно недоступно нашему зрѣнію. Конечно, свѣченіе приноситъ громадное преимущество тѣмъ рыбамъ, которыя опускаются въ темную глубь, вслѣдствіе чего это свойство закрѣпляется и усиливается путемъ естественнаго подбора и наслѣдственности у слѣдующихъ поколѣній, что̀ въ видѣ конечнаго результата мы и видимъ у интересующихъ насъ рыбъ.

Далѣе оказывается, что не всѣ рыбы со дна океана одарены органами свѣченія, а это свойство свѣченія находится въ тѣсной связи съ развитіемъ глазъ: рыбы съ зачаточными глазами, совершенно безполезными имъ въ окружающей ихъ темнотѣ, не имѣютъ и освѣтительныхъ аппаратовъ (Ceratias, рис. 1 и 2; Bathypterois, рис. 8; Idiacanthus, рис. 9; Saccopharynx, рис. 24). Рыбы же съ большими, хорошо развитыми глазами, вполнѣ приспособленными къ условіямъ окружающей ихъ среды, имѣютъ и вышеупомянутые органы (Paraliparis, рис. 3; Polyipnus, рис. 4 и 5; Sternoptyx, рис. 6; Gonostoma, рис. 7; Opostomias, рис. 10; Malacosteus, рис. 11; Pachystomias, рис. 14; Halosaurus, рис. 20—23). Да оно иначе и быть не можетъ, потому что освѣтительный аппаратъ былъ бы совершенно лишнимъ для этихъ слѣпыхъ рыбъ: чѣмъ темнѣе, тѣмъ лучше для нихъ. Для рыбъ, обладающихъ хорошо развитыми глазами, конечно, свѣтъ чрезвычайно важенъ, особенно если онѣ могутъ направлять и регулировать степень его силы согласно своему желанію. Выгода для нихъ при этомъ заключается не только въ томъ, чтобы освѣтить данное пространство, но еще и въ другомъ отношеніи.

Всѣ рыбы дна океана — хищники; раки-же, служащіе имъ пищею, обыкновенно привлекаются свѣтомъ какъ насѣкомыя на поверхности земли. Свѣтъ, дѣйствуя притягивающимъ образомъ на этихъ животныхъ, даетъ возможность свѣтящимъ рыбамъ пользоваться болѣе обильною пищею. Такимъ образомъ, освѣтительные аппараты, служащіе для приманки добычи, разсѣяны въ большомъ числѣ на брюшной сторонѣ, лучахъ плавниковъ, а также разбросанно по всему тѣлу.

Простѣйшаго устройства эти органы находятся на лбу и по бокамъ Astronesthes и представляютъ железистыя образованія, питающіяся при помощи сѣти тонкихъ волосныхъ сосудовъ кровеносной системы и состоящія изъ вертикальныхъ трубочекъ съ железистыми клѣточками, выдѣляющими слизь, которая, приходя въ соприкосновеніе съ морскою водою, начинаетъ свѣтить. У Sternoptyx (рис. 6) и нѣкоторыхъ другихъ рыбъ находятся подобные-же простые железистые органы на нижней губѣ. Opostomias (рис. 10) и др. имѣютъ ихъ на усикахъ и на измѣненныхъ мягкихъ и нитеобразныхъ плавникахъ. Даже на внутренней поверхности жаберной крышки найдены эти органы, особенно замѣтные у Halosaurus (рис. 20—23).

Чаще встрѣчаются болѣе мелкіе (величиною отъ булавочной головки до рисоваго зерна), неправильно расположенные освѣтительные органы на животѣ и по бокамъ этихъ рыбъ. Ихъ можно отличить названіемъ „глазкообразныхъ“ (ocellaris), такъ какъ прежніе изслѣдователи принимали эти аппараты даже за глаза, вслѣдствіе ихъ сходства съ послѣдними. Такія образованія встрѣчаются въ небольшомъ числѣ на головѣ Paraliparis (рис. 3), также по бокамъ и на брюшной сторонѣ Polyipnus (рис. 4), Sternoptyx (рис. 6), Gonostoma (рис. 7), Malacosteus (рис. 11), Halosaurus (рис. 20—23) и мн. др. Только у немногихъ разсѣяны они въ безпорядкѣ по всему тѣлу, какъ напр. у Opostomias (рис. 10).

Разсматривая эти органы, мы встрѣчаемъ среди нихъ различныя степени развитія, что̀ даетъ при помощи сравнительнаго ихъ изученія возможность опредѣлить, какимъ образомъ достигли они своей самой совершенной организаціи.

Болѣе простые глазкообразные освѣтительные органы находятся на спинной сторонѣ Opostomias (рис. 10), являясь на черной кожѣ этой рыбы въ видѣ разбросанныхъ бѣлыхъ точекъ. Эти органы, полушарообразной или чечевицеобразной формы, сидятъ нѣсколько вглубь сравнительно съ поверхностью тѣла. Съ нижней ихъ стороны находится цѣлая сѣть нервовъ и кровеносныхъ сосудовъ, отъ которыхъ подымается сплетеніе короткихъ, призматическихъ, широкихъ трубочекъ и круглыхъ зернистыхъ клѣтокъ. Выше стоятъ по своей организаціи выдающіеся надъ поверхностью тѣла освѣтительные органы у этой рыбы (Opostomias), а также у Pachystomias. Болѣе правильно расположены они у Astronesthes, Malacosteus (рис. 11) и Echiostoma (рис. 12). Они обыкновенно

неправильной полушарообразной формы съ наружною плоскою поверхностью и лежатъ ниже общей поверхности тѣла. Весьма крутой изгибъ внутренней ихъ поверхности окруженъ темнымъ непрозрачнымъ слоемъ пигмента (темнаго красящаго вещества), служащимъ для освѣтительнаго аппарата какъ бы рефлекторомъ, отражающимъ лучи въ опредѣленномъ направленіи. Самый аппаратъ состоитъ изъ пирамидальныхъ трубочекъ, наполненныхъ железистыми клѣточками и стоящихъ перпендикулярно къ кривой поверхности органа. Въ серединѣ послѣдняго имѣется пустота, гдѣ всѣ вышеупомянутыя трубочки кончаются отверстіями. Наружная кожа конечно прозрачна и прикрываетъ все это въ видѣ часоваго стекла.

Слѣдующую ступень въ развитіи этихъ освѣтительныхъ приборовъ представляютъ сложные глазкообразные органы. Они состоятъ изъ внутренней шарообразной и наружной куполообразной части и находятся въ видѣ двухъ продольныхъ рядовъ на боковой сторонѣ тѣла у Opostomias (рис. 10), Echiostoma, Astronesthes (рис. 17) и др. Пигментный слой, вездѣ одинаковой толщины, облекаетъ обѣ части, утончаясь немного къ наружному краю (рис. 17). На внутренней его сторонѣ лежитъ очень тонкая свѣтопреломляющая пластинка. Вся внутренняя шарообразная часть выполнена по оси (радіально) расположенными трубочками, открывающимися въ одну общую срединную полость; сходныя трубочки, также наполненныя зернистыми слизевыми клѣточками, но расположенныя въ длину, находятся внутри куполообразной части. Между послѣдней и шарообразной частями лежитъ круглая чечевица, составленная изъ большихъ клѣтокъ. Снаружи весь этотъ аппаратъ прикрытъ нѣсколькими совершенно прозрачными оболочками.

Разсмотрѣнное нами устройство органа указываетъ на то, что железистыя полости вырабатываютъ слизь на чечевицеобразную часть перехвата, причемъ послѣдняя издаетъ свѣтъ, отражаемый преломляющею свѣтъ частью оболочки, прилегающей къ пигментному слою шарообразной части. Далѣе этотъ свѣтъ сосредоточивается опять на чечевицеобразной части перехвата, откуда, при помощи отраженія на стѣнкахъ куполообразной части (представляющей форму параболоида вращенія, т. е. тѣла, происшедшаго отъ вращенія по оси параболы, кривой линіи, получаемой отъ разсѣченія конуса плоскостью, параллельною линіи, соединяющей вершину конуса съ какою-нибудь точкою его основанія), выходитъ въ видѣ яркаго снопа лучей въ темную среду океана.

Высшія степени въ устройствѣ глазкообразныхъ освѣтительныхъ аппаратовъ всѣ могутъ быть легко выведены изъ только что нами разсмотрѣннаго. Главное различіе между ними заключается въ томъ, что дѣятельность ихъ сильнѣе, а также еще въ томъ, что оптическая ось (направленіе свѣта) расположена болѣе или менѣе наклонно къ поверхности тѣла. Въ послѣднемъ случаѣ одна сторона купола длиннѣе другой. Такіе аппараты съ серебристо-бѣлымъ свѣтомъ лежатъ на спинной линіи позади спинныхъ плавниковъ у Scopelus и въ два ряда по каждой изъ боковыхъ сторонъ тѣла у Gonostoma (рис. 7), Polyipnus (рис. 4 и 5), Sternoptyx (рис. 6), Opostomias (рис. 10) и др. У Paraliparis (рис. 3) нѣсколько такихъ органовъ находится на головѣ.

Эти органы состоятъ изъ мощной наружной пигментной оболочки, поверхъ которой лежитъ толстый серебристо-блестящій слой тоненькихъ удлиненныхъ клѣточекъ. Внутренняя шарообразная часть наполнена железистыми каналами. Ткань облекающая здѣсь куполообразную часть сложнѣе устроена, чѣмъ въ прежнихъ аппаратахъ, не имѣющихъ толстыхъ рефлекторовъ: кровеносные сосуды и нервы пересѣкаютъ удлиненную стѣнку купола, которая вслѣдствіе наклона послѣдняго является въ видѣ жолоба. Изъ колонокъ, ведущихъ свое начало отъ сосудовъ и нервовъ, расходятся по оси (радіально) тонкія клѣточки, веретенообразной и клинообразной формы. Послѣднія на своемъ внутреннемъ утолщенномъ концѣ несутъ поверхъ клѣточнаго ядра свѣтопреломляющую каплю выдѣленія. Все это затѣмъ покрыто слоемъ большихъ многовѣтвистыхъ нервныхъ клѣтокъ.

Такіе освѣтительные органы, находящіеся у Sternoptyx (рис. 6) и Polyipnus (рис. 4 и 5), слиты по 3—10 вмѣстѣ своими внутренними шарообразными частями. Поэтому эти группы являются въ видѣ трубокъ или кармановъ (внутреннія слившіяся части), отъ которыхъ идутъ 3—10 прямо- или наклонно-параболическихъ жолобообразныхъ куполовъ. Въ остальномъ они сходны съ раньше разсмотрѣнными одиночными глазкообразными органами.

Только у Halosaurus и Xenodermichthys освѣтительные органы представляютъ нѣкоторое отличіе.

У первой рыбы (рис. 20—23) эти органы расположены въ рядъ по обоимъ бокамъ тѣла, по такъ-называемой боковой линіи. Состоятъ они изъ маленькихъ веретенообразныхъ удлиненныхъ валиковъ, сидящихъ на пронизанныхъ каналомъ насквозь чешуйкахъ. По этому каналу идутъ нервы и сильно развитые кровеносные сосуды, которые распространяются у основанія органа. Изъ этого слоя, состоящаго изъ нервовъ и кровеносныхъ сосудовъ, подымаются внутрь лучеобразно къ кривой поверхности органа тонкія веретенообразныя клѣточки. Ихъ внутренніе концы загнуты и кончаются въ видѣ тоненькихъ ниточекъ, расходящихся по направленію касательныхъ къ поверхности органа. Веретенообразныя клѣточки отдѣлены другъ отъ друга прозрачнымъ, какъ стекло, промежуточнымъ веществомъ. Снаружи органъ покрытъ оболочкою, отходящею отъ задняго конца чешуйки, на каждой изъ которыхъ по боковой линіи находится по свѣтящему аппарату.

Особенностью своего устройства отличаются свѣтящіе глазкообразные органы у Xenodermichthys (рис. 18 и 19). Здѣсь они выступаютъ надъ общею поверхностью тѣла и соединены съ послѣднею лишь при помощи тоненькаго и весьма короткаго стебелька. Весь органъ яйцевидной формы, причемъ, плотно прилегая самою своею толстою частью къ кожѣ, тѣмъ самымъ прикрѣпленъ къ послѣдней. Оптическая ось аппарата лежитъ параллельно наружной поверхности рыбы. Внутренняя болѣе толстая его часть одѣта толстымъ пигментнымъ слоемъ, свободная же наружная—прозрачною кожицею. Чрезъ основаніе входитъ въ него толстый нервъ (рис. 18). Внутренняя часть отдѣляется поперечною бороздкою пигментнаго слоя, здѣсь утолщеннаго, отъ наружной. Въ первой можно отличить округлыя клѣтки, тогда какъ вторая составлена изъ продольно расположенныхъ клинообразныхъ клѣточекъ (рис. 19), которыя очень сходны съ подобными же клѣточками сложныхъ глазкообразныхъ свѣтящихъ органовъ, такъ какъ также выдѣляютъ на своемъ утолщенномъ концѣ слизь въ видѣ одной большой капли или нѣсколькихъ маленькихъ.

Свѣтящіе аппараты лежатъ также въ глазныхъ впадинахъ, тотчасъ подъ глазами, и поэтому освѣщаютъ поле зрѣнія самой рыбы. По своей величинѣ и развитію они занимаютъ первое мѣсто среди освѣтительныхъ органовъ рыбъ. Снаружи они обыкновенно прикрываются темною, богато пигментированною тканью, которая, на подобіе глазныхъ вѣкъ, служитъ для того, чтобы рыба могла закрыть ею свой потайной фонарь, когда находитъ это для себя выгоднымъ.

Такіе подглазные органы найдены между прочимъ у Gonostoma (рис. 7), Opostomias (рис. 10) и Pachystomias (рис. 14—16). У Astronesthes ихъ два, тогда какъ у Opostomias двѣ пары. Каждый изъ послѣднихъ состоитъ изъ болѣе или менѣе шарообразной и удлиненной наружной части, лежащей сейчасъ подъ кожею. Внутренняя часть выполнена, какъ и раньше, железистыми трубочками, наружная—состоитъ изъ двухъ слоевъ, раздѣленныхъ толстыми клинообразными клѣтками: нижняго изъ извилистыхъ железистыхъ канальцевъ, и верхняго изъ тоненькихъ веретенообразныхъ клѣточекъ. Концы клинообразныхъ клѣтокъ находятся въ соединеніи съ большими нервными, вѣтвистыми клѣтками, лежащими поверхъ железистыхъ канальцевъ. Къ внутренней части органа подходитъ нервный стволъ, развѣтвляющійся преимущественно между вышеупомянутыми двумя слоями. Здѣсь нѣтъ слоя, играющаго роль рефлектора, какъ у вышеупомянутыхъ органовъ.

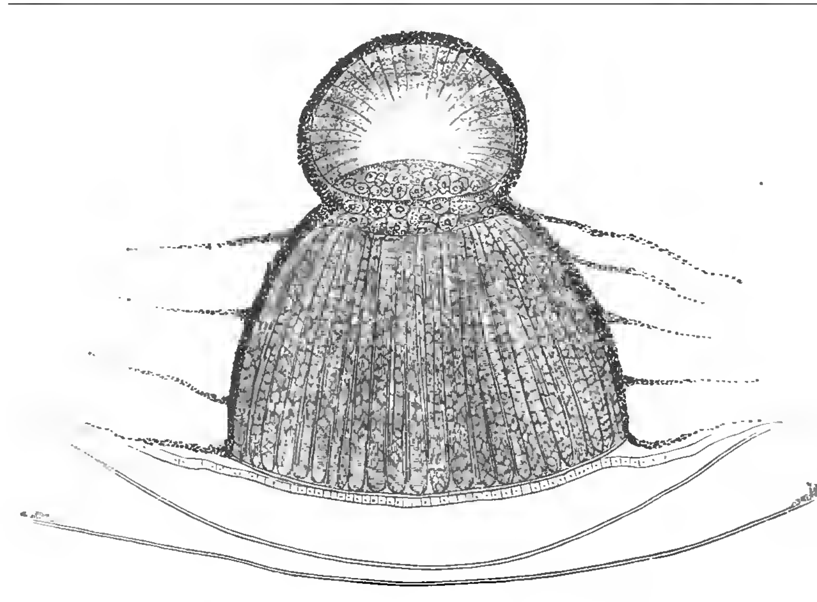
У Pachystomias (рис. 14—16), Malacosteus (рис. 11) и др. подглазные свѣтящіе органы устроены нѣсколько иначе, а именно здѣсь отражающая въ видѣ рефлектора часть рѣзко выражена (рис. 16). Обыкновенно находится двѣ пары органовъ: внизу и впереди глаза лежитъ маленькій, а ниже и позади его большій органъ. Состоятъ они изъ шарообразной внутренней и удлиненной наружной части, раздѣленныхъ глубокимъ перехватомъ, такъ что соединены лишь при помощи узкой шейки. Внутренняя шарообразная часть покрыта очень толстою отражающею свѣтъ оболочкою, серебристо-блестящаго цвѣта. Наружная удлиненная часть не имѣетъ этой оболочки, которая рѣзко обрывается на перехватѣ. Содержимое состоитъ по большей части изъ железистыхъ канальцевъ.

Маленькіе свѣтящіе аппараты, разсѣянные по наружной поверхности тѣла, получаютъ нервы отъ спиннаго мозга, подглазные же—прямо отъ головнаго. Послѣдній отдѣляетъ въ видѣ вѣтви отъ nervus trigeminus необычайно толстый стволъ, совершенно отсутствующій у несвѣтящихъ рыбъ. Замѣчательно, что у электрическаго ската (Torpedo) къ электрическому аппарату подходитъ также очень толстая вѣтвь отъ того же nervus trigeminus.

Сравнивая свѣтящіе аппараты рыбъ съ подобными же органами другихъ водныхъ животныхъ, легко замѣтить, что они по своему развитію являются наивысшими формами.

У низшихъ организмовъ (свѣт. сѣверная бацилла, Noctiluca и друг.) свѣтитъ все тѣло. У Pelagia noctiluca свѣтитъ въ моментъ своего прикосновенія съ водою выдѣляемая слизь. У одного свѣтящаго моллюска (Phyllirhoë bucephala) тотчасъ залегаютъ подъ верхнею поверхностью тѣла отдѣльныя соединенныя съ нервами клѣточки съ каплею жидкости, издающей при раздраженіи свѣтъ. У Pyrosoma находятся группы свѣтящихъ клѣтокъ, выдѣляющихъ жирную слизь, которая сгораетъ, издавая столь сильный свѣтъ, что при немъ можно читать. Эти послѣдніе органы походятъ на глазкообразные свѣтящіе аппараты рыбъ. Болѣе высокой степени развитія достигаютъ они у нѣкоторыхъ родовъ.

Простые железистые свѣтящіе органы рыбъ и другихъ водныхъ животныхъ выдѣляютъ слизь, имѣющую свойство свѣ-



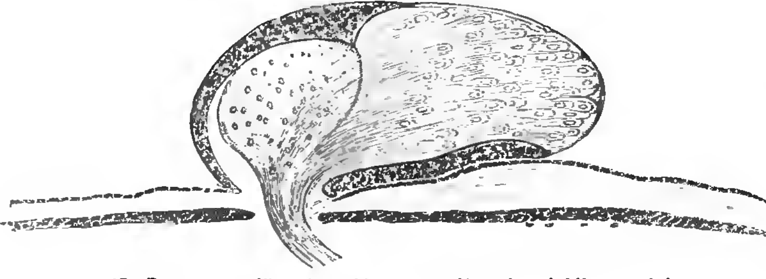
Фиг. 17. Разрѣзъ глазкообразнаго свѣтящаго органа Astronesthes niger (увелич. во сто разъ).

тить въ моментъ своего образованія. Далѣе тамъ, гдѣ на ряду съ железами являются и другія образованія, также вѣроятно выдѣляется слизь, только при дѣйствіи другихъ клѣтокъ получающая возможность сгорать и давать свѣтъ. Такую роль принимаетъ на себя чечевицеобразная часть. Серебристо-блестящая оболочка играетъ роль вогнутаго зеркала, отбрасывающаго концентрированные лучи въ опредѣленномъ направленіи.

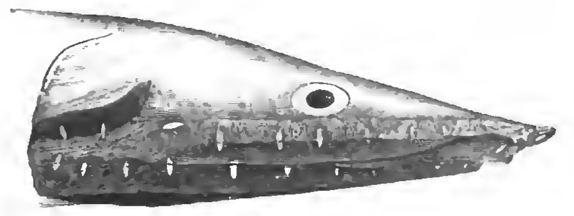
Судя по величинѣ подглазныхъ органовъ, слѣдуетъ замѣтить, что вѣроятно они способны давать свѣтъ, далеко проникающій въ направленіи поля зрѣнія животнаго.

Такимъ образомъ эти рыбы устранили одно изъ главныхъ неудобствъ обитанія на такой громадной глубинѣ. Съ помощію хорошо развитаго зрѣнія онѣ могутъ различать предметы при слабомъ фосфорич-

Фиг. 19. Выступающій свѣтящій органъ Xenodermichthys nodulosus. Двѣ свѣтящія клѣточки (увелич. въ 800 разъ).



Фиг. 18. Выступающій свѣтящій органъ Xenodermichthys nodulosus. Продольный разрѣзъ органа (увеличенъ во сто разъ).

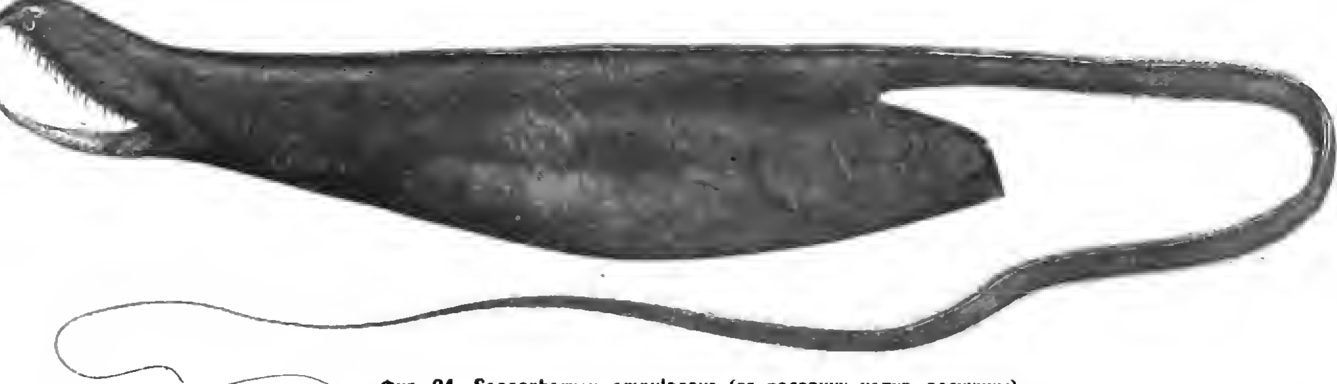


Фиг. 21 Halosaurus macrochir. Голова сбоку (натур. величина).

Фиг. 20. Halosaurus macrochir (въ половину натур. величины).

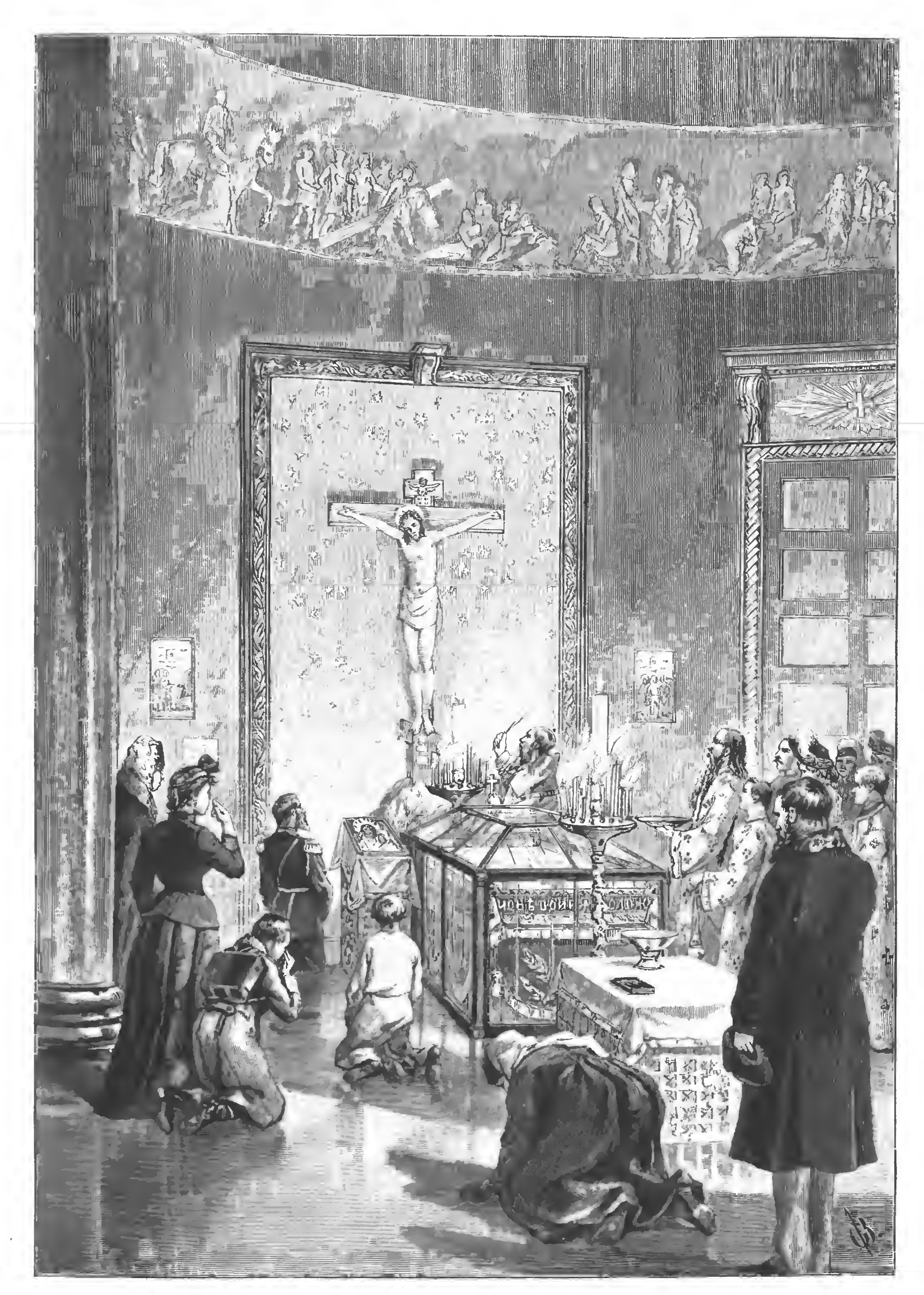
Фиг. 22. Halosaurus macrochir. Голова снизу (натур. величина).

Фиг. 23. Halosaurus macrochir. Голова сверху (натур. величина).



Фиг. 24. Saccopharynx ampulaceus (въ половину натур. величины).

номъ свѣтѣ и лишь немногія изъ нихъ не могли ни улучшить своего зрѣнія, ни выработать свѣтящихъ аппаратовъ. Онѣ ослѣпли совсѣмъ и преимущества въ жизненной борьбѣ всецѣло остались на сторонѣ первыхъ. Вслѣдствіе того, что онѣ, такъ сказать, очертя голову бросились въ эту негостепріимную среду, онѣ роковымъ образомъ должны потерпѣть заслуженную кару, которая для нихъ неизбѣжна въ силу неумолимыхъ законовъ природы.



Освященіе Креста въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ. По рисунку Н. Брестской, грав. Форбергеръ.

Къ рисункамъ.

На удочку. (Рис. на стр. 681).

Тепло на солнышкѣ. Весна
Беретъ свои права;
Въ рѣкѣ, мѣстами, глубь ясна,
На днѣ видна трава.
Чиста холодная струя.
Слѣжу за поплавкомъ:
Шалунья рыбка, вижу я,
Играетъ съ червячкомъ...

А. Фетъ.

Поединокъ Морозова съ Вяземскимъ.

(Рис. на стр. 684 и 685).

Историческій романъ „Князь Серебряный". графа Алексѣя Константиновича Толстаго. безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ историко-беллетристическихъ произведеній въ русской литературѣ. Появившись въ 1861 году на страницахъ *Рускаго Вѣстника*. онъ сразу завоевалъ значительный успѣхъ у критики и среди читающей публики. Съ тѣхъ поръ „Князь Серебряный" выдержалъ три изданія и его содержаніе хорошо всѣмъ знакомо. Прекрасное по языку, интересное по изложенію и содержанію, высоко-художественное произведеніе графа Толстого даетъ неисчерпаемый матеріалъ художникамъ. Рисунокъ К. Лебедева передаетъ одно изъ самыхъ занимательныхъ событій романа, именно приготовленіе къ поединку боярина Морозова и князя Вяземскаго. Прекрасно задуманная, полная множествомъ характерныхъ фигуръ. работа г. Лебедева обращаетъ на себя вниманіе также и замѣчательною точностью въ одеждахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ поединкѣ, про которыхъ романистъ пишетъ слѣдующее:

Между тѣмъ, насталъ день, назначенный для судныго поединка. Еще до восхода солнца народъ столпился на Красной площади: всѣ окна были заняты зрителями, всѣ крыши ими усыпаны. Вѣсть о предстоящемъ боѣ давно разнеслась по окрестностямъ. Знаменитыя имена сторонъ привлекли толпы изъ разныхъ сёлъ и городовъ, и даже отъ самой Москвы пріѣхали люди всѣхъ сословій посмотрѣть, кому Господь даруетъ одолѣніе въ этомъ дѣлѣ.

Внутри оцѣпленнаго мѣста расхаживали поручники и стряпчіе обѣихъ сторонъ. Тутъ-же стояли бояринъ и окольничій, приставленные къ полю, и два дьяка, которымъ вмѣстѣ съ ними надлежало наблюдать за порядкомъ боя. Одинъ изъ дьяковъ держалъ развернутый судебникъ Владиміра Гусева, изданный еще при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III, и толковалъ съ товарищемъ своимъ о предвидѣнныхъ случаяхъ поединка.

Окруженный множествомъ опричниковъ, Иванъ Васильевичъ подъѣхалъ верхомъ къ мѣсту поединка, слѣзъ съ коня. взошелъ по ступенямъ помоста и, поклонившись народу, опустился на кресла съ видомъ человѣка, готовящагося смотрѣть на занимательное зрѣлище.

Позади и около него размѣстились, стоя, царедворцы.

Въ то же время на всѣхъ слободскихъ церквахъ зазвонили колокола, и съ двухъ противоположныхъ концовъ въѣхали во внутренность цѣпи, Вяземскій и Морозовъ, оба въ боевыхъ нарядахъ. На Морозовѣ былъ дощатый доспѣхъ, то есть стальные бахтерцы изъ наборныхъ бляхъ, наведенныхъ черезъ рядъ серебромъ. Наручи. рукавицы и поножи блестѣли серебряными разводами. Голову покрывалъ высокій шишакъ съ серебромъ и чернью, а изъ-подъ вѣнца его падала на плечи боярина кольчатая бармица, скрещенная на груди и укрѣпленная круглыми серебряными бляхами. У бедра его висѣлъ на узорномъ поясѣ, застегнутомъ крюкомъ, широкій прямой тесакъ, котораго крыжъ, ножновыя обоимицы и наконечникъ были также серебряные. Къ правой сторонѣ сѣдла привѣшенъ былъ, концомъ внизъ, золоченый шестоперъ—оружіе и знакъ достоинства, въ былые годы неразлучный съ бояриномъ въ его славныхъ битвахъ, но нынѣ, по тяжести своей, врядъ ли кому по рукѣ.

Подъ Морозовымъ былъ грудастый конь. Его покрывалъ бархатный малиновый чалдаръ, весь въ серебряныхъ бляхахъ. Отъ кованаго налобника падали по сторонамъ малиновые шелковые моркви, или кисти, перевитыя серебряными нитками, а изъ-подъ шеи до самой груди висѣла такая-же кисть, больше и гуще первыхъ, называвшаяся наузомъ. Узда и поводья состояли изъ серебряныхъ цѣпей съ плоскими вырѣзными звеньями, неровной величины.

Мѣрно шелъ конь, поднимая косматыя ноги въ серебряныхъ наколѣнникахъ, согнувши толстую шею, и когда Дружина Андреевичъ остановилъ его саженяхъ въ пяти отъ своего противника, онъ сталъ трясти густою волнистою гривой, достававшею до самой земли, грызть удила и нетерпѣливо рыть песокъ сильнымъ копытомъ, выказывая при каждомъ ударѣ блестящіе шипы широкой подковы. Казалось, тяжелый конь былъ подобранъ подъ-стать дороднаго всадника, и даже бѣлый цвѣтъ его гривы согласовался съ сѣдою бородой боярина.

Вооруженіе Вяземскаго было гораздо легче. Еще страдая отъ недавнихъ ранъ, онъ не захотѣлъ надѣть ни зерцала, ни бахтерцовъ. хотя они и считались самою надежною бронею, но предпочелъ имъ легкую кольчугу. Ея ожерелья, подолъ и зарукавья горѣли дорогими каменьями. Вмѣсто шишака, на князѣ была ерихонка, то есть низкій изящно выгнутый шлемъ, имѣвшій на вѣнцѣ и ушахъ золотую насѣчку, а на тульѣ высокій снопъ изъ дрожащихъ золотыхъ проволокъ, густо усыпанныхъ во всю длину ихъ яхонтовыми искрами. Сквозь полку шлема проходила отвѣсно желѣзная золоченая стрѣла, предохранявшая лицо отъ поперечныхъ ударовъ; но Вяземскій, изъ удальства, не спустилъ стрѣлы, а напротивъ, поднялъ ее. посредствомъ щуренца, до высоты яхонтоваго снопа, такъ что блѣдное лицо его и темная борода оставались совершенно открыты, а стрѣла походила на золотое перо, щегольски воткнутое въ полку ерихонки. На поясѣ, плотно стянутомъ пряжкой поверхъ кольчуги и украшенномъ разными привѣсками, звенцами и бряцальцами. висѣла кривая сабля, вся въ дорогихъ каменьяхъ, та самая, которую заговорилъ мельникъ и на которую теперь твердо надѣялся Вяземскій. У бархатнаго сѣдла, фіолетоваго цвѣта, съ горощатыми серебряными гвоздями и съ такими-же кованными скобами, прикрѣпленъ былъ булатный топорокъ съ фіолетовымъ бархатнымъ черенкомъ въ золотыхъ поясках. Изъ-подъ нарядпаго подола кольчуги виднѣлась бѣлая шелковая рубаха, съ золотымъ шитьемъ, падавшая на зарбасные штаны, жаркаго цвѣта, всунутые въ зеленые сафьянные сапоги, которыхъ узорныя солешицы, непокрытыя поножами, натянуты были до колѣнъ и перехватывались подъ сгибомъ и у щиколокъ жемчужною тесьмою.

Конь Афанасья Ивановича, золотисто-буланый аргамакъ, былъ весь увѣшанъ, отъ головы до хвоста, гремячими цѣпями изъ дутыхъ серебряныхъ бубенчиковъ. Вмѣсто чепрака или чалдара, пардовая кожа покрывала его спину. На ворономъ налобникѣ горѣли въ золотыхъ гнѣздахъ крупные яхонты. Сухія черныя ноги горскаго скакуна не были вовсе подкованы, но на каждой изъ нихъ, подъ бабкой, звенѣло по одному серебряному бубенчику.

Кающаяся Магдалина. (Рис. на стр. 689).

Картины Габріеля Макса, обыкновенно заключающія не болѣе 2—3 фигуръ, отличаются скорѣе внутреннимъ содержаніемъ, чѣмъ рисункомъ и колоритомъ. всегда тускловатымъ, какъ бы дымчатымъ. Такою является и его Магдалина, съ ея раскаяніемъ и надеждою на прощеніе, свѣтящеюся въ задумчивыхъ. красивыхъ глазахъ.

Торжество освященія Креста въ СПБ. Казанскомъ соборѣ. (Рис. на стр. 697).

10 февраля настоящаго года, въ 9 час. утра, было совершено мѣстнымъ причтомъ, при участіи церковно-народнаго хора въ 250 человѣкъ обоего пола, торжественное освященіе восьмиконечнаго кипарисного Креста, сооруженнаго въ память 17 октября 1888 года. По окончаніи водосвятія. протоіерей А. А. Лебедевъ прочелъ умилительную молитву, нарочито на освященіе Креста положенную. послѣ чего Крестъ былъ трижды окропленъ Св. водою. Не смотря на ранній часъ дня и время Масляницы, народу набралось весьма много; на лицахъ присутствовавшихъ выражалась неподдѣльная радость вновь сооруженной святынѣ, прибывшей изъ Аѳона. Работали Крестъ иноки Пантелеймонова монастыря „Руссикъ". Вверху Креста изображенъ Богъ Отецъ и исходящій отъ Него Духъ Святый, ниже инициалы надписи на еврейскомъ, греческомъ и римскомъ языкахъ, а затѣмъ распятый Спаситель (въ человѣческій ростъ). Въ подножіе Креста вдѣланъ камень, составляющій часть пещеры Гроба Господня — даръ Великаго Князя Сергѣя Александровича, и желѣзный гвоздь, одинаковой мѣры и подобія съ однимъ изъ гвоздей. которыми Спаситель былъ пригвожденъ ко Кресту. Крестъ временно укрѣпленъ на деревянномъ возвышеніи (обитомъ коричневою, подъ гранитъ, клеенкою), приставленномъ къ дверямъ въ южной части собора. надъ которыми барельефъ изображаетъ несеніе Креста Спасителемъ. Въ дверяхъ этихъ временно повѣшена голубая канаусовая завѣса, испещренная серебряными глазетовыми звѣздами (работы усердныхъ мѣстныхъ прихожанокъ). Передъ Крестомъ поставлена соборная Плащаница. а по обѣ ея стороны на аналояхъ— икона страданія Спасителя на Крестѣ и Казанская икона Богоматери, находившаяся послѣ катастрофы 1 марта 1881 года въ часовнѣ по Екатерининскому каналу. Сооруженіе постоянной Голгоѳы (по проекту архитектора Н. Н. Никонова). предстоящихъ у Креста и предполагаемыхъ по бокамъ иконъ: семи Святыхъ, имена которыхъ носятъ Члены Августѣйшей Семьи, и явленія Преподобному Сергію Божіей Матери,—состоится въ будущемъ году, вслѣдствіе недостаточности собранной на это суммы — 2,300 р., въ виду сего сборъ на довершеніе задуманнаго продолжается церковнымъ старостою, полковникомъ графомъ Н. Ѳ. Гейденомъ, съ выдачею жертвователямъ квитанцій.

Наводненіе въ Томскѣ. (Рис. на стр. 700).

Рѣка тронулась въ ночь на 29 апрѣля. Утромъ 29 апрѣля вода быстро пошла на прибыль и часамъ къ 3 пополудни достигла такой высоты, до которой не доходила въ одно изъ самыхъ большихъ наводненій 1888 г. Остальной день 29-го и слѣдующій 30-го вода то сбывала, то снова поднималась до

прежняго уровня. 1 мая замѣтно пошла на убыль, но это было не долго; часовъ въ 9½ вечера вода быстро пошла на прибыль и затопила такія мѣста, которыя могли считаться въ безопасности. Отчаянные крики о помощи огласили городъ... Общественныя лодки едва успѣвали вывозить несчастныхъ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крики о помощи были „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ“, такъ напр. за Истокомъ многіе дома были затерты льдомъ, чрезъ который не было возможности пробраться, за озеромъ мѣшала плавать неимовѣрная стрѣжь, благодаря которой опрокинулось нѣсколько лодокъ, наполненныхъ народомъ. Въ одной изъ такихъ лодокъ были двѣ дѣвочки четырехъ и шестилѣтняго возраста, сдѣлавшіяся добычей разбушевавшейся стихіи.

Общество наше приняло близко къ сердцу несчастіе, постигшее городъ: со всѣхъ сторонъ стали поступать пожертвованія, образовался комитетъ, состоящій изъ гласныхъ думы, для пріема и распредѣленія пожертвованій между пострадавшими. И не только въ Томскѣ, но и въ другихъ городахъ, даже не сибирскихъ, собирались пожертвованія. Изъ числа жертвователей, въ другихъ городахъ живущихъ, слѣдуетъ отмѣтить нѣкоторыя торговыя фирмы Москвы, сдѣлавшія крупныя пожертвованія.

Во время самаго наводненія многіе состоятельные люди разсылали по затопленнымъ частямъ города хлѣбъ и даже кирпичный чай.

Разсказываютъ даже случай, что одинъ нищій собиралъ куски и отправлялъ ихъ на управскихъ лодкахъ пострадавшимъ. Исправляющій должность начальника губерніи д. с. с. Катюховъ отнесся также чрезвычайно сочувственно къ народному бѣдствію, и 3 мая, когда вода стала немного сбывать, онъ самъ, въ сопровожденіи помощника пристава, объѣхалъ нѣкоторые затопленные кварталы Песковъ и Заозерья и выслушивалъ жалобы на неисправность городскихъ лодокъ въ дѣлѣ доставленія хлѣба голодающимъ. Только въ ночь на 4 мая вода сбыла, но и затѣмъ долго еще не входила окончательно въ свое русло.

Н. Селивановъ.

Дѣло Борраса. (Портр. на стр. 701).

Процессъ безвинно осужденнаго Борраса надѣлалъ неслыханнаго шума во всей французской и заграничной печати, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ обнаружилась не судебная ошибка, до нѣкоторой степени извинительная при ограниченности человѣческаго ума, а преднамѣренное подавленіе истины всѣми судьями, на разсмотрѣніе коихъ поступало это дѣло.

Въ 1887 году было совершено убійство супружеской четы, проживавшей въ уединенномъ сельскомъ домикѣ въ Пти-Копонѣ. Жена, передъ смертью, была еще въ силахъ заявить, что убійцъ было трое. На другой день послѣ убійства, власти арестовали двухъ бродягъ, Гильоме и Вилларубію, и они безъ дальнихъ околичностей сознались, что были участниками этого преступленія. Оставалось найти третьяго виновника. Пять дней спустя жандармы захватили нѣкоего Борраса, испанца, мирно проживавшаго со своей женою въ Каркасонѣ и кормившагося честнымъ трудомъ. Это былъ человѣкъ ничѣмъ не запятнанный. Ничто не могло навлечь на него подозрѣнія. Полиція накинулась на него единственно потому, что „третьяго“ не доставало и что онъ дружественно относился къ одному изъ арестованныхъ преступниковъ, своему земляку, испанцу Вилларубіи. Обвиненіе изумило, возмутило и раздражило Борраса при допросѣ. Слѣдователь примѣнилъ къ этому старинную поговорку: „ты сердишься—стало-быть неправъ“, и Боррасъ вмѣстѣ съ Гильоме и Вилларубіей былъ преданъ ассизному суду въ Одскомъ департаментѣ. Онъ не переставалъ доказывать свою невиновность. Предъ судомъ выступили четыре свидѣтеля, которые единогласно показали, что въ день и ночь преступленія Боррасъ находился далеко отъ мѣста преступленія, другими словами, доказано было *alibi*. Перекрестные допросы не могли сбить свидѣтелей. Тогда предсѣдатель суда, Резенъ (Raisin), воскликнулъ: „Это семья Борраса подкупила ихъ!“ Присяжные признали его виновнымъ наравнѣ съ двумя сознавшимися преступниками, и судъ приговорилъ его къ смертной казни.

Боррасъ объявилъ, что подастъ на апелляцію. Въ этомъ ему было отказано, такъ какъ въ дѣлѣ не оказалось нарушенія какихъ-либо формальностей, но судъ однако предложилъ замѣнить смертную казнь пожизненными каторжными работами. Всѣ судьи подписали это заявленіе, за исключеніемъ предсѣдателя Резена. Оба преступника, Гильоме и Вилларубія, громко говорили въ тюрьмѣ при всѣхъ сторожахъ, что Боррасъ не участвовалъ съ ними, а Вилларубія даже добился свиданія съ адвокатомъ Крозалемъ (Crosals) и заявилъ ему о невиновности Борраса. Доношеніе адвоката объ этомъ было только подшито къ дѣлу какъ несостоятельное. Десять мѣсяцевъ томился Боррасъ въ неизвѣстности, ежедневно ложась спать въ своей тюрьмѣ съ мыслью, что утромъ его разбудятъ и поведутъ на гильотину. Наконецъ, 19 (7) іюля 1888 года ему объявили, что смертный приговоръ 11 сентября 1887 года замѣненъ для него пожизненными каторжными работами.

Между тѣмъ молодой женѣ Борраса удалось пробудить участіе къ своему несчастному мужу въ сенаторѣ Одскаго департамента, г. Марку. Послѣдній разсмотрѣлъ дѣло Борраса и убѣдился въ его невиновности. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ Парижъ, осаждалъ министра юстиціи въ министерствѣ, въ сенатѣ, въ палатѣ, на улицѣ, обличая преступленіе Резена и другихъ судей, и наконецъ настоялъ на пересмотрѣ дѣла Борраса. Но для того чтобъ этотъ пересмотръ состоялся, Боррасъ долженъ былъ оставаться въ тюрьмѣ на почвѣ Франціи. Сенаторъ, зная съ какимъ народомъ имѣетъ дѣло, добился приказа не посылать Борраса въ Новую Каледонію, куда обыкновенно отправляются каторжники. Г. Марку не отступалъ до тѣхъ поръ, пока министръ не подписалъ этого приказа при немъ, а канцелярія отправила приказъ въ тулонскую прокуратуру. Каково же было удивленіе сенатора, когда недѣли черезъ двѣ онъ получилъ отчаянное письмо жены Борраса, въ которомъ она извѣщала г. Марку, что мужа ея уже перевезли на корабль для отправки въ Новую Каледонію! Сенаторъ поспѣшилъ въ Тулонъ и сдѣлалъ тамъ слѣдующее невѣроятное открытіе: тулонскій прокуроръ, получивъ министерскій приказъ удержать Борраса во Франціи, распорядился немедленно отправить его на корабль. Г. Марку пустилъ въ ходъ телеграфъ, грозилъ интерпелляціями и такимъ образомъ ему удалось сломить упорство прокурора: Боррасъ былъ возвращенъ въ тюрьму.

Между тѣмъ произошло нѣчто еще необычайнѣе. Нѣкій бродяга, по имени Россель, арестованный въ Испаніи за какой-то проступокъ, сознался что онъ былъ третьимъ участникомъ съ Гильоме и Вилларубіей. Испанскія власти тотчасъ же сообщили объ этомъ французскимъ, рекомендуя послѣднимъ потребовать выдачи Росселя, которая-де и не замедлитъ. Отношеніе это попало въ Монпельескій судъ, постановившій слѣдующее рѣшеніе: „Выдачи Росселя не требовать, ибо хотя онъ и признаетъ себя виновнымъ, но слѣдствіе доказало, что третій убійца не онъ, а Боррасъ. Поэтому Росселя слѣдуетъ считать невиновнымъ. Впрочемъ, еслибъ онъ и принималъ участіе въ этомъ преступленіи, то это не уменьшило бы вины Борраса, а отъ очной ставки Росселя съ Боррасомъ нечего ждать“.

Такъ наступилъ 1889 годъ. Боррасъ уже полтора года томился въ тюрьмѣ. Между тѣмъ министромъ юстиціи сталъ Тевене. Г. Марку составилъ докладную записку обо всемъ этомъ дѣлѣ, изложилъ всю несообразность отклоненія испанскихъ предложеній относительно выдачи Росселя, и подалъ записку президенту республики, г. Карно, который переслалъ ее министру Тевене. Сенаторъ, не отставая со своей стороны, сталъ просто пугаломъ министерства юстиціи. Чиновники старались отомстить ему, распространивъ слухъ, что г. Марку сошелъ съ ума, помѣшавшись на томъ, что какой-то убійца въ Южной Франціи не виновенъ. Марку однако не унимался: онъ встрѣтился съ г. Тевене и спросилъ его, что̀ сталось съ его запиской; оказалось, что министръ и не видалъ ее: она исчезла на пути отъ президента республики въ министерство юстиціи. Тогда г. Марку лично передалъ министру новую докладную записку. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Сенаторъ снова заговорилъ о ней съ министромъ. Г. Тевене не читалъ самой записки, но въ канцеляріи министерства составили противъ нея возраженіе, въ которомъ по пунктамъ опровергли ее на основаніи различныхъ протоколовъ, приложеній и др. документовъ, съ означеніемъ ихъ нумеровъ. Сенаторъ вышелъ изъ себя, читая это возраженіе: большей части означенныхъ и перенумерованныхъ документовъ вовсе не существовало на самомъ дѣлѣ, другая часть состояла лишь изъ обвинительнаго акта прокурора и приговора Монпельескаго суда.

Этотъ позорный подлогъ канцеляріи министерства юстиціи спасъ Борраса. Тевене былъ замѣненъ г. Фальеромъ, которому г. Марку и изложилъ, какія дѣла дѣлаются въ его министерствѣ. Новый министръ лично прочелъ записку — и результатомъ этого было, что Боррасъ черезъ нѣсколько дней былъ „помилованъ“ (это единственно возможная форма въ такихъ случаяхъ во Франціи) и выпущенъ на свободу. Торжественное же объявленіе его невиновнымъ можетъ послѣдовать лишь по пересмотрѣ его дѣла и въ силу новаго приговора, на что̀ потребуется еще нѣсколько времени.

Вотъ это дѣло во всемъ его ужасѣ. Какія же причины заставили судей и чиновниковъ взять на свою совѣсть такое преступленіе по должности? Причины весьма понятныя. Сначала эти господа были просто глупы и ослѣплены самоувѣренностью. Когда же имъ указали ихъ глупость и ослѣпленіе, у нихъ не достало гражданскаго мужества признать это и раскаяться, а чтобы не сознаваться въ своей ошибкѣ, они прибѣгли къ обдуманному и утонченному преступленію и рядомъ подлоговъ направили всю тяжесть административной машины на несчастнаго Борраса съ тѣмъ, чтобы раздавить безвиннаго.

Потребовалось чудо для его спасенія—и чудо это совершилъ великодушный сенаторъ, да и тотъ едва-ли успѣлъ бы спасти Борраса, не будь такъ-называемой каторжной совѣсти у всѣхъ трехъ убійцъ. Предъ этимъ безпримѣрнымъ дѣломъ блѣднѣютъ всѣ знаменитые процессы Лезюрка и другихъ.

Назодненіе въ Томскѣ. Общій видъ набережной рѣки Ушайки. Съ фотогр. Селиванова, грав. Рашевскій.

Политическое обозрѣніе.

23 іюня, послѣ двухдневнаго разбирательства, въ Парижѣ, окончилось дѣло русскихъ нигилистовъ. 29 мая у различныхъ лицъ былъ произведенъ обыскъ, давшій важныя открытія. Были найдены бомбы, взрывныя вещества и составныя ихъ части. Дальнѣйшіе розыски повели къ аресту разныхъ лицъ, числомъ до 29, изъ которыхъ 8: супруги Рейнштейнъ, Накашидзе, Сте-

Наводненіе въ Томскѣ съ 29 апрѣля по 3 мая 1890 г. Видъ на За-истечное предмѣстье. Съ фот. Селиванова, грав. Рашевскій.

пановъ, Кашинцевъ, Львовъ, Лавреніусъ и дѣвица Бромбергъ были преданы суду передъ девятою палатою исправительной полиціи. Рейнштейновъ защищалъ Райберти, депутатъ отъ Ниццы; Накашидзе, Степанова и Кашинцева—Миллеранъ, депутатъ отъ Парижа; Львова — адвокатъ Гюгъ, Лавреніуса — адвокатъ Дюрьс, Бромбергъ—адвокатъ Тардифъ. Всѣ они преданы суду по обвиненію въ храненіи и приготовленіи смертоносныхъ или зажигательныхъ снарядовъ и взрывныхъ веществъ. На судѣ по этому дѣлу присутствовала многочисленная публика: особенно много русскихъ. Допросъ подсудимыхъ прошелъ безъ особенныхъ приключеній. При допросѣ судъ касался исключительно факта открытія взрывныхъ снарядовъ. Подсудимые заявили, что они спеціально занимались химіей и изученіемъ взрывныхъ веществъ, какъ двигательной силы, и сдѣлались жертвою подстрекателя, который скрылся. Дѣвица Бромбергъ, еврейка изъ Кременчуга, объявила, что содержаніе найденнаго у ней чемодана съ пятнадцатью бомбами ей было неизвѣстно. Затѣмъ судъ допросилъ многочисленныхъ свидѣтелей. На другой день въ обвинительной рѣчи противъ нигилистовъ прокуроръ Ломбаръ сказалъ, что иностранцы, ищущіе убѣжища во Франціи, должны уважать мѣстные законы. „Мы даемъ имъ гостепріимство—прибавилъ прокуроръ—взамѣнъ этого они, съ своей стороны, обязаны вести себя достойнымъ образомъ, не вызывая никакихъ для насъ международныхъ затрудненій и не нарушая нашего спокойствія". Перейдя къ доказательству обвиненія, прокуроръ выставилъ на видъ, что подсудимые дѣйствительно занимались изготовленіемъ взрывныхъ снарядовъ, опровергнулъ нѣкоторыя инсинуаціи защиты, направленныя противъ судопроизводства, и въ заключеніе потребовалъ, чтобы всѣ подсудимые были наказаны.

Судъ своимъ приговоромъ по дѣлу нигилистовъ оправдалъ женщинъ Рейнштейнъ и Бромбергъ. Ландейзенъ приговоренъ заочнымъ рѣшеніемъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію. Всѣ остальные подсудимые приговорены къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ 200 франкамъ штрафа каждый.

Изъ этого приговора видно, что обвиняемыхъ судили за изготовленіе взрывныхъ снарядовъ и храненіе ихъ, а не какъ политическихъ преступниковъ. Какъ таковые, они, конечно, не заслуживаютъ никакой пощады, и это мнѣніе начинаетъ понемногу становиться всеобщимъ. Интересны въ этомъ отношеніи слова князя Бисмарка, въ его бесѣдѣ по этому поводу съ мистеромъ Питти Кингстономъ, корреспондентомъ *Daily Telegraph*. О нигилистахъ бывшій канцлеръ высказалъ слѣдующее мнѣніе: „Никакихъ уступокъ нигилистамъ дѣлать нельзя. Всѣ они алчутъ убійствъ, всѣ они—убійцы изъ-за угла, если не на дѣлѣ, то по намѣренію. Единственное средство противъ нихъ—это обостреніе и усиленіе закона и примѣненіе его къ нимъ съ удвоенною строгостью. Объ уступкахъ этимъ злодѣямъ не можетъ быть и рѣчи. Нельзя дружески и примирительно поступать съ людьми, которые даже не знаютъ, чего они хотятъ, но во всякое время готовы на совершеніе чудовищныхъ преступленій. Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ много пріятныхъ, благоразумныхъ и развитыхъ русскихъ, желающихъ умѣренныхъ реформъ, но по той или иной причинѣ они, повидимому, держатся въ сторонѣ и никакого ощутительнаго вліянія на правительство не оказываютъ. По отношенію къ русскимъ они никакого значенія не имѣютъ. Чрезмѣрный процентъ образованныхъ людей въ Германіи ведетъ къ неудовольствію и разочарованію, а въ Россіи—къ неудовольствію. Тамъ къ высшимъ жизненнымъ занятіямъ подготовляютъ въ десять разъ больше юношей, чѣмъ имѣется свободныхъ для нихъ мѣстъ или случаевъ приличнаго заработка. Быть-можетъ и методъ жизни тамъ не совсѣмъ правиленъ. Имѣется слишкомъ много стипендій и занятій, при которыхъ бѣдняки чувствуютъ себя несчастными и безполезными. Такъ, напримѣръ, большая часть дѣтей священниковъ получаютъ высшее воспитаніе и университетское образованіе безвозмездно, но развѣ имъ это приноситъ какую-нибудь пользу? По окончаніи курса для многихъ молодыхъ людей ничего въ виду не имѣется и пріобрѣтенныя ими познанія не только оказываются безполезными, но дѣлаютъ изъ нихъ недовольныхъ и даже нищихъ. Ихъ воспитывали для состязанія на гораздо болѣе дорогіе призы, чѣмъ тѣ, которые даетъ жизнь въ дѣйствительности, исключая немногихъ, къ ихъ сословію не принадлежащихъ. Мнѣ приходилось встрѣчать въ Россіи сторожей, которые воспитывались въ университетахъ и получили ученыя степени. Можно ли представить себѣ что-нибудь, что было бы болѣе жестоко и нелѣпо? Такіе люди, исполненные ненависти и злости противъ всѣхъ богатыхъ и высокопоставленныхъ, легко поддаются на заговоры и преступленія. Созидать они неспособны, но обладаютъ достаточными познаніями для разрушенія. Вѣдь легче разрушать, чѣмъ замѣнять одно другимъ, и вотъ они творятъ зло, называя это улучшеніемъ".

Сенаторъ М. Марку, содѣйствовавшій возстановленію чести Борраса.

Жозефъ Боррасъ, ложно обвиненный въ убійствѣ Каркасонскимъ ассизнымъ судомъ.

Брюссельская конференція по вопросу объ уничтоженіи невольничества окончила свою задачу. Какъ сообщаетъ *Indépendance Belge*, всѣ державы, исключая Голландіи, подписали общій актъ конференціи по уничтоженію невольничества, равно какъ дополнительную декларацію, касающуюся таможенныхъ сборовъ съ товаровъ въ государствѣ Конго. Голландіи предложено присоединиться къ постановленіямъ конференціи въ шестимѣсячный срокъ.

Въ Испаніи только что совершился довольно спокойно министерскій кризисъ. Либеральное министерство Сагасты давно уже вызывало неудовольствіе и подвергалось ожесточеннымъ нападкамъ. Открытыя злоупотребленія въ администраціи довершили дѣло, и министерство должно было подать въ отставку, которая принята королевой-регентшей. Новое консервативное министерство составлено подъ предсѣдательствомъ Кановаса-дель-Кастильо.

Смѣсь.

Изъ жизни графа Аракчеева. Въ воспоминаніяхъ г. Тимченко-Рубана, напечатанныхъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, разсказывается, между прочимъ, и о графѣ Аракчеевѣ, замѣчательномъ государственномъ человѣкѣ. Дѣятельность Аракчеева, по словамъ всѣхъ его окружавшихъ, была изумительная. Всѣ въ одинъ голосъ повторяли, что не знаютъ, когда онъ и спитъ. Онъ ложился спать около 11-ти часовъ, а уже въ два часа ночи посѣщалъ и штабъ военныхъ поселеній, и чертежную, гдѣ въ это время кипѣла работа. Дежурные при немъ адъютанты должны были быть на ногахъ цѣлыя сутки, въ полной формѣ. Они то и дѣло разсылались съ его порученіями. У графа Аракчеева была подруга, Анастасія Ѳедоровна Минкина, которую онъ называлъ „своею Настею". Весьма видная, красивая и умная женщина, она происходила изъ простыхъ крестьянокъ и поступила къ графу послѣ похоронъ его жены. Одѣвалась она всегда чрезвычайно нарядно: бархатъ, кружева, брилліанты — составляли обыкновенный нарядъ. Своею угодливостью и предупредительностью она снискала себѣ безграничную любовь графа и его довѣріе. Все дворцовое хозяйство было въ ея рукахъ: всѣмъ распоряжалась она

безконтрольно. Устроивъ себѣ тайную полицію изъ женщинъ, она отлично знала, что́ дѣлается въ каждомъ уголкѣ Новгородскаго поселенія, хотя сама почти всегда сидѣла дома. Эти свои свѣдѣнія, когда находила нужнымъ, она сообщала графу, но не иначе, какъ при гаданіяхъ на картахъ. Убѣдясь неоднократно въ справедливости этихъ гаданій, графъ пристрастился къ нимъ и никогда не выѣзжалъ изъ дому, не испросивъ на это соизволенія своего домашняго оракула, какъ называлъ онъ Анастасію Ѳедоровну. Дворовые люди ненавидѣли подругу графа и трепетали передъ ней. Они называли ее колдуньей и это названіе особенно упрочилось за ней послѣ ея предсказанія о заряженномъ ружьѣ у одного изъ рядовыхъ того батальона, который графъ намѣренъ былъ смотрѣть. Всѣ были изумлены, когда во время смотра, обходя первую шеренгу, графъ неожиданно остановился у втораго съ лѣваго фланга солдата и, послѣ приказанія взять на изготовку и выстрѣлить въ поле, выстрѣлъ дѣйствительно послѣдовалъ. Виновный тутъ же сознался въ намѣреніи убить графа. О паденіи Аракчеева авторъ Воспоминаній передаетъ слѣдующій разсказъ. Въ одинъ изъ пріемныхъ дней во дворцѣ графъ явился съ докладомъ къ государю и, по обыкновенію, вошелъ прямо въ его кабинетъ. Императоръ взглянулъ на него весьма холодно и, вставъ съ своего кресла, указалъ ему на дверь комнаты, въ которой онъ обыкновенно принималъ министровъ. Выйдя потомъ и самъ туда, онъ сказалъ: „Не ближе, какъ здѣсь, желаю я встрѣчаться съ вами, графъ!“ Вслѣдъ затѣмъ онъ удалился опять въ свой кабинетъ. Понятно, такая неожиданность не могла не поразить графа. Блѣдный какъ полотно, со слезами на глазахъ, онъ направился къ выходу изъ дворца. На лѣстницѣ его встрѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ: „Что́ съ вами, графъ? Больны? За границу, за границу!“ Послѣдній разсказъ авторъ Воспоминаній слышалъ, будучи юношей въ самомъ домѣ Аракчеевыхъ. (в.)

Интересный кладъ найденъ недавно въ Ловицкомъ уѣздѣ Варшавской губерніи. Онъ состоитъ изъ 319 монетъ: бельгійскихъ, испанскихъ, зеландскихъ и друг., которыя всѣ относятся къ XVII вѣку. Кладъ этотъ переданъ въ Имп. Археологич. Коммисію. (в.)

Ягодныя и ячменныя вина. Въ петербургскомъ Техническомъ Обществѣ недавно происходилъ докладъ К. С. Дембовскаго о нѣкоторыхъ суррогатахъ винограда для производства натуральныхъ винъ. Филлоксера, опустошившая почти на половину наши виноградники, повліяла въ значительной степени на сокращеніе винодѣлія въ Россіи, гдѣ спросъ на вино, однако, все возрастаетъ. Отсюда является масса поддѣлокъ и фальсификацій. Изучая производство вина, г. Дембовскій пришелъ къ заключенію, что виноградное вино можно съ успѣхомъ замѣнять винами ягоднымъ и ячменнымъ. Виноградный сокъ и ягодные соки очень близки между собою и состоятъ изъ сахара, бѣлковыхъ веществъ, кислотъ, экстрактовъ, таннина и минеральныхъ солей; разница между ними только въ количествахъ. Для превращенія соковъ въ вино, ихъ подвергаютъ спиртовому броженію при помощи ферментовъ-дрожжей. Опытъ показалъ, что характеръ броженія и конечный продуктъ вполнѣ зависятъ отъ микроорганизмовъ. Для полученія вина необходима въ дрожжахъ бактерія Saccharomyces elliptoideus. Если къ суслу прибавить этихъ именно дрожжей и самое сусло регулировать прибавкой сахара (если его не хватаетъ) или удаленіемъ кислотъ (если ихъ избытокъ), то послѣ броженія и виноградпаго, и ягоднаго соковъ всегда получится вино, которое вовсе не будетъ фальсификаціей. До какой степени ягодныя вина, приготовленныя такимъ путемъ, сходны съ виноградными, видно изъ того, что во Франціи, гдѣ это производство пустило уже глубокіе корни, знатоки не въ состояніи отличить ягоднаго шабли отъ виноградпаго. Для винъ пригодны всякія ягоды, но преимущественно— для бѣлыхъ винъ крыжовникъ, а для красныхъ— черная смородина и черника (для лафита). Всѣ эти сорта ягодъ дали превосходныя вина, а бѣлыя, насыщенныя углекислотой, ничѣмъ не отличаются отъ шампанскихъ и вообще шипучихъ. На Парижской выставкѣ продавалось вино изъ ячменя, полученное также броженіемъ, и это вино теперь очень распространено во Франціи; отличить его отъ виноградпаго можно только химическимъ путемъ. У насъ ягоды дешевы, а потому ягодныя вина могутъ служить большимъ подспорьемъ въ сельско-хозяйственномъ винокуреніи. (в.)

1-й заемъ 1864 года. 51-й тиражъ 2-го іюля 1890 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
132	29	500	2929	2	500	5469	5	500	8043	18	500	10746	22	10000	12541	8	500	14668	5	500	17712	44	500
209	31	500	2932	4	500	5496	42	500	8119	6	500	10750	3	500	12624	46	500	14674	5	500	17972	14	500
212	9	500	2956	43	500	5527	42	10000	8237	29	500	10784	33	500	12639	5	500	14711	17	500	17995	34	500
240	39	500	3178	7	500	5529	23	500	8357	35	500	10824	42	500	12667	22	500	14722	20	500	18049	34	500
334	44	500	3222	8	500	5696	29	500	8412	37	500	10864	38	500	12689	35	500	14841	13	500	18054	39	500
338	31	500	3421	13	500	5838	6	500	8451	6	500	10904	19	500	12787	11	500	14964	39	500	18124	21	500
375	5	500	3543	20	500	5926	2	500	8455	8	500	10998	3	500	12789	21	500	14965	12	5000	18283	31	500
495	29	500	3671	25	500	6004	24	500	8487	46	1000	11012	30	500	12792	13	500	14996	18	1000	18313	20	5000
569	35	500	3677	10	500	6012	34	500	8562	3	500	11197	40	500	12812	2	500	15027	18	500	18348	47	200000
639	31	8000	3872	41	500	6078	26	500	8737	9	1000	11232	47	8000	12818	3	500	15083	7	500	18364	38	500
719	6	500	3880	22	500	6108	2	500	8756	2	1000	11265	26	500	12823	21	500	15473	22	500	18421	2	500
806	41	500	3909	23	500	6128	44	500	8785	17	500	11368	35	500	12883	28	500	15638	30	500	18442	47	500
926	5	500	3998	38	1000	6185	32	500	8840	48	500	11481	31	500	13030	5	500	15653	8	500	18558	48	500
935	9	1000	4140	42	1000	6209	27	500	8843	25	500	11507	26	500	13118	46	500	15664	31	500	18674	16	500
1166	37	500	4161	25	500	6284	46	500	8891	37	500	11610	17	500	13159	31	500	15883	32	500	18717	8	500
1187	22	500	4291	44	500	6296	24	500	8949	25	500	11660	6	500	13213	6	500	15894	32	500	18761	32	500
1348	34	500	4367	9	500	6544	37	500	9076	38	500	11680	40	5000	13236	13	500	15968	50	500	18770	18	500
1375	22	500	4413	37	500	6647	16	500	9128	35	500	11732	47	8000	13321	12	500	15983	10	500	18777	42	500
1422	8	500	4470	45	1000	6737	38	500	9167	18	500	11769	26	500	13393	19	500	15996	50	500	18967	3	500
1510	26	500	4485	23	500	6797	32	500	9215	22	500	11793	9	500	13445	1	500	16048	39	500	18979	11	500
1517	12	500	4552	50	8000	6803	45	1000	9232	24	500	11821	6	500	13702	50	500	16248	21	500	19075	1	500
1611	6	75000	4561	4	500	6841	50	500	9255	12	500	11916	39	500	13712	49	500	16248	24	500	19108	37	500
1652	10	500	4604	35	500	6884	23	500	9369	37	500	11988	33	500	13939	19	500	16349	30	500	19142	9	1000
1745	6	500	4626	45	500	7071	10	500	9406	33	500	12079	17	500	13963	23	500	16424	45	5000	19214	33	500
1754	39	500	4769	13	500	7092	6	500	9534	42	500	12080	35	500	13975	30	500	16545	26	5000	19233	29	500
1806	21	500	4791	35	500	7231	32	500	9676	28	500	12096	25	500	14037	30	8000	16618	13	500	19240	5	500
1940	20	500	1804	42	1000	7253	35	1000	9732	15	500	12116	36	1000	14082	11	25000	16686	4	500	19253	14	500
1973	38	500	4826	17	500	7256	37	500	9741	9	1000	12186	39	500	11251	44	500	16720	30	500	19306	43	500
2049	15	500	4860	47	500	7270	29	500	9764	34	500	12223	6	500	14252	22	500	16873	41	500	19389	45	5000
2083	1	500	4967	21	500	7286	21	500	9800	15	5000	12234	6	500	14303	27	500	16890	2	500	19628	35	500
2118	9	500	5013	46	500	7433	44	1000	9817	26	500	12272	11	500	14334	13	500	16946	1	500	19675	46	1000
2202	36	500	5113	48	500	7443	41	500	9855	7	500	12303	5	10000	14358	19	500	17018	5	500	19809	35	500
2270	15	500	5236	6	500	7457	24	1000	10042	3	500	12327	17	500	14472	42	500	17038	2	500	19875	40	40000
2518	20	500	5283	26	1000	7544	50	500	10151	44	500	12329	35	500	14497	49	500	17265	7	500	19913	34	500
2578	16	5000	5364	32	500	7842	42	500	10189	42	500	12329	47	500	14526	12	500	17275	26	500	19919	48	500
2670	28	1000	5382	17	500	7855	50	500	10393	31	500	12352	44	500	14563	32	500	17569	37	500	19932	44	500
2765	42	500	5438	50	500	7919	4	500	10596	19	500	12416	31	500	14616	14	500	17688	2	1000	19972	33	500
2904	42	500	5452	50	500	7928	6	500	10706	48	500												

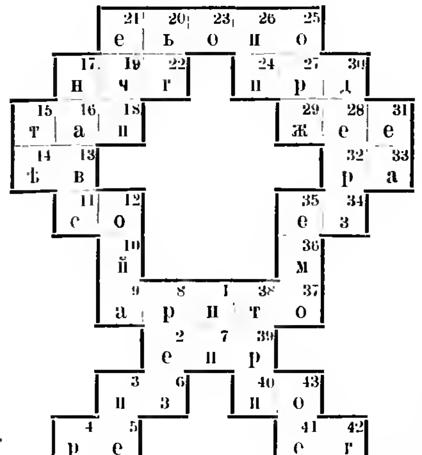
№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ выигрышей.

213, 464, 715, 752, 941, 1234, 1332, 2144, 2390, 2543, 2880, 2911, 3246, 3550, 3621, 3667, 3786, 4039, 4185, 4247, 4458, 4684, 5173, 5280, 5352, 5408, 5485, 5593, 5778, 5924, 6026, 6039, 6424, 6468, 6475, 6907, 7301, 7351, 7612, 7618, 7673, 8077, 8586, 9025, 9072, 9416, 9598, 9754, 9786, 9830, 10067, 10361, 10652, 10779, 10798, 10916, 11009, 11097, 11168, 11179, 11217, 11737, 11917, 12326, 12642, 12647, 12809, 13634, 13763, 13978, 14125, 14824, 14879, 15197, 15589, 16158, 16820, 16827, 17104, 17737, 17792, 17907, 18311, 18499, 18579, 18635, 19265, 19292, 19311, 19321, 19366, 19770, 19939, 19984.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за **„НИВУ“ 1890 г.**, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

Рѣшеніе задачи буквъ № 31 (помѣщенной въ № 22).



1) Езей
2) Гимнии
3) Геродот
4) Гроза
5) Женева
6) Сто
7) Ночь
8) Рѣна
9) Серп

„Не презирай совѣта ничьего.
„Но прежде разсмотри его".

Крыловъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ гг.: **СПБ.**—А. А. Поспѣева, Ф. Михеля, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Одесса**—М Юрьева, **Серпуховъ** Я. С. Иковникова.

Рѣшеніе шарады № 32 (помѣщенной въ № 22).

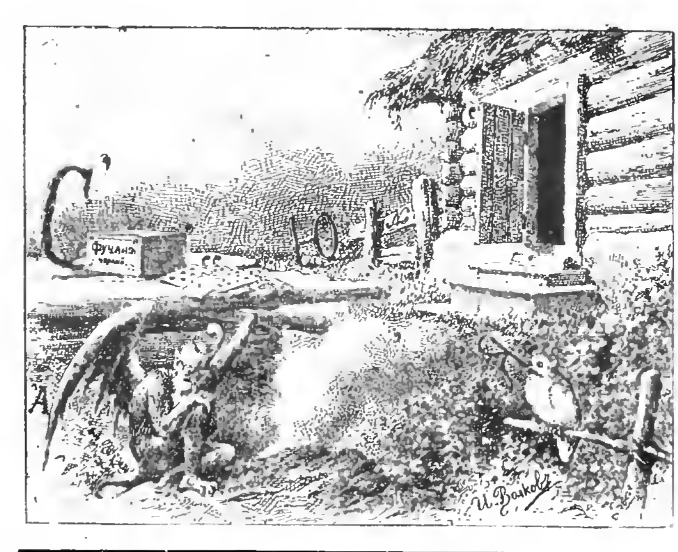
До-кладъ.

Вѣрныхъ рѣшеній этой задачи получено около тысячи. За недостаткомъ мѣста фамиліи рѣшившихъ не могутъ быть помѣщены.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Ребусъ. Задача № 40



СОДЕРЖАНІЕ: **Жизнь, какъ она есть.** Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.** Часть II. (Продолженіе). — **Старинный вальсъ.** (Изъ разсказовъ стараго маіора). (Продолженіе). — **Свѣтящія рыбы дна морского.** (Очеркъ **Роберта фонъ-Ленденфельда.** (Переводъ **М. Штауде**) (съ 24 рис.). Къ рисункамъ: **На удочку** (съ рис.). — **Поединокъ Морозова съ Вяземскимъ** (съ рис.). — **Кающаяся Магдалина** (съ рис.). — **Торжество освященія Креста въ СПБ. Казанскомъ соборѣ** (съ рис.). — **Наводненіе въ Томскѣ** (съ 2 рис.). — **Дѣло Борраса** (съ 2 портр.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Тиражъ выигрышей въ Государственномъ Банкѣ. — Заявленіе. — Ребусъ и рѣшеніе задачи. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. — **При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ" за ІЮЛЬ 1890 г., съ 29 рис. и отд. листъ съ 29 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 32 рис. рукодѣльныхъ работъ.**

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозвол. цензур., СПБ., 4 іюля 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. — № 28 — г. XXI — 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 14 іюля 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продавцы у пристани пароходныхъ обществъ въ Саратовѣ. Съ фотогр. Апостоли, грав. Флюгель.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. (Продолженіе).

Вѣтеръ зашелестѣлъ надъ ними нѣжною мягкою листвою. Какая-то птица распѣлась, гдѣ-то въ сторонѣ булькалъ и переливался ключъ... Что-то нѣжное, кроткое, счастливое проникло въ душу дѣвушки. Ей и хорошо, и жаль чего-то стало. Она вскользь посмотрѣла на опущенное блѣдное лицо Василія Герасимовича.

— Ну, что вы такой-то? а? Точно намъ непріятно со мною здѣсь! И она положила ему на руку—свою.

— Напротивъ... оправился онъ.

И на него этотъ свѣжій лѣсъ, эта радость пробудившейся природы нахнули бодрящею молодостью и счастьемъ.

— Напротивъ... у меня до встрѣчи съ вами, Прасковья Яковлевна, все какія-то потемки были.

— А теперь свѣтлѣе?

— Какъ же! (Онъ уже не замѣчалъ самъ, что жметъ ей руку).—Теперь, какъ же сравнить, помилуйте. Сидишь съ вами и думаешь: всю бы жизнь такъ безъ конца. Чтобы ничего кругомъ не мѣнялось — и лѣсъ этотъ стоялъ, и солнце это свѣтило, и пташка пѣла...

— Хорошо! сорвалось у нея.

— И сидѣть-бы намъ съ вами вдвоемъ и никого-бы третьяго около не было.

Кровь густо заливала ея щеки.

— Вѣдь въ самомъ дѣлѣ странно: до вчерашняго дня я совсѣмъ не зналъ васъ, а теперь мнѣ кажется, что я вѣкъ васъ видѣлъ и знаю. И страшно даже— какъ это мы разстанемся и опять встрѣтимся при другихъ—и вы можетъ-быть посмотрите на меня какъ на чужаго совсѣмъ человѣка. Потому что я вамъ не пара... Вы такая...

— Не говорите этихъ глупостей. Выдумали тоже!

— Ну... а ежели-бы... Савва Кузмичъ, дядя мой, рохлей меня назвалъ сегодня изъ-за васъ. Я, говоритъ, нарочно ихъ сюда вызвалъ, чтобы вы познакомились— а ты рохля совсѣмъ. Это я-то... А все потому что о настоящемъ я съ вами еще не говорилъ... „Не мнѣ-же за тебя, смѣется, съ дѣвицами болтать!“ Онъ и теперь меня нарочно здѣсь оставилъ, какъ васъ увидѣлъ. Такъ что, Прасковья Яковлевна, ежели-бы я теперь... то-есть...

И онъ вдругъ замолчалъ; замолчала и она, наклонилась, сорвала какой-то цвѣтокъ розовый, еще опрысканный росою и къ губамъ его поднесла, такъ что свѣтлыя утреннія росинки заблистали на нихъ. Василій Герасимовичъ мялся, мялся, и вдругъ заинтересовался какою-то зеленою букашкою вползавшей къ нему на сапогъ.

— Такъ какъ-же, Прасковья Яковлевна?

— Насчетъ чего это?

— А вотъ дядя-то...

— Мнѣ дядя вашъ ничего не сказывалъ. Что дядято?.. Я не знаю. Онъ вамъ вѣдь дядя.

— За то я знаю, что я ужасный дуракъ... Мнѣ-бы надо говорить теперь, а я мнусь...

Дѣвушка сконфуженно улыбалась и видимое дѣло ждала.

Онъ уголкомъ глаза взглянулъ на нее и замѣтилъ ея смущеніе. Это его ободрило.

— Да, вотъ Саввѣ Кузмичу кажется что изъ насъ бы вышла хорошая пара...

— А вамъ этого не кажется? еще тише спросила она и ниже наклонила голову.

— Мнѣ?.. Я бы съума сошелъ отъ счастья... Я бы, Прасковья Яковлевна, всю жизнь молился на васъ, я бы кажется разомъ себя почувствовалъ и умнѣе, и сильнѣе, и счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ. Не знаю вотъ только какъ вы...

— Я что-жъ... я еще... Я тоже, ежели... Какъ хотите...

— Нѣтъ, вы мнѣ скажите: я, такъ какъ есть — не противенъ вамъ?

— Съ какой стати вы себя считаете противнымъ? горячо вырвалось у ней. Она даже за него-же и на него обидѣлась.—Я развѣ это говорила когда? А объ другомъ обо всемъ... о чемъ вы знать хотите... По нашему нельзя такъ. А пусть лучше Савва Кузмичъ съ маменькой поговоритъ.

Онъ еще сильнѣе пожалъ ей руку, и она ему отвѣтила тѣмъ-же.

— Только пусть онъ скорѣе говоритъ... Потому у меня, Василій Герасимовичъ, сердце горячее. Я пока что—измаюсь да измучаюсь вся, не знавши!.. Пусть же скорѣе.

— Сегодня-же... дорогая моя... милая...

Но эти слова она скорѣе угадала, чѣмъ услышала ихъ. Такъ тихо онъ проговорилъ ихъ.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ!

И она побѣжала впередъ къ монастырской гостиницѣ, уже вся залитая румянцемъ счастья и стыда.

Василій Герасимовичъ, наученный опытомъ прошлой ночи, тихо шелъ за нею.

„Какъ это все случилось?“ размышлялъ онъ и никакъ не могъ понять. Всего удивительнѣе казалось ему, что онъ осмѣлился настолько чтобы сдѣлать предложеніе этой красавицѣ. Послѣ этого онъ самъ началъ чувствовать къ себѣ нѣкоторое уваженіе.

— Ну, братъ, не ожидалъ я отъ тебя такой прыти! радовался Савва Кузмичъ, когда племянникъ его передалъ о согласіи Паши выйти за него замужъ. — Не ожидалъ. Правду сказать — ты мнѣ всегда, особливо на первыхъ порахъ, большимъ кисляемъ казался... И хлипокъ, и кислый. Какъ это тебя Господь умудрилъ? Впрочемъ что-жъ — съ милліонами-то дѣло простое. Всякій подъ ногами землю почуетъ. Это голышамъ жутко.

Анна Сапишна и отецъ Варавва тоже порадовались. Разумѣется, они согласились тотчасъ-же. Первая выразилась такъ:

— Ну что-жъ, онъ хоть и не очень-то изъ себя, да за то по нашему купеческому дѣлу и то слава Богу— смиренъ, не пьетъ и не балуется на сторонѣ. Въ томъ наше женское счастье и есть, чтобы мужу вѣрить да уважать его, если онъ стоитъ его.

Отецъ Варавва произнесъ только:

— Благослови Господи! и пошелъ молиться къ себѣ.

Монахи тоже узнали объ этомъ и поздравляли молодыхъ людей, краснѣвшихъ и не знавшихъ куда имъ дѣваться.

Вечеромъ на другой день, когда Анна Сапишна и Паша собирались ложиться спать,—смущенный и растерянный гостиничный служка вдругъ вручилъ имъ громадный букетъ.

— Пожалуйста... простите Христа ради... Такое необыкновенное происшествіе, отродясь не бывало... конфузился онъ.

— Что такое? изумились тѣ.

— Букетъ... вашей милости значитъ!.. Ужь я сомнѣвался—да что подѣлаешь... Приказываютъ.

— Откуда это?

— Сказываютъ: въ городу заказывали нарочно!.. Изъ бутону изъ самаго... Грѣхи!.. Искушеніе тоже не малое...

— Василій Герасимовичъ прислалъ?

— Нѣтъ. Господинъ одинъ, вчера еще пріѣхали... Прослышали про сговоръ-то, ну вотъ и приказали чтобы безпремѣнно букетъ вамъ. Я говорю имъ, не мона-

шеское это дѣло чтобы пукетъ съ бутонами передавать, а онъ толкнулъ это меня въ плечо, да говоритъ: „ступай, ступай, нечего—пукетъ тоже созданье Божье“. Ну, я точно... противъ Бога что̀ скажешь... О цвѣтахъ-то и въ Писаніи есть.

— Кто-же бы это былъ такой?

— Знать не знаю и не видѣлъ ихъ никогда... Были они у игумена нашего, благословились. Изъ себя такіе сугубые господа-съ! Великатства этого хоть отбавляй, и говорятъ по благородному. Должно быть изъ большихъ особъ которые.

— Ты не знаешь, Паша?

— Нѣтъ, и въ толкъ не могу взять.

— Пріятель Василія Герасимовича?

— Нѣтъ, я еще ихъ вмѣстѣ не видалъ. Они и въ гостиницахъ разныхъ. Этотъ господинъ, съ пукетомъ который, все Богу молятся, и такъ молятся, такъ молятся! Въ скитъ ѣздили, нашихъ иноковъ одобрили. Говорятъ, во всѣхъ заграницахъ я былъ, а такого скита еще и не видывалъ. А только я такъ думаю: онъ изъ иновѣрцевъ должно быть. Потому—молиться-то молится, а только духу настоящаго у нихъ нѣтъ... Духу-то, ахъ—нѣтъ!

Загадка объяснилась на другой день.

Василій Герасимовичъ съ дядей отправился въ церковь. Наканунѣ Савва, занятый дѣлами, оставался дома и былъ только у схимника. Сластеновы прошли къ правому клиросу и заняли мѣсто, которое на все время ихъ пребыванія въ обители такъ и оставалось за ними. Посреди службы, когда богомольцы шепотомъ повторяли за священникомъ молитвы и во храмѣ стоялъ глухой шорохъ отъ поднимавшихся для крестнаго знаменія рукъ, головъ отвѣшивавшихъ поклоны, и иноческихъ рясъ, шелестѣвшихъ одна о другую,—Савва Кузмичъ невольно услышалъ разговоръ двухъ іеромонаховъ рядомъ:

— Ужь такъ истово молится, такъ молится!.. А сказывали: иновѣрецъ.

— А вчерась всю обѣдню на колѣняхъ простоялъ и столь благообразно, что отецъ-игуменъ опослѣ его особливо къ себѣ приглашалъ для утѣшительнаго собесѣдованія.

— Должно изъ важныхъ какихъ...

Савва Кузмичъ обернулся по направленію взглядовъ, которые время отъ времени устремляли иноки обмѣнивавшіеся этими замѣчаніями, и обомлѣлъ отъ неожиданности. Онъ даже глаза протеръ, и еще разъ воззрился. Но нѣтъ—не кажется... Это сама дѣйствительность.

Посреди церкви величественно и необыкновенно благородно стоялъ... самъ Готлибъ Готлибовичъ Курцъ-фонъ-Галопъ.

Дядя толкнулъ въ бокъ Василія Герасимовича.

— Погляди-ко... Галопишка-то откуда проявилась.

Сластеновъ обернулся.

Но Боголюбъ Боголюбовичъ въ эту самую минуту упалъ на колѣни, возвелъ очи горѣ и весь ушелъ въ столь неописуемый молитвенный экстазъ, что очевидно весь міръ исчезъ у него изъ глазъ и особливо онъ не видѣлъ и не замѣчалъ Сластеновыхъ.

— Н-ну! сорвалось у Саввы Кузмича.—Ну, Василій Герасимовичъ, Галопишко-то на тебя накромился, не отвертишься ты отъ него теперь. Вычиститъ онъ тебѣ шерсть—помяни мое слово. И въ обитель, сквернавецъ, за нами увязался. Ахъ ты Плевна этакая—скажите пожалуйста!

Но когда по окончаніи службы, Курцъ-фонъ-Галопъ какъ будто нечаянно наткнулся на Сластеновыхъ, онъ такъ естественно и просто держалъ себя и выразилъ такое достоинство, что Савва Кузмичъ даже одобрилъ его.

— Плутъ ты, братъ... Только за тебя большія деньги платить можно!..

— Помилуйте... Я такъ обрадовался, можно сказать.

— Еще бы тебѣ, шельмѣ, не радоваться! Когда ты какъ каркадилъ какой по слѣду до насъ добѣжалъ.

— Помилуйте, я на работы *наши* ѣздилъ. И не думалъ о васъ вовсе.

— Каки-таки работы?

— А *нашъ* каналъ! повелъ Боголюбъ Боголюбовичъ глазами на Сластенова-младшаго.

— Нашъ? изумился Савва Кузмичъ.—Съ какихъ это поръ нашимъ онъ сталъ?

— Какъ же... Я уже наймомъ рабочихъ распорядился въ силу полномочій, данныхъ мнѣ почтеннѣйшимъ Василіемъ Герасимовичемъ... Вторичныя изысканія и съемки послалъ производить цѣлую коммисію.

— Ну, это еще баба помеломъ писала. Облопаешься, братъ... А какъ это тебя занесло сюда? Насъ прочухалъ?

— И не воображалъ даже, достойнѣйшій Савва Кузмичъ... И не воображалъ... Напротивъ. Ѣду, и такъ это горько мнѣ стало!.. Живу въ православной странѣ, такъ, можно сказать, люблю и уважаю русскаго человѣка и самъ душою русскій совсѣмъ. И вдругъ... чувствую, что пока я еще не возсоединился, все-таки я буду чужимъ этому прекрасному нашему общему отечеству.

— Какъ возсоединился? Да ты вѣдь изъ жидовъ.

— Н-ну! съ неудовольствіемъ протянулъ тотъ.—Мои предки были тевтонскими рыцарями. Мой пра-пра-пра-пра-дѣдъ подъ Грюнвальдомъ...

— И чего ты врешь, чего ты врешь... аспидная душа! Вѣдь отецъ-то у тебя до сихъ поръ въ Бердичѣвѣ часы правитъ... Ахъ ты, Господи! Ну и моль пошла нынче. Такъ ты желаешь здѣсь, значитъ, православіе принять?

— Желаю возсоединиться! И даже радуюсь, что васъ вижу... Въ крестные отцы прошу.

— Ну, нѣтъ, братъ! рѣшительно отказался Савва Кузмичъ.—На это ты меня не поймаешь. Шалишь, я на свою душу такого грѣха не возьму. Самому дороже стоитъ. А вотъ чайкомъ тебя, Галопишко ты этакій, побалую. Это я могу, сколько угодно. Это ты значитъ вчера монаха-то съ букетомъ посылалъ?

— Я... услышалъ о счастьѣ моего достойнѣйшаго компаніона...

— Онъ ужь такъ тебя въ поминанье и записалъ компаньономъ... смѣялся Савва Кузмичъ.—Не хватало бы теперь, чтобы Приходзько съ Плюсомъ пріѣхали.

— Они не пріѣдутъ, замѣтилъ едва удерживаясь отъ смѣха Готлибъ Готлибовичъ.

— Вотъ ты же пріѣхалъ, пронюхалъ?

— Да они тоже уѣхали... Вслѣдъ...

— Куда? изумился Савва Кузмичъ.

— На Валаамъ.

— Чего-съ?

Онъ даже поперхнулся.

— На Валаамъ уѣхали.

— Да вы что̀, иновѣрцы, бѣлены объѣлись что-ли, обители наши пакостить?

— Нѣтъ, а только они думали, что Василій Герасимовичъ съ вами на Валаамѣ, ну и они туда же. Совсѣмъ въ противоположную сторону.

— Это все твои шашни?

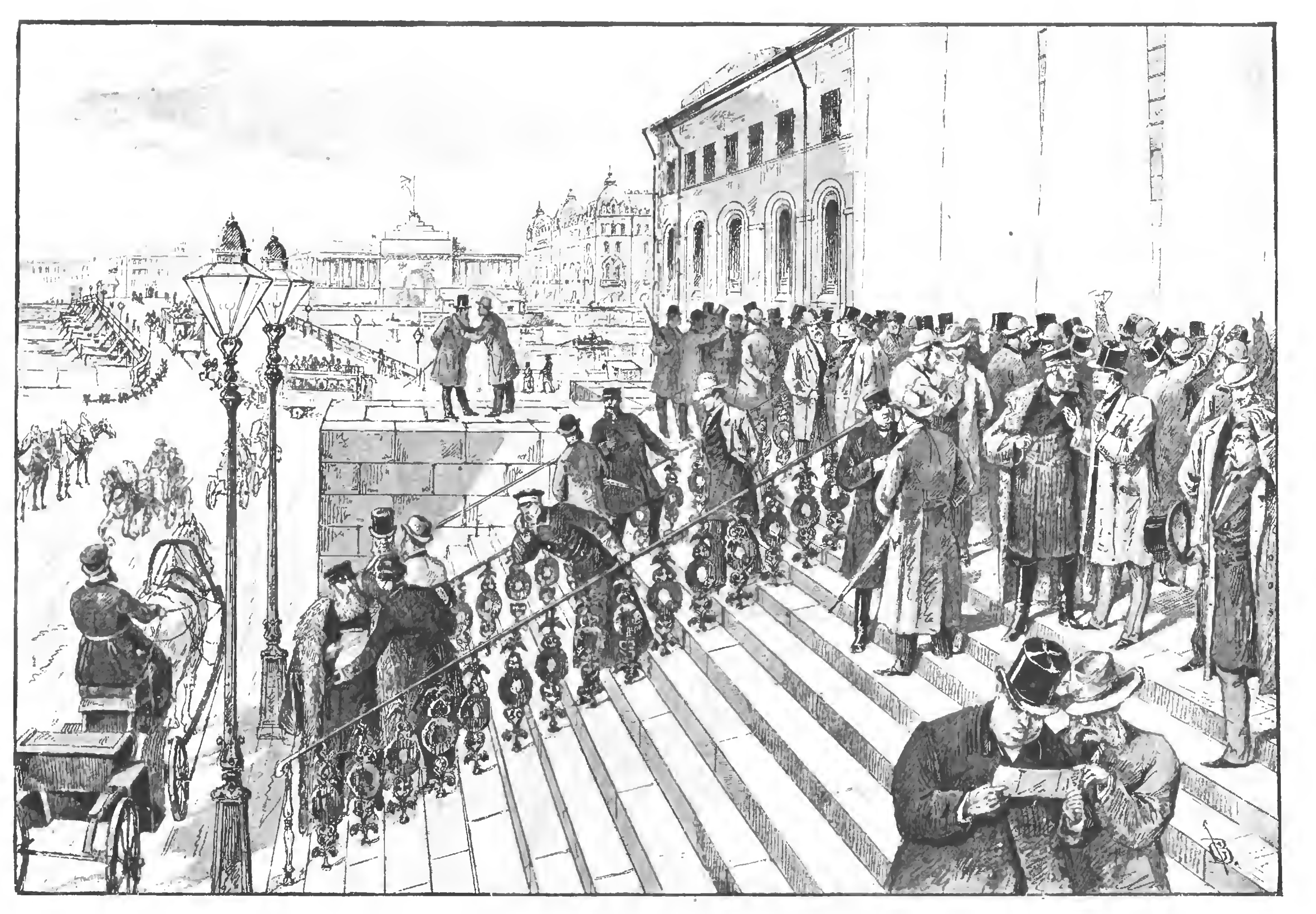
— То-есть... мнѣ хотѣлось избавить Василія Герасимовича отъ надзора этихъ непрошенныхъ опекуновъ, я подъ руками и распространилъ слухъ, будто вы... на Валаамъ поѣхали.

— Ну, Галопишко, шельмецъ ты, а за это спасибо. Пущай они прокатятся... Ахъ ты, Господи Боже мой! Н-народъ!

— Когда я могу представить вамъ всѣ отчеты по моей командировкѣ? серьезно обратился Курцъ къ Василію Герасимовичу.

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Привалъ“.

Карт. **Н. Н. Каразина** (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**“), грав. М. Рашевскій.



СПБ. биржа въ полдень. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бролинга, хемиграфія мастерской „Нивы“.

— Какой командировкѣ?

— А вотъ этой самой, по поводу канала нашего.

Сластеновъ безпомощно посмотрѣлъ на дядю.

— Послѣ, послѣ... понялъ тотъ затруднительное положеніе племянника.—Послѣ. Теперь намъ не до тебя.

Но Готлиба Готлибовича не такъ легко было поставить въ затруднительное положеніе.

— Я все равно, могу изложить Саввѣ Кузмичу все.

— Вотъ это дѣло. Меня ты, братецъ, на кривой не объѣдешь. Со мною будетъ тебѣ потяжелѣй. Со мной-то еще ты поборешься. Меня такъ не слопаешь, я вѣдь изъ ершей. Такъ жабры поставлю, что и твоя глотка подавится.

— Отлично... Планы и карты со мною... улыбался Готлибъ Готлибовичъ.

Василій Герасимовичъ пошелъ къ невѣстѣ, а старикъ Сластеновъ увелъ Курца къ себѣ.

Вечеромъ дядя съ племянникомъ встрѣтились. Первый былъ немного сконфуженъ.

— Что съ вами, дядя?

— Знаешь. Либо меня этотъ нечистый обвелъ... либо... либо я ужь не знаю что. А только дѣло-то это... насчетъ морей... у него не глупо задумано... Большіе мильоны съ него снять можно, если приняться по настоящему. Дай мнѣ еще до утра одуматься. Очень ужь въ головѣ звенитъ. Этотъ Галонишко-то говоритъ безъ умолку. Вотъ оправлюсь... А ежели что—благословясь и самъ войду, да и другихъ привлеку къ дѣлу. На него деньжищъ понадобится прорва. Страсть что! И твоя газета, ежели что, тоже на пользу придется. Потому при каждомъ дѣлѣ шарманка нужна. Ежели что—сейчасъ твои писачки-то за насъ горой станутъ... Правда что-ли? такъ?..

Но очевидно онъ еще не могъ справиться со своими впечатлѣніями.

— Я еще его пощупаю завтра. Утромъ-то голова посвѣжѣй. А только, что смутилъ онъ меня, это точно. Ужь очень шельмоватъ! Боюсь все-таки, какъ бы онъ не обошелъ невзначай.

V.

Василій Герасимовичъ ѣхалъ въ Москву уже женихомъ Прасковьи Яковлевны. Рѣшили, что осенью она вмѣстѣ съ теткою пріѣдетъ туда же и поселится у Саввы Кузмича. Свадьбу назначили на зиму, въ первые заморозки, послѣ чего молодые должны были уѣхать за-границу. Во всѣхъ этихъ переговорахъ Курцъ-Галонъ принималъ ближайшее участіе. Онъ вдругъ сталъ какъ-то необходимымъ всѣмъ, точно безъ него нельзя было ничего сдѣлать. Даже старикъ Сластеновъ говорилъ: „знаю что плутъ, да ужь очень услужливъ, каналья! Ты еще только думать началъ, а ужь онъ бѣжитъ исполнять“. Устроивъ всѣ свои дѣла такимъ образомъ, Боголюбъ Боголюбовичъ сообразилъ, что „возсоединяться“ ему болѣе не за чѣмъ, и пересталъ тревожить иноковъ собесѣдованіями по части „святыя православныя церкви“, какъ онъ выражался. Только Анна Савишна, какъ женщина, слѣдовательно болѣе недовѣрчивая, никакъ не могла помириться съ Курцемъ... „Ну, ужь и змій“, говорила она. — „Склизкій — такъ тебѣ въ душу и ползетъ“, и смотрѣла поэтому на него съ нѣкоторою боязнью, хотя онъ и называлъ ее „почтеннѣйшая мадамъ“ и при ея видѣ изображалъ на своемъ лицѣ самое рыцарское уваженіе къ женщинѣ...

Ѣхали въ Москву Сластеновы съ Курцемъ вмѣстѣ. Онъ какъ-то ухитрялся не спать. Захочется старику Саввѣ Кузмичу ночью сельтерской воды — смотришь, а Боголюбъ Боголюбовичъ уже раскупориваетъ бутылочку. Онъ ихъ будилъ передъ болѣе значительными остановками, когда они отдыхали, предъявлялъ за нихъ билеты контролю и вообще дѣйствовалъ такъ, что даже дядя-Сластеновъ похвалилъ его: „Старайся, Галонишка, старайся... А за нами, будь спокоенъ, не пропадетъ“.

На одной изъ станцій скрещивались поѣзда въ Москву и изъ Москвы. Приходилъ первый и тотчасъ же уходилъ второй. Было жарко. На платформѣ вагона перваго класса стояли и бесѣдовали Боголюбъ Боголюбовичъ, Василій Герасимовичъ и Савва Кузмичъ. Не успѣлъ остановиться ихъ локомотивъ, какъ вагоны другаго поѣзда, шедшаго на югъ, двинулись и вдругъ оттуда, изъ одного купэ перваго класса, послышался крикъ: „вотъ они!“ Курцъ высоко поднялъ шляпу, а Василій Герасимовичъ не могъ не расхохотаться, замѣтивъ съ какимъ отчаяніемъ Приходзько и Плюсъ простирали къ нему оттуда руки. „Должно-быть номолились на Валаамѣ, вернулись и поѣхали къ вамъ“, замѣтилъ Боголюбъ Боголюбовичъ, душевно радуясь огорченію, отразившемуся на лицахъ своихъ конкурентовъ. Савва Кузмичъ только головою качалъ: „Экая зависть мутитъ ихъ, прости Господи. Н-народъ! Никто своимъ не доволенъ, всякій чужаго хочетъ!“—„Теперь они будутъ очень на меня злы въ Москвѣ и станутъ вредить мнѣ въ вашемъ мнѣніи“, замѣтилъ Курцъ.— „Всѣхъ бы васъ на одну осину!“ отвѣтилъ на это старикъ, „и что это у васъ за остервенѣніе на чужіе капиталы?.. Такъ и сосетъ у вашего брата подъ ложечкой. Такъ и сосетъ!“...

Подъѣзжая къ московской платформѣ, Сластеновы завидѣли еще издали Ечкина съ Чуксинымъ, даже и кланявшихся какъ-то вмѣстѣ и при этомъ ухитрявшихся сливаться въ одно лицо. Оба они бросились къ ручкамъ Сластеновскимъ. Василій Герасимовичъ свою отдернулъ, совѣстясь и не зная куда ему дѣваться; Савва Кузмичъ за то съ полнымъ равнодушіемъ ткнулъ свою лапищу прямо имъ въ губы и съ мѣста спросилъ: „ну, какъ, шельмы, благополучно безъ насъ поворовывали?“ — „Помилуйте, даже не обидѣлся Карнѣй Карнѣичъ,—за что такая ампутація?..“— „Мы за вашъ грошъ, вставилъ Прохоръ Богдановичъ,— завсегда помереть согласны!“ — „Ну, а что Плюсъ съ Приходзько?“ поинтересовался Галонъ. Ечкинъ съ Чуксинымъ фыркнули, изъ почтительности какъ-то въ горсти къ себѣ.—„Ну?“ спросилъ и Савва Кузмичъ.— „Комедія была съ ними... Потому они сначала на Валаамъ ударились, а съ Валааму не солоно хлебамши сюда... Тутъ только настоящій адресъ узнали изъ письма. Ну, поотдохнумши, собрались опять и живымъ манеромъ за вами. И ссорились же! Другъ дружку такъ чехвостили. Приходзько кричитъ: „ты виноватъ, жидовская твоя морда!“ А Плюсъ, съ полнымъ благородствомъ говоритъ: „съ такимъ полячишкой, какъ ты, и знаться-то не желаю, ты мнѣ сначала по векселямъ заплати, а потомъ ори, если духу у тебя хватитъ“...—„А у него есть векселя?“ вмѣшался чему-то обрадовавшійся Курцъ. „Гм! Я этого не зналъ“. И глаза его приняли столь мечтательное выраженіе, что Станиславу Сигизмундовичу въ эти мгновенія очевидно обдумывалась какая-нибудь величайшая мерзость. „Такъ у него есть векселя!“ И Боголюбъ Боголюбовичъ сталъ необыкновенно веселъ и жизнерадостенъ.

Дома Василій Герасимовичъ, отвязавшійся отъ Курца, нашелъ у себя цѣлую пачку писемъ. Онъ схватился прежде всего за два изъ нихъ: Нешумовское и Наплаксинское.

Сергѣй Ѳедоровичъ Нешумовъ былъ очень недоволенъ счастливымъ милліонеромъ.

„Разумѣется, писалъ онъ, люди въ твоемъ положеніи недолго сохраняютъ въ душѣ благородные завѣты, когда-то воспитанные въ нихъ нуждою. Ты ожирѣлъ, покрылся свинымъ саломъ и обросъ щетиною, какъ видно, вполнѣ уже безнадежно, и если на что и годишься теперь, то только на ветчину... Кажется, было такое обѣщаніе: какъ только пріѣдешь въ Москву, тотчасъ же озаботиться о газетѣ. Мнѣ поручилъ ты со-

брать литературныя силы для будущаго изданія и, какъ всѣ подлецы-эксплуататоры, попавъ въ привилегированное положеніе, совершенно утратилъ самую тѣнь воспоминанія объ этомъ. А между тѣмъ, я не терялъ времени даромъ, и для тебя, дурака, пригласилъ геніальнаго романиста Свиристѣлова, неподражаемаго въ изображеніи аристократическихъ салоновъ и дамъ нашего бомонда. Я даже пьянствовалъ съ нимъ три дня и три ночи, и если мы не околѣли при этомъ, то виною этому чуду судьба, пожелавшая сохранить для отечества столь великія силы. Нашелъ я тебѣ еще романиста изъ штыкъ-юнкеровъ. Славно шельма изучилъ мужичьи потроха. Онъ тебѣ даже началъ романъ „Мужичья душа" и столь реальный, что съ первой главы такъ и пахнетъ кислымъ полушубкомъ, и при этомъ содержаніе небывалое: герой Евстигнѣй съ голоду въ первой же части пожираетъ своего ребенка Антошку, а баба его Матрена глодаетъ за околицей вмѣстѣ съ волками палую лошадь... Гдѣ же тебѣ, плантаторъ ты этакій, найти что-либо подобное? Ваши московскіе писаки лопнуть, а не сдѣлаютъ ничего похожаго. Потому что всѣхъ ихъ, мерзавцевъ, эстетика заѣла... Потомъ заполучилъ я тебѣ романистку Софію Стручкову (псевдонимъ небезизвѣстный тебѣ—Текла Геліотропова). Дама и писательница замѣчательная: никогда не чешется и не моется, чтобы эти пустяки не отвлекали ее отъ творчества. Ей сорокъ пять лѣтъ и она презираетъ любовь, въ ея романахъ любви вовсе нѣтъ, а вмѣсто нея скорбь о несчастныхъ, замученныхъ жертвахъ мужскаго эгоизма. Оригинальна не только въ своихъ произведеніяхъ, но и во всемъ: пахнетъ оподельдокомъ и въ уши кладетъ камфору. Я нарочно ѣздилъ въ маскарадъ, чтобы познакомиться съ нею для тебя, вислоухаго эксплуататора и монополиста. Она для наблюденія нравовъ одѣлась испанкой и даже на вискахъ закрутила волосы запятыми. Мнѣ она прямо сказала: „я для вашей газеты напишу романъ чистыми женскими слезами, по 200 рублей за листъ и за пять впередъ немедленно"... Театральную критику беретъ на себя членъ общества драматическихъ писателей изъ брантмейстеровъ Борисъ Кроткій, а женскій вопросъ будетъ разрабатывать „любительница русской словесности" Дарья Михайловна Анушкина, необычайно гордящаяся своей фамиліей, ибо если въ ней между *А* и *П* поставить точку, то будетъ А. Пушкина. Она требуетъ назначенія женщины на всѣ государственныя должности, не исключая даже становыхъ приставовъ. Въ поэтахъ у тебя будетъ извѣстный тебѣ поэтъ-крестьянинъ Флегонтъ Бурлаковъ; кстати его послѣдняя поэма „Солонъ потъ мужицкій" произвела здѣсь страшное внечатлѣніе. Ну, доволенъ ли ты, толстопузый монополистъ этакій? Если доволенъ — присылай авансы. Они нужны всѣмъ. Намъ, братъ, безъ аванса даже и думать нечего начинать литературное предпріятіе. А я тебѣ обѣщаю немедля пріѣхать въ вашу глупую и дикую Москву и дернуть тамъ тебя за хохолъ твой по старой памяти, чтобы ты, подлецъ, передъ нами, честными бѣдняками, не зазнавался и въ нашемъ присутствіи ходилъ опасно... Если же я отъ тебя не получу отвѣта—вы вѣдь, разжирѣвшіе Крезы, и на этакое свинство способны—то я клянусь тебѣ, обличу въ нашей газетѣ и обличу жестоко, такъ что всѣ московскія ваши афишки перепечатаютъ мои строки... Впрочемъ, будь спокоенъ, я не сдѣлаю этого изъ одного благороднаго презрѣнія нищаго-плебея къ сытому милліонеру... Изъ слога этого письма ты можешь видѣть, какою полемикою мы угостимъ нашихъ недруговъ. Чего-чего, а остроумія у Нешумова на всю Москву хватитъ... Прощай и помни обо мнѣ. Твой, пока еще другъ, Сергѣй Нешумовъ".

Тимоѳей Арсеньевичъ Наплаксинъ тоже сѣтовалъ на молчаніе Сластенова, но на философской подкладкѣ. Онъ много говорилъ о концентраціи внечатлѣній богатства и о послѣдовательной амортизаціи воспоминаній о нищетѣ, сдѣлалъ экскурсію въ дебри Гартмана и Шопенгауэра, заявилъ, что онъ и самъ мало надѣялся на Василія Герасимовича, у котораго волевые центры не такъ развиты, чтобы устоять отъ давленія новыхъ, въ его положеніи неизбѣжныхъ, жировыхъ отложеній. По пути сослался на ассоціацію внечатлѣній по Сѣченову и, разсмотрѣвъ детально психическую дѣятельность человѣка, только-что получившаго милліоны, предсказалъ ему послѣдовательное развитіе разбойничьихъ инстинктовъ, развѣтвленіе ихъ во всемъ сѣромъ веществѣ головнаго мозга до тѣхъ поръ, когда философская истина станетъ для него уже невозможною къ воспріятію...

Василій Герасимовичъ ушелъ при чтеніи этихъ писемъ весь въ свое прошлое.

Ему опять представилась бѣдная голая комнатка у Бантши, косоногая постель въ углу, вынутыя вьюшки въ печкѣ, неистовое оранье капитана Стратона Бурелома и меланхолическія гаммы консерваторки, верхнія ноты Кимишкіана ради бифштекса, легкіе танцы Мордана Македонскаго и литературная каторга Нешумова съ философскимъ цѣломудріемъ Наплаксина. Словно въ туманѣ проступили когда-то такъ нравившіяся ему черты блѣдной и худощавой Кремлевой,—проступили и спрятались опять... Ей не было мѣста теперь, когда все заслонила пышная красота Паши...

— Да, надо, надо газету...

Онъ позвонилъ. Къ нему вошелъ лакей.

— Позовите, пожалуйста, Чуксина.

Не прошло мгновенія, какъ Карнѣй Карнѣичъ уже выросъ въ дверяхъ, пронизывая оттуда хозяина острымъ взглядомъ своихъ коломенскихъ глазъ, пощипывая бородку, точно боясь, чтобы она не сорвалась у него съ мѣста.

— У насъ въ Петербургѣ есть деньги?

— Въ Волжско-Камскомъ... Триста шестьдесятъ пять тысячъ.

— Книжка чековъ здѣсь?

— Сей минутъ-съ.

И Чуксинъ, какъ призракъ, исчезъ, чтобы тотчасъ же явиться опять.

— Вотъ, извольте-съ.

Василій Герасимовичъ подумалъ, сдѣлалъ на бумагѣ маленькій разсчетъ и написалъ чекъ на пять тысячъ...

„Тебя, шалопая, слѣдовало бы отдѣлать хорошенько за всѣ твои прилагательныя, писалъ онъ къ Нешумову,—ну, да ужъ Богъ съ тобой... Посылаю тебѣ чекъ и прошу раздать надлежащіе авансы, не жалѣя денегъ. Сверхъ этого, накорми Кимишкіана до отвалу бифштексами и поручи Бантшѣ ежедневно въ теченіе мѣсяца давать ему по три порціи ихъ, заплати деньги впередъ. Морданъ Македонскій—который можетъ смѣло сказать: „omnia mea mecum porto" — всегда мечталъ о танцовальной фрачной парѣ, сооруди ему таковую и напомни, что въ Москвѣ у него есть другъ, который его никогда не забудетъ и радъ будетъ впослѣдствіи доказать это. Постарайся пріурочить къ газетѣ, хотя бы конторщицей, Ольгу Андреевну. Боюсь, что она на учительской бѣготнѣ ухлопаетъ свое здоровье, а у нея его и безъ того мало, и пріѣзжай сюда скорѣе самъ, со своими. Я буду вамъ очень радъ"...

Онъ пріостановился. Еще разъ вспомнилъ прошлое, и вдругъ ему стало такъ жаль, такъ болѣзненно жаль пережитой нищеты, своего маленькаго, дешеваго, изрѣдка выпадавшаго ему счастья, старыхъ друзей, искреннихъ и увлекающихся, такъ не похожихъ на всю эту стаю Плюсовъ, Курцовъ и Приходзько, своихъ безконечныхъ споровъ съ философомъ-фанатикомъ Наплаксинымъ, ссоръ съ Минной Карловной, упрекавшей его по Свѣденцову и грозившей вьюшками по Самарину,

стиховъ Бурлакова, нуждавшагося только въ томъ, чтобы подкормиться и впослѣдствіи этого удивить міръ своимъ геніемъ, честнаго негодованія вѣчно больной и вѣчно готовой на всякую услугу Ольги Андреевны Кремлевой... Онъ вдругъ уронилъ голову на руки и разрыдался, разрыдался какъ ребенокъ. Ему казалось, что вмѣстѣ съ этими слезами все прошлое отходитъ отъ него въ безвозвратную даль, что оно уже не повторится больше никогда, никогда. Можетъ-быть внереди ждетъ его лучшее, но не будетъ того, къ чему онъ уже привыкъ такъ, не будетъ той ясности душевной, той вѣры въ человѣка, которыя скрашивали небеснымъ свѣтомъ его безъисходную нищету.

Когда онъ наконецъ очнулся и всталъ—стемнѣло.

Ему показалось ужасно безпріютно и холодно въ его палатахъ. Въ гостиной и залѣ зажгли лампы. Позолота, фарфоръ, дорогія картины, хрустали и бронза искрились и свѣтились кругомъ. Дорогія обои, мягкіе ковры, рѣдкая мебель были ему противны въ эту минуту. Безмолвные лакеи ходили какъ тюремщики. Козьма Стефановичъ Козаковъ, его метрдотель, положительно давилъ его какъ кошмаръ своимъ величіемъ и презрительно оттопыренными бритыми губами. Сластенову казалось, что Козаковъ презираетъ его и мысленно задается вопросомъ, отчего всѣ эти милліоны достались этому блѣдному „хаму“, а не ему, Козакову, съ его безукоризненно выхоленными бакенами, изумительно расчесанными волосами и мягкими, но полными собственнаго достоинства, пріемами. Василій Герасимовичъ торопливо одѣлся. „Прикажете заложить лошадь?“ спросили его. — „Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Я хочу пѣшкомъ пройтись“. Онъ показалъ видъ, что не замѣтилъ мордастаго швейцара съ Георгіемъ, вытянувшагося передъ нимъ, и вышелъ на улицу. Онъ пошелъ куда глаза глядятъ, воображая себя опять прежнимъ бѣднымъ Сластеновымъ, неожиданно получившимъ откуда-то пять рублей и потому невыразимо счастливымъ... Легкій вѣтерокъ несъ прохладу ему навстрѣчу. Веселый говоръ стоялъ на утонувшихъ въ сумракѣ бульварахъ. Скоро въ небесахъ прорѣзался мѣсяцъ и засверкало нѣсколько робкихъ звѣздочекъ. Онъ сѣлъ на скамейку и только сейчасъ разсмотрѣлъ передъ собою окна пивной „Гамбринусъ“ за деревьями бульвара. Обрадовался и пошелъ туда. Приказалъ себѣ подать кружку пива и, закрывъ глаза, сталъ прислушиваться къ громкимъ голосамъ молодежи, сидѣвшей кругомъ. Ему казалось, что это все Пешумовы, Наплаксины, Бурлаковы; что онъ прежній и въ прежнемъ мірѣ... Едва онъ открылъ глаза опять, собираясь вступить въ споръ съ сосѣдомъ по какому-то вопросу, какъ увидѣлъ вдали необыкновенно величаво сидящаго и очевидно не замѣтившаго его лакея Антона, прислуживавшаго Саввѣ Кузмичу. Сластеновъ бросилъ мелочь на столъ и поскорѣе вышелъ... Увы! отъ прежняго, отъ этой тяжкой въ дѣйствительности и ясной и счастливой въ воспоминаніяхъ нищеты не оставалось ничего кромѣ иллюзій...

Онъ чувствовалъ, что первый періодъ его жизни окончился...

Наступалъ второй. Ему должно было бы радоваться. Онъ—Сластеновъ, которому всѣ завидовали... Но въ его душѣ была какая-то трогательная печаль, точно онъ только-что вернулся съ похоронъ лучшаго друга: можетъ-быть у него будутъ другіе, еще лучшіе, но этотъ ужъ не возвратится, а станетъ тихо и недвижно истлѣвать въ своей одинокой могилѣ... Да!.. Онъ опять сѣлъ на бульварѣ и задумался. Что-то ему говорило: не будетъ счастья, настоящаго счастья въ этихъ случайно доставшихся ему милліонахъ, и сердце его щемило и его попрежнему тянуло въ потемки и нужду, къ тѣмъ далекимъ теперь, но оставшимся милыми его сердцу людямъ...

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Старинный вальсъ.

(Изъ разсказовъ стараго маіора).

(Продолженіе).

Къ концу вечера, „Juristen-Walzer“, по требованію молодой невѣсты, повторили, и еще упоительнѣе, еще безумнѣе полились эти звуки, среди утомленной залы, подъ блескомъ догоравшей и мѣстами гаснувшей иллюминаціи.

Усталые музыканты играли тише, мучительные звуки тянулись медленнѣе, сильнѣе хватали за душу, и еще томительнѣе, еще властнѣе врѣзывались въ нѣмую даль дремавшей ночи...

И что за ночь это была!.. Тихая, знойная, благоухающая!.. Нынче такихъ ночей ужъ не бываетъ...

Нынче и на Югѣ-то ночи стали хмурыя и холодныя какія-то, словно сѣверныя... Я былъ прошлымъ лѣтомъ тамъ... въ Спасскомъ... Все измѣнилось!.. Все потемнѣло, какъ-то съузилось... И люди не тѣ стали, и природа не та... Все словно инеемъ и туманомъ подернулось!..

— Сами-то вы инеемъ подернулись, Вахлакъ Семеновичъ!.. неожиданно вступилась розовенькая Надя за переживаемые ею, по ея мнѣнію, хорошіе и свѣтлые дни.—Точно ужъ будто мы всѣ не такія-же какими-бы были!..

— Надя!.. Надя!.. ужаснулась старшая сестра, но старикъ не слыхалъ этого возгласа.

При первыхъ словахъ рѣзвой дѣвочки онъ весь встрепенулся, ожилъ, и притянувъ маленькую шалунью къ себѣ, крѣпко прижалъ къ груди своей ея беззаботную, бѣлокурую головку.

Слова, шаловливо брошенныя ею, разбудили въ душѣ его цѣлый міръ воспоминаній...

— Какъ ты сказала это имя, моя дѣвочка!.. Какъ ты его сказала!.. дрожащимъ отъ волненія голосомъ проговорилъ старикъ.—Боже мой!.. Точно она, моя голубушка, моя кружевная Нелли!.. сказалъ старикъ, смахивая съ глазъ набѣжавшую на нихъ, непрошенную слезу. — Пора мнѣ кончать мой разсказъ!.. И вы устали меня слушать, и самъ я утомился, да и винтеры наши что-то притихли!.. Видно тоже устали спорить и ссориться изъ-за своего винта!..

На чемъ бишь я остановился?.. Да, на балѣ!.. Ну-съ, за этимъ баломъ послѣдовала цѣлая серія великосвѣтскихъ удовольствій и празднествъ, точно князь, къ свадьбѣ дочери уголокъ Петербурга за собой въ деревню перевезъ!..

Я видался съ Нелли почти ежедневно, но въ кавалькадахъ и балахъ ихъ дѣятельнаго участія не принималъ.

Я съ юности былъ очень нервенъ и чутокъ, и грубая жизнь въ армейскомъ полку не могла вполнѣ сгладить во мнѣ это природное свойство. Мнѣ какъ-то до боли досадно было на князя и на самую Нелли, за то полное, беззаботное и шумное веселье, которое они допускали въ домѣ, еще полномъ воспоминаніями о безвременно погибшемъ Димѣ. Мнѣ казалось, что его тѣнь оскорблена этимъ моремъ веселыхъ звуковъ, этимъ ураганомъ вальсовъ, мазурокъ и веселыхъ кавалькадъ.

Издавна извѣстно, впрочемъ, что счастье—самое эгоистическое изо всѣхъ чувствъ человѣческихъ.

Компаньонка княжны, волшебница Лара, участвовала во всемъ, и всюду вложила обаяніе своей чудной, волшебной красоты.

Она безумнѣе всѣхъ скакала верхомъ, вся змѣею изогнувшись на сѣдлѣ, въ своей роскошной черной бархатной амазонкѣ, подаркѣ стараго князя, съ рыцарской любезностью былаго времени относившагося къ своей граціозной лектрисѣ.

Она задорнѣе всѣхъ играла въ затѣвавшіяся нерѣдко такъ называемыя petits jeux; ея отвѣты въ „Sécretaire“ были всѣхъ смѣлѣе и остроумнѣе, никто не могъ догнать и поймать ее, когда играли въ горѣлки, и когда она садилась за фортепьяно, что впрочемъ случалось съ нею довольно рѣдко, то музыки ея можно было заслушаться до безумія, до смерти, какъ по преданію, заслушиваются рыбаки, на Рейнѣ, чарующихъ пѣсенъ волшебницы Лорелеи.

Всѣ безусловно ею восхищались, и безконечно добрая Нелли, чуждая всякаго чувства соперничества и зависти, любовалась подругою своей больше и искреннѣе всѣхъ остальныхъ.

Одинъ я только всегда относился къ Войтовичъ сдержанно и холодно, что она отлично замѣчала, и объ чемъ разъ, оставшись со мною наединѣ, прямо и смѣло заговорила.

— За что вы меня не любите, Петръ Семеновичъ?.. спросила она, останавливая на мнѣ пристальный, металлическій взглядъ своихъ большихъ, зеленыхъ глазъ.

— Я?.. почему это вамъ такъ кажется?.. нехотя спросилъ я, въ отвѣтъ.

— Да потому, что вы одни только ко мнѣ холодны и невнимательны, тогда какъ всѣ прочіе...

Римская дѣвушка. Картина Зихеля.

— Восхищаются вами?.. да?.. перебилъ я ее.—И что-же вы думаете, что всѣ кто вами восхищается—и любятъ васъ непремѣнно?.. Напрасное заблужденіе!.. Полюбить васъ искренно, глубоко можетъ только тотъ, кого вы сами выберете, обовьете, задушите, какъ, помните, опутывали и душили васъ эти большіе болотные цвѣты, на первомъ балѣ?.. Этотъ избранникъ, дѣйствительно, отдастся вамъ весь и погибнетъ!.. Тогда какъ другіе...

— Что-же другіе?.. насмѣшливо переспросила она.

— Холодно полюбуются, какъ любуются дорогимъ мраморомъ въ богатой коллекціи, и спокойно отойдутъ.

— И вы въ томъ числѣ?.. спросила она.

— Нѣтъ, я даже и любоваться не стану. Я въ Пигмаліоны не гожусь... Я просто и молча отойду...

— И, отходя... назадъ не оглянетесь даже?

— И назадъ не оглянусь, Лариса Андреевна... Я васъ боюсь.

— Боитесь, вотъ какъ!.. То вниманія не обращаете, то боитесь—это непослѣдовательно, улыбнулась она свою загадочною змѣиною улыбкой.

Я никогда, впослѣдствіи, уже не встрѣчалъ такой улыбки. Въ ней было что то неуловимо-отталкивающее, что-то змѣиное! Я увѣренъ что живописецъ, съумѣвшій-бы схватить и передать эту улыбку на лицѣ Іуды, въ ту минуту когда предатель, подъ трепетнымъ свѣтомъ фонаря, идетъ во тьмѣ Гесиманскаго сада,—обезсмертилъ-бы свое имя.

Я инстинктивно отодвинулся отъ нея.

— Я не за себя боюсь васъ, Лариса Андреевна! сказалъ я.— Для меня лично вы не страшны... Я боюсь васъ за другихъ, болѣе меня слабыхъ и беззащитныхъ людей... За людей счастьемъ которыхъ я дорожу болѣе, нежели своимъ собственнымъ...

Она бойко разсмѣялась и отошла отъ меня своей плавною походкой, бросивъ мнѣ на прощанье только:

— Такъ защищайте, коли можете!.. Боритесь сколько хватитъ силъ, коли спокойнаго мира не хотѣли!..

Этотъ смѣлый вызовъ, послѣ долгихъ лѣтъ, еще звучитъ въ моихъ ушахъ. Всей ужасающей силой своею раздается въ моемъ сердцѣ...

Лѣто прошло незамѣтно, и къ осени князь сталъ собираться въ Петербургъ, гдѣ въ началѣ октября назначена была свадьба Нелли.

И она, и самъ князь усердно звали меня съ собою, но и хозяйство удерживало меня дома, да и что за гость былъ-бы я на ихъ роскошныхъ, придворныхъ пирахъ!..

Съ Нелли простился я рано утромъ, въ день ихъ отъѣзда, назначеннаго послѣ ранняго завтрака, чтобы не опоздать на станцію, къ поѣзду.

Когда я пріѣхалъ въ Спасское, князь еще не выходилъ, и мы съ Нелли, рука за руку, сошли съ крутой террасы, и пошли вдоль большой аллеи, на которой мы такъ часто и много бѣгали въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ Димой.

Княжна одѣта была по-дорожному, въ щегольскомъ свѣтлосѣренькомъ англійскомъ костюмѣ, и была какъ-то грустнѣе обыкновеннаго.

Мы тихо подвигались по аллеѣ, среди груды пожелтѣвшихъ листьевъ, шуршавшихъ подъ нашими ногами...

По бокамъ, въ рабаткахъ, отцвѣтая, ярко пестрѣли астры и георгины... По небу бродили сѣренькія тучки... Осеннее солнце золотило, но не грѣло уже туманнаго осенняго утра...

На душѣ у меня было такъ мучительно горько, что я боялся заговорить, чтобы не расплакаться.

— Ну-съ, Вахлакъ Семеновичъ, прощайте!.. Не хотите съ нами ѣхать, не хотите держать вѣнецъ надъ головою своей дѣвочки, Богъ вамъ судья!.. Хоть издали помолитесь за меня въ этотъ день!.. Я телеграфирую вамъ день и часъ моей свадьбы... Помолитесь за меня тогда... смотрите... крѣпко, усердно помолитесь!.. А теперь благословите меня здѣсь, пока мы одни... Вѣдь вы, со смертью Димы, остались мнѣ единственнымъ братомъ и другомъ на землѣ. О папѣ я не говорю: онъ утомился жизнью, папа, и это утомленіе, близкимъ къ нему людямъ, начинаетъ сильно сказываться... Дима далеко... никогда ужь не придетъ!.. Папа—это въ прошломъ, мужъ—въ будущемъ, въ настоящемъ только вы одинъ... Благословите-же, и отъ души, любя благословите.

И она опустилась передо мною на колѣни, среди аллеи, на груду желтыхъ листьевъ, ковромъ разсыпавшихся у ея ногъ.

Я набожно перекрестилъ ее, крѣпко обнялъ руками ея смуглую головку, и молча, полными слезъ глазами, взглянулъ на небо...

Говорить я не могъ... Да и что можно было сказать въ такую минуту?..

Еще теперь, послѣ столькихъ лѣтъ пройденной жизни, послѣ столькихъ мучительно пережитыхъ страданій, я не могу равнодушно вспомнить этого прощальнаго благословенія... А тогда... тогда...

Да что говорить!.. махнулъ онъ рукою, вытирая съ сѣдыхъ усовъ своихъ непрошенную слезу...

„Когда мы вернулись въ залу, всѣ были уже въ сборѣ.

Нерадовскій торопливо сбѣжалъ съ балкона навстрѣчу своей невѣсты; князь заботливо возился съ кипою нераспечатанныхъ газетъ; оба гвардейца стояли облокотившись на рояль, за которымъ сидѣла М-lle Войтовичъ, бойко и со свойственнымъ ей умѣньемъ по слуху наигрывая модный „Juristen-Walzer“.

Томительные, страстные звуки этого вальса, вырвавшись изъ отворенныхъ дверей залы, живымъ потокомъ хлынули намъ навстрѣчу...

— Слышите, слышите, мой чудный вальсъ!.. весело всплеснула руками Нелли. — Merci, Лара, merci!.. Это она хочетъ живымъ воспоминаніемъ счастья проводить меня изъ этого роднаго, стараго дома, и встрѣтить на порогѣ новой жизни!.. Какіе вы всѣ добрые и какая я счастливая!..

И она бросилась обнимать и цѣловать мраморную Лару.

Та холодно сверкнула по ней металлическимъ лучемъ своихъ зеленыхъ глазъ.

— Слушайте, „вахлакъ!“ обратилась княжна ко мнѣ, не замѣчая холоднаго взгляда своей компаньонки. — Слушайте!.. Когда-бы и гдѣ-бы вамъ ни пришлось услыхать звуки этого вальса, всегда и всюду вспомните обо мнѣ... и ежели я буду жива и счастлива, улыбнитесь издали моему счастью; ежели я умру, помолитесь за мою душу. Что-же, вѣдь и молодые умираютъ, и они уходятъ съ житейскаго пира!.. прибавила она, видя что послѣднія слова ея навѣяли грусть на присутствующихъ.—Вѣдь ушелъ-же бѣдный Дима, и какъ рано, какъ внезапно ушелъ!. Такъ вспомните, „вахлакъ?..“ Да?.. Обѣщаете?.. продолжала она.

Я обѣщалъ, и какъ видите, свято исполнилъ этотъ несложный обѣтъ. Звуковъ этого вальса я никогда не слыхалъ не вспомнивъ объ ней.

Въ то же утро Курагины уѣхали.

Я не поѣхалъ ихъ провожать, боясь своимъ горемъ нагнать тоску на отъѣзжавшихъ. А скрыть этого горя не могъ, не умѣлъ!.. Оно змѣей хватало меня за сердце.... Оно душило меня...

И вновь однообразно потянулись дни, послѣ ихъ отъѣзда, отъ почты до почты, въ ожиданіи писемъ и извѣстій изъ Петербурга.

Нелли не забывала меня, среди своего счастія. Она писала ко мнѣ и съ дороги, и по пріѣздѣ въ Петербургъ; и согласно данному обѣщанію, телеграммой увѣдомила меня о днѣ и часѣ своей свадьбы.

Тотчасъ послѣ свадьбы, молодые уѣхали за границу, но и тамъ, среди обаянія полнаго, невозмутимаго счастья, моя „кружевная дѣвочка“ не забывала меня, и письма къ „вахлаку“ летали и съ ледяныхъ вершинъ Швейцаріи, и съ шумныхъ береговъ Сены, и изъ-подъ знойнаго неба Италіи.

Письма эти неизмѣнно дышали полнымъ счастьемъ, въ нихъ было такъ много радости, такъ много жизни, что я начиналъ успокаиваться и называть мой инстинктивный страхъ за Нелли пустыми бреднями разстроеннаго воображенія.

Самъ я, тѣмъ временемъ, вышелъ въ отставку, и тоже собирался жениться, да не состоялось это... не судьба видно мнѣ была семьяниномъ стать... не гожусь я, видно, для семейной жизни...

Такъ прошелъ годъ, продолжалъ старикъ Волховской. — Нелли давно вернулась съ мужемъ изъ-за границы, и поселилась въ Петербургѣ вмѣстѣ со старымъ княземъ, который хирѣлъ и опускался день-ото-дня, и при которомъ, въ качествѣ лектрисы и безсмѣннаго члена семьи, проживала волшебная красавица Лара.

Всѣ эти подробности зналъ я отъ управляющаго. Нелли, подробно писавшая мнѣ о себѣ и своемъ мужѣ, какъ-то мало и рѣдко писала о князѣ, а имя Лары, въ письмахъ своихъ, почти не упоминала.

Тотъ же самый болтливый управляющій сообщилъ мнѣ, что М-lle Войтовичъ живетъ въ домѣ полною хозяйкой и съумѣла такъ угодить старому князю, что онъ въ ней просто души не чаетъ.

— Да чего ужъ больше, съ досадой прибавилъ словоохотливый разсказчикъ, довольный тѣмъ, что нашелъ во мнѣ снисходительнаго и заинтересованнаго его разсказами, слушателя.— Чего еще говорить!.. Когда я въ послѣдній разъ въ Петербургъ, съ оброкомъ и съ отчетами, ѣздилъ, такъ даже вѣдомость по имѣнію она отъ меня принимала, компаньонка эта самая, и деньги я, по княжескому приказанію, ей же вручилъ... А вѣдь денегъ-то, шутка сказать, 37 тысячъ было!...

Эта послѣдняя подробность, признаюсь, нѣсколько удивила меня.

— Что-же Нелли? Что-же графиня? спросилъ я. — Развѣ она въ дѣла отца не входитъ?

— Да вѣдь вы развѣ нашу княжну не знаете? улыбнулся онъ мнѣ въ отвѣтъ, упорно продолжая именовать Нелли ея прежнимъ титуломъ „княжны“. — Вѣдь онѣ что малый ребенокъ! Ихъ и самихъ-то супругъ почти что вовсе отстранилъ отъ управленія. Взялъ отъ нихъ полную довѣренность, да такъ-то къ рукамъ все прибралъ, что на удивленіе!.. Доходы почитай что удвоилъ, а концовъ съ концами все не сведетъ!.. Все, какъ ни послышишь, долги растутъ да растутъ.

— Да развѣ у графа своего состоянія не было? удивился я. — Правда, я никогда ни отъ кого не слыхалъ о состояніи

Нерадовскаго, но почему-то считалъ его богатымъ человѣкомъ.

— Есть состояніе, какъ не быть! задумчиво отвѣтилъ мнѣ управляющій.—Да только такъ онъ его запуталъ, что лучше бы вовсе ничего не было! Съ самаго дня свадьбы все женинымъ живутъ. Теперь, слышно, ужь Костромское имѣніе спускаютъ. А какое имѣніе-то было, золотое дно! За княжной-покойницей оно чистымъ шло, ужь послѣ ея смерти князь его въ Совѣтъ заложилъ, да и то для того только, чтобы пустошь къ нему прикупить. Нѣтъ, не показалось мнѣ что-то ихъ житье! закончилъ рѣчь свою управляющій, и слова эти глубоко запали мнѣ въ душу.

А время, среди деревенскаго однообразія, тянулось медленно, скучно, тоскливо.

Словно заколдованные, остановились дни, часы, недѣли. Время, казалось, замерло и не двигалось.

Со свадьбы Нелли прошло четыре года.

Я въ промежутокъ этого времени два раза былъ въ Петербургѣ, но одинъ разъ вовсе не засталъ тамъ ни Курагина, ни Нерадовскихъ,—всѣ были за-границей, куда по приказанію докторовъ повезли Нелли, послѣ неудачныхъ родовъ,—а во второй разъ захватилъ графиню уже совсѣмъ на пути, въ день отъѣзда ея въ Крымъ, куда раньше нея уѣхалъ вышедшій въ отставку Нерадовскій.

Я нашелъ въ Нелли большую перемѣну. Она замѣтно пополнѣла, и какъ-то вся сложилась, физически и нравственно.

Красавицей ее назвать было нельзя, но она была неотразимо плѣнительна, со своею свѣтлою улыбкою, съ прежнимъ, дѣтскимъ блескомъ своихъ лазурныхъ глазъ.

Она шутя представила мнѣ свою крошечную, двухлѣтнюю дочку, прелестную куколку, поразительно похожую на нее, и до боли живо напомнившую мнѣ мою прежнюю, незабвенную „кружевную дѣвочку“.

Затѣмъ, передавъ ребенка боннѣ, она пригласила меня пройти на половину князя, который оставался въ Петербургѣ и въ Крымъ съ дочерью не ѣхалъ.

— Папа очень радоваться будетъ, мой дорогой „вахлакъ“, сказала Нелли, проходя по коридору, ведущему на половину князя.—Онъ часто объ васъ вспоминаетъ, но только... пожалуйста... воздержитесь отъ всякаго жеста удивленія, при встрѣчѣ съ нимъ!.. Вы найдете въ немъ—большую перемѣну... Вы пожалуй даже вовсе не узнаете его. Но, ради Бога, не показывайте ему этого. Это его страшно сердитъ и волнуетъ. Кстати, вы тамъ встрѣтите старую знакомую... помните, красавицу Лару... къ которой вы такъ недружелюбно относились, среди всеобщаго, окружавшаго ее обожанія? Съ нею, тоже, пожалуйста... будьте повнимательнѣе... Папа къ ней привыкъ и очень щепетиленъ и взыскателенъ на этомъ пунктѣ. Ну-съ, а теперь пожалуйте! Милости просимъ, Вахлакъ Семеновичъ! весело проговорила молодая женщина, но веселью этому я плохо вѣрилъ. Очень ужь дѣланно, натянуто прозвучала ея веселая нотка, слишкомъ много затаеннаго горя слышалось въ ней.

Когда мы вошли къ князю, онъ сидѣлъ въ большихъ креслахъ, весь обложенный подушками и закутанный въ щегольской черный бархатный шлафрокъ, съ большими кистями.

Онъ тщательно отдѣлывалъ себѣ ногти, поочередно мѣняя пилочки и щеточки, лежавшія передъ нимъ.

При шумѣ отворившейся двери, онъ поднялъ голову, и какъ ни былъ я приготовленъ къ происшедшей въ немъ перемѣнѣ, я все-таки отступилъ и чуть не вскрикнулъ отъ удивленія.

Меня остановилъ умоляющій взглядъ Нелли, взявшей меня за руку, чтобъ подвести къ отцу.

— Папа... ты узнаешь? Вахлакъ нашъ пріѣхалъ! Нашъ Спасскій Вахлакъ Семеновичъ! весело проговорила она, чтобы дать мнѣ время оправиться и придти въ себя.

Я пристально, не спуская глазъ, смотрѣлъ на князя—и удивленіе мое все росло и росло.

Передо мною былъ не прежній красавецъ-аристократъ, такъ плѣнявшій меня въ дѣтствѣ величіемъ своей осанки, даже не сѣдой, опустившійся старикъ, котораго видѣлъ я въ Спасскомъ, передъ свадьбою Нелли, нѣтъ,—передо мной была какая-то мумія, какая-то ветхая, разрисованная кукла, жалкій манекенъ, со вставными челюстями, съ нарумяненными щеками, въ черномъ какъ смоль, тщательно завитомъ парикѣ, и съ нафабренными, какъ смоль черными усами.

Я встрѣтился съ нимъ взглядомъ и невольно опустилъ глаза.

Мнѣ совѣстно было за него. Мнѣ грустно было сознаться передъ самимъ собою, что эта жалкая, размалеванная кукла—нашъ князь, передъ которымъ мы всѣ такъ искренно благоговѣли, которому, главнымъ образомъ, обязанъ я былъ своимъ воспитаніемъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! Я радъ! заговорилъ онъ, и голосъ его, дрожащій, дряблый какъ онъ самъ, какою-то непріятною, незнакомою мнѣ нотой прозвучалъ надъ моимъ ухомъ.—А я тутъ занялся, словно извиняясь взглянулъ онъ на дочь.—Волшебница моя уѣхала, я и занялся!

— А Лары дома нѣтъ? разсѣянно освѣдомилась Нелли.

— Нѣтъ, она поѣхала перемѣнить кое-какія покупки. Грѣхи мои исправить! Я тутъ кое-что купилъ для нея... кружева тутъ кое-какія... бездѣлицы... Она вѣдь на себя сама ничего не истратитъ, а надо-же ей... Ну такъ я безъ нея выбралъ, а ей и не понравилось. Такъ поѣхала перемѣнить.

Нелли разсѣянно слушала робкій и безсвязный лепетъ старика. Она видѣла то тяжелое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня видъ князя, и это огорчало ее.

— А вы постарѣли-таки, шибко постарѣли! обратился старикъ ко мнѣ, щуря свои слезящіеся, слегка подрисованные глаза, съ густо начерненными бровями.—Да, время не щадитъ никого! Ну, а меня какъ вы находите? измѣнился я? спросилъ онъ, выпрямляя свой сгорбленный станъ и видимо прибадриваясь, чтобы произвести на меня возможно пріятное впечатлѣніе.

Нелли бросила на меня умоляющій взглядъ.

— Нѣтъ, князь, я не нашелъ въ васъ никакой перемѣны, отвѣтилъ я старому ребенку,—напротивъ, я нахожу даже что вы помолодѣли.

— Да, не вы одни это мнѣ говорите, улыбнулся онъ своими накрашенными губами.—Вотъ и волшебница моя то же самое замѣчаетъ. А, да вотъ и она! воскликнулъ старикъ съ робкою, ребяческою радостью, весь подаваясь впередъ, навстрѣчу входившей Ларѣ.

Дѣйствительно, вошла не женщина — а волшебница, такъ неподражаемо, такъ дивно хороша была молодая дѣвушка, въ своемъ роскошномъ, модномъ нарядѣ.

И гордая осанка, и манера держать голову нѣсколько откинутою назадъ, и величественное спокойствіе всей ея, безукоризненно элегантной особы, все осталось попрежнему, но ко всему этому прибавился еще повелительный тонъ полной и властной хозяйки, какою видимо чувствовала себя Лариса Андреевна въ этомъ домѣ, въ который вошла простою компаньонкой.

Она пожала руку Нелли и холодно раскланялась со мною.

— Вы узнали нашего Спасскаго сосѣда? спросилъ ее князь, и видя что этотъ вопросъ ей непріятенъ, тотчасъ-же робко перемѣнилъ разговоръ.—Ну что? перемѣнили? спросилъ онъ, заглядывая въ ея холодные, зеленые глаза.

— Да, перемѣнила, нехотя отвѣтила она, бросая на столъ свою дорогую, кружевную шляпу.—Только вы, князь, безумно дорого заплатили за браслетъ. Помилуйте, да за 800 рублей можно было купить вещь несравненно лучше и изящнѣе. Его и мѣнять не стали. Они видимо довольны, что избавились отъ этой дряни.

И она презрительнымъ жестомъ бросила на столъ высокій голубой бархатный футляръ, который тутъ же скатился на полъ.

Я нагнулся чтобы поднять его.

— Не безпокойтесь! На это есть лакей, бросила она мнѣ и, взявъ со стола большой серебряный колокольчикъ, громко позвонила.

Растерянный старикъ вздрогнулъ. Нелли покраснѣла и быстро встала съ мѣста.

— Пойдемте ко мнѣ, Вахлакъ, грустно улыбнулась она, поцѣловавъ отца въ лобъ и направляясь къ двери.

Я молча послѣдовалъ за нею, холодно раскланявшись съ Ларой и наскоро простившись съ княземъ, который едва-ли замѣтилъ мой уходъ, такъ всецѣло былъ онъ поглощенъ безпричиннымъ гнѣвомъ своего капризнаго божества.

— Видѣли?!. коротко и грустно сказала Нелли, когда мы снова очутились въ ея уютной и роскошно убранной гостиной.

Больше распространяться она ни о чемъ не стала; да и къ чему бы это послужило?

Я и такъ зналъ и понималъ больше, нежели желалъ бы знать.

Къ вечеру того-же дня Нелли уѣхала, а спустя два мѣсяца я узналъ отъ управляющаго, что князь женился на своей бывшей лектрисѣ, и что „молодые“, тотчасъ послѣ свадьбы, уѣхали въ Крымъ, къ Нерадовскимъ.

— И грѣхъ, и смѣхъ! прибавилъ къ своему разсказу управляющій.—Жениха-то, говорятъ, чуть не подъ руки вокругъ аналоя водили. И найдетъ же этакая, прости Господи, дурь, на умнаго человѣка!

Въ Крыму обѣ „молодыя“ четы прожили не долго. На зиму они всѣ вмѣстѣ вернулись въ Петербургъ, а въ началѣ лѣта управляющій впопыхахъ прискакалъ ко мнѣ, чтобы оповѣстить меня о скоромъ пріѣздѣ Курагиныхъ и Нерадовскихъ въ Спасское.

Отъ Нелли я, въ послѣднее время, все рѣже и рѣже получалъ письма, и потому вѣсть о ея скоромъ прибытіи была для меня совершенной новостью.

Первыми пріѣхали Курагины, въ сопровожденіи Нерадовскаго; Нелли осталась на время въ Петербургѣ, задержанная легкой болѣзнью дочери.

Въ первыхъ числахъ іюня пріѣхала и она, и тотчасъ прислала за мною; но увидавъ ее, я не радъ былъ ни ея пріѣзду, ни этому свиданію. Меня буквально ужаснула та перемѣна, которую я нашелъ въ ней.

Она вся похудѣла, поблѣднѣла, осунулась, и не будь она такъ молода годами, я прямо сказалъ бы что она „постарѣла“.

Въ Крымъ за солью. Украинскіе чумаки. Ориг. рис. (собств „**Нивы**") **В. Радомскаго**, грав. Бухеръ.

Охотничій жаргонъ. Съ карт. Кочепрейтера, грав. Пейце.

Дочь ея, маленькая Катя, выросла, но была тоже вся худенькая и воздушная какъ мать.

Обѣ онѣ, пользуясь всей роскошью и всѣми удобствами жизни, казались, тѣмъ не менѣе, чужими среди всего ихъ окружающаго.

Ребенокъ болталъ и рѣзвился только оставаясь наединѣ съ матерью, да еще со мною, съумѣвшимъ какъ-то сразу войти въ ея довѣріе.

Всѣхъ остальныхъ, не исключая и отца, Катя дичилась, а отъ княгини Лары, въ шутку называвшей себя „бабушкой", прямо сторонилась и, при входѣ ея въ комнату, оставляла свои игрушки и прижималась къ матери, бросая на красивую княгиню осмысленные, не-дѣтскіе взоры, полные вражды и ненависти.

Лара, напротивъ, держалась очень просто, мило и привѣтливо, съ Нелли была исключительно любезна, за старикомъ мужемъ ухаживала какъ Антигона, и очаровывала любезностью всѣхъ гостей, начиная съ меня, котораго встрѣтила она совсѣмъ какъ стараго друга.

На самой дружеской ногѣ держала она себя также и съ Передовскимъ, котораго называла или шутливымъ именемъ „сыночка", или просто Никсомъ, какъ звали его всѣ остальные члены семейства.

Съ перваго дня пріѣзда „молодыхъ", Спасское оживилось. Княгиня сдѣлала визиты всѣмъ сосѣдямъ, всѣхъ пригласила къ себѣ, къ старикамъ отнеслась почтительно, молодежь обворожила лаской и привѣтомъ, и безповоротно покорила себѣ всѣ сердца.

Я и самъ, подчасъ, въ глубинѣ души своей, не сочувствовалъ тому отчужденію, въ какомъ держала себя Нелли, и упрекалъ моего бѣднаго друга въ капризахъ, и, прости Господи, чуть не въ зависти.

Такъ хорошо умѣла эта ловкая змѣйка заползти во всякую душу и запустить тонкое жало свое въ каждое сердце.

Прошло около мѣсяца. Подходилъ день рожденія молодой княгини.

Лара шутя говорила что она хочетъ торжественно отпраздновать свою наступающую старость (т. е. ей доходилъ 27-й годъ)—и въ Спасскомъ дѣлались приготовленія къ роскошному балу.

Не чуяло ни чье сердце, какой эпилогъ готовился къ этому веселому празднику!...

Курагины звали чуть не всю губернію, и наивные провинціалы, очарованные гостепріимствомъ магнатовъ, забрались въ Спасское, чуть не за недѣлю до бала.

По крайней мѣрѣ, наканунѣ дня рожденія княгини, приглашенный очень любезною запиской Лары къ обѣду, я нашелъ домъ переполненнымъ гостями.

Дворъ переполненъ былъ чужими людьми и экипажами, во всѣхъ свободныхъ комнатахъ громаднаго дома устроены были наскоро спальни и уборныя для дамъ; во всѣхъ флигеляхъ и службахъ, убранныхъ и задрапированныхъ на скорую руку, приплажены были кабинеты, курильни и нѣчто въ родѣ общихъ дортуаровъ для кавалеровъ.

Въ домѣ, какъ говорится, дымъ шелъ коромысломъ, и душою всего этого живаго гомона, пульсомъ всей этой, ключемъ бившей жизни,- была красавица-княгиня, съ своею холодною, волшебною красотою появляясь всюду, все вокругъ себя освѣщая и озаряя....

Два оркестра, бальный, состоявшій при театрѣ губернскаго города, и военный, любезно отданный въ распоряженіе княгини мѣстнымъ полковымъ командиромъ, прибыли въ Спасское, наканунѣ, съ утра, и пользуясь этимъ, Лара рѣшила что танцовать будутъ оба вечера сряду, празднуя, такимъ образомъ, сначала преддверіе ея „старости", а тамъ уже, въ самый день ея рожденія, и первую ступень этой „старости".

Погода стояла чудная; яркіе, залитые солнечными лучами дни, и черныя, благоухающія южныя ночи, чередовались, нѣжа и опьяняя все...

Переживался какой-то общій, всесторонній праздникъ природы...

Только одна Нелли все ниже и ниже клонила свою блѣдную головку; одна она только грустно и одиноко улыбалась, среди общаго, шумнаго веселья, волною охватившаго все Спасское.

Я, по настоятельному приглашенію князя и Лары, пріѣхалъ въ Спасское наканунѣ празднества, съ утра, и усердно помогалъ развѣшивать фонарики и свивать гирлянды, для убранства балконовъ.

За этимъ занятіемъ застала меня Нелли, возвратившаяся изъ сада вмѣстѣ съ маленькой Катей, которую она вела за ручку.

Ребенокъ молча и чинно выступалъ подлѣ матери, какъ будто понимая что тутъ, почему-то, нѣтъ мѣста ни ея шумному дѣтскому веселью, ни ея подчасъ бойкой рѣзвости.

— А, вотъ вы гдѣ, мой бѣдный „вахлакъ?" улыбнулась мнѣ Нелли, своей блѣдной улыбкой. — И вы къ знаменитому торжеству готовитесь?... И вы приносите дань „волшебницѣ"?... Вѣдь такъ кажется зовутъ всѣ здѣсь Ларису Андреевну?..

— Вы несправедливы къ княгинѣ, Нелли... Она всячески старается снискать вашу дружбу... а вы...

Я не договорилъ,—такъ страненъ, почти страшенъ былъ взглядъ, брошенный на меня графиней.

— Я?.. несправедлива къ ней?.. повторила она, сжимая обѣими руками свои виски, точно она боялась, что голова ея не выдержитъ всей силы, всего напора охватившихъ ее мыслей.— Я несправедлива... къ ней?!.. Вы не подумали о томъ что вы сказали, Петръ Семеновичъ!.. Вы не взвѣсили всей силы вашихъ словъ!.. — Впрочемъ, оставимъ этотъ разговоръ... бойко сказала она, послѣ минутнаго молчанія. — Продолжайте... занимайтесь вашимъ веселымъ дѣломъ!.. Несите дань вашей царицѣ!. Чѣмъ больше данниковъ, тѣмъ прочнѣе царство...

И насмѣшливо произнеся послѣднія слова, она медленно ушла, уводя за собой свою дѣвочку.

За все время импровизованнаго вечерняго бала, Нелли была задумчивѣе и грустнѣе обыкновеннаго, что видимо озабочивало княгиню Лару, безпрестанно подходившую къ ней, и напротивъ того, страшно сердило стараго князя, громко замѣтившаго дочери, что она trouble-fête.

Она перенесла этотъ упрекъ молча и вышла на балконъ.

Мнѣ показалось что на глазахъ ея блеснули слезы.

Мнѣ стало невыносимо жаль ее; я вышелъ вслѣдъ за нею.

Она стояла одна, облокотившись на перила и устремивъ неподвижный взглядъ въ темную аллею сада.

При моемъ приближеніи, она подняла голову, и слегка вздрогнула.

— Это вы?.. спросила она. — Какъ странно, я сейчасъ только о васъ думала!..

— Я счастливъ что вы вспомнили обо мнѣ, Нелли...

— А знаете что именно я думала?.. спросила она, дотрогиваясь до моей руки и поворачивая ко мнѣ свою блѣдную головку.—Я вспоминала другой вечеръ, тутъ-же, въ Спасскомъ, другую ночь, такую же темную, жгучую, благоуханную.... такую-же ночь веселья и счастья... съ громомъ музыки и яркимъ блескомъ иллюминаціи... Я говорю о балѣ передъ моимъ замужествомъ.... о томъ балѣ который данъ былъ здѣсь, когда бѣдному Димѣ едва годъ только вышелъ... Странная тризна, не правда-ли? И много эгоизма нужно было съ моей стороны... чтобы тогда согласиться на этотъ балъ!.. Но судьба справедлива... и теперь... вотъ этотъ сегодняшній, импровизованный балъ, это тоже тризна... но тризна по живомъ человѣкѣ!..

— Полноте, Нелли, вы хандрите... У васъ нервы разстроены... попробовалъ я ее успокоить.

Въ эту минуту, съ хоръ раздались знакомые мнѣ по старому воспоминанію звуки „Juristen-Walzer", и словно въ отвѣтъ ему, изъ груди Нелли, вырвалось глухое, сдавленное, мучительное рыданіе....

Я нагнулся къ ней. Она крѣпко схватила меня за руку.

— Слышите... слышите!.. И вальсъ тотъ же!.. и эти страстные... мучительные звуки!.. Все какъ тогда было... Только счастья прежняго нѣтъ... да нѣтъ еще вѣры... А безъ вѣры, развѣ можно жить?...

И заглушенныя рыданія все сильнѣе поднимали ея грудь... и она все прерывистѣе дышала...

— Нелли, что съ вами?.. Бога ради... что съ вами? весь встревоженный спросилъ я, нагибаясь къ ней.

Въ отвѣтъ мнѣ послышался заглушенный взрывъ истерическаго смѣха.

— Что со мной? повторила она.—Что со мною?.. Вы не понимаете?.. нѣтъ?.. Такъ смотрите же... вотъ что со мною!..

И крѣпко, до боли стиснувъ мою руку, она указала мнѣ на вальсировавшую въ залѣ пару.

Это былъ ея мужъ и княгиня Лара.

Они неслись по залѣ весело, бойко, съ какою-то страстною, безумною удалью.

Онъ крѣпко охватилъ рукою ея стройный, пышно развившійся станъ; она нѣжно прильнула къ нему, склонивъ къ его плечу свою гордую, красивую голову...

Онъ что-то говорилъ ей... Она молча улыбнулась, прямо и смѣло взглядывая ему въ лицо своими неуловимыми, скользящими зелеными глазами...

А чудные звуки лились, наполняли собою залу и, вырываясь изъ этихъ душныхъ стѣнъ, неслись и будили тёмную лѣтнюю ночь...

Я понялъ что заставляло такъ сильно страдать Нелли, понялъ какое горькое подозрѣніе закралось въ ея душу, но не могъ, не хотѣлъ повѣрить въ возможность того, что мучило и терзало бѣдную молодую женщину.

— Вы ошибаетесь, Нелли, сказалъ я.—Вы ревнуете... А ревность, вы знаете, дурной совѣтчикъ...

— Я не ревную, горько улыбнулась она. — Я этого чувства не знаю вовсе... И ошибиться тоже я не могу... Слишкомъ сильно люблю я, чтобы ошибиться!.. Мнѣ сердце подскажетъ правду тамъ, гдѣ умъ мнѣ измѣнитъ... Впрочемъ... вы правы... быть-можетъ я преувеличиваю... Оттого я только и живу, что я еще не убѣдилась вполнѣ... Съ такимъ убѣжденіемъ въ душѣ... я жить бы не могла... ни одного дня... ни одного часа!.. Знайте это, другъ мой; помните это ясно, отчетливо, твердо... и ежели вы узнаете, что я убѣдилась въ этомъ—не желайте мнѣ жизни... не сожалѣйте о моей

смерти!.. Знайте, что самый адъ мнѣ не такъ страшенъ, какъ любовь моего мужа къ другой женщинѣ... и въ особенности къ ней... къ Ларѣ...

Послѣднія слова Нелли договорила на ступеняхъ террасы, съ которой она тихо сошла одна...

Я не смѣлъ послѣдовать за нею: я понималъ, что ей лучше остаться одной.

Вскорѣ послѣ вальса балъ окончился и всѣ разошлись, приберегая силы къ слѣдующему дню.

Всю ночь я не могъ заснуть ни на минуту, и только передъ утромъ забывшись не надолго, опоздалъ въ церковь, къ обѣднѣ, которую засталъ уже на исходѣ.

Всѣ гости были въ полномъ сборѣ, и деревенскій храмъ пестрѣлъ роскошью и прихотью модныхъ, городскихъ нарядовъ.

Новорожденная сіяла счастьемъ и красотой, и съ особенной нѣжностью ухаживала за мужемъ, который, по случаю торжества, былъ просто пататуированъ.

Пробираясь, во время молебна, къ молодой княгинѣ, я увидалъ въ сторонѣ, передъ образомъ Богоматери, графиню Нелли, на колѣняхъ, всю ушедшую въ горячую молитву.

Она меня не замѣтила, и я поздоровался съ нею уже вернувшись домой.

— О чемъ вы такъ усердно молились сегодня? пошутилъ я. — Я не рѣшился подойти къ вамъ и прервать вашей горячей молитвы...

— И хорошо сдѣлали, серьезно отвѣтила она.—Мнѣ необходимо было хорошенько, горячо помолиться сегодня.

— Отчего же именно сегодня? спросилъ я.

Она вздохнула.

— Сама не знаю хорошенько, отвѣтила она.—Такъ что-то... жутко... страшно мнѣ!.. И сама не знаю отчего это со мною!.. Старое-ли горе припоминается, новое-ли страшнымъ призракомъ впереди встаетъ...

Слова эти не на шутку напугали меня, но затѣмъ въ теченіе дня, праздничный шумъ и всеобщее оживленіе увлекли и меня, и заставили забыть горе моей „кружевной дѣвочки“.

Подошелъ вечеръ. Всѣ дамы вышли въ бальныхъ нарядахъ. Нелли была прелестна, въ своемъ тяжеломъ „дамскомъ“ платьѣ, свѣтло-сѣраго, почти серебрянаго цвѣта, съ большими ярко-пунцовыми розами въ волосахъ.

Такою „дамой“ я еще не видалъ ее.

Что касается княгини Лары, то въ ту минуту когда она вышла въ залу, я инстинктивно вздрогнулъ и взглянулъ въ ту сторону, гдѣ была Нелли.

Она тоже смотрѣла на „мачиху“, но была блѣднѣе смерти.

Княгиня была одѣта точь-въ-точь такъ же, какъ тогда, въ тотъ памятный намъ всѣмъ день... на балѣ... передъ свадьбою Нелли.

То же матовое бѣлое платье, та же фантастическая прическа, и тѣ же „мертвые розаны“, цѣпкими, ползучими, неотвязными вѣтвями охватывавшіе, сковывавшіе ее всю... скользившіе по ея мраморнымъ плечамъ... душившіе ее за горло...

— Русалка! дрожащимъ шепотомъ раздался надъ моимъ ухомъ голосъ Нелли, тихою, безшумною походкой приблизившейся ко мнѣ и схватившей меня за руку...

Лара замѣтила насъ обоихъ, и какъ-то странно улыбнулась намъ.

— Капризъ мужа! бросила она намъ, сверкнувъ своими зелеными глазами по своему прихотливому наряду.—Un souvenir du bon vieux temps!..

— Да... капризъ мужа! упавшимъ голосомъ повторила за нею Нелли.—Но „чьего“ мужа?..

Балъ начался вальсомъ, какимъ-то шумнымъ веселымъ вальсомъ, которымъ видимо хотѣлъ щегольнуть армейскій оркестръ, расположившійся на террасѣ, облегавшей домъ.

Нелли не танцовала вовсе; графъ, напротивъ, танцовалъ и веселился отъ души.

Князь Курагинъ, окончательно впадавшій во младенчество, тоже непремѣнно захотѣлъ что-нибудь протанцовать, и для него устроился польскій, въ которомъ приняли участіе всѣ приглашенные, безъ изъятія, причемъ каждый изъ гостей обязательно велъ подъ руку или свою жену, или дочь свою.

Я, какъ всѣмъ чужой, закорснѣлый холостякъ, отказался и отъ этого „обязательнаго“ танца, и всѣ пары, одна за другою, дефилировали передо-мною.

А. С.

(Оконч. въ слѣд. №).

Литературныя бесѣды.

„Демонъ“, Лермонтова.

Изо всѣхъ произведеній Лермонтова ни одно не производитъ такого чарующаго, хотя въ то же время нѣсколько неопредѣленнаго впечатлѣнія, какъ „Демонъ“. Оно есть самое характерное произведеніе великаго поэта, въ немъ болѣе всего сказалась сокровенная душевная жизнь его. Мысль о „Демонѣ“ занимала Лермонтова съ юношескихъ лѣтъ и до поры зрѣлаго мужества; первый набросокъ поэмы сдѣланъ, какъ извѣстно, еще въ 1829 году, когда поэту было всего 16 лѣтъ; а такою, какою мы знаемъ ее, она вышла изъ-подъ пера Лермонтова въ 1838 году, послѣ неоднократныхъ передѣлокъ и измѣненій даже самаго плана сочиненія. Ни на одномъ произведеніи не сосредоточилъ Лермонтовъ столько усилій своего великаго таланта, какъ на „Демонѣ“, который, можно безъ преувеличенія сказать, занималъ поэта въ теченіе всей его недолгой молодой жизни.

Въ чемъ же состоитъ значеніе характеристичной для нашего поэта поэмы, что̀ онъ хотѣлъ сказать ею или сказалъ безъ намѣренія?

Самъ Лермонтовъ назвалъ „Демона“—„восточною повѣстью“. Но было бы, конечно, ошибкою искать въ этой „восточной повѣсти“ дѣйствительнаго намѣренія автора изобразить Востокъ съ его любопытными и характерными чертами. Своимъ геніальнымъ поэтическимъ умомъ Лермонтовъ глубоко постигалъ поэзію Востока и отразилъ ее въ образахъ сильныхъ, поражающихъ. Помните-ли своеобразную прелесть роскошной картины песчаныхъ степей Аравійской земли въ „Трехъ пальмахъ“ и глубокое отраженіе фаталистическаго міровоззрѣнія человѣка тѣхъ странъ? Помните-ли изумительныя по силѣ и краткости характеристики странъ „дряхлаго Востока“ въ „Спорѣ“? И этотъ „сонный грузинъ“, въ тѣни чинары, льющій пѣну сладкихъ винъ на узорные шальвары; и въ дыму кальяна Тегеранъ, дремлющій у жемчужнаго фонтана; и „сожженная Богомъ“ безглагольная, недвижимая, мертвая страна у ногъ Іерусалима; и древній Египетъ, гдѣ — „вѣчно чуждый тѣни моетъ желтый Нилъ раскаленныя ступени царственныхъ могилъ“; — весь Востокъ въ этихъ картинахъ, съ его нѣкогда кипучей жизнью, давно угасшей, и съ его современнымъ „родомъ людскимъ“, глубоко спящимъ тамъ ужь девятый вѣкъ. Естественно и неизбѣжно, что и въ „Демонѣ“ съ огромной силой сказалось это удивительное умѣнье поэта проникнуть въ чуждыя европейскому человѣку черты Востока, что въ поэмѣ мы находимъ и дѣйствительно восточную, собственно кавказскую природу, и дѣйствительно восточнаго человѣка съ его страстями. Но картины кавказской природы и жизни служатъ только фономъ, на которомъ поэтъ изображаетъ нѣчто совершенно чуждое восточному человѣку, вполнѣ европейское и—русское.

Задача Лермонтова была ближе и проще. Въ одномъ изъ „посвященій“ „Демона“, онъ самъ указываетъ все серьезное значеніе своей поэмы. Онъ не хочетъ, чтобы ее принимали „за игру иль сонъ воображенья“, т. е. за нѣчто легкое, за сочиненіе доставлявшее своему автору просто занятіе, и категорически заявляетъ, что „Демонъ“ есть „простое выраженье тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ“, и въ то же время — „больной души тяжелый бредъ“. Въ этихъ немногихъ словахъ — лучшее разъясненіе того, что̀ было побужденіемъ и источникомъ созданія „Демона“. И даже самая форма, форма „восточной повѣсти“, какъ нельзя больше гармонируетъ съ тѣмъ настроеніемъ поэта, съ тою тоскою, которая томила его „бѣдный умъ“, и думается, что мысль, сказавшуюся въ поэмѣ, авторъ не могъ бы, да и не захотѣлъ-бы выразить въ формахъ болѣе реальныхъ, изображеніемъ простой, будничной человѣческой жизни.

Дѣло въ томъ, что Лермонтовъ принадлежалъ къ тѣмъ глубокимъ поэтическимъ натурамъ, для которыхъ не существуетъ легкихъ, быстро смѣняющихся впечатлѣній, и которыя глубоко принимаютъ въ душу и неизгладимо хранятъ въ ней то, что̀ западаетъ въ нее. Между тѣмъ жизнь его складывалась такъ, что ему приходилось воспринимать сразу впечатлѣнія противорѣчивыя, непримиримыя между собою. Съ одной стороны, его духовный ростъ совершался подъ вліяніемъ европейскихъ литературъ, гдѣ, какъ особенно въ Байронѣ, имѣвшемъ на Лермонтова сильнѣйшее вліяніе, дѣйствительная жизнь анализировалась и отрицалась, а рядомъ создавались великіе, но обыкновенно неопредѣленные идеалы и стремленія, стоявшіе съ жизнью въ полномъ противорѣчіи, трудно примѣнимые къ ней и потому приводившіе къ отчаянію и пессимизму. А съ другой стороны, Лермонтова окружала дѣйствительность, въ высокой степени вызывавшая отрицательное къ себѣ отношеніе, которая была бы мучительна и не для такихъ впечатлительныхъ натуръ, какъ Лермонтовъ. Личная жизнь и судьба поэта, его семейная обстановка, мало извѣстная, но дозволяющая подозрѣвать свои печальныя стороны, нужно думать, много способствовали ранней грусти поэта, раннимъ мыслямъ его о жизни, о бѣдственныхъ сторонахъ ея. Любопытнѣйшею чертою въ слагавшихся воззрѣніяхъ поэта является то, что его отрицаніе дѣйствительности устремлялось не на порядки, не на отношенія людей, а на самыхъ людей, создающихъ эти отношенія. Въ его отрицаніи дѣйствительности не было въ сущности ничего „политическаго“, онъ не увлекался и не могъ увлечься теоріями перестройки общественныхъ отношеній, отъ нихъ онъ не ждалъ обновленія человѣчества, не думалъ, что при лучшихъ порядкахъ они будутъ лучше. Это придавало его отношенію къ дѣйствительности особенную остроту

и ѣдкость. Благо тому, кто вѣритъ въ человѣка—и все дурное въ немъ и въ его отношеніяхъ къ ближнему объясняетъ обстоятельствами. Но кто не вѣритъ въ людей, тому нѣтъ исхода отъ отчаянія и безвѣрія въ будущее. Именно этой-то вѣры и не было у Лермонтова; его люди — „волнъ холоднѣй", т. е. всѣ вообще люди, не тѣ, которыхъ зналъ и любилъ поэтъ.

На этой почвѣ страстнаго отрицанія вѣры въ людей естественно создалось то, что стало основной чертой и Лермонтовскаго характера, и Лермонтовской поэзіи. Міръ сталъ чуждъ поэту, онъ не находилъ въ немъ ничего достойнаго желаній и стремленій. Если иногда, подъ вліяніемъ зовущихъ впечатлѣній дѣйствительности, жизни, и случалось, что, какъ это выражено въ „Сосѣдѣ", умъ поэта былъ „полонъ желаній и страстей" и кровь его „кипѣла", то только „слезы изъ очей, какъ звуки, лились другъ за другомъ", свидѣтельствуя объ отсутствіи вѣры въ возможность удовлетворить этимъ желаніямъ и страстямъ, а быть-можетъ и въ самую законность и разумность ихъ. И вотъ поэтъ создавалъ для себя особый міръ, въ которомъ ему легче жилось и чувствовалось, міръ представленій чуждыхъ жизни. Но не мирился онъ и въ немъ, и вновь возвращался къ земной дѣйствительности, съ тѣмъ однако, чтобы высказать въ страстныхъ стихахъ осужденіе ея, рядомъ съ сожалѣніемъ, однако, что приходится осуждать ее. Во всей поэзіи Лермонтова мы находимъ постоянно только эти мотивы, въ разнообразныхъ формахъ.

Ничтожество людей влекло поэта къ явленіямъ противоположнаго характера. Этимъ и объясняется преклоненіе его гордой головы передъ памятью такихъ далеко выдвинувшихся изъ толпы людей, какъ Наполеонъ, и такихъ событій, какъ гигантская борьба на поляхъ Бородина. Этимъ же объясняется его постоянное обращеніе къ величественной природѣ, безстрастно и величаво совершающей предназначенное ей. Въ природѣ поэтъ нашъ находилъ успокоеніе, его не раздражали ея величавое спокойствіе и сила, столь противоположныя мятущимся страстямъ людскимъ. Поэтъ невольно сравниваетъ природу съ человѣкомъ, и ему милѣе „тучки", у которыхъ „нѣтъ родины" и для которыхъ „нѣтъ изгнанія", какъ и та тучка, которая „ночевала на груди утеса великана", а утромъ рано умчалась „по лазури весело играя", — милѣе людей, которые „ничтожной толпою" проходятъ одинъ за другимъ. Но „бѣдный умъ" поэта долженъ былъ быть ареною вѣчной борьбы и неудовлетворенности, той „тоски", о которой онъ самъ говоритъ. Про Лермонтова можно сказать его-же собственными словами: „Его душа была изъ тѣхъ, которыхъ жизнь— одно мгновенье невыносимаго мученья... Онѣ не созданы для міра, и міръ былъ созданъ не для нихъ!" И къ этому нужно только добавить что, однако, онѣ живутъ въ мірѣ, и слѣдовательно въ противорѣчіи, прямомъ и безъисходномъ, съ самими собою.

„Демонъ" и служитъ отраженіемъ душевной жизни и поэтическаго характера Лермонтова, разъясняемыхъ выше. „Простое выраженіе" тоски, томившей поэта, все въ немъ. Даже болѣе можно сказать. Она, эта поэма, не представляетъ цѣлаго со строго обдуманными и необходимыми частями; въ ней слиты многообразные элементы, въ сущности не стоящіе ни въ какой связи между собою. Роскошныя картины природы ни мало не нужны для исторіи Демона и Тамары, еще менѣе нужны описанія кавказской жизни и природы. Даже самая исторія Демона и Тамары не представляетъ послѣдовательнаго цѣлаго, и характеристика Демона мало вяжется съ его любовью и проявленіями этой любви къ Тамарѣ. Но всѣ эти элементы крѣпко спаиваются именно „тоскою" поэта, которая всюду глядитъ изъ-за стиховъ, придавая своеобразную послѣдовательность и единство всему произведенію. Та же мысль, то же чувство проникаетъ каждую частность, и читатель не чувствуетъ рѣзкихъ переходовъ отъ одного предмета къ другому. То же стремленіе оторваться отъ ничтожества слышится и въ описаніяхъ роскошной и бурной природы Кавказа, и въ бытѣ смѣлыхъ наѣздниковъ, и на „зубцахъ развалины старинной" на склонѣ каменной горы, и на неясномъ, но чарующемъ образѣ Тамары, и на колоссальной фигурѣ Демона. Роскошный міръ фантазіи, неясный, говорящій скорѣе намеками, обнимаетъ васъ при чтеніи поэмы; но оставляетъ въ васъ она горькое впечатлѣніе, потому что и вы проникаетесь тѣмъ же чувствомъ противорѣчія между жизнью и мечтою, которая служила источникомъ и для поэта въ созданіи его образовъ.

Но въ „Демонѣ" есть, какъ извѣстно, и свой спеціальный, особенный, приближающійся къ общественному, смыслъ. Поэтъ хотѣлъ, по общепринятому мнѣнію, изобразить въ „Демонѣ" тотъ духъ сомнѣнья и отрицанья, который составлялъ характеристичную черту того времени въ цивилизованномъ мірѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ въ Демонѣ отразилъ съ огромной силой многія свойства этого духа. Но представляется вопросъ: разъяснилъ-ли онъ этотъ духъ, сказалъ-ли по меньшей мѣрѣ: зло-ли онъ, или добро, демонъ-ли это искуситель, или болѣе доброе начало? Мы думаемъ, что поэтъ и самъ не рѣшилъ для себя этого вопроса, и образъ его лишенъ во многихъ отношеніяхъ опредѣленности. Это, однако, не лишаетъ поэмы необыкновенной, чарующей прелести, и читатель въ каждмъ стихѣ слышитъ зовъ къ идеалу, хотя быть-можетъ поэтъ томимый сомнѣніями и страданіями, и самъ принадлежалъ только къ ищущимъ идеала, и—не находившимъ его.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Волга у Саратова. Выгрузка кулей муки.

(Рис. на стр. 705).

Достаточно разъ проѣхать по Волгѣ на пароходѣ, чтобы судить объ ея кипучей дѣятельности и обширной торговлѣ. Особенно бойки онѣ у пристаней пароходныхъ обществъ, гдѣ пристаютъ баржи съ товарами для выгрузки или нагрузки тяжестей. На предлагаемомъ снимкѣ видно, какъ пристала барка съ хлѣбомъ и мужички выгружаютъ кули на берегъ, гдѣ они сваливаются на ломовыхъ и везутся въ склады, или на мельницу.

„Привалъ". Карт. Н. Н. Каразина. (Рис. на стр. 708).

На Академической выставкѣ текущаго года, въ числѣ прочихъ произведеній нашего уважаемаго сотрудника, находилась и помѣщаемая здѣсь въ гравюрѣ картина, изображающая привалъ среднеазіатскихъ кочевниковъ подъ палящими лучами степнаго солнца, на коврѣ, въ крошечномъ клочкѣ тѣни, даваемой лошадьми. Въ мѣдномъ сосудѣ кипятится кирпичный чай съ бараньимъ жиромъ. На второмъ планѣ — развалины древнихъ построекъ, свидѣтелей минувшаго величія среднеазіатскихъ владыкъ, о которыхъ повидимому и ведутъ бесѣду два бѣлобородые старика, если судить по указующему жесту одного изъ нихъ.

СПБ. Биржа въ полдень. (Рис. на стр. 709).

Какъ извѣстно, въ недавнемъ прошломъ СПБ. Биржа открывалась между четырьмя и пятью часами пополудни, когда изъ телеграммъ становились уже извѣстны сдѣлки и курсъ состоявшіеся на заграничныхъ биржахъ. Въ видахъ освобожденія нашей биржи отъ вытекавшей отсюда зависимости, съ прошлаго года Биржа открывается въ полдень (съ половины двѣнадцатаго до половины перваго), пока еще не пришли заграничныя телеграммы. Въ это время, какъ биржевыя залы, такъ и самый подъѣздъ Биржи представляютъ ту оживленную картину, которую передаетъ на нашемъ рисункѣ бойкое перо г. Броллинга. Здѣсь и купцы ищущіе пріобрѣсть заграничные векселя (тратты) для расплаты, и хлѣбные торговцы дождавшіеся прихода своихъ барокъ и тутъ же старающіеся продать свой товаръ, и маклера сводящіе покупателей и продавцовъ, и зайцы (вольнопрактикующіе, неутвержденные маклера), и куча празднаго люда, прислушивающагося къ биржевымъ толкамъ, въ надеждѣ навѣрняка принять участіе въ такъ-называемой „биржевой игрѣ"... Безпрестанно къ подъѣзду прибываютъ и отбываютъ отъ него новыя лица, поражая зрителя пестрою „смѣсью одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчій, состояній."

Молодая римлянка. (Рис. на стр. 713).

Мастерская кисть знакомаго читателямъ *Нивы* художника Зихеля на этотъ разъ передаетъ красивыя и спокойныя черты молодой римлянки. Небрежно облокотясь, она равнодушно наблюдаетъ изъ-подъ густыхъ рѣсницъ за кѣмъ-нибудь или любуется зрѣлищемъ, быть-можетъ боемъ гладіаторовъ или травлею христіанъ дикими звѣрьми...

„Въ Крымъ за солью". (Рис. на стр. 716).

Встарину малороссіяне добывали себѣ соль только изъ Крыма, для чего и снаряжались обозы такъ-называемыхъ чумаковъ. Томительный путь знойною, нерѣдко безводною степью былъ сопряженъ со всевозможными опасностями, не говоря уже о мелкихъ лишеніяхъ и невзгодахъ, въ родѣ всевозможнаго гнуса (мошкара и комары), которыми кишитъ степь.

Охотничій жаргонъ. (Рис. на стр. 717).

Въ монастырскую пивоварню, какихъ много при католическихъ монастыряхъ Германіи, зашелъ охотникъ со своими двумя таксами и трофеемъ послѣдняго поля—убитой имъ лисицей. Угощаемый мѣстнымъ издѣліемъ, онъ съ жаромъ описываетъ свои приключенія на томъ охотничьемъ языкѣ, въ которомъ то и дѣло мелькаютъ непонятныя профанамъ выраженія: „сдѣлала двойку... петлю... замсла трубой... далъ нудель... дублетомъ..." Тѣмъ не менѣе гостепріимные хозяева добродушно слушаютъ разсказчика, хорошо понимая, что не въ словахъ дѣло.

Общій видъ Нижегородской земледѣльческой исправительной колоніи для малолѣтнихъ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

Нижегородская земледѣльческая исправительная колонія для малолѣтнихъ. (Рис. на стр. 721 и 724).

Въ 20 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода, близъ станціи „Орловка" Московско-Нижегородской желѣзной дороги, среди лѣса находится одно изъ гуманнѣйшихъ учрежденій настоящаго времени—колоніи для малолѣтнихъ.

Открытіе этого учрежденія принадлежало небольшому кружку лицъ изъ нижегородскаго общества и, благодаря энергичнымъ заботамъ гг. членовъ-учредителей, образовалось Общество Нижегородской земледѣльческой исправительной колоніи для малолѣтнихъ, составленъ и утвержденъ уставъ Общества и, что всего важнѣе, съ Высочайшаго соизволенія былъ дарованъ для колоніи лѣсъ, въ количествѣ 228 десятинъ, 1,910 квадр. саженъ. При такихъ первоначальныхъ условіяхъ Нижегородская земледѣльческая исправительная колонія для малолѣтнихъ и была открыта 28 октября 1878 года.

Съ этого времени Нижегородская колонія приняла въ свое убѣжище 163 человѣка, а выпустила 130 человѣкъ. Нѣтъ надобности говорить, что контингентъ поступившихъ составляли вполнѣ испорченныя дѣти, такъ какъ одна Нижегородская ярмарка, со всѣми ея радостями и печалями, доставляла значительное количество питомцевъ для колоніи. Трудны были первые годы существованія колоніи: новое Общество, еще не заявившее себя результатами, новое дѣло, отсутствіе опредѣленныхъ средствъ, отсутствіе удобныхъ помѣщеній для колоніи—одна лѣсная дебрь. Много пришлось потрудиться первому директору колоніи, Николаю Михайловичу Архангельскому, работавшему для общаго дѣла около 4-хъ лѣтъ и умершему на службѣ въ колоніи.

Прошло двѣнадцать лѣтъ. Много перемѣнилось лицъ, приставленныхъ къ управленію колоніей: мѣнялись взгляды, мѣнялись убѣжденія, мѣнялись и педагогическіе пріемы, но колонія жила и росла—святая идея составляла ея жизненную силу. Нашлись и добрые жертвователи, нашлись и лица примѣнившіи къ дѣлу жертвы благотворителей—и въ настоящее время Нижегородская земледѣльческая исправительная колонія представляетъ довольно стройное учрежденіе, имѣющее возможность помѣстить до 35 малолѣтнихъ.

Одно изъ главныхъ пожертвованій, какъ по значенію, такъ и по суммѣ, колонія получила отъ Ивана Михайловича Рукавишникова, выстроившаго для колоніи прекрасный по архитектурѣ храмъ, стоившій строителю до 30 тысячъ рублей сер. Такая жертва г. Рукавишникова незамѣнима для колоніи и имѣетъ громадное значеніе въ религіозномъ и нравственномъ вліяніи на питомцевъ колоніи. Законъ Божій преподаетъ воспитанникамъ и богослуженіе въ церкви колоніи совершаетъ особый священникъ, старецъ о. К. Цвѣтковъ, опытный педагогъ, живущій въ самой колоніи. Во время богослуженій воспитанники колоніи исполняютъ всѣ обязанности низшихъ членовъ клира: поютъ, читаютъ и прислуживаютъ въ алтарѣ. Нужно быть въ храмѣ колоніи и помолиться вмѣстѣ со старцемъ-священникомъ и питомцами колоніи, чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этой семейной молитвы и самаго храма для колоніи.

Почетнымъ попечителемъ колоніи уже нѣсколько лѣтъ состоитъ почетный гражданинъ Нижняго-Новгорода Николай Александровичъ Бугровъ, жертвующій ежегодно для колоніи до 500 пуд. ржаной муки и 500 р. денегъ. Управленіемъ дѣлами Общества колоніи и заботами объ изысканіи средствъ для ея существованія занятъ комитетъ Общества, состоящій изъ лицъ сердечно преданныхъ дѣлу исправленія малолѣтнихъ. Средства колоніи въ настоящее время пока еще не велики, но опредѣленны, а именно: 2000 р. ежегодно отъ губернскаго земства, 1000 р. ежегодно отъ г. Нижняго-Новгорода, отъ уѣздныхъ земствъ губерніи до 500 р., изъ суммъ тюремнаго комитета до 1000 р. и затѣмъ случайные доходы въ формѣ членскихъ взносовъ и другихъ жертвъ.

Въ настоящее время Нижегородская колонія имѣетъ двѣ прекрасно устроенныя мастерскія — столярную и сапожную, въ которыхъ обучаются питомцы колоніи въ свободное отъ полевыхъ работъ время. Обученіемъ ремесламъ занимаются два мастера, столярный и сапожный. Съ отрадой можемъ сказать, что столярный мастеръ въ колоніи, Балагушкинъ — бывшій воспитанникъ колоніи, отличный мастеръ и примѣрный семьянинъ, гордость и радость всей колоніи. Но колонія можетъ указать много и другихъ хорошихъ мастеровъ и честныхъ тружениковъ изъ своихъ питомцевъ.

Въ Нижегородской колоніи въ настоящее время состоятъ два учителя-воспитателя, обучающіе воспитанниковъ грамотѣ по программѣ курса начальныхъ училищъ и поочередно слѣдящіе за внутреннею жизнью питомцевъ колоніи; о своихъ наблюденіяхъ они ежедневно докладываютъ директору, на которомъ всецѣло лежитъ главное управленіе заведеніемъ, какъ въ отношеніи воспитанія, такъ и въ отношеніи управленія хозяйствомъ колоніи, принявшимъ въ настоящее время довольно большіе размѣры.

Съ августа 1889 года директоромъ колоніи (5-й по счету) состоитъ Василій Ивановичъ Виноградовъ, авторъ многихъ педагогическихъ сочиненій по начальному обученію, бывшій двѣнадцать лѣтъ народнымъ учителемъ въ с. Дудепевѣ, Горбатовскаго уѣзда. Принявъ въ управленіе колонію, г. Виноградовъ сердечно предался своему новому дѣлу и въ сравнительно короткое время съумѣлъ внести извѣстный порядокъ въ жизнь колоніи.

На Международной тюремной выставкѣ въ СПБ. Нижегородская земледѣльческая исправительная колонія экспонируетъ работы 10-ти воспитанниковъ изъ общаго числа 30-ти, въ числѣ которыхъ 15 поступило въ теченіе 1889 года. Выставленныя работы воспитанниковъ колоніи не велики по размѣрамъ, но по способу исполненія представляютъ совершенство въ техническомъ отношеніи, особенно фанированныя разноцвѣтнымъ агатомъ шкатулки, точеные счеты и столикъ, что даетъ право заключать о правильномъ обученіи ремесламъ въ Нижегородской колоніи.

Можно надѣяться, что IV международный тюремный конгрессъ выработаетъ для колоній особыя положенія, кои должны будутъ принести несомнѣнную пользу такимъ гуманнымъ учрежденіямъ, какъ Нижегородская земледѣльческая исправительная колонія для малолѣтнихъ.

Памятникъ гр. Тотлебену въ Севастополѣ.

(Рис. на стр. 725).

Давно невиданное торжество происходило недавно въ Севастополѣ. При громадномъ стеченіи народа, въ присутствіи Высочайше командированнаго для участія въ торжествѣ генералъ-адъютанта свѣтлѣйшаго князя Имеретинскаго, 19 іюня открытъ памятникъ генералъ-адъютанту графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену, славному герою Севастополя и Плевны. Памятникъ поставленъ на самомъ видномъ мѣстѣ, вблизи церкви, и лицевою стороной обращенъ къ западу. Онъ представляетъ большой, облицованный полированнымъ гранитомъ склепъ, который возвышается надъ всѣмъ „Братскимъ кладбищемъ" и находится неподалеку отъ памятника князю Горчакову. Нижняя часть склепа сооружена изъ темносѣраго гранита, а верхняя часть, вмѣстѣ съ гротообразною аркою надъ бюстомъ, изготовлена изъ сѣраго мрамора бордиллію. На пьедесталѣ, на которомъ возвышается бюстъ, изображены боевые трофеи и различныя надписи изъ Священнаго Писанія; на задней сторонѣ арки вырѣзаны и вызолочены годы рожденія (18 мая 1818) и кончины (19 іюня 1884) гр. Тотлебена и слѣва высѣченъ весьма художественный рельефный планъ города и южной бухты съ надписью „Севастополь", а съ правой, съ надписью „Плевна", изображенъ планъ осады этого города. Какъ разъ въ срединѣ этой стороны высѣченъ гербъ героя съ начертаннымъ девизомъ: „Treu auf Tod und Leben". Бюстъ изваянъ изъ превосходнаго бѣлаго и отчасти сѣраго мрамора, привезеннаго изъ Италіи, и сдѣланъ съ фотографіи, по рисунку и указаніямъ инженеръ-полковника Баранецкаго. Славный защитникъ Севастополя изображенъ въ инженерной формѣ съ цѣпью ордена Св. Андрея Первозваннаго, причемъ всѣ знаки отличія покойнаго графа также превосходно, отчетливо изваяны на груди бюста. Съ лицевой стороны, на бюстѣ, подъ крестомъ имѣется надпись: „Графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену". Роскошный, огромной величины памятникъ этотъ отличается особенной чистотою и изяществомъ работы и изготовленъ въ Одессѣ, въ мастерской мраморныхъ издѣлій скульптора Менціоне. Стоимость памятника, считая и матеріалъ для бюста, цѣнность котораго достигаетъ солидной суммы, опредѣлена въ 21,000 руб. По Высочайшему повелѣнію, у памятника гр. Тотлебена назначенъ на вѣчныя времена почетный караулъ.

Политическое обозрѣніе.

Въ Болгаріи творится что-то неладное. Извѣстія запаздываютъ, а то и совсѣмъ не получаются по нѣскольку дней. Получаемыя окольными путями сообщенія, преимущественно черезъ Букарестъ и Рущукъ, и то въ видѣ смутныхъ слуховъ, рисуютъ положеніе дѣлъ въ самомъ безотрадномъ видѣ, близкомъ къ анархіи. По словамъ нѣсколькихъ путешественниковъ, добравшихся изъ Болгаріи до Бѣлграда, со времени казни Паницы и отъѣзда лже-князя, общественное мнѣніе расположено думать, что принцъ Фердинандъ просто бѣжалъ и судьбы несчастной страны произвольно вершатъ Стамбуловъ вкупѣ съ Муткуровымъ и Вульковичемъ. При такомъ положеніи весьма вѣроятно извѣстіе, передаваемое брюссельскимъ *Nord*, что всѣ члены Орлеанской фамиліи считаютъ дальнѣйшее пребываніе молодаго Кобурга въ Болгаріи невозможнымъ. По ихъ мнѣнію, если онъ не пожелаетъ пожертвовать собою добровольно, то его принесутъ въ жертву.

Подтвержденіемъ этого слуха можетъ служить одна изъ статей *Soleil*, завѣдомаго органа главы Орлеанскаго дома. Въ ней указывается, что, принявъ болгарскій престолъ, принцъ поступилъ весьма неблагоразумно. Ни для кого не было тайной его

увѣренность въ австрійской дружбѣ, но никто не воображалъ, что онъ придастъ ей такую цѣну, что готовъ ради ея жертвовать всѣмъ. Онъ сталъ играть роль австрійскаго форпоста на Балканскомъ полуостровѣ и не упускалъ ни одного случая бравировать Россію. Казнь Паницы была новымъ вызовомъ, и оправдать эту мѣру никоимъ образомъ нельзя. Если, не смотря на такой образъ дѣйствій Фердинанда, миръ еще не нарушенъ, то благодаря лишь великодушной политикѣ Русскаго правительства. Фердинанду пора образумиться и покориться судьбѣ. Съ этою, можетъ быть, цѣлью, глава Саксенъ-Кобургскаго дома, герцогъ Эрнстъ, прибылъ 28 іюня инкогнито въ Карлсбадъ для посѣщенія своего племянника, принца Фердинанда. По словамъ *New-York Herald* и *Figaro*, собравшійся на другой день въ Карлсбадѣ семейный совѣтъ Кобургскаго дома постановилъ, чтобы принцъ Фердинандъ отрекся отъ болгарскаго престола. При совѣтѣ присутствовалъ герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургскій. Полагаютъ, что онъ дѣйствовалъ по инструкціямъ императора Вильгельма, который желаетъ положить конецъ болгарскому вопросу.

Говорятъ, что на совѣты герцога Эрнста отказаться отъ болгарскаго престола, Фердинандъ не соглашается. Но герцогъ Эрнстъ собирается также убѣдить принцессу Клементину въ необходимости отреченія. Для этого изъ Карлсбада герцогъ Эрнстъ Кобургъ-Готскій выѣхалъ въ Вѣну, гдѣ ожидается принцесса Клементина Кобургская, мать принца Фердинанда. Принцесса отправляется въ Буда-Пештъ для присутствованія при бракосочетаніи своей внучки, эрцгерцогини Маргариты, съ княземъ Турнъ-Таксисомъ. Сомнительно, однако, что благоразуміе главы Кобургскаго дома возьметъ верхъ надъ честолюбіемъ матери Фердинанда. Поэтому неудивительно сообщеніе, что по „авторитетному“ порученію изъ Болгаріи, *Политическая Корреспонденція* опровергаетъ извѣстіе объ отреченіи принца Кобургскаго и заявляетъ, что принцъ, какъ и въ прошломъ году, возвратится въ Болгарію. Интересно знать, кто это даетъ эти *авторитетныя* порученія и къ чему они приведутъ Болгарію!

Сосѣдняя съ ней Сербія, заботясь о своемъ благосостояніи и спокойствіи, приняла мѣры, которыя не могутъ не порадовать всѣхъ истинныхъ друзей порядка въ этой странѣ. Утомленное постоянными происками Милана, котораго бывшій напредняцкій кассаціонный судъ призналъ обыкновеннымъ сербскимъ гражданиномъ, сербское правительство рѣшило измѣнить это постановленіе. Будучи простымъ гражданиномъ, Миланъ Обреновичъ не переставалъ пользоваться своими особыми правами, какъ членъ Сербской королевской семьи, и притомъ пользовался ими въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Чтобы положить конецъ этой раздвоенности, новый кассаціонный судъ, въ противность прежнему, признаетъ Милана не простымъ гражданиномъ, а членомъ королевской семьи, которой конституція предоставляетъ особыя права, но возбраняетъ участіе въ политикѣ и парламентской жизни страны. Въ силу настоящаго рѣшенія, Миланъ защищенъ отъ оскорбленій печати, но всякое его вмѣшательство въ политику будетъ отнынѣ считаться посягательствомъ на конституцію.

3 іюля, палата лордовъ приняла въ третьемъ чтеніи билль объ уступкѣ Гельголанда, и передача острова должна произойти, въ недалекомъ будущемъ, при самой торжественной обстановкѣ. Это сближеніе Германіи съ Англіей не можетъ не озаботить старыхъ союзницъ перваго изъ этихъ государствъ и въ печати появился слухъ о предстоящемъ будто бы въ августѣ свиданіи маркиза Солсбери съ Каприви, Кальноки и Криспи. Миланская газета *Perseveranza* сообщаетъ, что свиданіе это непремѣнно состоится, а вѣнская газета *Fremdenblatt* объявляетъ, что въ австро-венгерскихъ руководящихъ кружкахъ „ничего объ этомъ не знаютъ“. Но если не удается повидаться представителямъ всѣхъ четырехъ странъ, то, какъ сообщаетъ *Neue Freie Presse*, въ половинѣ августа состоится свиданіе графа Кальноки съ генераломъ Каприви. Относительно этого свиданія преобладаетъ мнѣніе, что свиданію не слѣдуетъ придавать выдающагося значенія. Даже *Vossische Zeitung* выставляетъ на видъ, что нельзя ожидать отъ Германіи, чтобы она еще больше стала держаться австрійскаго фарватера.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Съ 24 по 28 іюня Ихъ Императорскія Величества находились въ Бомарзундѣ. 28 іюня Ихъ Величества, на яхтѣ „Царевна“, въ сопровожденіи судовъ: яхтъ „Марево“ и „Тамара“, миноносца „Нарва“ и пароходовъ лоцманскаго вѣдомства „Елекеенъ“ и „Сатурнъ“, перешли въ Феризундъ; на пути Ихъ Величества пересѣли на яхту „Марево“, на которой посѣтили замокъ Кастельхольмъ. 30 іюня Ихъ Величества, на яхтѣ „Царевна“, въ сопровожденіи тѣхъ же судовъ, перешли въ Юнгфрузундъ; 1 іюля — въ бухту Чельвикъ близъ Экенеса; 2 іюля—въ заливъ Лангела у остр. Котка.

Правительственныя распоряженія.

— *Именной Высочайшій указъ Правительствующему Сенату.* Въ 1864 г., по волѣ почившаго въ Бозѣ Родителя Нашего, завѣдываніе мѣстными хозяйственными дѣлами ввѣрено губернскимъ и уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ, образованнымъ изъ лицъ, избираемыхъ плательщиками земскихъ налоговъ. Дѣятельность сихъ учрежденій во многомъ принесла пользу населенію, но двадцатипятилѣтній опытъ убѣдилъ, что въ узаконеніяхъ, опредѣляющихъ составъ и порядокъ дѣйствій означенныхъ учрежденій, есть недостатки, препятствующіе правильному ихъ развитію. Посему Мы повелѣли Министру Внутреннихъ Дѣлъ пересмотрѣть изданное 1 января 1864 года Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ и ввести въ него необходимыя улучшенія, дабы учрежденія эти, въ предоставленномъ имъ кругѣ дѣятельности и въ должномъ единеніи съ другими правительственными установленіями, съ каждымъ успѣхомъ исполняли порученное имъ важное государственное дѣло, согласно видамъ и намѣреніямъ ихъ Основателя и Нашимъ.

Утвердивъ составленное на основаніи сего Нашего повелѣнія и разсмотрѣнное въ Государственномъ Совѣтѣ Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ и препровождая его въ Правительствующій Сенатъ, повелѣваемъ: Положеніе сіе привести въ дѣйствіе, взамѣнъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ 1 января 1864 года, въ губерніяхъ: Бессарабской, Владимір., Вологод., Воронеж., Вят., Екатеринослав., Казан., Калуж., Костром., Курс., Москов., Нижегород., Новгород., Олонец., Орлов., Пензен., Перм., Полтав., Псков., Рязан., Самар., СПБ., Саратов., Симбир., Смоленск., Тавричес., Тамбов., Твер., Тул., Уфим., Харьков., Херсон., Черниговск. и Ярославской, въ той постепенности, которая будетъ опредѣлена для сего министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ Петергофѣ.
12 іюня 1890 года.

— Высочайшимъ указомъ Св. Синоду повелѣно ввести въ дѣйствіе Высочайше утвержденную инструкцію церковнымъ старостамъ.

Народное просвѣщеніе.

— Министерство Народнаго Просвѣщенія, желая воспользоваться какъ достигнутыми въ періодъ 18-ти-лѣтняго существованія гимназическаго устава 1871 г. успѣхами въ педагогическомъ дѣлѣ, такъ и указаніями многолѣтняго опыта, признало нужнымъ пересмотрѣть дѣйствующіе нынѣ учебные планы и программы преподаванія въ мужскихъ гимназіяхъ.

Съ этою цѣлью, для обсужденія составленныхъ вновь проектовъ учебныхъ плановъ и программъ была учреждена въ 1889 году, подъ предсѣдательствомъ товарища министра Народнаго Просвѣщенія князя Волконскаго, особая коммисія изъ профессоровъ, директоровъ и учителей гимназій и другихъ спеціалистовъ, которая, при участіи почти всѣхъ попечителей учебныхъ округовъ, выработала новые планы и программы, а также таблицу числа недѣльныхъ уроковъ.

Основываясь на соображеніяхъ этой коммисіи, Министерство Народнаго Просвѣщенія вносило въ мартѣ текущаго года представленіе въ Государственный Совѣтъ о соотвѣтствующемъ измѣненіи приложенной къ уставу гимназій 1871 г. таблицы уроковъ, а также объ увеличеніи на двѣ недѣли срока лѣтнихъ вакацій въ гимназіяхъ, реальныхъ, городскихъ и уѣздныхъ училищахъ.

Затѣмъ, при окончательномъ разсмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, на основаніи высказанныхъ тамъ сужденій, сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія въ представленномъ проектѣ и составлена новая таблица числа недѣльныхъ уроковъ въ гимназіяхъ, которая и удостоилась 12 іюня сего года Высочайшаго Его Императорскаго Величества разсмотрѣнія. Тогда же воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе и объ увеличеніи на 2 недѣли каникулярнаго срока въ поименованныхъ заведеніяхъ.

По новой таблицѣ прибавлено по три урока на Законъ Божій и русскій языкъ, по одному уроку на исторію и на физику и пять уроковъ на чистописаніе и рисованіе, которое введено нынѣ въ число обязательныхъ предметовъ гимназическаго курса. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшено на 10 число уроковъ по древнимъ языкамъ, на 2 по географіи и на одинъ по математикѣ, но общее число уроковъ по всѣмъ предметамъ осталось неизмѣннымъ, т. е. 225 въ недѣлю для обучающихся обоимъ новымъ языкамъ или среднимъ числомъ по 28 уроковъ на 7 классовъ и на одинъ — 29 и 206 для обучающихся одному языку.

Означенное Высочайшее повелѣніе сообщено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ, для надлежащаго распоряженія о введеніи, съ начала наступающаго 1890/91 учебнаго года, новаго распредѣленія уроковъ во всѣхъ классахъ и увеличеніи срока лѣтнихъ каникулъ до двухъ мѣсяцевъ.

Въ настоящее время та же коммисія занята измѣненіемъ составленныхъ ею весной сего года программъ, согласно съ послѣдовавшей перемѣной въ таблицѣ числа недѣльныхъ уроковъ, и работы ея по этому предмету приходятъ къ окончанію. Въ преподаваніи древнихъ языковъ обращается особое вниманіе на необходимость усилить чтеніе образцовыхъ произведеній древнихъ авторовъ и дать этому занятію преобладающее значеніе, оставивъ упражненія въ письменныхъ переводахъ съ русскаго на оба древніе языка лишь какъ дидактическій пріемъ; на выпускныхъ же испытаніяхъ для полученія аттестата зрѣлости устанавливаются исключительно письменные переводы съ древнихъ языковъ на русскій.

Нижегородская земледѣльческая исправительная колонія для малолѣтнихъ. Сапожная мастерская. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Нижегородская земледѣльческая исправительная колонія для малолѣтнихъ. Столярная мастерская. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Библіографія.

Сочиненія графини Е. П. Ростопчиной. Два тома. СПБ. 1890. Съ портретомъ. Въ „Нивѣ“ уже говорилось, по поводу юбилея графини Ростопчиной, о яркомъ и симпатичномъ талантѣ этой мало оцѣненной у насъ поэтессы. Теперь, когда въ публикѣ все болѣе и болѣе ощущается потребность въ настоящихъ поэтическихъ произведеніяхъ, собраніе сочиненій гр. Е. П. Ростопчиной является весьма кстати. Нынѣшнее поколѣніе плохо знакомо съ произведеніями ея и, прочтя стихи и прозу гр. Ростопчиной, убѣдится, что, какъ бы ни развѣнчивали ея таланта пристрастные и односторонніе критики псевдорадикальнаго лагеря, гр. Ростопчина можетъ дать вполнѣ эстетическое наслажденіе и принадлежитъ къ мастерамъ старой школы, которые не имѣютъ ничего общаго съ мнимыми поэтами новѣйшаго времени, значеніе которыхъ раздуто ихъ друзьями. Настоящее изданіе сочиненій графини Ростопчиной предпринято ея роднымъ братомъ, С. П. Сушковымъ, по желанію ея дочерей, причемъ напечатаны лишь избранныя произведенія писательницы. Въ прекрасномъ біографическомъ очеркѣ г. Сушковъ защищаетъ память сестры отъ дерзкихъ и несправедливыхъ нападокъ. Къ изданію приложенъ превосходный, рѣдкій портретъ гр. Ростопчиной, снятый съ миніатюры, написанной въ 1833 году.

Памятникъ гр. Тотлебэну въ Севастополѣ. Съ фот. Гезлемезъ, грав. Шюблеръ.

Воспоминанія А. Я. Головачевой-Панаевой. Русскіе писатели и артисты 1824—1870. Писатели: Аксаковъ, Анненковъ, Бакунинъ, Бѣлинскій, Гоголь, Грановскій, Герценъ, Гончаровъ, Гербель, Глинка, Добролюбовъ, Достоевскій, Катковъ, Костомаровъ, Кавелинъ, Коршъ, Лажечниковъ, Лермонтовъ, Маркевичъ, Михайловъ, Некрасовъ, Огаревъ, Одоевскій, Островскій, Панаевъ, Петрашевскій, Писемскій, Рѣшетниковъ, Салтыковъ-Щедринъ, Тургеневъ, гр. Л. Н. Толстой, Чернышевскій, и др. Артисты: Брянскіе, Мартыновъ, Максимовъ, Каратыгины, Самойловы, Петровъ, Шумскій, Щепкинъ, Семенова, Истомина и др. СПБ. Изданіе книгопродавца В. И. Губинскаго. 1890.

Воспоминанія г-жи Головачевой печатались въ *Историческомъ Вѣстникѣ* и были оцѣнены по достоинству. За исключеніемъ нѣкоторыхъ недостатковъ, какъ напр. нѣсколькихъ анахронизмовъ и ошибокъ памяти, уже указанныхъ критикой, нѣсколько мелочной quasi-характеристики нѣкоторыхъ крупныхъ дѣятелей, о которыхъ ничего болѣе не сказано въ *Воспоминаніяхъ* и потому лучше было бы вовсе умолчать, да въ значительной мѣрѣ пристрастнаго отношенія къ такъ-называемой молодой редакціи *Современника*, которую самъ Некрасовъ въ минуты откровенности не безъ раздраженія называлъ своей „семинаріей, перессорившей его со всѣми друзьями“, — книга эта представляетъ весьма интересную картину литературныхъ нравовъ преимущественно въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ — этихъ двухъ эпохахъ роскошнаго цвѣта русской литературы и ея печальнаго упадка въ слѣдующемъ поколѣніи. Особенно хорошо знаетъ г-жа Головачева театральный бытъ первой половины нашего столѣтія, родившись въ семьѣ Брянскихъ, извѣстныхъ артистовъ Имп. театра въ СПБ.

А. А. Парландъ. Храмы древней Греціи. Лекціи по архитектурѣ, читанныя въ Имиер. Академіи Художествъ. СПБ. 1890.

При бѣдности нашей литературы по зодчеству, книга академика А. А. Парланда есть истинный кладъ для всѣхъ готовящихся въ архитекторы, такъ какъ изученіе древне-греческаго зодчества даетъ ключъ къ разумѣнію всѣхъ позднѣйшихъ архитектуръ. Книга эта иллюстрирована слишкомъ двумя стами чертежей и рисунковъ въ текстѣ и семью таблицами.

Смертность отъ кори въ СПБ. за 18 лѣтъ (1871—1888). Статистическіе матеріалы къ эпидеміологіи СПБ. Диссертація на степень доктора медицины, Д. В. Лещинскаго, санитарнаго врача Спасской части. СПБ. 1890.

Этотъ въ высшей степени почтенный ученый трудъ является результатомъ долголѣтняго изученія болѣзни, которую привыкли считать неопасною, а между тѣмъ смертность отъ нея, по крайней мѣрѣ въ СПБ. за 18 лѣтъ, не на много отстаетъ отъ смертности вслѣдствіе оспы, скарлатины и дифтерита. Цѣлымъ рядомъ хромо-литографированныхъ діаграммъ (числомъ 15) авторъ наглядно знакомитъ читателя съ числомъ заболѣвавшихъ отъ кори въ СПБ. по годамъ (сравнительно съ другими инфекціонными болѣзнями) и колебаніями смертности отъ кори по годамъ и мѣсяцамъ, по временамъ года и проч. и проч. Главнѣйшіе выводы автора, противорѣчащіе установившемуся мнѣнію толпы, суть слѣдующіе: Надо стараться отдалять дѣтей всѣми возможными мѣрами отъ коревой инфекціи; для борьбы противъ распространенія кори необходимо примѣне-

ніе къ ней тѣхъ же мѣръ профилактики (предупредительныхъ) и дезинфекціи, какія употребляются въ отношеніи скарлатины и дифтерита.

Вышла іюльская книжка *Вѣстника садоводства, плодоводства и огородничества*. Содержаніе ея слѣдующее: Cyclamen latifolium Sibth. et Sm. — Широколистная дряква. Съ хромолитографіею 13 и 14. Э. Л. Регеля.—Посадка хвойныхъ въ садахъ. В. П. Кутузова. (Продолж.). — Саратовская земская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка въ 1889 г. П. А. Дмитріева. (Продолж.).—Цвѣты и овощи.—Новости послѣднихъ лѣтъ. Съ 14-ю рисунками. В. П. Кутузова.—Истребитель сѣмянъ фасоли во время ихъ прорастанія. В. Э. Иверсена. — Гентскія азалеи послѣдняго производства. В. Е. Волкенштейна.—Розанъ „Namenlose Schöne“, гвоздика „M-me Ed. Pynaert“ и гигантскій кактусоцвѣтный георгинъ. Съ 4-мя рисунками. В. Н. Кутузова.—Фалэнопсисы. П. Е. Волкенштейна. — Хроника и мелкія извѣстія: Столѣтіе георгины.—Цвѣтники въ Америкѣ. — Три лучшихъ сорта немахровыхъ пеларгоній для высадки въ грунтъ.—Къ цвѣтенію олеандровъ.—Школа садоводства въ Екатеринославѣ. —Calligonum polygonioides.—Земля для горшечныхъ растеній. — Помѣщеніе для перезимовки растеній (съ рисун.).—Любопытный приговоръ.—Зима въ Парижѣ. — Поливка горячей водой. — Тропическій подѣлочный лѣсъ.—Champ-de-Mars послѣ всемірной выставки.—Стоимость посадки „одного“ дерева.—Полушаріе изъ цвѣтовъ.—Уничтоженіе мха на корѣ деревьевъ. — Размноженіе хризантемума черенками по японскому способу. — Капуста Петсай или Шантунгъ.—Восхожденіе на Mount Owen Stanley. В. К.

Въ редакцію *Нивы* присланъ изъ Имп. Рус. Географич. Общества циркуляръ объ изданіи ежемѣсячнаго журнала *Метеорологическій Вѣстникъ*. Въ него войдутъ слѣдующіе отдѣлы:

1) *Научныя и популярныя статьи по метеорологіи и земному магнетизму.* 2) *Свѣдѣнія по климатологіи*, при чемъ особенное вниманіе будетъ обращено на *лечебныя мѣстности и климатическія станціи Россіи.* 3) *Годовые и ежемѣсячные обзоры погоды въ Россіи.* 4) *Обзоръ русской и иностранной литературы.* 5) *Корреспонденція и разъясненіе вопросовъ предлагаемыхъ подписчиками.*

Подписная цѣна 5 р. въ годъ съ пересылкой и 4 р. 50 к. безъ пересылки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе извѣстные русскіе ученые, притомъ многіе изъ нихъ знакомы съ потребностями практической жизни, особенно сельскаго хозяйства, гигіены и инженернаго дѣла, такъ что мы не сомнѣваемся, что новый органъ будетъ полезенъ не однимъ спеціалистамъ-ученымъ, а обширному кругу читателей, которымъ нужны ясно и толково изложенныя свѣдѣнія о климатѣ и погодѣ.

Редакція *Вѣстника* собрала уже 1,500 р. отъ первоначальныхъ учредителей, уплатившихъ по 25 р. или болѣе, но приступитъ къ дѣлу лишь тогда, когда получитъ *достаточное количество заявленій о желаніи быть учредителемъ или подписчикомъ*, съ точнымъ обозначеніемъ адреса. Денегъ пока присылать не нужно. Заявленія просятъ адресовать въ Петербургъ, въ Имп. Русское Географическое Общество, редактору *Метеорологическаго Вѣстника.*

Смѣсь.

Ново-открытое сочиненіе Посошкова. Въ засѣданіи учрежденной двадцать пять лѣтъ тому назадъ коммисіи для приведенія въ ясность и порядокъ хранящихся въ архивѣ Синода дѣлъ, членъ коммисіи Е. М. Прилежаевъ сдѣлалъ сообщеніе объ открытой имъ въ рукописяхъ синодальнаго архива второй половинѣ сочиненія Посошкова: „Отеческое завѣщаніе сыну“. Первыя шесть главъ этого завѣщанія, какъ извѣстно, были открыты г. Поповымъ и изданы имъ же въ 1873 году. Открытая теперь г. Прилежаевымъ вторая половина „Отеческаго завѣщанія“ содержитъ въ себѣ послѣднія три главы этого сочиненія Посошкова, которыя оставались неизвѣстными и считались недошедшими до нашего времени. Въ первой изъ нихъ Посошковъ наставляетъ своего сына, какъ жить и дѣйствовать, если ему придется быть церковнымъ причетникомъ и священникомъ; во второй — какъ вести себя, если онъ будетъ простымъ инокомъ или архимандритомъ; въ третьей главѣ Посошковъ даетъ сыну совѣты и указанія на тотъ случай, когда ему довелось бы стать архіереемъ. (в.)

Объ извѣстномъ артистѣ Жолковскомъ въ польскихъ газетахъ разсказанъ забавный анекдотъ, могущій служить назиданіемъ разнымъ особамъ прекраснаго пола, слишкомъ усердно поклоняющимся талантамъ разныхъ актеровъ и пѣвцовъ. Артистъ Жолковскій, производившій фуроръ въ Варшавѣ и нынѣ покойный, не могъ никуда укрыться отъ одной своей поклонницы. Она не отставала отъ него ни на шагъ и страшно ему досаждала; тѣмъ болѣе, что при одномъ взглядѣ на эту поклонницу артистъ приходилъ въ бѣшенство. Она была беззуба, съ рѣдкими волосами и съ бородавкою на носу. Передъ смертью Жолковскій неожиданно для поклонницы самъ пожелалъ ее видѣть. Разумѣется, она обрадовалась несказанно и явилась на зовъ тотчасъ же. „Вы желали меня видѣть?“ спросила она томно. „Да!“ отвѣтилъ актеръ, „и вотъ почему: скоро меня не станетъ, и кто знаетъ, быть можетъ мнѣ суждено попасть въ адъ. Поэтому-то, чтобъ не испугаться злыхъ духовъ, которыхъ мнѣ придется тамъ встрѣтить, я и пожелалъ взглянуть на васъ, сударыня!“ (в.)

Дезинфицирующія свѣчи изобрѣтены недавно, по словамъ польскихъ газетъ, варшавскимъ химикомъ, докторомъ Александромъ Вейнбергомъ. Во время сгоранія эти свѣчи прекрасно очищаютъ воздухъ и весьма пригодны для дезинфекціи покойницкихъ, госпиталей, ретирадныхъ мѣстъ и проч. Особенно же онѣ окажутся полезными для комнатъ, вмѣсто употребляемыхъ простыхъ свѣчей, когда въ комнатахъ выставлены тѣла умершихъ, иногда уже разлагающіяся и портящія воздухъ. Каждая такая свѣча горитъ четыре часа и въ теченіе этого времени выдѣляетъ изъ себя около двухъ литровъ дезинфицирующихъ газовъ. (в.)

Женщины-контрабандистки, организовавшія свою дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ на трансъ-атлантическихъ пароходахъ, недавно открыты въ Нью-Іоркѣ и оказались женской пароходной прислугой. (в.)

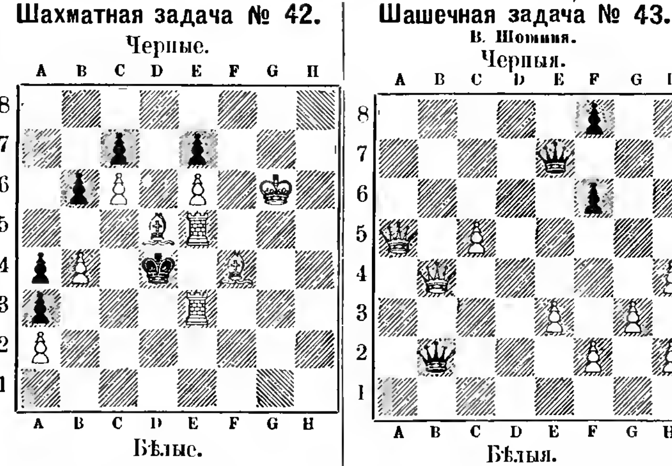
Геометрическая задача № 41.

Двумя прямыми линіями раздѣлить данную фигуру на 3 части, изъ которыхъ составить треугольникъ, имѣющій основаніе равное высотѣ его.

Шахматная задача № 42.

Шашечная задача № 43.

В. Шошина.



Шахматная задача № 42: Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 43: Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890** года, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

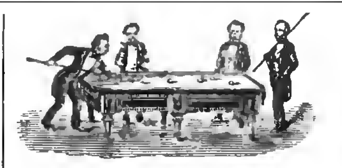
О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ
К. БАУХЪ

Б. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.
Леченіе зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлыхъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умѣренныя.



БИЛЛІАРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—14
Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА".

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (22) № 4366

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ" изъ позолоченой проволоки съ массив. позолоченымъ замочкомъ, протканные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. Кушаки прозрачные очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы. Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**, СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

РЕЗИДЕНЦІЯ ЭЙЗЕНАХЪ (240 м.)
Лѣтнее пребываніе и Курортъ
у подножія горы Вартбургъ (396 м.).

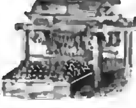
Окончившіе сезонъ купаній, выздоравливающіе послѣ тяжкихъ болѣзней и всѣ нуждающіеся въ покоѣ и подкрѣпленіи своего здоровья послѣ утомительныхъ занятій могутъ здѣсь найти желаемое убѣжище. Свѣдѣнія сообщаетъ: „der Vorstand des Fremdenverkehrsverein". № 4564

ОБРАЗОВАННЫЙ ГОСПОДИНЪ, въ совершенствѣ знающій иностранные языки, природный русскій, умѣющій прекраснымъ слогомъ писать корреспонденціи для газетъ, и вполнѣ свѣдущій въ архивномъ дѣлѣ, предлагаетъ свои услуги въ качествѣ переводчика, газетнаго корреспондента и производителя справокъ въ архивахъ. Желающіе воспользоваться его услугами, благоволятъ адрес. письм.: Москва, Почтамтъ, до востребованія, подъ лит. Ч. Ш. Щ. № 179. № 4616

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА въ ВѢНѢ
ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРѢХОВЪ.

Безвредное средство для быстраго окрашиванія волосъ и бороды въ черный, русый, темно- и свѣтло-каштановый цвѣтъ. 8—6
Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкой. Главный складъ для Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".

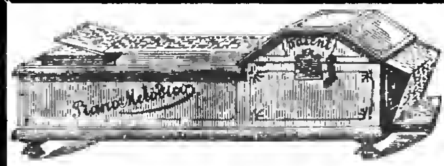


Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и многих. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (27) № 42



ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы. 2—2
Цѣна безъ нотъ 90 руб. Ноты по 80 к. за метръ (1½ арш.).

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. —Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ
БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА
Ч. ГОФМАНА

С.-Петербургъ, Малая Дворянская, №№ 17—19,
рекомендуетъ большой выборъ вновь вышедшихъ изящныхъ образцовъ багета, золоченаго, чернаго и подъ старую бронзу.
Пріемъ частныхъ заказовъ.
Невскій проспектъ, д. № 11, бель-этажъ. № 4617 4—1

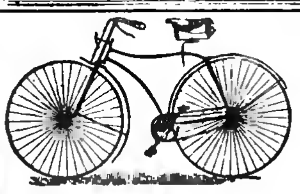
ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (27) № 4287
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Dépôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.
Ц. № 3767 (68)



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. К. № 4587
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ". 1 (6)

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

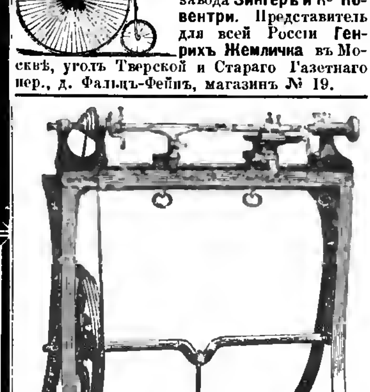
Leichner's Fettpuder

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера а также и для! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль!
Театральныя гримировки! № 4293 12—6
Румяна, бѣлила и карандаши для бровей!
Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.
Главное депо для Россіи у В. Аурика, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть временъ Екатерины II. Петрова и В. Клюшникова. Ц. 1 р.

Вышелъ новый иллюстрированный прейсъ-курантъ на 1890 г. извѣстнаго англійскаго завода Зингеръ и К° Ковентри. Представитель для всей Россіи Генрихъ Жемличка въ Москвѣ, уголъ Тверской и Стараго Газетнаго пер., д. Фальцъ-Фейнъ, магазинъ № 19.



СПЕЦІАЛЬНАЯ ФАБРИКА усовершенствованныхъ металлическихъ токарныхъ станковъ **Д. Скавронскаго съ сыномъ**, СПБ., главный складъ и фабрика, Гродненскій пер., собств. д., № 6, бл. Знаменской ул., магазинъ Басейная ул., д. № 10. Любительскіе станки отъ 65 р. Прейсъ-куранты высылаются за 14 коп. марку. № 4618

НОВОСТЬ!!
НОВѢЙШІЙ И ЛУЧШІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ
ПІАНО-МЕЛОДИКО

20×10×6½ вершк.

Цѣна 90 рублей.
Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (одинъ) метръ (1 метръ=1½ аршин.).
Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ.

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482 (8)

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

СЛѢДУЮЩИХЪ ЗАПАХОВЪ:
Подснѣжникъ, Гольдлакъ, Жасминъ, Геліотропъ, Ландышъ, Опопонаксъ, Резеда, Рейнская роза, Рейнская фіалка, Рейнскіе цвѣты и Ясминникъ.
Превосходные, продолжительные и дешевые духи для платковъ.
Цѣна флакона, содержащаго ¼ фунта
1 р. 25 коп.
Можно получать во всѣхъ лучшихъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграницы.
Главное депо у Алекс. Тисъ и К°, Пушкинская, № 4. Ц. № 4615 3—1

ОТЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

Государственный Банкъ, приступивъ къ обмѣну на новые 5% банковыхъ билетовъ 1-го выпуска (1860 г.), какъ подлежащихъ погашенію до 1898 г. (со штемпелемъ), такъ и пересроченныхъ на 37-ми лѣтній срокъ (до 1925 г.), имѣетъ честь объявить, что обмѣнъ этотъ будетъ производиться на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Билеты могутъ быть представляемы какъ непосредственно въ Государственный Банкъ въ С.-Петербургѣ, такъ и во всѣ Конторы и Отдѣленія Банка, лично или чрезъ почту.

2) Владѣльцы билетовъ, живущіе въ С.-Петербургѣ, представляютъ билеты въ 5% Отдѣленіе Банка, при объявленіяхъ установленной формы, вписывая въ нихъ №№ билетовъ по достоинствамъ и въ послѣдовательномъ порядкѣ.

3) Согласно послѣдовавшему разрѣшенію Г. Министра Финансовъ, взамѣнъ представляемыхъ къ обмѣну билетовъ новые билеты будутъ выдаваемы тѣхъ же достоинствъ, но за другими нумерами, т. е. безотносительно къ нумерамъ билетовъ 3-го десятилѣтія.

4) При пріемѣ въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Банка билетовъ для обмѣна съ владѣльцевъ ихъ будетъ взимаемо за коммиссію по обмѣну по 10 коп. съ каждаго листа, безотносительно къ достоинствамъ, и кромѣ того деньги на почтовые расходы въ одинъ путь (по пересылкѣ изъ Банка новыхъ билетовъ) по существующему для частныхъ лицъ почтовому тарифу. При обмѣнѣ билетовъ чрезъ посредство Московской, Кіевской, Харьковской или Одесской Конторъ Банка, если билеты будутъ представлены къ обмѣну не позже 1 Сентября 1890 года, взамѣнъ почтовыхъ и коммиссіонныхъ сборовъ будетъ взимаемо за каждый листъ: 100 р. д. 15 к., 150 р. д. 20 к., 500 р. д. 50 к., 1,000 р. д. 75 к., 5,000 р. д. 2 р. 50 к., 10,000 р. д. 4 р. и 25,000 р. д. 8 руб.

5) Билеты, находящіеся на храненіи въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ, какъ выданные на предъявителя, такъ и написанные на имена вкладчиковъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ, при чемъ билеты, которые окажутся вышедшими въ тиражъ, будутъ оставлены во вкладахъ въ прежнемъ видѣ до полученія о нихъ распоряженій со стороны вкладчиковъ; билеты же, написанные на имена другихъ лицъ (не вкладчиковъ) и не снабженные законными бланковыми или передаточными надписями, могутъ быть обмѣнены лишь по особымъ заявленіямъ вкладчиковъ, съ представленіемъ надлежащихъ документовъ о принадлежности ихъ вкладчикамъ или особыхъ заявленій на имя Банка отъ лицъ, на имена которыхъ написаны билеты, съ засвидѣтельствованіемъ подписей этихъ лицъ нотаріальнымъ порядкомъ. За коммиссію по обмѣну билетовъ, находящихся на храненіи въ Банкѣ, будетъ взимаемо по 10 коп. съ каждаго листа, а съ вкладчиковъ Конторъ и Отдѣленій Банка сверхъ того деньги на почтовые расходы согласно п. 4.

6) Справки о томъ, произведенъ ли обмѣнъ находящихся во вкладахъ на храненіи билетовъ, какіе должны быть представлены документы для обмѣна не обмѣненныхъ Банкомъ билетовъ, не оказалось-ли билетовъ (3-го десятилѣтія), вышедшихъ въ тиражъ, а равно свѣдѣнія о №№ новыхъ билетовъ могутъ быть получаемы вкладчиками, по представленіи сохранныхъ росписокъ, изъ Государственнаго Банка и изъ Конторъ и Отдѣленій съ 1 Ноября 1890 г.

7) Тѣ вкладчики, которые не пожелаютъ обмѣнить принадлежащіе имъ билеты чрезъ посредство Отдѣленія вкладовъ на храненіе или провинціальныхъ Конторъ и Отдѣленій Банка, должны подать о семъ письменныя заявленія по принадлежности: въ Банкъ — до 1 Августа, а въ Конторы и Отдѣленія Банка до 1 Сентября текущаго года.

8) Владѣльцы именныхъ билетовъ, представляя билеты къ обмѣну лично, прилагаютъ къ объявленіямъ объ обмѣнѣ и свидѣтельства о личности, а поручающіе высылку своихъ билетовъ по адресу другихъ лицъ, присылаютъ заявленія о семъ съ засвидѣтельствованіемъ подписи нотаріальнымъ порядкомъ. Отъ постороннихъ лицъ именные билеты, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда новые потребуются на прежнія имена, представляются въ Банкъ съ законными довѣренностями владѣльцевъ.

9) При именныхъ билетахъ, перешедшихъ къ настоящимъ владѣльцамъ по наслѣдству, судебнымъ постановленіямъ или другимъ актамъ, должны быть представляемы сіи документы, а также удостовѣреніе объ уплатѣ пошлинъ, установленныхъ закономъ 15 Іюня 1882 года.

10) Совершеннолѣтніе владѣльцы именныхъ билетовъ, названные въ надписи на билетахъ малолѣтними, должны представить при обмѣниваемыхъ билетахъ засвидѣтельствованныя копіи метрическихъ свидѣтельствъ о своемъ рожденіи въ удостовѣреніе того, что они достигли совершеннолѣтія.

11) При именныхъ билетахъ, представляемыхъ къ обмѣну по порученію владѣльцевъ банками и банкирскими конторами, должны быть прилагаемы заявленія владѣльцевъ на имя Государственнаго Банка съ засвидѣтельствованіемъ подписи владѣльцевъ нотаріальнымъ порядкомъ или нотаріальныя довѣренности.

12) Билеты, написанные на имя лицъ, состоящихъ подъ опекою, для обмѣна съ написаніемъ на то же имя могутъ быть представляемы опекунами, съ приложеніемъ указовъ опекунскихъ учрежденій о назначеніи ихъ опекунами.

13) Въ тѣхъ случаяхъ, когда приложенные подлинные документы требуются обратно, должны быть вмѣстѣ съ ними представляемы, для оставленія при дѣлахъ Банка, засвидѣтельствованныя нотаріальнымъ порядкомъ копіи.

14) Билеты, находящіеся въ Дворянскихъ Опекахъ, Сиротскихъ Судахъ или въ казенныхъ установленіяхъ на храненіи, въ залогѣ по подрядамъ, поставкамъ и проч., будутъ обмѣниваемы на общихъ основаніяхъ.

15) Пріемъ къ обмѣну билетовъ въ Государственномъ Банкѣ, равно выдача новыхъ билетовъ, будутъ производимы ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 2-хъ часовъ. Новые билеты будутъ выдаваемы чрезъ 7 дней по представленіи старыхъ; если же окажется возможнымъ, то будетъ назначаемъ менѣе продолжительный срокъ.

16) Въ пріемѣ билетовъ будутъ выдаваемы именныя контрмарки, которыя не могутъ быть передаваемы другимъ лицамъ.

17) За обмѣнъ билетовъ, представляемыхъ непосредственно въ 5% Отдѣленіе Банка, лично или чрезъ почту, платы не взимается, почтовые же расходы по высылкѣ новыхъ билетовъ обращаются на счетъ владѣльцевъ, которые могутъ присылать на этотъ предметъ наличныя деньги или срочные купоны.

18) Въ объявленіяхъ объ обмѣнѣ билетовъ, присылаемыхъ въ Банкъ по почтѣ, не должны быть помѣщаемы порученія по другимъ операціямъ, какъ напр. размѣнъ билетовъ, покупка и продажа и проч.: такія порученія будутъ оставляемы безъ исполненія.

и 19) Во избѣжаніе задержки въ полученіи съ почты новыхъ билетовъ, владѣльцы оныхъ возможно точнѣе обозначаютъ въ объявленіяхъ какъ свои адресы, такъ и ближайшія почтовыя учрежденія, изъ которыхъ производится выдача денежной корреспонденціи.

Управляющій Ю. Жуковскій.

3 Іюля 1890 г.

Дозвол. цензур., СПБ., 11 іюля 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. | № 29 — г. XXI | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 21 іюля 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

П. С. Ванновскій.

Не малое торжество готовится въ нашемъ военномъ мірѣ. 22 іюля исполнится 50-лѣтіе службы въ офицерскихъ чинахъ Военнаго министра, генер.-адъютанта, П. С. Ванновскаго. Уже девять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ генералъ Ванновскій, быстро выдвинувшійся впередъ, былъ призванъ на столь высокій постъ, который пришлось ему занять во дни крамолы, при далеко неблагопріятныхъ условіяхъ. Будучи однимъ изъ выдающихся боевыхъ генераловъ, изучившій военное дѣло и въ теоріи, и на практикѣ и основательно знакомый съ бытомъ и нуждами русскаго солдата, генералъ Ванновскій сразу обнаружилъ административныя способности и оказался на высотѣ своего призванія. Замѣчательно честный и энергичный, настойчивый, но вмѣстѣ и осторожный, онъ за эти годы управленія своего министерствомъ потрудился достаточно и для водворенія строжайшей дисциплины въ арміи, и особенно для установленія порядка въ военномъ хозяйствѣ, наблюдая большую, разумную экономію, къ которой и ранѣе всегда былъ склоненъ. Благодаря своей рѣдкой бережливости, онъ способствовалъ значительному сокращенію военнаго бюджета, а вслѣдствіе осторожности, всегда старался устранять, гдѣ только можно, всякія рискованныя предпріятія. До назначенія на постъ Военнаго министра, генералъ Ванновскій зарекомендовалъ себя особенно въ послѣднюю Русско-турецкую войну, находясь во главѣ штаба арміи стоявшей на Ломѣ, командованіе которою было по Высочайшей волѣ возложено на Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Извѣстно, какую службу сослужила эта армія своею стойкостью и стратегическими маневрами. вліяя этимъ путемъ на успѣхъ всего дѣла. Выигранный же войсками этой арміи бой подъ Церковною безусловно устранилъ серьезную опасность, однажды грозив-

Военный министръ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, Петръ Семеновичъ Ванновскій (по поводу 50-лѣтн. юбилея). Съ фот. Левицкаго, грав. Шюблеръ.

шую царской стоянкѣ у Горнаго-Студеня. Независимо отъ этого Рущукскій отрядъ представлялъ собою примѣръ вполнѣ достойный подражанія относительно разумной бережливости, съ какою здѣсь расходовали силы солдата, не растрачивая непроизводительно присущей ему доблести. Вообще генералъ Ванновскій, будучи тогда ближайшимъ сотрудникомъ Августѣйшаго Главнокомандующаго, дѣятельно участвовалъ и въ общемъ планѣ дѣйствій Рущукскаго отряда, и въ его выполненіи по деталямъ, и былъ достойно оцѣненъ уже въ то время Государемъ.

Генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи, Петръ Семеновичъ Ванновскій, изъ дворянъ Минской губерніи, происходитъ отъ родителей православнаго исповѣданія и родился въ Кіевѣ, въ іюнѣ 1822 года. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ л.-гв. Финляндскій полкъ прапорщикомъ, имѣя 18 лѣтъ отъ роду. Чинъ подпоручика онъ получилъ въ 1843 году, поручика — въ 1845, а въ штабсъ-капитаны произведенъ въ 1849 году за участіе въ Венгерскомъ походѣ. Въ Крымскую кампанію П. С. Ванновскій состоялъ въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Павлова и въ награду за отличіе получилъ Монаршее благоволеніе и орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами. Въ 1855 г. онъ въ чинѣ полковника командовалъ 3-мъ и потомъ 1-мъ батальономъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, а въ 1857 г. — Стрѣлковою офицерскою школой. Занимая эту должность и въ 1860 г., онъ много поработалъ какъ совѣщательный членъ временно организованной коммиссіи Артиллерійскаго комитета, по закрытіи которой былъ произведенъ въ 1861 г. въ генералъ-маіоры и назначенъ директоромъ Павловскаго кадетскаго корпуса; въ слѣдующемъ — состоялъ членомъ особаго Комитета по преобразованію военно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ членомъ спеціальной коммиссіи по административной и хозяйственной части. Послѣ этого онъ пять лѣтъ занималъ мѣсто начальника 1-го военнаго Павловскаго училища, которое хранитъ о немъ и понынѣ добрую память. Въ 1868 г. П. С. Ванновскій былъ переведенъ въ Главное управленіе военно-учебныхъ заведеній для особыхъ порученій и получилъ чинъ генералъ-лейтенанта съ назначеніемъ начальникомъ 12-й пѣхотной дивизіи. Въ 1870—1875 гг. командовалъ войсками Кіевскаго военнаго округа, и начальствовалъ надъ 33-й пѣхотною дивизіей. Въ 1876 г. его назначили командиромъ 12-го армейскаго корпуса, который поступилъ въ составъ дѣйствующей арміи, а въ слѣдующемъ за военныя отличія произвели въ генералъ-адъютанты. По окончаніи войны онъ вторично командовалъ временно войсками Кіевскаго военнаго округа и исправлялъ должность кіевскаго, волынскаго и подольскаго генералъ-губернатора, а въ августѣ того же 1879 г. снова принялъ командованіе 12-мъ армейскимъ корпусомъ. Въ маѣ 1881 г. онъ былъ назначенъ на должность управляющаго Военнымъ министерствомъ. П. С. Ванновскій имѣетъ много орденовъ русскихъ и иностранныхъ. Ко дню юбилея генерала Ванновскаго разрѣшено поднести ему званіе почетнаго президента Военно-медицинской академіи и поставить въ конференцъ-залѣ его портретъ. Хотя П. С. Ванновскій и приближается уже къ 70-лѣтнему возрасту, но его энергія не ослабѣваетъ, помогая ему трудиться, „безъ отдыха, но и безъ поспѣшности“.

П. Б—овъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

I.

Черезъ три года послѣ описанныхъ нами событій, Василій Герасимовичъ Сластеновъ, съ женою Прасковьей Яковлевной выходилъ изъ своего палаццо. Сластеновъ остался такимъ же, какимъ мы его видѣли въ первыхъ главахъ нашего разсказа, только что потолстѣлъ немного. За-то Паша развернулась въ такую пышную красавицу московскаго типа, рослую, плечистую, дебелую, съ роскошными формами выхоленнаго тѣла, ясными и въ то же время нѣсколько лѣнивыми глазами и медленными движеніями, что едва-ли бы кто узналъ въ ней недавнюю виструшку и занозу, порывистую и мечтательную, такъ неудержимо бѣгавшую по лѣснымъ чащамъ и мѣловымъ отмелямъ далекой и мирной обители. Домъ она прибрала къ рукамъ и самъ метрдотель Кузьма Медичисъ при ней терялъ все свое величіе и обнаруживалъ даже нѣкоторую юркость. Лакеи у нея ходили въ струнку, а мордастый швейцаръ, когда она показывалась на лѣстницѣ, замиралъ и, вытягивая руки по швамъ, старался не дышать. Но всѣхъ болѣе терялся при ней Василій Герасимовичъ. Она его державила съ самаго перваго дня свадьбы; впрочемъ, это ей ничего не стоило: онъ подчинялся безъ всякой борьбы и даже находилъ это очень для себя удобнымъ. Въ Прасковьѣ Яковлевнѣ оказалось при этомъ много чисто московскаго своеобычнаго такта. Властная дома, не терпѣвшая у себя ничьей воли рядомъ со своею, не допускавшая даже возможности какого-либо возраженія, она никогда не вмѣшивалась въ дѣла мужа. За стѣнами своего палаццо онъ распоряжался самъ временемъ и деньгами какъ хотѣлъ. Дѣлалъ тысячи глупостей, теряя часто безъ толку крупныя суммы, что приводило въ ужасъ дяденьку Савву Кузмича; но всякій разъ, когда тотъ пробовалъ было подѣйствовать на него черезъ жену, она рѣшительно отказывалась вступаться.

— Поговорите ему сами, отвѣчала Прасковья Яковлевна.

— Что-жь я съ нимъ говорить стану, коли онъ на всемъ свѣтѣ одну тебя слушается!

— А я не могу. Не моего, бабьяго ума это дѣло... Вотъ по дому точно: тутъ я никому вступаться не дамъ,—а своимъ капиталамъ Васенька самъ хозяинъ.

— Да вѣдь растащутъ у него!

— Авось не растащутъ... У него, дяденька, тоже свои резоны...

— И свое спуститъ, и твоего не хватитъ.

— Мое у меня отдѣльно, спокойно отвѣчала Прасковья Яковлевна.—Изъ своего я ему ни синь-пороха не дамъ, будьте спокойны... Зачѣмъ-же-съ, помилуйте! Своему я сама счетъ знаю и собственнаго интересу не упущу... А иначе, коли я стану въ его дѣла вмѣшиваться, значитъ не будетъ у меня къ нему никакого уваженія; а не стану я его уважать—и онъ меня не уважитъ. Это ужь такъ!

И ничего бо́льшаго Савва Кузмичъ отъ нея добиться не могъ.

Въ подъѣздѣ швейцаръ благоговѣйно набросилъ ей на плечи великолѣпную бархатную на чернобуромъ лисьемъ мѣху ротонду и только что бросился къ дверямъ, какъ она оборвала его:

— А Василію Герасимовичу?.. строго спросила Прасковья Яковлевна и тотчасъ же прибавила: — Ишь забывчивые какіе... Поперекъ шире на хозяйскихъ кормахъ стали... На портретѣ-то хоть деревянный домъ на каменномъ фундаментѣ строй!

Мордастый швейцаръ, сконфузившись, кинулся помочь Сластенову надѣть пальто съ барашковымъ воротникомъ.

— Не надо, не надо... Я самъ! смущенный, точно извинялся онъ, что заставило Пашу только нахмурить свои черныя брови.

— Ну-ну... нечего баловать... И то они у насъ... точно борова какіе передъ Святками ходятъ...

Кучеръ тоже опасливо поглядывалъ на нее.

— Ты, Ефремъ, что-жь это? задала она ему довольно загадочный вопросъ, но очевидно тотъ его отлично понялъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, матушка, Прасковья Яковлевна, это онѣ врутъ все...

— Врутъ... А вотъ я возьму тебя, козла, да со двора и сгоню...

— Это какъ вамъ угодно-съ... Ваша воля-съ... Обидѣть человѣка всегда возможно...

— Обидѣть. Нѣтъ, ты у меня помни, ежели еще Маша на тебя пожалуется, что ты ей проходу не даешь, такъ ужь самъ иди за расчетомъ, не жди зову.., Слышишь?..

— Виноватъ-съ, покорно соглашался Ефремъ и старался не мигая держаться на козлахъ.—Виноватъ-съ... А только и онѣ тоже... имъ повѣрь...

— Ну-ну, поговори!

И еще недавно пугавшій своимъ высокомѣріемъ Василія Герасимовича, кучеръ безпрекословно смолкалъ. Втайнѣ Сластеновъ никакъ не могъ понять, откуда все это взялось у Паши, такъ тихо, робко, скромно, растерянно вошедшей въ его домъ, на первыхъ порахъ пугаясь окружавшаго ее непривычнаго великолѣпія. Но только на первыхъ порахъ. На второй же недѣлѣ по возвращеніи изъ-за границы, куда она проѣхалась съ мужемъ, когда величественный Козьма Медичисъ попробовалъ было не самъ исполнить приказаніе Паши, а помануть бровями одного изъ лакеевъ, — „молодая“ спокойно замѣтила ему:

— Тебѣ сказано, старичокъ, ты и поди. Нечего на другихъ-то моргать. Ишь и то животъ-то у тебя какъ у тельной коровы!

Казаковъ покраснѣлъ до корней волосъ (иносказательно, впрочемъ, ибо такіе у него были безъ корней — такъ какъ онъ носилъ парикъ) и отвѣтилъ обиженнымъ тономъ:

— Помилуйте, сударыня, мнѣ и покойный Арсеній Николаевичъ не говорилъ ничего такого.

— У каждаго своя повадка, отъ Арсенія-то Николаевича тебѣ безъ словъ по шеѣ влетало... слыхали мы... Ну, а у насъ иначе... Ступай, ступай, нечего...

И Казаковъ понялъ, что его царствію пришелъ конецъ, и сталъ служить какъ слѣдуетъ, такъ что даже Сластеновъ вдвое трусливѣе на него посматривалъ, отчасти не понимая этой метаморфозы, а отчасти опасаясь, какъ бы Козьма Медичисъ не обрушилъ на него свое негодованіе. Домъ пришелъ въ порядокъ. Прежней распущенности не стало. При Прасковьѣ Яковлевнѣ даже Боголюбъ Боголюбовичъ терялъ свой апломбъ и старался какъ можно менѣе обращать на себя ея вниманіе. Боголюбъ Боголюбовичъ вообще въ послѣднее время сильно измѣнился, сталъ задумываться, мечтательно смотрѣлъ въ пространство, писалъ отъ нечего дѣлать единицы съ длинными рядами нолей.

„Точно онъ обокрасть кого собирается!“ своеобразно рѣшилъ Савва, подозрительно присматриваясь къ нему.

— Куда прикажете? почтительно полуобернулся Ефремъ, сдерживая лошадей.

— Прямо пока... Тебѣ куда надо? обернулась она къ Василію Герасимовичу.

— Да на Тверскую сначала... Посмотрѣть какъ нашъ домъ подвигается. А потомъ въ редакцію... Ты заѣдешь со мною? Вѣдь ни разу у нашихъ не бывала. Тѣ даже удивляются.

— Нѣтъ. Я тебя оставлю тамъ. Мнѣ еще въ лавки... Скажи, когда заѣхать за тобой?..

Неискреннее что-то послышалось въ ея голосѣ. Василій Герасимовичъ давно уже замѣтилъ, что она какъ будто тщательно избѣгаетъ знакомиться съ его дѣлами. Иногда ничего не отвѣчая, только хмурилась.

Сани долго ныряли по ухабамъ и снѣговымъ выбоинамъ даже и зимою не разстававшейся со своею азіатскою грязью Москвы. Прасковья Яковлевна давно уже усвоила себѣ мѣстную посадку, основательную и прочную, избавлявшую ее отъ печальной необходимости вылетать изъ саней. За-то Василій Герасимовичъ старался напрягать всѣ свои усилія и схватывался даже за кушакъ своего кучера, чтобы не совершить неизбѣжнаго сальто-мортале. Застоявшіеся наканунѣ кони неслись впередъ, и Ефрему приходилось натягивать возжи во всю, чтобы хоть нѣсколько сдержать ихъ. Особенно правая пристяжная. Она, выгнувъ шею кольцомъ, такъ и выбивала громадные комья снѣга сильнымъ копытомъ; да и коренникъ несся впередъ что было духу, точно его настигала погоня. Кони были вороные, подобранные. Прасковья Яковлевна завела такой выѣздъ, что о немъ скоро заговорила вся Москва. Она ихъ любила и любовалась ими, не обращая ни на что вниманія по дорогѣ. На Тверской Ефремъ, не ожидая приказанія, остановился.

— Пойдешь взглянуть? спросила Прасковья Яковлевна мужа, поворачивая голову къ громадному строившемуся дому, еще со всѣхъ сторонъ покрытому лѣсами—и внутри, и снаружи.

На этихъ лѣсахъ, точно сотни муравьевъ, копошились рабочіе—одни вися на тонкихъ доскахъ, подвязанныхъ еще болѣе тонкими веревками къ выступамъ кровли, другіе невѣдомо какъ устанавливаясь на жердяхъ, гнувшихся подъ ихъ тяжестью. Внутри — народъ казалось совсѣмъ висѣлъ въ воздухѣ. Тонкіе лѣса раскидывались цѣлою паутиной, въ которой рабочіе чудились неосторожно запутавшимися мухами. Мухи эти пѣли, орали, перекликались. Снизу привычно бѣжали къ нимъ съ ведрами и кирпичами на головахъ десятки сѣрыхъ подносчиковъ; вверху шлепали лопаточками цементовщики и штукатуры. Точно козявки, прилипнувъ къ стѣнамъ кое-гдѣ, невѣдомо чѣмъ держались на ровной стѣнѣ рабочіе съ такимъ беззаботнымъ видомъ, какъ будто подъ ихъ ногами была не бездна, а прочный полъ. Отъ паутинки къ паутинкѣ бѣжали лѣсенки: въ другихъ мѣстахъ не было и такихъ, а просто, покачиваясь подъ увѣренными шагами, едва намѣчивались тонкія жердочки съ надрубленными на нихъ ступенями.

— У меня всякій разъ голова кружится, сообщала мужу Прасковья Яковлевна. — Страшно смотрѣть на нихъ!.. Какъ вамъ не боязно?.. спросила она вороватаго десятника, подбѣжавшаго къ ней съ англійскимъ футомъ въ рукахъ и веревкою на шеѣ, точно онъ сейчасъ сорвался съ висѣлицы.—Какъ вамъ не страшно только...

— Намъ, матушка, ваше степенство, пужаться неколи... Работать надо...

— Да вѣдь поди падаютъ?..

— Нѣтъ, Богъ бережетъ. Вонъ онъ нашъ заступникъ-то! указалъ онъ на деревянный крестъ, которымъ въ одномъ углу оканчивались выступавшіе надъ кровлею лѣса.—Вонъ онъ нашъ хранитель-то!..

Крестъ ласково рисовался на чистыхъ сегодня небесахъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, замѣтилъ Сластеновъ,—какъ это Викторъ Степановичъ не обратитъ вниманія!..

Но не успѣлъ онъ еще и кончить своей мысли, какъ Викторъ Степановичъ, толстый и благополучный архитекторъ, снявъ издали Прасковьѣ Яковлевнѣ шапку, подошелъ къ нимъ. Викторъ Степановичъ былъ одержимъ одышкой и на лѣса самъ никогда не лазилъ, на ходу брюхо у него колыхалось во всѣ стороны и толстая золотая цѣпь съ массою брелоковъ и жетоновъ звенѣла и брячала какъ сбруя.

— Это вы насчетъ чего? спросилъ онъ Василія Герасимовича, пожавъ ему руку.

— Лѣса... тонки... сконфузился тотъ по своему обыкновенію.

— Тонки?.. усмѣхнулся архитекторъ.—А зачѣмъ имъ быть толстыми... Это вы должно быть въ газетахъ читали?

— Что въ газетахъ?..

— Да на нашъ счетъ прохаживаются. Во „Всероссійскихъ Курантахъ“ кто-то... Лѣса, вишь, тоже вотъ что и вы, тонки и стѣны дома тонки, и домъ-то самый, вишь, рухнетъ и передавитъ народъ... Я спеціалистъ, на этомъ не только собаку съѣлъ, а пожалуй цѣлую псарню, а они мнѣ указываютъ, точно не я, а они этому дѣлу учились! У меня по Москвѣ не одинъ десятокъ домовъ такъ построенъ — и слава Богу, живутъ... Въ полтора кирпича вишь!..

— Это сегодня въ газетахъ? взволновался Василій Герасимовичъ.

Погребеніе въ катакомбахъ. Съ карт. А. Граса, съ фот. свѣтописнаго общества въ Берлинѣ, грав. Ерике.

— Да, сегодня.
— Я еще не читалъ... Въ редакціи буду—посмотрю... А въ самомъ дѣлѣ, въ полтора кирпича не мало-ли?
— Ну, вотъ. Мы ужь на этотъ счетъ, по вашему же приказанію, съ Боголюбъ Боголюбовичемъ уговорились вполнѣ... Вы, главное, не слушайте. На всякое чиханье не наздравствуешься!..

Ближайшіе рабочіе, замѣтивъ хозяина, остановились и сняли шапки; а двое помѣстившихся, свѣсивъ ноги, на тонкой жердочкѣ, мирно завтракали, нисколько не замѣчая ужаса на лицахъ смотрѣвшихъ на нихъ прохожихъ. Эти тоже положили хлѣбъ на колѣни и медленно приподняли картузы.

— Будьте спокойны, утѣшилъ Сластенова Викторъ Степановичъ.—Будьте спокойны. Домъ правленія „Каспійско-Черноморской водяной коммуникаціи", такъ кажется Боголюбъ Боголюбовичъ окрестилъ его, мы выведемъ на славу. Вотъ тутъ, на этомъ выступѣ колонны, поставимъ сверху барельефъ: Нептунъ съ трезубцемъ, нереиды и тритоны везутъ въ раковинѣ васъ, Савву Кузмича и Курца... Ваши-то бюсты выйдутъ на славу. Косоглазовъ лѣпитъ... У васъ въ рукахъ будетъ земной глобусъ, у Саввы Кузмича—астролябія, а у Боголюбъ Боголюбовича—лира.
— Что? изумился Сластеновъ.
— Лира-съ! по собственному его желанію... Ибо лира, такъ сказать, символъ вдохновенія, а самый каналъ является продуктомъ творческой мысли, то-есть вдохновенія Курца... Вашъ перстъ будетъ указывать на глобусѣ именно промежутокъ между двумя морями... Вообще выйдетъ отлично. По сторонамъ каріатиды, а подъѣздъ будетъ покоиться на двухъ атлантахъ...
— Ну, какъ хотите... согласился немедленно Василій Герасимовичъ.—Такъ значитъ въ полтора кирпича ничего по вашему?
— Стѣна-то?
— Ну, да... стѣна.
— Разумѣется, ничего... Помилуйте, обидѣлся уже архитекторъ,—я недаромъ вѣдь учился!.. А вотъ моя будетъ вамъ просьба. Статеечку я доставилъ въ вашу газету три дня ужь... А они ее не печатаютъ. Отвѣтъ этимъ господамъ... Вотъ и сегодня опять нападки, а такъ-сказать моей отповѣди публика не слышитъ. Покорнѣйшая моя къ вамъ просьба—заѣдете въ редакцію, прикажите имъ... Потому вы хозяинъ, они должны слушаться!..

Василій Герасимовичъ простился. Кучеръ тронулъ возжи, лошади понеслись впередъ—и мухи, запутавшіяся въ громадной паутинѣ строившагося дома, опять зашумѣли и забились. До самаго поворота съ Тверской въ одну изъ боковыхъ улицъ Сластеновъ слышалъ еще ихъ пѣсни, крики и шлепанье лопаточекъ о мягкую массу цемента.

— Знаешь, меня этотъ домъ безпокоитъ, обратился онъ къ женѣ.
— А что? безразлично спросила она, вѣрная своему правилу не вмѣшиваться въ дѣла мужа.
— А вдругъ въ самомъ дѣлѣ... Въ полтора кирпича вѣдь стѣны-то.. Какъ-бы чего, не дай Боже, не случилось.
— Твое дѣло... Спроси того кто знаетъ.
— Да вѣдь кого спросить-то... Вотъ я сегодня съ дядей поговорю... Онъ долженъ быть теперь въ нашей конторѣ.

Пока, до окончанія постройки будущаго палаццо „Каспійско-Черноморской водяной коммуникаціи" — контора ея помѣщалась не далеко, на Большой Дмитровкѣ. Василій Герасимовичъ велѣлъ Ефрему ѣхать туда, но тотъ обернулся къ Прасковьѣ Яковлевнѣ, точно она одна здѣсь могла отдавать приказанія.

— Слышалъ-вѣдь, недовольно проговорила та,—чего-жъ еще... Нѣтъ, Василій Герасимовичъ—прогналъ-бы ты Ефрема загодя!..

Но Ефремъ только отмахнулся головой и, съ видомъ обиженной добродѣтели направился куда ему приказали. Въ одно время къ тому-же подъѣзду подкатилъ и Боголюбъ Боголюбовичъ. Съ нимъ за эти три года случилось много перемѣнъ. Во-первыхъ, онъ, по собственному выраженію, „возсоединился" наконецъ и такимъ образомъ получилъ себѣ въ крестные отцы одного изъ крупнѣйшихъ московскихъ богачей, котораго тотъ-же часъ и осѣдлалъ; во-вторыхъ, онъ раздобрѣлъ и пріобрѣлъ столь невыносимое благородство лица, столь неистовый видъ самодостоинства, что казался даже лучезарнымъ. Въ-третьихъ—въ его пріемахъ и манерахъ уже сквозила большая самоувѣренность, а по отношенію къ Василію Герасимовичу даже и покровительственный тонъ. Онъ его хлопалъ по плечу, начиналъ относиться къ Сластенову свысока и трепеталъ только его жены. Въ-четвертыхъ, Курцъ-Галопъ, окончательно преобразовался въ Короткова-Быстрова — на собственное свое имя пріобрѣлъ нѣсколько домовъ, былъ избранъ въ городскую думу гласнымъ и слылъ тамъ однимъ изъ первыхъ московскихъ ораторовъ... „Растетъ, растетъ Галопишко," не унимался Савва Кузьмичъ встрѣчаясь съ нимъ. „Горой раздуло шельму, да погоди, авось лопнетъ!"... Но Курцъ этого удовольствія старику не доставлялъ, и вмѣсто того чтобы лопнуть, еще пуще раздувался... Только, какъ мы говорили выше, въ самое послѣднее время—его очевидно мучила какая-то тайная мысль.

— А, Василій Герасимовичъ! окликнулъ онъ Сластенова. — И Прасковья Яковлевна! Неужли-жъ къ намъ, осчастливить?..

И Боголюбъ Боголюбовичъ подбѣжалъ къ ней умиленно и радостно.
— Ну васъ! Не пойду я къ вамъ.
— Напрасно... напрасно-съ... Посмотрѣли-бы наши дѣла... Можетъ быть и сами-то...
— Что̀ это сама?
— Возсоединились бы съ нами. Поди на свои капиталы, мадамъ, по пяти казенныхъ получаете.
— Ну? недовольно отвернулась она въ сторону.
— А у насъ-бы впослѣдствіи... триста на сто. Посмотрите, кончимъ каналъ, наши-то акціи вмѣсто двухсотъ по тысячѣ будутъ котироваться на биржѣ. Если мы ихъ еще туда пустимъ!..
— Ну и кушайте на здоровье... У меня деньги-то не бѣшеныя. Тятенька-то наживалъ-наживалъ...

И простясь съ мужемъ, она поѣхала на Кузнецкій мостъ. Боголюбъ Боголюбовичъ хлопнулъ покровительственно Василія Герасимовича по плечу и спросилъ:
— Ну-съ... Когда-же на крестины будущаго дофина позовете?
— Не предвидится, покраснѣлъ тотъ.
— Жаль... А оно бы надо, ахъ надо наслѣдника! Вѣдь вы съ нашего дѣла десятки милліоновъ снимете; какъ-же безъ дофина-то обойтись... Надо-бы, ахъ надо дофина!
— А!.. медоточивыя уста! встрѣтилъ ихъ въ конторѣ Савва Кузьмичъ.—Ты это какъ завернулъ, племянникъ?.. Что-то тебя не видать у насъ совсѣмъ.
— Дѣло такое, дядя, озабоченно проговорилъ Сластеновъ.—Читали газеты-то?..
— Нѣтъ, а что?
— Я самъ не читалъ, а только сказываютъ о нашемъ домѣ...
— Ну?
— Не хорошо! Будто въ полтора кирпича—и рухнетъ, и всѣхъ передавитъ. Мнѣ сегодня Викторъ Степановичъ...
— Мало-ли что̀ въ газетахъ пишутъ... Имъ тоже ѣсть-пить требуется...
— У меня, позвольте вамъ сказать, всѣ дома въ полтора кирпича строены, вмѣшался Боголюбъ Боголюбовичъ.
— И стоятъ? совсѣмъ уже глупо переспросилъ Сластеновъ.

— А вы думали—лежать? Нѣтъ еще... Надѣюсь, вѣка два-три стоять будутъ на удивленіе потомкамъ...

— А то вы подумайте... какое несчастіе будетъ!.. все волновался и краснѣлъ Василій Герасимовичъ.—Подумайте. Вѣдь тамъ у насъ шестьсотъ человѣкъ работаетъ.

— Ну, нѣтъ, всѣхъ-то до восьмисотъ будетъ... На верху шестьсотъ, да въ погребахъ. Вездѣ на отдѣлку да на отчистку подвигается!

— Ну вотъ... И вдругъ всѣ они погибнутъ... Вѣдь этакого грѣха и не замолишь!

— Ну, намъ-то какая забота. Мы препоручили вотъ Готлибу...

— Боголюбу!.. поправилъ тотъ съ достоинствомъ.

— Молчи, Галопишко... Что свинья, что кошонъ—все едино... Препоручили мы тебѣ съ архитехторомъ, вы и старайтесь... А если что выйдетъ — вашъ грѣхъ... А только ничего не будетъ... Всѣ такъ строятъ... А и безъ грѣха не прожить тоже, единъ Богъ безъ грѣха... Опять Галопишко задумался? Не люблю я когда ты думаешь. Потому развѣ у тебя могутъ быть хорошія мысли?

II.

На одной изъ центральныхъ московскихъ улицъ — уже три года какъ красовалась вывѣска „Редакція и главная контора газеты *Сегодня*...“ На двери то же самое значилось вырѣзаннымъ на большой мѣдной доскѣ; за зеркальными стеклами нижняго этажа видны были какія-то сѣрыя, наклонившіяся къ столамъ и конторкамъ лица, кипы бумагъ, бухгалтерскихъ книгъ и громадныя пачки газеты... Это и была главная контора Сластеновскаго ежедневнаго изданія... Здѣсь, въ желѣзной клѣткѣ сидѣла, считая деньги за объявленія и подписку, Ольга Андреевна Кремлева, тоже располнѣвшая и оздоровѣвшая на московскихъ кормахъ послѣ голодной петербургской бѣготни. Она давно уже успокоилась. Не кричала объ эксплуатаціи, не называла Василія Герасимовича подлецомъ и довольствовалась вполнѣ счастьемъ своего нынѣшняго дня, позволявшимъ ей окружить „поэта - крестьянина“ Флегонта Бурлакова извѣстными удобствами. „Будущій“ геній—онъ все еще оставался „будущимъ“ и, не смотря на свои тридцать пять лѣтъ, пока только подавалъ надежды; „будущій геній“ теперь откармливался и собирался показать цѣлому міру—что? это было его секретомъ. Изрѣдка онъ помѣщалъ въ газетѣ „Сегодня“ стихи, отъ которыхъ самъ былъ въ восторгѣ и выражался такъ: „Это, братцы мои... это—изъ-подъ самой подоплеки ухнуло... Тутъ, братики, не мозгами, а настоящими мужицкими потрохами наработано!..“ Теперь уже цѣлый годъ писалъ онъ поэму о томъ какъ простой деревенскій настухъ Савоська посрамилъ всю интелигенцію, но и самъ погибъ въ кабакѣ злополучною жертвою цѣловальника Проходимова.

Вѣчный странникъ, всемірный путешественникъ, великій Агасееръ, короче Петръ Смарагдовичъ Морданъ-Македонскій пріютился тутъ-же и къ крайнему своему удивленію оказался полезнымъ по конторѣ. Собственно говоря, онъ попрежнему плясалъ на свадьбахъ и у секретарей консисторіи считался первымъ кавалеромъ, но теперь онъ уже завелъ платье въ клѣтку и розовый галстукъ съ черными мухами. Онъ разсчитывалъ скоро вступить въ законный бракъ съ дочерью богатаго священника. Редакція была наверху— и самъ Сластеновъ удивлялся тому, что вмѣсто ожидавшагося имъ разбойничьяго вертепа, она вдругъ приняла видъ благообразный и даже буржуазный.

— Всѣ мы, голубушка моя, съ сытой жизни въ буржуевъ превратились! сладко говорилъ разнѣженный Нешумовъ.

— Навуходоносоры вы на подножномъ корму, укорялъ ихъ единственный оставшійся неисправимымъ Наплаксинъ.

Дѣло въ томъ, что обильные московскіе хлѣба живо передѣлали питерскихъ пессимистовъ на свой ладъ. Еще въ первый годъ они болтали по старому — но мало-по-малу глаза у нихъ заплывали жиромъ, щеки надувались какъ резиновые мячики и розовѣли: жилеты начинали какъ-то странно оттопыриваться — очевидно наростало брюшко—и на губахъ, вмѣсто старой горькой усмѣшки, такъ и скользилъ утробный, благодушный московскій смѣхъ.

— Разъѣлись, братики, дорвамшись до сладкаго мясато? спрашивалъ ихъ Флегонтъ Бурлаковъ.

Прелести сытой жизни и высокаго Сластеновскаго гонорара живо переродили неукротимыхъ апостоловъ Мины Карловны. Познавъ удобства теплыхъ квартиръ съ мягкою мебелью, хорошихъ извозчиковъ — даже не безъ гуттаперчевыхъ шинъ, сытнаго обѣда и сытнаго ужина—всѣ, начиная съ Нешумова, стали настоящими ремесленниками, т. е. старались писать плавно и спокойно, безцвѣтно и безразлично обо всемъ, памятуя только одно, что каждая строка равна пятіалтынному и что чѣмъ больше этихъ пятіалтынныхъ, тѣмъ вкуснѣе будетъ обѣдъ въ Эрмитажѣ или Московскомъ трактирѣ. Нешумовъ, посѣщавшій Сластенова, уже сталъ присматриваться къ московскимъ невѣстамъ, интересуясь только однимъ вопросомъ: „коровиста-то она коровиста, что говорить. Настоящая фабрика молочныхъ скоповъ, но сказываютъ за ней двѣсти тысячъ чистоганчику, ась?“ Онъ даже постигъ всю прелесть знакомства съ желѣзнодорожнымъ міромъ, нѣкогда въ его-же изобличеніяхъ являвшимся „бандитскимъ“, и на выдавшемся впередъ жилетѣ у него уже болталось два жетончика, дававшіе ему права безплатныхъ проѣздовъ и туда, и сюда. Одинъ Наплаксинъ попрежнему яростно и фанатически велъ въ философскомъ направленіи научный отдѣлъ газеты, оставался тощъ и неудобопонятенъ и дописывался до такихъ фразъ, что на вопросы: „Что ты этимъ хотѣлъ сказать?“ отвѣчалъ рѣшительно: „Хороша будетъ философія, если всякая сволочь понимать ее станетъ!“ Когда-же ему предлагали затѣмъ: „да самъ-то ты понимаешь?“ Онъ бралъ газетный листокъ, прочитывалъ сомнительное мѣсто еще разъ, задумывался и искренно отвѣчалъ: „нѣтъ, и самъ не понимаю...“ Но и онъ отошелъ отъ своихъ идеаловъ. Онъ уже не задавался цѣлію пересоздать міръ и обновить человѣчество— а путался въ потемкахъ неустановившейся мысли. Во всей редакціи была только одна настоящая большая сила... Но о томъ какъ она вошла туда—слѣдуетъ сказать нѣсколько подробнѣе...

На второй годъ газета „Сегодня“ дышала на ладанъ. Не смотря на то, что Сластенову она обошлась тысячъ въ триста (на однихъ авансахъ значилось по книгамъ болѣе ста и разумѣется безнадежныхъ!), не смотря на то, что Нешумовъ поражалъ москвичей истинно петербургскою развязностью и легкостью мысли, и разнузданностію языка; не смотря на то, что Стручкова писала самыми чистыми женскими слезами, по 200 рублей за листъ, безконечный романъ, гдѣ мужчины нещадно оказывались подлецами, а женщинъ можно было прямо за ихъ добродѣтель взять живьемъ на небо, вѣроятно для того, чтобы оттуда шлырнуть на землю обратно за ненадобностью; не смотря на то, что репортеры въ родѣ Клима Евсѣевича Трепетова по всей Москвѣ бѣгали въ высокихъ сапогахъ отыскивая „происшествіевъ“ и за ихъ недостаткомъ пили горькую,— газеты никто не читалъ и не зналъ. Наконецъ Нешумовъ разразился такою статьей, что Сластенова пригласили кое-куда и пообѣщали ему по шапкѣ, если онъ не возьметъ настоящаго человѣка въ руководители.

— Да гдѣ настоящіе люди-то? Дайте мнѣ настоящаго человѣка? приставалъ онъ къ каждому, пока судьба не сжалилась надъ нимъ и не свела его съ Александромъ Васильевичемъ Крѣпышевымъ.

(Продолженіе будетъ).

Старинный вальсъ.

(Изъ разсказовъ стараго маiора).

(Окончанiе).

Впереди всѣхъ шелъ князь, своей нетвердою, разбитою походкой, и какъ-то весь смѣшно изогнувшись на правый бокъ, велъ за руку свою жену, волшебную русалку Лару, съ которой не спускалъ влюбленнаго, очарованнаго взгляда.

За ними графъ Нерадовскiй, красивый, холодный и равнодушный, велъ подъ руку какъ смерть блѣдную Нелли. Оба молчали, и оба съ неотступнымъ вниманiемъ слѣдили за парой, шедшей впереди нихъ, точно обоихъ охватило одинаковое чувство мучительнаго, суевѣрнаго страха...

Когда польскiй кончился, Нелли подошла ко мнѣ, и крѣпко, до боли сжавъ руку, тихо проговорила:

— Пойдемте!.. Вы мнѣ нужны!..

Я молча послѣдовалъ за нею, испуганный ея мертвенною блѣдностью, ея холоднымъ, ровнымъ голосомъ...

Такъ говорятъ безумные, когда, охваченные гнетущею мыслью, которая сожгла ихъ бѣдный мозгъ, они тихо, мѣрно и безсвязно передаютъ свои страданiя, не заботясь о томъ, слушаетъ ихъ кто-нибудь или нѣтъ.

Нелли привела меня въ маленькую боковую гостиную, раздѣленную на-двое трельяжемъ, дверь которой вела на маленькую террасу, спускавшуюся прямо въ садъ, въ широкую боковую аллею, ведшую прямо къ пруду.

Въ дѣтствѣ мы всѣ трое особенно любили и эту комнату, и эту маленькую террасу, и съ чувствомъ таинственнаго страха глядѣли въ глубь аллеи, по которой намъ запрещали бѣгать и рѣзвиться одnимъ, изъ опасенiя, чтобы мы не попали въ прудъ.

— Читайте! сказала мнѣ Нелли, все тѣмъ же ровнымъ, холоднымъ голосомъ.—Читайте скорѣе и молчите...

И она сунула мнѣ въ руку крошечную, раздушенную записочку.

Я открылъ ее. Въ ней твердымъ, незнакомымъ мнѣ почеркомъ написано было:

„Когда заиграютъ Juristen-Walzer, въ маленькой боковой гостиной".

Ни подписи, ни адреса на запискѣ не было, да въ нихъ и надобности не было никакой. Я понялъ кто и къ кому писалъ.

— Записку эту уронилъ мой мужъ, неосторожно снимая перчатку, пояснила мнѣ Нелли.—Это *ея* рука... *ея*... И адресована эта записка *моему* мужу!.. Juristen-Walzer заиграютъ сейчасъ... послѣ этой кадрили!.. Останьтесь здѣсь.. со мною!.. Я хочу сама... во-очiю видѣть и слышать все... Я хочу убѣдиться въ глубинѣ семейнаго позора... въ глубинѣ своего собственнаго несчастiя!..

Я пробовалъ уговорить Нелли, доказать ей всю безполезность, всю рискованность затѣянной ею сцены...

Она ничего не хотѣла слушать... Она хотѣла знать... все знать... знать во чтò бы то ни стало...

— Я говорила вамъ вчера... я чувствовала... что здѣсь надъ живымъ человѣкомъ тризну править будутъ...

И какъ отзвукъ этой горькой фразы, съ боку, изъ большой залы, полились томительные, волнующiеся звуки волшебнаго вальса, исполненнаго, на этотъ разъ, бальнымъ оркестромъ.

Скрипки стонали, плакали... Вiолончель вторилъ имъ своими за душу хватающими нотами... Звуки росли, лились, наполняли собою весь этотъ сiяющiй огнями домъ, всю эту мертвую глубь уснувшаго сада...

Казалось кто-то съ кѣмъ-то прощался, кто-то куда-то уходилъ далеко-далеко... безвозвратно уходилъ...

По ту сторону трельяжа раздались шаги...

Въ комнату первымъ вошелъ Нерадовскiй... за нимъ слѣдомъ вошла княгиня Лара.

Мы могли свободно видѣть обоихъ; насъ, скрытыхъ въ тѣни густаго трельяжа, въ комнатѣ освѣщенной только матовымъ, дрожащимъ свѣтомъ голубаго фонарика, — замѣтить было невозможно.

— Наконецъ-то!.. страстнымъ шепотомъ заговорилъ первымъ Нерадовскiй.—Я думалъ, что этотъ проклятый вальсъ никогда не начнется... Я ждалъ этой минуты какъ жизни, какъ свѣта!..

И онъ крѣпко, страстно обнялъ княгиню Лару.

Нелли вздрогнула, и холодными пальцами впилась въ мою руку.

— Какъ!.. ты клянешь этотъ вальсъ?.. кокетливо разсмѣялась Лара.—Этотъ вальсъ, который самъ же ты, въ Петербургѣ, называлъ „зарею своего счастiя?"

— Нѣтъ, я не кляну его... Я его боготворю, я благоговѣю передъ нимъ... Но вѣдь я эти дни не живу... Вѣдь это не жизнь, а пытка!.. Въ теченiе двухъ долгихъ, мучительныхъ дней, я въ первый разъ остался наединѣ съ тобою... Да когда же наступитъ та счастливая минута, когда ты будешь моею... нераздѣльно, неотъемлемо моею?.. Когда намъ не нужно будетъ прятать и скрывать нашего счастья...

— Подожди... Старику жить осталось не долго... Послѣднiя вспышки быстрыми шагами ведутъ его къ могилѣ!.. А разводы у насъ такъ возможны... такъ легки... Но я боюсь... что ты раздумаешь... пожалѣешь оставить свою жену... свою прошедшую любовь!.. А кто знаетъ... можетъ и не совсѣмъ прошедшую?..

И голосъ ея зазвучалъ легкою насмѣшкой. Она, какъ русалка, манила, дразнила свою жертву...

— Полно... перестань... дрожащимъ шепотомъ произнесъ Нерадовскiй, страстно сжимая Лару въ своихъ объятiяхъ.—Ты знаешь что я люблю одну тебя только въ мiрѣ... А та съ первой минуты женитьбы моей ненавистнымъ призракомъ стала между мною и счастьемъ!. Я никогда не любилъ ее... Пожалѣй меня... Не говори мнѣ объ ней!.. Знаешь-ли ты, что бываютъ минуты, когда мнѣ убить ее хочется!...

Ледяные пальцы Нелли еще глубже, еще крѣпче впились въ мои руки...

Она держалась за меня чтобы не упасть.

— Но у нея есть дочь... Твоя дочь, продолжала русалка дразнить свою жертву.

— Чтò мнѣ дочь!.. Чтò мнѣ весь мiръ!... въ порывѣ безумной страсти воскликнулъ онъ и снова припалъ къ ней горячими устами, и они рука за руку спустились съ террасы.

А звуки вальса все лились, безумные, страстные, жгучiе; они лились въ широко растворенныя двери террасы, вдогонку удалявшейся, влюбленной парѣ.

— Слышали?.. Повѣрили?!.. Довольно?!.. въ порывѣ безумнаго отчаянiя, падая на диванъ, проговорила Нелли. — Слышали?.. Онъ никогда не любилъ меня... Понимаете-ли вы все значенiе этого страшнаго слова: ни-ког-да?.. Онъ любилъ ее, одну только ее!.. А передо мною онъ только притворялся.. и лгалъ... Безсовѣстно, безбожно лгалъ, и передъ святымъ алтаремъ, обручаясь со мною... и передъ колыбелью дочери, въ день ея рожденiя... и здѣсь... тогда... въ минуту моего призрачнаго счастья, подъ звуки этого-же вальса!..

Она закрыла лицо руками, и тихо, беззвучно, мучительно зарыдала...

Но этотъ порывъ отчаянiя лился только одну минуту.

Она живо подняла голову, отерла глаза, и прежнимъ своимъ холоднымъ, до безумiя ровнымъ голосомъ, проговорила:

— Перейдите на ту сторону трельяжа.... встрѣтьте ихъ въ дверяхъ террасы... они навѣрное тотчасъ вернутся... они сдѣлаютъ нѣсколько шаговъ по аллеѣ...

— А вы?.. спросилъ я, испуганный этимъ внезапнымъ спокойствiемъ.

— Обо мнѣ не заботьтесь!.. Я знаю чтò мнѣ остается сдѣлать... Заговорите съ моимъ мужемъ... и уведите его съ собою въ залу.... Оставьте меня одну съ нею, на минуту... на одну только минуту!.. Мнѣ такъ надо... Сдѣлайте это ежели вы меня любите, ежели вы когда-нибудь меня любили!..

На террасѣ послышались шаги... Нелли спряталась за трельяжъ, быстрымъ движенiемъ вытолкнувъ меня впередъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленiю къ двери, и встрѣтился, лицомъ къ лицу, съ Ларой и ея спутникомъ.

Оба вздрогнули и подозрительно взглянули на меня.

Я заговорилъ съ графомъ, и развязно взявъ его подъ руку, направился къ залѣ.

Лара осталась въ комнатѣ одна, видимо довольная тѣмъ, что Нерадовскiй вернулся въ залу, подъ руку со мною.

Такое чувство, по крайней мѣрѣ, прочелъ я въ ея зеленыхъ глазахъ, переступая порогъ гостиной.

Чтò было затѣмъ — я не знаю... Этого никогда не узналъ никто...

Прошло минутъ десять, не болѣе... Роковой вальсъ продолжалъ еще звучать своими могучими, безумно страстными нотами, когда въ залу вбѣжала княгиня Лара, блѣдная, испуганная, съ неподвижнымъ взглядомъ своихъ большихъ зеленыхъ глазъ, съ измятымъ газомъ своего воздушнаго платья, съ котораго крупными каплями струилась мутная, тинистая вода...

Всѣ бросились къ ней навстрѣчу... Всѣ засыпали ее вопросами...

Она могла отвѣтить одно только слово: „Нелли!.. Нелли!.." и безъ памяти упала среди залы.

Бросились искать молодую графиню... Ея нигдѣ не было...

Княгиня Лара лежала безъ памяти, и ничего сказать не могла.

Всѣ разсыпались по саду... звали... кричали... Отвѣта не было...

Я первый догадался произнести слово: „прудъ."

Мигомъ всѣ бросились къ пруду, чернѣвшему въ концѣ аллеи...

Сбѣжался народъ... Замелькали фонари... На прудъ спущены были лодки... закинуты были сѣти... и полчаса спустя, на темномъ берегу, освѣщенная красноватымъ отблескомъ фонарей, лежала бѣдная молодая графиня, моя бѣдная, изстрадавшаяся дѣвочка, моя „кружевная куколка".

Два пугала. Ориг. рис. (собств. „Нивы") Котляревскаго, грав. Шюблеръ.

Блѣдное личико ея посинѣло, большіе голубые глаза глядѣли испуганно... Все платье ея было покрыто тиной и переплетено ползучею зеленью и траурными листьями болотныхъ „мертвыхъ розановъ“.

Одинъ изъ такихъ розановъ, бѣлый, упругій и блестящій, судорожно сжатъ былъ въ мертвой, застывшей рукѣ утопленницы...

Голосъ старика упалъ; онъ опустилъ на грудь свою сѣдую голову и горько задумался.

Присмирѣвшая молодежь молчала вмѣстѣ съ нимъ.

— Что-же она... ваша маленькая, кружевная графиня... совсѣмъ умерла?.. тихо и осторожно проговорила розовенькая Надя, пугливо присмирѣвшая, боясь звукомъ своего серебрянаго голоска разбудить уснувшее горе своего стараго друга.

— Совсѣмъ умерла!.. тихо, какъ эхо, повторилъ за нею старикъ.—Возвратить ее къ жизни не удалось, не смотря ни на какія усилія...

Похоронили ее, мою голубушку, тутъ-же, на сельскомъ кладбищѣ, у самой церкви, и на похоронахъ ея, кромѣ меня, никого близкихъ не было...

Со старымъ княземъ сдѣлался ударъ... Княгиня Лара лежала въ бреду, въ сильнѣйшей нервной горячкѣ, а графъ уѣхалъ тотчасъ-же, въ ночь, и съ нимъ я больше уже въ жизни своей не встрѣчался.

Князь вскорѣ умеръ, оставивъ почти все громадное состояніе свое своей вдовѣ и очень мало удѣливъ внучкѣ.

Княгиня, впослѣдствіи, вышла въ Парижѣ замужъ за какого-то молодаго француза, который обобралъ и бросилъ ее.

Она съ горя лишилась разсудка, и въ моменты находившихъ на нее припадковъ, все боролась, говоритъ, съ кѣмъ-то, толкнувшимъ ее въ воду... все молила кого-то, простить ей ея страшный грѣхъ...

Подробностей того, что произошло между ею и Нелли въ эту страшную, роковую ночь, она такъ и не сказала. Она сослалась на смертельный испугъ... на порывъ безумія, будто-бы овладѣвшій бѣдною Нелли... Она смутно припоминала только, что Нелли, отъ самаго дома бросившаяся бѣжать вдоль по темной аллеѣ, стремительно бросилась въ прудъ... Она будто бы пыталась удержать ее... пыталась ее вытащить... Но силъ не было... Она сама вся намокла, и обезсилѣвъ въ неравной борьбѣ, вся дрожа отъ прикосновенія охватившей ее холодной воды, бросилась бѣжать къ дому, моля о спасеніи...

Ничего предшествовавшаго этому она не помнила, не говорила... Молчалъ и я, не желая безполезно нарушать могильнаго покоя измученной души...

На-вѣки осталась неразгаданною тайна этой горькой смерти.

Было-ли это убійство... или самоубійство?.. разгадка этого вопроса погребена глубоко, на днѣ темнаго пруда... да на днѣ темной души...

Суда людскаго это страшное дѣло миновало.

Такъ вотъ отчего, дѣтки вы мои милыя, не люблю я этого, когда-то моднаго вальса... Вотъ почему мнѣ странно, холодно дѣлается, когда я слышу эти томящіе, за душу хватающіе звуки.

Старикъ умолкъ. Молчали вокругъ него и грустно поникнувшія юныя головки...

Только искры, догорая, вспыхивали въ каминѣ, да осенній дождь мѣрно и докучливо стучалъ въ окна...

А. С.

Панорама Константинополя.

В. Теплова.

Послѣднія приготовленія къ отъѣзду изъ Царьграда наконецъ сдѣланы, и я направляюсь, съ нѣсколькими провожающими меня товарищами, чрезъ предмѣстье Галату, на пароходъ.

Съ трудомъ протискиваемся чрезъ сутолоку главной Галатской улицы, представляющей самое пестрое смѣшеніе „племенъ, нарѣчій, состояній“.

Кромѣ разноязычной толпы, цѣлый день до заката солнца снующей по этой торговой артеріи Галаты и останавливающейся мимоходомъ у открытыхъ лавокъ всевозможныхъ ремесленниковъ, тутъ же занимающихся своимъ производствомъ, по ней тянутся и арбы, перевозящія разныя тяжести и запряженныя волами, либо черными, лохматыми буйволами, съ голубыми бусами на лбу—отъ дурнаго глазу. Проходятъ вереницы ословъ, надрываясь подъ грузомъ досокъ, просто привязанныхъ за одинъ конецъ по бокамъ спины, такъ что свободные ихъ концы волочатся по землѣ, задѣвая, между прочимъ, по ногамъ зазѣвавшихся прохожихъ. Проходятъ и *хамалы* (носильщики), которыхъ остроумный Теофиль Готье прозвалъ „двуногими верблюдами Константинополя“. На крестцѣ у нихъ надѣта кожаная треугольная подставка въ родѣ горба, на которую накладываютъ просто невѣроятныя тяжести; идутъ они буквально согнувшись въ три погибели; обнаженныя ихъ икры дрожатъ отъ напряженія, а они все идутъ-идутъ—на плоскости-ли, по взвивающимся-ли въ гору ступенямъ улицы,—все тѣмъ же мѣрнымъ шагомъ, отъ времени до времени выкрикивая лишь зычнымъ голосомъ „варда, варда“ (берегись, отъ итальянскаго „guarda“). Если тяжесть ужъ чрезчуръ превышаетъ силы одного человѣка, то ее подвѣшиваютъ къ большому шесту, а иногда и къ двумъ, положеннымъ на-крестъ, и тогда человѣкъ двадцать, положивъ свои руки на плечи одинъ другому, тащатъ ихъ тѣмъ же скорымъ, точно отбивающимъ тактъ шагомъ и такъ же горланя хоромъ свое „варда, варда“.

Съ крикомъ пробираются сквозь толпу и верховые: около нихъ, либо сзади, держась за хвостъ лошади, бѣгутъ *суруджи*—погонщики, съ высоко подобранными бѣлыми шароварами, образующими буфы, что дѣлаетъ ихъ нѣсколько похожими на придворныхъ кавалеровъ XVI и начала XVII вѣковъ, только съ обнаженными колѣнами. Щелкаютъ бичемъ и кучера въ фескахъ и порыжѣлыхъ пальто, какъ-то бокомъ сидящіе на козлахъ разнокалиберныхъ каретъ и колясокъ, когда-то должно-быть бывшихъ чистыми.

Къ довершенію сумятицы, достигающей своего апогея на перекресткѣ ведущемъ къ мосту и къ биржѣ, по этой же улицѣ проходитъ конка; грязный, какъ бы облупленный вагонъ полонъ всякаго люда; кучеръ что есть мочи трубитъ въ пронзительный, гнусавый рожокъ, но такъ какъ всякому европейскому изобрѣтенію турки придаютъ свой собственный отпечатокъ, то и впереди вагона бѣжитъ оборванецъ, обязанный расталкивать народъ и отпихивать собакъ ухитряющихся спать на рельсахъ, несмотря на тысячи ногъ, которыя чуть не наступаютъ на нихъ.

Вотъ мы, наконецъ, и на пловучемъ мосту, соединяющемъ Галату со Стамбуломъ — ежедневно проходящая здѣсь толпа въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ такъ протаптываетъ мостовую настилку, сдѣланную даже не изъ досокъ, а изъ довольно плохо отесанныхъ брусьевъ, что нужна извѣстная привычка, чтобы, идя по мосту, не вывернуть себѣ ноги.

Если взять любаго жителя какой-нибудь европейской столицы, — не говоря уже о жителѣ петербургскомъ, привыкшемъ къ постоянной чинности и порядку,—и внезапно перенеся его въ Константинополь, поставить на Галатскій мостъ, то, можно биться объ закладъ, въ первыя минуты онъ совершенно растеряется, а движущійся предъ его изумленными глазами пестрый калейдоскопъ приметъ за обширную маскарадную толпу, въ которой все сливается и нельзя разобрать ни одного отдѣльнаго лица. Лишь черезъ нѣсколько времени глазъ привыкаетъ къ этому необычному, въ особенности для сѣвернаго жителя, зрѣлищу и начинаетъ мало-по-малу различать составныя части гигантскаго хамелеона, находящагося въ непрерывномъ движеніи между обоими берегами Золотаго Рога.

Кто желаетъ въ короткое время ознакомиться съ обиліемъ національностей населяющихъ Константинополь, для того, конечно, нѣтъ лучшаго наблюдательнаго пункта, какъ Галатскій мостъ.

Европейская толпа, какъ бы она ни была велика, все-таки, по костюму своему, болѣе или менѣе носитъ на себѣ печать однообразія. Не то видимъ мы въ Константинополѣ, гдѣ обычный европейскій костюмъ утопаетъ въ морѣ самыхъ разнообразныхъ восточныхъ одеждъ, принадлежащихъ разнымъ національностямъ и блещущихъ въ большинствѣ случаевъ яркостью красокъ и сочетаніемъ цвѣтовъ, повидимому, самыхъ несовмѣстимыхъ.

Оставимъ оффиціальный костюмъ турецкаго чиновника, облеченнаго въ долгополый, однобортный сюртукъ,—наиболѣе приближающійся къ европейскому, а потому и наименѣе живописный; какое вообще разнообразіе въ покроѣ и цвѣтѣ одеждъ у другихъ классовъ турецкаго населенія, начиная съ ситцеваго, розоваго или полосатаго халатика ребятишекъ до отороченной мѣхомъ шубы почтеннаго муллы съ бѣлою либо зеленою чалмою на головѣ! Въ противность обычаямъ Европы, бóльшимъ однообразіемъ покроя здѣсь отличаются одежды турецкихъ женщинъ: закутанныя въ свои накидки—*фераджe*—одинаковыя для всѣхъ по своему фасону, турчанки, выступающія къ тому же неловкою, неуклюжею походкою, напоминаютъ какихъ-то фантастическихъ большихъ птицъ. За то накидки ихъ, и лѣтомъ и зимою, самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ розоваго, голубаго, персиковаго и зеленаго цвѣтовъ, еще болѣе оживляютъ впечатлѣніе турецкой толпы, давая ей крупныя свѣтовыя пятна.

Османскій турокъ вообще красивъ. Блестящіе черные глаза, горбатый носъ, открытое лицо его выражаетъ гордость смѣшанную съ добродушіемъ. Вся его фигура невысокая, но крѣпко построенная, выражаетъ силу, хотя иногда и спящую, но увѣренную въ самой себѣ, благодаря чему все существо османлиса проникнуто достоинствомъ. По своему характеру онъ скроменъ, уважаетъ другихъ, но за то требуетъ чтобы и другіе его уважали.

Вообще, истый, нецивилизованный турокъ имѣетъ массу достоинствъ: его умъ, ясный и прямой, презираетъ все, что фальшиво, слишкомъ утонченно и темно; какъ воинъ, онъ храбръ и стоекъ, умѣренъ въ своихъ потребностяхъ: въ частной жизни онъ честенъ, простъ, сострадателенъ, гостепріименъ, прекрасный семьянинъ, глубоко и искренно набоженъ. Этими послѣдними чертами своего характера турки приближаются къ русскимъ: не въ этомъ-ли обстоятельствѣ разгадка того, что простые турки ни съ кѣмъ такъ скоро и такъ искренно не сближаются, какъ съ русскими — *московами*, и обратно, какъ это было доказано во время послѣдней войны. Несмотря на рядъ войнъ веденныхъ съ Россіею и потрясшихъ могущество Турціи, турокъ не смотритъ на русскаго какъ на своего постояннаго врага. Онъ привыкъ съ нимъ встрѣчаться на полѣ битвы, но онъ не злопамятенъ: онъ помнитъ, что московъ одолѣвалъ его въ честномъ бою и что, значитъ, Аллаху было угодно сдѣлать москова побѣдителемъ. Но никогда турокъ не забываетъ коварства тѣхъ націй, которыя, подъ личиною друзей султана, безъ боя, одною хитростью отрывали кусокъ за кускомъ отъ Оттоманской имперіи. Прямой его умъ не мирится съ такими несообразностями.

Однако, возвратимся къ толпѣ, наполняющей Галатскій мостъ.

Вотъ бредутъ болгары въ коричневыхъ суконныхъ куртахъ и шароварахъ: упорство написано на ихъ лицахъ, поступь ихъ тяжела и неуклюжа. Какая разница съ проходящимъ тутъ-же черногорцемъ, въ своей бѣлой одеждѣ, черной шапочкѣ и съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за поясомъ! какъ движенія его легки, красивы и полны естественной граціи!

Бѣлокурый, съ тонкими чертами арнаутъ, хотя и сосѣдъ черногорца, съ которымъ онъ ведетъ издавна безконечную войну, уже менѣе подвиженъ. Но все-таки стройная его фигура, въ расшитой золотомъ курткѣ, либо въ бѣлой кацавейкѣ невольно выдѣляется изъ толпы.

Проходятъ и персіяне, любящіе для своихъ одеждъ, въ противность туркамъ, темные цвѣта: они и здѣсь не покидаютъ своей мерлушечьей шапки, изъ-подъ которой выглядываютъ блестящіе глаза, свѣтящіеся въ большинствѣ случаевъ недобрымъ огнемъ.

Ихъ обгоняютъ толстые грузины въ шелковыхъ казакинахъ, опоясанные серебрянымъ поясомъ; на головахъ у нихъ большія фуражки съ козырьками.

За ними движутся сирійцы въ пестрыхъ шелковыхъ головныхъ уборахъ: поджарые, тощіе, они съ любопытствомъ оглядываютъ толпу, обмѣниваясь впечатлѣніями на своемъ языкѣ, столь обильномъ гортанными звуками; глаза съ желтыми бѣлками горятъ у нихъ какъ угли.

Тутъ-же проходятъ и представители всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій: греческіе священники съ клобукомъ, расширяющимся кверху на подобіе вазы; армянскіе священники въ четырехугольныхъ шапочкахъ съ черными либо фіолетовыми вуалями; католическіе священники и монахи всѣхъ орденовъ: тутъ и босой бенедиктинецъ, и доминиканецъ въ бѣлой одеждѣ и съ непокрытой головой, тутъ и іезуитъ въ длинной, черной одеждѣ, бѣломъ галстухѣ и шляпѣ съ продолговатыми, завернутыми въ трубу полями. Не говорю уже о мусульманскихъ муллахъ, отличающихся лишь бѣлыми чалмами, и о дервишахъ, одѣтыхъ въ длинные балахоны и въ шапки, имѣющія видъ гречневиковъ.

Большинство проходящихъ, конечно, принадлежитъ армянамъ и грекамъ.

Армяне по большей части высокаго роста, съ лицомъ бѣлымъ, розовымъ; ихъ большіе, нѣсколько выпученные, глаза сидятъ подъ довольно низкимъ лбомъ, носъ длинный, крючковатый. Верхнею частью лица армянинъ похожъ на турка, нижнею, болѣе вытянутою — на персіянина: онъ такъ-же разсудителенъ, какъ первый, и такъ-же пронырливъ, какъ второй; вся фигура его изображаетъ дѣльца, но дѣльца сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, не любящаго тратить понапрасну словъ и выставлять напоказъ свою дѣловитость. Въ этомъ армянинъ совершенная противоположность греку, который живетъ весь наружу.

Непрерывающаяся рѣчь грека такъ и льется, дополняемая самыми оживленными жестами. Всѣ черты его подвижнаго лица съ заостреннымъ подбородкомъ и длиннымъ носомъ, зачастую служащимъ, какъ и у древнихъ грековъ, продолженіемъ линіи лба, участвуютъ въ разговорѣ. Очевидно, мыслей такъ много толпится въ головѣ, что слова не поспѣваютъ за ними и недостающее восполняется жестикуляціей. Нынѣшніе ромеи постоянно суетятся, что-то доказываютъ своему спутнику со всѣмъ жаромъ, свойственнымъ однимъ потомкамъ эллиновъ подбитыхъ византійцами, со всею энергіею, бьющею живымъ ключемъ, присущею вообще южнымъ народамъ.

Обитатели греческихъ островов, гораздо степеннѣе: идутъ они болѣе группами, выдѣляясь огромными, свиснувшими на одинъ бокъ фесками съ длинною шелковою кистью. Стройныя ихъ ноги въ черныхъ чулкахъ, а высоко подобранныя черныя-же шаровары болтаются сзади какъ курдюкъ карамапскихъ овецъ.

Конечно, толпа была-бы не полна безъ типической фигуры еврея; и его видите вы во множествѣ среди этой восточной толпы, одѣтымъ то въ феску, повязанную чернымъ платкомъ, и въ костюмѣ турецкаго хамала, то въ европейскомъ облаченіи. Но какъ-бы онъ ни былъ одѣтъ, вы сразу замѣчаете его по его основнымъ чертамъ, общимъ для евреевъ всего міра, тотъ-же быстрый, то скользящій, то впивающійся въ васъ заискивающій взглядъ, способный моментально перейти отъ нахальства къ приниженности, то-же выраженіе хитрости, недовѣрія и какой-то затаенной скорби.

Вся эта толпа, къ которой надо еще прибавить татаръ, черкесовъ, среднеазіатовъ, цыганъ, не говоря уже о франкахъ-европейцахъ, торопливо движется по мосту по двумъ разнымъ направленіямъ, сталкивается, перемѣшивается, опять расходится, прицѣпляется къ безчисленнымъ лоткамъ разныхъ мелкихъ разносчиковъ, тутъ-же раскинувшихъ свои товары, либо къ фруктамъ, разложеннымъ и развѣшаннымъ причудливыми, красивыми гирляндами въ устроенныхъ на обоихъ концахъ моста лавкахъ; разступается предъ ѣдущимъ верхомъ чернымъ евнухомъ съ выпяченнымъ, огромнымъ животомъ и съ самодовольнымъ взглядомъ, снова смыкается, тѣснится, чтобы дать проѣздъ арбѣ или коляскѣ, подаетъ милостыню безчисленнымъ нищимъ-калѣкамъ, выбравшимъ мостъ для постоянной выставки самыхъ ужасныхъ язвъ и поврежденій, отважно высунутыхъ на осмотръ проходящей публикѣ; торопится на пароходную пристань или, сломя голову, бросается въ бокъ, чтобы дать мѣсто бѣгущей опрометью на пожаръ кучкѣ полуобнаженныхъ *тулумбаджи* (пожарныхъ), на своихъ плечахъ тащащихъ пожарную трубу и орущихъ нечеловѣческими голосами.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пестрая картина Галатскаго моста дополнялась еще одною типичною фигурой, приводившею въ смущеніе всѣхъ встрѣчныхъ европейскихъ дамъ. Это былъ знаменитый юродивый Мустафа, зимою и лѣтомъ ходившій въ одномъ и томъ-же костюмѣ, состоявшемъ единственно изъ ключа, повѣшеннаго на опоясывавшей его тонкой веревочкѣ. Сколько разъ одѣвали Мустафу, но на другой-же день онъ раздавалъ свое платье нищимъ, а самъ, попрежнему нагой, отправлялся въ путь по стогнамъ Стамбула и Перы; онъ пользовался величайшимъ уваженіемъ со стороны турокъ и въ особенности турчанокъ. Поразительно было видѣть его голое, успѣвшее сдѣлаться коричневымъ, тѣло, пробирающееся въ толпѣ, не взирая на морозъ и на снѣгъ, покрывающій мостовую.

Катеръ съ военнаго парохода „Тамань", чуть не съ Крымской войны состоящаго въ распоряженіи нашего посольства въ Царьградѣ, поджидалъ насъ у моста. Заработали весла, подпимаемыя въ тактъ молодцами-матросами, какъ-бы крылья огромной чайки, и чрезъ нѣсколько минутъ мы уже взбирались по трапу на „Константинъ", который торопливо пыхтѣлъ, точно ссорясь съ визгливою лебедкою, непрерывно стучавшею, грохотавшею и подкидывавшею ящикъ за ящикомъ въ объемистое чрево парохода.

„Константинъ" стоитъ противъ входа въ Золотой Рогъ и съ палубы его развертывается прекраснѣйшій въ мірѣ видъ, которымъ, кажется, никогда не устанешь любоваться. Двѣнадцать лѣтъ прожилъ я въ Константинополѣ, безсчетное число разъ видѣлъ я панораму этого города при всевозможномъ освѣщеніи, и всякій разъ, казалось мнѣ, что я открываю въ ней новую прелесть, что-либо не замѣченное прежде. Не даромъ есть турецкая пословица, что кто попробовалъ топханейской (Топхане — одно изъ предмѣстій Царьграда) воды, для того нѣтъ лекарства и онъ навсегда останется вѣрнымъ любовникомъ Константинополя.

Не видавъ панорамы лучшей жемчужины ислама, трудно вообразить себѣ, какую чарующую картину представляетъ городъ или, вѣрнѣе сказать, цѣлое столпленіе городовъ, прихотливо раскинувшихся на этомъ рубежѣ Европы и Азіи, по холмамъ, сбѣгающимъ къ Босфору, къ Золотому Рогу и къ Пропонтидѣ. Это восхитительнѣйшая декорація, написанная рукою природы и человѣка для міровой сцены, на которой разыграно было столько кровавыхъ трагедій, внесенныхъ въ скрижали исторіи.

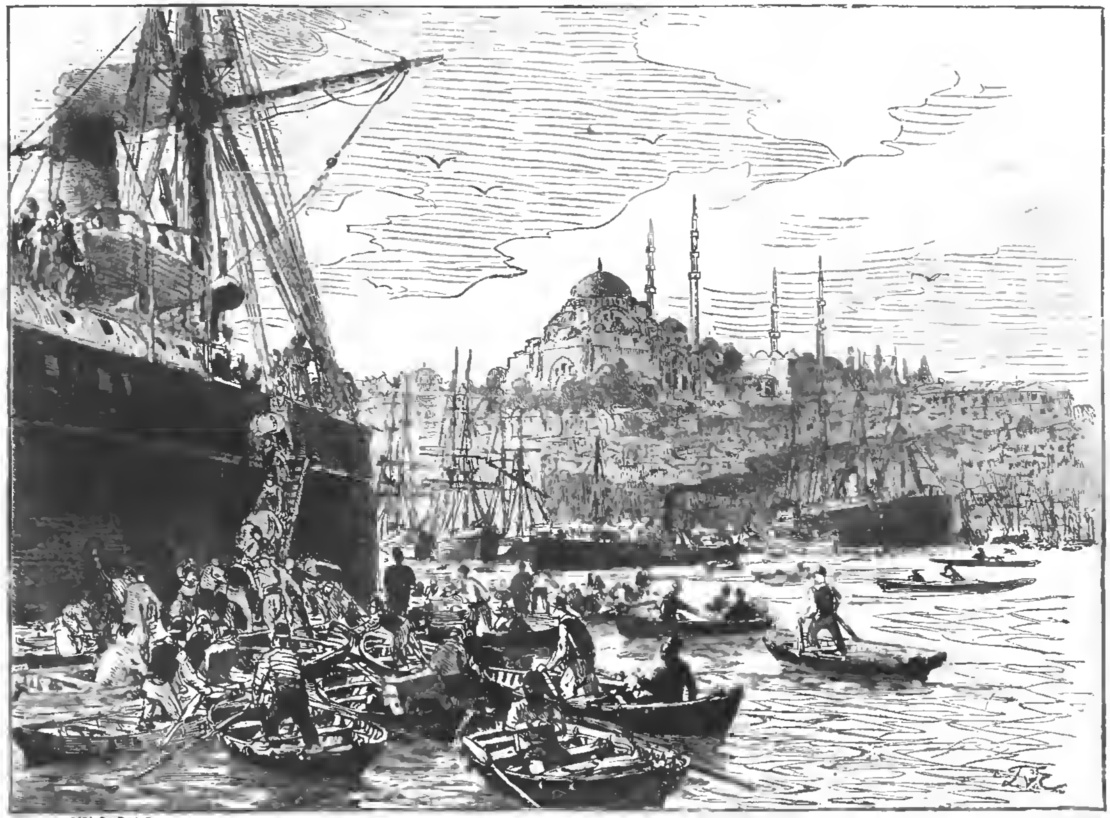
Прямо предъ нами холмъ — Серай-бурну (Дворцовый мысъ), усѣянный кіосками, поднимающими свои причудливыя кровли и жестяные купола изъ темной зелени кипарисовъ и платановъ. Этотъ холмъ — древняя Византія, и на немъ-же находился, нынѣ уже не существующій, большой султанскій дворецъ, частями котораго являются доселѣ видимые кіоски, свидѣтели могущества и паденія повелителей османлисовъ.

Было время, когда эти дворцовые сады, эти мраморные дворцы, сплошь покрытые арабесками, какіе могла произвести только пылкая фантазія арабскаго архитектора, были наполнены шумною толпою придворныхъ и янычаровъ. Теперь все запустѣло, ни чья нога не попираетъ дорожекъ, по которымъ ходили красивѣйшія женщины, присылаемыя султанамъ со всѣхъ концовъ ихъ обширнаго государства. Только хмурятся древнія зубчатыя стѣны съ башнями, какъ гирлянда обвивающія холмъ; плющъ смѣло разбѣгается по нимъ, захватывая въ свои объятія и ихъ, и деревья, успѣвшія разрастись въ расщелинахъ.

Выставка Императ. Академіи Художествъ. „Конкуренты“.

Карт. **Н. Н. Каразина** (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**“), грав. М. Рашевскій.

На Камѣ. Ориг. рис. (собств. „**Нивы**") **Полякова.** грав. Шюблеръ.



Константинопольская гавань. Съ рис. Экенбрехера, грав. Брендамуръ.

За садами Серай-бурну высится широкій куполъ Св. Софіи, а за нимъ виднѣется мечеть Ахмедіе съ ея шестью минаретами расположенная на Атмейданѣ (древнемъ Гипподромѣ).

Вправо отъ нихъ и за ними раскинулся Стамбулъ, поднимающійся террасами по своимъ семи холмамъ и сѣверная оконечность котораго пропадаетъ въ манящихъ даляхъ горизонта.

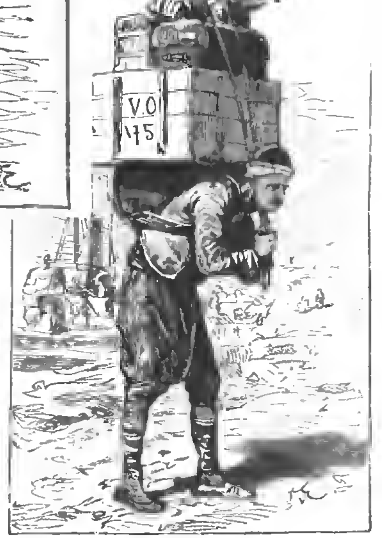
Дворцы и мечети, громадная башня Сераскиріата (военное министерство), базары и медрессе, дома окрашенные во всѣ цвѣта радуги, тонкіе какъ свѣча минареты, въ перемежку съ яркою зеленью садовъ, — все это представляетъ вполнѣ своеобразную картину, мягкостью и сочетаніемъ своихъ красокъ превосходящую виды наиболѣе живописныхъ европейскихъ городовъ.

Насколько видъ Стамбула располагаетъ къ нѣгѣ, къ спокойствію, вкушаемому въ жизнерадостномъ настроеніи духа, настолько противоположныя чувства возбуждаетъ видъ ближайшаго его сосѣда—Золотаго Рога, гдѣ все говоритъ о кипучей дѣятельности, о постоянной работѣ, присущей человѣку Запада. Громадные пароходы грузятся и разгружаются, всюду шнырятъ паровыя шлюпки, повсюду гамъ, стукъ, суетливое безпокойство, какъ бы поскорѣе подвинуть впередъ свое дѣло.

Правый берегъ Золотаго Рога, противоположный Серай-бурну, застроенъ темными, закоптѣлыми домами Галаты, бывшаго владѣнія генуэзцевъ.

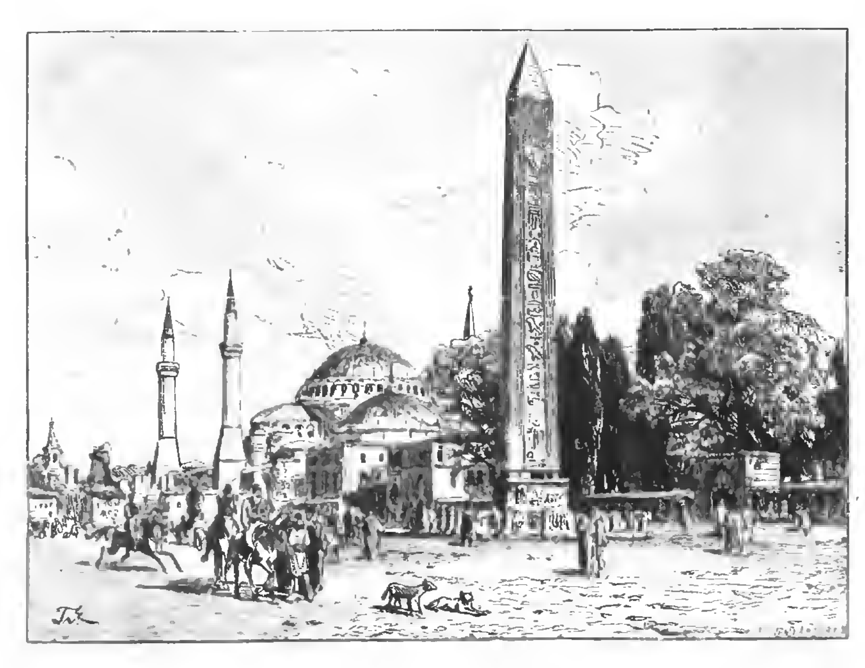
За Галатою, вдоль по берегу Золотаго Рога, тянутся уже мусульманскіе кварталы вплоть до самаго Эюба, лежащаго въ глубинѣ залива. Надъ Галатой же круто поднимается гора сплошь застроенная каменными домами, составляющими европейскій кварталъ Перы. Между черепичатыми крышами домовъ поднимаются тамъ и сямъ дворцы посольствъ. Наше посольство, огромное зданіе въ видѣ крѣпости, расположилось на гребнѣ холма, какъ горделивая владычица, спокойно смотрящая на лежащій у ея ногъ городъ.

Вправо отъ насъ Босфоръ, эта широкая рѣка, оба берега которой — непрерывный рядъ дворцовъ, загородныхъ домовъ и садовъ, и которая для насъ, смотрящихъ на нее съ парохода, замыкается холмами, по склонамъ коихъ высятся зубчатыя стѣны Румели- и Анатоли-хисаровъ, крѣпостей построенныхъ еще Магометомъ II до взятія Константинополя, а невдалекѣ отъ нихъ вырисовываются изящные контуры Ортакёйской ме-



Хамалъ (двуногій верблюдъ).

Сераскиріатъ (военное министерство). Съ рис. Экенбрехера, грав. Брендамуръ.



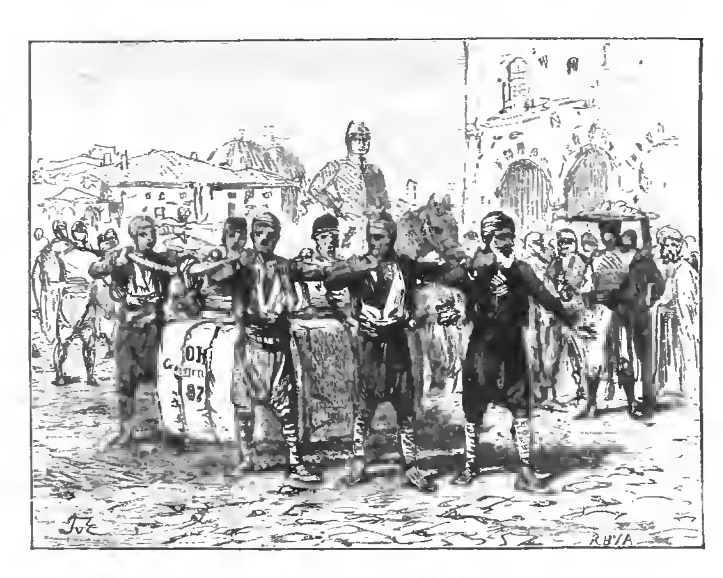
Св. Софія и Атмейданъ (Гипподромъ). Съ рис. Экенбрехера, грав. Брендамуръ.

чети и дворца Азіатскихъ Сладкихъ Водъ (Гёкъ-су) —любимой праздничной прогулки турецкаго общества.

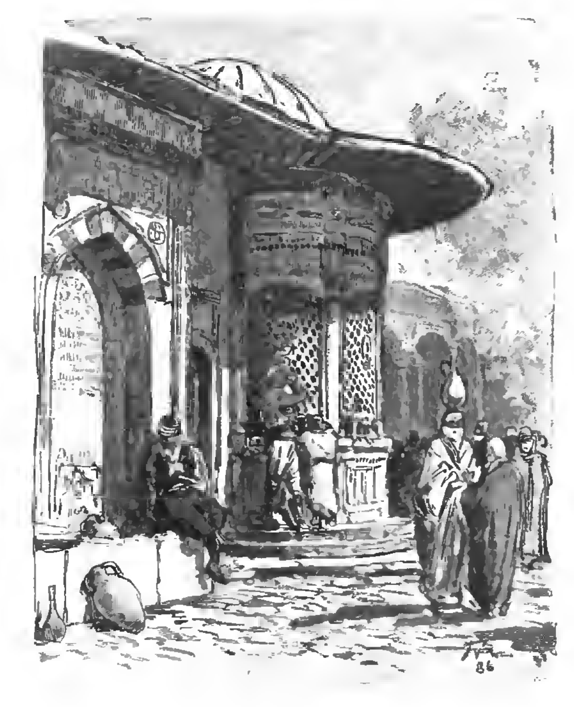
Дома по Босфору расположены не только по самымъ берегамъ его, какъ бы жадно припадая къ струямъ пролива, но и по всѣмъ возвышенностямъ этихъ береговъ, круто подымающимся въ гору; домики, въ большинствѣ деревянные, кокетливо выглядываютъ изъ садовъ и виноградниковъ, а иногда сбираются въ кучу въ какомъ-нибудь излюбленномъ мѣстѣ и тогда они лѣпятся другъ къ другу, жмутся, тѣснятся, совершенно какъ ласточьи гнѣзда, потомъ снова разбѣгаются и снова точно играютъ въ прятки между зелеными купами деревьевъ, отъ времени до времени выставляясь своими желтыми, красными, зелеными и розовыми фасадами и задѣланными мелкой рѣшеткой окнами. Самъ Босфоръ тоже полонъ оживленія; съ восхода до заката солнца по немъ проходятъ торговыя суда всѣхъ націй, стрѣлою несутся остроносые каики и лопочатъ колесные пароходы, перевозящіе публику отъ Галатскаго моста во всѣ прибосфорскія деревушки.

За нами Скутари, особенно красивый при закатѣ солнца, когда на стеклахъ его отражаются кровавымъ свѣтомъ послѣдніе лучи уходящаго свѣтила и когда онъ дѣйствительно оправдываетъ свое имя Хризополя (Золотаго города). За Скутари видиѣется Кади-кёй, древній Халкидонъ, и берега Виеиніи, пропадающіе въ туманной дали, надъ которою въ неясныхъ очертаніяхъ вздымается снѣжная вершина Олимпа.

Общій видъ заканчивается Мраморнымъ моремъ, на которомъ выдѣляется небольшой архипелагъ Принцевыхъ острововъ, во время византійскихъ императоровъ бывшій мѣстомъ ссылки и заточенія низвергнутыхъ владыкъ и ихъ родственниковъ.



Хамалы (носильщики).



Фонтанъ.

Но иное дѣло перечислить то, что представляется взору съ парохода стоящаго въ Золотомъ Рогѣ, и совершенно иное—передать поэтическую прелесть этой картины, которую de Mouy называетъ такъ образно „le sourire de la création“ (улыбкою творенія) [1]. Самыя блестящія описанія не могутъ передать разнообразныхъ ощущеній, испытываемыхъ зрителемъ при видѣ этихъ причудливыхъ, нѣжно закругленныхъ линій пейзажа, въ которомъ величественное и суровое перемѣшано съ граціознымъ, гдѣ предъ вашими глазами проходитъ цѣлая гамма цвѣтовъ, отъ самаго яркаго до самаго воздушнаго оттѣнка, гдѣ въ тѣсномъ сосѣдствѣ между собою вы видите постоянное смѣшеніе Востока съ Западомъ и гдѣ, наконецъ, все наполняющее картину проникнуто сладостною мягкостью и облито какимъ-то жемчужнымъ свѣтомъ. Чудится, что эта картина съ голубоватыми и опаловыми тонами, отражающаяся въ трепещущемъ зеркалѣ серебро-струйнаго Босфора, не есть дѣйствительность,

[1]) Lettres du Bosphore, par de Mouy, p. 30.

Гёкъ-су (Сладкія Воды) на Азіатскомъ берегу. Съ рис. Экенбрехера, грав. Брендамуръ.

а лишь миражъ, ослѣпительная фата-моргана.

Но вотъ нагрузка кончена, большія баржи и лодочки съ провожавшими одна за другой отпихиваются отъ парохода, который притихъ въ ожиданіи отплытія; умолкла лебедка, и матросы не безъ удовольствія убираютъ ее и закрываютъ борты.

Еще одна минута, протяжный свистокъ — и „Константинъ", описывая огромный кругъ, направился въ Мраморное море. Замахали бѣлые платки въ лодочкахъ, оставшихся далеко позади, раздалось еще нѣсколько прощальныхъ возгласовъ, и мы покинули Босфоръ, вступивъ въ такія же тихія струи Мраморнаго моря.

Новыя картины понеслись предъ нами. Вотъ за Кадикёемъ открылась бухта Мода-бурну, древняя бухта Евтропія, наглаго евнуха, любимца Аркадія.

Далѣе вырисовываются изъ волнъ Мраморнаго моря Принцевы острова, гдѣ во времена Византійской имперіи было пролито столько слезъ, испытано столько жгучаго горя...

Мечеть въ Ортакёѣ. Съ рис. Экенбрехера, грав. Брендамуръ.

Монастыри, покрывающіе острова, видѣли отчаяніе низвергнутыхъ императоровъ, побѣжденныхъ и навѣки изуродованныхъ претендентовъ, принцевъ и принцессъ—жертвъ гнусной дворцовой интриги, императрицъ и царевенъ насильно постриженныхъ въ монахини. Тамъ, на жалкихъ монашескихъ одрахъ, умирали тѣ, кто привыкъ спать на ложахъ изъ драгоцѣнныхъ мѣховъ, подъ золотыми мозаиками Влахернскаго дворца.

Съ правой стороны отъ парохода бѣжитъ Стамбулъ и его предмѣстья Влànга, Псаматія, населенныя по преимуществу армянами; понизу ихъ охватываетъ зубчатая стѣна, продолжающаяся вплоть до Семибашеннаго замка, отъ котораго стѣна эта направляется уже по материку къ Эюбу, кварталу лежащему, какъ сказано выше, въ глубинѣ Золотаго Рога. Семибашенный замокъ — Еди-куле — построенъ Магометомъ II. Съ этимъ замкомъ, обращеннымъ въ государственную тюрьму,—куда, между прочимъ, сажали и европейскихъ пословъ при объявленіи войны тому государству, которое дипломаты эти представляли,—связаны наиболѣе мрачныя воспоминанія временъ могущества султановъ. Каждый камень въ немъ вопіетъ къ небу, разсказывая объ ужасныхъ терзаніяхъ. Теперь онъ разваливается, зелень придаетъ веселый видъ нѣкогда грознымъ стѣнамъ; тѣмъ не менѣе сердце сжимается, когда глядишь на башни, гдѣ такъ много было пролито, зачастую совершенно невинной, крови, гдѣ смерть косила съ такимъ наслажденіемъ.

Вотъ башня съ цѣлымъ лабиринтомъ тайниковъ, гдѣ томились высшіе сановники государства въ ожиданіи рѣшенія своей участи.

Вотъ другая башня, гдѣ находится большая круглая комната; въ ней тайно рубили головы, которыя бросали въ доселѣ сохранившійся „колодезь крови". Подъ нею пещера въ скалѣ, освѣщавшаяся фонаремъ подвѣшеннымъ къ своду,—гдѣ пытали заключенныхъ: вырѣзали ремни изъ кожи, поливая раны горячею смолою, раздробляли тяжелою палицею руки, ноги.

Стѣны ограждающія Византію съ сухопутья были построены въ V вѣкѣ. Съ парохода видна ихъ длинная линія, слѣдующая по неровностямъ почвы, то углубляясь въ лощину, то взбираясь на холмъ. Видъ ихъ—одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ Константинополя. Собственно говоря, стѣна эта состоитъ изъ тройнаго ряда стѣнъ: внутренней съ большими четырехугольными башнями, средней съ круглыми башнями, нынѣ лежащими въ развалинахъ, и наружной—очень низкой, близь рва, когда-то наполненнаго водою, а теперь покрытаго огородами. Непрерывная ихъ линія, невольно внушающая уваженіе къ ихъ величію, тянется насколько хватаетъ глазъ и пропадаетъ въ туманной дали. О стѣны эти разбивались волны почти всѣхъ народовъ среднихъ вѣковъ; исчезли эти народы, забылись ихъ имена, а стѣны продолжаютъ стоять.

Сослужили свою службу древнія стѣны, отразили много вражескихъ нашествій, не смогли лишь отстоять города отъ войскъ Магомета II, и закатилось солнце Византіи.

Нынѣшній видъ стѣнъ почти такой же, какъ и въ день 29 мая 1453 года; чудится, что страшная, ожесточенная битва расы противъ расы и религіи противъ религіи происходила лишь вчера: башни средней ограды почти всѣ разрушены, на большихъ башняхъ внутренней ограды видны слѣды дѣйствія тарановъ, баллистъ и катапультовъ; нѣкоторыя изъ нихъ треснули снизу доверху, у иныхъ отворочены цѣлые углы взрывомъ мины; у двери Св. Романа огромная брешь, воспоминаніе о чудовищной пушкѣ отлитой Орбаномъ, которая требовала 700 человѣкъ прислуги и стрѣляла мраморными ядрами въ 600 фунтовъ вѣсу. Во многихъ мѣстахъ осыпались зубцы и повержены на землю громадные обломки стѣнъ, отъ которыхъ вѣетъ величіемъ и печальною красотою. Одна лишь природа позаботилась принарядить эти мѣста ужаса и щедрою рукою украсила эти позлащенныя вѣками стѣны, разсыпавъ вездѣ смѣющуюся зелень и надѣвъ на нихъ мохнатую шапку изъ плюща и дикаго винограда; смѣло завладѣли они когда-то грознымъ оплотомъ, обвивъ своими гирляндами зубцы, изъ-за которыхъ критскій пращникъ пускалъ свой мѣткій камень, и высунувшись изъ бойницъ, нѣкогда изрыгавшихъ изъ себя горячую смолу, кипящее масло и знаменитый греческій огонь. Платаны, дикія миндальныя деревья и угрюмые кипарисы разрослись теперь тамъ, гдѣ валялись обезображенные трупы осаждавшихъ и лилась потокомъ кровь. Молчаніе царитъ теперь тамъ, гдѣ раздавались стоны раненыхъ и предсмертныя проклятія умирающихъ, гдѣ кипѣла грозная битва между несмѣтными полчищами Магомета, съ бѣшенствомъ нападавшими на городъ, и горстью защитниковъ Византіи,—бой ужасный, закончившійся, какъ всегда, побѣдой юношеской энергіи варварства надъ одряхлѣвшею цивилизаціею.

Невозмутимо спокойна теперь и равнина прилегающая къ стѣнамъ — мѣсто стоянки турецкихъ ордъ и ихъ батарей. Мирно раскинулись на ней кладбища, осѣненныя темными иглами кипарисовъ, вырѣзающихся на темноголубомъ фонѣ неба; вдали пріютился древній монастырь Балыклы, а въ остальной части—огороды, сады и колодцы, покрывающіе это историческое поле, замѣнили собою каменистыя машины, тяжеловѣсные тараны и всякія „стѣнобойныя козни и хитрости", когда-то осаждавшія эти стѣны.

Къ рисункамъ.

Погребеніе въ катакомбахъ. (Рис. на стр. 732 и 733).

Къ числу диковинъ Рима принадлежатъ, между прочимъ, катакомбы. Многія изъ нихъ относятся еще къ первому вѣку христіанства и служили мѣстомъ для богослуженія и погребенія первыхъ христіанъ. Катакомбы встрѣчаются не только въ Римѣ, а и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ: въ Неаполѣ, Сиракузахъ, Парижѣ и пр., но во всѣхъ этихъ городахъ

Гульманъ, священная обезьяна индусовъ. Рис. и грав. Шпехтъ.

значительно уступаютъ Римскимъ, по обширности. Подземныя кладбища встрѣчаются въ очень глубокой древности и вѣроятно заимствованы въ Италіи изъ Египта, гдѣ мы находимъ цѣлый рядъ подземныхъ, очень древнихъ могилъ во всю длину Ливійской горной цѣпи. Первоначально римскія катакомбы были мѣстомъ добыванія песка или ломками туфа. Въ нихъ, въ языческія времена, бросались тѣла рабовъ и преступниковъ. Но когда въ Римѣ появилось христіанство, въ катакомбахъ начали скрываться христіане отъ преслѣдованій язычниковъ. Тамъ они совершали свои требы и хоронили единовѣрцевъ. Они углубили и увеличили первоначальныя ломки, и теперь эти послѣднія представляются въ видѣ болѣе или менѣе многочисленныхъ ходовъ и камеръ (cubiculum, crypta), часто въ 3 — 5 этажей. Нашъ рисунокъ наглядно передаетъ, какъ совершалось въ катакомбахъ погребеніе, приблизительно въ III или IV столѣтіи. Все помѣщеніе высѣчено въ камнѣ и стѣны покрыты христіанскими символами, изображеніемъ Христа, добраго пастыря, и концовъ долженствовавшихъ напоминать о смерти. Посреди камеры маститый священнослужитель, стоя у тѣла умершей молодой дѣвушки, надгробнымъ словомъ утѣшаетъ присутствующихъ въ тяжкой для нихъ утратѣ.

Два пугала. (Рис. на стр. 737).

Хотя давнымъ-давно извѣстно, что такъ-называемое „пугало“, т. е. зипунъ распяленный на скрещенныхъ палкахъ и накрытый старою шляпой, нисколько не пугаетъ птицъ, отлично умѣющихъ отличать его отъ живаго человѣка; тѣмъ не менѣе простонародье такъ крѣпко держится своихъ обычаевъ, что и до сихъ поръ почти повсемѣстно ставятъ эти чучела на огородахъ, въ садахъ и т. п. Но на ряду съ ними откомандировываются и живыя „пугала“ въ лицѣ деревенскихъ подростковъ. Въ Малороссіи дѣвочки обходятъ поле или огородъ, постукивая палкой въ лезвіе косы, и этотъ звенящій, далеко разносящійся звукъ отпугиваетъ цѣлыя стаи птицъ.

„Конкуренты“. Карт. Н. Н. Каразина. (Рис. на стр. 740).

Сцену изображаемую нашимъ талантливымъ сотрудникомъ — часто можно наблюдать въ нашихъ азіатскихъ степяхъ со времени проведенія Закаспійской желѣзной дороги. Полуразвьюченный караванъ верблюдовъ расположился на отдыхъ по обѣ стороны рельсоваго пути; верблюды и вожакъ ихъ тупо смотрятъ на приближающійся, посвистывающій и грозно пыхтящій паровозъ, который тащитъ за собою такое количество грузовъ, что ставитъ внѣ конкуренціи самые большіе караваны. Два орла парятъ въ прозрачномъ воздухѣ пустыни, какъ бы предвѣщая и въ этомъ безлюдьѣ близкое исчезновеніе первобытнаго способа торговыхъ сношеній.

На Камѣ. (Рис. на стр. 741).

Главная водная артерія нашей горно-заводской промышленности, Кама играетъ большую роль въ сбытѣ уральскихъ металловъ и товаровъ идущихъ изъ Сибири, орошая губерніи Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Казанскую. Общая длина теченія ея 1,500—1,600 верстъ (по другимъ, до 2,000 верстъ). Въ среднемъ теченіи, правый (*луговой*) ея берегъ—пологій, а лѣвый (*нагорный*)—возвышенный и утесистый. На рисункѣ г. Полякова мы видимъ двѣ крестьянскія лодки, нагруженныя сельскими продуктами на продажу, пересѣкающія рѣку на перегонки. Вдали Волжско-Камскій пароходъ. Надъ рѣкою несется въ нитку стая дикихъ гусей.

Гульманъ (Semnopithecus entellus).

(Рис. на стр. 745).

Гульманъ или Гануманъ весьма распространенъ въ Индостанѣ, а въ передней Индіи ему воздаютъ даже большія почести, такъ какъ онъ играетъ видную роль въ религіи индусовъ. Онъ принадлежитъ къ красивѣйшимъ и умнѣйшимъ породамъ обезьянъ. Основной цвѣтъ его шерсти желтовато-бѣлый, на обнаженныхъ мѣстахъ темно-фіолетовый; покрытыя шерстью части лица, рукъ и ногъ черныя; короткая борода—желтоватаго цвѣта. Обезьяна эта встрѣчается лишь по сю-сторону Ганга и Джумны и никогда не попадается на Гималаяхъ, повсюду находится подъ охраной населенія и потому сильно размножается. Во многихъ городахъ, напр. въ священномъ Бенаресѣ, она до того многочисленна, что становится истиннымъ бичемъ обывателей, но тѣмъ не менѣе почитается за священное животное. По свидѣтельству древне-индійской легенды, однажды великанъ Рава похитилъ Ситу, супругу Шри-Рамы, и увелъ ее въ свое жилище на островѣ Цейлонѣ. Ганyманъ, праотецъ всѣхъ нынѣ живущихъ гульмановъ, изображаемый въ легендѣ разумнымъ, полу-человѣческимъ, полубожественнымъ существомъ, освободилъ ее изъ заточенія и возвратилъ супругу. Далѣе сага гласитъ, что онъ укралъ въ саду великана роскошнѣйшій плодъ Юга, манго, и далъ его въ даръ людямъ. За эту кражу онъ былъ осужденъ на сожженіе, но успѣлъ погасить костеръ, причемъ ему только опалило ноги, руки и лицо, которыя и остались навсегда черными. Почтеніе къ нему, впрочемъ, основано не столько на этихъ миѳическихъ заслугахъ, сколько на вѣрѣ въ переселеніе душъ, по которой люди плохой нравственности по смерти рождаются вновь обезьянами. Гульманы кротки, общительны и довѣрчивы, но при этомъ большіе лакомки и воришки, нападаютъ на сады и даже пробираются въ дома, гдѣ отъ нихъ ничего не укроется. Поэтому европейцы и магометане терпѣть ихъ не могутъ; индусы же настроили имъ множество храмовъ съ садами, гдѣ ихъ питаютъ и холятъ, а также больницъ, въ которыхъ ухаживаютъ за больными животными.

Угольныя копи острова Сахалина.

(Рис. на стр. 748).

Изслѣдованія острова Сахалина, до настоящаго времени, производились весьма поверхностно и только въ тѣхъ частяхъ его, доступъ куда не представлялъ особенныхъ затрудненій. Сѣверная-же часть острова, въ которой послѣ непроходимой тайги и громадныхъ торфяныхъ залежей, начинается болотистая почва — совершенно не изслѣдована.

Угольныя копи находятся въ средней части Сахалина и расположены между постами Александровскъ и Дуэ, на самомъ берегу моря. Рисунокъ 1 показываетъ расположеніе входовъ въ шахты, которыя размѣщены на склонѣ крутой горы. Всѣхъ входовъ, а слѣдовательно и угольныхъ слоевъ, — три. Первый входъ *A* расположенъ выше уровня воды на 25 фут. Выше *A* идетъ входъ *B* и еще выше *C*. Всѣ эти три шахты имѣютъ внутреннее сообщеніе. Слой угля доходитъ до пяти четвертей. Уголь, добытый въ верхней шахтѣ, спускается, какъ видно на рисункѣ, въ вагонеткахъ по наклонному рельсовому пути при помощи безконечной цѣпи; изъ нижнихъ-же шахтъ уголь вывозится прямо на *дворики* (склады), которыхъ высота подходящая.

На рис. 2 изображенъ „Общій видъ расположенія двориковъ и пристани“. Дворикомъ называется небольшое четырехугольное пространство, огражденное массивною бревенчатою стѣною. Около самой земли въ боковой стѣнкѣ дѣлаются небольшія дверцы. Добытый уголь высыпается въ эти дворики и сохраняется въ нихъ впредь до прихода парохода.

Такъ какъ у пристани слишкомъ мало воды, то приходится уголь, взятый изъ двориковъ, грузить сперва на баржу, а затѣмъ уже съ баржи на пароходъ.

Рис. 3 представляетъ тѣ-же дворики сверху. Здѣсь ясно видно, что добытый уголь въ тачкахъ по рельсовому пути, проложенному по верху двориковъ, перевозится и высыпается. Каждый дворикъ вмѣщаетъ въ себѣ около 70,000 пудовъ.

Угольныя копи эти арендуются компаніею „Общество Сахалинъ“. Согласно контрактному условію, мѣстное тюремное начальство обязано доставлять Обществу ежедневно 400 человѣкъ ссыльно-каторжныхъ рабочихъ за условленное контрактомъ вознагражденіе. Эти 400 человѣкъ арестантовъ сортируются на работы слѣдующимъ образомъ: *крѣпильщики*, *забойщики*, *саночники*, *вагонщики* и *сортировщики*. Въ крѣпильщики выбираются самые опытные и смышленые, ихъ обязанность—ставить подпоры и скрѣпы въ томъ пространствѣ, гдѣ уже вырубленъ уголь; отъ качества ихъ работы зависитъ безопасность дальнѣйшей разработки пласта. Забойщики откалываютъ отъ пластовъ куски угля, и чѣмъ рабочій опытнѣе, тѣмъ онъ большей величины куски будетъ откалывать, что весьма важно, такъ какъ вслѣдствіе частыхъ нагрузокъ и перегрузокъ уголь дробится и чѣмъ меньше кусокъ, тѣмъ скорѣе онъ превращается въ порошокъ. Такъ напр., во Владивостокѣ, на складѣ „Общества Сахалинъ“, уголь весь превращенъ въ порошокъ. То, что откалывается забойщиками, принимается саночниками, которые на санкахъ спускаются по наклоннымъ плоскостямъ (внутри шахты) и передаютъ этотъ уголь вагонщикамъ, которые по рельсовому пути вывозятъ его наружу до самыхъ двориковъ, гдѣ и высыпаютъ. Высыпанный уголь по дворикѣ сортировщиками очищается отъ посторонныхъ примѣсей.

При такомъ распредѣленіи рабочихъ добывается ежедневно отъ 3 до 4 тысячъ пудовъ угля, и въ теченіе зимы всѣ дворики наполняются углемъ, дабы лѣтомъ можно было безпрепятственно переправлять его пароходами во Владивостокъ, гдѣ онъ продается на коммерческіе пароходы.

Количество ссыльно-каторжныхъ рабочихъ, принятыхъ „Обществомъ Сахалинъ“:

за 1886	годъ	было всего	130,635	человѣкъ.
„ 1887	„	„	122,148	„
„ 1888	„	„	119,623	„

Постепенное уменьшеніе числа рабочихъ ссыльно-каторжныхъ объясняется пріемомъ на рудничныя работы ссыльныхъ поселенцевъ (водворенныхъ на островѣ по отбытіи срока каторги), что для нихъ составляетъ довольно важное подспорье при отсутствіи другихъ отхожихъ промысловъ.

Первое время „Общество Сахалинъ“ не всецѣло серьезно отнеслось къ своему предпріятію, почему уголь доставлялся во Владивостокъ въ видѣ порошка и не очищенный. Кромѣ того уголь, который добывался Обществомъ, года три тому назадъ, вслѣдствіе сланцевыхъ прослоевъ въ пластахъ, стоялъ много ниже угля, добываемаго на японскихъ Токасимскихъ копяхъ. По всѣмъ вышеизложеннымъ причинамъ, уголь сахалинскій и не могъ пробить себѣ дорогу далѣе Владивостока,

да и здѣсь онъ сбывался въ очень ограниченномъ количествѣ. Но за послѣдніе два года Общество приступило къ разработкѣ новыхъ пластовъ и стало получать довольно чистый уголь и очень хорошаго качества, а также обращено больше вниманія на способъ его добыванія. Этотъ уголь превосходитъ токасимскій, благодаря чему сталъ появляться не только во Владивостокѣ, но и въ Китаѣ. Русскія и иностранныя суда, плавающія во Владивостокъ, дѣлали запасы угля въ Японіи; теперь эти-же пароходы наполняютъ свои угольныя ямы сахалинскимъ углемъ. Общество предсказываетъ своему углю большую будущность и намѣревается открыть складъ въ Шанхаѣ.

Оттенсонъ.

Гюи-де-Мопассанъ. (Портр. на стр. 749).

Къ числу самыхъ популярныхъ писателей не только во Франціи, но и за предѣлами ея, принадлежитъ французскій романистъ и поэтъ Анри-Рене-Альбертъ Гюи-де-Мопассанъ. Его небольшіе разсказы, бойко и тонко написанные, доставили ему извѣстность, которую затѣмъ поддержали и увеличили его позднѣйшія произведенія, болѣе серьезныя и значительныя по объему. Уроженецъ Нормандіи, онъ двадцатилѣтнимъ юношей принималъ горячее участіе, какъ простой солдатъ, въ франко-прусской войнѣ. Вскорѣ затѣмъ онъ началъ писать, но получилъ нѣкоторую извѣстность только послѣ того, какъ былъ введенъ въ кружокъ литераторовъ Густавомъ Флоберомъ, къ школѣ котораго онъ примкнулъ. Первымъ обратившимъ на себя вниманіе твореніемъ молодаго писателя былъ разсказъ „Boule de suif", помѣщенный въ 1880 г. въ сборникѣ „Soirée de Médan". Въ напечатанныхъ въ томъ же сборникѣ стихахъ, онъ явился недурнымъ лирикомъ, мастерски владѣющимъ стихотворною формою.

Дальнѣйшія его произведенія еще болѣе упрочили за нимъ репутацію изящнаго повѣствователя, которую онъ особенно оправдалъ въ своихъ фельетонахъ, на страницахъ Gaulois. Изъ его болѣе крупныхъ произведеній обращаютъ на себя вниманіе: „Clair de lune", его первый большой романъ, и его послѣдняя работа „Notre Coeur".

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Августѣйшими Дѣтьми, Н. И. В. Вел. Кн. Георгіемъ и Михаиломъ Александровичами и Вел. Княж. Ксеніею Александровною, 5 іюля, изволили возвратиться въ Петергофъ. 6 іюля, въ 3 часа пополудни, Ихъ Величества изволили посѣтить на Знаменкѣ Е. В. Княгиню Милену Черногорскую.

— Е. И. В. Вел. Кн. Николай Николаевичъ Старшій, 8 іюля, выѣхалъ изъ Петербурга въ гор. Варшаву и Волынскую губ.

— Изъ Севастополя телеграфируютъ, что королева Эллиновъ отбыла на пароходѣ „Эрикликъ" въ Константинополь.

Морское дѣло.

— Въ Севастопольскій портъ, 9 іюля, прибылъ новый минный крейсеръ „Казарскій". Вскорѣ ожидаются два миноносца „Адлеръ" и „Анакрія", построенные на заводѣ Шихау. Скорость хода крейсера 22 узла въ часъ, а миноносцевъ свыше 23 узловъ.

— Изъ Чарджуя пишутъ, что тамъ торжественно похоронили помощника капитана парохода аму-дарьинской флотиліи „Царь", лейтенанта Саблина, тяжело раненаго 1 іюля при взрывѣ котла паровой пароходной лебедки. Покойный Саблинъ геройски бросился спасать своихъ матросовъ и пострадалъ болѣе ихъ всѣхъ. Несчастье случилось во время слѣдованія парохода изъ Чарджуя въ Керки.

Промышленность.

Въ газетѣ *Владивостокъ* сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности капитана А. Г. Дыдымова, поставившаго себѣ цѣлью развить на новыхъ началахъ отечественный китовый промыселъ у русскаго восточнаго побережья Тихаго океана. Выйдя изъ Владивостока 14 декабря минувшаго года, когда бухта покрылась уже сплошнымъ льдомъ, китоловный пароходъ капитана Дыдымова „Геннадій Невельской" спустился на югъ Японскаго моря и на параллели залива Броутона, къ 29 декабря, уже убилъ четырехъ китовъ. Имѣя въ трюмѣ сопровождавшей его шхуны грузъ отъ трехъ китовъ, раньше убитыхъ имъ въ заливѣ Америка, китобой провелъ шхуну въ Нагасаки, гдѣ сдалъ грузъ, и, затѣмъ, 22 января текущаго года вновь былъ на промыслѣ въ Японскомъ морѣ, а къ 19 февраля въ трюмѣ шхуны „Надежда" уже насчитывалось еще 8 китовъ, заставившихъ бросить охоту и идти въ Нагасаки. Въ третій выходъ, съ 6 по 22 марта, было убито еще 8 китовъ. Такимъ образомъ, несмотря на то, что ни самъ руководитель предпріятія, ни команда парохода, только что набранная имъ изъ состава матросовъ Сибирскаго экипажа, не были вполнѣ подготовлены къ этому дѣлу, въ результатѣ четырехъ-мѣсячнаго пробнаго промысла, капитанъ Дыдымовъ пріобрѣлъ 23 кита, давшихъ ему до 12,000 пудовъ просоленнаго жира и 5 тоннъ китоваго уса. Хотя сбытъ продуктовъ промысла не организованъ еще вполнѣ, тѣмъ не менѣе за всѣ 12,000 п. жиру было выручено, безъ всякихъ затрудненій, около 14,000 долларовъ, а за 5 тоннъ уса, по посланнымъ въ Лондонъ образцамъ, заочно предлагали по 190 фунтовъ стерлинговъ за тонну. Слѣдовательно, за покрытіемъ расходовъ по содержанію парохода и шхуны, предпріятіе въ четыре мѣсяца дало чистой прибыли до 20,000 руб.

Наука.

— Въ Маргеланѣ получены слѣдующія свѣдѣнія объ ученой экспедиціи капитана Громбчевскаго. Дальнѣйшему движенію экспедиціи въ глубь Тибета китайскія власти оказали энергическое сопротивленіе. Экспедиція была задержана въ Полу, войска окарауливали дорогу, населенію было приказано разбѣгаться въ горы, запрещено что-либо продавать и наниматься въ проводники экспедиціи. Китайцы требовали, чтобы экспедиція немедленно вернулась въ Кашгаръ, и угрожали насиліемъ. Экспедиція — въ отчаянномъ положеніи, всѣ отпущенныя средства и занятая крупная сумма израсходованы на сборы, оставалось еще сдѣлать передъ выступленіемъ послѣднія покупки и запасы. Громбчевскій, утомленный притѣсненіями китайцевъ, дѣйствующихъ по наущенію живущихъ въ Кашгарѣ англійскихъ офицеровъ, и видя, что всѣ труды послѣднихъ мѣсяцевъ должны пропасть безслѣдно, что значительная часть Тибета, не входящая въ районъ изслѣдованія Пѣвцова, должна остаться, попрежнему, неизвѣстною, рѣшился, рискуя жизнью и судьбою экспедиціи, на отчаянное средство. На послѣднія деньги, подкупивъ населеніе и не закончивъ сборовъ, безъ проводника, онъ двинулся въ ночь на 5 мая изъ Полу въ глубь неизслѣдованной пустыни.

— Омскъ посѣтилъ, проѣздомъ въ Западный Китай, извѣстный синологъ, проф. китайскаго и маньчжурскаго языковъ въ Петербургскомъ университетѣ, академикъ, тайный совѣтникъ В. П. Васильевъ, командированный, съ научною цѣлью, Императорскою Академіею Наукъ. Изъ Омска В. П. Васильевъ поѣдетъ сначала въ Чугучакъ, потомъ горами въ Кульджу, затѣмъ въ Вѣрный, а оттуда вернется въ Россію черезъ Ташкентъ и Самаркандъ, по Закаспійской желѣзной дорогѣ. Цѣль поѣздки — ознакомленіе съ языкомъ и внѣшнимъ бытомъ различныхъ народностей, населяющихъ пограничныя мѣстности Западнаго Китая (маньчжуры, солоны, дунгане и др.).

Пути сообщенія.

— 11 іюля, командированный министерствомъ Путей Сообщенія инженеръ Герсевановъ окончательно принялъ отъ подрядчика французской компаніи вновь углубленный въ Керченскомъ проливѣ каналъ.

— У Костромы Волга сильно обмелѣла. Пароходы опаздываютъ на 10 и болѣе часовъ. У Рыбинска вода въ Волгѣ убываетъ по вершку, на нѣкоторыхъ перекатахъ воды $4^1/_2$ четверти; пассажирскіе пароходы проходятъ съ трудомъ. Въ Пиловицахъ воды три четверти съ вершкомъ. Въ Нижнемъ-Новгородѣ на Волгѣ спадъ воды достигаетъ крайнихъ предѣловъ: между Нижнимъ и Казанью на Нижне-Телячьемъ перекатѣ воды 6 четвертей, выше Нижняго-Новгорода на Кочергинскомъ перекатѣ $5^1/_2$ четвертей.

Изъ губерній и областей.

— Въ Слонимѣ, 5 іюля, страшный ураганъ разрушилъ много деревянныхъ строеній, вырвалъ въ садахъ деревья и столѣтніе тополи. Ураганомъ повреждено и разрушено 116 домовъ; убитыхъ 9 человѣкъ; раненыхъ до 50 человѣкъ, одинъ умеръ.

— Городъ Ветлуга 9 іюля уничтоженъ пожаромъ. Сгорѣли соборъ, городская управа, общественный банкъ, ряды, женское училище, аптека, десять кварталовъ домовъ и почтовое учрежденіе. Убытки громадные. Причиною пожара было неосторожное обращеніе съ огнемъ.

Некрологъ.

— 1 іюля скончался попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа, генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Иванъ Петровичъ Новиковъ.

— Въ Витебскѣ, 6 іюля, въ лагерѣ Ленкоранскаго пѣхотнаго полка, во время стрѣльбы, нечаяннымъ выстрѣломъ изъ револьвера убилъ себя наповалъ командиръ этого полка, полковникъ М. В. Савеловъ.

— 9 іюля, скоропостижно скончался въ СПБ. вице-директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ званіи камергера, Николай Петровичъ Золотницкій.

Политическое обозрѣніе.

Затишье охватило политическую жизнь въ Европѣ. Хотя сессіи англійскаго парламента и французской палаты депутатовъ, затянувшись необычно долго, продолжаютъ заниматься текущими вопросами, но послѣдніе касаются преимущественно внутренней государственной жизни Англіи и Франціи, разрѣшаются спокойно и общеевропейскаго значенія не имѣютъ. Тѣмъ болѣе привлекаютъ къ себѣ вниманіе событія послѣдняго времени на Юго-Востокѣ, несмотря на всю скудность свѣдѣній о нихъ. Въ Бѣлградѣ, вслѣдъ за постановленіемъ кассаціоннаго суда, которое превратило Милана Обреновича изъ „простаго" гражданина въ члены царствующаго дома, появилось новое постановленіе, измѣняющее и семейное

Каменноугольныя копи на о. Сахалинѣ. Общій видъ расположенія двориковъ и пристани въ Семеновскомъ рудникѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Каменноугольныя копи на островѣ Сахалинѣ. Общій видъ расположенія двориковъ и пристани въ Семеновскомъ рудникѣ (сверху). Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

Входы (А, В, С) въ шахты Семеновскаго рудника на островѣ Сахалинѣ. Съ фот. грав. М. Рашевскій.

положеніе бывшаго короля. Вслѣдствіе ходатайства королевы, архіерейскій соборъ, въ предсѣдательствѣ митрополита, разсмотрѣвъ бракоразводное дѣло, вручилъ королевѣ актъ, которымъ разводъ признанъ незаконнымъ. Вслѣдъ затѣмъ Миланъ лично явился къ митрополиту и, послѣ бурной сцены, настоялъ на выдачѣ, за единоличною подписью митрополита, документа, коимъ обѣщается не дѣлать пересмотра бракоразводнаго дѣла по существу. Насколько эти перемѣны повліяютъ на образъ дѣйствій Милана и его сторонниковъ покажетъ будущее, но политика бывшаго короля и напреднякской партіи хорошо извѣстна по прошлымъ годамъ и оцѣнена по достоинству. Еще недавно на радикальномъ съѣздѣ Пашичъ произнесъ рѣчь, въ которой констатируетъ разореніе и униженіе, причиненныя антинаціональною и хищнической политикою Милана и напредняковъ. Нынѣ, благодаря полной солидарности регентовъ, министерства и народа, Сербія снова де выведена на традиціонный путь и постепенно освобождается отъ иноземной экономической кабалы. Единодушная Сербія, не затрогивая ни чьихъ правъ, отстаивая лишь собственную независимость и православную вѣру, никого не боится. Симпатіи Русскаго народа нынѣ де на сторонѣ Сербіи. Рѣчь произвела громадное впечатлѣніе. Съѣздъ выразилъ вѣрноподданническія чувства королю Александру и благодарность регентамъ. Ристичъ благодарилъ радикаловъ за патріотическія стремленія.

Въ Болгаріи, пока Фердинандъ отсутствуетъ и совѣщается о своемъ здоровьѣ и будущемъ пребываніи среди „возлюбленнаго“ болгарскаго народа, Стамбуловъ разъѣзжаетъ по странѣ, произноситъ рѣчи и всячески старается хлопотать о себѣ и лже-князѣ. Слухи объ отреченіи князя онъ дѣятельно опровергаетъ, вполнѣ увѣренный въ выборѣ Фердинанда Кобургскаго между благоразуміемъ родственниковъ и собственнымъ честолюбіемъ. Мало того, желая добиться во что бы то ни стало признанія принца законнымъ княземъ Болгаріи со стороны турецкаго правительства, онъ пускается на происки, которые должны не особенно польстить блестящей Портѣ. Такъ вслѣдъ за постановленіемъ о македонскихъ епископахъ, Стамбуловъ обратился къ великому визирю по телеграфу съ просьбою выразить султану, отъ имени болгарскихъ правителей, благодарность за разрѣшеніе вопроса о болгарскихъ епископахъ въ Македоніи и обѣщать ему поддержку Болгаріи на случай, если въ томъ встрѣтится надобность. Кромѣ того, онъ просилъ заявить, что болгарскія газеты восхваляютъ султана за его мудрость и справедливость. Хотя эти бераты объ епископахъ не представляютъ непосредственнаго интереса для Болгаріи, а въ этомъ вопросѣ, какъ замѣчаетъ аѳинская газета *Акрополисъ*, особенно заинтересована Сербія, тѣмъ не менѣе Стамбуловъ счелъ своею необходимостью подластиться въ Константинополѣ. Оно становится понятнымъ, если вѣрить извѣстію *Times*, сообщающей, что 5 іюля болгарскій агентъ Вулковичъ вручилъ Портѣ ноту, въ которой софійскіе правители просятъ отвѣта каковъ бы онъ ни былъ—на прежнюю ноту относительно признанія принца Кобургскаго болгарскимъ княземъ. Ранѣе этой ноты подана была другая, въ которой заявлялось, что болгарскіе правители, посылая первую ноту, отнюдь не имѣли въ виду грозить Портѣ и сожалѣютъ, что Порта придала ей именно характеръ угрозы.

На-дняхъ органъ князя Бисмарка, газета *Hamburger Nachrichten*, обсуждая внѣшнее положеніе дѣлъ, указываетъ на то, что удаленіе принца Кобургскаго отъ управленія Болгаріею послужило бы къ обезпеченію мира и что осложненій можно было бы опасаться только въ томъ случаѣ, если бы Порта отказалась отъ мудрой политики, которой держалась донынѣ, и склонилась бы на увѣщанія сдѣлаться орудіемъ противниковъ Россіи, стоящихъ за спиною Стамбулова. Далѣе газета говоритъ, что если бы Германія взяла на себя защиту австрійскихъ интересовъ на Балканскомъ полуостровѣ, то тѣмъ самымъ она, вслѣдствіе ухудшенія отношеній ея къ Россіи, поставила бы себя въ зависимость отъ Австріи. Сообщеніе это, конечно, не пришлось по вкусу въ Австріи и газеты сильно заинтересованы, насколько причастенъ къ этой статьѣ бывшій канцлеръ. *Пештскій Ллойдъ* заявляетъ, что нападенія этой газеты направлены прямо противъ тройственнаго союза. „Написано это—прибавляетъ *Ллойдъ* — княземъ Бисмаркомъ и отставка его оправдывается обстоятельствами“.

Гюи-де-Мопассанъ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Въ Римѣ, 4 іюля, папа, въ сопровожденіи конюшихъ и дворянскихъ гвардейцевъ, выѣхалъ въ экипажѣ изъ воротъ Ватикана, выходящихъ на улицу Фондамента, и вернулся въ Ватиканъ черезъ ворота, выходящія на улицу Музеевъ. Итальянскій часовой сдѣлалъ на караулъ, нѣсколько рабочихъ преклонили колѣна. Газеты обсуждаютъ этотъ фактъ, съ 1870 г. ни разу не случившійся, и придаютъ выѣзду папы изъ Ватикана великое значеніе. Въ *National Zeitung* телеграфируютъ, что когда сопровождавшее папу лицо замѣтило, что придется проѣхать по итальянской территоріи, папа отвѣтилъ, что было бы хуже, еслибъ пришлось ѣхать по турецкой.

Смѣсь.

Странный обычай существуетъ среди жителей города Алешекъ, Таврической губерніи, Днѣпровскаго уѣзда, гдѣ на лѣвомъ берегу Днѣпра этнографъ Эварницкій производилъ свои изслѣдованія на мѣстѣ Запорожской Сѣчи, Алешковской. По его словамъ, между жителями Алешекъ и ближайшихъ къ городу селъ женитьба рака представляетъ весьма распространенный обычай и является своего рода культомъ. Эта женитьба происходитъ обыкновенно на праздникъ Петра и Павла, 29-го іюня. Въ рѣкѣ ловятъ рака и рачиху и одѣваютъ перваго въ мужское платье, а послѣднюю въ женское съ цвѣтами и лентами, вѣнчаютъ вокругъ стола и въ заключеніе пьютъ водку, играютъ на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ, поютъ свадебныя пѣсни и танцуютъ. Трудно объяснить настоящее значеніе этого обычая: изъ того, что онъ существуетъ только у прибрежныхъ жителей, какъ кажется, можно заключить о связи его съ рыболовнымъ промысломъ ихъ, быть-можетъ женитьбой рака жители желаютъ, такъ сказать, обезпечить на будущее время его плодородіе, а чрезъ это и свое благосостояніе. (в.)

Своеобразная игра природы. Нѣкая графиня Кенигсдасеръ, жившая въ началѣ прошлаго столѣтія въ Грацѣ, обладала, по разсказамъ современниковъ, замѣчательнымъ свойствомъ, которому трудно было бы дать вѣру, еслибы не многочисленныя, вполнѣ уважаемыя свидѣтельства. Графиня, имѣвшая нѣсколькихъ сыновей и дочерей, не могла переносить вида своихъ дѣтей. Какъ только, по рожденіи, къ ней приносили ребенка, она впадала въ глубокій обморокъ, и такъ какъ это повторялось при каждой новой попыткѣ, то ничего болѣе не оставалось, какъ воспитывать дѣтей вдали отъ матери.

Одинъ изъ ея сыновей, никогда не видавшій свою мать, поступилъ въ военную службу. Когда, послѣ долголѣтняго отсутствія, онъ вернулся въ родительскій домъ, отецъ хотѣлъ еще разъ повторить опытъ. Онъ представилъ сына, какъ посторонняго офицера; графиня приняла его вполнѣ непринужденно, но не успѣла она обмѣняться съ нимъ нѣсколькими словами, какъ упала въ обморокъ и пришла въ себя только послѣ того, какъ сына удалили. Такъ какъ второй опытъ оказался столь-же неудачнымъ, то приходилось мириться съ фактомъ, и такимъ образомъ дѣти, до самой смерти, оставались чужими своей матери. (с.)

Въ Крыму, по сообщенію одной изъ южныхъ газетъ, найдена недавно катакомба въ хребтѣ, идущемъ надъ татарской слободкой Керчи. Находится она на глубинѣ двухъ саженей подъ землей и состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Расписана она фресками, представляющими Гермеса, крылатыхъ геніевъ и сцену изъ домашней жизни. Довольно интересная вещь здѣсь — это надпись, которая въ переводѣ гласитъ слѣдующее: „Это святилище устроилъ для себя Соракъ, который не выбросилъ ничьей кости и заклинаетъ, чтобы его кости не грабили и не оскверняли“. Тѣмъ не менѣе катакомба эта найдена уже ограбленною. (в.)

Оригинальное научное общество возникло въ Чикаго. Оно состоитъ изъ дамъ и кавалеровъ *цвѣтной кожи*. (в.)

Наполеоновскій бюллетень 1812 г. Когда Наполеонъ 1, во время своего плачевнаго отступленія, прибылъ въ Сморгонь, въ 16-ти часахъ разстоянія отъ Вильны, начальникъ штаба доложилъ ему, что пора выпустить бюллетени, такъ какъ ни Франція, ни остальная Европа не знаютъ объ опасномъ положеніи арміи, скрывать которое долѣе нѣтъ возможности. Наполеонъ согласился. Вся потеря была по возможности равномѣрно распредѣлена между полками; когда-же Іоахимъ Мюратъ, король Неаполитанскій, спросилъ какимъ образомъ показать колоссальную потерю кавалеріи, которая существовала лишь на бумагѣ, императоръ сталъ задумчиво ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Наконецъ онъ остановился. „Сегодня страшный холодъ, сказалъ онъ, — пусть она замерзнетъ вся въ эту ночь!“ И такимъ образомъ, по приказанію императора, кавалерія, погибшая уже на пути въ Россію, замерзла въ одну эту ночь. Удивительнѣе всего, что большая часть публики повѣрила этой баснѣ. Лица, вполнѣ уважаемыя, разсказывали, что слышали отъ очевидцевъ, какъ цѣлая колонна — въ тридцать тысячъ человѣкъ! — замерзла вмѣстѣ съ лошадьми... Колонна была яко-бы выстроена противъ непріятеля и когда, на слѣдующее утро, явился главноначальствующій, чтобы сдѣлать ей смотръ, онъ нашелъ кавалерію выстроенную, но — мертвую... (с.)

Столовая утварь Англійской королевы, хранящаяся въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ, съ несгораемыми желѣзными стѣнами, представляетъ собою цѣнность въ 20 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (200 милл. рублей). Сюда относится парадный сервизъ Георга IV, на 130 персонъ, съ принадлежащимъ къ нему холодильникомъ для шампанскаго, съ хрустальными стѣнками и такой величины, что въ немъ могутъ искупаться два человѣка. Есть также множество вещей со временъ королевы Елизаветы и великолѣпнѣйшіе экземпляры изъ Индіи, Китая и Бирмы. Къ замѣчательнѣйшимъ рѣдкостямъ слѣдуетъ отнести чашку для кофе Шведскаго короля Карла XII и столовый орнаментъ временъ Георга III, — цѣнностью въ 40,000 ф. ст. Онъ имѣетъ форму павлина, тѣло и хвостъ котораго сдѣланы изъ массивнаго золота и украшены жемчугомъ, изумрудами, брилліантами и рубинами. А также—голову тигра въ натуральную величину изъ массивнаго серебра, съ хрустальными глазами и золотымъ языкомъ. Тридцать дюжинъ тарелокъ временъ Георга IV представляютъ цѣнность въ 10,000 ф. ст. Стѣны сокровищницъ также убраны оружіемъ величайшей цѣнности, какъ вещественной, такъ и художественной. (с.)

Расхищеніе археологическихъ сокровищъ. Самовольныя раскопки древнихъ могильниковъ и торговля извлекаемыми изъ нихъ археологическими рѣдкостями въ Чечнѣ и сѣверной Осетіи, по словамъ кавказскихъ газетъ, принимаютъ все большіе размѣры. Теперь осетины и чеченцы уже не поджидаютъ пріѣзда иностранныхъ ученыхъ и путешественниковъ, чтобы выгодно сдать имъ археологическія рѣдкости, а спѣшатъ продать ихъ первому встрѣчному спекулятору. Недавно одинъ изъ такихъ спекулянтовъ выгодно пріобрѣлъ у осетинъ Алагирскаго общества большую коллекцію рѣдкостей, извлеченныхъ изъ древнихъ могильниковъ Ардонскаго и Валаджирскаго ущелій. Украшеніе этой коллекціи, заключающей въ себѣ болѣе 1,000 отдѣльныхъ предметовъ бронзоваго вѣка и переходной эпохи отъ этого послѣдняго къ желѣзному, кромѣ золотыхъ, серебряныхъ вещей и монетъ, покрытыхъ надписями и рисунками, между прочимъ, составляютъ и 2 цѣльныхъ, хорошо сохранившихся бронзовыхъ шлема ассирійской формы (коническіе), бронзовые сосуды въ видѣ вазъ, цилиндровъ и шара, небольшія печатки, представляющія довольно изящно исполненное изваяніе тигра съ поджатыми лапами, фибулы, самой разнообразной формы булавки, колокольчики, дротики, стрѣлы, копья, принадлежности лошадиной сбруи и проч. Тамъ-же имѣются и каменные топоры, нѣсколько острыхъ кремневыхъ стрѣлъ, какія-то фигурки, выточенныя изъ камня и кости и быть-можетъ игравшія роль амулетовъ, и большой клыкъ мамонта съ отколотымъ концомъ у острія. Купившій коллекцію увѣряетъ, что подобныя пріобрѣтенія за ничтожную цѣну онъ дѣлалъ какъ на сѣверномъ Кавказѣ, такъ и въ Дагестанѣ. (в.)

Интересныя открытія сдѣланы въ имѣніи Е. И. В. Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны „Ай-Тодоръ“, гдѣ производились и производятся раскопки. По сообщенію крымскихъ газетъ, здѣсь открыты фундаменты древнихъ зданій, найдены монеты и другія вещи. Изъ монетъ обращаетъ на себя вниманіе монета съ надписью: „Sabina Augusta“, затѣмъ римскія монеты перваго вѣка и армянскія Тиграна. Для опредѣленія характера открытыхъ зданій въ Ай-Тодоръ вызывался телеграммою предсѣдатель таврической ученой архивной коммиссіи. (в.)

Жертвы моря. Въ Англіи опубликованы статистическія данныя, опредѣляющія число погибшихъ на торговыхъ и рыболовныхъ судахъ. Оказывается, что въ теченіе 10 лѣтъ море поглотило 30,000 человѣкъ. Самое большое число жертвъ, 3,512 человѣкъ, пришлось на 1882 годъ, а наименьшее — 2,071, на 1888 годъ. (в.)

Рѣшеніе задачи игры въ домино № 33 (помѣщ. въ № 23).

у В было:

изъ которыхъ три послѣдніе остались.

у С:

три послѣдніе остались.

у D:

два послѣдніе остались.

Въ талонѣ были:

Ходъ игры:

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: С. П. Соколова въ **Калугѣ**, М. Юрьева въ **Одессѣ** и М. Борисовскаго въ **Брюсселѣ**.

Рѣшеніе шарады № 34 (помѣщенной въ № 24).

„Балконъ“.

Въ пользу голодающихъ черногорцевъ въ контору журнала „Нива“ вновь поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: Неизвѣстнаго изъ Татарбунаръ—3 р., М. В. изъ Козельска 3 р. и Д. Е. Гончарова изъ Ростова на Дону—3 р.,—всего **9 руб.** (а съ прежде поступившими 104 р. 42 к.), каковая сумма сдана въ Хоз. Управл. Святѣйш. Синода по квитанціямъ за №№ 5,241 и 457.

Рѣшеніе шашечной задачи № 36 (помѣщенной въ № 24).

Бѣлыя.	Черныя.
1) d 4 — c 5	1) b 4 — d 6
2) f 4 — c 7	2) d 8 — b 6
3) f 6 — d 8	3) h 6 — d 2
4) e 1 — c 3	4) f 8 — h 6
	вар. â.
5) b 2 — a 3	5) a 5 — b 4
6) d 8 — a 5	6) b 4 — d 2
7) a 5 — c 1	7) a 7 — b 6
8) e 1 — a 5	8) h 6 — g 5
9) h 4 — f 6	9) b 6 — c 5
10) a 3 — b 4	10) c 5 — a 3
11) a 1 — b 2	шашка заперта.
	вар. b.
5)	5) b 6 — c 5
6) a 3 — b 4	6) c 5 — a 3
7) a 1 — b 2	7) a 7 — b 6
8) c 3 — d 4	8) b 6 — c 5
9) d 4 — b 6	9) a 5 — c 7
10) d 8 — a 5	10) h 6 — g 5
11) h 4 — f 6	шашка заперта.

Остальныя варіаціи понятны.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: Н. П. Смирнова въ **Москвѣ**, и С. П. Соколова въ **Калугѣ**.

Рѣшеніе шахматной задачи № 35 (помѣщен. въ № 24).

1) Л g 6 — g 2 Ф d 1 — g 4
2) Л a 3 — h 3+ куда угодно.
3) Л g 2 — h 2 или
С f 4 — g 5++

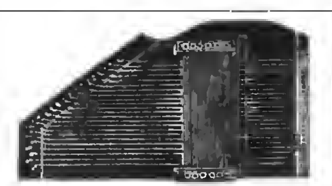
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Г.г.: **СПб.** — А. Сипиля, **Витебскъ** — Н. Зелькина, **Дисна** — М. Л. Кобленцъ, **Калуга** — С. П. Соколова, **Щучинъ** — Б. Бернштейнъ, **Ярославль** — Д. К. Крылова.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Прод. 160 д. удоб. чернозему, съ хоз. заaед. Козл. у., Тамб. г. Адр. Шехманская н. с. Тамб. г. **М. М. Тимофееву.** № 4631

ПИШУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.
Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**
Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ
НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ** цѣнамъ:
съ 3 недалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.
I. Ф. МЮЛЛЕРЪ
Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (32) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣлается скидка.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

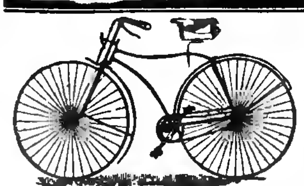
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.
LA VELOUTINE
Специальная рисово-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, *Parfumeur*, **9, rue de la Paix Paris.**
Ц. № 3767 (69)

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,
БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ,** въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19. *Вас. Аурихъ*

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., **бензоево мыло** 35 коп. и 50 коп. кусокъ, **опо помада** (лучше кольдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—10



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М. R. № 4587
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРЕЛЪ". (7)
Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО
„РОССІЯ"
ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное въ 1881 г.

Общество заключаетъ по умѣреннымъ преміямъ:

Страхованія пассажировъ отъ несчастныхъ случаевъ во время путешествія по желѣзнымъ дорогамъ, на пароходахъ, въ дилижансахъ и экипажахъ.

Страхованія отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти съ застрахованнымъ лицомъ во время путешествій, поѣздокъ, прогулокъ; при несчастьяхъ въ домахъ, храмахъ, фабрикахъ и театрахъ; при исполненіи служебныхъ обязанностей; **вообще вездѣ—дома и внѣ дома,** съ условіемъ возврата Обществомъ всѣхъ внесенныхъ премій или безъ таковаго. Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества.

Коллективныя страхованія служащихъ и рабочихъ **на фабрикахъ, заводахъ, постройкахъ и т. п.** отъ несчастныхъ случаевъ, могущихъ приключиться при исполненіи служебныхъ обязанностей.

Страхованія могутъ быть заключаемы въ Правленіи Общества въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ Агентствахъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

Страховые билеты по страхованію пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ выдаются также **на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, на пароходныхъ пристаняхъ** и въ главныхъ гостиницахъ въ городахъ Россійской Имперіи.

№ 4586 4 4

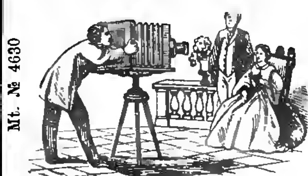
ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО
I. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи.
Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (28) № 4278

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софіи. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ коленкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.
Ром.-хрон. XVIII в. **Вс. Соловьева. Изданіе. 3-е.** СПБ. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.
ЦВѢТОЧНЫЙ
О-ДЕ-КОЛОНЪ
ИЗОБРѢТЕННЫЙ
БРОКАРЪ и К°.
№ 4620 7—1
Складъ фабрики: Офицерская, 5.

ЛУЧШАЯ ЗАБАВА НА ЛѢТО.



Mt. № 4630

ТОЛЬКО 10 руб.!
Настоящій фотографическій аппаратъ, не игрушка, коимъ каждый, даже ребенокъ, можетъ снимать съ натуры портреты, виды, ландшафты и пр., въ визитн. и кабинетную велич., съ пробн. снимк. и руководств. Перес. за 15 фунт. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій просп., 4.
Новый иллюстр. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (28) № 4287
Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Dépôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Pétersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.
FUMIGATEUR PECTORAL · CIGARETTES ESPIC

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ
МОЛОЧНАЯ МУКА
для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока
Паров. фабр. **БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ** въ СПБ.
Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ,**
Колокольная, 18 — 19, въ **С.-Петербургѣ.**
Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ: *Вас. Аурихъ*
Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.
Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4406 9—7

По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе,
МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.
ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.
ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ
ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.
Ц. 4541 10—8

Дозвол. цензур., СПБ., 18 іюля 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., № 1.

XXI г. № 30 — г. XXI 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 28 іюля 1890 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Лягушечій концертъ. Съ карт. Мари Ло, грав. Бонгъ

Стихотворенія

А. Фета.

Графинѣ С. А. Толстой.

I.

Гдѣ средь инаго поколѣнья
Намъ міръ такъ пустъ,
Ловлю усмѣшку утомленья
Я вашихъ устъ.

Мнѣ все сдается, миновали
Восторги розъ,
Цвѣты послѣдніе увяли,
Побилъ морозъ.

И безуханна, безпривѣтна
И та гряда,
Гдѣ распушилась, чуть замѣтна,
Лишь борозда.

Но знаю, въ воздухѣ нагрѣтомъ
Вотъ здѣсь со мной,
Цвѣты задышатъ прежнимъ лѣтомъ
И резедой.

II.

(Послѣ моего юбилея).

Пора! по влагѣ кругосвѣтной
Я въ новый міръ перехожу
И съ грустью нѣжной и завѣтной
На милый сѣверъ свой гляжу.

Я знаю, уносимъ волною,
Съ звѣздой полярною въ очахъ,
Что ты вдали горишь за мною
Въ твоей красѣ, въ твоихъ лучахъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

Крѣпышевъ былъ настоящій московскій типъ. Въ формальномъ и застегнутомъ на всѣ пуговицы Петербургѣ такіе невозможны. На чиновничьихъ чернилахъ ихъ не выпоишь и на ингерманландскихъ болотахъ не вырастишь... Крѣпышеву было уже 68 лѣтъ—но на его бѣлой отъ сѣдинъ львиной головѣ глаза горѣли юношескимъ блескомъ, губы улыбались такою наивною и доброю улыбкою, что, увидѣвъ ее разъ, всѣ понимали: нѣтъ въ цѣломъ мірѣ такой силы, которая въ этой прекрасной душѣ могла-бы угасить вѣру въ правду, надежду на будущее и любовь къ людямъ. Это былъ типъ стараго апостола—закрывавшаго глаза на все злое, но удивительно умѣвшаго всюду подмѣчать доброе и прекрасное. Онъ не говорилъ, а импровизовалъ... Начиналъ неувѣренно, робко, путался, смолкалъ—и опять нанизывалъ слово за словомъ; но вдругъ, какъ какой-то неудержимый вихрь, его подхватывалъ потокъ вдохновеннаго увлеченія — и Александръ Васильевичъ, сгорбившійся и ветхій, вдругъ молодѣлъ, выросталъ и каждое слово его, смѣлое, сильное, чудное, вызывало слезы на глазахъ слушателей, дѣлало ихъ добрѣе и лучше. Полный экстаза, дѣтски чистый, онъ наивно любилъ человѣка—какъ любятъ природу, какою-бы она ни являлась. Когда ему говорили о чьей-нибудь подлости — онъ негодовалъ и вдругъ гдѣ-то, на самомъ днѣ ея, выискивалъ незамѣтный другому глазу слабый проблескъ добра и правды, схватывался за него и, мучительно болѣя сердцемъ, кричалъ: „дайте разгорѣться этой искоркѣ, пусть она охватитъ падшую душу пожаромъ, вѣрьте— все нечистое, подлое сгоритъ въ немъ... Спасите человѣка! Нѣтъ такой лужи, какъ-бы она грязна ни была, въ которой не отразилось-бы солнце"... И окружающимъ казалось, что это солнце горитъ собственно въ его душѣ, въ душѣ этого молодаго старца, горячимъ свѣтомъ блещетъ въ его увлекательномъ словѣ и согрѣваетъ все охолодѣвшее, ожесточившееся, разъ оно обращается къ послѣднему. Крѣпышевъ не зналъ страха когда надо было дѣлать добро; отъ озлобленности его спасло чувство прекраснаго, никогда не разлучавшееся съ его душою.

Онъ встрѣтился со Сластеновымъ въ одномъ обществѣ... Кто-то разсказывалъ объ умиравшей съ голоду семьѣ стараго профессора... Вдругъ у Сластенова вырвалось: „Ужасно, ужасно!.. Всю жизнь человѣкъ работалъ, сѣялъ знаніе, служилъ наукѣ — чтобы потомъ гибло самое дорогое, что у него было: его жена, дѣти..." И вдругъ, не говоря ни слова, уѣхалъ къ себѣ и послалъ вдовѣ чекъ на сумму, проценты съ которой обезпечивали ее и дѣтей.. Крѣпышевъ, самъ товарищъ покойнаго, но бѣднякъ, пріѣхалъ благодарить Василія Герасимовича — расплакался, обнялъ его и поцѣловалъ... Они разговорились. Вдругъ Сластенову пришло въ голову:

— Возьмите мою газету...

— Газету? изумился Крѣпышевъ.

— Да—газету...

— А вѣдь я думалъ—и въ головѣ Крѣпышева, являвшейся какою-то неистощимою лабораторіей мыслей, сейчасъ же сложился планъ о томъ, какое чудное вліяніе газета, ежедневная бесѣда съ громадною аудиторіей, можетъ имѣть на общество, на заскорузлое, эгоистическое, все охваченное заботою о грошѣ общество. Онъ вдругъ всталъ, совсѣмъ по-молодому прошелся изъ угла въ уголъ и остановился передъ Сластеновымъ, и глядя на него юношески восторженными глазами заговорилъ: „Знаете, мы напишемъ на нашемъ знамени..." И пошелъ, и пошелъ... Черезъ нѣсколько дней онъ явился въ редакцію—а слѣдомъ за нимъ свѣжей струей ворвался въ нее совсѣмъ иной духъ, очищающій. Какой-то отблескъ идеала легъ на все, что теперь выходило изъ-подъ пера его сотрудниковъ. Онъ всѣхъ заразилъ своимъ энтузіазмомъ... Подписка пошла. За Крѣпышевымъ явилось много новыхъ талантливыхъ силъ. Онъ такъ увлекъ всѣхъ, что даже Софія Стручкова (Текла Геліотропова тожь) стала причесываться и разъ атаковала его вопросомъ—извѣдалъ-ли онъ когда-нибудь высокое чувство раздѣленной любви...

Въ Крѣпышевѣ нравились даже его смѣшныя черты. Онъ былъ страшно разсѣянъ. Голова, вѣчно занятая великими идеями, мало думала о будничномъ и житейскомъ. Ему случалось ѣхать къ генералъ-губернатору и быть остановленнымъ на улицѣ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ.

— Александръ Васильевичъ... куда вы это въ столь странномъ костюмѣ?

— Какъ... во фракѣ, батенька.

— Фракъ-то фракъ... но ужь остальное слишкомъ полѣтнему... Положимъ, сегодня жарко.

И Александръ Васильевичъ только тутъ замѣчалъ неприличную неполноту своего одѣянія...

Часто когда къ нему приходили молодые писатели и спрашивали съ трепетно бьющимся сердцемъ:

— Прочли вы мою статью?

— Прочелъ, прекрасная статья... Слѣдуетъ вамъ работать... Очень хорошая статья... Гдѣ бишь она...

Онъ начиналъ рыться въ своемъ столѣ, обращая кабинетъ въ вавилонское столпотвореніе — статьи не находилось; но вдругъ умъ его озарялся и онъ дѣтски радостно улыбался...

— Представьте пожалуйста... Я вѣдь ею въ кухнѣ окно заткнулъ. Мавра, а Мавра... дай-ка ту рукопись, которою я окно заткнулъ.

Мавра приносила, Александръ Васильевичъ торжественно раскрывалъ ее, со словами: „я здѣсь на поляхъ сдѣлалъ отмѣтки...“ и вдругъ изумлялся...

— Нѣтъ... это мой переводъ испанскаго поэта Лопе-де-Вега... Великій драматургъ... здѣсь у него прекрасное мѣсто... „Честь женщины—поругана тобою, но я люблю, и въ сердцѣ у меня...“

— Позвольте, робко волновался юноша.—А моя рукопись?

— Какая ваша рукопись? уставлялся на него Крѣпышевъ.

— О которой вы только что говорили?

— Ни объ какой рукописи я не говорилъ.

Наконецъ онъ мало-по-малу возращался къ сознанію дѣствительности, и опять начинались поиски, призывалась та же неизбѣжная Мавра...

— Гдѣ рукопись? строго обращался онъ къ ней.

— Бумаги, что-ли...

— Ну да... Въ кружокъ свернутыя...

— Въ красной обложкѣ, робко вставлялъ юноша.

— Въ красной? радовалась Мавра.—Ну, такъ въ красной вы вчера сапожнику послали.

— Что—о!

— Сапожнику...

— Какому сапожнику? растерянно пучилъ глаза Крѣпышевъ, ничего не понимая.

— Сиклитонову! начинала уже раздражаться Мавра.

— Да я ему долженъ былъ деньги послать, а не рукопись. Зачѣмъ сапожнику рукопись?

— А ужь это я не знаю... Сказали: отнеси... я и отнесла. И Сиклитоновъ удивился. „Впрочемъ, говоритъ, оставь, я почитаю въ праздникъ когда“. Можетъ что антиресное, баринъ даромъ бы не послалъ.

И Александръ Васильевичъ безпомощно хлопалъ глазами и вдругъ огорошивалъ посѣтителя:

— Ну такъ вотъ видите, значитъ она у сапожника... и отлично... А теперь мы съ вами почитаемъ Шекспира...

Вмѣсто Петербурга, ему случалось пропутешествовать въ Орелъ, вмѣсто одного дома—попасть въ другой. Разъ онъ, приглашенный на купеческую свадьбу — ошибся домомъ, улицей и кварталомъ, съ удовольствіемъ провелъ вечеръ, долго на прощанье жалъ руку молодому, вдругъ порывисто обнялъ и поцѣловалъ его и на его вопросъ какъ ему понравилась молодая, съ ясною улыбкой отвѣтилъ:

— Уродъ, знаете, но вѣрно доброе сердце... У такихъ всегда доброе сердце...

Часто, когда у него собирались гости, онъ вдругъ соображалъ, что „хозяину“ пора спать, вставалъ не замѣчая что онъ у себя, шелъ въ переднюю, прощаясь, надѣвалъ шубу, уходилъ впередъ куда глаза глядятъ, задумывался, шелъ-шелъ, потомъ, почувствовавъ усталость, бралъ извозчика, говорилъ ему свой адресъ, и подъѣзжая къ дому съ изумленіемъ видѣлъ всѣ окна своей квартиры ярко освѣщенными... Его встрѣчали хохотомъ, объясняли ему ошибку—и онъ наивно оправдывался: „со мной это случается, господа...“ Разъ въ редакцію онъ явился расцарапанный.

— Что съ вами, Александръ Васильевичъ?

— Да вчера у Коврова... вмѣсто шапки—сибирскаго кота на голову надѣлъ...

Вмѣсто калошъ онъ попадалъ въ чужую и свою шляпы, на литературныхъ вечерахъ выходилъ, раскланивался—начиналъ: „сейчасъ я вамъ, господа, прочту...“ Принимался рыться въ одномъ карманѣ въ другомъ, и вдругъ, вмѣсто статьи, вытаскивалъ подъ общій хохотъ старую туфлю, задумывался и затѣмъ успокаивалъ публику: „рукопись-то, господа, я должно-быть забылъ—значитъ до слѣдующаго раза!“ И подъ общія рукоплесканія уходилъ съ эстрады. Разсказывали о томъ, какъ, поспоривъ объ идеѣ прекраснаго въ твореніяхъ Блаж. Августина — онъ со своимъ оппонентомъ разстался и вдругъ на Лубянкѣ опомнился, остановилъ проходившаго мимо жандармскаго поручика за пуговицу:

— И такъ вы, сударь, думаете, что въ двѣнадцатомъ письмѣ своемъ Блаженный Августинъ не обнаружилъ высокаго соотвѣтствія начала, середины и конца и притомъ въ образахъ...

— Позвольте...

— Нѣтъ, не позволю, вы сначала мнѣ отвѣтьте... Вѣдь помните это мѣсто?

И онъ по-латынѣ начиналъ цитировать Блаженнаго Августина.

Жандармскій поручикъ обидѣлся и требовалъ карточку Крѣпышева...

Говорятъ, что разъ по ошибкѣ въ подобномъ случаѣ онъ далъ карточку своего пріятеля, которому потомъ невѣдомо за что̀ и досталось на орѣхи.

Организаторъ при этихъ условіяхъ онъ былъ плохой, но за то въ газету внесъ оживленіе, увлекательную силу вѣры въ правду и съумѣлъ вдохновить другихъ работавшихъ въ ней своимъ юношескимъ экстазомъ.

Когда Сластеновъ поднялся наверхъ — Крѣпышевъ уже былъ тамъ.

— Я вчера былъ у васъ и не засталъ, встрѣтилъ его тотъ.—Куда вы уѣзжали?

— Я былъ все время дома.

— Ну вотъ!.. Я въ семь часовъ пріѣзжалъ—и сидѣлъ у васъ до полночи.

Сластеновъ зналъ уже Александра Васильевича.

— Да вы куда ѣздили?

— На Таганку—второй домъ справа.

— А я живу за Рогожской частью въ самомъ концѣ.

Крѣпышевъ моргая задумался и наконецъ дошелъ до истины:

— Значитъ я вчера не къ вамъ попалъ... Странно... У кого же это я былъ?.. очень пріятно провелъ время и мы много спорили... Да кстати — у репортера у нашаго, Трепетова, жена родила. Надо ему помочь. Онъ триста рублей проситъ...

— Какъ? вмѣшался Нешумовъ,—да вѣдь эта жена уже родила два мѣсяца назадъ, а на прошлой недѣлѣ умерла... И мы на похороны и на крестины уже давали ему деньги.

— Скажите пожалуйста... какой интересный фактъ! задумался Крѣпышевъ. — Ужасно интересный! Какъ вы говорите...

Нешумовъ ему повторилъ.

Крѣпышевъ что-то соображалъ, потомъ подошелъ къ Наплаксину и сказалъ ему:

— Знаете, вы бы воспользовались этимъ... для научной хроники...

Онъ пришелъ въ себя подъ общій хохотъ...

— Ахъ, какой прелестный старикъ! восторгалась Софія Стручкова (Текла Геліотропова тожъ).—Какой очаровательный старикъ!.. Я была бы даже готова по-

Гонецъ въ пустынѣ. Съ карт. А. Пазини. грав. Мантелліо.

любить его! закатила она глаза, но тотчасъ же обратилась къ Сластенову дѣловымъ тономъ:

— Василій Герасимовичъ... надѣюсь, что я имѣю дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ: позвольте мнѣ впередъ за пять листовъ авансъ... Я, знаете, напишу такой романъ, что его переведутъ на всѣ языки.

Сластеновъ далъ авансъ... Его дѣло кажется только и заключалось въ выдачѣ авансовъ.

III.

За послѣднее время все чаще и чаще Василій Герасимовичъ, разсѣянный и не наблюдательный вообще, поневолѣ ловилъ на себѣ упорный и загадочный взглядъ Паши. „Ты хочешь мнѣ сказать что-то?“ спрашивалъ онъ у нея, отрываясь отъ книги или безцѣльнаго шатанія по гостиной. „Нѣтъ, такъ!“ уклонялась та отъ прямаго отвѣта. Она бы впрочемъ и сама не могла дать себѣ отчета—о чемъ она думала въ такія минуты. Какіе-то безпорядочные отрывки мыслей, не связанныхъ вовсе между собою, роились въ ея головѣ, какъ роятся пчелы въ лѣтнюю жару. Одни отлетали прочь, другіе возвращались... „Добрый...“ проносилось въ ея мозгу. „Очень добрый... Такой добрый, что всякій его можетъ съѣсть безъ остатка, а онъ и не опомнится. Чтой-то точно бы и не мужчина совсѣмъ... Самъ по хорошему думаетъ — а кругомъ одни плуты да мошенники пользуются. Вступиться-бы, да какъ—не въ свое дѣло?.. И матушка говорила: „„въ мужнія дѣла не суйся, а свое береги и будетъ у васъ міръ всегда и благополучіе““. А только жалко... Галопишко этотъ всѣхъ обвелъ — командуетъ... А хорошій Васенька, очень хорошій. Дурной мысли у него нѣтъ—только и воли своей нѣтъ. Дома запустилъ все, кабы я къ рукамъ не прибрала — самому бы ему не опомниться. Кузьма Степановичъ приказывалъ бы здѣсь, а онъ бы слушался. Сказываютъ... и женщины у него здѣсь до меня не было. Нѣтъ, хорошій... А только мякоть какая-же!.. Кто его захотѣлъ, тотъ и въ руки взялъ. Неужто-жь всю жизнь такъ-то изъ чужихъ рукъ смотрѣть будетъ... да чужими глазами... И гдѣ они растутъ такіе! А на словахъ-то... тогда въ обители меня совсѣмъ отуманилъ. Какъ еще! Думала я, такой онъ умникъ что мнѣ съ нимъ страшно будетъ. А ничего страшнаго нѣтъ. Такъ, не человѣкъ, а мечтаніе одно...“ Она вспомнила свои слова: „„боязно мнѣ съ нимъ, мама... Такой онъ для меня безпонятный. Дура я рядомъ съ нимъ, совсѣмъ дура““... А онъ вонъ какой вышелъ ручной, хошь имъ кашу мѣшай, хошь его съ кашей ѣшь!“ И она засмѣялась. Вчера еще такъ его опредѣлилъ Ечкинъ, думая что его никто чужой не слышитъ, а Паша была за перегородкой и невольно усмѣхнулась. Именно: „хочешь имъ кашу мѣшай, хочешь его съ кашей ѣшь. Онъ на все согласенъ... На все... Точно бы и не человѣкъ“. И вмѣстѣ съ жалостью къ мужу въ ней пробуждалось какое-то обидное чувство къ нему, не то пренебреженіе, не то презрѣніе... Она стала на него смотрѣть какъ на больнаго, но больнаго всегда. Первое время больнаго жалко. Женщина готова плакать надъ нимъ, а потомъ острое чувство боли уходитъ, является другое... „Бѣдный... а только же и скучно! Что это онъ всегда-всегда боленъ! Годъ-бы ничего, а то сколько годовъ и все съ постели не встаетъ, возись съ нимъ!.. Хоть-бы ужь скорѣй его Богъ прибралъ!“ нежданно для самихъ себя въ такихъ случаяхъ додумываются лучшія изъ женщинъ. Иной разъ ей хотѣлось двигаться, шумѣть, суетиться. Здоровье говорило, кровь требовала возни, шалости... Казалось, угомону ей нѣтъ въ такія минуты. Она срывалась съ мѣста, схватывала Василія Герасимовича за плечи, вытаскивала на середину зала и давай вертѣть его и вертѣться съ нимъ, приговаривая: „да ну-же, ну!“ И Сластеновъ на первыхъ порахъ глядѣлъ въ ея разгорѣвшееся лицо и сіяющіе беззавѣтнымъ весельемъ глаза, тоже смѣялся, бѣгалъ, „игрался“, какъ выразилъ разъ свое впечатлѣніе все тотъ же не въ мѣру наблюдательный Ечкинъ. Но „играться“ ему долго не приходилось. Жена бывало только что разойдется, а онъ ужь и сомлѣлъ... одышка у него и усталь—и такъ бы и присѣлъ на первое кресло... „Эхъ ты! кричала она ему,—догони-ко меня!“ Но онъ сидѣлъ тяжело дыша, весь блѣдный. „Тебѣ бы въ книжку все!.. Ну, да ужь Богъ съ тобой, что дѣлать“. И она, запыхавшаяся, румяная, уходила съ чувствомъ какой-то неудовлетворенности въ душѣ и еще больше съ какимъ-то обиднымъ снисходительнымъ пренебреженіемъ къ мужу. „Игрались, игрались сегодня, объяснялъ вечеромъ Ечкинъ кому-нибудь изъ домашнихъ, — а онъ и смякъ... Хошь ты имъ кашу мѣшай, хошь ты его съ кашей ѣшь, а онъ на все согласенъ. Такой ужь недородъ человѣчій“. „Недородъ человѣчій“ — аудиторіи понравилось, какъ опредѣленіе вѣрное, и точное, и краткое, и стали съ тѣхъ поръ его присные звать такимъ образомъ Василія Герасимовича между собою. „Ахъ, ты, недородъ человѣчій!“ смотрѣлъ ему вслѣдъ Козьма Медичисъ. „Именно недородъ!“ думалъ мордастый швейцаръ, подавая ему шубу, и для этого даже не выпуская изъ рукъ *Дешевой газетки*, усерднѣйшимъ читателемъ которой онъ былъ.

— Всѣ-то въ тебѣ заискиваютъ, всѣ тебѣ какъ милліонщику кланяются, говорила Сластенову жена,— а тебѣ чего-то стыдно, и говоришь ты съ ними точно прощенія у нихъ просишь. Хоть бы ты у дядюшки у Саввы Кузмича поучился. Ишь онъ какой! Онъ себѣ на ногу наступить не позволитъ. Гдѣ ужь! А то вчера Галопишко пріѣхалъ, наоралъ-наоралъ — а у тебя и словъ никакихъ нѣтъ. Поди опять съ чекомъ уѣхалъ?

— Да. Нельзя-же. Дѣло вѣдь. Сама знаешь. Деньги въ этихъ дѣлахъ — что кровь у человѣка. Нѣтъ денегъ — и дѣло не идетъ, нѣтъ крови — и человѣкъ умираетъ.

Она посмотрѣла на его блѣдное лицо и усмѣхнулась.

— Что ты? спросилъ.

— Такъ я... А то есть и такіе что безъ крови живутъ...

Она вышла изъ комнаты и стукнула за собою дверью, сама не понимая на что она зла.

Вообще все кругомъ дѣлалось такъ, какъ она того хотѣла. Ея желанія были закономъ. Всего оказывалось вдоволь. А между тѣмъ она далеко не чувствовала себя хорошо, счастливо. Точно чего-то, но чего-то самаго главнаго ей недоставало. Все кажется на лицо — а тошно. Нѣтъ души, безъ которой это все—безжизненно и безцвѣтно... „Есть такіе что и безъ крови живутъ!“ уже усмѣхалась она про себя.

— Какой ты! набросилась она разъ на Василія Герасимовича. — На все ты согласный.. Именно: Согласъ Согласовичъ... Такъ бы мнѣ и звать тебя надо было.

— И зови.

— А тебѣ это не обидно?

— Съ чего же это я обижаться стану?

— Ужели я не стою? Съ чего тебѣ обижаться? Хоть бы ты когда поспорилъ со мной... побранилъ... Ну, ударилъ что-ли...

Онъ глаза на нее вытаращилъ:

— Какъ это ударилъ?

— Такъ по нашему, по купечеству бываетъ... Бранятся и не со зла, а такъ, въ душѣ закипитъ, ну и ткнетъ.

— Этого только не доставало.

— Ну, ударь! смѣясь подошла она къ нему. — Ну, ударь... Не смѣешь...

Онъ улыбаясь чуть дотронулся до ея плеча. Паша вспыхнула.

— Эхъ ты!.. Цыплячья смерть! По нашему-то вотъ какъ! и отвѣсила ему такую тукманку, что Василій

Герасимовичъ изъ одного кресла очутился вдругъ въ противоположномъ, лицомъ къ стѣнѣ.

— Однако, рука!

— Тебя когда обидитъ кто, а ты этого не можешь, смѣялась она.

— Подымать руку на человѣка не слѣдуетъ.

— Все-то у тебя по правилу... Все-то по правилу, и кто васъ такихъ правильныхъ дѣлаетъ! Ну, а вотъ что... Ну вотъ положимъ если-бы я... да вдругъ тебя разлюбила... Такъ любились-любились, да вдругъ и шабашъ. Не хочу де этакого разносола... Другаго люблю, вотъ и все...

— Другаго? задумался Василій Герасимовичъ.

— Да, другаго... Другой де лучше... я его и люблю. Что-жь бы ты и тогда не убилъ меня?

— Убить!—и Василій Герасимовичъ изумился. — За что-жь убивать?

— Какъ за что̀? уже разозлилась она. — За измѣну да не убить... Либо искалѣчить на всю жизнь.

— Что́ за варварство!

— А ты бы какъ сдѣлалъ? какъ по вашему-то, по правильному? Ну?..

— Я бы принялъ на себя все, далъ бы тебѣ разводъ и выходи ты за него замужъ.

— Что̀!? не вѣрила своимъ ушамъ Прасковья Яковлевна.

— Выходи за него замужъ.

Она уставилась на мужа, точно видѣла его въ первый разъ въ жизни.

— Своими руками меня такъ бы и отдалъ чужому?

— Да какъ же иначе?

Но она уже не слушала его, а вся горящая негодованіемъ, вскочила и подошла къ Сластенову:

— Какъ? А вотъ какъ... Чтобы ужь если не мнѣ, такъ и никому другому. Потому коли я люблю, такъ лучше мнѣ мертвымъ его видѣть, чѣмъ знать что другая его милуетъ да цѣлуетъ... Слышишь ты это?.. Я бы его вотъ такъ за горло схватила...

И Василій Герасимовичъ забарахтался въ ея рукахъ, чуть не высовывая языка.

— А потомъ суди меня Богъ и люди. Все равно ужь. Эхъ вы, правильные!.. съ нескрываемымъ презрѣніемъ ужь окончила она.—Правильные... Своими руками-бы отдалъ чужому...

„Я бы *его*, отчего-же не я бы *тебя*“... пронеслось у нея въ головѣ. Почему когда она говорила о Василіи Герасимовичѣ, она никогда не смѣшивала его съ тѣмъ „съ нимъ“, съ идеальнымъ „нѣкто“, котораго бы она и душила, и ласкала, и ревновала ко всему свѣту? Мелькнуло это въ ея памяти и безслѣдно исчезло.

— И любить-то васъ по настоящему не стоитъ! Правильныхъ. Все по правилу, всегда по правилу, а по душѣ, да по сердцу — никогда!.. закончила она, выходя въ другую комнату.

Такъ Сластеновъ и не понялъ на что̀ она злится.

Въ другой разъ въ саду какомъ-то—дѣло было лѣтомъ — подпившій саврасъ непочтительно отнесся къ Прасковьѣ Яковлевнѣ. Смотрѣлъ-смотрѣлъ на нее въ упоръ, да и выпалилъ: „Хороша Маша да не наша, а ужь мнѣ бы да такую!..“ Сластенова вздрогнула. Она съ испугомъ обернулась къ мужу. Въ первое мгновеніе думала—быть бѣдѣ... Кинется ея Васенька на обидчика... Но Васенька благоразумно взялъ ее подъ-руку и увелъ прочь, приговаривая „что̀ съ пьянымъ связываться...“ Вначалѣ Паша была очень довольна, скандала избѣжала, да потомъ вдругъ ей ужасно горько стало. „Другой-бы, подумала она,—за эти самыя слова, живаго-бы мѣста на обидчикѣ не оставилъ... Всего-бы его грызомъ изгрызъ, коли-бы силы не хватило“.

— Ты что̀ мрачная такая? спросилъ ее мужъ.

— Такъ, не любишь ты меня... То-есть любишь... только по-своему, по-правильному... Затронь-ка кто хоть бы Марью Алексѣевну, да ея мужъ я не знаю что̀...

— Ея мужъ... засмѣялся Сластеновъ, — ея мужъ дикарь, грубое животное... Вышелъ-бы только скандалъ, процессъ, непріятности.

— Да развѣ объ этомъ думаютъ въ такихъ случаяхъ?.. Развѣ думаютъ—что́ да какъ выйдетъ?

— Ея мужъ... не унимался Сластеновъ. — Ея мужъ и ее иногда наотмашь...

— Что-жь такое, если съ сердцовъ... Если у какого человѣка сердце горячее... Это только у васъ у правильныхъ... Ну, напали-бы на меня, что̀ бы ты сдѣлалъ...

— Какія глупости, засмѣялся Василій Герасимовичъ,— слава Богу, не въ лѣсу живемъ... Въ Москвѣ кто на тебя нападетъ!..

— А я знаю, что̀ бы ты сдѣлалъ, упорно стояла она на своемъ.—Ты бы, замѣсто всего, „караулъ“ сейчасъ кричать. Вотъ что́ бы ты сдѣлалъ! Нѣтъ, не настоящій ты... Есть куклы такія,—совсѣмъ живая, кажется, а все она не настоящая... Такъ и ты.

Въ другой разъ Прасковья Яковлевна обратилась къ Василію Герасимовичу:

— Прикажи ты своему Галопишкѣ, чтобы онъ рукъ моихъ не цѣловалъ своими жидовскими губами... слышишь?.. Не хочу я этого.

— Какъ же я ему прикажу... удивился Сластеновъ.

— Такъ, какъ слѣдуетъ. Не смѣй-де рукъ у моей жены цѣловать, потому ей противно это.

— Развѣ это можно? Вѣдь онъ обидится.

— А тебѣ что̀ до его обиды? Пущай обижается... Наплевать намъ на его обиду. Не мы въ немъ, а онъ въ насъ нуждается.

Въ сердцахъ Паша начинала говорить по старому, уѣздному.

— Ну что, сказалъ ему что-ли? спросила она на другой день.

— Нѣтъ... Пойми сама, какъ же мнѣ ему сказать-то... Стыдно... Зачѣмъ же... въ самомъ дѣлѣ...

— Эхъ ты... протянула она.—Цыплячья смерть!..

И до вечера избѣгала съ нимъ встрѣчаться, а когда Боголюбъ Боголюбовичъ пришелъ, она не подала ему руки.

— Ручку-съ! развязно расшаркивался онъ.

— Ладно... обойдетесь... На всякія губы и руки-то не хватитъ...

Такъ что даже Курцъ сконфузился и заговорилъ о чемъ-то постороннемъ.

Прасковья Яковлевна разъ какъ-то заѣхала въ редакцію вмѣстѣ съ мужемъ. День, какъ нарочно, выдался горячій, передъ праздниками. Ее поразило, что никому не приходило въ голову спрашивать о чемъ бы то ни было ея мужа. Даже больше, когда онъ по какому-то второстепенному вопросу вмѣшался было, Нешумовъ съ удивленіемъ поднялъ на него глаза.

— Тебя бы по старому за хохолокъ твой слѣдовало дернуть, замѣтилъ онъ.—Это не твоего ума дѣло.

— А что же по твоему моего ума дѣло?

— А вотъ вынимай чековую книжку, да пиши намъ авансы. Въ этомъ все твое назначеніе въ мірѣ.

Сластеновъ засмѣялся. Прасковья Яковлевна потупилась и слушала.

— Вы ему и дома-то не позволяйте другими дѣлами заниматься! съ милою развязностью отнесся къ ней Нешумовъ.—Потому у него—тутъ всегда было мало! стукнулъ онъ себя по лбу.

— А у васъ много? наивно спросила она.

— У насъ? опѣшилъ онъ.

— Да?

— Помилуйте... Это наша спеціальность... Мы торгуемъ умомъ... пробовалъ было отшутиться онъ.

— А я думала, что торгуете мужними авансами!

Такъ Нешумовъ и присѣлъ, безсильно опустивъ руки

и соображая, что барыня-то ядъ и при ней надо ходить опасно и держать ухо востро.

Какъ-то разъ Пешумовъ расшутился до того, что собственнаго же патрона, Сластенова, пробралъ въ его же газетѣ.

Прасковья Яковлевна вслухъ прочитала его фельетонъ мужу.

— Ну? окончила она.—Такъ этому и быть?.. Тутъ и про твою фабрику, и про твой домъ на Тверской, и про то какъ Галонъ тебя за носъ водитъ „ущемивъ его пальцами"... Что-жь ты дѣлать будешь?

— А что? Право печатнаго слова, видишь-ли..

— Ничего я не вижу... А вотъ пошли-ко ты дядюшку Савву Кузмича вмѣсто себя... онъ имъ покажетъ. Да, впрочемъ, куда тебѣ... Ты знаешь, я въ твои дѣла не мѣшаюсь... А только это ужь...

Газета тѣмъ не менѣе шла.

Подписывались на нее изъ-за Крѣнышева, изъ-за людей вмѣстѣ съ нимъ вошедшихъ въ дѣло, хотя „Петербургскія силы" относились къ этимъ съ пренебреженіемъ. „Ну, что можетъ быть хорошаго изъ этихъ московскихъ дрожжей?" думали они, и когда *Сегодня* стало печататься уже въ 15,000 экземплярахъ, Пешумовъ пріѣхалъ къ Сластенову и предложилъ ему:

— Ну, видишь какъ дѣло пошло. Теперь вотъ что, сгони ты этого Крѣнышева. Зачѣмъ онъ намъ? Совсѣмъ лишній... Я ужь и то поправляю-поправляю его статьи.

— Ты? изумился Сластеновъ.

— Да, я... Чего ты таращишься?

— А онъ на это что-жь?

— Младенецъ-то? Да развѣ онъ замѣтитъ что. Сегодня спрашиваетъ, чья это статья?.. Я говорю—ваша. Онъ только головой покачалъ. Своего не узналъ... Да кстати подпиши мнѣ маленькій авансикъ.

Всякая литературная бесѣда заканчивалась для Сластенова всегда этою стереотипною фразой Онъ даже перестаъ считать эти авансы. Дошло до того, что репортеръ Трепетовъ разъ въ пьяномъ видѣ вскочилъ къ нему на Кузнецкомъ мосту въ сани и заоралъ благимъ матомъ: „давай авансъ, чортъ тебя возьми, дрянь ты этакая!" И Сластенову стоило не мало труда убѣдить его, что на улицѣ никакъ аванса написать нельзя. „Слѣдовало бы съ тебя сорвать что-нибудь", раздумчиво проговорилъ Трепетовъ, слѣзая съ саней. „Да ужь такъ... Поѣзжай пока и чувствуй, что мы, писатели—соль земли, а ты только денежный мѣшокъ и ничего больше.. Есть въ твоемъ мѣшкѣ деньги—ты человѣкъ; нѣтъ—грошъ тебѣ цѣна въ базарный день..."

— Уйми ты свою редакцію! ворвался къ нему разъ Савва Кузмичъ.

— А что?

— Меня разнесли сегодня. Что-жь это будетъ такое?.. За наши же деньги.

— Ничего я съ ними сдѣлать не могу.

— Не давай авансу... Попросятъ, а ты имъ покажи шишъ. На-те, дескать, выкусите..

— Какъ же это отказывать?..

— Оставьте его! вмѣшалась Прасковья Яковлевна.— Ему вѣдь вступиться за свое стыдно. И сколько у него стыда этого, просто страсти Господни! Точно онъ укралъ что...

(Продолженіе будетъ).

Дочь полка.

(Эпизодъ изъ минувшей турецкой кампаніи).

Знаменитый бой 28 ноября 1877 года, имѣвшій, какъ извѣстно, рѣшающее вліяніе на исходъ всей кампаніи, покрывшій новыми лаврами наше побѣдоносное оружіе и окончившійся паденіемъ неприступныхъ Плевненскихъ твердынь и сдачей непобѣдимаго (*Гази*) турецкаго военачальника Османа-паши съ его сорокатысячной арміей, шелъ къ концу.

На выручку изнемогавшихъ въ борьбѣ съ превосходными силами вдесятеро многочисленнѣйшаго врага и вынужденныхъ вслѣдствіе этого уступить свои позиціи, храбрыхъ Астраханскаго и Сибирскаго гренадерскихъ полковъ, бывшихъ въ этотъ знаменательный день на аванпостахъ,—прибыли свѣжія войска гренадерскаго корпуса, стоявшія на позиціи отъ дер. Дольній-Дубнякъ до оврага „Копанная могила". Ударивъ во флангъ наступавшаго побѣдоносно непріятеля, они мгновенно измѣнили ходъ сраженія. Турки не выдержавъ стремительнаго натиска нашихъ гренадеръ, пораженные паническимъ страхомъ, смѣшались и начали въ хаотическомъ безпорядкѣ поспѣшно отступать къ рѣкѣ Виду, за которой высились ихъ укрѣпленія. Громогласное, раскатистое, побѣдное „ура" пронеслось изъ конца въ конецъ по обширнымъ Плевненскимъ равнинамъ и долго стояло неумолкаемымъ гуломъ, покрывая собою громъ орудійныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ. Перейдя въ наступленіе, части гренадерскаго корпуса, развернувъ фронтъ, стремительно преслѣдовали бѣжавшихъ турокъ сплошными залпами берданокъ и картечью изъ орудій, которыя успѣли вновь занять прежнія свои позиціи въ отнятыхъ было непріятелемъ батареяхъ.

— Молодцами гренадерскіе гренадеры *)! Валяй ихъ хорошенько! весело напутствовалъ своихъ солдатъ командиръ корпуса, генералъ Ганецкій, проѣзжая въ головѣ свиты мимо наступающихъ рядовъ гренадеръ.

— Рады стараться, ваше превосходительство! восторженно отвѣчали храбрецы на привѣтствіе любимаго начальника и ураганомъ неслись впередъ за бѣжавшимъ отъ нихъ непріятелемъ.

Масса труповъ, какъ турецкихъ, такъ и нашихъ, покрывала обширное поле боя. Тяжело раненые силились подниматься и, случалось, что съ послѣднимъ вздохомъ, такой страдалецъ пускалъ изъ винтовки пулю вслѣдъ удаляющемуся врагу. Нѣкоторые-же, въ особенности турки, напрягали послѣднія усилія, стараясь отползти въ заросли кукурузныхъ посѣвовъ, съ тщетною надеждой укрыться отъ наступавшей лавы нашихъ войскъ.

Въ самый разгаръ преслѣдованія непріятеля, въ линію огня вступилъ 2-й батальонъ С—каго гренадерскаго полка, подъ командою маіора Г—скаго.

— Рота, стройся влѣво, бѣгомъ! скомандовалъ командиръ 8-й роты, молодой поручикъ Д—вичъ, выбѣгая передъ фронтомъ своей части.

Лихо исполнили солдатики команду своего начальника и, съ ружьями „на перевѣсъ", двинулись вслѣдъ за шедшими впереди, подъ огнемъ непріятельскихъ батарей, своими однополчанами.

Пробѣжавъ приблизительно около версты, лѣвый флангъ роты вынужденъ былъ пробираться въ густой заросли высокихъ стеблей кукурузнаго поля.

— Эй, Сидорчукъ! Глянько-сь что за штука! крикнулъ товарищу ефрейторъ Борщовъ, останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ передъ лежавшею на землѣ, своеобразно-интересною группой

— Штука и есть! согласился подбѣжавшій на зовъ приземистый Сидорчукъ.

Передъ ними на землѣ, на стебляхъ смятой и обильно смоченной кровью кукурузы, лежалъ съежившійся трупъ турецкаго редифа. Лицо покойнаго носило слѣды только что миновавшей мучительной агоніи, а правая рука застыла въ судорожномъ объятіи, которымъ онъ какъ бы старался привлечь къ себѣ на грудь прелестнаго четырехъ-лѣтняго ребенка-дѣвочку, уцѣпившуюся въ свою очередь обѣими ручками за шею убитаго и въ невыразимомъ испугѣ широко раскрывшую большіе каріе глаза на подошедшихъ такъ неожиданно нашихъ солдатиковъ.

— Вотъ такъ находка! развелъ руками Борщовъ.

— Да какъ ее сюда занесло?.. Родитель это ейный, надо полагать, недоумѣвалъ Сидорчукъ.

— Должно родитель. Ишь ты сердечная, какъ уцѣпилась-то за него!

— Жалко тоже чай...

Разсуждая такимъ образомъ, солдатики начали приближаться къ убитому и дѣвочкѣ.

Ребенокъ нагнулъ головку къ лицу покойнаго и, пугливо озираясь на подошедшихъ, еще крѣпче началъ жаться къ трупу.

— Дѣвонька... Глупенькая... Тятька что-ли это тебѣ будетъ?.. Тятька-то теперь ау! померъ! жалостливо бормоталъ Сидорчукъ, нагнувшись къ дѣвочкѣ и гладя ее по головкѣ.

— Рабеночекъ-то, рабеночекъ какой... Картинка! восторгался въ то же время и Борщовъ, стараясь приласкать малютку.

Дѣвочка тряслась отъ невыразимаго страха при видѣ чуждыхъ ей усачей и затѣмъ расплакалась.

*) Любимая поговорка Н. С. Ганецкаго. *Авт.*

Съ добрымъ утромъ! Карт. Н Вагнера.

— Эко горе-то!.. Что-жь мы теперь съ ней дѣлать-то будемъ? недоумѣвалъ сердобольный Сидорчукъ.— Здѣся ее оставить никакъ невозможно, того и гляди шальная пуля еще задѣнетъ.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ, въ разстояніи не болѣе шага отъ ребенка просвистала и зарылась въ землю пуля, пущенная со стороны отступающихъ турокъ.

— Эге, братъ, такъ негодится! съ сердцемъ буркнулъ Сидорчукъ. — Возьмемъ-ка, Борщовъ, дѣвочку-то отъ покойника. За что младенецъ-то погибать долженъ?.. Нешто онъ виноватъ!

— И то, возьмемъ да и понесемъ къ ротному... Находку молъ, ваше благородіе, нашли. А тамъ начальство ужъ порѣшитъ, куда ребенка дѣвать.

— Вѣстимо, какіе мы христіане будемъ, коли ребенка на погибель оставимъ!.. Ишь какъ плачетъ, сердечная!.. Ау, душенька... Пойдемъ съ нами, милая.

— Пойдемъ... Папка умеръ... Неча съ нимъ сидѣть... Идемъ.

Утѣшая какъ могли плачущаго ребенка по своему, солдатики съ трудомъ отняли его отъ трупа.

Снявъ съ себя башлыкъ, Сидорчукъ, при помощи товарища, укуталъ головку и шею малютки, а затѣмъ, посадивъ ее на правую руку, вскинулъ на лѣвое плечо ружье; и причмокивая и цюцюкая, чтобы утѣшить какъ-нибудь своего найденыша, двинулся въ сопровожденіи Борщова догонять ушедшую далеко впередъ роту.

Огонь въ это время, какъ съ непріятельскихъ позицій, такъ и со стороны наступающихъ нашихъ войскъ, началъ замѣтно утихать. На непріятельскихъ батареяхъ вѣнчавшихъ грозныя Плевненскія высоты, за рѣкою Видомъ, появились бѣлые флаги, выкинутые по распоряженію Османа-паши, который, будучи въ это время раненъ и не предвидя возможности дальнѣйшаго сопротивленія геройскому наступленію нашихъ войскъ, послалъ парламентера къ генералу И. С. Ганецкому съ предложеніемъ безусловной сдачи.

Когда Сидорчукъ и Борщовъ со своею живою находкой догнали роту, она уже подходила къ Видскому мосту. Какъ орудійный, такъ и ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ былъ прекращенъ. Генералъ Ганецкій, въ сопровожденіи начальника штаба генералъ-маіора Маныкина-Невструева, генерала Струкова и другихъ лицъ свиты, отправился на турецкія позиціи въ ставку раненаго Османа-паши, чтобы принять его саблю. Масса турокъ покрывала кряжи высотъ за Видомъ, складывая оружіе и съ невыразимою тоскою посматривая на стоящихъ внизу за рѣкою, своихъ торжествующихъ побѣдителей.

— Робята, глянь-ко, Сидорчукъ-то нашъ что несетъ!

— Эй, Сидорчукъ, кого это тебѣ Господь послалъ?

— Кажи, Сидорчукъ, кого тащишь?..

Послышались восклицанія въ рядахъ солдатиковъ, когда наши пріятели со своей ношей появились среди однополчанъ.

— Дѣвочку, братцы, намъ съ Борщовымъ Богъ привелъ найти. Ишь какая красавица! отозвался усачъ Сидорчукъ, любовно глядя на ребенка и открывая его личико, чтобы могли имъ полюбоваться подошедшіе товарищи.

— И то красавица!

— Ишь ты махонькая какая!

— Люлю... люлю, милая!

— Не плачь, мы тебя въ обиду не дадимъ.

Подходя одинъ за другимъ къ ребенку и поочередно лаская его, говорили солдатики.

Вскорѣ около Сидорчука съ его ношей и Борщова собралась почти вся рота.

Принесшіе дѣвочку усачи едва успѣвали отвѣчать на задаваемые имъ со всѣхъ сторонъ вопросы, по поводу найденной ими малютки.

Вѣсть объ интересной находкѣ мигомъ разнеслась по всему полку, и офицеры, во главѣ съ командиромъ 8-й роты, къ которой принадлежали Сидорчукъ и Борщовъ, не замедлили поспѣшить, чтобы разузнать въ чемъ дѣло.

— Господа! посмотрите, прелесть какая! почти дѣтски восторгался молодой поручикъ Д—вичъ, взявъ малютку къ себѣ на руки и покрывая ее поцѣлуями.

Офицеры, въ свою очередь, ласкали ребенка и любовались имъ.

— Однако, что-же ты думаешь дѣлать съ этой малюткой, куда ты ее помѣстишь? заботливо замѣтилъ, обращаясь къ Д—вичу, одинъ изъ ротныхъ командировъ, штабсъ-капитанъ Т—ко.

— Какъ что?.. Во-первыхъ, сообщу о своей находкѣ командиру полка, а во-вторыхъ, отправлю какъ можно скорѣе въ лагерь, въ свою землянку... Прикажу моему деньщику, Ярыловцу, чтобы онъ объ ней позаботился... А когда самъ вернусь въ лагерь, такъ ужъ тогда приложу всѣ усилія, чтобы по возможности устроить ее какъ можно удобнѣе, относительно помѣщенія, костюма и продовольствія.

— Что-же, такъ и будешь возить ее за собою?.. Да быть-можетъ у нея родители отыщутся въ Плевнѣ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!.. Мы ее нашли около отца въ кукурузѣ, отецъ убитъ былъ, а она къ ему жалась больно ужъ жалостливо таково, отозвался Сидорчукъ, не отходившій все время отъ ребенка.

— Да ты почему-же знаешь, что это былъ ея отецъ?

— Сичасъ замѣтно, ваше благородіе... Къ кому-же какъ не къ родителю будетъ такъ жаться дитё!

Своеобразная логика солдатика вызвала улыбку на лицахъ окружающихъ ребенка офицеровъ.

— Ну, господа, тамъ будь что будетъ, а пока что, заботы объ малюткѣ я всецѣло беру въ настоящее время на себя, въ силу того, что онъ найденъ людьми моей роты, да кромѣ того, я, любя вообще дѣтей, считаю нравственнымъ долгомъ позаботиться насколько въ моихъ силахъ, объ этой, такъ неожиданно попавшей въ наши руки, дѣвочкѣ, рѣшительно произнесъ Д—вичъ, лаская ребенка.—Господа! посмотрите, да она смѣется! съ неподдѣльнымъ восторгомъ добавилъ онъ, замѣтивъ улыбку на лицѣ плакавшей и дичившейся всѣхъ до той поры крошки.

Дѣйствительно, въ силу-ли пріятнаго впечатлѣнія или другихъ какихъ-либо неуловимыхъ причинъ, благопріятно подѣйствовавшихъ на нервную систему малютки, она, встрѣчая отовсюду ласки и видя добрыя лица окружающихъ ее незнакомыхъ людей, хотя и не понимала ихъ разговора, тѣмъ не менѣе, понемногу освоилась со своимъ положеніемъ и глядя недоумѣло на все происходящее вокругъ, изрѣдка улыбалась, какъ-бы въ отвѣтъ на расточаемыя ей нѣжности.

Привлеченные слухомъ о находкѣ сдѣланной нижними чинами 8-й роты, вскорѣ пришли полюбоваться и узнать подробности и старшіе офицеры полка: баталіонные командиры и самъ командиръ полка.

— А ну-ка, поручикъ, похвастайте вашимъ найденышемъ? обратился полковникъ М—овъ къ нянчившемуся съ ребенкомъ Д—вичу.

— Извольте, г. полковникъ... Прелесть дѣвочка!

— Красавица, красавица! согласился полковникъ, потрепавъ ребенка по щекѣ.—Только куда вы ее теперь помѣстите?

— Въ лагерь думаю отправить, г. полковникъ. Пока что, въ землянкѣ ее у себя устрою.

— Ну, что-жь, устраивайте... Только кормить вы чѣмъ ее думаете?.. Ребенку молоко вѣдь надо, къ нашей грубой пищѣ едва-ли она привыкнетъ.

— Ужъ я на этотъ счетъ постараюсь, г. полковникъ.

— Корова, ваше высокоблагородіе, въ Магалетахъ [1]) у болгарина есть, я бымши въ хлѣбопекахъ высмотрѣлъ, заявилъ вдругъ вынырнувшій изъ толпы солдатъ Сидорчукъ, вытягиваясь передъ полковымъ командиромъ.

— Ну и молодецъ... Это не ты-ли нашелъ дѣвочку?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе... Съ Борщовымъ въ кукурузѣ обрѣли.

— Молодецъ!.. Такъ ты ужь и похлопочи насчетъ молока.

— Постараюсь, ваше высокоблагородіе!

Въ это время раздалось со стороны Гривицкаго редута раскатистое, восторженное „ура“ войскъ лѣваго фланга. Побѣдный кликъ этотъ былъ принятъ и подхваченъ гренадерами стоящими у рѣки Видъ, и затѣмъ полетѣли вверхъ тучею шапки... Августѣйшій главнокомандующій, Великій Князь Николай Николаевичъ объѣзжалъ свои храбрыя войска и поздравлялъ ихъ съ побѣдой. Восторгъ былъ выше всякаго описанія.

8-я рота поручика Д—вича была назначена въ числѣ прочихъ частей полка для принятія плѣнныхъ, выходившихъ изъ Плевны по сложеніи ими оружія.

Не имѣя возможности лично отправиться въ лагерь подъ Дольній-Дубнякъ, Д—вичъ распорядился, чтобы принятая имъ на попеченіе малютка была отправлена туда и помѣщена возможно удобнѣе въ его землянкѣ.

— Смотри-же, Сидорчукъ, ты отнеси ребенка какъ можно бережнѣе, да позаботься, чтобы какъ-нибудь достать у маркитанта булокъ и затѣмъ молока... Слышишь? Вотъ тебѣ деньги, говорилъ Д—вичъ, отправляя служиваго съ его находкой въ лагерь.

— Помилуйте, ваше благородіе, нешто душа-то во мнѣ не христіанская, обидчиво отозвался усачъ.—Лучше всякой няньки предоставлю, увѣренно добавилъ онъ и, завернувъ бережно малютку въ башлыкъ, отправился къ выходу на Софійское шоссе, по направленію къ Дольнему-Дубняку.

Дѣвочка, какъ-бы инстинктивно угадывая чувства руководящія относительно ея служивымъ, довѣрчиво обвила ручонками его загорѣлую шею, прижавшись головкой къ щетинистой щекѣ.

Добродушный по натурѣ, весельчакъ и любимецъ товарищей, юный поручикъ Д—вичъ какъ бы переродился. Въ теченіе почти двухъ сутокъ, которыя полкъ провелъ на мѣстѣ боя, принимая плѣнныхъ и переходя съ ними, въ качествѣ конвоя, съ мѣста на мѣсто, по указанію начальства,—онъ постоянно былъ въ какой-то ажитаціи и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы узнать, какъ устроилась его малютка въ лагерѣ, посылая съ первой оказіей при отправленіи туда людей

[1]) Магалеты—деревня въ 6-ти верстахъ отъ Дольняго-Дубняка, гдѣ устроена была хлѣбопекарня 2-й гренадерской дивизіи. *Авт.*

по какимъ-либо причинамъ, различныя наставленія своему деньщику и Сидорчуку.

Товарищи-офицеры, видя за это время Д—вича необыкновенно озабоченнымъ, слегка посмѣивались.

— Что-то подозрительно, Иванъ Викентьевичъ, обращался къ нему кто-нибудь изъ товарищей,—ты такъ хлопочешь объ этой дѣвочкѣ, какъ будто это твой собственный ребенокъ.

— Вовсе нѣтъ, замѣчалъ другой,—Иванъ Викентьичъ себѣ на умѣ... Онъ, полагать надо, невѣсту себѣ воспитать думаетъ, оттого и хлопочетъ.

Д—вичъ на всѣ эти замѣчанія и т. п. невинныя подшучиванія товарищей обыкновенно отмалчивался, но иногда и рѣзко обрывалъ назойливаго шутника.

— Да отстаньте, вамъ какое дѣло?.. Можетъ и невѣсту хочу себѣ воспитать; для васъ, мнѣ кажется, это безразлично, съ оттѣнкомъ досады говорилъ онъ и уходилъ отъ нихъ въ сторону.

Когда полкъ къ вечеру втораго дня послѣ боя возвратился въ лагерь подъ Дольній-Дубнякъ, Д—вичъ со всѣхъ ногъ бросился къ своей землянкѣ.

То, что̀ онъ увидѣлъ, превзошло его ожиданія.

Небольшая, квадратная, въ аршинъ глубины яма, покрытая, въ видѣ крыши, тонкими брусьями, переплетенными кукурузными стеблями, и усыпанная сверху землей, представляла довольно невзрачное убѣжище, слывущее подъ названіемъ землянки, въ которой, подобно другимъ офицерамъ, помѣщался и поручикъ.

На этотъ разъ, съ прибытіемъ новой жилицы, въ лицѣ взятой Д—вичемъ на свое попеченіе малютки-турчанки, помѣщеніе это, стараніями Сидорчука и деньщика Ярыловца, значительно измѣнилось къ лучшему и носило даже отпечатокъ нѣкотораго комфорта.

Въ глубинѣ землянки виднѣлось подобіе какой-то занавѣси изъ грубаго холста, которая раздѣляла все помѣщеніе почти на половину. Изъ-за приподнятаго края этого импровизированнаго драпри виднѣлась стоящая на земляной насыпи продолговатая плетеная изъ древесныхъ вѣтвей корзина, покрытая сверху кускомъ сѣраго сукна, въ видѣ одѣяла, и съ подушкой въ чистой бѣлой наволочкѣ на мѣстѣ изголовья. Стѣна землянки надъ этой постелью была покрыта цыновкой, сплетенной изъ кукурузныхъ стеблей, и таковая же лежала на землѣ около корзины. Все это было устроено и приспособлено усердіемъ Сидорчука для ввѣренной его заботамъ малютки. Кровать же самого хозяина землянки, поручика Д—ча, была перенесена ближе ко входу; остальное имущество, заключающееся въ чемоданѣ, было помѣщено подъ сбитый изъ досокъ столъ, примыкающій къ постели.

Когда Д—вичъ вошелъ въ свою землянку, то первое, что бросилось ему въ глаза, былъ Сидорчукъ. Почтенный служивый сидѣлъ у входа и старательно сшивалъ какія-то разноцвѣтныя тряпицы.

Увидя поручика, онъ пріостановилъ свое занятіе и вытянулся во фронтъ.

— Ну, что, какъ наша дѣвочка? скороговоркой спросилъ Д—вичъ, пытливо вглядываясь въ глубь землянки.

— Слава Богу, ваше благородіе, почиваетъ таперь.

— Спитъ?.. Ну и хорошо... Гдѣ же ты ее устроилъ?

— А вотъ тутотка, ваше благородіе.

Сидорчукъ указалъ рукою по направленію къ занавѣси.

— Ну, вотъ молодецъ, спасибо, тихо заговорилъ Д—вичъ, подходя къ постели, устроенной служивымъ, и любуясь на безмятежно спавшую малютку.

— Изъ чего же вы постель и все это устроили? заботливо разспрашивалъ поручикъ сердобольнаго усача.

— А мы, ваше благородіе, такъ распорядились: тюфякъ изъ мочалы соорудили, у каптинармиста полковаго я куль выпросилъ, объяснялъ Сидорчукъ. — Занавѣску и чехолъ для тюфяка изъ сухарнаго мѣшка сшили. Подушечку одну вашу взяли... махонькую... А насчетъ одѣяльца опять-таки сукна у квартермистерскаго деньщика раздобыли... Простыньку вашу, ваше благородіе, одну подшили, а другую застлали.

— Чудесно!.. Молодецъ!.. А кормили ее чѣмъ?.. какъ?.. Молока достали?

— Достали, ваше благородіе... Еще вчерась въ Магалеты самъ слеталъ.

— Вотъ и хорошо... Ну, а какъ сама?.. Весела или скучаетъ?

— Обходится, ваше благородіе, привыкаетъ... Ѣстъ не особенно дюже, а только кушаетъ какъ надо.

— А это ты что же шьешь? спросилъ поручикъ, кивнувъ головою на тряпицы въ рукахъ служиваго.

— Платьице, ваше благородіе, для дѣвоньки мастерю... Двѣ рубахи у меня еще изъ Рассеи новыя ситцевыя были, мнѣ ни къ чему онѣ... Такъ я вотъ ихъ и пожертвовалъ, ухмыльнулся Сидорчукъ.

— А ты умѣешь?

— Что это?.. Шить-то, ваше благородіе?.. Кабы настоящій струментъ былъ, такъ замѣсто швеи въ лучшемъ видѣ смастерю... Вотъ бѣльеца бы, ваше благородіе... Рубашонки дѣвонькѣ пошить... Да полусапожки бы... Кожи только нѣтъ, а то Борщовъ башмачникъ вѣдь... Смастеритъ.

— Что же, это можно. Ярыловецъ! обратился Д—вичъ къ своему деньщику,—достань, братецъ, двѣ мои новыя рубашки, да передай ихъ вотъ Сидорчуку, пусть выкроитъ изъ нихъ что надо... А насчетъ башмаковъ, такъ у меня сапоги городскіе есть, можетъ изъ нихъ можно что сдѣлать?

— Можно, ваше благородіе, поспѣшилъ отозваться Сидорчукъ. — Ежели голенища хорошія, такъ изъ нихъ башмачки за первый сортъ выйдутъ.

— Ну, дѣлай какъ знаешь.

Распорядившись такимъ образомъ, Д—вичъ еще разъ полюбовался, подойдя къ занавѣси, на спящую малютку и затѣмъ, пообѣдавъ наскоро, одолѣваемый усталостью, тихонько улегся на свою кровать, продолжая мечтать о томъ, какъ бы лучше устроить свою малютку, пока сонъ не смежилъ его отяжелѣвшія вѣки.

Проснувшись поздно вечеромъ, Д—вичъ былъ пріятно пораженъ представившеюся его взорамъ сценой.

Дѣвочка сидѣла на своей кроваткѣ и весело что-то щебетала по своему со стоявшимъ передъ нею на колѣняхъ Сидорчукомъ. Въ дверяхъ землянки, на почтительномъ разстояніи отъ входа, торчали головы усачей-гренадеръ, пришедшихъ полюбоваться на „воспитальницу“, какъ они назвали дѣвочку, поселившуюся у нихъ ротнаго командира.

По смуглымъ и загорѣлымъ лицамъ солдатъ блуждали улыбки и они шепоткомъ перекидывались между собой фразами въ родѣ слѣдующихъ:

— Ишь Сидорчукъ-то, ровно нянька заправская!.. И ёнъ, рабенокъ, хоша изъ турчинъ, а вѣдь ишь ты понимаетъ какъ быдто, что̀ ему баютъ.

— Споровка тоже, чай, нужна...

— Какая споровка?

— А такая, значитъ, чтобъ обхожденье понимать; хочетъ, примѣрно, рабенокъ ѣсть, алибо пить... Ну, и ему чтобы въ точности.

— Да ужь на что̀ надо, такъ только Сидорчука взять.

— Ходовый парень... Опять тоже чувствительный... Рабенокъ это понимаетъ.

Д—вичъ поднялся съ кровати и подошелъ къ ребенку.

— Ну, что, миленькая, выспалась, моя красавица? ласково глядя на дѣвочку, заговорилъ онъ, стараясь жестами пополнить смыслъ непонятной ей рѣчи.

— Часа съ два, ваше благородіе, какъ проснулась, отвѣтилъ за малютку Сидорчукъ. — Я покормилъ ее малость, да вотъ теперь и займаюсь на досугѣ... Понятливая, ласковая дѣвочка.

— А ко мнѣ пойдешь? протянулъ къ ней руки Д—вичъ.

Ребенокъ, какъ бы узнавъ своего благодѣтеля, улыбнулся и залепеталъ что-то по-турецки.

Взявъ малютку на руки, молодой поручикъ вышелъ съ нею изъ землянки.

— Что, братъ, няньчишься! раздался голосъ изъ небольшой группы офицеровъ, проходившихъ въ это время по лагерю.

— Отчего же и не поняньчиться... Прелесть-то какая вѣдь! отвѣчалъ восторженно Д—вичъ, цѣлуя розовыя щечки своей воспитанницы.

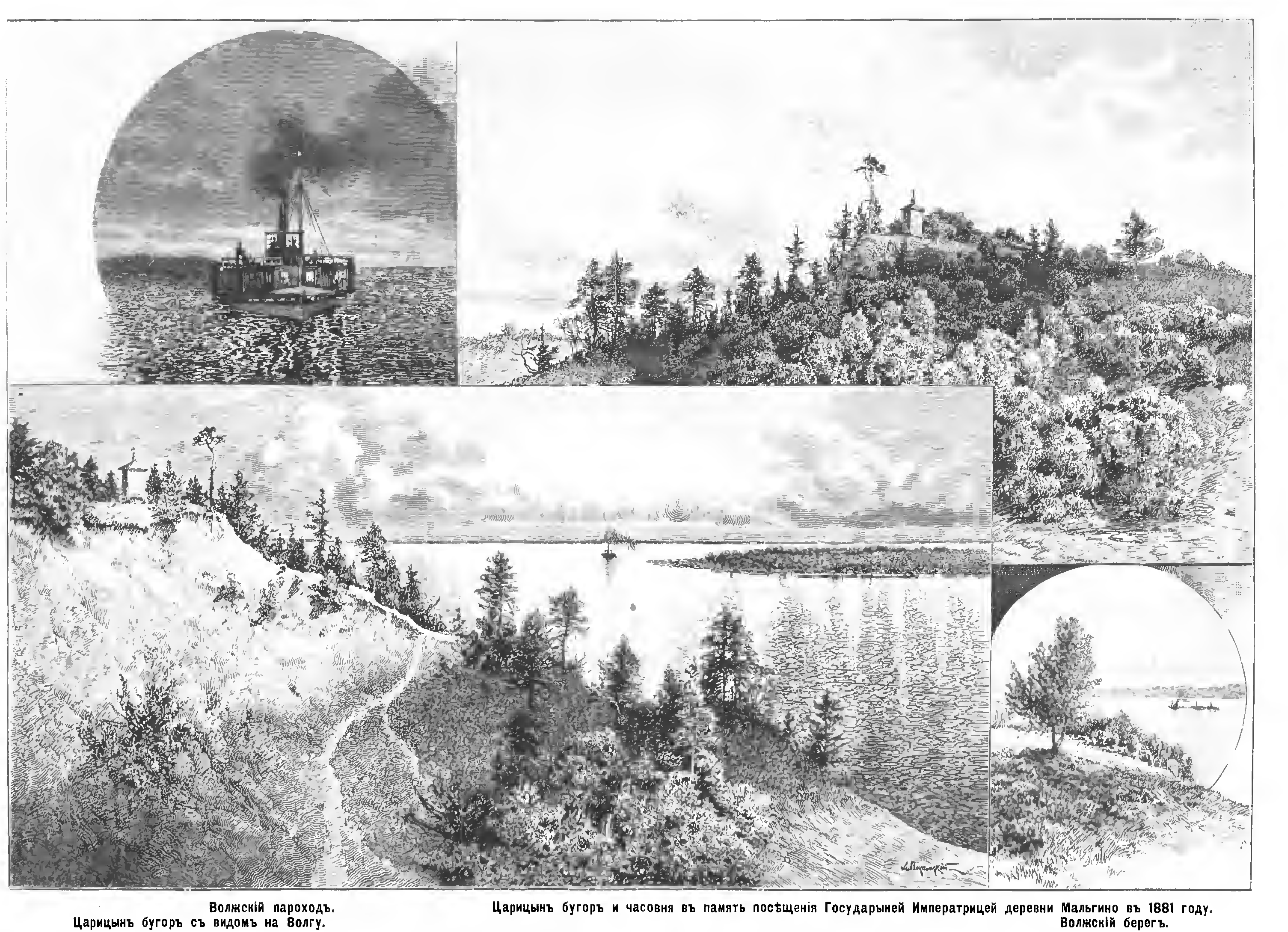
Такъ проходили дни за днями. Пребываніе малютки-найденыша въ землянкѣ Д—вича внесло какъ бы освѣжающую струю въ среду суровой бивуачной жизни. Самъ Д—вичъ всецѣло сосредоточился на мысли, чтобы доставить всевозможныя удобства своей питомицѣ, которая вскорѣ перестала дичиться окружающихъ ее незнакомыхъ людей и какъ бы начинала понимать то, что ей говорили. Слово „папа“, обращаемое безразлично къ Д—вичу и Сидорчуку, она начала выговаривать сознательно прежде всего; затѣмъ довольно внятно произносила: „пить“, „ѣсть“, „хорошо“ и нѣсколько общеупотребительныхъ словъ. Не проходило дня, чтобы многіе изъ офицеровъ не посѣщали землянки Д—вича, принося ея маленькой обитательницѣ всевозможныя сласти, которыя только можно было найти у маркитанта. Солдатики, одинъ передъ другимъ, наперерывъ, спѣшили въ свою очередь поняньчить малютку, которая довѣрчиво шла къ нимъ на руки. Однимъ словомъ, дѣвочка эта сдѣлалась общею любимицей всего полка, начиная отъ полковаго командира до послѣдняго фурштата.

Такъ прошло три недѣли. Наступили жестокіе морозы и дѣвочку, названную по инниціативѣ Д—ча, Машей, пріодѣли общими стараніями офицеровъ, при содѣйствіи Сидорчука и Борщова, довольно тепло. Сидорчукъ смастерилъ для своей любимицы два ситцевыхъ платья, кое-что необходимое изъ бѣлья, и даже ухитрился сдѣлать изъ стараго пальто Д—вича довольно теплую кофту въ родѣ бурнусика и капоръ. Борщовъ изъ переданныхъ въ его распоряженіе старыхъ голенищъ сшилъ довольно сносные полусапожки и такимъ образомъ гардеробъ маленькаго пріемыша полка былъ относительно устроенъ.

Въ это время, въ войскахъ стоявшихъ подъ Плевною пронесся слухъ о скоромъ выступленіи на Шипкинскій перевалъ для усиленія корпуса генерала Радецкаго.

Вѣсть эта поставила въ довольно непріятное положеніе Д—ча, озабоченнаго дальнѣйшей участью своей питомицы, но

Запорожцы на пути въ Сѣчь. Ориг. рис. (собственность „**Нивы**") **В. Сѣрова**, грав. Флюгель.



Волжскій пароходъ.
Царицынъ бугоръ съ видомъ на Волгу.
Царицынъ бугоръ и часовня въ память посѣщенія Государыней Императрицей деревни Мальгино въ 1881 году.
Волжскій берегъ.

Царицынъ бугоръ на Волгѣ близъ Юрьевца. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) Писемскаго, грав. Рашевскій.

къ этому вопросу сочувственно отнеслись всѣ офицеры во главѣ съ самимъ командиромъ полка, А. К. М—вымъ.

По иниціативѣ послѣдняго, было рѣшено на общемъ собраніи офицеровъ, признать малютку Машу полковою дочерью и изъ добровольныхъ взносовъ дѣлаемыхъ офицерами ежегодно, образовать капиталъ, на который она могла бы получить приличное воспитаніе въ предѣлахъ Имперіи.

Съ рѣшеніемъ этого вопроса было предложено и дать фамилію дѣвочкѣ соотвѣтственную случаю, вслѣдствіе чего она и была названа фамиліей командира полка съ присовокупленіемъ названія полка, т. е. М—вою-С—кою.

Теперь предстоялъ вопросъ: какимъ образомъ отправить малютку въ Россію?

Полкъ выступалъ на-дняхъ въ глубь турецкихъ владѣній, а сообщенія съ отечествомъ черезъ Румынію, кромѣ почтоваго, не было никакого.

Но и тутъ выручилъ случай.

Передъ самымъ выступленіемъ полка въ походъ на Балканы, къ Дольнему-Дубняку прибылъ подвижной лазаретъ подъ начальствомъ графа С—ба, направлявшійся съ ранеными и сестрами милосердія въ Румынію, а затѣмъ и въ Россію.

Одна изъ сестеръ милосердія, по просьбѣ начальника штаба дивизіи, принявшаго горячее участіе въ малюткѣ-пріемышѣ, взяла на себя трудъ доставить ребенка въ Россію и передать его семейству почтеннаго полковника Г—вина, живущему въ Москвѣ.

Насталъ день выступленія полка изъ бивуака, а слѣдовательно и передачи дѣвочки въ распоряженіе будущей ея попечительницы, сестры милосердія.

Нужно было видѣть непритворное горе какъ самого Д—вича, такъ и усача-няньки Сидорчука, которымъ предстояла разлука съ ихъ любимицей. Д—вичъ цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ, ворочаясь въ раздумьи съ боку на бокъ, а Сидорчукъ продежурилъ до разсвѣта у кроватки, гдѣ беззаботно покоилась малютка Маша.

Съ разсвѣтомъ ударили сборъ, и солдатики выползли изъ палатокъ, начали выстраиваться къ походу.

Офицеры передъ выступленіемъ изъ лагеря спѣшили къ землянкѣ Д—вича, чтобы проститься съ общей ихъ дочерью. Малютка недоумѣло таращила глазенки переходя съ рукъ на руки и улыбалась только на расточаемыя ей ласки и поцѣлуи.

Понуро опустя головы смотрѣли на эту трогательную сцену Д—вичъ и Сидорчукъ.

Но вотъ барабаны ударили подъемъ; послышалась команда начальниковъ—и первый баталіонъ, съ пѣсенниками впереди, началъ вытягиваться на Софійское шоссе по направленію къ Плевнѣ.

Къ опустѣвшей землянкѣ Д—вича подъѣхала повозка подвижнаго лазарета.

— Ну что же, гдѣ у васъ дѣвочка? послышалось изъ повозки мягкое mezzo-soprano пожилой женщины въ костюмѣ сестры милосердія.

— Вотъ... возьмите, берегите пожалуйста, сдавленнымъ голосомъ проговорилъ Д—вичъ, передавая въ повозку закутанную съ ногъ до головы дѣвочку.—А это вотъ ей на дорогу, добавилъ онъ, протягивая руку съ довольно объемистымъ кошелькомъ.

— Зачѣмъ, не надо, я ее и такъ довезу, попробовала протестовать сестра милосердія.

— Нѣтъ, возьмите, ей тамъ пригодится... Если что, напишите прямо въ полкъ, на имя командира... Прощайте... Прощай, Маша! торопливо, какъ бы захлебываясь отъ подступавшихъ къ горлу слезъ, проговорилъ Д—вичъ, поспѣшно отходя къ выстроившейся и ожидавшей его ротѣ.

— Прощай, Маша! хрипло, точно простонавъ, вымолвилъ въ сторону малютки, сидѣвшей уже въ повозкѣ, Сидорчукъ, и крупная слеза скатилась по его загорѣлой щекѣ.

Маша, какъ бы чувствуя съ кѣмъ она разстается и видя себя на рукахъ незнакомой женщины, протянула въ сторону солдата ручонки и расплакалась.

Слезы малютки больно подѣйствовали на нервную натуру молодаго поручика.

— Справа по отдѣленіямъ! ружья вольно! шагомъ маршъ! скомандовалъ онъ надтреснутымъ голосомъ и зашагалъ во главѣ роты, за ушедшими впередъ войсками.

— Ну, трогай! крикнулъ возница на лошадей, и повозка покатила въ обратную сторону, по намерзлой почвѣ шоссе, по направленію къ Дольнему-Дубняку.

До ушей Д—вича издали по временамъ доносился какъ бы плачъ оставленнаго имъ ребенка, и онъ, чтобы заглушить въ себѣ эти мучительные для него звуки, вызвалъ пѣсенниковъ впередъ роты.

Греми слава трубой—
Мы дрались, турокъ, съ тобой!

раздалась залихватская пѣсня изъ десятка молодецкихъ грудей, и рота бодро зашагала по направленію къ Плевнѣ.

Въ августѣ 1878 года, когда С—кій полкъ послѣ перемирія стоялъ лагеремъ за Балканами, около села Курджикіой, было получено письмо, въ которомъ извѣщали, что дочь полка 15 іюля присоединена къ православію, подъ именемъ Маріи, и находится въ семьѣ полковника Г—вина, гдѣ всѣ ее очень любятъ.

Дальнѣйшая судьба этой дѣвочки автору неизвѣстна. По слухамъ, она воспитывалась въ одномъ изъ провинціальныхъ институтовъ.

В. Д.

Мѣры, принимаемыя Германіей для обороны ея береговъ.

Очеркъ **В. В. Иванова.**

„Если хочешь жить въ мирѣ, готовься къ войнѣ"—изреченіе извѣстное, и, руководясь-ли дѣйствительнымъ желаніемъ жить въ мирѣ или по инымъ побужденіямъ, Германія дѣятельно трудится надъ мѣрами обороны своихъ береговъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей и надъ развитіемъ своего военнаго флота. Намъ, ея близкимъ сосѣдямъ, конечно, не мѣшаетъ не упускать изъ виду этихъ оборонительныхъ мѣръ, такъ какъ онѣ могутъ представить для насъ живѣйшій и насущный интересъ, если помнить, что дружба вообще, а въ особенности политическая дружба, измѣнчива и что оборонительныя мѣры часто служатъ весьма прозрачнымъ прикрытіемъ, а въ случаѣ надобности—большимъ подспорьемъ для мѣръ наступательныхъ.

И такъ, читатель, познакомимся съ этими мѣрами въ нижеслѣдующемъ, по возможности сжатомъ, ихъ очеркѣ. Берегъ Германіи начинается отъ русской границы, у Полангена, и, направляясь дугообразно сперва на югъ, а потомъ на западъ, достигаетъ Шлезвига (южная часть Ютландскаго полуострова). Онъ богатъ заливами. Изъ послѣднихъ наиболѣе близки къ русской границѣ: Куришэ-гафъ и Фришэ-гафъ, обширныя водныя пространства. Каждый изъ этихъ заливовъ отдѣляется отъ Балтійскаго моря длинною, узкою и низменною полосою земли—косою или, какъ нѣмцы ихъ называютъ, *нерунг*'омъ: *Куришэ-нерунгъ* и *Фришэ-нерунгъ*. Изъ мѣстечекъ и городовъ, стоящихъ на берегахъ этихъ заливовъ и на дальнѣйшемъ, по направленію на западъ, берегу Германіи, я, имѣя въ виду назначеніе этой статьи, упомяну только о тѣхъ, за которыми нѣмцы признали бо́льшую или ме́ньшую стратегическую или экономическую важность и потому постарались укрѣпить ихъ. Замѣчу мимоходомъ, что планъ укрѣпленій еще не весь выполненъ и что германское правительство продолжаетъ ежегодно ассигновать большія суммы на сооруженіе фортовъ (укрѣпленій), каналовъ, разнаго рода военныхъ судовъ и на минированіе фарватеровъ [1]).

[1]) *Минированіе*—разстановка минъ (разныхъ системъ) по тѣмъ, болѣе глубокимъ, естественнымъ, а иногда и расчищеннымъ (искусственно углубленнымъ) каналамъ, которыми непріятельскія суда должны были бы проходить, если бы пожелали подойти (конечно съ враждебными намѣреніями) къ какому-нибудь порту или вообще къ какому-нибудь важному береговому пункту.

Мемель—коммерческій портъ на сѣверномъ берегу входа въ Куришэ-гафъ. Онъ укрѣпленъ съ юго-западной стороны цитаделью съ крѣпкими земляными бастіонами, но—въ отношеніи вооруженія—послѣдніе не вполнѣ отвѣчаютъ современнымъ требованіямъ. Входъ въ узкій, естественный каналъ, соединяющій Куришэ-гафъ съ Балтійскимъ моремъ, оберегается двумя батареями, изъ которыхъ одна стоитъ на материковомъ берегу, а другая — на оконечности длинной косы Куришэ-нерунгъ, отдѣляющей заливъ Куришэ-гафъ отъ моря; на батареяхъ двѣнадцать орудій большаго калибра. Отъ Мемеля желѣзная дорога идетъ на Кенигсбергъ, а послѣдній соединенъ—желѣзными путями — съ разными какъ береговыми, такъ и внутренними пунктами Германіи. Высадка непріятеля на косу Куришэ-нерунгъ признается мало-вѣроятною.

Пиллау, по отношенію къ заливу Фришэ-гафъ, играетъ такую же роль, какую Мемель—по отношенію къ Куришэ-гафу. Пиллау служитъ внѣшнимъ портомъ для Кенигсберга. Оборона его, какъ важнаго въ стратегическомъ отношеніи пункта, весьма солидна. Со стороны моря сооруженъ пятиугольный фортъ съ бастіонами; со стороны залива (гафа)—фортъ съ панцырными (броневыми) куполами, а противъ послѣдняго, на оконечности косы Фришэ-нерунгъ, стоятъ фортъ и три батареи. Всѣ эти укрѣпленія на видъ весьма внушительны и, какъ говорятъ, артиллерія ихъ состоитъ изъ 12—14 дюймовыхъ пушекъ [1]). Надо полагать, что при такихъ оборонительныхъ сооруженіяхъ, атака Кенигсберга со стороны моря едва-ли возможна, тѣмъ болѣе, что глубина рѣки Прегель, на берегу которой стоитъ этотъ городъ, не превышаетъ 10 футовъ и, слѣдовательно, атаку пришлось-бы вести только съ весьма мелкосидящими въ водѣ судами. Но укрѣпленъ тщательно не только входъ къ Кенигсбергу, а и самый Кенигсбергъ. Послѣдній имѣетъ весьма многочисленный гарнизонъ; притомъ онъ обнесенъ оборонительною стѣнкою и тринадцатью отдѣльными укрѣпленіями, вооруженными орудіями большаго калибра. Отъ Кенигсберга три желѣзныя дороги направляются внутрь стра-

[1]) Т. е. такихъ орудій, у которыхъ поперечникъ выходнаго (дульнаго) отверстія равенъ 12—14 дюймамъ.

ны, а четвертая (главная береговая стратегическая линія сѣвера Германіи) тянется чрезъ лежащіе близь моря города: Маріенбургъ, Данцигъ, Стольпэ, Кольбергъ, Штеттинъ, Любекъ и Киль. Къ ней, на всемъ ея протяженіи, примыкаетъ множество другихъ линій, вводящихъ ее въ связь со внутреннею желѣзно-дорожною сѣтью Германіи [1].

Коса Фришэ-нерунгъ не нуждается въ той оборонѣ, какая дана косѣ Куришэ-нерунгъ. Часть ея—„Вердеръ"—такъ сказать отвоевана отъ моря и, въ случаѣ войны, можетъ быть затоплена.

Далѣе по берегу Балтійскаго моря, на самомъ западномъ рукавѣ рѣки Вислы, въ трехъ миляхъ отъ этого моря, находится крѣпость и портъ Данцигъ, передъ которымъ расположенъ довольно глубокій и обширный (60 миль въ длину) заливъ. Отъ западнаго берега этого залива, къ его серединѣ, выбѣгаетъ узкая, низменная и песчаная коса *Хела* (Nehrung Hela), по внутреннюю сторону которой находится заливъ *Пуцигеръ-викъ*,—надежное и обширное якорное мѣсто, часто посѣщаемое судами германскаго военнаго флота.

Въ настоящее время Данцигъ—торговый портъ; но нѣмцы рѣшили превратить его въ одну изъ первоклассныхъ станцій германскаго военнаго флота. Они нашли, что Либава, которую русское правительство намѣрено превратить въ одну изъ такихъ станцій для своего военнаго флота, слишкомъ близка къ германской границѣ. До сихъ поръ у нѣмцевъ первоклассною станціею былъ одинъ Киль.

Данцигъ имѣетъ сто-тысячное населеніе; онъ служитъ главною квартирою втораго армейскаго корпуса. Ниже города, на сѣверной части острова Хольмъ (на рѣкѣ Вислѣ) стоитъ нѣсколько батарей. Кромѣ того, на лѣвомъ берегу Вислы, у деревни Брёзенъ, стоятъ: фортъ (командующій устьемъ рѣки) съ шестью и батарея съ семью орудіями большаго калибра; на правомъ берегу—два сильные редута и укрѣпленный лагерь. По восточную сторону города стоитъ фортъ, а возлѣ форта—люнетъ, командующій нѣкоторыми важными шлюзами.

Побережье по западную сторону Данцига, на протяженіи многихъ миль, защищено самою природою и потому здѣсь важныхъ оборонительныхъ сооруженій нѣтъ. Далѣе встрѣчаются: Штольпмюндэ (при устьѣ рѣки Штольпэ), Рюгенвальдэ (на устьѣ рѣки Випперъ) и Кольбергъ [2] (на устьѣ рѣки Персантэ); первые два имѣютъ въ резервѣ дальнобойныя орудія.

Еще далѣе идетъ Штеттинъ,—городъ на берегу рѣки Одеръ; онъ съ его окрестностями имѣетъ весьма важное значеніе въ стратегическомъ отношеніи. Оборонительныя его сооруженія, также какъ и сооруженія находящихся передъ нимъ двухъ большихъ острововъ (Уседомъ и Воллинъ), каналовъ и внутренняго устья рѣки Одеръ, образуютъ одну фортификаціонную систему. Изъ трехъ ведущихъ къ нему фарватеровъ, одинъ—именно фарватеръ рѣки Свинэ—удобенъ для плаванія большихъ судовъ (глубина 23—24 англ. ф., ширина немного болѣе четверти мили). У устья, для защиты его отъ засоренія иломъ, выведены два (каждый на три-четверти мили) прекрасные мола. Свинемюндэ—второстепенный морской портъ. Изъ него идутъ желѣзныя дороги въ Штеттинъ, имѣющій значительные торговые дома и обширныя мастерскія общества морскихъ построекъ „Вулканъ", и въ Стральзундъ. Укрѣпленія Свинемюндэ соотвѣтствуютъ его стратегическому и большому экономическому значенію. На правомъ и на лѣвомъ берегахъ устья рѣки Свинэ сооружены массивныя, совершенно одинаковыя, земляныя укрѣпленія, вооруженныя двѣнадцати-дюймовыми орудіями.

Штеттинъ, служащій главною квартирою втораго армейскаго корпуса, имѣетъ значительный гарнизонъ, но оборонительная его стѣнка разрушена, и попади онъ когда-нибудь въ руки враговъ—участь его будетъ зависѣть отъ милости этихъ послѣднихъ. Впрочемъ, для своей обороны онъ имѣетъ нѣсколько блиндированныхъ капонировъ и, кромѣ того, выработанъ проектъ минированія ведущихъ къ нему фарватеровъ.

Между островами Уседомомъ и Рюгеномъ, на сѣверо-западъ отъ перваго, находится Грейфсвальдскій заливъ, противъ вершины котораго, на материкѣ, стоитъ городъ Грейфсвальдъ; нѣсколько же далѣе, на части материка, наиболѣе близкой къ острову Рюгену, стоитъ Стральзундская крѣпость; эта послѣдняя командуетъ проливомъ Стрелазундъ, находящимся между материковымъ берегомъ и берегомъ острова Рюгена.

Оборона Стральзунда пока требуетъ еще многихъ улучшеній, но къ этимъ улучшеніямъ уже приступлено. На косѣ, выбѣгающей отъ Стральзунда въ море, находится старинная, лишь отчасти перестроенная, крѣпость; по направленіямъ на сѣверъ и на востокъ отъ него стоитъ по одной батареѣ; въ направленіи же на югъ—два люнета. На островѣ Рюгенѣ, противъ Стральзунда, сооружены два укрѣпленія, изъ которыхъ одно, Кральхофъ, вооруженное 14 орудіями большаго калибра, имѣетъ весьма важное стратегическое значеніе. Оба эти укрѣпленія (второе четырехъ-пушечное) могутъ, при содѣйствіи минъ, преградить непріятелю путь чрезъ проливъ Стрелазундъ. Кромѣ того, намѣреваются поставить по одному укрѣпленію на образующихъ сѣверную часть острова Рюгена — полуостровахъ Виттовѣ и Язмундѣ.

Въ дальнѣйшемъ направленіи на западъ (именно на юго-западъ), на материковомъ берегу, при устьѣ рѣки Варновъ, стоитъ городъ Ростокъ. Въ немъ, вмѣсто прежде существовавшихъ укрѣпленій, вѣроятно уже сооружаются новыя. Изъ нихъ нѣкоторыя будутъ имѣть броневые куполы, а вооруженіе ихъ будетъ состоять изъ четырнадцати-дюймовыхъ орудій.

Еще далѣе на юго-западъ находится Висмарская бухта, на берегу которой стоитъ городъ Висмаръ. Этотъ пунктъ признается военными критиками однимъ изъ слабѣйшихъ на всемъ побережьи Балтійскаго моря. Хотя на материкѣ и поставлены двѣ батареи, одна съ шестнадцатью, другая съ пятью орудіями, но непріятель для высадки дессанта могъ-бы прекрасно воспользоваться островомъ Поэль и маленькимъ Воленбургскимъ заливомъ. Эти оборонительныя невыгоды окупаются, впрочемъ, тѣмъ, что Висмаръ стоитъ на одной изъ вѣтвей стратегической береговой желѣзно-дорожной линіи и въ немъ легко было-бы быстро сосредоточить войска. Висмарская бухта составляетъ восточную вершину обширной Нейштадтской бухты, у другой (западной) вершины которой, въ десяти миляхъ вверхъ по теченію впадающей въ нее рѣки Травэ. стоитъ городъ Любекъ; къ послѣднему могутъ подходить суда сидящія не глубже 16 футъ. Въ Травэмюндэ, старинномъ портѣ при устьѣ рѣки Травэ, могутъ выгружаться большія суда. Оборона входа нынче ограничивается минами, но чрезъ Любекъ, по одной изъ малыхъ вѣтвей береговой стратегической линіи, возможенъ подвозъ войскъ.

Отъ западной части Нейштадтской бухты, берегъ направляется на западо-сѣверо-западъ (WNW), къ Кильскому фіорду. Фіордъ (заливъ) этотъ узокъ; онъ врѣзывается — въ направленіи на юго-юго-западъ—на 10 миль въ Голштинію. Городъ Киль стоитъ въ глубинѣ фіорда, берега котораго окаймлены холмами. Наибольшая высота послѣднихъ 1,000 фут. (304,7 метра). Фіордъ этотъ глубокъ; даже близь городской набережной глубина достигаетъ 6-ти, 10-ти и болѣе метровъ (т. е. 19,7 и 32,8 футовъ). Арсеналъ стоитъ между мѣстечкомъ Эллербекомъ и моремъ. У самой вершины фіорда находятся верфи [1] общества „Германія". Большія морскія верфи находятся и въ Неймюленѣ.

Для обороны Киля со стороны моря сооружены грозныя укрѣпленія. Во-первыхъ, на лѣвомъ берегу фіорда стоитъ Фридрихсортъ—очень сильная цитадель, въ тылу которой находятся артиллерійскій паркъ и магазины наполненные минами и взрывнымъ матеріаломъ для подводныхъ минъ. На такъ-называемомъ „Brauner Berg'ѣ" стоитъ крѣпость Фалькенштейнъ, достигающая 17 саженъ высоты надъ уровнемъ моря. Далѣе по берегу фіорда стоитъ грозный и сильно вооруженный фортъ Приссъ съ двумя крытыми, бронированными (толщина брони 25 сантиметровъ, т. е. около 10 дюймовъ) батареями, вооруженными 3 и 6 дюйм. орудіями;—двумя желѣзными башнями (толщина стѣнъ не менѣе 16 дюймовъ), каждая съ двумя орудіями десяти-дюймоваго калибра; двумя открытыми и неблиндированными батареями, сооруженными изъ тесаныхъ камней и изъ земли, съ толщиною стѣнъ въ 19 футовъ,—батареями, вооруженными одиннадцати-дюймовыми мортирами; тремя желѣзными башенками, каждая съ двумя четырехъ-дюймовыми орудіями, и тремя желѣзными масками, защищающими каждая по четыре двухъ-дюймовыя картечницы. Это важное укрѣпленіе высится приблизительно на 130 футовъ надъ поверхностью фіорда.

И на правомъ берегу, у Мёльтенорта, на косѣ, выдающейся въ море, сооружена батарея съ орудіями большаго калибра. Ниже по берегу находятся другіе форты и батареи, между прочимъ, фортъ Стошъ и фортъ Рёнсдорфъ, весьма похожій на обращенный къ нему фасомъ фортъ Приссъ. Двѣ крытыя, блиндированныя батареи форта Рёнсдорфъ вооружены четырьмя осьми-дюймовыми и шестью одиннадцати-дюймовыми орудіями; блиндажъ его состоитъ изъ плитъ осьми-дюймовой толщины. Этотъ фортъ имѣетъ три желѣзныя башенки (съ наименьшею толщиною стѣнокъ въ 20 дюймовъ), изъ которыхъ каждая вооружена двумя двѣнадцати-дюймовыми орудіями; кромѣ того: двѣ открытыя батареи съ четырьмя осьми-дюймовыми мортирами; четыре желѣзныя башенки, каждая съ двумя четырехъ-дюймовыми орудіями, и четыре желѣзныя маски, за которыми стоятъ четыре двухъ-дюймовыя картечницы. Киль и его предмѣстья будутъ ограждены фортами и съ материковой стороны.

Устье канала, соединяющаго моря Балтійское и Сѣверное (Нѣмецкое), находится въ Хольтенау, на полупути между Фридрихсортомъ и Килемъ. Каналу этому предназначается важная роль въ дѣлѣ обороны береговъ Германіи. Описаніе обороны Киля дано мною съ нѣсколько большими подробностями, потому что это важнѣйшій военный портъ Германіи на Балтійскомъ морѣ. Необходимо добавить, что сообщеніе его съ внутреннею страною обезпечивается тремя желѣзно-дорожными линіями.

Теперь опять буду краток̀ъ по возможности. Устье Экеп-

[1] Свѣдѣнія помѣщены въ англійской газетѣ „*Times*"; см. также „*Revue Française*".

[2] Когда-то важный оборонительный пунктъ. Въ войны *семилѣтнюю* и *1805—1807* годовъ онъ успѣшно сопротивлялся непріятелю. Нѣкоторыя изъ его полуразрушенныхъ укрѣпленій исправлены и вновь вооружены, согласно съ современными требованіями.

[1] Верфи служатъ для постройки судовъ.

фіорда, находящееся на сѣверо-западъ отъ Киля, имѣетъ для послѣдняго такое же значеніе, какое Спидхэдъ—для Портсмута; оно представляетъ собою глубокое и надежное якорное мѣсто.

Отъ Киля—въ направленіи къ датской границѣ—единственный фортъ, имѣющій нѣкоторую важность, находится на островѣ Альзенѣ. Проливомъ между Альзеномъ и материкомъ командуетъ батарея, состоящая изъ двадцати-двухъ орудій. Новыя батареи начинаютъ возводить на обоихъ берегахъ пролива Альсъ-зундъ [1]).

Вся сѣверная часть германскаго берега Нѣмецкаго (Сѣвернаго) моря ограждена самою природою: передъ нею тянется рядъ песчаныхъ банокъ съ весьма извилистыми, пересѣкающими ихъ каналами, плаваніе которыми въ военное время, когда будутъ сняты всѣ ограждающіе ихъ теперь морскіе знаки, станетъ совершенно невозможнымъ. Важныя оборонительныя сооруженія встрѣчаются, поэтому, только по достиженіи устья Эльбы.

Входъ въ Эльбу между Бузумомъ и Куксхавеномъ, какъ и дальнѣйшій путь по ея фарватеру, извилисты и трудны. Такъ какъ фарватеръ рѣки идетъ вдоль южнаго ея берега, то послѣдній тщательнѣе укрѣпленъ, чѣмъ другой берегъ рѣки. У Куксхавена, въ мѣстности, называемой Кугель-Бек'омъ, построенъ фортъ, вооруженный четырнадцатью орудіями большаго калибра и восемью фланковыми орудіями меньшаго калибра. Помимо главнѣйшихъ укрѣпленій, есть здѣсь и второстепенныя, по западную сторону первыхъ, а между этими батареями и Куксхавеномъ сооружена батарея изъ восьми орудій.—Новый фортъ построенъ при входѣ въ Куксхавенскій портъ, а далѣе стоитъ фортъ Остерхорнестакъ, вооруженный шестью орудіями; ниже Гродена стоитъ укрѣпленіе съ восемью орудіями большаго калибра. Наконецъ, на нѣсколько миль выше, у Стадэ, стоятъ форты: съ пятью орудіями, у Барнкруга, и съ десятью орудіями, у Грауерорта, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка съуживается. На лѣвомъ берегу еще нѣтъ важныхъ укрѣпленій. Построить сильную крѣпость и учредить небольшую военно-морскую станцію намѣрены у Брунсбютеля, тамъ, гдѣ каналъ, долженствующій соединить моря Балтійское и Сѣверное, будетъ имѣть свое южное устье.

Соединенныя устья р. Везера и залива Ядэ образуютъ, на юго-западъ отъ Куксхавена, обширную, усѣянную песчаными мелями, бухту, въ верхнюю часть которой вндряется полуостровъ Норденгамъ. По восточную сторону этого полуострова лежитъ устье р. Везеръ, а по западную — устье Ядэ. Для обороны устья Везера недавно построено четыре форта,—по два съ каждой стороны. Во-первыхъ, у устья стоитъ фортъ Имсумъ, имѣющій четыре броненосныя башни; изъ нихъ три, обращенныя къ морю, вооружены каждая двумя одиннадцатидюймовыми орудіями; въ башнѣ же, обращенной къ материку, поставлено два шести-дюймовыхъ орудія. Нѣсколько выше Имсума стоитъ Бринкамахофъ,—фортъ, вооруженный восьмидюймовыми орудіями. По сосѣдству съ нимъ, на отмели Лангъ-Лютьенъ-зандъ, покрывающейся водою при каждомъ приливѣ, построено еще два форта. Дальнѣйшій изъ этихъ фортовъ имѣетъ шесть броненосныхъ башенъ, изъ нихъ четыре вооружены каждая двумя орудіями одиннадцати-дюймоваго калибра, а остальныя имѣютъ по два же орудія шести-дюймоваго калибра. Фортъ № 1 состоитъ изъ блиндированной батареи съ девятью орудіями восьми-дюймоваго калибра.

Вильгельмсхафенъ, морской портъ, укрѣпленъ очень сильно, въ особенности въ болѣе узкомъ мѣстѣ рѣки Ядэ, у Эквардена. По сѣверную сторону Вильгельмсхафена берегъ обороняется двумя большими укрѣпленіями: фортомъ Хеппенсъ, вооруженнымъ 19 орудіями большаго калибра (помимо зависящей отъ него батареи съ 7 орудіями) и Даунсфельдомъ, вооруженнымъ 15 орудіями одиннадцати- и двѣнадцати-дюймоваго калибра. Съ сухопутной стороны Вильгельмсхафенъ обороняется фортами: Рюстерзилемъ, Шааромъ и Маріензилемъ, соединенными между собою желѣзною дорогою: изъ нихъ фортъ Рюстерзиль командуетъ подходами съ моря.

Отъ устья р. Ядэ и далѣе нѣтъ укрѣпленій, за исключеніемъ батареи, оберегающей каналъ между Эмденомъ и Долдартомъ: а отъ послѣдняго начинается голландская граница. Здѣсь обороною для берега служатъ обширныя песчаныя мели („watten“ по мѣстному названію), дно которыхъ при отливѣ осушается. Тѣмъ не менѣе этотъ берегъ введенъ въ непосредственную связь съ сѣтью береговыхъ желѣзныхъ дорогъ и наиболѣе важные его пункты соединены какъ надземною, такъ и подводною телеграфными проволоками.

Соединительный каналъ между морями Сѣвернымъ (Нѣмецкимъ) и Балтійскимъ, къ прорытію котораго приступили 3 іюня 1887 года, входитъ въ тѣсную связь съ проектомъ обороны германскихъ береговъ. Онъ будетъ имѣть ширину, у дна, приблизительно 69 фут., а глубина его будетъ около 17 фут. Шлюзовъ у него будетъ только два, по одному на каждой его оконечности. Когда каналъ этотъ откроютъ для плаванія судовъ, послѣдція въ состояніи будутъ проходить изъ Киля въ Эльбу и обратно въ теченіе 8 часовъ. Тогда вопросъ объ обладаніи выходами Балтійскаго моря (Бельты, Каттегатъ, Скагеракъ) потеряетъ для Германіи значеніе и она, имѣя свой собственный входъ въ это море, изъ Нѣмецкаго моря, всегда будетъ въ состояніи концентрировать, въ случаѣ надобности, свои эскадры въ короткое время. Существуетъ предположеніе образовать еще и внутренній судоходный путь между Килемъ и Вильгельмсхафеномъ.

Теперь нѣсколько словъ о военномъ флотѣ Германіи. Онъ въ настоящее время состоитъ изъ слѣдующихъ 15 броненосцевъ, одинъ двухбашенный *перваго класса*, вооруженный четырьмя 8,2 дюйм. орудіями; толщина его брони отъ 4½ до 7½ дюймовъ; онъ сидитъ въ водѣ 13 футовъ 9 дюймовъ. Къ *второму классу* принадлежатъ 11 броненосцевъ, изъ которыхъ каждый вооруженъ 37-тоннымъ орудіемъ, стрѣляющимъ черезъ барбетъ, и имѣетъ броневую обшивку толщиною отъ 5 до 8 дюймовъ; они сидятъ въ водѣ только 10 фут. 3 дюйм. Къ *третьему классу* принадлежатъ два броненосца, изъ которыхъ каждый вооруженъ 8½ дюйм. орудіемъ; бронею покрыта у нихъ одна палуба, а въ водѣ они сидятъ не глубже 11 футовъ. Изъ десяти строющихся броненосцевъ *четвертаго класса* спущенъ на воду только одинъ „Зигфридъ“; его артиллерія состоитъ изъ трехъ барбетныхъ орудій; по ватерлиніи онъ защищенъ броневымъ поясомъ. Въ теченіе текущаго года должно быть построено еще два броненосца; въ 1890 — 91, 1891 — 92, въ 1892—93 гг. также по два броненосца, въ 1894 г. должна быть начата постройка послѣдняго изъ нихъ. Такимъ образомъ Германія, *для защиты ея береговъ*, будетъ имѣть 24 броненосца, изъ которыхъ восемь или девять предназначаются для охраны Эльбы, а остальные будутъ распредѣлены вдоль побережій Германіи.

Къ рисункамъ.

Лягушечій концертъ. (Рис. на стр. 753)

Вотъ какъ извѣстный знатокъ жизни животныхъ, Альфредъ Брэмъ, передаетъ звуки и впечатлѣніе этого болотнаго оркестра: „Брекеке,—брекеке, брекеке!—коаксъ, ту-у!—брекеке, брекеке,—брекеке, кварръ, брекеке, ту-у! и т. д. Хотя Окенъ и говоритъ, что стоя вблизи пруда населеннаго лягушками думаешь, что находишься около дома умалишенныхъ, но по моему голоса ихъ, ихъ пѣніе точно такъ-же составляютъ неотъемлемую принадлежность весенней ночи, какъ и трели соловья. Въ простыхъ звукахъ ихъ высказывается безграничная веселость, даже настоящая гармонія, какъ ни рѣзки, повидимому, отдѣльные звуки. „Брекеке“ начинаетъ одна, запѣвало всего общества, а другія слушаютъ пока молча, но въ слѣдующій мигъ разражаются тою-же строфой или глухимъ: „кварръ“ и продолжаютъ квакать какъ слѣдуетъ. Съ прохладою сумерокъ начинается общее пѣніе; оно продолжается упорнѣе, чѣмъ всякая другая пѣснь ночи, и только къ утру въ болотѣ дѣлается тише, хотя и тутъ постоянно то та, то другая, какъ бы вспомнивая прежнюю удаль, даетъ себя знать полусдержаннымъ „кварръ!“

Художникъ, не имѣя возможности изобразить этихъ звуковъ графически, представилъ намъ лягушечій оркестръ играющимъ на крошечныхъ инструментахъ.

Гонецъ въ пустынѣ. (Рис. на стр. 756 и 757).

Верблюды, рожденные въ пустынѣ и въ степи—прекрасные бѣгуны; они въ состояніи пробѣгать не останавливаясь такія пространства, какихъ не можетъ пробѣжать ни одно домашнее животное. Богатая фантазія бедуиновъ сильно преувеличила быстроту хорошаго верблюда, но тѣмъ не менѣе скорость его очень значительна. Легкихъ, пріученыхъ верховыхъ верблюдовъ называютъ *хеджинъ* (верблюдъ пилигримовъ), а того кто ѣдетъ—*хеджанъ;* впрочемъ послѣднее названіе даютъ преимущественно вѣстовымъ, гонцамъ. Въ короткое время эти гонцы проѣзжаютъ почти невѣроятныя пространства. Знамениты верблюды разводимые близъ Эснеха въ верхнемъ Египтѣ, но еще знаменитѣе бишаримскіе изъ Восточнаго Судана. На такомъ хеджинѣ спасавшійся Мехметъ-Али проѣхалъ не останавливаясь отъ Каира до Александріи въ 12 часовъ. Такъ какъ разстояніе между этими городами равно по крайней мѣрѣ 175 верстамъ, то изъ этого примѣра видны быстрота и неутомимость этихъ животныхъ.

Съ добрымъ утромъ. (Рис. на стр. 761).

Стройная бѣлокурая дѣвушка тихонько вошла въ комнату и раздвинула занавѣски. Какъ золотыя иглы, ворвались солнечные лучи и освѣтили уютную спаленку, гдѣ на постелькѣ сладко спалъ краснощекій курчавый мальчуганъ. Отъ внезапнаго освѣщенія, онъ открылъ было свои глазенки, но тотчасъ снова зажмурился. „Пора вставать!“ раздался звонкій голосокъ

[1]) Знаменитыя Дюппельскія оборонительныя линіи и Зондербоpгскія укрѣпленія срыты; теперь на обоихъ берегахъ пролива Альсъ-зундъ начинаютъ возводить новыя укрѣпленія.

вошедшей и она, подбѣжавъ къ кроваткѣ, начала будить своего братишку. Онъ спачала нахмурился, съежился, но потомъ, выскочивъ изъ-подъ одѣяла, въ свою очередь, принялся тормошить и цѣловать своего мучителя, приговаривая: „Съ добрымъ утромъ, съ добрымъ утромъ!..“

Запорожцы на пути въ Сѣчь.

(Рис. на стр. 764).

Обращаемъ вниманіе читателей на чрезвычайно тонкій рисунокъ перомъ г. Сѣрова и смѣлые раккурсы коней и всадниковъ, теряющихся въ безграничномъ просторѣ степи. Выполненіе-же этого рисунка fac-simile въ гравюрѣ поразитъ каждаго имѣющаго хоть малѣйшее понятіе о ксилографіи. Это поистинѣ египетская работа, требующая громаднаго времени и почти непосильнаго напряженія глазъ.

Беззаботно несутся родимою степью вольныя птицы —братья по Сѣчи Запорожской, сокращая путь отъ времени до времени добрымъ глоткомъ горилки или запеканки изъ баклаги, причемъ каждый въ свою очередь усовѣщеваетъ пьющаго оставить что-нибудь и на его долю.

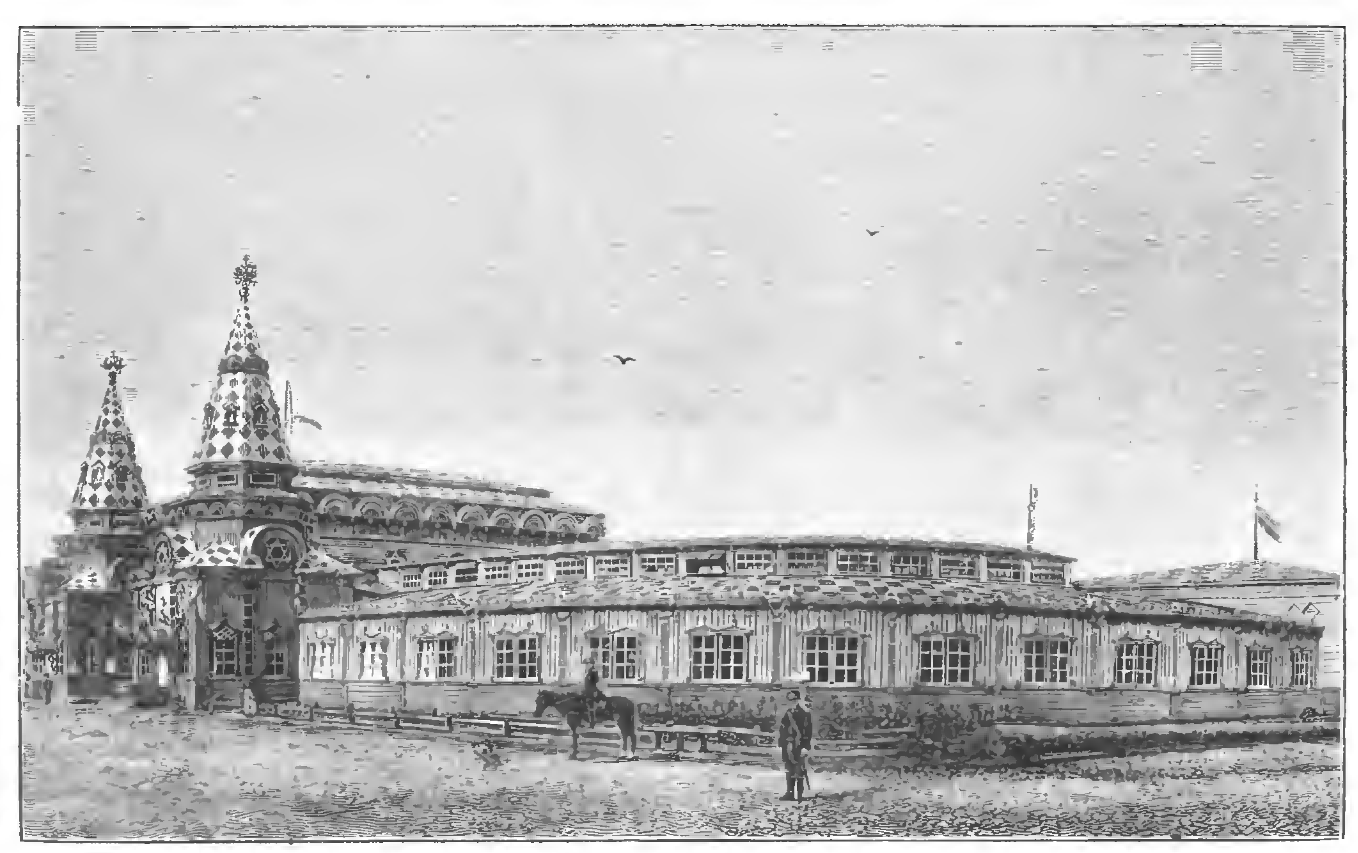
Леопольдъ II, король Бельгійскій.

Царицынъ бугоръ на Волгѣ близь Юрьевца. Ориг. рис. Писемскаго.

(Рис. на стр. 765).

Въ іюлѣ 1881 г., во время путешествія Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы по Волгѣ, во время стоянки парохода „Отважный“ близь города Юрьевца (Костромской губ.), вечеромъ 22 числа, Государыня Императрица съ Августѣйшими дѣтьми изволила на шлюпкѣ ѣздить на нагорный берегъ Волги. На этой прогулкѣ Ея Величество изволила зайти въ деревню Мальгино, стоящую въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки. По неожиданности Высочайшаго посѣщенія, крестьяне не вдругъ повѣрили счастію видѣть у себя Царицу. Глубоко растроганные, они колѣнопреклоненно молились на берегу.

Въ память этого событія, урочище на берегу получило названіе „Царицына бугра“ и на немъ сооружена часовня, изображенная нашимъ талантливымъ сотрудникомъ вмѣстѣ со всѣми окрестностями.



Казанская выставка. Главное зданіе и входъ на выставку. Съ фот. грав. Рашевскій.

Леопольдъ II, король Бельгійскій. (Портр. на стр. 769).

Бельгія на-дняхъ отпраздновала два юбилея: шестидесятилѣтній самого государства и 25-лѣтіе царствованія Леопольда II. 22 сентября 1830 года была провозглашена независимость Бельгіи, принятая 29 октября національнымъ собраніемъ, которое 23 мая слѣдующаго года избрало королемъ Леопольда, сына герцога Франца Саксенъ-Кобургскаго. Послѣ 34-лѣтняго царствованія, Леопольдъ I скончался 28 ноября 1865 года, и на престолъ вступилъ сынъ и преемникъ его Леопольдъ II, нынѣ празднующій четверть-вѣковой юбилей своего благополучнаго царствованія. Родившись 28 марта 1835 года, въ Брюсселѣ, онъ получилъ титулъ герцога Брабантскаго въ 1840 г. и спустя 6 лѣтъ поступилъ въ ряды войска, гдѣ послѣдовательно прошелъ всѣ чины до генералъ-лейтенанта включительно (1865 г.). Назначенный членомъ сената, по достиженіи совершеннолѣтія, онъ вступилъ 10 августа 1853 г. въ бракъ съ эрцгерцогиней Маріей-Генріэтой, дочерью умершаго эрцгерцога Іосифа, палатина Венгерскаго. Держась вдали отъ внѣшней политической жизни, Леопольдъ II, подобно своему отцу, всѣ свои усилія положилъ на процвѣтаніе страны. Развитіе торговли, особенно внѣшней, и успѣхи внутренней производительности прежде всего должны быть приписаны вѣнценосному юбиляру; затѣмъ громадныя заслуги въ дѣлѣ изслѣдованія внутренней Африки, для чего въ Брюсселѣ созывался даже особый конгрессъ въ 1876 году. Послѣдствіемъ было учрежденіе государства въ Конго, высокій протекторатъ надъ которымъ былъ принятъ Леопольдомъ II.

Юбилейныя торжества продолжались нѣсколько дней. 9 іюля было совершено торжественное молебствіе въ церкви Св. Гудулы, стѣны которой были великолѣпно украшены. Король и и королева возсѣдали на тронѣ противъ епископскаго мѣста, на которомъ находился кардиналъ де-Малинъ, окруженный всѣми прелатами Брюсселя. Затѣмъ королевская чета присутствовала на національной площади, гдѣ происходили торжественныя процессіи делегацій. Вечеромъ городъ былъ блестяще иллюминованъ и состоялось факельное шествіе 1500 солдатъ.

Казанская научно-промышленная выставка.

(Рис. на стр. 769).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Обществѣ естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ возникла мысль устроить небольшую выставку, которая представляла бы картину природы Волжско-Камскаго края, его естественныхъ богатствъ, исторіи и археологіи. Но съ теченіемъ времени мысль эта расширялась, въ программу выставки вошло обозрѣніе развитія Волжско-Камскаго края въ сельско-хозяйственномъ, фабрично-заводскомъ, ремесленномъ, кустарномъ и художественномъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ и развилась настоящая, огромныхъ размѣровъ выставка, имѣющая большое и весьма серьезное значеніе для всего Востока нашей родины. Открытіе выставки происходило 15 мая, совпавъ съ празднованіемъ дня коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, и сопровождалось громаднымъ стеченіемъ публики и большимъ торжествомъ. Выставка производитъ прекрасное впечатлѣніе и помѣщается въ обширномъ, подковообразномъ зданіи, построенномъ на Николаевской площади, фасадомъ къ Черному озеру, и примыкающемъ къ Державинскому садику. Зданіе очень красиво и въ немъ много свѣта. Около пятнадцати главныхъ отдѣловъ расположено въ этомъ большомъ зданіи, декорированномъ со вкусомъ, а въ садикѣ, среди массы зелени, помѣщены нѣсколько менѣе важныхъ витринъ, кіоски, киргизская кибитка, акваріумъ довольно значительныхъ размѣровъ и ресторанъ. Внѣшность и убранство зданія вполнѣ гармонируютъ съ богатствомъ его внутренняго содержанія: всюду тропическія растенія, кіоски, фонтаны, гроты; фасадъ зданія исполненъ въ русскомъ стилѣ и украшается двумя боковыми, около 12 саж. высоты, башнями, отъ которыхъ идутъ вѣтви главнаго зданія одна въ научный отдѣлъ, другая въ промышленный, а средняя занята фабрично-заводскимъ отдѣломъ. Все зданіе замыкается поперечнымъ павильономъ съ сельско-хозяйственнымъ и машиннымъ отдѣленіями. Подъ всею площадью выставки, кромѣ изящныхъ павильоновъ, занято пространство въ 240 квадратныхъ саженъ. Проектъ выставки и постройка зданій исполнены подъ наблюденіемъ гражданскаго архитектора М. П. Литвинова и обошлись въ 50,000 рублей. Научно-промышленная областная выставка, заключающая въ себѣ до 1,000 экспонатовъ, распадается на двѣ части научную и промышленную: въ первую входятъ отдѣлы: почвенно-геологическій и минералогическій, ботаническій, зоологическій, антропологическій и археологическій, историко-этнографическій, учебный, медицинскій; вторая состоитъ изъ отдѣловъ: фабрично-заводскаго, кустарнаго, ремесленнаго, сельско-хозяйственнаго и книжно-типографскаго. Особенно интересными и полными являются отдѣлы научно-этнографическій, знакомящій съ исторіей, этнографіей и археологіей края, строго систематизированный; кустарной промышленности губерній Казанской, Пермской и Вятской, и учебный, въ которомъ детально изображена постановка школьнаго дѣла въ Казанской губерніи. Много новаго и любопытнаго представляетъ отдѣлъ изображающій бытъ калмыковъ, чувашей, черемисовъ, вотяковъ и другихъ народностей населяющихъ восточную Россію. Вообще, выставка являетъ полную картину народнаго хозяйства, промышленности, быта современнаго и прошлаго, а отчасти и природы Волжско-Камскаго края, раскинувшагося такъ широко и населеннаго двадцатью милліонами разноплеменнаго народа. Выставка имѣетъ громадный успѣхъ и, безъ сомнѣнія, принесетъ богатые плоды для развитія края во всѣхъ отношеніяхъ. Государю Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было принять Казанскую выставку подъ свое Августѣйшее покровительство.

Луисвильскій тифонъ. (Рис. на стр. 772).

Луисвиль, одинъ изъ 20-ти главнѣйшихъ городовъ въ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатахъ, средоточіе торговой и промышленной жизни штата Кентукки, насчитывающее болѣе 150,000 жителей, вечеромъ 15 (27) марта былъ, какъ извѣстно, разрушенъ ураганомъ. Зданія пострадали на протяженіи пяти верстъ въ длину и одной версты въ ширину. Болѣе двухсотъ человѣкъ погибло, болѣе пятисотъ отдѣлались увѣчьями и ушибами; убытки простираются до нѣсколькихъ милліоновъ.

Атмосферическое возмущеніе, перешедшее въ тифонъ, повидимому началось 26 марта въ Скалистыхъ горахъ и затѣмъ распространилось на громадную область, въ которой наблюдались вихри имѣвшіе скорость отъ 70 до 110 верстъ въ часъ. Сѣверную границу этой области составляли штаты Небраска, Айова, Миннесота, Висконсинъ, Мичиганъ и сѣверныя части Иллинойса; южная граница проходила въ Канзасѣ, Миссури, Кентукки, Теннесси и въ южныхъ частяхъ Иллинойса, Индіаны и Огайо. На сѣверѣ выпали огромныя массы снѣга, на югѣ-же хлынули дожди настоящимъ потопомъ, переполнивъ всѣ притоки и самую рѣку Миссисипи. Метеорологи полагаютъ, что на югѣ образовалось нѣсколько смерчей, имѣвшихъ незначительное основаніе на землѣ и огромную верхушку въ нѣсколько верстъ.

Это явленіе сопровождалось чудовищнымъ разряженіемъ атмосфернаго электричества. Раскаты грома и непрерывный блескъ молній всюду сѣяли паническій ужасъ. Казалось, міръ былъ потрясенъ до глубочайшихъ нѣдръ и настала кончина его. Многіе города сильно пострадали, какъ напр. Бульнгринъ (Кентукки), Метрополисъ (Иллинойсъ и др.), но главная катастрофа разразилась въ Луисвилѣ.

Еще утромъ 27 марта центральное метеорологическое бюро предупредило американскую публику о приближеніи циклона, но на телеграмму не обратили вниманія.

Первымъ обрушилось одно изъ главныхъ зданій Луисвиля, служащее для общественныхъ собраній, гдѣ въ моментъ катастрофы засѣдали масоны ложи le Joyean, человѣкъ 300. Затѣмъ рухнула епископальная церковь Св. Іоанна, изображенная на среднемъ рисункѣ и къ счастію оказавшаяся пустою, за исключеніемъ священника и его семьи, который и погибъ съ женою; дѣти-же были спасены какъ-бы чудомъ. На рыночной площади были уничтожены цѣлые ряды зданій, какъ видно на нижнемъ рисункѣ. Любопытное зрѣлище представляли развалины желѣзнодорожной станціи, на которой стоялъ цѣлый поѣздъ и неизбѣжно погибъ-бы, еслибы машинистъ, понявшій опасность, не посиѣшилъ уйти изъ-подъ крыши на всѣхъ парахъ (см. верхній рис.).

В. Н. Веревкинъ. (Портр. на стр. 773).

Въ одинъ день съ Военнымъ министромъ, П. С. Ванновскимъ, праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей службы генералъ Веревкинъ, занимающій постъ коменданта С.-Петербургской Петропавловской крѣпости. Будучи однимъ изъ заслуженныхъ боевыхъ генераловъ, онъ принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ военныхъ дѣйствій, былъ подъ Севастополемъ и уже въ сравнительно немолодыхъ лѣтахъ находился въ рядахъ дѣйствующей арміи въ послѣднюю войну съ турками. Въ мирное время онъ также выказалъ не мало энергіи и распорядительности, когда управлялъ Витебскою губерніею и состоялъ начальникомъ мѣстныхъ войскъ Виленскаго военнаго округа. Въ настоящее время генералъ Веревкинъ приближается къ семидесяти-лѣтнему возрасту.

Фамилія Веревкиныхъ принадлежитъ къ старинному русскому дворянству. Иванъ Ивановичъ Веревкинъ, дрался со шведами въ 1549 г. Дѣдъ нашего юбиляра, былъ орловскимъ помѣщикомъ и не оставилъ почти никакого состоянія сыну, а отецъ, Николай Никитичъ, генералъ-маіоръ и кавалеръ многихъ орденовъ, отличался благородствомъ души, большимъ безкорыстіемъ и доблестями, сражался подъ Аустерлицемъ, при Гутштатѣ, Гейльсбергѣ и Фридландѣ и затѣмъ занималъ около десяти лѣтъ постъ коменданта въ Москвѣ, гдѣ въ іюлѣ 1822 года и родился Владиміръ Николаевичъ. На одиннадцатомъ году онъ поступилъ въ Пажескій корпусъ въ Петербургѣ и вышелъ изъ него въ 1840 году, съ чиномъ прапорщика, выпущенный въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Офицерскій чинъ онъ получилъ 22 іюля этого года, пробылъ до 50-хъ годовъ въ означенномъ полку и, дослужившись до чина штабсъ-капитана, перечислился въ пѣхотный Екатеринбургскій полкъ, командуя

которымъ, принималъ участіе въ Крымской кампаніи. Три мѣсяца онъ съ особеннымъ успѣхомъ защищалъ 2-е отдѣленіе оборонительной линіи, съ праваго фланга, а 27 августа, когда непріятель взялъ редутъ Шварца,—отбилъ этотъ редутъ, бросившись на непріятеля въ штыки съ двумя ротами своего полка, вытѣснилъ врага съ помощью подоспѣвшихъ резервовъ и взялъ, кромѣ того, значительное число плѣнныхъ. За этотъ подвигъ ему былъ пожалованъ орденъ Св. Георгія 4-й степени. Ранѣе за ту же кампанію онъ получилъ ордена Св. Анны 3-й степени съ бантомъ, Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и мечами, золотую полусаблю за храбрость. Послѣ войны В. П. Веревкинъ довольно продолжительное время оставался командиромъ Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка и, произведенный 20 мая 1863 г. въ первый генеральскій чинъ, вслѣдъ затѣмъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ города Витебска и гражданскимъ губернаторомъ Витебской губерніи. Хотя онъ недолго занималъ эти должности, но успѣлъ оставить по себѣ добрую память. Послѣ этого ему пришлось командовать 16-й пѣхотной дивизіей, позднѣе занимать мѣсто начальника войскъ Виленскаго военнаго округа и, наконецъ, начальника 36-й пѣхотной дивизіи. 28 марта 1871 года Веревкинъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, а въ 1875 и 1876 годахъ получилъ ордена Св. Владиміра 2-й степени и Бѣлаго Орла. Вспыхнувшая война 1877—1878 гг. призвала его снова на поле битвъ. За свое участіе въ этой послѣдней кампаніи онъ былъ Высочайше награжденъ знаками ордена Св. Александра Невскаго съ мечами. Въ 1883 году, состоя командиромъ 14-го армейскаго корпуса, Веревкинъ былъ назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ и черезъ три года, 30 августа, произведенъ въ полные генералы. По смерти генерала Ганецкаго, онъ, по Высочайшему приказу отъ 14 апрѣля 1887 году, назначенъ комендантомъ Петропавловской крѣпости. В. П. Веревкинъ числится въ 37-мъ пѣхотномъ Екатеринбургскомъ Е. И. В. Великаго Князя Алексѣя Александровича полку. Кромѣ поименованныхъ орденовъ, онъ имѣетъ еще знакъ отличія безпорочной службы за XL лѣтъ и ордена Св. Станислава 2-й и 1-й степеней и Св. Анны 2-й степени съ короною и мечами.

П. Б—овъ.

Политическое обозрѣніе.

16 іюля англійская палата общинъ приняла безъ голосованія въ третьемъ чтеніи билль относительно уступки Гельголанда. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Непринятіе билля было бы равносильно сверженію министерства, а въ Англіи подобныя явленія по вопросамъ внѣшней политики чрезвычайно рѣдки. Но принятіе это совершилось все-таки не съ легкимъ сердцемъ. По крайней мѣрѣ, при предложеніи Фергюссона приступить 12 іюля ко второму чтенію билля о Гельголандѣ, Гладстонъ, не возставая противъ англо-германской сдѣлки, заявилъ, однако, что правительство, испрашивая у палаты общинъ согласіе на уступку части британской территоріи, тѣмъ самымъ создаетъ конституціонный прецедентъ, за который онъ, Гладстонъ, не хочетъ брать на себя отвѣтственности, почему и не можетъ принять участія въ дальнѣйшемъ обсужденіи билля.

На другой день послѣ принятія билля о Гельголандѣ въ Англіи, въ Берлинѣ, въ *Имперскомъ Указателѣ* опубликована была докладная записка генерала Каприви о мотивахъ англо-германскаго соглашенія. „Соглашеніе — сказано въ запискѣ — имѣетъ цѣлью устраненіе причинъ разногласія, равно содѣйствіе сохраненію европейскаго мира. Китовая бухта вовсе не имѣетъ того значенія, какое ей приписываютъ; то же должно сказать и о краѣ прилегающемъ къ Ніассѣ; а Виту, съ утратою Патты и Ламу, потеряло всякую цѣну. Частныя права германскихъ подданныхъ гарантированы. Край между областью Ніассы и государствомъ Конго особеннаго значенія не имѣетъ, за то для Германіи важно значительное пользованіе озеромъ Ніассы и обладаніе возможно большимъ протяженіемъ береговъ озера Викторіи“. Далѣе въ запискѣ указывается необходимость прочнаго владѣнія береговой полосой германскою восточно-африканскою компаніею. Предоставленіе Англіи протектората надъ Занзибаромъ безвредно. Англія требуетъ, чтобы было оформлено вліяніе, которымъ на дѣлѣ она давно пользуется и вытѣснить которое Германіи не удалось. Затѣмъ докладная записка выставляетъ на видъ значеніе пріобрѣтенія Гельголанда съ точки зрѣнія національнаго чувства и со стороны военнаго интереса. Обладаніе Гельголандомъ облегчитъ де оборону береговъ Сѣвернаго моря.

Изъ Бѣлграда получено знаменательное извѣстіе. Вслѣдствіе выяснившагося на радикальномъ съѣздѣ (о которомъ уже упоминалось у насъ по поводу рѣчи Пашича) полнаго единодушія радикальной партіи, идущей рука объ руку съ регентствомъ и правительствомъ, въ виду дружнаго отпора, даннаго Австріи, а также неудачи относительно назначенія Портою болгарскихъ епископовъ, а затѣмъ въ виду удовлетворенія офицеровъ добавочнымъ содержаніемъ и кассированія соборомъ бракоразвода, — въ виду всего этого, Австрія, Миланъ и напредняки потеряли всякую почву.

Дружный отпоръ австрійскимъ проискамъ, уже давно замѣчавшійся въ Сербіи, съ особенною силою проявился, когда Австро-Венгрія, безсильная справиться съ измѣнившимся политическимъ теченіемъ въ сербскихъ дѣлахъ, вздумала дать себя почувствовать на экономической почвѣ. Какъ извѣстно, на другой день послѣ рѣчи, произнесенной графомъ Кальноки въ австрійскихъ делегаціяхъ, венгерское правительство сдѣлало распоряженіе о запрещеніи транзита для свиней изъ Сербіи, если въ транспортѣ окажется хоть одна штука подозрительная или румынскаго происхожденія. Въ тотъ же день, сообщаютъ въ *Правительственный Вѣстникъ* изъ Бѣлграда, были возвращены изъ Пешта два транспорта сербскихъ свиней подъ тѣмъ предлогомъ, что въ числѣ ихъ находится нѣсколько больныхъ и нѣсколько румынскаго происхожденія. Составленная, но распоряженію сербскаго министра торговли, коммисія нашла, что стадо вполнѣ здорово, сербскаго происхожденія и снабжено требуемыми конвенціею свидѣтельствами и удостовѣреніями. Тѣмъ не менѣе, венгерскія власти стали направлять обратно въ Сербію не только свиней, но и воловъ и даже пшеницу, утверждая, что все это румынскаго происхожденія. Вагоны даже не осматривались, такъ какъ пломбы, наложенныя при отправленіи, оставались нетронутыми. Запрещеніе вывоза скота наноситъ Сербіи громадный убытокъ, такъ какъ однѣхъ свиней вывозилось ежегодно до 200,000 штукъ, на сумму свыше 12 милліоновъ франковъ. Поэтому распоряженіе венгерскаго правительства вызвало сильное негодованіе среди сербскаго населенія. Почти во всѣхъ городахъ состоялись митинги, на которыхъ выражалось довѣріе правительству и постановлялось не покупать ничего австрійскаго. Многіе заказы, сдѣланные въ Австріи, отмѣнены. На съѣздахъ торговцевъ принимаются мѣры къ открытію новыхъ рынковъ для сбыта сербскихъ произведеній. Съѣздъ аптекарей постановилъ дѣлать впредь всѣ заказы въ Германіи. Учащаяся молодежь отказывается носить платье изъ австрійскихъ матерій. Сербское правительство дало концессіи англійской компаніи „Marshall“ на устройство въ городѣ Нишѣ завода мясныхъ продуктовъ. Компанія обладаетъ капиталомъ въ 6 милліоновъ франковъ и обязывается перерабатывать до 100 тыс. свиныхъ тушъ въ годъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ведутся переговоры о сбытѣ скота изъ Сербіи въ Италію. Такимъ образомъ, не смотря на временной убытокъ, который терпитъ Сербія, мѣры австро-венгерскаго правительства дали толчокъ сербской предпріимчивости.

Изъ Средней и Южной Америки получаются извѣстія весьма тревожнаго свойства. Въ республикѣ Санъ-Сальвадоръ возгорѣлась междоусобная война. Республика Гватемала, заключивъ союзъ съ республиками Костарика и Никарагуа, объявила войну Санъ-Сальвадору подъ предлогомъ возстановленія тамъ порядка. Произошло нѣсколько стычекъ и въ главномъ сраженіи, завершившемся пораженіемъ вторгнувшихся въ Гватемалу санъ-сальвадорцевъ, уронъ съ обѣихъ сторонъ простирается до 400 человѣкъ убитыми и ранеными. Въ самой Гватемалѣ вспыхнуло также возстаніе противъ президента республики Барильяса. Опасаются, что войска присоединятся къ инсургентамъ и двинутся на городъ Гватемалу, гдѣ въ такомъ случаѣ должно произойти рѣшительное сраженіе.

Изъ Южной Америки телеграфируютъ, что въ Буэносъ-Айресѣ 14 іюля вспыхнула революція вслѣдствіе возстанія войскъ. По улицамъ пальба, всѣ торговыя заведенія закрыты, министръ общественныхъ работъ взятъ въ плѣнъ; между возмутившимися войсками и сторонниками правительства произошли ожесточенныя схватки, причемъ было много убитыхъ. Президентъ Сельманъ бѣжалъ; провозглашено революціонное правительство; президентомъ избранъ Аремъ, а министромъ финансовъ назначенъ Ромеро. На другой день правительственныя войска въ Буэносъ-Айресѣ, послѣ упорной уличной борьбы, были побѣждены мятежниками, которые и бомбардировали правительственныя зданія. Затѣмъ заключено перемиріе на сутки. Въ это время правительственныя войска получили значительныя подкрѣпленія и президентъ республики Сельманъ возвратился. Потери съ обѣихъ сторонъ около 1,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Возобновившись 17 числа, возмущеніе окончилось побѣдой правительства, которое совершенно подавило возстаніе. Возмутившіяся войска положили оружіе и сдались; офицеры ихъ будутъ, вѣроятно, раскассированы. Силы, мобилизованныя правительствомъ въ провинціи, распускаются по домамъ, такъ какъ въ Буэносъ-Айресѣ, да и во всей Аргентинской республикѣ, возстановилось полное спокойствіе. По словамъ *Times*, аргентинскіе инсургенты сдались вслѣдствіе недостатка въ боевыхъ припасахъ.

Разныя извѣстія.

Дѣла церкви.

— Высочайше повелѣно постановить, что церковныя свѣчи должны быть приготовляемы изъ чистаго пчелинаго воска.

Розничная торговля церковными свѣчами никому, кромѣ церквей и состоящихъ въ вѣдѣніи духовнаго начальства свѣчныхъ складовъ и лавокъ, не дозволяется.

— 8 іюля было совершено освященіе часовни, сооруженной на средства предсѣдателя Кіевской мѣщанской управы г. Щербатова, въ гор. Кіевѣ, при Успенскомъ соборѣ, въ память 900-лѣтія крещенія Руси.

Правительственныя распоряженія.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ министру Путей Сообщенія отъ 14 іюня 1890 г. разрѣшено приступить къ устройству коммерческаго порта въ Ѳеодосіи.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Изъ Нерчинска отъ 16 іюля телеграфируютъ, что открытіе золота въ прибрежьяхъ Уды расширяется и золотопромышленность Кабинета упрочивается тамъ, а также на Урульгѣ въ мѣсторожденіи цвѣтныхъ камней.

— Бельгійскій генеральный консулъ въ Москвѣ, по порученію своего правительства, предпринялъ путешествіе на Волгу и Уралъ, чтобы собрать точныя свѣдѣнія объ урожаѣ и по разнымъ вопросамъ, связаннымъ съ экономическою жизнью указаннаго района, и представить отчетъ бельгійскому правительству.

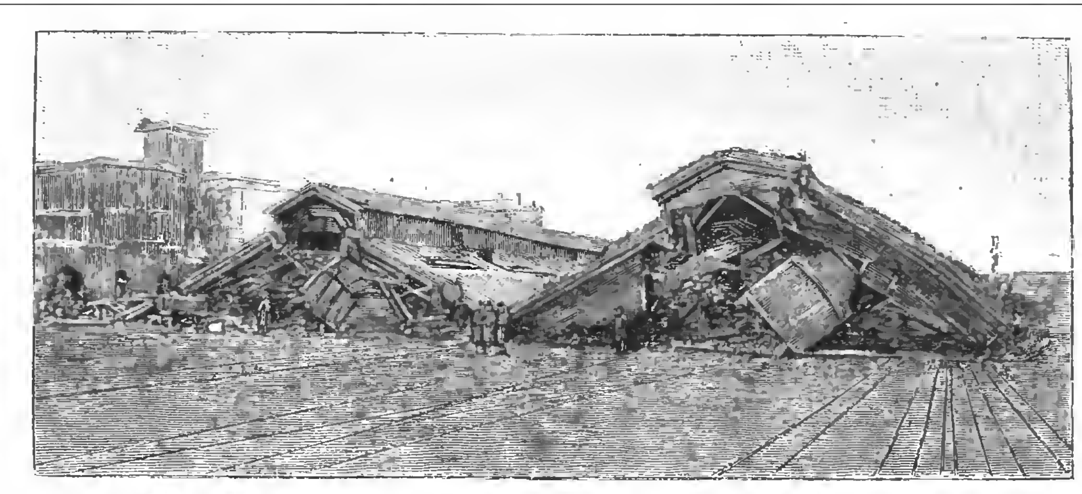
— Произведенные въ Ольгопольскомъ уѣздѣ, въ имѣніяхъ Чичильникѣ и Балановкѣ, опыты приманки гессенскаго комарика дали прекрасные результаты. Приманки переполнены коконами этого насѣкомаго.

— Ввозъ винограда съ Кавказа въ порты Крыма воспрещенъ, вслѣдствіе филлоксеры.

Торговля.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ 15 іюля подняты ярмарочные флаги и торжественно открытъ главный ярмарочный домъ.

— Изъ Тифлиса отправлено на Нижегородскую ярмарку до 30,000 пудовъ бычачьихъ кожъ и овчинъ. Изъ Евлаха отправлено на ярмарку 40,000 пудовъ мѣди не въ дѣлѣ. Изъ Асхабада прибыло въ Тифлисъ 5,000 пудовъ персидской себзыварской шерсти для продажи и около 30,000 пуд. для отправленія чрезъ Батумъ за-границу.



Луисвильскій тифонъ. 1) Остатки желѣзнодорожной станціи. 2) Разрушеніе церкви Св. Іоанна. 3) Развалины ратуши и др. зданій на рыночной площади.

Искусства изобразительныя.

— С. П. Митусовъ, составившiй себѣ любопытную коллекцiю предметовъ художественной рѣзьбы, преимущественно изъ слоновой кости, сдѣлалъ духовное завѣщанiе, по которому вся эта коллекцiя, содержащая въ себѣ 138 нумеровъ, представляющихъ, въ своей совокупности, стоимость свыше 21,500 рублей, должна перейти въ собственность Имп. общества поощренiя художествъ.

Спортъ.

— Въ Одессѣ, 8 iюля, на скаковомъ полѣ была торжественная закладка зданiй новороссiйскаго общества поощренiя коннозаводства. Мѣсто, отведенное городомъ, соединяется съ городомъ паровою конно-желѣзною дорогою. На сооруженiе трибунъ и другихъ построекъ ассигновано 12 тысячъ рублей.

Смѣсь.

Геометрическiя пропорцiи человѣческаго тѣла. Въ библiотекѣ венецiанской академiи хранятся рисунки великаго живописца и естествоиспытателя Леонардо да-Винчи въ поясненiе къ трактату Витрувiя „о строенiи человѣческаго тѣла", вмѣстѣ съ итальянскимъ переводомъ этого автора. Трудъ Леонардо былъ впослѣдствiи изданъ въ Лондонѣ Жозефомъ Бономи, и въ немъ встрѣчаются слѣдующiя замѣчательныя строки о геометрическихъ пропорцiяхъ человѣческаго тѣла: „Природа, создавая человѣка, соблюдала такой порядокъ, чтобы лицо, отъ подбородка до лобной кости или до бровей, составляло десятую часть всего тѣла. Тотъ же размѣръ повторяется въ кисти руки отъ сгиба до конца средняго пальца. Голова, отъ подбородка до маковки, составляетъ восьмую часть, пространство отъ высоты груди до лобной кости — седьмую. Промежутокъ отъ сосцовъ до маковки составляетъ четвертую часть всего тѣла. Если разстоянiе отъ подбородка до линiи волосъ на головѣ раздѣлить на три равныя части, то первая—будетъ доходить до ноздрей, вторая — до бровей. Ступня составляетъ седьмую часть всей фигуры; пупокъ находится какъ разъ на серединѣ, представляя центръ фигуры. Если человѣкъ лежитъ на спинѣ, раскинувъ руки и ноги, то проведенная изъ пупка окружность коснется крайнихъ точекъ рукъ и ногъ. Не менѣе правильное совпаденiе повторится, если провести квадратъ: разстоянiе отъ головы до подошвы ногъ равняется разстоянiю отъ одной руки до другой, въ раскинутомъ положенiи". Издатель предполагаетъ не безъ основанiя, что положенiя эти заключаютъ въ себѣ древнiя правила искусства греческихъ скульпторовъ и именно знаменитаго Поликлета. (с.)

Комендантъ СПБ. крѣпости, генералъ отъ-инфантерiи, В. Н. Веревкинъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея). Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

Сатурнъ и Регулъ. Изъ числа большихъ планетъ Сатурнъ считался въ древнiя времена самою верхнею или дальнею. Индiйцы называли его медленно-двигающимся (Сананчара), такъ какъ онъ описываетъ свою орбиту среди звѣздъ зодiака въ теченiе 30 лѣтъ. Изъ послѣдняго обстоятельства справедливо заключали, что Сатурнъ изъ числа извѣстныхъ въ то время планетъ наиболѣе удаленъ отъ насъ. Въ началѣ февраля мы видѣли его, въ вечернее время, на юго-востокѣ, въ созвѣздiи Льва, на 3° влѣво отъ Регула, наиболѣе яркой звѣзды (1 величины) этого созвѣздiя, называвшейся также сердцемъ Льва. Но Сатурнъ казался еще ярче и яркость его все увеличивалась, такъ какъ земля стремилась ему навстрѣчу. Вслѣдствiе этого, онъ какъ бы двигался назадъ или вправо съ постоянно возрастающей быстротою и подвигался къ Регулу (мимо котораго онъ прошелъ 28 марта новаго стиля на 1° 21′ къ сѣверу). 28 апрѣля (нов. ст.) Сатурнъ привелъ къ стоянiю въ 1³/₄° вправо отъ Регула, затѣмъ началъ обыкновенное прямое движенiе къ востоку, которымъ онъ перемѣщается ежегодно на 12° вокругъ солнца. Такимъ образомъ онъ снова вернулся къ Регулу и 30 мая прошелъ на 1° 14′ къ сѣверу отъ этой неподвижной звѣзды. Какъ ни мало замѣтно вообще медленное движенiе Сатурна среди другихъ звѣздъ, но, благодаря сосѣдству его съ Регуломъ, движенiе земли отражается на немъ поразительно ясно въ томъ смыслѣ, что оно дѣлаетъ планету то удаляющеюся, то стоящею на мѣстѣ, то прямо идущею. Послѣ перерыва наблюденiй вслѣдствiе дурной погоды, въ первый ясный вечеръ можно легко замѣтить измѣнившееся положенiе Сатурна относительно Регула. Послѣднiй принадлежитъ хотя не къ самымъ яркимъ звѣздамъ первой величины (Сирiусъ въ пять разъ ярче)—но благодаря близости его къ Сатурну, глазъ невольно обращается къ интересной двойной звѣздѣ. (с.)

Живучесть лягушки. Англiйскiй натуралистъ М. Белль утверждаетъ, что лягушки не только продолжаютъ жить въ желудкѣ проглотившаго ихъ животнаго, но иногда даже квакаютъ тамъ. „Я имѣлъ много случаевъ убѣдиться въ этомъ", пишетъ Белль, „такъ какъ въ своемъ звѣринцѣ постоянно кормилъ змѣй лягушками. Еще недавно лягушенокъ, проглоченный за полчаса передъ тѣмъ ехидною, выпрыгнулъ изъ ея пасти, когда она зѣвнула, но былъ тотчасъ-же снова проглоченъ пресмыкающимся". — Естествоиспытатель М. Гарланъ, изъ Филадельфiи, утверждаетъ то же самое и говоритъ: „Однажды моя собака проглотила нѣсколько лягушекъ и, полчаса спустя, онѣ начали возиться и квакать у нея въ желудкѣ. Собака дѣлала при этимъ уморительнѣйшiя движенiя, и случай этотъ доставилъ намъ весьма оригинальное развлеченiе".—Д-ръ В. Гуфсъ изъ Кингстона сообщаетъ, что въ его домѣ прожила три года травяная лягушка, состоя въ самыхъ лучшихъ отношенiяхъ съ его людьми. Ежедневно, въ обѣденное время, пресмыкающееся вылѣзало изъ норы и получало на кухнѣ пищу; зимой, оно часто оставалось долго у теплаго очага, пребывая въ самой тѣсной дружбѣ съ кошкой, возлѣ которой оно грѣлось по цѣлымъ часамъ. Однако-же долго державшееся повѣрiе о томъ, что лягушекъ и жабъ находили въ глыбахъ каменнаго угля, гдѣ онѣ будто-бы оставались живыми въ продолженiе цѣлыхъ столѣтiй, давно уже признано басней. (с.)

Повѣрья эстовъ. Любопытный обзоръ народныхъ повѣрiй эстонцевъ печатается въ *Эстляндскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ*. Нѣкоторыя изъ этихъ повѣрiй вполнѣ сходны съ русскими, напримѣръ: кошка моется—гости будутъ: кто невзначай надѣнетъ кафтанъ на изнанку, тому не миновать порки и проч. Но есть и совершенно оригинальныя. Если дѣвушка при мытьѣ бѣлья сильно забрызгается, то она—какъ думаютъ эсты—попадетъ замужъ за пьяницу, ибо врядъ-ли посватается за нее женихъ, любящiй аккуратность и чистоплотность. Если дѣвица не довяжетъ рядъ, то женихъ, который шелъ къ ней свататься, воротится назадъ домой. То же случится, если дѣвушка неловко вытираетъ столъ. Если дѣвица не сниметъ нагара со свѣчи или лучины, то попадетъ замужъ за долгоносаго. Впрочемъ, со времени введенiя во всеобщее употребленiе керосиновыхъ лампъ, это повѣрье начинаетъ терять практическое значенiе. Если молодуха, входя первый разъ въ домъ своего мужа, успѣетъ сосчитать бревна на потолкѣ такъ, чтобы другiе этого не замѣтили, тогда она будетъ имѣть всегда успѣхъ при тканьѣ полотна. Если у женщины развяжется повязка, то о ней будутъ дурно говорить, особенно въ многолюдномъ мѣстѣ, гдѣ молодежь сейчасъ подхватитъ ее на зубокъ и будетъ на счетъ ея балагурить. (к.)

Молодые листья земляники, по словамъ одного спецiальнаго изданiя, получаютъ все большее и большее примѣненiе въ домашнемъ хозяйствѣ и промышленности. Въ Германiи ихъ высушиваютъ и употребляютъ вмѣсто чая, который они напоминаютъ своимъ вкусомъ. Прибавка къ этому чаю молодыхъ листьевъ терновника еще болѣе улучшаетъ его вкусъ. (к.)

Власть бѣдности въ Китаѣ. „Нигдѣ на свѣтѣ, пишетъ тянцзинская газета *Chinese Times*, бѣдность не составляетъ такой силы, какъ въ Китаѣ. Нищій тамъ царь. Онъ играетъ видную роль въ политикѣ, чему въ послѣднее время было не мало примѣровъ. Великій государственный дѣятель послѣдняго тридцатилѣтія Ху-Лин-ін, вицекороль Ху-Куанга во время возстанія тайпинговъ, мало извѣстенъ благодаря своей ранней кончинѣ. По послѣ подавленія возстанія былъ составленъ имъ планъ, вся слава котораго выпала на долю бывшихъ его подчиненныхъ Цзенъ-Кво-фана, его брата Цзо-Цзунъ-Танга, Пенг-Уулина и Ли-Хунъ-Чана. Ху-Лин-ін отличался своей бѣдностью, равно какъ и Цзенгъ-Кво-фанъ, Пенг-Уулинъ и Цзо. Люди эти пользуются огромнымъ вліяніемъ въ государственномъ совѣтѣ и именно благодаря своей бѣдности, которая, у китайскаго чиновника, служитъ признакомъ безсребренности. Народъ съ дѣтскою привязанностью относится къ каждому, кто выйдетъ незапятнанымъ изъ тяжелыхъ искушеній китайской чиновничьей жизни. Бѣдному чиновнику прощается въ Китаѣ все. Величайшія ошибки Цзо-Цзунг-Танга не ставились ему въ вину и, ни его эксцентричность, ни рѣзкость обращенія не могли умалить его вліянія. Разительнѣйшимъ живымъ примѣромъ тому-же служитъ странный вице-король Чанъ-Чхитунтъ, который многимъ обязанъ пустотѣ своего кошелька. Онъ обладаетъ несомнѣнно большимъ природнымъ мужествомъ, но много значитъ и то, что ему нечего бояться. Ни одинъ подкапывающійся подчиненный, ни одинъ сплетникъ не можетъ найти на немъ пятна. Онъ высоко и самоувѣренно держитъ голову и гордится даже своими ошибками и упущеніями. Одинъ онъ могъ дерзнуть не привести въ порядокъ финансовыхъ дѣлъ во время своего управленія и просить государственное управленіе податей и сборовъ принять его счеты не провѣренными, *en bloc*. Такая смѣлость обусловливалась только его бѣдностью и безупречною честностью. Для такого дѣятеля возможны реформы, ибо онъ не кормитъ изъ общественныхъ средствъ толпу голодныхъ родственниковъ и не знаетъ личныхъ интересовъ. Дворъ хотя и возбужденъ противъ самовластнаго чиновника, но молчитъ, потому что народъ на его сторонѣ. Онъ испытываетъ судьбу съ геніальнымъ легкомысліемъ человѣка, который ничѣмъ не обязанъ своенравной фортунѣ и на будущее время не намѣренъ искать ея милостей. Онъ составляетъ власть въ государствѣ, которое опирается на его перо, его патріотизмъ и его бѣдность. Но послѣдняя значитъ больше первыхъ двухъ. (с.)

Новый египетскій музей въ Каирѣ. Музей египетскихъ древностей, находившійся до сихъ поръ въ предмѣстьи Булакъ, въ тѣсномъ и ежегодно подвергающемся наводненіямъ Нила помѣщеніи, недавно перенесенъ въ Гизехскій дворецъ, построенный въ 1878 году хедивомъ Измаиломъ, напротивъ города, на лѣвомъ берегу Нила, въ трехъ верстахъ выше моста. На перевозку и устройство музея было ассигновано 6.000 фунтовъ стерлинг. Работы по перевозкѣ въ настоящее время уже окончены и музей открытъ для публики. За исключеніемъ вторника, въ который входъ безплатенъ, за посѣщеніе музея взимается плата въ пять піастровъ. Не смотря на то, что постройка дворца мало соотвѣтствуетъ его теперешнему назначенію и не смотря на непріятный контрастъ между солидностью древнихъ выставленныхъ предметовъ и мишурнымъ блескомъ окружающаго, музей и въ такомъ видѣ представляетъ огромный шагъ впередъ и несомнѣнно превосходитъ всѣ музеи въ свѣтѣ не только по богатству содержанія, но и по удобству расположенія. Гизехскій дворецъ, открытый для публики вмѣстѣ съ прилегающими къ нему садами, состоитъ изъ трехъ соединенныхъ между собою отдѣленій. Онъ является послѣднимъ твореніемъ хедива Измаила, который жилъ въ немъ весьма непродолжительное время. Часть дворца, ближе всѣхъ расположенная къ Нилу, носитъ названіе Новаго Саламлика; къ нему ведетъ особый вновь возведенный входъ. Старый (раньше построенный) Саламликъ соединяетъ эту часть дворца съ главною частью его — гаремомъ. Новый Саламликъ, какъ и великолѣпная мраморная лѣстница, остался неоконченнымъ и верхній этажъ его остается пока незанятымъ. Въ нижнемъ этажѣ собраны памятники, относящіеся къ „древнему царству“ (отъ I до XI династіи). Въ „археологическом“ залѣ помѣщены всѣ найденныя до сихъ поръ древности, относящіяся ко времени до пирамидъ Гизеха, въ томъ числѣ обѣ недавно найденныя, деревянныя фигуры изъ самыхъ нижнихъ слоевъ Мемфиса. Колоссальная сидящая фигура Хефрена занимаетъ середину большихъ сѣней. Большая галлерея Новаго Саламлика не имѣетъ себѣ подобныхъ. Здѣсь собраны древности „средняго царства“ (отъ XII до XVII династій) и всѣ до сихъ поръ найденныя изображенія эпохи Гиксовъ. Обширныя залы и сѣни Новаго Саламлика заключаютъ въ себѣ памятники „Новаго царства“. Въ нижнемъ этажѣ помѣщены всѣ болѣе крупные предметы: колоссы, саркофаги, и т. п. Древнѣйшіе памятники XVIII династіи составляютъ особое отдѣленіе. Эѳіопскіе памятники имѣютъ отдѣльныя залы. Въ видѣ особыхъ отдѣловъ точно также предположены греческій, римскій, коптскій и византійскій музеи, но они еще не готовы. Въ верхнемъ этажѣ Стараго Саламлика собраны болѣе легкіе предметы; здѣсь есть залы естественно-историческая, нумизматическая и посвященная религіознымъ культамъ. Посреди послѣдней помѣщается относящаяся къ эпохѣ Птоломеевъ, единственная въ своемъ родѣ змѣя Эскулапа, снабженная говорильнымъ аппаратомъ и служившая оракуломъ; она привезена прошлою зимою Гребаутомъ изъ Верхняго Египта. Безчисленные предметы искусства и промышленности помѣщены въ витринахъ въ другомъ рядѣ залъ. Настоящую сокровищницу представляетъ та зала, гдѣ собраны богатыя украшенія изъ золота, драгоцѣнныхъ камней и художественной работы эмали.

Обширныя залы, сѣни и галереи „гарема“ заняты гробницами и муміями новаго царства и греко-римской эпохи. Въ большой средней залѣ верхняго этажа, представляющей плоскость не менѣе 900 квадр. метровъ, лежатъ знаменитыя, несравненныя муміи, найденныя въ 1881 году въ гробницѣ Деръ-эль-Бабари, представляющія несомнѣнные останки Амозиса, Сезостриса, Тутмеса, Аменофиса и многихъ другихъ знаменитыхъ царственныхъ мужей.

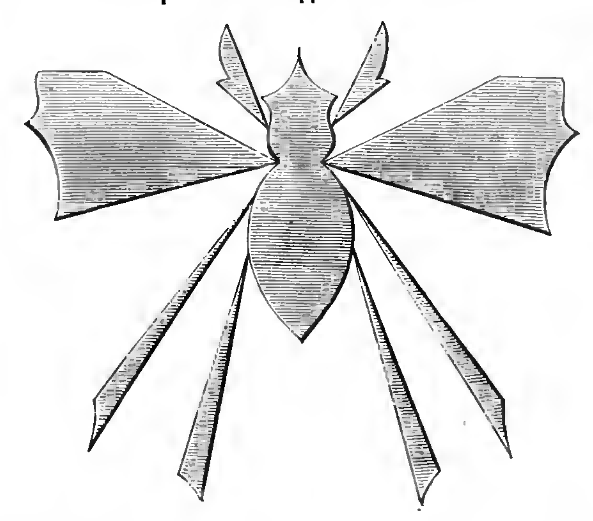
Но приказанію хедива, перенесена сюда-же гробница французскаго археолога Маріетта, основавшаго 30 лѣтъ тому назадъ Булакскій музей и трудами котораго собраны главнѣйшіе его предметы. Саркофагъ изъ чернаго мрамора, вѣсящій 14.000 килограммовъ, въ которомъ покоятся останки знаменитаго археолога, помѣщенъ при входѣ въ музей. (с.)

Ребусъ. Задача № 44.

Шарада. Задача № 45.

Хранитъ мое *начало* колосъ,
Оно-же входитъ и въ плетень;
Средина — часто рѣдкій голосъ,
Конецъ — мы слышимъ каждый день.
Онъ — звукъ; но разное значенье
Дастъ ему людской нашъ родъ
И издаетъ отъ удивленья,
Или зѣвая во весь ротъ.
А *все*—ѣда, и очень вкусно—
И, съ незапамятныхъ временъ,
Его готовитъ преискусно
Одно изъ близкихъ къ намъ племенъ.

Геометрическая задача № 46.



Разрѣзать данную фигуру на 9 частей такъ, чтобы составить изъ нихъ ромбъ.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890** года, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПАЛКА ФЛЕЙТА

Цѣна 1 руб.

На видъ какъ обыкновенная палка, играть на ней очень легко. Пересылка за 2 фунта.

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ

Главное депо № 4636 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С. Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва. Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ВЪ КРЫМУ

КЛИМАТО-ЛЕЧЕБНОЕ заведеніе № 4632

въ г. Балаклавѣ, съ превосходнымъ видомъ на бухту и море, могущее замѣнить роскошную барскую дачу, въ 12 верстахъ шоссейной дороги отъ Севастополя, по семейнымъ обстоятельствамъ продаю.

Балаклава, К. А. Скирмунтъ

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

Больш. чувствит., хорошо вывѣрены.

Въ никелиров. оправѣ 5 и 6 р. 50 к., перес. за 2 и 3 фун.

Въ полир. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р. Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р. Карманн. баром. и для измѣренія высотъ отъ 11 до 45 р.

Е. КРАУСЪ и К°.

Фабрика въ Парижѣ, Aven. d. l. Républ. 4.

2—2 ДЕПО ДЛЯ РОССІИ № 4628

С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ-кур. высылается безплатно.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (29) № 4278

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченымъ замочкомъ, протканные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. **Кушаки прозрачные очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.**

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи

у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,

СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПОМОЛОГИЧЕСКІЙ САДЪ Д-ра РЕГЕЛЯ и КЕССЕЛЬРИНГА,

Выборгская сторона, Лабораторное шоссе, № 1. № 4635

При настоящемъ удобномъ времени для посадки въ петербургскомъ климатѣ выносливыхъ сортовъ хвойныхъ, многолѣтнихъ и земляники, предлагаетъ: 1) полную коллекцію хвойныхъ въ экземплярахъ разной величины, 2) коллекцію болѣе 1,500 сортовъ красиво-цвѣтущихъ и декоративныхъ многолѣтнихъ и 3) выборъ всѣхъ сортовъ земляники, испытанныхъ въ климатѣ сѣверной и средней Россіи. Съ заказами просимъ обращаться къ Я. К. Кессельрингу, проживающему въ Помологическомъ Саду, а за каталогами письменно къ Д-ру Э. Л. Регелю, въ Императорскомъ Ботаническомъ Саду.

Вышло изъ печати и поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ**, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства: порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи **1-го** тома вносится **4 р.,** до выхода **2-го** тома **8 р.,** а до выхода **3-го** тома **2 р.,** а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

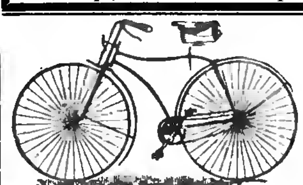
За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

☛ **По выходѣ всего** сочиненія цѣна будетъ **значительно возвышена.** ☚

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала **„Нива“** (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. К. № 4587

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ“. (8)

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (29) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 62 прот. Имп. Публ. Библіотеки. Оптовая и розничн. продажа.

Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** № 4501 20—8

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 годъ.

ЦВѢТОЧНЫЙ О-ДЕ-КОЛОНЪ

№ 4620 ИЗОБРѢТЕННЫЙ

БРОКАРЪ и К°.

7—2

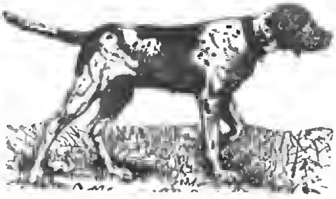
Складъ фабрики: Офицерская, 6.

ЦЕЗАРЬ И МИНКА

въ Цанѣ (кор. Прусское)

обширнѣйшій въ Европѣ извѣстный заводъ для разведенія породистыхъ собакъ, получившій множество золотыхъ и серебряныхъ медалей.

Поставщикъ Е. И. Величества Государя Императора, Императора Германскаго, Султана Турецкаго, Короля Голландскаго, Вел. Герцога Ольденбургскаго и другихъ царствующихъ особъ № 4638



предлагаетъ **для предстоящаго сезона охоты** какъ спеціальность: Лягавыхъ, Борзыхъ, Гончихъ и Таксъ, отлично дрессированныхъ и молодыхъ съ гарантіею. Кромѣ того имѣются въ громадномъ выборѣ всевозможныя роскошныя и породистыя собаки, начиная отъ громадныхъ ульмскихъ договъ и сенбернардовъ до самыхъ маленькихъ комнатныхъ собачекъ.

Иллюстрированные прейсъ-куранты по-французски и по-нѣмецки **безплатно.** 5-е изданіе брошюры „Воспитаніе, уходъ, дрессировка и болѣзни чистокровныхъ собакъ“, съ 50-ю иллюстраціями, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ—за 10 марк.=12,50 франк.=5 руб.=6 гульд.

Лягавыхъ собакъ можно видѣть въ Цанѣ или Виттенбергѣ.

Собственная постоянная выставка многихъ сотенъ собакъ на продажу. (Bahnhof-Wittenberg).

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ.

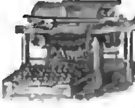
Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Противъ шероховатости кожи и пр. Цѣна каждой банки 1 руб., съ перес. 2 руб.—2 банки съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ прошу требовать на каждомъ этикетѣ подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку Спб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товарами, у А. Рузанова, Спб. Техно-Химич. Лабор. — Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ антек. и парфюмер. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, Спб. Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. Ц. № 4479

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва, Кузнецкій мостъ. С.-Петербургъ, Б. Морская, 21.

Дозвол. цензур., СПБ., 25 іюля 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. — г. XXI

№ 31 — 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 4 августа 1890 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АВГУСТЪ 1890 г., съ 27 рисунками и отд. листъ съ 36 чертежами выкроекъ въ натур. величину и 24 рис. выпильныхъ работъ.

Н. Ѳ. Дубровинъ.

Не такъ давно минуло тридцать лѣтъ со времени появленія перваго печатнаго труда Николая Ѳедоровича Дубровина, члена Военно-ученаго комитета Главнаго Штаба и академика, извѣстнаго своими многочисленными сочиненіями по исторіи Кавказа. Въ этомъ году исполнилось также и тридцатипятилѣтіе его службы въ офицерскихъ чинахъ, что̀ даетъ намъ поводъ напомнить читателямъ о нашемъ почтенномъ труженикѣ науки. Н. Ѳ. Дубровинъ родился 26 ноября 1837 года въ селѣ Корытовѣ, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи, отъ брака Ѳедора Николаевича Дубровина, поручика въ отставкѣ, съ Анною Никитичною Ѳедоровой. Получивъ первоначальное воспитаніе дома, Дубровинъ на 12-мъ году поступилъ въ Полоцкій кадетскій корпусъ, а отсюда былъ переведенъ въ Дворянскій полкъ, нынѣ Константиновское военное училище. Въ 1855 году, по окончаніи курса, онъ получилъ первый офи-

Николай Ѳедоровичъ Дубровинъ (по поводу 35-лѣтія службы въ офицерскихъ чинахъ). Съ фот. грав. Шюблеръ.

церскій чинъ и выпущенъ въ конную артиллерію, продолжалъ свое высшее образованіе въ Михайловской артиллерійской академіи и, выйдя изъ нея въ 1858 году, поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи 1-ю артиллерійскую бригаду. Послѣ этого служилъ во 2-й артиллерійской бригадѣ, а потомъ снова переведенъ былъ въ 1-ю гвардейскую артиллерійскую бригаду. Къ этому времени относится вступленіе Дубровина на литературное поприще: онъ помѣстилъ въ *Артиллерійскомъ журналѣ* 1859 года свою первую статью, а черезъ два года напечаталъ въ *Разсвѣтѣ*, журналѣ для взрослыхъ дѣвицъ, весьма недурную по идеѣ и полную чувства повѣсть „Умъ для свѣта“. Впрочемъ, авторъ не придавалъ ей никакого особеннаго значенія и, оставивъ беллетристику, всецѣло посвятилъ себя занятіямъ военною исторіею. Результатомъ этихъ серьезныхъ занятій явился цѣлый рядъ его статей въ *Военномъ Сборникѣ*, *Русскомъ Вѣстникѣ*, *Отечествен-*

ныхъ Запискахъ (подъ редакціей Дудышкина) и др.: „Графъ Ростопчинъ и Москва въ 1812 году", „Сербскій вопросъ въ царствованіе императора Александра I-го", „Турецкая война 1806—1812 гг.", „Генералъ-фельдмаршалъ А. А. Прозоровскій", „Наполеонъ I-й и поляки въ 1812 году", „Князь Волконскій и его донесенія изъ Польши 1764—1780 гг.", „А. П. Ермоловъ при назначеніи на Кавказъ", „Тысяча восемьсотъ второй годъ въ Грузіи", „Наканунѣ перваго раздѣла Польши" и друг. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ издалъ отдѣльно книги: „Георгій XII, послѣдній царь Грузіи, и присоединеніе ея къ Россіи" (1867) и „Закавказье 1803—1806 гг.". Послѣдній трудъ былъ написанъ Дубровинымъ на объявленную Главнымъ Штабомъ тему и удостоенъ преміи въ 500 рублей. Въ немъ авторъ повѣствуетъ весьма подробно, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, объ эпохѣ присоединенія Грузіи къ Россіи, даетъ множество любопытныхъ фактовъ и рисуетъ яркими чертами блестящую картину дѣйствій русскихъ на Кавказѣ. Сочиненіе это вызвало сочувственные отзывы въ печати и сразу сдѣлало имя Н. Ѳ. Дубровина извѣстнымъ. Произведенный 30 августа 1868 года въ полковники, Дубровинъ былъ въ слѣдующемъ году прикомандированъ къ Главному Штабу для военно-историческихъ работъ, получивъ передъ этимъ предложеніе заняться описаніемъ Кавказской войны и исторіею покоренія края. Послѣ многихъ лѣтъ усидчиваго и крайне кропотливаго труда, Дубровинъ выпустилъ въ свѣтъ свое объемистое сочиненіе „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ", которато по настоящее время вышло шесть томовъ, представляющихъ цѣнный историческій матеріалъ, сводъ массы историческихъ архивныхъ документовъ, подробнѣйшее описаніе кавказскихъ племенъ, библіографію статей о Кавказѣ и проч. Многолѣтнія занятія по собиранію матеріаловъ близко познакомили автора съ литературою русской исторіи, ему было разрѣшенъ доступъ въ разные архивы, что въ значительной степени расширило кругъ его работъ, а потому, конечно, онъ не ограничился изданіемъ помянутаго труда. Погрузившись всецѣло въ изученіе прошлаго и преимущественно внутренней жизни Россіи, Дубровинъ съ 1870 по 1890 годъ напечаталъ до 40 томовъ разныхъ изслѣдованій, историческихъ матеріаловъ, документовъ, изъ которыхъ наиболѣе обратили на себя вниманіе: „Матеріалы для исторіи Крымской войны" (6 томовъ), „Пугачевъ и его сообщники" (3 тома, по неизданнымъ документамъ), „Восточная война 1853—1856 годовъ. Обзоръ событій по поводу сочиненія М. И. Богдановича", „Присоединеніе Крыма къ Россіи" (3 тома), „Отечественная война въ письмахъ современниковъ"—совершенно новые матеріалы для исторіи Отечественной войны, „Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе Императора Александра I", біографія Н. М. Пржевальскаго и проч. Кромѣ того, въ этотъ періодъ времени онъ помѣстилъ нѣсколько любопытныхъ статей въ журналахъ: „Очеркъ устройства русской арміи въ царствованіе Императора Александра I", „Походъ графа В. А. Зубова въ Персію въ 1796 году", „Три года изъ исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ" (1806—1808), „Трехсотъ-сорока-девяти-дневная защита Севастополя", „Маркизъ Паулуччи въ Закавказьѣ", „Борьба за Эчміадзинскій патріаршій престолъ", „Передъ началомъ Пугачевскаго бунта", „Пугачевъ подъ Оренбургомъ" и мн. друг. 30 августа 1878 года Дубровинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, а въ ноябрѣ 1882 г. назначенъ членомъ военно-ученаго комитета Главнаго Штаба. Между тѣмъ ученые труды Дубровина обращали на себя все большее и большее вниманіе: за разборъ сочиненія М. И. Богдановича о Восточной войнѣ Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ, а затѣмъ 7 февраля и 7 марта 1887 г.—адъюнктомъ по русской исторіи, причемъ подъ его представленіемъ подписались четыре академика. Въ настоящее время Дубровинъ состоитъ въ чинѣ генералъ-лейтенанта (съ 30 августа 1888 г.) и занимается редакціею сборниковъ разныхъ документовъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи. Его труды отличаются прекраснымъ литературнымъ изложеніемъ, увлекательностью разсказа. Если въ нихъ иногда и замѣтенъ недостатокъ критики тѣхъ или другихъ событій, за то они всегда основаны на достовѣрныхъ фактахъ и чужды малѣйшей тенденціозности; нашъ историкъ всегда держится строго-научныхъ выводовъ, не позволяетъ себѣ никакихъ гипотезъ, не увлекается и старается быть вполнѣ безпристрастнымъ. Къ этому необходимо прибавить его необыкновенное трудолюбіе, его большую добросовѣстность въ обращеніи съ сырымъ матеріаломъ, благодаря чему работы Н. Ѳ. Дубровина пріобрѣтаютъ еще большую цѣнность.

П. Быковъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

IV.

Въ описанный нами въ началѣ этой части день Василій Герасимовичъ вернулся изъ редакціи домой довольно поздно. Ему оставалось не болѣе часу до обѣда. Въ швейцарской онъ спросилъ у вѣчнаго читателя всякихъ листковъ:

— Прасковья Яковлевна вернулась?

— Давно ужъ!.. нехотя отрѣзалъ тотъ.

— Есть кто-нибудь?

— Двое тамъ дожидаются.

— Кто такіе?

— Господа...

Безъ жены Сластенову постоянно приходилось слышать такіе отвѣты. Онъ не обращалъ на это вниманія и улыбался только.

— Какіе господа?

— Сами увидите... Тамъ доложено.

И мордастый нахалъ сѣлъ къ окну за газету, не заботясь о томъ, что Сластеновъ еще въ швейцарской.

Проходя къ себѣ въ кабинетъ, Василій Герасимовичъ заглянулъ въ гостиную и замѣтилъ сидѣвшихъ другъ противъ друга „патронную даму", Любовь Петровну Трепидонову — патронессу безчисленнаго количества пріютовъ, больницъ, благотворительныхъ кассъ, обществъ вспоможенія—и, какъ его называли, „благотворительнаго генерала" Водохлѣбова. Водохлѣбовъ былъ собственно не генералъ, а полковникъ, и то изъ интендантскихъ. Вышелъ изъ кантонистовъ и болѣе всего на свѣтѣ любилъ семгу и астрономію. Въ благотворители онъ попалъ совершенно случайно. Разъ ему поручили устроить какое-то „гулянье". Къ своему изумленію, онъ увидѣлъ въ кассѣ цѣлую прорву денегъ и по глупости на первыхъ порахъ всѣ ихъ предоставилъ правленію „Человѣколюбиваго Голубя". Тамъ удивились... „Помилуйте, что это значитъ... съ прежнихъ-то намъ очищались сотни, а вы тысячи... Вона!" Водохлѣбовъ былъ не глупъ. Онъ сообразилъ, что слишкомъ поторопился. Отъискалъ благотворительнаго штабсъ-капитана, своего предмѣстника по устройству оффиціальныхъ праздниковъ. Пригласилъ его ужинать... Угостилъ Pommery-sec'омъ и потолковалъ съ нимъ „какъ и что" по душѣ. Результатомъ этой бесѣды было то, что слѣдующее оффиціальное гулянье, несмотря на то, что публика ломилась, билетовъ не хватало и большинство артистовъ и присяжныхъ увеселителей играло, пѣло, декламировало даромъ или почти даромъ —„Голубь" получилъ только семьдесятъ два рубля.

— Ну, вашъ предшественникъ никогда меньше пятисотъ не доставлялъ.

— Разъ на разъ не приходится! скромно отвѣчалъ Водохлѣбовъ. — Въ прошлый разъ я девять тысячъ привезъ...

Онъ опять пригласилъ благотворительнаго штабсъ-капитана и поставилъ ему вторично Pommery-sec.

— А это вамъ за совѣтъ и за участіе, и сунулъ ему въ карманъ барашка въ бумажкѣ. Благотворительный штабсъ-капитанъ даже не удивился, а только глаза его приняли мечтательное выраженіе, и онъ вдругъ съ чувствомъ продекламировалъ:

Малютка шлемъ нося просилъ
У Бога пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ...
Кѣмъ славны Римъ и Византія.

А при словахъ „онъ Велизарія питаетъ", ощупалъ барашка въ карманѣ, протянулъ руку и пожалъ ею за локоть Водохлѣбова.

— Хорошіе прежде стихи писали! вздохнулъ онъ.

— Да... Я самъ, знаете, за астрономію стою.

— А артистамъ не платите...

— Какъ?

— Такъ... Съ благотворительною цѣлью. Что̀ ихъ баловать! Я имъ никогда не платилъ.

— А если будутъ не склонны?..

— Не посмѣютъ жаловаться... Пугните!.. Въ случаѣ чего... Цыганскаго Мазини Ерофея Глотова знаете?

— Ну?

— И цыганскую Патти—Матрену Дуй-Гора—тоже?

— Знаю-съ.

— Ну, разъ они на меня было вздумали... Я Мазини—въ зубы, а Матрешку привлекъ—документъ у нея былъ не вполнѣ въ порядкѣ... Въ ноги Патти кланялась, чтобы помиловалъ... Мнѣ что-жь, я на нихъ зла не помню! кротко заключилъ онъ.

Водохлѣбовъ принялъ къ свѣдѣнію, и сталъ кататься на гуттаперчевыхъ шинахъ, построилъ домъ въ пять этажей, купилъ подъ Москвой имѣніе со старымъ паркомъ и оранжереями и каждый день сталъ ѣсть съ утра семгу-порогъ по рублю восьмидесяти пяти за фунтъ. Въ глазахъ у него явилась благосклонность и онъ ужъ пріучился, бесѣдуя о бѣдныхъ, вздыхать, устремлять увлаженный слезами взглядъ въ потолокъ, хлопать московскихъ Китовъ по животу и говорить съ Матрешкой Дуй-Гора и Ерофеемъ Глотовымъ въ настоящемъ тонѣ.

— Мы даромъ не желаемъ пѣть! рѣшительно отказывались тѣ.

— Въ пользу бѣдныхъ?..

— Хотя и въ пользу бѣдныхъ... Знаемъ мы эту пользу!

— Ну что-жь... подъ конвоемъ приведемъ... и все-таки пѣть будете...

Съ настоящими артистами Водохлѣбовъ поступалъ иначе. Онъ являлся къ нимъ, съ восторженнымъ видомъ наивнаго поклонника смотрѣлъ имъ въ глаза, вздыхалъ съ опасностью треснуть и, улучивъ минуту, столь сладко говорилъ: „Спѣли бы вы у насъ.... Осчастливили бы... Въ пользу бѣдныхъ... А?.. И для Бога хорошо, и публика оцѣнитъ..."—что у тѣхъ не хватало характера отказаться, и они пѣли для Бога и для публики.

Любовь Петровна Трепидонова была совсѣмъ изъ другой оперы. Ее называли въ Москвѣ насмѣшники патро̀нною дамой, мадамъ Скуси-патронъ, потому что не было кажется въ городѣ благотворительнаго кружка, гдѣ бы она не значилась патронессой. Она дѣйствительно себя и свои интересы приносила въ пользу ближнему, жертвовала и сама, и заставляла раскошеливаться самыхъ невѣроятныхъ и крутыхъ эѳіоповъ, такъ что тѣ, разставшись съ нею, только глаза пучили, не понимая, какъ это она ихъ улестила. Савва Кузмичъ именовалъ ее филантропъ-министромъ и генераломъ отъ благотворительности. Въ городѣ разсказывали, что даже знаменитаго скрягу Спирофонова она съумѣла на какой-то брошѐнныхъ дѣтей пріютъ „подковать" на пять тысячъ, почему онъ, чтобы наверстать потерю, и себя, и дѣтей своихъ лишилъ завтрака года на два, пересталъ ѣздить въ клубъ и вздыхалъ по крайней мѣрѣ мѣсяца четыре, до болѣзни сердца. Трепидонова суетилась съ утра до ночи. Она кажется органически не понимала что̀ значитъ покой и отдыхъ. „Мои бѣдные" — это для нея былъ цѣлый міръ, и внѣ его она ничего не видала. Во вселенной могли совершаться величайшія событія—они не касались ея вовсе. За-то открытіе какого-нибудь новаго прибѣжища волновало, радовало и подымало ее на-долго. Мужъ давно махнулъ на нее рукою и, вообразивъ себя великимъ артистомъ, принималъ ближайшее участіе въ дѣятельности Іеронима Вячеславича Бончъ-Ншержевскаго—отставнаго пѣтуха какой-то оперы, открывшаго въ Москвѣ курсы свѣжеиспеченныхъ геніевъ и общество будущихъ Тамберликовъ и Сальвини... Трепидоновъ, забывъ свои пятьдесятъ лѣтъ, сидѣлъ за пюпитромъ и изучалъ драматическое искусство, играя первыхъ любовниковъ и, скрывая подагру, бросался на крохотной „общественной" сценѣ на колѣна, взывая: „прелестное созданіе, ужели ты и нынче останешься непреклонною!" и т. д. Бончъ-Ншержевскій одобрялъ его явно, называя втайнѣ плѣшивымъ осломъ. Сидя теперь съ Водохлѣбовымъ, Любовь Петровна смотрѣла на него съ ненавистью; тотъ тоже готовъ былъ бы утопить ее въ стаканѣ воды...

— Все по пріютамъ бѣгаете? ѣдко спрашивалъ онъ.

— Да... Резиновыхъ шинъ на благотворительныя суммы не завожу... Пѣшкомъ приходится.

Водохлѣбовъ проглатывалъ языкъ на мгновеніе, но потомъ вдругъ вспоминалъ:

— А вчера я вашего супруга въ обществѣ свѣжеиспеченныхъ геніевъ видѣлъ... Очень хорошо Армана Дюваля игралъ и такъ, знаете, натурально Маргаритѣ цѣловалъ руки, лучше не надо.

— Такой же старый дуракъ, равнодушно отвѣчала Любовь Петровна,—какъ и тѣ, что пѣвичекъ изъ Салонъ-де-Варіете на благотворительный счетъ по заграницамъ возятъ!

Водохлѣбовъ окончательно вялъ и только про себя думалъ: „вотъ бритва-то—не попадайся".

Прасковья Яковлевна къ нимъ не выходила... Она не любила „благотворителей" и называла ихъ „пустоболтушками". „У меня свои бѣдные есть", говорила она.—„Я имъ ежемѣсячно жалованье плачу".

Въ ожиданіи Василія Герасимовича они молчали, окидывая другъ друга негодующими взглядами...

Когда онъ вошелъ, Водохлѣбовъ, точно подчиняясь неудержимому порыву, схватилъ его въ объятія и нѣкоторое время не выпускалъ его изъ нихъ, все крѣпче и крѣпче прижимая его къ груди...

— Отецъ!.. Вотъ по комъ рай давно плачетъ! умиленно и прослезившись обратился онъ къ Любовь Петровнѣ.

Но та не поддавалась нѣжностямъ.

— Вы бы, генералъ, усы вытерли... Противно. Слезы-то, вѣрно, нынче дешевы стали.

Генералъ сконфузился, пожалъ плечами и поднялъ очи горѣ, точно призывая небо въ свидѣтели своей невинности.

— Отпустите меня скорѣе, Василій Герасимовичъ. Я васъ долго ждала... А генералу-то вѣдь времени некуда дѣвать!.. Видите ли, нашъ пріютъ брошенныхъ дѣтей открытъ на сорокъ человѣкъ, а ужъ тамъ ихъ восемьдесятъ пять и каждый день приходятъ еще и приносятъ... Хоть на улицѣ оставляй несчастныхъ... Вся наша надежда на васъ, и только на васъ однихъ... Если вы не поможете, мы ужъ не знаемъ, какъ намъ и быть...

— А сколько надо? сконфузился Сластеновъ.

— Чтобы принанять помѣщеніе и устроить еще кое-что—пятнадцать тысячъ... Не откажите. Это ужъ, сами знаете, Христа-ради. Вамъ Богъ-то не даромъ вѣдь посылаетъ... И вы должны страждущему человѣчеству по силѣ возможности послужить, а? не такъ ли?..

Водохлѣбовъ звѣремъ смотрѣлъ на нее. Онъ было хотѣлъ вмѣшаться, но она такимъ его окинула уничтожающимъ взглядомъ, что интендантскій полковникъ, боясь какихъ-либо изобличеній, только вздыхалъ, сопѣлъ и потѣлъ, издали видя какъ Сластеновъ пишетъ чекъ... Но Трепидонова, поблагодаривъ Василія Герасимовича, не могла не задѣть по пути Водохлѣбова.

— Я ухожу... Теперь вы... Только, „генералъ", вы бы не очень... надо же и мѣру знать... Ну, купили себѣ домикъ, помогли бѣдному семейству (у васъ, кажется, двое дѣтей? да?) и будетъ!..

— Ядъ, а не дама! пустилъ онъ ей въ слѣдъ. — И за что̀ только она меня ненавидитъ! съ видомъ оскорбленнаго достоинства обратился онъ къ Сластенову. —

Выставка Императорской Академіи Художествъ. „Передъ вѣнцомъ“.

Карт. проф. **К. Е. Маковскаго** (исключительное право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „**Нивѣ**“), грав. Шюблеръ.

Не понимаю... Кажется, себя не жалѣю для бѣдныхъ... Я и теперь къ вамъ, драгоцѣнный Василій Герасимовичъ... Ну, какъ здравіе ваше и вашей супруги?.. Все дѣтокъ-то нѣтъ у васъ! сокрушенно помоталъ онъ головою. — А вы впрочемъ надѣйтесь... Нѣтъ денегъ — передъ деньгами, нѣтъ дѣтокъ — передъ дѣтками!—И самъ довольный своимъ остроуміемъ, захохоталъ, сладко глядя въ глаза хозяину и ежесекундно рискуя апоплексическимъ ударомъ.—А я къ вамъ... Бѣдное семейство одно... Вотъ собираю подписку. Отецъ, дѣдъ... прадѣдъ... Дѣтей куча. Жена больная... Сестра-свояченица... Мал-мала меньше и всѣ съ голоду умираютъ... Вчера *самъ* повѣсился было, да во-время вынули изъ петли... Ну, остался живъ, а завтра вѣдь опять въ петлю полѣзетъ. Непреложно полѣзетъ... Если вы не поможете — полѣзетъ. Я ѣхалъ мимо—дай, думаю, загляну. Если кто и спасетъ бѣдную семью, такъ это Василій Герасимовичъ— некому больше...

Сластеновъ вынулъ сторублевку и краснѣя подалъ ему.

Тотъ, не глядя, сунулъ ее въ карманъ.

— А теперь о дѣлѣ... Благодарю, но о настоящемъ дѣлѣ теперь... Семья за васъ Богу помолитъ... Для души-то, ахъ, сколь это прекрасно!.. Для души! Молитва-то бѣдныхъ къ Богу доходчива. Наша-то еще на полдорогѣ застрянетъ, а та сейчасъ къ престолу... Анъ Господь-то Всемилостивый и услышитъ... А теперь о дѣлѣ. Извѣстно вамъ должно-быть, что мы о праздникахъ гулянье задумываемъ. Въ пользу раненыхъ въ прошлую войну... Которые остались безъ всякихъ средствъ... Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ. Голову подставляли, изъ тысячи смертей вышли искалѣченными... Подъ тѣнью гранатъ, такъ сказать, были... И теперь... подайте мальчику на хлѣбъ!.. Ни аржановъ, ничего. А манже-буаръ надо. Брюхо-то вѣдь, чортъ его возьми, патріотическихъ резоновъ не слушаетъ, ему подай его порцію. Мы съ вами разныхъ деликатесовъ попробуемъ: семушки, что-ли, сладострастно зажмурился онъ, — а у того ни хлѣба, ни зрѣлищъ... Такъ вотъ намъ на гулянье это, на устройство... надо бы... Мы вамъ послѣ вернемъ... Непремѣнно вернемъ. Какъ сборъ будетъ — сейчасъ же назадъ...

„Два раза бралъ — не возвращалъ!“ мелькнуло въ памяти у Сластенова.

— Будьте столь добры... Не откажите... Ужъ если вы бабѣ этой для ея отвлеченныхъ младенцевъ... то для раненыхъ-то воиновъ... патріотовъ. Помилуйте... Я ужъ вамъ сумму не назначаю.

Сластеновъ развернулъ чековую книжку.

— Сколько можете... Все вамъ вернется... Но мы во всякомъ случаѣ будемъ благодарны.

Сластеновъ взялъ перо въ руки.

Водохлѣбовъ даже зажмурился... Потомъ открылъ глаза, замѣтилъ, что Василій Герасимовичъ наверху цифрами поставилъ 300...

— Еще ноликъ... Одинъ маленькій... малюсенькій ноликъ... сопѣлъ и ласково шепталъ ему подъ руку Водохлѣбовъ. Даже благовоспитанный котъ не могъ бы промурлыкать нѣжнѣе.—Вотъ такъ...

И у генерала даже подъ ложечкой засосало.

„Еще ноликъ, еще ноль“, вдругъ запѣлъ онъ на мотивъ „эй ухнемъ, еще разикъ, еще разъ“...

Сластеновъ уже дописывалъ чекъ, какъ въ гостиную вошелъ Савва Кузмичъ.

„Черти принесли!“ сконфузился „генералъ“. Его такъ часто называли генераломъ, что онъ и самъ привыкъ считать себя такимъ.

— А, ваше превосходительство!.. Вотъ ужъ истинно трудолюбивая пчела... Со всякаго цвѣтка каплю меду снимаешь...

— Ну, гдѣ намъ.

— Какъ гдѣ, слыхомъ земля полнится... Еще домикъ у Рѣдкозубова торгуешь?.. Ты что это, остановилъ онъ племянника.—Чекъ?.. на три тысячи?.. Покажь-ко!

Василій Герасимовичъ далъ ему.

На лицѣ у Водохлѣбова изобразился ужасъ.

— Зачѣмъ это тебѣ?

— Гулянье... для раненыхъ патріотовъ, которые... устраиваемъ... мялся онъ.

— На гулянку?.. Три тысячи?.. И гулянка тоже тебѣ въ карманъ? Ну, нѣтъ, братъ, шалишь. Знаемъ мы эти гулянки, знаемъ...

И Савва Кузмичъ вдругъ разорвалъ чекъ на мелкіе кусочки.

— Савва Кузмичъ!.. Помилуйте! возопилъ Водохлѣбовъ.

— Не мое дѣло миловать, а только грабить племянника не дамъ!

— Да вѣдь они Любовь Петровнѣ Трепидоновой 15,000 отвалили! теноркомъ плакался генералъ.

— То Трепидоновой. Она у насъ настоящая патронная дама. У нея деньги-то на бѣдныхъ, да на хорошія дѣла идутъ, а то—ты!.. Какіе-такіе на тебѣ узоры написаны, чтобы тебѣ по три тысячи въ глотку совать, а?

— Не мнѣ... Для раненыхъ, ей-Богу-съ.

— Въ кое мѣсто ранены?.. Нѣтъ, братъ, не проклажайся понапрасну...

Сластеновъ, точно онъ не причастенъ былъ ко всему этому, сидѣлъ опустя голову и слушалъ ихъ.

— Да вѣдь не ваши деньги! озлился Водохлѣбовъ.

— Не мои. А ты думаешь, покойный братецъ Арсеній Николаевичъ даромъ ихъ наживалъ, что-ли? Для тебя, брюхача, хлопоталъ?.. Опослѣ того, увижу я на улицѣ разбойникъ за горло кого душитъ—и проходи мимо. Мое дѣло де сторона. Такъ по твоему?.. И сколь въ тебѣ жадности этой лютой!.. удивился Савва Кузмичъ.—То есть съ верхомъ. Хоть отбавляй! И ты тоже, обратился онъ къ Василію Герасимовичу, — всякую шушваль на домъ пускаешь... Я какъ-то побезпокоился— самъ-то ты вѣдь о себѣ не подумаешь—сколько ты ужь на этого генерала издержалъ, такъ вѣдь его всего изъ золота можно точно идола вылить, да самоцвѣтными камнями изуставить!

Водохлѣбовъ сидѣлъ какъ въ воду опущенный.

— Ну, чего ты?.. Нахохлился! совсѣмъ пѣтухъ, у котораго собака хвостъ оторвала... А ты забудь про три тысячи-то... Было и нѣтъ... Вспомни Іова многострадальнаго на гноищѣ... смѣялся Савва Кузмичъ.

— Ты бы посматривала за мужемъ-то! немного погодя говорилъ онъ Прасковьѣ Яковлевнѣ.—Такъ ежели впередъ пойдетъ — живымъ манеромъ вы оба на улицѣ-то очутитесь.

— Что-жь мнѣ за нимъ смотрѣть, не маленькій... Хоть и хуже маленькаго!

И такая нотка раздражительнаго недовольства послышалась въ ея голосѣ, что Савва Кузмичъ только покачалъ головой...

— Смотри, Василій, какъ бы намъ тебя въ опеку не взять! погрозилъ Савва Кузмичъ.—Ишь, и жена-то на тебя... иначе чѣмъ прежде смотритъ.

Но тутъ Прасковья Яковлевна не выдержала—расплакалась и ушла къ себѣ.

— Что у васъ такое случилось?

— Ничего не понимаю!

И дѣйствительно, Василій Герасимовичъ не понималъ ничего, только ужасно несчастнымъ чувствовалъ себя въ эту минуту.

V.

И не только въ эту минуту, но все время какъ только онъ вернулся въ Москву, въ свой палаццо, къ своимъ мильонамъ. Въ самомъ дѣлѣ — онъ былъ совершенно равнодушенъ къ послѣднимъ. Едва-ли между извѣстными ему людьми нашелся бы кто другой, кому было бы

до такой степени все равно: быть богатымъ или нѣтъ. Мильоны не принесли ему счастья. Они вырвали его изъ привычной среды и бросили въ другую, съ которой у него не было ничего общаго. Мечтательное существованіе полуголоднаго бѣдняка смѣнилось сытою обезпеченностью, но въ то же время создало вокругъ него какую-то лихорадку. Никто не смотрѣлъ на него какъ на человѣка. Начиная съ Илюса и Приходзько и кончая какимъ-нибудь Водохлѣбовымъ, онъ былъ для всѣхъ только рядъ нулей при извѣстной цифрѣ. Къ нему не относились съ желаніемъ съ нимъ познакомиться какъ съ личностью, ему не симпатизировали, его не ненавидѣли, имъ не интересовались. Онъ былъ—милліонеръ. Этого довольно. Къ нему подходили съ исключительною цѣлью цапнуть съ него болѣе или менѣе круглую сумму. При одномъ его видѣ у всѣхъ разгорались самые подлые инстинкты. Въ глазахъ у приближавшихся къ нему свѣтилась жадность, и какъ ни мало онъ зналъ людей—онъ понималъ ужь это и видѣлъ отблескъ отвратительной страсти къ наживѣ въ ихъ взглядахъ, слышалъ что-то надтреснутое, что-то хищное въ ихъ голосахъ. Онъ не придавалъ уже значенія словамъ. Слова, по обыкновенію, ничего не выражали. Онъ улавливалъ ихъ тонъ и отъ отвращенія самъ жмурился, не зная куда ему уйти отъ этой всюду длившейся ужь три года охоты за нимъ. Сначала около него были Илюсъ и Приходзько. Отъ того и другаго избавилъ его Боголюбъ Боголюбовичъ. Илюса онъ съумѣлъ вытѣснить изъ дома Сластеновскаго, а Приходзько—попалъ къ нему въ лапы иначе. Курцъ скупилъ его векселя и такъ прижалъ къ стѣнѣ бѣднаго Станислава Сигизмундовича, что тотъ радъ былъ, когда его оставили въ покоѣ. Но на смѣну къ нему являлись новые Илюсы и новые Приходзьки—и все съ тѣмъ же алчнымъ, неукротимымъ желаніемъ сорвать и уйти. Во времена оны у него были друзья. Тамъ, у Бантиш, въ нетопленыхъ комнатахъ, всѣ эти Нешумовы, Наплаксины, Морданы, Кимишкіаны — считали его своимъ, любили его, горевали вмѣстѣ съ нимъ и радовались его дешевому счастью, когда оно выпадало на долю бѣдняка. Теперь—и они развратились, и они смотрѣли на него съ проблесками жадности. Эти проклятыя деньги, милліоны, его дома, его лошади и, главное, его чековая книжка—изподличали все вокругъ. Онъ не зналъ на кого ему положиться. Онъ прекрасно понималъ, что дядя Савва Кузмичъ, напримѣръ, любилъ его по своему, а между тѣмъ не поцеремонился оттягать у него громадную фабрику—сначала въ управленіе, а потомъ какъ-то такъ вышло, что фабрика оказалась у него, а совсѣмъ негодное подмосковное имѣніе съ полуразвалившимся домомъ и пропившимися сосѣдями-мужиками—у Василія Герасимовича. И дядя еще подчеркивалъ не разъ: „слава те, Господи, не даромъ я у тебя фабрику взялъ... Цѣлое имѣніе тебѣ предоставилъ подъ самой Москвой...“ Боголюбъ Боголюбовичъ—тотъ смотрѣлъ на Сластенова какъ на законное свое достояніе. Онъ сосалъ его вдосталь, сосалъ постоянно, упорно, съумѣвъ при этомъ подчинить своему вліянію и дядю, и всѣхъ его окружающихъ, кромѣ Прасковьи Яковлевны. Даже жена его, которую Василій Герасимовичъ любилъ больною, страстною, мучительною любовью,—даже она—вѣдь не вышла бы за него замужъ, если-бы онъ познакомился съ нею тогда, у Бантиш. Вѣдь по ея мнѣнію, привитому воспитаніемъ, теткою-скопидомкой, окружающими, бѣдность сама по себѣ уже была большимъ порокомъ. Василію Герасимовичу теперь приходилось часто прерывать краснорѣчивыя изліянія новыхъ своихъ знакомыхъ. Настолько онъ уже осмѣлился и самъ сталъ безцеремоненъ. Когда—невѣдомо зачѣмъ, невѣдомо откуда—явился къ нему ощипанный актеръ Георгій Задраловъ и началъ распространяться о святости искусства и высокомъ значеніи сцены, Сластеновъ кротко спросилъ его:

— Сколько?

— Чего сколько? вытаращилъ тотъ глаза.

— Сколько вамъ снять съ меня желательно?

Онъ уже даже и выражаться привыкъ по образу и подобію Саввы Кузмича.

— Помилуйте!

— Ничего-съ, я привыкъ... Сколько?

— Сто вамъ не будетъ жалко?

— Нѣтъ, не жалко...

— Позвольте прижать васъ къ сердцу.

Сластеновъ не отказалъ ему и въ этомъ утѣшеніи. Когда Задраловъ уходилъ, онъ печально смотрѣлъ ему въ слѣдъ. Откуда они брались такіе? Отчего самъ, во время своего мученичества „впроголодь“, онъ ни у кого никогда не просилъ денегъ?..

У всѣхъ были ужасно высокія и чрезвычайно возвышенныя дѣла и идеи. И всѣ, услышавъ отъ него „сколько“, не медля сдавались, говорили цифру и, заполучивъ ее, какъ бы по-собачьи, угодливо смотрѣли ему въ глаза и торопились уйти поскорѣе, унести въ свое логово дешево доставшуюся лакомую добычу.

Савва Кузмичъ никакъ понять не могъ, съ чего этотъ оболтусъ раздаетъ всѣмъ свои деньги. Кто ни приди, кто ни попроси—сейчасъ, пожалуйте получить. Онъ не видѣлъ одного: именно медленно и вѣрно развивавшагося въ молодомъ богачѣ презрѣнія къ деньгамъ. Именно презрѣнія. Онъ начиналъ презирать все и всѣхъ. И тѣхъ кто приходилъ къ нему, и самые милліоны, распространившіе вокругъ эту заразу подлости, униженій, заискиванія, хищничества, злобы, взаимной ненависти и клеветы. Когда Приходзько жаловался ему на Курца, а Курцъ на Приходзько, и живописали они другъ друга подлецами изъ подлецовъ, онъ не вѣрилъ ни тому, ни другому. Онъ видѣлъ въ нихъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ мошенниковъ. Они только неистово завидовали другъ другу и никакъ не могли вынести мысли, что при Сластеновскихъ милліонахъ кромѣ одного изъ нихъ можетъ состоять и другой. Онъ сидѣлъ вечеромъ въ день посѣщенія его Водохлѣбовымъ у камина и печально смотрѣлъ въ огонь, когда къ нему, пышная и яркая, подошла Прасковья Яковлевна.

Онъ подвинулъ ей кресло и засмотрѣлся на нее.

— Чего ты?.. спросила она, замѣтивъ на себѣ его упорный взглядъ.

— Такъ, думаю, улыбнулся онъ.

Но она различила грусть въ его улыбкѣ.

— Смѣешься, а самому плакать хочется.

И вдругъ, не смотря на все недовольство, которое въ ней возбуждалъ онъ, она положила на его руку свою.

— Ну, говори ужь, что у тебя?

— Другаго бы мужа тебѣ надо было, Паша.

— Чего еще!

— Вѣрно! Ну, какой я мужъ.

— Мужъ какъ мужъ... Смирный! придумала она достоинство въ немъ.

— Ну, а еще?..

— Еще? Она задумалась.—Смирный... тверезый... По купечеству какіе бываютъ!.. У Лоскутниковыхъ жена-то молодая съ перешибленнымъ носомъ ходитъ.

— Смирный, трезвый. А еще?

— Чего-жь тебѣ еще?..

И она тоже заглядѣлась въ огонь, и на ея лицѣ отразилось, или ему это показалось, что-то болѣзненное, тревожное, печальное. Онъ смотрѣлъ на ея пышные волосы, на эти круглыя плечи, твердыя какъ мраморъ, на чудную грудь, на все это сильное, молодое тѣло—и какимъ жалкимъ казался самому себѣ! Румянецъ такъ и горѣлъ на лицѣ его жены и глаза сіяли нестерпимымъ блескомъ. Онъ вспомнилъ свое блѣдное, хотя уже и не худое лицо, свои безцвѣтные глаза—и ему жаль стало Паши. Онъ схватилъ ея руку, прижалъ къ своимъ губамъ и вдругъ заплакалъ.

— Что ты, что ты?.. очнулась она изъ забытья и вдругъ обвила его своими сильными руками.— Что ты... Васенька?..

— Нѣтъ, такъ, ничего... Не обращай вниманія... Вотъ и прошло...

— Аль боленъ?

— Сердцемъ боленъ. Знаешь: или я недоносокъ дѣйствительно, какъ меня называли, или... я ужь не знаю. Только такъ мнѣ горько, такъ больно!.. Вѣдь посмотри всѣхъ кругомъ... кто ни подойдетъ, у каждаго пасть на мои мильоны раскрыта.

— Ужь это такъ! подтвердила она.—Какъ же имъ не разѣвать ртовъ?.. У бѣдныхъ всегда жадности много. А ты не вели пускать къ себѣ, вотъ и все... Однако не забудь, что мы сегодня вечеромъ у Лоскутниковыхъ. Въ прошлую среду не были. Она и то встрѣтила сегодня и говоритъ: „загордились должно, насъ забыли“.

— Если хочешь, поѣдемъ.

— Да... ужь и одѣваться пора... Балъ у нихъ, гляди... фракъ надѣнь.

Она черезъ часъ была уже готова. Черные, густые непокорные волосы ея едва сдерживались на головѣ золотыми иглами съ брилліантовыми ручками, ярко горѣвшими надъ нею. Алмазная діадема сверкала надъ чистымъ и красивымъ лбомъ, на шеѣ переливалась радужными оттѣнками ривьера. Но ея плечи, охваченныя золотистымъ атласомъ, ея тѣло изъ-подъ стоившихъ сумасшедшія деньги кружевъ, затмѣвали и жемчугъ, и брилліанты. Тонкая гибкая талія дразнила Василія Герасимовича. Ему досадно было, что этотъ вырѣзъ на ея спинѣ, удивительный, художественный, какъ и вся она, этотъ смѣло открытый бюстъ кромѣ него будутъ видѣть другіе.

И руки ея, удивительныя, точно выточенныя съ ямочками у локтей. Онъ злился когда длинная перчатка скрыла ихъ отъ него, отвернулъ ее у плеча и поцѣловалъ.

— Какія нѣжности! засмѣялась она.

Онъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало. Какъ онъ былъ смѣшонъ въ этомъ глупомъ фракѣ! Точно ощипанная ласточка. Даже жалость возбуждала его фигура рядомъ съ этою пышною женщиной. Онъ все время сегодня любовался ею. У Лоскутниковыхъ, подымаясь по лѣстницѣ, онъ не отводилъ отъ нея влюбленнаго взгляда. Въ пышныхъ залахъ—прислонясь къ дверямъ, слѣдилъ за нею и любовался какъ она шла царицей посреди обступившей ее молодежи, какъ колеблется ея станъ, какъ яркій свѣтъ отражается на бѣлой кожѣ ея плечъ, на брилліантахъ ея діадемы, какъ невозмутимо она относится къ этимъ господамъ, со всѣхъ сторонъ какъ мухи на медъ летѣвшимъ къ ней. Лоскутниковы жили богато, съ тяжелою роскошью присущей старымъ московскимъ купеческимъ домамъ. Посѣщали ихъ тоже люди богатые, „милліонщики“, — но лучше его Паши здѣсь никого не было.

— Какова краля! улыбнулся ему Савва Кузмичъ,— а? Развернулся-то какой цвѣточекъ. Чего-жь ты киснешь все? Поди пригласи... Потанцуй.

— Я? съ ужасомъ спросилъ Сластеновъ.

— Да, ты... Чего пучишь глаза.

Но онъ только отошелъ отъ дяди. Василію Герасимовичу казалось святотатствомъ приблизиться теперь къ женѣ. Онъ издали все продолжалъ любоваться ею. Изо всѣхъ гостей къ ней пуще всего приставалъ пріѣзжій изъ Петербурга офицеръ — самоувѣренный, красивый, рослый, выхоленый и выкормленный. Ни мысли, ни чувства не было въ этомъ спокойномъ, самодовольномъ лицѣ. Онъ на полголовы выше Паши — и смотрѣлъ на нее такъ, какъ будто она уже была его собственностью. Онъ танцовалъ съ нею, ухаживалъ за ней.

— Позвольте мнѣ познакомить васъ съ мужемъ, предложила она.

— Я очень счастливъ, процѣдилъ тотъ сквозь зубы.— Вашъ мужъ извѣстный... Ему завидуютъ многіе. Еще-бы: такая жена и милліоны.

— Для васъ-то поди милліоны лучше? угадала она съ московскою безцеремонностью, такъ что питерскій гость сжался какъ береста на огнѣ. Тѣмъ не менѣе когда его представили Сластенову, Василій Герасимовичъ показался себѣ самому такимъ маленькимъ и жалкимъ рядомъ съ этою на диво развернувшеюся атлетическою фигурой, что даже смѣшался на первыхъ порахъ.

— Это вашъ мужъ? полунасмѣшливо спросилъ ее тотъ потомъ.—Вотъ не думалъ.

— Почему?

— Такъ, не подходитъ къ вамъ, небрежно уронилъ онъ.

Та вспыхнула и обидѣлась.

— Мы мужей не на заводахъ выбираемъ. Красавцы-то денегъ ищутъ — они для дуръ хороши.

Офицеръ смутился. Прасковья Яковлевна попала въ больное мѣсто. Онъ нарочно пріѣхалъ въ Москву, чтобы жениться, если Аллахъ ему поможетъ, на какой-нибудь архи-милліонершѣ купчихѣ. Но купчихи—вездѣ появлялись съ нимъ, пользовались его ухаживаніемъ, хвастались имъ передъ другими—и только что онъ заговаривалъ о бракѣ, какъ онѣ ему показывали на дверь.

— Вотъ бы тебѣ такого мужа! вздохнулъ Сластеновъ уѣзжая съ женою домой.

— Какого?

— Офицера этого.

— Спасибо... На деньги зарится... Посмотритъ на брилліанты и точно у него зубы заболятъ. Поди подъ ложечкой-то у него сосало какъ! Хлюстова-то его спровадила, а онъ ея милліоны ужь носомъ чуялъ. Я ему какъ сказала о ней, ажь позеленѣлъ онъ.

— А между тѣмъ ты съ нимъ цѣлый вечеръ...

— Я? и Прасковья Яковлевна расхохоталась.—Я это нарочно.

— Зачѣмъ?

— А Лоскутникова-то—изъ себя выходила. Даже мигрень у ней сдѣлалась отъ злости. Такъ только ее дразнила...

Когда они пріѣхали домой, онъ проводилъ ее до порога ея комнатъ.

— Ну а теперь прощай... Я сегодня устала. Иди въ кабинетъ.

Онъ пошелъ на свою половину.

И какимъ жалкимъ и постылымъ онъ казался самъ себѣ проходя по освѣщеннымъ комнатамъ и видя свою чахлую фигурку повторенною зеркалами.

„Да не такой ей нуженъ, не такой...“

Холодное отчаяніе проникало въ его смятенную душу.

(Продолженіе будетъ).

Послѣдній экзаменъ.

(Изъ недавняго прошлаго).

Разсказъ **Вл. Толля.**

I.

Простенькая жестяная лампочка освѣщала маленькую бѣленькую кухоньку. На выходившемъ въ сѣни окнѣ была чистенькая коленкоровая занавѣска. На полкѣ какъ жаръ горѣли двѣ-три мѣдныя кострюльки. Выскобленный кухонный столъ былъ украшенъ маленькимъ самоварчикомъ, вычищеннымъ до соревнованія съ солнцемъ. Въ углу подъ образами стояла желѣзная кровать, прикрытая пикейнымъ одѣяломъ. На остывшей плитѣ клубкомъ свернулся бѣлый большой котъ.

Мнѣ всегда казалось, что въ этой обстановкѣ никто, кромѣ Анны Ефимовны, обитать и не могъ, и не долженъ былъ. Почему? Потому что сама Анна Ефимовна была тоже маленькая и бѣленькая.

Совершенно сѣдые волосы, всегда аккуратно расчесанные, были прикрыты бѣлоснѣжнымъ чепчикомъ. Чистый перед-

Императоръ Германскій Вильгельмъ II.

никъ, свѣтленькое, какое-нибудь сѣренькое ситцевое платье,— все это представляло самую подходящую рамку для ея невысокой, довольно полной фигуры, для ея блѣднаго, морщинистаго, добродушнаго лица, украшеннаго прелестнѣйшими голубыми глазами. Заглянувъ въ эти глаза, всякій наслаждался тѣмъ внутреннимъ миромъ и душевнымъ покоемъ, которые должны были царствовать въ ея душѣ и которые невольно сообщались собесѣднику ея.

Третій часъ утра. Кругомъ тишина. Только рядомъ въ комнатѣ слышится равномѣрное жужжаніе, происходящее отъ чтенія вполголоса.

Не смотря на столь поздній часъ, старушка сидѣла за столомъ въ своей кухонькѣ и быстро-быстро вязала что-то, изрѣдка останавливаясь, разглядывая и растягивая свое вязанье. Нѣтъ-нѣтъ да и сомкнутся глаза ея и склонится голова набокъ, но Анна Ефимовна тотчасъ подбодрится опять и спѣшитъ поднять опущенную петлю.

Но вотъ пріостановились вязальныя спицы. Старушка стала прислушиваться.

„Что-то затихъ мой голубчикъ. Не заснулъ-ли? Да и пора бы отдохнуть. Пойти посмотрѣть. А вдругъ не спитъ? Нѣтъ, все же пойду!“

Она встала и неслышною походкой въ мягкихъ туфляхъ приблизилась къ запертой двери въ комнату. Пріотворивъ дверь на палецъ, она заглянула въ щелку.

Спиной къ двери, въ одной рубашкѣ, отвалившись на спинку стула, передъ ломбернымъ столомъ, заваленнымъ книгами, литографированными и рукописными тетрадями, сидѣлъ невысокаго роста молодой человѣкъ. На столѣ горѣла лампа подъ абажуромъ изъ зеленой бумаги, очевидно самодѣльной работы.

Въ этой комнатѣ видна была борьба между порядкомъ и чистотой, царствовавшими въ кухнѣ, и чьею-то постороннею рукой, невольно нарушавшею этотъ порядокъ.

— Николенька, ты спишь? послышался тихій-тихій, какъ бы боязливый шопотъ старушки.

Отвѣта не было. Молодой человѣкъ сидѣлъ, скрестивъ на груди руки и впёривъ взоръ въ пространство передъ собой. Онъ не спалъ; онъ силился сосредоточить мысли на только что прочитанномъ отрывкѣ лекцій, силился и не могъ этого сдѣлать. Въ головѣ возникали воспоминанія о прошломъ, мечты о будущемъ.

Чувствуя, что отъ дверей не отходятъ, онъ порывисто двинулся на стулѣ, повернулся лицомъ къ двери и рѣзко проговорилъ:

— Да что же это, маменька! Сколько разъ ужь сегодня просилъ я васъ не безпокоиться!.. И что это за подглядыванье и подслушиванье.

— Ну, ну, прости, прости, голубчикъ, не буду!

Старушка быстро прихлопнула дверь и замахала руками уже передъ запертой дверью.

— Не буду, не буду, продолжали беззвучно шептать ея губы, въ то время какъ она своими легкими шагами возвращалась къ покинутому вязанью.

— Экій порохъ! А вѣдь только на словахъ, бормотала она, опуская на носъ приподнятые давеча на лобъ большія стальныя очки и принимаясь за спицы. — На дѣлѣ-то ангельская душа, мухи не обидитъ. Ш-ш-шъ! зашипѣла она внезапно и махнула чулкомъ по направленію плиты, гдѣ котъ, уставъ лежать въ одномъ положеніи, поднялся, выгнулъ колесомъ спину, потянулся и задѣлъ за жестяной чайникъ. — Экое безпокойное животное!

Въ ту же минуту въ комнатѣ послышался шумъ отодвигаемаго стула, шаги, дверь отворилась и на порогѣ показался молодой человѣкъ лѣтъ 26—27, невысокаго роста, узкогрудый, съ усталыми воспаленными глазами, всклокоченными рыжеватыми волосами, такою же бородкой и невысокимъ лбомъ. Блѣдно-голубые его глаза не выражали ни особеннаго ума, ни силы воли. Видно было, что это самый обыкновенный, дюжинный человѣкъ.

Старушка испуганно вскинула на сына глаза и забормотала:

— Ужь этотъ разъ, ей Богу, не я, Николенька. Это Васька. Вотъ, постой, я его!

Она вскочила съ мѣста и принялась награждать шлепками перепуганнаго и съ просонья не знающаго куда броситься кота.

— Да вы про что, маменька? нетерпѣливо спросилъ сынъ.— Перестаньте вы суетиться.

— Ну, прости. Я думала, тебя шумъ обезпокоилъ. Это противное животное чуть не опрокинуло чайникъ.

— Да нѣтъ, совсѣмъ не то! Вы прежде выслушайте, а потомъ... Нѣтъ-ли хоть чаю холоднаго? А то совсѣмъ подвело. Табаку нѣтъ...

— Ахъ, Ты, Господи! Да что-жь ты не скажешь, Николенька? Я сегодня захватила четверку въ лавкѣ. Поутру еще видѣла, что у тебя мало. Вотъ, возьми.

— Да гдѣ-жь вы взяли? Вѣдь лавочникъ ужь отказался въ долгъ отпускать... Кланялись опять скоту этому!

— Нисколько, голубчикъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы ему немножко заплатили, онъ опять охотно отпускаетъ.

— Да когда-жь мы ему заплатили? Я что-то не знаю.

— А на прошлой недѣлѣ ты мнѣ далъ три съ полтиной. Вотъ я три рубля и...

— Такъ вѣдь я вамъ на башмаки далъ! Вѣдь не босикомъ же вамъ ходить!

— Ну, вотъ, ну, вотъ, Николя. Да куда же мнѣ, старой, новые башмаки? Мнѣ старые тутъ на дворѣ сапожникъ за тридцать копѣекъ отлично зачинилъ.

— Чортъ знаетъ что такое! Все-то на-выворотъ дѣлаютъ! пробурчалъ сынъ и вышелъ изъ кухни, хлопнувъ дверью, но все же захвативъ съ собой табакъ.

— Ну, вотъ, ну, что-жь... растерянно зашептала старушка.— Ну какъ же это? Опять не потрафила. Да и то сказать. Надоѣла ужь я ему, старая...

Тутъ нить ея размышленій была прервана вторичнымъ приходомъ сына.

— Мамсинька, заговорилъ онъ, — ужь вы того... простите меня... Я такая свинья... Цѣнить васъ не умѣю. Какой-то я раздражительный сталъ, да и сдержаться не могу... Вы простите меня.

Старушка расцвѣла блаженной улыбкой, подняла на него свои прекрасные глаза и сказала:

— И-и-и, Христосъ съ тобой, милый ты мой мальчикъ, не всякое же лыко въ строку. Мудрено-ли тутъ погорячиться. Мучаешься-мучаешься, которую ночь, не смыкая глазъ, за ученьемъ просиживаешь... И пригнувъ къ себѣ голову сына, старушка поцѣловала его въ оба воспаленные раскраснѣвшіеся глаза. — Видишь ты, глаза-то, глаза какъ натрудилъ, и не грѣхъ тебѣ! Брось ты это ученье, лучше отдохни, приляг, а завтра со свѣжей головой на экзаменъ пойдешь.

— Нѣтъ ужь не завтра, а сегодня, вѣдь три часа. Что вы-то сидите? Сами бы хоть прилегли, еще захвораете!

— Какой тутъ, милый, сонъ, когда знаешь, что ты вотъ рядомъ, не смыкая глазъ, шестую ночь сидишь; да много-ли намъ, старикамъ, и сна нужно? Подремлешь-подремлешь надъ чулкомъ—и довольно. Ну, да сегодня ужь кончится эта каторга!

— Да, вздохнулъ сынъ,—какъ-то еще кончится!

— Никто какъ Богъ, Николя. Его святая воля на все.

— Къ несчастью, Онъ не пойдетъ за меня экзаменъ держать.

— Не глумись, Николай, не грѣши, произнесла старушка неожиданно-строгимъ голосомъ и добавила про себя: „прости ему, Господи!“

Спицы вновь задвигались въ ея проворныхъ пальцахъ. Сынъ стоялъ передъ ней. Вдругъ онъ какъ-то порывисто опустился на колѣни, обхватилъ станъ ея руками, прижался лицомъ къ груди ея и внезапно судорожно зарыдалъ.

— Что ты, что ты, Николенька, Христосъ съ тобой! съ испугомъ заговорила старушка.—Успокойся, миленькій; видишь ты какой нервный сталъ.

Она старалась приподнять его голову и заглянуть ему въ лицо, но онъ все крѣпче и крѣпче прижимался къ ней и рыдалъ-рыдалъ...

— Маменька... Я чувствую... Какой я несчастный!.. Я чувствую... мнѣ не выдержать экзамена... За что это все?.. Провалюсь—и тогда все пропало!.. Выгонятъ... Я второй годъ на послѣднемъ курсѣ... Ужь по одному предмету провалился. Я вамъ не говорилъ... Еле упросилъ профессора... Обѣщалъ... если по другимъ... выдержу... пропуститъ... А теперь чувствую... завтра опять провалюсь... на второмъ предметѣ и на главномъ... Тогда... шабашъ! Всему, всему конецъ. Куда тогда, что тогда дѣлать?

Судорожныя рыданія, всхлипыванія прерывали его на каждомъ словѣ. Рука старушки покоилась на головѣ его, а полные слезъ глаза были обращены въ уголъ на образъ Божьей Матери:

— Пресвятая Богородица, спаси насъ. Помоги намъ, Заступница! Николя, зачѣмъ такое отчаяніе? Помолись, помолись со мной хоть разъ! Увѣруй ты, бѣдное, бѣдное дитя мое, и повѣрь: тебѣ легче будетъ... Ну, не выдержишь, что дѣлать! Какъ нибудь перебьемся!

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Ахъ, какъ тяжело, грустно, горько!

Нѣсколько успокоившись, онъ приподнялся съ колѣнъ, приблизилъ свое мокрое отъ слезъ лицо къ лицу матери, заглянулъ въ ея глубокіе, добрые глаза и тихимъ шопотомъ спросилъ:

— Вы мнѣ все... все прощаете? И все можете простить?

Старушка любовно и тревожно посмотрѣла на него, набожно перекрестила, и вмѣсто отвѣта послышалась ея просьба:

— Николенька, помолимся вмѣстѣ!

И столько мольбы, столько внутренней боли, столько страданія за любимое существо сказалось въ этихъ трехъ словахъ, что сынъ невольно вздрогнулъ, отвернулся, закрылъ лицо руками и пошелъ въ комнату, черезъ силу произнеся:

— Не могу... Вы знаете, не могу... Я... я... сомнѣваюсь... не... не твердо вѣрую.

Старушка поникла головой.

— Господи, Господи, за что такъ жестоко наказываешь Ты

меня? Нѣтъ, не меня одну, а обоихъ насъ, и его тяжелѣй нежели меня... У меня есть утѣшеніе въ вѣрѣ, въ надеждѣ на милосердіе Твое, у него же нѣтъ ничего!

Шатаясь добрела старушка до угла, увѣшаннаго иконами, и распростерлась передъ ними.

II.

Мрачно сидѣлъ сынъ ея передъ столомъ своимъ, запустивъ пальцы въ волосы, и безсмысленно глядѣлъ въ раскрытую передъ нимъ книгу. Несвязной толпой проносились въ воспаленномъ мозгу отрывки мыслей, переплетавшихся съ воспоминаніями прошлаго.

„Надобно однако читать лекціи", мелькнуло у него въ головѣ. Онъ прочелъ нѣсколько строкъ и убѣдился, что читать рѣшительно не въ состояніи, такъ какъ ровно ничего не понимаетъ изъ прочитаннаго. Скрутивъ толстую папиросу, онъ закурилъ ее, откинулся на спинку стула и незамѣтно для самого себя углубился опять въ воспоминанія.

Вотъ онъ ребенкомъ шести или семи лѣтъ сидитъ вечеромъ у отца въ кабинетѣ и съ невольнымъ уваженіемъ, какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ смотритъ на толстыя, громадныя книги, въ которыя отецъ что-то записываетъ, и кажется ему, что не только онъ самъ никогда не будетъ въ состояніи вписывать это „нѣчто" въ подобныя громадныя книги, но что врядъ-ли есть на свѣтѣ еще кто-нибудь, могущій исполнять это дѣло кромѣ отца его, тѣмъ болѣе, что и названія у его отца и у этихъ книгъ страшно мудреныя, никакъ не выговоришь. Теперь ему все это смѣшно: отецъ былъ бухгалтеромъ, а книги эти—меморіалъ, инвентарь, журналъ.

Какой славный былъ садъ около ихъ домика!.. а за садомъ вдали это громадное чудовище, съ безконечными трубами, вѣчно пыхтящее, свистящее, стучащее, испускающее клубы дыма, та фабрика, на которой служилъ отецъ. Разъ отецъ взялъ его съ собой и сталъ показывать, но онъ почти тотчасъ-же, какъ вошелъ въ зданіе, испуганный шумомъ и видомъ этихъ громадныхъ машинъ, расплакался и сталъ проситься домой. Отецъ тогда разсердился на него.

А маменька—какая она еще тогда молодая и веселая была, и какъ любила, баловала его! Богатства кажется и тогда не было, а былъ во всемъ достатокъ. Сколько разъ она на рукахъ уносила его, большаго мальчика, изъ кабинета въ спальню, когда онъ вечеркомъ, засидѣвшись у отца, засыпалъ въ креслѣ! И вотъ эта страшная, страшная ночь, когда мать его разбудила, и онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что комната залита какимъ-то страннымъ, необычнымъ свѣтомъ, врывавшимся въ комнату черезъ окна. А оттуда, откуда лился этотъ странный свѣтъ, доносились громкіе крики, шумъ колесъ, топотъ лошадей, на сосѣдней церковной колокольнѣ безостановочно гудѣлъ колоколъ и гудѣлъ какъ-то зловѣще, не такъ, какъ въ воскресные дни, когда онъ отправлялся съ мамой въ церковь. Горѣла фабрика, на которой служилъ отецъ.

Потомъ эта страшная минута, когда въ сѣняхъ послышался топотъ нѣсколькихъ человѣкъ, несшихъ что-то тяжелое, отворяющаяся дверь, крикъ матери, его собственный безпричинный плачъ, чьи-то стоны, чужіе люди въ комнатѣ... Это принесли съ пожарища его полуобгорѣлаго отца, бросившагося спасать ребенка одного изъ жившихъ на фабрикѣ рабочихъ.

Потомъ черезъ два или три дня похороны отца. Какъ все это ему тогда казалось странно! Гробъ этотъ, про который онъ все спрашивалъ у матери, зачѣмъ папу кладутъ въ такой неудобный ящикъ; самъ папа съ обуглившимися почти лицомъ и руками, обгорѣвшими волосами нисколько не напоминалъ прежняго папу, и онъ не совсѣмъ вѣрилъ матери, чтобы это былъ отецъ, но въ то же время принужденъ былъ вѣрить. Постоянныя слезы и печаль матери, потомъ его собственный истерическій плачъ, когда увозили гробъ, и онъ наконецъ окончательно понялъ, что отецъ умеръ,— понялъ, въ чемъ заключается смерть, т. е. что отецъ ужь больше никогда, никогда не вернется, что съ нимъ случилось что-то такое, давшее другимъ людямъ право заколотить его въ ящикъ, увезти, опустить этотъ ящикъ въ глубокую яму и засыпать землею.

Фабрика сгорѣла до-тла; владѣлецъ ея разорился, и они съ матерью остались совершенно безъ средствъ.

И вотъ встаетъ въ воображеніи образъ матери, сильно измѣнившейся подъ гнетомъ горя, дни и ночи сидящей за шитьемъ и вязаньемъ на продажу въ убогой бѣдненькой каморочкѣ. Какъ часто, просыпаясь среди ночи, видѣлъ онъ ее передъ столомъ, при тускломъ свѣтѣ лампочки, склонившеюся надъ кускомъ матеріи, на которую нерѣдко скатывалась слезинка и такъ и блестѣла, не впитываясь въ матерію.

Потомъ онъ, при помощи добрыхъ людей, попалъ въ гимназію и уже съ третьяго класса началъ помогать матери, зарабатывая гроши перепиской, дешевыми уроками по 5, 6 рублей въ мѣсяцъ.

А какъ вѣдь хорошо тогда жилось! Всѣ эти волненія передъ получкой денегъ, взвѣшиванье шансовъ за и противъ скораго ихъ полученія, размышленія и прикидыванія, на что можетъ хватить этихъ жалкихъ рублей, казавшихся ему тогда огромною суммою: что нужнѣе подметки-ли къ сапогамъ или новая „кэпка", какъ у нихъ назывались носившіяся тогда въ гимназіяхъ кэпи. А тревоги передъ экзаменами! Радость при благополучномъ окончаніи ихъ, утѣшенія матери въ случаѣ неудачи, все это такъ гладко, хорошо шло!

Вотъ, наконецъ, и университетъ—вѣнецъ тогдашнихъ желаній и стремленій!.. Чего, чего не ожидалъ онъ отъ него! Увы! Во многомъ пришлось разочароваться.

„Чего я ждалъ тогда отъ университета? Не помню ужь теперь, но ждалъ чего-то грандіознаго... и... разочаровался, да, разочаровался", думалось ему. „Студенты... многіе изъ нихъ оказались тѣми-же школьниками, занимающимися только для того, чтобы спихнуть экзамены. Да и я самъ такой же. Вѣдь и то сказать: трудно было мнѣ заниматься". И ему самому стало жалко себя. „Гдѣ тутъ всецѣло предаться слушанію курса и сопряженнымъ съ этимъ занятіямъ, когда дома нужда, старуха-мать чуть не босикомъ бѣгаетъ, сидитъ въ нетопленой квартирѣ, часто безъ обѣда, когда надо рыскать по грошовымъ урокамъ, гоняться за всякимъ листомъ переписки за гривенникъ.

„И за что старуха моя мучается? Впрочемъ, не это ея главное мученье. Ей все хочется, чтобы я былъ такой же вѣрующій, какъ она. Но что же мнѣ дѣлать, что дѣлать, если я сомнѣваюсь! Я не могу себя принудить. Да много-ли ей помогаетъ ея вѣра? Вѣритъ, не вѣритъ—а радостей въ жизни у нея никакихъ нѣтъ.

„Впрочемъ, нѣтъ—помогаетъ! Меня злость беретъ, когда у меня сапоги безъ подметокъ и лавочникъ табаку въ долгъ не отпускаетъ, а ей ничего! Она спокойна, ровна, беззаботна, твердо увѣрена, что такъ и быть должно теперь, а впредь будетъ лучше.

„Si Dieu n'existait pas il faudrait l'inventer, сказалъ Вольтеръ,—и глядя на маменьку, я съ нимъ соглашаюсь; но почему-же я не могу такъ вѣрить, какъ она, такъ чисто, свято, безъ всякихъ сомнѣній, безъ вопросовъ? Почему?

„Невольно приходитъ на память иногда стихотвореніе Плещеева „Лампа". Жена старика-раввина, живущаго въ страшной нищетѣ, ропщетъ на судьбу, а мужъ въ утѣшеніе:

. . . . къ настольной лампѣ
Подвелъ таинственно ее...
Позолоченная блистала
Большая лампа какъ звѣзда;
И говоритъ раввинъ чуть слышно:
„Насъ не должна страшить нужда!
Вѣдь эта лампа—*золотая!*..
Когда я только захочу,
Все дастъ она—вино и мясо,
И шелкъ, и бархатъ, и парчу".

„И старуха вѣритъ и утѣшается. Она весело переноситъ нужду и невзгоды и

. . . отъ субботы до субботы
Жила она своей мечтой,
Смѣясь и радуясь богатству,
Что скрыто въ лампѣ золотой.

„Этого-то я и не могу. У меня нѣтъ этой лампы, которая бы меня утѣшала, позолоченной лампы, которую бы я простодушно принималъ за золотую. А у маменьки есть. И она въ тысячу разъ счастливѣе меня!"

Мало-по-малу эти размышленія опять перешли въ область воспоминаній.

Вотъ онъ на второмъ курсѣ принужденъ отказаться отъ экзаменовъ: постороннія занятія мѣшали въ теченіе года слушанію курса. Какъ тяжело было примириться съ потерей цѣлаго года! Мать поддержала, успокоила, уговорила.

Потомъ явилась еще одна поддержка, путеводная звѣзда, свѣтившая ему все время, дававшая ему силы для борьбы со всѣми трудностями и невзгодами. Онъ влюбился. Два года тому назадъ, онъ объяснился и съ *ней*, и съ родителями ея, получилъ согласіе, но подъ условіемъ (со стороны родителей) пріобрѣсти себѣ прежде вѣрное обезпеченное положеніе.

Въ прошломъ году такъ близко было счастье! Онъ надѣялся окончить курсъ, получить мѣсто учителя гимназіи, которое ему даже было обѣщано попечителемъ одного изъ учебныхъ округовъ, случайно бывшимъ въ Петербургѣ, познакомившимся съ нимъ въ Публичной библіотекѣ и заинтересовавшимся имъ.

И вдругъ все рухнуло. Отодвинулось опять на цѣлый годъ: онъ провалился на экзаменѣ. Онъ былъ близокъ къ самоубійству, но два любящія и любимыя существа, мать и невѣста, легко заставили его примириться съ этимъ новымъ испытаніемъ.

„Что-же будетъ, что будетъ, если я и нынче не выдержу экзамена, принужденъ буду покинуть университетъ безъ средствъ, безъ протекціи? Куда я дѣнусь? Что будетъ съ Вѣрой?.. Какъ я взгляну на нее?.. Я завлекъ ее несбыточными надеждами, я укралъ у нея два года лучшей поры въ жизни и не въ правѣ назвать ее своей женой. Если она и рѣшится обвѣнчаться со мной противъ воли родителей, чѣмъ я, нищій, буду содержать ее?.. А старуха-мать, ну, чѣмъ, чѣмъ я буду содержать всѣхъ?..

„Но Вѣра и не рѣшится на подобный шагъ. Она молча, покорно будетъ изнывать въ безплодной тоскѣ, а я, медленный убійца, я буду смотрѣть и радоваться на дѣло рукъ своихъ! О-о-о!"

Конская группа бар. Клодта на Аничковомъ мосту.

Арка (ворота) Главнаго Штаба.

Памятникъ Петру I въ Александровскомъ саду, противъ Сената.

Конская группа бар. Клодта на Аничковомъ мосту.

Памятникъ Екатеринѣ II, противъ Александринскаго театра.

Невскій проспект у Гостинаго Двора, Дума и проч.

Памятникъ Имп. Николаю I на Исаакіевской площади.

Виды и зданія Петербурга.

Зубы его заскрежетали. Холодный потъ выступилъ крупными каплями на лбу. Пальцы судорожно сжимали виски, въ которые молотомъ стучала кровь.

„Разъ... два... шесть! Шесть часовъ! Скоро, скоро наступитъ рѣшающая минута! Читать, читать надо, можетъ, можетъ-быть еще какъ-нибудь удастся!“

И вновь лихорадочно забѣгали воспаленные глаза по строчкамъ, сухія губы безсмысленно повторяли слова, но утомленный мозгъ отказывался воспринять, перегруженная за послѣдніе дни память—удержать прочитанное.

Въ голову полѣзъ какой-то вздоръ.

„Портсмутъ, Плимутъ, Фальмутъ, Саутгэмтонъ...

„...Что это такое?.. Такъ складно выходитъ... это что-то гимназическое...“

Онъ заснулъ, склонившись на книгу головой.

Неслышно, безъ скрипу отворилась дверь, легкими, безшумными шагами подошла къ сыну несчастная мать, погасила лампу, свѣтъ которой начиналъ уже уступать забрезжившемуся на востокѣ разсвѣту сѣренькаго, петербургскаго утра; взявъ съ кровати маленькую подушку, она подсунула ее спящему подъ голову, съ усиліемъ приподнятую ею со стола.

Рука ея нѣсколько мгновеній еще покоилась на головѣ сына, а вдохновенный, почти неземной взоръ ея чудныхъ голубыхъ глазъ устремился въ высь, туда, къ Тому, Кто одинъ ей могъ помочь въ этомъ горѣ, вернуть на путь истинный сердце заблудшаго.

III.

Онъ спалъ, но тревоженъ былъ его сонъ. Раздраженные нервы, воспаленный мозгъ не давали ему и во снѣ покоя.

Старенькіе стѣнные часы, уже въ третій разъ съ тѣхъ поръ какъ онъ заснулъ, захрипѣли болѣзненно и протяжно. Наконецъ тихо, съ промежутками раздалось девять ударовъ. Затѣмъ опять послышался хрипъ, и все стихло.

Старушка заглянула въ дверь. Будить или нѣтъ? Но въ эту минуту спящій порывисто откинулся въ сторону, чуть не упалъ, проснулся и испуганно оглянулся кругомъ себя. Лицо его было блѣдно.

„Да, это былъ сонъ, но какой глупый и страшный сонъ!“

Ему снилось, что онъ спускался по склону какой-то скалы, дикой, пустынной, а напротивъ возвышается гора, покрытая чудной растительностью. Онъ все спускается по своей голой скалѣ, и мучатъ его голодъ и жажда. Напротивъ, по красивой, богатой растительностью, живописной горѣ, все выше и выше поднимается его мать и рядомъ съ ней Вѣра. У нихъ тамъ такъ свѣтло и весело, вокругъ же него мракъ и пустыня. Вдругъ изъ-подъ земли выскакиваютъ какіе-то чертенята. Они вертятся, кружатся, кривляются и тянутъ и толкаютъ его все ниже и ниже. Онъ вглядывается въ нихъ и кажутся они ему знакомыми. Вотъ Стремовъ, товарищъ его, застрѣлившійся въ прошломъ году, вотъ Петрицкій, съ которымъ онъ чаще всего бесѣдовалъ о религіи, вотъ тотъ профессоръ, у котораго ему предстоитъ экзаменоваться, вотъ еще и еще знакомыя лица... Онъ хочетъ отъ нихъ отдѣлаться, отогнать ихъ—и не можетъ... Внезапно и его начинаетъ тянуть такъ же кривляться, прыгать, гримасничать и неудержимо влечетъ его что-то подъ-гору. Но вдругъ онъ взглядываетъ вверхъ и видитъ, что мать его все такъ же легко поднимается на противустоящую гору, ее окружаетъ какое-то сіяніе, ее поддерживаютъ какія-то существа, сотканныя изъ свѣта и тепла, и тепло это, нѣтъ-нѣтъ и достигнетъ до него, нѣтъ-нѣтъ, и пахнетъ на него. Ему хочется къ ней, но какъ попасть? Онъ пробуетъ растолкать, отбросить прицѣпившихся къ нему гномовъ, чтобы съ разбѣгу перепрыгнуть разверзающуюся подъ ногами его пропасть, отдѣляющую его скалу отъ противоположной горы, и не можетъ! Онъ силится, надрывается... дѣлаетъ прыжокъ... и обрывается въ пропасть. Вдругъ его подхватываетъ облако и выноситъ его къ подножію той плодоносной горы, по которой поднималась мать. Оно отлетаетъ въ сторону и вдругъ начинаетъ пріобрѣтать образъ человѣческій. Это какой-то старикъ съ длинной сѣдой бородой, потухшими карими глазами, ввалившимися щеками, заостривщимся носомъ. Старикъ исчезаетъ—и онъ опять видитъ мать и Вѣру, далеко-далеко, почти на вершинѣ горы. Онъ бѣжитъ за ними, торопится, спотыкается, а разстояніе еле-замѣтно уменьшается. Онъ собираетъ послѣднія силы, дѣлаетъ отчаянное, порывистое движеніе... и просыпается.

Въ кухнѣ, куда онъ вышелъ умываться, на столѣ кипѣлъ уже самоваръ. Умывшись и выпивъ наскоро стаканъ чаю, онъ сталъ собираться на экзаменъ. Старуха-мать суетливо помогала ему одѣваться, вдѣвая запонки въ чистую, но довольно обтрепанную крахмальную рубашку, которую она вчера всячески старалась привести въ болѣе благопристойный видъ, обрѣзавъ висящія на рукавчикахъ мохры обношеннаго полотна и вставивъ на груди аккуратненькую, маленькую заплаточку.

Наконецъ онъ собрался.

— Прощайте, маменька! Пожелайте мнѣ счастья.

— Никто какъ Богъ, Николя, повторила она свою любимую фразу, поцѣловала и перекрестила его.

И долго еще смотрѣла она въ окно вслѣдъ быстро удалявшейся по переулку фигурѣ сына и посылала ему вслѣдъ крестныя знаменія.

Низко опустивъ голову, насупивъ брови, шагалъ молодой человѣкъ по улицамъ, не обращая вниманія ни на погоду, ни на прохожихъ.

Наконецъ, онъ добрался до университета. Экзаменъ еще не начинался. Студенты собирались уже мало-по-малу въ предназначенную для экзамена аудиторію, одни веселые, видимо увѣренные въ себѣ, другіе взволнованные и смущенные. Нѣкоторые торопливо перелистывали еще лекціи, просматривали программу.

Начался экзаменъ. Профессоръ былъ строгъ. Волненіе Николая все возрастало по мѣрѣ приближенія очереди къ нему. Онъ хотѣлъ было дочитывать тѣ страницы, которыхъ не успѣлъ пройти утромъ, и не могъ.

Его раздражалъ сухой тонъ профессора, задававшаго вопросы экзаменующимся, злорадство какое-то, звучавшее въ голосѣ его, когда отвѣчающій начиналъ путаться; раздражало сытое, самодовольное лицо сидѣвшаго рядомъ съ нимъ франта, товарища его, раздражала поминутно разстегивавшаяся запонка рубашки, не державшаяся въ слишкомъ широкой разорванной петлѣ, надоѣдалъ развязавшійся галстухъ, котораго дрожащія отъ волненія руки никакъ не могли завязать...

Онъ сидѣлъ уже давно и начиналъ досадовать, что пришелъ такъ рано.

— Г. Долинянскій, Николай, раздалось вдругъ въ ушахъ его.

Онъ не сразу понялъ, что это его вызываютъ. Окликъ повторился. Нотка нетерпѣнія прозвучала въ голосѣ вызывавшаго.

„И къ чему это онъ прибавляетъ: Николай“, подумалъ онъ, направляясь къ профессорскому столу, „вѣдь у меня здѣсь однофамильца нѣтъ“. „Никто какъ Богъ“, мелькнуло у него въ головѣ, когда онъ брался за кончикъ билета. „Ну, если есть Богъ—я выдержу, если я выдержу—я увѣрую“.

— Господинъ Долинянскій, не задерживайте, нетерпѣливо произнесъ экзаменаторъ.

Онъ быстро, какъ-то испуганно дернулъ за уголокъ билета, который держалъ двумя пальцами. Попался одинъ изъ тѣхъ немногихъ отдѣловъ предмета, которые ему были хорошо знакомы. Онъ началъ говорить, хорошо говорить, такъ что экзаменаторъ и старичокъ-ассистентъ одобрительно покачивали головами.

Вдругъ ему пришло на умъ:

„Никто, какъ Богъ; при чемъ-же тутъ Богъ? я о Богѣ подумалъ тогда, когда уже взялся за билетъ, слѣдовательно Онъ мнѣ не помогалъ при этомъ и Ему нѣтъ никакого дѣла до моего экзамена, до моей вѣры...“

Тутъ произошло нѣчто странное. Онъ, начавшій говорить такъ хорошо и увѣренно, вдругъ сталъ путаться въ словахъ, повторять одно и то же, возвращался къ давно уже сказанному... Его просили успокоиться, предложили воды. Онъ залпомъ выпилъ стаканъ холодной воды, попробовалъ опять отвѣчать, но въ головѣ была путаница. Экзаменаторъ началъ недовѣрчиво посматривать на него и сталъ его, что̀ называется, „щупать“. Обнаружилось его крайне ограниченное знакомство съ предметомъ.

— Господинъ Долинянскій, мнѣ крайне жаль, но, какъ и въ прошломъ году, я не могу признать вашихъ отвѣтовъ удовлетворительными, сухо и отчетливо произнесъ профессоръ.

— По... позвольте мнѣ переэкзаменоваться черезъ нѣсколько дней, произнесъ черезъ силу блѣдными трясущимися губами несчастный.

— Не могу-съ, господинъ Долинянскій, тѣ познанія, которыхъ вы не могли пріобрѣсти за два года, не могутъ быть усвоены вами въ два-три дня.

— Господинъ профессоръ, вы губите меня... вы... вы губите цѣлую семью.

У экзаменатора нервно дрогнула щека, нахмурились брови, онъ черезъ очки глянулъ куда-то поверхъ Долинянскаго и, еще суше, рѣзко и отрывисто произнесъ:

— Не могу-съ, ничего не могу-съ, отыскалъ въ спискѣ слѣдующую фамилію:—Господинъ Дор... Дод... Дерфу... какъ скверно написано: господинъ Дорвуаль, Адольфъ.

Съ помутившимся взоромъ безсознательно выбрался Долинянскій, провожаемый сочувственными взглядами товарищей, изъ аудиторіи въ коридоръ, спустился въ шинельную, надѣлъ пальто, нахлобучилъ шапку и вышелъ на улицу.

„Дорвуаль, какая глупая фамилія! Фу, какъ тяжело! Провалился! Га, никто какъ Богъ? Что-же Онъ моей гибели хочетъ? Ха, ха, ха!“ засмѣялся онъ неожиданно для самого себя и такъ хрипло, скрипуче, что самъ даже вздрогнулъ. Прохожіе съ удивленіемъ оглядывались на него.

Онъ шелъ по Дворцовому мосту. Рѣзкій, холодный вѣтеръ заставлялъ его по временамъ вздрагивать. Накрапывалъ дождикъ. Начинались уже сумерки.

Перейдя мостъ, онъ повернулъ налѣво вдоль Дворцовой набережной. Вѣтеръ все усиливался. Онъ шелъ все скорѣе и скорѣе, какъ будто торопясь куда-то, сильно жестикулируя, бормоча себѣ подъ носъ несвязныя слова:

— Что-же это... Конецъ, шабашъ всему!.. Провалился!..

Нѣтъ, не могу, надо кончить. Какъ я взгляну на мать, на Вѣру?.. Что имъ скажу?..

Въ эту минуту онъ дошелъ до Троицкаго моста и такъ-же безсознательно какъ шелъ до сихъ поръ вступилъ на него.

Онъ былъ на серединѣ моста... Неожиданный порывъ вѣтра сорвалъ съ него шапку и унесъ въ Неву. Свинцовыя волны съ бѣленькими гребешками перегоняли другъ друга, наскакивали на плашкоуты и разбивались. Шапка чернымъ пятномъ всплывала на бѣломъ гребнѣ волны, затѣмъ снова исчезала.

Онъ остановился у перилъ, безсмысленно глядя на шапку и не чувствуя потоковъ холоднаго дождя, обдававшихъ его воспаленную голову, стекавшихъ по волосамъ за воротникъ рубашки. Прохожихъ не было. Изрѣдка проѣзжала близко отъ него конка со звономъ, рѣзавшимъ слухъ, и кондукторъ долго смотрѣлъ со своей площадки на эту одинокую фигуру.

„Туда, за ней! Одинъ прыжокъ... и все кончено!.. Все... Вотъ она ко дну идетъ!..“

И онъ чувствовалъ, что его что-то тянетъ въ эти темныя, точно чернильныя волны! Онъ чувствовалъ какое-то сладострастное наслажденіе при мысли, что окунется сейчасъ въ эти волны!

„Скорѣй, скорѣй! Ахъ, вагонъ идетъ... переждать. Или подъ вагонъ? Нѣтъ, лучше туда.“

Вагонъ прошелъ. Онъ занесъ ногу на перила. Вторую... Вотъ сейчасъ...

„Перекреститься или нѣтъ? Купающіеся передъ тѣмъ какъ броситься въ воду крестятся...“

— Постой, постой!.. погоди, родимый!.. произнесъ вдругъ за спиной его дребезжащій, старческій голосъ, и въ тотъ-же мигъ двѣ дюжія руки схватили его за локти, перетащили обратно черезъ перила и поставили на ноги. Онъ рванулся, но его держали крѣпко. Повернувъ голову, онъ увидѣлъ прямо передъ собой усатое лицо городоваго, а рядомъ съ нимъ старичка-священника. Послѣдній поразилъ его: гдѣ-то онъ видѣлъ эту длинную шелковистую бороду, совершенно сѣдую, эти нависшія надъ карими потухшими глазами сѣдыя брови, но гдѣ... гдѣ?

— Отпусти его, произнесъ старикъ, обращаясь къ городовому.—Онъ со мною пойдетъ...

И въ голосѣ его, и во всей наружности было нѣчто, заставившее Николая повиноваться.

— Зачѣмъ... зачѣмъ мѣшаете вы мнѣ? бормоталъ онъ, слѣдуя за старикомъ.

— Оставь насъ, обратился священникъ къ городовому.

— Надо-бы ихъ въ участокъ, батюшка, для...

— Ну это послѣ. Ты меня знаешь, ну, черезъ меня и найдете его, если ужь вамъ такъ требуется. Я отвѣчаю за него.

— Слушаю-съ.

Старичокъ кивнулъ головой, взялъ спасеннаго имъ за руку и повелъ за собой.

Николай не противился. Онъ все силился вспомнить, гдѣ онъ видѣлъ это почтенное старческое лицо. Вдругъ ему пришелъ на умъ сонъ...

„Облако... старикъ... да, да, это то самое лицо. Что-же это такое? Вѣдь прежде я его никогда не видалъ!“

Старичокъ молча подвигался впередъ по пустынной площади. Они вошли въ ворота какого-то дома, затѣмъ въ квартиру.

Николай шелъ за своимъ путеводителемъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, куда его ведутъ. Очнулся онъ въ теплой, освѣщенной горницѣ.

— Обогрѣйся, родимый, обсушись, а затѣмъ разскажешь мнѣ какое-такое горе постигло тебя, что заставило забыть и Бога и близкихъ своихъ, буде таковые имѣются.

Черезъ полчаса Николай, можно сказать, исповѣдался старичку, разсказавъ ему все, повѣдавъ о невѣріи и сомнѣніяхъ своихъ, объ изумленіи своемъ, когда лицо священника напомнило ему сонъ его...

Во время разсказа Николая отецъ Петръ подробно разспросилъ адресъ его матери и невѣсты и раза два выходилъ изъ комнаты.

Когда Николай окончилъ свой чистосердечный разсказъ, отецъ Петръ всталъ, прошелся по комнатѣ, остановился передъ собесѣдникомъ своимъ и заговорилъ:

— Ты говоришь: сомнѣваюсь, не вѣрую... Въ чемъ сомнѣваешься, во что не вѣруешь? Что можетъ тебѣ замѣнить вѣру въ Творца? Откуда-же взялось все вокругъ насъ, откуда взялись мы сами? Не стану входить съ тобой въ философскіе споры, спрошу лишь: откуда явился сонъ твой знаменательный? Ты скажешь, разстройство нервовъ... О, слѣпецъ неразумный! О, слѣпецъ духовный, отталкивающій руку духовно врачей матери своей, что хочетъ вести тебя по пути истины. О, слѣпецъ возгордившійся, хотящій самъ найти дорогу и блуждающій впотьмахъ посреди западней и ямъ, вырытыхъ лжеучителями, доколѣ не прійдетъ къ пути погибели, къ гееннѣ огненной, откуда нѣтъ возврата. Скала безплодная, по коей спускался ты, то—безвѣріе твое, и алкалъ ты по пути сему пищи духовной и жаждалъ ты питія духовнаго. И не было тебѣ удовлетворенія. И страсти твои и сомнѣнія твои преслѣдовали тебя и толкали тебя въ геенну огненную, въ ту пропасть, что отдѣляла тебя отъ матери твоей. А матерь твоя восходила по плодоносной горѣ вѣры своея ко Господу своему, окруженная ангелами Его, и свѣтъ и тепло вѣры ея изрѣдка достигали лучами своими тебя, но не проникали въ душу твою, потому что не видѣлъ ты пути прямого, пути молитвы. И сжалился Господь надъ тобою, сыномъ блуднымъ, и спустилась милость Его въ видѣ облака, и оно подхватило тебя, падавшаго въ пучину гибели, и вынесло къ подножію горы вѣры твердой. И удостоилъ Господь меня, недостойнаго раба Своего, быть орудіемъ милосердія Своего! Благодарю Тебя, Господи, и молю, просвѣти душу чада сего Твоего неразумнаго, яко Ты еси Богъ силенъ въ милости и благъ въ крѣпости!

Потухшія очи іерея блестѣли огнемъ вдохновенія и рука его простерлась надъ головой невольно опустившагося на колѣна Николая.

Вдохновенная рѣчь старца проникла въ душу его, онъ чувствовалъ, что сомнѣнія его исчезаютъ и уступаютъ мѣсто доселѣ невѣдомому миру, ясности и спокойствію.

Изъ сосѣдней горницы, гдѣ все время слышался какой-то шумъ, покашливанія, шаги нѣсколькихъ человѣкъ, высунулась въ пріотворившуюся дверь голова дьякона или дьячка. Отецъ Петръ пошелъ къ двери и скрылся за нею вмѣстѣ съ выглядывавшимъ.

Прошло нѣсколько минутъ. Николай сидѣлъ на стулѣ прямо противъ двери, потупясь и раздумывая о словахъ священника. Его сильно поразило толкованіе сна его и сходство священника съ приснившимся ему старцемъ.

Вдругъ растворились двери въ сосѣднюю комнату, и представились глазамъ его стѣны, увѣшанныя иконами въ серебряныхъ и вызолоченныхъ ризахъ, на которыхъ играли и переливались огоньки лампадъ и свѣчей.

Посреди комнаты въ полномъ облаченіи стоялъ передъ аналоемъ отецъ Петръ, а рядомъ съ нимъ діаконъ.

Николай невольно всталъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ молельнѣ.

Отецъ Петръ повернулся къ нему лицомъ и, осѣняя его издали крестнымъ знаменіемъ, произнесъ:

— „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и Азъ упокою вы“, сказалъ Господь, а посему вниди, чадо, въ храмину сію и помолимся вмѣстѣ о спасеніи твоемъ и исцѣленіи душевнаго недуга твоего. Молитвы-же матери и нареченной невѣсты твоей подкрѣпятъ нашу.

— Гдѣ... гдѣ онѣ? воскликнулъ Николай вбѣгая въ комнату, и тотчасъ почувствовалъ онъ себя въ объятіяхъ рыдающей матери, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стояла Вѣра.

Онъ упалъ передъ матерью на колѣна и залился слезами. Это были не тѣ безотрадныя, тяжелыя, горькія рыданія, которыя душили его прошлой ночью, а слезы радости, облегчавшія наболѣвшую, измученную отчаяніемъ и сомнѣніями душу его.

— Господи, прости мнѣ! Матушка, прости! Вѣра!

Чтобы скрыть волненіе свое, отецъ Петръ отвернулся къ аналою, смахнулъ слезу съ рѣсницы и сказалъ:

— Начнемъ, отецъ діаконъ.

На другой день отецъ Петръ лично привезъ ему записку отъ строгаго экзаменатора, въ которой тотъ увѣдомлялъ, что, уступая просьбамъ многихъ лицъ, рѣшается поступить на этотъ разъ противъ своего принципа, т. е. сдѣлать послабленіе и признать его выдержавшимъ экзаменъ, на что соглашаются ассистенты и ректоръ.

— Увѣрялъ онъ меня все, что несправедливость сія тяжелымъ бременемъ ляжетъ на совѣсть его, добродушно разсказывалъ отецъ Петръ, поглаживая свою шелковистую, сѣдую бороду и чуть-чуть усмѣхаясь углами губъ, — но я успокоилъ его, сказавъ, что по множеству грѣховъ своихъ и содѣянныхъ мною несправедливостей беру и сіе бремя на душу свою.

Черезъ три мѣсяца отецъ Петръ совершилъ обрядъ вѣнчанія. Еще черезъ недѣлю онъ совершалъ напутственный молебенъ и провожалъ на Николаевскую желѣзную дорогу получившаго, отчасти благодаря его-же протекціи, мѣсто на Югѣ Долининскаго съ женой и матерью.

Виды Петербурга.

(Рис. на стр. 788, 789 и 792).

Центральную точку Сѣверной столицы, какъ извѣстно, составляетъ Адмиралтейство, отъ котораго на югъ радіусами идутъ три главныя артеріи Петербурга: Невскій проспектъ, Гороховая улица и Вознесенскій проспектъ.

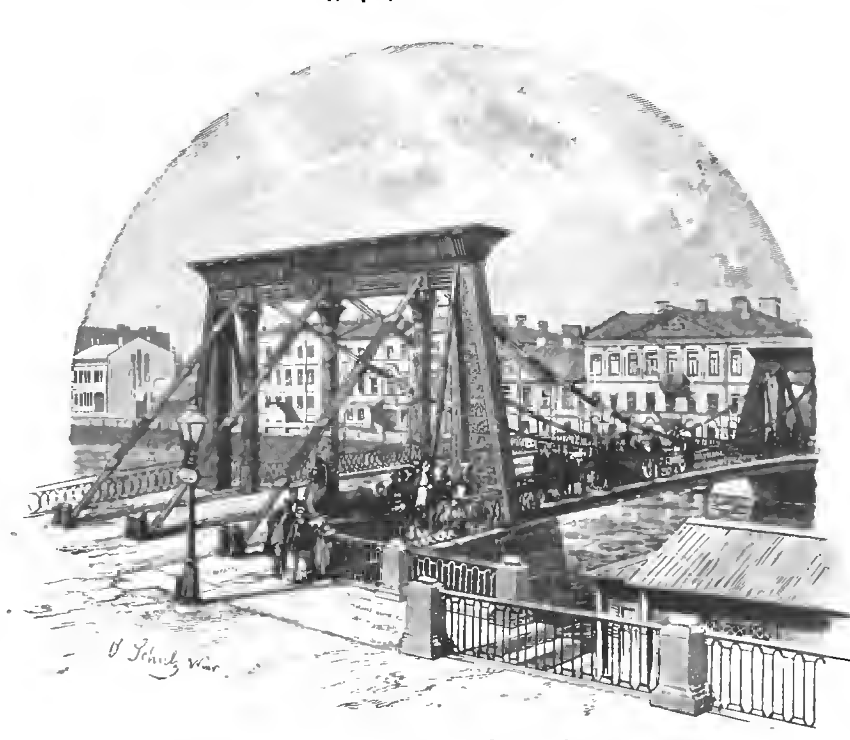
На *Невскомъ* (см. рис. на стр. 788 и 789), довольно долгое время по основаніи Петербурга представлявшемъ лишь просѣку, прорубленную въ непроглядномъ лѣсу и называвшуюся *Прешпективою*, теперь сосредоточена самая кипѣнь столичной

жизни. Обстроенный по обѣ стороны громадными домами съ роскошнѣйшими магазинами, онъ тянется на три версты отъ Адмиралтейства (котораго золоченый и острый какъ игла шпицъ виденъ въ глубинѣ нашего рисунка) до Николаевскаго вокзала и далѣе слишкомъ на версту до Александро-Невской лавры. На лѣвой сторонѣ рисунка часть адмиралтейскаго шпица закрываетъ каланча *Городской думы*, а еще ближе къ зрителю виденъ въ ракурсѣ *Гостиный дворъ*, предъ которымъ отъ самой думы идетъ широкая панель для пѣшеходовъ. Правѣе, посрединѣ проспекта пролегаютъ рельсы конно-желѣзной дороги съ двумя вагонами на первомъ планѣ, а по ту и по другую ихъ сторону проѣзды для экипажей и извозчиковъ, которыми Невскій буквально кишитъ между двумя и четырьмя часами пополудни; въ то же время на правой его панели, такъ-называемой солнечной сторонѣ, движется сплошная толпа гуляющихъ, въ которой иногда трудно бываетъ пробраться.

На слѣдующемъ рисункѣ слѣва изображенъ воздвигнутый въ 1873 году по проекту академика Микѣшина памятникъ Екатеринѣ II на площади Екатерининскаго сквера, составляющаго расширеніе лѣвой стороны Невскаго тотчасъ за Гостинымъ дворомъ и обставленнаго съ трехъ сторонъ великолѣпными зданіями Публичной библіотеки, Александринскаго театра (въ глубинѣ рисунка слѣва) и Собственнаго Его Величества дворца (Аничковскаго). На примыкающемъ къ дворцу Аничковскомъ мосту черезъ Фонтанку (пересѣкающую здѣсь Невскій) высятся четыре конскія группы, изваянныя барономъ Клодтомъ-фонъ-Юргенсбургъ и отлитыя изъ бронзы, на гранитныхъ пьедесталахъ. Тому-же скульптору принадлежитъ и конная статуя памятника императору Николаю I на Исаакіевской площади, составляющей расширеніе другой артеріи Петербурга — Вознесенскаго проспекта. Памятникъ этотъ, сооруженный по проекту архитектора Монферрана (извѣстный строитель Исаакіевскаго собора), состоитъ изъ каменнаго пьедестала эллиптической формы, на окружности котораго расположены барельефы, трофеи, украшенія и 4

Троицкій соборъ и памятникъ войны 1877—78 гг.

Михайловскій дворецъ и Михайловская площадь.


Египетскій мостъ на Фонтанкѣ.

эмблематическія женскія фигуры: Правосудіе, Сила, Мудрость и Вѣра. Ступени и нижняя часть пьедестала изъ краснаго порфира, цоколь изъ сѣраго сердобольскаго гранита, верхъ изъ бѣлаго мрамора. Конная-же статуя императора представляетъ истинное торжество монументальнаго искусства, такъ какъ конь, поднятый въ галопъ, держится въ равновѣсіи на однѣхъ заднихъ ногахъ, ничѣмъ болѣе не прикрѣпленный къ пьедесталу.

Минуя знаменитую конную статую Петра I, работы Фальконета (по ту сторону Исаакіевскаго собора, въ Александровскомъ саду), настолько извѣстную, что здѣсь мы о ней только упомянемъ, переходимъ къ изображенному рядомъ съ этимъ послѣднимъ памятникомъ созданію императора Николая — это арка Главнаго Штаба (противъ Зимняго дворца), которая выходитъ лицевымъ фасадомъ на Дворцовую площадь, а противоположнымъ на Большую Морскую улицу, пересѣкающую Невскій, и служитъ промежуточнымъ звеномъ между двумя колоссальными четырехэтажными корпусами, выгнутый фасадъ коихъ дугой охватываетъ часть Дворцовой площади; въ немъ насчитывается 768 оконъ, а въ самомъ зданіи помѣщается Главный Штабъ, министерство Финансовъ и др. учрежденія. Это созданіе императора Николая по громадности, красотѣ и оригинальности фасада не имѣетъ себѣ подобнаго въ Европѣ. Арка увѣнчана бронзовою колесницей бога войны въ шесть лошадей.

Отъ войны вообще мысль невольно переходитъ къ послѣдней русской войнѣ 1877—78 года. Идя отъ памятника императору Николаю по Вознесенскому проспекту до конца его у Фонтанки, переходимъ по мосту на составляющій продолженіе Вознесенскаго, Измайловскій проспектъ. Здѣсь предъ Троицкимъ соборомъ сооруженъ памятникъ славы русскихъ войскъ въ турецкую кампанію 1877—78 гг., по проекту проф. Гримма. Чугунная колонна съ коринѳскою капителью и вѣнчающею ее фигурой побѣды плотно усажена отбитыми у турокъ пушками и покоится на гранитномъ пьедесталѣ. Изъ пушекъ же сдѣланы двѣ канделябры и два столба въ оградѣ. Всего

Дрофы передъ грозой. Картина степной жизни.Ориг. рис. (собств. „Нивы") Н. Каразина, грав. Флюгель.

въ памятникѣ 140 пушекъ. Надписи съ 4-хъ сторонъ на 8 мѣдныхъ доскахъ: на верхнихъ краткая исторія войны 1877—78 г., а на нижнихъ—перечисленіе участвовавшихъ въ ней войскъ и одержанныхъ ими побѣдъ.

Изображенный ниже, Михайловскій дворецъ, произведеніе италіанскаго архитектора Росси, принадлежавшій первоначально великому князю Михаилу Павловичу, а нынѣ дочери его, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ, примыкаетъ къ Михайловскому скверу, составляющему послѣ Лѣтняго сада одну изъ любимѣйшихъ прогулокъ для петербуржцевъ.

Египетскій мостъ черезъ Фонтанку, выстроенный генераломъ Бетанкуромъ, находится неподалеку отъ Измайловскаго проспекта, въ концѣ Могилевской улицы въ Коломнѣ.

Къ рисункамъ.

„Передъ вѣнцомъ". Карт. проф. К. Е. Маковскаго.

(Рис. на стр. 780 и 781).

Прелестная картина проф. Маковскаго переноситъ насъ на яву въ старинную Русь съ ея задушевнымъ бытомъ и своеобразно милыми обычаями. Въ просторной свѣтлицѣ боярскаго терема, единственное убранство которой, какъ и во всякомъ честномъ домѣ, составляютъ иконы въ богатыхъ окладахъ съ теплящимися свѣчами воску яраго, собрались подруги невѣсты провожать ее къ вѣнцу. Любимая подружка припала у колѣнъ своей ненаглядной и глазъ отвести отъ нея не можетъ, спѣша наглядѣться въ послѣдній разъ, въ остатошный. Бойкая, видавшая всякіе виды сватьюшка расплетаетъ невѣстѣ косу и чешетъ ее гребнемъ подъ хоровую пѣсню остальныхъ подругъ, которыя то величаютъ будущую княгиню, то подшучиваютъ и пересмѣиваются, стараясь развеселить ее.

У стола съ зеркаломъ, заставленнаго ларцами съ камнями самоцвѣтными и лалами бурмицкими, сидитъ мать невѣсты, любовно глядя на свое дѣтище и держа въ рукѣ узорную ширинку, которою не разъ уже и не одну слезу смахнула съ покраснѣвшихъ вѣкъ. Возлѣ нея—меньшой братишка невѣсты, который поѣдетъ съ образомъ, а теперь пока сидитъ съ набитымъ пряниками подоломъ рубашонки и храбро откусываетъ голову пряничному коню.

Въ отворенную дверь пытается ворваться видимо навеселѣ не то самъ женихъ, не то посланный имъ дружка съ какимъ-то цѣннымъ подаркомъ, но ему проворно загораживаетъ дорогу одна изъ провожатыхъ боярынь, усовѣщевая безстыжаго, такъ какъ невѣсту въ день свадьбы до пріѣзда въ церковь видѣть мужчинамъ нельзя.

Кругомъ, по лавкамъ и на полу разложено приданое.

Художественно выполненная гравюра наша конечно передастъ въ совершенствѣ рисунокъ и общее впечатлѣніе картины. Что же касается яркости красокъ, ихъ нѣжныхъ переливовъ, виртуозно написанныхъ тканей, металловъ, драгоцѣнныхъ камней, борьбы двухъ освѣщеній — дневнымъ свѣтомъ и восковыми свѣчами, словомъ, колорита картины, объ этомъ можетъ дать полное понятіе лишь оригиналъ нашего неподражаемаго въ этомъ отношеніи мастера.

Императоръ Германскій Вильгельмъ II.

(Портр. на стр. 785).

Въ началѣ августа Россію вторично посѣтитъ молодой императоръ Германіи и будетъ присутствовать на большихъ маневрахъ, которые произойдутъ въ окрестностяхъ Нарвы. Державный гость, по словамъ газетъ, прибудетъ моремъ на яхтѣ „Гогенцоллернъ" въ Ревель, откуда по Балтійской желѣзной дорогѣ проследуетъ 5 августа въ Нарву. Къ тому времени въ этомъ городѣ будетъ уже находиться главная квартира маневрирующихъ войскъ красносельскаго лагернаго сбора. 6 августа въ Нарвѣ состоится церковный парадъ л.-гв. Преображенскому полку, а съ 7 числа возобновятся маневры. Войска будутъ понемногу отступать отъ города къ Красному Селу, и маневры закончатся большимъ смотромъ и парадомъ на Красносельскомъ военномъ полѣ, 12 августа. Изъ Краснаго Села императоръ Вильгельмъ проѣдетъ въ Петергофъ, откуда и возвратится на родину.

Съ Германскимъ императоромъ, кромѣ принцевъ Генриха Прусскаго и Альберта Саксенъ-Альтенбургскаго, прибудутъ: имперскій канцлеръ генералъ-адъютантъ де-Каприви, фельдмаршалъ графъ Эйленбургъ, начальникъ военнаго кабинета генералъ-адъютантъ генералъ-лейтенантъ де-Ганкэ, директоръ военнаго департамента подполковникъ фонъ-Вейзе, совѣтники этого кабинета дѣйствительные тайные совѣтники: гг. Миленцъ и Шульцъ, совѣтникъ министерства иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ Рашдау и личный секретарь канцлера г. Тагенъ, начальникъ морскаго кабинета баронъ де-Зенденъ Вибранъ, совѣтники министерства внутреннихъ дѣлъ: дѣйствительный тайный совѣтникъ докторъ фонъ-Луканусъ и тайные совѣтники Шнейдеръ и Аббъ. Помимо этихъ лицъ администраціи, Германскаго императора сопровождаютъ: генералъ-адъютантъ генералъ-лейтенантъ Виттихъ, свиты генералъ-маіоръ графъ Ведель, флигель-адъютанты маіоры: фонъ-Вицевичъ и фонъ-Шоль, личный секретарь императора Шверинъ и лейбъ-медикъ его величества докторъ медицины профессоръ Лейгольдъ. Принцевъ сопровождаютъ въ качествѣ адъютантовъ: Генриха Прусскаго капитанъ-лейтенантъ фонъ-Бассе и Альберта Саксенъ-Альтенбургскаго лейтенантъ Рукельбенъ.

Дрофы передъ грозой. (Рис. на стр. 793).

Дрофы (Otis tarda) встрѣчаются во всей Европѣ и въ значительной части Азіи, но нигдѣ не попадаются онѣ такими стаями какъ въ степяхъ южной Россіи и всей Средней Азіи. Эта осторожная птица положительно предпочитаетъ тѣ мѣстности, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, выбирая себѣ для жилья обширныя поля, гдѣ уже издали видно приближеніе человѣка. Ночуетъ дрофа на самыхъ отдаленныхъ отъ жилья поляхъ, большею частью паровыхъ или вспаханныхъ, куда отправляется только въ сумерки. Походка ея медленная и размѣренная, хотя въ случаѣ нужды птица бѣжитъ такъ быстро, что собака съ трудомъ догоняетъ ее. Передъ взлетываніемъ она дѣлаетъ разбѣгъ въ два-три прыжка и затѣмъ, хотя не быстро, но все же безъ всякаго усилія, поднимается на воздухъ; затѣмъ движется первоначально медленными ударами крыльевъ, но достигнувъ извѣстной высоты, летитъ довольно быстро. Когда стая поднимается вмѣстѣ, то каждая птица держится на извѣстномъ разстояніи одна отъ другой, какъ будто боясь помѣшать сосѣдкѣ или задѣть ее крыльями. Нашъ художникъ изобразилъ моментъ подъема дрофъ, вспугнутыхъ приближеніемъ грозы.

Букетъ сушеныхъ цвѣтовъ. (Рис. на стр. 796).

Большая часть цвѣтовъ засушиваемыхъ между листами книги—скоро теряютъ свѣжесть своей окраски; они какъ-бы не переживаютъ искаженія своей первоначальной формы грубымъ стискиваніемъ пышныхъ лепестковъ. Есть однако простыя, хотя и мало извѣстныя средства, позволяющія сохранять цвѣтамъ изящество формы и свѣжесть красокъ на продолжительное время. Теперь какъ разъ пора дѣлать такіе запасы на зиму, и мы считаемъ нелишнимъ сообщить читателямъ въ чемъ состоитъ секретъ заготовленія цвѣтовъ такъ-сказать впрокъ.

Не всѣ цвѣты одинаково поддаются этой операціи. Всего скорѣе и удачнѣе высушиваются тонкіе, почти прозрачные лепестки; толстые-же и сочные лепестки требуютъ особаго навыка, особыхъ пріемовъ, и удаются хуже. Точно такъ-же не всѣ краски одинаково хорошо сохраняются. Такъ напр. розы сохнутъ довольно плохо и нерѣдко бурѣютъ, какъ-бы заботливо ни сушили ихъ; напротивъ, Анютины глазки сохраняютъ свой бархатистый отливъ, герань—всю яркость цвѣта, фіалка—всю свою грацію до такой степени, что въ примѣси къ свѣжимъ цвѣтамъ трудно распознать сушеные.

Вотъ въ чемъ состоитъ пріемъ сушенія. Надо запастись бѣлымъ пескомъ, очень сухимъ, очень мелкимъ и предварительно просѣяннымъ. Необходимо чтобы песокъ былъ безъ всякихъ землистыхъ примѣсей, которыя могутъ запачкать цвѣтокъ. Лучшій песокъ добывается изъ песчаника, причемъ камень раскалачиваютъ молоткомъ, толкутъ и просѣиваютъ; но годится и всякій бѣлый песокъ, предварительно хорошо промытый въ водѣ и высушенный въ печи. Затѣмъ берутъ ящикъ такой величины, чтобы цвѣтокъ свободно въ немъ помѣщался; насыпаютъ на дно слой песку, кладутъ на него цвѣтокъ, набираютъ песку въ сито и начинаютъ понемногу сѣять его сверху въ ящикъ на цвѣтокъ. Песокъ мало-по-малу заполняетъ всѣ промежутки между частями цвѣтка, пробирается между лепестковъ и удерживаетъ ихъ въ естественномъ положеніи, если только сѣять медленно и съ осторожностью. Ящикъ можетъ быть деревянный, но предпочтительнѣе жестяной. Когда цвѣтокъ совершенно покроется пескомъ, ящикъ ставится въ печь, температура которой не должна быть выше 47—50° Цельсія. Если температура выше, цвѣтокъ жарится и теряетъ окраску; если она значительно ниже—сушка идетъ дольше и цвѣтокъ загниваетъ.

Часовъ черезъ пять или шесть цвѣты обыкновенно уже настолько высушатся, что ящики можно вынуть изъ печи. Но отнюдь не слѣдуетъ вынимать цвѣтовъ изъ песка тотчасъ-же: они хрупки и ломки, и ихъ легко погубить. Имъ надо дать постоять по крайней мѣрѣ сутки, чтобы, набравшись влажности воздуха, они отошли и потеряли свою хрупкость.

Вынувъ цвѣтокъ изъ песку, снимаютъ кисточкой приставшія кое-гдѣ песчинки, и тѣмъ дѣло кончено. Такіе цвѣты очень долго сохраняютъ свѣжесть окраски; изъ нихъ можно составлять букеты и ставить ихъ въ вазы, или, группируя какъ-нибудь иначе, наклеивать на картонъ въ видѣ картины.

Не всѣ цвѣты требуютъ и этой простой операціи. Многіе прекрасно высыхаютъ на воздухѣ. Таковы всѣ злаки, образующіе изящные букеты, которые сохраняются почти безконечно.

Ихъ срѣзаютъ во время отцвѣтанія, сушатъ сначала въ тѣни, потомъ когда они нѣсколько подсохнутъ, ставятъ ихъ передъ разведеннымъ огнемъ: при этомъ они какъ бы вырастаютъ въ объемѣ, ибо каждый стебелекъ отклоняется отъ прочихъ.

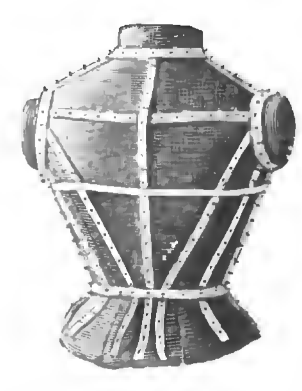
А. Л. Апухтинъ. (Портр. на стр. 797).

Можно быть очень талантливымъ администраторомъ, прекрасно понимать свои обязанности, имѣть за собою большой жизненный опытъ — и все-таки, при всѣхъ достоинствахъ, сдѣлать очень мало, въ особенности тамъ, гдѣ надо настойчиво проводить правительственныя мѣропріятія, гдѣ надо долго и упорно бороться съ разрушительными началами, со всѣмъ, что такъ или иначе противодѣйствуетъ намѣреніямъ правительства. Для успѣшной борьбы администратору необходимо имѣть большую твердость и много энергіи, при наличности которыхъ, независимо отъ обладанія умомъ, тактомъ и опытностью, онъ только и можетъ стоять на высотѣ своего призванія и приносить дѣйствительную пользу. Именно такими, необходимыми для администратора качествами обладаетъ А. Л. Апухтинъ, попечитель Варшавскаго учебнаго округа, недавно праздновавшій пятидесятилѣтіе службы своей въ офицерскихъ чинахъ. „Полувѣковое отмѣнно-полезное служеніе ваше на военномъ и гражданскомъ поприщахъ—говорится въ Высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя Апухтина — отличавшееся постояннымъ рвевіемъ и непоколебимой твердостью въ исполненіи возложенныхъ на васъ обязанностей, даетъ вамъ право на особое Наше благоволеніе“. И дѣйствительно, А. Л. Апухтинъ, и въ качествѣ директора Константиновскаго Межеваго института, и на своемъ настоящемъ, отвѣтственномъ и трудномъ посту всегда проявлялъ бездну энергіи и твердости, доходившей до полнаго самоотверженія, всѣми силами стараясь поднять значеніе и достоинство правительственной власти. Человѣкъ русскій въ полномъ и лучшемъ значеніи этого слова, образованный, прекрасно изучившій положеніе учебно-воспитательнаго дѣла у насъ и за-границей, онъ понимаетъ истинные интересы Россіи и дѣйствуетъ въ Западномъ краѣ въ чисто русскомъ направленіи, съ рѣдкою твердостью, придерживаясь строгой системы и стараясь поднять духъ русскаго населенія, угнетеннаго поляками и евреями, дружно сплотившимися для упорнаго противодѣйствія правительственнымъ цѣлямъ. Полезная и энергичная государственная дѣятельность А. Л. Апухтина, съ честью занимающаго столь отвѣтственный постъ и являющагося надежною опорою русской партіи въ краѣ, достойно оцѣнена всѣми истинно-русскими людьми. За то и явные и тайные враги Россіи питаютъ къ нему сильнѣйшую ненависть, стараясь ему вредить и дѣлать непріятности гдѣ только можно. Но, воспитанный въ военной дисциплинѣ, съ духомъ закаленнымъ въ бояхъ, А. Л. Апухтинъ не страшится этой ненависти и идетъ неуклонно, твердымъ шагомъ по разъ намѣченному пути. Какъ попечитель учебнаго округа, онъ, глубоко убѣжденный въ томъ, что университетъ долженъ быть разсадникомъ науки, а не мѣстомъ политическаго броженія незрѣлыхъ умовъ, старался водворить строгую дисциплину въ стѣнахъ храма науки, никогда не заигрывалъ, не вступалъ въ сдѣлки съ молодежью, настойчиво и строго требуя отъ нея повиновенія власти, чтобы учащаяся молодежь занималась наукою, а не политикой. Другъ порядка и врагъ малѣйшей распущенности, А. Л. Апухтинъ сдѣлалъ весьма много для насажденія просвѣщенія на западной окраинѣ Россіи, и его полезную дѣятельность справедливо оцѣнитъ потомство. Свои просвѣщенные взгляды на воспитаніе, на постановку педагогическаго дѣла онъ отчасти выразилъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „Описаніе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній Франціи, Бельгіи и Пруссіи“, въ которомъ авторъ даетъ множество свѣдѣній объ устройствѣ, типѣ и характерѣ наиболѣе видныхъ спеціальныхъ заведеній въ Европѣ, знакомитъ съ общею системой образованія въ Бельгіи и Пруссіи. Книга А. Л. Апухтина весьма кстати появилась въ то время, когда у насъ подняты были вопросы о преобразованіи военно-учебныхъ заведеній, объ учрежденіи въ Москвѣ сельско-хозяйственной академіи, о новомъ уставѣ для гимназій и училищъ и проч. — и, безъ сомнѣнія, сослужила хорошую службу, являясь подспорьемъ для уясненія этихъ вопросовъ. Кромѣ названнаго сочиненія, онъ написалъ еще весьма объемистую и солидную книгу „Очеркъ исторіи Константиновскаго Межеваго Института съ 1779 по 1879 годъ“.

Александръ Львовичъ Апухтинъ родился 4 ноября 1822 г. и происходитъ изъ старой дворянской фамиліи, считающей своимъ родоначальникомъ Өедора Юрьевича Опухту, жившаго въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія. Его прадѣдъ, дѣдъ и отецъ, Левъ Александровичъ, майоръ,—всѣ служили въ военной службѣ. Воспитывался А. Л. Апухтинъ въ I Московскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ Императорской военной академіи, въ которой пробылъ съ 1842 по 1845 годъ. Службу свою онъ началъ 22 іюля 1840 г. прапорщикомъ первой полевой артиллерійской бригады, съ причисленіемъ его къ Генеральному Штабу. По окончаніи академическаго курса онъ былъ посланъ на топографическую съемку Сибири, а въ 1851 г., въ чинѣ штабсъ-капитана, назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса. Черезъ три года его перевели на ту-же должность въ Штабъ всѣхъ пѣхотныхъ резервныхъ войскъ арміи, которую онъ занималъ до октября 1855 г., когда былъ назначенъ инспекторомъ классовъ Константиновскаго межеваго корпуса, въ которомъ читалъ также лекціи по военнымъ наукамъ. Въ декабрѣ 1859 г. А. Л. Апухтинъ, по распоряженію М. Н. Муравьева, тогдашняго управляющаго Межевымъ корпусомъ, былъ командированъ, въ чинѣ полковника, за-границу для осмотра и изученія учебныхъ заведеній, гражданскихъ и военныхъ, отъ которыхъ можно было бы позаимствовать что-либо полезное для организаціи школъ межеваго вѣдомства. Въ командировкѣ онъ пробылъ девять мѣсяцевъ и по возвращеніи, въ сентябрѣ 1860 г., въ Россію, представилъ обширный и блестящій отчетъ, послужившій матеріаломъ для упомянутой нами книги. Тогда же А. Л. Апухтинъ сдѣланъ начальникомъ Школы межевыхъ топографовъ, а 19 апрѣля 1864 г. произведенъ въ генералъ-майоры. Въ октябрѣ того-же года онъ былъ назначенъ директоромъ Константиновскаго межеваго института, а 1 сентября 1873 г., сверхъ того, на него возложено исправленіе должности начальника школы межевыхъ топографовъ. Съ января 1876 г. А. Л. Апухтинъ переведенъ въ вѣдомство министерства Народнаго Просвѣщенія, съ производствомъ въ чинъ тайнаго совѣтника, а Высочайшимъ указомъ отъ 4 іюля 1879 года назначенъ на постъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа. За свою полувѣковую службу А. Л. Апухтинъ награжденъ орденами Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Владиміра 2-й степени, Анны 1-й степени и др. Въ день своего юбилея онъ получилъ орденъ Александра Невскаго съ бриліантовыми украшеніями. А. Л. Апухтинъ, кромѣ того, состоитъ предсѣдателемъ Общества поощренія художествъ въ Царствѣ Польскомъ.

П. Быковъ.

Новое изобрѣтеніе.



Недавно удостоенъ десятилѣтней привилегіи ново-изобрѣтенный К. И. Мельниковымъ снарядъ, подъ названіемъ „пособникъ“, для производства выкроекъ всевозможнаго платья и бѣлья, прямо на тѣлѣ, безъ предварительнаго снятія мѣрки. Снарядъ этотъ такъ простъ, что посредствомъ его каждый, не имѣющій никакого понятія о закройномъ искусствѣ, можетъ изготовить въ нѣсколько минутъ выкройки полнаго костюма, а умѣлый закройщикъ сбережетъ много времени и избѣгнетъ ошибокъ.

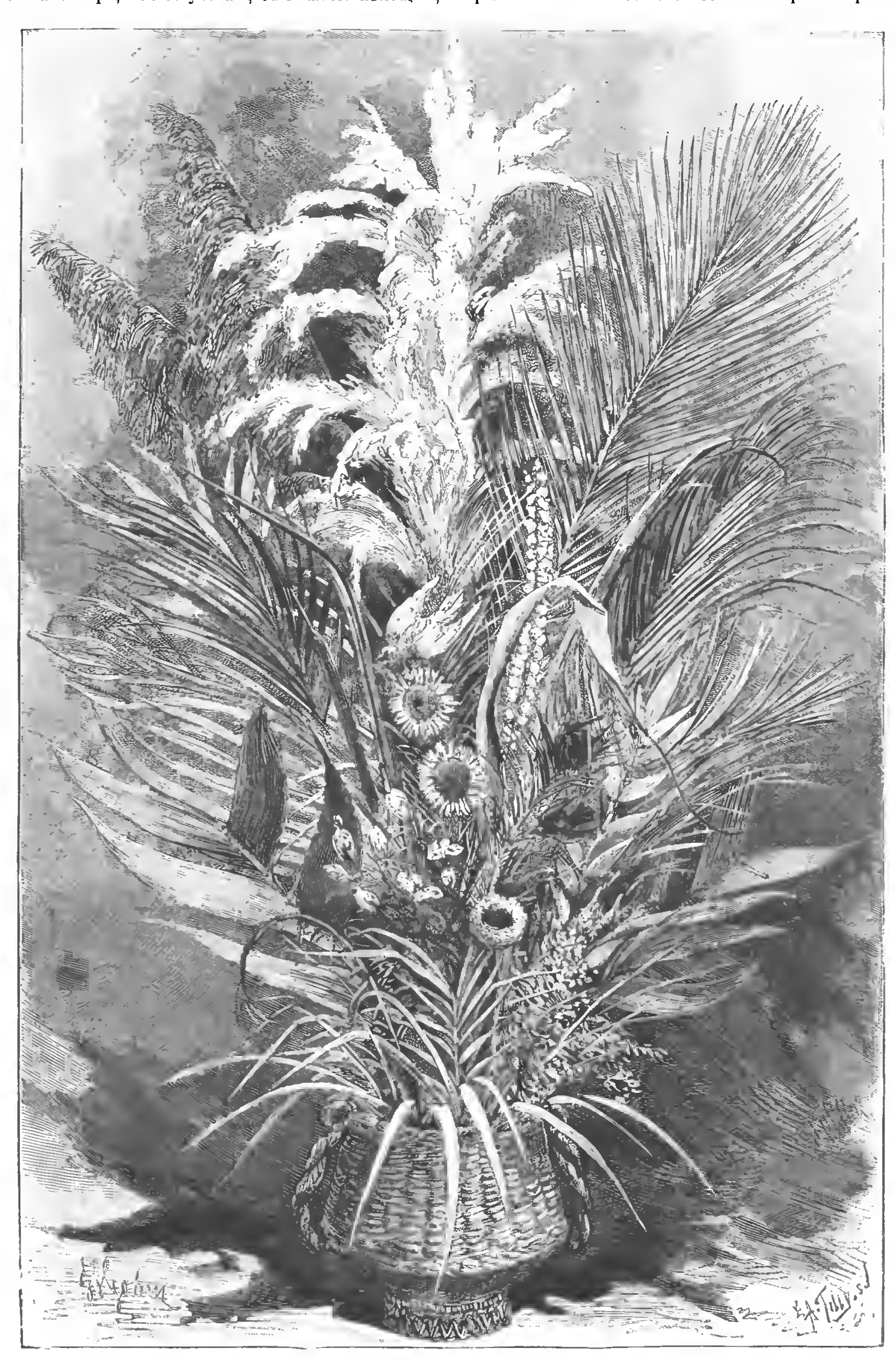
„Пособникъ“, какъ видно на рисункѣ, составленъ изъ особаго рода резиновыхъ лентъ, усаженныхъ шпильками остріемъ наружу и указывающихъ мѣста, гдѣ должны быть швы. Чтобы получить выкройку, слѣдуетъ надѣть „пособникъ“ на корпусъ того кому шьется платье или бѣлье, и застегнувъ пряжки на шеѣ, таліи, плечахъ и груди, оправить ленты, чтобы линіи ихъ были направлены какъ слѣдуетъ. Затѣмъ на острія шпилекъ накладываютъ соотвѣтствующей величины листъ бумаги и надавливаютъ на бумагу подушечкой, отчего на бумагѣ получаются проколы. Снявъ осторожно бумагу и обрѣзавъ ножницами по проколамъ, получаютъ точную выкройку, по которой уже легко кроить матерію, прибавляя на запасъ. Само собой разумѣется, что относительно верхняго платья и костюмовъ снарядъ этотъ годится лишь для безукоризненно сложенныхъ особъ, такъ какъ искусство портного или портнихи состоитъ не въ томъ чтобы платье шилось акуратно по тѣлу, облегая всѣ его линіи, а какъ разъ наоборотъ, въ томъ чтобы оно прибавками или урѣзками скрывало недостатки естественной фигуры, какъ напр. кособокость, непропорціональную ширину или толщину той или другой части тѣла и т. п.

„Пособникъ“ продается по 5 руб. за штуку, въ СПБ., на Невскомъ проспектѣ, № 118, кв. 7.

Политическое обозрѣніе.

22 іюля, какъ уже извѣстно читателямъ нашего журнала, исполнилось пятидесятилѣтіе служенія въ офицерскихъ чинахъ Военнаго Министра, генералъ-адъютанта П. С. Ванновскаго. Данный по сему случаю маститому юбиляру Высочайшій ре-

скриптъ, заключаетъ великія слова Державнаго вождя Россіи: „Отечеству Нашему несомнѣнно нужна армія сильная и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, кои Я уповаю, съ Божьею помощью, еще надолго продлить для Россіи, вооруженныя силы ея должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, кои доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими условіями“.



Букетъ сушеныхъ цвѣтовъ. Грав. Тилли.

Слова эти радостно отозвались въ сердцахъ всѣхъ искренно русскихъ людей, коимъ дорого благосостояніе ихъ отечества. Но и за предѣлами нашей обширной родины Монаршее слово не прошло незамѣченнымъ. Раньше другихъ появилась статья въ римской газетѣ *Riforma*, служащей личнымъ органомъ главы итальянскаго министерства Криспи. Въ газетѣ говорится, что слова Высочайшаго рескрипта будутъ встрѣчены общимъ удовольствіемъ, потому что нельзя выразиться болѣе опредѣленнымъ и болѣе успокоительнымъ образомъ. Слова эти безусловно добровольны и начертаны къ тому-же въ такой моментъ, когда не существовала извѣстная озабоченность вслѣдствіе послѣднихъ инцидентовъ на Востокѣ. Но

при этомъ газета не упоминаетъ какіе инциденты она имѣетъ въ виду. Далѣе, *Hamburger Nachrichten* говоритъ, что рескриптъ этотъ является новымъ знаменательнымъ доказательствомъ миролюбія и будетъ радостно привѣтствованъ во всѣхъ европейскихъ кругахъ, дорожащихъ сохраненіемъ мира.

„Охраняя миръ, говорится въ рескриптѣ, вооруженныя силы должны развиваться и совершенствоваться“. Нагляднымъ доказательствомъ блестящаго развитія и успѣховъ въ мирное время нашихъ войскъ являются нынѣ происходящіе маневры, на которыхъ въ ближайшемъ будущемъ будетъ присутствовать императоръ Германскій. До прибытія въ Россію, ожидаемый державный путешественникъ посѣтилъ Бельгію и Англію.

Изъ Вильгельмсгафена императоръ Вильгельмъ отплылъ 20 іюля на яхтѣ „Hohenzollern“ въ Остенде въ сопровожденіи практической эскадры. Въ Остенде императоръ Германскій прибылъ 21 іюля въ 1 ч. 45 м. Король, графъ Фландрскій и принцъ Балдуинъ выѣхали на яхту „Hohenzollern“, чтобы привѣтствовать императора. Затѣмъ состоялся фамильный завтракъ въ королевскомъ дворцѣ. Императоръ, король и принцы послѣ завтрака присутствовали на концертѣ въ курзалѣ, гдѣ громадная масса публики устроила овацію. Далѣе состоялся парадный обѣдъ на 80 кувертовъ и вечеръ въ Казино. На другой день послѣ завтрака у Бельгійской королевской четы, императоръ Вильгельмъ, въ 4 часа пополудни, на яхтѣ „Hohenzollern“ отплылъ въ Англію и прибылъ въ Дувръ, а 23 іюля утромъ императоръ продолжалъ путешествіе въ Кауесъ, на о. Уайтѣ, откуда отправился въ Осборнъ, гдѣ и произошло свиданіе съ его вѣнценосною бабкою. Въ теченіе перваго дня своего пребыванія въ Осборнѣ, императоръ дѣлалъ и принималъ визиты, а вечеромъ состоялся фамильный обѣдъ, на которомъ присутствовали почти всѣ члены Англійскаго царствующаго дома. Во вторникъ утромъ императоръ, въ сопровожденіи принца Уэльскаго и его супруги, отправился на принадлежащей принцу яхтѣ „Aline“ на парусную гонку, призомъ для которой назначенъ кубокъ королевы. Въ гонкѣ принимали участіе какъ „Aline“, такъ и принадлежащая принцу Генриху Баттенбергскому яхта „Scheila“. Въ среду императоръ отправился въ Портсмутъ, гдѣ посѣтилъ арсеналъ и присутствовалъ при минныхъ опытахъ. Передъ отъѣздомъ, 26 іюля, императору представился случай осмотрѣть британскій флотъ, въ то время, какъ тотъ направлялся къ Ландсэнду на большіе маневры. На обратномъ пути изъ Англіи, какъ полагаютъ, императоръ посѣтитъ 11 августа (30 іюля) островъ Гельголандъ.

Посѣщеніе Германскаго императора привѣтствуется восторженно англійскою печатью. Въ немъ видятъ новый залогъ дружественныхъ отношеній обѣихъ націй, выразившихся еще недавно въ соглашеніи объ африканскихъ владѣніяхъ и объ уступкѣ Германіи Гельголанда со стороны Англіи. Однако это соглашеніе не могло не затронуть интересовъ Франціи въ Африкѣ. Возникшіе переговоры привели къ особому англо-французскому соглашенію, которое и подписано 25 іюля. Соглашеніе или конвенція заключаетъ 7 статей, и въ силу ея, Франція, между прочимъ, отказывается отъ деклараціи 1862 года, въ смыслѣ допущенія англійскаго протектората надъ Занзибаромъ и Маскатомъ. За это Англія признаетъ французскій протекторатъ надъ Мадагаскаромъ и зависимость мѣстныхъ англійскихъ консуловъ отъ exequatur Франціи, а также обязуется не распространять свою сферу вліянія за рѣку Бинуэ (со стороны Сіерра-Леоне и Камеруна) и выражаетъ согласіе какъ на установленіе Франціею постоянныхъ сообщеній между Алжиромъ съ одной стороны и Сенегамбіей и Суданомъ—съ другой, такъ и на включеніе во французскую сферу вліянія Сулы. Что касается Нигера, то, какъ постановлено въ ст. 7 конвенціи, регулированіе относящихся къ этому пункту спорныхъ вопросовъ возлагается на особую разграничительную коммисію.

А. Л. Апухтинъ, попечитель Варшавскаго учебнаго округа. (По поводу 50-лѣтія службы). Съ фот. грав. Шюблеръ.

Въ противность извѣстіямъ, сообщеннымъ, по инціативѣ Милана, европейской печати,—изъ Бѣлграда извѣщаютъ, о заявленіи митрополита, что, по новому церковному закону, королевскій бракоразводъ подвѣдомственъ исключительно собору. Кассировавъ разводъ, въ виду незаконной процедуры, соборъ вручилъ о томъ королевѣ актъ, подписанный всѣми іерархами. Выданный затѣмъ митрополитомъ Милану документъ, которымъ обѣщается не поднимать дѣла по существу, не противорѣчитъ соборному рѣшенію и отнюдь не уничтожаетъ его силы, нося чисто частный характеръ.

Интересно сообщеніе корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ былъ выданъ этотъ документъ митрополитомъ:

„11 іюня соборъ призналъ незаконнымъ разводъ королевы Наталіи и выдалъ ей со своего рѣшенія копію съ подписью сербскихъ епископовъ, печатью митрополіи и митрополита Михаила. Едва узнали объ этомъ рѣшеніи Миланъ и регенты, какъ на митрополита, при участіи главы либеральной партіи Аввакумовича и профессора великой школы Панта Сречковича, друга и поклонника Милана, было произведено въ его домѣ нападеніе, или, точнѣе сказать, насиліе, по выраженію самого митрополита. Говорятъ, что Миланъ, съ пѣной у рта, съ поднятымъ кулакомъ лѣвой руки и съ револьверомъ въ правой, угрожалъ чести и жизни митрополита, требуя отмѣны выданнаго королевѣ рѣшенія. Когда-же митрополитъ Михаилъ отказался исполнить это требованіе, то Ристичъ и Бѣлимарковичъ (регентъ Протичъ уклонился). Аввакумовичъ и Сречковичъ принудили митрополита выдать Милану 5 іюля, за № 1,101, заявленіе о некомпетентности сербскаго архіерейскаго собора въ пересмотрѣ рѣшенія митрополита Мраовича.

„Этотъ документъ, выданный подъ вліяніемъ насилій и угрозъ, очевидно, законной силы имѣть не можетъ и полная законность рѣшенія архіерейскаго собора отъ 11 іюня, которымъ уничтожено окончательно и безповоротно незаконное постановленіе лже-митрополита Мраовича о разводѣ ея величества Сербской королевы съ отставнымъ королемъ Миланомъ, остается внѣ всякаго сомнѣнія“.

Смѣсь.

Египетскій государственный архивъ. Въ послѣднее десятилѣтіе на египетской почвѣ было найдено столько замѣчательныхъ древностей, что мы, наконецъ, привыкли считать возможнымъ всякое тамъ открытіе. Тѣмъ не менѣе эта страна чудесъ постоянно превосходитъ наши ожиданія и доставляетъ такія рѣдкости, о которыхъ мы едва смѣли бы мечтать. Вслѣдъ за открытіемъ въ пирамидахъ Сахары древнѣйшихъ памятниковъ религіозной литературы, въ рудникахъ Дерельбахри были найдены въ 1881 г. муміи великихъ царей Египетскихъ, а теперь передъ нами новое, небывалое открытіе. Египетскіе феллахи въ началѣ прошлой зимы открыли часть египетскаго государственнаго архива: письма царей Вавилонскихъ, правителей странъ по верховьямъ Евфрата и вассальныхъ владѣтелей Сиріи и Финикіи къ фараонамъ пятнадцатаго вѣка до Р. Хр. Сокровища эти [1]), первоначально обязанныя своимъ сохраненіемъ извѣстному въ Вѣнѣ любителю древностей, Теодору Графу, пока находятся въ этомъ городѣ и, благодаря содѣйствію

[1]) Извѣстіе о находкѣ въ Египтѣ 200 табличекъ съ клинообразнымъ письмомъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ было возвѣщено англійскими газетами. Но авторъ этого важнаго сообщенія не имѣлъ доступа къ самой находкѣ и потому показанія его не особенно авторитетны.

одного изъ вѣнскихъ гражданъ, семейство котораго уже не одну услугу оказало музею, можно надѣяться, что хотя главная часть ихъ тамъ и останется. Мѣсто находки — развалины Тель-эль-Амарны, такъ часто упоминаемой со времени прусской экспедиціи 1842—1845 г. Большой городъ, по свидѣтельству Лепсіуса, нѣкогда здѣсь стоявшій, подвергся страннымъ превратностямъ. Царь Аменофисъ IV (около 1420 г. до Р. Хр.) дѣлаетъ смѣлую попытку замѣнить старыя, отживающія вѣрованія египтянъ новою религіею, имъ самимъ измышленною и основанною на поклоненіи солнечному диску. Старые боги и ихъ храмы были такъ ненавистны реформатору, что онъ не хотѣлъ оставаться въ прежней столицѣ своего государства и задумалъ воздвигнуть новую резиденцію, гдѣ ничто не напоминало бы ему ненавистныхъ боговъ, которыхъ чтили его отцы. Новая столица возникла на обширномъ пространствѣ, нынѣ занимаемомъ развалинами Тель-эль-Амарны.

Не долго существовала она, однако. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ новая религія была низложена и жрецы прежней принялись жестоко мстить за оскорбленія, нанесенныя имъ царемъ-еретикомъ. Они разрушали воздвигнутыя имъ зданія, изгоняли съ памятниковъ его имя, а новую столицу его стерли съ лица земли. Какъ совершилось паденіе Тель-эль-Амарны: было ли оно слѣдствіемъ народнаго возстанія, или состоялось по приказанію новаго правительства—неизвѣстно. Но должно полагать, что при томъ не было недостатка въ дикихъ, необузданныхъ порывахъ, иначе разрушители дворца врядъ ли дали бы уцѣлѣть среди его развалинъ остаткамъ нынѣ найденнаго архива.

Двѣ серіи документовъ спаслись отъ рукъ грабителей: часть азіатской корреспонденціи, относящейся къ первымъ годамъ царствованія Аменофиса III, и часть таковой же отъ времени его сына, основателя Тель-эль-Амарны. Число писемъ, сохранившихся цѣликомъ и въ отрывкахъ, 160. Происхожденіе ихъ разнообразно, но всѣ они на вавилонскомъ языкѣ и написаны вавилонскимъ клинообразнымъ письмомъ. Матеріалъ при томъ употребленъ такой, на которомъ клинообразное письмо представляется глубоко вдавленнымъ. Внѣшность табличекъ крайне разнообразна. Большинство ихъ величиною съ ладонь, но иныя, а именно происходящія изъ страны Митанни, имѣютъ болѣе сорока сантиметровъ длины. Почеркъ посланій, вышедшихъ изъ царской канцеляріи въ Вавилонѣ, очень изященъ, другія же писаны скорописью. Цвѣтъ и качество глины, изъ которой состоятъ таблички, тоже очень разнообразны. Изъ писемъ отъ царственныхъ особъ всего интереснѣе тѣ, которыя писалъ фараону Вавилонскій царь Бунабуріашъ. Они, съ одной стороны, рисуютъ намъ любопытную картину отношеній существовавшихъ между этими двумя отдаленными царствами, а съ другой — даютъ намъ въ первый разъ возможность сопоставить вавилонскую хронологію съ египетскою. Указаніе на то, что вавилонскій царь Бунабуріашъ былъ современникъ Аменофиса IV (или, какъ онъ, согласно начальному прозвищу Нефрхоперы, значится на глиняныхъ табличкахъ, Наихуруріія), весьма важно для древней исторіи. Дружественный союзъ между этими государями былъ только возобновленіемъ подобнаго же между ихъ двумя предшественниками. Но они, помимо того, состояли еще и въ личныхъ сношеніяхъ, и когда царя Вавилонскаго посѣщало горе, въ немъ принимала живое участіе супруга фараона: „она не поднимала головы и сидѣла погруженная въ печаль“.

Главнымъ изъ царственныхъ корреспондентовъ Ниммуріи (т. е. Небмара, Аменофиса III) былъ Душратта, „великій царь“ земли Митанни. Предметъ переписки—бракъ дочери этого царя съ фараономъ. Душратта, какъ видно, вовсе не считалъ этого брака за особенную честь для своего дома, напротивъ, принималъ его скорѣй въ обратномъ смыслѣ и недвусмысленно выражалъ это въ позднѣйшихъ посланіяхъ, гдѣ напоминалъ фараону, какъ долго тотъ сватался за принцессу Митаннійскую, прежде чѣмъ получилъ ея согласіе.

Что это за страна Митанни, царь которой держитъ себя на равной ногѣ съ могущественнымъ властелиномъ Египта? Въ египетскихъ текстахъ не упоминается нигдѣ названіе Митанни и намъ пришлось бы довольствоваться на счетъ ея одними догадками, еслибъ не явилось на помощь слѣдующее обстоятельство. Египетскій архиварій, хранитель табличекъ, дѣлалъ на нихъ по краямъ коротенькія замѣтки для своихъ цѣлей. Такъ, на одномъ изъ писемъ Митаннійскаго царя онъ отмѣтилъ слѣдующее: „Годъ 2-й, второй зимній мѣсяцъ, 5-й день, какъ дворъ переселился въ южную резиденцію, въ замокъ Каемехутъ. Письма изъ Нахарины, привезенныя посломъ Петретіемъ, и...“ Страна Митанни, значитъ, тождественна съ обширнымъ государствомъ Нахарины на верховьяхъ Евфрата. Сначала это были владѣнія, за преобладаніе въ которыхъ фараоны спорили съ Сиріей, но позже, именно при Аменофисѣ III, они сплотились въ сильное государство, сосѣднее съ Египтомъ и граничащее съ нимъ къ сѣверу [1]). Слѣдовательно, Нахарина лежала на верховьяхъ Евфрата, и дѣйствительно, еще Ассирійскій царь Тиглатъ Пилезаръ I говоритъ о странѣ Митанни, какъ о находящейся въ томъ направленіи.

Весьма интересная табличка происходитъ изъ Сѣверной Сиріи, какъ кажется, изъ города Тунипа: она обращена не къ царю, а къ одному изъ египетскихъ чиновниковъ, по имени Ган, и въ ней молятъ о защитѣ. „Царь Хаттіевъ въ странѣ Курхашевъ“, гласитъ табличка, „и я боюсь его. Онъ направляется въ Сирію“. Кто врагъ, отъ котораго авторъ письма проситъ египтянъ его защитить — мы не знаемъ. Египтяне называли Хеттами народъ, населявшій страну на юго-востокѣ Малой Азіи. Но, уже поколѣніе спустя, народъ этотъ, наравнѣ съ египтянами, распоряжался въ Сиріи, а о странѣ Нахаринѣ вовсе перестаютъ упоминать. Интересно прослѣдить по табличкамъ, какими подвигами въ заключеніе добился царь Хаттіевъ первенствующаго положенія среди малоазіатскихъ державъ.

Авторы другихъ писемъ изъ сирійскихъ и финикійскихъ городовъ (какъ Библосъ, Зимира, Мегиддо, Аскалонъ и пр.), подобно автору только что упомянутой таблички, не принадлежатъ къ числу владѣтельныхъ государей. Это очевидно мелкіе туземные династы, управляющіе родиной отъ имени фараоновъ, которымъ тогда были подчинены всѣ эти земли.

Изъ вышесказаннаго должно заключить, что вавилонскіе языкъ и письмо были очень распространены въ пятнадцатомъ вѣкѣ до Р. Хр. Не то чтобы жители по верховьямъ Евфрата дѣйствительно всѣ говорили на этомъ языкѣ, но онъ былъ общепринятъ для письма во всей Малой Азіи. Естественно и египетскій дворъ свою азіатскую переписку предпочиталъ вести съ помощью не иноземныхъ толмачей, а собственныхъ чиновниковъ, посвященныхъ въ тайны клинообразнаго письма. Всѣ вновь найденныя таблички — письма разныхъ лицъ, за исключеніемъ одной, которая воспроизводитъ вавилонскій миѳологическій текстъ. Трудно было бы объяснить ея присутствіе среди офиціальныхъ документовъ архива, еслибъ на ней не было разъясняющихъ дѣло знаковъ. Она испещрена точками, изъ египетскихъ чернилъ, наставленными между словами, съ цѣлью отдѣлять одно отъ другаго. Очевидно, ихъ тутъ наставилъ египтянинъ, изучавшій по этому тексту клинообразное письмо и желавшій такимъ образомъ облегчить себѣ трудную задачу. Вотъ все, что обнаружила первая сортировка вновь открытыхъ документовъ, но, конечно, пройдутъ еще дни и годы, прежде чѣмъ она сдѣлается дѣйствительнымъ достояніемъ науки. Знатокъ клинообразнаго письма найдетъ въ ней трудности, которыя невозможно оцѣнить съ перваго взгляда. Въ большинствѣ другихъ ассирійскихъ и вавилонскихъ текстовъ почти всѣ слова изображены знаками съ установленнымъ значеніемъ, но не произношеніемъ. Государственные же документы отъ пятнадцатаго вѣка до Р. Хр. произведенія чисто фонетическія. Но фонетическая орѳографія со всѣми своими трудностями составляетъ весьма важное пріобрѣтеніе для науки. Настоящія таблички, передающія ее, самые древніе памятники не только вавилонскаго, но и всѣхъ семитическихъ языковъ, и онѣ впервые подаютъ надежду на возможность быть вполнѣ вѣрно прочитанными. Такимъ образомъ, открытіе въ Тель-эль-Амарнѣ является столь же важнымъ для языковѣдѣнія, сколько и для исторіи. (X.)

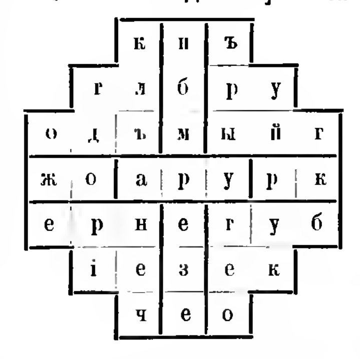
Розовая эссенція очень дорога, и не мудрено: ниццкіе промышленники, напримѣръ, употребляютъ 12,000 фунтовъ розъ для полученія одного фунта этой эссенціи. (в.)

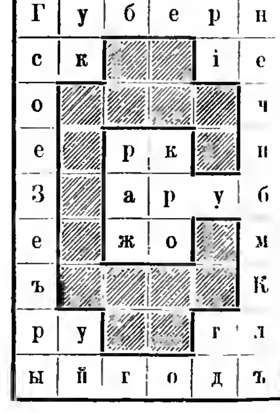
Рѣдкая старость. На одной изъ нижнихъ улицъ города Орла, по сообщенію мѣстной газеты, проживаетъ старуха, имя которой едва-ли кому извѣстно, такъ какъ всѣ ее зовутъ „Коричневой“. Ей—сто пятнадцать лѣтъ. Преклонный возрастъ сгорбилъ старуху, но она пользуется сравнительно хорошимъ здоровьемъ и обладаетъ даже неистощимымъ юморомъ. Память ей нисколько не измѣняетъ; старуха разсказываетъ любопытныя подробности изъ орловской старины; по временамъ только она жалуется на то, что „Богъ ей смерти не даетъ“ и что „жизнь надоѣла ей“. (в.)

Рѣшеніе ребуса № 37 (помѣщеннаго въ № 26).

Бояться несчастья—счастья не видать.

Рѣшеніе задачи буквъ № 38 (помѣщенной въ № 26).





Слова: 1) Горго, 2) Реджіо, 3) Куры, 4) Кегли, 5) Зебра, 6) Бунчукъ, 7) Сеймъ.

М. Е. Салтыковъ: 1) Губернскіе очерки, 2) За рубежомъ. 3) Круглый годъ.

Рѣшеніе логогрифа № 39 (помѣщеннаго въ № 26).

Роса. Оса.

Рѣшеніе ребуса № 40 (помѣщеннаго въ № 27).

Счастью не вѣрь, а бѣды не пугайся.

[1]) Что царь Аменофисъ III состоялъ въ бракѣ съ Нахаринской принцессой, упоминается между прочимъ и въ одномъ египетскомъ источникѣ.

☛ ЗАЯВЛЕНІЕ. ☚

Контора журнала „НИВА" проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за **„НИВУ" 1890** года, озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адресы отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ФИСГАРМОНІИ

прекрасиаго тона, солидкой конструкціи, роскошной отдѣлки.

АМЕРИКАНСКІЯ въ 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.
ФРАНЦУЗСКІЯ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 рублей.

Играть на фисгармоніи можно легно выучиться. Кто немного играетъ на фортепіано, тому игра на фисгармоніи не составляетъ никакого труда.

Самоучитель для фисгармоніи 2 руб.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ инструментамъ и каталогъ нотамъ для фисгармоніи—**безплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 4648
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, **д.** Захарьива.

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массив. позолоченымъ замочкомъ, протканные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. **Кушаки прозрачные очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.**

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи

у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,
СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

ЦВѢТОЧНЫЙ **О-ДЕ-КОЛОНЪ**

БРОКАРЪ и Ко. ИЗОБРѢТЕННЫЙ № 4620 7—8

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

ДЛЯ УМЫВАНІЯ ЛИЦА

5—4

МОЛОКО НИМФЕЯ

флаконъ **1 руб. 25 коп.**

МАГАЗИНЪ

А-ЛА-РЕНОМЕ

Невскій пр., № 3.
Торговц. соразмѣрн. уступка.

Вышло изъ печати и поступило въ продажу въ конторѣ журнала **„Нива“** (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ,** отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще: помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи **1-го** тома вносится **4 р.,** до выхода **2-го** тома **8 р.,** а до выхода **3-го** тома **2 р.,** а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

☞ **По выходѣ всего** сочиненія цѣна будетъ **значительно возвышена.** ☜

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала **„Нива“** (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ. (30) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

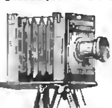
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **І. Голлендеръ,** Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (24) № 4366

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ПОЛНЫЙ ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ ПРИБОРЪ



т. е. аппаратъ со всѣми принадлежностями и руководствомъ. Цѣна **30 руб.** Аппаратъ отдѣльно **15 руб.**

АДОЛЬФЪ РЕЙНЕ
Москва, Кузн. мостъ, 3.

ОТЪ ЖЕНСКОЙ

КЛАССИЧЕСКОЙ ГИМНАЗІИ С. Н. Фишеръ

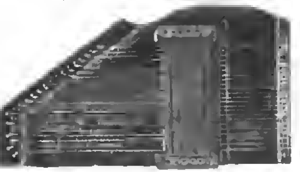
(Москва, Остоженка, д. Бутиновой).

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года выдержали **испытаніе зрѣлости** и получили аттестаты тринадцать воспитанницъ (выпускъ XII-й).

Пріемъ ученицъ на слѣдующій учебный годъ 20-го августа. П. № 4646

ЗАКОНЪ 4 ІЮНЯ 1890 года
о мѣрахъ къ поощренію сельско-хозяйственнаго винокуренія.

Цѣна 20 к.; продается во всѣхъ книжныхъ маг. Выписывающіе отъ издателя Ѳ. А. Куманина (Москва, Кудрино, д. Бартельсъ) за пересылку не платятъ.—**Питейный Уставъ** дополнен. по 1 іюля 90—1 р. 50 к., въ пер. 2 р.—полный—2 р. 50 к., въ пер. 3 р.



УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ

НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь **удешевленнымъ цѣнамъ:**

съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
„ 7 „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

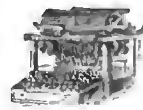
І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.

Иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (33) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣлается скидка.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.



Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

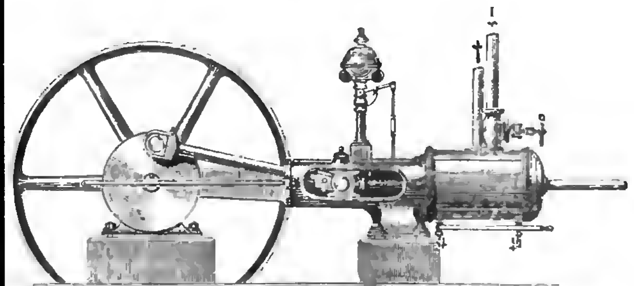
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.

МАШИНО-СТРОИТЕЛЬНЫЙ — ЧУГУННО-ЛИТЕЙНЫЙ И КОТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ

Р. № 4650

Ф. САНЪ ГАЛЛИ.



С.-Петербургъ, Лиговка, № 60.

Паровыя машины и котлы,
Трансмиссіи,
Подъемныя машины,
Корчевальныя машины,
Табакорѣзальныя машины.

Дозвол. цензур., СПБ., 1 августа 1890 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.**

XXI г. | г. XXI

№ 32 | 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. руиод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 11 августа 1890 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

На Волгѣ у Саратова. Выгрузка кулей муки. Съ фот. Апостоли, грав. Шюблеръ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

VI.

Въ одномъ изъ лучшихъ нумеровъ „Славянскаго базара“, на другой день очень поздно проснулся Обнинъ-Коленскій—офицеръ, произведшій повидимому такое невыгодное впечатлѣніе на Прасковью Яковлевну. Ему было около тридцати лѣтъ — возрастъ, къ которому онъ успѣлъ довольно обстоятельно разориться. Въ бюро у Плюса было не мало его векселей, да и кромѣ того еще больше ихъ гуляло по бѣлу свѣту — съ товарищескими бланками и безъ оныхъ. У Обнинъ-Коленскаго еще оставались большія имѣнія, но они были заложены и перезаложены. Какъ онъ ухитрялся существовать, это было его тайной. Онъ давно уже долженъ былъ снять форму — потому что изъ блестящаго полка, гдѣ служилъ въ Петербургѣ, былъ уволенъ товарищескимъ судомъ. Но Москва наивна и довѣрчива, поэтому онъ не только щеголялъ въ ней не принадлежащимъ ему мундиромъ, но и называлъ себя княземъ. Теперь онъ пріѣхалъ въ Москву и жилъ здѣсь уже два мѣсяца съ цѣлью жениться „на какой-нибудь хамкѣ съ нѣсколькими милліонами“, какъ выражался онъ самъ. Въ Петербургѣ до сихъ поръ думаютъ блестящіе молодые люди, что въ Москвѣ такихъ „хамокъ“ непочатый уголъ. Увы! это было когда-то, чуть не въ Грибоѣдовскія времена. Московскія купеческія дѣвицы съ тѣхъ поръ очень измѣнились—и если не прочь отъ мимолетнаго знакомства съ изящными и красивыми питерскими Марсами, то замужъ норовятъ выходить въ своей средѣ. Хорошо это или нѣтъ — другое дѣло. Во всякомъ случаѣ — московская семейная жизнь сдѣлалась отъ этого счастливѣе, а въ большомъ петербургскомъ свѣтѣ стало появляться воронъ въ павлиньихъ перьяхъ менѣе чѣмъ прежде. Къ концу втораго мѣсяца, самозванный князь Обнинъ-Коленскій убѣдился, что исканія его совершенно напрасны. Его приглашали на вечера, гдѣ онъ отлично танцовалъ, кормили его великолѣпными обѣдами, давали ему мѣсто въ своихъ ложахъ въ Большомъ театрѣ — но все этимъ и ограничивалось. Едва лишь онъ заговаривалъ съ какою-нибудь „милліонной хамкой“ посерьезнѣе, причемъ старался придать своему голосу ласкающій тембръ, а грудь выпятить колесомъ, — какъ на губахъ избранницы его появлялась едва замѣтная улыбка и она очень ловко отклоняла этотъ разговоръ. Онъ переставалъ бывать у нея и принимался ухаживать за другою, но и эта другая встрѣчала его исканія столь же равнодушно. Къ крайнему своему ужасу, „князь“ началъ соображать, что Плюсъ пожалуй больше ему отстрочки не дастъ, да и никто другой денегъ ему не повѣритъ подъ его изящный автографъ на бумажкѣ со столбиками. „Однако это скверно!“ соображалъ онъ про себя и сталъ уже бѣгать повсюду за архимилліонершей-вдовой — красивою женщиной, къ сожалѣнію оказавшейся умнѣе всѣхъ „князей“ Обнинъ-Коленскихъ взятыхъ вмѣстѣ. Она его сразу отрезвила.

— Знаете, князь, вы напрасно тратите со мною порохъ, ласково улыбаясь предупредила она его.

— Чего-съ? растерялся онъ и щелкнулъ даже шпорами.

— Вы понимаете въ чемъ дѣло, и я тоже. Значитъ зачѣмъ-же еще les points sur les *i*... Вы напрасно стараетесь... Я никогда, слышите, никогда замужъ не выйду. Въ моемъ положеніи было-бы это величайшею глупостью. Я и такъ хорошо и удобно себя чувствую. А вотъ обѣдать милости просимъ.

Но отъ тяжелыхъ московскихъ обѣдовъ у него ужь начинался катарръ желудка, и онъ отказался.

— Какъ угодно... Поваръ у меня отличный.

И она совсѣмъ его перестала приглашать къ себѣ.

Сегодня утромъ, вспоминая вчерашній балъ у Лоскутниковыхъ, „князь“ невольно остановился на Сластеновой.

„Вотъ красавица-то!“ думалъ онъ. „И мужъ точно какое-то насѣкомое, маленькій, жалкій, еле-еле душа въ тѣлѣ. Закройщикъ какой-то, а между тѣмъ у этого закройщика милліоны! Да, милліоны... А милліоны дѣло хорошее... Очень хорошее. Разсказываютъ, что онъ чудакъ какой-то... Совсѣмъ чудакъ, если не дуракъ. Можетъ быть у него занять можно. Разумѣется. Жена вѣрно держитъ его въ повиновеніи. Еще-бы — этакого комара! Слѣдовательно, если повліять на нее, то на первое время можно будетъ хоть у него перехватить деньжонокъ“.

Онъ одѣлся и сошелъ внизъ завтракать въ ресторанъ.

Тамъ оказались знакомые. Заговорили о вчерашнемъ вечерѣ.

— Нѣтъ, а какая красавица Сластенова эта! вырвалось у кого-то.

— Да и досталась вѣдь этакому дрянцу, какъ ея супругъ! замѣтилъ другой.

— Однако вы поосторожнѣе. У насъ въ Москвѣ незыблемо царитъ культъ милліона. А у Василія Герасимовича такихъ милліоновъ нѣсколько.

— Значитъ она вышла въ расчетѣ на его состояніе? спросилъ князь.

— Нѣтъ. У нея у самой около милліона будетъ. У нея въ Екатеринославской, Харьковской, Воронежской и Орловской губерніи такія имѣнія...

Обнинъ-Коленскій почувствовалъ что у него даже голова кружится.

— И все это идетъ въ купеческія руки?!..

— Да, mon cher, что съ этимъ дѣлать! La haute finance теперь здѣсь все. И знаешь, pour ne pas être accusé de partialité nous devons constater, что это съ ихъ стороны очень-очень благоразумно. По крайней мѣрѣ...

— Постой! вспыхнулъ „князь“.—Что-жь намъ-то дѣлать! Это ужь историческій законъ такой, что аристократическіе роды (онъ уже искренно сталъ считать себя за аристократа) должны разоряться поощряя искусства, торговлю что-ли и что еще есть тамъ — промышленность, а потомъ насъ спасаетъ свадьба съ этими хамками. Онѣ должны помогать намъ à redorer notre blason. Тутъ рука руку моетъ. Такъ вы говорите что у этой... какъ ее... Прасковьи... Quel nom, mon Dieu!.. у самой есть милліоны... Дура этакая, могла-бы осчастливить кого-нибудь.

— У тебя не спросилась? А вотъ бы тебѣ теперь отлично, а? смѣялись кругомъ.

Послѣ завтрака, обождавъ нѣсколько, Обнинъ-Коленскій поѣхалъ въ Рогожскую къ Сластеновымъ.

— Баринъ дома? спросилъ онъ у мордастаго швейцара.

Увидѣвъ офицера, въ мундирѣ полка гдѣ когда-то самъ служилъ, швейцаръ вдругъ расцвѣлъ:

— Никакъ нѣтъ-съ... На стройку поѣхали.

— На какую стройку?..

— Домъ у нихъ на Тверской...

— А! это о которомъ въ газетахъ пишутъ?..

— Да!.. улыбнулся швейцаръ. — Въ газетахъ очень не одобряютъ...

Но тутъ князь сдѣлалъ строгое лицо и тотъ осѣкся.

— Барыня принимаетъ?

— Пожалуйте.

Когда Прасковьѣ Яковлевнѣ доложили, что ее спрашиваетъ „князь“ Обнинъ-Коленскій, она вспыхнула и засуетилась. Встала съ кресла, опять сѣла... Потомъ приняла внезапное рѣшеніе.

— Скажите, что дома нѣтъ.

— Ему ужь сказали, что дома.

— Ахъ ты Господи... Ну—больна, что-ли...

Но въ это время шаги „князя“ послышались въ гостиной рядомъ и спасаться отъ него было уже поздно. „Ну да все равно“, подумала Прасковья Яковлевна, „авось не съѣстъ... Подавится!“ улыбнулась она. Тѣмъ не менѣе, когда Обнинъ-Коленскій вошелъ къ ней, она еще разъ покраснѣла идя къ нему навстрѣчу. Онъ принялъ равнодушный видъ, сѣлъ въ кресло и, разсѣянно оглядывая комнаты, проговорилъ:

— Да у васъ здѣсь цѣлый дворецъ.

— Дѣдушка мужнинъ строилъ... Вотъ и портретъ его виситъ, указала она на строгаго старика, глаза котораго сурово смотрѣли на нее изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей. Одно только неудобство—далеко очень! Ѣдешь-ѣдешь въ городъ, ажно скушно станетъ.

„Ажно скушно!“ подумалъ про себя князь. „Дура ты этакая...“

И при этомъ остановилъ на ней ласкающій и въ то же время увѣренный взглядъ своихъ красивыхъ и наглыхъ глазъ.

— А въ Петербургѣ вы бывали?

— Нѣтъ. Мы въ заграницу ѣздили...

„Въ заграницу“, отмѣтилъ въ своей памяти Обнинъ-Коленскій,—„настоящая мужланка“.

— Вашъ мужъ, я слышалъ, страшно занятъ?

— У него дѣла. Моря эти соединяютъ они... Слыхали можетъ?

— Какъ же...

— Большихъ денегъ стòитъ!

— Я вообще много слышалъ о вашемъ мужѣ. Онъ отличается, говорятъ, самою широкою благотворительностью... Очень лестно говорятъ о немъ... Онъ у васъ только боленъ кажется?

— Нѣтъ... зачѣмъ боленъ...

— Такъ мнѣ показалось.

И „князь“, замѣтивъ, что Прасковья Яковлевна краснѣетъ отъ его взгляда, уже не отводилъ его отъ нея.

— Нѣтъ, онъ здоровъ. Онъ вообще такой... отъ природы.

— Вы бы къ намъ въ Петербургъ пріѣхали... не раскаялись бы... Воображаю—такая красавица, какъ бы взбаломутились всѣ у насъ!.. Кто это такая? Кто?.. Князь (увидѣли бы меня съ вами), какой вы счастливецъ!..

Обнинъ-Коленскій перевелъ взглядъ съ ея сверкавшихъ глазъ на ея алыя полураскрытыя губы. Онъ зналъ силу этого пріема. Прасковья Яковлевна сначала не замѣчала, какъ онъ смотритъ, а замѣтивъ вся такъ и залилась румянцемъ. Ей чудилось, что его взглядъ вызываетъ какое-то странное ощущеніе на ея губахъ, точно онъ касается ихъ, нѣжно касается... Она вся горѣла и стыла въ то же время. Ей было и обидно, и жутко... Она пробовала отвернуться, но нельзя же было сидѣть бокомъ къ гостю, и опять поворачивалась къ нему. А онъ какъ нарочно говорилъ холодно, спокойно, размѣренно... Говорилъ о пустякахъ — которыхъ она порядкомъ даже не слышала — все время держа ее подъ обаяніемъ своихъ глазъ... Такъ что, когда наконецъ ей доложили, что пріѣхалъ Боголюбъ Боголюбовичъ—она въ первый разъ въ жизни обрадовалась ему и, вся возбужденная, взволнованная, смятенная, вышла къ нему на середину комнаты, чего до тѣхъ поръ не дѣлала...

Курцъ уже не рѣшался цѣловать ей руки...

Она представила его „князю“—тотъ вдѣлъ въ глазъ монокль и, недовольный его приходомъ не во время, смѣрилъ Курца съ ногъ до головы. Но Боголюбъ Боголюбовича трудно было сбить съ позиціи. Онъ въ Москвѣ зналъ все и всѣхъ. Стоило кому-нибудь показаться въ первопрестольной—и на другой же день Готлибъ Готлибовичъ передалъ бы вамъ о немъ точныя свѣдѣнія. Замѣтивъ монокль и пренебреженіе князя, онъ мягко взглянулъ ему въ глаза и еще мягче проговорилъ:

— О, я часто слышалъ о князѣ... У насъ есть общіе друзья.

— Кто это?.. какъ-то въ носъ протянулъ князь, еще разъ мѣряя Галопа съ ногъ до головы. „Этакій наглецъ!“ думалъ про московскаго прощалыгу питерскій нахалъ.

— Кто?..—Боголюбъ Боголюбовичъ сдѣлалъ паузу и совсѣмъ уже сладко посмотрѣлъ на князя. — Да кому же иному быть, какъ не моему почтенному пріятелю Исааку Яковлевичу Плюсу.

„Князь“ вздрогнулъ, точно его хлыстомъ ударили, и слегка покраснѣлъ.

— Да?.. Вы его знаете? заговорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ.—У насъ съ нимъ есть счеты.

— Какъ же, какъ же... слышалъ и о счетахъ... Все это Курцъ проговорилъ такъ нѣжно, точно онъ ласкалъ князя своимъ голосомъ.—Какъ же, какъ же, и о счетахъ слышалъ.

„Ахъ, мерзавецъ“, соображалъ князь.—„Такъ бы и задавилъ... И вѣдь какъ смотритъ, шельма!.. Поди-ка раскуси ихъ, московскихъ“.

— Вы и съ Приходзько знакомы? еще слаще спросилъ Курцъ.

Тутъ уже князь совсѣмъ растерялся, и монокль выронилъ, и на Галопа устремилъ взглядъ, какъ птица на очковую змѣю.

— Какъ же...

Сигизмундъ Станиславовичъ еще вчера заѣзжалъ къ нему. Одинъ изъ кредиторовъ передалъ ему векселя князя для взысканія.

— Ну, вотъ!—И чтобы совсѣмъ добить того, Курцъ поинтересовался еще:—изъ какого рода князей Обниныхъ вы? А потомъ небрежно спросилъ:—Я слышалъ что-то въ полку о васъ?—Послѣ этого Курцъ, поставивъ „князя“ на свое мѣсто, смиловался и отпалъ отъ него, совсѣмъ удовлетворенный.—Если вамъ понадобится что у Приходзько, вы только скажите ему отъ моего имени... Онъ для васъ *все* сдѣлаетъ, подчеркнулъ Боголюбъ Боголюбовичъ.

— Очень вамъ благодаренъ! искренно вырвалось у князя.—Очень, очень вамъ благодаренъ.

— Вотъ вамъ моя карточка... Покажите ему...

И желая быть вполнѣ великодушнымъ, онъ написалъ на ней: „Станиславъ Сигизмундовичъ, рекомендую вамъ горячо *моего друга*, князя Обнинъ-Коленскаго“.

Надо сказать правду, на сей разъ „моего друга“ не покоробило „князя“. Напротивъ, онъ сжалъ руку Готлибу. Они взглянули въ глаза другъ другу и поняли отлично одинъ другаго... Готлибъ всталъ, всталъ и князь. Оба вышли вмѣстѣ.

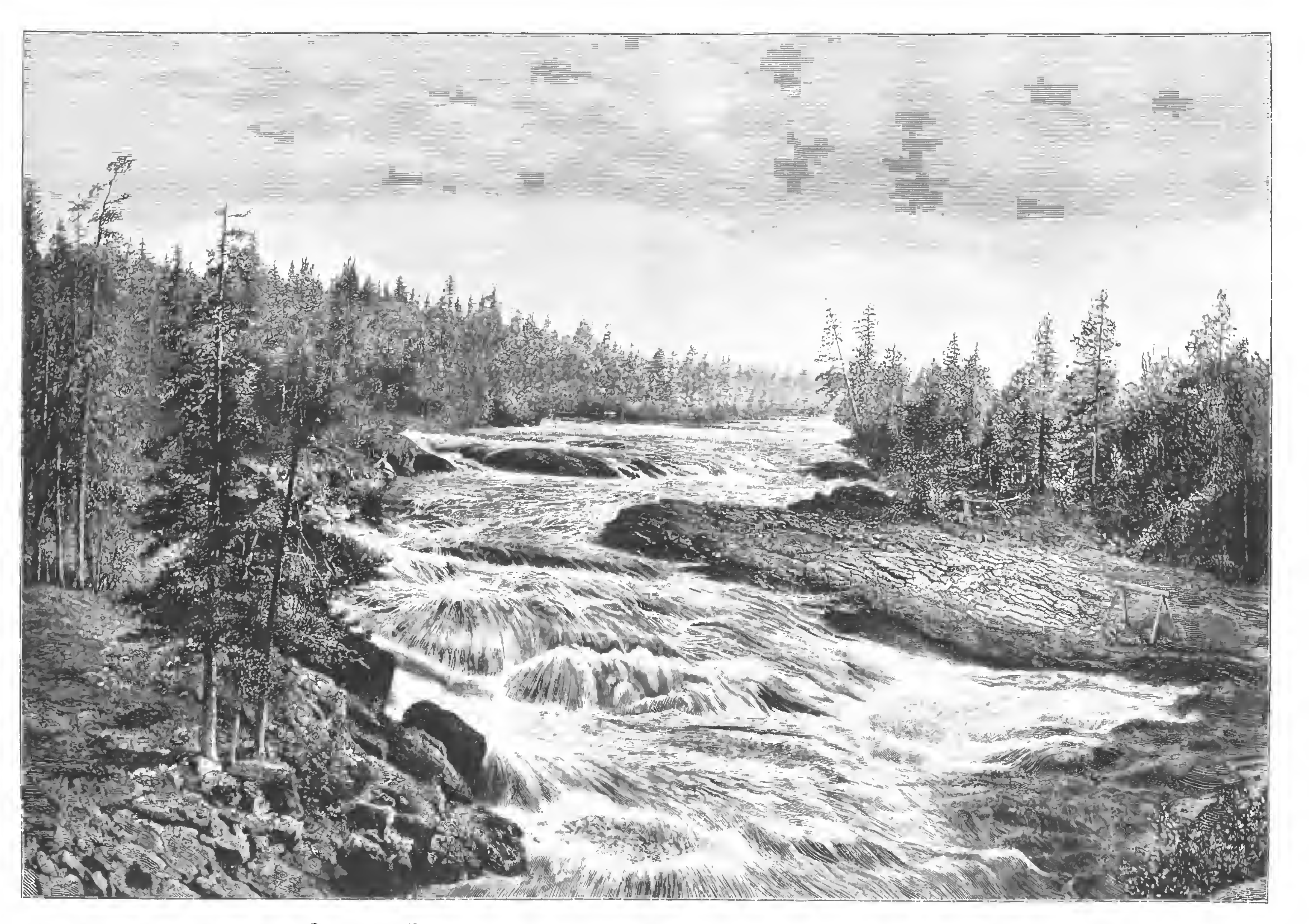
Прасковья Яковлевна ходила какъ потерянная.

Казалось, ей не было мѣста... Губы у нея горѣли отъ этого упорнаго взгляда петербургскаго нахала. Точно онъ цѣловалъ ихъ. Она чувствовала себя оскорбленною, чѣмъ — сама не могла дать отчета, но обида была, иначе сердце ея бы не щемило такъ и не ныло въ душѣ неотвязный вопросъ: „что̀ я ему сдѣлала, за что̀ это онъ меня *такъ*?...“

„Что *такъ*? спросила она себя самоё, тяжело дыша.—Что *такъ*?.. Только смотрѣлъ вѣдь. Смотрѣлъ, да какъ смотрѣлъ... Какъ онъ смѣлъ?..“

Она позвонила и приказала подать себѣ холодной, со льда, зельтерской воды. Выпила. Ее немного освѣжило. Она пришла въ себя.

„Да, такъ я и поѣду зъ Питеръ къ вамъ!“ думалось ей. Она ужь улыбалась, ходя изъ угла въ уголъ.—



Водопадъ Гирвасъ, въ Олонецкой губерніи. Съ фот. Вишнякова, грав. Рашевскій.

Кіевъ. Входъ въ ближнія пещеры. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Ѳ. Козачинскаго, грав. Ольшевскій.

„Ишь тамъ какіе! Только ротъ разинь... Хваты!.. Какъ это ихъ дядя Савва Кузмичъ называетъ? Да, нахалъ-текинцы. Именно нахалъ-текинцы... А этотъ изъ всѣхъ этихъ текинцевъ самый настоящій нахалъ вѣрно. Эхъ, приказать бы людямъ полѣномъ его по ногамъ...“

И разомъ злое чувство шевельнулось въ ней.

„Это онъ вѣдь нарочно смотрѣлъ такъ. Ей-Богу, нарочно... На-ко, дескать. Смѣю и смотрю, а ты ничего сдѣлать не можешь... И думаю про что̀ хочу въ это время... А о чемъ онъ думалъ?.. Кабы у меня настоящій мужъ былъ, онъ бы тебѣ показалъ, какъ на чужихъ женъ зариться. Василью Герасимовичу-то самому защита нужна, а не то чтобы ему за другихъ еще вступаться. Развѣ Саввѣ Кузмичу сказать? Засмѣетъ. Скажетъ: „и съ чего ты, дылда, вообразила? Такъ онъ, по своей деликатности, на тебя глядѣлъ. Не запретишь ему. На то и глаза во лбу...“ Хорошо еще, что Галопъ этотъ увелъ его прочь“.

Василій Герасимовичъ, вернувшись, засталъ жену нервною и разстроенною.

— Что̀ это съ тобою?—Онъ не привыкъ ее видѣть такою.—Больна ты?

— Нѣтъ, не больна! рѣзко отвѣтила она.

— Сердишься на что̀? На меня можетъ-быть?

— На что-жь мнѣ сердиться-то?.. И на тебя не за что... Не ты виноватъ въ томъ, что тебя Богъ обидѣлъ.

— Какъ это такъ? растерялся Василій Герасимовичъ.

— А такъ что... развѣ ты можешь за жену постоять? Тебя всякій однимъ пальцемъ убрать можетъ. Ткнулъ тебя въ грудь, ты и повалился... Чѣмъ ты виноватъ?.. Уйди съ глазъ моихъ... вотъ что! внезапно разсердилась она и ушла, хлопнувъ дверью.

„Что̀ съ нею такое?“ растерялся Сластеновъ, ничего не понимая.

Къ обѣду она вышла заплаканная и сконфуженная. Нерѣшительно приблизилась къ мужу, взяла его за руку.

— Ты меня прости, Васенька... Я ужь такая. Съ сердцовъ невѣдомо за что̀ человѣка обижу. Потому, сердце у меня горячее, да отходчивое... Я тебя давеча... Меня бы бить надо по настоящему.

— Да что̀ съ тобой было?

— Ничего... Поцѣлуемся, вотъ такъ... Эхъ, какія губы у тебя холодныя! И цѣловаться-то по настоящему ты не умѣешь.

„А тотъ должно-быть умѣетъ!“ пронеслось въ ея головѣ, и она покраснѣла, низко опуская голову, какъ виноватая.

VII.

У Луковниныхъ былъ балъ. Луковнинъ, свѣжеиспеченный милліонеръ, торопился жить, точно вознаграждая себя за долгія лишенія, когда никому невѣдомый, гдѣ-то въ глуши Урала, онъ сбивалъ копѣйку, работая какъ волъ и отказывая себѣ во всемъ. Вернувшись въ Москву богатымъ, онъ женился на бѣдной купчихѣ, правильно соображая, что ея связи въ московской haute finance сто̀ятъ его денегъ. Въ этомъ отношеніи онъ не просчиталъ. Она принесла ему въ приданое громадное родство, и Луковнинъ сталъ сразу близокъ съ самыми фундаментальными Китами Бѣлокаменной. Даже Сластеновымъ онъ приходился какъ-то съ родни, разумѣется, все также по женѣ. Василій Герасимовичъ къ нему не поѣхалъ. Онъ себя чувствовалъ не особенно хорошо. Начиналась отвратительная московская весна, когда только Мининъ и Пожарскій на Красной площади здоровы; все же остальное хотя и выѣзжаетъ по привычкѣ, но болѣетъ всевозможными флюсами, катаррами, бронхитами, плевритами и тому подобными прелестями... На балу было очень весело. Прасковья Яковлевна много танцовала, смѣялась и была оживлена такъ, что Обнинъ-Коленскій не отводилъ отъ нея глазъ. Молодая Луковнина даже поздравляла ее.

— Ну... Молодецъ Паша! смѣялась она, любуясь подругой.

— А что? обернулась та, раскраснѣвшаяся и возбужденная.

— Точно сама не знаешь! Питерскаго-то... подъ нози покорила... Собачкой за тобой ходитъ... Куда ты, туда и онъ. Всѣ замѣтили. Ничего. Пускай его побѣгаетъ. Не все ему свысока.

Прасковья Яковлевна давно чувствовала на себѣ его пристальный взглядъ. Только здѣсь, въ теплой атмосферѣ бальной залы, подъ огнями множества свѣчей, на міру, среди общаго шума и движенія, этотъ взглядъ не производилъ на нее того впечатлѣнія, какое она испытала дома. Она даже обернулась къ Обнинъ-Коленскому и усмѣхнулась, да такъ, что его передернуло.

— Погоди! прошепталъ онъ сквозь зубы.—Ты у меня за этотъ смѣхъ поплатишься... Ужь безъ этого я изъ Москвы не уѣду.

И планы зароились въ его красивой головѣ одинъ другаго смѣлѣе. „А тогда что̀?“ думалъ онъ. — „Да что̀, ясное дѣло, увезу съ собою въ Петербургъ... Пускай броситъ мужа... Не она первая, не она послѣдняя. Мужъ-мозглякъ дастъ разводъ. Его только приструнить... Ну, и она богата тоже. Во всѣхъ отношеніяхъ дѣло хорошее... Обтесать только ее придется, да въ хорошихъ рукахъ это сокровище...“ И средства à redorer son blason уже являлись передъ нимъ во всей своей соблазнительной прелести.—„Надо будетъ бросить навсегда службу. И изъ запаса уйду! Заплачу долги да и хозяйничать въ ея имѣніе... Ну, а тамъ, впослѣдствіи...“

— Вы что это, князь, на меня таращитесь? безцеремонно подошла она къ нему.

— Таращитесь? Это по вашему, по московскому? насмѣшливо улыбнулся онъ.

— Какія есть, не взыщите... Глазъ не сводите, не хорошо это, смѣялась Прасковья Яковлевна.

— Значитъ, пріятно, если смотрю... Хорошо что вы сегодня здѣсь однѣ, безъ мужа.

— Почему?

— А потому, что онъ не къ лицу вамъ...

— Какія глупости вы говорите. Я люблю Васеньку... Васенька—отличный мужъ...

— Васенька, Васенька, Васенька... Именно Васенька—и ничего больше.

— Вы, кажется, смѣетесь надъ нимъ? нахмурила она свои черныя брови.

— Не смѣюсь... Что-жь надъ нимъ смѣяться?.. Мнѣ васъ жалко, вы свою молодую жизнь губите.

— Что-о?.. Какъ же гублю?.. Я очень счастлива, напротивъ...

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю... если это называется счастьемъ...

— Разумѣется, это... Мужъ дома, смирный, не кутитъ...

— Жену не бьетъ, за косы ее не таскаетъ, докончилъ онъ за нее.—Это вѣдь по вашему, по московскому купеческому обиходу чудесное дѣло... Нѣтъ, по моему, это не счастье, а такъ... Вѣдь послѣ того и растеніе тоже счастливо: поливаютъ его во̀-время... холятъ... Нечѣмъ будетъ вамъ и молодости своей вспомнить! Нѣтъ, по моему, счастье—другое.—И онъ вдругъ вспыхнулъ и разгорѣлся. Смѣло взглянулъ ей прямо въ глаза. — Такъ жить, чтобы небу жарко было, чтобы каждая жилка жила, каждымъ нервомъ своимъ радость жизни чувствовать, все отъ нея взять, что она дать можетъ, а не даетъ—силой отнять...

И говоря всѣ эти заученныя, давно заученныя и, увы! столько разъ декламировавшіяся имъ фразы, онъ обдавалъ ее все болѣе и болѣе разгоравшимся взгля-

домъ. Прасковья Яковлевна, тяжело дыша, стояла передъ нимъ, опустя голову. Она хотѣла засмѣяться и не могла. Что-то помимо ея воли поднималось въ ея душѣ, горячею волной приливало къ ея горлу, все ея лицо заливало яркимъ, густымъ румянцемъ.

— Съ ума сойти отъ счастья, чтобы всѣ завидовали вамъ и ни одной минуты не пропало... Вотъ это дѣло.

— Ну, ужь... это по вашему... по-питерски...

— По-питерски! презрительно передразнилъ онъ ее.— Въ самой жизнь кипитъ, а она какъ улитка забралась въ раковину... Развѣ я васъ насквозь не вижу?.. Васенька! Скажите, пожалуйста, какое сокровище ея Васенька...

— Вы дерзости говорите.

— Не дерзости, а правду... Вы бы на меня молились.

— Ждите! только и могла проговорить вся смущенная и растерявшаяся отъ этого безцеремоннаго тона Прасковья Яковлевна.

— И ждать не буду... Что мое, то мое...

— Обожжетесь!..

— Я не боюсь огня... Изъ-за такой красоты и обжечься стоитъ...

— Знаете какъ дяденька Савва Кузмичъ называетъ такихъ, какъ вы?

— Какъ? любовался онъ ея растерянностью и смущеніемъ.

— Нахалъ-текинцами... Настоящій вы нахалъ-текинецъ! Васъ-бы на цѣпи держать надо было. Какъ это только позволяютъ вамъ на свободѣ ходить!

Она повернулась и пошла отъ него прочь.

— Ну что тебѣ этотъ прынецъ говорилъ? встрѣтила ее Луковнина.

— Такія глупости... Охальникъ онъ—вотъ что.

— Охальникъ... А только всякая собака—свою палку найдетъ... Ты бы его приструнила.

— Ужь очень онъ наскокомъ все... Дай опомниться. Я ему покажу...

Она была вся въ бѣломъ сегодня... Серебристый и серебромъ шитый атласъ такъ и горѣлъ въ этомъ яркомъ освѣщеніи. Онъ струился весь мягкимъ и нѣжнымъ блескомъ, еще болѣе оттѣняя красоту этой женщины... Проходя въ двери гостиной — она было наткнулась на „князя“. Тотъ слегка посторонился и проговорилъ, вслухъ уже, такъ чтобы она разслышала эти два слова: „моя будетъ!“

— Подавитесь! грубо, по-купечески отвѣтила она и обдала его негодующимъ взглядомъ.

— Не безпокойтесь. Я вѣдь не вашъ Васенька. Коснуть не стану... Что мое—то мое, а что не мое— то будетъ мое.

— По-воровски значитъ. По-разбойничьи?.. Ай да „князья“ нонче... Можно чести приписать...

— Чести приписать? Это еще что за жаргонъ?..

— Свой собственный. Мы вѣдь не ученыя.

„Однако—совсѣмъ мужикъ-баба!“ думалъ онъ слѣдя за нею. „А хороша! Ослѣпительно хороша. Боже мой, Боже мой!..

— Я за ужиномъ рядомъ съ вами сяду, догналъ онъ ее.

— Не сядете.

— Вы развѣ запретите?

— Нѣтъ. А только сейчасъ уѣду. Васенька боленъ... Нельзя-же его одного дома оставлять.

— Вы меня заставите ненавидѣть вашего Васеньку... Вы уѣдете... Значитъ и я домой. Больше не для кого здѣсь оставаться.

— А вы бы попробовали... Можетъ быть какую нибудь дуру и улестили-бы словами.

— Улестили! смѣялся онъ.

— Да... Вѣдь вамъ ничего больше и не надо, какъ улестить...

— Нѣтъ... Не стану улещать... Вы сейчасъ ѣдете?

— Не ваше дѣло...

— Да руку-то пожать вамъ можно?.. Кажется, надо проститься.

— Ну васъ... надоѣли!.. Прощайте... Ай!.. Что вы жмете-то такъ—больно... Все не по-людски... Обрадовались что Богъ силой не обидѣлъ...

Онъ вышелъ вслѣдъ за ней... Набросилъ на нее ротонду тибетскаго мѣха, только что вошедшаго тогда въ моду, и еще разъ полюбовался на ея черные глаза, черныя брови и алыя губы, казавшіяся еще красивѣе отъ его бѣлой и мягкой волны... Потомъ самъ живо надѣлъ шинель и шапку.

— А вы куда? остановилась она въ дверяхъ.

— Я вамъ сказалъ—ѣду тоже... Что-же мнѣ оставаться здѣсь?

— Скучать дома—лучше нешто?

— Нѣтъ, о васъ мечтать буду... А это вовсе не скучно.

— Знаемъ какъ вы мечтаете... Къ цыганкамъ, къ Яру... смѣялась она.

— Это еще что за московское развлеченіе!.. Мы это купцамъ предоставляемъ...

— Не знаю... А только я слыхала... смутилась она. Потомъ опомнилась... — Да, разумѣется, купцамъ; для вашего брата цыгане-то поди дорогоньки... Деньги у купцовъ только...

Тутъ пришла очередь сконфузиться князю... Онъ вышелъ за нею въ подъѣздъ.

— Погодите... Я сейчасъ распоряжусь чтобы позвали вашу карету.

Онъ ушелъ на минуту. Она съ удовольствіемъ подставила свѣжему холодному воздуху свое разгорѣвшееся лицо.

„Противный, противный и нахалъ!“ думала она. „А съ нимъ весело... Что кабы моему Васенькѣ такимъ быть!..“

„Князь“ Обнинъ-Коленскій подсадилъ Прасковью Яковлевну въ карету, крикнулъ Ефрему: „домой въ Рогожскую!“ и не успѣла Сластенова опомниться, какъ онъ вскочилъ за нею, сѣлъ рядомъ и захлопнулъ дверцы. Карета въ это время тронулась...

— Извините... Я и не спросилъ у васъ позволенія, небрежно проговорилъ онъ.—Вамъ ѣхать мимо меня. Вы меня подвезете домой.

— Я не привыкла ѣздить съ посторонними.

— Привыкнете! засмѣялся онъ. Ей казалось что и въ темнотѣ она видитъ его наглые красивые глаза, упорно глядящіе на нее. — Привыкнете... Это по вашему, по московскому, должно быть считается неприличнымъ?

— Вовсе нѣтъ... Да мнѣ, впрочемъ, все равно. — И она откинулась въ уголъ кареты.—Я устала и преспокойно спать буду.

Прасковья Яковлевна зажмурилась.

Обнинъ-Коленскій искренно расхохотался...

— Что вы? открыла она глаза.

— И вовсе вамъ не все равно... И спать вы не будете...

— Что-же я стану дѣлать? спросила она.

— Ждать! еще громче разсмѣялся онъ, уже не отрывая отъ нея своихъ совсѣмъ влюбленныхъ глазъ.

— Чего еще? робко, чуть слышно проговорила Прасковья Яковлевна и старалась больше прижаться въ уголъ кареты.

— Ждать и бояться.

— Какой вы... вырвалось у нея.—Мы не въ степи, слава Богу... Не въ разбойничьей шайкѣ.

— Хуже. Въ степи-бы вы закричали и карету остановили... А въ городѣ испугаетесь скандала. Скажутъ, вѣрно она поводъ подала князю. Не сумасшедшій-же онъ, чтобы ни съ того, ни сего...

Ей стало страшно... Сердце какъ испуганная птичка заколотило въ груди.

— Чтобы ни съ того, ни съ сего... и голосъ его дрог-

нулъ:—Ни съ того, съ ни сего—взять васъ вотъ такъ за руки...

— Оставьте, князь... оставьте... Слышите оставьте...

— Нѣтъ... Теперь не оставлю...

Она вдругъ почувствовала какъ онъ съ силой притянулъ ее къ себѣ, такъ что мѣховая ротонда сползла у нея съ плечъ и осталась въ углу... Она не успѣла еще опомниться, какъ въ потемкахъ кареты что-то обожгло ея открытыя плечи.

— Моя, да? Моя? слышался ей точно совсѣмъ не его голосъ.

Это „моя“ было и ласково и прямо къ сердцу просилось...

Она уперлась въ его грудь руками... Хотѣла его оттолкнуть отъ себя — но руки ея живо сами опустились и, сама не понимая какъ, Прасковья Яковлевна упала къ нему на грудь... Безцеремонно, даже не стѣсняясь больше, онъ взялъ ея голову, повернулъ къ себѣ, взглянулъ въ ея глаза въ упоръ, властно и увѣренно и впился горячими крупными губами въ ея губы... Сердце ея билось все тише и тише... Еще минута (она смутно поняла это)—еще минута—и онъ былъ-бы ея хозяиномъ, богомъ, а она стала-бы его рабою и исполнила-бы его предсказаніе, начала-бы молиться на него... Но къ счастію карета попала въ ухабъ и Прасковью Яковлевну сильно что-то дернуло въ сторону — губы ихъ разомкнулись... Его глаза ушли куда-то...

— Негодяй! крикнула она.

И опять послышался его тихій смѣхъ.

— Негодяй!.. Вонъ, вонъ сейчасъ!.. Вонъ отсюда! Остановите кучера!.. Слышите?

Собравъ послѣднія силы, она вырвалась, схватилась свободной рукой за ремень отъ окна и хотѣла опустить его. Князь отнялъ у нея ремень... Тогда сама не зная что̀ она дѣлаетъ — обнаженнымъ локтемъ она изо всей силы ударила въ толстое зеркальное стекло. Страшная боль почувствовалась ей въ одно мгновеніе съ рѣзкимъ звукомъ разлетѣвшагося въ куски окна...

— Помогите... Помогите! крикнула она.

— Помогите!.. уже вся дрожа, въ истерическомъ припадкѣ высунулась она въ окно.

Ефремъ разомъ остановилъ лошадей.

Князь отворилъ дверцу и быстро кинулся на улицу, на тротуаръ, тамъ живо поднялъ воротникъ шинели, юркнулъ въ какой-то переулокъ и чуть не бѣгомъ, стремительно понесся впередъ.

Кучеръ соскочилъ, подошелъ къ дверцамъ и ахнулъ.

Бѣлый атласъ платья былъ весь залитъ кровью... Кровь струилась изъ раненой руки Прасковьи Яковлевны. Локоть весь былъ оборванъ. Красныя пятна были и на бѣлой волнѣ тибетскаго мѣха...

— Матушка!.. Голубушка!.. струсилъ Ефремъ.

— Скорѣй домой... Домой скорѣй!.. хохотала она, и плакала, и билась, не замѣчая что рѣдкіе въ этотъ поздній часъ прохожіе сбѣгаются отовсюду къ ея каретѣ и съ тупымъ недоумѣніемъ смотрятъ на эту красивую, израненую женщину.

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть **Виктора Бибикова.**

I.

Двери растворились, и, по обѣимъ сторонамъ крыльца губернскаго окружнаго суда, сѣраго, громаднаго зданія, помѣщавшагося на обширной, пустынной площади, въ безпорядкѣ спускались посѣтители, шумно переговариваясь, дѣлясь только что полученными впечатлѣніями.

Слышались восклицанія: „Вотъ такъ соловей!.. Ловко отбрилъ прокурора, да!“ По временамъ раздавался смѣхъ, и на всѣхъ лицахъ сіяли улыбки.

Выходила публика послѣднихъ рядовъ: потертыя пальто мужчинъ, старомодныя шляпки дамъ; на извозчиковъ, столпившихся у подъѣзда и наперерывъ предлагавшихъ свои услуги, никто не обращалъ вниманія: толпа шла толпой, какъ сидѣла въ залѣ суда, и каждый прислушивался къ восклицаніямъ, вырывавшимся то здѣсь, то тамъ, находя въ этихъ восклицаніяхъ отзвукъ чувства еще не пережитаго, съ которымъ не хочется ни разстаться, ни уединиться.

Молодой человѣкъ въ коричневомъ длиннополомъ пальто и соломенной шляпѣ, проводивъ своихъ сосѣдей-по-скамьѣ до угла зданія, вернулся опять къ подъѣзду. Нѣсколько извозчиковъ, понявшихъ это возвращеніе по своему, чуть не въѣхали на тротуаръ, зазывая сѣдока, но молодой человѣкъ нетерпѣливо отмахнулся рукой и остановился у подъѣзда, вглядываясь въ посѣтителей, продолжавшихъ выходить изъ дверей суда.

Теперь выходила публика первыхъ рядовъ: изящно одѣтые мужчины, нарядныя, въ свѣтлыхъ лѣтнихъ платьяхъ, дамы. Слышались французскія фразы. Молодой человѣкъ узналъ нѣкоторыхъ: въ провинціальномъ городѣ, хотя-бы и большомъ, поневолѣ знаешь почти всѣхъ болѣе или менѣе замѣтныхъ обывателей.

Прошла губернаторша, еще не старая полная дама, въ шляпкѣ съ краснымъ перомъ, подъ руку съ младшимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ своего мужа. Она громко хвалила адвоката, преимущественно его манеру держать себя, и кавалеръ ея сочувственно улыбался. Прошелъ фельетонистъ и редакторъ единственной мѣстной газеты, всеобщій любимецъ, присяжный повѣренный Тюльпановъ. Онъ велъ подъ руку жену побѣжденнаго сегодня прокурора, красивую, статную блондинку. Ихъ окружала золотая молодежь города: два польскіе графа, адъютантъ кавалерійскаго полка, товарищъ прокурора, младшій совѣтникъ губернскаго правленія и золотушный сынъ перваго богача города. Тюльпановъ, должно быть, только что отпустилъ остроту; его спутники хохотали, а онъ самодовольно улыбался, раздувая ноздри и блестя живыми черными глазами.

Конечно, и они говорили о героѣ дня, петербургскомъ адвокатѣ Тарахтинѣ, чьего выхода ожидалъ молодой человѣкъ въ длиннополомъ пальто и, когда послѣдняя группа поравнялась съ нимъ, до его слуха донесся гнусливый голосъ фельетониста: „Штука не великая выиграть уголовное дѣло, нѣтъ, ты попробуй гражданское, тамъ краснорѣчіемъ не возьмешь!“ Но Тюльпанова перебилъ адъютантъ кавалерійскаго полка, высокій гусаръ съ толстыми рыжими усами, не спускавшій глазъ съ жены прокурора: „Въ тебѣ, Жоржъ, зависть говоритъ“.

Ожидавшій Тарахтина молодой человѣкъ, хотя и зачитывался воскресными фельетонами остроумнаго Жоржа, благодарно посмотрѣлъ на кавалериста: онъ успѣлъ уже влюбиться въ пріѣзжаго адвоката, относился къ его успѣху, какъ къ своему собственному, и ему былъ непріятенъ отзывъ Тюльпанова.

Но вотъ послѣднимъ прошелъ старикъ отставной генералъ, опираясь на руку своего лакея, широкоплечаго, откормленнаго тунеядца въ военной ливреѣ; молодой человѣкъ успѣлъ выкурить папиросу,—а того, кого онъ ждетъ, все нѣтъ Но Тарахтинъ долженъ скоро выйти. Молодой человѣкъ ждетъ не одинъ. Ждетъ адвоката и, нанятый имъ на время пребыванія въ городѣ, кучеръ Дмитрій, владѣлецъ фаэтона и пары темно-сѣрыхъ рысаковъ, чернобородый красавецъ съ румянымъ лицомъ.

У Дмитрія лучшія лошади въ городѣ, и хотя ожидающій молодой человѣкъ никогда не катался въ фаэтонѣ Дмитрія, но знаетъ его и знаетъ кого онъ ждетъ. Они уже и поговорили, Дмитрій даже куритъ тоненькую папиросу, предложенную молодымъ человѣкомъ, и снисходительно слушаетъ его разсказъ о побѣдѣ столичнаго адвоката.

Дмитрій привыкъ къ знаменитостямъ: его нанимали, когда въ городъ пріѣзжалъ какой-то иностранный принцъ, его-же нанимаютъ часто и театральныя звѣзды, являющіяся иногда на гастроли въ мѣстный театръ съ тѣмъ, чтобы „блеснуть, плѣнить и улетѣть“, и онъ помнитъ, какъ студенты выпрягали его лошадей, портили дорогую наборную сбрую и везли на себѣ ту или другую актрису, но онъ рѣшительно не въ силахъ понять, чѣмъ Тарахтинъ могъ плѣнить этого юношу настолько, чтобы ожидать его выхода съ такимъ нетерпѣніемъ.

— Мы стекломъ не закусываемъ и можемъ понять къ примѣру Сару Бернаръ: она хоть и жидовка и съ лица на выдру смахиваетъ, но тѣмъ не менѣе въ газетахъ писали, что у ее однихъ бриліантовъ тысячъ, можетъ, на пятьдесятъ есть. И всякому лестно. А Тарахтинъ, онъ баринъ добрый, кто говоритъ, но только, воля ваша, я бы его ожидать не сталъ.

И Дмитрій осторожно поправилъ возжей сдвинувшуюся сбрую у правой лошади.

— Вы меня не понимаете! съ досадой перебилъ молодой человѣкъ.—Вы знаете, когда онъ произнесъ свою вторую рѣчь, многія дамы плакали, одна даже въ обморокъ упала, и ее вынесли.

Дмитрій махнулъ рукой, его выразительное лицо говорило: „Знаемъ дамъ вашихъ!“ Но онъ не отвѣтилъ ни слова, нахму-

Необычный поклонникъ. Карт. Ф. Андреотти, грав. Крёперъ

рилъ брови и собралъ въ рукахъ возжи; кони нетерпѣливо застучали копытами, заскрипѣли колеса по гранитной мостовой, и фаэтонъ тронулся.

Съ крыльца спускался Тарахтинъ, и молодой человѣкъ впился въ него своими узкими голубыми глазами, которые даже заблестѣли отъ счастья видѣть такъ близко знаменитаго оратора. Все казалось ему необыкновеннымъ и въ наружности, и въ костюмѣ Тарахтина. Ему казалось, что онъ никогда не видалъ такой красивой сѣрой пуховой шляпы, какъ покрывавшая черные курчавые волосы адвоката; длинная, какъ плащъ, сѣрая крылатка, облекавшая высокую и представительную фигуру Тарахтина, казалась ему мантіей; о наружности и говорить нечего: несомнѣнно красивый, съ правильными чертами смуглаго энергичнаго лица, которое освѣщалось большими, умными сѣрыми глазами, Тарахтинъ еще въ судѣ казался ему воплощеніемъ идеала мужской красоты. Онъ такъ засмотрѣлся на адвоката, что забылъ дать ему дорогу, и Тарахтинъ невольно остановился, отвѣчая милостивой улыбкой на упорный взглядъ юноши, полный нѣмаго обожанія. Тарахтинъ сдѣлалъ шагъ въ сторону, чтобы обойти молодаго человѣка, но это ему не удалось: юноша уже опомнился, захотѣлъ дать дорогу, и они столкнулись; молодой человѣкъ забормоталъ извинительную фразу, но Тарахтинъ перебилъ его и, со словами, произнесенными ласковымъ голосомъ: „ничего, такъ часто бываетъ", направился къ фаэтону.

Звукъ его голоса и привѣтливая прощальная улыбка ободрили молодаго человѣка, онъ подбѣжалъ къ Тарахтину и заговорилъ, спѣша и волнуясь:

— Позвольте мнѣ выразить тотъ восторгъ, который... ваше краснорѣчіе... простите, что я, не будучи представленнымъ, позволяю себѣ говорить съ вами, но мнѣ хотѣлось, чтобы я... чтобы вы...

Молодой человѣкъ окончательно терялся, и Тарахтинъ пришелъ къ нему на помощь.

Держась уже одной рукой за подушку козелъ, онъ повернулъ къ молодому человѣку свое лицо и, сдерживая улыбку, порхавшую въ его глазахъ, сказалъ:

— Очень радъ, если я доставилъ вамъ нѣсколько пріятныхъ минутъ.

— Повѣрьте, господинъ Тарахтинъ, что я не могу выразить того чувства, того восхищенія, которое... Но, встрѣтясь съ насмѣшливымъ взглядомъ Дмитрія, прибавилъ скороговоркой:— Простите, что я васъ задерживаю и что не будучи знакомымъ я позволилъ себѣ...

Молодой человѣкъ опять не находилъ словъ и взялся за шляпу, чтобы раскланяться съ Тарахтинымъ, но адвокату понравился молодой человѣкъ и его смущеніе, онъ сказалъ:

— Напрасно вы извиняетесь, а познакомиться мы можемъ очень легко: мою фамилію вы знаете, позвольте узнать вашу...

И, снявъ перчатку, протянулъ молодому человѣку свою большую, широкую руку съ длинными пальцами.

Молодой человѣкъ, не помня себя отъ радости, крѣпко пожалъ руку Тарахтина и назвалъ себя. Его звали Ѳедоръ Васильевичъ Панченко.

— Вы студентъ? спросилъ Тарахтинъ.

— Да, студентъ, то-есть въ этомъ году я окончилъ университетскій курсъ.

— По юридическому факультету?

— Да.

— Кандидатомъ?

— Да, кандидатомъ, отвѣчалъ Панченко, позволивъ себѣ даже улыбнуться.

— Такъ вотъ что, Ѳедоръ Васильевичъ, душевно радъ знакомству съ вами, но мнѣ кажется, что мы съ бо̀льшимъ удобствомъ можемъ продолжать нашу бесѣду въ фаэтонѣ, если только вы никуда не спѣшите,—и, посмотрѣвъ на молодаго человѣка, онъ, не ожидая отвѣта, прибавилъ:—Прошу васъ, садитесь.

Они усѣлись. Дмитрій повернулъ лицо къ Тарахтину, ожидая приказаній. Тарахтинъ досталъ изъ кармана золотые открытые часы и сказалъ:

— Три часа, до обѣда времени еще довольно, не покатаемся-ли мы по городу, какъ вы думаете, Ѳедоръ Васильевичъ?

Но Ѳедоръ Васильевичъ ничего не думалъ, онъ съ одинаковымъ восхищеніемъ смотрѣлъ и на глазетовый поясъ Дмитрія, и на фонари коляски, сверкавшіе серебряной отдѣлкой, и на пушистый коверъ въ ногахъ, который онъ боялся запылить, и на вопросъ Тарахтина, послѣ нѣкотораго молчанія, избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ Дмитріемъ, отвѣтилъ:

— Какъ вамъ угодно, я никуда не спѣшу.

— Бульваромъ прикажете? спросилъ Дмитрій.

— Поѣзжай бульваромъ, если тебѣ хочется, отвѣтилъ Тарахтинъ, откидываясь на бархатную спинку фаэтона и окидывая своего сосѣда съ ногъ до головы зоркими, наблюдательными глазами.

II.

Они проѣхали длинный бульваръ, на который выходила гимназія, длинная, желтая, напоминившая Тарахтину Петербургскія казармы. Смущеніе молодаго человѣка проходило, онъ привыкъ уже и къ близости адвоката, и къ фаэтону Дмитрія. Когда они поравнялись съ гимназіей, Панченко нашелъ не лишнимъ сказать, что въ этой гимназіи онъ воспитывался и вышелъ изъ нея съ золотою медалью; что при гимназіи чудесный, тѣнистый паркъ съ прудомъ, на которомъ воспитанники зимой катаются на конькахъ; что въ городѣ еще три гимназіи, но это старѣйшая и самая аристократическая, куда принимаютъ со строгимъ выборомъ; а указывая на краснѣвшій изъ-за тополей университетъ, прибавилъ:

— А вотъ это наша alma mater!

Поощренный вопросами своего спутника и его вниманіемъ, онъ разсказалъ свою біографію, и Тарахтинъ узналъ, что Ѳедоръ Васильевичъ Панченко происходитъ изъ старинной малороссійской фамиліи, что его предокъ былъ кошевымъ при Богданѣ Хмѣльницкомъ, и что фамилію Панченка упоминаетъ Костомаровъ въ примѣчаніяхъ къ одной изъ своихъ монографій.

Тарахтинъ узналъ также, что молодой человѣкъ круглый сирота, но что у него есть небольшой капиталъ, въ десять тысячъ, въ полное владѣніе которымъ онъ вступитъ черезъ два мѣсяца по достиженіи совершеннолѣтія, черезъ два мѣсяца ему минетъ двадцать одинъ годъ. На службу въ судебную палату онъ поступать не хочетъ, считая себя неспособнымъ къ этого рода карьерѣ; ему хочется быть адвокатомъ; получитъ на-дняхъ бумаги изъ университета, запишется помощникомъ кого-нибудь изъ здѣшнихъ присяжныхъ повѣренныхъ и будетъ изучать уголовное право и его практику, чувствуя къ нему особое призваніе.

— Придется вѣроятно серьезно поработать, потому что, какъ вамъ извѣстно, университетъ даетъ только общее образованіе и дипломъ, съ которымъ мы являемся на службу совершенными профанами, заключилъ онъ свою рѣчь.

Тарахтинъ согласился съ нимъ, что, дѣйствительно, молодые люди оканчивающіе курсъ — малосвѣдущи въ практикѣ судопроизводства.

— Но усвоить эту практику можно только на практикѣ, сказалъ онъ, пріостановился, давая Панченко время для оцѣнки этого каламбура, и добавилъ:—Вы, конечно, согласитесь со мной, что университетскую аудиторію нельзя превратить въ пріемную адвоката, куда бы приходили кліенты, какъ приходятъ больные въ клинику; да и ни одинъ студентъ до окончанія курса навѣрно не знаетъ, кѣмъ онъ хочетъ быть: адвокатомъ, прокуроромъ или губернаторомъ. Взвѣсивъ мои соображенія, вы, надѣюсь, поумѣрите вашъ гнѣвъ, и я думаю согласитесь со мной. Заниматься же на первыхъ порахъ вамъ не придется совсѣмъ: знаніе будетъ приходить съ каждымъ новымъ кліентомъ.

Послѣ двухчасоваго катанья по городу, фаэтонъ остановился у французской гостинницы, лучшей въ городѣ; Тарахтинъ пригласилъ молодаго человѣка отобѣдать вмѣстѣ, и они поднялись по широкой лѣстницѣ, устланной краснымъ ковромъ и уставленной на площадкахъ цвѣтами и гипсовыми статуями. Адвокатъ занималъ въ бель-этажѣ три комнаты, меблированныя съ обычною трактирною претензіей: была въ первой комнатѣ бархатная мебель, стояло въ углу піанино, спускалась съ потолка ненужная люстра съ стеклянными подвѣсками, дребезжавшими отъ ѣзды по улицѣ; былъ въ кабинетѣ монументальный письменный столъ, обтянутый малиновымъ сукномъ, двѣ рѣзныя этажерки, на которыхъ валялись старые нумера мѣстныхъ газетъ; дверь въ третью комнату, спальню, Тарахтинъ притворилъ за собой, но тотчасъ позвалъ туда Панченко и сказалъ, что если молодой человѣкъ позволитъ, то онъ при немъ и переодѣнется, и умоется.

Молодой человѣкъ не безъ любопытства слѣдилъ, какъ Тарахтинъ снялъ фракъ и жилетъ и, оставшись въ бѣлой какъ снѣгъ рубашкѣ, умывался и обливалъ свою голову подъ краномъ механическаго умывальника. Умывшись, онъ долго вытиралъ голову мохнатымъ полотенцемъ, быстро причесался, дѣйствуя въ одно время и гребнемъ и щеткой, надѣлъ синюю австрійскую блузу и, подавивъ пуговку электрическаго звонка надъ кроватью, объявилъ, что теперь они могутъ и пообѣдать. Явился лакей. Онъ внимательно выслушалъ заказъ Тарахтина, сказалъ обычное: „слушаю-съ", но не ушелъ, а, переложивъ изъ-подъ одной руки въ другую салфетку, объявилъ, что Тарахтина ожидаетъ уже минутъ десять въ общей залѣ господинъ по дѣлу.

— Онъ сказалъ свою фамилію?

— Никакъ нѣтъ-съ. Зачѣмъ же-съ! лакей осклабился и спѣша отвѣтить Тарахтину, который смотрѣлъ на него недоумѣвая, сказалъ:—Ихъ всѣ и такъ знаютъ, они у насъ часто бываютъ, въ газетѣ работаютъ, господинъ Бронъ ихъ зовутъ. Просили доложить вамъ, какъ придете, по самому нужному дѣлу.

Вмѣшался Панченко.

— Бронъ—это наша городская знаменитость, Сергѣй Николаичъ; онъ и рецензентъ, и критикъ мѣстный, на пожарахъ всегда первый бываетъ, они съ Тюльпановымъ представители мѣстной литературы.

— Съ какимъ Тюльпановымъ? спросилъ Тарахтинъ.

— Неужели вы не знаете? изумился Панченко. — Да вѣдь

это извѣстный Тюльпановъ, Жоржъ, онъ же и Шиповникъ, это его псевдонимъ въ здѣшнемъ листкѣ.

— Не знаю, повторилъ Тарахтинъ.

Лакей съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и переглянулся съ Панченко.

Молодой человѣкъ продолжалъ:

— Онъ извѣстный фельетонистъ, разсказчикъ, на клубной сценѣ куплеты читаетъ, и Бронъ тоже читаетъ; первые скандалисты въ городѣ. Неужели вы не знаете? продолжалъ изумляться Панченко. — Вѣдь Тюльпановъ и присяжный повѣренный.

— Все-таки не знаю, возразилъ Тарахтинъ.—Въ каждомъ городѣ, другъ мой, есть непремѣнно свой присяжный повѣренный, онъ же по большей части и фельетонистъ; въ Россіи много городовъ и еще больше присяжныхъ повѣренныхъ, всѣхъ не узнаешь. Однако что же намъ дѣлать съ этимъ, какъ его... Брономъ? Надѣюсь, онъ пришелъ не съ тѣмъ, чтобы произвести здѣсь скандалъ или куплеты читать; что ему нужно?

— Зачѣмъ же-съ, какъ можно! сказалъ лакей.—Скандалить у насъ нельзя-съ. А они, надо полагать, отъ газеты, по дѣлу.

— Стало-быть онъ репортеръ? обращаясь къ Панченко, спросилъ Тарахтинъ.

— Да, разумѣется, репортеръ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, уже проникаясь презрѣніемъ къ Брону.—Хотя онъ пишетъ и передовыя статьи, и внутреннее обозрѣніе. Тюльпановъ можетъ только фельетоны.

— Проси, приказалъ Тарахтинъ, — да накрывай на столъ, живѣе, мнѣ ѣсть хочется.

Лакей исчезъ, и не прошло еще и одной минуты, какъ въ дверяхъ раздался троекратный стукъ согнутымъ пальцемъ.

— Войдите, пригласилъ Тарахтинъ.

Дверь распахнулась, и въ комнату быстрыми шагами вошелъ высокій худой человѣкъ, одѣтый съ ногъ до головы въ черное сукно. Онъ подъ мышкой держалъ мягкій кожаный портфель трубкой, въ лѣвой рукѣ, затянутой въ черную перчатку, былъ черный цилиндръ съ широкими полями, похожій на тѣ цилиндры, какіе рисовалъ Ѳедотовъ на факельщикахъ погребальныхъ процессій. Но цилиндръ Брома былъ совершенно новый, очевидно заказной. Непомѣрно высокій ростъ стѣснялъ Брона, онъ склонялъ плечи и склонялъ свою маленькую голову надъ тонкой и худой шеей, которую странно было видѣть въ широкомъ, отложномъ, чуть-ли не до ключицъ, воротникѣ его рубашки. Лицо у него было желтое, скорбно изогнутыя губы подъ рыжеватыми закуренными усами; его прическа съ косымъ проборомъ и свѣсившейся прядкой на лобъ, придавала его фигурѣ видъ унылый, и тѣмъ разительнѣе было выраженіе его глазъ, большихъ, рыжихъ, почти безъ рѣсницъ и безъ бровей; они смѣялись, эти глаза, неудержимо, и страненъ, и непріятенъ былъ ихъ блескъ.

Панченко сидѣлъ на диванѣ; Тарахтинъ приподнялся съ креселъ, сдѣлалъ два шага навстрѣчу гостю. Бронъ покачнулся на своихъ тонкихъ ногахъ, вытянулъ впередъ голову, точно стараясь освободиться отъ воротничка, потомъ закинулъ ее назадъ, какъ не выѣзженная лошадь, когда ей надѣли хомутъ, и заговорилъ громкимъ, гортаннымъ голосомъ, обнаруживавшимъ, несмотря на старательно и раздѣльно произносимыя слова, еврейское происхожденіе репортера.

— Имѣя счастье видѣть передъ собой Сергѣя Николаича Тарахтина, которымъ справедливо гордится наша адвокатура и наше русское общество, спѣшу выразить отъ лица редакціи городскаго листка, котораго являюсь представителемъ, отъ мѣстной интелигенціи и лично отъ себя, какъ отъ человѣка, благодарность за эстетическое наслажденіе, доставленное вашими художественно-ораторскими и глубоко прочувствованными рѣчами. Повторяю, эти чувства выражены мной отъ лица редакціи, отъ лица мѣстной интелигенціи и отъ собственнаго лица, какъ человѣка, въ которомъ пробудились лучшія чувства подъ неотразимымъ вліяніемъ вашего могучаго дарованія.

Бронъ говорилъ громко, слишкомъ громко для небольшой гостиной нумера; такимъ голосомъ говорятъ плохіе разсказчики на открытыхъ и клубныхъ сценахъ. Но несмотря на то, что тонъ, какимъ онъ произнесъ привѣтственную рѣчь, былъ въ высшей степени серьезенъ, его наглые глаза продолжали смѣяться по-прежнему; даже тогда, когда, выражая пробужденныя лучшія чувства отъ себя, какъ отъ человѣка, его голосъ увлажнился какъ-бы слезой, глаза все-таки смѣялись надъ Тарахтинымъ, надъ Панченкомъ, на котораго перебѣгалъ иногда безпокойный взглядъ Брона, надъ собственной рѣчью Брона, надъ нимъ самимъ.

Бронъ кончилъ, досталъ изъ кармана сюртука шелковый черный же платокъ и отеръ имъ вспотѣвшее лицо.

Не приглашая его садиться, Тарахтинъ спросилъ Брона такимъ тономъ, какъ будто онъ его только что увидѣлъ, а не слышалъ ни звука его голоса:

— Мнѣ доложили о вашемъ желаніи видѣть меня по дѣлу, прошу васъ объяснить, что привело васъ ко мнѣ.

Бронъ, не сводя смѣющихся глазъ съ Тарахтина, съ прилежнымъ вниманіемъ выслушалъ его вопросъ и, перехватывая лакейскимъ жестомъ трубку портфеля въ лѣвую руку, а локтемъ правой прижимая цилиндръ къ тощему боку, сказалъ:

— Совершенно вѣрно, я имѣю къ вамъ дѣло по газетѣ.

Онъ, не торопясь, разстегнулъ портфель, досталъ оттуда сѣрый корректурный листъ городскаго листка и продолжалъ тѣмъ же голосомъ, какимъ говорилъ вступительную рѣчь:

— Я нахожу, что каждое слово Тарахтина не должно пропадать для русскаго общества; я записалъ вашу рѣчь особымъ, мною изобрѣтеннымъ способомъ стенографической скорописи, но errare humanum est, я могъ ошибиться, невольно исказить ваши слова и потому покорнѣйше прошу, въ интереса печатнаго слова и всего читающаго русскаго общества, просмотрѣть корректуру и исправить замѣченныя погрѣшности.

Тарахтинъ взялъ протянутый ему газетный листъ и, попросивъ Брона подождать, ушелъ въ сосѣднюю комнату. Онъ скоро возвратился оттуда, держа въ рукахъ развернутый листъ съ пестрѣвшими кое-гдѣ рѣдкими помарками.

— Однако у васъ прекрасная память, сказалъ онъ Брону.— Петербургскіе стенографы часто искажаютъ цѣлыя фразы, а у васъ, сколько я могъ замѣтить послѣ бѣглаго просмотра, почти нѣтъ ошибокъ.

Онъ отдалъ газету Брону, которую тотъ аккуратно свернулъ и спряталъ въ портфель, окидывая жаднымъ взглядомъ предливанный столъ, накрытый бѣлоснѣжной скатертью, гдѣ лакей разставлялъ тарелки съ закусками и бутылки.

— Я бы пригласилъ васъ откушать съ собой, сказалъ Тарахтинъ,—но до поѣзда осталось часа три, не больше, а мнѣ нужно о многомъ побесѣдовать съ моимъ молодымъ другомъ, и я надѣюсь, вы простите меня.

— Охотно, продекламировалъ Бронъ,—вполнѣ понимаю и раздѣляю ваши намѣренія. Прошу со своей стороны прощенія за то, что обезпокоилъ васъ и отнялъ нѣсколько драгоцѣнныхъ, въ истинномъ значеніи этого слова, минутъ времени; прошу также вѣрить, что я унесу съ собой и сохраню въ благодарной памяти воспоминаніе объ этихъ нѣсколькихъ минутахъ, проведенныхъ мною въ обществѣ Тарахтина.

Глаза его неудержимо смѣялись, казалось, вотъ-вотъ сейчасъ Бронъ не выдержитъ и зальется злораднымъ хохотомъ, но ничуть не бывало, его лицо сохранило безстрастное выраженіе, онъ наклонилъ голову для поклона, потомъ опять вскинулъ ее, поднялъ плечи и вышелъ изъ нумера неторопливою, самоувѣренною походкой.

III.

Лакей, уже въ нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, бережно разливалъ дымившійся супъ по тарелкамъ.

Тарахтинъ развернулъ салфетку, сложенную епископскою шапкой на маленькой тарелочкѣ, задернулъ ея конецъ между второй и третьей пуговицей жилета и расправилъ ея складки на своей широкой, выпуклой груди.

— Не находите ли вы, почтеннѣйшій Ѳедоръ Васильевичъ, что бесѣда съ Брономъ подѣйствовала благотворнымъ образомъ на нашъ аппетитъ?

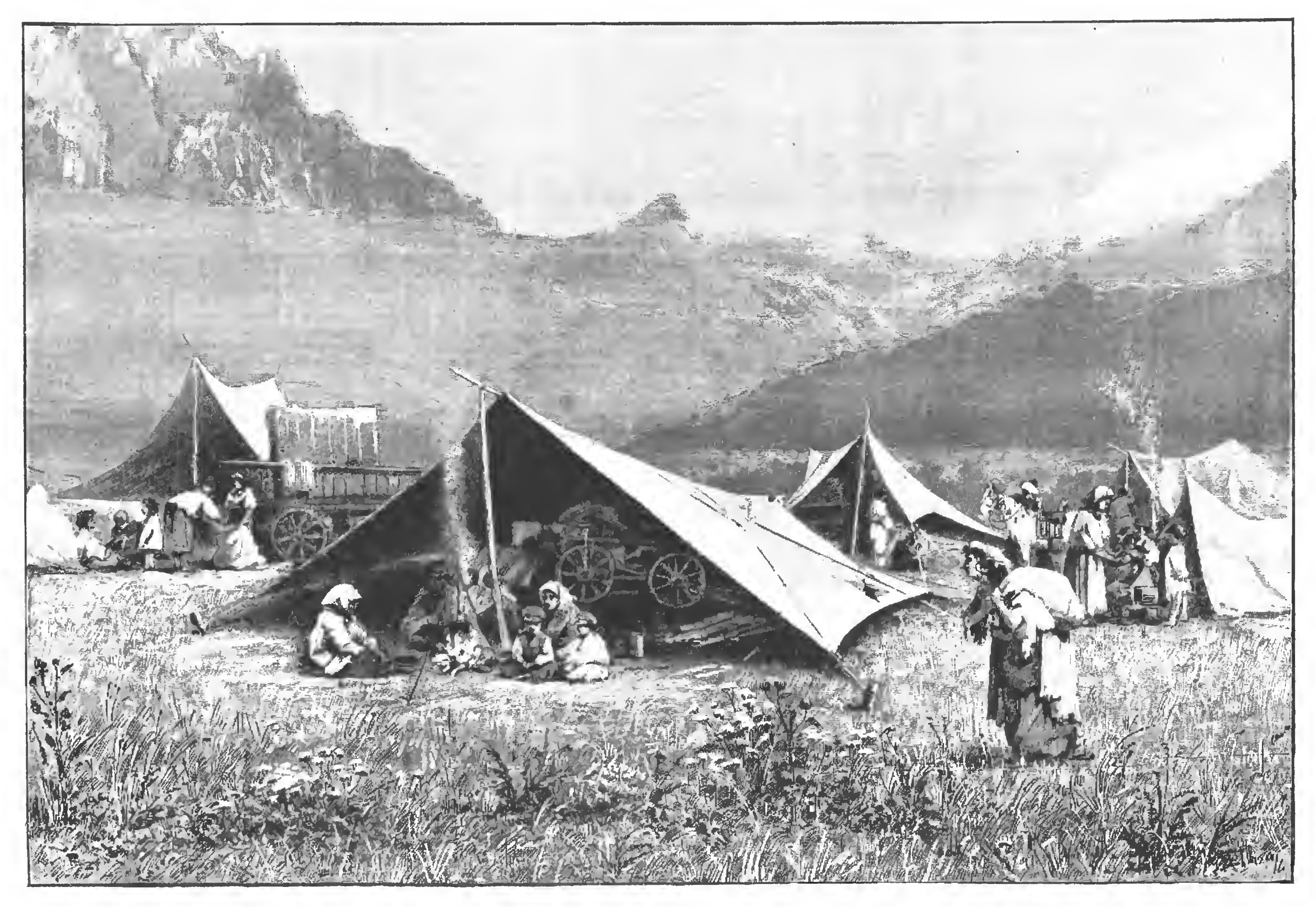
Панченко улыбнулся, онъ окончательно былъ покоренъ Тарахтинымъ, а сцена съ Брономъ еще болѣе усилила обаяніе адвоката.

Какъ ни какъ, а Бронъ въ городѣ считался особой, актеры заискивали въ немъ, его театральныя рецензіи всегда были пересыпаны цитатами изъ Ирвинга и Гервинуса, а критическія статьи выдержками изъ Сентъ-Бёва, Шопенгауэра и Бѣлинскаго, что придавало имъ ученый колоритъ; кромѣ того, какъ газетный рецензентъ, онъ сидѣлъ всегда въ первомъ ряду креселъ, стоялъ въ почетной группѣ во время военныхъ парадовъ у губернаторской палатки и, по общему приговору, считался образцовымъ чтецомъ и декламаторомъ Некрасовскихъ стихотвореній... И какъ же съ нимъ обошелся Тарахтинъ! Даже не подалъ ему руки, а Бронъ не посмѣлъ протянуть своей знаменитому адвокату... Не пригласилъ его садиться... Ничего не отвѣтилъ на его похвалы... Пожалуй, онъ точно такъ же бы обошелся и съ Тюльпановымъ? Навѣрно бы такъ же, отвѣтилъ на свой вопросъ Панченко и съ новымъ приливомъ восхищенія, пересилившимъ аппетитъ, посмотрѣлъ на Тарахтина.

— Однако, презабавный еврейчикъ этотъ вашъ Бронъ! сказалъ Тарахтинъ, читая на выразительномъ лицѣ молодаго человѣка его мысли, какъ въ открытой книгѣ.—И вы говорите, что онъ играетъ здѣсь нѣкоторую роль, этотъ представитель мѣстной интелигенціи? прибавилъ онъ, наливая въ рюмки зеленоватый доппель-кюммель.

— О да, подтвердилъ Панченко,—не только нѣкоторую, но даже и очень выдающуюся роль. На годовыхъ обѣдахъ въ клубѣ онъ говоритъ рѣчи. Когда городъ открывалъ новую больницу, онъ, по порученію Думы, говорилъ тоже рѣчь. Его остроты повторяются всѣми. Съ нимъ бывали такіе случаи, что просто трудно повѣрить: вотъ, напримѣръ, вы слыхали, что онъ сказалъ Сарѣ Бернаръ, когда она здѣсь была на гастроляхъ?

— Нѣтъ, ужь лучше не разсказывайте, я спровадилъ Брона,



Цыганскій таборъ на Кавказѣ. Ориг рис. (собств. „Нивы") Козачинскаго, грав въ мастерской „Нивы"

Прогулка римскаго патриція въ Помпейской гавани. Грав. Рожанскій.

чтобы остаться съ вами и говорить о васъ, а онъ тутъ невидимо присутствуетъ. Прекратимъ. Пейте-ка лучше вашъ кюммель, и совѣтую закусить вотъ этимъ сыромъ.

Они выпили по рюмкѣ кюммеля и принялись за супъ. Тарахтинъ ѣлъ не торопясь, въ перемежку съ супомъ прожевывая крупинки рокфора, посыпалъ зеленью супъ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на молодаго человѣка, который, съѣвъ всѣ положенные на его долю пирожки, уже успѣлъ уничтожить нѣсколько ломтей бѣлаго хлѣба. Послѣ супа Тарахтинъ розлилъ изъ большой бутылки мадеры, поданной съ прикрѣпленной къ ней серебряною ручкой, вино по стаканамъ, сдѣлалъ нѣсколько глотковъ, и когда Панченко опорожнилъ свой стаканъ, Тарахтинъ наполнилъ его вторично и сказалъ, вытирая усы салфеткой:—Я и не предполагалъ, что съ вами такъ пріятно обѣдать. Послушайте, началъ онъ снова:—вы говорили мнѣ, что хотите сдѣлать карьеру адвоката и даже на-дняхъ запишетесь въ помощники присяжнаго повѣреннаго; къ кому же вы запишетесь, ужъ не къ Тюльпанову-ли? и, не ожидая отвѣта, онъ продолжалъ:—Вы говорили мнѣ, что у васъ есть десять тысячъ, на эти деньги вы можете прожить даже и въ Петербургѣ, не нуждаясь до тѣхъ поръ, пока не станете на ноги. Скажите, неужели вы никогда не мечтали о столицѣ?

Онъ прихлебнулъ изъ стакана и подвинулъ молодому человѣку блюдо съ только что поданною рыбой.

— Конечно, мечталъ и постоянно мечтаю, не замѣчая его движенія отвѣтилъ Панченко,—но я думаю, что надо пройти школу здѣсь, въ провинціи, и потомъ уже, когда я буду опытнымъ адвокатомъ и присяжнымъ повѣреннымъ, переѣхать въ Петербургъ.

Тарахтинъ переложилъ большую часть рыбы въ тарелку молодаго человѣка; лакей подалъ поднось съ соусами, Панченко положилъ нѣсколько ложекъ перваго попавшагося, но не ѣлъ, а весь обратился въ слухъ, ожидая, что̀ еще скажетъ Тарахтинъ.

— Какую школу пройдете вы здѣсь? Чему можетъ научить васъ Тюльпановъ, навѣрно самъ спустя рукава относящійся къ своимъ обязанностямъ...

— О, да, перебилъ Панченко,—онъ часто пропускаетъ сроки, такъ что судъ постановляетъ заочныя рѣшенія.

— Ну, вотъ видите, вамъ это лучше меня извѣстно, но только теперь вы еще удивляетесь халатному отношенію Тюльпанова къ интересамъ своихъ довѣрителей, а привыкнете—перестанете удивляться и побѣжите по той же дорожкѣ. Скажу вамъ откровенно: вы произвели на меня выгодное впечатлѣніе, я васъ мало знаю, но за васъ говоритъ ваша молодость, въ ней же всѣ блага... Въ началѣ осени одному изъ моихъ помощниковъ исполнится пятилѣтіе, и онъ вступитъ въ число присяжныхъ повѣренныхъ Петербургскаго округа; освободившуюся вакансію я предлагаю вамъ, несмотря на то, что въ Петербургѣ много претендентовъ на эту вакансію и попасть ко мнѣ помощникомъ довольно трудно: я принимаю съ разборомъ. Но повторяю, вы мнѣ понравились, и мнѣ хочется вырвать васъ изъ провинціи, изъ той части русскаго общества, въ которой представляютъ интелигенцію Броны съ Тюльпановымъ. Подумайте, не спѣшите рѣшительнымъ отвѣтомъ, я его не требую, до осени осталось еще три мѣсяца, и вы можете отложить свой отвѣтъ до этого срока, а пока займитесь форелью и пожалуйста съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ вы истребляли супъ.

Панченко взялъ въ руки ножъ и вилку, но тотчасъ положилъ ихъ на тарелку.

— Конечно, я согласенъ, заговорилъ онъ, почему-то отстегнувъ салфетку и сжимая ее въ рукахъ,—я ужасно радъ, не знаю, какъ благодарить васъ и мнѣ не зачѣмъ думать три мѣсяца, я согласенъ сейчасъ, сію минуту... Это такое счастье быть вашимъ помощникомъ, не знаю, право, чѣмъ я заслужилъ...

Онъ поднялся съ дивана и черезъ столъ хотѣлъ обнять Тарахтина, рукавомъ задѣлъ бутылку мадеры, но Тарахтинъ, внимательно слѣдившій за молодымъ человѣкомъ, отставилъ бутылку въ сторону, подошелъ къ дивану, и они крѣпко обнялись и поцѣловались.

— Вотъ такъ лучше, сказалъ Тарахтинъ,—я уже подумалъ, не хотите-ли вы краснорѣчіемъ перещеголять Брона, пошутилъ онъ, вытирая послѣ поцѣлуя свои полныя и красивыя губы.—Значитъ, по рукамъ: вы мой помощникъ, и въ сентябрѣ вступите въ отправленіе вашихъ новыхъ обязанностей. Ѣшьте же вашу рыбу, а то она стынетъ отъ нетерпѣнія, и мы выпьемъ шампанскаго.

Лакей, не ожидая приказанія, рванулся къ дверямъ, но Тарахтинъ его удержалъ.

— Пожалуйста не морозить вина, принеси той же марки что я вчера пилъ, да захвати льду и мандариновъ.

Лакей побѣжалъ въ буфетъ. У Панченка, подъ вліяніемъ радости, аппетитъ пропалъ, рыбы вообще онъ не любилъ, и принуждалъ себя ѣсть изъ желанія угодить Тарахтину, но, встрѣтясь съ взглядомъ сѣрыхъ проницательныхъ глазъ своего будущаго патрона, смутился и покраснѣлъ.

— Бросьте рыбу, разъ она вамъ не нравится; я по петербургской привычкѣ заказалъ форель, тамъ теперь ея время, и забылъ, что она здѣсь привозная. Бросьте, повторилъ онъ, помогая Панченку,—намъ сейчасъ подадутъ мясо, а пока допивайте мадеру, она поддержитъ и укрѣпитъ вашъ аппетитъ.

Панченко съ удовольствіемъ послѣдовалъ предложенію Тарахтина; убѣдившись, что отъ адвоката не скроешься, онъ почувствовалъ себя гораздо свободнѣе и съ нескрываемымъ отвращеніемъ отодвинулъ отъ себя тарелку съ рыбой.

Тарахтинъ весело разсмѣялся.

IV.

Когда лакей розлилъ въ бокалы принесенное шампанское, Тарахтинъ ложкой положилъ въ каждый бокалъ равное количество кусочковъ льду и, чокаясь съ Панченкомъ, сказалъ:

— Выпьемъ за ваши будущіе успѣхи и за даму вашего сердца, о которой вы до сихъ поръ почему-то молчите.

Панченко съ радостнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на улыбавшагося адвоката и вскричалъ:

— Почемъ вы знаете?

— Ты можешь оставить насъ, сказалъ Тарахтинъ, обращаясь къ лакею:—позову, когда будетъ нужно.

— Вѣдь я вамъ ничего не говорилъ, почемъ вы знаете? повторилъ Панченко, продолжая изумляться.

Тарахтинъ расправилъ усы.

— Вы мнѣ не говорили, что вы не любите рыбу, однако...

— Да, дѣйствительно, я ее терпѣть не могу, не понимаю, что̀ въ ней находятъ, перебилъ Панченко.

— Ну, вотъ видите, а я вотъ и безъ вашего признанія догадался. Такъ же легко могу догадаться, мой юный другъ, что вы влюблены, и даже представляю себѣ до нѣкоторой степени царицу вашихъ думъ...

— Ну ужъ этого вы никакимъ образомъ себѣ представить не можете.—Панченко съ аппетитомъ ѣлъ ростбифъ и лукаво улыбался, какъ обладатель весьма интересной и ему одному извѣстной тайны.—Ну, скажите, какого цвѣта у нея волосы?

Тарахтинъ внимательно посмотрѣлъ на каштановые волосы Панченко, на его пушистыя, темныя брови и небольшую рыжеватую бородку и сказалъ:

— Разумѣется, она блондинка.

— Вотъ и не угадали, совсѣмъ не блондинка!

Панченко окончилъ ростбифъ и ожесточенно вытиралъ почти все лицо салфеткой, потомъ задумчиво посмотрѣлъ на еще неконченную бутылку шампанскаго.

Тарахтинъ наполнилъ его бокалъ и сказалъ, притворно вздыхая:

— Что̀ дѣлать, не угадалъ, но, вѣроятно, худенькая, невысокаго роста и когда смѣется—она вѣрно часто смѣется,—то показываетъ хотя и большіе, но бѣлые зубы.

— Не угадали, не угадали, повторялъ Панченко,—и не худенькая, и не блондинка, и смѣяться совсѣмъ не любитъ, и зубы не большіе, хотя, дѣйствительно, бѣлые.

— И такъ я разбитъ по всѣмъ пунктамъ, уступаю вамъ поле сраженія, но надѣюсь, что вы, какъ великодушный побѣдитель, смягчите мое пораженіе и разскажете мнѣ подробнѣе о вашей невѣстѣ, такъ такъ навѣрно избранница вашего сердца вмѣстѣ съ тѣмъ и ваша невѣста. Ея портретъ съ вами? вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ не со мной: я прежде носилъ его, но онъ, знаете, кабинетный, я его чуть не сломалъ. Онъ у меня стоитъ на письменномъ столѣ. Она, дѣйствительно, моя невѣста, то есть мы рѣшили это съ ней, я знакомъ съ ея отцомъ, но не дѣлалъ еще предложенія, она не хотѣла. А теперь, какъ только я получу всѣ бумаги изъ университета, поѣду къ ней въ деревню, познакомлюсь съ ея матерью—меня пригласилъ туда отецъ Вѣры—и тамъ сдѣлаю предложеніе.

— Не сомнѣваюсь, что оно будетъ принято, вставилъ Тарахтинъ.

— Почему вы такъ думаете? съ живостью спросилъ Панченко.

— Вы вполнѣ достойный молодой человѣкъ съ небольшими средствами, наконецъ у васъ есть будущее, вы производите, повторяю, своей особой пріятное впечатлѣніе, чѣмъ же вы не женихъ? Вотъ развѣ молодость! Зеленый вы очень. Впрочемъ, теперь опять начинаютъ привыкать къ раннимъ бракамъ. А кто родители вашей невѣсты?

— Отецъ—отставной полковникъ, участвовалъ во всѣхъ кампаніяхъ, начиная съ Севастопольской; у него много ранъ и вся грудь увѣшена орденами; ужасно добрый старикъ; ему-то я понравился. Вотъ не знаю только, какъ мать Вѣры. Вѣра про нее говорила, что она какая-то особенная женщина. Чего добраго, въ самомъ дѣлѣ, я покажусь ей очень молодымъ, или, какъ вы говорите, зеленымъ...

— А безъ согласія вы-бы не обошлись? О похищеніи изъ родительскаго дома не мечтали? Или въ нашъ прозаическій вѣкъ такія затѣи не приходятъ въ голову практическимъ молодымъ людямъ?

— Нѣтъ, отчего не приходятъ—приходятъ! Похитить можно, но только Вѣра очень любитъ свою мать, лучше бы получить согласіе...

— Ну, а васъ Вѣра любитъ?

— Разумѣется, вдругъ отвѣчалъ Панченко и сейчасъ же прибавилъ: — хотя, какъ вамъ сказать, Вѣра ужасно странная дѣвушка, ее не разберешь: то увѣряетъ, что она меня безумно любитъ, а иногда говоритъ, что боится испортить мою жизнь.

— Ну, это молодыя дѣвушки всегда говорятъ, сказалъ Тарахтинъ и прибавилъ, какъ будто невзначай: — А вы-то любите ее?

— Я! воскликнулъ Панченко. — Я! понижая голосъ, повторилъ онъ.

— Вижу, вижу, что любите, сказалъ Тарахтинъ, съ удовольствіемъ посмотрѣвъ на добрые голубые глаза молодаго человѣка, изъ которыхъ чуть не выступили слезы.

— Я, знаете, откровенно вамъ скажу: я мизинца Вѣры не стою, это такая дѣвушка... Да, впрочемъ, всего этого разсказать нельзя, ее надо увидѣть.

И Панченко смолкъ; охваченный приливомъ любви къ своей невѣстѣ, онъ безучастно смотрѣлъ теперь на Тарахтина.

— Она, вѣроятно, очень красива? спросилъ Тарахтинъ дружескимъ, мягкимъ голосомъ.

— Удивительно хороша! воскликнулъ Панченко и продолжалъ, волнуясь:—Представьте себѣ: высокій ростъ, стройная, лицо... Нѣтъ, этого не разсказать! Синіе глаза, черные волосы, маленькія уши, а если бы вы слышали, какъ она поетъ! Ей совѣтовали поступить въ консерваторію.

— Вы навѣрно получите согласіе и матушки вашей невѣсты, и отца, и пріѣдете къ намъ въ Петербургъ женатымъ, неожиданно для Панченка сказалъ Тарахтинъ.

— Отчего вы такъ думаете? удивляясь его заключенію, спросилъ молодой человѣкъ.

— Не думаю, мой милый, а увѣренъ: вы такъ сильно любите вашу невѣсту, что этой любовью къ ней покорите и ея матушку, какая бы тамъ она особенная женщина ни была. Завидую вамъ отъ души, вдругъ сказалъ онъ.

— Развѣ вы не женаты? спросилъ Панченко.

— Нѣтъ, не женатъ, да я не женитьбѣ вашей завидую, а молодости вашей, счастью вашему, чистотѣ и прелести вашего чувства, вотъ чему я завидую.

— Развѣ вы несчастливы? спросилъ Панченко и, желая смягчить, показавшійся ему неловкимъ вопросъ, прибавилъ:— вы съ вашей славой, съ такой наружностью, вы развѣ можете быть несчастливы?

— Другъ мой, я не жалуюсь и вы не соболѣзнуйте, игра въ разочарованіе мнѣ всегда была противна, но есть чувства, есть ощущенія, которымъ поневолѣ завидуешь.

— Развѣ вы не влюблены, то есть я хотѣлъ сказать, развѣ вы никогда не влюблялись? спросилъ молодой человѣкъ, ощущая невыразимое удовольствіе въ такой интимной бесѣдѣ съ знаменитымъ Тарахтинымъ и съ нетерпѣніемъ ожидая отвѣта.

Тарахтинъ позвалъ лакея, приказалъ убрать со стола и подать новую бутылку шампанскаго, очистилъ мандаринъ и, бросая его душистые ломтики въ свой бокалъ, предложилъ молодому человѣку послѣдовать его примѣру. А самъ подошелъ къ открытому окну, поднялъ бѣлую штору; въ комнату ворвалась струя свѣжаго воздуха, потянувшая и Панченка къ окну...

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

„Герой нашего времени", Лермонтова.

Знаменитый романъ Лермонтова, „Герой нашего времени", представляетъ собою геніально художественное произведеніе, въ смыслѣ формы почти совершенное. То, что онъ состоитъ изъ ряда какъ бы отдѣльныхъ повѣстей, связанныхъ между собою только главнымъ героемъ Печоринымъ, не только не нарушаетъ его единства, цѣлостности впечатлѣнія, но способствуетъ ему, усиливаетъ его. Каждою отдѣльною повѣстью Печоринъ ставится въ новое, своеобразное положеніе, окружается другими людьми и другою жизнью, и на новомъ фонѣ каждый разъ выдѣляются рѣзко и своеобразно новыя черты его характера, его свойства. И въ концѣ концовъ вся фигура героя, какъ живая стоитъ передъ читателемъ, раскрывая передъ нимъ самыя сокровенныя тайны своей душевной жизни. Вы узнаете Печорина съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ,—и въ его отношеніяхъ къ простому и доброму Максиму Максимовичу, и къ дикаркѣ Бэлѣ, и къ такъ-называемому „образованному" обществу, и къ таинственному будущему, къ „судьбѣ" (въ „Фаталистѣ"), и къ самому себѣ. Случайный пріемъ этотъ, который выбралъ Лермонтовъ для изображенія современнаго ему человѣка, далъ ему возможность съ необыкновенною силой развить свое знаніе человѣческой души, какъ оно проявилось въ тогдашнемъ поколѣніи. Съ меньшею, конечно, разносторонностью и глубиной, но съ той же яркостью и правдой изобразилъ Лермонтовъ и всѣхъ остальныхъ лицъ своего романа; всѣ они становятся знакомы вамъ близко и понятны. Съ какою простотой и въ то же время правдой схваченъ типическій характеръ Грушницкаго! Какъ трогательна бѣдная княжна Мери, послужившая игрушкой для печоринскаго безсердечія! Въ романѣ своемъ Лермонтовъ проявилъ всю силу своего великаго, геніальнаго поэтическаго творчества.

Художественное значеніе „Героя нашего времени", такимъ образомъ, совершенно ясно и опредѣленно. Но того же нельзя сказать объ общественномъ значеніи романа. Нравственный смыслъ того явленія, которое Лермонтовъ отразилъ въ Печоринѣ, не ясенъ читателю, ускользаетъ отъ него. И это настолько вѣрно, что и критика, въ теченіе долгаго періода времени послѣ того какъ романъ былъ написанъ, не нашла вѣрной и опредѣленной точки зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на Печорина. Подкупленные художественною красотой романа, не нашли критическаго, разумнаго отношенія къ герою и читатели; и въ беллетристической литературѣ того времени, когда романъ Лермонтова сталъ всѣмъ извѣстенъ, тянется длинный рядъ подражаній, причемъ Печоринъ является лицомъ „увлекательнымъ", настоящимъ героемъ. И въ обществѣ тогдашнемъ, естественно, вслѣдъ за литературою, появились подражатели Печорину, облекавшіеся въ таинственность, представлявшіе изъ себя людей томимыхъ таинственными страданіями, которыхъ не можетъ понять холодная толпа.

Были, конечно, и тогда простые люди, которыхъ здравый умъ и человѣчное сердце приводили къ отрицательному отношенію къ Печорину, къ осужденію его страшнаго эгоизма, ничѣмъ не оправдываемаго высокомѣрія, холодности, почти жестокости въ отношеніяхъ къ ближнимъ и пр. Но общее сужденіе было не таково. Даже тогдашній знаменитый критикъ Бѣлинскій принялъ Печорина подъ свою защиту и страстно нападалъ на осуждавшихъ его. Смыслъ его защиты заключался въ томъ, что Печоринъ не хуже другихъ, лицемѣрныхъ только, но не болѣе нравственныхъ людей; за то де онъ отличается необычайною искренностью, самоосужденіемъ, знаніемъ того, что въ немъ хорошо и что дурно, безпристрастнымъ анализомъ своихъ недостатковъ и полнымъ отсутствіемъ стремленія представить свои дурныя свойства въ хорошемъ свѣтѣ, въ качествѣ добродѣтелей, если возможно, какъ это обыкновенно дѣлается большинствомъ людей. Развитіе этихъ свойствъ въ Печоринѣ Лермонтовъ приписывалъ образованности, давшей герою такія преимущества надъ окружающими. Дѣйствительно, сильный умъ Печорина, развитый образованіемъ, имѣетъ подкупающую силу, и особенно долженъ былъ имѣть ее для Бѣлинскаго, страстнаго сторонника европейской образованности.

Увлеченіе Печоринымъ не могло долго удержаться, и критики позднѣйшіе отнеслись къ нему уже иначе. Нѣкоторые изъ нихъ зачислили Печорина въ число паразитовъ общественныхъ, людей безполезныхъ для общества, съ ихъ таинственными, никому не нужными страданіями внутри себя и зломъ внѣ, по отношенію къ окружающимъ. Аполлонъ Григорьевъ, этотъ поистинѣ великій критикъ періода послѣ Бѣлинскаго, высказалъ свое осужденіе Печорину и увлеченіямъ имъ въ болѣе опредѣленной и доказательной формѣ, хотя и въ нѣсколькихъ только словахъ. „Кто, спрашивалъ онъ, — въ настоящее время вѣритъ въ искренность Печорина, кто вѣритъ, что *хорошо*, въ высшемъ моральномъ смыслѣ, „высосать апельсинъ и бросить его" (какъ выразился Печоринъ по поводу своихъ отношеній къ людямъ),— кто вѣритъ въ величіе улыбки Печорина при смерти Бэлы, въ законность его обхожденія съ Максимомъ Максимычемъ,— кто способенъ сознаться въ раздѣлѣ этихъ мелочныхъ страданій весьма мелочнаго эгоизма? Надобно быть послѣдовательными, милостивые государи, продолжаетъ Григорьевъ, — надобно, вмѣстѣ съ исторіей сознаться, что „герой того времени" умеръ и не воскреснетъ болѣе, что демонъ который мучилъ поэта—не тотъ который мучитъ насъ!.." Аполлонъ Григорьевъ думалъ, что поколѣніе, котораго „грядущее иль пусто, иль темно", было позади его, въ прошломъ, что оно „состарѣлось подъ бременемъ познанья и сомнѣнья" и отошло въ вѣчность, не оставивъ послѣ себя ничего. Григорьевъ, такимъ образомъ, отрицаетъ личную нравственную высоту характера Печорина, въ то время какъ вышеупомянутые критики отмѣчаютъ его общественную непригодность. Тотъ ореолъ, которымъ окружили современники Печорина, исчезъ быстро и безвозвратно.

Въ указанныхъ выше двухъ діаметрально противоположныхъ воззрѣніяхъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, господствуетъ односторонность. То, что Печоринъ дѣйствительно умнѣе толпы и несравненно образованнѣе, съ дѣйствительно развитымъ самосознаніемъ, не исключаетъ, конечно, возможности отнестись съ суровымъ осужденіемъ къ его необыкновенному эгоизму и безсердечному отношенію къ ближнему. Наконецъ, самъ авторъ, рисуя наиболѣе образованнаго человѣка своего времени такимъ въ нравственномъ смыслѣ несовершеннымъ

существомъ, не долженъ-ли былъ прямо указать на отрицательныя стороны именно „образованности“ этой, быть можетъ неправильно направленной или ложной? Простое сопоставленіе „Героя нашего времени“ съ извѣстною „Думой“, въ которой поэтъ съ горечью высказалъ свое отрицательное отношеніе къ современному ему поколѣнію, какъ нельзя болѣе подтверждаетъ эту мысль. „Бремя познаній“, какъ съ полною опредѣленностью говоритъ поэтъ, т. е. именно лучшій результатъ образованности, кажется ему тѣсно связаннымъ съ „сомнѣніями“, и поколѣніе, обремененное этимъ „бременемъ познаній и сомнѣній“, представляется ему фатально осужденнымъ „въ бездѣйствіи состариться.“ По всему смыслу „Думы“, поколѣніе, на которое „печально“ смотритъ поэтъ, потому кажется ему такъ безплоднымъ, что „жизнь его томитъ, какъ ровный путь *безъ цѣли*“, что оно „*къ добру и злу постыдно равнодушно*“, т. е. лишено строгихъ и опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ; потому-то оно и вянетъ „безъ борьбы“ въ началѣ поприща, ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви и пр. „Образованность“ *Печоринская*, во имя которой Бѣлинскій такъ страстно защищалъ героя романа Лермонтова, какъ нужно думать, и была предметомъ критическаго отношенія поэта, и это обстоятельство ставитъ и критика, и современную ему публику, увлекавшуюся Печоринымъ, въ положеніе неудобное и фальшивое. Печоринъ — истинное олицетвореніе тѣхъ чертъ, которыя, такъ сказать, теоретически выражены въ „Думѣ“. Именно постыдное равнодушіе къ добру и злу только одно и могло приводить къ злымъ поступкамъ, совершаемымъ Печоринымъ при полномъ сознаніи ихъ гадости. Именно въ бездѣйствіи старѣется Печоринъ, волнуемый своими никому ненужными сомнѣніями, и не можетъ онъ не быть въ бездѣйствіи, потому что онъ ни во что не вѣритъ, ничему не видитъ цѣли, ни въ чемъ не находитъ смысла. Въ этомъ — его бѣда, противъ которой безсильно его искреннее и широкое самосознаніе, его образованность, да и само это безвѣріе дано ему именно этою „образованностью“, односторовнею и фальшивою. И слѣдовательно защищать Печорина во имя его образованности — трудъ неблагодарный. Необходимо прибавить, что, въ смыслѣ отрицательнаго отношенія къ направленію тогдашняго русскаго образованія, Лермонтовъ является продолжателемъ Пушкина, а его романъ—продолженіемъ „Евгенія Онѣгина“. Не даромъ даже всѣми внѣшними чертами, начиная именами героевъ (Онѣгинъ и Печоринъ — оба отъ близкихъ другъ къ другу сѣверныхъ рѣкъ, Онеги и Печоры) и кончая всѣми подробностями, романы Пушкина и Лермонтова такъ схожи. Но Лермонтовъ только съ большею силой отмѣтилъ явленіе, поставивъ въ положеніе Онѣгина — человѣка сухаго и злого, каковъ Печоринъ. И все значеніе зла выростаетъ въ романѣ Лермонтова, выставляется рѣзче, результаты его грубѣе и печальнѣе. Само собой разумѣется, Пушкинъ и Лермонтовъ противъ „постыднаго равнодушія къ добру и злу“, а не противъ образованія, чье-бы оно ни было, и лишь-бы оно было истинное образованіе, не приводящее къ столь печальнымъ результатамъ. Невозможно не замѣтить, что Лермонтовъ не безъ сочувствія относится къ своему герою; это сочувствіе объясняется тѣмъ, что, по его мнѣнію, все поколѣніе было жертвой недуга, олицетвореннаго въ Печоринѣ, и заслуживало сострраданія.

Но является вопросъ: неужели-же все поколѣніе того времени, когда созданъ былъ „Герой нашего времени“, дѣйствительно было „равнодушно къ добру и злу?“ Мы знаемъ, что тогда, напротивъ, возникало въ образованномъ обществѣ сильное идейное броженіе, готовились появиться Гоголь, Тургеневъ и весь рядъ крупныхъ дѣятелей, давшихъ Россіи великую литературу, были уже на сценѣ Бѣлинскій, Станкевичъ и пр. и пр. Слѣдовательно, суровый приговоръ Лермонтова, что „поколѣніе пройдетъ“ безъ слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда, является, если и оправданнымъ, то во всякомъ случаѣ не вполнѣ. И потому на его романъ и на его „Думу“ должно смотрѣть какъ на субъективный анализъ, разборъ фальшиваго русско-европейскаго направленія жизни, которымъ, однако, не исчерпывалось *все* содержаніе тогдашней и умственной, и общественной русской жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ и Лермонтовъ своими произведеніями дали понять фальшивыя стороны жизни и тѣмъ предохранили общество отъ безпрепятственнаго ихъ развитія въ немъ.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

На Волгѣ у Саратова. (Рис. на стр. 801).

Прилагаемый рисунокъ составляетъ pendant къ помѣщенному въ № 28 *Нивы*, на стр. 705. Тамъ изображена выгрузка хлѣбныхъ кулей съ барокъ на берегъ и доставка ихъ берегомъ къ дальнѣйшему назначенію; здѣсь же мы видимъ самыя барки, на которыхъ кипитъ работа по выгрузкѣ. Вдали на берегу склады.

Водопадъ Гирвасъ. (Рис. на стр. 804).

Мы уже касались олонецкихъ водопадовъ или, вѣрнѣе, пороговъ, при описаніи такъ-называемаго Поръ-порога (№ 25 *Нивы*). Характеръ изображеннаго на стр. 804 водопада Гирвасъ еще болѣе приближается къ типу стремнины; какъ видно на рисункѣ, русло въ нѣсколькихъ мѣстахъ пересѣкается грядами тѣхъ гранитныхъ валуновъ, которые во множествѣ разсѣяны по всей Финляндіи и сосѣдней съ нею Олонецкой губерніи. Вода, стремясь черезъ нихъ или обходя ихъ, дробится каскадами, представляя чрезвычайно красивое зрѣлище, напоминающее Иматру или Кивачъ въ миніатюрѣ. На каменистой почвѣ береговъ растетъ только хвоя и мохъ, что придаетъ нѣсколько суровый колоритъ общей картинѣ.

Кіевъ. Входъ въ ближнія пещеры.

(Рис. на стр. 805).

Нива неоднократно давала подробныя описанія Кіева и святынь его, послѣдній разъ въ тысячную годовщину Крещенія Руси. Помѣщая теперь изображеніе входа въ ближнія пещеры, мы напомнимъ лишь—со словъ извѣстнаго *Путешествія къ Святымъ мѣстамъ русскимъ*—о цѣломъ рядѣ подвижниковъ, нетлѣнныя мощи коихъ почіютъ подъ этими сводами *Ближними* эти пещеры, ведущія начало отъ преподобнаго Антонія, удалившагося сюда въ болѣе полное уединеніе, называются въ отличіе отъ первоначальнаго мѣстопребыванія его съ братіею, за которымъ установилось названіе *дальнихъ пещеръ*, связанныхъ съ именемъ другаго великаго сподвижника, сотрудника Антоніева, преподобнаго Ѳеодосія. Какъ извѣстно, тамъ первоначально ископалъ себѣ пещеру преподобный Антоній, основатель Кіево-Печерской обители, и провелъ въ ней 40 лѣтъ въ сообществѣ первыхъ двѣнадцати отшельниковъ, собравшихся въ его дальнія пещеры; но и это тихое сообщество тяготило жаждавшую болѣе глубокаго безмолвія душу его, дабы не нарушалась бесѣда его съ единымъ Богомъ, и вотъ преподобный удаляется изъ первоначальнаго пріюта на холмъ нынѣшнихъ ближнихъ пещеръ и проводитъ съ 12 лѣтъ въ новоископанной келліи. Здѣсь же находится и гробъ его. Отсюда разливалось по всей Руси духовное просвѣщеніе, наставленіе и всяческая помощь нуждавшимся. Въ прилежащей гробу преподобнаго Антонія подземной церкви, въ открытыхъ ракахъ почіютъ мощи исконавшихъ ее: постника *Іоанна* и *Прохора*, прозваннаго *Лебедникомъ*, отъ травы, которою онъ единственно питался и прокормилъ народъ въ годину голода. Въ другой подземной церкви, примыкающей къ келліи святаго, почиваютъ мощи преподобнаго *Варлаама*, перваго игумена дальнихъ пещеръ, постриженнаго Антоніемъ изъ именитыхъ бояръ кіевскихъ. Далѣе, идущимъ отъ гроба пр. Антонія первою представляется *Іуліанія*, княжна Ольшанская, уже въ позднѣйшіе вѣка обрѣтенная подъ великою церковью лавры и поставленная въ пещерахъ на мѣсто успокоенія святителя Михаила, перваго митрополита Кіевскаго, когда онъ былъ перенесенъ въ соборную церковь Успенскую. Потомъ, два мученика *Василій* и *Ѳеодоръ*, пострадавшіе отъ корыстолюбиваго и жестокаго кн. Мстислава (сына Святополкова), который сталъ требовать отъ нихъ сокровищъ варяжскихъ, будто бы открытыхъ ими въ пещерахъ, и даже собственноручно поразилъ Василія стрѣлою. Затѣмъ, одинъ изъ трехъ писателей Патерика Печерскаго, *Поликарпъ*, первый священноархимандритъ Печерской лавры, чрезъ котораго потомство узнало великіе подвиги смиренно почивающихъ съ нимъ отшельниковъ. Подлѣ священноархимандрита покоится пресвитеръ *Даміанъ*, цѣлебникъ, постриженникъ пр. Ѳеодосія. Въ тѣсномъ переходѣ налѣво отъ церкви пр. Варлаама почіютъ 4 угодника: *Никодимъ*, просфорникъ печерскій, тридцать лѣтъ подвизавшійся въ своемъ благочестивомъ трудѣ, затворники *Лаврентій* и *Аѳанасій*, и *Эразмъ*, добровольно пожертвовавшій все свое имущество храму Божіей Матери. По другую сторону входа въ храмъ пр. Варлаама находится гробъ *Луки*, эконома печерскаго, а недалеко отъ церкви, въ маломъ углубленіи, почиваютъ 4 отшельника: *Агапитъ*, врачъ безмездный, начавшій свой христолюбивый подвигъ еще при Антоніи и исцѣлившій самого Мономаха; два брата *Іоаннъ* и *Ѳеофилъ*, коихъ исторія связана съ житіемъ Святаго гробокопателя Марка и доступна разумѣнію лишь истинно вѣрующихъ; наконецъ, священномученикъ *Кукша*, просвѣтившій словомъ Евангельскимъ всю Вятскую страну и тамъ умерщвленный стрѣлами дикихъ. Среди многочисленныхъ подвижниковъ, открыто или въ затворѣ почивающихъ по сторонамъ тѣснаго перехода, выдаются имена *Нектарія* и *Алексія* затворника, *Григорія* иконописца, *Сергія* послушливаго, *Саввы*, *Св. Меркурія*, епископа Смоленскаго, прославленнаго чудесами на родинѣ, *Пимена* многоболѣзненнаго отъ самаго рожденія и до смертнаго часа, который, исцѣляя другихъ, самъ исцѣлился лишь предъ кончиной и обошелъ всѣ келліи, чтобы проститься съ братіею; неподалеку отъ Пимена покоится въ окованной серебромъ ракѣ преподобный *Несторъ* лѣтописецъ, которому обязаны мы знаніемъ первоначальныхъ судебъ нашей родины. Рядомъ съ

Эдипъ и Антигона. Мраморная группа Шрёдера. Грав. Веберъ.

лѣтописцемъ покоится мученикъ *Евстратій*, который былъ взятъ въ плѣнъ половцами при разореніи лавры ханомъ Боняксомъ и проданъ съ другими 50-ю иноками печерскими корсунскому еврею, поддержалъ ихъ всѣхъ въ истинной вѣрѣ и самъ принялъ крестную смерть за исповѣданіе имени Господа Іисуса Христа предъ своимъ мучителемъ. Далѣе два затворника: *Элладій* и *Іеремія* прозорливый, обличавшій сокровенные помыслы братій. Еще далѣе два мученика: *Моисей*, родомъ Угринъ (венгръ), любимый отрокъ Св. страстотерпца кн. Бориса, отведенный въ плѣнъ польскимъ королемъ Болеславомъ и тамъ претерпѣвшій величайшія истязанія отъ одной знатной польки за любовь свою къ цѣломудрію; и *Іоаннъ* многострадальный, вкопавшій себя въ землю по самую грудь для умерщвленія нечистой страсти. Затѣмъ, вышеупомянутый *Маркъ* пещерникъ (гробокопатель), которому, по свидѣтельству Патерика, повиновались мертвые, ибо для нихъ трудился преподобный всю свою жизнь, ископывая могилы усопшей братіи; и *Никола Святоша*, сынъ князя Черниговскаго, внукъ Ярослава Великаго, принимавшій на себя самыя трудныя послушанія монастырскія и долго бывшій вратаремъ Св. Лавры. Подлѣ князя-инока упокоился чудотворецъ *Григорій*, утопленный въ Днѣпрѣ своимъ родственникомъ, кн. Ростиславомъ, за то, что предсказалъ ему пораженіе отъ половцевъ. Въ узкомъ переходѣ, ведущемъ къ трапезѣ пр. Антонія, почіетъ *Св. Алипій*, иконописецъ печерскій, прославленный многими исцѣленіями и помощью свыше при писаніи имъ иконъ; рядомъ съ нимъ *Спиридонъ* просфорникъ печерскій, угасившій мантіею своею пламя въ загорѣвшейся храминѣ; персты нетлѣнной руки его сложены православнымъ перстосложеніемъ крестнаго знаменія, что̀ неоднократно приводило къ обращенію старообрядцевъ; черноризецъ *Арсеа*, возблагодарившій Господа при утратѣ всего имущества, и еще нѣсколько отшельниковъ, жизнеописанія коихъ нѣтъ въ Патерикѣ. Въ самой трапезѣ почіетъ *Нифонтъ*, епископъ Новгородскій, великій труженикъ, прозванный отъ современниковъ поборникомъ земли Русской, ибо былъ примирителемъ князей и народа, и непрестанно странствовалъ по родинѣ со словомъ правды или мира. По направленію отъ трапезы къ третьей подземной церкви, почиваютъ: *Св. Симонъ*, епископъ Суздальскій, вмѣстѣ съ Несторомъ трудившійся въ составленіи житій печерскихъ; исповѣдникъ *Онисифоръ*, *Никонъ*, третій игуменъ Печерскій. Далѣе *Ѳеофанъ* постникъ, *Макарій*, *Анастасій* діаконъ и *Авраамій* затворникъ, извѣстные лишь по именамъ. Преддверіе третьей подземной церкви, подлѣ Варлаамовой, заканчиваетъ кругъ малыхъ пещеръ. Здѣсь почіютъ мощи пр. *Исаакія*, *Никона Сухаго*, черноризца *Иліи*, прозваннаго *Муромцемъ* по мѣсту своего рожденія, и младенца *Іоанна*, сына варяга, убіеннаго идольскими жрецами еще до христіанства на Руси. Внутри же самой церкви покоятся: *Ефремъ*, епископъ Переяславскій, и *Титъ* пресвитеръ.

Необычный поклонникъ. (Рис. на стр. 809).

Земляки художника Андреотти, чью картину читатели найдутъ на стр. 809, говорятъ, что молодость — весна жизни. Въ эту счастливую пору весело и ясно смотрится на міръ, беззаботно бьется сердце и заставляетъ биться другія сердца. Подъ чарами невольнаго влеченія сближаются молодыя существа, не различая общественнаго положенія, сближаются только потому, что они молоды. Таковы дѣйствующія лица въ картинѣ Андреотти. Красивый горожанинъ и миловидная поселянка разговорились при случайной встрѣчѣ въ паркѣ: веселая улыбка свѣтится у обоихъ на лицахъ и незамѣтно бѣжитъ для нихъ время въ шутливой болтовнѣ...

Цыганскій таборъ на Кавказѣ. (Рис. на стр. 812).

Кто не встрѣчалъ на Руси великой цыганъ, бродящихъ вдоль и поперекъ по ея простору? Всѣ знаютъ ихъ смуглыя и бѣлозубыя лица, съ курчавыми, черными волосами и блестящими, хитрыми глазами. Праздные, лѣнивые, въ лохмотьяхъ, они скитаются съ одного мѣста на другое, останавливаясь на нѣсколько дней и раскидывая свои шатры или повозки. Превосходное описаніе цыганскаго табора оставилъ Пушкинъ въ своихъ „Цыганахъ“, которыхъ онъ могъ наблюдать, живя въ Бессарабіи, гдѣ ихъ еще нынѣ насчитываютъ до 12-ти тысячъ.

Какъ вольность, веселъ ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей:
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ утромъ въ путь недальній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,
И звонъ походной наковальни...

Прогулка римскаго патриція. (Рис. на стр. 813).

На раздольи небесъ свѣтитъ ярко луна,
И листки серебрятся оливъ,
Дикой воли полна
Заходила волна,
Жемчугомъ убирая заливъ...

Въ такую ночь римскій патрицій, на своемъ расписномъ суднѣ, находилъ отдыхъ отъ дневныхъ трудовъ въ моднымъ лѣтнемъ мѣстопребываніи — помпейскихъ окрестностяхъ.

„Эдипъ и Антигона“, мраморная группа Шредера. (Рис. на стр. 817).

Судьбы Эдипа и его преданной дочери были излюбленною темой драматическихъ произведеній древней Греціи. Софоклъ посвятилъ Эдипу и дѣтямъ его три драмы, Эсхилъ и Эврипидъ также писали на эту тему трагедіи, которыя однако не дошли до насъ. Миѳическій ѳиванскій царь, Эдипъ, невѣдомо себѣ убившій своего отца и женившійся на родной матери, въ міросозерцаніи древняго грека служилъ страшнымъ примѣромъ грознаго, неотвратимаго давленія судьбы, злаго рока. Узнавъ о совершенныхъ имъ, хотя и безсознательно, преступленіяхъ, Эдипъ выкалываетъ себѣ глаза и осуждаетъ себя на добровольное изгнаніе. Слѣпымъ, нищимъ старцемъ скитается онъ, водимый своею дочерью, Антигоною, изъ города въ городъ, и наконецъ приходитъ къ священной рощѣ Евменидъ въ Колонѣ, близъ Аѳинъ, гдѣ обрѣтаетъ душевный міръ и тихую кончину. Талантливый нѣмецкій скульпторъ изобразилъ его въ ту минуту, когда онъ какъ бы спрашиваетъ у дочери стихами Софокла:

Куда, скажи, слѣпаго старца чадо,
Въ какую область или градъ пришли мы?
Кто нынѣ встрѣтитъ скудною подачкой
Эдипа, безпріютнаго скитальца?

Обманутыя надежды. (Рис. на стр. 820).

Котята окружили клѣтку, которую кто-то чистилъ и, вѣроятно вызванный по дѣлу, второпяхъ поставилъ на полу, надѣясь скоро вернуться. Прыгающая по жердочкамъ канарейка сначала привлекла вниманіе кисанекъ какъ двигающаяся игрушка, а затѣмъ пробудила и кровожадные охотничьи инстинкты. Но добраться до нея оказалось трудненько, работали-работали кисаньки со всѣхъ сторонъ, наконецъ опрокинули клѣтку на-бокъ, отъ толчка растворилась дверца... Казалось, дѣло въ шляпѣ—но не тутъ-то было: канарейка выпорхнула и какъ бы смѣется надъ разочарованными хищниками...

А. И. Штакеншнейдеръ. (Портр. на стр. 821).

8 августа 1890 года исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины профессора архитектуры Андрея Ивановича Штакеншнейдера. Отецъ его имѣлъ въ арендѣ, въ 5-ти верстахъ отъ Гатчино, водяную мельницу на рѣкѣ Пудости, и тамъ, въ 1802 году, февраля 22, родился Андрей Ивановичъ, младшимъ сыномъ многочисленной семьи, и провелъ первые годы своего дѣтства. Двѣнадцати лѣтъ былъ онъ отданъ въ Академію Художествъ и, окончивъ въ ней курсъ со званіемъ архитектора, въ 1821 г. поступилъ на службу, сперва въ Комитетъ для строеній и гидравлическихъ работъ, а затѣмъ, въ 1825 г., въ коммисію построенія Исаакіевскаго собора, при архитекторѣ рисовальщикомъ, гдѣ и оставался до 1831 г. Около этого времени познакомился онъ съ генераломъ, впослѣдствіи графомъ, Бенкендорфомъ, который пригласилъ его въ свое имѣніе Фалль, близъ Ревеля, и поручилъ ему постройку дома и прочихъ зданій въ этомъ имѣніи, на освященіи коихъ присутствовалъ императоръ Николай Павловичъ. Бенкендорфъ представилъ государю молодаго художника, назвавъ его при этомъ творцемъ всего возведеннаго и чѣмъ восхищался государь. Николай Павловичъ обласкалъ А. И. Штакеншнейдера и тутъ же приказалъ князю П. М. Волконскому зачислить его придворнымъ архитекторомъ. Штатнаго мѣста при большомъ Дворѣ тотчасъ не оказалось, и только въ 1833 г. онъ былъ назначенъ архитекторомъ ко Двору Великаго Князя Михаила Павловича; первою постройкой его на этомъ мѣстѣ былъ домъ для садовника на Каменномъ островѣ, уцѣлѣвшій въ томъ же видѣ и понынѣ. Но и государь не забывалъ художника, и уже въ 1835 г. Штакеншнейдеръ перестроилъ на Знаменской дачѣ комнаты для императрицы Александры Ѳеодоровны, а въ 1837 г. выстроилъ въ Петергофѣ Николаевскій сельскій домикъ. Въ томъ же году ѣздилъ онъ за-границу и прожилъ около года въ Италіи, посѣтивъ также многіе большіе города Европы.

По возвращеніи въ Россію онъ продолжалъ свою художественную дѣятельность, и на перечисленіе всѣхъ его работъ здѣсь не достало бы мѣста. Назовемъ главныя. Въ Петербургѣ: Маріинскій дворецъ, у Синяго моста, гдѣ нынѣ помѣщается Государственный Совѣтъ, дворцы Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича, Государственный Совѣтъ и Комитетъ Министровъ въ старомъ Эрмитажѣ и тамъ же мраморная лѣстница и зала малаго Эрмитажа, часовня на

Николаевскомъ мосту; въ Петергофѣ: острова Ольгинъ, Царицынъ и Озерки, искусственныя развалины, церковь и бельведеръ на Бабигонскихъ высотахъ, мельница, сельскій домикъ, новая ферма. Въ Сергіевкѣ построилъ онъ дворецъ и мраморную церковь; въ Знаменкѣ — оранжереи; въ Стрѣльнѣ перестроилъ дворецъ. Оріанда, на южномъ берегу Крыма, нынѣ сгорѣвшая, построена по его проекту и подъ его руководствомъ.

Изъ частныхъ зданій построилъ онъ въ Петербургѣ домъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, что нынѣ дворецъ Вел. Кн. Сергѣя Александровича, и дачу на Крестовскомъ островѣ, а также домъ графа Кушелева у Симсоновскаго моста, нынѣ перестроенный; ему же принадлежитъ церковь у Сергіевскаго монастыря близъ Стрѣльны. Столовая зала въ Зимнемъ дворцѣ, устоявшая въ 1880 г. при злодѣйскомъ покушеніи ее взорвать, принадлежитъ также къ его работамъ.

Окончивъ постройки дворцовъ Вел. Кн. Николая и Михаила Николаевичей, А. И. Штакеншнейдеръ большихъ работъ больше не предпринималъ, разстроивъ многолѣтними трудами свое здоровье, и оставался лишь профессоромъ при Академіи Художествъ, а въ 1865 г. скончался, 63 лѣтъ, въ Москвѣ, проѣздомъ изъ Самарской губерніи, гдѣ лѣчился кумысомъ, на мызу свою, близъ Гатчины, гдѣ родился, но гдѣ не суждено ему было умереть.

Эта мыза—та самая Гатчинская мельница, что нѣкогда арендовалъ его отецъ и гдѣ, 5 ноября 1796 г., находился Великій Князь Павелъ Петровичъ съ супругой своею Маріей Ѳеодоровной, когда гонецъ изъ Петербуга явился доложить ему, что императрица Екатерина кончается. Будучи Великимъ Княземъ и живя въ Гатчинѣ, Павелъ Петровичъ часто пріѣзжалъ съ Великой Княгиней на мельницу и останавливался въ домѣ отца А. И. Штакеншнейдера. Въ его семействѣ еще цѣлъ диванъ, на которомъ государь любилъ отдыхать. Такъ и 5 ноября 1796 г. были они тамъ и за завтракомъ разсказывали знаменательные сны, которые снились имъ въ предшедшую ночь, будто невидимая сила ихъ возноситъ къ небу.

Воцарившись, Павелъ Петровичъ подарилъ мельницу съ домомъ и со всѣми угодьями ея арендатору.

Разныя извѣстія.

Военное и морское дѣло.

— На предстоящихъ, въ Высочайшемъ присутствіи, нарвско-красносельскихъ маневрахъ, команду маневрирующими корпусами Государю Императору благоугодно было возложить: западнымъ — на генералъ-адъютанта Манзея и восточнымъ — на генералъ-лейтенанта Данилова. Главнымъ посредникомъ Его Императорское Величество соизволилъ избрать Великаго Князя Владиміра Александровича.

Общее предположеніе для маневровъ войскъ красносельскаго, ямбургскаго и усть-ижорскаго лагерныхъ сборовъ въ 1890 году заключается, по сообщенію *Русск. Инв.*, въ слѣдующемъ. Западный корпусъ, высадившись въ Нарвскомъ заливѣ и базируясь на флотъ, наступаетъ съ цѣлью овладѣть Петербургомъ. Восточный корпусъ—прикрываетъ Петербургъ. Для достиженія поставленныхъ здѣсь цѣлей командующимъ корпусами предоставляется полная свобода маневрированія, причемъ только въ случаѣ ночныхъ дѣйствій имъ слѣдуетъ о томъ предупреждать главнаго посредника. Опредѣленіе первоначальнаго расположенія отрядовъ и условій обстановки, регулированіе общаго положенія, назначеніе времени для начала движеній и пріостановка суточнаго маневрированія, въ зависимости отъ успѣха дѣйствій сторонъ, входятъ въ кругъ обязанностей главнаго посредника. Дневка назначается послѣ двухдневнаго маневрированія. Общій отбой, для окончанія большихъ маневровъ, послѣдуетъ по особому о томъ Высочайшему повелѣнію.

— Какъ извѣстно, въ августѣ должны состояться морскіе маневры, планъ которыхъ уже утвержденъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Генералъ-Адмираломъ Алексѣемъ Александровичемъ. Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ, какъ сообщается въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ*, избралъ главнымъ судьею на маневрахъ вице-адмирала В. П. Шмидта, а посредниками капитановъ 1-го ранга К. Н. Назимова и К. К. Деливрона 1-го, изъ нихъ перваго на нападающую эскадру, втораго—на обороняющуюся.

— Въ Севастополь 27 іюля прибылъ броненосецъ „Синопъ“, на которомъ въ пути лопнула паропроводная труба. Черезъ три часа по выходѣ броненосцаго корабля „Синопъ“ изъ Одессы, при переводѣ пара изъ одного котла въ другой, переводная труба лопнула. Шесть нижнихъ чиновъ и мичманъ князь Хилковъ получили сильные обжоги и вскорѣ скончались въ пути; одиннадцать человѣкъ нижнихъ чиновъ, изъ нихъ четверо тяжело раненыхъ, сданы въ здѣшній госпиталь.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ послѣднее время получены довольно благопріятныя извѣстія о ходѣ мурманскихъ рыбныхъ промысловъ. Занимавшіеся ловомъ рыбы въ предѣлахъ Норвегіи, русскіе промышленники заработали тамъ за время весны отъ 35 до 70 руб. на каждаго ловца. Къ іюню мѣсяцу они возвратились въ свои становища на русскомъ мурманскомъ берегу. Остававшіеся же на Мурманѣ, въ становищахъ Вайдогубѣ, Териберкѣ и другихъ, промышленники на 102 промысловыхъ судахъ добыли за время весны по 10-е іюня: трески 25,384 п., пикшуя 5,499 пуд., палтусины 2,302 пуд. и зубатки 943 п., всего, по существовавшимъ тогда на мѣстѣ цѣнамъ, на сумму до 19,000 р. Для производства лѣтняго промысла, въ первыхъ числахъ минувшаго іюня, прибыли на Мурманъ крестьяне изъ Онежскаго и Кемскаго уѣздовъ. Уловы были удачны и наживки (мойвы и песчанки) оказалось достаточно. Въ настоящее время, по словамъ *Арх. Губ. Вѣд.*, отправляются въ Балтійскіе порты съ Мурманскаго берега нагруженныя рыбою суда поморовъ: шхуна „Поморъ-Василій“, принадлежащая крестьянину Сороцкой волости Н. Дудину, съ грузомъ въ 9,250 пудовъ, шхуна „Село-Ковда“ крестьянина М. Клементьева, съ грузомъ въ 11,580 пуд., корабль „Дагмара“ колониста А. Савина, съ грузомъ въ 16,000 п., шхуна „Св. Владиміръ“ крестьянина И. Кочина, съ 10,700 п., и корабль „Св. Іоаннъ“ сумскаго мѣщанина П. Демидова, съ грузомъ въ 16,400 пуд. Всего, такимъ образомъ, отправляется съ Мурмана въ Балтійскіе порты разной рыбы около 64 тыс. пудовъ.

— Городъ Елецъ, Орловской губерніи, служитъ центромъ тяготѣнія хлѣбныхъ грузовъ изъ восьми сосѣднихъ уѣздовъ губерній: Орловской, Воронежской и Тамбовской. Кромѣ того, этому городу и съ болѣе отдаленными мѣстностями приходится имѣть постоянную дѣловую связь по привозу и отвозу хлѣбныхъ товаровъ. Поэтому, какъ сообщается въ *Моск. Вѣд.*, къ Ельцу стекаются съ разныхъ мѣстъ точныя свѣдѣнія о результатахъ новаго урожая. Судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ за послѣдніе дни, общій урожай всѣхъ трехъ полосъ черноземнаго края Россіи оказывается значительно ниже, нежели ожидали при началѣ уборки. Двѣ недѣли жаровъ въ концѣ іюня и началѣ іюля, когда термометръ показывалъ до 45 и даже до 47 градусовъ выше нуля, на 20 и 25% понизили количество и качество урожая. Рожь вся вообще оказывается малоумолотною, особенно болѣе поздняго сѣва. Захватъ отразился на озимыхъ и яровыхъ пшеничныхъ сортахъ. Пшеница вся вообще и натурою и цвѣтомъ зерна значительно уступаетъ прошлогодней; ея поздній сѣвъ оказывается съ весьма незначительнымъ умолотомъ. Захвату подвергся и лучшій хлѣбъ въ настоящемъ году—овесъ. Овесъ далъ отъ 12 до 22 копенъ, по поздній сѣвъ, вмѣсто обычныхъ 12—13, даетъ только по 6—8 мѣръ изъ копны. Большая часть гречихи погибла; осенняя готова къ уборкѣ, но имѣетъ очень мало зерна; поздній сѣвъ ожилъ послѣ дождей и цвѣтетъ, но удовлетворительнаго урожая не обѣщаетъ.

Торговля.

— Въ настоящее время окончено сооруженіе въ Одессѣ элеватора юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ, на Тираспольской заставѣ. Одесскій элеваторъ является первымъ сооруженіемъ подобнаго рода на югѣ Россіи и представляетъ интересъ какъ въ техническомъ отношеніи, такъ и по тому коммерческому значенію, какое онъ долженъ имѣть для хлѣбной торговли. Сооруженіе юго-западныхъ дорогъ представляетъ собою собственно зернохранилище, съ элеваторами для подъема зерна.

— Въ нынѣшнемъ году въ Одессу будетъ доставлено столько чайныхъ грузовъ, сколько до сихъ поръ никогда не доставлялось. Кромѣ прибывшихъ уже четырехъ пароходовъ съ чаемъ, на которыхъ привезено около 400 тысячъ пудовъ чая, ожидается еще четыре парохода, такъ что въ общемъ количество чайныхъ грузовъ составитъ до 800,000 пудовъ. Изъ общаго количества чая, въ Одессѣ останется всего лишь 5 проц., т. е. около сорока тысячъ пудовъ, все же остальное будетъ отправлено въ Москву. Что касается качества чая, то въ нынѣшнемъ году онъ, по сообщенію *Новор. Телеф.*, несравненно лучше прошлогодняго, хотя на 20 проц. дороже.

Литература и наука.

— Помощники статсъ-секретаря Государственнаго Совѣта, баронъ Икскуль и Воеводскій, имѣли счастіе поднести Его Императорскому Величеству экземпляръ составленнаго ими труда „Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 12 іюня 1890 года и дополнительныя постановленія объ отдѣльныхъ отрасляхъ дѣятельности земства“. По всеподданнѣйшему о семъ докладу Командующаго Императорскою Главною Квартирою, генералъ-адъютанта Рихтера, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: „*благодарить*“.

— Недавно профессоръ Новороссійскаго университета А. О. Ковалевскій посѣтилъ гор. Севастополь, съ цѣлью организаціи тамъ біологической станціи. Въ настоящее время мѣсто для станціи, какъ сообщается въ *Крымск. Вѣстн.*, уже намѣчено на такъ называемомъ Павловскомъ мыскѣ. Зданіе станціи будетъ 3-хъ этажное: въ нижнемъ этажѣ будетъ помѣщаться акваріумъ и бассейны, въ среднемъ — лабораторія и рабочіе кабинеты съ акваріумами по неаполитанской системѣ; въ третьемъ этажѣ будетъ находиться библіотека, музей, квартира завѣдывающаго, и проч. Главнымъ фондомъ для постройки біологической станціи служитъ пожертвованный г-мъ Бодиско капиталъ въ 5,000 руб.; остальная же сумма для постройки собирается изъ частныхъ пожертвованій.

Городскія вѣсти.

— 1 августа, С.-Петербургскій Зоологическій садъ праздновалъ двадцатипятилѣтіе своего существованія. Этотъ садъ достаточно извѣстенъ жителямъ Петербурга, какъ одно изъ любимѣйшихъ увеселительныхъ мѣстъ, ежегодно привлекающее въ лѣтнее время массу публики. Тѣмъ не менѣе, С.-Петербургскій Зоологическій садъ отнюдь не имѣетъ характера исключительно увеселительнаго заведенія. Въ немъ сосредоточена огромная коллекція раз-

Обманутыя надежды. Рис. Нейкье, грав. Неппръ.

личныхъ видовъ звѣрей, птицъ, пресмыкающихся и земноводныхъ, приносящая не малую пользу распространеніемъ свѣдѣній по естествознанію. Дирекція сада всегда прилагала старанія, чтобы сохранить за нимъ, главнымъ образомъ, его образовательное значеніе, и не жалѣла издержекъ на возобновленіе и увеличеніе коллекцій, постоянно знакомя публику съ новыми видами животныхъ.

Политическое обозрѣніе.

„За послѣднія пять лѣтъ всеобщее политическое положеніе вещей никогда не представляло такъ мало интереса, какъ въ настоящее время. Причиной того является установившееся повсюду миролюбивое настроеніе. Всѣ народы искренне желаютъ мира и заботятся объ его сохраненіи“. Такую характеристику переживаемаго времени сдѣлалъ 25 іюля маркизъ Солсбери въ Меншенъ-гаузѣ, на традиціонномъ банкетѣ, который ежегодно даетъ министрамъ лордъ-мэръ Лондона, наканунѣ окончанія парламентской сессіи.

Въ это безъинтересное по своему спокойствію время самымъ выдающимся событіемъ надо признать недавнее посѣщеніе Германскимъ императоромъ Англіи и его настоящую поѣздку въ Россію. Путешествія эти предприняты, по словамъ нѣкоторыхъ заграничныхъ газетъ, съ тою же цѣлью — отнимающею интересъ у событій, по словамъ Солсбери — съ цѣлью поддержанія мира. По крайней мѣрѣ брюссельскимъ газетамъ сообщаютъ изъ официознаго, повидимому, источника, будто на фамильномъ обѣдѣ въ Остенде императоръ Вильгельмъ сказалъ королю Леопольду, что европейскій миръ обезпеченъ на много лѣтъ. „Пока я буду царствовать — присовокупилъ, будто бы, буквально императоръ—до тѣхъ поръ я буду непрестанно трудиться надъ дѣломъ сохраненія мира“. Далѣе, помѣщенное въ правительственныхъ бельгійскихъ газетахъ офиціозное сообщеніе утверждаетъ, что императоръ Вильгельмъ, желая мира, полагаетъ, что миръ долженъ быть обезпеченъ уваженіемъ правъ всѣхъ и что это должно быть политикою всѣхъ государей.

Поѣздка въ Англію не была лишена той же подкладки, и нѣкоторые полагаютъ, что была сдѣлана попытка привлечь Великобританію къ тройственному союзу. Относительно послѣдняго обстоятельства брюссельскій *Nord*, обсуждая посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ королевы Викторіи въ Осборнѣ, говоритъ, что можно допустить возможность тѣсной дружбы между Англіей и Германіей, но нельзя вѣрить ни существованію англо-германскаго договора, ни присоединенію Англіи къ тройственному союзу, такъ какъ это было бы противно всѣмъ британскимъ традиціямъ. Съ этою оговоркою, англо-германскую дружбу можно де признать за благо и за гарантію мира.

Поѣздка въ Россію императора Германіи, въ сопровожденіи блестящей свиты и имперскаго канцлера, вызвала не мало оживленныхъ и разнорѣчивыхъ толковъ, особливо въ Австро-Венгріи. „Посѣщеніе императоромъ Вильгельмомъ Россіи, пишутъ въ *Pester Lloyd*, имѣетъ во всякомъ случаѣ выдающееся значеніе и ему далеко нельзя приписывать чисто личный характеръ; но было бы пустою болтовнею утверждать, что предстоящее свиданіе поведетъ къ важнымъ соглашеніямъ и откроетъ европейской политикѣ новыя перспективы. Одно не подлежитъ сомнѣнію, а именно, что въ тройственномъ союзѣ никакихъ перемѣнъ не произойдетъ. Если удастся укрѣпить Россію въ ея миролюбивыхъ намѣреніяхъ, то тѣмъ лучше, но оплотъ мира, воздвигнутый союзомъ, независимъ отъ какихъ бы то ни было явленій текущей политики“.

На пути изъ Англіи въ Германію императоръ Вильгельмъ побывалъ на Гельголандѣ, только что присоединенномъ къ имперіи. На островъ новый повелитель его прибылъ 29 іюля и былъ встрѣченъ министромъ, статсъ-секретаремъ Беттихеромъ, который прибылъ еще въ субботу на военномъ суднѣ для принятія острова во владѣніе Германіи, властями, многочисленною пріѣзжею публикою и туземнымъ населеніемъ. Послѣднее восторженно привѣтствовало своего новаго властителя. Затѣмъ, на открытомъ полѣ, въ присутствіи властей, экипажа германскихъ военныхъ судовъ и народа, происходило богослуженіе, по окончаніи котораго и послѣ краткой рѣчи императора былъ поднятъ на островѣ германскій флагъ и отсалютованъ всѣми стоящими на рейдѣ военными судами. Пропустивъ мимо себя флотскіе экипажи, императоръ принялъ поднесенный ему гельголандцами всеподданнѣйшій адресъ. Между прочимъ, при раздачѣ пароля германскимъ морскимъ войскамъ на Гельголандѣ, императоръ Вильгельмъ произнесъ рѣчь, въ которой помянулъ день боя подъ Вертомъ, когда родитель его сдѣлалъ первый ударъ молоткомъ при закладкѣ Германской имперіи. Затѣмъ императоръ указалъ на то, что онъ безъ борьбы и кровопролитія присоединяетъ къ отечеству послѣдній участокъ германской земли — островъ Гельголандъ. Призваніе этого острова—прибавилъ императоръ—стать оплотомъ для германскихъ рыболововъ, охраннымъ пунктомъ для Германскаго флота и твердынею Нѣмецкаго моря. За даннымъ вслѣдъ за тѣмъ завтракомъ императоръ высказалъ ту мысль, что еще въ 1873 г., посѣтивъ Гельголандъ, онъ выразилъ надежду, что островъ этотъ станетъ германскимъ. „Мнѣ хочется — сказалъ императоръ— выпить этотъ бокалъ за королеву Викторію, которой мы обязаны тѣмъ, что Гельголандъ снова сдѣлался германскимъ. Съ высокою мудростью и дальновидностью правитъ королева своей страной и придаетъ большую цѣну дружбѣ со мною и моимъ народомъ“. Слова эти императоръ заключилъ возгласомъ „Hoch“ въ честь королевы. Послѣ угощенія со стороны населенія, нѣмецкіе моряки опять отправились на свои суда, и въ четвертомъ часу пополудни императоръ Вильгельмъ отбылъ въ Вильгельмсгафенъ.

Андрей Ивановичъ Штакеншнейдеръ, проф. архитектуры. (По поводу 25-лѣтія со дня кончины.) Съ фот. грав. Шюблеръ.

Наканунѣ, 28 іюля, въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатанъ императорскій указъ, коимъ постановляется, что островъ Гельголандъ, до регулированія, согласно конституціи, его положенія, будетъ управляться имперскимъ канцлеромъ отъ имени императора на основаніи дѣйствующихъ законовъ, причемъ будетъ принята во вниманіе существующая административная организація.

Имперскій канцлеръ объявляетъ, что управленіе портомъ и техническими морскими сооруженіями острова Гельголанда возложено на капитана Гейзе, которому присвоенъ титулъ губернатора, управленіе же гражданскими и судебными дѣлами поручено тайному совѣтнику Вермуту, которому присвоенъ титулъ имперскаго коммисара.

Это новое пріобрѣтеніе, однако, не всѣхъ приводитъ въ восторгъ и умиленіе. Такъ напримѣръ, *Kölnische Zeitung* замѣчаетъ: „Намъ, нѣмцамъ, трудно будетъ забыть о жертвахъ, которыя пришлось принести въ обмѣнъ Гельголанда! But it is done, all words are idle“ (Но это сдѣлано и слова дѣлу не помогутъ).

Библіографія.

Регель, Э. Содержаніе и воспитаніе растеній въ комнатахъ Ч. II. В. II. Изд. 2-е. К. Риккера. СПБ. 1890. 8°.

Настоящій трудъ г. Регеля предназначенъ главнымъ образомъ для любителей комнатнаго садоводства. Комнатному садоводству отведена полностью вся первая часть вышеупомянутаго сочиненія, а часть вторая содержитъ описаніе и культуру растеній годныхъ для комнатъ и домашнихъ оранжерей. Книга снабжена множествомъ рисунковъ и указателями для справокъ.

Сапуновъ, А. Двинскіе или Борисовы камни. Витебскъ. 1890. 8°.

Извѣстный знатокъ Бѣлорусскаго края и его древностей, г. Сапуновъ издалъ свой новый, крайне интересный, трудъ о Двинскихъ камняхъ. Эти замѣчательные памятники Полоцкой старины не разъ уже обращали на себя вниманіе ученыхъ; еще въ XVI вѣкѣ польскій историкъ Стрыйковскій писалъ о нихъ, но всѣ свѣдѣнія о надписяхъ на этихъ камняхъ были передаваемы весьма неточно. Г. Сапуновъ даетъ подробное и точное описаніе этихъ надписей, вполнѣ доказывающихъ, что Бѣлоруссія—страна издревле русская и православная. Книга снабжена многими снимками и издана мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ.

Народная библіотека. Прохожій. Святочный разсказъ Д. В. Григоровича. СПБ. 1890. 8°.

Издателю сочиненій Григоровича книгопродавцу Мартынову пришла благая мысль, издать каждое сочиненіе отдѣльно и слѣдовательно сдѣлать ихъ доступными для большинства небогатыхъ читателей. Только что вышедшій разсказъ „Прохожій" удостоенъ Комитетомъ Грамотности большой золотой медали имени Погоскаго, изданъ весьма изящно, украшенъ портретомъ автора и снабженъ предисловіемъ.

Электрическіе звонки. СПБ. 1890. 8°.

Эта брошюра весьма полезна для желающихъ устроить домашними средствами электрическіе звонки въ квартирѣ. Кромѣ подробныхъ свѣдѣній, съ рисунками. объ устройствѣ звонка и его деталей, составитель книги даетъ адреса, гдѣ можно достать лучшіе матеріалы. Издана брошюра изящно и по цѣнѣ доступна.

Смѣсь.

Наполеонъ I отличался большою впечатлительностью во всемъ, что касалось его лично. 9 октября 1807 г. былъ при дворѣ большой концертъ и балъ. Ожидали самого императора. Онъ дѣйствительно пріѣхалъ въ назначенный часъ, занялъ приготовленное ему мѣсто и развернулъ программу. Затѣмъ, тотчасъ подозвалъ маршала Дюрока и шепнулъ ему нѣсколько словъ на ухо. Маршалъ направился черезъ всю залу къ секретарю императорскихъ концертовъ Грегуару, на обязанности котораго лежало составленіе программъ, и сказалъ ему тономъ упрека: „г. Грегуаръ, его величество приказалъ мнѣ замѣтить вамъ, чтобы вы воздержались на будущее время отъ остротъ въ вашихъ программахъ".

Бѣдный секретарь былъ пораженъ и не могъ понять, что̀ означалъ выговоръ.

По окончаніи концерта и бала, императоръ уѣхалъ и оставилъ листокъ на своемъ креслѣ. Грегуаръ бросился къ программѣ, перечиталъ ее нѣсколько разъ, но не могъ понять, что̀ именно послужило поводомъ къ упреку. Тогда Дюрокъ далъ ключъ къ загадкѣ, указавъ на заголовокъ афиши. Она начиналась словами: „Музыка императора", и подъ ними, вмѣсто обыкновенной черты, Грегуару пришло въ голову поставить рядъ точекъ, которыя постепенно увеличивались и затѣмъ снова уменьшались, такимъ образомъ:

• • • ● ● ⬤ ⬤ ● ● • • •

Могло-ли кому-нибудь придти въ голову, что императоръ увидитъ въ этомъ невинномъ украшеніи намекъ на свое прошедшее, будущее и настоящее?

Время показало, что звѣзда Наполеона дѣйствительно все уменьшалась, пока не померкла совсѣмъ. Но неужели и тогда уже предчувствіе подсказывало великому человѣку, что̀ именно готовитъ ему судьба? Удивительная впечатлительность его въ этомъ случаѣ невольно заставляетъ остановиться на такомъ предположеніи. (с.)

Заговоръ „на загодування" своихъ пчелъ и „отвращенія отъ своихъ пчелъ чужихъ" сообщаетъ въ своихъ бѣглыхъ замѣткахъ малороссійскій этнографъ, г. Эварницкій. Этотъ заговоръ слышалъ онъ отъ одного 15-ти-лѣтняго пасѣчника с. Китовки, Екатеринославской губерніи. Настоящій пасѣчникъ, по словамъ „дида", дѣлаетъ свое дѣло не спроста; первая и важнѣйшая задача его — какъ удержать рои въ собственной пасѣкѣ. Для этого берутся мѣры еще въ то время, когда пчѐлы вывозятся въ степь, впервые послѣ зимы. Пасѣчникъ укладываетъ ульи на гарбу, т. е. длинную, большую безъ лубковъ по бокамъ повозку, беретъ съ собой икону преподобныхъ чудотворцевъ соловецкихъ Зосимы и Савватія и отправляется въ извѣстное, заранѣе облюбованное мѣсто, обыкновенно гдѣ нибудь среди лѣса, въ глубокой балкѣ или среди поля въ густомъ кустарникѣ. По пріѣздѣ на мѣсто, пасѣчникъ, прежде всего, ставитъ среди пасѣки въ особомъ деревянномъ, набитомъ на высокую палку, кіотѣ икону преподобныхъ, затѣмъ вынимаетъ изъ гарбы деревянный шкворень, кладетъ его на землю подъ кіотомъ иконы и приговариваетъ: „Уже якъ сему древу сворню на нии не стояти, гиллёмъ (вѣтвями) не шумити, листомъ не зеленити, такъ зъ моеи пасиці моимъ роямъ до трехъ сутокъ изъ вихи (вѣжки) никуды не летити, чужихъ пасикъ, бартей и вулливъ не шукати, а мене господаря дожидати; я васъ, рой мой, буду у пчельный горнъ собирати; принесите, пчелы, воскъ Господеви на свичу, медъ на пищу". Только послѣ этого пасѣчникъ ставитъ привезенные ульи по мѣстамъ и устраиваетъ для себя курень. Пчеламъ всякой пасѣки могутъ вредить чужія: послѣднихъ напускаетъ какой нибудь завистливый дидъ, и тогда первымъ можетъ помочь только „знаючій" дидъ. Онъ, чтобъ спасти свою пчелу отъ нападенія на нее чужой, идетъ въ лѣсъ съ топоромъ и ищетъ въ немъ такого дерева, которое-бы имѣло отъ самаго корня три ствола, подобно луковицѣ съ тремя стеблями; вырубивъ съ корнемъ это дерево, „знаючій" дидъ приноситъ его въ пасѣку, кладетъ на землю у иконы преподобныхъ Зосимы и Савватія и причитываетъ: „Усытитеся, насланніи чужіи пчелы, на сыхъ трехъ древахъ и не сходите зъ нихъ, бо сіе древо со святого Зосимы и Савватія! Я васъ, чужи пчелы, Божію помощію и дійствомъ святого Зосима и Савватія замовляю и заклинаю, одъ своихъ пчелъ одвертаю". По этимъ словамъ дѣда чужія пчелы будто-бы садятся на трехствольное дерево и перестаютъ безпокоить „своихъ" пчелъ. (в.)

Замѣчательный примѣръ долголѣтія, по сообщенію *Волжскаго Вѣстника*, представляетъ проживающая въ Казани, въ въ Ягодной слободкѣ, на Смоленской улицѣ, въ собственномъ домѣ, старушка Ѳедосья Ѳоминишна Скворцова (она же Иванова), которой нынѣ пошелъ 112-й годъ отъ рожденія. Бодрая не по лѣтамъ, она до сихъ поръ обладаетъ еще довольно хорошимъ зрѣніемъ и острою памятью. Ѳедосья Ѳоминишна живетъ вмѣстѣ со своей младшею дочерью, бездѣтною вдовой (старшія дѣти Скворцовой давно умерли), которая, не смотря на свои 65 лѣтъ, до сихъ поръ еще занимается стиркой бѣлья въ люди и продаетъ молоко отъ своихъ двухъ коровъ, предоставляя матери домашнюю стряпню. (в.)

Замѣчательное художественное произведеніе доставлено недавно въ комитетъ по постройкѣ храма на мѣстѣ событія 17 октября 1888 г. Это шитый шелками на полотенцѣ образъ Спаса Нерукотвореннаго. Ликъ Христа весь вышитъ тѣневыми шелками. Характеръ работы своеобразный; его нельзя назвать гладью, это скорѣй всего подражаніе гравюрѣ. Оригиналомъ служила фотографія, на которой не было имени автора картины; приписываютъ ее или Максу, или Макарту. Полотенце, на которомъ вышитъ образъ, сдѣлано изъ пеньковой чечунчи, фонъ изъ лиловаго манчестера, рама изъ золотаго багета. Вверху надпись въ треугольникѣ, шитая золотымъ шелкомъ: „Въ память 17 октября 1888 года". Площадь фона въ ширину $3/4$ аршина, вышиной 7 аршинъ. Работа исполнена г-жею Ѳеофановой. (в.)

Минералъ изъ породы лабрадорита открытъ около города Миргорода, Полтавской губерніи. (в.)

Анаграмма. Задача № 47.

Съ *лица* покрытъ я бранной славой,
Другимъ примѣромъ я служу,
Изъ сѣчи долгой и кровавой,
Съ побѣдой громкой выхожу.
Съ *изнанки*—хищникъ я лукавый,
Противный не однимъ очамъ,
Свершаю цѣлою оравой
Набѣгъ свой подлый по ночамъ.
Ничтоженъ я, а всѣмъ помѣха,
И вотъ уже который вѣкъ
Со мной воюетъ безъ успѣха,
Меня ругая, человѣкъ.

Ребусъ. Задача № 48.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Ф. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Боголюбивые Христіане!

Новгородской губерніи, Демянскаго уѣзда, Тихвинскаго погоста, каменный храмъ въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери, построенный въ 1789 году, по величинѣ своей и наружному фасаду представляетъ собою замѣчательную въ художественномъ отношеніи рѣдкость, между тѣмъ какъ внутренность его находится въ крайне прискорбномъ для святаго мѣста состояніи. Такъ, весь онъ холодный и потому естественно отъ сырости, при такомъ давнемъ своемъ существованіи, въ немъ сильно пострадалъ главный величественный, изъ трехъ ярусовъ состоящій иконостасъ, живопись на иконахъ сильно испортилась, а во многихъ мѣстахъ и слиняла, такъ что на многихъ иконахъ не понять изображаемаго, штукатурка на стѣнахъ во многихъ мѣстахъ обвалилась, полъ угрожаетъ обрушиться, рамы, числомъ болѣе сорока, почти сгнили; и все это требуетъ настоятельнаго, почти капитальнаго исправленія, съ устройствомъ сверхъ того и теплаго для зимняго времени придѣла. Наконецъ, и ограда вокругъ церкви, стоявшая цѣлый вѣкъ, совершенно обветшала, а первый колоколъ, притомъ и небольшой, отъ давности времени имѣетъ уже трещину и благовѣстъ въ божественной службѣ для христіански-благочестиваго слуха производитъ неумилительно-пріятный. На исправленіе и приведеніе храма и его принадлежностей, а главное на устройство теплаго предѣла, требуются значительныя денежныя средства, каковыхъ Тихвинскіе прихожане, при своей малочисленности съ одной стороны, а съ другой при отсутствіи заработковъ и частыхъ въ послѣдніе годы неурожаевъ, не могутъ доставить Св. своему Храму при всемъ ихъ усердіи. Въ такой видимой крайности мы невольно обращаемся къ Вамъ, благочестивые христіане, любящіе благолѣпіе дома Господня, съ нашею умиленною просьбою, помогите сему Храму отъ избытковъ Вашихъ, для приведенія его въ подобающее святынѣ благоустройство, и обяжите насъ всеусердною о спасеніи вашемъ молитвою.

Помощь нашему Храму можно оказывать чрезъ избраннаго приходомъ сборщика Зелова или присылать по слѣд. адресу: Новгородской губерніи, Демянскаго уѣзда, чрезъ Велильское волостное правленіе, священнику Тихвинской церкви, Петру Вознесенскому.

Священникъ **Петръ Вознесенскій.**
Церковный староста **Романъ Лунинъ.**

№ 4656

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПБургъ, Невскій пр., № 52 прот. Имп. Публ. Библіотеки. **Оптовая и розничн. продажа.** Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. **Ручательство на 2 года.** №4501 20—9

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскіе растягивающіеся кушаки „ГРАЦІЯ“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченымъ замочкомъ, проткаппые бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. **Кушаки прозрачные**

очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи

у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,

СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (30) № 4278

НОВОСТЬ!!

НОВѢЙШІЙ и ЛУЧШІЙ

МЕХАНИЧЕСКІЙ

ИНСТРУМЕНТЪ

ПІАНО-МЕЛОДИКО

20×10×6½ вершк.

Цѣна 90 рублей.

Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (одинъ) метръ (1 метръ=1½ аршин.).

= Требуйте подробное описаніе и каталогъ нотъ. =

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка. № 4482 (10)

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемірной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

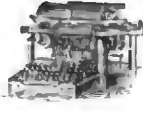
ЦВѢТОЧНЫЙ **О-ДЕ-КОЛОНЪ**

№ 4620 ИЗОБРѢТЕННЫЙ **БРОКАРЪ и К°.** 7—4

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

ПИШУЩАЯ МАШИНА

„РЕМИНГТОНА“.



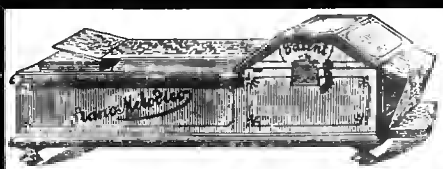
Пишетъ въ 3 раза быстрѣе перв. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учрежденій, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **Ж. БЛОКЪ**

Москва Кузнецкій мостъ. **С.-Петербургъ** Б. Морская, 21.



ПІАНО-МЕЛОДИКО.

Ручной салонный органъ со струнами, исполняющій полностью всевозможныя пьесы.

Цѣна безъ нотъ **90** руб. Ноты по **80** к. за метръ (1½ арш.)

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный органъ, на которомъ можно исполнять посредствомъ картонныхъ нотныхъ листовъ цѣлыя увертюры, большія попурри, салонныя пьесы, русскія пѣсни и всѣ танцы. Оркестръ-Манопанъ играетъ отчетливо, чрезвычайно полнымъ и пріятнымъ тономъ, имѣетъ двойные голоса и приспособленіе для громкой и тихой игры. Этотъ инструментъ рекомендуется отлично для семейныхъ баловъ, вечеринокъ, для клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьесами **80 руб.** Добавочныя пьесы по **1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже.** Къ инструменту прилагаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к. Пересылка за 85 фунт. Списокъ пьесъ для Оркестра-Манопана, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—**безплатно.** № 4655

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. —**Москва**, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

Вышло изъ печати и поступило въ продажу въ конторѣ журнала **„Нива“** (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **Ѳ. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ,** отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками.**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе. уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи **1-го** тома вносится **4 р.,** до выхода **2-го** тома **8 р.,** а до выхода **3-го** тома **2 р.,** а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

☛ **По выходѣ всего** сочиненія цѣна будетъ **значительно возвышена.** ☚

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала **„Нива“** (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ

(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ,** заключающихъ въ себѣ **болѣе 400 рисунковъ** разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Цѣна альбома **1 руб.,** съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, № 6).

ГАРМОНІУМЫ

ЛУЧШИХЪ ФАБРИКЪ

ФРАНЦУЗСКІЯ отъ 100 р. и дор.

АМЕРИКАНСКІЯ отъ 180 р. и дор.

РЕК: ВЪ БОЛЬ. ВЫБОРѢ ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬН:- ИНСТРУМЕНТ:

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

МОСКВА, *Петровка д. Волкова.*

Иллюстрир. Прейсъ-Курантъ

ВСѢМЪ ИНСТРУМЕНТАМЪ БЕЗПЛАТНО.

ДЛЯ ВОЛОСЪ

БАЛЬЗАМЪ

ЭЙКАЛИПТИ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Освѣжаетъ головную кожу. Ц. флакона 1 р. 50 к., съ перес 2 р., 2 флакона съ перес. 3 р. 50 к. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать: подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Спб. Косметическ. Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ: у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и Комп., О. Гетлингъ, и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ, Литейная, № 38. Ц. № 4478

„ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ“.

Комическій этюдъ. Инкогнито. Цѣна съ пересылкою **40 к.** Выписывающіе изъ магазина **Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.,** Москва, Никольская, д. Чижовыхъ, стоимость книги 40 коп., могутъ высылать почтовыми марками.

Г.Г. ИМѢЮЩИМЪ НАДОБНОСТЬ въ археологическихъ розысканіяхъ и въ прочихъ работахъ, относящихся до пользованія древнѣйшими рукописями, — предлагаетъ свои услуги свѣдущее лицо. Предложенія благоволятъ адресовать: Москва, Почтамтъ, до востребованія, подъ лит. Ч. Ш. Щ. № 179.

№ 4644 (3)

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ“): 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. **Вс. Соловьева. Ц.** 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Дозвол. цензур., СПБ., 8 августа 1890 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса,** Ср. Подъяч., № 1.

XXI г. — № 33 — г. XXI — 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 18 августа 1890 г. Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Сампсоніевскій соборъ въ СПБ. (По поводу 150-й годовщины основанія). Съ фотогр грав Рашевскій.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. **Вас. И. Немировича-Данченко.**

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

VIII.

Василій Герасимовичъ уже лежалъ въ постели, когда въ сосѣднихъ комнатахъ послышалась суматоха, топотъ нѣсколькихъ ногъ, сдержанные голоса. Онъ вскочилъ, кинулся къ дверямъ, и первое что̀ бросилось ему въ глаза—была его жена, которую несли на рукахъ лакеи. Точно во снѣ онъ увидѣлъ бѣлый атласъ затканнаго серебромъ платья весь въ кровавыхъ пятнахъ, безсильно висящую правую руку всю въ ссадинахъ, ранахъ, въ запекшейся крови. Прасковья Яковлевна была въ полуобморочномъ состояніи. Она смотрѣла на мужа, не узнавая его, билась и кричала... „Куда вы меня несете, куда?.. Я къ мужу хочу, къ мужу... У меня есть мужъ... Помогите!..“ И потомъ заливалась слезами... Оторопѣвъ и самъ помертвѣвъ отъ ужаса, Сластеновъ не догадался бы послать за докторомъ. Со слезами на глазахъ онъ возился кругомъ, расшнуровывая жену. Ему помогали горничныя, и только когда новыя красныя пятна свѣжей крови показались на бѣльѣ постели—сообразили, что кровоизліяніе еще продолжается, и перепугались. Хорошо что Ефремъ догадался. Когда барыню вынули изъ кареты, онъ погналъ лошадей за докторомъ и привезъ его именно въ ту минуту, когда дома только что поняли необходимость позвать его.

— Мнѣ кажется, съ вами придется возиться больше, чѣмъ съ вашей женой! укоризненно проговорилъ старый врачъ, глядя на разстроеннаго Василія Герасимовича.—Будьте мужчиной... Помогите мнѣ.

— Да вѣдь кровь, докторъ... кровь...

— Въ этомъ важности нѣтъ. Только кожа на рукахъ ободрана. Въ одномъ мѣстѣ глубокій порѣзъ, но и то ни одинъ изъ важныхъ сосудовъ не затронутъ... Вотъ нравственное состояніе ея меня больше безпокоитъ. Кровь я сейчасъ остановлю. Наложу повязку—и все кончится живо. Дня черезъ четыре-пять заживленіе начнется. А вотъ пожалуй явится нервная горячка... этого я очень опасаюсь... Очень. Положимъ, организмъ крѣпкій... Какъ это случилось?..

Только теперь Василій Герасимовичъ вспомнилъ, что онъ не разспросилъ Ефрема.

Кучера позвали, тотъ первымъ дѣломъ струсилъ.

— Я въ эвтомъ не виноватъ! Мое дѣло что-жь, я сѣлъ на козлы и погналъ лошадей. Нешто мы можемъ препятствовать!

— Препятствовать?.. Чему препятствовать?

— Потому, онъ сѣлъ съ барыней въ карету.

— Кто онъ? Отвѣчай толкомъ. Прежде всего успокойся. Никто тебя не винитъ.

— Офицеръ этотъ. Позвали меня, посадили барыню и сами за ней въ карету. Я еще и улицу не проѣхалъ, какъ вдругъ Прасковья Яковлевна какъ вдаритъ ручкой въ стекло да какъ закричитъ „помогите!“—ажъ у меня въ глазахъ потемнѣло.

— Какой это офицеръ?

— Высокій, рослый... усы какъ у жука.

— Куда же онъ дѣлся?

— А какъ барыня крикнула — онъ сейчасъ зайчикомъ въ дверцы-то шмыгъ и пропалъ. Должно-быть въ переулокъ вдарился... потомъ народъ побѣжалъ его ловить—да куда... У ево длинныя ноги. Сѣ такъ шагалъ...

Василій Герасимовичъ слушалъ и не понималъ ничего... Одно ему было ясно, что дѣла этого такъ оставить нельзя, что ему необходимо, узнавъ все, разслѣдовать „кто и что“ и оскорбителя его жены — поставить на барьеръ что-ли... Правда онъ, Сластеновъ, не умѣетъ стрѣлять, но — все равно — бросятъ жребій, кому въ упоръ. А можетъ быть такъ что-нибудь случилось съ женой? И онъ принимался опять разспрашивать Ефрема. Когда это случилось? Много-ли времени прошло съ той минуты какъ они сѣли въ карету, до той когда его жена выбила стекло въ каретѣ? Оказалось, что времени было мало. Минуты три. Это окончательно спутывало и доктора, и Сластенова... Надо было дождаться когда жена придетъ въ себя. Докторъ ей забинтовалъ руку, далъ успокоительнаго и самъ сѣлъ около...

— Я, знаете, все-таки боюсь... Не лучше-ли намъ пригласить Косоглазова?..

— Разумѣется...

— Если вы ничего не имѣете... я заѣду за нимъ завтра... Еще поѣдетъ-ли? Вы знаете, онъ капризничаетъ какъ женщина...

Василій Герасимовичъ уже ничего не слышалъ. Онъ держалъ здоровую руку жены, сидя на постели.

Онъ ждалъ, когда жена придетъ въ себя — но, успокоившись, она открыла глаза, съ ужасомъ посмотрѣла на Сластенова и отшатнулась отъ него въ сторону.

— Паша, милая!

— Прочь... прочь отъ меня... Не смотрите такъ на меня... Не смотрите... Слышите... Не хочу, не хочу... Я къ мужу... Я къ мужу ѣду... Оставь меня, оставь!.

— Очевидно офицеръ этотъ напугалъ ее... озабоченно заключилъ докторъ, давая ей какія-то успокаивающія капли.—Ей теперь главное уснуть—уснуть во что̀ бы то ни стало. Морфій не поможетъ... Она слишкомъ возбуждена. Хлоралъ-гидратъ лучше...

Когда принесли хлоралъ-гидратъ—онъ далъ ей здоровый пріемъ...

Прасковья Яковлевна забылась на нѣкоторое время и, откинувшись на подушки, вся блѣдная, какъ ихъ наволочки, закрыла глаза.

— Теперь бы ей заснуть—и все было бы хорошо!

Но хорошо не было. Припадокъ повторялся нѣсколько разъ ночью—и только подъ утро она успокоилась и заснула тяжелымъ сномъ, сопровождавшимся бредомъ и галлюцинаціями... Василій Герасимовичъ поѣхалъ къ Луковнинымъ. Тамъ были удивлены его разсказомъ. Съ кѣмъ она была въ каретѣ?.. Дѣло въ томъ, что подозрѣнія на князя не было... Онъ оставался ужинать. Очевидно Обинпъ-Колонскій бросился назадъ на балъ и старался тамъ опять быть замѣченнымъ. Послѣ ужина онъ даже танцовалъ мазурку съ самой Луковниной... Нѣтъ, на него нельзя было подумать ничего. Василій Герасимовичъ поѣхалъ къ Саввѣ Кузмичу, тотъ выслушалъ его и нахмурился.

— Вотъ что, Василій Герасимовичъ, чего же ты по городу летаешь—звонишь?..

— Да вѣдь надо же узнать въ чемъ дѣло.

— Надо!.. Чтобы про твою жену неподобныя вещи стали говорить? Дуракъ ты... Слюняй...

И старикъ поднялся во весь ростъ.

— Учить бы тебя—не пускай жену одну,—да какая отъ тебя защита будетъ! Тебя самого караулить слѣдуетъ какъ бы кто тебя не обидѣлъ... Эхъ ты... слякотный!..

— Помилуйте.

— Чего миловать! Еще жену загубишь. Мало она отъ тебя радости видѣла. Ну чего ты полетѣлъ къ Луковнинымъ. Вѣдь самъ знаешь — было что-нибудь скверное—только честь твоя отъ этого не пострадала—иначе бы *она* себѣ рукъ не изрѣзала, не кричала бы въ окно. Ну и молчокъ пока встанетъ. А онъ сейчасъ къ

Луковкинымъ. А Луковкина къ Хлюстовымъ. а Хлюстова въ три конца города, къ Лоскутниковымъ, Спиридоновымъ да Савостьяновымъ — а сегодня вечеромъ мнѣ въ клубѣ уже будутъ разсказывать, что твоя жена съ офицеромъ бѣжала. Досталось этакое сокровище—фалалею... Эхъ, ты!.. И говорить-то съ тобою противно... А вотъ погоди.... Ты самъ не суйся... Это не чье иное дѣло какъ князя. Тебѣ къ нему нельзя. Онъ тебѣ первымъ дѣломъ бока обломаетъ. То-то онъ вчера подъ конецъ балу такой смутный ходилъ... Я къ нему самъ поѣду.

— Вы, дяденька!

— Я... Не тебѣ же!.. Я, братъ, медвѣдя убираю на рогатину... Не бойся. Со мной онъ не поговоритъ... А ты поѣзжай домой къ женѣ... Да поласковѣй съ ней. Ничего дурнаго. Кабы она была похуже, дѣйствительно потеряла бы себя!..

Василій Герасимовичъ поѣхалъ къ себѣ, а Савва Кузмичъ къ „князю“.

— Какъ прикажете доложить? спросилъ Сластенова старшаго лакей.

Тотъ отвелъ его рукою и проворчалъ: „сами доложимъ“.

Самозванный князь сидѣлъ въ креслѣ и думалъ о чемъ-то, какъ въ дверяхъ его нумера показалась рослая и сильная фигура Саввы Кузмича.

— А!.. чему обязанъ?.. Очень радъ васъ видѣть.

— Радъ не радъ, а видѣть надо.—И не замѣчая протянутой ему руки, Савва Кузмичъ сѣлъ въ кресло противъ него.—Ну, что-жь намъ съ тобою теперь, баринъ, дѣлать?

— О чемъ это вы? поблѣднѣлъ Обининъ-Коленскій.

— О чемъ, ты самъ знаешь. Не гоже... Сказывали мнѣ, что ты не князь и не офицеръ даже, а такъ прощалыга — да я не вѣрю... Мало-ли какихъ сплетокъ у насъ нѣтъ. Хорошей семьи, „княжецкое“ имя держать надо строго, чтобы всѣ его уважали, а ты, баринъ, хуже послѣдняго пьянаго мужика.

— Позвольте... вспыхнулъ тотъ.

— Молчать! — Савва Кузмичъ такъ стукнулъ кулакомъ о столъ, что колокольчикъ задрожалъ на немъ.— Теперь *я* съ тобой говорю, а не мужъ... Слушай. Меня не запужаешь. Коли ты мужланомъ—такъ и я по мужицки — видалъ ты это? — и онъ протянулъ ему свою лапищу.—Мнѣ шесть десятковъ, а такихъ какъ ты я двухъ легко уберу... Сколь много для тебя чести будетъ... Пріѣхалъ въ Москву—да побитымъ вернулся... Мало тебѣ дѣвицъ всякихъ?.. А ты честную семью разстроить вздумалъ... Племянница таперь лежитъ больная—вся изрѣзана. Мужъ по цѣлому городу, точно голову потерялъ, бѣгаетъ.

— Послушайте, въ чемъ вы меня обвиняете?

— Нечего хвостомъ - то закидывать... Не на судѣ мы... Вотъ тебѣ мой сказъ. Укладывайся сейчасъ, да прочь поѣзжай!.. Съ почтовымъ... два часа до почтоваго...

— Какъ вы смѣете!..

— Какъ смѣю? А вотъ какъ: коли ты не желаешь сейчасъ укладаться (я-то тебя и на машину провожу)— такъ быть тебѣ битому. Лакея позову да при лакеѣ. А за полиціей пошлешь — еще лучше. За племянницу я всегда правъ вступиться. Мы вѣдь здѣсь — не по-образованному, смѣшками да шутками. Мы за этакія дѣла, баринъ, кулакомъ въ темя вашего брата хлопаемъ... А тамъ что будетъ—суди насъ Богъ и Государь!.. Ну, укладайся.

— Послушайте... да вы съ-ума сошли... Да это насиліе!

— Въ своемъ умѣ, небось... Мы не по-вашему. Съ-ума-то не легко сходимъ. А что насиліе—точно что. Только вѣдь не тебѣ, шалому, на него жалиться.

— У меня дѣла въ Москвѣ.

— Плевать мнѣ на твои дѣла. Мнѣ нашъ честный миръ въ семьѣ дороже. Укладайся...

— Да наконецъ я еще денегъ не получилъ. Мнѣ надо расплатиться здѣсь.

— Вотъ это точно резонъ... Безъ денегъ не выпустятъ... Это ты, баринъ, вѣрно... Но и на это есть у насъ средствіе.—Онъ подошелъ къ дверямъ и позвонилъ... Лакей, котораго въ коридорѣ онъ отвелъ локтемъ—вошелъ въ комнату.—Какъ тебя звать-то?

— Николаемъ.

— Ну вотъ, Николашка, пріятелю нашему князинькѣ—подай-ка счетъ—да помоги укладаться. Потому они съ почтовымъ ѣдутъ...

— Счетъ? сейчасъ.

Князь безсильно опустился въ кресло и не понималъ очевидно, что это стряслось съ нимъ.

— Я все-таки не ѣду, заговорилъ онъ.

— Поѣдешь, другъ... Медвѣдя убираемъ... а ты послабѣй будешь. Ты еще нашихъ московскихъ свычаевъ не знаешь? нѣтъ?.. У насъ, братъ, въ случаѣ чего и ребра ломаютъ вашему брату.

— Я буду жаловаться.

— Это сколько угодно. Призовутъ меня, да спросятъ — не откажусь, скажу, дѣйствительно прогналъ паршивую овцу изъ стада вонъ. Чтобы не портила. Это ты въ своемъ правѣ.

Часъ спустя, Савва Кузмичъ везъ въ своей коляскѣ князя на машину.

Въ вокзалѣ онъ купилъ ему билетъ и сдалъ вещи.

— Давайте ужь ему купу... Пущай одумается въ одиночествѣ... Вотъ тебѣ, князь, купа, а вотъ билетъ багажный.

Дождавшись отхода поѣзда, Савва Кузмичъ постоялъ-постоялъ, и когда тяжелый рядъ вагоновъ, окутанныхъ дымомъ, исчезъ въ отдаленіи, онъ плюнулъ на полъ и ногой растеръ.

— Баринъ тоже!.. Хлипкая душа! только и проговорилъ онъ, уходя въ двери дебаркадера.

— Куда прикажете? обернулся къ нему кучеръ.

— Къ племяннику.

Прасковья Яковлевна, еще слабая и больная, лежала въ постели. Въ креслѣ около сидѣлъ мужъ и держалъ ее за руку. Она покраснѣла увидѣвъ входившаго Савву Кузмича. Тотъ ласково улыбнулся ей.

— Молодецъ Пашка! Сколь ты князя напужала!

— А что, дяденька?

Она вся покраснѣла и даже приподнялась.

— Лежи... лежи... Прознавши про его дѣла, пріѣхалъ я къ нему сегодня, попужать хотѣлъ, а онъ, слякотный, ужь и укладается—дрожмя-дрожитъ... Сейчасъ на машину его прогналъ въ Питеръ.

Она остановила на немъ благодарный взглядъ.

— Не замай нашихъ. Вотъ мы какъ! Мужъ-отъ твой по благородному хотѣлъ... Дуэль-отъ что-ли. Ну, а у насъ на такихъ молодцовъ другія средствія... Мы и безъ дуэли завсегда ихъ успокоить можемъ... Хорошо Богъ изъ пистолету палить. Что хорошаго!.. И такъ хвостъ убралъ. Можешь разсказать, какъ дѣло-то было?

— Я ужь мужу говорила... Кинулся онъ за мной въ карету... „Вамъ, говоритъ, мимо моего дома. Довезите.“ Мнѣ невдомекъ... А тамъ еще и минуты не прошло, бросился онъ ко мнѣ и давай цѣловать. Ну, я локтемъ въ стекло... А тамъ ужь и не помню ничего больше.

— И славно. Другая бы растерялась—и все бы прахомъ пошло. Они тоже знаютъ свое дѣло. Съ бану бьютъ. Какъ коршуны. Клювомъ въ темя. Это ты правильно... Такъ ихъ шельмовъ и надо!

Прасковья Яковлевна тихо изъ рукъ мужа высвободила свою.

Василій Герасимовичъ сидѣлъ задумавшись, но отъ

За водой. Ориг. рис. (собств. „Нивы") **Котляревскаго**, грав. Шюблеръ.

Голландская школа встарину. Рис. Ж. Стэнъ, грав. Картеръ.

Саввы Кузмича не укрылся нѣсколько странный взглядъ Паши. Она точно сегодня въ первый разъ присматривалась къ мужу, присматривалась какъ къ чужому, желая узнать и опредѣлить его лучше. Что-то необычное было въ ней. Когда Сластеновъ поднялъ голову, она зажмурилась даже и откинулась опять на подушки. Савва Кузмичъ сидѣлъ не долго. Пожелавъ ей скорѣй выздоровѣть, онъ простился и уѣхалъ. Тогда, вся взволнованная и смущенная, Прасковья Яковлевна обратилась къ мужу:

— Василій Герасимовичъ... у меня къ тебѣ просьба.

— Какая?.. удивился тотъ, опять протягивая руку къ ея рукѣ, но она отодвинула свою подальше.

— Скажи мнѣ... Ты ничего дурнаго обо мнѣ не думалъ?

И такъ и впилась ему въ глаза, ожидая его отвѣта.

— Какъ-же я могу о тебѣ дурно думать!..

— Такъ-таки и ничего?.. еще разъ, затая дыханіе, слушала она.

— Разумѣется, ничего.

И Василій Герасимовичъ даже плечами пожалъ.

— Да вѣдь... онъ цѣловалъ меня...

— Что-жь... силой... Это не твоя вина... Силой я не знаю что̀ сдѣлать можно... Развѣ это вина?

— Нѣтъ, это не то...—И какой-то оттѣнокъ отчаянія послышался въ ея голосѣ.—Нѣтъ... Это не то!

Она опять зажмурилась и думала о чемъ-то. Слышно было, какъ маятникъ стучитъ въ гостиной.

— А если-бы не все силой? тихо проговорила Прасковья Яковлевна.

— И то бы я не посмѣлъ обвинять тебя... Мало-ли что случается!

— А если бы—дальше еще... Если бы я локтемъ-то въ стекло не ударила... Что̀ бы тогда?

— Что-жь дѣлать... Несчастіе... Несчастіе еще не преступленіе.

— Больно мудрено что-то... Не пойму я по вашему, и никогда не пойму... Оставь меня одну.

— Что?.. еще больше изумился онъ.

— Прошу тебя... уйди... Оставь меня... Слышишь?.. Я хочу быть одна теперь.

Когда Василій Герасимовичъ выходилъ, жена смотрѣла ему вслѣдъ, и трудно было опредѣлить, чего больше въ ея взглядѣ: презрѣнія къ нему, или жалости.

„Какъ жить-то?.. Какъ жить!..“ вслухъ спросила она сама себя. „Пропаду вѣдь я такъ-то... коли все пойдетъ по ихнему... по правильному... Пропадомъ пропаду“.

IX.

Паша поправлялась медленно. Странное дѣло, по мѣрѣ того какъ физически она здоровѣла, ея нравственное состояніе дѣлалось все хуже и хуже. Она теперь подолгу лежала одна, не пуская къ себѣ мужа. Надоѣдала ей постель, она вставала и пересаживалась къ окну въ покойное кресло. Когда Василій Герасимовичъ приходилъ къ ней, она зажмуривалась, точно отъ устали, или сидѣла опустивъ глаза внизъ и не глядя на него вовсе. Отвѣчала нехотя. Сластеновъ говорилъ объ этомъ доктору, тотъ только разводилъ руками.

— Я здѣсь не при чемъ, объяснялъ онъ.—Такъ-то она поправляется, но, очевидно, у нея есть какое-то горе на душѣ. А впрочемъ, если вы не имѣете ко мнѣ довѣрія...

— Напротивъ, напротивъ, успокаивалъ его Василій Герасимовичъ,—я вамъ вполнѣ вѣрю. Меня только безпокоитъ ея состояніе.

— Придется все-таки, для вашего успокоенія, пригласить Косоглазова. Вы человѣкъ богатый, какихъ-нибудь триста-пятьсотъ рублей вамъ ничего не стòитъ. А онъ все-таки авторитетъ. Подтвердитъ онъ то, что̀ я сказалъ—вы будете спокойнѣе. Если хотите, я завтра съѣзжу.

Сластеновъ согласился. Косоглазовъ былъ не въ духѣ и сначала обругалъ врача, а потомъ потребовалъ впередъ пятьсотъ рублей. Ему послали ихъ.

— Я не стану по Рогожскимъ свой экипажъ трепать. Пришлите за мною вашу карету.

Сластеновъ успокоилъ его и въ этомъ отношеніи.

— А за моими ассистентами—другую. Я люблю одинъ ѣздить.

Все это было обусловлено и Косоглазовъ назначилъ день. Наканунѣ пріѣхалъ утромъ одинъ ассистентъ, осмотрѣлъ больную, записалъ что-то на бумажкѣ, потолковалъ съ пользовавшимъ ее докторомъ и еще отмѣтилъ кое-что. Послѣ обѣда пріѣхалъ другой, оглядѣлъ мѣстность. Приказалъ на всѣхъ площадкахъ лѣсницы поставить по мягкому креслу.

— Профессоръ отдыхать любитъ... а рядомъ съ кресломъ, на табуреткѣ, что-ли, коробочки со сливочными тянучками... Только отъ Трамбле. Это очень важно, чтобы отъ Трамбле,—другихъ профессоръ не соcетъ.

Потомъ онъ оглядѣлъ комнату, гдѣ лежала больная.

— Тутъ вы за четверть часа до назначеннаго времени попрыскайте и попульверизируйте лѣсной водой, но отъ Безбардиса. Запомните... Непремѣнно отъ Безбардиса. Въ лѣсную воду прибавьте ландышевыхъ духовъ отъ Феррейна. Смотрите же, у кого нибудь другаго не возьмите... Это чрезвычайно важно. Профессоръ не умѣетъ думать въ другой атмосферѣ... Запишите себѣ. У васъ плотно запираются форточки?.. Печи не дымятъ?..

Кончивъ съ этимъ, онъ съ торжественностью жреца говорящаго о величайшемъ изъ своихъ божествъ, взялъ Василія Герасимовича за пуговицу.

— Заклинаю васъ—молчите!..

— То-есть какъ же это?..

— Такъ. Пока онъ не заговоритъ—молчите. Слышите? ни одного слова... Ни одного... На вопросы отвѣчайте кратко... Ясно, кратко и отчетливо... „Да“, „нѣтъ“, „точно такъ“... Не забудьте прибавлять: „господинъ профессоръ“. Еще вотъ что̀—у васъ кромѣ этого бѣлаго шелковаго одѣяла нѣтъ другаго?

— А что?

— Профессоръ не любитъ бѣлаго шелка.

— Есть желтое.

— Ну и отлично, покройте больную желтымъ одѣяломъ. Постель ей опрыскайте вер· веной. Избави васъ Богъ другими духами. Вер· веной Аткинсона... Запишите. Сами будьте во всемъ черномъ и въ бѣломъ галстукѣ. Застегнутый наглухо сюртукъ и бѣлый галстукъ—и ничего больше... Пожалуйста же запомните. Свѣтлые цвѣта на мужчинахъ отвлекаютъ профессора. Я вамъ это особенно рекомендую. Кромѣ васъ, вашего доктора (а вы пожалуйста во фракѣ, обернулся онъ къ нему) и насъ, чтобы никого въ комнатахъ не было. Въ смежной комнатѣ должна стоять бутылка оберъ-зальцбрунена и стаканъ теплаго молока. Молоко должно быть 20° по Реомюру и возьмите его на фермѣ на Тверской, отъ освидѣтельствованной коровы. Скажите: для профессора Косоглазова—тамъ ужь знаютъ. Онъ послѣ можетъ быть захочетъ пить. И главное, чтобы тишина. Муха пролетитъ, чтобы было слышно. И побольше освѣщенія въ комнатахъ.

Василій Герасимовичъ обѣщалъ все это соблюсти.

На другой день на площадкахъ лѣстницы были поставлены мягкія кресла, около нихъ на табуреткахъ—тянучки отъ Трамбле. Въ комнатахъ накурено чѣмъ слѣдуетъ, съ педантическою точностью. Не понимавшій въ чемъ дѣло швейцаръ почему-то рѣшилъ, что привезутъ икону, и созвалъ всѣхъ своихъ чадъ и до-

мочадцевъ приложиться. Въ назначенное время подкатила сначала карета съ ассистентами. Они остановились въ почтительной позѣ передъ подъѣздомъ. Скоро показалась вдали карета съ профессоромъ. Они бросились къ дверцамъ и благоговѣйно высадили его. Изумившійся швейцаръ вмѣсто иконы увидѣлъ длинную, согбенную фигуру съ сѣдыми волосами и усталыми глазами на блѣдномъ лицѣ. Ее вели ассистенты подъ руки. Въ передней докторъ во фракѣ, какъ согнулся, такъ и не выпрямлялся до тѣхъ поръ, пока его божество не сѣло въ мягкое кресло на одной изъ площадокъ. Въ рукахъ у божества была громадная палка въ родѣ тѣхъ, что таскаютъ съ собою балетмейстеры. Сѣвъ въ кресло, профессоръ не глядя протянулъ руку, взялъ тянучку и меланхолически сталъ ее сосать. Швейцаръ разинулъ внизу ротъ, да такъ и застылъ. Въ умѣ его совершался курьезный процессъ. По важности пріема и по всѣмъ видимостямъ онъ рѣшилъ, что это митрополитъ. Но какой? Нашъ въ цивильномъ платьѣ не пойдетъ. Значитъ какой иной. Аглецкій? Но у аглецкаго, сказывали, черные чулки сверху и башмаки съ пряжкой, а на воротникѣ, какъ у дѣтей, салфеточка. Булгарскій должно... Такъ оно вѣрно и есть. Когда онъ рѣшилъ это, профессоръ протянулъ обѣ руки, ассистенты бросились, приподняли его, и повели вверхъ до слѣдующей площадки и слѣдующаго кресла. Сюда вышелъ самъ Василій Герасимовичъ.

— Очень радъ... началъ онъ было.

Но держа новую тянучку въ рукахъ, профессоръ окинулъ его столь негодующимъ взглядомъ, а ассистенты такъ энергично замахали на него и зашикали, что Сластеновъ испугался въ буквальномъ смыслѣ слова и замеръ въ дверяхъ. Скушавъ тянучку, профессоръ опять протянулъ руки и его благополучно ввели въ залу; изъ залы медленно и торжественно, точно священнодѣйствуя, онъ прослѣдовалъ въ слѣдующую и т. д., причемъ вездѣ въ дверяхъ его встрѣчалъ низко склонявшійся домашній врачъ. Когда профессора ввели въ комнату больной, онъ потянулъ носомъ. Сосновый запахъ съ ландышами стоялъ въ воздухѣ. Вдругъ онъ остановился и съ негодующимъ жестомъ ткнулъ указательнымъ пальцемъ впередъ. Ассистенты устремились по этому направленію и, съ ужасомъ въ лицахъ, сорвали большой бѣлый атласный бантъ съ туалетнаго столика Прасковьи Яковлевны. Негодованіе не скоро сбѣжало съ лица у профессора. Онъ тяжело опустился въ кресло у кровати и зажмурилъ глаза, точно наблюдая нѣчто происходящее въ немъ самомъ. Потомъ открылъ ихъ и впился ими въ лицо Прасковьи Яковлевны. Та покраснѣла—но онъ не отводилъ взгляда. Смотрѣлъ съ четверть часа, потомъ вдругъ спросилъ:

— Сколько лѣтъ?

Ему отвѣтила сама больная. Онъ поднялъ брови и отрѣзалъ:

— Не съ вами говорятъ!

Докторъ удовлетворилъ его любопытству.

— Дѣти есть?

— Нѣтъ!

— Отчего? строго обратился онъ къ Василію Герасимовичу.

Тотъ счелъ этотъ моментъ удобнымъ, чтобы заговорить съ профессоромъ.

— Видите-ли... началъ онъ, но Косоглазовъ вдругъ вскочилъ, схватился одной рукой за голову, а другой такъ страшно застучалъ дубиной о полъ, что съ больной чуть не сдѣлалось обморока.

— Молчать, молчать! Невѣжа!.. Профанъ! оралъ профессоръ на несчастнаго Сластенова.

Тотъ опѣшилъ и самъ не зналъ куда ему дѣваться. Ассистентъ бросился въ смежную комнату, принесъ въ стаканѣ молоко съ оберъ-зальцбруненомъ. Профессоръ сдѣлалъ глотокъ и успокоился, только отъ времени до времени кидая грозные взгляды на Сластенова.

— Начинайте! скомандовалъ онъ доктору.

Тотъ, весь трепеща, сладко-сладко склонивъ голову насторону, началъ ему подробный отчетъ о болѣзни Прасковьи Яковлевны. Въ тактъ его словамъ, Косоглазовъ кивалъ головою, зажмуривъ глаза. Когда докторъ кончилъ, онъ помолчалъ съ пять минутъ и ткнулъ перстомъ на ассистента производившаго вчера діагнозъ болѣзни. Тотъ вынулъ длинную полосу бумаги и сталъ читать всѣ свои отмѣтки. Когда онъ кончилъ, Косоглазовъ вдругъ увидѣлъ около Василія Герасимовича.

— Уберите... уберите это, вонъ!..

Ассистенты бросились къ Сластенову и выволокли его въ другую комнату. Затѣмъ немедленно вернулись.

Косоглазовъ сталъ самъ производить осмотръ больной. Надо отдать ему справедливость, такъ долго и тщательно возился, выстукивалъ, выслушивалъ, мѣрилъ температуру, ворочалъ паціентку на грудь, на спину, на бокъ, на другой, заставлялъ дышать, приказывалъ не дышать, производилъ всевозможные эксперименты и, кончивъ, весь въ поту, усталый, сѣлъ и задумался... Потомъ онъ вдругъ протянулъ руки къ ассистентамъ, тѣ его подхватили подъ нихъ и вывели тѣмъ же порядкомъ изъ спальни... Еще медленнѣе онъ спустился въ прихожую, надѣлъ шубу, сѣлъ въ карету и уѣхалъ.

— А совѣты?.. Лекарства? добивался оторопѣвшій Василій Герасимовичъ у ассистентовъ.

— Завтра, завтра пришлетъ. Сегодня обдумаетъ, а завтра пришлетъ...

Съ ихъ лица еще не сбѣжало благоговѣніе. Это были духовидцы, только-что бесѣдовавшіе съ Озирисомъ.

— Ну, слава Богу!.. вырвалось у врача.

— Чтó слава Богу? спросилъ его Сластеновъ.

— Все обошлось благополучно.

— Какъ благополучно? Меня выгналъ, настучалъ, накричалъ.

— Это еще что! У Темирхановыхъ онъ матушку, купчиху, вѣдь дубинкой съѣздилъ, а у Лоскутниковыхъ, когда сама была больна, онъ въ ея мужа стаканомъ швырнулъ.

— Признаюсь!..

— Чтó хотите, батюшка! Геній... За то пятьсотъ рублей визитъ. И это еще дешево... Съ Хлюстова тысячу взялъ. Вотъ онъ каковъ у насъ!..

На другой день отъ Косоглазова пріѣхалъ ассистентъ и привезъ наставленіе.

Перечисливъ, чтó необходимо было, по его мнѣнію, Косоглазовъ закончилъ своеобразною строкой: „Жаль что нельзя перемѣнить мужа. Этотъ никуда не годится!“

Докторъ какъ прочелъ, только плечами пожалъ.

— Напиши-ка я такую штуку—меня къ мировому, а къ *нему* только ужасъ будутъ чувствовать!.. Да-съ.

Прасковья Яковлевна, впрочемъ, скоро встала сама... Она видимое дѣло успокоилась теперь. Румянецъ вернулся на ея щеки, глаза опять загорѣлись прежнимъ блескомъ. Со всѣми она была какъ до болѣзни, только къ мужу относилась иначе. Не то съ обиднымъ снисхожденіемъ, не то съ презрительною терпимостью. Между бровями у нея легла складка, точно она обдумывала что-то важное. Она, впрочемъ, часто теперь уходила въ самое себя... Сидитъ-сидитъ, да вдругъ и скажетъ: „Какъ ни думай, а придется“. — „Что придется?“ спрашивали ее. Она съ удивленіемъ поднимала глаза на говорившаго и потомъ раздумчиво отвѣчала: „Нѣтъ, это я такъ, сама съ собою... Свои мысли у меня есть“.

(Продолженіе будетъ)

Первая гроза.

Повѣсть **Виктора Бибикова.**

(Продолженіе).

На главной улицѣ было тихо: дремали извозчики у подъѣзда гостиницы; у дверей магазина стояли скучающіе приказчики и лѣниво смотрѣли на пустынную улицу; дворники поливали мостовую. Радужными дугами сверкали струи въ лучахъ заходящаго солнца и алмазною пылью разсыпалась вода по увлаженнымъ камнямъ мостовой. Возвышенная часть города показывала изъ-за тополей, липъ, зеленѣющихъ садовъ, свои опрятные бѣлые домики; среди нихъ, тамъ и здѣсь, горѣли кресты церквей; голуби лѣниво кружились въ недвижномъ воздухѣ; синее небо было безоблачно и, казалось, весь городъ заснулъ, нѣжась въ сладкихъ весеннихъ грезахъ; было такъ тихо, что до слуха Тарахтина и Панченка явственно донесся изъ-подъ низу гостиницы долгій и протяжный зѣвокъ приказчика. Тарахтинъ улыбнулся, Панченко засмѣялся, и оба они возвратились къ столу, гдѣ ихъ ожидалъ прохладный напитокъ. Прихлебывая шампанское, Тарахтинъ сказалъ:

— Я до сихъ поръ не отвѣтилъ на вашъ вопросъ, но, право, не смотря на признаваемое вами мое искусство владѣть рѣчью, я затрудняюсь отвѣчать какъ слѣдуетъ. Впрочемъ, откровенность за откровенность. Разумѣется, я влюблялся неоднократно и въ ваши года, и гораздо раньше, неравнодушенъ и теперь къ женской красотѣ, но мнѣ никогда не случалось испытать то, что̀ переживаете теперь вы. Вѣдь M-elle Вѣра, разумѣется, ваша первая любовь, и вы на ней женитесь. Какъ же вамъ послѣ этого не завидовать? Обыкновенно, первая любовь если и раздѣляется, то, во всякомъ случаѣ, ея конецъ не женитьба. Ну, да что̀ тутъ толковать, зачѣмъ вдаваться въ психологическія тонкости: интересенъ, какъ говорятъ газетные литераторы, самый фактъ вашего счастья, который и былъ нами констатированъ. А такъ какъ чувство прекраснаго въ васъ развито, судя по описанію наружности M-elle Вѣры, то я покажу вамъ портретъ одной особы, который хотя я и не ношу въ карманѣ, но привыкъ возить его всюду съ собой.

Тарахтинъ пошелъ въ спальню, взялъ съ ночнаго столика у кровати большой портретъ въ плюшевой рамкѣ, принесъ его въ столовую и отдалъ Панченку. Молодой человѣкъ, осторожно держа портретъ за края рамки, тщательно вглядывался въ его изображеніе. Высокая и полная женщина, съ правильными хотя и рѣзкими чертами южнаго лица, стояла опершись локтемъ обнаженной руки на пьедесталъ гипсовой урны. Черные густые волосы красавицы сдерживалъ черепаховый гребень, на крѣпкой, точеной шеѣ было жемчужное ожерелье; покатыя, роскошныя плечи сохранили, даже и въ фотографической передачѣ, свой смуглый оттѣнокъ. Несмотря на бальную тщательную прическу, непокорные завитки развились у ея ушей, и вся ея фигура дышала страстью и силой.

— Она, должно быть, не такъ ужъ молода? ставя портретъ на столъ, сказалъ Панченко.

— Да ей около тридцати лѣтъ, отвѣчалъ Тарахтинъ, — но фотографія всегда старитъ: на самомъ дѣлѣ, она кажется моложе своихъ двадцати семи лѣтъ. Но не въ этомъ дѣло; какъ вамъ нравится такой типъ красоты?

На этотъ разъ Тарахтинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта, и Панченко, послѣ нѣкотораго раздумья, сознавая всю важность того, что̀ онъ теперь скажетъ, отвѣчалъ, продолжая смотрѣть искоса на портретъ:

— Конечно, она красавица, хотя, какъ вамъ сказать... онъ запнулся.

— Помилуйте, говорите все, не стѣсняйтесь.

— Не находите-ли вы, Сергѣй Николаичъ, выраженіе ея глазъ нѣсколько жестокимъ?.. впрочемъ, можетъ быть, это мнѣ такъ кажется, поспѣшилъ онъ прибавить.

— Напротивъ, вы совершенно правы, я съ вами согласенъ и не жалѣю, что показалъ вамъ этотъ портретъ, отвѣчалъ Тарахтинъ съ радостью, удивившею молодаго человѣка. — Дѣйствительно, у нея жестокіе глаза, это очень удачное опредѣленіе, дѣлающее вамъ честь, и вообще, это особа съ темпераментомъ.

Онъ на мгновеніе взялъ портретъ въ руки, посмотрѣлъ на него, но тотчасъ поставилъ и заходилъ крупными шагами по комнатѣ.

— Скажите, почему она снималась въ парижской фотографіи, развѣ она не петербургская ваша знакомая, или вы ѣздили съ ней за-границу? спросилъ Панченко.

— Потому что она тамъ живетъ постоянно и никогда не была въ Петербургѣ: я познакомился съ нею въ Парижѣ. Ахъ, вы не можете себѣ представить, началъ онъ съ живостью, поразившей его слушателя, — до чего можетъ измучить такая любовь самаго сильнаго, самаго умнаго человѣка. Вотъ, теперь, отсюда я ѣду къ ней, мы проведемъ недѣли двѣ въ Парижѣ, потомъ поѣдемъ путешествовать, куда она захочетъ. Потомъ я отвезу ее опять въ Парижъ, и мы разстанемся до слѣдующаго лѣта. И такъ уже третій годъ — это нелѣпо, мучительно...

Тарахтинъ замолчалъ, вдругъ спохватившись, что бесѣда съ молодымъ человѣкомъ приняла уже черезчуръ откровенный характеръ. Онъ крупными шагами ходилъ по комнатѣ, недовольный и вызванными воспоминаніями, и своей болтливостью. Но взглянувъ на Ѳедора Васильевича и прочитавъ въ его глазахъ столько любопытства, смѣшаннаго съ самымъ наивнымъ участіемъ, онъ почувствовалъ, что было бы жестоко оборвать сразу этотъ разговоръ. Онъ сказалъ: — Вотъ теперь я ѣду къ ней и въ счастьи ожиданія увидѣть ее такъ много необъяснимой горечи, что я даже не знаю, счастье-ли это. Не правъ-ли я, завидуя вамъ? — Онъ опустился въ кресло возлѣ дивана, на которомъ сидѣлъ Панченко и продолжалъ:

— Однако, кофейникъ застылъ и вы совсѣмъ не пьете ликеровъ, да, кажется, и время собираться въ дорогу. — Онъ позвалъ лакея: — Поѣздъ идетъ въ восемь часовъ?

— Такъ точно-съ.

— Вещи уложены?

— Такъ точно-съ, кромѣ ручнаго саквояжа, и билетъ взятъ, какъ вы изволили приказать.

— Хорошо, можешь идти. Принеси намъ горячаго кофе и счетъ. У насъ осталось еще полчаса, прибавилъ онъ, обращаясь къ Панченку.

Но и вновь поданный горячій кофе и ликеры, разнообразные кувшины которыхъ сперва привлекали Панченка, вдругъ перестали занимать его. Разсказъ адвоката не выходилъ у него изъ головы, и онъ безъ всякаго любопытства даже посмотрѣлъ, какъ Тарахтинъ вылилъ рюмочку шартреза въ свою чашку кофе, и не послѣдовалъ его примѣру.

— О чемъ мечтаете? прервалъ молчаніе Тарахтинъ. — Вы, пожалуйста, не вздумайте сожалѣть меня, а то я пожалѣю, что наша бесѣда приняла такой откровенный характеръ. Пейте кофе, пейте ликеры и перестаньте грустить.

Панченко залпомъ опорожнилъ рюмку ликера, поперхнулся, закашлялся, но не отвѣчалъ на сочувственныя улыбки адвоката и продолжалъ сохранять унылый видъ, и отъ предложенія Тарахтина пить еще отказался.

— Ну, разскажите что нибудь, подбодрилъ его Тарахтинъ. — Какія развлеченія у васъ въ городѣ, любите-ли вы театръ?

— Развлеченій мало здѣсь, отвѣчалъ Панченко, — а театръ я люблю, только въ этомъ году была здѣсь плохая труппа, началъ онъ, оживляясь. — Для одного только Уральскаго и ходишь въ театръ.

— Для какого Уральскаго? спросилъ Тарахтинъ.

— Трагика Уральскаго, извѣстнаго. Развѣ вы не знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

Панченко обидѣлся.

— Вы ужъ черезчуръ презираете, Сергѣй Николаичъ, провинціальную жизнь: о Тюльпановѣ никогда не слыхали, Уральскаго не знаете! Можетъ-быть вы не любите театра?

— Нѣтъ, очень люблю, и видѣлъ почти всѣхъ мало-мальски замѣтныхъ лицедѣевъ, а Уральскаго все-таки не знаю.

— Но вѣдь онъ бывалъ въ Петербургѣ.

— Вѣроятно лѣтомъ, на клубныхъ сценахъ

— У него колоссальный талантъ, возразилъ Панченко.

— Сомнѣваюсь, отвѣтилъ адвокатъ и продолжалъ, глядя ласково-сощуренными глазами на охладѣвшаго къ нему молодаго человѣка: — Напрасно вы думаете, мой юный другъ, что я презираю провинціальную жизнь, какъ вы изволили выразиться; я вообще незнакомъ съ этимъ чувствомъ, но твердо убѣжденъ въ томъ, что никакой выдающійся дѣятель, особенно въ области искусства, не можетъ остаться незамѣченнымъ. Если-бы вашъ любимецъ Тюльпановъ возвышался, хотя-бы немного, надъ уровнемъ посредственности, его статьи постоянно приводились-бы въ выдержкахъ петербургскими газетами; если-бы онъ обнаружилъ свои способности, какъ адвокатъ, повѣрьте, у него была-бы практика и въ Петербургѣ. Объ Уральскомъ-же и говорить нечего: въ послѣднее время такъ мало актеровъ не съ колоссальнымъ талантомъ, какъ вы говорите, а хотя-бы сколько нибудь приличныхъ, что явись въ Петербургѣ, хотя-бы и на клубной сценѣ, порядочный актеръ, онъ непремѣнно былъ-бы оставленъ въ столицѣ. Непризнанныхъ геніевъ нѣтъ, да и быть не можетъ; всякій человѣкъ, стремящійся сдѣлать что нибудь полезное, всегда найдетъ и участіе, и поддержку, и вамъ, почтеннѣйшій Ѳедоръ Васильевичъ, слѣдовало-бы меньше другихъ объ этомъ говорить: вы только мечтали приготовить изъ себя порядочнаго адвоката — и вотъ нашелся я, вашъ старшій собратъ, вы мой помощникъ, осенью пріѣдете въ Петербургъ, тамъ найдете искренно расположеннаго къ вамъ человѣка, всегда готоваго придти къ вамъ на помощь и дать вамъ возможность обнаружить свои способности, а затѣмъ все остальное, разумѣется, въ вашихъ рукахъ, и отъ васъ зависитъ сдѣлаться дѣйствительно извѣстнымъ присяжнымъ повѣреннымъ Панченко. Полагаю, что вы, какъ благоразумный юноша, спорить не станете, выпьете еще рюмку ликера, только не сразу, и не будете отравлять послѣднихъ минутъ нашего свиданія

Молящаяся Богоматерь. Съ карт. К. Чиньяни, грав. Веберъ.

своимъ унылымъ видомъ, такъ не идущимъ къ вашему жизнерадостному и оживленному лицу.

Къ Панченку возвратилось его обычное веселое настроеніе, и онъ опять съ удовольствіемъ смотрѣлъ на адвоката, съ восхищеніемъ слушалъ его неторопливый и увѣренный голосъ, самый звукъ котораго ласкалъ его слухъ.

— Однако, Сергѣй Николаичъ, вамъ пора уже и собираться, сказалъ Панченко, какъ озабоченный другъ.—вы можете опоздать. Сколько осталось до поѣзда?

Въ это время вошелъ лакей съ серебрянымъ подносомъ. Тарахтинъ досталъ миніатюрный кошелекъ, вынулъ оттуда три скомканныя сторублевыя, бумажки и, внимательно просмотрѣвъ счетъ, положилъ рядомъ съ нимъ деньги. Лакей ушелъ. Тарахтинъ пригласилъ молодого человѣка принять участіе въ дорожныхъ сборахъ, и они ушли въ спальню. Панченко оглядывалъ съ любопытствомъ и ручной сакъ изъ мягкой французской кожи, и дорожный несессеръ адвоката. Разрѣзанный на половину послѣдній романъ Зола былъ положенъ въ сакъ рядомъ съ записной книжкой Тарахтина. Портретъ, уложенный въ твердый, обтянутый сафьяномъ, футляръ, положили на книжки, и Тарахтинъ, заперевъ сакъ ключемъ, висѣвшимъ, какъ брелокъ, на его часовой цѣпочкѣ, объявилъ сборы оконченными. Лакей принесъ уплаченный счетъ и, получивъ за свою службу десять рублей, обнаружилъ усердіе необычайное. Такъ какъ всѣ вещи Тарахтина были уже уложены, изъ буфета уже ничего не требовалось, и послѣдней услугой являлась подача пальто Тарахтину, то благодарный лакей внесъ въ эту услугу столько старательной изобрѣтательности, что Панченко безъ улыбки не могъ на него смотрѣть: уже по тому, какъ онъ бережно снялъ накидку съ вѣшалки, можно было судить о важности, какую лакей придавалъ своей услугѣ; онъ встряхнулъ ее въ своихъ протянутыхъ рукахъ, потомъ раскрылъ ихъ какъ объятія, набросилъ на высокія плечи Тарахтина плащъ и старательно расположилъ каждую складку его капюшона. Когда Тарахтинъ надѣлъ шляпу и сдѣлалъ первый шагъ къ дверямъ, лакей нашелъ нужнымъ подбѣжать къ нему и оправить завернувшуюся полу накидки; онъ проводилъ адвоката до дверей подъѣзда и тамъ, ставъ рядомъ съ благообразнымъ старикомъ-швейцаромъ въ синей ливреѣ, отвѣсилъ наконецъ свой прощальный, низкій поклонъ и пожелалъ счастливой дороги. Когда швейцаръ, снявъ свою фуражку съ широкимъ золотымъ галуномъ, посадилъ Тарахтина въ фаэтонъ Дмитрія, лакей не выдержалъ, подбѣжалъ къ коляскѣ и успѣлъ запахнуть, на этотъ разъ дѣйствительно распахнувшуюся, полу плаща.

Они пріѣхали на станцію за пять минутъ до отхода поѣзда. Сидѣвшій на козлахъ рядомъ съ Дмитріемъ комиссіонеръ гостиницы, шелъ впереди ихъ, очищая дорогу. Панченко не долго пришлось посидѣть въ вагонѣ перваго класса, какъ забилъ второй звонокъ, и Тарахтинъ, крѣпко обнявъ и поцѣловавъ своего помощника, посовѣтовалъ ему выйти на платформу. Панченко стоялъ передъ опущеннымъ окномъ вагона и съ тоской смотрѣлъ на привѣтливо улыбавшагося Тарахтина. Мелкой трелью пронесся по пустой платформѣ послѣдній звонокъ, раздались его три заключительные звонкіе удара, свиснулъ оберъ-кондукторъ, короткимъ свистомъ отвѣтилъ паровозъ, и поѣздъ тронулся. Панченко успѣлъ въ послѣдній разъ пожать руку адвоката, онъ хотѣлъ и поцѣловать его, но не рѣшился, и теперь шелъ быстро рядомъ съ вагономъ, а когда поѣздъ прошелъ платформу, онъ остановился въ концѣ ея и долго смотрѣлъ вслѣдъ все быстрѣе и быстрѣе уходящему поѣзду.

V.

На другой-же день Панченко получилъ всѣ бумаги изъ университета, а вечеромъ онъ уже сидѣлъ въ каютѣ перваго класса на пароходѣ, который долженъ былъ отвезти его къ невѣстѣ. Но онъ мало думалъ о предстоящемъ свиданіи, въ немъ еще слишкомъ живо было впечатлѣніе, оставленное Тарахтинымъ, и новая привязанность вытѣснила на время образъ Вѣры. Онъ вспоминалъ Тарахтина и въ залѣ суда, когда адвокатъ съ самообладаніемъ, поражавшимъ молодого человѣка, казалось, не только не слыхалъ рѣчей прокурора, но даже и не видалъ его, и говорилъ съ присяжными такимъ тономъ, какъ будто въ залѣ не было никого кромѣ нихъ, да Тарахтина. Онъ видѣлъ Тарахтина, покинувшаго свой столикъ и подошедшаго къ присяжнымъ во время послѣдней заключительной рѣчи, вдохновеннаго и вдругъ страшно похорошѣвшаго; слышалъ громъ рукоплесканій и послѣ этой рѣчи, и по объявленіи оправдательнаго приговора,—рукоплесканій, на которы.. Тарахтинъ обращалъ столько же вниманія, какъ и на рѣчь прокурора; вспоминалъ свое знакомство съ нимъ у подъѣзда суда, ихъ прогулку по городу, обѣдъ въ гостиницѣ и разсказъ Тарахтина о своей любви къ этой загадочной женщинѣ, которая не меньше адвоката завладѣла воображеніемъ молодого человѣка. Ему плохо спалось въ эту ночь въ душной съ низкимъ потолкомъ пароходной каютѣ, и все яснѣе и яснѣе возникали въ его памяти мельчайшія подробности свиданія съ Тарахтинымъ. Онъ заснулъ подъ утро и, разбуженный помощникомъ капитана, оглядѣлся вокругъ... Толстый, рыжій подрядчикъ-еврей, торопливо мѣнявшій туфли, въ которыхъ спалъ, на сапоги съ странно короткими голенищами, возвратилъ его къ дѣйствительности. Матросъ вынесъ чемоданъ на палубу. У деревянной плоучей пристани толпились евреи-извозчики. Панченко выбралъ того изъ нихъ, у кого въ телѣгу были впряжены двѣ лошади: еврей выхватилъ изъ рукъ матроса чемоданъ и, не разслышавъ даже названія деревни, бокомъ вскарабкался на облучокъ, задергалъ веревочными возжами, и телѣга покатилась, влекомая несущимися вскачь, тощими лошадьми. Только ужъ при выѣздѣ изъ мѣстечка еврей повернулъ къ сѣдоку свое загорѣлое лицо и, сверкая бѣлками глазъ, сказалъ:

— Но и куда прикажетъ баринъ ѣхать?

— Въ Ткачи; знаешь Ткачи?

— Знаемъ, знаемъ, повторилъ еврей, но возжами уже не дергалъ, и телѣга по ровно-укатанной дорогѣ ѣхала значительно тише, чѣмъ по ухабистымъ улицамъ мѣстечка. По мѣрѣ того, какъ телѣга двигалась впередъ среди полей, покрытыхъ на необозримое пространство рожью, волнуемою утреннимъ вѣтеркомъ, росло нетерпѣніе молодого человѣка. Хотя онъ разстался съ Вѣрой всего двѣ недѣли тому назадъ и уже успѣлъ получить отъ нея пять писемъ, въ которыхъ Вѣра выражала увѣренность, что ея мать дастъ согласіе на свадьбу, сомнѣнія мучили влюбленнаго юношу: ему казалось, что мать Вѣры, какъ и всякая мать, уже выбрала и назначила жениха своей дочери—и если она и не откажетъ рѣшительно избраннику своей дочери, то можетъ, ссылаясь на молодость жениха и невѣсты (Вѣрѣ минуло недавно шестнадцать лѣтъ), отсрочить хотя на годъ ихъ свадьбу. Панченко вспоминалъ разсказъ Тарахтина, какъ мучительна разлука съ любимой женщиной, и ему почему-то казалось, что и ему суждено пережить то-же.

Съ пригорка, на который вползли, усердно подгоняемыя кнутомъ, измученныя лошади, открылась невдалекѣ барская усадьба, усаженная вокругъ высокими пирамидальными тополями. Сердце молодаго человѣка забилось крѣпче. Возница, обращаясь къ нему, сказалъ: „Мы сейчасъ будемъ въ Ткачахъ,“ возжи и кнутъ пришли въ движеніе, и телѣга покатилась такъ-же быстро, какъ она ѣхала отъ пристани до околицы мѣстечка. Забѣлѣлъ длинный, одноэтажный домъ усадьбы; при поворотѣ Панченко увидѣлъ скрывавшуюся въ лощинѣ деревню; мимо огромнаго сада они подъѣхали къ низкому крыльцу барскаго дома.

Никого не было видно на крыльцѣ; молодаго человѣка не ждали: въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ Вѣрѣ онъ сообщалъ, что пріѣдетъ черезъ недѣлю, телеграфировать ему не хотѣлось,—и теперь, когда возница внесъ его чемоданъ и поставилъ на верхнюю ступеньку крыльца, Панченко пожалѣлъ, что не далъ знать о своемъ пріѣздѣ изъ города. Въ прохладной передней не было никого, но изъ отворенной боковой двери доносился визгливый смѣхъ. Панченко вошелъ туда. Въ кухнѣ на деревянной лавкѣ сидѣли, обнявшись, двѣ горничныя, передъ ними стоялъ лакей въ полотняномъ пиджакѣ и потѣшалъ своихъ слушательницъ.

— Якій-сь паничъ! вскричала одна изъ горничныхъ, и лакей повернулся къ Панченку.

— Я могу видѣть полковника? спросилъ тотъ.

— Петра Гаврилыча?

— Да.

— Они на бальонѣ, отвѣтилъ лакей.

— Проводы-жъ, дурный! сказала горничная.

Лакей вышелъ съ гостемъ изъ кухни, принялъ отъ него запылившееся пальто и повелъ, черезъ свѣтлую многооконную комнату, на балконъ.

Петръ Гаврилычъ Добрынинъ, коренастый и хорошо сохранившійся старикъ, въ бѣломъ разстегнутомъ кителѣ съ полотняными пуговицами, сидѣлъ въ креслахъ и читалъ газету; въ другомъ углу балкона, за круглымъ обѣденнымъ столомъ, высокая и красивая дама, въ которой Панченко сейчасъ-же узналъ мать Вѣры, отбирала цвѣточныя луковицы въ стоявшую на скамьѣ корзину.

Она первая увидѣла молодаго человѣка, и, отвѣчая на его поклонъ привѣтливой улыбкой, сказала, обращаясь къ своему мужу:

— Пьеръ, къ тебѣ гость.

Петръ Гаврилычъ отложилъ газету въ сторону, снялъ очки и, точно желая лучше осмотрѣть вошедшаго, старательно протеръ глаза, всталъ и, издавъ радостное восклицаніе, крѣпко обнялъ и долго не выпускалъ изъ своихъ рукъ молодаго человѣка.

— Вотъ и прекрасно, и прекрасно, что пріѣхали раньше, чѣмъ обѣщали. Обрадуете Вѣру, она васъ такъ скоро не ждала. На жидѣ пріѣхали? Растрясло дорогой? Какъ вамъ наша мѣстность понравилась, послѣ города-то? Съ университетомъ развязались? засыпалъ онъ вопросами своего гостя, а тотъ, не отвѣчая, украдкой взглядывалъ на жену Петра Гаврилыча, которая не спускала съ него внимательныхъ, такихъ-же прекрасныхъ, какъ у Вѣры, синихъ глазъ.

— Позвольте васъ познакомить съ женой моей, догадался наконецъ Петръ Гаврилычъ, обнявъ за талію своего гостя и дѣлая съ нимъ нѣсколько шаговъ.—Вотъ, Анна Григорьевна,

полюби молодаго человѣка, да надо-бы Вѣру позвать. Маруся, Маруся! закричалъ онъ въ садъ.

— Сейчасъ! послышался звонкій голосъ изъ боковой аллеи, и къ балкону подбѣжала хорошенькая дѣвочка лѣтъ пяти, съ кудрявыми, золотистыми волосами, въ одной рукѣ она держала куклу, а другую, защищаясь отъ солнца, приложила къ глазамъ, съ любопытствомъ оглядывая Панченко.

— Что это, Пьеръ, вотъ вѣчно, такой торопыга!.. улыбнулась она въ сторону Панченка.—Это младшая сестра Вѣры, сказала Анна Григорьевна и, обращаясь къ своему мужу, прибавила:

— Mr. Панченко вѣроятно желаетъ отдохнуть и освѣжиться съ дороги... Ты бы лучше проводилъ гостя въ его комнату. А Вѣрѣ мы приготовимъ сюрпризъ. Она тамъ по обыкновенію зачитается до завтрака, и Маруся проведетъ Mr. Панченко въ бесѣдку...

— Дѣло, дѣло!.. проговорилъ Петръ Гавриловичъ, и подхвативъ молодаго человѣка подъ руку, увлекъ его въ свой кабинетъ.

VI.

Полчаса спустя Маруся шла впереди Өедора Васильевича и, постоянно оборачиваясь къ нему, знакомила его съ садомъ.

— Вотъ эту акацію, говорила она, указывая на широкое вѣтвистое дерево, покрытое бѣлыми цвѣтами,—папа привезъ изъ города такимъ деревцомъ,—она показала рукой размѣръ дерева,—а теперь, какая она большая! А вотъ это папина бесѣдка, кричала она, показывая на рѣшетчатый шалашъ, сплошь завитый хмѣлемъ.—У насъ у каждаго своя бесѣдка, у меня есть, вотъ это папина, къ Вѣрѣ сейчасъ придемъ: только у мамы нѣтъ.

Панченко нетерпѣливо слушалъ болтовню Маруси, ничего не отвѣчалъ ей, и пытливо смотрѣлъ впередъ, на каждомъ шагу ожидая встрѣтиться съ Вѣрой. Но вотъ липовая аллея кончилась, съ поворота онъ увидѣлъ въ концѣ новой тополевой аллеи бесѣдку, а Маруся, указывая на нее пальцемъ, сказала:

— Тамъ Вѣра всегда сидитъ и читаетъ, оттуда видъ чудесный. Знаете, что мнѣ пришло въ голову? вдругъ сказала она, когда они прошли больше половины аллеи. — Вы теперь дорогу найдете, а я уйду, а вы потихоньку подойдите изъ-за тополей, да испугайте Вѣру хорошенько

Панченко отъ души обрадовался предложенію Маруси. Конечно, онъ и не думалъ подкрадываться изъ-за тополей и пугать свою невѣсту, но ему было пріятно, что онъ увидитъ Вѣру съ глазу на глазъ и узнаетъ отъ нея насколько основательны его сомнѣнія. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, обернулся и увидѣлъ, что Маруся стоитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставила его, и дѣлаетъ знаки рученками, чтобы онъ свернулъ съ аллеи.

Панченко кивнулъ головой въ знакъ согласія и пошелъ по мягкой высокой травѣ за деревьями, а Маруся, радостно всплеснувъ рученками, побѣжала къ балкону, спѣша разсказать о своей выдумкѣ. Панченко приближался къ бесѣдкѣ, стоявшей подъ тѣнью огромнаго явора, простиравшаго надъ ея крышей свои могучія, многолистныя вѣтви. Панченко видѣлъ уже и Вѣру, сквозь широкія отверстія, образуемыя перекладинами бесѣдки.

Молодая дѣвушка сидѣла спиной къ нему. Она была въ бѣломъ гладкомъ платьѣ, перехваченномъ голубой лентой вмѣсто пояса; соломенная шляпа и зонтикъ лежали на скамьѣ рядомъ съ раскрытой книгой. Вѣра, облокотясь на одну руку, глубоко задумалась; черная коса недвижно лежала на ея спинѣ. Панченко видѣлъ ея нѣжную шею, маленькія красивыя уши, и онъ задрожалъ отъ непонятнаго, но сладостнаго ему чувства, когда Вѣра свободной рукой поправила сбившіеся волосы; онъ боялся, что она повернется. Неслышными шагами онъ подошелъ къ бесѣдкѣ, не изъ желанія испугать Вѣру, но изъ боязни встревожить ея покой. Радостный страхъ овладѣлъ всѣмъ существомъ молодаго человѣка; нервно сжавъ пальцы, онъ невольно замѣтилъ, какъ внезапно похолодѣли его руки. Остановясь у входа въ бесѣдку, онъ старался побѣдить свое волненіе и не могъ; хотѣлъ окликнуть Вѣру, но сухія губы беззвучно раскрылись, онъ не могъ произнести, не могъ выговорить милое имя; онъ старался не смотрѣть на Вѣру и глядѣлъ на дѣйствительно чудесный видъ, разстилавшійся передъ обрывомъ, гдѣ стояла бесѣдка. Онъ смотрѣлъ и не видѣлъ: ни синей рѣки уходившей вдаль, гдѣ въ золотистомъ туманѣ зеленѣли лѣса, ни луговой стороны праваго берега, гдѣ сверкали озера; его не поразилъ вдругъ открывшійся передъ нимъ безграничный куполъ лазурнаго неба съ легкими, какъ дымъ, серебряными облаками; онъ весь былъ проникнутъ ожиданіемъ близкаго счастья, и чуткій, и настороженный ожидалъ его приближенія...

Вѣра почувствовала, что она не одна въ бесѣдкѣ, повернула къ молодому человѣку свое лицо, вдругъ поблѣднѣла, и ея руки безсильно опустились. Съ мгновеніе они посмотрѣли другъ на друга. Панченко подошелъ къ Вѣрѣ, взялъ ея руки въ свои и стоялъ передъ ней, не находя словъ.

— Ты?.. вы?.. повторяла Вѣра, отвѣчая на его пожатіе. Грудь ея высоко подымалась, въ испуганныхъ, но счастливыхъ глазахъ блестѣли слезы.

Панченко выпустилъ ея руки. Вѣра поднялась со скамьи и упала къ нему на грудь. Робко обнявъ одной рукой ея мягкій станъ, онъ встрѣтился съ ея взглядомъ, и они слились въ долгомъ поцѣлуѣ. Яворъ привѣтливо шумѣлъ надъ бесѣдкой; ласковой струей неся съ рѣки прохладный вѣтерокъ; молчалъ огромный садъ, охваченный утренней дремой; ничто не нарушало блаженной тишины, и молодые люди не оскорбили счастья своей встрѣчи праздными словами. Они бы долго просидѣли въ бесѣдкѣ, но до ихъ слуха донесся веселый топотъ крѣпкихъ ножекъ Маруси, и они, точно сговорившись, встали въ одно и то же время и пошли ей навстрѣчу.

— Идите завтракать! кричала Маруся.—Я уже давно хотѣла васъ позвать, да папа не пускалъ. Сильно испугалъ онъ тебя, Вѣра? спрашивала она, держась за руку сестры и заглядывая ей въ лицо.

Вѣра ничего не отвѣтила ей, и Маруся не повторила своего вопроса, она только зашла съ другой стороны Вѣры и, держась обѣими руками за сестру и за рукавъ Панченко, понукала молодыхъ людей идти скорѣе.

(Продолженіе будетъ).

Звѣриныя общества.

Очеркъ **Фридриха Кнауэра.**

(Рис. на стр. 836, 837, 839 и 840).

Первое мѣсто въ средѣ живущихъ обществами грызуновъ занимаетъ *сусликъ*, чрезвычайно милое животное, котораго нравы и повадки весьма не трудно наблюдать. Каждый сусликъ выкапываетъ себѣ отдѣльное жилище, но всегда по близости отъ сосѣда. И вотъ, лѣтомъ, въ послѣполуденные часы, изъ каждой норки выползаетъ веселый звѣрокъ, подозрительно осматривается на всѣ стороны и затѣмъ присоединяется къ товарищамъ; тутъ они дѣлаютъ туалетъ, лижутъ себѣ шерстку, или отыскиваютъ коренья и грызутъ ихъ, или нѣсколько сусликовъ играючи гоняются другъ за дружкой. Внезапно показывается соколъ; но одинъ изъ веселой компаніи уже замѣтилъ хищника, раздастся пронзительный свистъ—и все общество разсыпалось по своимъ норкамъ. Замѣчательно, что каждый сусликъ пользуется выходнымъ (или входнымъ, какъ угодно) коридоромъ изъ своего жилища только въ теченіе одного года, при наступленіи же зимы закупориваетъ его и роетъ изъ котловиднаго логовища новую галерею до поверхности земли, но выходное отверстіе прорываетъ лишь при наступленіи весны. Такимъ образомъ, по числу выходовъ можно судить о долголѣтіи норы.

Тѣ времена, когда *бобръ* еще строилъ свои „замки“ въ Германіи, давнымъ-давно миновали. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ онъ попадается нынѣ, живетъ онъ большею частью попарно и лишь кое-гдѣ встрѣчаются небольшія общества. Только въ Канадѣ, хотя и тамъ онъ сталъ рѣже, бобръ и теперь еще живетъ большими обществами, созидаетъ себѣ тамъ, кромѣ подземныхъ убѣжищъ, холмообразныя хижины изъ толстыхъ сучьевъ (предварительно обгрызши съ нихъ кору), земли, глины и песку, и для защиты этихъ надземныхъ жилищъ строитъ поперекъ теченія рѣки плотины до ста саженъ длины и до полуторы сажени высоты (рис. 2 на стр. 836). Такую осѣдлость бобръ покидаетъ весьма неохотно, и найдены были бобровые поселки, которымъ оказывалось нѣсколько сотъ лѣтъ.

Обществами же, въ искусственныхъ, многокамерныхъ норахъ живетъ *земляной заяцъ* (Scirtetes jaculus) въ степяхъ юго-восточной Европы; общественную жизнь ведутъ *домашнія мыши* и *крысы*, которыя, какъ я нерѣдко наблюдалъ, на волѣ и въ неволѣ, даже и тогда не помышляютъ о разлукѣ, когда число ихъ возрастетъ до нѣсколькихъ сотъ; точно также и *полевыя мыши*, коихъ жилища тянутся тѣсными рядами.

Сѣверныя *пеструшки* (*лемминги*), ведущія во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ одинаковый образъ жизни съ ближайшими къ нимъ грызунами, стали намъ извѣстны преимущественно благодаря ихъ рискованнымъ и нерѣдко съ преувеличеніями описаннымъ странствіямъ; такія путешествія предпринимаютъ онѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда неномѣрное размноженіе ихъ и недостатокъ пищи погонятъ ихъ съ родины; изъ сотенъ тысячъ немногія лишь возвращаются въ отечество, вслѣдствіе истощенія, болѣзней и истребленія хищниками.

Тысячными обществами населяетъ скалы южно-американскихъ Кордильеровъ *шиншилла (Eriomys Chinchilla)*, грызунъ изъ семейства мыше-зайцевъ; изъ каждой разсѣлины выглядываетъ голова звѣрка — и всѣ разомъ исчезаютъ, какъ только раздастся выстрѣлъ по одному изъ нихъ.

Путникъ, вступающій вечеромъ въ пампы и луговыя степи

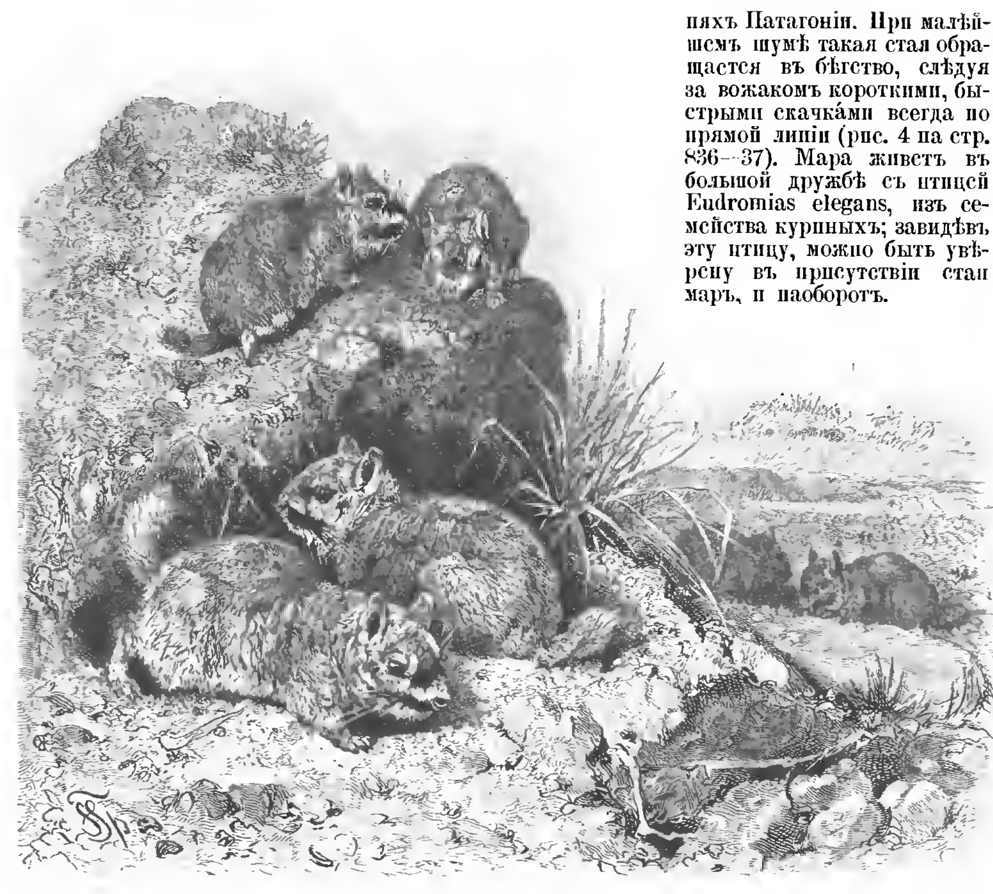


Рис. 1. Вискаши.

Буэносъ-Айреса, то и дѣло натыкается на цѣлыя стада другаго грызуна, *вискаши* (*Lagostomus trichodactylus*) (рис. 1 на стр. 836), также принадлежащаго къ мыше-зайцамъ. Жилища ихъ, каждое съ 40 — 50 выходами, тянутся непосредственно одно за другимъ, такъ что почва оказывается минированною на цѣлыя мили. При малѣйшемъ шорохѣ животныя съ громкимъ крикомъ бросаются въ свои норы. Оригинально, что звѣрки эти сносятъ къ своей норѣ всевозможные находимые ими предметы: кости, гнѣзда, потерянныя путешественниками вещи и проч.

Мара (*Dolichotis patagonica*), диковинный грызунъ изъ семейства полукопытныхъ, живетъ обществами до 40 штукъ въ кустарныхъ пустыняхъ Патагоніи. При малѣйшемъ шумѣ такая стая обращается въ бѣгство, слѣдуя за вожакомъ короткими, быстрыми скачкáми всегда по прямой линіи (рис. 4 на стр. 836—37). Мара живетъ въ большой дружбѣ съ птицей Eudromias elegans, изъ семейства куриныхъ; завидѣвъ эту птицу, можно быть увѣрену въ присутствіи стаи маръ, и наоборотъ.

Кролики живутъ попарно въ отдѣльномъ жилищѣ, но охотно устраиваютъ его близехонько отъ сосѣдскаго, такъ что возникаютъ цѣлые поселки и нерѣдко коридоры выходовъ взаимно пересѣкаются и спутываются. Точно также норы *пищухи-сѣноставца* на высокихъ горахъ внутренней Азіи скопляются тысячами въ одномъ мѣстѣ.

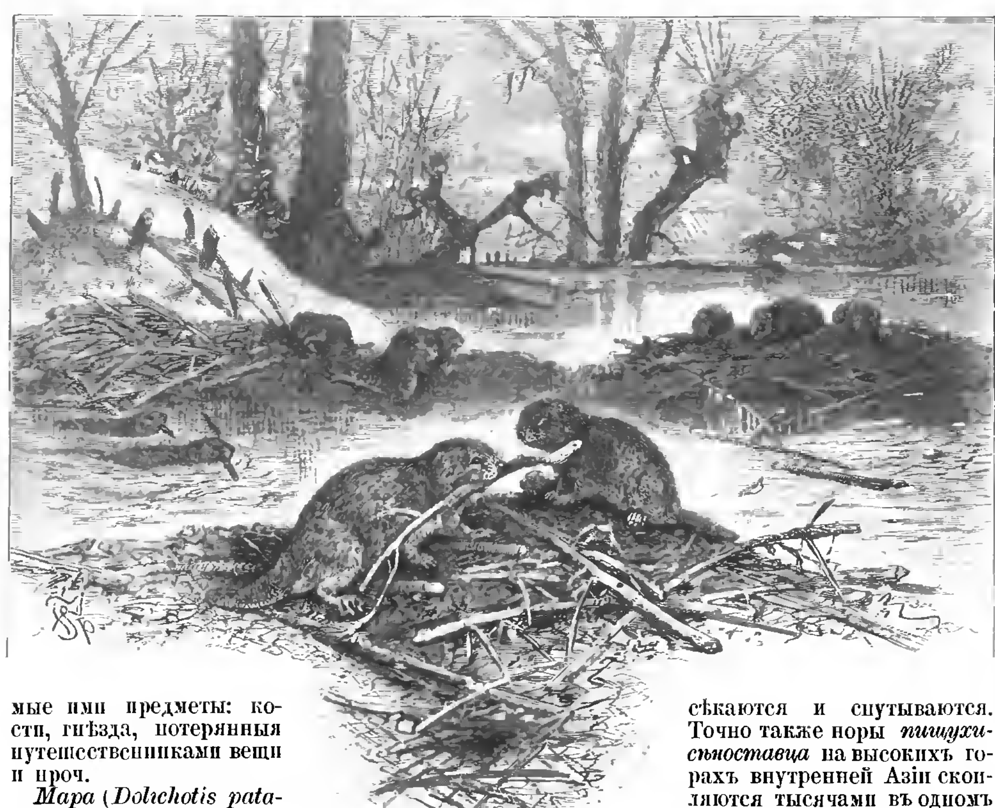


Рис. 2. Бобры и ихъ постройки.

Однокопытныя почти всѣ безъ исключенія живутъ большими или меньшими обществами. Въ обширныхъ степяхъ юго-восточной Европы донынѣ встрѣчаются громадныя стада *тарпановъ* (дикихъ лошадей) въ нѣсколько сотъ головъ. Такое стадо въ свою очередь распадается на нѣсколько меньшихъ обществъ, каждое подъ водительствомъ одного жеребца, который пользуется неограниченною властью, заботится о безопасности своего табуна и, завидѣвъ что-либо подозрительное, сначала храпитъ, потомъ, гордо поднявъ голову, бѣжитъ рысью навстрѣчу и освѣдомившись предупреждаетъ все стадо громкимъ ржаніемъ, а затѣмъ пускается вскачь на-утекъ. Еще многочисленнѣе табуны дикихъ лошадей, нѣкоторые до 12,000 головъ, въ пампахъ и льянахъ Южной Америки. Замѣчательно, что на такое стадо иногда внезапно нападаетъ родъ бѣшенства. Какъ бы гонимые незримымъ духомъ, тысячи коней обращаются въ бѣгство сломя голову, не пугаясь никакихъ препятствій, увлекаютъ за собою встрѣчныхъ ручныхъ лошадей и бросаются нерѣдко съ отвѣсныхъ скалъ въ пропасть, гдѣ и разбиваются на смерть.

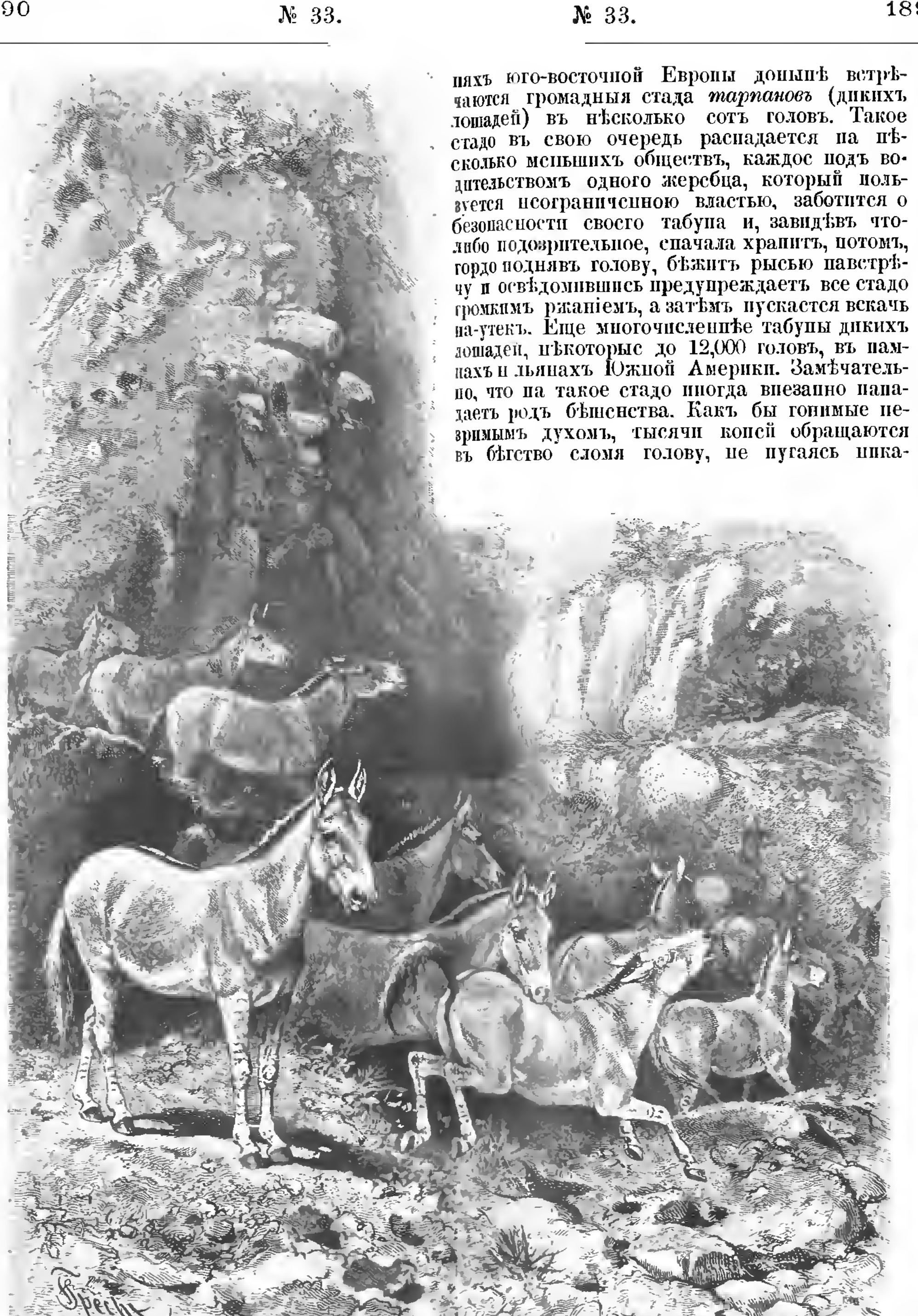


Рис. 3. Джигетаи.

Рис. 4. Стадо маръ.

Въ степяхъ Азіи донынѣ еще въ значительномъ числѣ водится *куланъ* или *джигетай* (рис. 3 на стр. 836—37). Отдѣльные табуны, до 50-ти головъ, живутъ подъ водительствомъ одного жеребца; эти мелкія общества лѣтомъ сходятся, впрочемъ, не надолго, на пастбищахъ и пасутся вмѣстѣ. При наступленіи же зимы, всѣ табуны непремѣнно соединяются въ громадное стадо до нѣсколькихъ тысячъ головъ и всѣ вкупѣ переселяются съ лѣтнихъ стоянокъ на зимнія. Какъ только снѣгъ начнетъ весною таять, они возвращаются на лѣтнія пастбища. Они живутъ въ дружбѣ съ яками (длинношерстыми быками), тибетскими антилопами, сайгами, джейранами и дикими баранами, съ которыми обыкновенно вмѣстѣ и пасутся.

Рис. 5. Гну.

Квага и *дау* обитаютъ въ равнинахъ и степяхъ Южной Африки стадами отъ 10 до 100 головъ. Путешественники яркими красками описываютъ великолѣпное зрѣлище, представляемое несущимся во всю прыть стадомъ дау, этихъ рѣзвыхъ, красивыхъ видовъ зебры. Посреди нихъ видны полосатые гну, съ которыми *дау* дружитъ, также какъ стада квагъ — съ пестрыми антилопами, прыгунами и страусами. Мирно пасутся эти разнородныя животныя вмѣстѣ, спокойно пощипывая травку, пока спокойны страусы; но какъ только эти осторожныя птицы почуютъ опасность и побѣгутъ, все разношерстное стадо кидается вслѣдъ за ними.

Рис. 6. Прыгуны.

Ближайшіе родственники верблюдовъ, *гуанако, лама, альпака* и *вигонь*, живущія въ Кордильерахъ Южной Америки, всѣ—животныя общественныя. Гуанако собирается стадами до 100 головъ. Такое стадо состоитъ наичаще изъ одного стараго самца, при множествѣ самокъ и дѣтенышей. При началѣ засухи все общество перебирается къ вершинамъ Кордильеровъ до самой снѣговой линіи, позднѣе спускается въ зеленѣющія долины. По временамъ стада предпринимаютъ дальнія странствованія къ излюбленнымъ пастбищамъ. — Ламъ держатъ большими стадами на плоскихъ возвышенностяхъ Перу. Каждое утро онѣ безъ пастуха отправляются со дворовъ на пастбища, а къ вечеру возвращаются домой, нерѣдко приводя съ собою дикихъ гуанако или вигоней. Если къ пастбищу приближается путешественникъ, все стадо съ любопытствомъ бѣжитъ рысцей навстрѣчу ему. — Альпаки также остаются цѣлый годъ большими стадами на вольныхъ пастбищахъ горныхъ равнинъ и загоняются на дворы лишь ко времени вывода молодыхъ. Подобно гуанако, вигони также составляютъ стада изъ одного самца и многихъ самокъ. Самецъ чрезвычайно бдителенъ, возвѣщаетъ о каждой опасности рѣзкимъ свистомъ и въ бѣгствѣ всегда замыкаетъ стадо послѣднимъ въ арьергардѣ. Лѣтомъ онѣ остаются въ долинахъ, но какъ только пройдетъ время засухи, онѣ, подобно гуанако, взбираются на склоны Кордильеровъ. Кромѣ этихъ правильныхъ стадъ, образуются еще табуны изъ однихъ самцовъ, побѣжденныхъ на поединкахъ съ болѣе счастливыми соперниками или молодыхъ прогнанныхъ самками. Въ такомъ табунѣ нѣтъ ни вожака, ни порядка, и все стадо при малѣйшей опасности приходитъ въ страшное смятеніе.

Лось нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ живетъ небольшими стайками, но не склоненъ къ общественной жизни. Старые самцы, ко времени выводки дѣтенышей, образуютъ отдѣльныя группы, а самки въ свою очередь разсыпаются каждая со своими питомцами.

Въ большихъ сплошныхъ лѣсахъ Западной Европы даже неохотникъ натыкается иногда на довольно большія стада *оленей*, и можетъ наблюдать что самки со своими дѣтенышами образуютъ отдѣльныя отъ старыхъ оленей общества. Только старые матерые самцы ведутъ отшельническую жизнь до брачной поры. Вожакомъ оленьяго стада обыкновенно бываетъ самка. Лѣтомъ отдѣльныя стада встрѣчаются довольно высоко въ горахъ, зимою спускаются глубже въ долины. Таковъ-же образъ жизни *виргинскаго оленя* въ лѣсахъ Сѣверной Америки.—Остъиндскій *аксисъ* живетъ крупными стадами, выходитъ по ночамъ на кормежку, а днемъ держится въ бамбуковыхъ лѣсахъ или въ травяныхъ заросляхъ. — Самцы *бородача* въ Индіи послѣ брачной поры отдѣляются отъ стада, но держатся неподалеку отъ него и лѣтомъ вмѣстѣ съ нимъ передвигаются къ озерамъ, а въ дождливое время на горы.—*Олень пампъ* Южной Америки и наша *косуля* живутъ попарно или небольшими группами.

Широко раскинулись на западѣ Сѣверной Америки безлѣсныя, поросшія низкою травой, такъ называемыя „степи бизоновъ". Здѣсь съ сентября до марта живетъ *вилорогъ* (Antilope furcifer) стадами въ нѣсколько сотъ головъ. Съ марта-же самки отдѣляются для вывода дѣтенышей, а старые самцы ведутъ скитальческую жизнь въ окрестностяхъ. Къ осени всѣ снова соединяются въ большія стада.

Поросшія преимущественно мимозами степи Средней и Южной Африки—родина великолѣпнаго *жирафа*. Здѣсь бродитъ онъ кучками въ 6—8 головъ, а въ мѣстностяхъ особенно безопасныхъ, собирается въ стада и до 60 штукъ.

Гораздо многочисленнѣйшія звѣриныя общества представляютъ крупныя антилопы, собирающіяся по нѣскольку тысячъ вмѣстѣ. *Газель* образуетъ стайки въ 3 — 8 особей, рѣже отъ 40 до 50 головъ. Также африканскій *куду, сернобыки, нильгау* или *голубыя антилопы* живутъ большею частію попарно или мелкими группами. Напротивъ, *серны, прыгуны, бубалы, гну* и *оленебыки* собираются громадными стадами. Весьма общительная серна образуетъ нерѣдко многочисленныя стаи, состоящія изъ молодыхъ самцовъ, самокъ и дѣтенышей, тогда какъ старые козлы держатся особо. Не однимъ охотникамъ доставляетъ истинное удовольствіе подкрасться къ такой компаніи на волѣ и наблюдать ея нравы. Во главѣ стада стоитъ обыкновенно старый, опытный и бывалый въ передѣлкахъ козелъ, которому и выпадаетъ роль вожака въ странствованіяхъ и въ бѣгствѣ. Пока стадо спокойно отдыхаетъ гдѣ-нибудь на обрывѣ утеса, нѣсколько сернъ постоянно караулятъ въ разныхъ мѣстахъ, и каждый сторожъ, завидѣвъ опасность, даетъ рѣзкій свистокъ, послѣ чего все стадо съ вожакомъ впереди несется прочь.—*Прыгунъ* (рис. 6 на стр. 837) водится въ громадныхъ количествахъ по неоглядным, скуднымъ растительностью пустынямъ Южной Африки. Когда пересохнутъ болота—что случается почти черезъ каждыя пять лѣтъ—милліоны этихъ звѣрей направляются къ Капской области, уничтожая по пути всякую растительность. Только съ наступленіемъ дождей возвращаются они на родину. Каждое стадо — „бечевниковъ", какъ ихъ называютъ голландскіе буры, — состоитъ изъ нѣсколькихъ тысячъ особей, и стада валятъ одно за другимъ. Такой походъ увлекаетъ за собою все попадающееся по дорогѣ; насущійся домашній скотъ присоединяется къ нему; даже львы попадаютъ въ общій потокъ, и не находя изъ него выхода, принуждены бываютъ слѣдовать въ общей давкѣ. Позади такихъ отрядовъ тянутся другіе львы, леопарды, гіены, шакалы и хищныя птицы, легко находящія при этомъ обильную добычу. Такъ какъ антилопы, двигающіяся во главѣ шествія, легче прочихъ находятъ подножный кормъ, то онѣ постоянно жирѣютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ облѣниваются и отстаютъ; поэтому въ теченіе странствованія голодные задніе ряды протискиваются впередъ и такимъ образомъ идетъ постоянная смѣна передовыхъ отсталыми. Странныя движенія продѣлываетъ такое стадо прыгуновъ, если внезапно вспугнуть его съ мирнаго пастбища. Почти отвѣсными, въ сажень высоты и $2^1/_2$ сажени длины, прыжками уносится все стадо, представляя одно изъ самыхъ диковинныхъ зрѣлищъ. Прыгуны часто встрѣчаются въ компаніи съ гну, страусами, квагами, причемъ ихъ необычайная бдительность идетъ на пользу прочимъ, менѣе осторожнымъ антилопамъ.—Громадныя стада *бубаловъ пестрыхъ, бѣлолобыхъ* и *каамъ* оживляютъ плоскія возвышенности внутренней Африки, большею частью въ товариществѣ съ гну, прыгунами и страусами. Стада каамъ всегда предводимы старымъ козломъ.—Скудно поросшія мимозами луговыя степи Южной Африки населены многочисленными стадами *оленебыковъ* въ нѣсколько сотъ головъ, распадающимися въ свою очередь на болѣе мелкія группы въ 8—10 штукъ. Во время засухи, они переселяются въ обильныя влагой низменности, причемъ все стадо ведетъ старый самецъ.—Громадными стадами, соединяясь съ прыгунами и квагами, скитается *гну* (рис. 5 на стр. 837) по внутренней Африкѣ и ежегодно предпринимаетъ дальнія странствія въ поискахъ за пищей. Когда къ такому стаду приближается путешественникъ, эти веселыя и подвижныя антилопы со всѣхъ сторонъ окружаютъ его экипажъ забавными прыжками и курбетами.

Козы и *овцы* всѣ безъ исключенія живутъ большими или меньшими обществами. Такъ, *горный козелъ* (рис. 7 на стр. 839) въ Пиренеяхъ собирается стадами во сто штукъ, причемъ козлы держатся отдѣльно отъ козъ, и во главѣ каждой группы стоитъ сильнѣйшая и старѣйшая особь. Такой вожакъ идетъ впереди, осматриваетъ и обнюхиваетъ мѣстность, затѣмъ подзываетъ стадо, отправляется снова впередъ и такимъ образомъ предусмотрительно заботится о безопасности своего стада. На пастбищѣ всегда выставляется нѣсколько сторожей. Свистъ увѣдомляетъ о грозящей опасности. Особенно осторожны самки.—*Безоардовый козелъ* Западной и Средней Азіи въ брачную пору живетъ небольшими стаями, остальное время года—стадами въ 40—50 головъ.—*Аргали* Средней Азіи точно также въ брачную пору собирается небольшими стаями въ 10—15 штукъ, изъ коихъ во время пастбища то та, то другая поперемѣнно сторожитъ. — *Муфлонъ*, хотя и ставшій довольно рѣдкимъ вслѣдствіе постояннаго преслѣдованія охотниками, все еще встрѣчается по недоступнымъ, обрывистымъ горнымъ утесамъ Сардиніи и Корсики стадами отъ 50 до 100 штукъ, подъ водительствомъ стараго, сильнаго козла; къ брачной порѣ стада эти распадаются на мелкія группы. Муфлоны также выставляютъ сторожей, которые предупреждаютъ товарищей объ опасности тревожнымъ крикомъ. — *Качкаръ* населяетъ горныя равнины внутренней Азіи, зимой стадами отъ 5 до 30 головъ. Къ такому обществу принадлежатъ нѣсколько самцовъ, одинъ изъ коихъ дѣлается вожакомъ. Онъ идетъ всегда впереди, но временамъ останавливается, дабы увѣриться въ безопасности окрестностей, взбирается на высокіе утесы, чтобы лучше оглядѣть мѣстность, и какъ только завидитъ что-либо подозрительное, опрометью кидается на-утекъ и все стадо за нимъ. На ночлегахъ и отдыхахъ козлы всегда ложатся нѣсколько поодаль, чтобы лучше обозрѣвать мѣстность.

Всѣ *быки* безъ исключенія живутъ обществами, нерѣдко стадами въ нѣсколько тысячъ особей подъ водительствомъ старика. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда вожакъ усвоитъ себѣ злыя повадки, онъ изгоняется всѣмъ обществомъ и осуждается на одинокую жизнь. Стадами въ 20—30 штукъ населяетъ *мускусный быкъ* долы и низменности сѣверныхъ тундръ. Когда же осенью переходитъ въ лѣса или лѣтомъ приближается къ рѣкамъ, то соединяется въ огромныя стада.—*Якъ* тибетскихъ горъ живетъ большими обществами только въ мѣстностяхъ изобилующихъ богатыми пастбищами, большею же частію встрѣчается мелкими группами. Такія стайки, впрочемъ, не отходятъ далеко одна отъ другой, и при опасности соединяются въ общее стадо, окружая дѣтенышей и молодыхъ какъ бы кольцомъ, а сами ожидаютъ нападенія, причемъ нѣкоторые быки отходятъ отъ главныхъ силъ, словно образуя форпосты. Если угрожаетъ серьозная опасность, все стадо обращается въ бѣгство, наклонивъ головы къ землѣ, затѣмъ останавливается перевести духъ, снова окружая дѣтенышей, и если нужно, вторично бѣгутъ, на этотъ разъ уже гораздо дальше.—*Кафрскій буйволъ* живетъ стадами въ 40—50 головъ, иногда же и въ нѣсколько сотъ, по болотистымъ мѣстностямъ или въ дѣвственныхъ лѣсахъ и даже безлѣсныхъ степяхъ Средней и Южной Африки; въ первобытномъ лѣсу, если нѣтъ слоновьей или носорожьей тропы, онъ со страшной силой прокладываетъ себѣ собственную дорогу. —

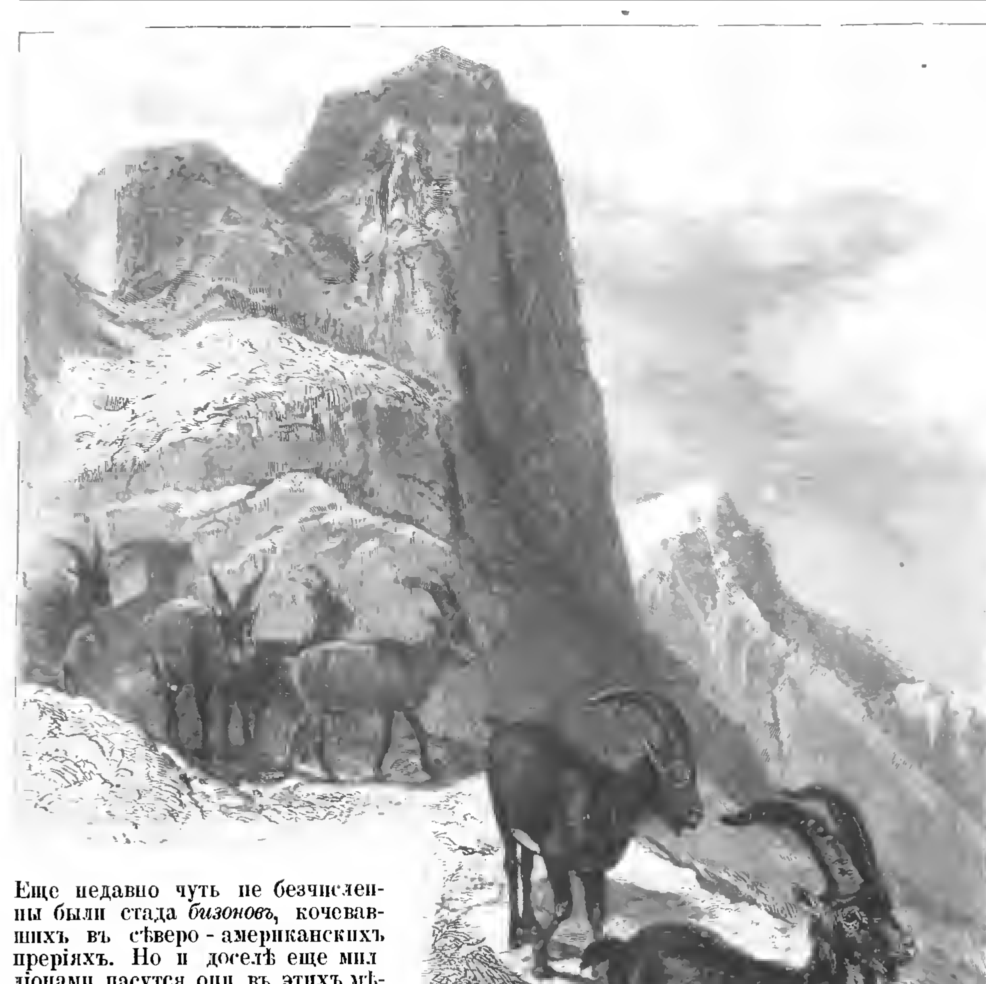


Рис. 7. Горные козлы.

Еще недавно чуть не безчисленны были стада *бизоновъ*, кочевавшихъ въ сѣверо-американскихъ преріяхъ. Но и доселѣ еще миллiонами пасутся они въ этихъ мѣстахъ. Безконечныя стайки, то быковъ, то коровъ съ телятами, щиплютъ траву одна возлѣ другой, и такимъ образомъ подвигаются дальше. Къ зимѣ они все тѣснѣе скучиваются, идя такъ-называемою „буйволовою тропой", строго опредѣленнымъ путемъ, громадными скопищами на югъ, весною же возвращаются на сѣверъ. Громадныя массы воронья, орловъ, коршуновъ и волковъ слѣдуютъ за ними.

Строго обособленную отъ другихъ стадъ семейную жизнь ведутъ общества *слоновъ* (рис. 9 на стр. 840), насчитывающія отъ десятка до нѣсколькихъ сотъ головъ. Пришлые слоны въ такую семью не допускаются, и даже случайно отбившійся отъ стада товарищъ навсегда изъ него исключается. Умнѣйшій въ стадѣ слонъ становится вожакомъ, ему безусловно повинуются прочіе, а онъ исполняетъ свою должность съ изумительными обдуманностью и вниманіемъ. Путешественники не нахвалятся, съ какою предусмотрительностью вожакъ водитъ свое стадо на пастбище или на водопой, какъ онъ то и дѣло лично освѣдомляется нѣтъ-ли какой опасности, какъ беззвучно ступаетъ при этомъ колоссальный звѣрь, какъ разставляетъ сторожей на приличныхъ мѣстахъ, формируетъ передовой отрядъ и арьергардъ, прежде чѣмъ дозволить всему стаду двинуться въ путь, и какъ слѣпо ему повинуется все общество. Въ первобытномъ лѣсу слоны прокладываютъ большія дороги, которыми впослѣдствіи пользуются путешественники.

Въ богатыхъ разсѣлинами прибрежныхъ и пустынныхъ горахъ Африки, на краю утесовъ попадаются цѣлые ряды *жиряковъ* или *дамановъ*, которые постоянно живутъ обществами, оставаясь вѣрными своей осѣдлости. Пасясь или отдыхая, они всегда выставляютъ часовыхъ.

Весьма общительны также *кабаны*, которые держатся стадами, день проводятъ на логовищѣ, а къ вечеру выходятъ на кормежку. — Стадами живетъ и *бородавочникъ* Средней Африки: стая ихъ сообща даетъ отпоръ нападающему и можетъ стать весьма опасною охотнику.

Гиппопотамы (рис. 8 на стр. 839) образуютъ мелкія стайки и крупныя стада. По сосѣдству съ ними всегда держится маленькая *цапля-выпь* и *крокодиловый сторожъ* (Hyas aegyptiacus), которые ловятъ на хребтѣ гиганта всевозможныхъ паразитовъ; сторожъ повидимому даже предупреждаетъ гиппопотама своимъ крикомъ объ опасности.

Настоящіе кочевники и притомъ живущіе обществами суть *киты*. Сотни нерѣдко различныхъ видовъ собираются вмѣстѣ и совершаютъ свои странствія по волнамъ океана. Обыкновенно подобными стаями предводительствуютъ нѣсколько самцовъ. Потребность въ пищѣ, родственныя связи, инстинктъ общественности и любовь къ переселеніямъ удерживаютъ ихъ вкупѣ.—Маленькими стайками рыщутъ по морю за добычей кровожадные *дельфины-косатки*, поднимая спинной плавникъ на подобіе сабли надъ поверхностью воды, или насытившись сокращаютъ свой досугъ всевозможными играми между собою. Тѣсно сплоченными стадами, нерѣдко въ нѣсколько сотъ штукъ — моряки называютъ эти скопища „школами"— спѣшатъ за кораблемъ *обыкновенные дельфины (морскія свиньи)*, кувыркаясь и прыгая надъ водой. — Многотысячныя стада образуютъ самцы и самки *нарвала* (рис. 10 на стр. 840), который большую часть года проводитъ на крайнемъ Сѣверѣ и только въ самыя суровыя зимы спускается къ югу.—„Школами" же въ 20 — 30 особей съ „учителемъ"—старымъ самцомъ во

Рис. 8. Гиппопотамы.

главѣ, плаваетъ громадный *кашалотъ* на глубочайшихъ мѣстахъ моря; вожакъ защищаетъ стадо отъ всѣхъ нападеній; нерѣдко нѣсколько „школъ“ соединяются стадомъ въ нѣсколько сотъ особей; иногда старые и молодые самцы образуютъ особое стадо.

Громадными стаями появляется и *полосатикъ*, ежегодно и регулярно совершающій свои рейсы между экваторомъ и полюсами.

Гренландскій китъ живетъ большею частью небольшими группами въ 3 — 4 особи. Предпринимая же свои дальнія странствія съ юга на сѣверъ и наоборотъ, онъ собирается въ сотенныя стаи.

Отрядъ беззубыхъ содержитъ въ себѣ необщительныхъ, уединенно живущихъ звѣрей. Также и между *двуутробками* лишь немногіе виды, какъ напр. *сахарная бѣлка* (Petaurus sciureus) и *кенгуру* живутъ обществами. Послѣднія попадаются стадами въ 50 — 100 штукъ, населяющими обширныя пастбища, соединенныя между собою тропинками. Старый самецъ служитъ вожакомъ, которому слѣпо повинуется все стадо, отправляясь утромъ и вечеромъ на пастбище и т. п.

Рис. 9. Слоны.

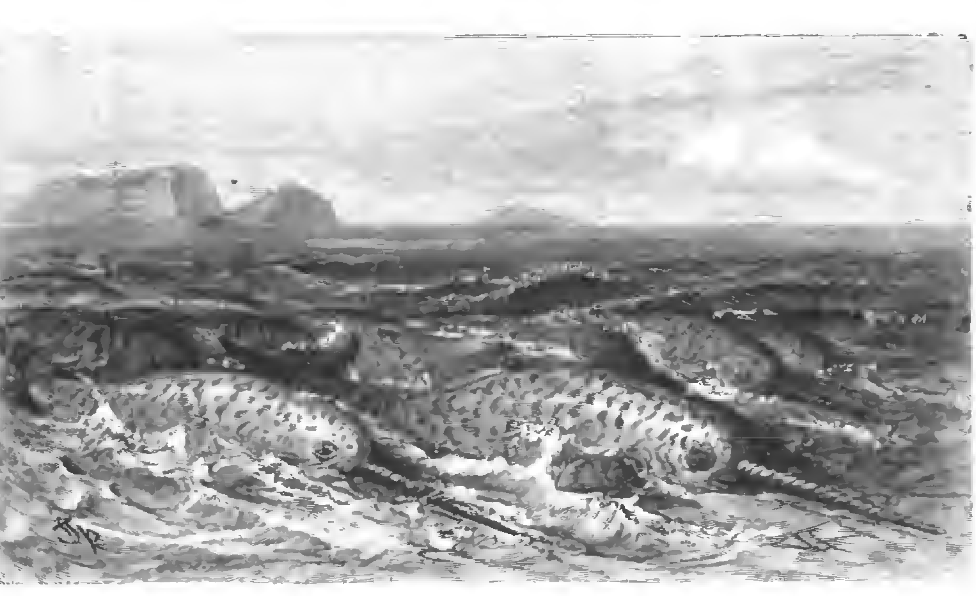


Рис. 10. Нарвалы (единороги).

Къ рисункамъ.

Церковь Св. Сампсонія въ СПБ.

(Рис. на стр. 825)

На Выборгской Сторонѣ нашей столицы, по Сампсоніевскому проспекту, стоитъ старинный храмъ византійской архитектуры, посѣщаемый по преимуществу фабричнымъ и рабочимъ людомъ той мѣстности. Это — церковь Св. Сампсонія Странноприимца, одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ Петербурга, которому въ августѣ текущаго года исполнилось ровно сто пятьдесятъ лѣтъ. Основанная Петромъ Великимъ въ воспоминаніе побѣды подъ Полтавою въ 1709 г., церковь Св. Сампсонія сперва была простою, деревянною кладбищенскою церковью и, простоявъ въ такомъ видѣ непродолжительное время, начала приходить въ разрушеніе. Тогда вмѣсто нея была въ 1728 г. заложена каменная, существующая и понынѣ, и черезъ двѣнадцать лѣтъ, по окончаніи, была освящена 19 августа 1740 года. Первоначально при церкви находилось два придѣла — во имя Св. Іоанна Богослова и Архистратига Михаила, по сооруженіи которыхъ старая деревянная церковь въ 1737 г. была разобрана и на ея мѣсто поставлена каменная часовня, и уже въ 1740 г. былъ отстроенъ главный придѣлъ во имя Св. Сампсонія, освященный Варсонофіемъ, епископомъ Архангельскимъ и Холмогорскимъ. Церковь эта хранитъ много остатковъ старины и замѣчательна своимъ предалтарнымъ иконостасомъ древней рѣзной работы съ колонками, херувимами и другими изображеніями и съ иконами греческаго письма. Изъ древностей здѣсь особенно интересны: золото-парчевая фелонь 1760 г., серебряные вызолоченные потиръ и дарохранительница, пожертвованные купцомъ Лапшинымъ въ 1765 г., вѣсомъ 1 п. 9 фунт., и два большія Евангелія, изъ которыхъ одно кіевскаго изданія 1703 г. съ символическими виршами въ честь царевича Алексѣя Петровича на первомъ листѣ книги. Съ давнихъ лѣтъ въ Сампсоніевской церкви хранятся часть ризы Господней и два серебряныхъ креста съ мощами. На западной стѣнѣ при входѣ помѣщено изображеніе Петра I, сидящаго въ лагерной палаткѣ, съ непокрытою головою, въ рыцарскомъ одѣяніи и царской порфирѣ; возлѣ государя столъ, на которомъ лежатъ корона, скипетръ и держава, а далѣе шлемъ, кирасы, знамена, барабанъ, пушка и пирамида изъ ядеръ. Въ оградѣ — кладбище, гдѣ замѣчателенъ памятникъ на могилѣ казненныхъ 27 іюня 1740 года Артемія Волынскаго, Хрущова, Еропкина. Нынѣ при Сампсоніевской церкви учреждены пріютъ для малолѣтнихъ обоего пола и богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ на частныя пожертвованія. При церкви до Екатерины II ежегодно, 27 іюня, проис-

Разграбленіе Рима вестготами Алариха. Рис. Поліаги, грав. Сабатини.

ходилъ церковный парадъ, на которомъ иногда присутствовали и государи.

За водой. (Рис. на стр. 828).

Въ Малороссіи мало рѣчекъ, мѣсто ихъ по хуторамъ занимаютъ пруды (ставы), вода которыхъ большею частью не вкусна; поэтому для питья и варки пищи берутъ воду изъ колодцевъ искусственныхъ (журавлемъ) или естественныхъ (криницъ). Рисунокъ г. Котляревскаго изображаетъ молодицу возвращающуюся отъ колодца напрямки черезъ плетень.

Голландская школа встарину. (Рис. на стр. 829).

Такъ-называемыя *пали* давно отошли въ область преданія, и въ нынѣ дѣйствующемъ поколѣніи многіе люди уже не первой молодости, по всему вѣроятію, даже не слыхивали объ этомъ педагогическомъ средствѣ. А между тѣмъ оно широко практиковалось на Руси не далѣе какъ въ тридцатыхъ и даже сороковыхъ годахъ, почти по всѣмъ семинаріямъ и сельскимъ школамъ. Это небольшая лопаточка изъ твердаго дерева, которою учитель билъ по ладонямъ провинившагося или лѣниваго ученика, причемъ послѣдній самъ долженъ былъ подставлять руку. „Всыпать" десятка два палей—было самымъ обычнымъ наказаніемъ.

Въ національной ирландской галлереѣ, въ Дублинѣ, находится интересная картина голландскаго художника Яна Стэна, изображающая школу XVII вѣка съ расправою палями. Подобно множеству другихъ соплеменниковъ, напримѣръ, Остадамъ, Куипамъ, Дову, Тербургу, Метцу, Янъ Стенъ знакомитъ зрителя со старинной домашней обстановкой современной ему Голландіи, оставляя незамѣнимыя иллюстраціи минувшей жизни. Родившись въ Лейденѣ въ 1626 году, онъ учился живописи у Н. Кнупфера въ Утрехтѣ и у Адріана ванъ-Остада, въ Гарлемѣ, 22-хъ лѣтъ онъ былъ принятъ въ гильдію живописцевъ въ Лейденѣ и съ тѣхъ поръ написалъ не мало картинъ, преимущественно сценъ изъ жизни бюргеровъ и изъ Священнаго Писанія. Онъ умеръ въ родномъ городѣ въ 1679 году.

„Молящаяся Богоматерь". Карт. К. Чиньяни.

(Рис. на стр. 833).

Итальянскій живописецъ Карло Чиньяни родился 15 мая (н. с.) 1628 года въ Болоньѣ, учился сначала у Капро, потомъ у Альбани, изучая притомъ творенія Тиціана, Гвидо Рени, Карачи и Корреджіо. Въ Болоньѣ для дворца Фарнезе онъ написалъ двѣ фрески, изображающія: одна—короля Франциска I посѣщающаго больныхъ проѣздомъ чрезъ Болонью, а другая—въѣздъ папы Павла III,—затѣмъ, по заказу герцога Пармскаго, Рануччо, „Зачатіе Пресвятой Дѣвы Маріи", и главное свое произведеніе, надъ которымъ трудился 20 лѣтъ, фрески въ куполѣ церкви Мадонны дель-Фуоко въ Форли, изображающія Успеніе Богоматери. Послѣднею его картиной было *Рожденіе Юпитера*, которую онъ написалъ на 80-мъ году жизни, для курфюрста Пфальцскаго (нынѣ въ Мюнхенской пинакотекѣ). Чиньяни умеръ 6 сентября 1719 г. въ Болоньѣ. Папа Климентъ XI назначилъ его директоромъ Болонской академіи живописи, герцогъ Рануччо возвелъ его въ рыцарское достоинство. Чиньяни былъ послѣднимъ великимъ живописцемъ Болонской школы. Стиль его своеобразенъ, концепція замысловата, рисунокъ правильный, колоритъ веселый, но не безъ теплоты; женскія и дѣтскія фигуры полны вкуса и граціи.

Разграбленіе Рима вестготами Алариха.

(Рис. на стр. 841).

Въ 410 г. по Р. Х., король (кунингъ) вестготовъ Аларихъ, уже считавшій себя истиннымъ повелителемъ Западной Римской имперіи, потребовалъ у императора Гонорія отреченія отъ престола, и получивъ отказъ, рѣшился во что бы то ни стало покончить съ Римомъ. Онъ объявилъ (третій по счету) походъ на столицу. Вѣчный городъ казался обреченнымъ гибели. Это было въ послѣдніе дни августа 410 года. Съ надеждой на добычу, исполненные отваги, пошли десятки тысячъ воиновъ Алариха изъ Этруріи на Римъ. Стѣны не могли защищать города; жители были слабы и изнѣжены. Когда готы подошли къ Риму, оборона его была такъ слаба, что нѣсколькимъ человѣкамъ удалось перелѣзть черезъ стѣну и отворить ворота. Ворвавшись въ городъ, кунингъ отдалъ его на разграбленіе солдатамъ. Съ побѣдителями соединились рабы, призванные къ свободѣ. Разрушеніе было бы ужаснѣе, если-бъ Аларихъ и его воины не были христіанами. Кунингъ, хотя и аріанинъ, запретилъ грабить католическія церкви и, подъ страхомъ смертной казни, приказалъ воинамъ щадить имущество всѣхъ духовныхъ. Свирѣпость воиновъ обрушилась на памятники языческаго искусства. Разрушены были дворцы цесарей, откуда нѣкогда шли строгія мѣры противъ германцевъ. Грабежъ города продолжался три дня и прекратился по слѣдующему поводу. Одинъ воинъ пришелъ въ домъ къ христіанкѣ и сталъ отнимать у нея золотые сосуды; но она сказала, что они священны и взяты съ гроба Св. Петра. По приказанію Алариха, эти предметы съ торжествомъ были перенесены во храмъ Апостола. Римляне, составившіе процессію, запѣли священные пѣсни. Варвары перестали свирѣпствовать, присоединились къ процессіи, и грабежъ прекратился.

Усадьба въ Гомонтовѣ. (Рис. на стр. 844).

Имѣніе „Гомонтово", въ которомъ назначено во время текущихъ маневровъ Высочайшее пребываніе Ихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, а также Германскаго императора, находится въ Петергофскомъ уѣздѣ и расположено на Нарвскомъ почтовомъ трактѣ, въ 13 верстахъ отъ станціи Касково и въ 8 отъ Чирковицъ. Ближайшая станція Балтійской желѣзной дороги, Волосово, въ 27 верстахъ. Уже въ 1884 году, Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми пробыли здѣсь 8, 9, 10, 11 августа, также во время маневровъ.

Имѣніе это принадлежитъ сенатору барону И. О. Веліо: оно родовое и съ начала нынѣшняго столѣтія находится въ рукахъ этой фамиліи.

Усадьба расположена въ ста саженяхъ отъ шоссе, и къ ней ведетъ двойная липово-березовая аллея. Домъ деревянный, двухъэтажный, на каменномъ фундаментѣ, крытый желѣзомъ. Кругомъ разбитъ садъ со старинными деревьями различныхъ породъ (въ особенности замѣчательны сибирскія пихты и лиственницы) со множествомъ цвѣточныхъ клумбъ и разныхъ цвѣтущихъ кустовъ. Садъ обнесенъ рвомъ и густо обсаженъ нѣсколькими рядами деревьевъ, такъ что извнѣ взглядъ почти не проникаетъ въ садъ. Съ другой стороны дома, на довольно открытой лужайкѣ, устроены всякія игры: качели разныхъ системъ, гигантскіе шаги, гимнастика и кегли съ бесѣдкою. Противъ крытаго подъѣзда обширный лугъ, вдоль котораго тянутся правильною линіей разныя хозяйственныя строенія: кухня, ледникъ, амбары, людскія помѣщенія, контора, конюшни и сарай, скотный дворъ, навѣсы, гумно, кузница и пр. и пр. Промежутки между строеніями вездѣ засажены группами деревъ различныхъ породъ, а заборы — хмѣлемъ или живыми изгородями изъ стриженыхъ ёлокъ и боярышника. За предѣлами сада и двора, вокругъ всей усадьбы, расположены мызныя поля на значительное пространство во всѣ стороны.

Полевое хозяйство ведется здѣсь раціональное, 12-ти-польнаго сѣвооборота съ травосѣяніемъ, при помощи машинъ и новѣйшихъ орудій; поля гладкія, ровныя и очищены отъ крупныхъ и даже мелкихъ камней. Большіе полевые камни были употреблены на строенія, какъ-то: скотнаго двора, гумна съ ригами, навѣсовъ для сѣна и сноповъ и пр., а мелкіе камни пошли на устройство дорогъ. При имѣніи содержится стадо, около ста головъ скота улучшенной породы, а молочные скопы сбываются въ Петербургѣ. Для полевыхъ работъ имѣются 12 лошадей и 8 человѣкъ годовыхъ рабочихъ. Крестьяне сосѣднихъ деревень пользуются, сверхъ своего надѣла, отъ владѣльца лишнею пахатною землею, лѣсными сѣнокосами, выгонами для скота и топливомъ, а за то справляютъ владѣльцу по условію разныя работы при уборкѣ съ поля сельскихъ произведеній.

При имѣніи около 800 десятинъ лѣсу мѣшанныхъ породъ, раздѣленныхъ на участки. Пользованіе лѣсомъ состоитъ въ заготовкѣ дровъ для продажи; вырубка-же производится ежегодно, но не сплошная, а лишь отдѣльною выборкою деревъ, достигшихъ полнаго возраста, и съ такимъ расчетомъ чтобы по истеченіи извѣстнаго срока опять возвращаться для вырубки въ первоначальный участокъ. Строевой лѣсъ вовсе не продается, а употребляется для надобностей имѣнія. Лѣсные участки, въ которыхъ производится вырубка, очищаются отъ кустарника и содержатся въ чистотѣ, такъ что скорѣе похожи на паркъ и, находясь вблизи усадьбы, служатъ самою пріятною прогулкою.

Имѣніе Гомонтово считается однимъ изъ наилучше-устроенныхъ имѣній Петергофскаго уѣзда, и посѣтители часто пріѣзжаютъ сюда для ознакомленія со всѣми отраслями хозяйства. Вообще видно, что здѣсь трудилось уже не одно поколѣніе владѣльцевъ и что тутъ приложено не мало постоянныхъ и послѣдовательныхъ заботъ и стараній. Нынѣшній владѣлецъ уже много лѣтъ проживаетъ здѣсь постоянно зимою и лѣтомъ.

Д. И. Журавскій. (Портр. на стр. 845).

Въ глуши Новгородской губерніи, на рѣчкѣ Веребьѣ, черезъ которую проходитъ Николаевская желѣзная дорога, невольно обращаетъ на себя вниманіе проѣзжающихъ длинный мостъ. Онъ тянется на протяженіи полуверсты слишкомъ и, несмотря на свои громадные размѣры, держится лишь на восьми быкахъ, не считая боковыхъ устоевъ, и образуетъ между ними пролеты въ 25½ саж. каждый. Этотъ мостъ, представляющій одно изъ замѣчательнѣйшихъ сооруженій подобнаго рода не только въ Старомъ но и въ Новомъ свѣтѣ, построенъ человѣкомъ русскимъ извѣстнымъ инженеромъ Журавскимъ, который недавно праздновалъ пятидесятилѣтіе своей, въ высшей степени полезной, служебной дѣятельности. Имя Журавскаго, какъ спеціалиста по постройкѣ мостовъ, знатока желѣзнодорожнаго вопроса и какъ прекраснаго администратора, поль-

зуется у насъ громкою извѣстностью. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ заниматься изученіемъ системы американскихъ мостовъ, посвятивъ много лѣтъ на исчисленіе раскосной системы Гау, помѣщающейся въ одной плоскости, составилъ проектъ для перестройки шпица на колокольнѣ собора Петербургской Петропавловской крѣпости, указалъ наиболѣе выгодныя направленія желѣзныхъ дорогъ, глубоко изучивъ характеръ внутренняго движенія въ Россіи и принимая въ соображеніе элементы вліяющіе у насъ на ходъ торговли. Кромѣ того, онъ болѣе пятнадцати лѣтъ дѣятельно работалъ въ Совѣтѣ Управленія Главнаго Общества, и когда Общество оказалось несостоятельнымъ въ дѣлѣ окончанія постройки безъ правительственной помощи отданныхъ ему линій, инженеръ Журавскій принималъ большое участіе въ преобразованіяхъ Общества, много поработалъ онъ и въ коммисіи, которой поручено было принять мѣры для оказанія помощи судоходству, когда въ 1876 году нашей столицѣ угрожало бѣдствіе отъ чрезвычайнаго обмелѣнія при-ладожскихъ каналовъ, служащихъ для подвоза произведеній Приволжскаго и Заволжскаго краевъ, а также лѣсныхъ матеріаловъ и дровъ, которыми Петербургъ снабжается съ береговъ рѣкъ, впадающихъ въ Ладожское и Онежское озера. Его большое сочиненіе, надъ которымъ онъ поработалъ около десяти лѣтъ, „О мостахъ по раскосной системѣ Гау“, удостоено полной Демидовской преміи и встрѣтило лестные отзывы разныхъ спеціалистовъ и извѣстнаго математика, академика П. Л. Чебышева, по мнѣнію которыхъ этотъ трудъ показываетъ необыкновенную ловкость автора въ математическихъ пріемахъ и въ приложеніи положительныхъ наукъ къ строительному искусству. Сочиненіе это по заключающимся въ немъ выводамъ и формуламъ, по замѣчанію инженеръ-генерала Дестрема, занимаетъ первое мѣсто между записками и изслѣдованіями о выгодахъ и невыгодахъ мостовъ системы Гау; составленная Журавскимъ теорія была изложена имъ ранѣе появленія гдѣ-либо разбора раскосной системы, а самый разборъ нигдѣ не былъ сдѣланъ такъ полно и удовлетворительно. Но еще болѣе прославился инженеръ Журавскій исполненіемъ трудной и замѣчательной по смѣлости, прочности и щегольству работы сооруженія Петропавловскаго шпица, причемъ автору проекта этого сооруженія удалось сдѣлать значительное сокращеніе издержекъ по перестройкѣ шпица. Ему же принадлежитъ трудъ по возобновленію части моста черезъ рѣку Мету, истребленной пожаромъ. Въ своихъ статьяхъ по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ, напечатанныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и *Современникѣ* 1856 года, Журавскій обнаружилъ всестороннее и серьезное знакомство съ предметомъ и полную независимость взгляда, шедшаго въ разрѣзъ съ идеями французскихъ писателей по этому вопросу, которымъ придавали тогда въ Россіи не малое значеніе. Въ этихъ статьяхъ онъ проводилъ особенно настойчиво ту мысль, что по устроеніи сѣти желѣзныхъ дорогъ значительная часть отпускной торговли черноморской обратится къ морю Балтійскому. Соображенія Журавскаго впослѣдствіи вполнѣ оправдались, и нынѣ въ Либаву, портъ Балтійскаго моря, отправляется хлѣбъ изъ мѣстностей, отстоящихъ почти въ три раза дальше, чѣмъ отъ Черноморскаго порта — Николаева.

Тайный совѣтникъ корпуса инженеровъ Путей Сообщенія, членъ Совѣта Министра Путей Сообщенія, Дмитрій Ивановичъ Журавскій родился 17 декабря 1821 года въ имѣніи родныхъ своей матери, селѣ Бѣломъ, Курской губерніи, Щигровскаго уѣзда. На девятомъ году онъ былъ отправленъ въ Нѣжинъ для поступленія вольноприходящимъ ученикомъ въ Гимназію Высшихъ Наукъ князя Безбородко и, благодаря отличной домашней подготовкѣ, выдержалъ экзаменъ въ третій классъ, но по молодости лѣтъ былъ принятъ, 30 іюля 1830 года, во 2-й классъ. Оказывая хорошіе успѣхи вообще, онъ обнаружилъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, особенную наклонность къ математическимъ наукамъ. Окончивъ курсъ Нѣжинскаго лицея въ 1838 году съ правомъ на чинъ XIV класса, онъ уѣхалъ въ Петербургъ искать мѣста, но, услыхавъ о томъ, какіе блестящіе ученые — Остроградскій, Гессъ, Купферъ, Буняковскій — преподаютъ въ Институтѣ корпуса инженеровъ Путей Сообщенія, поступилъ въ это учебное заведеніе, гдѣ также блистательно окончилъ курсъ, причемъ имя его было записано золотыми буквами на мраморной доскѣ Института. Выпущенный въ офицеры, онъ поступилъ, 22 іюня 1840 года, на государственную службу и былъ назначенъ на изысканія желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою. Его неутомимая дѣятельность на линіи, проводимой тогда черезъ Новгородъ, его любовь къ дѣлу и прекрасныя познанія обратили на него вниманіе начальника Сѣверной Дирекціи, а впослѣдствіи министра, П. П. Мельникова, который оставилъ молодаго инженера при себѣ, по окончаніи работъ, для составленія проектовъ мостовъ, надъ чѣмъ онъ и проработалъ нѣсколько лѣтъ. Затѣмъ, когда ему было всего 23 года, и то неполныхъ, ему поручили постройку Веребьинскаго моста, исполненную имъ блистательно. Весною 1855 г. его командировали на изысканія желѣзной дороги между Москвою и Орломъ, а по возвращеніи въ Петербургъ осенью слѣдующаго года поручили составленіе проекта по перестройкѣ шпица въ соборѣ Петропавловской крѣпости. За эту постройку онъ получилъ чинъ полковника, и въ 1869 году былъ посланъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты для изученія желѣзнодорожнаго дѣла. По возвращеніи на родину онъ вскорѣ былъ назначенъ правительственнымъ членомъ въ Совѣтѣ Управленія Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ и съ этого времени началась его административная дѣятельность. Нѣсколько лѣтъ онъ состоялъ вице-предсѣдателемъ въ этомъ Обществѣ и въ тотъ же періодъ времени принималъ дѣятельное участіе въ Императорскомъ Техническомъ Обществѣ, гдѣ былъ девять лѣтъ предсѣдателемъ отдѣла строительныхъ работъ и сотрудничалъ въ „Запискахъ“ Общества. Въ 1873 году генералъ Журавскій явился представителемъ Министерства Путей Сообщенія на Международномъ Статистическомъ конгрессѣ и былъ избранъ вице-предсѣдателемъ отдѣла коммерческой статистики. Въ 1877 г. онъ былъ назначенъ директоромъ Департамента желѣзныхъ дорогъ и на него было возложено завѣдываніе техническо-инспекторскимъ комитетомъ. Заслуги Д. И. Журавскаго достойно награждены: онъ имѣетъ ордена Бѣлаго Орла, Св. Владиміра 2-й степени, Св. Анны и Станислава первыхъ степеней, персидскаго Льва и Солнца 1-го класса и другіе, и состоитъ почетнымъ членомъ Русскаго Техническаго Общества и другихъ учрежденій. Въ *Журналѣ Министерства Путей Сообщенія* и въ разныхъ газетахъ напечатано много статей его по разнымъ отраслямъ желѣзнодорожнаго дѣла.

П. Б—овъ.

Политическое обозрѣніе.

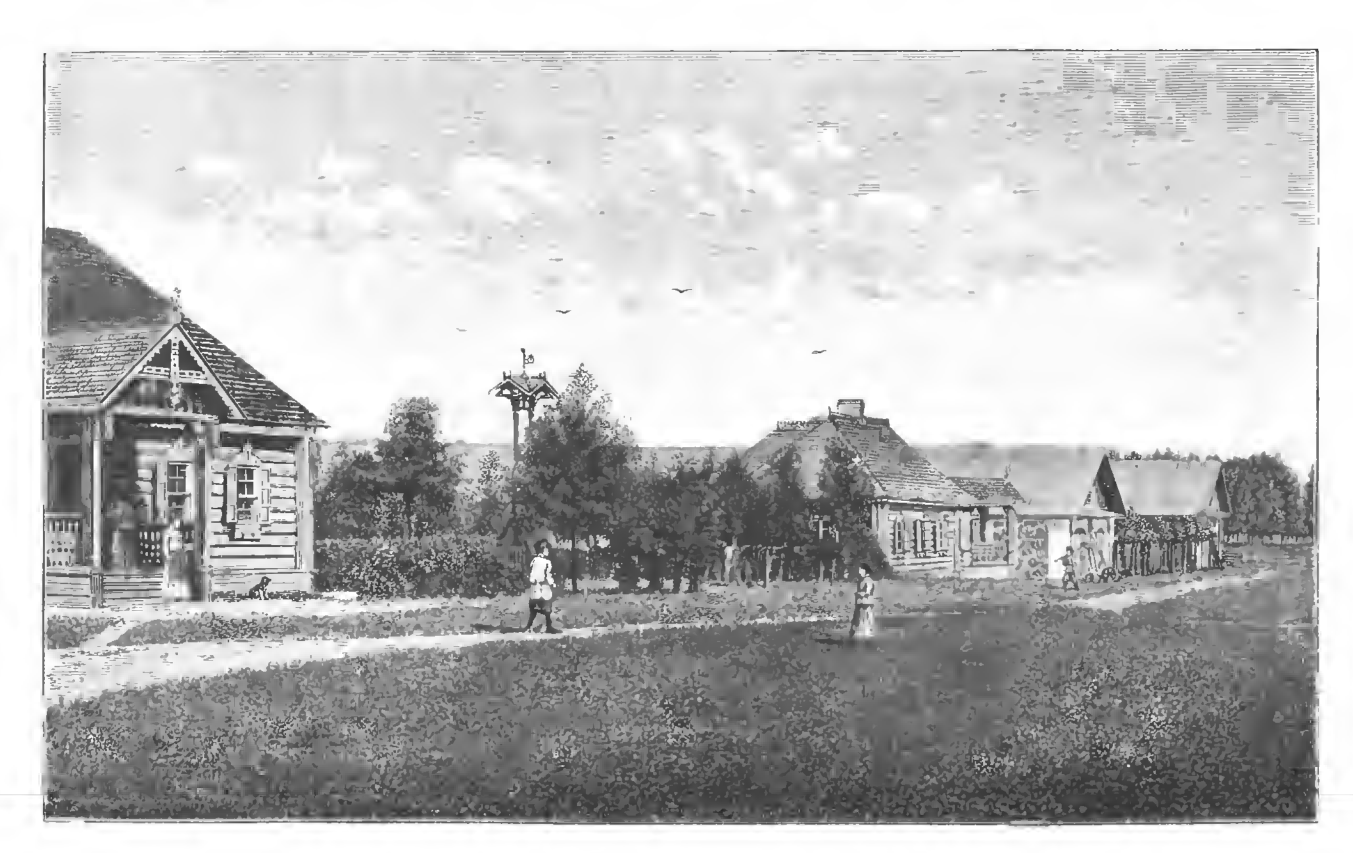
Россія нынѣ вторично чествуетъ вѣнценоснаго гостя, императора Германскаго Вильгельма II. Два года тому назадъ, только что вступившій на престолъ, молодой государь, посѣтивъ наше отечество, оставилъ въ немъ самыя свѣтлыя воспоминанія по себѣ, и съ другой стороны, могъ убѣдиться въ томъ, что Россія желаетъ жить въ мирѣ и добромъ согласіи съ германскимъ народомъ. Настоящее посѣщеніе только усилитъ и укрѣпитъ это убѣжденіе и явится новымъ залогомъ всеобщаго мира. За границей печать придерживается того же мнѣнія. Личный органъ графа Кальноки, вѣнскій *Fremdenblatt*, привѣтствуя предстоящія свиданія Монарховъ, видитъ въ нихъ гарантію мира. Указывая на несомнѣнное миролюбіе русской политики, офиціозный органъ выражаетъ надежду, что теперь удастся достигнуть долговѣчнаго мира, а также и разрѣшенія существующихъ тревожныхъ политическихъ задачъ. *Italie* говоритъ, что посѣщеніе Россіи императоромъ Вильгельмомъ является, преимущественно, актомъ почтительной вѣжливости, согласнымъ съ русско-германскими традиціями, и что оно не вызоветъ никакого осложненія. По мнѣнію газеты, императоръ Вильгельмъ желаетъ, чтобы Русскій Царь водворилъ миръ. По отзыву газеты *Riforma*, поѣздка Германскаго императора въ Россію, упрочивающая миръ, безусловно желательна для обѣихъ сторонъ и не можетъ не имѣть значенія; противное утверждаютъ только враги мира. Изъ этого видно, что нынѣшняя поѣздка императора производитъ въ Италіи хорошее впечатлѣніе. Въ Берлинскихъ политическихъ кружкахъ высказывается мнѣніе, что значеніе нынѣшняго свиданія Императоровъ Россійскаго и Германскаго заключается не столько въ способствованіи разрѣшенію конкретныхъ международныхъ вопросовъ, сколько въ новомъ упроченіи дружественныхъ отношеній между обѣими сосѣдними имперіями, которыя связаны искреннимъ миролюбіемъ. Большая часть газетъ предоставляетъ себѣ высказать свое мнѣніе о свиданіи послѣ посѣщенія императоромъ Вильгельмомъ Россіи. Изъ появившихся пока отзывовъ заслуживаетъ упоминанія статья *Hannoverscher Courier*, гдѣ напоминается о словахъ, сказанныхъ на смертномъ одрѣ императоромъ Вильгельмомъ I, который настоятельно совѣтовалъ тогдашнему принцу Вильгельму заботливо поддерживать дружбу къ Россіи. Далѣе газета указываетъ на услуги, оказанныя Россіею Германіи, и въ заключеніе говоритъ: „Поѣздка императора въ Россію составляетъ продолженіе такой же политики, какою была политика князя Бисмарка, направленная къ поддержанію мира“.

Въ путешествіе императоръ Германскій, въ сопровожденіи имперскаго канцлера и прочихъ лицъ свиты, выѣхалъ 2 августа въ $2\frac{1}{4}$ ч. пополудни черезъ Киль. Оттуда яхта „Hohenzollern“ съ императоромъ Вильгельмомъ вышла въ 10 ч. вечера въ море. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ въ море корветъ „Irene“. 4 августа яхта „Hohenzollern“ и корветъ „Irene“ съ императоромъ Вильгельмомъ и принцемъ Генрихомъ показались, въ $9\frac{1}{4}$ час. утра, въ виду Мемеля и, принявъ почту, ушли въ сѣверномъ направленіи.

Въ тотъ же день ко вновь построенной и великолѣпно убранной платформѣ у дома г. Половцева, близь Нарвы, стали послѣ 6 часовъ дня съѣзжаться всѣ находящіяся здѣсь на лицо военныя и гражданскія власти и дамы высшаго обще-

Нарвскіе маневры. Усадьба „Гомонтово“ (Петергофскаго уѣзда, по Нарвскому шоссе) сенатора барона И. О. Веліо. Видъ дома съ сѣв.-зап. стороны. Съ фот. грав. Рашевскій.

ства, прибыли городской голова и члены управы. Около 7 часовъ пріѣхалъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ, а въ 7 часовъ 7 минутъ остановился у платформы Царскій поѣздъ и изволили выйти изъ вагона Государь Императоръ, Государыня Императрица, Великая Княжна Ксенія Александровна, Великія Княгини Марія Павловна и Елисавета Өеодоровна, Великіе Князья Николай Николаевичъ Старшій, Михаилъ Николаевичъ и Александръ Михаиловичъ, великій герцогъ Гессенскій съ наслѣднымъ принцемъ Гессенскимъ, герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій. Городской голова, а за нимъ малая гильдія и рабочіе фабрики Штиглица и Кренгольмской мануфактуры поднесли Государю Императору хлѣбъ-соль; супруга головы поднесла Государынѣ Императрицѣ роскошный букетъ. Ихъ Величества милостиво осчастливили многихъ присут-

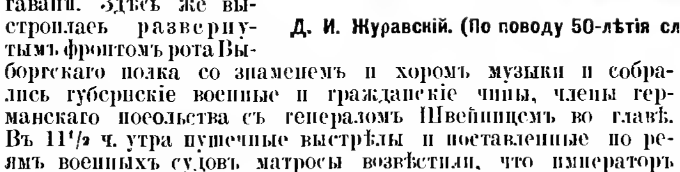


Нарвскіе маневры. Усадьба „Гомонтово“. Хозяйственныя строенія. Съ фот. грав. Рашевскій.

ствующихъ разговоромъ. Толпы народа горячо привѣтствовали Государя Императора и Государыню Императрицу, какъ только Ихъ Величества показались на крыльцѣ. Ихъ Величества въ коляскѣ съ Великою Княжною Ксеніею Александровною изволили отправиться въ домъ Половцева вдоль улицы, роскошно декорированной арками и украшеніями. Несмолкаемое „ура“ раздавалось съ обѣихъ сторонъ улицы.

На другой день державный путешественникъ прибылъ въ Ревель. Великій Князь Владиміръ Александровичъ изволилъ прибыть туда въ 6 ч. 20 м. утра съ экстреннымъ поѣздомъ, состоявшимъ изъ 15 царскихъ вагоновъ Московско-Курской желѣзной дороги и, послѣ встрѣчи властями, изволилъ остаться на станціи въ вагонѣ. Утромъ въ 10½ часовъ Его Высочество въ парадной прусской формѣ съ лентой Чернаго Орла прибылъ для встрѣчи Германскаго императора на вновь устроенный дебаркадеръ Ревельской гавани. Здѣсь же выстроилась развернутымъ фронтомъ рота Выборгскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки и собрались губернскіе военные и гражданскіе чины, члены германскаго посольства съ генераломъ Швейницемъ во главѣ. Въ 11½ ч. утра пушечные выстрѣлы и поставленные по реямъ военныхъ судовъ матросы возвѣстили, что императоръ

Д. И. Журавскій. (По поводу 50-лѣтія службы). Съ фот. Деньера, грав. Шюблеръ.



Вильгельмъ, встрѣченный на морѣ Великимъ Княземъ Генералъ-Адмираломъ Алексѣемъ Александровичемъ, отвалилъ отъ яхты „Hohenzollern“ къ берегу. Императоръ вышелъ на берегъ въ мундирѣ Выборгскаго полка, въ Андреевской лентѣ и фуражкѣ. Обнявшись съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, императоръ принялъ почетный рапортъ и при звукахъ германскаго національнаго гимна, обошелъ фронтъ почетнаго караула и поздоровался съ солдатами словами: „Здорово, Выборгцы!“ караулъ отвѣтилъ „ура“. Поздоровавшись съ лицами свиты Великаго Князя, императоръ принялъ хлѣбъ-соль отъ офицеровъ Выборгскаго полка. Послѣ того рота Выборгскаго полка прошла церемоніальнымъ маршемъ. При прохожденіи колонны императоръ говорилъ каждой: „спасибо!“ Императора окружали принцъ Генрихъ Прусскій, принцъ Саксенъ-Альтенбургскій, канцлеръ Каприви и свита. Перейдя съ Великими Князьями въ вагонъ, императоръ отправился въ вокзалъ желѣзной дороги, гдѣ, спустя 20 минутъ, пересѣлъ съ Ихъ Высочествами въ Царскій поѣздъ Московско-Курской дороги. Въ 2½ часа пополудни поѣздъ двинулся въ Нарву, куда и прибылъ въ 8 час. 30 м.

Къ 7 часамъ вечера войска шпалерами были разставлены

у дебаркадера Половцева. На самомъ дебаркадерѣ стояла почетнымъ карауломъ съ музыкою рота Преображенскаго полка и стали прибывать военныя и гражданскія власти, члены дипломатическаго корпуса, состоящіе при посольствахъ германскіе офицеры, въ полной парадной формѣ. Къ 8 ч. стали съѣзжаться члены Императорской Фамиліи. Въ 8 ч. 15 м. восторженное „ура“ возвѣстило о пріѣздѣ Государя Императора съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Государь Императоръ былъ въ формѣ прусскаго гренадерскаго Императора Александра полка съ лентою Чернаго Орла. Вступивъ на дебаркадеръ, Государь обошелъ почетный караулъ и изволилъ съ нимъ поздороваться. Въ 8 ч. 30 м. прибылъ въ царскомъ поѣздѣ Московско-Курской жел. дор. Германскій императоръ съ Великими Князьями Владиміромъ и Алексѣемъ Александровичами, принцемъ Генрихомъ Прусскимъ, канцлеромъ Каприви и свитою. Германскій императоръ былъ въ формѣ Выборгскаго полка съ лентою Андрея Первозваннаго. Государи обнялись. При звукахъ германскаго національнаго гимна, Германскій императоръ обошелъ почетный караулъ и поздоровался съ нимъ по-русски. Провожаемые восторженнымъ „ура“ собравшагося для встрѣчи всего населенія города, Государи изволили прослѣдовать въ колясвѣ въ домъ Половцева; во второй коляскѣ ѣхалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ принцемъ Генрихомъ Прусскимъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— По словамъ *Правит. Вѣстника*, 6 августа, въ 12 часовъ дня, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и императоръ Германскій присутствовали на церковномъ парадѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и гвардейской артиллеріи. Затѣмъ состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому были приглашены офицеры праздновавшихъ частей. До парада, въ десятомъ часу утра, Ихъ Величества съ Вел. Княжною Ксеніею Александровною выходили въ паркъ, гдѣ подъ окнами дачи былъ поданъ шарабанъ, привезенный въ подарокъ Ихъ Величествамъ отъ императора Германскаго. Его Величество самъ показывалъ шарабанъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ. Послѣ парада былъ завтракъ, на которомъ Его Величество Государь Императоръ по-русски возгласилъ тосты за императора Германскаго, императора Австрійскаго и за Преображенскій полкъ и артиллерію. Императоръ Вильгельмъ по-русски возгласилъ здоровье Императора Александра III.

Около 4 часовъ пополудни, оба Государя, Государыня Императрица, Великая Княжна Ксенія Александровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ и принцъ Генрихъ Прусскій посѣтили народное гулянье, на которомъ восторженно были встрѣчены народомъ, осмотрѣли Ивангородскую крѣпость, часовню Іоанна Грознаго и магистратъ. На площади Ихъ Величества и Ихъ Высочества были встрѣчены музыкою музыкальной школы, находящейся подъ покровительствомъ Вел. Кн. Владиміра Александровича. Городской голова поднесъ Государю Императору и Германскому императору альбомы видовъ Нарвы съ русскими объясненіями. Въ магистратѣ были осмотрѣны грамоты императрицъ Анны, Елисаветы и Екатерины II на имя города Нарвы, планы осады и взятія Нарвы, нѣмецкая Библія 1649 года. Во дворцѣ Петра Великаго старшина большой гильдіи поднесъ Государынѣ Императрицѣ букетъ, а Германскому императору въ роскошномъ переплетѣ описаніе города Нарвы на нѣмецкомъ языкѣ. Вечеромъ былъ сожженъ фейерверкъ.

Ночью войска выступили изъ Нарвы: начались маневры. Утромъ, 7 августа, въ сильный дождь Ихъ Величества и Ихъ Высочества, съ экстреннымъ поѣздомъ, отправились въ Ямбургъ. На маневрахъ Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ, Вел. Князья, принцы и свита были верхомъ. Сперва выѣзжали изъ Нарвы въ г. Ново-Ильинское и затѣмъ въ Ямбургѣ смотрѣли взрывы мостовъ и минъ восточнаго отряда, переправу западнаго отряда черезъ рѣку и наводку понтоннаго моста, послѣ чего былъ завтракъ въ полѣ. Въ пятомъ часу пополудни возвратились въ Нарву.

8 августа, въ 8 час. 30 мин. утра, Государь Императоръ съ Государынею Императрицею, Германскій императоръ и иностранные принцы отправились, съ экстреннымъ поѣздомъ, на маневры въ Веймарнъ и вернулись въ 4 часа пополудни.

9 августа, въ годовщину взятія Нарвы штурмомъ, совершенъ крестный ходъ и отслужено молебствіе у памятника павшимъ воинамъ. Государь Императоръ и императоръ Вильгельмъ изволили осматривать утромъ фабрики. Въ тотъ же день Ихъ Величества, Ихъ Высочества и иностранные принцы выѣхали изъ Нарвы, съ экстреннымъ поѣздомъ, въ Молосковицы, а оттуда на лошадяхъ въ Гомонтово, имѣніе барона Веліо.

Морское дѣло.

— Въ настоящее время въ Новороссійскомъ механическомъ и литейномъ заводѣ въ Одессѣ строится маячная башня, заказанная дирекціею лоціи и маяковъ Чернаго и Азовскаго морей, для постановки на Кавказскомъ берегу, на мысѣ Пицунда. Самый маякъ (фонарь) заказанъ въ Парижѣ извѣстной фирмѣ „Сотеръ и Лемонье“. Башня вся желѣзная, высотою около 7 саж., имѣетъ видъ усѣченнаго конуса, значительно расширяющагося къ основанію. Остовъ башни состоитъ изъ семи горизонтальныхъ колецъ, склепанныхъ изъ угольниковъ и полосъ и соединенныхъ между собою въ вертикальномъ направленіи балками. Снаружи вся постройка обшита котельнымъ желѣзомъ. Внутри башни, отъ фундамента до верхней площадки, проходитъ желѣзная труба въ $1^1/_2$ фута въ діаметрѣ, для пріема вращательнаго механизма фонаря и для укрѣпленія къ ней желѣзной винтовой лѣстницы и площадокъ.

Торговля.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ, 8 августа, въ собраніи ярмарочнаго комитета избранъ, большинствомъ ста голосовъ, въ предсѣдатели, вмѣсто выбывающаго Н. В. Осипова, С. Т. Морозовъ.

Ярмарка въ полномъ ходу, идетъ удачно. Въ общемъ цѣны устоялись, колебаній нѣтъ. На мануфактурномъ рынкѣ высокими ситцами расторговались, цѣны московскія: въ пуховомъ товарѣ ощущается недостатокъ, цѣны на него пестрыя. Гусляки, жаловавшіеся прежде на плохую торговлю, стали торговать послѣдніе дни недурно: лодзинскими товарами торгуютъ слабо, спросъ на нихъ съ каждымъ годомъ уменьшается, особенно на бумазею, въ виду ея недоброкачественности, предпочитаютъ московскія фабрики. Всѣ крупные мануфактуристы торгуютъ отлично, персіяне къ закупкамъ мануфактуры почти не приступали, ждутъ разрѣшенія вопроса о возвратѣ пошлины.

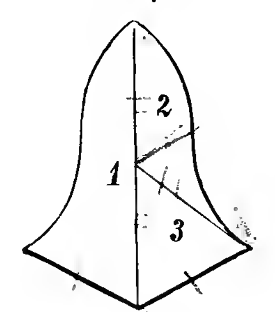
Наука.

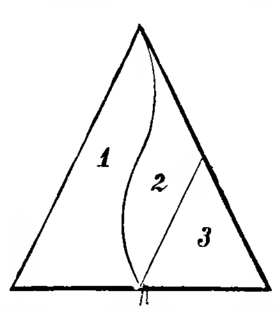
— Лаборантъ минералогическаго кабинета Новороссійскаго университета, М. Д. Сидоренко, командированъ университетомъ въ деревню Широкую, на Тилигульскомъ лиманѣ, для изслѣдованій найденныхъ тамъ залежей окаменѣлостей. По доставленнымъ образцамъ профессоръ И. Ѳ. Синцовъ нашелъ, что залежи представляютъ большой научный интересъ.

Изъ губерній и областей.

— Съ границы Персіи сообщаютъ, что тамъ недавно произошла стычка между казаками и мусульманами-контрабандистами. Со стороны русскихъ убитъ сотенный командиръ Полтавскаго полка офицеръ Бело, со стороны контрабандистовъ убиты 4 человѣка.

Рѣшеніе геометрической задачи № 41 (помѣщ. въ № 28).





Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг.: **СПб.** — Н. В. Панкова, С. Н. Седникова, М. Шувалова, Ф. Михель, Н. Круглова, **Москва** — Ф. А. Куликова, Л. П. Милинскаго, Н. С. Мишина, **Борзна** — М. Погибкина, **Б. Коровино** — В. К. Терскаго, **Барановичи** — В. Ѳ. Хмоловскаго, **Вильно** — А. Н. Узунова, **Вильноміръ** — С. Н. Вершилло, **Гродно** — Д. С. Нарчевской, **Емельяновка** — Д. Попова, **Ковно** — Л. Аронштамъ, **Кіевъ** — А. И. Шульженко, В. Ѳ. Гетманенко, **Кронштадтъ** — Н. Тетерина, **Кубинка** — Н. Гречишкина, **Калуга** — С. Н. Соколова, **Лебедянь** — В. П. Чурилина, **Минскъ** — Климовича, **Одесса** — К. Квперъ, А. Н. Брызгина, А. Бутми, М. Юрьева, **Оренбургъ** — Н. Гольдерина, С. Н. Потѣшина, **Пенза** — К. Н. Потѣхина, С. В. Цыганова, **Петергофъ** — А. Барсукова, М. П. Кочерина, **Паргелово** — А. Илькевича, **Саратовъ** — Ѳ. Ѳ. Рѣшетникова, **Севастополь** — К. А. Коста, **Соколка** — В. Сокольскаго, **Тифлисъ** — А. К. Аветисова, **Юхновъ** — К. Н. Олецкаго, **Ямбургъ** — Ѳ. Ѳ. Кузина, **Ярославль** — Д. И. Богоявленскаго.

Рѣшеніе шашечной задачи № 43 (помѣщен. въ № 28).

Бѣлыя.	Черныя.
1) e 3 — d 4	1) b 2 — e 5
2) h 4 — g 5	2) f 6 — h 4
3) b 4 — a 3	3) e 7 — b 4
4) a 5 — g 7	4) f 8 — h 6
5) a 3 — b 2	5) h 6 — g 5
6) b 2 — e 5	6) g 5 — f 4
7) e 5 — d 4	7) f 4 — e 3
8) d 4 — c 3	8) e 3 — g 1
9) c 3 — d 2	9) h 4 — f 2
10) d 2 — e 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ Гг: **СПб.** — Н. В. Панкова, **Москва** — В. Т. Манаева, Н. Н. Каратыгина, Н. Зекина, Н. Н. Смирнова, Н. С. Кузнецова, С. Н. Фатечева, Н. М. Митрофанова, А. Ф. Михайлова, **Елисаветградъ** — Д. Лагунова, **Калуга** — С. Н. Соколова, **Коломна** — С. Андреева.

Рѣшеніе шахматной задачи № 42 (помѣщен. въ № 28).

Бѣлые.	Черные.
1) C f 4 — h 2	1) b 6 — b 5
2) Л e 3 — g 3	2) Кр. d 4 : e 5
3) Л g 3 — d 3+	

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ С. Н. Соколова въ **Калугѣ**.

Издатель **А. Ф. Марксъ**. Редакторъ **В. Плюшниковъ**.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ новое изданіе
А. Ф. МАРКСА въ СПБ.:

ІИСУСЪ

(сынъ Навина).

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ **ГЕОРГА ЭБЕРСА**. Переводъ съ нѣмецкаго. (**Право перевода пріобрѣтено отъ автора**).

Изящно изданный томъ in 8° (387 страницъ), отпечатанный на лучшей веленевой бумагѣ, красивымъ убористымъ шрифтомъ, **съ 58-ю гравюрами** въ текстѣ, исполненными по рисункамъ художника **А. Земцова**. СПБ. 1890 г. **Ц. 2 руб.**, съ перес. **2 р. 20 к.**

Требованія просятъ адресовать въ СПБ., въ Контору журн. „Нива“ (Невскій, 6).

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УЧИЛИЩЕ ТЕХН. РИСОВАНІЯ БАРОНА ШТИГЛИЦА,

№ 4664

вѣдомства **Министерства Финансовъ**, по Деп. Торг. и Мануф. (СПБ. Соляной пер. 9) имѣетъ **цѣлью** образованіе рисовальщиковъ, живописцевъ и скульпторовъ для надобностей художественно-промышленныхъ производствъ, а также подготовленіе учителей и учительницъ рисованія и черченія для среднихъ (общеобраз. и профес.) учебныхъ заведеній. Занятія науками и художествами бываютъ ежедневно отъ $8\frac{1}{2}$ до 5 час. Продолжительность курса 5 лѣтъ. Всѣ учащіеся приходящіе. Полугодовая плата шесть рублей. **Условія пріема**: возрастъ не моложе 14 л., представленіе, при прошеніи на имя директора, свидѣтельствъ: метрическаго и объ успѣшномъ окончаніи полнаго курса трехкласснаго городского училища (съ шестилѣтнимъ курсомъ) или первыхъ четырехъ классовъ гимназіи или реальнаго училища и выдержаніе вступительнаго экзамена изъ рисованія съ гипс. орнаментовъ (22 сего августа, въ 10 час. утра).

Въ состоящей при Центр. Училищѣ **Начальной Школѣ** рисованія (до гипс. головъ включ.), черченія и лѣпленія занятія бываютъ: въ женск. отд. по понед., средамъ и четв. отъ $5\frac{1}{2}$ до $7\frac{1}{2}$ ч. веч., а въ мужскомъ отд. — по вторн. и пятн. отъ 5 до 9 час. веч. и по воскресн. днямъ отъ 10 до 2 час. дня. Для поступленія въ Начальную Школу требуются только: возрастъ не моложе 10 лѣтъ и внесеніе полугодовой платы полтора руб.

ТЕАТРАЛЬН. МУЗЫКАЛЬН. И ХУДОЖ. ЖУРНАЛЪ

„АРТИСТЪ“

Открыта подписка на сезонъ 1890/1 г. (годъ 2-й). П. № 4659

Подписная цѣна 9 р., съ перес. 10 руб. Допуск. разсрочка. Отдѣльн. №№ — 2 р.

Редакція: (Москва, Кудрино, д. Бартельсъ).

ЛѢТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англійскія растягивающіяся кушаки „**ГРАЦІЯ**“ изъ позолоченой проволоки съ массивн. позолоченымъ замочкомъ, протканные бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, золотымъ, синимъ, темно-краснымъ и чернымъ шелкомъ. **Кушаки прозрачные очень прохладительны и пріятно носить для каждой дамы.**

Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговцамъ дѣлается уступка. Единственный складъ для Россіи

у ОСКАРА ЛЕССЕРЪ,

СПБ., Садовая, 12–18, въ 1-мъ дворѣ.

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ

(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ)

дополненный 32-мя совершенно новыми, нигдѣ еще не напечатанными рисунками, алфавитами русской азбуки и красивыми монограммами. Альбомъ состоитъ **изъ 25 большихъ листовъ**, заключающихъ въ себѣ **болѣе 400 рисунковъ** разнообразныхъ вещей, буквъ, монограммъ и пр., а также и рисунокъ большаго **туалетнаго зеркала со шкатулкой.**

Цѣна альбома **1 руб.**, съ пересылкою **1 руб. 30 коп.**

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, № 5).

По свидѣтельству врачебныхъ авторитетовъ этотъ Purgativ имѣетъ слѣдующія преимущества:

Аккуратное и ВѢРНОЕ дѣйствіе.

МАЛАЯ ДОЗА.

Владѣлецъ: АНДРЕАСЪ САКСЛЕНЕРЪ въ Будапештѣ.

ПРОДАЕТСЯ у ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ и АПТЕКАРЕЙ.

ПРОСЯТЪ ТРЕБОВАТЬ

ГОРЬКУЮ ВОДУ САКСЛЕНЕРА.

Ц. 4541 10—10

CIGARETTES ESPIC contre

ASTHME & CATARRHE

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Dépôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Péter-bourg

Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

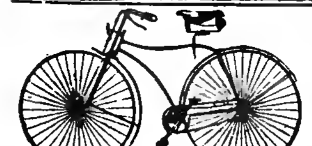
Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграницей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, *Parfumeur*, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (73)



ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. К. № 4587

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЪ“. (11)

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ПОДПИСКА НА „ЖИВУЮ СТАРИНУ“.

Съ осени (сентября октября) текущаго года Этнографическое Отдѣленіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, съ разрѣшенія Совѣтомъ Общества, предпринимаетъ изданіе журнала „ЖИВАЯ СТАРИНА“, имѣющаго выходить четыре раза въ годъ книжками въ 12 и болѣе листовъ каждая, со слѣдующими Отдѣлами: I. Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія. II. Небольшіе матеріалы съ примѣчаніями: памятники языка и народной словесности, русскіе и инородческіе. III. Критика и библіографія. Обзоръ этнографической литературы русской и иностранной. IV. Смѣсь. Частныя замѣтки. Ученыя новости. Дѣйствія ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею.

Цѣна годовому изданію 5 р. съ пересылкою во внутреннія губерніи Имперіи и за границу 5 р. 50 коп.

Редакція „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ будетъ стараться объ устроеніи новыхъ сношеній съ различными мѣстными наблюдателями во всѣхъ краяхъ Россіи, поддерживать и развивать общеніе Отдѣленія съ многочисленными членами-сотрудниками Общества и пріобрѣтать ему новыхъ, обмѣниваясь съ ними мыслями о кругѣ наблюденій и о вопросахъ ожидающихъ разрѣшенья, о выработкѣ наилучшихъ пріемовъ въ дѣлѣ записыванія и изученія особенностей языковъ, нарѣчій, поднарѣчій и говоровъ, памятниковъ народной словесности, повѣрій, преданій, примѣтъ, народнаго быта съ его обычнымъ правомъ, экономическимъ ростомъ или упадкомъ, съ домашнимъ обиходомъ и строемъ со внѣшнею обстановкою, съ народнымъ вкусомъ и чувствомъ къ изящному, съ народными воззрѣньями религіозными, нравственными, общественными, государственными и международными. При этомъ „ЖИВАЯ СТАРИНА“ будетъ удѣлять мѣсто и вниманіе не только всѣмъ разновидностямъ Русскаго народа и цѣлаго Славянскаго племени, но и всѣмъ инородцамъ Россіи. Сверхъ этнографіи въ собственномъ смыслѣ „ЖИВАЯ СТАРИНА“ будетъ принимать на свои страницы изслѣдованія и замѣтки по исторической географіи Россіи, славянскихъ земель Балканскаго полуострова, Австро-Венгріи и Германіи, исторической этнологіи Восточной Европы и сопредѣльной съ ней Азіи. Въ Отдѣлѣ Критики и Библіографіи будутъ ведены особыми спеціалистами обзоры и указатели отдѣльныхъ сочиненій и періодическихъ изданій по этнологіи и этнографіи, какъ русскихъ и славянскихъ, такъ и иностранныхъ, велико британскихъ, американскихъ, нѣмецкихъ, голландскихъ, скандинавскихъ, французскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, румынскихъ и греческихъ. Въ Отдѣлѣ Вопросы и Отвѣты редакція дастъ мѣсто отвѣтамъ Отдѣленія или ученыхъ, къ коимъ оно обратится, на вопросы и справки различныхъ мѣстныхъ наблюдателей и вопросамъ разныхъ ученыхъ къ мѣстнымъ знатокамъ.

Вообще „ЖИВАЯ СТАРИНА“ имѣетъ главнѣйше въ виду служить органомъ общенія Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и богатой научными пособіями, не скудной и живыми учеными силами столицы съ нашею провинціею, съ уѣздными городами и уѣздами по преимуществу.

Внушая любовь и интересъ къ этнографическому знанію, указывая, что сдѣлано, дѣлается и имѣетъ быть сдѣлано по народовѣдѣнію вообще, русскому въ особенности, вызывая мѣстныхъ знатоковъ къ постояннымъ сообщеньямъ и къ новымъ наблюденьямъ, „ЖИВАЯ СТАРИНА“ послужитъ Богъ дастъ и дѣлу науки, и дѣлу русскаго просвѣщенья. Наука въ правѣ ожидать массы новыхъ драгоцѣнныхъ данныхъ, высоковажныхъ открытій и разъясненій отъ строгаго этнологическаго и этнографическаго изученія всѣхъ когда либо населявшихъ и нынѣ населяющихъ Россію племенъ и народностей. Русская гражданственность и просвѣщеніе нуждается также во всестороннемъ изученіи Россіи и укорененьи въ Русскомъ Обществѣ убѣжденья въ необходимости внимательнаго и бережнаго отношенья къ окружающей дѣйствительности, къ народной жизни и обычаю, къ живой старинѣ, какъ она сложилась вѣками своеобразной жизни различныхъ краевъ нашего отечества.

Редакторомъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ будетъ всегда, независимо отъ перемѣны лицъ, Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи, въ настоящее время дѣйствительный членъ **В. И. Ламанскій**. Сверхъ Помощника Предсѣдательствующаго проф. **Н. И. Веселовскаго** и Секретаря Отдѣленія **Ѳ. М. Истомина**, ближайшее участіе въ редакціи примутъ дѣйствительные члены и члены-сотрудники: проф. **А. Н. Веселовскій**, акад. **Л. Н. Майковъ**, прив.-доц. **С. Ѳ. Ольденбургъ** и **А. Н. Пыпинъ**. Въ числѣ сотрудниковъ „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“ можемъ назвать: **Н. И. Андерсона**, **Ѳ. Д. Батюшкова**, проф. **В. В. Богишича**, **И. М. Болданова**, **Ѳ. Ѳ. Брауна**, проф. **А. С. Будиловича**, **Н. В. Волкова**, проф. **В. П. Васильева**, **А. К. Васильева**, прив.-доц. **Э. Вольтеръ**, проф. **С. М. Георгіевскаго**, проф. **К. Я. Грота**, проф. **М. С. Дринова**, проф. **И. Н. Жданова**, проф. **К. Г. Эллемана**, проф. **В. А. Жуковскаго**, проф. **А. И. Кирпичникова**, **М. И. Кудряшева**, **Д. Н. Кудрявскаго**, прив.-доц. **О. Е. Лемма**, прив.-доц. **Н. Я. Марра**, проф. **Э. Ю. Петри**, проф. **А. М. Позднѣева**, **И. Н. Половинкина**, проф. **А. И. Пономарева**, проф. **А. И. Соболевскаго**, проф. **В. Д. Смирнова**, проф. **И. Н. Смирнова**, **В. В. Стасова**, прив.-доц. **П. А. Сырку**, проф. **Ѳ. И. Успенскаго**, проф. **Т. Д. Флоринскаго**, проф. **Д. А. Хвольсона** и мн. др.

Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ. № 465

Лица, желающія доставлять сообщенія въ редакцію, благоволятъ обращаться до 1 сентября къ редактору (Владиміру Ивановичу Ламанскому) въ Новгородской губ. гор. **Боровичи**, а съ 1 сентября въ С.-Петербургъ (въ Импер. Русское Географ. Общество).

Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи Д. Чл. **В. Ламанскій.**

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И ФАБРИКА музыкальныхъ инструментовъ

Андрей Емельяновичъ

КУЛАКОВЪ

Главная контора и склады **Садовая улица, № 40, въ С.-Петербургѣ.**

Рекомендуетъ любителямъ музыки только что выпущенный музыкальный инструментъ **ПІАНО-МЕЛОДИКО**, представляющій собою въ миніатюрѣ, по звуку своему и тону, рояль или піанино и въ совершенствѣ достигающій ту гармонію и соединенія созвучій, которыя выливаются изъ-подъ пальцевъ самаго лучшаго піаниста, подъ аккомпаниментъ котораго могутъ смѣло танцовать до 100 паръ, такъ что піано-мелодико, поставленный на столъ для сыгранія пьесъ передъ обществомъ, составляетъ истинное украшеніе залъ; мелодичность звуковъ столь нѣжна и пріятна, что **піано-мелодико** можетъ привести въ восхищеніе самаго лучшаго знатока и любителя музыки. **Цѣна 85 рублей;** пьесы отдѣльно по **75 коп.** за метръ = $1\frac{1}{2}$ аршина. **Требуйте подробное описаніе;** каталогъ пьесъ и иллюстриров. прейсъ-курантъ всѣмъ музык. инструментамъ высылается безплатно. № 4352 3 2

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (32) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

Поступило въ продажу въ конторѣ журнала **„Нива"** (СПБ., Невскій, 6), а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**

„РУССКІЙ ЛѢСЪ".

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ **трехъ большихъ томовъ,** отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ **2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и политипажей и 17 эстамповъ на мѣди.**

Первый томъ имѣетъ 387 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ **предисловіе и введеніе автора, большую карту лѣсистости Европ. Россіи, печат. 14-ю красками, и карту лѣсист. Европы, печат. 6 красками**

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще: помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, пріемы возращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія, употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности, угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ, и пр. и пр.

Наконецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства: порядокъ эксплоатаціи лѣса: учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ: условія, какія должны быть включаемы въ контракты: извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу: соотвѣтственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ВСѢ ТРИ ТОМА:

При выписываніи **1-го** тома вносится **4 р.,** до выхода **2-го** тома **8 р.,** а до выхода **3-го** тома **2 р.,** а всего **14 руб.**

Иногородные подписчики на все сочиненіе за пересылку не платятъ.

За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ" будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ **значительно повышена.**

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала **„Нива"** (СПБ., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ пересылкой 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и пожелающія пріобрѣсти слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 2 р.

Дозвол. цензур., СПБ., 14 августа 1890 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** **Тип. А. Ф. Маркса,** Ср. Подьяч., № 1.

XXI г. — г. XXI

№ 34 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — 1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 25 августа 1890 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Князь В. А. Долгоруковъ.

Уже четверть вѣка „вѣдаетъ Москву“ князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, блестящій представитель древняго и знаменитаго въ исторіи Россіи рода, прекрасный человѣкъ, готовый помочь всѣмъ и каждому, другъ науки и просвѣщенія, вѣрный сынъ церкви. Съ первыхъ лѣтъ своей благотворной дѣятельности по управленію первопрестольною столицей съумѣлъ онъ внушить къ себѣ уваженіе и любовь рѣшительно всѣхъ слоевъ населенія Москвы. Необыкновенно доступный, любезный, привѣтливый со всѣми, гостепріимный, настоящій русскій хлѣбосолъ, яркій выразитель вѣрноподданническихъ чувствъ и патріотическихъ стремленій москвичей, князь Долгоруковъ постоянно и неутомимо заботится о нуждахъ Москвы и губерніи, умѣетъ цѣнить труды и заслуги другихъ и твердо, неуклонно исполняетъ свои обязанности какъ блюститель государственныхъ интересовъ, охранитель спокойствія и порядка, стоящій всегда на почвѣ строгой законности. И въ мирное время, и во дни крамолы князь Долгоруковъ показалъ свое умѣнье энергично поддержать все честное, благонамѣренное и дѣйствовать разумно противъ всякаго зла, противъ нарушителей внутренняго порядка, благосостоянія, безопасности. Обладая такими рѣдкими качествами, князь Долгоруковъ не могъ, конечно, не внушить къ себѣ симпатіи въ московскомъ обществѣ и въ народныхъ массахъ; среди москвичей онъ пользуется безпримѣрною популярностью, его личность дѣйствуетъ на всѣхъ въ высшей степени обаятельно. Дворянство чтитъ его какъ истинно-русскаго боярина, свято хранящаго лучшія дворянскія традиціи, „преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ, цвѣтущихъ временъ упованья“, любовь и неизмѣнную преданность къ престолу и отечеству, доброжелателя, покровителя и защитника

Московскій генералъ-губернаторъ, князь В. А. Долгоруковъ. (По поводу 25-лѣтія службы генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ). Съ фот. Конарскаго, грав. Шюблеръ.

всѣхъ прибѣгающихъ къ его помощи. Духовенство отдаетъ ему должное какъ ревнителю православія, радѣтелю церкви, ея интересовъ, другу Филарета, Иннокентія и Макарія, этихъ знаменитыхъ московскихъ іерарховъ. Люди науки любятъ и уважаютъ князя за его искренно сочувственное отношеніе къ наукѣ, къ дѣлу образованія и ко всѣмъ служащимъ просвѣщенію. „Въ вашемъ лицѣ — говорилъ профессоръ Н. С. Тихонравовъ князю Долгорукову на его 50-ти-лѣтнемъ юбилеѣ — учащіеся постоянно находили то теплое къ себѣ сочувствіе, которое такъ благотворно дѣйствуетъ на молодежь, а учащіе—то просвѣщенное вниманіе къ успѣхамъ науки, благодаря которому университетъ въ представителѣ высшей власти въ нашей столицѣ привыкъ видѣть не только своего почетнаго члена, но и неизмѣннаго покровителя. Съ истиннымъ участіемъ входили вы въ кругъ интересовъ университетскихъ студентовъ, съ сердечною теплотою относились къ ихъ житейскимъ нуждамъ и заботливою рукой охраняли ихъ подверженную искушеніямъ молодость. Вы любили, князь, входить въ непосредственныя отношенія къ членамъ университетской коллегіи и вашимъ личнымъ сближеніемъ съ ними согрѣвали и еще болѣе укрѣпляли живую нравственную связь, установившуюся между вами и университетомъ". Князь Долгоруковъ, разносторонняя дѣятельность котораго слишкомъ извѣстна, сдѣлалъ очень много добраго и полезнаго для Москвы въ области фабрично-заводскаго дѣла, народнаго и общественнаго призрѣнія, и не даромъ москвичи любятъ называть его *хозяиномъ Москвы*. Онъ, дѣйствительно, трудолюбивый, внимательный хозяинъ, умѣющій распорядиться во ввѣренномъ ему районѣ. Въ качествѣ предсѣдателя Московскаго мѣстнаго управленія Общества Краснаго Креста, князь содѣйствовалъ, со свойственною ему энергіей, организованію 19-ти комитетовъ Общества, въ Москвѣ и въ уѣздахъ Московской губерніи, причемъ собрано пожертвованій около полутора милліона рублей на больныхъ и раненыхъ въ послѣднюю нашу войну съ Турціей, устроено 20 госпиталей на 2,414 кроватей и снаряжены два санитарные поѣзда, которые перевезли около 12,700 воиновъ, пострадавшихъ на полѣ битвы. Принявъ на себя званіе предсѣдателя Главнаго комитета по сбору пожертвованій на Добровольный флотъ, онъ собралъ 2.250,000 рублей, а въ качествѣ предсѣдателя Комитета по сооруженію въ Москвѣ памятника Императору Александру II собралъ слишкомъ 1.200,000 рублей. По почину князя учреждена, въ 1877 году, особая коммисія для осмотра фабрикъ и заводовъ, въ техническомъ и санитарномъ отношеніяхъ. Подъ его же руководствомъ была отстроена и организована Всероссійская Промышленно-Художественная выставка, обширнѣйшая и удачнѣйшая изъ русскихъ выставокъ; дѣятельное участіе принималъ онъ въ устройствѣ и остальныхъ выставокъ—Этнографической, соединенной со Славянскимъ Съѣздомъ въ Москвѣ (1867), Политехнической (1872), Антропологической (1879), первой Московской Ремесленной. Ревностно потрудился „хозяинъ Москвы" при построеніи храма Христа Спасителя, этого великолѣпнѣйшаго, знаменательнаго религіознаго памятника Отечественной войны Двѣнадцатаго Года. Безъ малаго 20 лѣтъ руководилъ онъ, какъ предсѣдатель коммисіи по сооруженію этого храма, всѣми работами. Пріобрѣтеніемъ одного изъ полезнѣйшихъ учрежденій Москвы для дѣла народнаго здравія—бактеріологической станціи для леченія укушенныхъ бѣшеными животными—москвичи также обязаны князю Долгорукову. Въ Москвѣ нельзя не обратить вниманія на больницу и двѣ лечебницы имени князя Долгорукова, безплатно раздающія лекарства бѣднымъ, на Долгоруковскій пріютъ, гдѣ живутъ, воспитываются и обучаются ремесламъ бѣдныя дѣти, и на Долгоруковское ремесленное училище. Въ настоящемъ году „хозяину Москвы" исполнилось ровно *восемьдесятъ* лѣтъ, а онъ попрежнему бодръ тѣломъ и духомъ, умъ его свѣтелъ, сердце его согрѣто любовью къ ближнему, любовью ко всему доброму.

Князь Владиміръ Андреевичъ происходитъ изъ того древне-русскаго княжескаго рода, представители котораго оказали въ свое время столько важныхъ и значительныхъ услугъ родной землѣ. Имена родоначальника — Михаила Всеволодовича Черниговскаго, мученика за Христа, — Григорія Рощи-Долгорукова, князя Владиміра Тимоѳеевича Долгорукова, Якова Ѳедоровича, Юрія Алексѣевича Долгоруковыхъ, наконецъ Василія Михайловича Долгорукова-Крымскаго, покорителя Тавриды—навсегда сохранятся на страницахъ русской исторіи. Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ, генералъ-губернаторъ Москвы — коренной москвичъ и родился 3 іюля 1810 г. Не смотря на знатное происхожденіе и громкій, историческій титулъ, онъ дѣлалъ свою служебную карьеру не при помощи родственныхъ связей и протекцій, а благодаря своимъ личнымъ заслугамъ, и притомъ дѣлалъ ее шагъ за шагомъ. Получивъ солидное воспитаніе дома, онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище), и окончивъ курсъ въ 1829 г. началъ службу въ рядахъ лейбъ-гвардіи Коннаго полка. Впервые отличился онъ въ сраженіи подъ Жолтками во время Польскаго мятежа, начавшагося въ 1830 году, былъ затѣмъ безсмѣннымъ ординарцемъ у генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанта Нейдгарта, участвовалъ въ штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій и видѣлъ воочію окончательное покореніе Варшавы. Съ половины 1836 по 1838 г. князь находился на Кавказѣ и участвовалъ въ экспедиціи за Кубанью, а съ 1838 г. занялся практикою военнаго хозяйства и по 1845 г. съ успѣхомъ выполнилъ цѣлый рядъ порученій и командировокъ въ характерѣ этихъ занятій. Въ маѣ 1845 г. его назначили временно исправлять должность вице-директора провіантскаго департамента и спустя два года утвердили въ этой же должности. Въ то же время онъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. Въ декабрѣ 1848 г. онъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры, назначенъ въ свиту Его Величества и утвержденъ въ должности генералъ-провіантмейстера. Особенно плодотворна была его дѣятельность на этомъ поприщѣ во время Восточной войны 1853—1855 гг. Въ 1854 г. князь былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Наслѣднику Цесаревичу Александру Николаевичу, въ 1856 году сдѣланъ членомъ Военнаго Совѣта, а въ слѣдующемъ пожалованъ въ генералъ-лейтенанты и, наконецъ, 30 августа 1865 года назначенъ на высокій постъ, занимаемый имъ и донынѣ. Князь Владиміръ Андреевичъ за свои служебныя заслуги былъ награждаемъ множество разъ и имѣетъ всевозможные знаки отличія, ордена русскіе и иностранные. Между прочимъ отъ Итальянскаго короля онъ получилъ орденъ Благовѣщенія (Annunciata), дающій ему право именоваться кузеномъ королей. Различныя ученыя общества и учрежденія считаютъ его своимъ почетнымъ членомъ. Какъ любятъ москвичи своего „хозяина", это было видно во время празднованія княземъ Долгоруковымъ своихъ юбилеевъ 10-ти, 20-ти и 50-ти-лѣтняго, когда его чествовала вся Первопрестольная и когда онъ былъ, что называется, засыпанъ привѣтственными адресами отовсюду.

П. Быковъ.

Жизнь, какъ она есть.

Романъ въ пяти частяхъ. Вас. И. Немировича-Данченко.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. (Продолженіе).

Разъ дядя при ней началъ шпынять Василія Герасимовича за то, что тотъ ужъ слишкомъ поддается Боголюбъ Боголюбовичу.

— Разоритъ онъ тебя, смотри. Нищимъ будешь опять.

— Оставьте вы его... Бросьте! вдругъ съ непонятною злостью вырвалось у нея.

— Какъ „оставить"?.. Да вѣдь онъ ему ужъ около милліона стôитъ, безъ малаго.

— Нешто Васенька человѣкъ?.. На немъ кто хочетъ, тотъ и ѣздитъ. Такъ, паръ одинъ. Куда вѣтеръ, туда и дымъ.

— Прибрала бы ты его, Паша, къ рукамъ.

— И вниманія не возьму. Самой дороже стôитъ.

Савва Кузмичъ даже вздрогнулъ, замѣтивъ, какой полный ненависти взглядъ она остановила на мужѣ.

— Съ такимъ, какъ онъ, того и гляди себя потеряешь, страстно заговорила она, точно давая волю давно накопившемуся у нея негодованію. — Вы какъ думаете, какой онъ правильный? У него все по книжкѣ выходитъ. Тогда въ обители я его пугалась. Думала, семи пядей — заговорилъ онъ меня... Дура была, извѣстно... Ну, а теперь поняла. Какъ-то спрашиваю: ежели я бы да полюбила другаго?.. Кабы вы, дяденька, были моимъ мужемъ, чтô бы вы сдѣлали?

Савва Кузмичъ глазами сверкнулъ и кулакъ сжалъ.

— Нѣтъ, чтô бы вы сдѣлали?

— Своими руками бы задушилъ.

— Слышишь? обернулась она къ Сластенову.—Какъ настоящіе-то люди говорятъ! А онъ по новому. „Я-бы, говоритъ, сейчасъ вину на себя, а тебѣ разводъ!" Вотъ оно какъ, по правильному-то... Тогда говорю: „А можетъ-быть я офицера-то вольной волей поцѣловала". Что-жь онъ? „Это, говоритъ, ничего... Пожалуйста де и напредки такъ же"... Какъ съ такимъ мужемъ не потеряться? Что же я, уродъ какой что ли?.. Либо кривая или хромая?..

— Ничего я не понимаю, что съ женой дѣлается! въ тотъ же вечеръ, оставшись наединѣ съ Саввой Кузмичемъ, говорилъ Василій Герасимовичъ. — Ничего не понимаю... Ей бы кажется лучше было, если бы я съ ума сошелъ, да прибилъ ее.

— Истинно лучше... А ты какъ полагалъ?

Василій Герасимовичъ уставился на дядю.

— Чего ты?.. Вѣрно тебѣ говорю. Потому у нея характеръ сильный, здоровья до пропасти. Либо ей нуженъ такой мужъ, чтобы еще ея здоровѣй да сильнѣй былъ... Либо такой, чтобы ревностями да попреками ее изводить сталъ. Либо ей счастья съ гору, либо муку-мученскую. Ей некуда силу свою дѣвать, ну, она и страдаетъ. Терзай ее—спасибо скажетъ. Потому тогда у нея эта сила на борьбу съ тобой уйдетъ.

— Богъ знаетъ какія дикія вы вещи говорите!

— Да и женщины у насъ еще дикія водятся, другъ ты мой любезный. А то что ей за сласть державить тебя, коли тобой всякій Галопишко, да что Галопишко, шутъ этотъ Нешумовъ—и тотъ помыкаетъ. Никакой ей радости въ послушаніи твоемъ нѣтъ... Чуетъ мое сердце, чуетъ: дурно у васъ это дѣло кончится. Ой, дурно!..

Но вдругъ все точно разомъ измѣнилось у Сластеновыхъ.

Жена его стала съ нимъ попрежнему ласкова—и не только ласкова, но просиживала цѣлые вечера, глядя на него и слушая его голосъ. Она обходила комнаты, подолгу останавливаясь у своихъ любимыхъ уголковъ. Въ такія минуты на ея глазахъ Василій Герасимовичъ замѣчалъ слезы.

— Что это съ тобою, Паша? Ты, кажется, плакала? заботливо спрашивалъ онъ.

— Ну, вотъ!.. Такъ... нервы... Плачу!.. Котъ больше наплачетъ, чѣмъ я...

Она принуждала себя улыбаться ему и немного погодя вдругъ спрашивала, глядя куда-то въ сторону:

— Скажи мнѣ, какъ бы ты жилъ, кабы я вдругъ умерла?.. Ну, представь, была я — и нѣтъ меня. Въ могилѣ лежу, что-ли.

— Что это тебѣ въ голову приходитъ, блѣднѣлъ онъ.

— Трудно было бы, тяжко тебѣ, а?.. Ты подумай... Интересно знать мнѣ.

— Разумѣется... Я бы тоже, кажется, умеръ... Я не могу безъ тебя.

Она улыбалась, но ужь насмѣшливо, и головой качала.

— Нѣтъ, Васенька. Твое горе отходчиво... Куда тебѣ помирать!.. Да я умирать и не собираюсь. Такъ я, съ глупа... Пришло въ голову... А ты по правильному разсуди... Что бы ты сдѣлалъ?.. У тебя вѣдь сейчасъ въ книжкахъ на все правило есть... И на это найдется. Вѣрно найдется... Вотъ дяденька Савва Кузмичъ жаль не женился. Онъ безъ правиловъ, а по совѣсти!

Снѣгъ сталъ скоро. Началась настоящая весна. Прасковья Яковлевна затосковала.

— Я, Васенька, съѣзжу тятеньку навѣстить... да тётю... Только ради Христа Господа не увязывайся ты со мной... Дай мнѣ одной побыть. Надо... Слышишь, надо.

— Ой, не пускай! смѣялся Савва Кузмичъ, только какимъ-то опасливымъ, страннымъ смѣхомъ.

— Отчего?

— Я бы такую не пустилъ. Птица сидѣла въ клѣткѣ. Тоже просила: отвори дверцу, я сейчасъ назадъ. Только по солнышку полетаю, на цвѣтики полюбуюсь, въ теплѣ покупаюсь... Ее и пустили, а она и до сихъ поръ летаетъ!..

Прасковья Яковлевна нахмурилась...

— Я и не спросясь уйду, если захочу... Меня и вы бы не удержали, дяденька, а ему куда ужь!

— Ваши дѣла, дѣтушки, ваши... Я такъ, по-стариковски. Потому, въ обитель и ему бы хорошо было съѣздить-то... Помолиться... Зажидовѣлъ онъ съ Галопишкой этимъ.

Какъ настали ясные, теплые дни, Прасковья Яковлевна живо собралась и уѣхала.

— Пиши же, просилъ ее, прощаясь, Василій Герасимовичъ.—Я истоскуюсь безъ тебя...

— Напишу-напишу... будь спокоенъ...

На первыхъ порахъ она ему все телеграммы посылала: „здорова де, будь спокоенъ“... А черезъ мѣсяцъ и письмо пришло. Прочелъ его Василій Герасимовичъ и, какъ стоялъ, такъ и грохнулся на полъ.

Вотъ что писала ему жена:

„Прощай, другъ мой Васенька, на долго ли — не знаю... Можетъ и навсегда... Хорошій ты — и смирный, и ничего я противъ тебя сказать не могу, а только вмѣстѣ намъ не жить... Съ тобою я живо потеряю себя, потому — не настоящій ты и нѣтъ у тебя силы такой, чтобы удержать меня... Одна по добру стану жить, да Богу молиться... А съ тобой мнѣ гибель!.. Такъ ты это и знай. Помнишь ту ночь, какъ меня привезли къ тебѣ всю въ крови? Скажу тебѣ какъ передъ Господомъ, не вовсе ужь и я права была... Не тряхни карету, да не оторвись я отъ губъ его—и стекла бы не била, и тебѣ бы не видать меня, какъ ушей своихъ... Не плачь, Васенька, хоть знаю я, плакать ты будешь. Будь у тебя характеръ настоящій — никогда бы не случиться этому грѣху. Потому, знала бы я, что у меня мужъ и уваженіе къ нему чувствовала. А ты доберъ слишкомъ для нашей сестры, доберъ, такъ доберъ, что и полюбить-то тебя нельзя... Такъ ты это и знай... Не вернусь я къ тебѣ скоро. Дурнаго про меня не думай. Разъ меня Господь не допустилъ, а въ другой я и сама себя не доведу... Знаю, не поймешь ты души моей... Прочти мое письмо это Саввѣ Кузмичу. Дяденька скажетъ тебѣ, что рѣшила я по всей настоящей правдѣ-совѣсти... Прощай пока, Васенька, и соблюдай себя отъ злыхъ людей, а я стану за тебя вотъ какъ молиться Господу!.. Вѣрная жена твоя Парасковья Сластенова“...

X.

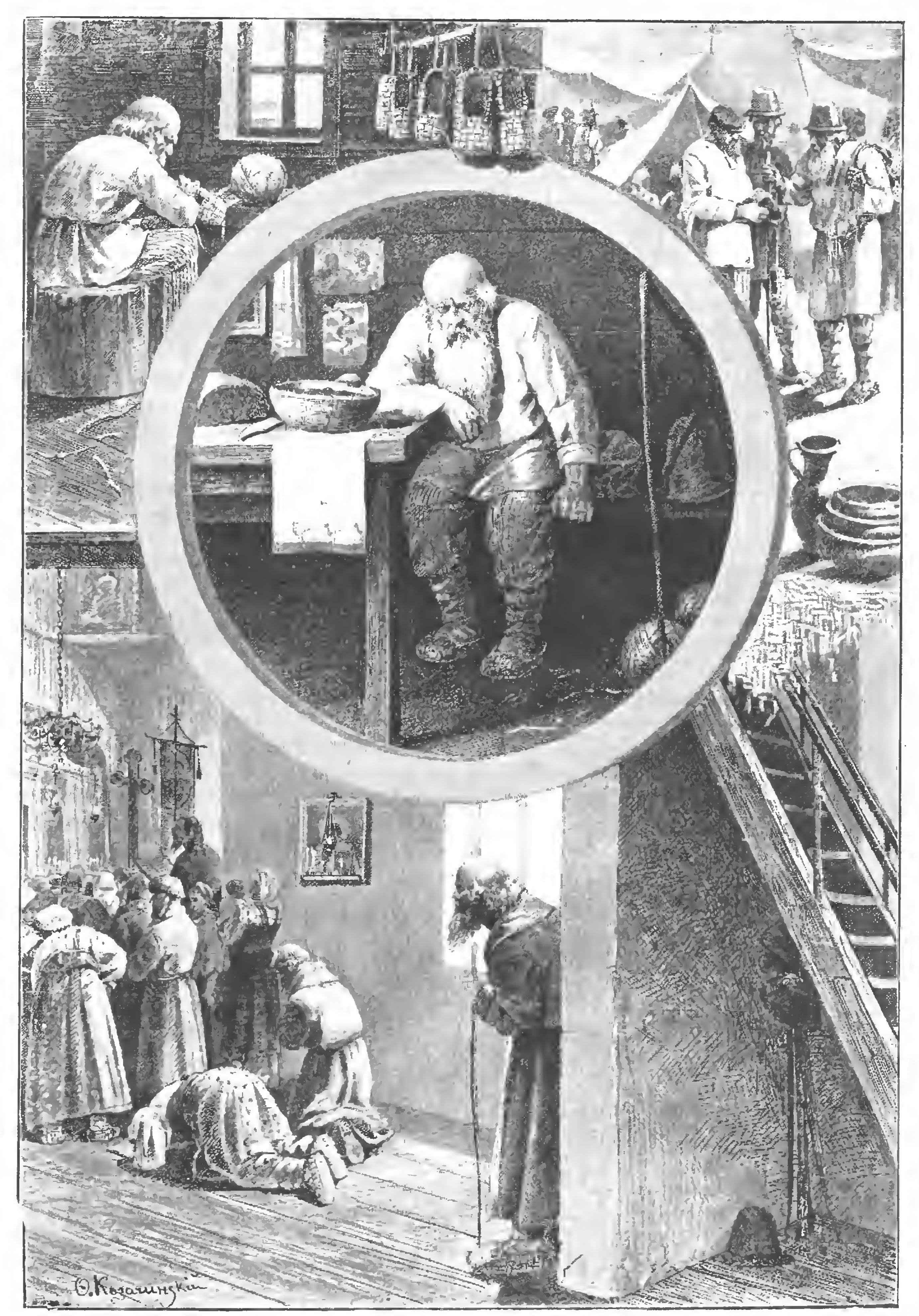
Когда Сластеновъ очнулся—было уже темно.

Онъ чувствовалъ только, что сейчасъ случилось ужасное, безповоротное, что броситъ свою густую непроницаемую тѣнь на всю его жизнь. Этому несчастному милліонеру было жутко и холодно; онъ, не подавая голоса, забился въ одно изъ креселъ гостиной и сидѣлъ такъ долго-долго, слушая какъ маятникъ однообразно стучитъ въ часовомъ футлярѣ, какъ чьи-то дрожки за окномъ трещатъ на мостовой, какъ въ другихъ комнатахъ осторожно шагаютъ его люди, не подозрѣвающіе что здѣсь рядомъ случилось ужасное, ужасное дѣло. Въ вискахъ у него стучало. Грудь ныла. Сердце съ страшною силой билось, точно ему хотѣлось раздвинуть свою клѣтку и выйти вонъ изъ этого жалкаго страдальца. Глаза его горѣли. Во рту пересохло. Неужели онъ теперь одинъ, одинъ и навсегда? Неужели это не сонъ, не шутка, не пустая угроза? Нѣтъ, онъ слишкомъ хорошо зналъ свою жену, чтобы считать ее способною на пустыя угрозы. О Боже мой! Боже мой! За что же все это, за что?!. Вотъ оно это письмо... Это страшное письмо! Оно какъ пограничный столбъ на рубежѣ его счастливаго прошлаго и темнаго будущаго. Это будущее уже началось. Оно здѣсь. Какъ призракъ стоитъ рядомъ съ нимъ и заглядываетъ въ его испуганныя и тоскующія очи. Оно сторожитъ его. Оно знаетъ что онъ отданъ ему на жертву и ждетъ-ждетъ... Онъ не уйдетъ отъ своей судьбы — отъ этого одиночества.

Лакей, не замѣчая его въ креслѣ, вошелъ въ комнату и зажегъ лампу на кругломъ столѣ, потомъ за тѣмъ-же отправился въ слѣдующую комнату. Кузьма

Столѣтіе Троицкаго собора въ Александро-Невской Лаврѣ въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Рашевскій.

1. Главный входъ въ Лавру. 2. Соборъ. 3. Александровская церковь. 4. Серебряная рака съ мощами Св. Александра Невскаго. 5. Частная кладбищенская церковь Русанова. 6. Входъ въ Св. ворота.



Литерт. альбомъ. „Дѣдушка“, Никитина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Козачинскаго, фотохемигр. мастерской „Нивы“.

Степановичъ Козаковъ — тоже не видя барина—мягко на своихъ точно рессорныхъ ногахъ, по-лисьи какъ-то, проскользнулъ мимо, встрѣтилъ какого-то лакея и спросилъ:

— Нашего сокровища не видалъ?

— Должно у себя въ кабинетѣ сидитъ. А что?

— Пора ему чай собирать. Самъ-то вѣдь что младенецъ, не опомнится.

Не замѣчая, что письмо Прасковьи Яковлевны осталось на полу,—Василій Герасимовичъ собралъ послѣднія силы и, точно придерживая болѣвшее сердце, пошелъ въ спальню къ женѣ. Тутъ все оставалось такъ-же какъ было при ней. Онъ зажегъ свѣчу на туалетѣ, быстро вернулся къ дверямъ и заперъ ихъ. Ему было страшно подумать, что кто-нибудь другой кромѣ него можетъ войти въ эту комнату. Онъ сѣлъ въ кресло у постели и заглядѣлся на нее. Вотъ тутъ на этой батистовой наволочкѣ покоилась ея голова. Сквозь тонкую ткань, чуть-чуть поблескиваетъ шелковая подушка; въ прошивкахъ она ярко видна. Какъ красивы были *ея* черныя косы на ней когда бывало по утрамъ онъ любовался ими, разметавшимися точно змѣи, впившіяся въ ея голову! Онъ зажмуривался, представляя себѣ что она лежитъ здѣсь, что она дышетъ, и ему казалось, что онъ слышитъ ея дыханіе. Да, да... Это она. Еслибы увидѣть ее! Открыть глаза и увидѣть на минуту какъ сонъ какой-то, счастливый весенній сонъ поэтической юности. И онъ глядѣлъ — и ничего не видѣлъ: только ея смѣлое, изящное личико смѣялось ему изъ серебряной эмалированной рамы портрета, висѣвшаго на противоположной стѣнѣ. Вотъ зеркало на туалетѣ въ такой-же рамѣ... Она смотрѣлась въ него. И вдругъ это зеркало стало ему мило и дорого. Онъ издали вглядывался въ его казавшую ему безконечную глубину, надѣясь что авось тамъ смутно, неопредѣленно, едва намѣчиваясь, мелькнутъ ея чудныя черты. „Было счастье—и ты, дряблый и жалкій человѣкъ, не удержалъ его! Блеснуло тебѣ солнце любви, чистая и прелестная дѣвушка остановила на тебѣ свой ласковый взглядъ—и ты, не умѣлъ понять его: не сдѣлалъ ничего-ничего чтобы эта любовь длилась и согрѣвала твою безцвѣтную, постылую жизнь!“ По этому ковру ступала она,—часто бывало даже бѣлыхъ ножекъ своихъ въ туфли не вдѣнетъ, а такъ и идетъ босикомъ къ зеркалу и изящная мраморная ступня ея такъ и отдѣляется отъ темно-малиноваго пушистаго ковра. Вотъ книга на столѣ... Послѣдняя, которую она читала. Онъ схватилъ ее и прижалъ къ своей щекѣ. Ему казалось что отъ этихъ страницъ вѣетъ на него ароматомъ ея дыханія. Неужели это не сонъ—и она, улыбающаяся, веселая, радостная, какъ въ первое время ихъ счастья, не пройдетъ мимо и не шевельнетъ шаловливою рукой его торчкомъ попрежнему стоящіе волосы? Да нѣтъ, нѣтъ... Этого не можетъ быть. Ему почудилось. Какъ ни съ того, ни съ сего разбить и уничтожить двѣ жизни — и его жизнь, его, никогда не оскорбившаго ее ни однимъ словомъ, ни однимъ дурнымъ помысломъ! Разумѣется, все это грёзы, фантазія... Стóитъ ему только проснуться—и ужасы эти окажутся сномъ, сквернымъ отвратительнымъ сномъ, кошмаромъ, зловѣщимъ созданіемъ тяжелой и тревожной ночи. И онъ, широко открывая глаза, всматривался во все кругомъ и вдругъ падалъ въ кресло съ крикомъ:

— Одинъ, одинъ... Навсегда одинъ.

Онъ рыдалъ и бился, наконецъ-то у него открылись источники слезъ, но увы! отъ этихъ слезъ ему не легче было. Напротивъ, рыданія душили его. Онъ зарывался головою въ подушки кресла, боясь что тамъ за этой запертою дверью разслушаютъ и станутъ смѣяться надъ несчастнымъ, одинокимъ, навсегда оставленнымъ человѣкомъ. Въ безумномъ отчаяніи онъ шепотомъ произносилъ ея имя, звалъ ее, говорилъ ей нѣжныя, ласковыя слова и вдругъ останавливался прислушиваясь, не раздастся-ли около такого-же милаго отвѣта. Но, увы! кругомъ стояла тишина. Тишина склепа—и только въ дверь къ нему дѣйствительно стучали—тихо и почтительно.

— Кто тамъ? поднялъ онъ голову.

— Чай кушать подано.

— Сейчасъ... отозвался онъ и на минуту подошелъ къ зеркалу. Взглянулъ на себя. На немъ лица не было. Э, да не все-ли равно теперь!

— Уйдите... Я выйду самъ... скоро.

Когда вышелъ—онъ прочелъ испугъ на лицахъ прислуживавшихъ ему лакеевъ. Самъ Козьма Медичисъ прислуживалъ ему съ несвойственною этому великолѣпному экземпляру суетливостью. Въ дверяхъ впереди показалось разстроенное лицо горничной. Оно было все въ слезахъ.

„Почемъ они узнали?“ какъ молнія обожгло его голову. „Почемъ они узнали? А узнали — это видно по лицамъ, по движеніямъ, по всему... Гдѣ письмо?..“ Неужели онъ оставилъ его тамъ въ той гостиной?

Онъ всталъ и пошелъ туда. Письма не было... Ни на столѣ, ни у кресла на полу.

— Я тутъ оставилъ письмо, гдѣ оно? обратился онъ къ лакею. — Я его не бралъ съ собою, онъ должно бы быть здѣсь.

Тотъ сдѣлалъ равнодушное лицо.

— Я нашелъ тутъ бумагу—точно. Думалъ нужное и къ вамъ въ кабинетъ положилъ.

Сластеновъ бросился туда — письмо было на его столѣ.

— Прочитали! Теперь всѣ-всѣ знаютъ.

И дѣйствительно узнали всѣ.

Дня черезъ три заѣхалъ къ нему Боголюбъ Боголюбовичъ,—острымъ, озабоченнымъ взглядомъ окинулъ Сластенова и небрежно, какъ будто, спросилъ:

— Ну, что... какъ вы себя носите?

— Такъ... вообще... ничего... Скверно... вообще... знаете... А развѣ вы что-нибудь слышали?

Курцъ вздрогнулъ, отвернулся.

— Нѣтъ, ничего не слышалъ... Вообще... повторялъ онъ его слова. — Ничего не слышалъ.

— А я думалъ, тяжело и неискренно усмѣхнулся Василій Герасимовичъ, — я думалъ—знаете вѣдь Москва сплетничать любитъ. Думаю нивѣсть чтó толкуютъ о моей женѣ и объ ея отсутствіи. Жду... жду... Скоро пріѣдетъ.

— Ну, слава Богу! слава Богу!—и Галонъ принялъ видъ искренно обрадовавшагося человѣка. — Значитъ все это чепуха?

— Что чепуха?.. Слѣдовательно въ самомъ дѣлѣ говорили что-нибудь?

— Говорили?—нѣтъ. А въ газетахъ сегодня...

— Въ газетахъ! — Сластенова точно кипяткомъ обдало.—Чтó въ газетахъ... въ какихъ газетахъ?

— Ну, глупая сплетня. Подлые намеки. Разумѣется ни одинъ порядочный человѣкъ не придастъ имъ никакого значенія.

— Какіе намеки? И гдѣ?

— То-то и скверно, что именно въ вашей газетѣ.

— Какъ въ моей... про меня? Въ „Сегодня“?

— Именно! Я съ собой нумеръ захватилъ. Вы бы этихъ своихъ башибузуковъ къ ногтю прижали! Это чортъ знаетъ что. Вотъ полюбуйтесь.

Онъ вынулъ изъ боковаго кармана смятый нумеръ „Сегодня“. Посрединѣ было краснымъ карандашемъ отчеркнуто:

„Красавица въ бѣгахъ или близокъ локоть да не укусишь!“

— Чтó это! что это?!.

— Я заѣзжаю въ редакцію, говорю Нешумову: „какъ

вамъ не стыдно". А онъ мнѣ на это: „высшая добросовѣстность. Своихъ—и то не щадимъ! Каковы, хвастается, у насъ репортеры! Хозяина—и того привлекли къ законной отвѣтственности". Ну, Крѣпышевъ на него накричалъ. „Шантажисты всѣ вы!" Кажется даже негодяями что-ли обозвалъ ихъ.

Сластеновъ читалъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ.

Талантливое перо репортера Трепетова — превзошло сегодня само себя.

„Знаете-ли вы, прекрасныя читательницы (а можетъ быть и не прекрасныя!) великолѣпное палаццо скороспѣлаго миллiонера со сладкой фамилiей? Стоитъ этотъ дворецъ—на Рогожской, вѣроятно судьба хотѣла поднимутить надъ почтеннымъ крезомъ, сравнительно недавно еще довольствовавшимся рогожами вмѣсто одра, каковымъ онъ впрочемъ и самъ былъ... Но оставимъ шутки въ сторонѣ. Въ этомъ дворцѣ—на-дняхъ разыгралась драма... Шекспиръ, гдѣ ты?.. Одолжи мнѣ свое перо... Г-жа N. N. (тутъ была напечатана фамилiя одной изъ извѣстныхъ драматическихъ актрисъ) — вы были-бы восхитительны въ роли прекрасной купчихи, черными бровями и пламенными глазами которой увлекся—нѣкiй питерскiй Марсъ... Разсказываютъ... Но цыцъ! Молчи мое бѣдное сердце... Ни слова — ни о поцѣлуяхъ въ каретѣ, ни о выбитомъ нарочно (знаемъ какъ это нарочно!) окнѣ... Короче сказать — рогожскiй дворецъ опустѣлъ, а сладкiй миллiонеръ остался при пиковомъ интересѣ въ качествѣ соломеннаго вдовца. Не дальше какъ третьяго дня — черные глаза увѣдомили его... Но скромность, господа и госпожи, прежде всего. Могу сказать только одно—ему собственноручная супруга послала, разумѣется, въ конвертѣ съ почтовой маркой: „прощаюсь, сласть моя, съ тобою" и потомъ— „я въ пустыню удаляюсь отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ"... Разумѣется въ ту пустыню гдѣ вмѣсто львовъ— водятся господа офицеры, а роль акридъ и дикаго меда играютъ устрицы и шампанское. Опустимъ на нихъ завѣсу и пожелаемъ имъ всякаго благополучiя".

— Что это!.. Что это!.. вертѣлъ Сластеновъ въ рукахъ газету.—Дѣйствительно, жена права. Я жалкiй и пустой человѣкъ, я тряпка... Да... Но какъ они... какъ они смѣли порочить ея доброе имя!.. Бросать въ нее грязью...

— Знаете, что̀ я вамъ посовѣтую?

— Что?

— Прогоните этого Трепетова... Вы помните въ „Вороньей Масти" статьи о нашемъ домѣ, за подписью Полуторакирпичный Строитель?

— Ну?

— Это вашъ Трепетовъ все усердствовалъ.

— Но это наконецъ чортъ знаетъ что!.. Обѣщаю вамъ одно: на этотъ разъ я не буду тряпкой... Нѣтъ... довольно!.. Довольно! крикнулъ онъ во все горло, такъ что вошедшiй въ эту минуту въ комнату лакей шарахнулся въ сторону.

— Одѣваться! Ефремъ пусть запрягаетъ лошадей. Поѣдемте вмѣстѣ, Боголюбъ Боголюбовичъ.

— Слушаю-съ. Приказывайте мнѣ и распоряжайтесь мною.

Сластеновъ весь кипѣлъ негодованiемъ. Точно нужно было несчастiе, чтобы встряхнуть его, вызвать дремавшую въ его душѣ силу.

— Вы не подавайте имъ руки... Сдѣлайте общiй поклонъ и только. Если вы подадите имъ руку, вамъ ихъ жалко станетъ, наставлялъ его Курцъ, опытный психологъ по этой части.

Но сегодня Сластенова нечего было учить.

Туча-тучей онъ вошелъ въ редакцiю. Нешумовъ было бросился къ нему.

— Надѣюсь, ты не обижаешься?..

Но Василiй Герасимовичъ такъ взглянулъ на него, что Сергѣй Өедоровичъ отскочилъ живо.

— Гдѣ Трепетовъ?

Репортеръ хотя былъ уже пьянъ, но на ногахъ еще держался. Онъ развязно подошелъ и со словами: „здорово, патронъ!" подалъ ему руку. Упы! рука осталась одинокой.

— Что это вы, ваше степенство?.. Сегодня лѣвой ногой встали?

— Господа, я Трепетова выгоняю, какъ клеветника и мерзавца!.. Вонъ сейчасъ отсюда! Негодяй!

— Чего-съ?.. поблѣднѣлъ Трепетовъ. — Клеветникъ, мерзавецъ и негодяй!.. Это я?.. Господа, вы слышали? Надѣюсь, у мироваго подтвердите... А вы... вы еще раскаетесь! Въ самомъ дѣлѣ, у нихъ жены бѣгаютъ, а мы...

Но Трепетовъ не успѣлъ окончить. Откуда у Сластенова сила взялась, онъ размахнулся—и репортеръ вдругъ покатился подъ столъ...

— Убрать его! крикнулъ онъ разсыльному.—Сейчасъ же вонъ... Чтобы его духомъ не пахло! Крѣпышевъ въ кабинетѣ у себя?..

— Да-съ! оторопѣлъ Нешумовъ. — Прикажете попросить его?..

Куда дѣвался его развязный тонъ и фамильярность!

— Не надо, я самъ...

— Александръ Васильевичъ, что̀ это творится у насъ? проговорилъ Сластеновъ въ кабинетѣ.

— Что?.. Логовище разбойниковъ какихъ-то... Я ухожу, негодовалъ благородный старикъ. — Ухожу. Я не могу грязнить свое имя шантажнымъ листкомъ этимъ... У меня отъ всей моей трудовой жизни только и осталось—честное имя...

— Нѣтъ... вы уходить не должны... Позвольте мнѣ передать все дѣло въ ваши руки... Газету губить нельзя. Напротивъ, изъ нея надо создать хорошiй и добросовѣстный органъ. У насъ мало вѣдь... Возьмите ее на себя и будьте хозяиномъ. Я не способенъ. У меня эти паразиты совсѣмъ все изгадятъ.

— Какъ же это такъ? не понималъ Крѣпышевъ. — На какiя же средства я буду издавать?

— Газета ваша. Подписка ваша. Чего не хватитъ — я къ вашимъ услугамъ...

— Надо потолковать...

— Потолкуемъ. Да чего толковать! Я буду счастливъ, если вамъ удастся создать то, чего я не умѣлъ сдѣлать!.. Впрочемъ съ моей стороны смѣшно было бы и думать, чтобы въ рукахъ у такого бездарнаго человѣка, какъ я, вышло бы что-нибудь.

Черезъ часъ Сластеновъ вышелъ вмѣстѣ съ Крѣпышевымъ изъ его кабинета.

— Господа! Прощайте... Мы вѣрно больше не встрѣтимся съ вами на одной дорогѣ. Я отказываюсь отъ газеты. Ея хозяинъ и исключительный распорядитель теперь—Александръ Васильевичъ. Онъ съ вами будетъ имѣть дѣло... Отъ него вы теперь и зависите... До свиданiя, Александръ Васильевичъ. Не поминайте меня лихомъ, а добромъ не за что.

Онъ уже выходилъ изъ редакцiи, какъ вдругъ вспомнилъ что-то и заглянулъ въ контору.

— Ольга Андреевна, позвалъ онъ Кремлеву, — вы честный человѣкъ, какъ и Петръ Смарагдовичъ. Помните, я съ вами не ссорился и вовсе не желаю прекращать нашей дружбы. Если я вамъ когда-нибудь буду нуженъ—я весь къ вашимъ услугамъ.

Мордамъ даже прослезился и кинулся къ Сластенову на шею...

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Василiй Герасимовичъ проснулся, заглянулъ, раздвинулъ занавѣси, на окно... Погода была сырая, пасмурная... Точно слезинки бѣжали по стекламъ. Сѣверная

весна уже царила со всѣми своими прелестями—утренними туманами, вечерней сыростью, ночнымъ холодомъ, ранними дождями и какою-то непобѣдимою скукою, разлитою по всей этой скудной природѣ. Сѣро было небо, низко-низко ползли по немъ грузныя, тяжелыя тучи... Сластеновъ зажмурился и задвинулъ занавѣси опять. Лучше ужъ спать, чѣмъ жить въ такую погоду. Но заснуть ему не удалось. Сегодня онъ чувствовалъ себя особенно скверно... Со времени отъѣзда его жены прошло ужъ больше полутора мѣсяца—и всѣ эти дни и всѣ эти ночи, въ полномъ уединеніи слоняясь по громаднымъ комнатамъ своего дома, онъ ощущалъ такой ужасъ одиночества, что отъ души радовался, когда къ нему пріѣзжалъ даже Боголюбъ Боголюбовичъ... Этотъ понималъ угнетенное состояніе своего патрона и пользовался имъ во всю. Чеки подписывались какъ никогда. Курцъ зналъ, что мысли Сластенова были далеко, что время было самое подходящее и хозяинъ его не слушалъ, все равно, что бы онъ ему ни говорилъ. Хоть „птичку Божью“ читай. Василій Герасимовичъ только проснется въ концѣ, подыметъ отяжелѣвшую голову, спроситъ „сколько“ и подпишетъ. Боголюбъ Боголюбовичъ даже расцвѣлъ въ это время, но захваталъ такъ, что ему уже страшно становилось... А какъ копнутъ, ревизію назначутъ?.. Судъ вѣдь тогда. Прежнія недобрыя мысли заронились въ его предпріимчивой головѣ. Онъ уже подозрительно поглядывалъ вокругъ, словно задаваясь мыслью: какъ бы не догадались. Въ то же время онъ завелъ какую-то таинственную переписку, погружавшую его съ головой въ какой-то омутъ нестерпимаго безпокойства. Если бы Василій Герасимовичъ былъ не такъ простодушенъ, бѣглый и острый взглядъ Курца и его бы заставилъ вздрогнуть порою. Очевидно Боголюбъ Боголюбовичъ что-то готовилъ другимъ и къ чему-то готовился самъ. Существованіе Сластенова было теперь похоже на какія-то сумерки—все оно для него уходило въ потемки, вслѣдъ за которыми должна была наступить еще болѣе безотрадная ночь. Кто не знаетъ этихъ длинныхъ невыносимыхъ вечеровъ сѣвернаго дня, когда день все собирается умереть и никакъ умереть не можетъ, когда его агонія кажется длиннѣе цѣлыхъ сутокъ и, сумерничая, начинаешь съ апетитомъ посматривать на каждый крюкъ. Какая-то не то слизь, не то сизая мгла ползетъ на тебя отовсюду, и когда наконецъ этотъ чахоточный, болѣзненный свѣтъ на западѣ умретъ, радуешься первой свѣчѣ, какъ лучшему своему другу... Въ такихъ именно сумеркахъ теперь шла вся жизнь Василія Герасимовича. Саввы Кузмича не было въ Москвѣ. Дѣла вызвали его въ Петербургъ, и старика ждали домой не раньше какъ черезъ мѣсяцъ еще... Прежній кружокъ людей, собиравшихся у Сластенова—всѣ эти Нешумовы, Наплаксины, послѣ описаннаго въ послѣдней главѣ скандала, уже не показывались Василію Герасимовичу на глаза... Онъ даже не интересовался бывшею *своею* газетой, и когда ему лакей подавалъ ее утромъ вмѣстѣ съ другими, онъ швырялъ ее прочь, точно боясь развернуть эти опротивѣвшіе ему листы печатной бумаги... Галонъ, смотрѣвшій на него какъ на исключительное свое достояніе, убѣдилъ его не принимать никого изъ благотворителей и патронныхъ дамъ и самъ уже подумывалъ, не убѣжать ли и ему, какъ ушло все изъ этого дома, опостылѣвшаго съ отъѣздомъ Паши... Пока онъ собиралъ всѣ свои капиталы, чтобы были при немъ на всякій случай. Водохлѣбовъ разлетѣлся какъ-то, но мордастый Георгіевскій кавалеръ въ швейцарской отвѣтилъ ему кратко и выразительно:

— Не велѣно, ваше превосходительство.

За это время его изъ полковниковъ произвели въ генералы и предложили ему уйти въ запасъ. Ужь очень огласились его манежные подвиги. Такъ онъ и ходилъ забандероленный на погонахъ.

— Чего не велѣно? удивился тотъ, краснѣя и надуваясь какъ резинновый шаръ.

— Пущать никого не велѣно... Строго заказано, чтобы отнюдь значитъ. Всѣмъ одинъ отвѣтъ: „не принимаютъ никого“.

— Какъ никого?.. И генераловъ?..

— И генералы нонче не допущаются, потому Василій Герасимовичъ, по случаю собственной супруги, до сихъ поръ въ огорченіи, и кромѣ Боголюбъ Боголюбовича—сказано „не смѣть“... Ежели что, сейчасъ въ три шеи вонъ, а у меня младенцы!

— Странно!.. Вотъ пошли ему мою карточку, можетъ приметъ.

— Приказано и карточекъ ему не передавать пока что. Чтобы не безпокоить.

— То есть какъ пока? переходилъ Водохлѣбовъ отъ изумленія къ изумленію.—То есть какъ это „пока“?

— Пока, значитъ, они въ свое понятіе не войдутъ... Саввы Кузмича ждемъ изъ Питеру. Тотъ его разговоритъ.

— Что же вы его это подъ арестомъ держите?

— Сами не желаютъ. Извѣстно, они хозяева... Какъ захотѣли, такъ и дѣлаютъ. За этотъ мѣсяцъ и не выходили изъ дому. Походятъ-походятъ по комнатамъ, посмотрятъ въ окошко... Книжку развернутъ... Поснѣдаютъ чего по малости—и опять спать.

— Весело... Нечего сказать. Въ такомъ состояніи душа склонна къ благотвореніямъ... Мнѣ бы очень его повидать слѣдовало...

Но швейцаръ, памятовавшій о „младенцахъ“, былъ неумолимъ, и Водохлѣбову пришлось уѣхать съ чѣмъ пріѣхалъ.

Только разъ пришлось швейцару нарушить „строгій приказъ“, да и то онъ виноватъ не былъ.

Въ подъѣздъ вошла какая-то долговязая и худая блондинка, бросила ему шубу на руки, осталась въ платьѣ напоминавшемъ нѣчто въ родѣ подрясника—и только швейцаръ ротъ разинулъ, она ужь стала подыматься вверхъ по лѣстницѣ.

— Позвольте... Позвольте, сударыня! обрѣлъ онъ наконецъ даръ слова.

— Что тебѣ позволить?

— Да какъ же... Пущать никого не велѣно, а вы, прости Господи, лѣзете въ барскія комнаты безъ всякаго спросу.

— У тебя, дурака, спрашивать что-ли?.. Вотъ скажу Василію Герасимовичу, онъ тебя живо прогонитъ. Ишь наглецъ какой!.. Нагулялъ себѣ толстую морду... Давно бы пора на цѣпь посадить, чтобы не кусался.

Швейцаръ даже оторопѣлъ отъ такого привѣтствія и вмѣсто отвѣта заморгалъ глазами.

Наверху перенялъ ее Кузьма Степановичъ. Козьма Медичисъ даже руки разставилъ, желая не пустить ее къ барину, но она, повернувшись бочкомъ, отодвинула его прочь и при этомъ посовѣтовала:

— Ты бы, старичекъ, въ богадѣльню... давно тебѣ пора... И помирать-то скоро, а ты вотъ все въ господскихъ фракахъ щеголяешь.

Козаковъ превратился въ соляной столбъ...

— Вамъ что угодно, мадамъ? остановилъ было ее въ дверяхъ кабинета лакей.

— Не тебя... Ишь вытянулся!.. Фонарь бы тебѣ на голову, да на улицу поставить—и гори!

И ужь не обращая на него вниманія, она постучалась въ дверь.

— Кто тамъ? послышался голосъ Василія Герасимовича.

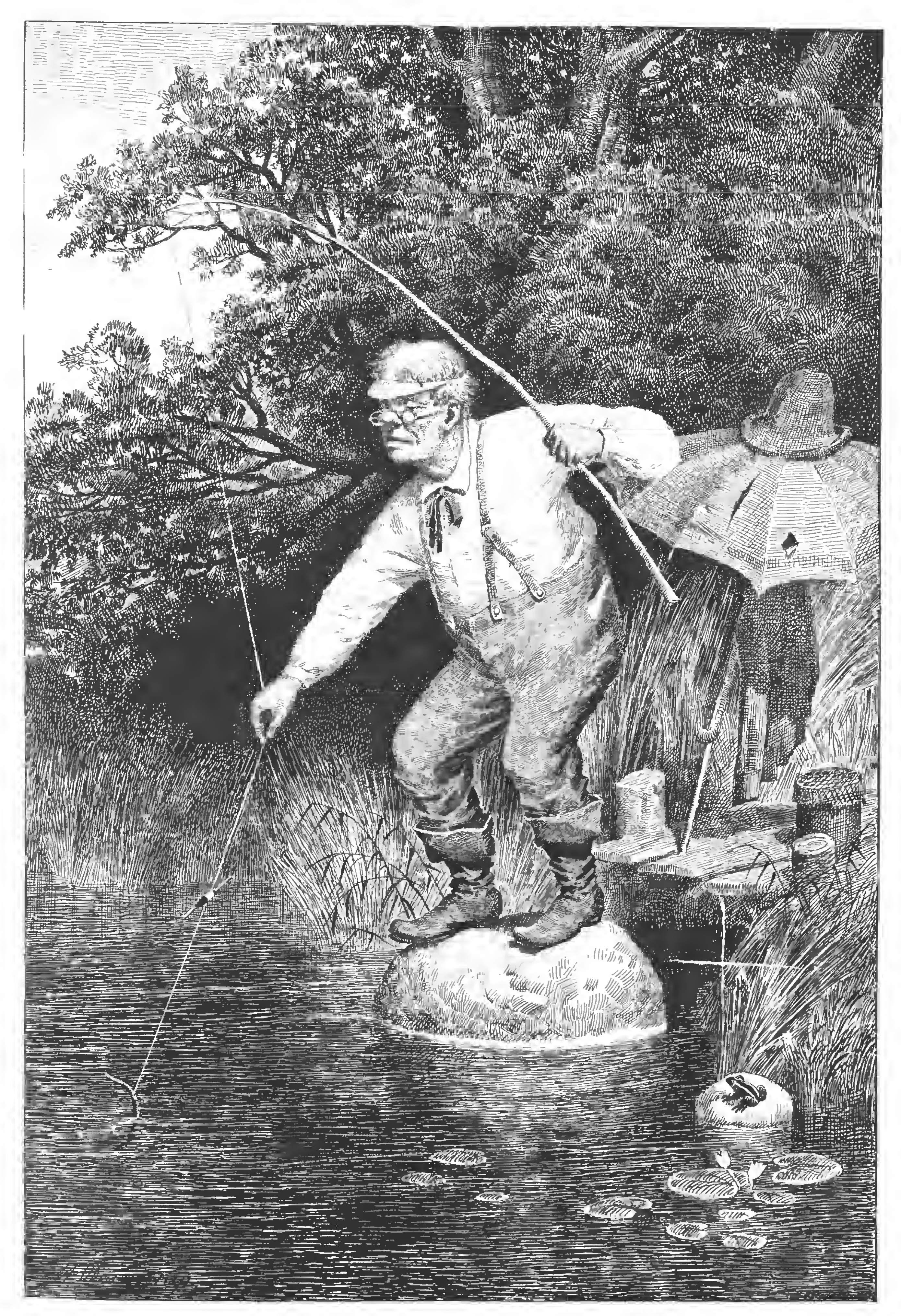
— Можно къ вамъ? сладко заговорила дама.

— Что такое?.. Кто тамъ?

Она пріотворила дверь и просунула туда голову.

— Любительница россійской словесности Анушкина.

— Я боленъ... я приказалъ никого не принимать...



Горе-рыболовъ. Зацѣпилась! Ориг. рис. (собств. „Нивы") Оболенскаго, грав. Ангереръ.

— Я только на минуту... По самоважнѣйшему дѣлу!

И она продвинулась въ кабинетъ, гордо подала руку Сластенову, сѣла въ кресло, заложила ногу за ногу и, взявъ въ руки лорнетъ-помпадуръ, начала въ упоръ разсматривать Василія Герасимовича.

— Вы и есть Сластеновъ? пожелала она убѣдиться еще разъ.

— Я, терялся онъ.—Чему обязанъ... по какому случаю вы ко мнѣ?

— Не по случаю—а по женскому вопросу.

— Чего-съ?

— По женскому вопросу... Въ качествѣ любительницы россійской драматической словесности, я спеціально занимаюсь устройствомъ литературныхъ чтеній, вечеровъ и спектаклей. У меня это призваніе... Во всѣхъ участкахъ.

— То-есть какъ въ участкахъ? изумился Василій Герасимовичъ, ничего на сей разъ не понимая.

— Видите-ли... Все вамъ разжуй да въ ротъ положи... Мужчины! съ невыразимымъ презрѣніемъ протянула она.—Именно „мужчины". Вся ваша природная глупость однимъ этимъ словомъ опредѣляется вполнѣ. Въ той части города, махнула она рукой по направленію къ носу Василія Герасимовича,—я уже со своей стороны все сдѣлала. Болѣе ста вечеровъ въ разное время устроила. Тамъ публику не соберешь. Я и рѣшила — устроить литературное чтеніе для замоскворѣцкихъ дикарей...

— Позвольте, я не дикарь во-первыхъ, а во-вторыхъ, чѣмъ же я могу вамъ служить?

— Залой!.. У васъ громадная зала. Мы устроимъ частную конференцію по модному женскому вопросу,— мнѣ-то собственно на него наплевать, но онъ всегда привлекаетъ публику... Литературное чтеніе съ платою по 5 р. за входъ—билеты раздадимъ живущимъ здѣсь Китъ Китычамъ.

— Берите, мнѣ все равно... Я запрусь у себя на это время.

— А послушать умныхъ рѣчей не желаете? Будетъ говорить пріѣзжій изъ Питера молодой беллетристъ Самодѣйкинъ — о законахъ творчества въ произведеніяхъ другаго молодаго беллетриста Свистунова.

— Нѣтъ... Это мнѣ не интересно.

— Ну и чортъ съ вами... Впрочемъ, я вамъ все-таки благодарна. А билеты раздать не возьметесь? Этакъ штукъ пятьдесятъ?

— Нѣтъ. Я никого не знаю и не вижу.

— Ну, это вы положимъ врете... Во всякомъ случаѣ мы вамъ выразимъ печатно нашу признательность... А букетъ Слоновой—на чей счетъ?

— Какой Слоновой и какой букетъ?

— Слонова у насъ будетъ пѣть — бывшая знаменитость? Такъ ее надо букетомъ поощрить. Вы это на себя не примете?.. Нѣтъ. Я такъ и знала. У милліонера рѣдко выпросишь. Жадности этой у васъ... Вы хоть чаю подайте въ комнату гдѣ будутъ участвующіе... Между прочимъ, „женская" романистка Софія Стручкова прочтетъ этюдъ о „любви въ отвлеченіи и о страсти въ натурѣ"... Она кажется у васъ въ газетѣ участвовала.

— Какъ же, участвовала!—И Василій Герасимовичъ усмѣхнулся, вспоминая свои недавнія еще литературныя увлеченія.—Какъ же, участвовала!

— Ну вотъ. А вы этого не чувствуете... Хотѣла я Крѣпышева пригласить—да онъ изъ отсталыхъ...

— Крѣпышевъ изъ отсталыхъ?—Сластенова начинала уже интересовать эта дама. Такихъ онъ еще не видалъ. Онъ смутно помнилъ, что Нещумовъ когда-то писалъ о ней изъ Петербурга, но почему-то ея участіе въ его газетѣ не устроилось.

— Для васъ онъ можетъ-быть и передовой—а мы и черезъ Безпардонскаго давно перешагнули.

— Что такое! Какой Безпардонскій?

— И Безпардонскаго не знаете? Медикуса? Положимъ, его либеральная печать давно какъ-то осмѣяла. Ну да у насъ всегда такъ. Не помните его этюда „Чѣмъ должна быть натуральная женщина?" Не читали? Что же вы читали?.. А его монографію „о гражданской душѣ у современной женщины и ея общественныхъ проявленіяхъ въ политикѣ и наукѣ"—тоже нѣтъ? Ахъ вы!.. Поди этого идіота Тургенева наизусть знаете...

Она порывисто встала...

— И руки вамъ не дамъ! Прощайте... Не стóите... Такъ вотъ значитъ зало и чай намъ... съ печеньями... Фруктовъ и конфетъ... Молодые беллетристы очень конфеты и фрукты любятъ; для петербургскаго поэта Прификсова—бутылку коньяку, онъ иначе читать не станетъ. Для творчества—ромъ, для чтенія—коньякъ. У него все точно распредѣлено. Ну. до свиданія... Исправьтесь если можете. Нынче не такое время... Устыдитесь.

И она рѣшительно вышла въ двери.

— Ну, что-жь не приказано принимать?.. остановилась она еще разъ передъ швейцаромъ.

— Намъ что-жь, уклонялся тотъ отъ прямаго отвѣта.

— Что-жь... А жену поди бьешь?

— Когда стóитъ ежели, отчего не бить?..

— Ахъ ты тьма египетская! На, читай!

И она вынула изъ муфты брошюру и сунула ему: „вмѣсто двугривеннаго—тебѣ за пальто".

Брошюра была тощая—названіе ея оказывалось длиннѣе самой...

Швейцаръ по уходѣ „любительницы россійской словесности" взглянулъ на обложку.

„О томъ, какъ радовался чортъ Забалуй
„Мужику Еремѣ, что билъ свою жену Матрену,
„И какъ мужикъ этотъ сгорѣлъ потомъ отъ вина, а жена его стала генеральшей.
„Сочиненіе студента духовной академіи Иринарха Савостьяновича Безпардонскаго".

Посѣщеніе Апушкиной нѣсколько вывело Сластенова изъ охватившей его апатіи...

По крайней мѣрѣ въ тотъ же день онъ выѣхалъ— въ первый разъ за это время. Совсѣмъ заплывшій отъ жиру, кучеръ Ефремъ даже изумился, когда ему передали приказаніе запрягать лошадей.

— Куда еще? недовольно спросилъ онъ.

— Самъ выѣзжаетъ сегодня.

— Ишь ты... Носитъ тоже, чорта!

Но вскорѣ Ефремъ спустилъ тонъ. Съ Василіемъ Герасимовичемъ очевидно случилась какая-то перемѣна. Онъ въ передней крикнулъ на швейцара:

— Ты что-же это, болванъ, сидишь? Видишь—шинель мнѣ!

Швейцаръ, не ожидавшій этого, оторопѣлъ, вскочилъ и кинулся исполнять приказаніе.

Ефремъ, не глядя на хозяина, небрежно подалъ ему экипажъ. Сластеновъ нахмурился.

— Не можешь лошадей удержать?

— Удержите сами, коли съумѣете...

— Что?..

— Сказано—удержите сами...

Василій Герасимовичъ вспыхнулъ.

— Ты пьянъ?..

Ефремъ покосился на него. Нахмуренныя брови, рѣшительное выраженіе лица — все это было такъ мало свойственно Василію Герасимовичу.

— Я тебя спрашиваю, ты пьянъ? Или одурѣлъ отъ бездѣльничанья?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Завтра же чтобъ я тебя не видѣлъ! Сдать лошадей Ѳедору и пошелъ вонъ...

— Виноватъ-съ... Простите... Я и дяденькѣ вашему служилъ вѣрою-правдою.

— Въ послѣдній разъ. У меня съ вами теперь разговоръ будетъ коротокъ! Хочешь служить—служи, а нѣтъ—на всѣ четыре стороны.

Василій Герасимовичъ приказалъ ему ѣхать на Тверскую.

(Продолженіе будетъ).

Первая гроза.

Повѣсть Виктора Бибикова.

(Продолженіе).

На балконѣ былъ накрытъ столъ. Ѳедора Васильевича посадили рядомъ съ Вѣрой, и онъ сейчасъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Правда, у Анны Григорьевны сердце сжалось, когда, посмотрѣвъ на Вѣру, она увидѣла вдругъ преобразившуюся, чудно похорошѣвшую свою дочь и не безъ робости посмотрѣла на виновника этой перемѣны; но у виновника было такое смущенное и счастливое лицо, что на него нельзя было смотрѣть безъ сочувственной улыбки, которой и обмѣнялась, тотчасъ при его входѣ на балконъ, Анна Григорьевна со своимъ мужемъ. Разговоромъ завладѣлъ Петръ Гаврилычъ. Но произнося каждое слово, обращенное къ молодому человѣку, Петръ Гаврилычъ поглядывалъ то на Вѣру, то на свою жену, то даже на Марусю, словно ища у нихъ одобренія и поддержки. И Анна Григорьевна, сначала боявшаяся, чтобы ея мужъ неосторожно необдуманнымъ вопросомъ не нарушилъ безмятежнаго настроенія молодыхъ людей, скоро успокоилась: настроеніе Вѣры и Ѳедора Васильевича сообщилось всѣмъ тотчасъ же, и лакей Григорій, подававшій блюда, не могъ объяснить, почему сегодня ему такъ особенно весело и пріятно служить господамъ; свое удовольствіе онъ приносилъ и на кухню, заражая своимъ весельемъ краснощекихъ горничныхъ.

Маруся, которой сразу понравился молодой человѣкъ, заливаясь счастливымъ дѣтскимъ смѣхомъ, смотрѣла на Вѣру и дѣлала ей какіе-то таинственные, понятные одной Марусѣ, знаки рукой и бросала въ нее хлѣбные шарики. Анна Григорьевна напрасно старалась удержать расшалившуюся дѣвочку, ея безпричинный восторгъ былъ вѣрнымъ показателемъ всеобщаго чувства.

Время за завтракомъ пролетѣло незамѣтно, и когда ухмылявшійся Григорій унесъ маленькія тарелочки, на которыхъ ѣли ягоды, и снялъ скатерть, Анна Григорьевна, въ первый разъ обращаясь къ Вѣрѣ, спросила ее:

— Ты показывала, Вѣрочка, видъ съ обрыва Ѳедору Васильевичу?

Вѣра поняла, что этими словами ея мать не только признавала достойнымъ выборъ своей дочери, но и говорила, что радуется ея счастью и раздѣляетъ его.

Вмѣшался Петръ Гаврилычъ, обнимая молодаго человѣка и, дружелюбно привлекая его къ себѣ, онъ повторилъ за женой, обращаясь къ Вѣрѣ:

— Ты пойди, покажи ему, за такой видъ англичане пятьсотъ тысячъ заплатили бы. На тридцать верстъ по рѣкѣ видно. — Идите съ нею, продолжалъ онъ къ Ѳедору Васильевичу,—если не очень устали съ дороги. А? не очень устали? лукаво переспросилъ онъ.

Панченко только улыбнулся ему въ отвѣтъ и, благодаря Анну Григорьевну за завтракъ, наклонился къ ея рукѣ; она подняла его голову и поцѣловала его лобъ, чуть улыбаясь внимательно слѣдившей за ними Вѣрѣ.

— Ну, батюшка, предлагайте руку своей дамѣ, не теряйте золотаго времени, идите въ садъ. Ты, стрекоза, куда скачешь? крикнулъ онъ Марусѣ.

Дѣвочка обернулась и пытливо посмотрѣла на старшихъ.

— Она вамъ мѣшать будетъ, сказала Анна Григорьевна.

— О, нисколько! отвѣчалъ Панченко.

Вѣра махнула рукой своей сестрѣ, и та побѣжала впередъ, поворачивая на ходу постоянно сіяющее личико къ слѣдовавшимъ за ней молодымъ людямъ. Молодой человѣкъ, говоря что Маруся нисколько ему не помѣшаетъ, не покривилъ душой: никто теперь не могъ помѣшать ему; если-бъ его теперь окружала толпа чуждыхъ ему людей, онъ не чувствовалъ бы ни малѣйшаго смущенія... Но, конечно, лучше идти вдвоемъ съ Вѣрой чудеснымъ майскимъ утромъ въ этомъ роскошномъ саду, по этой тѣнистой липовой аллеѣ, чувствовать прикосновеніе ея нѣжной руки, встрѣчаться съ ея глубокимъ, проникнутымъ взглядомъ, отвѣчать улыбкой на улыбки Маруси и слушать ея неумолчный счастливый лепетъ.

Маруся свернула на лужайку, гдѣ стояла рѣшетчатая, увитая хмѣлемъ бесѣдка, которую она показывала Панченко, когда вела его къ Вѣрѣ и, приложивъ палецъ къ губамъ, приглашала молодыхъ людей слѣдовать за собой. Вѣра посмотрѣла на своего спутника, взглядомъ спрашивая его согласія, извиняясь за свою сестру; онъ не могъ въ отвѣтъ даже улыбнуться, только крѣпче прижалъ ея руку къ своему локтю, и они пошли за Марусей, которая махала имъ ручкой и просила, чтобы они шли потише. Но и безъ ея предупрежденія неслышно и тихо шли молодые люди; высокая, мягкая трава заглушала ихъ шаги, и некуда имъ было спѣшить. Когда они поровнялись съ дѣвочкой, стоявшей у входа въ бесѣдку, задернутаго рогожей, Маруся, взявъ обѣими ручками за локоть молодаго человѣка, поднялась на носкахъ своихъ туфелекъ и, заглядывая ему въ лицо, сказала:

— Здѣсь лежитъ Травка, папина собака съ дѣтьми, я хотѣла вамъ показать тогда, какъ мы шли къ Вѣрѣ, да забыла; я покажу вамъ теперь, только подождите, я первая войду къ ней.

Она подняла край тяжелой рогожи и, наклонясь, проскользнула въ бесѣдку.

Молодые люди остались одни; Панченко почувствовалъ, какъ у его локтя, задрожала и ослабѣла рука Вѣры, онъ заглянулъ въ ея лицо, взялъ ея руки въ свои, и съ мгновеніе они посмотрѣли другъ на друга, оба волнуемые однимъ чувствомъ.

Изъ-за рогожи показалась Маруся; у нея было радостное, покраснѣвшее лицо, и она говорила прерывистымъ шепотомъ:

— Идите, Травка сегодня добрая; только ты, Вѣра, первая...

Молодой человѣкъ поднялъ рогожу и забросилъ ее на крышу бесѣдки. Вѣра, держа его руку, вошла въ бесѣдку. На старомъ коврѣ, брошенномъ на свѣжее душистое сѣно, лежала Травка, большая легавая собака. Она повернула къ Вѣрѣ свою породистую морду съ откинутымъ однимъ длиннымъ ухомъ и забила по ковру толстымъ и длиннымъ хвостомъ, хотѣла встать и заерзала задними ногами; но Маруся, сидѣвшая на корточкахъ возлѣ нея, удержала собаку на прежнемъ мѣстѣ. Четыре крошечныхъ щенка показывали свои мягкія спинки, слышалось торопливое чмоканье, тяжело дышала Травка, волнуясь при видѣ незнакомаго человѣка... Маруся, смотря на Панченко, слѣдила за впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него этимъ зрѣлищемъ.

— Я могу вамъ подарить одного щенка, сказала она,—вотъ этого рыженькаго папа назначилъ себѣ, чернаго возьметъ Вѣра, рябенькій мой, а бѣлаго, если хотите, мы вамъ уступимъ. Но, можетъ быть, вамъ не нравится бѣлый, тогда попросите Вѣру помѣняться. Только сейчасъ нельзя дать, пусть они подрастутъ.

Она поднесла собакѣ глиняную миску съ водой и приговаривала: „пей, Травка, пей милая, тебѣ жарко!“ Собака, далеко высовывая свой сухой, розовый языкъ, жадно локала прохладную воду. Напившись, она лизнула ручку Маруси и, запрокинувъ свою морду, усталыми глазами смотрѣла на молодыхъ людей.

— Теперь пойдемъ, Травка спать хочетъ, сказала Маруся, и они вышли изъ бесѣдки.

— Теперь куда мы пойдемъ? Можно было бы въ лѣсъ, но туда мы ходимъ послѣ обѣда, продолжала неугомонная Маруся,—или въ твою бесѣдку, Вѣра? Тамъ еще не жарко.

Вѣра кивнула головой въ знакъ согласія, и дѣвочка помчалась впередъ, изрѣдка останавливаясь и ожидая появленія молодыхъ людей то изъ-за поворота аллеи, то изъ-за вѣтвей какого-нибудь, прихотливо изогнувшагося, дерева. Въ бесѣдкѣ еще не было жарко, но яворъ уже не шумѣлъ надъ крышей, его листья новисли недвижно; рѣка не присылала прохладнаго вѣтерка; было больно смотрѣть глазамъ на водную гладь, залитую ослѣпительнымъ свѣтомъ полуденнаго солнца. По яснѣе обозначались на далекомъ горизонтѣ темно-зеленые лѣса, и высоко поднялись легкія облака, скользя по небесной лазури и расплываясь въ согрѣтомъ воздухѣ.

Маруся бѣгала по обрыву, рвала цвѣты—голубые колокольчики и пахучій деревей, бережно складывала ихъ на скамью возлѣ молодыхъ людей и опять исчезала, бѣгая проворно и безстрашно, какъ коза, по извилистымъ тропинкамъ обрыва.

— Какъ у васъ хорошо здѣсь! сказалъ Панченко, рѣшаясь наконецъ, послѣ долгаго молчанія, заговорить съ Вѣрой.

— Это мое любимое мѣсто, отвѣчала она и прибавила:—отсюда виденъ пароходъ, когда онъ идетъ изъ города.

Вѣра не сказала, съ какимъ нетерпѣніемъ она приходила каждый день въ бесѣдку по утрамъ и, когда показывался бѣлый дымокъ и пароходъ все ближе и ближе бѣжалъ по рѣкѣ, съ какой тоской разглядывала она пеструю публику, столпившуюся на палубѣ, стараясь угадать въ ней того, кого она ждетъ.

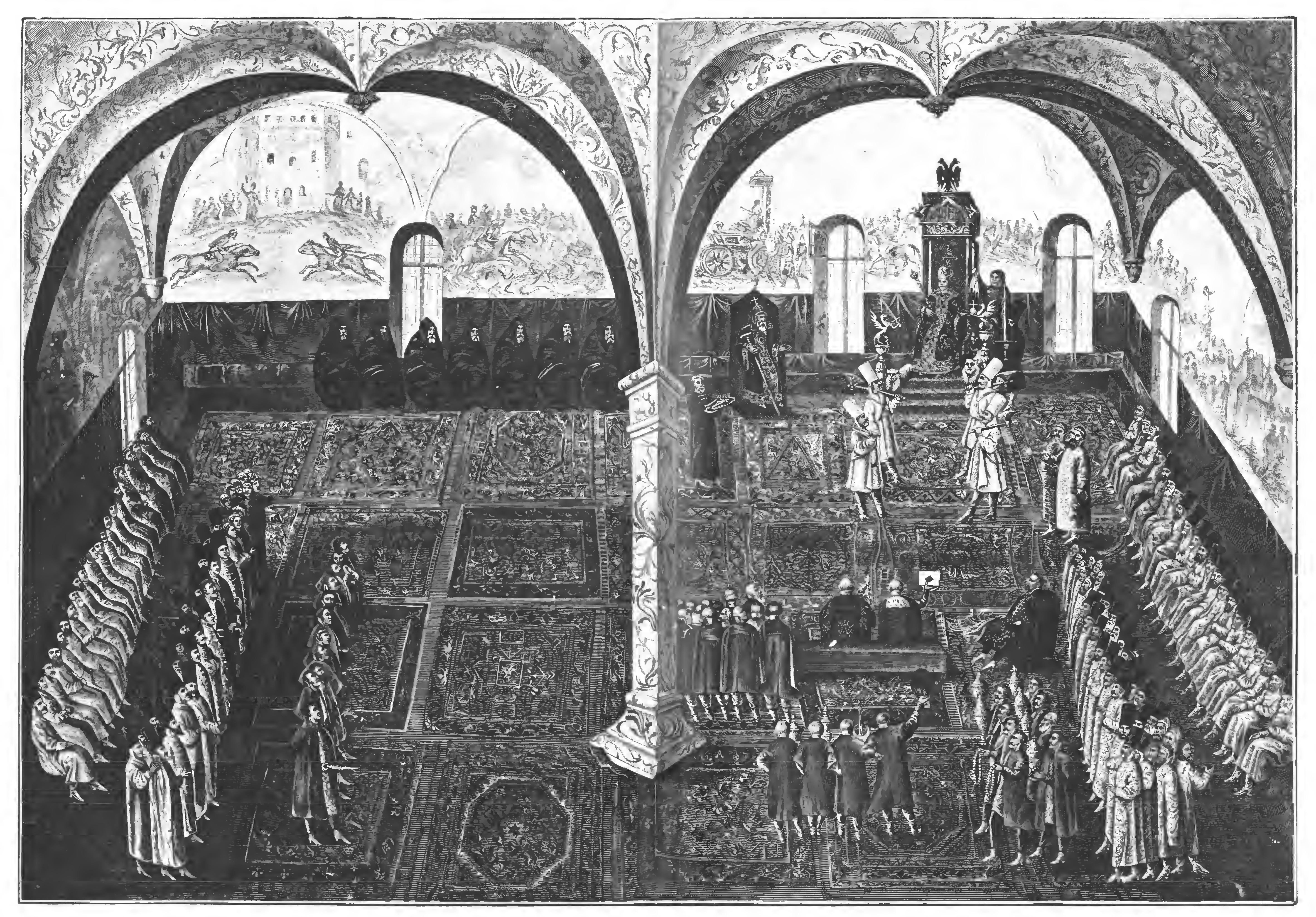
— Ты сегодня утромъ стоялъ на палубѣ? спросила она.

Молодой человѣкъ отвѣчалъ отрицательно, но языкъ не повернулся у него прибавить, что въ это время онъ спалъ, и онъ спросилъ:

— Неужели ты ожидала меня?

— Каждый день, отвѣчала Вѣра.

— Но вѣдь я писалъ тебѣ, что могу пріѣхать только черезъ недѣлю?



Пріемъ польскихъ пословъ Лже-Дмитріемъ (точный снимокъ съ карт. хранящейся въ Пештскомъ историческ. музеѣ и открытой графомъ А. С. Уваровымъ). Грав. факсимиле Флюгель.

— Я ожидала тебя каждый день, повторила Вѣра.

Больше ни слова не сказали другъ другу молодые люди, и Панченко, смотря на Вѣру, приглядывался къ знакомымъ чертамъ ея милаго и всегда новаго ему, лица, спрашивалъ себя, почему въ ея присутствіи имъ овладѣваетъ такая робость, что онъ не смѣетъ не только говорить съ ней, но даже долго смотрѣть на нее, боится пошевельнуться и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ, что никогда такъ хорошо, такъ отрадно, легко и свободно не дышетъ его грудь, стѣсненная и робостью и страхомъ, невысказанною любовью и смутнымъ ожиданіемъ невѣдомаго, но близкаго счастья. Солнце подымалось все выше и выше; прозрачная паутина облаковъ таяла, сожженная его лучами. Зной проникъ и въ бесѣдку. Маруся уже не собирала цвѣтовъ, она сидѣла возлѣ Вѣры, склонивъ свою русую головку на плечо сестры, и дремала, полуоткрывъ ротъ и показывая бѣлые, какъ жемчугъ, зубы. Яркій румянецъ заливалъ разгорѣвшееся лицо Вѣры, длинныя, черныя рѣсницы бросали тѣнь на ея нѣжныя щеки, алая кровь, казалось, переливалась въ ея разгорѣвшихся ушахъ, и высоко подымалась ея грудь.

Панченко, вообще легко переносившій жару, теперь изнемогалъ въ истомѣ, и когда Вѣра предложила вернуться, онъ съ радостью согласился. Онъ хотѣлъ взять на руки Марусю, но дѣвочка проснулась, и зѣвая и потягиваясь, вскричала:

— Я не спала, я все слышала!

Молодые люди засмѣялись, потому что во время ея сна они не говорили ни слова.

VII.

На балконѣ не было Петра Гаврилыча; Анну Григорьевну они нашли въ прохладной, небольшой залѣ съ опущенными занавѣсками на открытыхъ окнахъ, и мягкій полусвѣтъ подѣйствовалъ успокоительно на вошедшихъ молодыхъ людей.

Сложивъ на рабочій столикъ розовое платье Маруси, которое Анна Григорьевна обшивала кружевами, она взяла изъ рукъ младшей дочери собранные цвѣты и пригласила молодыхъ людей посидѣть здѣсь въ этой комнатѣ и переждать зной. Противъ креселъ Анны Григорьевны стоялъ небольшой диванчикъ, на которомъ, однако, свободно было сидѣть втроемъ, но Панченко не рѣшился сѣсть рядомъ съ Вѣрой, а помѣстился у окна на стулѣ.

— У окна теперь жарче, чѣмъ здѣсь, сказала ему Анна Григорьевна, но не повторила своего приглашенія сѣсть поближе, замѣтивъ смущеніе, овладѣвшее молодымъ человѣкомъ.

Шутя отбиваясь отъ неотступныхъ ласкъ Маруси, которая крѣпко обняла шею своей матери и покрывала ея лицо безчисленными поцѣлуями, она спросила Өедора Васильевича, какъ понравился ему видъ съ обрыва. Потомъ разговоръ перешелъ на Марусю; Анна Григорьевна жаловалась, что ея вторая дочь лѣнивица, до сихъ поръ не умѣетъ писать и читаетъ еще плохо. Панченко оживился, вступилъ въ бесѣду съ Анной Григорьевной и даже сказалъ о вредѣ ранняго развитія для дѣтей. Вѣра не вмѣшивалась въ ихъ разговоръ и, но тону съ какимъ говорила ея мать, обращаясь къ Өедору Васильевичу, чувствовала, что онъ успѣлъ уже завоевать нелегко дающееся расположеніе Анны Григорьевны. Такъ незамѣтно прошло время до тѣхъ поръ, пока лакей не появился въ дверяхъ, объявивъ, что кушать подано. Обѣдали въ столовой, высокой прохладной комнатѣ, съ растворенною стеклянною дверью въ паркъ, охранявшій своими близко другъ къ другу посаженными кленами отъ всепроникающаго зноя. За столомъ, на почетномъ мѣстѣ, сидѣлъ Петръ Гаврилычъ, только что умывшійся, еще съ влажными гладко причесанными волосами. Онъ радушно привѣтствовалъ молодаго человѣка, усадилъ его возлѣ себя, уговорилъ выпить маленькую серебряную чарку настойки на смородинномъ листу, крѣпкой и горькой, отъ которой Панченко долго кашлялъ, но которая, по увѣренію Петра Гаврилыча, обладала всѣми цѣлебными свойствами и даже предохраняла отъ лѣтней жары. Стаканъ домашней сливянки, сладкой и ароматной, налитый Анной Григорьевной, скоро заставилъ молодаго человѣка забыть непріятный вкусъ чудодѣйственной настойки. Онъ, улыбаясь виноватой улыбкой, разсѣянно слушалъ добродушныя укоризны Петра Гаврилыча, который увѣрялъ, что изъ молодаго человѣка вышелъ бы плохой военный. Но старику понравилась такая чувствительность жениха своей дочери къ спиртнымъ напиткамъ и онъ сказалъ:

— Вы, должно быть, составляете исключеніе,—я слыхалъ, что студенты-таки покучиваютъ.

Панченко вступился за студентовъ; изъ его словъ можно было вывести заключеніе, что студенты вообще какіе-то избранные молодые люди, и въ его похвалахъ своимъ товарищамъ сказывался невольный эгоизмъ молодости: хваля себѣ подобныхъ, онъ хвалилъ себя.

— Что вы намъ городскихъ новостей не разсказываете? спросилъ Петръ Гаврилычъ,—вотъ я читалъ въ газетѣ, что у васъ вчера въ судѣ окончилось дѣло Саблуковой, которую защищалъ Тарахтинъ. Вы не полюбопытствовали послушать его? Я читалъ рѣчь Тарахтина, напечатана она хорошо, такъ-ли говоритъ онъ?

Панченко снисходительно улыбнулся въ сторону Петра Гаврилыча, наивнымъ показался ему этотъ вопросъ, и смущеніе, до сихъ поръ не покидавшее его, вдругъ исчезло, онъ даже на Анну Григорьевну посмотрѣлъ смѣло, выдержалъ ея взглядъ и сказалъ самоувѣреннымъ голосомъ:

— Газета не можетъ дать и слабаго даже понятія о томъ, какъ говоритъ Тарахтинъ: его надо видѣть и слышать.

— Вы слышали? спросилъ Петръ Гавриловичъ.

— Я съ нимъ знакомъ, отвѣчалъ Панченко и помолчалъ послѣ этого заявленія, точно давая время удивляться своимъ слушателямъ.—Это такой талантъ, такая сила убѣжденія, что даже трудно представить.

По просьбѣ Петра Гаврилыча, Панченко разсказывалъ о Тарахтинѣ: онъ не хвалилъ петербургскаго адвоката, но въ каждомъ его словѣ чувствовалось обожаніе, съ какимъ говорятъ о далекомъ, недостижимомъ идеалѣ. Онъ разсказывалъ о дѣлѣ, защищенномъ Тарахтинымъ, объ упавшихъ въ обморокъ дамахъ, о посѣщеніи Брона, о представительной внѣшности Тарахтина. Къ концу разсказа онъ приберегъ сообщеніе о томъ, что Тарахтинъ пригласилъ его къ себѣ помощникомъ съ осени этого года.

— Какъ, развѣ вы ѣдете въ Петербургъ? спросилъ непріятно удивленный Петръ Гаврилычъ,—а Вѣра говорила...

— Я не знала тогда о знакомствѣ Өедора Васильевича съ Тарахтинымъ, возразила Вѣра.

— Да и я только позавчера съ нимъ познакомился, вставилъ Панченко.

— Разумѣется, продолжала Вѣра,—было-бы странно терять такой случай! Въ Петербургѣ Өедоръ Васильевичъ гораздо легче можетъ выдвинуться впередъ.

— Я думаю! вскричалъ Панченко.—Мнѣ Тарахтинъ прямо сказалъ: „вы будете у самаго русла практики и отъ васъ зависитъ быстро сдѣлать себѣ имя". Это его собственныя слова. Кромѣ того, онъ обѣщалъ на первыхъ порахъ быть моимъ руководителемъ.

За столомъ воцарилось молчаніе. Петръ Гаврилычъ переглянулся съ Анной Григорьевной, но ничего не прочиталъ на ея спокойномъ лицѣ, обращенномъ къ Вѣрѣ. Вѣра смотрѣла на своего жениха и всѣмъ существомъ своимъ, проникнутымъ любовью, говорила, что у нея нѣтъ своей воли. И Маруся, вдругъ присмирѣвшая, также не спускала глазъ съ Панченко.

„Вотъ кто теперь здѣсь хозяинъ", съ горечью подумалъ Петръ Гаврилычъ и въ первый разъ ему показалось непріятнымъ присутствіе молодаго человѣка. „Но, впрочемъ, до сентября осталось еще почти три мѣсяца, воды много утечетъ до тѣхъ поръ и, пожалуй, кто знаетъ, молодой человѣкъ можетъ перемѣнить свои намѣренія".

Послѣ обѣда молодые люди, уже безъ Маруси, отправились гулять въ рощу, которая начиналась за конюшнями, сараями и другими служебными постройками обширнаго двора усадьбы.

(Продолженіе будетъ).

Столѣтіе храма Св. Троицы въ Александро-Невской Лаврѣ.

Очеркъ **П. В. Быкова.**

(Рис. на стр. 852).

Въ журналѣ великаго преобразователя Россіи, Петра I, за іюль мѣсяцъ 1710 года записано: „Государь, будучи въ Петербургѣ, осматривалъ мѣста, гдѣ быть какимъ строеніямъ и надъ Невою рѣкою, при С.-Петербургѣ, на устьѣ рѣчки Черной усмотрѣлъ изрядное мѣсто, которое называлось Викторі, гдѣ указалъ строить монастырь во имя Св. Троицы и Св. Александра Невскаго, и на томъ мѣстѣ, въ присутствіи Его, Государя, и при немъ обрѣтающихся министровъ и генералитета, архимандритъ, назначенный въ тотъ монастырь, Өеодосій, водрузилъ крестъ съ таковымъ надписаніемъ: *Во имя Отца и Сына и Св. Духа, повелѣніемъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества, на семъ мѣстѣ имѣетъ создатися монастырь*, и поставлена на томъ мѣстѣ часовня". Въ слѣдующемъ году, на лѣвой сторонѣ рѣчки. была заложена, а еще черезъ годъ отстроена и освящена деревянная церковь Благовѣщенія. При ней тогда же были построены и кельи для монаховъ. Такъ возникъ монастырь, нынѣ извѣстный подъ именемъ Александро-Невской Лавры и при самомъ учрежденіи поставленный выше всѣхъ монастырей въ Великороссіи. При Аннѣ Іоанновнѣ онъ уступилъ первенство свое Троицко-Сергіевскому монастырю, а еще позднѣе, при составленіи общихъ духовныхъ штатовъ въ 1797 г. Александро-Невской Лаврѣ отведено третье мѣсто послѣ Кіево-Печерской и Сергіевской. Съ 1717 года началась, по плану архитектора Андрея Трезина, утвержденному Петромъ, настоящая постройка монастыря, подъ наблюденіемъ князя А. Д. Меньшикова; деревянныя кельи были замѣнены каменными,

двухъ-этажными, которыя возводились по обѣимъ сторонамъ Троицкаго собора, основаннаго еще въ 1716 году. Постройками завѣдывали сперва Трезинъ, потомъ Христофоръ Кондратовъ и, наконецъ, Ѳеодоръ Швердъ-Ѳегеръ, архитекторъ „прусской земли“, обязавшійся производить постройку „со всякимъ поспѣшеніемъ, въ добромъ поведеніи, крѣпости и твердости“. 25 октября 1721 года при монастырѣ заведена была школа для служительскихъ и церковничьихъ дѣтей на полномъ монастырскомъ содержаніи, а также основана типографія, замѣчательная въ исторіи нашего просвѣщенія тѣмъ, что въ ней печаталась бо̀льшая часть книгъ, въ которыхъ проводились мысли Петра о преобразованіи духовенства въ Россіи, и напечатанъ также впервые букварь Ѳеофана Прокоповича. Въ 1723 году типографія выпустила „Изображеніе келейнаго житія монаховъ Александро-Невскаго монастыря“, гдѣ весьма подробно изложены взгляды Петра на монашество и его значеніе. Учреждая въ Петербургѣ Александро-Невскій монастырь, Петръ Великій желалъ сдѣлать его образцомъ для прочихъ русскихъ обителей по жизни и подвигамъ спасавшагося въ немъ монашества. Къ концу 1724 г. верхняя каменная церковь, во имя Александра Невскаго, надъ церковью Благовѣщенія, была отдѣлана, расписана и вызолочена, и освящена 30 августа 1724 года, въ день перенесенія въ нее мощей Св. Князя, по указу Петра отъ 29 мая 1723 года на имя архіепископа Ѳеодосія. Перенесеніе мощей Св. Александра Невскаго изъ Владимірскаго Рождественскаго монастыря сопровождалось особенною торжественностью. Царь Петръ встрѣтилъ процессію въ Усть-Ижорѣ и далѣе самъ везъ мощи на особой галерѣ, рулемъ которой онъ-же и правилъ. Когда она подъѣзжала къ монастырю, навстрѣчу ей выведенъ былъ „дѣдъ русскаго флота“ подъ императорскимъ штандартомъ. При преемникахъ Петра постройки въ Невскомъ монастырѣ продолжались по плану государя, но уже значительно измѣненному. Возлѣ монастыря предполагалось выкопать рыболовный прудъ, обвести монастырь судоходнымъ каналомъ, а на западъ отъ обители разбить большой италіанскій садъ. Сообразно съ этимъ планомъ до 1731 г. возведена была стѣна по обѣ стороны собора, разсаженъ садъ съ главными аллеями, устроены цвѣтники, галлереи съ гербами и около монастыря выведена стѣна съ воротами (рис. 1). Когда было замѣчено, что Швердъ-Ѳегеръ слишкомъ медленно строитъ, дѣло сооруженія монастыря было поручено архитектору Михаилу Земцову, а позднѣе этимъ занимались члены строительной конторы, въ числѣ которыхъ находился и Петръ Михайловъ Еропкинъ (казненный съ А. П. Волынскимъ въ 1740 г.), а по смерти его работы производилъ Иванъ Росси. Въ теченіе тридцати лѣтъ выстроены: на юго-восточномъ углу двухъ-этажная церковь Св. Іоанна Златоустаго и Св. Ѳеодора (Ярославича), брата Св. Александра Невскаго; Ѳеодоровскій корпусъ, боковые флигеля—училищный на югѣ, и братскій на сѣверѣ, на концахъ западной стѣны башни для библіотеки и ризницы, а также возведена каменная ограда за соборомъ. Императрица Елисавета соорудила для мощей Св. Александра великолѣпную раку, изъ перваго серебра добытаго въ Колыванскихъ рудникахъ, котораго употреблено до 90 пудовъ. Она любила бывать въ монастырѣ, особенно въ торжественный день 30 августа, и въ одно изъ праздничныхъ посѣщеній въ 1757 году ассигновала 100,000 рублей на постройку новаго собора во имя Св. Троицы, который вчернѣ былъ оконченъ еще въ 1753 г. Но такъ какъ въ стѣнахъ открылись поврежденія, то императрица повелѣла разобрать соборъ до основанія, щебень употребить на усыпку Невскаго проспекта, а строительный матеріалъ сложить въ безопасномъ мѣстѣ. Строить новый соборъ пришлось уже Екатеринѣ II, которой Александро-Невская Лавра вообще обязана своимъ красивымъ нынѣшнимъ видомъ. Онъ былъ заложенъ 30 августа 1774 года, по плану архитектора Ивана Егоровича Старова, товарища ректора Академіи Художествъ, и строился двѣнадцать лѣтъ, въ теченіе коихъ сооружены также каменныя Святыя врата (рис. 6) съ церковью надъ ними во имя Божіей Матери „всѣхъ скорбящихъ радости“ и каменная ограда вокругъ площади и по берегу Черной рѣчки, на старомъ и новомъ кладбищѣ. Постройками завѣдывалъ, по указу императрицы отъ 19 ноября 1774 г., директоръ оныхъ, С.-Петербургскій архіепископъ Гавріилъ, усердіе и труды котораго увѣковѣчены художникомъ М. Козловскимъ, сдѣлавшимъ, по повелѣнію императрицы, поясной бюстъ митрополита въ маломъ архіерейскомъ облаченіи. Бюстъ этотъ поставленъ былъ въ нишѣ противъ мощей Св. Александра Невскаго. Соборъ Св. Троицы (рис. 2) оконченъ въ 1790 году и освященъ съ великимъ торжествомъ 30 августа, причемъ въ него перенесены изъ Благовѣщенской церкви и мощи Св. Александра Невскаго, и въ этотъ же день Екатерина праздновала заключеніе мира со Швеціею. Освященіемъ Троицкаго собора, этой величайшей достопримѣчательности Александро-Невской Лавры, такъ сказать заключилась исторія монастыря, который въ нынѣшнемъ году чествуетъ такимъ образомъ столѣтнюю годовщину собора. Длина этого главнаго храма Лавры со стѣнами и папертью 35 саж., ширина противъ купола 20 саж., въ маломъ поперечникѣ 16 саж.; ширина купола 8 саж., высота съ нимъ вмѣстѣ — 29 саж. и высота колоколенъ 22 сажени. Иконостасъ собора обращаетъ на себя вниманіе своимъ великолѣпіемъ. Онъ сооруженъ изъ бѣлаго италіанскаго мрамора, украшенъ пилястрами и бронзою; работа производилась братьями Пинкети. Въ бронзовыя позолоченныя рамы иконостаса вставлены образа, писанные Акимовымъ на мѣдныхъ доскахъ. Царскія врата сдѣланы также изъ вызолоченной бронзы и надъ ними находится лучезарное сіяніе съ херувимами и облаками, а въ кругу сіянія ликъ Господа Саваоѳа, принадлежащій кисти того же Акимова. Шесть образовъ на Царскихъ вратахъ писаны также на мѣди Меттенлейтеромъ. Надъ южными вратами помѣщена икона Спасителя работы Ванъ-Дика, надъ сѣверными—образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, кисти Гверчино. Нижній цоколь клиросовъ сдѣланъ изъ синяго италіанскаго мрамора, а перила бронзовыя, вызолоченныя. На правомъ клиросѣ средняя икона Богородицы съ Младенцемъ и верхняя—Спасителя, пріемлющаго поруганіе, писаны венеціанцемъ Бассано; ему же принадлежатъ и образа Богоматери и воскрешеніе Лазаря—на лѣвомъ клиросѣ. Амвонъ обнесенъ желѣзною, мѣстами вызолоченною, рѣшеткою. Стѣны, колонны, потолокъ и куполъ украшены арабесками и гипсовыми фигурами Святыхъ въ сидячихъ позахъ. За правымъ клиросомъ помѣщается святыня Лавры—рака съ мощами Св. Александра Невскаго (рис. 4), имѣющая 3 арш. и 7 вершк. длины и 1 арш. и 7 вершк. ширины, съ барельефами, изображающими эпизоды изъ жизни Св. Александра. Съ правой стороны вырѣзано восьмистишіе Ломоносова: „Святый и храбрый князь здѣсь тѣломъ почиваетъ, но духомъ отъ небесъ на градъ сей призираетъ, и на брега, гдѣ онъ противныхъ побѣждалъ, и гдѣ невидимо Петру споспѣшствовалъ. Являя Дщерь Его усердіе святое, сему защитнику воздвигла раку въ честь отъ перваго сребра, что нѣдро Ей земное открыло, какъ на тронъ благоволила сѣсть“. По сторонамъ ангелы и женскія фигуры, держащія книгу, факелъ, мечъ и вѣсы. Въ 1768 году Екатерина II возложила на раку покровъ съ образомъ Александра Невскаго, вышитый по атласу и съ орденомъ Св. Князя изъ брилліантовъ и бурмицкаго жемчуга. Позади раки въ углубленіи пирамида съ чеканными изображеніями Св. Князя и супруги его; по сторонамъ пирамиды находятся трофеи Князя и старинное оружіе. Передъ ракою поставленъ аналой съ кіотомъ для частицъ мощей и подсвѣчникъ о двѣнадцати шандалахъ изъ серебра, вѣсомъ до 10 пудовъ—даръ Александра I. Справа отъ раки на колоннѣ, въ металлической рамѣ, находится ключъ Адріанополя, данный сюда Николаемъ I. При ракѣ находится также 5 ковчеговъ съ мощами Святыхъ. За правымъ клиросомъ возвышается Царское мѣсто съ рѣзными украшеніями, гербомъ и короною, и надъ нимъ икона апостола Петра; съ другой стороны, противъ лѣваго клироса, помѣщена икона Св. Великомученицы Екатерины; обѣ иконы эти поставлены взамѣнъ портретовъ императора Петра и Екатерины, помѣщавшихся здѣсь. Посреди собора повѣшено огромное серебряное паникадило въ 12 п. 25 ф. вѣсомъ о 44 подсвѣчникахъ. Множество иконъ храма писаны лучшими художниками русскими и иностранными, и многія изъ нихъ, имѣющія большую цѣнность, принадлежатъ кисти Рафаэля Менгса, Рубенса, Ротари, Валентина, Дроздина, Бѣльскаго, Угрюмова, Уткина, Митропольскаго и др. Изъ замѣчательностей собора обращаютъ на себя вниманіе старые, почти столѣтніе боевые часы, поставленные въ 1793 г. на юго-западной колокольнѣ, и Никоновъ колоколъ (1658 г.) въ 800 пудовъ на сѣверо-западной колокольнѣ, перевезенный по волѣ Петра въ 1724 г. изъ Иверскаго монастыря. Архитектура собора одна изъ удачнѣйшихъ. Нефъ церкви, по замѣчанію П. Н. Петрова, коринѳскаго ордера, особенно хорошъ и освѣщенъ довольно пріятно сверху и изъ боковыхъ галлерей, сквозь три широкія арки. Въ 1806 году соборъ внутри расписанъ „chiaroscuro“. Кромѣ главнаго собора и приходской церкви надъ Святыми вратами Лавры, въ ней находится восемь церквей съ Крестовою митрополитскою, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательна церковь Благовѣщенія (или Александровская, рис. 3), гдѣ погребены члены Императорской Фамиліи и высшіе сановники, перечисленіе которыхъ заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста. Въ монастырѣ замѣчательна также богатая ризница, гдѣ, между прочимъ, хранятся корона Св. Александра Невскаго въ видѣ архіерейской шапки, четыре золотыхъ потира съ каменьями и антиками, драгоцѣнныя панагіи, митры и проч. Въ трапезной залѣ монастыря (между помѣщеніемъ митрополита и ризницей) висятъ портреты многихъ настоятелей монастыря, начиная съ Ѳеодосія Янковскаго и кончая митрополитомъ Исидоромъ. Кладбище Александро-Невской Лавры заслуживаетъ особеннаго вниманія тѣмъ, что на немъ нашли себѣ вѣчное успокоеніе замѣчательнѣйшіе двигатели русскаго просвѣщенія, наукъ и искусствъ: Ломоносовъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, Крыловъ, Баратынскій, Достоевскій, Сперанскій, Глинка, Даргомыжскій, Сѣровъ и другіе. Къ Лаврѣ принадлежатъ и находящіеся внѣ стѣнъ ея: Духовный цензурный комитетъ, женская богадѣльня, С.-Петербургская Духовная Академія, Александро-Невское духовное училище и разныя другія учрежденія. Свято-Троицкая Александро-Невская Лавра пользуется многими правами и преимуществами и доходы ея

еще лѣтъ тридцать тому назадъ достигали до 300,000 рублей слишкомъ. Ежегодно въ день Св. Александра Невскаго въ Лавру изъ трехъ соборовъ шествуетъ крестный ходъ, установленный Св. Синодомъ въ 1748 году по особому предложенію императрицы Елисаветы Петровны, сопровождаемый громаднымъ стеченіемъ народа и особенно чествуемый петербуржцами.

Лѣтняя ночь.

Стихотвореніе **Василія Величко.**

Надъ зеркаломъ недвижныхъ водъ
Туманъ клубится дымкой сизой,
И темно-синей, звѣздной ризой
Одѣла ночь небесный сводъ.

Луна, полночная царица,
Плыветъ межъ легкихъ облаковъ.
Отъ сладко дремлющихъ цвѣтовъ
Благоуханіе струится.

Облитъ сіяньемъ луннымъ садъ.
Росы алмазныя слезинки
На каждой трепетной былинкѣ,
На каждомъ листикѣ дрожатъ...

И садъ, въ молчаніи глубокомъ,
И многошумный лѣсъ затихъ,
И группа сосенъ вѣковыхъ,
Какъ стража, на холмѣ высокомъ...

Чернѣютъ берега вдали.
Съ густою дымкою сливаясь.
Кричатъ въ лугахъ, перекликаясь,
Безсонные коростели.

Стальнымъ отливомъ воды блещутъ,
Безшуменъ мощный бѣгъ рѣки...
Видны въ туманѣ островки,
И волны тамъ шумятъ и плещутъ.

Онѣ, тревогою полны,
На берегъ лѣзутъ каменистый
И чешуею серебристой
Сверкаютъ при лучахъ луны.

То рѣчи властно плескомъ воднымъ
Ведетъ природа въ тишинѣ,
И слышится въ томъ плескѣ мнѣ
Разсказъ о счастіи свободномъ,

О дняхъ, когда, возставъ отъ сна
Душа полюбитъ страстью вѣчной:
Въ ней, какъ въ рѣкѣ той быстротечной,
Желаній закипитъ волна;

Смирится все, что въ ней боролось:
Стремленій, чувствъ и мыслей хоръ,—
Едва заблещетъ милый взоръ,
Заговоритъ любимый голосъ!

Предъ нимъ все смолкнетъ въ глубинѣ
Души, восторгомъ опьяненной,
Какъ этотъ міръ завороженный
Въ благоговѣйной тишинѣ...

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Дѣдушка“, Никитина.

(Рис. на стр. 853).

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидитъ.
Чашка съ хлѣбомъ и водою
Передъ нимъ стоитъ.
Все прошло; пропала сила,
Притупился взглядъ;
Смерть въ могилу уложила
Дѣтокъ и внучатъ.
Съ нимъ, въ избушкѣ закоптѣлой,
Котъ одинъ живетъ;
Старъ и онъ, и спитъ день цѣлый,
Съ печи не спрыгнетъ.
Старику немного надо:
Лапти сплесть, да сбыть —
Вотъ и сытъ. Его отрада —
Въ Божій храмъ ходить.
Къ стѣнкѣ, около порога,
Станетъ тамъ, кряхтя,
И за скорби славитъ Бога,
Божіе дитя.
Радъ онъ жить, не прочь въ могилу, —
Въ темный уголокъ...
Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичекъ?

Горе-рыболовъ. (Рис. на стр. 857).

Старъ сталъ закоренѣлый любитель рыбной ловли, а все не можетъ отказаться отъ нея. Глаза плохо видятъ, руки дрожатъ, движенія ихъ неувѣренны, и часто, закидывая уду, онъ цѣпляетъ крючкомъ за корягу, создаетъ себѣ бездну хлопотъ, иногда не можетъ самъ справиться и вынужденъ звать на помощь — а все не можетъ бросить благородной страсти... И благо ему — все же она выше страсти къ винту и другимъ гвоздямъ засѣдающимъ иногда въ самыя почтенныя головы.

Пріемъ польскихъ пословъ Лже-Дмитріемъ.

(Рис. на стр. 860 и 861).

(Точный снимокъ съ картины, хранящейся въ Пештскомъ историческомъ музеѣ).

Предлагаемая нами историческая картина отыскана была въ 1874 году покойнымъ графомъ А. С. Уваровымъ въ Пештскомъ музеѣ, и представляетъ собою чрезвычайно важный историческій памятникъ. Всѣ подробности пріема пословъ въ Грановитой Палатѣ переданы съ такою мелочною точностью, что только прямой очевидецъ событія могъ ихъ такъ запомнить и перенести на картину. Дѣйствительно, по сличеніи подробностей, обозначенныхъ на картинѣ, съ современными описаніями и записями иностранцевъ, пребывавшихъ въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, наши ученые пришли къ тому заключенію, что картина изображаетъ пріемъ польскихъ пословъ Лже-Дмитріемъ, происходившій 13 мая 1606 года. Пояснимъ читателямъ *Нивы* тѣ подробности пріема, которыя могутъ быть имъ неизвѣстны или не вполнѣ понятны.

Торжественное засѣданіе боярской думы, назначенное въ честь пословъ короля Польскаго, происходитъ въ Грановитой Палатѣ, убранной, по этому случаю, красными сукнами по стѣнамъ и лавкамъ и устланной по полу множествомъ различныхъ, красноватыхъ и золото-тканныхъ персидскихъ ковровъ *). Царь сидѣлъ на тронѣ, въ видѣ громаднаго серебрянаго вызолоченнаго кресла, съ такимъ же балдахиномъ, который сверху увѣнчивался драгоцѣннымъ изображеніемъ государственнаго герба, въ видѣ двуглаваго орла. Надъ спинкой царскаго кресла подъ балдахиномъ, помѣщается икона Богородицы въ золотомъ окладѣ съ драгоцѣнными камнями. По бокамъ трона лежали два серебряные льва, съ вызолоченными головами и гривами; въ лапахъ львовъ утверждены высокіе, золоченые стойны, на которыхъ поставлены два изображенія грифовъ: одинъ изъ нихъ держитъ мечъ, а другой державу. Лже-Дмитрій сидитъ на тронѣ въ царскомъ одѣяніи „большаго наряда“, т. е. въ *платнѣ* изъ драгоцѣнной матеріи, обшитомъ широкою каймою изъ золотой парчи, усаженной жемчугомъ и каменьями. На головѣ царя золотая корона, сверкающая драгоцѣнными рубинами, алмазами и яхонтами; въ правой рукѣ его — скипетръ; лѣвую онъ приподнялъ въ поясненіе рѣчи, которую обращаетъ къ посламъ. Налѣво отъ царя, стряпчій держитъ царскій убрусъ (платокъ); а немного далѣе стоитъ князь Шуйскій и держитъ обнаженный государственный мечъ. По правую руку отъ царя, на черномъ бархатномъ креслѣ, сидитъ патріархъ Игнатій, въ черной бархатной рясѣ, обшитой широкой каймою, по разрѣзу и подолу; кайма эта усажена жемчугомъ и каменьями; въ рукѣ патріарха драгоцѣнный посохъ. Неподалеку отъ него—служка съ блюдомъ, на которое положенъ золотой крестъ и поставленъ сосудъ съ Св. водою. Еще правѣе, за патріархомъ, сидятъ архіепископы и архимандриты важнѣйшихъ московскихъ монастырей.

Направо и налѣво, на лавкахъ, около стѣнъ Палаты, сидятъ бояре, въ горлатныхъ высокихъ шапкахъ и золотныхъ кафтанахъ. Передъ ними, въ два ряда, въ такой же одеждѣ, поставлены окольничіе и думные дворяне. На лѣвой сторонѣ, передъ думными дворянами, въ рядъ выстроены полики польской наемной дружины Лже-Дмитрія, въ разноцвѣтныхъ польскихъ кафтанахъ и контушахъ; они держатъ въ рукахъ шапки съ высокими султанами изъ перьевъ.

Противъ трона, въ видѣ почетной стражи, стоятъ четверо *рындъ* (по нынѣшнему, пажей), въ парадномъ шитьѣ, въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, желтыхъ сапогахъ и горностаевыхъ шапкахъ; поверхъ кафтановъ у рындъ надѣты тяжелыя, золотыя цѣпи. На плечахъ рынды держатъ серебряные топоры. Между рындами и рядами думныхъ дворянъ стоятъ два посольскихъ дьяка: они *являютъ* (т. е. представляютъ) посольство государю.

На особомъ креслѣ сидитъ главный польскій посолъ, въ богатѣйшемъ контушѣ, бархатномъ, съ золотымъ шитьемъ и золотыми пуговицами. Поверхъ контуша на немъ накинутъ еще плащъ, со стоячимъ воротникомъ. Въ рукахъ посла — шляпа со страусовыми перьями. Посолъ *сидитъ*, ибо представляетъ собою *особу короля*.

Рядомъ съ посломъ, на особой скамьѣ, сидятъ и другіе два, главные представители посольства (вѣроятно, секретари). Одинъ изъ нихъ, высоко поднимая. на виду держитъ пакетъ, запечатанный огромною, красною печатью и заключающій въ себѣ вѣрительныя грамоты. Лѣвѣе отъ этихъ двухъ членовъ посольства толпою стоятъ дворяне (шляхетство), составляющіе свиту посла. Всѣ они, по обычаю времени, бритые; современная

*) Въ то время техника ковроваго дѣла не достигала еще такого совершенства какъ нынѣ; тканье большихъ ковровъ было невозможно.

Пріемъ поѣзда раненыхъ въ Москвѣ княземъ В. А. Долгоруковымъ во время Русско-Турецкой войны въ 1878 г. (По поводу 25-лѣтія службы князя генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ). Съ акварели акад. К. Трутовскаго (исключ. право воспроизв. принадл. „Нивѣ“). Грав. Ю. Шюблеръ.

мода допускала только напереди головы хохолъ, который отращивался и закладывался за ухо.

Позади свиты стоятъ слуги посольскіе съ подарками, присланными отъ короля Лже-Дмитрію. Эти подарки, насколько ихъ можно разсмотрѣть, представляютъ собою различные предметы для внутреннихъ украшеній дворцовыхъ комнатъ въ видѣ серебропозолоченныхъ кораблей и церквей, съ часами внутри, съ музыкой, съ затѣйливыми пружинными замками. Въ рукахъ другихъ слугъ видимъ громадные серебряные, вызолоченые кубки и чарки столовыя „съ кровлями". Двое слугъ держатъ въ рукахъ золотыя, массивныя цѣпи.

Картина эта, очевидно, писана мастеромъ, который не лишенъ былъ таланта. Ему удалось передать довольно вѣрно характеръ нѣкоторыхъ фигуръ и придать много жизни и движенія толпѣ сидящихъ и стоящихъ бояръ, окольничихъ и думныхъ дворянъ. Онъ съумѣлъ даже довольно естественно выразить высокомѣріе служилыхъ поляковъ, которые стоятъ очень гордо впереди думныхъ дворянъ, съ полнымъ сознаніемъ своихъ заслугъ на службѣ Лже-Дмитрія.

Пріемъ раненыхъ въ Москвѣ княземъ Долгоруковымъ. (Рис. на стр. 865).

Изъ біографическихъ свѣдѣній о князѣ Владимірѣ Андреевичѣ Долгоруковѣ, помѣщенныхъ въ настоящемъ нумерѣ, нашимъ читателямъ извѣстна благотворительная дѣятельность маститаго юбиляра. На стр. 865 мы помѣстили гравюру съ интересной акварели академика К. А. Трутовскаго, изображающей прибытіе одного изъ санитарныхъ поѣздовъ въ Москву, въ 1878 году.

Американскій дворецъ прессы. (Рис. на стр. 868).

Америку безспорно надъ признать страною, которой жители весьма цѣнятъ все чрезвычайное и необыкновенное. Любовь къ выдающемуся проявляется во всѣхъ дѣйствіяхъ твореніяхъ американцевъ. Такъ постройки ихъ нерѣдко бываютъ поистинѣ гигантскими. Однимъ изъ образцовъ такихъ строеній является громадное зданіе, которое построила себѣ американская газета *World*. Оно расположено на углу парка Row и Франкфуртской улицы и занимаетъ площадь всего въ 115 футовъ ширины при 136 футахъ длины. Постройкой завѣдывалъ архитекторъ Джоржъ Б. Постъ, представившій также интересный проектъ зданія для *Times*. Построенное для *World* зданіе далеко превосходитъ своихъ сосѣдей. Всѣхъ этажей, считая въ томъ числѣ и башню, надъ землею возвышается восемнадцать. Наборщики работаютъ въ тринадцатомъ этажѣ подъ плоскою крышею. На этой крышѣ помѣщается художественный отдѣлъ и ресторанъ для служащихъ при газетѣ. Одиннадцать этажей содержатъ сто пятьдесятъ помѣщеній, различныхъ размѣровъ. Башня, болѣе 9 саж. въ поперечникѣ, предназначена для редакціи. Подъ зданіемъ находятся обширные подвалы, въ которыхъ помѣщаются машинное отдѣленіе, экспедиція и складъ бумаги, вмѣщающій до 3000 пудовъ. Все зданіе освѣщается электричествомъ. Шесть подъемныхъ машинъ доставляютъ служащихъ во всѣ этажи: двѣ изъ нихъ доходятъ до тринадцатаго и предназначены для наборщиковъ, а одна—до восемнадцатаго и въ ней подымаются только главные редакторы. Наружный видъ зданія очень красивъ. Вся облицовка изъ краснаго песчанника съ терракотовыми и гранитными украшеніями.

П. И. Супруненко. (Портр. на стр. 869).

Въ ближайшихъ нумерахъ *Нивы* мы намѣрены помѣстить нѣсколько типовъ и видовъ острова Сахалина изъ коллекціи доктора медицины Петра Ивановича Супруненко, проживщаго на Сахалинѣ почти 10 лѣтъ, въ теченіе коихъ П. И. Супруненко, по собственному почину, первый занялся правильнымъ систематическимъ изслѣдованіемъ этого острова въ естественно историческомъ и климатологическомъ отношеніяхъ.

Богатыя коллекціи, собранныя Супруненко и фигурировавшія на тюремной выставкѣ, приносятся имъ въ даръ Академіи Наукъ, въ университеты и различные музеи; многолѣтніе труды уважаемаго доктора, такимъ образомъ, послужатъ цѣннымъ вкладомъ въ науку и главное—совершенно мѣняютъ взглядъ на условія жизни острова Сахалина, до сихъ поръ считавшагося почти невозможнымъ для колонизаціи; по изслѣдованіямъ же доктора Супруненко оказывается, что островъ Сахалинъ въ климатическомъ отношеніи представляетъ страну наиболѣе здоровую и еще мало знакомую съ заразными болѣзнями, а химическіе анализы почвъ, произведенные въ лабораторіи С.-Петербургскаго Университета, подъ руководствомъ профессора Докучаева, показали богатое содержаніе въ нихъ фосфорной кислоты, солей кали и органическихъ веществъ, что даетъ полное основаніе отвести имъ высокое мѣсто въ ряду почвъ Россіи.

Петръ Ивановичъ Супруненко родился въ почтенной дворянской семьѣ, въ деревнѣ Змунчиловкѣ, Ананьевскаго уѣзда, Херсонской губ., 9 октября 1844 г. Окончивъ курсъ Ришельевской гимназіи въ 1861 году, П. И. Супруненко поступилъ на юридическій факультетъ Ришельевскаго лицея; черезъ годъ, почувствовавъ призваніе къ медицинѣ, перешелъ на медицинскій факультетъ въ Кіевскій университетъ, пробывъ въ которомъ годъ, перевелся въ Военно-Медико-Хирургическую Академію, и по окончаніи съ отличіемъ курса академіи, въ 1868 г., поступилъ врачемъ въ 56-й пѣхотный Житомірскій полкъ, откуда вскорѣ былъ назначенъ ординаторомъ въ херсонскій военный госпиталь. Пробывъ тамъ нѣсколько лѣтъ, перешелъ на службу въ Медицинскій департаментъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, выдержалъ экзаменъ на степень доктора медицины и, не защитивъ диссертаціи, получилъ назначеніе уѣзднымъ врачемъ Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губ. Здѣсь, благодаря теплому участію, съ которымъ Супруненко всегда относился къ нуждамъ мѣстнаго населенія, онъ очень скоро завоевалъ симпатіи крестьянъ уѣзда, которые, не смотря на то, что Супруненко не имѣлъ имущественнаго ценза въ уѣздѣ, выбрали его уѣзднымъ, а земское собраніе выбрало губернскимъ гласнымъ и членомъ училищнаго совѣта. Не смотря на сложность своихъ обязанностей, Супруненко, по окончаніи службы въ Олонецкой губерніи, принесъ въ даръ Академіи Наукъ очень интересную коллекцію сиговъ изъ различныхъ озеръ Обонежья и Корелы.

Во время минувшей Турецкой кампаніи П. И. Супруненко былъ командированъ на театръ войны въ Эриванскій отрядъ, по прибытіи къ которому былъ назначенъ главнымъ врачемъ временнаго, № 39 военнаго госпиталя, расположеннаго въ городѣ Алашкертѣ, въ Азіатской Турціи, гдѣ въ то время свирѣпствовала тифозная эпидемія, не пощадившая и главнаго врача. За расформированіемъ этого госпиталя, Супруненко получилъ временный № 40 Кавказскій военный госпиталь, который въ то время былъ расположенъ на русско-турецкой границѣ, на Караванъ-Серайскомъ перевалѣ.

По окончаніи войны, по распоряженію Медицинскаго Департамента, Супруненко былъ прикомандированъ съ научной цѣлью къ Военно-Медико-Хирургической Академіи, гдѣ занимался въ гигіенической лабораторіи профессора Доброславина, результатомъ чего и былъ самостоятельный, солидный трудъ подъ заглавіемъ „Опытныя изслѣдованія надъ озономъ въ примѣненіи его для санитарныхъ цѣлей", представленный какъ диссертація на степень доктора.

Въ 1880 году Супруненко, получивъ степень доктора медицины, уѣхалъ на островъ Сахалинъ тюремнымъ врачемъ; по прибытіи на мѣсто въ томъ же году, онъ, по собственному почину, устроилъ первую метеорологическую станцію на островѣ Сахалинѣ, въ поселеніи Александровскомъ. Въ 1884 году, съ утвержденіемъ новыхъ штатовъ, Супруненко былъ назначенъ завѣдывающимъ медицинскою частью и метеорологическими станціями острова Сахалина. Здѣсь, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, сопряженныхъ съ частыми поѣздками, Супруненко въ теченіе почти 10-ти-лѣтняго пребыванія на островѣ Сахалинѣ, изъѣздилъ его вдоль и поперекъ. Благодаря своей отчасти спеціальности, отчасти сердечности отношенія къ дѣлу, Супруненко пользовался между инородцами острова особенною симпатіею. Обращаясь къ нему за медицинскою помощью, они называли его „большимъ найона шаманомъ" (большой господинъ кудесникъ).

Такимъ образомъ Супруненко является однимъ изъ немногихъ лицъ, коимъ удалось очень хорошо ознакомиться не только съ островомъ, но и съ инородцами населяющими его, съ ихъ бытомъ, религіей, вѣрованіями, обычнымъ семейнымъ правомъ и многими особенностями, которыя представляютъ вымирающее нынѣ племя аиновъ, обитающихъ только на югѣ Сахалина и на одномъ изъ японскихъ острововъ Мацмай—„Iессо".

А. А. Хвостовъ.

Политическое обозрѣніе.

Послѣ блестяще удавшихся маневровъ, побывавъ въ Петергофѣ, императоръ Германскій покинулъ Россію и отплылъ на родину. Ночью, 12 августа, Германскій императоръ, иностранные принцы и германская свита, по прибытіи на кронштадтскій рейдъ, перешли на „Гогенцоллернъ". Въ 12 ч. 15 мин. ночи яхта „Гогенцоллернъ" и за нею „Ирена" оставили кронштадтскій рейдъ. Матросы съ фальшфейерами стояли по стѣнкамъ военной, средней и купеческой гаваней; военный портовый хоръ, стоявшій на стѣнкѣ у брантвахты, при проходѣ „Гогенцоллерна", заигралъ германскій гимнъ, военные паровые катера стояли по фарватеру и жгли фальшфейеры. Въ половинѣ перваго „Гогенцоллернъ" и „Ирена" прошли мимо Либавы, а въ 6 часовъ вечера 13 августа, императоръ Вильгельмъ вышелъ на берегъ въ Мемелѣ и былъ встрѣченъ графомъ Вальдерзе, статсъ-секретаремъ Маршалемъ и мѣстными властями. Этимъ окончилось благополучное путешествіе Германскаго императора въ Россію.

Каковы будутъ послѣдствія свиданія двухъ императоровъ покажетъ будущее, но органы печати наперерывъ другъ передъ другомъ стараются прозрѣть его и переполнены всевоз-

можными предвѣщаніями. Большинство изъ нихъ сводится къ тому, что всеобщій миръ нынѣ обезпеченъ и упроченъ, и за самое вещественное доказательство того берлинская *Allgemeine Reichscorrespondenz* считаетъ пожалованіе германскому имперскому канцлеру ордена Св. Андрея Первозваннаго. Вообще германская печать довольна посѣщеніемъ своего государя Россіи и тѣмъ пріемомъ, какой былъ ему оказанъ нашимъ отечествомъ. За то вѣнская и пештская печать относится съ худо скрытымъ недовольствомъ къ пребыванію императора Вильгельма въ Россіи и въ самообольщеніи утверждаетъ, что никакихъ послѣдствій оно не будетъ имѣть и все останется по старому.

Во Франціи въ политическихъ кругахъ преобладаетъ впечатлѣніе, что нарвское свиданіе было благопріятно сохраненію мира, но что оно не расторгнетъ тройственнаго союза и не ослабитъ неявнаго франко-русскаго соглашенія. *Paix* полагаетъ, что поѣздка императора Вильгельма въ Россію является актомъ несомнѣнно миролюбивымъ. Газета надѣется, что эта поѣздка разсѣетъ существовавшія между обѣими державами недоразумѣнія, но считаетъ невѣроятнымъ, чтобы это повлекло за собою перемѣну въ общемъ направленіи европейской политики. По мнѣнію *Autorité*, положеніе дѣлъ если и измѣнится, то не столько, чтобы Германія порвала свои связи съ тройственнымъ союзомъ. *Soleil* говоритъ, что, какъ доказываетъ статья *Nord*, Россія не отказалась отъ своего сдержаннаго положенія.

Но не только газеты великихъ державъ занимаются истолкованіемъ свиданія двухъ императоровъ. Печатные листки, въ Болгаріи, служащіе офиціозами (?) извѣстной шайки, разсуждаютъ объ этомъ событіи, и, само собой разумѣется, со свойственнымъ имъ задоромъ стараются увѣрить, что никакихъ перемѣнъ поѣздка императора Вильгельма въ Россію въ политическомъ отношеніи имѣть не будетъ, особенно касательно болгарскаго вопроса. О кандидатѣ, пріятномъ Россіи, эти газеты и слышать не хотятъ и съ паѳосомъ объявляютъ, что болгары исполнены рѣшимости защищать „князя“ Фердинанда. „Если миръ дорогъ Европѣ, пишетъ одна изъ такихъ газетъ, — то для Болгаріи дорога свобода и болгарскій вопросъ можетъ принять болѣе серьезные размѣры, чѣмъ это полагаютъ“.

Дальнѣйшее путешествіе Германскаго императора изъ Мемеля въ Берлинъ снова вызвало не мало толковъ. Вмѣсто возвращенія моремъ черезъ Пиллау и Киль, императоръ спѣшно отправился по желѣзной дорогѣ прямо въ Потсдамъ. О причинахъ ускореннаго возвращенія императора офиціально ничего неизвѣстно и никакихъ непредвидѣнныхъ случайностей не было. Возможно, что императоръ до отъѣзда въ Силезію на маневры пожелалъ провести нѣсколько дней со своими дѣтьми, вернувшимися изъ Сассница. По другимъ сообщеніямъ, отъ предполагавшагося вначалѣ возвращенія моремъ императоръ отказался вслѣдствіе непрекращающейся дурной погоды.

Въ *Кельнской Газетѣ* недавно появилась статья, въ которой подвергнута рѣзкой критикѣ политика германскаго правительства. По словамъ газеты, обширный кругъ людей, слѣдя за развитіемъ этой политики, тревожится тѣмъ, что она отличается нерѣшительностью и преувеличеннымъ представленіемъ о достижимыхъ цѣляхъ, чѣмъ и вызываетъ неудовольствіе и огорченіе въ лучшихъ людяхъ. „Политика наша—заключаетъ газета—не имѣетъ твердой прусской энергіи“. Вслѣдъ за тѣмъ и въ мюнхенской *Allgemeine Zeitung* была напечатана статья о существующемъ въ Германіи режимѣ. Статьи какъ *Koelnische Zeitung*, такъ и мюнхенской *Allgemeine Zeitung* произвели въ Берлинѣ очень неблагопріятное впечатлѣніе. Часть тамошней печати старается опровергнуть приводимые названными газетами доводы противъ нынѣшней политики, но при этомъ многія, въ томъ числѣ *National-Zeitung*, вынуждены констатировать, что опасенія, въ родѣ тѣхъ, на которыя указываетъ *Allgemeine Zeitung*, дѣйствительно существуютъ, особенно въ южной Германіи. *Fremdenblatt*, обсуждая статью *Allgemeine Zeitung* о новомъ режимѣ, утверждаетъ, что къ опубликованію этой статьи прикосновенны члены фамиліи князя Бисмарка и выражаетъ мнѣніе, что нападки этой газеты на новое берлинское правительство по меньшей мѣрѣ непріятны баварскому правительству.

Смѣсь.

Интересныя свѣдѣнія сообщаются иностранными газетами объ отношеніяхъ Эминъ-паши къ Гордонъ-пашѣ. Эминъ былъ врачемъ въ египетской арміи съ содержаніемъ въ 25 ф. ст. въ мѣсяцъ, когда, въ 1887 г., получилъ отъ Масонъ-бея порученіе ѣхать въ Хартумъ, къ Гордону, который вѣроятно назначитъ его губернаторомъ г. Массовы, благодаря его знанію французскаго языка. Гордонъ принялъ Эмина очень любезно, пользовался его услугами для своей корреспонденціи и наконецъ сказалъ ему однажды:

— Эминъ, вы нравитесь мнѣ; я сдѣлаю васъ своимъ секретаремъ.

Эминъ: Вы очень добры.

Гордонъ: Согласны вы принять эту должность?

Эминъ: Не знаю; дайте мнѣ подумать до завтра.

На другой день, Эминъ былъ занятъ по обыкновенію корреспонденціей, когда Гордонъ спросилъ его:

— Ну, д-ръ Эминъ, каковъ вашъ отвѣтъ?

— Я надѣюсь, вы не будете претендовать на меня; я готовъ дѣлать все что́ вамъ угодно, но только не быть вашимъ секретаремъ.

— Какъ, вы не хотите быть моимъ секретаре́мъ? Да это лучшій постъ во всемъ Суданѣ, послѣ поста генералъ-губернатора. Вы будете жить у меня во дворцѣ. Почему вы отказываетесь?

— Я имѣю частныя причины, которыя не могу сообщить вамъ.

— Вы обязаны сказать ихъ мнѣ.

— Я бы предпочелъ умолчать, но если вы приказываете, я буду повиноваться.

— Въ такомъ случаѣ я приказываю вамъ.

— Я охотно служу вамъ и глубоко уважаю васъ, но не желалъ-бы имѣть никакого дѣла съ вашими подчиненными. Мнѣ пришлось-бы сталкиваться съ людьми, которыхъ я не могу уважать; съ вашимъ арабомъ-переводчикомъ, котораго я считаю негодяемъ; съ вашимъ докторомъ-грекомъ, который завѣдомо занимается предосудительными дѣлами; съ....

Гордонъ (гнѣвно): Какъ вы смѣете говорить мнѣ это!

Эминъ: Вы сами приказали мнѣ. Въ качествѣ вашего секретаря меня постоянно преслѣдовали бы люди, которые, желая воспользоваться моимъ вліяніемъ на васъ, старались бы подкупить меня. Въ одинъ прекрасный день вы бы услышали, что я принялъ взятку и вы первый, не выслушавъ меня, не сказавъ мнѣ ни слова, осудили-бы меня. Нѣтъ, я не могу принять этой должности, дайте мнѣ другую работу.

Гордонъ: Развѣ вы бы не могли тотчасъ сказать мнѣ, когда вамъ предложили бы взятку?

Эминъ: Это было бы не честно въ странѣ, гдѣ взятки въ порядкѣ вещей. Я не желаю быть доносчикомъ; пошлите меня въ другое мѣсто.

Гордонъ: Хорошо; можете идти.

Эминъ ушелъ и хотя продолжалъ обѣдать за столомъ Гордона, но тотъ такъ мало обращалъ на него вниманія, что Эминъ наконецъ потребовалъ объясненія.

Эминъ: Вы сердитесь, потому что я воспользовался своимъ правомъ отказа и, на ваше категорическое требованіе, высказалъ вамъ всю правду. Или дайте мнѣ занятіе, или отпустите меня на родину.

Гордонъ: Хорошо, вы получите занятіе.

Гордонъ предложилъ ему Уніоро и далъ сорокъ фунтовъ стерлингъ на дорогу, сказавъ что остальное онъ найдетъ на станціяхъ. Однако Гордонъ все еще не совсѣмъ примирился съ Эминомъ. Когда послѣдній сталъ просить у него писемъ на станціи — Гордонъ отказалъ, такъ какъ иначе ему пришлось бы нести отвѣтственность за всѣ случайности, которымъ могъ подвергнуться Эминъ въ странѣ Каббарега.

Эминъ: Однако-же вы посылаете меня туда, паша!

Гордонъ: Нѣтъ, я не посылаю васъ офиціально.

Такимъ образомъ Эминъ отправился въ Уніоро, оттуда въ Уганду и потомъ, въ качествѣ генералъ-губернатора, въ экваторіальныя провинціи съ 50 фунтами стерлингъ мѣсячнаго содержанія. Оттуда, въ виду печальнаго состоянія мѣстнаго земледѣлія, онъ обратился къ Гордону за сѣменами. Гордонъ отвѣчалъ:

— Я послалъ васъ губернаторомъ, а не садовникомъ.

Впослѣдствіи Эминъ просилъ выслать фотографическій аппаратъ, который безъ употребленія лежалъ въ Хартумѣ.

— Я послалъ васъ губернаторомъ, а не фотографомъ, былъ отвѣтъ Гордона.

Изъ предъидущаго можно заключить, что Эминъ не былъ тѣмъ безхарактернымъ человѣкомъ, какимъ выставляетъ его Станлей. Онъ рѣшился противиться могущественному Гордону и противъ его совѣтовъ отправиться въ Уніоро. Достоенъ замѣчанія еще одинъ случай изъ отношеній Эмина къ Гордону. Однажды они гуляли, дружески разговаривая, какъ вдругъ Гордонъ удивилъ его возгласомъ: „Перестаньте говорить „Stop talking!“ Эминъ принялъ это въ предостереженіе отъ какой либо опасности; но такъ какъ онъ не видѣлъ ея, то попробовалъ заговорить еще раза два, однако получалъ все тотъ же короткій, ворчливый отвѣтъ. На другой день Гордонъ спросилъ его: — Вы были очень удивлены вчера, когда я приказалъ вамъ молчать?

Эминъ: Да, дѣйствительно, меня это нѣсколько удивило.

Гордонъ: Я молился и вашъ разговоръ мѣшалъ мнѣ. Отчего-жъ вы не спросили меня о причинѣ такого запрещенія?

Если сравнить все, что́ извѣстно о личныхъ качествахъ Станлея, Гордона и Эмина, то Эминъ является самымъ простымъ, вѣжливымъ и разумнымъ изъ нихъ.

Гордонъ во всякомъ случаѣ одинъ изъ величайшихъ чудаковъ, которыми такъ богата Англія. Одна изъ его странностей, недавно обнародованная, заключается въ томъ, что онъ отказался отъ поста секретаря лорда Рипона, вице-короля Индіи, единственно потому, что ему приходилось каждый день являться во фракѣ. Таково объясненіе факта, до сихъ поръ покрытаго величайшей таинственностью. Что касается до странностей Станлея, то онѣ не подлежатъ сомнѣнію. (с.)

Новая картина Рембрандта, пейзажъ съ мельницей, помѣченная 1627 годомъ, найдена въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Она нѣкогда принадлежала герцогу Намурскому. (в.)

Двѣ гигантскія могилы находятся на кладбищахъ деревень Васькова и Сидорки, подъ Рославлемъ. Что въ нихъ заключается — неизвѣстно. Но о происхожденіи ихъ, по словамъ смоленской газеты, между мужиками существуетъ такое любопытное повѣрье. Въ старину въ деревняхъ этихъ жили два богатыря. Разъ они за что-то поссорились, начали бросать другъ въ друга камни на пятиверстномъ разстояніи, попали одновременно и оба упали мертвые; они-то и похоронены въ этихъ могилахъ. (в.)

Курьезная эпитафія приведена въ *Русской Старинѣ*. Эпитафія высѣчена на одной изъ плитъ казанскаго кладбища, очень старыхъ, и гласитъ слѣдующее: „Мимо идущіе люди, братіе мои! Помолитесь Вседержителю Богу о моей грѣшной и окаянной душѣ, ибо она. пребывая въ моемъ тучномъ тѣлѣ, зѣло жадна была до питія хмѣльнаго и ястія съѣдобнаго, а сіе привело мое тѣло къ боли (болѣзни) и напрасной (внезапной) смерти, хотя по тѣлу моему я чаялъ прожить еще годковъ двадцать“. (в.)

Орудія мѣднаго вѣка недавно открыты въ Богодуховскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., верстахъ въ двухъ отъ села Колонтаева. Проходя мимо песчанаго бугра близъ рѣчки, крестьянинъ увидѣлъ какую-то вещь въ родѣ топора изъ мѣди, причемъ замѣтилъ, что въ топорѣ была вдѣлана ручка, отпечатокъ которой виднѣлся на землѣ. Крестьянинъ сталъ рыть песокъ и открылъ еще двѣнадцать такихъ-же сѣкиръ, которыя вѣсятъ отъ $2^1/_4$ до $2^3/_4$ фунт. (в.)

Манна. Верстахъ въ 50 отъ Дубовки, посада Саратовской губерніи, въ окрестностяхъ одного села на поляхъ оказалась выпавшая манна. Это сѣрые кудреватые мягкіе кусочки вещества, въ сыромъ видѣ совершенно безвкуснаго. Крестьяне варили изъ него кашу, и она вкусомъ походила на манную. (в.)

Число судей въ Россіи, по свѣдѣніямъ министерства Юстиціи, простирается до 8,769 на всемъ пространствѣ Европейской Россіи и Кавказа, считая судей разныхъ инстанцій, отъ сенаторовъ и до мировыхъ и гминныхъ судей. Если считать населеніе Россіи въ 99.140,000 чел., то одинъ судья приходится на 11,362 чел. или на 19,950 чел., если изъ общаго числа судей исключить почетныхъ мировыхъ судей. (в.)

Гробница изъ бѣлаго камня съ надписью на стѣнѣ „Мощи Святаго епископа Луки владимірскаго“ не такъ давно найдена во время реставраціи Владимірскаго Успенскаго собора, построеннаго Андреемъ Боголюбскимъ. Коммиссія Археологическаго общества признала лицевыя изображенія и орнаменты, открытые въ этомъ храмѣ, относящимися къ XII вѣку и исполненными греческими художниками. (в.)

Американскій „Дворецъ прессы“.

Аппаратъ для сигнализаціи и разговора съ любаго мѣста желѣзнодорожнаго пути со станціями, въ которомъ ощущалась такая потребность, недавно изобрѣтенъ техникомъ Захаровымъ. (в.)

Интересная находка сдѣлана недавно на одной изъ дачъ въ Петергофѣ, при земляныхъ работахъ. Найдено нѣсколько такъ-называемыхъ громовыхъ стрѣлъ (фульгуритовъ), соединенныхъ между собою звѣздообразно. Эти стрѣлы поступили въ геологическое отдѣленіе Петербургскаго общества естествоиспытателей. (в.)

Сокровища Югурты, нумидійскаго царя, открыты недавно въ Алжирѣ, близъ Константины, на землѣ одного араба. Найдены діадема, золотые сосуды и проч. (в.)

Наслѣдство Тургенева. По словамъ *Орловскаго Вѣстника* передающаго еще не бывшія въ печати подробности объ имуществѣ Ив. Серг. Тургенева, послѣ него осталось 1,100 десятинъ земли въ Мценскомъ уѣздѣ при селѣ Спасскомъ, Лутовино тожь, съ жилыми и разными сельскохозяйственными постройками. Все имѣніе оцѣнено судебнымъ приставомъ въ 165,000 р. Мценской земской управою доходность десятины земли въ имѣніи опредѣлена въ 2 р. 58 к. За исключеніемъ изъ 165,000 руб. 30,000 руб. полуимперіалами (что по курсу составляетъ 46 тысячъ рублей съ чѣмъ-то, кредитныхъ), слѣдуемыхъ г-жѣ Полинѣ Віардо-Гарсіа, по сохранной росписке, выданной Иваномъ Сергѣевичемъ 22 января (3 февраля) 1880 года, остальное имущество перешло къ г-жамъ Сухотиной и Галаховой, которыя приходятся родственницами Тургеневу по матери. (в.)

Рѣдкіе старинные комнатные часы пріобрѣтены недавно англійскими купцами въ Петербургѣ за 1,200 рублей. Часы, подъ названіемъ „Kartel“, какъ видно изъ сдѣланныхъ на нихъ французскихъ надписей, были изготовлены въ Парижѣ, но спеціальному заказу французскаго короля Людовика XV, и предназначены были имъ въ подарокъ знаменитой куртизанкѣ Дюбарри. (в.)

Кладъ изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ: Токтогу, Узбека, Джанибека, Бардибека, Кульна, Наурузи, Хызра, Ордумелика и Мюрада, найденъ близъ Горокъ, Спасскаго уѣзда. Всѣхъ монетъ въ кладѣ—185 штукъ. (в.)

Средство противъ долгоносика (куркульона), принадлежащаго къ серьезнымъ врагамъ садоводства, сообщается въ одномъ изъ нашихъ спеціальныхъ изданій, на основаніи опытовъ произведенныхъ обществомъ садоводства департамента Роны во Франціи. Средство заключается въ слѣдующемъ. Берутъ штофъ крѣпкаго уксуса и разбавляютъ его десятью штофами воды. Этой смѣсью опрыскиваютъ плодовыя деревья и вообще растенія, которыя одолѣваются долгоносиками. Опрыскивать надо ежедневно въ началѣ

цвѣтенія деревьевъ и по окончаніи его. Долгоносики не выносятъ запаха уксуса и гибнутъ отъ него. Въ завязяхъ плодовыхъ деревьевъ, опрысканныхъ растворомъ уксуса, не было уже найдено яичекъ долгоносика. Зеленымъ частямъ растенія этотъ растворъ не приноситъ ни малѣйшаго вреда. (в.)

Древность малороссійскаго табаководства. Вопреки распространенному мнѣнію, будто до 1560 года табакъ не былъ извѣстенъ въ Европѣ, одно изъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ изданій утверждаетъ, что видъ этого растенія Nicotiana rusticum, распространенный въ Малороссіи подъ названіями махорки, простаго табака, бакуна, русско-самарскаго табака и проч., культивировался въ бывшей казацкой землѣ за долго до открытія Америки. Авторъ статьи, г. Котельниковъ приводитъ историческія справки, изъ которыхъ видно, что табакъ въ Малороссіи былъ распространенъ весьма сильно уже въ половинѣ XVI-го вѣка, и что хохлы получили впервые это зелье отъ крымцевъ и турокъ, или даже отъ монголовъ центральной Азіи, во время нашествія ихъ подъ предводительствомъ потомковъ Чингисхана на южную Русь. Послѣднее мнѣніе г. Котельниковъ считаетъ гораздо правдоподобнѣе того мнѣнія, будто табакъ, распространенный въ Малороссіи уже въ 1560 году такъ же какъ теперь, попалъ туда изъ Америки, откуда онъ въ Европу привезенъ впервые въ 1560 г., а культивироваться началъ лишь въ 1610 г., въ Голландіи. (в.)

Д-ръ П. И. Супруненко. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Месть репортера. Среди нашихъ репортеровъ мало-по-малу начинаютъ прививаться американскіе нравы. Въ одномъ изъ московскихъ изданій репортеръ помѣстилъ замѣтку о „кровавомъ самосожженіи посредствомъ керосина“. Въ то время когда онъ это строчилъ въ редакціи, въ комнату вошелъ репортеръ другой газетки. Потихоньку, изъ-за спины собрата, увлекшагося ужасами сообщенія, онъ вычиталъ, гдѣ все это случилось, быстро ретировался, отправился по адресу, а затѣмъ въ свою редакцію и повѣдалъ еще болѣе краснорѣчиво о случившемся. Тогда первый репортеръ придумалъ слѣдующее. Во время визита конкурента-репортера, онъ написалъ: „страшное убійство въ селѣ Гальяновѣ“. Репортеръ конкурентнаго органа снова „воззрился“ и, прочитавъ первыя строки, полетѣлъ въ Гальяново за девять верстъ. Но, увы и ахъ, убійства здѣсь не произошло никакого. Репортеръ отомстилъ хорошо: потому что конкурентъ проѣхался на извозчикѣ восемнадцать верстъ—потерялъ и время и деньги. (в.)

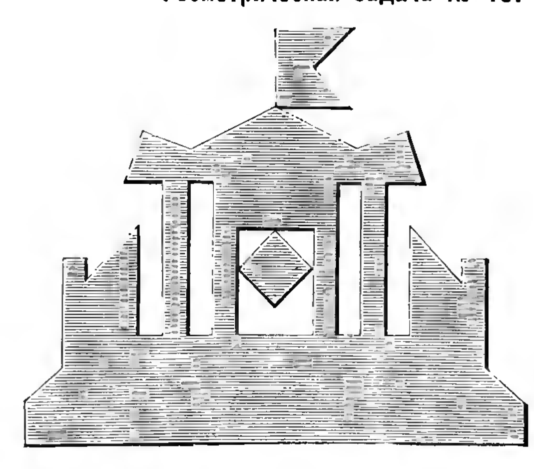
Легенда о скорой кончинѣ міра новѣйшаго сложенія разсказана въ *Смоленскомъ Вѣстникѣ*. Она сильно распространена среди смоленскихъ крестьянъ и передается такъ: „Разъ одинъ изъ крестьянъ пахалъ поле и тутъ явилось ему видѣніе: изъ лѣсу вышла женщина и сначала долго стояла и смотрѣла, какъ трудится мужикъ надъ своимъ полемъ. Потомъ, показалось ему, что женщина манитъ и зоветъ его къ себѣ. Мужикъ сначала оторопѣлъ, но потомъ, собравшись съ духомъ, пошелъ на зовъ. „Присядь здѣсь, мужикъ“—сказала женщина. Мужикъ присѣлъ. „Знаешь что, мужичекъ,—продолжала женщина—много нынѣшній годъ уродилось и плодовъ, и хлѣба, и ягодъ, только кто-то будетъ убирать ихъ послѣ Петрова дня. Замѣть это хорошенько, да гляди, мужичекъ, никому не сказывай, что я тебѣ говорила“.—И женщина скрылась. Только не утерпѣлъ мужикъ, возьми, да и проговорись бабамъ, что видѣлъ, молъ, видѣніе на полѣ. Ну бабы и пристали: „разскажи да разскажи“, а ужъ извѣстно, коли баба пристанетъ, такъ отъ нея ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаешься. Взялъ мужикъ, да и сказалъ. Только какъ разсказалъ онъ это бабамъ, такъ тутъ-же и онѣмѣлъ—языкъ, значитъ, у него отнялся“. Вѣроятно, оттого, что онъ разсказалъ тайну, свѣтопреставленія и не послѣдовало. Легенда имѣетъ нѣсколько варіантовъ. (в.)

Зейбеки. Въ отрывкѣ изъ путевыхъ записокъ, веденныхъ имъ во время пребыванія въ Малой Азіи, напечатанномъ въ одномъ изъ

ежемѣсячныхъ изданій, г. Тепловъ знакомитъ насъ съ зейбеками. На улицахъ города Айдина, славящагося красотою своихъ женщинъ, встрѣчаются воинственнаго вида личности, которыя по своей одеждѣ и обычаямъ рѣзко отличаются отъ остальнаго населенія: это—зейбеки, составляющіе особую общину, имѣющую своихъ начальниковъ и свои особыя правила. Костюмъ ихъ невольно бросается въ глаза: бѣлыя шаровары ихъ подобраны очень высоко и оставляютъ ноги голыми; на головѣ высокія чалмы, совсѣмъ особенной формы, и за широкимъ поясомъ цѣлый арсеналъ оружія: по нѣскольку ятагановъ, кинжаловъ, пистолетовъ; тутъ-же заткнута и трубка, и желѣзные щипцы для угольевъ. Зейбеки—торговцы и въ особенности хорошіе проводники каравановъ: отъ нихъ невозможно добиться никакихъ свѣдѣній объ ихъ происхожденіи; они сами не знаютъ, почему они называются зейбеками, но, судя по чертамъ ихъ лица и по ихъ обычаямъ, не подлежитъ сомнѣнію, что они не принадлежатъ къ оттоманской народности. Живутъ они въ деревняхъ, разбросанныхъ въ горахъ Тмола и Месогиса, и составляютъ, по всей вѣроятности, остатки древнихъ народовъ, первоначальныхъ обитателей этихъ горъ. Быть-можетъ зейбеки были первыми основателями Траллъ. По крайней мѣрѣ, Страбонъ говоритъ (кн. XIV), что городъ этотъ былъ основанъ ѳракійцами, которые имѣли обыкновеніе предлагать свои услуги тѣмъ, кто искалъ наемныхъ убійцъ. Когда древніе тралліоты не находились въ войскахъ какого нибудь владѣтеля, то занимались разбоемъ; въ наше время зейбеки отличаются тѣми-же качествами, и греки трепещутъ при ихъ имени. Въ 1877 г. зейбеки были призваны на помощь турецкимъ войскамъ во время русско-турецкой войны, но пользы никакой не оказали, отличившись лишь страшными безчинствами, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Болгаріи, гдѣ они входили въ составъ отрядовъ башибузуковъ и неистовствовали надъ беззащитными христіанами. (в.)

Персидскіе сектанты въ Закавказьи. Въ послѣднее время на Кавказъ и въ Закаспійскую область стало переселяться изъ Персіи много сектантовъ, такъ-называемыхъ бабидовъ. Въ одной изъ книжекъ *Историческаго Вѣстника* г. Уманецъ помѣстилъ по этому поводу очеркъ названной секты, весьма интересной и представляющей много симпатичныхъ сторонъ. Исторія последователей ученія Баба полна глубокаго трагизма; первые прозелиты ея подвергались страшнымъ мученіямъ, а нынѣ претерпѣваютъ гоненія въ Персіи, настолько серьезныя, что принуждены, покинувъ родину, искать убѣжища на югѣ Россіи. Въ Кавказскомъ краѣ бабиды имѣютъ двѣ молельни въ Ленкоранскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, и собираются еще открыть молельни въ Нухинскомъ уѣздѣ, и въ самой Нухѣ, Елизаветпольской губерніи. Стремленія этой секты возвышенно и рѣзко отличаются отъ узкаго мусульманскаго фанатизма и нетерпимости, причемъ бабизмъ является попыткою произвести реформу въ магометанствѣ въ отношеніи религіи и въ отношеніи общественнаго строя. Страстные поклонники вѣры по духу, а не по буквѣ, и непримиримые враги рутины, господствующей въ мусульманскомъ пониманіи религіи и нравственности, бабиды смѣло критикуютъ Коранъ Мухаммеда, называютъ все въ природѣ чистымъ, вопреки ученію ислама, считающаго многіе предметы нечистыми (вино, свинина, собака, невѣрный и т. д.), учатъ любви къ ближнему, чѣмъ подрывается магометанскій фанатизмъ, и проповѣдуютъ принципы братства и милосердія. Этимъ бабизмъ, также какъ породившій его суфизмъ, приближается, до нѣкоторой степени, къ евангельскому ученію, вслѣдствіе чего онъ, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ служить переходной ступенью отъ ислама къ христіанству, которое бабиды высоко чтутъ, радуясь, когда на ихъ молитвенныя собранія въ Асхабадѣ заходятъ иногда христіане. Стремленія бабидовъ къ реформамъ внутренняго строя магометанства, ихъ ученіе объ одноженствѣ, о равноправности супруговъ, о сближеніи съ христіанами,—можетъ имѣть несомнѣнную пользу въ темной массѣ нашихъ мусульманъ, и вообще бабизмъ является въ высшей степени полезнымъ и освѣжающимъ элементомъ въ средѣ закавказскихъ мусульманъ, внося съ собою въ ихъ обособленный міръ цивилизующія и человѣчныя начала. (в.)

Геометрическая задача № 49.

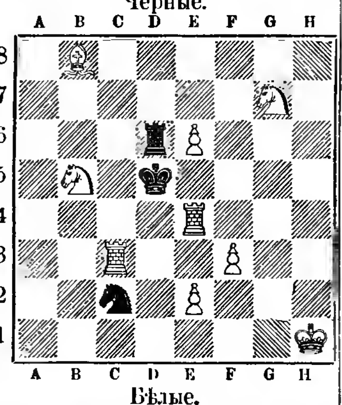


Предлагаемую фигуру разрѣзать прямыми линіями на части, изъ которыхъ составить фигуру Пиѳагоровой теоремы.

Шахматная задача № 50.

Г. Г.

Черные.



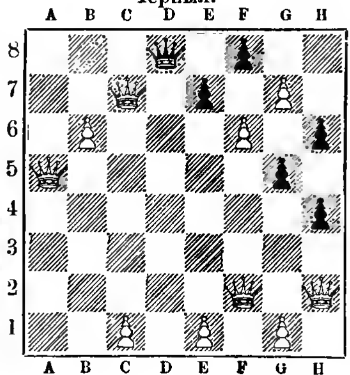
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Шашечная задача № 51.

И. В. Панкова.

Черныя.

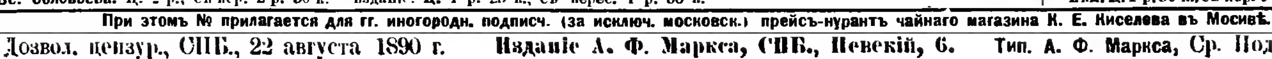


Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ.

Ребусъ. Задача № 52.

Издатель А. Ф. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.



НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. *Марлитта.* Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписч. (за исключ. московск.) прейсъ-курантъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ., 22 августа 1890 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.